Журн. 211

НОЯБРЬ. 1906.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Б 11

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1906.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—65 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

СОДЕРЖАНІЕ:

		стран.
1.	**Непреклонный іерей.** *И. Потапенко.*	1— 34
2.	**Въ дисциплинарномъ баталіонѣ.** *Виктора Шпанеца*	35— 75
3.	**Пѣсня ночи.** Стихотвореніе *А. Микульчика.*	75
4.	**Побѣгъ.** Повѣсть. *Вацлава Сѣрошевскаго.* Продолженіе	76—106
5.	**Къ вопросу о соціалистической программѣ.** *Александра Щ—ва.*	107—137
6.	**Про войну.** *С. Елпатьевскаго*	138—151
7.	**Инсургентъ 1871 г.** Романъ. *Жюля Валлэса.* Переводъ съ французскаго Я. А. Глотова. Продолженіе	152—190
8.	**Встрѣча.** *Ѳ. Крюкова.*	191—202
9.	**По роднымъ мѣстамъ** (Изъ наблюденій бывшаго депутата). *С. А—на.*	1— 20
10.	**Русская революція и польскіе національ-демократы.** *Станислава Бржозовскаго.*	21— 42
11.	**Радикализмъ передъ судомъ соціализма** (Письмо изъ Франціи). *Н. Е. Кудрина.*	42— 79
12.	**Отлученные и озлобленные.** *А. Петрищева.*	80—116
13.	**Литературные наброски.** *А. Е. Рѣдько.*	116—142
14.	**Новыя книги:** С. Я. Надсонъ. Стихотворенія. — Владиміръ Шуфъ. Въ край иной...—Гуго фонъ-Гофманстальъ. Драмы.—Ф. А. Львовъ. Лиходѣи бюрократическаго самовластія.—В. А. Келтуяла. Курсъ исторіи русской литературы.—С. Люблинскій. Итоги современнаго искусства.—Петръ Вейнбергъ. Страницы изъ исторіи западныхъ литературъ.—	

(*См. на оборотѣ*).

СТРАН.

Д-ръ Н. Баженовъ. Психологія казнимыхъ.—Ѳ. Е. Рыбаковъ. Границы психическаго здоровья и помѣшательства.—Политическая энциклопедія подъ редакціей Л. З. Слонимскаго.—Государственный строй и политич. партіи въ З. Европѣ и С.-Ам. Соединенныхъ Штатахъ.—Русскія партіи, союзы и лиги.—Сборникъ, составленный В. Ивановичемъ.—Новыя книги, поступившія въ редакцію . . . . . 142—172

15. **«Очень просто».** *П. Я. Рысса.* . . . . . 173—181
16. **Разрушеніе общины и общей семейной собственности** (Указъ 9 ноября 1906 г.). *А. Леонтьева.* . . 181—190
17. **Политика:** Программа новаго французскаго кабинета.—Новое министерство труда. — Церковный вопросъ въ палатѣ.—Законодательные выборы въ Соединенныхъ Штатахъ. *С. Южакова.* . . . . . 191—200
18. **Наброски современности.** V. О к.-д. публицистахъ и о к.-д. тактикѣ. *В. Мякотина.* . . . . . 200—210
19. **«Вынужденный отвѣтъ».** *Л. И. Бродскаго.* . . . . 210—217
20. **Еще о мытарствахъ села Лебедина** (По поводу „вынужденнаго отвѣта“ г. Бродскаго). . . . . 217—223
21. **Отчетъ конторы редакціи.**
22. **Объявленія.**

НЕПРЕКЛОННЫЙ ІЕРЕЙ.

I.

Бурячковскій батюшка, отецъ Станиславъ Войтковскій, на своей трясучей и скрипучей таратайкѣ ѣхалъ въ сосѣднее село Бышихино. Онъ торопился, потому что боялся опоздать къ вечернѣ.

Бышихинскій настоятель, о. Платонъ, утромъ прислалъ ему записку: „Любезный и дорогой отецъ Станиславъ! Завтра, какъ ты самъ знаешь, въ нашей Бышихинской церкви храмовой праздникъ. И, какъ тебѣ тоже небезызвѣстно, всѣ твои бурячковцы будутъ у обѣдни здѣсь. А посему они ничего не потеряютъ, ежели ты прибудешь къ намъ съ вечера, и мы совершимъ нынче литію, а завтра литургію соборне. Такое же приглашеніе посылаю о. Кузьмѣ, въ село Пузыри, и надѣюсь, что и онъ внемлетъ моей мольбѣ, и выйдетъ торжественная служба. Сердечно приглашаю также и матушку, Марину Игнатьевну, коей низко кланяюсь. Кстати потолкуемъ касательно недавняго посѣщенія о. благочиннаго и сопряженныхъ съ нимъ дѣйствій. Твой товарищъ и другъ Платонъ Немоенко".

И вотъ это „кстати" болѣе всего интересовало о. Станислава. Послѣднее посѣщеніе благочиннаго его самого поставило въ тупикъ. Однако, насчетъ „сопряженныхъ съ нимъ дѣйствій" о. Станиславъ имѣлъ твердое убѣжденіе. И ему показалось страннымъ, что у другого могли быть какія-то сомнѣнія, такъ что онъ находилъ нужнымъ еще толковать.

Онъ, правда, и безъ этого поѣхалъ бы въ Бышихино. Въ самомъ дѣлѣ, въ храмовой праздникъ всѣ бурячковцы, навѣрно, пойдутъ въ гости къ Бышихинцамъ, и у него въ церкви, не смотря на праздникъ Спаса, будетъ двадцать душъ.

Къ тому же, съ о. Платономъ они школьные товарищи, вмѣстѣ начали и вмѣстѣ кончили курсъ семинаріи семь лѣтъ тому назадъ. Какъ же не сдѣлать ему удовольствія? А еще

пріѣдетъ о. Кузьма,—онъ тоже товарищъ, хотя и кончилъ годомъ позже, такъ какъ оставался гдѣ-то на второй годъ.

До Бышихина было разстоянія четырнадцать верстъ. А солнце было уже на склонѣ. Поэтому о. Станиславъ подгонялъ работника, чтобы ѣхалъ скорѣе, и все посматривалъ на часы.

Было уже половина пятаго, когда изъ-за пригорка вдругъ выползло все село Бышихино—съ церковью, съ хатами, съ садочками и съ широкимъ отавкомъ, который питался отъ Днѣпра.

„Ну,—подумалъ о. Станиславъ,—раньше пяти не начнетъ: поспѣю.“—И онъ успокоился и пересталъ подгонять работника.

Лицо у него было необыкновенно смуглое, за что въ семинаріи еще его звали „цыганомъ“. Недлинная, но очень густая борода, густыя, тоже недлинныя кудри были черны, какъ смола. И глаза у него были черные, но въ нихъ не было обычной для этого цвѣта жесткости, взглядъ ихъ былъ нѣсколько безпокойный, но мягкій. Эти глаза всегда казались думающими, ихъ выраженіе часто мѣнялось, особенно когда о. Станиславъ съ кѣмъ-нибудь разговаривалъ. Это были въ высшей степени живые глаза.

Таратайка, минуя камыши, густо росшіе по болотистому берегу отавка, по пыльной, мягкой дорогѣ въѣхала въ село. Собаки выбѣжали изъ дворовъ, нѣкоторое время, какъ бы по обязанности, провожали лаемъ таратайку, потомъ отставали, а провожали ее уже другія, слѣдующія. Вотъ церковь, а вотъ и церковный домъ.

О. Платонъ вышелъ навстрѣчу радостный и довольный. Его видимо очень занимала мысль о соборномъ служеніи.

— Вотъ хорошо, что пріѣхалъ,—говорилъ онъ, чуть не стаскивая о. Станислава съ таратайки.—Хотя я зналъ, что ты пріѣдешь... Вотъ о. Кузьма что-то не того... не торопится... А жаль... Втроемъ оно торжественнѣе было бы...

Они были очень различны не только по цвѣту лица и волосъ (о. Платонъ былъ чистѣйшій блондинъ, и такіе у него были золотисто-свѣтлые волосы, что казалось, будто они лучились), а и по фигурѣ, и по манерамъ. О. Станиславъ былъ довольно высокъ, худощавъ и подвиженъ, говорилъ баскомъ, отрывисто, скоро, иногда запинаясь. Отецъ же Платонъ имѣлъ уже обнаружившуюся склонность къ полнотѣ, и его молочныя щеки были какія-то пухлыя. Двигался онъ не спѣша, какъ-то разсудительно дѣлая каждый шагъ, говорилъ пріятнымъ теноромъ, слегка нараспѣвъ.

— Ну, что же благочинный тебѣ тутъ пѣлъ?—спрашивалъ

о. Станиславъ, когда они вошли въ ограду и приближались къ дому.

— Да, должно быть, то же, что и тебѣ, сказалъ о. Платонъ, стараясь придать своимъ мало выразительнымъ глазамъ оттѣнокъ хитрости.—Я думаю, всѣмъ онъ одну пѣсню пропѣлъ... Да, загвоздилъ... Надо потолковать...

— Что же и толковать-то? Вздоръ онъ говорилъ... Дѣло ясное!—отвѣтилъ о. Станиславъ.

— Да оно, можетъ, и вздоръ, а только сей вздоръ исходитъ изъ самыхъ архіерейскихъ палатъ, слѣдственно—съ нимъ надлежитъ обращаться почтительно...

— Ужъ не знаю, какъ это и сдѣлать. Непониманіе... Они дѣла не видятъ и не понимаютъ. И требуютъ отъ насъ невозможнаго.

— Да ужъ потолкуемъ вечеромъ... Я утреню распорядился завтра служить,—это чтобы намъ съ тобой сегодня поужинать не грѣхъ было... Вотъ, слышишь: звонъ. Я приказалъ звонить къ вечернѣ, когда ты пріѣдешь. Жаль, что о. Кузьмы нѣтъ. Вотъ съ нимъ потолковать сугубо пріятно. Онъ мудрый; сейчасъ это что-нибудь такое найдетъ—и Богу, и мамонѣ...

Въ домѣ имъ навстрѣчу вышла матушка, по наружности очень подходившая къ о. Платону, такая же пухлая и медлительная, какъ онъ. Она разсыпалась въ любезностяхъ и укоряла о. Станислава за то, что онъ не привезъ свою попадью.

— Завтра прибудетъ,—успокоилъ ее о. Станиславъ:—младенецъ вѣдь у нея, надолго не отпускаетъ...

— Вотъ не видалъ твоего новорожденнаго!—сказалъ о. Платонъ:—такой-же черный, какъ ты?

— Да, такой же самый. Навѣрно, въ семинаріи тоже „цыганомъ“ будутъ звать.

У о. Станислава было двое дѣтей: пятилѣтняя дочка и недавно родившійся сынъ. Отецъ же Платонъ уже теперь, послѣ семилѣтняго состоянія въ бракѣ, имѣлъ пятерыхъ. Матушка его была склонна къ большому потомству.

Когда батюшки опять вышли изъ дома и направились къ церкви, раздался трезвонъ. Народъ собирался въ церковь. Но батюшки прошли въ алтарь особымъ ходомъ.

Началась вечерня. Служилъ о. Платонъ съ своимъ дьякономъ. О. Станиславъ стоялъ въ алтарѣ въ ожиданіи литіи. На клиросѣ не особенно стройно пѣлъ хоръ изъ деревенскихъ любителей, собравшійся, впрочемъ, въ маломъ составѣ.

Но молитвенное не шло въ голову о. Станислава. Онъ думалъ о предстоящемъ вечеромъ „толкованіи“ по поводу посѣщенія благочиннаго „и сопряженныхъ съ нимъ дѣйствій“. Въ рѣчахъ о. Платона слышалось, что, дѣйствительно,

могутъ быть разныя толкованія. А онъ никакъ этого не предполагалъ.

А между тѣмъ, онъ считалъ о. Платона своимъ единомышленникомъ. Правда, основанія для этого были очень давнія. Они были единомышленниками въ семинаріи, увлекались однѣми и тѣми же книгами и одинаково смотрѣли на предстоящую пастырскую дѣятельность.

Съ тѣхъ поръ прошло семь лѣтъ; они были все это время сосѣдями по приходамъ, но какъ-то не было ни разу случая провѣрить былое „единомысліе“. Жизнь текла вяло, подобно нѣкоей сѣрой жидкости. Совершали разъ навсегда заведенными способами приходскія обязанности, а когда изрѣдка пріѣзжали другъ къ другу въ гости, то говорили о текущихъ сѣрыхъ дѣлахъ своей сѣрой жизни, которыя не давали никакихъ поводовъ для разномыслія.

И вотъ пришло новое время, совсѣмъ новое, какого и ожидать нельзя было, какое, какъ казалось, ни изъ чего не вытекало. Жизнь разомъ потеряла свой сѣрый цвѣтъ и сдѣлалась яркой и требовательной. И вотъ, она ставитъ новыя требованія, и тутъ-то, волей-неволей, приходится сдѣлать провѣрку.

И о. Станиславъ, оставшійся непоколебимо-вѣрнымъ своимъ молодымъ семинарскимъ мечтамъ, чуялъ, что со стороны о. Платона провѣрка эта дастъ ему какое-то огорченіе.

Мнѣніемъ о. Кузьмы онъ мало интересовался. О. Кузьма былъ ему далекъ. Всегда это былъ человѣкъ хитрый, ловко приспособляющійся къ обстоятельствамъ; а вотъ—о. Платонъ считаетъ его мудрымъ. Но о. Станиславъ невысоко цѣнилъ эту мудрость.

Вечерня была въ половинѣ, когда въ алтарѣ появилась новая личность. О. Платонъ, говорившій въ это время возгласъ, радостно улыбнулся вошедшему и слегка кивнулъ ему головой.

Онъ былъ невысокій, широкоплечій и какъ-то необыкновенно крѣпко сложенный. Большая голова его, уже наполовину лысая (онъ былъ лысъ еще въ семинаріи) была плотно приставлена къ плечамъ, шеи совсѣмъ у него не было видно. Лицо было круглое и загорѣлое, глаза бѣгающіе и хитрые; борода и усы рѣденькіе, неопредѣленнаго цвѣта.

Это былъ о. Кузьма. Онъ подошелъ къ о. Станиславу и тихонько сказалъ, пожимая его руку:

— Радъ видѣть! Слава Богу, что не опоздалъ... Гналъ лошадей во всю... Больная старуха задержала, причащать надо было... Радъ повидаться съ вами, о. Станиславъ!..

О. Станиславъ отвѣтилъ ему соотвѣтствующей любезностью, но не повѣрилъ въ его искренность. Между тѣмъ,

приблизилось время литіи. Оба они облачились и, вмѣстѣ съ о. Платономъ и дьякономъ, вышли на средину церкви.

Народу было немного, хотя всетаки больше обыкновеннаго. Рабочая часть населенія еще не вернулась съ поля. Присутствовали почти исключительно старики и старухи.

Такъ какъ всѣ трое батюшекъ были одинаковаго ранга, то пріѣзжіе, какъ бы молчаливымъ соглашеніемъ, уступили первенство о. Платону, какъ хозяину, и стали по обѣ стороны его. Деревенская церковь рѣдко видѣла въ своихъ стѣнахъ такую торжественную службу, и присутствовавшіе прихожане были умилены. Даже дьяконъ, сильно отяжелѣвшій, толстый старикъ, какъ-то подтянулся, и голосъ его, обыкновенно лѣнивый и глухой, звучалъ громко и побѣдно.

Вечерня кончилась. Батюшки отправились къ о. Платону, который по дорогѣ высказывалъ о. Кузьмѣ свое удовольствіе по поводу его пріѣзда. Солнце зашло. Въ маленькомъ палисадникѣ, примыкавшемъ къ дому со стороны двора и такимъ образомъ совершенно уединенномъ, уже былъ приготовленъ столъ для чая и закусокъ. Въ бутылкѣ была вишневка, а въ графинчикахъ водка и ромъ. Мягкій свѣтъ длинныхъ лѣтнихъ сумерекъ былъ достаточенъ. А потомъ подымется мѣсяцъ и сдѣлаетъ излишними всякія лампы и свѣчи.

Матушка была уже здѣсь. Перекинувъ черезъ плечо за спину полотенце, она другимъ его краемъ перетирала посуду. Принесли самоваръ, и вслѣдъ за нимъ явились батюшки.

II.

Они сняли рясы и были по домашнему въ лѣтнихъ кафтанахъ. Разговоръ пошелъ хозяйственный. О. Кузьма дѣятельно хозяйничалъ на церковной землѣ, отъ которой получалъ дохода больше, чѣмъ отъ церкви, и это всегда былъ у него первый предметъ для разговора. Онъ зналъ городскія цѣны на всѣ сорта хлѣба и даже могъ предсказывать, подымутся ли цѣны или упадутъ. И онъ умѣлъ свой хлѣбъ выдержать до хорошихъ цѣнъ, хотя бы для этого пришлось держать его въ амбарѣ всю зиму.

О. Платонъ тоже занимался землей, но безъ умѣнья и таланта, и у него хозяйство шло плохо. Что же касается о. Станислава, то онъ свою церковную землю отдавалъ крестьянамъ „за скопщину“, т. е. за извѣстную долю, и его эти вопросы не интересовали. Ему очень хотѣлось перейти къ посѣщенію благочиннаго, но о. Кузьма съ такимъ жа-

ромъ выхваливалъ новый сортъ проса, который онъ въ этомъ году засѣялъ, что неловко было перебивать.

Но случился моментъ, когда всѣ замолчали, и о. Станиславъ воспользовался имъ.

— Къ вамъ, о. Кузьма, заѣзжалъ благочинный?—спросилъ онъ.

— Былъ, какъ же. Сдѣлалъ честь!—отвѣтилъ о. Кузьма.—Важный такой. Говоритъ: ѣздить-то мнѣ по благочинію на перекладныхъ, имѣя пятьдесятъ четыре года и геморой, не особенно-то сладко, да преосвященный выразилъ, что подобное внушеніе не можетъ быть дѣлаемо на бумагѣ...

— Какъ же вы полагаете насчетъ самаго внушенія?—спросилъ о. Станиславъ, желая перейти прямо къ предмету.

— Что-жъ тутъ полагать? Намъ полагать не приходится. Положили ужъ тамъ, въ высшихъ сферахъ, а намъ только приложить остается...

О. Станиславъ почувствовалъ, что безполезно дѣлать о. Кузьмѣ какія бы то ни было возраженія, и рѣшилъ лучше прислушаться.

Мягко и медлительно заговорилъ о. Платонъ:

— Думается мнѣ, о. Кузьма, не въ томъ вопросъ, прилагать ли, потому—тутъ что-жъ: не приложишь, такъ можешь заблаговременно рясу снимать...

— Вотъ... это самое!—подтвердилъ о. Кузьма.

— Да... Такъ, говорю, не въ томъ вопросъ,—продолжалъ о. Платонъ,—а въ томъ онъ, какимъ способомъ прилагать. Преосвященный устами благочиннаго повелѣваетъ въ видѣ проповѣди. А знаетъ ли преосвященный, каково настроеніе прихожанъ нашихъ, и что отъ сего можетъ произойти? Я возражалъ благочинному, а онъ и слушать не хочетъ: это, говоритъ, распоряженіе свыше, и я не могу принимать никакихъ возраженій. А ежели, говоритъ, вамъ непремѣнно желательно, благоволите подать рапортъ. Это, говоритъ, я принять обязанъ.

— Что же, вы подали?—спросилъ о. Кузьма, и въ голосѣ его послышалась загвоздка.

— Ну, нѣтъ, покорно васъ благодарю. Съ этакимъ рапортомъ въ монастырь угодишь, а у меня пятеро дѣтей.

Помолчали. О. Станиславъ молчалъ по своему, съ внутреннимъ волненіемъ. Не будь здѣсь о. Кузьмы, онъ говорилъ бы, и такъ горячо, какъ давно не говаривалъ, но о. Кузьма рѣшительно охлаждалъ его.

— Слѣдственно, что же выходитъ?—опять заговорилъ о. Платонъ.

— Выходитъ, что надобно придержаться распоряженія!—отвѣтилъ на его вопросъ о. Кузьма.

— Н-да... Надобно. Вамъ, о. Кузьма, тамъ, можетъ, это какъ-нибудь удобно устроить, а меня благочинный обязалъ: вотъ, говоритъ, у васъ на Спаса храмовой праздникъ, народу будетъ множество, вы и воспользуйтесь... Слѣдственно, я уже не могу уклониться или избрать болѣе благопріятный случай...

— И ты завтра скажешь, о. Платонъ?—не выдержалъ-таки и спросилъ о. Станиславъ, и въ голосѣ его слышался протестъ.

А какъ же не сказать, коли это прямо внушается.

— Что же ты скажешь? -требовательно спросилъ о. Станиславъ и установился на него своими блестящими думающими черными глазами.

— Скажу... Да вотъ такъ и скажу, какъ излагалъ благочинный... Молъ, пустыя бредни это, да и только... Надлежитъ, молъ, терпѣть и ждать, на законномъ основаніи...

Тутъ ужъ о. Станиславъ окончательно не выдержалъ, всталъ и началъ бурно ходить около стола. Матушка, давно уже отъ скуки хлопавшая глазами, при видѣ этого неожиданнаго порыва, оживилась. Никакъ не понимала она, чего это ради бурячковскій батюшка такъ вскипѣлъ.

— Погоди, о. Платонъ,—вибрирующимъ голосомъ сказалъ о. Станиславъ.—Ты-то самъ какъ полагаешь?

— Я-то? Да вѣдь моего мнѣнія не спрашивали...—нерѣшительно отвѣтилъ о. Платонъ.

— А вотъ я спрашиваю...

О. Платонъ разслышалъ въ голосѣ товарища старую „семинарскую“ нотку, которая всегда слышалась у него во время бурныхъ товарищескихъ споровъ, и ему сдѣлалось страшно. Въ тѣ времена не было спорщика горячѣе, никто не нападалъ такъ страстно и не разилъ такъ безпощадно, какъ Станиславъ Войтковскій. Давно о. Платонъ не слышалъ этого голоса. Когда они пріѣзжали другъ къ другу въ гости и говорили о текущихъ дѣлахъ, у о. Станислава былъ совсѣмъ другой голосъ.

— Что-жъ я тебѣ скажу? -откликнулся о. Платонъ.— Мнѣніе—одно, а жизнь, братъ, другое...

— Я не о жизни спрашиваю. А какое твое мнѣніе? Ты погоди, разберемъ. Ты своихъ прихожанъ знаешь... Какіе имъ были даны надѣлы при освобожденіи?

— По четыре съ половиной.

— Такъ. Съ тѣхъ поръ народилось пять поколѣній. Четыре съ половиной десятины въ большинствѣ раздробились на пять частей, такъ это выходитъ меньше одной десятины на семью. Вотъ и скажи: можетъ семья жить на доходъ менѣе, чѣмъ съ одной десятины... Нѣтъ, ты только это скажи...

— Ну, что-жъ... Ясно... Не можетъ...

— Хорошо. Слѣдовательно, земля мужику необходима?

— Н-да... Разумѣется...

— Слѣдовательно, это не бредни?

— Въ дѣйствительности, конечно...

— Слѣдовательно,—съ безпощадной логичностью спорщика говорилъ о. Станиславъ:—слѣдовательно, объявляя въ церкви, что это бредни, ты скажешь явную ложь..

— Выходитъ такъ!—съ грустной и тихой безнадежностью промолвилъ о. Платонъ.

— Позвольте вмѣшаться,—въ высшей степени деликатно сказалъ о. Кузьма:—я не вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе. Но если оно такое, такъ вы имѣете полную возможность осуществить его, отдавъ причитающуюся вамъ церковную землю въ безвозмездное пользованіе мужикамъ.

И, сказавъ это, о. Кузьма какъ-то пресѣкся и выжидательно смотрѣлъ на о. Станислава, въ полной увѣренности, что страшно подсадилъ его своимъ замѣчаніемъ.

О. Станиславъ пожалъ плечами.

— Ничего не могу возразить вамъ, о Кузьма!—сказалъ онъ просто.

— Ну, да... Однако-жъ, вы этого не сдѣлаете...

— Почему вы думаете, что не сдѣлаю?

— А потому, что вы не говорите, что сдѣлаете...—ехидно отвѣтилъ о. Кузьма.

— Ну, такъ если уже надо говорить объ этомъ, я вамъ скажу, что я уже это сдѣлалъ.

— Какъ? Сдѣлали?—вопросилъ о. Кузьма и отъ изумленія даже приподнялся на мѣстѣ.

— Именно. Я предоставилъ свою землю мужикамъ.

— На какихъ же условіяхъ?

— Прежде мнѣ шла третья копна, а нынче я сказалъ: что останется. Дадите, сколько захотите...

— Вотъ какъ! Ну, это, знаете... Знаете, это—пагубно! Вы показываете плохой примѣръ. Завтра ко мнѣ придутъ мои прихожане и скажутъ: вотъ бурачковскій батюшка своимъ отдалъ землю, давай и ты намъ. А я, знаете, на это не согласенъ.

Это дѣло ваше, о. Кузьма.

Нѣтъ, это дѣло общее. И другіе священники противъ васъ будутъ имѣть претензію... Напримѣръ, я увѣренъ, что о. Платонъ...

— Мы съ о. Станиславомъ старые друзья,—сказалъ о. Платонъ,—между нами не можетъ быть претензій...

— Н-да... Оно, конечно... А все-же... Это пагубно! И,

знаете, я вотъ даже встревожился... У меня хлѣбъ на току... Не убранъ. Въ работѣ. Придутъ и возьмутъ...

— У помѣщиковъ уже берутъ, о. Кузьма! — замѣтила хозяйка.

— Помѣщикъ вооруженъ: у него пистолеты въ карманахъ, онъ можетъ стрѣлять. А я—священникъ, я не могу кровь проливать. Да и не умѣю. Пистолетъ боюсь въ руки взять... Какъ-же это такъ? Это неодобрительно.

— Да вѣдь вы, о. Кузьма, сами мнѣ это сейчасъ посовѣтовали!—сказалъ о. Станиславъ.

— Такъ это-жъ я такъ... Полемически...—промолвилъ о. Кузьма, видимо застигнутый въ расплохъ:—а церковную землю отдавать... Да въ сущности, разъ что она церковная, вы не имѣете права...

— Ну, о. Кузьма... Давайте лучше кончимъ этотъ разговоръ,—стараясь, чтобы его голосъ звучалъ какъ можно болѣе примирительно, промолвилъ о. Станилавъ:—завтра мы съ вами за одинимъ престоломъ обѣдню служимъ, зачѣмъ-жъ намъ ссориться? Давайте говорить о вашемъ просѣ... Матушка, попрошу у васъ стаканъ чаю...

О. Станиславъ принялъ всѣ мѣры, чтобы имѣть видъ человѣка примирившагося: сѣлъ на свое мѣсто, взялъ стаканъ отъ матушки, налилъ въ него даже ложечку рому и началъ прихлебывать чай.

О. Кузьма ни слова не сказалъ на его послѣднее замѣчаніе, но видно было, что въ душѣ онъ нисколько не примирился съ товарищемъ. Фактъ отдачи земли крестьянамъ безъ всякихъ условій: „сколько останется, столько дадите",— глубоко возмущалъ его. Земля для него была основа. Онъ замышлялъ на ней сдѣлать большое дѣло Толковый, способный, изобрѣтательный, онъ умѣлъ для своей земли подобрать такіе сорта хлѣбовъ, которые на ней отлично родились, и въ то время, какъ у мужиковъ былъ неурожай, на его поле можно было залюбоваться. А тутъ вдругъ такой примѣръ, да еще въ такое тревожное время, когда мужикъ искоса поглядываетъ на всякое добро. И онъ сидѣлъ, полуотвернувшись, и какъ-то тяжело молчалъ.

А о. Платону было просто неловко, какъ хозяину, и онъ утруждалъ свою голову, стараясь найти что-нибудь примирительное, да такъ и не нашелъ.

Тяжелое молчаніе нарушилъ о. Станиславъ, и при томъ совершенно неожиданнымъ образомъ. Онъ отпилъ половину стакана своего чая и спросилъ, обращаясь къ о. Платону:

— У кого это ты ромъ покупаешь?

О. Платонъ даже обрадовался этому вопросу и подхватился.

какъ онъ простъ и до какой степени ничего не надо было выдумывать.

— Это, братъ, не покупной, а дареный,—быстро отвѣтилъ онъ.

— Ну, вотъ оттого-то онъ такъ и хорошъ!—съ улыбкой сказалъ о. Станиславъ.—Кто-же это тебѣ удружилъ?

— Одинъ морякъ... Смѣшная исторія. Вотъ, о. Кузьма, послушайте,—сказалъ о. Платонъ, видимо желая отвлечь гостя отъ его настроенія.—Этотъ морякъ два года тому назадъ пріѣзжалъ ко мнѣ. Пріѣхалъ онъ—и не одинъ, а съ особой женскаго пола—и проситъ: батюшка, обвѣнчайте насъ. Бракъ, говоритъ, честный, а только документы не въ исправности. Невѣста—разведенная, и при томъ съ воспрещеніемъ вступать въ бракъ. А за вѣнчаніе вамъ положу пятьсотъ рублей. А я—у меня на этотъ счетъ правило: никакихъ такихъ сомнительныхъ браковъ не вѣнчать. Я говорю ему: а ежели меня за это самое прихода лишатъ, а у меня трое дѣтей—тогда трое было, а четвертый вотъ-вотъ ожидался,—такъ вы будете насъ кормить? Ну, однимъ словомъ, я отказался вѣнчать. А моряку время было дорого. Только и оставалось, что два дня до плаванія. Обвѣнчаться, ѣхать въ Одессу, жену оставить на сушѣ, а самому—въ плаваніе. Такъ они и уѣхали. А недавно пріѣзжаетъ ко мнѣ этотъ самый морякъ. Пріѣзжаетъ и говоритъ: вотъ, батюшка, пріѣхалъ я благодарить васъ.—За что, говорю?—А помните, говоритъ, пріѣзжалъ я къ вамъ съ невѣстой, разведенная была, безъ права... Пятьсотъ рублей предлагалъ, а вы отказались. Ну, я черезъ два дня ушелъ въ плаваніе, а теперь пріѣхалъ и узнаю: невѣста моя черезъ три недѣли послѣ того съ моимъ же товарищемъ обвѣнчалась, а какъ онъ тоже въ плаваніе ушелъ, такъ она въ это время, пока онъ плавалъ, съ другимъ сошлась и даже сына ему припасла. Вотъ, значитъ, за спасеніе отъ такого супружескаго счастья я и пріѣхалъ васъ поблагодарить и даже вамъ двѣ бутылки рому привезъ—да такого рому, какого здѣсь не сыщете, такой ромъ только моряки пьютъ... Вотъ какой это ромъ, и вотъ какая исторія...

— Гм... Дѣйствительно, смѣшная исторія!—сказалъ о. Кузьма, но не только не смѣялся, а даже, какъ будто, сталъ еще мрачнѣе.

Такъ изъ этого собесѣдованія ничего и не вышло. О. Платонъ очень многое еще хотѣлъ выяснить, но уже боялся затронуть этотъ вопросъ. Зналъ онъ, какой о. Станиславъ горячій. Онъ терпитъ, терпитъ, да вдругъ и „обрѣжетъ" да такъ, что человѣку непоздоровится. А онъ вовсе не хотѣлъ,

что бы батюшки, имъ приглашенные, у него въ домѣ поссорились.

Принесли закуску и жаренаго судака, но и съ этимъ дѣломъ какъ-то мало вышло путнаго. Едва прикоснулись къ пищѣ и уже насытились.

И очень кстати матушка зѣвнула, закрывъ ротъ ладонью.

— Ну, что-жъ, —сказалъ о. Платонъ:—Завтра къ утренѣ въ шесть часовъ вставать. Можно и ко сну отойти... Гм... Н-да... Вотъ что... Дарья Игнатьевна, на два слова!..—прибавилъ о. Платонъ, вдругъ сообразивъ одну чрезвычайно важную вещь.

Матушка встала, и вмѣстѣ съ о. Платономъ они отошли въ сторону. Здѣсь они говорили въ полголоса.

— Ты, должно быть, имъ въ гостиной постели сдѣлала?—спросилъ о. Платонъ.

— А то гдѣ же? У насъ больше негдѣ.

— Обоимъ?

— Разумѣется...

— Ну, знаешь... Они ночью съѣдятъ другъ друга... Повздорили. Неудобно имъ вмѣстѣ... Ты вотъ что: о. Кузьму оставь въ гостиной, о. Станиславъ пускай въ моемъ кабинетѣ почиваетъ, а мнѣ на току, на соломѣ вели постлать. Ночь-то хорошая, теплая...

— Боюсь, не простудился-бы.

— Ну, не въ первый разъ. А то неловко имъ...

Матушка ушла въ домъ дѣлать перемѣны. Минутъ черезъ пять батюшки прощались и желали другъ другу спокойной ночи.

III.

Кабинетъ былъ небольшой, и въ немъ, несмотря на открытое окно, было душно. Воздухъ слабо проникалъ сквозь проволочную сѣтку, натянутую на всю длину окна для защиты отъ комаровъ. Въ углу, на треугольномъ столикѣ, было много иконъ, и передъ ними теплилась лампада. О. Станиславу не было надобности зажигать свѣчу.

Постель была сдѣлана ему на длинномъ клеенчатомъ диванѣ. Онъ раздѣлся и легъ, но ему не спалось, отчасти мѣшала духота, а больше — душевное состояніе. Разговоръ за чаемъ сильно разстроилъ его. И совсѣмъ для него не важенъ былъ непріятный эпизодъ съ о. Кузьмой, онъ почти забылъ о немъ. Но горькій осадокъ въ душѣ его оставило поведеніе о. Платона. Какъ онъ говорилъ неувѣренно, какое у него было при этомъ жалкое лицо, и что онъ говорилъ!

„Когда у человѣка явились сомнѣнія, это можно понять,— думалъ о Станиславъ.—Я могу понять даже о. Кузьму: онъ держится такого взгляда и ему вѣренъ. Но тутъ ни сомнѣній, ни увѣренности, ни отрицаній. Жалкая подавленность... Какъ же такъ? Какъ же такъ?"

И ему рисовалось, что завтра во время обѣдни о. Платонъ выйдетъ къ народу и начнетъ говорить слова, въ которыя не вѣритъ, явную неправду станетъ говорить и въ это время думать: я лгу, но у меня пятеро дѣтей, а, можетъ, будетъ и еще пятеро.

Рѣшительно не могъ спать о. Станиславъ съ такими мыслями. Попробовалъ онъ открыть раму съ сѣткой, но воздуху вошло мало, за то налетѣло множество комаровъ, и ужъ сонъ сдѣлался окончательно невозможнымъ.

Онъ вспомнилъ, что у о. Платона есть хорошій садикъ, и рѣшилъ одѣться и выйти. Тихонько пробрался онъ черезъ столовую и сѣни и вышелъ во дворъ. Собаки, привыкшія къ людямъ въ длинныхъ одеждахъ, признали его и не подняли лая.

Надъ дворомъ разстилалась глубокая темная синева неба, усѣянная частыми, яркими звѣздами. Мѣсяцъ еще плылъ по небу, но закатился за крышу сарая, и дворъ былъ въ тѣни. Чудной полуночной свѣжестью охватило о. Станислава. Онъ любилъ южную ночь, которую зналъ съ дѣтства. Хороша она была сама по себѣ, но хороша еще и тѣмъ, что среди ея таинственной тишины можно быть одному и думать о томъ, о чемъ днемъ не думается. День полонъ заботъ—семейныхъ, хозяйственныхъ, служебныхъ. Днемъ человѣкъ связанъ маленькими, но крѣпкими путами, а ночью, вмѣстѣ съ одеждой, онъ какъ-бы снимаетъ съ себя и путы и становится свободнымъ.

Стоялъ онъ среди двора и думалъ о томъ, какъ бы ему пробраться въ садъ. Онъ рѣдко бывалъ у о. Платона и плохо зналъ мѣстность. Но онъ помнилъ, что надо идти черезъ токъ. Онъ туда и направился.

На току стоялъ изрядный стогъ свѣжаго сѣна; нѣсколько скирдъ несмолоченнаго хлѣба тутъ-же ждали своей очереди. Оставшаяся послѣ „гормона" солома еще не была приведена въ порядокъ. Онъ шелъ по направленію къ сѣну. Вдругъ онъ вздрогнулъ и насторожился. Что-то задвигалось въ соломѣ, потомъ приподнялась какая-то бѣлая фигура.

— Кто это?—спросилъ очень знакомый голосъ.

О. Станиславъ сейчасъ же узналъ по голосу хозяина.

— Такъ вотъ ты гдѣ спишь!—сказалъ онъ.—Я невольно помѣшалъ тебѣ.

— Да ты чего бродишь? Почему не спишь?

— Не спится, Платонъ... Душа не спокойна...

— Вотъ... То же самое и у меня...

— Экая ночь красивая!—сказалъ о. Станиславъ, остановившись и глядя на раскинувшееся за токомъ поле, подъ луннымъ свѣтомъ казавшееся посеребреннымъ.

— И какъ это съ человѣкомъ бываетъ: такое дивное спокойствіе въ природѣ, а онъ не спокоенъ, душа его тревожится!.. Я думаю, это бываетъ только съ человѣкомъ, съ другими существами этого не бываетъ.

— Да, братъ, — откликнулся о. Платонъ: — потому что другія существа не состоятъ на службѣ, да еще особенно по духовному вѣдомству...

— Ты сказалъ правду, Платонъ... Это важно!

— Садись-ка, Станиславъ, вотъ тутъ, на соломкѣ, и будемъ вмѣстѣ не спать. Я люблю такъ... Знаешь, чувствуешь себя, какъ будто, парнишкой, этакъ лѣтъ съ десятокъ назадъ... Садись-ка.

— Отлично. Давай, будемъ вмѣстѣ не спать.

О. Станиславъ помѣстился на соломѣ, протянувъ передъ собой ноги, а спиной оперевшись въ стогъ сѣна. Рядомъ съ нимъ въ такой же позѣ сидѣлъ о. Платонъ—въ одномъ бѣльѣ, и только ноги его были прикрыты одѣяломъ.

— Помнишь, Платонъ, когда мы были семинаристами, мы любили вотъ этакъ просиживать ночи въ семинарскомъ саду!..—милымъ, молодымъ голосомъ заговорилъ о. Станиславъ: -Тамъ не было соломы, такъ мы сидѣли и лежали на травѣ... Свободно такъ было. Инспекторъ и надзиратели спали... А мы...

— Помню, какъ не помнить!.. Въ полголоса, бывало, разговоръ вели... Да еще какіе разговоры!.. Отъ нихъ въ семинарскомъ саду трава желтѣла... Ха, ха!..

— Вѣдь ты хотѣлъ въ университетъ поступить...

— Какъ же, какъ же! Имѣлъ намѣреніе! Даже по математикѣ готовился...

— Но я соблазнилъ тебя идти въ священники.

— И хорошо сдѣлалъ. Я тебѣ благодаренъ, Станиславъ!

— Да, да... Помню, я однажды вотъ этакъ-то всю ночь съ тобой проговорилъ. Я говорилъ тебѣ тогда: слушай, Платонъ, въ университетахъ народу много, и всѣ они кончаютъ курсъ и исчезаютъ гдѣ-то въ морѣ житейскомъ... Только геніи да таланты выдѣляются и, можетъ быть, приносятъ пользу. Очень ужъ тамъ много народу—и полезнаго, и вреднаго. И мы съ тобой, ежели пойдемъ туда, сольемся съ толпой и ничего отъ насъ не останется, никакого слѣда, ибо мы съ тобой не геніи и не таланты. А тамъ, въ нашемъ исконномъ быту, людей съ какой-нибудь задачей въ сердцѣ,

охъ, какъ мало!.. И тамъ мы можетъ занять свое мѣсто и быть единицами... Не помню ужъ, что я еще говорилъ тогда, но знаю, что говорилъ горячо, убѣдительно...

— Да ужъ ты умѣешь... Вотъ и уговорилъ!..

— Да вѣдь что толку, Платонъ? Что толку?

— Какъ—что толку? Живемъ, слава Богу...

— Да, живемъ... Такъ не для того же я тебя уговаривалъ, чтобы „жить слава Богу“, ѣсть пироги съ вязигой, да плодиться...

— Что жъ, Станиславъ, мы честно служимъ. Я съ народомъ хорошъ. Чуть совѣтъ нуженъ или бѣда какая—помощь, сейчасъ ко мнѣ идутъ...

— Такъ, такъ. Знаю, что ты мягокъ и добръ. Да только вотъ первый случай подошелъ и... мы на попятный...

— Ты объ этомъ... Да, конечно... Трудная это задача!..

— Какая-жъ разница? Вотъ о. Кузьма, онъ никогда никакихъ задачъ не имѣлъ. Въ семинаріи былъ—мечталъ о приходѣ да о доходѣ, надъ нашими увлеченіями посмѣивался... Ну, а мы съ тобой—лелѣяли мечты... И что же? Когда случай подошелъ, поступаемъ одинаково.

— Послушай, Станиславъ, да неужто и вправду ты рѣшишься преступить приказаніе архіерея?

— Ты спрашиваешь меня? Экій ты, право, Платонъ! Да могу ли я поступить иначе? Архіерей, конечно, начальство, и ему я обязанъ, по должности моей, повиноваться. Но совѣсть моя—еще высшее начальство, чѣмъ архіерей... И это, скажу тебѣ, вотъ то, чего отъ насъ требуетъ благочинный, не входить въ кругъ нашей службы передъ архіереемъ. Это болѣе входитъ въ кругъ совѣсти...

— Но неминуема казнь...

— А коли она неминуема, такъ и не минуетъ...

— Это уже мученичество!

— Какое тамъ мученичество! Допустимъ, лишатъ меня прихода. Скудно будетъ жить... Такъ развѣ-жъ это бѣдствіе? Вѣдь другіе по тюрьмамъ сидятъ. Вонъ у о. Іоанна, кладбищенскаго настоятеля, сынъ студентъ—четыре мѣсяца въ тюрьмѣ сидѣлъ, а теперь высланъ въ Архангельскую губернію. А что ему? Онъ студентъ, онъ еще никакими обязательствами не связалъ себя, а идетъ, въ тюрьму идетъ.

— У него нѣтъ ни жены, ни дѣтей...

— Нельзя, братъ, Платонъ, чтобы жена и дѣти служили намъ препятствіемъ быть честными людьми. Жена и дѣти—дѣло личное, интимное, а долгъ—общественное... Если бы мнѣ жена и дѣти препятствовали, они не были бы мнѣ милы...

— Ты человѣкъ особенный, Станиславъ...

— Э, особенный... Не особенный я, а надо же имѣть въ своей жизни какое-нибудь удовлетвореніе. И это не хорошо, что ты говоришь такъ, Платонъ: особенный. Это, когда намъ нужно подыскать для себя нѣкое утѣшеніе, мы говоримъ про другого: онъ же особенный, такъ оттого... А ты мнѣ вотъ что скажи, Платонъ: неужто все, что тогда, въ тѣ времена, мы такъ горячо провозглашали, были одни слова? Ты только вспомни... И въ университетъ ты хотѣлъ идти,—да и я сперва думалъ,—не спроста, а чтобы просвѣщать, правду сѣять. И на духовное поприще я тебя отвлекъ этими же самыми словами... И вдругъ, вмѣсто сѣянія правды ты выйдешь въ церкви передъ народомъ и скажешь ложь... И вѣдь главное то, что и народъ знаетъ, что ты говоришь ложь, что это только твоя обязанность такая, а самъ ты не вѣришь... И посѣешь это недовѣріе между собой и народомъ... Къ чему же это? Единственно для того, чтобы сохранить благополучіе?.. Стоитъ ли?

— Эхъ, Станиславъ... Знаешь, что! Ну, я не правъ... Кругомъ не правъ... А только иначе не могу... И лучше не говори объ этомъ... Горечь въ душѣ моей великая. Лучше оставь...

— Ну, ладно...

И, сказавъ это, о. Станиславъ медленно поднялся съ соломы.—Такъ я, знаешь, лучше въ садъ пройду... Садъ у тебя тутъ вотъ сейчасъ?

— Ты разсердился, Станиславъ?

— Нѣтъ... Гдѣ ужъ тутъ сердиться? Что сердиться на слабодушіе человѣческое? Такъ, горестно... Такъ я пройду въ садъ...

— Ну, иди себѣ съ Богомъ... Скоро ужъ свѣтать начнетъ... А тамъ и къ заутренѣ...

— Ничего. Ночь свѣжая, бодрая... Можно и не поспать.

И о. Станиславъ обошелъ изгородь и черезъ маленькую калитку прошелъ въ садъ.

IV.

Въ саду ему показалось хорошо. Уже блѣднѣли звѣзды, а мѣсяцъ такъ и совсѣмъ куда-то спрятался. Вѣяло утренней свѣжестью. Но все живое спало еще самымъ крѣпкимъ утреннимъ сномъ. Въ дивной тишинѣ ночи свободно изливали свой ароматъ цвѣты, и душа бодрствующаго человѣка какъ-то сливалась съ отдыхающимъ міромъ и вмѣстѣ съ нимъ отдыхала.

И здѣсь его посѣтили уже другія мысли. Казалось, только

теперь, вотъ сейчасъ, онъ узналъ доподлинно человѣка, съ которымъ знакомъ и друженъ добрыхъ пятнадцать лѣтъ. О. Платонъ, Платонъ Немоенко. Да, съ виду кажется, что это какъ будто два разныхъ человѣка, а въ сущности—одинъ. Въ тѣ семинарскія времена Платонъ Немоенко былъ такъ же искрененъ, какъ и теперь—о. Платонъ. Но, какъ тогда онъ исповѣдывалъ одинаковую съ нимъ вѣру по слабости и мягкости душевной, такъ и теперь, по той же слабости, онъ склоняется передъ велѣніемъ свыше. Что же, въ самомъ дѣлѣ, спрашивать съ такого человѣка? Для чего говорить ему слова, отъ которыхъ его мягкая душа только страдаетъ,—а все равно вѣдь онъ не способенъ ихъ провести въ жизнь. Есть такія души, которыя умѣютъ только сочувствовать. Вотъ и онъ сочувствуетъ, охаетъ, казнится, но и только.

Вотъ почему о. Станиславъ такъ внезапно поднялся и оставилъ о. Платона на соломѣ. И онъ не только не чувствовалъ къ нему раздраженія или вражды, но, напротивъ, какъ будто скорѣе примирился съ нимъ. Тогда, за чаемъ, о. Платонъ раздосадовалъ его своими уклончивыми рѣчами, а теперь онъ понялъ причину и болѣе ничего отъ него не требовалъ.

А ночь такъ захватила его въ себя, такъ обняла его своей тишиной, что онъ думалъ теперь только о себѣ, о своей совѣсти, съ которой онъ былъ въ нераздѣльной дружбѣ и согласіи.

И пустое это—всѣ эти страхи насчетъ лишенія прихода, ссылка въ монастырь и т. п. Пусть призовутъ его и спросятъ: почему? И онъ объяснитъ, и они поймутъ, что человѣкъ не можетъ идти противъ своей совѣсти.

Нѣтъ, не выйдетъ онъ къ народу и не скажетъ того, что считаетъ неправдой. Да и какъ это сдѣлать? Постоянно общаясь съ прихожанами, онъ уже много разъ бесѣдовалъ съ ними о землѣ и всегда признавалъ справедливость ихъ требованій. Да и свою землю, церковную, онъ отдалъ въ общее пользованіе именно по этому самому. Стало невозможнымъ, получая доходы за требы отъ тѣхъ же крестьянъ, еще пользоваться землей, отрѣзанной отъ ихъ же скудныхъ надѣловъ.

Вѣдь церковная земля не съ неба свалилась. Ее отдѣлили нѣкогда отъ крестьянской же части. Какъ же не вернуть его добро человѣку, который обѣднѣлъ, впалъ въ нищенское состояніе?

И вотъ хотятъ, чтобы онъ, послѣ всего этого, вышелъ въ церкви къ народу и говорилъ противъ его законныхъ желаній и противъ себя самого. Нѣтъ, этого нельзя требо-

вать отъ человѣка, особенно отъ служителя церкви, который долженъ сохранить за собой доброе вліяніе на паству.

Но, когда онъ думалъ о завтрашнемъ днѣ, ему становилось страшно. Вѣдь о. Платонъ считаетъ себя обязаннымъ въ точности исполнить указаніе благочиннаго и именно завтра, въ храмовой день, сказать то, что отъ него требуютъ.

Какъ же это будетъ? Онъ, о. Станиславъ, будетъ участвовать въ этой службѣ, онъ будетъ стоять въ алтарѣ и слышать, какъ этотъ бѣдный, слабый духомъ человѣкъ, будетъ говорить своимъ прихожанамъ неправду .. Какъ онъ будетъ краснѣть, какъ ему будетъ стыдно за товарища, за свой санъ...

И вѣдь не своимъ только. Благочинный разсчиталъ тонко. Завтра въ Бышихино явятся крестьяне изъ многихъ окрестныхъ селъ. Всѣ услышатъ, и его, о. Станислава, прихожане тоже услышатъ. Что же они подумаютъ? Какъ отнесутся? И не выйдетъ ли еще изъ этого какой-нибудь бѣды для о. Платона...

А ночь все блѣднѣла. На востокѣ точно раздвигалось небо, становясь все яснѣе и понемногу окрашиваясь въ розовый цвѣтъ. Наступило утро.

Такъ и не спалъ эту ночь о. Станиславъ. Досидѣлъ онъ въ саду до тѣхъ поръ, пока на сельской колокольнѣ не раздался первый ударъ благовѣста, призывавшаго къ праздничной заутренѣ. Тогда онъ всталъ со скамейки и пошелъ во дворъ... На току его нагналъ о. Платонъ, уже одѣтый въ кафтанъ.

— Такъ и не спалъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не пришлось. Да и не хочется!—отвѣтилъ о. Станиславъ.

Разбудили о. Кузьму, надѣли рясы и пошли въ церковь.

Народъ сталъ особенно усиленно собираться къ половинѣ утрени. Дѣйствительно, валили изъ всѣхъ окружныхъ деревень и хуторовъ, большею частью пѣшкомъ, но многіе пріѣхали въ возкахъ, забравъ съ собою женъ и дѣтей. Церковная служба была только ближайшимъ поводомъ, а главное—пользовались случаемъ сходить въ гости. Село и хутора были между собой въ родствѣ, при посредствѣ браковъ, и храмовой день, особенно если онъ приходился въ большой праздникъ, служилъ для посѣщенія родни.

Когда же увидѣли во время утрени, что служба изъ ряда вонъ торжественная, такъ какъ участвуютъ и Бурачковскій, и Пузыревскій батюшки, то церковь стала стремительно наполняться народомъ, и во время обѣдни въ ней нельзя было повернуться. А кромѣ того, народъ тѣснился и въ оградѣ, и за оградой.

Іереи служили обѣдню, и о. Станиславъ какъ-то невольно отъ времени до времени посматривалъ на о. Платона, заглядывая ему въ глаза. И видѣлъ онъ, что, по мѣрѣ приближенія момента, когда обыкновенно говорятся проповѣди, глаза о. Платона тускнѣли и все какъ-то прятались куда-то. А когда онъ говорилъ возгласъ или читалъ молитву, то въ голосѣ его не было обычной ясности и увѣренной плавности. Появилась въ немъ какая-то новая нотка, жалостная, растерянная. И лобъ его все морщился, какъ у человѣка, усиленно думающаго.

И о. Станиславъ хорошо зналъ, что эти думы уже не относятся къ рѣшенію вопроса: сказать или не сказать, но что о. Платонъ обсуждаетъ форму, въ которой надлежитъ исполнить приказаніе начальства.

И вотъ закрылись царскія врата, задернулась завѣса. Доморощенные пѣвчіе на клиросѣ тянули какой-то длинный кондакъ, въ которомъ повторялись все одни и тѣ же слова. Іереи же въ алтарѣ совершали таинство. И тутъ о. Станиславъ могъ видѣть, что у его товарища чаша слегка дрожала въ рукахъ. „Пѣтъ, всетаки,—думалъ онъ,—у него въ душѣ происходитъ какая-то неладность. Видно, тяжело ему это... Ахъ, слабая душа".

Отворились врата. О. Платонъ причастилъ нѣсколькихъ ребятъ, которыя были на рукахъ у бабъ, дьяконъ сказалъ эктенью, и вотъ о. Платонъ вышелъ изъ алтаря, сталъ противъ царскихъ вратъ, лицомъ къ народу, и въ церкви все стихло. Бабы поспѣшно вынесли вонъ крикливыхъ младенцевъ.

Это было такъ естественно—приходскому священнику въ храмовой праздникъ сказать проповѣдь. И всѣ слышали эту проповѣдь; но, можетъ быть, ни одинъ человѣкъ во всей церкви не слушалъ ея съ такимъ тревожнымъ вниманіемъ, какъ о. Станиславъ.

Онъ стоялъ въ алтарѣ: онъ по правую сторону престола, а о. Кузьма—по лѣвую. Слова доносились до него очень ясно, потому что были обращены въ противоположную сторону, но онъ слышалъ всѣ, не пропустилъ ни одного.

Странно, что теперь онъ относился къ этому событію уже не по существу, а какъ любопытствующій: что можетъ сказать человѣкъ въ такомъ положеніи? Какія онъ подберетъ слова? Какъ разставитъ ихъ? Вѣдь надо все это такъ сдѣлать, чтобы хоть капельку обмануть свою совѣсть. А это не легко. И онъ слушалъ, слушалъ. А о. Платонъ говорилъ.

Онъ былъ плохой ораторъ. Слова сплетались у него лѣниво, въ нихъ никогда не было слышно одушевленія. Когда онъ говорилъ проповѣдь, то всякій прежде всего

чувствовалъ, что онъ говоритъ по обязанности, что это ничѣмъ не вызвано и ни къ чему не нужно. Но, можетъ быть, никогда еще слова не выходили изъ его устъ такъ неохотно, какъ въ этотъ разъ. И, Боже, что это были за слова! О. Станиславъ слышалъ ихъ тысячу разъ и въ примѣрныхъ классныхъ проповѣдяхъ въ семинаріи, и съ церковной каѳедры. Они повторялись и толковались на всѣ лады.

... „Ибо сказано: всякая тварь властямъ предержащимъ да повинуется, нѣсть бо власть, аще не отъ Бога"... Тихо, медленно лилось изъ устъ о. Платона... „А что касается проявляющагося среди васъ нежеланія уплачивать закономъ установленныя подати, то и на сей предметъ ясно выражено: воздадите кесарево кесарю, а божіе Богови".

...„И такимъ образомъ ясно,—заканчивалъ свою рѣчь о. Платонъ,—что внушаемыя вамъ извнѣ и прививающіяся въ вашихъ умахъ требованія противорѣчатъ истинному ученью церкви и, слѣдственно, ведутъ не къ спасенью души, а къ пагубѣ". И затѣмъ послышалось тихое „аминь", и уже другимъ, пѣвучимъ голосомъ о. Платонъ началъ произносить возгласъ.

Такимъ образомъ, это кончилось. И обѣдня кончилась. Послѣ нея былъ еще торжественный молебенъ, а затѣмъ іереи разоблачились и пошли въ домъ о. Платона.

Народъ тоже сталъ расходиться, но дѣлалъ это какъ-то туго. Около церкви, то тамъ, то здѣсь, собирались группы и, видимо, о чемъ-то толковали. И было что-то тревожное въ ихъ взглядахъ и жестахъ. Тихо двигались они цѣлыми группами и исчезали гдѣ-то въ глубинѣ хатъ.

Домъ о. Платона былъ необыкновенно оживленъ. Онъ былъ полонъ гостей. Здѣсь собрались наиболѣе зажиточные прихожане, и не только Бышихинскіе, но и хуторскіе изъ другихъ селъ. Было два почтенныхъ чиновника изъ города и купецъ съ купчихой, любители храмовыхъ празднествъ.

Матушка вся отдалась угощенью. Это была ея спеціальность, и когда бывало много гостей, у нея дѣлался вдохновленный видъ.

Пріѣхала жена о. Станислава, но она сейчасъ же объявила, что ея маленькій сынъ не такъ-то здоровъ, а потому ей надо поскорѣе вернуться. О. Станиславъ обрадовался этому обстоятельству. Ему какъ-то здѣсь нечего было дѣлать. О. Кузьма прямо-таки отворачивался отъ него, а о. Платонъ видимо избѣгалъ оставаться съ нимъ наединѣ. Онъ боялся, чтобы не зашла рѣчь о его проповѣди, и чтобы ему еще разъ не пришлось излишне страдать.

И, напившись чаю, въ то время, какъ въ домѣ готови-

лись приступить къ обѣду, который долженъ былъ служить началомъ пиршества, чета Войтковскихъ стала прощаться.

Разумѣется, хозяева протестовали, уговаривали, но, какъ казалось о. Станиславу, не вполнѣ искренно. Они твердо сослались на нездоровье ребенка и уѣхали.

V.

Жена о. Станислава была удивительно милое и веселое существо. Она какъ-то не умѣла огорчаться и, если случались невзгоды, смотрѣла на нихъ почти шутя. Не смотря на то, что у нея было уже двое дѣтей, въ ней сохранилось много дѣтскаго. Правда, и лѣтъ ей еще было немного. О. Станиславъ женился на ней, когда она, семнадцатилѣтняя, только что кончила епархіальное училище. Тогда это былъ веселый ребенокъ, и, казалось, она и до сихъ поръ имъ осталась.

Хорошенькая, стройная, тоненькая блондинка, она была очень привлекательна. О. Станиславъ трогательно любилъ ее, а она платила ему какимъ-то безконечнымъ довѣріемъ. Она, какъ будто, добровольно отказалась отъ права рѣшенія житейскихъ вопросовъ и всецѣло передала это ему и уже безусловно вѣрила, что всѣ его рѣшенія—самыя лучшія. И, какъ-бы онъ ни поступилъ за себя и за нее, она находила, что все хорошо.

Душа ея была вѣрнымъ откликомъ его души. О. Станиславъ, взявъ ее почти ребенкомъ, въ сущности, хотя и не задавался этой цѣлью, воспиталъ ее. И естественно, что она во всемъ мыслила и чувствовала, какъ онъ.

По дорогѣ онъ разсказалъ женѣ обо всемъ, что произошло въ эти два дня, и прибавилъ:—Меня все пугаютъ лишеніемъ прихода. А мнѣ не страшно, Даша...

— Мнѣ тоже не страшно!—откликнулось вѣрное эхо.

— А ежели даже лишили бы, то ужъ какъ-нибудь проживемъ!..

— А, разумѣется, какъ-нибудь проживемъ!..

— Эхъ, какая у меня славная жена!—подумалъ о. Станиславъ.—Богъ послалъ мнѣ именно такую, какую мнѣ нужно по моему характеру. Какъ же не любить ее. Другая на ея мѣстѣ, можетъ быть, ныла бы, упрекала, препятствовала... И, чего добраго, не разъ смутила бы душу...

И чѣмъ больше удалялся онъ отъ Бышихина, тѣмъ легче у него становилось на душѣ. Вотъ видны уже невдалекѣ Бурячки, его маленькое царство. Въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ сумѣлъ хорошо поставить себя съ прихожанами,

что духовно, какъ будто, дѣйствительно царствуетъ. Къ нему идутъ спрашивать обо всемъ и во всемъ ему довѣряютъ и слушаются.

Деревня казалась пустынной. Не было видно обычнаго праздничнаго оживленія. Старые люди сидѣли на завалинкахъ, и, когда батюшка съ матушкой ѣхали по улицѣ мимо ихъ домовъ, они вставали, снимали шапки и кланялись. Но наиболѣе живые жители ушли въ Бышихино и вернутся оттуда только къ ночи.

О. Станиславъ зналъ, что проповѣдь о. Платона вызоветъ въ умахъ его прихожанъ смущеніе. Такихъ словъ они никогда не слышали отъ своего батюшки. О. Станиславъ вообще не любилъ говорить проповѣди. Онъ замѣтилъ, что самая краснорѣчивая проповѣдь никогда никого не убѣждаетъ. Прихожанинъ смотритъ на нее, какъ на часть службы, считаетъ своимъ долгомъ выслушать ее съ умиленіемъ, иногда даже и заплачетъ, но въ сердце его она не входитъ.

И онъ никогда не говорилъ съ „народомъ", какъ ораторъ, но очень любилъ поговорить съ человѣкомъ, встрѣтившись съ нимъ по дѣлу, или на улицѣ. Въ послѣднее же время, когда деревня замерла въ трепетномъ ожиданіи выполненія своей завѣтной мечты о кусочкѣ земли, когда жадно ловилось и толковалось каждое слово, сказанное тамъ, въ столицѣ, въ какомъ-то невѣдомомъ и казавшемся волшебнымъ Таврическомъ дворцѣ, между домомъ о. Станислава и деревней установились самыя живыя, непрерывныя сношенія. Онъ получалъ газеты, онъ все зналъ, все понималъ. Къ нему шли, какъ къ оракулу, и вотъ тутъ-то бесѣдамъ не было конца.

И не было надобности ему идти въ волостной дворъ и говорить съ цѣлымъ „міромъ" или сзывать къ себѣ прихожанъ. Достаточно было, случайно встрѣтившись, поговорить съ однимъ, съ двумя, и его мнѣніе уже становилось извѣстно всѣмъ.

Слѣдующій день былъ рабочій, тѣмъ не менѣе кой-кто изъ мужиковъ успѣлъ побывать въ домѣ батюшки. О. Станиславъ лѣтнее утро обыкновенно проводилъ въ небольшомъ палисадникѣ, отдѣлявшемъ домъ отъ улицы. Здѣсь была тѣнь, и онъ сидѣлъ за чайнымъ столомъ, прочитывалъ газеты, просматривалъ новыя, только что полученныя изъ города книги. И кто хотѣлъ его видѣть, подходилъ къ камышевой изгороди палисадника и останавливался.

И въ это утро тутъ, у изгороди, побывалъ уже не одинъ селянинъ. Снималъ онъ шапку, желалъ „добраго здоровья", говорилъ объ уборкѣ проса, которая теперь происходила, а потомъ заявлялъ, что вчера у обѣдни былъ въ Бышихинѣ.

— Хорошая была служба,—объяснялъ онъ,—красивая. А только вотъ непонятно, что говорилъ тамошній батюшка, о Платонъ...

— А что же непонятнаго?—спрашивалъ о. Станиславъ.—Онъ говорилъ ясно...

— Да оно такъ... А только какъ же это?.. Выходитъ такъ, что ничего и не жди... Одни разговоры... Сказано, молъ,—„да повинуется“, ну и все... Значитъ, ничего не будетъ?

О. Станиславъ въ первую минуту чувствовалъ себя въ большомъ затрудненіи. Его личное мнѣніе было уже хорошо извѣстно прихожанамъ, но ему хотѣлось хоть немного выгородить и о. Платона.

— Можетъ быть, о. Платонъ имѣетъ такое мнѣніе!..—говорилъ онъ:—Каждый можетъ имѣть свое мнѣніе. Но я думаю, что его не совсѣмъ поняли. Должно быть, онъ хотѣлъ сказать, что надобно добиваться своихъ желаній законнымъ да мирнымъ путемъ, не требовать, а ждать...

— Такъ вѣдь, коли не требовать, такъ и не дадутъ...

— Мы съ тобой такъ думаемъ... А о. Платонъ думаетъ иначе. Вотъ и все.

И бурячковскіе прихожане очень скоро успокоились насчетъ своего батюшки, что же касается бышихинскаго настоятеля, то до него имъ не было дѣла. Ужъ съ нимъ пусть считаются сами бышихинцы.

А бышихинцы считались. Проповѣдь о. Платона была ими понята, какъ слѣдуетъ. Еще въ день праздника о ней не много было разговоровъ. Во всѣхъ хатахъ были гости, и всѣ старались веселиться. Вечеромъ за селомъ собралась молодежь, и долго за полночь раздавалась хоровая пѣсня. Но на слѣдующій день, встрѣчаясь на полѣ и на улицѣ прихожане о. Платона непремѣнно затрогивали вопросъ о вчерашней проповѣди.

— Вонъ какую подкову нашъ батюшка загнулъ.—говорили они.—Да еще денекъ выбралъ храмовой, чтобы весь уѣздъ услышалъ...

И бышихинскимъ мужикамъ было даже обидно оттого, что чуть не весь уѣздъ слышалъ странныя рѣчи, которыя говорилъ имъ батюшка. Еще старшіе элементы относились философски. Они говорили:—Э, что-жъ батюшка, на то онъ и батюшка... Что обязанъ говорить, то и говоритъ, а мы себѣ свое дѣло знаемъ.

Но молодежь сильно ворчала. Въ особенности повліяло на нихъ сношеніе съ бурячковскими обывателями. Тѣ разсказывали про своего батюшку совсѣмъ другое:—„Нѣтъ, ужъ нашъ никогда такого не скажетъ... Нашъ всегда по

правдѣ".—говорили бурячковцы, да, между прочимъ, и про церковную землю разсказывали.

И можно было замѣтить, что послѣ храмового праздника прихожане явно косились на о. Платона. Но онъ жилъ въ тѣсномъ кругу своей семьи и какъ-то не замѣчалъ этого.

Замѣтить ему пришлось, когда уже было поздно. Какъ-то внезапно подошла черная линія. Гдѣ-то въ другомъ уѣздѣ стали происходить ссоры крестьянъ съ помѣщиками. До бышихинцевъ дошли слухи, что тамъ жгутъ панскую усадьбу. Это извѣстіе волной пронеслось по околотку и какъ бы замерло въ воздухѣ. Потомъ нѣчто подобное случилось поближе, какія-то потравы, въ сущности—пустяки, которые прежде случались каждую недѣлю и кончались мирно. А теперь тамъ была пальба изъ ружей, и черезъ Бышихино провезли въ телѣгѣ раненыхъ мужика и бабу въ земскую больницу. Эти мужикъ и баба страшно взволновали бышихинцевъ. Никакая, самая зажигательная рѣчь не могла бы произвести на нихъ такого глубокаго впечатлѣнія. Мужикъ и баба стонали, и эти стоны пробуждали въ душахъ бышихинцевъ долго спавшія тамъ чувства.

И вдругъ точно безуміе охватило все село. Чей-то единичный возгласъ, можетъ быть, случайно слетѣвшій съ языка, прозвучалъ, какъ голосъ съ неба, которому всѣ захотѣли повиноваться. Вся деревня ринулась за три версты, на помѣщичьи „кошары", гдѣ обыкновенно жили овцы. Овецъ было много, тысячи три, да все были хорошія „шпанки". Дѣло было послѣ захода солнца, какъ разъ время, когда овцы пришли для дойки.

Съ крикомъ и гиканьемъ, съ палками, вилами, лопатами и камнями, бросилась вся эта обезумѣвшая толпа на овецъ и пастуховъ. А не прошло и пяти минутъ, какъ камышевыя кошары, загоны, сараи и все, что было здѣсь, пылало въ огнѣ. Помѣщикъ былъ богатый и не жилъ здѣсь. Въ экономіи былъ управляющій. Поднялась горячка; истребительное зрѣлище еще болѣе взбудоражило мужиковъ, и они уже двигались въ село, на самую экономію, гдѣ, на огромномъ току, возвышались къ небу гигантскіе стога сѣна и сотни скирдъ еще не смолоченнаго хлѣба.

Поскакали верховые въ ближнее мѣстечко, гдѣ жилъ становой, и въ городъ и всюду, гдѣ только можно было найти помощь.

Но, можетъ быть, никто такъ не былъ изумленъ, какъ сами мужики, тѣмъ неожиданнымъ зрѣлищемъ, какое они нашли въ самомъ селѣ. Каждый изъ нихъ могъ поклясться, что его рука не участвовала въ этомъ дѣлѣ. Никто не думалъ объ о. Платонѣ. Мысль о кошарахъ всецѣло владѣла

умами. И казалось, что это съ самаго неба упала искра и зажгла сѣно и солому, и снопы на току о. Платона. Конечно, небо здѣсь было не при чемъ. Это была единичная воля кого-то, вспомнившаго о недавней проповѣди о. Платона и, по дорогѣ къ кошарамъ, между прочимъ, не пожалѣвшаго сѣрной спички.

Высоко поднималось зарево надъ кровнымъ добромъ о. Платона. Огонь грозилъ сараямъ, гдѣ у него стояли лошади и коровы, и самому дому. Съ минуту поколебались мужики: не приняться ли тушить? Но, точно во всѣхъ грудяхъ разомъ окаменѣли сердца—никто не двинулся.

О. Платонъ и матушка кричали, молили, воздвигали руки къ людямъ и къ небу, но все было напрасно...

Зарево отъ горѣвшихъ кошаръ было далеко видно въ окрестностяхъ. Въ Бурячкахъ замѣтили его еще при началѣ пожара. О. Станиславъ былъ у себя въ кабинетѣ, когда прибѣжали съ деревни и сообщили ему, что „Бышихино горитъ“. Онъ выскочилъ изъ дома и быстро прошелъ въ поле, откуда было виднѣе, и увидѣлъ далекое зарево.

— Тревожно мнѣ,—сказалъ онъ Дарьѣ Игнатьевнѣ:—не знаю, почему, а у меня такое чувство, что... Ну, словомъ, съ о. Платономъ что-нибудь недоброе...

— Почему ты думаешь?—съ удивленіемъ спросила Дарья Игнатьевна.

— А... я давно тревожусь... Этой своей ненужной проповѣдью онъ дурно поставилъ себя въ приходѣ. Всего можно ожидать. Я поѣду... Пусть заложатъ лошадь!

И черезъ нѣсколько минутъ онъ быстро ѣхалъ въ Бышихино. По дорогѣ онъ нагонялъ и перегонялъ своихъ прихожанъ, пѣшихъ и верхомъ, которые тоже поспѣшали къ сосѣдямъ.

Но съ каждой минутой онъ замѣчалъ, что зарево ослабѣваетъ, а когда приблизился къ селу, то могъ видѣть только густой дымъ, подымавшійся надъ какой-то точкой. Но еще нѣсколько минутъ—и вотъ онъ у церкви, и ему все стало ясно.

Онъ нашелъ о. Платона въ глубокомъ отчаяніи. Онъ былъ мертвенно блѣденъ, все какъ-то странно, безпомощно взмахивалъ руками, какъ птица взмахиваетъ подстрѣленными крыльями, и восклицалъ:—Вотъ оно, вотъ! Сказалось! А матушка плакала навзрыдъ.

Направленіе вѣтра всетаки значительно ослабило несчастье. Сѣно, солома, несмолоченный хлѣбъ,—все это сгорѣло до тла. Сгорѣлъ и одинъ сарайчикъ, и въ немъ погибли пара телятъ и свинья съ поросятами. Остальное уцѣлѣло.

На пожарищѣ у о. Платона, и на кошарахъ, и въ экономіи теперь возились какіе-то вооруженные люди, которыхъ прислали изъ стана. Говорили, что раздавались даже выстрѣлы, но ничего не было слышно о раненыхъ.

— Это мнѣ за то, за то...—говорилъ о. Платонъ:—Долженъ я благодарить его преосвященство и о. благочиннаго! Ужъ, конечно, за то...

— Почему ты такъ думаешь, Платонъ? Можетъ быть, просто случайность...—сказалъ о. Станиславъ, думая, что этимъ всетаки смягчитъ горе.

— Нѣтъ, Станиславъ, не случайность. Если бы ты видѣлъ, какъ мы съ женой умоляли ихъ о помощи... Но никто пальцемъ не пошевельнулъ. Стояли, какъ каменные. Какъ же не за то? Благодарю, благодарю о. благочиннаго и преосвященнаго владыку! Имъ тамъ хорошо сидѣть въ каменныхъ городскихъ палатахъ да сочинять разные приказы... А намъ-то, исполнителямъ, каково приходится... Охъ, Господи, до чего я дослужился...

О. Станиславъ посидѣлъ часа два. Всетаки о. Платонъ былъ тронутъ его заботливостью и благодарилъ его.

VI.

О. Кузьма не видѣлъ зарева отъ пожара въ Бышихинѣ. Большое село Пузыри какъ-то все лежало въ низменной лощинѣ надъ небольшой рѣчкой, впадавшей въ Днѣпръ, и было окружено безконечными плавнями, гдѣ росли вербы и камышъ. Но на слѣдующее утро въ Пузыряхъ уже было извѣстно о Бышихинскихъ событіяхъ, и, конечно, дошло и до о. Кузьмы.

У него съ прихожанами были отношенія сдержанныя, но ихъ нельзя было назвать дурными. Крестьянамъ онъ не былъ симпатиченъ, но, какъ человѣкъ осторожный и хитрый, онъ умѣлъ держать себя искусно. Во время послѣднихъ событій, когда всѣ деревни были заполонены однимъ словомъ „земля“, онъ, когда его объ этомъ спрашивали, высказывался очень ловко. Пузыревцы были, конечно, прежде всего земледѣльцы. Но, окруженные водой, они волей-неволей притягивались къ рыболовству. У всѣхъ у нихъ водились лодки и сѣти, и всѣ умѣли рыболовствовать.

Но бѣда была въ томъ, что вся, окружавшая ихъ, вода принадлежала не имъ, а помѣщику. Какимъ-то непонятнымъ ходомъ, при надѣлѣ землей во время освобожденія, сумѣли всю воду оттягать въ удѣлъ помѣщику, и кре-

стьяне должны были или брать въ аренду воду, или платить за каждую ловлю. Большею частью выходило такъ, что имъ не удавалось сговариваться съ помѣщикомъ, и воду забиралъ въ свои лапы какой-нибудь подрядчикъ, а ему приходилось платить ужъ вдвое.

И вотъ, когда мужики спрашивали о. Кузьму о его мнѣніи насчетъ прирѣзки земли, онъ отвѣчалъ, какъ истинный мудрецъ:

— Да что земля! Земля, конечно, дѣло хорошее, а только, вотъ, пузыревцамъ не земли надобно спрашивать, а воды побольше...

Пузыревцы находили это остроумнымъ и смѣялись, а о. Кузьма, благодаря этому, какъ нельзя лучше избѣгалъ прямого отвѣта на вопросъ.

И отношенія между нимъ и его прихожанами были неопредѣленныя. Они не знали, „чей онъ“, а онъ старался поддерживать это положеніе. Въ сущности, онъ былъ „ничей“, а только свой собственный. Онъ хотѣлъ уберечь для себя свое добро и ничего не потерять, а до остального ему не было дѣла.

Но когда о. Кузьма узналъ о томъ, что произошло въ Бышихинѣ, онъ сталъ на дыбы. Онъ увидѣлъ, что наступаетъ большая опасность. Про о. Платона ему было извѣстно, что онъ человѣкъ мягкій, жилъ въ ладу съ своими прихожанами и даже иногда помогалъ кой-кому изъ нихъ. И, тѣмъ не менѣе—вотъ что вышло. Значитъ, такой ужъ горючій матеріалъ сталъ этотъ народъ, что отъ малѣйшей искры загорается.

И тутъ ужъ само собою въ его головѣ бышихинское событіе связалось съ тѣмъ непріятнымъ разговоромъ, который такъ омрачилъ его у о. Платона за чаемъ. Вотъ они и сказываются послѣдствія подвиговъ этого о. Станислава Войтковскаго! Онъ отдалъ свою землю крестьянамъ, бышихинцы про то узнали и вооружились противъ мирнаго и невиннаго о. Платона.

Нѣтъ, подобные господа должны быть проучены. Имъ надобно укоротить руки, ибо они пагубно вліяютъ на положеніе всего духовенства.

Но какъ это сдѣлать—укоротить руки? Менѣе хитрый и менѣе склонный прятать концы, человѣкъ поступилъ бы просто: сѣлъ бы, да и накаталъ доносъ. Но про эти доносы всегда потомъ какъ-то узнается, тѣмъ болѣе, что они служатъ вещественнымъ доказательствомъ.

А и то еще взять: а ну какъ положеніе перемѣнится! Такое время, что все можетъ случиться... Тогда верхъ возьмутъ отцы Станиславы и ему подобные, которые кой-гдѣ

примѣчаются среди духовенства. И тогда вѣдь его заѣдятъ, о. Кузьму.

Очевидно, надо дѣло вести очень хитро. Но тутъ о. Кузьма вспомнилъ, что надъ его головой виситъ еще приказаніе благочиннаго насчетъ проповѣди. И когда онъ вспомнилъ это, его бросило въ холодъ.

Онъ до сихъ поръ не исполнилъ этого приказанія. Онъ очень хорошо понималъ, что, при современныхъ обстоятельствахъ, это надо дѣлать осторожно. Вѣдь вонъ о. Платонъ, прямо съ дуру, взялъ и выпалилъ передъ полной церковью. О. Кузьма все выжидалъ благопріятнаго момента и въ душѣ своей подбиралъ разные пріемы краснорѣчія. Онъ хотѣлъ рѣшить почти неразрѣшимую задачу: выполнить приказаніе архіерея и никого изъ своихъ прихожанъ противъ себя не возстановить.

Но, вмѣсто благопріятнаго момента, наступило самое опасное время. До сихъ поръ въ тѣ мѣста только издали доносились отголоски громовыхъ раскатовъ отъ грозы, которая разыгрывалась гдѣ-то, а теперь прямо-таки грянулъ громъ. И выйти передъ народомъ именно теперь, послѣ бышихинскихъ событій, значитъ—прямо сознательно идти на гибель.

И долго, очень долго ломалъ голову о. Кузьма, и даже его хитрая голова отказывалась что-нибудь выдумать. Ужъ онъ доходилъ до того, что у него мелькала мысль: не сказать ли имъ по-славянски или,—еще того лучше,—по-латыни. Но эта мысль скоро показалась ему смѣшной. Славянскій языкъ прихожане хорошо понимаютъ, а латинскій онъ за семь лѣтъ такъ основательно забылъ, что не связалъ бы двухъ словъ. Да и просто это нелѣпо.

Но, наконецъ, его осѣнила мысль удивительная, которая никогда не пришла бы ни въ какую другую голову, кромѣ головы о. Кузьмы.

Служилъ онъ обыкновенно по воскресеньямъ и тѣмъ праздникамъ, которые хорошо знаютъ крестьяне. Никакого излишняго усердія служебнаго онъ не проявлялъ. Но на этотъ разъ онъ взялъ святцы и началъ внимательно просматривать имена святыхъ, празднуемыхъ въ ближайшіе дни. Ему нужно было отыскать совсѣмъ особеннаго святого, котораго можно было бы выдѣлить какъ-нибудь изъ ряда другихъ. Но такого не оказалось. Все были самые обыкновенные святые.

Тогда онъ сталъ припоминать, не было ли какого-нибудь важнаго мѣстнаго событія—счастливаго или бѣдственнаго, это для него было рѣшительно все равно.

„Да, пожалуй, это еще лучше, ежели бы нашлось такое

событіе, говорилъ онъ себѣ: — да не было ли какой-нибудь повальной болѣзни? Постой, да какъ же не было? Господи ты, Боже мой! Совсѣмъ изъ головы вонъ: въ прошломъ году еще какая-то губительная горячка ходила по селамъ, въ родѣ тифа, и многія жертвы похитила. И какъ разъ въ эту пору... Такъ вѣдь вотъ это самое! Чего лучше? Для рапорта – оно самая подходящая статья... А ужъ рапортъ-то я напишу: пусть отмѣтятъ тамъ, что мною распоряженіе исполнено"...

И онъ избралъ день: пятницу. Съ одной стороны, деревня была завалена работой. Всѣ торопились покончить съ лѣтнимъ хозяйствомъ, пока еще стоятъ хорошіе дни. Съ другой же стороны—и это еще важнѣе—по пятницамъ въ городѣ былъ базаръ, и мало-мальски свободный мужикъ обязательно ѣхалъ въ этотъ день въ городъ что-нибудь продавать изъ своихъ продуктовъ и при этомъ забиралъ и бабу, и дѣтей. Ужъ съ полуночи тянулись по дорогѣ возы, запряженные привычными волами, а на возахъ спали мужики.

О. Кузьма призвалъ дьяка и сказалъ ему:—Послушай, Софроній, въ эту пятницу я намѣренъ служить обѣдню...

— А что такое, батюшка, въ пятницу? Кажется, никакого праздника нѣтъ!—возразилъ дьякъ.

— Праздника-то нѣтъ. Но, видишь, въ прошломъ году въ это время свирѣпствовала болѣзнь, ты помнишь? Ну, такъ вотъ въ память избавленія... Понимаешь?

Дьякъ Софроній это понималъ. Можно служить обѣдню и въ память избавленія отъ болѣзни, по всякому поводу можно служить обѣдню. Но никакъ не ожидалъ онъ отъ отца Кузьмы такого рвенія.

— И вотъ что, Софроній,—прибавилъ о. Кузьма:—народъ нынче занятъ работой, не надобно его отрывать отъ дѣла. Такъ что къ вечернѣ послѣзавтра и звонить не надо. Ну, въ пятницу, къ обѣднѣ, разумѣется, немного позвонишь. А вообще, никому не надобно сообщать объ этомъ. Мы сами за всѣхъ другихъ помолимся...

Это окончательно затруднило немудрую голову дьяка Софрона. Но онъ принялъ порученіе настоятеля и приготовился къ службѣ.

И это была странная служба. Въ четвергъ у вечерни, вмѣстѣ съ которой была отслужена и утреня, въ церкви стоялъ только сторожъ. И служилъ о. Кузьма, какъ только было возможно, быстро. Деревня въ это время усердно работала. На токахъ раздавалось равномѣрное постукиваніе молотильныхъ цѣповъ. Никто даже и не подозрѣвалъ, что батюшка въ этотъ часъ отправляетъ службу, въ благодаре-

ие за то, что Богъ избавилъ въ прошломъ году деревню отъ пагубной болѣзни.

Ночью половина деревни потянулась въ городъ, а другіе съ ранняго утра принялись за работу. Большая часть гуменъ была устроена въ полѣ, по близости отъ надѣловъ. Туда даже не долеталъ скромный и кратковременный звонъ къ обѣднѣ. А если кто и слышалъ, такъ просто рѣшалъ, что это, должно быть, кто-нибудь посторонній, по усердію, заказалъ обѣдню.

Однако нѣсколько благочестивыхъ старухъ всетаки приняли къ свѣдѣнію необычный звонъ и, боясь упустить случай для спасенія своихъ душъ, приплелись въ церковь. Ихъ набралось душъ съ десятокъ, да еще привели они съ собой ребятъ, которыхъ не съ кѣмъ было оставить дома.

И о. Кузьма совершалъ обѣдню. Въ положенное для этого время онъ особливо громко прочиталъ молитву, въ которой возносилась благодарность за избавленіе отъ болѣзни, упомянулъ объ этомъ также въ эктеніи.

А когда наступилъ моментъ, онъ вышелъ изъ алтаря къ молящимся и передъ лицомъ десяти старухъ и нѣсколькихъ ребятъ сказалъ краткую проповѣдь. Онъ началъ именно съ того, что годъ тому назадъ небеса уже были разсержены на пузыревцевъ за ихъ грѣхи и послали наказаніе, въ видѣ повальной болѣзни, но, очевидно, по молитвамъ церкви, смягчились и болѣзнь прекратилась. Нынче грѣховность человѣческая усилилась. Люди подымаютъ руку на ближняго, отнимаютъ у него добро, не повинуются властямъ предержащимъ и громко требуютъ для себя незаслуженнаго и невозможнаго. Но небеса не дремлютъ, и гнѣвъ ихъ каждую минуту виситъ надъ нами.

Говорилъ онъ и еще что-то, но все въ крайне общихъ выраженіяхъ, тщательно избѣгая называть вещи ихъ понятными именами. Старухи, конечно, ничего не поймутъ, но всетаки схватятъ какое-нибудь знакомое слово и понесутъ домой, а тамъ его растолкуютъ и пойдетъ оно гулять по деревнѣ. Поэтому въ его рѣчи не было ни одного такого слова, которое могло бы задержаться въ старушечьихъ головахъ. Старухи вынесли такое впечатлѣніе, что „батюшка сказалъ что-то поучительное“.

Послѣ обѣдни о. Кузьма удалился въ свой кабинетъ, сѣлъ за столъ и написалъ рапортъ. Потомъ онъ призвалъ дьяка Софрона и сказалъ ему:

— Вотъ, Софроній, я посылаю благочинному рапортъ, такъ ты прочитай и подпиши.

Софроній, окончательно огорошенный послѣдними дѣй-

ствіями о. Кузьмы, вынувъ изъ кармана очки, нацѣпилъ ихъ на носъ и прочиталъ:

„Его Высокопреподобію благочинному такого-то округа. Честь имѣю почтительнѣйше донести, что такого-то числа, въ день, особо чтимой мѣстными жителями памяти объ избавленіи отъ повальной болѣзни, во время обѣдни, мною было исполнено предписаніе вашего высокопреподобія и сказано народу слово въ надлежащемъ духѣ. Священникъ Кузьма Рубиконовъ".

Софроній обмакнулъ перо въ чернильницу и подписалъ: „Исправляющій должность псаломщика дьячекъ Софроній Покоренко".

Въ первыя минуты онъ не понялъ, въ чемъ дѣло. Но, когда вышелъ отъ о. Кузьмы на улицу и поразмыслилъ, то вдругъ все сообразилъ и подивился необыкновенной хитрости о. Кузьмы.

— Вотъ оно, что называется: волки сыты и овцы цѣлы!— думалъ онъ:—нѣтъ, другой такой головы, какъ у о. Кузьмы на плечахъ, не найдется во всей губерніи.

VII.

Дней черезъ пять послѣ отправленія рапорта о. Кузьма собрался въ городъ. Путешествіе это было не затруднительно, такъ какъ городъ отстоялъ отъ него всего верстахъ въ восемнадцати.

Здѣсь онъ побывалъ у благочиннаго и сидѣлъ у него долго. Разговоръ шелъ о положеніи дѣлъ вообще и о событіяхъ въ Бышихинѣ въ особенности. Благочинный ничего не зналъ о несчастіи, случившемся съ о. Платономъ.

А такъ какъ Бурячки лежали по сосѣдству съ Бышихинымъ, то, разумѣется, пришлось коснуться и ихъ. Благочинный выразилъ надежду, что туда разгромъ не дошелъ.

— Туда и не дойдетъ, о. благочинный,—сказалъ о. Кузьма,—тамъ въ безопасности...

— Вотъ какъ. А отчего вы такъ думате, о. Кузьма?

— Я не долженъ этого говорить, о. благочинный, потому что о. Станиславъ Войтковскій мой товарищъ...

— Ну, а всетаки скажите, о. Кузьма.

— Конечно, для общей пользы я долженъ. Только, разумѣется, это между нами, и также надѣюсь, что о. Станиславу отъ этого вреда никакого не выйдетъ. Первое— онъ отказался сказать проповѣдь въ смыслѣ, преподанномъ преосвященнымъ...

— Отказался?

— Да, отказался. Ужъ отъ одного этого онъ въ безопасности. Крестьяне считаютъ его своимъ единомышленникомъ. Можетъ быть, даже думаютъ, что дѣйствуютъ съ его благословенія...

— Скажите, пожалуйста... Я не зналъ, что онъ такой...

— Онъ хорошій священникъ, о. благочинный. Но съ причудами. Напримѣръ, церковную свою землю онъ отдалъ въ безмездное пользованіе прихожанамъ. Вотъ о. Платонъ не отдалъ, его и сожгли... Ну, вотъ я и сказалъ... Только между нами, о. благочинный, между нами...

Послѣ этого о. Кузьма скоро разстался съ благочиннымъ. Въ сущности, это была его главная миссія въ городѣ.

Въ скоромъ времени село Бурячки увидѣло въ своихъ предѣлахъ городской извозчичій экипажъ и сидѣвшее въ немъ чрезвычайно благородное духовное лицо въ черной рясѣ. У него была шелковистая русая борода, а свѣтлые волосы локонами спускались до плечъ.

Экипажъ поѣхалъ прямо къ церкви и остановился у ограды. Духовное лицо вылѣзло изъ него и спросило у стоявшаго тутъ сторожа, гдѣ находится квартира настоятеля.

— А вотъ тутъ, пожалуйте,—сказалъ сторожъ и повелъ его къ о. Станиславу.

О. Станиславъ только что пообѣдалъ, когда ему сказали о прибытіи гостя. Онъ вышелъ къ нему.

— Позвольте представиться, — сказалъ гость: — священникъ Михаилъ Авгіевъ, изъ города. Вы меня не знаете, я не изъ здѣшней семинаріи. Вотъ-съ, прочитайте эту бумагу, и сообразно съ нею будемъ дѣйствовать.

О. Станиславъ взялъ отъ него бумагу и прочиталъ. Въ ней было сказано, что, вслѣдствіе дошедшихъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ незаконномѣрныхъ дѣйствіяхъ о. Станислава Войтковскаго, по приказанію архіерея, консисторія предлагала произвести слѣдствіе, и духовнымъ слѣдователемъ по этому дѣлу назначается священникъ Михаилъ Авгіевъ.

— Ну, такъ вотъ и извините меня,—сказалъ о. Авгіевъ:— непріятная обязанность все же есть обязанность, а значитъ— ее надлежитъ исполнить.

— Что-жъ, исполняйте,—отвѣтилъ о. Станиславъ,—я этого почти ожидалъ и совершенно готовъ къ этому.

— Долженъ буду предложить вамъ нѣкоторые вопросы, о. Станиславъ!

— Я вамъ на нихъ отвѣчу по совѣсти. Угодно вамъ сюда, въ мой кабинетъ? Здѣсь имѣются бумага и чернила.

Перешли въ кабинетъ. У Авгіева лицо было довольно безстрастное, но не лишенное пріятности. Онъ принадлежалъ къ іереямъ „исполнительнымъ", дѣлающимъ карьеру,

желающимъ продвинуться впередъ изъ ряда заурядностей. Прежде онъ былъ преподавателемъ въ семинаріи, но скоро предпочелъ чисто духовную карьеру и надѣлъ рясу. Кромѣ состоянія на приходѣ, онъ еще состоялъ при консисторіи въ качествѣ „духовнаго слѣдователя".

О. Станислава Войтковскаго онъ видѣлъ въ первый разъ, но ожидалъ найти его совсѣмъ другимъ. По характеру обвиненія, онъ представлялъ себѣ его человѣкомъ неспособнымъ, ворчливымъ, будирующимъ. А онъ принимаетъ его любезно и относится къ слѣдствію, какъ къ чему-то должному.

Они сѣли. О. Авгіевъ занялъ мѣсто за письменнымъ столомъ, такъ какъ ему надо было записывать объясненія „подслѣдственнаго".

— Ну, такъ начнемъ,—сказалъ о. Авгіевъ.—Собственно имѣется два пункта, по которымъ я прежде всего попрошу васъ отвѣтить—да, или нѣтъ. Первый изъ нихъ касается вопроса о неисполненіи вами словеснаго распоряженія преосвященнаго, сдѣланнаго чрезъ благочиннаго, о произнесеніи слова къ народу въ извѣстномъ вамъ смыслѣ. Правда ли, что вы отказались произнести таковое слово?

— Да. Это правда. Я отказался и отказываюсь! — очень твердо отвѣтилъ о. Станиславъ.

— Такъ. Желательно слышать ваше основаніе.

— Основанія очень простыя, о. Михаилъ. Распоряженіемъ преосвященнаго предписывалось выразить передъ прихожанами мысль, что ихъ стремленія и домогательства получить прирѣзку земли неосновательны и нелѣпы и суть, какъ выразился о. благочинный, пустыя бредни. Я же, наблюдая близко жизнь крестьянъ, получилъ глубокое убѣжденіе, что эти домогательства основательны и законны, ибо земли у крестьянъ очень не достаточно, и имъ, безъ нарѣзки добавочной земли, существовать не возможно. Я добросовѣстно убѣжденъ въ этомъ, о. Михаилъ, и, слѣдовательно, если бы я исполнилъ распоряженіе преосвященнаго, то мнѣ пришлось бы говорить передъ народомъ неправду, чего я, какъ священникъ, никоимъ образомъ не долженъ дѣлать.

— Значитъ, вы ваши убѣжденія ставите выше приказаній начальства?

— Безусловно. По моему, священникъ долженъ руководствоваться своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ.

— Это мнѣніе не принесетъ вамъ пользы, о. Станиславъ!

— Я это знаю. Но, руководствуясь своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, человѣкъ долженъ быть всегда готовъ отвѣчать за свои поступки.

— Такимъ образомъ вы поддерживаете броженіе умовъ среди крестьянъ?

— Оно не нуждается въ моей поддержкѣ, такъ какъ вытекаетъ изъ причинъ глубокихъ.

— Такъ. И никоимъ образомъ вы свое отношеніе къ этому дѣлу измѣнить не согласны?

— Нѣтъ, не могу.

— Сейчасъ я все это запишу. Вотъ-съ. Такимъ образомъ, этотъ пунктъ можно считать исчерпаннымъ. Перейдемъ ко второму. Стало извѣстно, что вы приходящуюся на вашу долю церковную землю отдали въ безмездное пользованіе крестьянамъ. Это, дѣйствительно, такъ?

— Это правда.

— Какіе можете привести для сего мотивы?

— Для меня это представляется яснымъ. Если я признаю, что у прихожанъ моихъ не достаточно земли, чтобы кормиться, самъ же я, главнымъ образомъ, живу доходами съ требъ, земля же мнѣ дана лишь, какъ вспомогательное средство, то я обязанъ поступиться ею въ пользу своихъ прихожанъ, тѣмъ болѣе, что при нарѣзкѣ она была отторгнута отъ ихъ же надѣловъ...

— Я записалъ. Но не думаете ли вы, что такое дѣйствіе можетъ быть дурнымъ примѣромъ для другихъ приходскихъ священниковъ?

— Дурнымъ, отецъ Михаилъ? Не обмолвились ли вы? Я не стремлюсь быть ни для кого примѣромъ. Но если ужъ это считать примѣромъ, то хорошимъ.

— Да, я неточно выразился: дурнымъ образцомъ для прихожанъ другихъ церквей. Напримѣръ, не видите ли вы въ печальномъ фактѣ пожара у о. Платона Немоенко нѣкотораго нравственнаго воздѣйствія этого вашего отношенія къ вопросу?

Нѣтъ, не могу видѣть этого. Для меня ясно другое: если бы о. Платонъ не сказалъ въ церкви проповѣди согласно распоряженію, у него не было бы пожара.

— А! значитъ, о. Платонъ пострадалъ за правду!

— За неправду, о. Михаилъ...

— Гм... Ну, я думаю, это все, что нужно. Я записалъ, а вы благоволите прочитать, и мы оба подпишемъ.

О. Станиславъ прочиталъ свое показаніе, которое было написано уже по формѣ въ законченномъ видѣ, очевидно, опытной рукой. Онъ нашелъ его соотвѣтствующимъ истинѣ и подписалъ.

О. Авгіевъ посидѣлъ у него для приличія минутъ пять, попросилъ стаканъ воды, а отъ предложеннаго чаю, въ видахъ безпристрастія, отказался и затѣмъ уѣхалъ въ городъ.

О. Станиславъ, разсказавъ своей женѣ о случившемся, прибавилъ съ глубокой увѣренностью:

— И теперь, мой другъ, приготовься ко всему. Я совершенно увѣренъ, что намъ придется освободить квартиру въ церковномъ домѣ...

— А какъ же мы будемъ, Станиславъ? — спросила его жена, слегка поблѣднѣвъ.

— Да какъ-нибудь будемъ... Неужели ты думаешь, другъ мой, что я такъ-таки ничего и не сумѣю сдѣлать?

И о. Станиславъ взялъ ее своими сильными руками и, какъ перышко, приподнялъ на воздухъ. Она довѣрчиво прижалась къ нему...

И. Потапенко.

Въ дисциплинарномъ баталіонѣ.

I.

Судъ.

Въ концѣ февраля, въ одно далеко не прекрасное утро, я еще лежалъ въ постели и почти безъ мысли смотрѣлъ на рѣшетку, которою уже девятый мѣсяцъ, въ качествѣ политическаго преступника, былъ отрѣзанъ отъ живого міра. Было уже восемь часовъ утра, а обитатели тюрьмы еще не вставали, и въ корридорѣ было совсѣмъ тихо. Но вотъ послышалось звяканье шпоръ, къ моимъ дверямъ поспѣшно приблизился жандармъ и, отворивъ дверную форточку, сиповатымъ голосомъ говоритъ: «N—скій! вставайте, васъ въ городъ берутъ. Скорѣй, пожалуйста»,—добавилъ онъ, закрывая форточку.

— Что бы это значило?—спрашивалъ я себя, одѣваясь, и никакъ не могъ придумать, зачѣмъ меня «берутъ въ городъ». Дѣло въ томъ, что еще за три мѣсяца до этого слѣдствіе по моему дѣлу (я обвинялся въ провозѣ воспрещенныхъ книжекъ изъ-за границы) было закончено и передано прокурору военно-окружнаго суда въ Одессѣ, такъ что допроса быть не могло. Быть можетъ, отправляютъ въ Одессу на судъ? Но и это предположеніе приходилось отвергнуть, такъ какъ, во-первыхъ, если отправляютъ куда-либо этапомъ, то наканунѣ предупреждаютъ объ этомъ, а во-вторыхъ, я еще не получилъ обвинительнаго акта. Оставалось только остановиться на такой догадкѣ, что дѣло мое, за недостаткомъ данныхъ, прокуроромъ прекращено, и меня передадутъ воинскому начальнику, который отправитъ меня въ какую-нибудь часть, такъ какъ я былъ уже принятъ на службу и третій годъ считался солдатомъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, не былъ таковымъ и одного часа, не принялъ даже присяги, которая дается по окончаніи пріема.

Попрощавшись на всякій случай съ вставшими къ этому времени товарищами, я, въ сопровожденіи жандарма, отправился въ контору, гдѣ меня уже ожидалъ конвой. Оказалось, что меня ведутъ въ какой-то полковой судъ. Зачѣмъ именно, тюремная адми-

нистрація мнѣ объяснить не могла, но я и безъ того догадывался, что меня будутъ судить за неявку на службу и много-много, если приговорятъ къ 15 днямъ карцера, ибо я зналъ не мало случаевъ, когда за такой проступокъ совсѣмъ не судили, а просто отправляли въ полкъ. Выходило такъ, что судъ этотъ будетъ простой формальностью, и оставалось только радоваться предстоящей прогулкѣ.

Идти пришлось не далеко, такъ какъ зданіе полковой канцеляріи, гдѣ засѣдалъ судъ, находилось приблизительно въ верстѣ отъ тюрьмы, и, не смотря на то, что погода была какая-то мозглая, что холодъ проникалъ до самыхъ костей, я страшно жалѣлъ, что путь уже пройденъ, когда мы остановились возлѣ большого трехъ-этажнаго зданія. За восемь мѣсяцевъ сидѣнія я первый разъ шелъ пѣшкомъ по улицѣ, видѣлъ кипучую жизнь, вольныхъ людей. Нѣкоторые изъ нихъ сочувственно кивали мнѣ головой и спрашивали мою фамилію. Конвойные попались мнѣ ребята довольно хорошіе: всю дорогу они меня разспрашивали о разныхъ событіяхъ, и ихъ симпатіи, видимо, были на сторонѣ народа. Особенно много мы говорили о войнѣ. Этотъ разговоръ продолжался и тогда, когда я уже сидѣлъ въ передней въ ожиданіи вызова въ залъ суда. Здѣсь къ нашей бесѣдѣ присоединилось еще нѣсколько солдатъ, назначенныхъ въ канцелярію вѣстовыми. Эти солдатики, съ молодыми и добродушными лицами, все допытывались причины, почему насъ такъ бьютъ японцы, и говорили, что разъ на побѣду надежды никакой нѣтъ, да и самая война затѣяна не для пользы народа, то ее нужно «прикончить», потому что и такъ ужъ бездну народа зря уложили.

Но вотъ, я слышу, въ сосѣдней комнатѣ называютъ мою фамилію, и какой-то грубый, будто чѣмъ-то недовольный, голосъ кричитъ: «веди!» Конвойные быстро срываются съ своихъ мѣстъ, лица ихъ застываютъ, становятся деревянными. «Пожалуйте!» говоритъ мнѣ одинъ изъ нихъ, и оба становятся по бокамъ. Вотъ мы проходимъ какой-то большой залъ, наполненный офицерами. «Ишь, какой джентльмэнъ!»—почему-то говоритъ одинъ изъ нихъ, указывая на меня своему сосѣду. А вотъ и самый залъ суда: маленькая, квадратная комнатка, посрединѣ стоитъ большой столъ, занимающій собой почти всю комнату, такъ что обвиняемому приходится стоять возлѣ самыхъ дверей. За столомъ этимъ сидятъ три офицера,—средній изъ нихъ предсѣдатель. Пока я разсматривалъ его фигуру, поразившую меня своей толщиной, онъ объявилъ засѣданіе открытымъ и, прочитавъ мой обвинительный актъ, предложилъ мнѣ назвать свое имя и званіе. Я назвалъ себя, тогда онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: признаю ли я себя виновнымъ въ томъ, что, будучи принятъ на службу, не явился на разбивку? Не признавая себя виновнымъ, я подтвердилъ фактъ.

— «А вы ничего не имѣете спросить?»—лѣнивымъ голосомъ об-

ратился онъ къ офицеру съ черной бородой и строгимъ лицомъ, сидѣвшему по правую руку предсѣдателя.

— «Н...ѣ...тъ»,—процѣдилъ тотъ, испытующе глядя на меня.

— «Въ такомъ случаѣ я объявляю слѣдствіе по дѣлу законченнымъ. Судъ удаляется для совѣщанія»,—сказалъ предсѣдатель, поднявшись со своего мѣста. Конвойнымъ былъ сдѣланъ знакъ, и меня опять вывели въ ту переднюю, гдѣ я сидѣлъ раньше.

О приговорѣ я думалъ очень мало, кстати же и солдаты всѣ въ одинъ голосъ увѣряли, что мнѣ ничего не будетъ, развѣ на хлѣбъ и воду посадятъ на нѣсколько дней, да и то едва-ли, такъ какъ предсѣдатель подполковникъ Х... человѣкъ очень «мягкій» и строго наказывать не станетъ. Но приговоръ, который мнѣ былъ объявленъ черезъ нѣсколько минутъ, убѣдилъ меня въ противномъ: я былъ приговоренъ къ $1^1/_2$ годамъ дисциплинарнаго баталіона. Приговоръ этотъ черезчуръ не соотвѣтствовалъ содѣянному проступку, и было ясно, что мнѣ мстятъ за мои политическія убѣжденія. И, однако, меня не такъ поразила жестокость приговора, какъ та легкость, съ какою онъ былъ произнесенъ. Меня даже не потрудились спросить, какія причины побудили меня уклониться отъ военной службы.

«Здорово они васъ!» — проговорилъ одинъ изъ конвойныхъ, когда мы очутились опять на улицѣ. И послѣ этихъ словъ оба конвойные пошли молча, какъ бы подавленные той неумолимой силой, которая заставила ихъ быть конвойными, а меня конвоируемымъ. Шли мы на этотъ разъ очень быстро, и всякій разъ, когда я наклонялся для того, чтобы поправить калошу, съѣзжавшую съ моей ноги, конвойные быстро останавливались и какъ-то безпокойно на меня поглядывали.

Очутившись въ своей одиночкѣ, я вспомнилъ, что мнѣ дано только 24 часа для обжалованія приговора, и обратился къ тюремной администраціи съ требованіемъ вызвать ко мнѣ адвоката, но получилъ отказъ, мотивированный тѣмъ, что это не дѣло тюремной администраціи, и она даже не имѣетъ права на такой вызовъ. Итакъ, срокъ кассаціи былъ пропущенъ, оставалось только надѣяться на то, что предстоящій судъ по политическому дѣлу окончится для меня лишеніемъ «правъ» и, такимъ образомъ, я буду избавленъ отъ того дикаго рабства, которое у насъ называютъ солдатчиной. Къ сожалѣнію, мои надежды не оправдались.

II.

Отправка.—Этапъ.

Седьмой день голодала вся тюрьма, рѣшивъ умереть голодной смертью или добиться такихъ условій, при которыхъ окажется возможнымъ существовать. Іюньская жара была невыносима и сильно осложняла положеніе голодающихъ. Многіе уже не вставали съ по-

стелей, но нѣкоторые были еще въ состояніи выходить на прогулку и я былъ среди нихъ, когда во дворъ явился помощникъ начальника тюрьмы и объявилъ мнѣ, что дѣло мое прекращено по манифесту 11 августа 1904 года, и что отправка моя въ дисциплинарный баталіонъ—вопросъ нѣсколькихъ дней. Говорить о томъ, что меня продержали лишнихъ десять мѣсяцевъ послѣ того, какъ статьи, по которымъ я обвинялся, подошли подъ манифестъ, я считалъ безполезнымъ и послѣ голодовки, окончившейся въ тотъ же день, сталъ готовиться къ отправкѣ въ то учрежденіе, которое меня такъ пугало своимъ названіемъ и о которомъ я, сколько ни старался, ничего не могъ узнать. Были у насъ въ тюрьмѣ бывшіе солдаты, были и офицеры, но никто изъ нихъ не могъ мнѣ дать яснаго понятія о томъ, что такое дисциплинарный баталіонъ. Такъ прошло недѣли двѣ, и въ началѣ іюля, когда здоровье мое еще не вполнѣ возстановилось послѣ недавней голодовки, меня отправили.

До К. нашъ этапъ былъ смѣшаннымъ, въ К. же солдатъ, идущихъ въ баталіонъ, отъ «вольныхъ» отдѣлили. Всего съ тѣми, что были къ намъ присоединены въ К., насъ набралось 26 человѣкъ. Всѣхъ насъ посадили въ вагонъ третьяго класса, гдѣ предстояло прождать цѣлыя сутки отхода поѣзда. Народъ былъ самый разношерстный. Были здѣсь и драгуны, и пѣхотинцы, и рослые гвардейцы, были писаря, казаки, саперы, пограничники, артиллеристы, — однимъ словомъ, чуть ли не всѣ роды оружія заключались въ нашемъ этапѣ. Такъ же разнообразенъ былъ составъ этапа и по возрасту: были въ немъ юноши 21—22 лѣтъ, были и 40-лѣтніе бородачи. Во время войны въ дисциплинарные баталіоны попало очень много запасныхъ. Взятые отъ сохи опять въ строй, они уже не могли слѣпо подчиняться военной дисциплинѣ и въ своемъ начальствѣ видѣли не «отцовъ родныхъ», а враговъ, съ которыми не разъ уже за послѣдніе годы успѣли столкнуться въ своей борьбѣ за землю и волю. Наконецъ, и въ смыслѣ происхожденія составъ этапа былъ крайне разнообразенъ, такъ какъ въ немъ были представители различныхъ народностей, населяющихъ нашу матушку Россію.

Было, однако, между нами и много общаго. На всѣхъ насъ было до послѣдней степени изношенное и отрепанное платье, всѣ мы были измучены долгимъ тюремнымъ заключеніемъ, и у всѣхъ въ душѣ таилось жестокое озлобленіе противъ тѣхъ, кто довелъ насъ до такого положенія. И, дѣйствительно, было откуда взяться этому озлобленію. Для того, чтобы понять его, нужно обратиться къ тѣмъ преступленіямъ, которыя по военнымъ законамъ или, вѣрнѣе сказать, беззаконію влекутъ за собой такое жестокое наказаніе, какъ заключеніе въ дисциплинарномъ баталіонѣ. Но объ этомъ рѣчь будетъ впереди.

Быстро перезнакомившись другъ съ другомъ, мы стали дѣлиться мыслями относительно того, что насъ ждетъ на мѣстѣ. Одни

рисовали жизнь въ баталіонѣ мрачными красками и говорили, что оттуда едва-ли удастся вернуться, такъ какъ тамъ-де на смерть запарываютъ розгами. Другіе же увѣряли, что тѣлеснаго наказанія въ дисциплинарныхъ баталіонахъ давно не существуетъ, что жизнь въ нихъ въ общемъ идетъ почти такъ же, какъ въ любомъ полку, и вся разница заключается въ томъ, что никуда не выпускаютъ. Но такихъ оптимистовъ было не много, а между тѣмъ слова первыхъ подтверждались и случайными встрѣчами по дорогѣ.

— «Эй, землякъ! съ какого свѣта пришелъ?» — спрашивалъ какъ-то, высунувшись въ окно, запасной солдатъ Б..., мужчина лѣтъ 30, довольно красивый, съ выразительнымъ лицомъ и живыми, сѣрыми глазами, шедшій на одинъ годъ въ баталіонъ, по его словамъ, «за требованіе для жены пособія».—«Изъ N—скаго дисциплинарнаго баталіона по чистой отставкѣ домой иду»,—едва слышно отвѣчалъ чей-то слабый голосъ подъ окномъ. Мы всѣ бросились къ окнамъ и въ ужасѣ чуть не отпрянули назадъ. Предъ нами стоялъ не человѣкъ, а тѣнь: высокаго роста, онъ былъ тонокъ, какъ копѣечная свѣча, и цвѣтъ лица у него былъ совсѣмъ восковой. Сильно сутуловатый, съ ввалившейся грудью, онъ какъ будто нарочно втянулъ свою голову въ плечи. Потухающіе глаза его чуть-чуть свѣтились изъ-подъ огромнаго козырька солдатской шапки, съ бѣлымъ околышемъ, а измятое платье болталось на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Но какъ ни жалка была его фигура, какъ ни ужасенъ былъ его видъ, все же на лицѣ его замѣтна была счастливая улыбка. Бѣдняга былъ радъ своему освобожденію и, повидимому, совсѣмъ не сознавалъ, какъ близка та чистая отставка, которая освободитъ его не только отъ дисциплинарнаго баталіона, но и отъ вольной жизни. «Неужели и со мной будетъ то же самое?» — думалъ всякій изъ насъ про себя, а въ глубинѣ души уже зрѣлъ отвѣтъ: «Нѣтъ, не бывать этому, не тѣ времена теперь!»—«А розгами порятъ тамъ?» — спрашивали изъ вагона у освобожденнаго по чистой отставкѣ. «Порятъ», — отвѣчалъ тотъ, сдѣлавъ какой-то безнадежный жестъ своей длинной и исхудалой, какъ у скелета, рукой.—«Ну, не пори! самъ на штыкъ напорешься!»—слышались въ вагонѣ угрожающіе возгласы...

III.

Прибытіе на мѣсто.

Близилась полночь, когда мы, утомленные дорогой и мокрые отъ быстрой ходьбы, молча приближались къ мѣсту своего назначенія. Какъ хищный звѣрь, смотрѣли на насъ каменныя зданія тюрьмы своими освѣщенными изнутри окнами съ толстыми рѣшетками. Вдоль мрачнаго забора медленно двигалась тѣнь часового. При этомъ видѣ мнѣ начало казаться, что меня душитъ

кошмаръ, и, когда раскрылась страшная пасть тюрьмы, мнѣ захотѣлось громко крикнуть: «не пойду!» — и явилось непобѣдимое желаніе бѣжать, уйти какъ можно дальше отъ этого страшнаго чудовища, пугавшаго меня не столько своимъ видомъ, сколько тѣмъ, что я ожидалъ тамъ найти. Но окружавшій насъ конвой и сознаніе своего безсилія заставили меня, вмѣстѣ съ другими, войти во дворъ. Въ головѣ царилъ какой-то хаосъ. Сердце точно перестало биться и, когда за нами закрылись ворота, мнѣ казалось, что со мной произошло что-то ужасное, что-то непоправимое.

«Сколько человѣкъ?» — спросилъ у старшаго конвоира дежурный офицеръ, когда мы уже стояли во дворѣ. «26 человѣкъ, ваше благородіе», — отчеканилъ тотъ и затѣмъ, понизивъ голосъ, спросилъ:—«куда прикажете?»—«Въ кадровое», — бросилъ офицеръ и скрылся въ темнотѣ. Кадровымъ помѣщеніемъ называется казарма, гдѣ живутъ унтеръ-офицеры, исполняющіе роль стражи при заключенныхъ въ баталіонѣ. Въ данномъ случаѣ это былъ просто манежъ, гдѣ временно помѣщались кадровые въ виду производившагося въ ихъ казармѣ ремонта. Въ этотъ-то манежъ насъ и ввели. Началась «пріемка».

Быстро вскочили съ своихъ коекъ унтера. Въ ихъ заспанныхъ лицахъ сквозило что-то хищное, безпощадное, и каждый изъ нихъ, казалось, считалъ своимъ долгомъ выругаться по нашему адресу, произнести какую-нибудь угрозу.

«Давай сюда розогъ!—кричалъ одинъ изъ нихъ,—будемъ пороть всѣхъ, у кого найдутся запрятанными деньги»,—пояснялъ онъ, обращаясь въ нашу сторону и стараясь придать своему лицу еще больше хищнаго, чѣмъ въ немъ было на самомъ дѣлѣ.

«Ну, теперь вамъ, ребята, капутъ! — говорилъ другой, какъ-то особенно твердо произнося слова,—сюда васъ много приходитъ изъ разныхъ мѣстъ, а ужъ отсюда всѣмъ одна дорога: кому на каторгу, кому на тотъ свѣтъ».

Наконецъ, приступили къ обыску. Прежде всего намъ приказали снять сапоги, затѣмъ принялись осматривать вещи, и, такимъ образомъ, намъ пришлось около часу босыми простоять на земляномъ полу. Обыскъ производился довольно тщательный, все искали, не проноситъ ли кто денегъ. Признаться, я почувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо, когда одинъ изъ обыскивавшихъ обратился къ другимъ съ предложеніемъ обыскать меня «хорошенечко», такъ какъ, по его словамъ, «у этого полетчика *) обязательно есть деньги». Деньги, дѣйствительно, у меня были, но я ихъ такъ удачно зашилъ въ свое нижнее бѣлье, что догадливый унтеръ нѣсколько разъ проводилъ рукой по тому мѣсту, гдѣ онѣ лежали, но такъ и не открылъ ихъ. Послѣ обыска, во время котораго я съ трудомъ сдерживалъ свое негодованіе, насъ раздѣлили на двѣ группы и повели ночевать,

*) Приговоренный за побѣгъ.

однихъ во вторую роту, другихъ въ третью. Я попалъ въ число послѣднихъ и былъ этимъ очень доволенъ, такъ какъ среди нихъ находился молодой солдатъ Р... родомъ кавказецъ, отправленный въ дисциплинарный баталіонъ на $2^1/_2$ года за то, что въ отвѣтъ на оскорбленіе далъ своему фельдфебелю пощечину. Во время пути я успѣлъ съ нимъ подружиться, и намъ очень хотѣлось попасть въ одну роту.

Въ казармѣ, куда насъ привели, была страшная духота. Въ воздухѣ, что называется, хоть топоръ вѣшай. И не мудрено. Въ небольшой сравнительно казармѣ, съ невысокимъ потолкомъ, на деревянныхъ «топчанахъ», образовывавшихъ сплошныя нары, помѣщалось до полутораста человѣкъ. Вдобавокъ всѣ окна были съ двойными рамами и только два изъ нихъ имѣли небольшія форточки. Въ страшной тѣснотѣ спали здѣсь люди на грязныхъ мѣшкахъ, набитыхъ соломою, и на такихъ же подушкахъ, безъ простыней и одѣялъ, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, при чемъ многіе, за неимѣніемъ своего бѣлья, были одѣты въ казенное, сшитое изъ грубаго холста. Послѣ того, какъ мы были приняты дежурнымъ унтеръ-офицеромъ, подвергнувшимъ насъ вторичному обыску, насъ начали укладывать спать. Для этого пришлось разбудить цѣлый рядъ спавшихъ, и когда тѣ сдвинулись настолько плотно, насколько это оказалось возможнымъ, для насъ, 14 человѣкъ, освободилось 8 узкихъ матрацовъ. Съ большимъ трудомъ мы улеглись на нихъ. Съ дороги хотѣлось отдохнуть, но было такъ тѣсно и такъ душно, что не было возможности уснуть. Рядомъ со мной кто-то зашепталъ. Это вызвало грубый окрикъ унтера: «Новый этапъ! чего тамъ бормочешь? Подъ арестъ захотѣли?»—и снова воцарилась тишина. «Вотъ оно—то, чего я такъ боялся»—подумалъ я, услышавъ этотъ окрикъ. И съ какой радостью промѣнялъ бы я въ это время свой годъ баталіона на вѣчную ссылку или на нѣсколько лѣтъ самой строгой одиночки, лишь бы уйти отсюда, гдѣ всякій унтеръ можетъ безнаказанно оскорблять меня и гдѣ надо мной, какъ дамокловъ мечъ, будетъ висѣть розга, готовая ежеминутно обрушиться на меня всей тяжестью своего позора.

Долго раздумывалъ я надъ своимъ положеніемъ. Наконецъ, уснулъ, но очень скоро былъ разбуженъ какимъ-то дикимъ сигналомъ. Это въ 5 часовъ сигналистъ игралъ во дворѣ «подъемъ». Едва прозвучала первая нота сигнала, дежурный унтеръ-офицеръ уже носился по казармѣ и неистово вопилъ: «вставай! вставай!», перемѣшивая это слово съ цѣлымъ потокомъ самой отборной ругани. Быстро, какъ на пожаръ, какъ спасающіеся матросы во время крушенія корабля, одѣвались заключенные, и какъ-то помимо своей воли я тоже старался одѣться скорѣй. А тѣмъ временемъ дверь казармы, закрываемая вечеромъ на замокъ, уже открылась, и раздалась команда: «Выходи умываться!» Подгоняемые все тѣмъ же унтеромъ, заключенные, съ

заспанными глазами и недовольными лицами, поспѣшно стали выходить во дворъ. Оказалось, что здѣсь, куда бы солдаты ни шли, хотя бы приходилось сдѣлать всего десять шаговъ, все равно они должны сначала построиться, а потомъ уже «въ порядкѣ» идти. Вмѣсто умывальниковъ въ противоположномъ концѣ двора стояло нѣсколько деревянныхъ желобовъ, изъ какихъ обыкновенно поятъ лошадей. Въ нихъ были вдѣланы краны, а такъ какъ крышекъ на желобахъ не было, то вода въ нихъ была довольно таки грязная. Къ слову сказать, во время перваго же умыванія у меня произошла довольно оригинальная встрѣча. Въ той тюрьмѣ, гдѣ я сидѣлъ, сторожевую службу несли жандармы, находившіеся на дѣйствительной службѣ. Одинъ изъ нихъ, парень съ душой далеко не жандармской, попалъ за оскорбленіе офицера въ тотъ же дисциплинарный баталіонъ, куда теперь прислали и меня. Столкнувшись возлѣ умывальника, мы пожали руки другъ другу и наскоро перекинулись нѣсколькими словами. Хотѣлось бы поговорить подольше, но нужно было возвращаться въ строй.

Вернувшись съ умыванія, солдаты принялись за чистку сапогъ и ремней, за починку платья. Все это дѣлалось быстро, и уже въ 6 часовъ новый сигналъ призывалъ на повѣрку, которая лѣтомъ дѣлается во дворѣ. Послѣ повѣрки всѣ пошли пить чай, т. е. всѣ тѣ, у кого таковой имѣлся. Намъ же велѣли забрать свои вещи и повели къ баталіонной канцеляріи, гдѣ должна была произойти «разбивка» по ротамъ.

Долго мы стояли у подъѣзда, пока пришелъ дѣлопроизводитель и началъ всѣхъ заносить въ книгу: «Какъ фамилія? Откуда? за что? На сколько»?—закидывалъ онъ насъ вопросами. Не обошлось и безъ курьеза. «Ты за что?»—обратился онъ къ стройному брюнету, бывшему писарю воинскаго начальника. «Дѣлопроизводителя поколотилъ», — смѣло отвѣтилъ солдатъ и вызывающе посмотрѣлъ на смущеннаго дѣлопроизводителя, какъ бы говоря: «могу и тебя, если придется». Наконецъ, была сдѣлана и разбивка. Я, Р... и еще нѣсколько человѣкъ остались въ той же ротѣ, гдѣ ночевали, остальные были распредѣлены по другимъ ротамъ. По окончаніи этой разбивки насъ повели къ цейхгаузу, гдѣ на травѣ уже лежала цѣлая груда изорванныхъ шароваръ и такихъ же фуражекъ, съ черными околышами и огромными козырьками. Здѣсь пришлось снять съ себя все, въ чемъ пришли, и надѣть «баталіонное». Фельдфебель, выдававшій эту «обмундировку», былъ неподражаемъ. Съ злобной улыбкой на лицѣ онъ двумя пальцами подавалъ штаны и, когда кто-нибудь съ недовольной гримасой начиналъ ихъ разсматривать, онъ, подъ предлогомъ перемѣнить на «хорошія», давалъ такую рвань, что надѣляемый ею несчастный недоумѣвалъ, какъ удастся ее починить. Тутъ же у насъ отняли все «лишнее»: подушку, одѣяло, простыни, чулки,—словомъ, все, что въ баталіонѣ не полагается имѣть.

Весь этотъ день прошелъ въ томъ, что насъ «разбивали», переодѣвали, стригли, водили въ лазаретъ на медицинскій осмотръ и т. д. Къ вечеру мы были уже вполнѣ исправными «шпанцами» *), и съ этого момента началась наша баталіонная жизнь.

IV.

Режимъ дисциплинарнаго баталіона.

Одно уже названіе того учрежденія, о которомъ идетъ рѣчь, заставляетъ думать, что тамъ долженъ быть очень строгій режимъ. Но ближайшее знакомство съ нимъ превосходитъ всякія ожиданія. Представьте себѣ сырую, грязную тюрьму, лишенную самыхъ элементарныхъ удобствъ, которыми пользуется любой арестантъ въ самой скверной уѣздной тюрьмѣ. Прибавьте къ этому военную дисциплину, усиленную и дополненную, со всѣмъ ея произволомъ, жестокостью и насиліемъ. Вспомните, наконецъ, розгу—и вы получите близкое къ дѣйствительности понятіе о томъ, что такое дисциплинарный баталіонъ. Онъ состоитъ изъ пяти ротъ и изъ нихъ только первая и пятая отличаются отъ остальныхъ. Первая отличается тѣмъ, что въ нее переводятъ изъ другихъ ротъ, послѣ шести мѣсячнаго пребыванія, тѣхъ, кого считаютъ благонадежными или исправляющимися. Отсюда названіе первой роты исправляющейся. Режимъ въ этой ротѣ нѣсколько помягче, хотя незначительно. Главное же, чѣмъ отличается она отъ другихъ ротъ, это то, что она получаетъ погоны и ходитъ въ караулъ, т. е. вообще пользуется сравнительно бо́льшимъ довѣріемъ. Однако правомъ выхода и эта рота не пользуется. Пятая же рота отличается только тѣмъ, что въ нее назначаютъ по офицерскимъ дѣламъ (за оскорбленіе или неисполненіе приказанія офицера). Режимъ въ ней такой же, какъ въ остальныхъ трехъ ротахъ.

Солдатскій день, какъ я уже говорилъ, начинается лѣтомъ съ 5 часовъ утра, продолжается до восьми вечера и почти весь чѣмъ-нибудь да занятъ. Кромѣ занятій (ружейные пріемы, маршировка, гимнастика, словесность, грамота и др.) однѣхъ повѣрокъ въ баталіонѣ лѣтомъ 2—3, а зимой 3—4 въ день, и нерѣдко на нихъ приходится стоять не менѣе часу, въ лучшемъ случаѣ полчаса. Сверхъ этого имѣется еще масса разныхъ работъ. Солдатъ посылаютъ, напримѣръ, чистить картошку, пилить дрова, вывозить всякій мусоръ помои, привозить песокъ и т. д. Лошадей для этого нѣтъ, и въ телѣгу впрягаютъ самихъ солдатъ. Не смотря на то, что эти работы производятся подъ наблюденіемъ унтеръ-офицеровъ, все же на нихъ изъ опасенія «полета» не посылаютъ пришедшихъ за побѣгъ. Но это не избавляетъ послѣднихъ отъ работъ. Для «полет-

*) Шпаной называютъ заключенныхъ въ дисциплинарномъ баталіонѣ.

чиковъ» попечительное начальство устроило «разлуку». Такъ называли заключенные водокачку, гдѣ нужно руками приводить въ движеніе колесо. Для этого приходится сильно напрягать свои мускулы, и такъ какъ эта работа продолжается нерѣдко съ 5 утра до 12 ночи и позднѣе, то очень часто послѣ нея приходится идти въ лазаретъ.

Вообще всѣ эти занятія и работы отнимаютъ много силъ, а между тѣмъ возстановить ихъ, благодаря порядкамъ жизни въ баталіонѣ, совершенно нечѣмъ. По поводу пищи самъ временно командовавшій баталіономъ подполковникъ Бѣлопальцевъ однажды сказалъ: «Досыта не накормлю и голодомъ не уморю». Это «не уморю голодомъ» онъ понималъ въ буквальномъ смыслѣ. Медленно же онъ очень даже морилъ голодомъ, и я съ увѣренностью могу сказать, что трудъ его принесъ не мало плодовъ. По средамъ и пятницамъ на обѣдъ варили знаменитый супъ съ селедками, въ которомъ селедокъ-то, собственно говоря, никогда не бывало. Лили туда лишь селедочный разсолъ и, такъ какъ ѣсть приходилось изъ желѣзныхъ ржавыхъ баковъ, то получалась настоящая отрава. Въ остальные дни кормили какой-то бурдой, сваренной изъ травы. На второе всегда давалась гречневая каша, которая часто бывала тухлой и почти всегда съ пескомъ; иногда послѣдняго было такъ много, что приходилось говорить уже не каша съ пескомъ, а песокъ съ кашей. Хлѣбъ тоже былъ совершенно негоденъ для употребленія. Недопеченый, всегда рыхлый, перемѣшанный съ мякиной, онъ царапалъ горло и вызывалъ сильную изжогу. На собственныя деньги можно было покупать только чай и сахаръ, да иногда 2 фунта бѣлаго хлѣба, но такая выписка дѣлалась только разъ въ мѣсяцъ, и то этимъ правомъ пользовались лишь осужденные полковымъ судомъ; тѣ же, что имѣли несчастіе судиться въ окружномъ судѣ, подобнымъ правомъ не пользовались, такъ какъ имѣвшіяся у нихъ деньги шли на уплату судебныхъ издержекъ. Но даже тѣмъ, которые имѣли право на выписку съѣстныхъ припасовъ, позволяли выписывать такое ограниченное количество, что его всегда не хватало. Что же говорить о тѣхъ, кто этимъ правомъ не пользовался или вовсе не имѣлъ денегъ? Здѣсь надо замѣтить, что и самый кипятокъ начали выдавать лѣтомъ прошлаго года лишь послѣ того, какъ заключенные стали болѣть тифомъ и разными другими болѣзнями. Казеннаго чаю и сахару почти не выдавали (куска 2 сахару въ мѣсяцъ, да на одну заварку чаю), а между тѣмъ каждой ротѣ ежедневно не додавали пудъ и даже полтора пуда хлѣба, говоря, что за эти деньги будетъ купленъ чай и сахаръ. Голодныхъ солдатъ до изнеможенія гоняли по плацу; при «собачьей» пищѣ заставляли исполнять работу лошадей: какъ животныхъ, держали въ грязи, всячески издѣвались надъ ихъ личностью и въ довершеніе всего сажали, сажали и сажали подъ арестъ.

Сажали всѣ, кто только считался какимъ-нибудь начальникомъ. Простой унтеръ имѣлъ власть посадить на трое сутокъ, фельдфебель на пять и т. д. И нужно сказать, что они широко пользовались своей властью. Нѣсколько десятковъ карцеровъ, имѣющихся при баталіонѣ, всегда были переполнены, и на нихъ имѣлись даже кандидаты. Власть, которою формально унтеръ-офицеръ могъ наказать — трехдневнымъ, фельдфебель—пятидневнымъ карцеромъ, на дѣлѣ оказывалась безграничной. Вотъ какъ опредѣлялъ это самъ фельдфебель, обращаясь къ провинившемуся солдату: «Знаешь ли ты (слѣдуетъ ругательство), что я могу съ тобой сдѣлать? Вѣдь я могу посадить тебя подъ арестъ, на всю свою власть, на 40 сутокъ.» И если солдатъ рѣшался возразить, что его власть не простирается больше 5 дней, фельдфебель продолжалъ: «А 8×5 знаешь сколько! 8 разъ по 5 посажу, вотъ 40 и выйдетъ.» И онъ сажалъ, и сажалъ не только 8 разъ на пять дней, но сажалъ 10 разъ, 20 разъ на пять дней и нелюбимыхъ солдатъ большую часть времени заставлялъ проводить въ карцерѣ.

О многомъ мнѣ еще придется разсказать для того, чтобы дать полную картину того режима, которому подвергались заключенные въ этомъ благодатномъ учрежденіи. Но смѣю думать, что и сказаннаго уже достаточно для того, чтобы представить себѣ, какъ подобные порядки должны калѣчить, физически и нравственно, попавшаго туда человѣка. А между тѣмъ это учрежденіе называется не только дисциплинарнымъ баталіономъ, но еще и исправительными ротами. Если-бы вы спросили кого-нибудь изъ баталіоннаго начальства, почему ихъ учрежденіе называется этимъ именемъ, они непремѣнно указали бы вамъ на то, что тамъ будто бы отучаютъ солдатъ отъ пьянства и куренія табаку, пріучаютъ къ дисциплинѣ и уваженію начальства, выучиваютъ строевой службѣ и, наконецъ, въ теченіе 6 мѣсяцевъ обучаютъ грамотѣ. Посмотримъ же, насколько это вѣрно, и какіе плоды приноситъ подобное исправленіе.

Заключенный не имѣетъ права курить, но развѣ хоть одинъ изъ курящихъ подчиняется этому запрещенію? Ничуть не бывало. Тѣмъ или инымъ путемъ табакъ добывается. Онъ обходится вдвое дороже, но онъ есть и въ средѣ заключенныхъ: «осьмакъ» является чуть-ли не денежнымъ знакомъ. Чего-чего не дѣлается ради этого «осьмака» махорки! Не имѣющій денегъ крадетъ у своего товарища послѣднюю рубашку, послѣдній кусокъ сахару и мѣняетъ на табакъ. Лежащій въ лазаретѣ больной продаетъ булку и молоко, свою единственную пищу, выдаваемую ему на весь день, за этотъ жалкій «осьмакъ». Ради этого же «осьмака» продѣлываются солдатами такія вещи, о которыхъ я безъ ужаса не могу вспоминать и о которыхъ рука моя отказывается писать. И всему этому нисколько не мѣшаетъ то, что ежедневно кто-ни-

будь отправляется подъ арестъ «за куреніе табаку». Водка также проносится тѣмъ, у кого имѣются деньги на рукахъ. Что касается уваженія къ начальству и къ тѣмъ началамъ справедливости, которыя оно насаждаетъ, то объ этомъ, я думаю, смѣшно и говорить. О выучкѣ строевой службѣ тоже говорить не приходится, такъ какъ, во-первыхъ, въ баталіонѣ не учатъ стрѣлять (исключеніе составляетъ только первая рота), а во-вторыхъ, всѣхъ солдатъ баталіона учатъ пѣхотной службѣ въ то время, когда среди нихъ находятся чины всѣхъ родовъ оружія. Остается, слѣдовательно, одно,—«грамотность», но и это дѣло такъ поставлено, что является настоящей пыткой для заключенныхъ. Такъ, напримѣръ, старшимъ учителемъ (есть и помощники) ротный командиръ назначаетъ когонибудь изъ заключенныхъ, и ужъ, конечно, не соображаясь съ его педагогическими способностями. Ему приказываютъ «учить». «Не будутъ знать—пойдешь подъ арестъ», говоритъ такому учителю преданное дѣлу просвѣщенія начальство.—«Я, ваше высокоблагородіе, самъ малограмотенъ», чистосердечно заявляетъ будущій «учитель», желая такимъ образомъ отдѣлаться отъ столь почетнаго званія, ибо знаетъ, что, сдѣлавшись учителемъ, онъ вмѣстѣ со своими учениками будетъ вѣчно сидѣть подъ арестомъ. Но это ему не помогаетъ. Малограмотность въ глазахъ начальства не является достаточнымъ препятствіемъ для назначенія въ учителя. Тогда бѣдняга ссылается на то, что нѣтъ книжекъ и что ученики не будутъ его слушать, такъ какъ онъ самъ такой же «шпанецъ», какъ и они.—«Не будутъ слушать, доложи мнѣ, буду сажать, какъ за унтеръ-офицера»,—отвѣчаетъ на это командиръ и приказываетъ больше «не разсуждать». Сидѣть за «грамотностью» заставляютъ всѣхъ въ продолженіе первыхъ 6 мѣсяцевъ по нѣсколько часовъ въ день, при чемъ и грамотные, и не грамотные должны писать сначала палочки, а затѣмъ буквы. Дальше этого дѣло и не шло. На этой почвѣ часто происходили столкновенія между просвѣщаемыми и ихъ просвѣтителями. Разскажу про одно изъ нихъ.

Заключенному Р—ну, о которомъ я уже упоминалъ выше, была выдана тетрадь, съ приказомъ писать въ ней палочки. Сначала онъ вовсе не хотѣлъ ихъ писать, считая это издѣвательствомъ надъ собой, такъ какъ былъ грамотенъ, а потомъ демонстративно такъ исписалъ палками всю тетрадь, что на нее страшно было смотрѣть. Объ этомъ узналъ капитанъ Даниловъ *). Явившись въ роту, онъ съ площадной бранью набросился на Р—на: «Ты почему, каналья эдакая, не хочешь писать?» Р., нисколько не смутившись, отвѣчалъ, что онъ грамотенъ и находитъ «излишнимъ» писать палочки. Даниловъ былъ взбѣшенъ окончательно и съ сжатыми кулаками началъ наступать на Р—на. «Запорю! На ка-

*) Всѣ фамиліи, приводимыя въ моемъ разсказѣ, вымышлены.

торгу отправлю!» — гремѣло въ казармѣ, и послѣ каждой такой угрозы повторялся вопросъ: «Понялъ? Понялъ? Понялъ?» Полагается, чтобы солдатъ всякій разъ отвѣчалъ: «Такъ точно, понялъ». Но Р. молчалъ и только пожиралъ командира своими огромными черными глазами, горѣвшими мрачной рѣшимостью. Видно было, что онъ не позволитъ ударить себя. Кончилось тѣмъ, что Р. былъ посаженъ подъ арестъ. Такой же участи ежедневно подвергался кто-нибудь изъ учениковъ за незнаніе того, чему его вовсе не учили. «Посидишь, будешь знать»—говорятъ такому ученику, отправляя его въ карцеръ. Такъ обстоитъ дѣло съ грамотой, которой въ баталіонѣ положительно никто не выучивается. Теперь посмотримъ, какъ пользуется баталіонное начальство еще однимъ способомъ исправленія, по его мнѣнію, самымъ «вѣрнымъ». Я говорю о розгѣ.

V.

Тѣлесное наказаніе.

За тюремной стѣной на предмѣстьѣ города есть огромное кладбище. Если вамъ придется когда-нибудь пройти мимо и вашъ взоръ случайно остановится на его осиротѣлыхъ могилахъ, знайте, что въ нихъ лежатъ кости засѣченныхъ на смерть солдатъ. Много ихъ! Всѣ они, изодранные въ клочья безжалостной розгой озвѣрѣвшаго палача, въ страшныхъ мукахъ испускали свой духъ.

«Живодеръ былъ»,—говорили мнѣ солдаты про командира баталіона Багрова, лишь въ началѣ 1905 года ушедшаго въ отставку. За малѣйшій проступокъ при этомъ командирѣ подвергали тѣлесному наказанію. Драли при немъ и въ одиночку, и цѣлыми десятками. Стоило, напримѣръ, во время обѣда кому-нибудь крикнуть, что каша тухлая, а товарищамъ не выдать крикнувшаго, и тотчасъ же, по приказанію Багрова, начиналась экзекуція. Пороли «десятаго». Нерѣдко за какой-нибудь важный, съ точки зрѣнія начальства, проступокъ заключенному давали 100 ударовъ розгами, а дня черезъ два, когда истерзанное тѣло истощеннаго солдата покрывалось струпьями и начинало гноиться, палачи снова повторяли свое мерзкое дѣло, нерѣдко продолжавшееся до тѣхъ поръ, пока живой человѣкъ не превращался въ изуродованный трупъ. Для того, чтобы нагляднѣе показать всю необузданную жестокость Багрова, я долженъ сказать, что этотъ звѣроподобный человѣкъ, одѣтый въ генеральскую форму, родного сына своего за то, что тотъ проносилъ заключеннымъ табакъ и газеты, подвергъ тѣлесному наказанію, послѣдствіемъ котораго былъ параличъ. Безъ розги трудно было и представить себѣ Багрова. Весь міръ онъ готовъ былъ запороть, лишь бы имѣлъ для этого возможность.

Но вотъ, какъ снѣгъ на голову, свалился манифестъ 11 августа

1904 года, и Багровъ, казалось, навсегда долженъ былъ разстаться со своей любимицей. Солдаты были увѣрены, что тѣлесному наказанію пришелъ долгожданный конецъ, и были этому несказанно рады. Къ сожалѣнію, эта радость оказалась преждевременной, такъ какъ вскорѣ послѣ манифеста появилось въ газетахъ разъясненіе правительствующаго сената, въ которомъ говорилось, что въ военно-тюремныхъ заведеніяхъ тѣлесное наказаніе остается «въ прежней силѣ». Багровъ торжествовалъ. Онъ снова получилъ возможность «пороть», но только дѣлать это было уже не такъ просто, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, потому что солдаты, прочитавшіе манифестъ, о разъясненіи ничего не знали и знать не хотѣли. А между тѣмъ къ этому времени какъ разъ однимъ изъ заключенныхъ было совершено «очень важное» преступленіе. Заключалось оно, кажется въ томъ, что солдатъ, выведенный изъ себя оскорбленіями офицера, въ то время, какъ тотъ его ругалъ, отвернулся отъ него и плюнулъ. За это солдата предали суду и, сверхъ того, по заведенному обычаю, рѣшили подвергнуть тѣлесному наказанію. До манифеста это продѣлывалось въ присутствіи всѣхъ солдатъ, которые въ это время должны были стоять «смирно» и смотрѣть на экзекуцію. Но такъ какъ теперь среди солдатъ царила увѣренность, что наказывать розгами ихъ больше не имѣютъ права, то начальство для перваго раза рѣшило принять нѣкоторыя мѣры предосторожности. Вечеромъ, когда двери казармъ были уже на замкѣ, провинившагося солдата изъ карцера отвели прямо въ манежъ, и тамъ усердными унтерами была произведена порка. А въ то самое время, когда въ полумракѣ большого манежа уходившій въ отставку Багровъ совершалъ свое гнусное дѣло, командиръ третьей роты, капитанъ Даниловъ, изъ опасенія, чтобы солдаты какъ-нибудь не провѣдали про экзекуцію и не устроили скандала, сидѣлъ въ казармѣ и читалъ заинтересованнымъ слушателямъ книжку. И какъ бы вы думали, какую? Онъ читалъ имъ про доктора Гааза, человѣка, который всю свою жизнь посвятилъ дѣлу облегченія участи заключенныхъ. Мнѣ кажется, что если бы почтенный докторъ могъ чувствовать, его кости, навѣрно, перевернулись бы въ этотъ моментъ въ гробу. Приблизительно то же самое происходило и въ другихъ ротахъ. Дѣло было обставлено чисто и сошло почти совсѣмъ хорошо, лишь въ одной ротѣ заключенные что-то пронюхали и начали шумѣть, но ихъ успокоили уговорами, что «ничего нѣтъ».

Начальство послѣ этого ободрилось, и въ короткое время нѣсколько человѣкъ получили по «тридцаткѣ». Бо́льшимъ числомъ ударовъ новый командиръ не рѣшался наказывать. Послѣднюю «тридцатку» получилъ заключенный третьей роты Б — ко. Это было 6 іюня 1905 года; наказанъ онъ былъ за оскорбленіе унтеръ-офицера. Съ іюня 1905 года розга уже больше не примѣнялась. Конечно, никто не подумаетъ, что само начальство, движимое гуман

ными чувствами, отказалось отъ этого позорнаго наказанія. Совсѣмъ нѣтъ. Дѣло въ томъ, что въ это время уже серьезно поговаривали о мирѣ, и заключенные, среди которыхъ добрая половина была запасныхъ, были увѣрены, что по окончаніи войны запасныхъ всѣхъ распустятъ, а остальнымъ будетъ сокращенъ срокъ. Ожиданіе этого дня становилось все напряженнѣе, и, когда заключеніе мира сдѣлалось фактомъ, а манифеста никакого не послѣдовало, среди заключенныхъ стало расти недовольство. Само начальство видѣло, что драть розгами не безопасно, но такъ какъ отказаться отъ такой цѣнной мѣры для гг. исправителей было слишкомъ тяжело, то они рѣшили испробовать. Роль эту, какъ самый «умѣлый», взялъ на себя все тотъ же капитанъ Даниловъ. Придравшись къ наказанному уже разъ Б — ко за то, что тотъ, сидя въ карцерѣ до суда, отказался будто бы надѣть новые сапоги, говоря, что подъ арестомъ ему и въ старыхъ хорошо, онъ рѣшилъ ему «всыпать тридцатку». Но Даниловъ ошибся: дѣло на этотъ разъ не выгорѣло. Когда Б — ко былъ уже разложенъ передъ выстроенной ротой, и палачи взялись за розги, рота, вся блѣдная, дрожащая отъ возмущенія, громко заявила, что пороть не дастъ, и экзекуція была отмѣнена якобы «по просьбѣ роты». «Если рота прощаетъ,— сказалъ капитанъ, выпутываясь изъ затруднительнаго положенія,—то и я тоже готовъ простить».

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого случая была еще попытка примѣнить розгу со стороны новаго командира баталіона, но о ней я разскажу въ другомъ мѣстѣ. Пока же посмотримъ, что за преступники эти дисциплинары, по отношенію къ которымъ начальство считаетъ недѣйствительными всѣ виды взысканія и находитъ необходимымъ прибѣгать къ тому гнусному наказанію, которое осудило даже само наше правительство.

VI.

„Преступники“.

Въ дисциплинарный баталіонъ, какъ показываетъ само названіе, заключаютъ солдатъ, такъ или иначе нарушившихъ дисциплину. Преступленіями такого рода считаются: неисполненіе приказанія, оскорбленіе начальствующихъ лицъ, нарушеніе правилъ караульной службы, побѣгъ, неисправимое поведеніе, членовредительство и, наконецъ, отказъ отъ военной службы, за который приходятъ обыкновенно сектанты. Но о нихъ потомъ. Возьмемъ для примѣра обыкновеннаго преступника, т. е. человѣка, не исполнившаго приказанія какого-нибудь начальника. Къ слову сказать, начальникомъ считается даже рядовой солдатъ, если его назначили старшимъ надъ другими. Такимъ образомъ, въ дисциплинарный баталіонъ можно попасть за неисполненіе приказанія своего товарища.

Иногда же бываютъ такіе случаи: встрѣтилъ пьяный офицеръ солдата на улицѣ, придрался къ нему за что-нибудь и приказалъ идти въ роту, но тотъ, въ надеждѣ, что офицеръ не замѣтитъ, пройдя немного, свернулъ куда-нибудь въ другую сторону. Офицеръ замѣтилъ, написалъ объ этомъ рапортъ, въ которомъ значится, что его благородіе такой-то приказалъ рядовому такому-то пойти въ роту, а послѣдній приказанія этого не исполнилъ. Солдатъ, конечно, предается суду, и въ результатѣ попадаетъ въ дисциплинарный баталіонъ; очень часто такія вещи случаются въ то время, когда солдатъ уже дослуживаетъ свой срокъ. Если же бываетъ, дѣйствительно, открытое и сознательное неисполненіе приказанія, то каждому ясно, что это случается только тогда, когда солдатъ доведенъ до такого состоянія, что ему легче пойти въ дисциплинарный баталіонъ, чѣмъ сдѣлать то, что ему велитъ начальство. Пришедшіе за такое неисполненіе приказанія бываютъ обыкновенно люди съ твердымъ характеромъ, обладающіе силой воли и умомъ. То же самое надо сказать и о пришедшихъ за оскорбленіе начальства. У однихъ это оскорбленіе выразилось въ томъ, что они позволили себѣ улыбнуться въ то время, когда начальникъ ругалъ ихъ и говорилъ какія-нибудь глупости; другіе же, «съ пьяныхъ глазъ» или «будучи въ сильной степени опьяненія», дѣйствительно оскорбили кого-нибудь, но на слѣдующій же день каялись въ своемъ поступкѣ. Эти (я говорю о вторыхъ) народъ пустой. Но есть люди, которые, изъ чувства собственнаго достоинства, на оскорбленіе отвѣчали оскорбленіемъ же и сдѣлали это совершенно сознательно. Эти люди никогда не каются и заслуживаютъ всеобщее уваженіе солдатъ. Третья категорія, это — люди, уснувшіе на часахъ, упустившіе арестанта и т. д., и т. д. Случается иногда, что офицеру издали покажется, будто часовой спитъ, и этого достаточно, чтобы послать его въ баталіонъ или, какъ сами заключенные называютъ, въ «баталію». Затѣмъ слѣдуютъ «полетчики». Люди этой группы отличаются своей подвижностью. Народъ это бывалый, можетъ обдѣлывать всякія дѣлишки, но казармы совершенно не выноситъ. За неисправимое поведеніе также приходятъ люди двоякаго рода. Съ одной стороны, есть дѣйствительно неисправимые, это—мелкіе воришки, крадущіе послѣднюю копѣйку, послѣдній кусокъ сахару у своего же товарища. Заводя съ солдатами ссоры, устраивая всякіе скандалы и пропивая съ себя казенную одежду, они возстанавливаютъ противъ себя и солдатъ, и начальство, и тѣ и другіе бываютъ рады, когда, наконецъ, избавляются отъ подобныхъ людей. Въ баталіонѣ же очень часто, будучи ненавидимы заключенными, эти люди за исполненіе шпіонскихъ обязанностей находятся подъ покровительствомъ начальства. Съ другой стороны, среди пришедшихъ за неисправимое поведеніе есть люди настолько порядочные, что начальство считаетъ небезопаснымъ держать ихъ у себя въ ротѣ и старается сбыть куда-

нибудь подальше. Сначала такого солдата начинаютъ сажать подъ арестъ. Поводовъ для этого всегда достаточно: поясъ слабо затянутъ, крючекъ изъ мундира вырвался, сапоги плохо блестятъ, за лѣность по службѣ, и т. д. А затѣмъ уже частое сидѣніе подъ арестомъ само по себѣ даетъ поводъ для суда за «неисправимое» будто бы поведеніе.

О членовредителяхъ, которыхъ въ баталіонѣ вообще немного, и я почти не встрѣчалъ, не могу говорить. Больше могу я сказать по поводу сектантовъ.

Вотъ, напримѣръ, Рябковъ, крестьянинъ Харьковской губ., лѣтъ 35 отъ роду, небольшого роста, съ темной бородой, растущей какъ-то въ ширину, и добрыми, живыми глазами каряго цвѣта. Толстовецъ по убѣжденію, онъ, будучи лѣтомъ 1904 года призванъ изъ запаса опять на службу, по соображеніямъ религіознаго свойства наотрѣзъ отказался идти на войну и вообще не хотѣлъ ни брать въ руки ружья, ни повиноваться какому-либо военному начальству. За этотъ отказъ отъ службы онъ былъ преданъ суду, приговорившему его къ 3 годамъ заключенія въ дисциплинарномъ баталіонѣ. Приговоръ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать, вѣры въ Рябковѣ не поколебалъ. Когда въ концѣ августа онъ прибылъ въ баталіонъ, то уже на второй или на третій день былъ посаженъ въ карцеръ, такъ какъ и здѣсь не надѣвалъ на себя казеннаго платья, не бралъ въ руки ружья, не повиновался начальству,—словомъ, дѣлалъ все то, за что его сюда заключили. Казалось бы, все въ порядкѣ вещей, но не такъ думало начальство. Не выпуская Рябкова изъ карцера, оно предало его вновь полковому суду, а этотъ послѣдній вновь приговорилъ его къ трехлѣтнему заключенію въ дисциплинарномъ баталіонѣ; кромѣ того, онъ этимъ же судомъ былъ приговоренъ къ шестимѣсячному содержанію въ карцерѣ. Когда эти 6 мѣсяцевъ окончились, Рябковъ былъ переведенъ въ роту, но въ тотъ же день все за то же преступленіе былъ опять отправленъ подъ арестъ и вновь преданъ суду. Судъ на этотъ разъ оказался милостивымъ, и срокъ заключенія Рябкова увеличился только однимъ годомъ, т. е. возросъ съ 6 до 7 лѣтъ. Приложеніе въ видѣ карцера на этотъ разъ было тоже пропорціонально уменьшено, а именно, назначено было Рябкову 2 мѣсяца карцера. Но, отсидѣвъ этотъ срокъ, Рябковъ уже не переводился въ роту, а продолжалъ сидѣть въ карцерѣ. Познакомился я съ нимъ въ первыхъ числахъ ноября 1905 года въ лазаретѣ, находящемся посреди двора, во второмъ этажѣ того самаго зданія, въ которомъ всѣ карцеры и военная тюрьма. Переведенъ былъ сюда Рябковъ послѣ четырнадцатимѣсячнаго пребыванія въ карцерѣ. За это время его нѣсколько разъ насильно одѣвали въ солдатское платье, но всякій разъ, какъ только насильники удалялись, онъ вновь снималъ съ себя все казенное, при чемъ оставался въ одномъ бѣльѣ, такъ какъ штатское платье съ первыхъ же дней

было у него отнято. Между тѣмъ, карцеръ, гдѣ онъ сидѣлъ, отоплялся очень плохо; зная это, другіе солдаты, рискуя попасть подъ арестъ, не разъ контрабандой передавали ему какую-нибудь рубашку, говоря, что все же въ двухъ ему будетъ теплѣе. Само собой разумѣется, что въ одномъ бѣльѣ на прогулку ходить нельзя, и Рябковъ никогда не выходилъ изъ своей сырой, полутемной камеры. Матрацомъ, который ему полагался, онъ не пользовался, горячей пищи не принималъ. Дѣлалось это вотъ почему: первое время, пока онъ пользовался матрацомъ и принималъ горячую пищу, его часто сажали въ «строгій карцеръ», какъ извѣстно, лишенный этихъ удобствъ. Сажали его туда съ цѣлью вынудить на компромиссъ. Но Рябковъ, замѣтивъ это, самъ отказался отъ горячей пищи, перейдя на хлѣбъ и воду, забросилъ свою постель и, такимъ образомъ, отнялъ послѣднюю возможность издѣваться надъ нимъ. Когда я его увидалъ, онъ былъ очень слабъ, лицо у него было желтое, какъ у покойника, и, благодаря постоянному головокруженію, онъ ходилъ, покачиваясь, какъ пьяный. Но, несмотря на это, глаза его были такіе живые, взглядъ такой спокойный и добрый, какого я никогда не встрѣчалъ у здоровыхъ людей при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ находился Рябковъ. Объ освобожденіи изъ баталіона онъ даже не мечталъ, а если и говорилъ когда-нибудь о лучшемъ будущемъ, то это относилось къ загробной жизни, въ которую онъ вѣрилъ. Но случилось такъ, что онъ былъ вскорѣ освобожденъ не смертью, какъ онъ ожидалъ, а живымъ дѣломъ живыхъ людей—возстаніемъ.

Былъ еще среди заключенныхъ сектантъ Бажаевъ, но о немъ я мало могу сказать. Это былъ тоже вполнѣ убѣжденный сектантъ, тоже крестьянинъ Харьковской губерніи, и чуть ли не изъ одной деревни съ Рябковымъ: такъ же его судили нѣсколько разъ за одно и то же преступленіе, такъ же сидѣлъ онъ въ одномъ бѣльѣ въ холодномъ карцерѣ, такъ же былъ нѣсколько разъ насильно одѣваемъ въ солдатскую одежду, такъ же всякій разъ сбрасывалъ ее съ себя и, благодаря этому, не ходилъ на прогулку. Разница заключалась только въ томъ, что Бажаевъ былъ человѣкъ очень сильнаго тѣлосложенія и прибылъ въ баталіонъ мѣсяцевъ на 6 позднѣе Рябкова.

Былъ въ баталіонѣ еще сектантъ Вилковъ, но его скоро освободили. О немъ я знаю только то, что онъ служилъ въ какомъ-то драгунскомъ полку, былъ уже вахмистромъ, но въ одинъ прекрасный день сбросилъ съ себя всѣ военные доспѣхи и заявилъ своему начальству, что по тѣмъ убѣжденіямъ, къ которымъ онъ пришелъ подъ вліяніемъ Христова ученія, онъ служить больше не можетъ. Лѣтъ пять послѣ этого онъ скитался по разнымъ тюрьмамъ и дисциплинарнымъ баталіонамъ, пока, наконецъ, попалъ въ нашъ и здѣсь, по какому-то «повелѣнію», былъ освобожденъ.

Болѣе трагична была судьба другого сектанта, находившагося въ баталіонѣ при мнѣ, — Синюка. Прибылъ онъ въ концѣ октября или въ началѣ ноября 1905 г. Не помню, на какой срокъ онъ былъ присланъ. Обвиненъ же онъ былъ за то же самое преступленіе, какъ и другіе сектанты: такъ же, какъ они, былъ онъ призванъ изъ запаса на дѣйствительную службу и по тѣмъ же мотивамъ отказался отъ чести быть защитникомъ престола отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Родомъ изъ Кіевской губ., онъ занимался сапожнымъ ремесломъ и принадлежалъ къ сектѣ меннонитовъ. На видъ ему было лѣтъ 30. Человѣкъ крѣпкаго тѣлосложенія, онъ, благодаря своей полнотѣ, розовымъ щекамъ и остроконечной русой бородкѣ, скорѣе походилъ на городского лавочника, чѣмъ на деревенскаго сапожника. По личной просьбѣ Даниловa онъ былъ назначенъ въ третью роту. Даниловъ хотѣлъ на немъ показать свое умѣніе «перевоспитывать» людей. Но къ цѣли своей онъ сталъ подходить «помаленьку», сталъ дѣйствовать «постепенно», но «неуклонно». Такъ, первымъ долгомъ, онъ обѣщалъ Синюку совершенно освободить его отъ всякихъ занятій: «Будешь сидѣть и шить сапоги, понялъ?»—сказалъ ему Даниловъ. Затѣмъ по поводу платья тоже сошлись на томъ, что Синюкъ, при своихъ сапогахъ, штанахъ и жилетѣ, будетъ надѣвать мундиръ, такъ какъ послѣдній все равно безъ погонъ, «какъ куртка», изъ шапки же Даниловъ позволилъ вынуть кокарду, поясъ позволилъ совсѣмъ не носить и лишь объ одномъ просилъ Синюка, чтобы, когда вся рота стоитъ на повѣркѣ, онъ становился гдѣ-нибудь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы могъ его видѣть провѣряющій офицеръ. Синюкъ согласился на эти условія, но при этомъ заявилъ, что больше этого ни на іоту не сдѣлаетъ. Первые два дня все дѣлалось по условію. Цѣлый день Синюкъ сидѣлъ въ своемъ углу, недалеко отъ дверей, и шилъ сапоги; во время повѣрки становился (безъ мундира, положимъ) такъ, чтобы его могли видѣть, и т. д. Но уже на третій день отъ него стали требовать, чтобы онъ становился на повѣрку въ мундирѣ и не гдѣ-нибудь, а въ строй; онъ отказался. Тогда началась такая исторія: какъ только рота становится на провѣрку, дежурный унтеръ-офицеръ беретъ изъ среды заключенныхъ пару бывшихъ унтеръ-офицеровъ, еще и теперь готовыхъ на всякія услуги, и эти господа ведутъ Синюка вдоль всей казармы и «ставятъ» его на лѣвомъ флангѣ. Идетъ онъ, не сопротивляясь, но, какъ только они выпускаютъ его изъ рукъ, онъ тотчасъ же покидаетъ строй. Иногда онъ спрашивалъ у своихъ провожатыхъ, какъ они за него получаютъ: «съ разу» или «помѣсячно»,—тѣ смущенно отмалчивались. Такъ тянулось нѣсколько времени. На обѣдъ въ это время онъ уже не ходилъ, такъ какъ въ отвѣтъ на репрессіи совершенно забросилъ свой мундиръ и шапку. Исключительностью своего положенія онъ сталъ обращать на себя вниманіе солдатъ

симпатія ихъ къ нему стала расти. «Вѣруетъ человѣкъ во Христа, хочетъ жить по Его, значитъ, правиламъ, ну, и пусть себѣ живетъ, зачѣмъ трогать»,—говорили солдаты. А между тѣмъ Даниловъ не отставалъ. Положеніе становилось напряженнымъ, всѣмъ казалось, что что-то должно произойти, и оно произошло.

Это было за нѣсколько дней до возстанія. Дежурилъ любимецъ капитана Данилова, унтеръ-офицеръ Рыховъ, черезъ котораго онъ приводилъ всѣ свои замыслы въ исполненіе. Вечеромъ, когда вся рота стояла готовой къ повѣркѣ, вдругъ послышался голосъ дежурнаго: «А гдѣ же Синюкъ? Сейчасъ, чтобы здѣсь быть въ полной исправности. Я тебѣ покажу!» крикнулъ онъ угрожающе и съ рѣшительнымъ видомъ направился къ тому мѣсту, гдѣ долженъ былъ находиться Синюкъ. Оказалось, что онъ стоитъ въ своемъ углу на колѣняхъ и молится Богу. «Взять его!» — скомандовалъ унтеръ, обращаясь къ двумъ правофланговымъ молодцамъ, но тѣ отвѣтили, что исполнятъ его приказаніе, когда Синюкъ кончитъ молиться. Слѣдующіе, къ которымъ онъ обратился, также отказались. Но, наконецъ, охотники нашлись, и, такъ какъ Синюкъ продолжалъ еще молиться, они взяли его подъ руки и потащили на лѣвый флангъ. Имъ было тяжело, они кряхтѣли, Синюкъ же былъ спокоенъ и, казалось, продолжалъ молиться. «Поставить его!» — послышалась команда, когда онъ былъ уже на мѣстѣ. Его ставили, но онъ тотчасъ же опускался опять на полъ. Въ рукахъ унтера появился мундиръ. «Одѣть на него»! — завопилъ онъ, и глаза его налились кровью. Начали одѣвать. «Братцы, не сюда руку загибаете... въ другую сторону она гнется»,—говорилъ Синюкъ одѣвающимъ его, но тѣ не слушали. «Братцы, не сюда гнете... больно... ой, больно..!»—простоналъ онъ и, весь поблѣднѣвъ, откинулся назадъ. Солдаты, среди которыхъ многіе съ трудомъ владѣли собой еще въ то время, когда Синюка тащили въ строй, наконецъ, не выдержали и громко запротестовали. Унтеръ смутился и не зналъ, что дѣлать, сектантъ же спокойно поднялся съ земли и побрелъ въ свой уголъ. Было ясно, что Даниловъ потерпѣлъ пораженіе. Оставалось или дать упрямому Синюку полную свободу, или посадить его подъ арестъ. Даниловъ, конечно, предпочелъ второе, и въ тотъ же вечеръ Синюкъ былъ отправленъ туда, гдѣ столько мѣсяцевъ уже томились Рябковъ съ Бажаевымъ. «Простите, братцы, если кого обидѣлъ»,—обратился онъ къ ротѣ въ то время, какъ конвой уводилъ его въ карцеръ. «Прости ты насъ», въ отвѣтъ говорили ему солдаты и грозно косились на тѣхъ изъ товарищей, кто принималъ участіе въ гнусномъ насиліи надъ беззащитнымъ человѣкомъ. Думая о происшедшемъ, я долго не могъ уснуть въ эту ночь, и мысленно давалъ себѣ слово всю жизнь бороться за тотъ будущій строй, при которомъ не будетъ уже больше ни мучителей, ни мучениковъ.

VII.

Броженіе.

Итакъ, солдатъ, не исполнившій приказанія, солдатъ, отвѣтившій на оскорбленіе оскорбленіемъ, солдатъ, вѣрующій не такъ, какъ бы хотѣлось начальству, или просто не угодившій послѣднему, вотъ тѣ страшные преступники, для которыхъ созданы дисциплинарные баталіоны съ ихъ варварскимъ режимомъ. Понятно, что никто изъ этихъ «преступниковъ» себя таковымъ не признаетъ, а считаетъ себя «понапрасну» страдающимъ. Убѣждается онъ въ этомъ еще во время суда, гдѣ онъ лишенъ всякой защиты и гдѣ его обыкновенно судятъ тѣ же офицеры, противъ которыхъ онъ совершилъ свое преступленіе, или ихъ друзья. Отсюда становится понятнымъ и то озлобленіе, о которомъ я упоминалъ выше. Въ особенности считали себя напрасно страдающими запасные и тѣ, кто давно уже отслужилъ свой срокъ, но не увольнялся въ запасъ по случаю военнаго времени. Надежды запасныхъ на то, что по заключеніи мира ихъ всѣхъ распустятъ, были обмануты, а между тѣмъ, не смотря на всѣ строгости, не смотря на то, что въ баталіонъ никакой газеты, кромѣ «Свѣта», не допускаютъ, мы, благодаря тѣмъ деньгамъ, что я пронесъ, съ 1-го августа начали получать «Русское Слово», а затѣмъ перемѣнили его на «Сынъ Отечества». Какъ намъ это удалось устроить, я подробно разсказывать не буду; достаточно упомянуть пословицу, по которой выходитъ, что «нѣтъ семьи безъ урода». Такой уродъ нашелся даже въ семьѣ баталіоннаго начальства. Но дѣло не въ томъ, какъ мы добывали газету, а въ томъ, что ею пользовался чуть не весь баталіонъ, и не одному изъ заключенныхъ она открыла глаза, разъясняя непонятные для него вопросы.

Говоря о режимѣ, я забылъ упомянуть, что въ программу занятій входилъ законъ Божій или просто «законъ», какъ его называли въ баталіонѣ. «Законъ» этотъ бывалъ раза два въ недѣлю и почти всегда замѣнялся чтеніемъ «Шанхайскаго Вѣстника» (такъ прозвали у насъ «Свѣтъ»); читалъ обыкновенно кто-нибудь изъ заключенныхъ, а вся рота слушала; вотъ этимъ-то обстоятельствомъ мы обыкновенно и пользовались, чтобы прочитать вмѣсто «Свѣта» «Сынъ Отечества». Чтенія эти будили мысль, послѣ нихъ всегда начинались разговоры на темы, стоящія въ связи съ прочитаннымъ, и такимъ путемъ понемногу росло сознаніе.

Кромѣ того, немалую роль въ пробужденіи самосознанія дисциплинарцевъ сыгралъ командующій войсками военнаго округа генералъ NN во время своего посѣщенія баталіона въ сентябрѣ 1905 года. Я уже говорилъ, что большинство заключенныхъ было увѣрено, будто розга примѣняется къ нимъ незаконно, по произволу баталіоннаго начальства; многіе же изъ заключенныхъ счи-

тали и всѣ жестокости режима произволомъ и думали, что, если бы высшее начальство знало обо всемъ, что намъ приходится выносить, то положеніе наше было бы улучшено. Даже одинъ изъ сознательныхъ солдатъ хотѣлъ во время посѣщенія генерала заявить ему, что въ баталіонѣ порютъ розгами, и спросить, имѣютъ ли начальники на это право, и лишь съ трудомъ его удалось отговорить отъ этого безполезнаго шага. На дѣлѣ же уже во время приготовленія къ смотру можно было замѣтить, что режимъ, которому мы подверглись, былъ почти цѣликомъ санкціонированъ высшими властями. Такъ, напримѣръ, постели наши по прежнему оставались безъ простынь и одѣялъ, баки, изъ которыхъ мы ѣли, были изъ ржаваго желѣза и ихъ такими же оставили; по прежнему въ телѣгу впрягали вмѣсто лошадей солдатъ, занятій сдѣлалось еще больше, чѣмъ было, пища также нисколько не была улучшена и только одежда была выдана другая, но вѣдь это дѣлается всегда передъ всякими смотрами.

Какъ и вообще передъ смотромъ, было страшно много всякихъ работъ. Чистили помойныя ямы, вывозили всякій мусоръ, привозили песокъ, скребли полы, перекладывали съ мѣста на мѣсто дрова, перетаскивали какія то бревна, набивали свои матрацы новой соломой и, наконецъ, до изнеможенія, до тошноты возились съ одеждой, съ такъ называемой «пригонкой», заключающейся въ томъ, что каждому солдату выдаютъ на руки полную обмундировку всѣхъ трехъ сроковъ, т. е. 3 шинели, 3 мундира, 3 пары шароваръ и т. д.; все это по нѣскольку разъ примѣряется и затѣмъ на всемъ полученномъ заключенный долженъ имѣть принятымъ свой №. Всю эту массу одежды приходится на себѣ таскать изъ цейхгауза, снятую же съ себя упаковывать и нести въ цейхгаузъ. Однимъ словомъ, работы было больше, чѣмъ достаточно, и къ пріѣзду генерала солдаты едва держались на ногахъ отъ усталости. Обѣдъ намъ былъ выданъ въ этотъ день очень рано, и часа за два до пріѣзда командующаго мы, одѣтые въ одежду перваго срока, были построены въ своей казармѣ. «Производить смотръ поротно», — таково было желаніе самого генерала. Ноги сдѣлались уже совсѣмъ деревянными, тѣло начало ныть и казалось, что на голову надѣта толстая свинцовая оболочка. Когда въ коридорѣ послышался какой то шорохъ, производившій впечатлѣніе, будто кого-то тащутъ по полу. Но вотъ ротный командиръ сдѣлалъ знакъ и послышалась его команда:

— «Смирно! глаза напра...во!»

Всѣ замерли, обративъ свои взоры на дверь, въ которой появился со всей своей свитой генералъ. Этотъ большой начальникъ былъ маленькій старичекъ лѣтъ 80, сѣдой, какъ лунь, съ маленькимъ лицомъ, которое почти все покрывалось сѣдыми нависшими бровями и такими же пучками усовъ. Шелъ онъ медленно, едва передвигая ноги, но жалкая фигурка его, какъ будто недовольная своими ногами, вся устремлялась впередъ. Войдя въ роту,

онъ еще нѣсколько времени тащился вдоль фронта, заглядывая солдатамъ въ лицо горящими зловѣщимъ огонькомъ глазами, и затѣмъ только поздоровался.

Пройдя до конца, онъ опять вернулся на середину и потребовалъ журналъ взысканій. Всѣ съ замираніемъ сердца начали прислушиваться къ тому, что онъ прочтетъ въ этомъ журналѣ и что скажетъ, хотя, глядя на его фигуру, трудно уже было ожидать отъ него чего-нибудь хорошаго. «Такой-то арестованъ мною на 10 сутокъ за то, что слабо затягивалъ поясъ»; «такой-то арестованъ мною на 8 сутокъ за то, что не вымелъ пыль изъ-подъ топчана»; «такой-то за куреніе табаку, за лѣность по грамотѣ, за неопрятность и т. д., и т. д.», читалъ командующій войсками.—«А это что?» обратился онъ вдругъ къ подполковнику Бѣлопальцеву и прочиталъ: «такой-то арестованъ мною за шумъ во время купанія». Подполковникъ Бѣлопальцевъ, огромнаго роста дѣтина, гроза всего баталіона, струсилъ и такъ растерялся, что не зналъ, что отвѣтить. «Въ чемъ же выражался шумъ?»—приставалъ генералъ. Но грозный подполковникъ какъ школьникъ, не знающій своего урока, молчалъ и какъ-то безсмысленно смотрѣлъ на генерала, а тотъ продолжалъ: «Что онъ, барахтался въ водѣ? кричалъ?»—«Никакъ нѣтъ, ваше высокопревосходительство,—нашелся, наконецъ, Бѣлопальцевъ: — онъ ухватился за канатъ, которымъ огорожено мѣсто для купанія».—«А этого по уставу нельзя?»—спросилъ командующій и, не ожидая отвѣта, попросилъ въ другой разъ «формулировать понятнѣе». Слушая все это, мы съ трудомъ удерживались отъ смѣха и въ то же время намъ было досадно, что командующій не обращаетъ вниманія на сажаніе солдатъ въ карцеръ по пустякамъ, а проситъ только о томъ, чтобы понятнѣе записывали.

Но вотъ онъ сталъ читать дальше и всѣ навострили уши. Онъ читалъ на этотъ разъ о томъ, что одинъ изъ насъ былъ наказанъ розгами, и лицо его приняло какое-то доброе выраженіе.—«А часто вы примѣняете тѣлесное наказаніе?» мягко спросилъ онъ командира, и, когда тотъ отвѣтилъ, что только въ исключительныхъ случаяхъ, замолчалъ. Но для солдатъ уже было очевидно, что не у него нужно искать защиты отъ насилія и что не этотъ генералъ облегчитъ нашу участь. Особенно это стало ясно послѣ того, какъ онъ обратился къ солдатамъ съ рѣчью, которая состояла изъ какихъ-то нечленораздѣльныхъ звуковъ и въ которой только послѣднія слова были произнесены связно и для всѣхъ понятно. Вотъ они, эти слова, которыми онъ закончилъ свою рѣчь: «Казалось бы, что, попавъ сюда, вы должны бы быть тише воды, ниже травы, и этимъ передъ государемъ императоромъ загладить свою вину. Вы же, какъ я это вижу изъ журнала взысканій, даже здѣсь продолжаете совершать свои преступленія. Это вамъ непростительно!» Такою рѣчью онъ угостилъ всѣ роты, а зайдя въ карцеры и увидя тамъ «тяжкихъ преступниковъ», онъ окончательно разстроился и, топая но-

гами, кричалъ, что надо «пороть этихъ мерзавцевъ», которые «пачкаютъ» собой всю армію.

Легко себѣ представить, какъ повліяла такая ревизія на начальство, особенно послѣ того, какъ въ приказѣ по округу появилась благодарность командующаго войсками всѣмъ офицерамъ и кадровымъ нижнимъ чинамъ «за усердное исполненіе отвѣтственной службы» и, кромѣ этого, была еще выдана денежная награда. Но не осталась эта ревизія безъ вліянія и на солдатъ. Все, что они видѣли и слышали въ этотъ день, разбило въ нихъ всякую надежду на то, что о нихъ позаботятся, что въ ихъ положеніе войдутъ и улучшатъ его. А между тѣмъ газеты дѣлали свое дѣло: онѣ приносили извѣстія о забастовкахъ, о предстоящей амнистіи политическимъ, о созывѣ Государственной Думы и т. д., и т. д. «Вотъ,—говорили солдаты,—кто бунтуетъ, тому и облегченіе всякое дается, а мы вотъ молчали, намъ, значитъ, кромѣ карцера ничего нѣтъ». Изъ этого выводъ получался самъ собой: «надо бунтовать и намъ». Эти слова стали повторяться все чаще и чаще въ устахъ измученныхъ и озлобленныхъ солдатъ. Желаніе «бунтовать» стало возростать особенно сильно передъ всеобщей забастовкой, а когда прекратилось всякое движеніе, когда перестали получаться даже «Шпанскій Вѣстникъ», прекратилась получка солдатскихъ писемъ и не приходилъ этапъ, оно достигло своего апогея.

Начальство, казалось, шло навстрѣчу этому желанію. Такъ, напримѣръ, 12 октября послѣ занятій почему-то не былъ выданъ кипятокъ, а между тѣмъ этотъ послѣдній для большинства солдатъ замѣнялъ собой ужинъ, и въ столовую обыкновенно шло человѣкъ 10—15 изъ роты. Оставшись на этотъ разъ безъ чаю, заключенные рѣшили всѣ пойти на ужинъ, зная, что на всѣхъ его не хватитъ и, такимъ образомъ, будетъ законный случай выразить свой протестъ. Ужина, дѣйствительно, не хватило. Поднялся страшный шумъ, и казалось, что вотъ-вотъ вспыхнетъ что-то ужасное. Но явился новый командиръ батальона, который только недавно занялъ этотъ постъ и пользовался еще репутаціей «хорошаго», и кое-какъ уговорилъ солдатъ разойтись, обѣщая наказать виновника этого воровства и смотрѣть за тѣмъ, чтобы впередъ такія вещи не повторялись. На слѣдующій день настроеніе было у всѣхъ приподнятое. Разнесся слухъ, что началось всероссійское возстаніе и что армія переходитъ на сторону народа. Все это сильно взвинчивало нервы, и, когда на обѣдъ была подана по обыкновенію тухлая каша, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, отказались ее ѣсть, потребовавъ къ себѣ командира. Онъ тотчасъ же пришелъ и, попробовавъ кашу, сказалъ, что «нѣкоторый процентъ тухлоты по уставу *допускается*», но это уже совсѣмъ «чортъ знаетъ что», а затѣмъ приказалъ нагрѣть кипятокъ и купить солдатамъ по булкѣ «вмѣсто каши». Занятій въ этотъ день почти не было, всѣ выхо-

дили во дворъ и здѣсь открыто обсуждали планъ предполагаемаго возстанія, который заключался приблизительно въ томъ, чтобы, воспользовавшись какимъ-нибудь случаемъ, разобрать винтовки, запастись патронами, которые, какъ намъ извѣстно было, хранились въ одной изъ кладовыхъ, и затѣмъ, выйдя изъ баталіона и разбивъ казаковъ и полицію, вмѣстѣ съ народомъ и для народа овладѣть городомъ.

Много объ этомъ говорилось, но рѣшенія никакого еще принято не было. 13 октября вновь всѣ пошли на ужинъ; на этотъ разъ его было уже достаточно, но онъ почему-то отзывался керосиномъ. Поднялся опять шумъ, но, какъ и 12-го, все окончилось благополучно и дальше шума дѣло не пошло. Тѣмъ не менѣе начальство заволновалось не на шутку, рѣшило, что кто-нибудь «мутитъ», и вечеромъ во всѣхъ ротахъ былъ произведенъ обыскъ. Однако никакой «крамолы» найдено не было. На слѣдующій день, кромѣ первой роты, опять на занятія почти никто не становился, и заключенные, собираясь во дворѣ цѣлыми толпами, обсуждали все тотъ же вопросъ. Болѣе горячія головы возмущались тѣмъ, что были пропущены такіе удобные случаи, какъ тѣ, что происходили два дня подрядъ по поводу пищи, и говорили, что, если сегодня опять будетъ нехорошій обѣдъ, то слѣдуетъ прямо «начинать»; имъ возражали на это, что нужно сначала сговориться между собой, выбрать свое собственное начальство, которое бы руководило всѣмъ дѣломъ, и постараться какъ-нибудь снестись съ волей.

Такимъ образомъ, дѣло затягивалось. Между тѣмъ, и этотъ день не прошелъ безъ скандаловъ. На обѣдъ были сварены хорошія щи и жирная каша, но когда двѣ роты уже пообѣдали и въ столовую пришла другая смѣна, въ кашѣ нашлась сварившаяся мышь. Возмущенію солдатъ не было конца, и всѣмъ казалось, что настало время «начинать». Но этого не случилось и на этотъ разъ: опять все окончилось шумомъ и затѣмъ чаемъ съ булками. На занятія уже никто, кромѣ первой роты, не становился, и перетрусившее начальство не знало, что дѣлать съ недовольными солдатами. Ужинъ въ этотъ день былъ снесенъ, но и тутъ безъ скандала всетаки не обошлось, такъ какъ въ одномъ изъ баковъ плавалъ окурокъ. Солдатъ пятой роты Серегинъ, который ѣлъ съ товарищами изъ этого бака, понесъ его въ офицерское собраніе, чтобы показать дежурному офицеру плавающій въ бакѣ окурокъ, но былъ обвиненъ въ томъ, что самъ бросилъ туда этотъ окурокъ «съ цѣлью возмутить баталіонъ», и отправленъ подъ арестъ. Сначала его хотѣли даже подвергнуть тѣлесному наказанію, но, опасаясь волненія, которое эта мѣра могла вызвать среди и безъ того недовольныхъ солдатъ, на это не рѣшились. Въ пять часовъ, когда обыкновенно (по зимнему) дѣлается повѣрка и казарма закрывается на замокъ, весь баталіонъ находился во дворѣ и, не смотря на то, что барабанщикъ уже въ третій разъ выколачивалъ «сборъ» и дежурный

офицеръ просилъ разойтись, никто не двигался съ мѣста. Порѣшили на томъ, чтобы написать свои требованія и на слѣдующій день, вооружившись винтовками, выйти во дворъ и предъявить ихъ командиру. Предполагалось для исполненія этихъ требованій дать ему нѣсколько дней сроку, все это время бастовать и, если по истеченіи срока требованія не будутъ удовлетворены, начать возстаніе. Такой планъ былъ принятъ еще и потому, что надѣялись этимъ временемъ воспользоваться для того, чтобы узнать точнѣе, что дѣлается на волѣ и готовъ ли присоединиться къ намъ мѣстный гарнизонъ.

Принявъ такое рѣшеніе, собравшіеся начали пѣть пѣсни. Десятки лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ баталіонъ, стѣны его оглашались лишь свистомъ розогъ, стонами истязуемыхъ, да пѣніемъ молитвы во время поверки. Въ этотъ день онѣ впервые слышали живую пѣснь живыхъ людей. Жители предмѣстья, услышавъ эти необычайные для баталіона звуки, стали собираться за стѣной и громко выражали свое удивленіе. А пѣсни все гремѣли въ воздухѣ, оглашая собой окрестность. Гремѣли пѣсни, и становилось яснымъ, что такого баталіона, какимъ онъ былъ до сихъ поръ, больше не будетъ, а если еще и будетъ, то очень не на долго. Когда расходились по ротамъ, слышались возгласы: «въ ружье!» Казалось,—малѣйшій толчекъ, и тотчасъ же вспыхнетъ возстаніе, но, видно, было еще рано.

Вечеромъ въ четвертой ротѣ одинъ изъ заключенныхъ оскорбилъ унтеръ-офицера; за это его хотѣли отправить подъ арестъ, но рота не позволила. То же самое произошло и во второй ротѣ, тамъ тоже солдаты не дали арестовать своего товарища. Положеніе становилось опаснымъ, начальство должно было на что нибудь рѣшиться, и оно, дѣйствительно, рѣшилось. 15-го утромъ въ казармы явились ротные командиры и какъ не въ чемъ не бывало приказали выходить «на строевое». Всѣ тотчасъ же начали разбирать винтовки, полагая, что если во время занятія что-нибудь случится, то будетъ удобно начать, такъ какъ мы будемъ всѣ въ сборѣ и съ ружьями въ рукахъ. Насъ повели въ манежъ, тамъ приказали ружья составить въ козлы и, скомандовавъ: «направо! шагомъ маршъ!», вывели изъ манежа. Едва послѣдній солдатъ переступилъ порогъ, какъ двери манежа заперлись на заранѣе приготовленные запоры и къ нимъ былъ приставленъ караулъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ съ винтовками. Мы были обмануты, насъ провели, и мы, какъ маленькія дѣти, сами отдали свои ружья.

Послѣ этого неожиданнаго разоруженія настроеніе большинства круто измѣнилось, почти у всѣхъ опустились головы и только небольшая часть еще строила планы, какъ овладѣть оружіемъ. Дѣло въ томъ, что противъ насъ было человѣкъ 60 кадровыхъ, съ хорошими револьверами и большимъ количествомъ патроновъ. Затѣмъ, какъ мы думали, противъ насъ будетъ вся первая рота, которая

въ броженіи никакого участія не принимала и обезоружена не была. Въ виду этого предлагался, между прочимъ, такой планъ: въ то время, когда первая рота будетъ обѣдать въ столовой, ворваться въ ихъ помѣщеніе, забрать винтовки (штукъ 200), тѣ немногіе патроны, съ которыми они ходятъ въ караулъ и, прогнавъ кадровыхъ, захватить манежъ и, такимъ образомъ, окончательно вооружиться. Такъ говорили немногіе, но и эти, видя угнетенное настроеніе массы, тоже замолчали, и воцарилась гробовая тишина. Въ первую же ночь были арестованы тѣ, которыхъ въ страшную ночь солдаты не выдали, и все какъ будто вошло въ свою колею. Но что было подозрительно, такъ это то, что заключенные слишкомъ ужъ замолчали: видно было, что всякій думаетъ самъ про себя, и чувствовалось, что если теперь что-нибудь произойдетъ, то это будутъ уже не слова, разговоры. Не знаю, чувствовало ли это начальство, но только на первыхъ порахъ оно изо всѣхъ силъ старалось не дать повода къ возмущенію. Изъ происшедшихъ безпорядковъ не создали даже дѣла, и только одного Серегина, за представленный имъ окурокъ, посадили на 30 дней въ карцеръ. Но такъ продолжалось только дней десять, а потомъ въ тактикѣ начальства произошла новость въ сторону ухудшенія, и въ нѣсколько дней наше положеніе сдѣлалось хуже, чѣмъ было до броженія. Съ нами начали обращаться такъ грубо, какъ будто нарочно хотѣли вызвать насъ на протестъ и, пользуясь нашей безоружностью, устроить хорошее «усмиреніе».

Въ это же время начали дѣлать частые обыски и почти не позволяли разговаривать другъ съ другомъ. Наши силы ухудшились до невозможности, а когда заключенные, не заявляя даже никакого протеста, не ѣли ее, начальство ехидно спрашивало: «что, булочки захотѣли?» и прибавляло, что время булочекъ уже «прошло», и солдаты, молча, думая свою думу про себя, голодные возвращались въ свои казармы. Жить при такихъ условіяхъ становилось невыносимымъ, но баталіонъ молчалъ, и было что-то зловѣщее въ этомъ молчаніи. А начальство продолжало свое дѣло. Карцеры были переполнены, и намъ стали говорить о томъ, что скоро отнимутъ вилки, отнимутъ постели, и мы будемъ сидѣть весь день подъ замкомъ. Многіе не выдерживали такого режима, и число заболѣвающихъ стало увеличиваться. Попалъ въ ихъ число и я. Какъ-то внезапно я почувствовалъ сильную головную боль и ломоту въ костяхъ. Меня отвели въ лазаретъ и, такъ какъ у меня оказался сильный жаръ, оставили тамъ на полѣченіи. Болѣзнь эта прошла въ нѣсколько дней, и я упомянулъ объ этомъ только для того, чтобы разсказать, какъ я встрѣтился съ Серегинымъ. Онъ доживалъ въ карцерѣ уже послѣдніе дни, когда вдругъ заболѣлъ и, благодаря тому, что медицинскій персоналъ былъ далеко не такъ плохъ, какъ остальное начальство, его перевели въ лазаретъ.

Серегинъ былъ крестьянинъ лѣтъ 30, большого роста, и во всей его фигурѣ было что-то доброе, искреннее и товарищеское. Первыми словами его, когда онъ вошелъ въ лазаретъ, было: «Здравствуйте, братики! Ну, какъ вы здѣсь живете? У меня, братики мои, тамъ такая темнота была, что и теперь еще ничего не вижу». И, дѣйствительно, глаза его были красные, а вѣки опухшія; настроеніе же у него было очень хорошее, и весельемъ своимъ онъ тотчасъ же заразилъ всю нашу палату. Пошли шутки: «Ишь, они тебя за одинъ окурокъ какъ раздѣлали, а что, если бы ты имъ туда цѣлый «осьмакъ» всыпалъ? Навѣрно, повѣсили бы», — говорили ему. Онъ посмѣялся и сталъ разсказывать, какъ его арестовали, какъ тотчасъ же принесли 70 штукъ розогъ и хотѣли наказывать, какъ онъ готовъ былъ лучше быть разстрѣляннымъ, чѣмъ подвергнуться столь унизительному наказанію, и какъ, наконецъ, въ самый послѣдній моментъ розги были замѣнены тридцати-дневнымъ арестомъ.

— А ты «Ермака» пѣсню знаешь? — обратился къ нему все время молча сидѣвшій солдатъ.

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣчалъ удивленный Серегинъ.

— А грамотѣ знаешь?— приставалъ солдатъ.

— Знаю.

— Такъ ты вотъ что, возьми карандашъ и бумагу. Я тебѣ буду говорить слова, а ты записывай, понялъ? Потомъ выучи эту пѣсню наизусть и всякій разъ, когда ложишься спать и когда встаешь, пой ее вмѣсто молитвы, потому что она тебя отъ розогъ спасла.

— Вѣрно, вѣрно, братикъ»,—горячо подхватилъ Серегинъ,— кабы вы не запѣли тогда «Ермака», ей-Богу выпороли бы.

На слѣдующій день послѣ этой встрѣчи я выписался изъ лазарета. Оказалось, что режимъ за нѣсколько дней, которые я провелъ въ лазаретѣ, ухудшился еще больше. Буквально нельзя было ни съ кѣмъ сказать слова, чтобы объ этомъ не было доложено капитану Данилову. Но, не смотря на все это, настроеніе начало опять повышаться, и особенно стало замѣтно такое повышеніе послѣ того, какъ газеты принесли извѣстіе, что въ Севастополѣ происходитъ волненіе и что тамъ солдатами арестовано высшее начальство. Генералы, арестованные солдатами, — это дѣйствовало неотразимо, и заключенные начали поднимать головы. Какъ-то одинъ изъ заключенныхъ громко высказывалъ свое неудовольствіе пищей, которую, по его словамъ, и собаки не стали бы ѣсть. Это услышалъ фельдфебель. «Ты что сказалъ? Ну-ка, повтори!»— обратился онъ съ угрожающимъ видомъ къ недовольному. Тотъ слово въ слово повторилъ. Фельдфебель побагровѣлъ. «Эхъ, Багрова нѣтъ, онъ бы тебѣ всыпалъ сотнягу горяченькихъ, узналъ бы ты, что такое пища!»—«Багровыхъ вашихъ теперь подъ арестъ сажаютъ»,— смѣло отвѣтилъ солдатъ. «Вѣрно, вѣрно»,—подхватили другіе, и фельдфебель стушевался, проворчавъ: «я вамъ поговорю».

Эта сценка происходила 17 ноября, но болѣе опредѣленныхъ разговоровъ въ этотъ день совсѣмъ не было, и я былъ не мало удивленъ, когда 18-го утромъ мнѣ пришли сказать, что вторая и пятая роты, помѣщавшіяся въ одной казармѣ, всю ночь обсуждали планъ возстанія и готовы начать его хоть сейчасъ. Не успѣлъ я поговорить съ товарищами своей роты, какъ намъ былъ отданъ приказъ одѣться, и насъ повели въ манежъ. Всѣ офицеры и унтеръ-офицеры были въ полномъ вооруженіи, видъ у нихъ у всѣхъ былъ какой-то таинственный и замѣтно было, что они къ чему-то готовятся. Въ манежѣ (оказалось, что ружья находятся въ сосѣдней съ манежемъ кладовой, а не въ самомъ манежѣ, какъ мы думали) капитанъ Даниловъ сказалъ намъ приблизительно слѣдующее: «До моего свѣдѣнія дошло, что сегодня утромъ у васъ опять пошли разговоры относительно того, чтобы устроить бунтъ. Знайте, что, если что-нибудь возникнетъ, мы во что бы то ни стало усмиримъ, хотя бы для этого пришлось васъ всѣхъ до единаго перебить. У насъ имѣется человѣкъ 60 кадровыхъ, револьверы наши новѣйшей системы, выпускаютъ по 7 пуль въ 30 секундъ, и мы, не прибѣгая даже къ помощи первой роты, васъ всѣхъ перестрѣляемъ раньше, чѣмъ вы успѣете овладѣть ружьями. Въ заключеніе скажу вамъ, что бунтовъ военныхъ было много, но всѣ они кончались тѣмъ, что часть бунтовщиковъ была перебита во время мятежа, а остальнымъ доставались: каторга, арестантскія роты и дисциплинарный баталіонъ». Говорилъ онъ долго и просилъ, чтобы его рота не принимала участія въ мятежѣ, если таковой возникнетъ, такъ какъ ему, капитану Данилову, это будетъ «очень непріятно»; до другихъ ротъ ему дѣла нѣтъ, пусть онѣ «какъ хотятъ», но своей ротѣ онъ «отъ души желаетъ добра» и совѣтуетъ ей спокойно сидѣть въ казармѣ.

Вскорѣ послѣ этой рѣчи насъ повели на обѣдъ; вторая и пятая роты были во дворѣ и говорили намъ, чтобы мы не шли въ столовую, а рѣшались сейчасъ же «начинать»; но наша, 3 и 4 роты просили ихъ воздержаться немного и обѣщали послѣ обѣда сообща поговорить. Лица солдатъ первыхъ двухъ ротъ были возбуждены, глаза горѣли рѣшимостью, и видно было, что они готовы на все. По игрѣ случая въ этотъ день на обѣдъ былъ тотъ же самый супъ съ селедками, который намъ подали въ первый день по прибытіи въ баталіонъ. Но если въ тотъ разъ его, хоть съ трудомъ, можно было ѣсть, то на этотъ разъ онъ оказался совсѣмъ негоднымъ для ѣды, и мы вернулись въ роту голодные. Послѣ насъ пошли обѣдать вторая и пятая роты. «Сегодня что-нибудь будетъ»,—говорили солдаты, глядя на идущихъ въ столовую. И дѣйствительно было.

VIII

Возстаніе.

— У... у... у...—загудѣла вся столовая, когда былъ поданъ обѣдъ, и, опрокидывая столы, разливая пищу, солдаты съ шумомъ начали выходить во дворъ. Я бросился по направленію столовой и по дорогѣ замѣтилъ, какъ изъ баталіонной канцеляріи выскочилъ Даниловъ, съ револьверомъ въ рукахъ, и, подбѣжавъ къ толпѣ, произвелъ въ нее нѣсколько выстрѣловъ. Кто-то упалъ. Въ толпѣ послышалось: «насъ убиваютъ!» и всѣ, какъ пронзенные электрическимъ токомъ, съ крикомъ: «ура», бросились къ своимъ казармамъ. Цзынъ... цзынъ...—зазвенѣли разбиваемыя стекла, и съ дикимъ стономъ срывались двери со своихъ петлей. «Жги! ломай!» кричали обезумѣвшіе солдаты, ураганомъ носясь по казармамъ. Койки разлетались въ дребезги, рѣшетки вырывались изъ своихъ мѣстъ, когда казармы были окружены кадровыми унтеръ-офицерами, открывшими по намъ пальбу. Они стрѣляли въ окна, въ двери, и казармы были буквально засыпаны пулями, которыя градомъ ударялись о стѣны и, отбивая штукатурку, обсыпали ею ничего уже не чувствующихъ солдатъ. Казалось, что мы всѣ будемъ перебиты раньше, чѣмъ переступимъ порогъ казармы, и такимъ образомъ слова Данилова окажутся пророческими. Но вотъ въ этомъ хаосѣ разрушенія, среди начинавшагося уже пожара послышались возгласы: «къ манежу!» «въ ружье!» «Выходи! выходи!»—вопили десятки голосовъ, и доведенные до крайности солдаты, какъ огненная лава, устремились изъ казармы, опрокидывая по дорогѣ въ упоръ стрѣлявшихъ унтеровъ и порой обезоруживая ихъ. Видя, что въ казармахъ насъ не удержать, кадровые стянули всѣ свои силы къ манежу, который находился возлѣ воротъ, и оттуда начали стрѣлять залпами въ напиравшихъ солдатъ. Дѣло казалось проигрышнымъ. Наши ряды сильно рѣдѣли подъ ихъ залпами, а голыми руками было трудно что-нибудь сдѣлать съ этой хорошо вооруженной командой. Но, видя, что мы, не смотря на разстрѣлъ, которому насъ подвергаютъ, продолжаемъ наступать, и боясь, что въ концѣ концовъ мы всетаки овладѣемъ оружіемъ, начальникъ баталіона бросился въ первую роту и, желая двинуть ее противъ насъ, скомандовалъ: «Первая рота, въ ружье! Усмиримъ бунтовщиковъ!»

— «Кого усмиримъ? Своихъ? Никогда!»—отвѣчали «исправляющіеся».

Получивъ такой отвѣтъ, командиръ поспѣшно выбѣжалъ, а солдаты, разобравъ винтовки, съ крикомъ: «Впередъ, на кадровыхъ!» бросились вонъ изъ казармы. Кадровые встрѣтили ихъ

залпомъ. Завязалась перестрѣлка, во время которой первый взводъ былъ уже на сторонѣ первой роты, такъ какъ кадровые стрѣляли изъ револьверовъ, а солдаты изъ винтовокъ. Воодушевленные присоединеніемъ исправляющихся, на которыхъ совсѣмъ не надѣялись, остальныя роты, съ крикомъ: «ура», бросились впередъ и подъ страшнымъ огнемъ стали разносить манежъ и затѣмъ кладовую, гдѣ находились ружья. Тѣмъ временемъ часть солдатъ, захвативъ изъ кузницы большіе молотки и куски желѣза, громила одну кладовую за другой, разыскивая патроны. «Трахъ!.. трахъ!..» гремѣли залпы, быстро слѣдуя одинъ за другимъ, и стонъ разбиваемыхъ дверей сливался съ глухимъ рычаніемъ разъяренныхъ солдатъ. «Ишь, проклятая!»—воскликнулъ бѣжавшій мимо меня солдатъ Г. и, быстро сбросивъ лѣвый рукавъ своего мундира, носовымъ платкомъ перевязалъ себѣ простѣленную руку. Раны были, очевидно, изъ легкихъ, такъ какъ рука продолжала дѣйствовать по прежнему. «Братцы, свѣтъ виденъ»,—смѣясь, говорилъ другой, показывая товарищамъ простѣленную ладонь. А кадровые, между тѣмъ, продолжали стрѣлять. Вотъ ихъ залпъ ударился въ стѣну надъ нашими головами, и на насъ посыпались куски штукатурки. «Убили или нѣтъ?»—мысленно спрашивалъ я себя и къ удивленію своему чувствовалъ, что и на этотъ разъ ни одна шальная пуля меня не задѣла. Страху никакого у меня не было и только казалось забавнымъ, что стрѣляютъ такъ много, а я вотъ до сихъ поръ не убитъ и даже не раненъ. Но вотъ прозвучалъ новый залпъ и въ лѣвую ногу, надъ самой щиколкой, что-то ударилось и почувствовалась тупая боль. Смотрѣть было некогда, да и не хотѣлось. Мы видѣли, что насъ разстрѣливаютъ, и у всѣхъ было только одно желаніе: какъ можно скорѣй овладѣть оружіемъ и дать достойный отпоръ убивающимъ насъ.

«Ура...а...а! Ура...а...а!»—вдругъ послышалось въ толпѣ, громившей манежъ, и въ рукахъ ея засверкало оружіе. Кадровые дрогнули и, подхвативъ своихъ убитыхъ и раненыхъ, бѣжали, отстрѣливаясь, со двора, при чемъ убили одного изъ своихъ, случайно отъ нихъ отставшаго. «Патроновъ! Гдѣ боевые патроны?»—вырывалось изъ сотни грудей, но, кромѣ холостыхъ, ничего не находили. «Безъ боевыхъ ни съ мѣста!»—кричали солдаты, разстрѣливая холостые. Въ третьей ротѣ взвели человѣкъ 10 солдатъ, не желавшихъ принимать участія въ возстаніи, ихъ принудили взять и присоединиться, при чемъ упорствующихъ убѣждали ударами прикладовъ по спинѣ.

Вотъ по двору, направляясь къ воротамъ, бѣжитъ запасный солдатъ З., съ сѣрой котомкой за плечами. На видъ ему уже подъ сорокъ. Большого роста, неуклюжій, съ большимъ скуластымъ лицомъ, широкой рыжей бородой и сѣрыми безсмысленными глазами, онъ выглядѣлъ удивительно нелѣпо. Въ де-

ревнѣ у него осталась большая семья. За что онъ попалъ въ баталіонъ, онъ и самъ хорошенько не зналъ, да и вообще онъ мало что зналъ. Въ три мѣсяца онъ съ трудомъ выучилъ 8 или 9 буквъ и тѣ часто путалъ. Зналъ онъ твердо только то, что у него гдѣ-то тамъ, далеко въ деревнѣ, есть семья, которая безъ него голодаетъ и ждетъ не дождется, когда вернется домой ея единственный кормилецъ. Гдѣ-то въ разбитомъ цейхгаузѣ онъ нашелъ свою котомку, съ которою пришелъ въ баталіонъ, и съ нею онъ хочетъ теперь уйти обратно къ своей семьѣ. «Брось котомку, бери ружье!»— кричитъ ему одинъ, возмущенный его поведеніемъ, солдатъ и, видя, что тотъ не слушаетъ, бьетъ его по спинѣ прикладомъ. «Брось, говорятъ тебѣ!»—раздраженно повторяетъ солдатъ, и штыкъ его ружья готовъ воткнуться въ тупоумнаго З. Но, зная хорошо послѣдняго, я побѣжалъ на помощь и уговорилъ товарищей отпустить его. Будто спасая единственное свое дѣтище отъ грозящей ему опасности, бережно унесъ онъ свою котомку. Удалось ли ему добраться съ нею до своей семьи? Кто знаетъ? Думаю, что нѣтъ.

А патроновъ все еще не было, и мы начали приходить въ отчаяніе. Но вотъ послышалась радостная вѣсть: «Боевые! боевые!» и тотчасъ же было рѣшено двинуться въ городъ. «А тюрьма?» — раздалось въ толпѣ, и всѣ, стрѣляя на воздухъ, съ крикомъ: «Ура! Да здравствуетъ свобода!» бросились къ тюрьмѣ. Вмигъ была обезоружена державшаяся еще тамъ стража, и тяжелыя двери тюрьмы распахнулись передъ узниками. Съ горящими отъ счастья глазами и блѣдными отъ волненія лицами, одинъ за другимъ начали они быстро выходить изъ темнаго и сырого корридора на широкій дворъ, гдѣ восторженная толпа съ радостными криками встрѣчала своихъ товарищей, мѣсяцами томившихся въ ненавистныхъ казематахъ тюрьмы. Каждому изъ вновь освобожденныхъ тотчасъ же подавалось ружье, и въ честь ихъ освобожденія сотни выстрѣловъ огласили окрестность. Вотъ, какъ-то подпрыгивая отъ радости, что насталъ, наконецъ, долго жданный моментъ, выскакиваетъ заключенный N., который, по милости Данилова, 6 мѣсяцевъ протомился въ сыромъ полутемномъ карцерѣ и былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію. Схвативъ поданное ему ружье и крѣпко сжимая его сильными руками, онъ не своимъ голосомъ кричалъ, обращаясь къ товарищамъ: «Гдѣ Даниловъ? Дайте мнѣ сюда Данилова!» и, глядя на его мощную фигуру, на налившіеся кровью глаза, казалось, что если бы могли ему дѣйствительно подать Данилова, который, застрѣливъ нѣсколько человѣкъ, бѣжалъ въ самомъ началѣ возстанія, онъ бы, навѣрно, растерзалъ его въ клочки.

Въ противоположномъ концѣ двора еще громили баталіонную канцелярію, уничтожая всѣ находившіеся въ ней бумаги, въ нѣсколькихъ мѣстахъ еще поджигали не зажженныя казармы, но настроеніе уже становилось праздничнымъ, такъ какъ мы сдѣлались

въ баталіонѣ полными хозяевами и, пока что, чувствовали себя побѣдителями. Выстрѣлы, перемѣшиваясь съ возгласами, не умолкали. «Да здравствуетъ революція!»—кричали одни. «Долой начальство!»—подхватывали другіе, и при этомъ многіе обнимались, крѣпко цѣлуя другъ друга. Вдругъ кто-то сообщилъ, что въ церкви запрятались офицеры: «Веди ихъ сюда!»—закричали солдаты, и черезъ минуту изъ церкви были выведены два офицера. Одинъ изъ нихъ былъ командиромъ второй роты, а другой полуротнымъ той же роты. Оба перепуганные до потери сознанія, они не въ состояніи были идти, и солдатамъ буквально пришлось тащить ихъ за собой. «Братцы, не убивайте!» — слабымъ голосомъ молили они возставшихъ солдатъ. «Ступайте, ступайте, кто о васъ руки пачкать будетъ», — говорили имъ солдаты и при этомъ добавляли: «Эхъ, вы, когда намъ шкуры спускали, героями были, а чуть дѣло до своей шкуры дошло, сейчасъ по угламъ попрятались!» И, подведя ихъ къ калиткѣ, ведущей въ офицерскій дворъ, но на этотъ разъ оказавшейся закрытой, ихъ подсадили на стѣну и оттуда столкнули во дворъ.

Разгромивъ все, что можно было, баталіонъ съ музыкой и краснымъ флагомъ, сдѣланнымъ изъ наволочки какого-то унтеръ-офицера, двинулся въ городъ. Выйдя на улицу, мы замѣтили, что жители предмѣстья всѣ разбѣгаются, закрывая свои лавочки и ставни домовъ. «Насъ считаютъ своими врагами!»—мелькало у многихъ изъ насъ въ головѣ, и намъ было страшно обидно. Встрѣчая испуганныхъ бѣгленовъ, мы останавливали ихъ, пожимали имъ руки и уговаривали, чтобы они насъ не пугались, такъ какъ мы такіе же крестьяне и рабочіе, какъ они, и дурного имъ ничего не сдѣлаемъ. «Мы за васъ, за народъ!»—кричали имъ изъ рядовъ, и они успокаивались. Во избѣжаніе грабежа со стороны худшей части баталіона, нѣсколько десятковъ человѣкъ цѣпью растянулись по сторонамъ, и такимъ образомъ желавшіе грабить натыкались на штыки своихъ же солдатъ. Все время пути играла музыка и раздавались выстрѣлы кверху. Ноги поднимались сами собой и все существо будто говорило: «Свобода! Свобода! Свобода!» И во имя этой свободы хотѣлось умереть, лишь бы не возвращаться въ то ненавистное рабство, изъ котораго мы только что вышли съ такими жертвами. Вотъ мы проходимъ мимо огромнаго зданія, гдѣ жило все наше начальство. Десятки лѣтъ засѣвшее на смерть молча терпѣвшихъ солдатъ, оно, видя ихъ пробужденіе, все разбѣжалось, покинувъ свое имущество на произволъ судьбы. У многихъ было желаніе разбить этотъ домъ, но нельзя было терять времени, такъ какъ мы хотѣли пройти въ городъ и тамъ, заняв какое-либо общественное зданіе, выработать окончательно свои требованія, обратиться съ воззваніемъ къ населенію и послать депутацію въ стоявшій въ городѣ пѣхотный полкъ съ предложеніемъ присоединиться къ намъ. Однако этому плану не удалось осуще-

ствиться. Когда мы начали приближаться къ мосту, отдѣлявшему городъ отъ предмѣстья, то издали замѣтили какую-то черную массу. Кто-то сказалъ, что это желѣзнодорожные рабочіе, и нѣкоторымъ изъ насъ даже казалось, что виднѣется красное знамя. Но все это было ошибкой: въ дѣйствительности по ту сторону моста стояли въ полной боевой готовности пѣхотный полкъ и впереди его двѣ сотни казаковъ.

Разсчитывая, что дѣйствовать оружіемъ противъ насъ не рѣшатся, мы двинулись было на мостъ, но насъ тотчасъ же предупредили, что будутъ стрѣлять. Тогда, чтобы не вызвать безполезнаго кровопролитія, мы остановились, рѣшивъ послать парламентеровъ, съ цѣлью узнать, каково настроеніе солдатъ, высланныхъ противъ насъ. Во время переговоровъ офицеры требовали, чтобы мы вернулись къ своимъ пылающимъ казармамъ, предварительно выдавъ имъ свои ружья, и угрожали въ противномъ случаѣ открыть огонь. Въ отвѣтъ на это наши парламентеры вынули изъ своихъ кармановъ нѣсколько десятковъ боевыхъ патроновъ, и, показавъ ихъ офицерамъ, сказали, что мы будемъ отвѣчать тѣмъ же. Черезъ головы офицеровъ они обратились къ солдатамъ съ вопросомъ, будутъ ли они стрѣлять въ своихъ. Пѣхотинцы промолчали, а казаки заявили, что будутъ стрѣлять, «какъ въ собакъ». Когда парламентеры вернулись и передали результаты переговоровъ, въ рядахъ возставшихъ начали придумывать планы, какъ проникнуть въ городъ. Одни предлагали какой-то обходный путь, другіе, болѣе рѣшительные, настаивали на томъ, чтобы идти «прямо» и пройти въ городъ, или погибнуть на мѣстѣ. Случилось бы, конечно, послѣднее, такъ какъ насъ было не болѣе 600 человѣкъ, а противъ насъ стоялъ цѣлый полкъ и двѣ сотни казаковъ. Былъ еще и третій планъ. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы нѣсколькимъ человѣкамъ взять съ собой револьверы, которые мы отняли у кадровыхъ унтеръ-офицеровъ, перейти мостъ, якобы для веденія переговоровъ, и неожиданно перебить офицеровъ, которые стояли одной кучкой на мосту. Оставшись безъ начальства, солдаты перейдутъ на нашу сторону, думали предлагавшіе этотъ планъ. Но какъ онъ, такъ и другіе планы большинствомъ отклонялись, и мы не знали, что предпринять. А между тѣмъ наступалъ уже вечеръ, былъ порядочный морозъ, дулъ вѣтеръ и на мосту стоять было нестерпимо холодно; положеніе становилось натянутымъ и съ минуту на минуту можно было ожидать, что начнется братоубійственное сраженіе. Но вотъ, съ той стороны прискакалъ вѣстовой и передалъ, что пріѣхалъ генералъ, начальникъ мѣстнаго гарнизона, и «проситъ» прислать людей для переговоровъ. Батальонъ согласился, и въ результатѣ я съ однимъ товарищемъ, пробывшимъ въ батальонѣ около года и заслужившимъ уваженіе со стороны заключенныхъ, были посланы для веденія переговоровъ. Вмѣстѣ съ нами переломъ по ту сторону былъ и нашъ батальонный командиръ. Онъ храбрился и, называя насъ «господами депутатами», говорилъ, что

знаетъ насъ, что ему уже о насъ «говорили» давно и что мы затѣяли «нехорошее дѣло». На вопросъ генерала, чего мы хотимъ, мы заявили желаніе пробыть въ городѣ 4, кромѣ того, предъявили цѣлый рядъ требованій, среди которыхъ находились слѣдующія: 1) полная и безусловная отмѣна тѣлеснаго наказанія; 2) вѣжливое обращеніе; 3) полное освобожденіе всѣхъ запасныхъ и тѣхъ, которые уже окончили срокъ дѣйствительной службы; 4) сокращеніе срока на половину всѣмъ остальнымъ; 5) право выписывать за свой счетъ всѣ газеты и журналы. Съ своей стороны генералъ, говоря, что удовлетвореніе нашихъ требованій не въ его власти, настаивалъ на выдачѣ нами оружія, обѣщая въ противномъ случаѣ стрѣлять. Когда же мы заявили, что на выстрѣлы будемъ отвѣчать выстрѣлами, генералъ воспылалъ гнѣвомъ и закричалъ: «Оставить ихъ здѣсь!» Насъ тотчасъ же провели немного впередъ и оставили между войсками. Видя, что насъ арестовали, возставшіе предположили, что по нимъ откроютъ сейчасъ огонь, и отошли вглубь предмѣстья, считая опаснымъ оставаться на такомъ открытомъ мѣстѣ, какъ мостъ. Въ свою очередь мы двое послѣ того, какъ насъ задержали, считали себя уже погибшими и думали, какъ съ нами поступятъ: просто разстрѣляютъ или посадятъ въ тюрьму и затѣмъ будутъ судить. Но вотъ генералъ распорядился двинуть на предмѣстье отрядъ изъ сотни казаковъ и двухъ ротъ солдатъ. Началось передвиженіе. Замѣтивъ, что происходитъ какое-то замѣшательство и что на насъ совсѣмъ не смотрятъ, мы спокойно вошли на мостъ, перешли его и, видя, что никто насъ не задерживаетъ, спустились въ поле. Думали было мы пробраться къ своимъ, но привести этотъ планъ въ исполненіе намъ уже не удалось, такъ какъ кругомъ разъѣзжали казачьи патрули и, чтобы не попасться подъ ихъ выстрѣлы, мы нѣсколько разъ должны были прятаться въ кустахъ и оврагахъ, тѣмъ болѣе, что свои винтовки мы оставили у товарищей, уходя для веденія переговоровъ. Положеніе наше было критическое, и намъ оставалось одно изъ двухъ: или отдаться въ руки начальства или, добывъ себѣ вольное платье, бѣжать. О томъ, чтобы отдаться начальству, противъ котораго мы возстали, мы не хотѣли даже думать и, слѣдовательно, намъ оставалось только одно—бѣжать.

IX.

Побѣгъ.

Былъ уже вечеръ. Надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стояли наши казармы, виднѣлось красное зарево. Ноябрьское небо было сплошь усѣяно звѣздами, безучастно смотрѣвшими на все происходившее внизу. Мы стояли среди мерзлаго поля и не знали, куда направиться, что предпринять. У меня было еще 10 рублей, но они были отданы на храненіе товарищу Г., служившему въ первой ротѣ.

При себѣ же у насъ ничего не было; не было даже штатскаго платья, и мы не знали, какъ его добыть; при этомъ товарищъ мой Б. былъ въ одномъ мундирѣ, такъ какъ, покидая казарму, забылъ надѣть шинель, а между тѣмъ на дворѣ стоялъ морозъ, къ вечеру все усиливавшійся; вдобавокъ оба мы были страшно голодны и отъ усталости едва держались на ногахъ. Время было дорого, и мы рѣшили во что бы то ни стало добыть себѣ поскорѣе какую нибудь одежду, пробраться въ ней въ городъ и тамъ искать себѣ помощи. Къ несчастію, ни у меня, ни у Б. кругомъ на цѣлую тысячу верстъ не было ни одного знакомаго человѣка. Мѣстность намъ тоже была незнакома и, чтобы легче добраться до какого-нибудь жилья, мы вышли на желѣзнодорожное полотно. Здѣсь мы случайно разговорились съ какимъ-то желѣзнодорожнымъ мастеромъ, который, узнавъ наше намѣреніе, посовѣтовалъ намъ пройти немного по полотну, затѣмъ свернуть въ ближайшій хуторокъ, добыть какое-нибудь платье и уже оттуда пройти въ городъ какъ разъ съ противоположной стороны отъ предмѣстья. Мы пошли по его указаніямъ и черезъ часъ были въ той деревенькѣ, о которой онъ намъ говорилъ.

Зайдя въ первый попавшійся домикъ, въ которомъ свѣтился огонь, мы очутились въ небольшой, но довольно уютной комнатѣ, съ иконой въ углу и нѣсколькими картинками на стѣнѣ. За большимъ квадратнымъ столомъ, на которомъ стоялъ кипящій самоваръ, сидѣли старушка и молодая женщина, съ ребенкомъ на рукахъ, а возлѣ нихъ на лавкѣ, спустивши ноги, какъ большая, сидѣла дѣвочка лѣтъ 2—3, и всѣ пили чай съ полубѣлымъ хлѣбомъ. Приняли насъ здѣсь очень привѣтливо и, когда черезъ нѣсколько минутъ я сидѣлъ за общимъ столомъ и тоже пилъ чай, мнѣ невольно вспомнилось далекое прошлое, когда я жилъ въ кругу родныхъ и друзей. Вскорѣ пришли мужчины: отецъ тѣхъ дѣтей, которыхъ мы видѣли, и его братъ,—оба они оказались желѣзнодорожными рабочими и, узнавъ, что намъ нужно, вмигъ разыскали у себя два старые пиджака и двѣ шапки. Пиджакъ, доставшійся Б—му, еще можно было кое-какъ надѣть, но мой, это было что-то ужасное, сплошныя лохмотья: пришлось, однако, удовлетвориться и этимъ, такъ какъ лучшаго не было и нужно было, пока не поздно, пробираться въ городъ.

Собираясь уходить, мы страшно жалѣли, что съ нами нѣтъ нашихъ друзей Г. и Р. и что мы уже никогда, быть можетъ, съ ними не увидимся. Но какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ мы объ этомъ говорили, произошло чудо—открылась дверь и на порогѣ появился рослый красавецъ Г., а за нимъ черноглазый подвижной Р. Со слезами на глазахъ, точно десять лѣтъ не видались, бросились мы другъ другу въ объятія. Оказалось, что возстаніе уже подавлено и, кто можетъ, спасается бѣгствомъ. Въ эту деревню они попали совершенно случайно и случайно же зашли именно въ этотъ домикъ.

Намъ оставалось только радоваться этой счастливой случайности. Кстати, и деньги, которыя хранились у Г., оказались при немъ, такъ какъ наканунѣ онъ хотѣлъ ихъ запрятать куда-то въ болѣе надежное мѣсто, но ему это не удалось, и къ началу возстанія онѣ были у него въ карманѣ. Кромѣ моихъ десяти рублей, у него было еще своихъ рубля два, и, такимъ образомъ, мы имѣли по 3 рубля на человѣка. Съ этими деньгами мы рѣшили добраться до одного большого города, гдѣ у Р. имѣлись знакомые. Теперь нашимъ главнымъ желаніемъ было уйти какъ можно дальше отъ города. Но такъ какъ взять билеты прямо до мѣста у насъ не хватило бы денегъ, да и не безопасно было показываться на вокзалъ, мы рѣшили сначала пройти пѣшкомъ до ближайшей большой станціи (100 верстъ), а тамъ уже сѣсть въ поѣздъ, благо Г. и Р. были уже переодѣты. Но что это были за костюмы! Изъ-подъ рваныхъ пиджаковъ торчали мундиры, изъ-подъ истрепанныхъ шапокъ блестѣли чуть не бритые черепа, а сапоги и шаровары оставались солдатскіе.

Я не стану разсказывать подробно о томъ, какъ мы шли, какъ, не будучи въ состояніи двигаться, ночью спали часа два въ снѣгу, какъ чуть было не замерзли... Довольно сказать, что на слѣдующій день вечеромъ мы были уже на станціи, изъ ста верстъ проѣхавъ всего 15, и то на открытой площадкѣ товарнаго вагона. Очутились мы тамъ за полчаса до отхода поѣзда. Сейчасъ же Б., какъ имѣвшій болѣе приличный видъ, пошелъ покупать билеты. Р. отправился за нимъ, Г. сталъ въ сторонѣ, прислонившись къ забору, а я, такъ какъ у меня зябли ноги, началъ расхаживать взадъ и впередъ по темному концу платформы. Вдругъ возлѣ меня, какъ изъ-подъ земли, выросла огромная фигура жандарма. Одной рукой ухвативъ меня за рукавъ, онъ другою нащупалъ воротникъ моего мундира и обрадовался: «Ну-ка, говори, сколько васъ? Одного я сейчасъ задержалъ,—это, навѣрно, твой товарищъ?» Я догадался, что онъ задержалъ Б. и, не отрицая того, что я солдатъ, сказалъ, что я одинъ, что забѣжалъ я сюда «со страху», теперь не знаю, куда дѣваться, и былъ бы ему, жандарму, очень благодаренъ, если бы онъ меня какъ-нибудь отправилъ на казенный счетъ, такъ какъ своихъ денегъ у меня нѣтъ. У меня была еще надежда, что меня могутъ пустить одного, безъ конвоя, и тогда я поѣду туда, куда мнѣ нужно будетъ. Когда мы подходили къ дверямъ жандармской комнаты, мой провожатый вдругъ остановился и, какъ-то довѣрчиво глядя на меня, спросилъ: «Если ты его знаешь, то скажешь мнѣ?» Я обѣщалъ непремѣнно сказать, но каково же было его огорченіе и моя радость, когда задержаннаго Б. въ комнатѣ не оказалось. «А гдѣ тотъ?»—волнуясь, спросилъ жандармъ вахмистра, который сидѣлъ за столомъ и что-то писалъ. «Тотъ не солдатъ, я его отпустилъ»,—спокойно отвѣчалъ вахмистръ. «Какъ не солдатъ?—волно-

вался мой жандармъ, — да я же у него самъ мундиръ видалъ подъ низомъ». «Выдумывай, — все также невозмутимо отвѣчалъ вахмистръ, — съѣдь сразу видать, солдатъ аль не солдатъ». Жандармъ побѣжалъ искать, но черезъ нѣсколько минутъ вернулся ни съ чѣмъ. Послышался второй звонокъ, я чувствовалъ, что товарищи сейчасъ уѣдутъ, бѣлъ радъ за нихъ, и жалко мнѣ было, что я не съ ними. «А что, можетъ быть, я еще и не арестованъ?»—спрашивалъ я себя мысленно и, чтобы провѣрить, направился къ выходу. Но иллюзія моя была разрушена самымъ безпощаднымъ образомъ жандармскимъ окликомъ: «куда?» Это «куда», словно каменное зданіе, обрушилось на меня и придавило. Стараясь не думать о томъ, что меня ждетъ впереди, я легъ на скамью и, благодаря усталости, скоро уснулъ. Было уже за полночь, когда меня разбудили. Давъ какого-то провожатаго и попросивъ кондуктора съ японской физіономіей «присматривать», меня съ поѣздомъ 4-го класса отправили обратно туда, откуда я съ такимъ трудомъ вырвался. На душѣ было ужасно скверно, но въ то же время безпокойный мозгъ уже строилъ новые планы побѣга.

Наступало утро, поѣздъ, медленно тащась по высокой насыпи, былъ уже верстахъ въ полутора отъ города, изъ котораго я бѣжалъ. Внизу подъ насыпью начался какой-то поселокъ. «Здѣсь—подумалъ я—навѣрно, живутъ хорошіе, дорожные рабочіе, къ нимъ бы». И меня будто что-то толкнуло. «Выскочу», мелькнуло у меня въ головѣ и раньше, чѣмъ мой провожатый успѣлъ что-нибудь сказать я, вмѣсто уборной, очутился на площадкѣ вагона... затѣмъ прыжокъ... и, быстро перебирая ногами, чтобы не упасть, я сбѣжалъ съ насыпи. Когда я оглянулся, поѣздъ былъ уже далеко и никто за мною не гнался. Настроеніе мое сразу поднялось, и у меня явилась увѣренность въ томъ, что теперь я спасусь. Войдя въ первый попавшійся домикъ, я попалъ въ семью какого-то рабочаго, гдѣ ко мнѣ отнеслись очень сочувственно, напоили меня, накормили и, давъ надѣть цѣльную куртку, обмотали мнѣ шею теплымъ шарфомъ, чтобы не торчалъ воротникъ мундира. Теперь портили дѣло только солдатскіе штаны, да сапоги, но тѣмъ не менѣе уже можно было отправиться въ городъ, что я и сдѣлалъ. Придя туда, я часа два пробродилъ по улицамъ, не рѣшаясь ни къ кому зайти, пока, наконецъ, на одной изъ улицъ намѣтилъ себѣ домъ, въ который рѣшилъ зайти. Внѣшностью своей онъ ничѣмъ не отличался отъ остальныхъ домовъ, но когда я смотрѣлъ на него, то чувствовалъ, какъ чутье мнѣ подсказывало: «сюда можно». Войдя во дворъ, я встрѣтилъ въ немъ какого-то стараго еврея, у него спросилъ, кто живетъ въ этомъ дворѣ, онъ назвалъ мнѣ нѣсколько фамилій, и опять чутье указало мнѣ на одну изъ нихъ. «Къ нему можно»,—думалъ я, входя въ «его» квартиру, и случай помогъ мнѣ—я попалъ къ своимъ людямъ. Здѣсь прежде всего сняли съ меня рѣши-

тельно все солдатское, и только подъ машинку остриженные волосы напоминали о прошедшемъ.

На слѣдующій день меня повели на происходившій тогда губернскій съѣздъ учителей, гдѣ одинъ с.-р. читалъ рефератъ по аграрному вопросу. Глядя на собравшихся и слушая ихъ рѣчи, я съ удовольствіемъ замѣчалъ, что люди сильно выросли за время моего сидѣнія, и послѣ той обстановки, въ которой я провелъ около полутора года, мнѣ казалось, что я живымъ попалъ въ рай. Съ собранія меня отправили на ночлегъ въ одно очень симпатичное семейство, состоявшее изъ старушки матери, двухъ взрослыхъ дочерей и 10—11 лѣтняго мальчика-реалиста. У всѣхъ у нихъ были очень хорошія лица и поразительно красивые глаза. Почти до утра мы не спали въ ту ночь. Выслушивая мои безконечные разсказы о баталіонномъ житьѣ, они играли мнѣ на роялѣ и, будя такимъ образомъ уснувшія во мнѣ струнки, возвращали меня къ новой жизни. На слѣдующій вечеръ, распрощавшись съ своими новыми друзьями, о которыхъ на всю жизнь у меня останется свѣтлое воспоминаніе, я сѣлъ въ поѣздъ, который долженъ былъ умчать меня отъ того мѣста, гдѣ я видѣлъ столько зла, на далекій сѣверъ.

Но испытанія мои еще не кончились и раньше, чѣмъ я пріѣхалъ туда, куда меня такъ неудержимо влекло, со мной произошелъ еще одинъ казусъ, которымъ я и закончу свой незатѣйливый разсказъ. До Рязани оставалось еще верстъ 50. Въ вагонѣ было нѣсколько солдатъ съ ружьями. Всѣ они были запасные и, по ихъ словамъ, ѣхали въ Рязань увольняться. Между прочимъ, въ этомъ же вагонѣ сидѣло 2—3 бакинскихъ рабочихъ; одинъ изъ нихъ досталъ изъ кармана какую-то брошюрку и началъ ее читать вслухъ. Солдаты внимательно слушали. «Какая теперь свобода!» — думалъ я, лежа на верхней полкѣ, и, вспомнивъ, что у меня въ карманѣ есть программа партіи с.-р., досталъ ее и началъ просматривать. Сидѣвшій внизу солдатъ съ одной нашивкой замѣтилъ это и началъ приставать, чтобы я далъ ему почитать «листокъ». Я сказалъ ему, что это не листокъ и что ему не интересно будетъ читать, но онъ не унимался, и я долженъ былъ уступить. По близости оказался фельдфебель. Не знаю ужъ, испугался ли его солдатъ или самъ захотѣлъ отличиться въ дѣлѣ искорененія крамолы, но только кончилось тѣмъ, что на первой же станціи ко мнѣ былъ приглашенъ жандармъ, который первымъ долгомъ попросилъ мой «видъ». Таковой у меня оказался. Но, Боже, что это былъ за «видъ»! Во-первыхъ, онъ былъ просроченъ на цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ, затѣмъ онъ былъ такъ скверно написанъ, что ни фамиліи, ни названія волости нельзя было разобрать, родъ занятій—чернорабочій, возрастъ совсѣмъ не подходилъ и, въ довершеніе всего, было сказано «неграмотенъ». Жандармъ поѣхалъ со мной до Рязани, тамъ высадилъ меня и отвезъ на извозчикѣ въ жандармское управленіе. Видя, что дѣло приняло такой оборотъ, я уже сомнѣвался въ томъ, чтобы

мнѣ удалось выпутаться съ моимъ паспортомъ; къ тому же билетъ, взятый изъ того города, откуда я бѣжалъ, наголо остриженная голова и всего три дня послѣ событія—все это, вмѣстѣ взятое, настраивало меня очень пессимистично, и я ругалъ себя всѣми ругательствами, какія только могъ припомнить въ этотъ моментъ, за необдуманный поступокъ, которымъ испортилъ такъ хорошо налаживавшееся дѣло. Но, какъ ни какъ, въ глубинѣ души еще копошилась кое-какая надежда на то, что авось какъ-нибудь да отпустятъ, и я рѣшилъ, что, когда пріѣду въ жандармское управленіе, то, не отвѣчая ни на какіе вопросы (что я могъ отвѣчать?), буду только возмущаться насиліемъ надъ моей личностью, которое они совершили, арестовавъ меня, и вообще буду все время держаться тактики наступленія, ибо зналъ, что, если и можетъ меня еще что-нибудь спасти, такъ это единственно такая тактика. Такъ я и поступилъ. Раньше, чѣмъ жандармскій полковникъ открывалъ ротъ, чтобы задать какой-нибудь вопросъ, я начиналъ нападать на него, возмущаясь своимъ задержаніемъ. Вотъ пришелъ ротмистръ. Я видѣлъ, какъ на ихъ лицахъ появилась какая-то нерѣшительность, и надежда на освобожденіе стала крѣпнуть. Провозившись со мной часа три, они вызвали товарища прокурора, но когда тотъ попытался задать мнѣ какой-то вопросъ, я былъ окончательно взбѣшенъ и потерялъ уже всякое самообладаніе. «Грубому жандарму, вѣчно чинившему произволъ, я могъ еще кое-какъ простить, но ему, человѣку съ высшимъ образованіемъ, ему, блюстителю законности! О, нѣтъ! Ему ужъ я ни за что не могъ этого простить»... И, говоря это, я смотрѣлъ на него съ такимъ презрѣніемъ и такъ волновался, что онъ началъ меня просить успокоиться и, не сказавъ больше ни единаго слова, вышелъ въ другую комнату. Возмущеніе мое, которое, къ слову сказать, было вполнѣ искреннимъ, такъ какъ очень ужъ мнѣ непріятно было опять засѣсть, помогло, и черезъ нѣсколько минутъ самъ полковникъ вынесъ мнѣ обратно мой паспортъ и билетъ. Чтобы своей радостью не навлечь на себя подозрѣнія, я рѣшилъ выдержать до конца и, не беря у него изъ рукъ своего паспорта, требовалъ, чтобы мнѣ былъ нанятъ извозчикъ, такъ какъ, по ихъ прихоти, я очутился такъ далеко отъ вокзала. Въ концѣ концовъ жандармы были рады, когда я, какъ будто не хотя, вышелъ.

Очутившись опять въ вагонѣ, я забрался на верхнюю полку, давъ себѣ слово не слѣзать съ нея и больше ни съ кѣмъ не разговаривать до тѣхъ поръ, пока не доберусь до мѣста. И я добрался. Вотъ вокзалъ, къ которому я не подъѣзжалъ уже нѣсколько лѣтъ. Вотъ опять знакомыя улицы... Вотъ домъ, въ которомъ она живетъ... Вотъ я бѣгу уже по лѣстницѣ... Еще моментъ—и я въ объятіяхъ лучшаго своего друга, самаго близкаго мнѣ человѣка. «Живъ... свободенъ...» шепчутъ ея поблѣднѣвшія уста и слезы радости блестятъ

скій, къ сожалѣнію, отсутствовалъ: его послали на Буруцукъ предостеречь плотниковъ.

Между тѣмъ, Самуилъ, немного обезпокоенный, ожидалъ появленія исправника въ его красной гостиной.

— Видите въ чемъ дѣло,—заговорилъ исправникъ, обмѣниваясь съ нимъ обычнымъ привѣтствіемъ,—я хочу васъ спросить кой о чемъ... Въ сущности... мнѣ необходимо... съ вами... посовѣтоваться!

Онъ взялъ Самуила подъ руку и повелъ въ сосѣдній еще болѣе укромный кабинетъ.

— Не угодно ли сигару?

— Благодарю. Предпочитаю папиросы.

— Видите, я получилъ распоряженіе, чтобы...—Самуилъ крѣпко затянулся. Исправникъ тоже обильно дымилъ и пронизывалъ взглядомъ собесѣдника.

— Странное распоряженіе, смысла котораго я не понимаю. Очевидно, былъ отсюда доносъ... Приказано обратить особое вниманіе на васъ, господа... Полагаю, что вы не можете жаловаться на меня, я старался поступать съ вами по-человѣчески, и я надѣюсь, что вы не злоупотребите...

Онъ замолчалъ и даже дымъ сигары задержалъ въ груди; его глаза искали глазъ Самуила.

Тотъ принялъ вызовъ, но вдругъ почувствовалъ, что черты его лица предательски мѣняются.

— Не понимаю!..—сказалъ онъ, чтобы пресѣчь опасное для себя молчаніе.

Въ глазахъ исправника блеснулъ огонекъ и потухъ.

— Послушайте...—началъ онъ спокойно,—черезъ нѣсколько дней пріѣдутъ американцы и отправятся дальше къ морю искать слѣдовъ своихъ потерявшихся товарищей... Не знаю: послать ли съ ними помощника, или... самому ѣхать?

Самуилъ долго не отвѣчалъ; онъ уперся глазами въ край пепельницы, въ которую какъ разъ стряхивалъ пепелъ своего окурка, и, кажется, всецѣло поглощенъ былъ стремленіемъ не уронить ни пылинки на порядочно-таки грязную скатерть.

— Лучше... вы поѣзжайте!—отвѣтилъ онъ, наконецъ, тихо.

— Да-а?!

— Конечно... Ничто... не измѣнится!—продолжалъ спокойно Самуилъ.

— Покрасно! Понятно!..—уже весело возразилъ исправникъ.—Мнѣ, напримѣръ, приказано изъ губерніи объясняться съ американцами по-*русски*, приказано избѣгать *переводчиковъ*!.. Но развѣ это не смѣшно? Я догадываюсь объ истинномъ всего этого, и я могъ бы устроить имъ веселую штуку, но я долженъ... знать...

— Зачѣмъ вамъ знать? Устройте имъ... веселую штуку...

и все тутъ!.. Это всегда стоитъ сдѣлать!—отвѣтилъ ему въ тонъ Самуилъ.

Исправникъ задумался.

— Я не люблю скандаловъ. Я прямо ненавижу скандалы!..—вздохнулъ онъ.

— Ну, такъ предоставьте это другимъ, а сами оставайтесь всегда хорошимъ, миролюбивымъ и понимающимъ человѣкомъ, какимъ вы были для насъ до сихъ поръ...

Чиновникъ опять погрузился въ раздумье. Какая-то веселая мысль, очевидно, осѣнила его, такъ какъ улыбка заиграла на его губахъ. Онъ всталъ и протянулъ гостю руку.

— Благодарю!..

Самуилъ вышелъ.

— Иначе поступить я не могъ!.. Я считалъ нашей обязанностью, разъ онъ обратился къ намъ съ вопросомъ, осторожно предостеречь его!..—толковалъ онъ товарищамъ, собравшимся вечеромъ на совѣщаніе. — Онъ вѣдь, дѣйствительно, держался съ нами, относительно, порядочно. Онъ, правда, хитеръ, но въ то же время самолюбивъ и мстителенъ. И, несомнѣнно, больше ненавидитъ своихъ личныхъ враговъ, чѣмъ враговъ государства!

— Да, да... тѣмъ не менѣе, нужно остерегаться. Боже упаси насъ отъ войны, огня мора и полицейскихъ друзей!—вздыхалъ Негорскій.

— Главное, пемикенъ и лодка!

— О лодкѣ нечего безпокоиться!—отвѣтилъ Александровъ.

— Все спрятано отлично!

— Готовые уже припасы слѣдуетъ увезти немедленно изъ города, а съ заготовкой остальныхъ поспѣшить. Быстрота—единственное наше спасеніе!..

— Не знаю, право, способны ли мы еще больше торопиться?—замѣтилъ Гликсбергъ.

— Нужно раздѣлиться на двѣ смѣны и работать днемъ и ночью!..—посовѣтовалъ Петровъ.

— И держать постоянно наготовѣ заряженныя ружья!—добавилъ Красусскій.

— За тѣмъ, чтобы какимъ-нибудь необдуманнымъ, скоропалительнымъ поступкомъ провалить все окончательно...—разсмѣялся Аркановъ.—Господа, вы все это принимаете черезчуръ трагически... Велика важность: откроется—такъ откроется!..

— Какъ для кого!..—проворчалъ Красусскій.

— Полагаю всетаки, Красусскій, что вы не въ правѣ поступать исключительно по своему усмотрѣнію...

И мы можемъ требовать, чтобы ты не предпринималъ ни-

какихъ рѣшеній безъ нашего согласія!.. строго обратился къ другу Негорскій.

— Между тѣмъ, что онъ дѣлаетъ?! Я самъ видѣлъ, какъ онъ положилъ на верстакъ заряженный револьверъ!..—жаловался Гликсбергъ.

— Мы, пропагандисты, никогда на это не согласимся!— рѣшительно заявилъ Петровъ.

Бѣглецы постановили воспользоваться замѣшательствомъ, которое вызоветъ пріѣздъ американцевъ, ускорить работы въ сушильнѣ и вывезти болѣе крупныя тяжести за рѣку къ Яну. Красусскій обѣщалъ тоже поторопиться съ работами въ кузницѣ.

— Я бы уже многое успѣлъ сдѣлать, но у меня нѣтъ угля, и нельзя нажечь, пока не оттаяла земля! Нечѣмъ покрыть кучу сверху!..—объяснялъ онъ товарищамъ.

— Но всетаки якорь и болты для стягиванія боковъ лодки ты долженъ кончить раньше, чѣмъ испортится зимній путь. Иначе я не знаю, какъ мы перевеземъ такую тяжесть на тотъ берегъ. Кромѣ того, безъ болтовъ не сложишь лодки!..—настаивалъ Александровъ.

— Лодка... шлюпка!.. Какъ это пріятно звучитъ!.. — воскликнулъ Гликсбергъ.

Бѣглецы взглянули другъ на друга повеселѣвшими глазами. Настроеніе сразу улучшилось; даже траурное лицо Воронина прояснилось.

Нѣсколько дней спустя прибылъ въ Джурджуй мистеръ Морлей.

Въ этотъ разъ онъ посѣтилъ изгнанниковъ всего одинъ разъ, и то сидѣлъ у нихъ очень недолго, а матросовъ и совсѣмъ къ нимъ не пустилъ. Образцы пемикена, которые ему были представлены ссыльными, онъ похвалилъ, объяснилъ также кой-какія подробности по устройству лодки, о которыхъ они спрашивали его, но былъ все время молчаливъ и мраченъ.

— Странно: я чувствую, что мѣстныя власти, хотя по наружности любезны и доброжелательны на словахъ, на дѣлѣ постоянно враждебны ко мнѣ, во всемъ оказываютъ сопротивленіе!..—жаловался онъ Самуилу.

— Они злы на васъ за сочувствіе, выраженное намъ!

— Въ чемъ сочувствіе?—удивлялся мистеръ Морлей.— Развѣ въ томъ, что я воспользовался вашимъ гостепріимствомъ и вашимъ знаніемъ англійскаго языка?

— Этого совершенно достаточно. Правительство требуетъ отъ окружающихъ, чтобы они считали насъ за прокаженныхъ!

Мистеръ Морлей поднялъ вверхъ брови.

— Я думаю, что могу не раздѣлять этихъ мнѣній. Сознаюсь, я даже радъ оказанному мнѣ недовѣрію. Оно освобождаетъ меня отъ малѣйшихъ угрызеній совѣсти. Я догадываюсь, что вы устраиваете побѣгъ... Вмѣшаться въ это дѣло явно ни я, ни мои люди, понятно, не можемъ, но... я вамъ сочувствую! Вы вѣдь добиваетесь того, что мы, американцы, уже у себя имѣемъ...

— Не совсѣмъ! — подумалъ Самуилъ, но не счелъ своевременнымъ затѣвать теоретическіе споры. Онъ молча, съ чувствомъ, пожалъ протянутую ему руку.

Мистеръ Морлей взглянулъ куда-то въ бокъ, чтобы скрыть свое смущеніе.

— Надѣюсь, что мы встрѣтимся въ лучшихъ условіяхъ!.. Вѣдь вездѣ было рабство... И мы нашу свободу тоже добыли!..

Пришелъ казакъ отъ исправника съ приглашеніемъ на вечеръ.

Мистеръ Морлей не зашелъ больше къ ссыльнымъ.

За то тайно частенько посѣщалъ ихъ мистеръ Бартельсъ. Они показали ему сушильню, припасы, приборы и орудія, заготовленные для экспедиціи.

Матросъ пришелъ въ восторгъ.

— Yes!.. Прелестно! Подъ бокомъ у полиціи, на глазахъ!.. Вѣдь это полиція!?.—спрашивалъ онъ, показывая на желтое зданіе по другую сторону озера.

Мистеръ Бартельсъ посѣтилъ также Мусью, у котораго купилъ великолѣпную трубку съ надписью: „Счастливый путь! Джурджуй, 18** года“.

Исправникъ уѣхалъ съ американцами на сѣверъ, и бразды правленія въ Джурджуѣ перешли временно къ помощнику.

Среди обывателей немедленно обнаружилось движеніе. Ссыльные замѣтили, что Козловъ нѣсколько разъ промчался на саняхъ по главной улицѣ города, отъ квартиры помощника къ дому отца Акакія, а затѣмъ къ доктору. Вечеромъ они видѣли Денисова съ неотлучнымъ Пантелеймономъ, идущаго въ сторону церковнаго дома. Наконецъ, засіялъ яркими огнями домъ Козлова, что всегда означало большой кутежъ и пьянство.

Поэтому бѣглецы сильно удивились, когда довольно поздно зашелъ къ нимъ Черевинъ.

— Вы не у Козлова?

— Нѣтъ! Меня не звали. Я даже радъ этому, такъ какъ въ отсутствіи исправника не люблю посѣщать этой сволочи!.. Надоѣли!

Тѣмъ не менѣе, онъ былъ мраченъ и скоро ушелъ отъ товарищей.

— Живодерня у васъ, и ничего больше! — сказалъ онъ на прощанье.

На слѣдующій день, около полудня появился неожиданно въ юртѣ Александрова Мусья, а когда ссыльные стали было упрекать его въ измѣнѣ слову и пугать проигрышемъ пари, онъ сообщилъ съ неподдѣльнымъ ужасомъ:

— Скандалъ! Они выбросили Черевина изъ больницы... Помощникъ прочелъ ему такую бумагу, что онъ не получитъ ничего больше въ аптекѣ, даже касторки...

День спустя пришелъ опять самъ Черевинъ.

Онъ былъ убитъ и желтъ, какъ лимонъ. Тѣмъ не менѣе, бодрился и подробно разсказалъ весь ходъ событій. Отъ губернатора пришло распоряженіе о запрещеніи ему медицинской практики. Губернаторъ требовалъ, чтобы всѣ циркуляры и распоряженія примѣнялись къ джуджуйскимъ политическимъ съ особой строгостью.

— Былъ отсюда доносъ, это несомнѣнно! Во всемъ узнаю руку мерзавца Козлова... Побѣдили меня!

— Товарищъ... вы плюньте на нихъ да и... съ нами!— проговорилъ Негорскій.

Черевинъ покачалъ отрицательно головой.

— Нѣтъ!.. Долго очень!..— отвѣтилъ онъ мрачно и, вытянувшись на нарахъ въ сторонкѣ, молча наблюдалъ за проворно работающими товарищами.

— Поостерегитесь! Я не думаю, чтобы гоненіе окончилось на мнѣ...—заговорилъ онъ опять.

— Ничего намъ не сдѣлаютъ! Скоро мартъ... Приготовленія подвинулись на столько, что, въ случаѣ чего, сможемъ имъ показать зубы и когти!..

Однако, безпокойство не покидало бѣглецовъ, и они рѣшили на всякій случай поставить караульныхъ.

Первымъ сторожилъ Воронинъ и ничего не замѣтилъ: но когда на дозоръ вышелъ Гликсбергъ, происшествія посыпались, какъ изъ рога изобилія:

— Козловъ опять поѣхалъ къ помощнику!

— У казаковъ въ карауликѣ какое-то необычное движеніе!

— Денисовъ пошелъ къ доктору!

— Въ саняхъ на быкѣ везутъ отца Акакія въ безсознательномъ состояніи!

Сначала ссыльные принимали эти свѣдѣнія серьезно и пробовали давать имъ объясненія, но вскорѣ рапорты злополучнаго караульщика стали возбуждать лишь неудержимый смѣхъ. Обиженный, Гликсбергъ пересталъ дѣлать донесенія.

На слѣдующій день опять поставили стражу, такъ какъ подозрительное движеніе въ городѣ не прекращалось. Кра-

русскій, къ тому же, принесъ изъ мастерской непріятную новость. По сообщеніямъ его друзей-якутовъ, казаки толкуютъ по городу, что когда „маленькій тоенъ“ (помощникъ) сдѣлается „большимъ тоеномъ“ (исправникомъ), то онъ устроитъ политическимъ „сіери“ (погромъ)...

Поспѣшно явившійся затѣмъ Александровъ сообщилъ о посѣщеніи Яна полиціей.

— Приходилъ командиръ съ якутскимъ бурунукскимъ старостой, осматривалъ сложенный во дворѣ лѣсъ и заглянулъ въ пустой „хатонъ“ (хлѣвъ), гдѣ собиралась шлюпка. Къ счастью, она какъ разъ была разобрана. Спрашивали Яна, зачѣмъ ему такія длинныя и тонкія доски. Мы объяснили имъ, что получили отъ американцевъ заказъ на будку для метеорологическихъ наблюденій. Кажется, повѣрили...

— Жаль, однако, что вы впутали американцевъ!..

— Конечно, жаль, но пришлось... На долго ли удовлетворитъ ихъ нашъ отвѣтъ, неизвѣстно!

— Во всякомъ случаѣ, что дѣлать, если они станутъ слѣдить за нами? Я увѣренъ, что если бъ они не застали у Яна меня, много круче бы обошлись съ нимъ и сдѣлали бы обыскъ болѣе тщательный и придирчивый... Мое присутствіе, видимо, стѣсняло ихъ!..

— Необходимо послать къ вамъ еще двоихъ... Ты, Петровъ, не согласишься ли переѣхать къ Яну?

Ссыльные совѣтовались, что предпринять въ случаѣ обыска, когда неожиданно вошелъ въ юрту казакъ и объявилъ Самуилу, что помощникъ проситъ его къ себѣ немедленно по очень важному дѣлу. Казакъ казался сильно разстроеннымъ, но ничего больше добавить и ни разъяснить не пожелалъ.

— Я иду съ тобою!..—проговорилъ Негорскій.

— Совершенно лишнее, я одинъ!

Ссыльные столпились у догоравшаго огня въ полу-темной юртѣ, молчаливые и возбужденные. Только на лицѣ Арканова блуждала скрытая, довольная улыбка. Онъ, очевидно, не могъ ее побороть и потому все отворачивался отъ свѣта и жены. Когда заскрипѣли, наконецъ, въ сѣняхъ шаги Самуила, всѣ затаили дыханіе.

— Черевинъ застрѣлился! — проговорилъ на порогѣ Самуилъ глухо и кратко.

. . . . . .

Три дня спустя происходили похороны самоубійцы. Былъ чудный, солнечный день. Одинъ изъ тѣхъ весеннихъ дней, когда на сѣверѣ кажется, что солнечный свѣтъ, порабощенный долгими зимними ночами, торжествуетъ свое освобожденіе и побѣду, когда, отраженный отъ обледѣнѣлой по-

верхности снѣговъ, онъ наводняетъ землю, воздухъ и самыя небеса золотыми, ослѣпительными струями. Все принимаетъ сказочныя краски и формы въ этихъ огненныхъ волнахъ, перемѣшанныхъ съ радужной пылью носящихся вездѣ и всюду мерцающихъ блестковъ инея.

Ссыльные на рукахъ понесли покойника на засыпанное снѣгомъ кладбище, окружающее сѣрую церковь. Стекла и купола послѣдней горѣли золотыми огнями солнечныхъ отраженій, точно волшебный замокъ. Когда могильщики спустили гробъ на дно ямы, выкопанной въ мерзлой, твердой, какъ гранитъ, землѣ, и груды льда и мерзлой земли, сбрасываемыя лопатами, загудѣли по крышкѣ гроба, столпившаяся кучка изгнанниковъ запѣла революціонный, похоронный гимнъ:

. . . . . .

Ты зналъ, умирая, родимый,
Что скоро изъ нашихъ костей
Подымется мститель суровый,
И будетъ онъ насъ посильнѣй!..

. . . . . .

Возвращаясь съ похоронъ, въ воротахъ кладбища они столкнулись съ кучкой джурджуйскихъ обывателей, среди которыхъ находился и помощникъ исправника.

— Господа, что же я?.. Я простой исполнитель! Распоряженіе губернатора ясно говорило... Его превосходительство изволилъ требовать... Должно быть, исправникъ... спрашивалъ объ этомъ... Возможно, что покойникъ и самъ просилъ о выясненіи... Честный и талантливый былъ человѣкъ... Хорошій человѣкъ... Исправникъ всегда самое трудное и непріятное оставляетъ на мою долю... Уѣхалъ, а въ полиціи — хаосъ!.. — слезливо извинялся новый правитель округа передъ Самуиломъ.

Но никто его не слушалъ, никто не обращалъ на него вниманіе, даже Мусья отвернулся...

Два дня спустя Красусскій поймалъ ночью казака, подсматривавшаго въ окно его юрты; избилъ шпіона и немедленно послалъ дерзкое и ругательное письмо помощнику исправника.

— Что ты ему написалъ? — спрашивали его товарищи, когда юноша, блѣдный отъ гнѣва, разсказывалъ о случившемся.

— Что вся отвѣтственность за поведеніе казаковъ падаетъ на него, и что въ другой разъ я отъ него потребую удовлетворенія!..

— Жаль!.. Если бъ тебя теперь взяли, мы бы остались, какъ безъ рукъ!..

— Это правда!—замѣтила Евгенія.—И вообще лучше бы безъ... побоевъ!

Красусскій взглянулъ на нее пристально и смутился: до того она была взволнована и разстроена.

Между тѣмъ, пришелъ пятидесятникъ, посланный помощникомъ для объясненій.

— Глупый, совершенно глупый паря!.. — толковалъ казакъ. — Неизвѣстно даже, не сказываетъ, что доспѣлъ подъ окномъ... А вы его такъ больно наказали!.. Насилу въ караулку доползъ!..

— Мы думали, что это воръ!—отвѣтилъ Самуилъ.

— Съ другими хуже будетъ!.. — проворчалъ Красусскій, пронизывая казака острымъ, какъ гвоздь, взглядомъ.

— Что я!?.. Я простой исполнитель... По долгу службы... Дѣлаю, что прикажутъ... — повторялъ посолъ услышанныя на кладбище оправданія помощника.

Тѣмъ не менѣе, варварская расправа подѣйствовала.

Правда, что уже на другой день поутру два конныхъ нарочныхъ полетѣли съ вѣстями въ двѣ противоположныя стороны: одинъ на сѣверъ къ исправнику, другой на югъ къ губернатору; но на джурджуйскихъ обывателей упалъ, тѣмъ не менѣе, спасительный страхъ, и всѣ... притихли, притаились до поры до времени. Особенно ночью всякій далеко обходилъ юрту „преступниковъ“. Реакціонное движеніе остановилось... Одинъ докторъ продолжалъ пьянствовать безъ удержу и осаждать Красусскаго просьбами о починкѣ постоянно портившагося музыкальнаго ящика, игрой котораго онъ услаждалъ себя въ тяжелыя минуты жизни.

XVI.

Ящикъ съ музыкой являлся все чаще въ мастерской. Красусскій не отказывалъ доктору, такъ какъ послѣдній считалъ себя другомъ политическихъ и, дѣйствительно, въ рѣдкія минуты трезвости былъ къ нимъ внимателенъ и любезенъ. Но постоянныя посѣщенія мастерской фельдшеромъ Федоркинымъ, посланцемъ доктора, обладателемъ хитрыхъ, бѣгающихъ глазокъ, не нравились юношѣ.

— Вы, должно быть, носите шарманку по пути къ своимъ товарищамъ и портите ее! Докторъ пишетъ, что прошлый разъ она совсѣмъ не играла, между тѣмъ я починилъ ее!..—сурово выговорилъ однажды Красусскій фельдшеру.

— Упаси Богъ!.. Какъ же я смѣлъ бы играть на инструментѣ своего начальства?!—защищался Федоркинъ.

— Ладно! У доктора имѣется ключикъ отъ ящика. Смотрите, я завожу шарманку и захлопываю крышку; несите ящикъ прямо къ доктору, онъ долженъ получить его играющимъ: пружина длинная, хватитъ на весь путь...

Вѣнскій вальсъ весело гудѣлъ, скрежетали шестерни, урчали валы и зубья. Фельдшеръ взялъ неохотно играющую шарманку и ушелъ. Однако вскорѣ вернулся чрезвычайно разсерженный.

— Хотя мой чинъ и небольшой, но вы черезчуръ себѣ позволяете, господинъ Красусскій! Заслышавши вашу музыку, люди изъ домовъ выбѣгаютъ мнѣ навстрѣчу... Мальчишки неотступно слѣдуютъ за мной и тюрлюкаютъ, какъ на шарманщика. Я не согласенъ!.. Возьмите ее обратно и оставьте у себя... Развѣ вы не слышите, что тамъ происходитъ?!

Дѣйствительно, съ улицы доносились дикія восклицанія и хохотъ. Выйдя за двери, Красусскій увидѣлъ далеко на снѣгу озера, подъ золотыми лучами солнца, кучку якутовъ, одѣтыхъ въ мѣховые шапки и кафтаны, вокругъ стоящаго на землѣ чернаго ящика шарманки. Всѣмъ было весело, хотя якуты, видимо, не особенно довѣряли „дьявольскому разговаривающему ящику“ и держались отъ него на почтительномъ разстояніи. Нѣсколько мальчугановъ плясало въ сторонкѣ „трепака“, размахивая руками, присѣдая и высоко подымая толстыя ступни въ мохнатой мѣховой обуви.

Заинтересованный забавнымъ зрѣлищемъ, Красусскій подошелъ къ плясунамъ, какъ стоялъ, въ одной блузѣ и съ молоткомъ въ рукѣ, какъ вдругъ замѣтилъ на противоположномъ концѣ озера длинную цѣпь саней, запряженныхъ оленями. Среди нихъ онъ сейчасъ же узналъ обитую кошмой кибитку исправника. Не обращая болѣе вниманія на фельдшера, онъ вернулся немедленно домой, заперъ мастерскую, одѣлся и побѣжалъ въ сторону пріѣзжихъ.

— Американцевъ привезли! — крикнулъ онъ Аркановымъ, направлявшимся какъ разъ къ юртѣ Александрова.

Всѣ они пошли въ ту сторону, даже фельдшеръ съ играющей шарманкой присоединился къ толпѣ. Длинный рядъ запидевѣлыхъ оленей, сопровождаемыхъ зашитыми въ мѣха проводниками, двигался, точно сказочное шествіе, въ сѣдыхъ облакахъ собственнаго пара. На низкихъ „партахъ“ покоились привязанныя ремнями тѣла погибшихъ матросовъ, скованныхъ вѣчнымъ сномъ. Въ концѣ шелъ мистеръ Морлей съ своими помощниками. Сильные молча поздоровались съ ними горячимъ рукопожатіемъ и присоединились къ печальному картежу.

Тѣла покойниковъ были вскорѣ затѣмъ сложены рядомъ

на сѣнѣ въ пустомъ амбарѣ. При укладкѣ, съ нѣкоторыхъ сдвинулись покрывала. Суровыя лица выражали самыя разнообразныя чувства. Одинъ согнулся дугою, и несказанное страданіе застыло въ его чертахъ; другой лежалъ спокойно съ заброшенными подъ голову руками, точно спалъ; тотъ напрягалъ мышцы, будто боролся съ увлекающей его враждебной силой; другой прилегъ на бокъ съ выраженіемъ оцѣпенѣнія и удивленія въ широко раскрытыхъ глазахъ... И былъ одинъ, который подымалъ вверхъ сжатый кулакъ, точно грозилъ и вызывалъ на бой небо и землю...

— Посмотрите,—говорилъ Морлей, указывая на ступни умершихъ,—у всѣхъ обгорѣлые чулки и нижнее платье. У нѣкоторыхъ даже тѣло на ногахъ и рукахъ обуглилось. Очевидно, они старались согрѣться, садясь возможно ближе къ костру и, умирая, падали въ него... Затѣмъ они не въ силахъ уже были двинуться... Они были, несомнѣнно, истощены до крайности. И, несмотря на то, корабельныя книги, научныя записи и инструменты они тащили съ собою до самаго конца...

— Геройская смерть... Борьба, плодами которой воспользуются другіе!..—замѣтила Евгенія.

— Кто эти другіе? Не думаю, чтобы эти янки утѣшали себя такимъ образомъ. Они рисковали ради денегъ и славы... Это была простая игра, азартная игра!.. Повезетъ—панъ, не повезетъ—пропалъ!..—замѣтилъ кисло по-русски Аркановъ.

Мистеръ Морлей по его тону догадался о порицаніи товарищамъ; онъ спокойно указалъ на бородатаго покойника съ энергичнымъ, страшно исхудалымъ лицомъ и сказалъ:

— Этотъ ирландецъ былъ раньше феніемъ, какъ и вы. Въ молодости приговоренъ былъ къ смертной казни и былъ спасенъ товарищами, которые остановили карету, везшую его изъ суда обратно въ тюрьму...

Евгенія взглянула съ упрекомъ на мужа.

Мистеръ Морлей вмѣстѣ съ Самуиломъ отправился на приготовленную для него казенную квартиру; политическіе вернулись къ себѣ, къ своимъ заботамъ, тревогамъ и опасеніямъ.

Мало уже времени оставалось у нихъ, и всякій потерянный часъ наполнялъ ихъ крайнимъ безпокойствомъ. Когда поутру Арановы вернулись домой послѣ ночного дежурства въ сушильнѣ. Евгенія опустилась тяжело на кровать и повѣсила голову съ выраженіемъ большой усталости. Аркановъ подсѣлъ къ ней.

— Женя, что съ тобой? Опять разболѣлась голова?.. Отвратительный воздухъ въ этой сушильнѣ!.. Когда это кон-

чится?.. Постоянно что-нибудь новое... А ты все такъ близко къ сердцу принимаешь... Весь день ты не взглянула на меня... Я знаю: ты разсердилась за американцевъ, но посуди сама: развѣ я не былъ правъ? Развѣ эти простые матросы...

— Не въ томъ дѣло... Въ твоемъ замѣчаніи мнѣ послышались удивительные, незнакомые мнѣ до сихъ поръ звуки точно ты радовался, что эти люди рисковали для славы и денегъ и... погибли!

— Я, дѣйствительно, былъ задѣтъ твоей экзальтированностью. Я вижу въ этомъ нежелательное вліяніе... Негорскаго, Александрова и другихъ... Между тѣмъ, борцы не должны терять никогда,—а тѣмъ болѣе накануне сраженія,— ни хладнокровія, ни разсудительности. Никогда не должны экзальтированностью чувства ослаблять дѣятельность разсудка. Мы вступаемъ вѣдь на тотъ путь, жертвы котораго привезены сегодня въ Джурджуй. Гибель наша будетъ зависѣть отъ того, повернемъ ли мы полверсты вправо или влѣво. Въ то время, когда ты распространялась о возвышенности ихъ поступка, я видѣлъ отчетливо жалкія, высохшія отъ истощенія, скрюченныя отъ голода, промерзшія насквозь существа, собравшіяся кругомъ потухающаго костра, глядящія съ отчаяніемъ на догорающія головешки и лишенныя силъ добыть больше топлива. Они копались въ теплой золѣ, хватали жаръ коченѣющими пальцами, пытаясь ихъ согрѣть... Они думали, что дрожатъ отъ холода, между тѣмъ, какъ это была уже витавшая надъ ними во мракѣ смерть!.. То же будетъ и съ нами... Иностранцы тащили съ собою, какъ утѣшеніе, своихъ фетишей: какія-то корабельныя книги, какія-то замѣтки... Но послѣ насъ совершенно ничего не останется... Проклята будь та минута, въ которую я согласился!..

— Что же ты хочешь сдѣлать?

Останемся, Женя! Устранимся отъ нихъ немедленно, а затѣмъ попросимъ, чтобы насъ выслали въ улусъ... недалеко...

Евгенія вскочила въ волненіи:

— А затѣмъ?.. Всю жизнь... годы... въ этихъ снѣгахъ!?..

— Вѣдь будемъ вмѣстѣ?..—робко шепнулъ онъ.

Она чуть замѣтнымъ движеніемъ отстранила его объятія.

— Ты создаешь себѣ не существующія опасности. Побѣгъ будетъ удаченъ. Поплывемъ мы лѣтомъ, когда на берегу моря пропасть дичи и рыбы. Беремъ съ собою припасовъ на два слишкомъ мѣсяца. А разъ попадемъ на Чукотскій полуостровъ, то почти что будемъ въ Америкѣ. Тамъ берега густо заселены, и часто появляются китоловы...

— Also sprach... Негорскій!..—вставилъ съ горечью Аркановъ.—Я сдѣлаю, что ты хочешь, но ты подумай... Гибель ихъ всѣхъ, прежде всего, на нашу ляжетъ совѣсть... Вѣдь если-бъ мы во время устранились, возможно, что мы удержали бы ихъ...

Онъ подчеркнулъ выраженіе „во время“, но она не обратила на это вниманія и отвѣчала, качая головой:

— Нѣтъ! Ты ихъ не знаешь: ихъ ничто не удержитъ!

Онъ опустилъ внизъ глаза; какое-то соображеніе, пока неясное, мелькнуло передъ нимъ.

— Пусть будетъ такъ, какъ ты хочешь!..

Благодаря замѣшательству, созданному въ Джурджуѣ пріѣздомъ американцевъ, благодаря ссорамъ, интригамъ, зависти, возникшимъ въ высшемъ чиновномъ и купеческомъ мірѣ при дѣлежѣ обильно посыпавшагося американскаго золота, политическіе могли подготовлять свой побѣгъ почти открыто и на глазахъ у всѣхъ.

Именно тогда-то Красусскій перековалъ свои тиски и часть наковальни въ скорь, для чего ему пришлось нанять въ помощники себѣ двухъ якутскихъ кузнецовъ. Голые до пояса, дули они въ продолженіе двухъ дней въ двѣ пары якутскихъ мѣховъ, поддерживая въ горнѣ огонь, никогда до того невиданный въ Джурджуѣ. Они бѣшено колотили молотами по указанію Красусскаго, обливаясь нещадно потомъ, и выпили сказочное количество чаю съ молокомъ. „Угощеніе“ и щедрое вознагражденіе помирили ихъ съ чудачествомъ „богатаго нучи“ (бѣлаго), который неизвѣстно зачѣмъ изводилъ „хорошее желѣзо“ на рогатое, никому не нужное чучело“... Между тѣмъ, Александровъ вмѣстѣ съ Яномъ перетаскалъ по ночамъ за рѣку и спряталъ въ лѣсу всѣ болѣе тяжелыя части и приспособленія для лодки, болты для скрѣпленія ея боковъ, заклепки и винты, оковку для носа, мачту, руль, ящики съ готовымъ уже пемикеномъ.

Такимъ образомъ, бѣглецы выполнили безпрепятственно добрую половину намѣченныхъ дѣлъ.

Но ихъ силы, хладнокровіе и душевное равновѣсіе таяли въ этихъ предпріятіяхъ не по днямъ, а по часамъ. Они худѣли, блѣднѣли изводились отъ тревоги, труда и безсонницы. Ихъ сердца, мучимыя постоянными переходами отъ страха къ надеждѣ, отъ отчаянія къ увѣренности, гнулись и болѣзненно трепетали при малѣйшемъ волненіи. Вѣдь малѣйшій пустякъ могъ разрушить, уничтожить безслѣдно всѣ радужныя мечтанія и непосильные труды.

Не удивительно, что Красусскій положительно остолбенѣлъ отъ ужаса, увидѣвъ однажды, когда шелъ ужинать къ товарищамъ, странный красный блескъ въ окошечкѣ

сушильни. Онъ подбѣжалъ къ ней, открылъ двери и сейчасъ же съ силой захлопнулъ: дымъ и пламя клубились внутри избы, точно въ печи.

— Пожаръ! — вскричалъ онъ глухо, врываясь въ юрту.

— Гдѣ?! Что?..

— У васъ... въ сушильнѣ... Гдѣ вода?!.

Воды оказалось крайне мало. Здѣсь, въ странѣ льда, никто не держитъ запасовъ воды зимою. Жители привозятъ воду и держатъ ее дома въ видѣ ледяныхъ глыбъ, отъ которыхъ по мѣрѣ надобности откалываются куски поменьше и перетапливаются въ котлахъ въ жидкость.

Ссыльные съ трудомъ собрали немного воды, уцѣлѣвшей на днѣ ушата. Гликсбергъ и Петровъ немедленно отправились съ ведрами къ проруби на скотный водопой, но прорубь эта находилась въ полу-верстѣ отъ города.

— Давайте поскорѣе полотенца и простыню... Бѣги, Самуилъ, на крышу и закрой мѣшкомъ съ пескомъ дымовыя трубы въ нашей юртѣ и въ сушильнѣ...—распоряжался Красусскій холодѣющими губами. Окружающіе не понимали, зачѣмъ все это нужно, но исполняли механически его приказанія.

Часть воды Красусскій вылилъ въ чашку, остальною смочилъ принесенныя холстины и обернулся ими весь, съ головы до ногъ.

— Что вы хотите дѣлать?—спрашивала въ ужасѣ Евгенія.

— Войду внутрь... Я читалъ, что такъ можно потушить самый сильный пожаръ...—проговорилъ Красусскій.

Когда послѣ того онъ открылъ дверь, за которой бушевала огненная пучина, Негорскій схватилъ его за руку. Юноша вырвался.

— Прочь!

И раньше, чѣмъ товарищи успѣли ему помѣшать, онъ перескочилъ порогъ и дверь за собой захлопнулъ.

— Что случилось? — спросилъ Самуилъ, возвращаясь съ крыши.

Негорскій, молча, указалъ на дверь, за которою раздавался плескъ разливаемой воды и змѣиное шипѣніе огня, точно тамъ укротитель дразнилъ сонмище бѣшеныхъ чудовищъ.

Минуты казались ожидающимъ часами.

— Довольно!.. Спасайте его!.. Пусть все провалиться, все погибнетъ!.. Не стоитъ!.. Спасайте!.. — простонала Евгенія, опускаясь на землю.

Воронинъ подскочилъ къ дверямъ, но опередилъ его Аркановъ. Скрипнули петли, и въ то же мгновеніе потухла свѣча въ рукѣ Негорскаго, задутая вихремъ знойнаго воз-

духа. Клубы смолистаго, удушливаго дыма хлынули наружу. Въ этомъ дымѣ, точно очи умирающихъ гадовъ, сверкали на стѣнахъ и потолкѣ красныя искры... Продолжалось это мгновеніе, затѣмъ снова кровавое зарево въ углу у камина вспыхнуло, и огромные, пламенные языки, перевитые черными лентами дыма, выгнулись надъ головой темной, стоящей посерединѣ сушильни, человѣческой фигуры, охватили стѣны и протянули свои жгучія жала далеко за порогъ, къ ссыльнымъ... Тѣ инстиктивно попятились. Красусскій приникъ къ землѣ и поползъ къ высокому порогу, но пробраться черезъ него уже не могъ и только руки протянулъ наружу. Выше надъ нимъ валило пламя и уже лизало косякъ и потолокъ въ сѣняхъ. Пней, висѣвшій тамъ въ изобиліи, таялъ и капалъ настоящимъ дождемъ на головы оторопѣвшихъ людей. Тогда Арковъ прыгнулъ къ дверямъ и, буквально ныряя въ огнѣ, вытащилъ Красусскаго. Двери сушильни ссыльные моментально захлопнули и потащили потерявшаго сознаніе товарища въ юрту. Евгенія съ рыданіями цѣловала обгорѣлую голову мужа, но тотъ ее мрачно отталкивалъ прочь.

— Разобрать сѣни... разобрать сѣни!.. Гдѣ топоръ!? Все сгоритъ!..—вскричалъ возбужденно Арковъ.

— Кажется, не нужно! Въ сушильнѣ темно!..—заявили Гликсбергъ и Петровъ, которые какъ разъ явились съ водою.

Самушлъ и Воронинъ бросились провѣрять хорошую вѣсть.

— Земляная обмазка и снѣгъ сверху спасли зданіе!—сказалъ Негорскій.

— Только... ради Бога... не открывать трубъ и дверей... Наоборотъ... закройте все возможно плотнѣе... Вы чуть не убили меня!.. — говорилъ Красусскій, задыхаясь отъ страшнаго кашля.

— Еще минута, и ты самъ бы задохся!..—объяснилъ ему Негорскій.—Смотри!..—добавилъ онъ, показывая юношѣ тазъ, полный слизи, перемѣшанной съ кровью и сажей, только что выброшенной имъ изъ горла.

— Совершенно излишняя заботливость... Я собирался уже уходить. Худо вотъ только, что пальцы у меня, кажется, обожжены, и завтра нельзя будетъ работать!..—пробормоталъ Красусскій, и опять страшно закашлялся, точно собирался выплюнуть легкія.

XVI.

Прошло нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ Гликсбергу удалось провести довольно таки нелегкою дѣлъ покупки у командира пуда пороха и пяти пудовъ свинца.

— Долго я выжидалъ благопріятнаго случая, и вотъ вчера мнѣ сказали, что командиръ проигрался въ пухъ и прахъ у Козлова. Отправляюсь къ нему... ну, и дѣло въ шляпѣ!—разсказывалъ онъ обрадованнымъ товарищамъ.

— И командиръ не удивлялся, зачѣмъ намъ надо такъ много?..

— Какъ не удивлялся! Спрашивалъ, но я сказалъ ему, что это... для американцевъ!

— Опять!.. Вѣдь я уже просилъ васъ, чтобы вы ихъ больше въ наши дѣла не путали! Это, наконецъ, нехорошо!..—сердился Самуилъ.

— Да успокойся! Въ послѣдній разъ!.. Самъ посуди, развѣ могъ Гликсбергъ выдумать что-нибудь лучше?! — успокаивалъ его Негорскій.

— Вдобавокъ, нѣтъ ни малѣйшей опасности. Командиръ никогда не сознается, что это онъ продалъ намъ порохъ, и мы тоже никому не скажемъ, что у него купили...—справедливо объяснялъ Гликсбергъ.

— Не въ опасности дѣло, а въ томъ, что все это очень похоже на гнусный обманъ. Этого не оправдаетъ никакая цѣль!..—вмѣшался Аркановъ, подымая отъ работы свою обожженную, облѣпленную пластырями голову.

Гликсбергъ взглянулъ на него недружелюбно.

— Постоянная критика, постоянныя нападки! Почему же вы сами не взялись сдѣлать это благороднѣе?!

Аркановъ не отвѣтилъ. Взглядъ его мимоходомъ встрѣтился съ проницательнымъ, упорнымъ взглядомъ Красусскаго и одно мгновеніе боролся съ нимъ.

— Чортъ возьми!.. Тоже критикъ...—ворчалъ обиженный Гликсбергъ.

— Принеси все въ жертву на алтарь твоей милой Америки!—шутливо поучалъ Петровъ своего друга. — А теперь принимайся за ножъ и рѣжь мясо!.. Твоя очередь!

— А что подѣлываетъ Мусья? Вы, Гликсбергъ, давненько ничего объ немъ не разсказывали!—весело сказала Евгенія.

— Ахъ, этотъ Мусья! Сидитъ и дни считаетъ!.. Онъ вообразилъ себѣ, что, такъ какъ отсидѣлъ уже мѣсяцъ, то, значитъ, заработалъ половину пари, и требуетъ, чтобы я ему выдалъ часть денегъ. Насилу удалось мнѣ убѣдить его, что пари нельзя расчленять, и что онъ не только ничего не получитъ, но даже проиграетъ свой взносъ, если не досидитъ хотя бы одинъ день. Тогда онъ, представьте себѣ, что мнѣ устроилъ. Возвращаюсь я вчера вечеромъ отъ васъ и слышу удивительный шумъ у меня въ домѣ: не то кто-то колотитъ въ большой барабанъ, не то коня гоняетъ въ закрытомъ помѣщеніи. Якуты-сосѣди повыходили изъ юртъ и тоже

съ тревогой прислушиваются. „Что такое?“ спрашиваю. „Это у васъ!“ отвѣчаютъ. Открываю двери—и что же вижу? Мусья, весь красный, вспотѣвшій, съ растрепанными волосами, стоитъ посреди комнаты съ хлѣбной лопатой въ объятіяхъ. На лопату надѣта моя старая блуза, внутрь блузы напихано тряпье на подобіе груди, снизу подоткнута простыня въ видѣ юбки. „Мусья, что все это значитъ?“ спрашиваю. Онъ не слышитъ, все носится, пляшетъ, какъ безумный... Наконецъ, замѣтилъ меня, остановился, разсмѣялся. „Скучно!.. Я требую моціонъ!..“ Точно дитя!.. Жаль мнѣ стало чудака, но развѣ можно его отпустить?..

— Ни въ какомъ случаѣ! Въ городѣ уже отъ него отвыкли. Станетъ опять бѣгать и непремѣнно подведетъ насъ... Пусть еще немного пострадаетъ!.. — согласились присутствующіе.

Красусскій, который собирался уходить, толкнулъ незамѣтно Негорскаго въ плечо и глазами указалъ ему значительно на двери. Негорскій кивнулъ головою, сказалъ товарищамъ, что ему необходимо побывать въ мастерской, и вышелъ слѣдомъ.

— Что такое опять случилось?.. Такое у тебя лицо, какъ будто ты собираешься убить кого-нибудь?!—спросилъ онъ стремительно Красусскаго, когда они достаточно удалились отъ юрты.

— Я хотѣлъ раньше ничего не говорить, но... нельзя!.. Я не въ правѣ...

Да говори поскорѣе: что такое?.. Не цѣди слово за словомъ!..

— Подожди!.. Отвѣть мнѣ раньше на нѣсколько вопросовъ. Не знаешь ли ты: кто до пожара былъ послѣднимъ въ сушильнѣ?

Въ глазахъ Негорскаго проскочила непріятная искра.

— Не знаю!..—отвѣтилъ онъ медленно и послѣ долгаго раздумья, точно пугаясь собственныхъ словъ.

— Послѣднимъ дежурилъ по сушкѣ мяса... Воронинъ!

— Догадайся, что я нашелъ, когда чистилъ сушильню отъ гари?!. Я нашелъ на землѣ... обуглившуюся тряпку...

— Такъ что же?!. Она могла съ тебя сорваться.

— Нѣтъ!.. Это... слѣдъ... поджога!

Негорскій вздрогнулъ.

— Что ты!. Что ты!.. Подумай, чудакъ, что ты говоришь! Возможно, что Воронинъ или кто-нибудь другой по... неосторожности... Откуда сейчасъ... поджогъ... Съ этимъ не шутятъ!..

— Я увѣренъ, что былъ поджогъ. Я отыскалъ на проволокѣ пригорѣвшую частицу этой тряпки... Я не ошибаюсь,

я все осмотрѣлъ очень внимательно. Тряпка была подвѣшена у отдушины, откуда бьетъ такой жаръ, что мы тамъ даже мяса не вѣшали: оно жарилось... Пойдемъ въ мастерскую, я тебѣ покажу тряпку... Она къ тому же была чѣмъ-то смазана.

Осмотрѣвъ тщательно проволоку съ частицей, приставшей къ ней ткани, взволнованный Негорскій долго молчалъ. По его подвижному лицу проплыла только темная, безпокойная тѣнь мрачнаго и болѣзненнаго подозрѣнія.

— Это не могъ сдѣлать Воронинъ!..—говорилъ Красусскій.—У него даже такой тряпки не нашлось бы... Это какая-то толстая бумажная ткань съ подмѣсью шерсти... Замѣть, какъ она съежилась мѣстами и запеклась... Я ручаюсь, что это не Воронинъ... Это тонко обдуманный планъ...

— Довольно, милый, довольно!.. Не называй, никого не называй... Этого нельзя вернуть... Между тѣмъ отъ разслѣдованія ничто не измѣнится, не исправится!..— остерегливо остановилъ товарища Негорскій.

Красусскій взглянулъ на него удивленно.

— Напротивъ. Я скажу... я обязанъ сказать!.. Наглость этого человѣка переходитъ всякія границы.. Онъ еще сегодня поучалъ другихъ добродѣтелямъ!..

— Остановись, остановись!.. — вскричалъ Негорскій, а когда Красусскій замолкъ, онъ поднялъ на него свои грустные черные глаза и заговорилъ мягко, тихо, но рѣшительно:

— Милый мой, неужели ты намѣренъ теперь поднимать суды да розыски?.. Зачѣмъ тебѣ виновные? Мы всѣ виновны, что это случилось. Наказаніе во всемъ мірѣ не стоитъ ломанаго гроша, если оно не въ силахъ устранить причины зла... Подумай: обнаруженіе преступленія, а тѣмъ болѣе указаніе на его виновника разсеритъ, разъединитъ насъ въ концѣ!.. Такимъ образомъ, оно создастъ еще одно лишнее препятствіе для насъ, а и безъ того ихъ у насъ много... Развѣ ты можешь угадать, къ чему поведетъ такое разслѣдованіе? Неизвѣстно, кто тогда поѣдетъ, кто останется?

Красусскій безпокойно задвигался и отвернулъ лицо отъ свѣта.

— Кто это сдѣлалъ, теперь рѣшительно все равно! Возможно, что именно преступникъ, вырванный нашими руками изъ ада изгнанія, опять сдѣлается... прежнимъ... борцомъ за дорогія намъ стремленія и сторицею отплатитъ намъ за то, что мы въ свое время пощадили его...

— Ну, этого онъ никогда не сдѣлаетъ. Значитъ, ты думаешь, что... лучше жить съ подозрѣніемъ въ душѣ?

— Нисколько! Я совѣтую самое подозрѣніе поскорѣе выбросить изъ души!

— А я совѣтую тебѣ, во всякомъ случаѣ... сушильню запирать на замокъ!

— Прекрасно. Я согласенъ, хотя увѣренъ, что теперь это совершенно лишнее... Такихъ попытокъ два раза подъ рядъ не дѣлаютъ...

Насупленныя брови друзей опять разгладились, и они взглянули другъ другу въ глаза открыто и сердечно.

— Славный ты парень, Стахъ!—сказалъ Негорскій, хватая друга за руку.—Ты и душою, и тѣломъ здоровъ, но... страшный еще ребенокъ! Оставайся такимъ возможно дольше. Сердись, если безъ этого обойтись не можешь, но гнѣвъ прячь въ глубинѣ души... Берегись ненависти и зависти. Обѣ эти страсти ничтожны и безплодны!..

Онъ еще разъ обнялъ товарища и ушелъ. Раньше, чѣмъ приняться опять за работу, Красусскій долго размышлялъ о странномъ направленіи, какое приняло дѣло.

— Негорскій правъ. Я былъ подлъ!..—рѣшилъ онъ послѣ строгаго допроса, сдѣланнаго имъ своей совѣсти.—Въ сущности, я обрадовался его паденію, но... это больше... не повторится!

Мистеръ Морлей давно покинулъ Джурджуй. Вмѣсто него появились въ городѣ другіе иностранцы, корреспонденты и репортеры англійскихъ и европейскихъ газетъ. Большинство ихъ было до того малообразовано, невоспитано и несимпатично, что политическіе ссыльные сторонились ихъ и не подпускали къ себѣ.

За то джурджуйскіе обыватели не на шутку восхищены были этими новыми образцами европейской культуры. Репортеры охотно съ ними пили, охотно сплетничали, разсказывали и слушали глупые анекдоты и танцовали на вечеринкахъ съ джурджуйскими дамами.

„Вечеринки“ съ водкой, попойками и картами неимовѣрно участились и достигли неслыханныхъ до того размѣровъ, продолжаясь буквально „денно и нощно“. Въ результатѣ послѣ отъѣзда заморскихъ гостей отцу Акакію всюду мерещились „зеленые черти“, а докторъ и вслѣдъ за нимъ фельдшеръ Федоркинъ умерли скоропостижно отъ удара. И опять спасительный страхъ палъ на джурджуйцевъ.

Помощникъ исправника, признанный уже выразитель и защитникъ мѣстнаго общественнаго мнѣнія, скромно вошелъ въ гостинную исправника. Послѣ обычныхъ поздравленій,

разспросовъ о здоровьи и покашливаній, онъ приступилъ къ дѣлу.

— Я хотѣлъ обратить ваше вниманіе на тревожные слухи, которые ходятъ среди жителей Джурджуя, и о которыхъ вы, по причинѣ долгаго отсутствія и занятія важными дѣлами американцевъ, узнать, вѣроятно, не успѣли. Двѣ кончины — доктора и фельдшера, до того непостижимо наступившія одна за другой, кажутся всѣмъ дѣломъ подозрительнымъ и опаснымъ. Къ тому же, некому сдѣлать вскрытіе и составить протоколъ. Разные люди говорятъ разное; есть такіе, которые утверждаютъ, что смерть эта... не была... добровольна и законна. Что сдѣлать въ такомъ случаѣ? Похоронить ли тѣла, или положить въ погребъ и донести обо всемъ губернатуру? Тѣмъ болѣе, что при случаѣ можно бы произвести дознаніе и о причинѣ самоубійства Черевина, которое случилось, говорятъ, отъ несчастной любви... А тогда слѣдовало бы удержать паспортъ... докторши на выѣздъ...

Исправникъ, который, слушая докладъ, расхаживалъ широкими шагами по комнатѣ, вдругъ остановился и окинулъ докладчика внимательнымъ взглядомъ.

— Впрочемъ... я ничего... отъ себя не предлагаю!—отнѣкивался тотъ смущенно.—Относительно докторши, наоборотъ, думаю, что слѣдовало бы ей, какъ дамѣ, возможно облегчить немедленный выѣздъ, дабы она могла еще воспользоваться зимнимъ путемъ до распутицы... Но, съ другой стороны, по долгу службы считаю нужнымъ доложить вамъ, что докторъ пилъ слишкомъ неумѣренно въ послѣднее время и, даже неизвѣстно, откуда доставалъ водку, такъ какъ Варлаамъ Варлаамовичъ, а также и Тазъ, согласно утверждаютъ, что у нихъ онъ ея не покупалъ... Между тѣмъ, у политическихъ по ночамъ замѣтенъ постоянно какой-то дымъ и паръ, и носятъ они тайкомъ по городу какія-то большія жестянки, а Красусскій прячетъ въ кузницѣ непонятныя издѣлія... Не слѣдуетъ ли полагать, что они занимаются запрещенной перегонкой спирта изъ оленьяго мха, о чемъ я прочелъ недавно въ газетахъ, что она вполнѣ мыслима и даже существуетъ въ Архангельской губерніи. Тѣмъ болѣе, что, по показаніямъ свидѣтелей, Мусья, ежедневно пьяный, пляшетъ съ лопатой, переодѣтой за женщину, хотя водки нигдѣ не покупаетъ, какъ это доподлинно установлено тайнымъ надзоромъ, и даже изъ дому не отлучается, что тоже крайне странно. Въ виду этого не слѣдовало ли бы устроить неожиданный обыскъ у ссыльныхъ?..

Исправникъ опять остановился.

— Послушайте!—заговорилъ онъ сухо и рѣзко.—Хотя

меня и не было, но все это я уже знаю, мнѣ докладывали. Докторъ получалъ водку отъ Козлова. А вашъ другъ Козловъ затѣмъ доставлялъ ему водку, чтобы безнаказаннѣе и безпрепятственнѣе хозяйничать въ больницѣ. Мусья можетъ плясать съ кѣмъ ему вздумается и пить тоже въ правѣ, что и гдѣ захочетъ. Что же касается обыска у политическихъ, такъ съ большимъ удовольствіемъ: произведите его хоть сейчасъ. Всѣ десять казаковъ и всѣ десять испорченныхъ ружей въ вашемъ распоряженіи, вооружайтесь и двигайтесь!.. Прекрасно!.. Я буду очень радъ... вашему успѣху!

— Какъ разъ передъ вашимъ пріѣздомъ я обратилъ рапортомъ вниманіе высшихъ властей на недостаточность вооруженной силы въ Джурджуѣ!—замѣтилъ сладенько помощникъ.

— Я полагаю, что политическіе не останутся у васъ въ долгу. Когда ихъ увѣдомятъ о вашемъ доносѣ изъ губерніи...

— Кто ихъ можетъ увѣдомить?.. Впрочемъ, я знаю, что я ненавидимъ достаточно врагами престола, церкви и отечества!..—смиренно вздохнулъ помощникъ. Исправникъ не сводилъ съ него насмѣшливаго взгляда.

— За это получите, навѣрно, повышеніе, награду, возможно, даже—орденъ!.. Прошу васъ только объ одномъ: совершите всѣ ваши замыслы уже послѣ моего выѣзда!.. Я хочу, чтобы при мнѣ все оставалось по старому...

— Какъ: вы уѣзжаете?—воскликнулъ помощникъ съ нескрываемымъ изумленіемъ.

— Да, уѣзжаю и, кажется, надолго. Я подалъ прошеніе о переводѣ на вакантную должность вилюйскаго исправника.

— Жаль, очень жаль, что вы насъ оставляете!

Помощникъ поклонился, горячо пожалъ протянутую руку начальника и ушелъ, сіяющій. Честолюбивыя мечты казались такъ близки къ осуществленію!

XVIII.

Ссыльнымъ казалось, что погода положительно въ заговорѣ съ полиціей противъ нихъ. Конца не видно было зимѣ. Чуть солнце пригрѣвало немного землю и пообмякали на ней снѣговые покровы, какъ опять холодный вѣтеръ пригонялъ съ сѣвера новые табуны сѣрыхъ тучъ, сбрасывалъ съ нихъ вороха снѣжинокъ и задувалъ, заметалъ ихъ пухомъ всѣ дыры и провалы, причиненные весенней теплотой. Снова бѣлѣли лѣса, каменѣли льды, умолкали всякіе звуки, зами-

рало движеніе... Пронзительный вѣтеръ сѣвера хозяйничалъ кругомъ, съ воемъ пролетая надъ лугами и лѣсами, какъ бы разыскивая своего весенняго врага. И только всѣ слѣды его уничтоживъ и заморозивъ ихъ ложился на студеныхъ какъ самъ, пустыняхъ и застылъ. Тогда вновь на затуманенномъ горизонтѣ являлось солнце. Сѣрыя имъ, освобожденныя отъ липкаго снѣга облака поднимались вверхъ и таяли въ синевѣ неба, или улетали съ воздушными теченіями на край земли, чтобы исчезнуть безслѣдно за высокими поднебесными вершинами...

И опять потоки тепла и золотого свѣта омывали мощнымъ водопадомъ застывшую землю, врывались въ запертыя скалами ущелья, проникались до самаго дна дремучей тайги, ласкали крутые бока горъ, стучали въ рыжую кору деревьевъ, пробуждая ихъ уснувшія души. А впереди всего, точно небесные развѣдчики, неслись влажныя, мягкія дуновенія, похожія на любовное дыханіе, стремясь сбросить поскорѣе съ лѣсовъ давящіе ихъ вѣтви снѣга, стремясь замѣнить ихъ синія, неподвижныя зимнія тѣни на красивыя, свѣтлыя, теплыя и безпокойныя. Съ каждымъ днемъ все сильнѣе чувствовалась весна, распыленная, развѣянная въ воздухѣ... Тоскующая по ней страна манила ее блескомъ алмазныхъ капель, сочившихся изъ всѣхъ нависшихъ вѣтвей, звала смолистымъ запахомъ просыпающагося лѣса, шепталась съ ней прерывистымъ журчаніемъ начинавшей кой-гдѣ сочиться воды. Но, спугнутая нѣсколько разъ, весна приближалась медленно, робко, недовѣрчиво. Она все какъ будто къ чему-то прислушивалась, все опасалась, что вотъ-вотъ опять заревѣтъ ледяная вьюга и порветъ въ куски ея воздушныя, лучезарныя ткани.

Туземцы предсказывали позднюю, дружную весну и обильную „воду“.

— Прекрасно! Этого только намъ и нужно! — говорили бѣглецы, потирая руки.

Обстоятельства складывались для нихъ самымъ благопріятнымъ образомъ. Солнце дѣлало свое дѣло. Обмякшіе снѣга таяли; на озерахъ и рѣкахъ образовались въ углубленіяхъ синіе подтеки, дорогу перерѣзали зажоры и рытвины. Исправникъ, не дожидаясь пріѣзда своего замѣстителя, спасаясь отъ ужасовъ путешествія верхомъ въ распутицу, сдалъ управленіе краемъ помощнику и уѣхалъ вмѣстѣ съ докторшей, немного еще блѣдной и грустной, но еще болѣе интересной и красивой.

Помощникъ, крайне разобиженный тѣмъ, что не его назначили исправникомъ, потерялъ совершенно прежнюю служебную ревность, отстаивалъ добросовѣстно свои часы въ

полиціи, но больше ничѣмъ не интересовался, много спалъ и охотно игралъ въ карты.

Казаки тоже съ азартомъ играли въ карты и очень вяло исполняли свои обязанности, пользуясь междуцарствіемъ. Они собирались большими толпами у Таза въ кабакѣ или въ извѣстномъ игорномъ домѣ у Желтухи; тамъ можно было найти даже караульныхъ. Одѣтое въ тулупъ чучело исполняло должность защитника отечества.

Бѣглецы могли бы увезти съ собой полъ-города. И они оставили въ городѣ изъ своихъ вещей только самые ненужные имъ предметы: постели, посуду, платье...

Когда новый исправникъ по полуобтаявшей дорогѣ притащился, наконецъ, въ Джурджуй, жизнь ссыльныхъ проходила по наружности спокойнѣе, чѣмъ когда либо. Исчезли дымъ и паръ, пугавшіе раньше правовѣрныхъ джурджуйскихъ патріотовъ, исчезли жестянки „непонятныхъ размѣровъ". Красусскій въ мастерской уже выдѣлывалъ и починялъ самые обыкновенные предметы. Вставали и ложились спать ссыльные тоже своевременно, вмѣстѣ съ остальными жителями. Отъ прежнихъ странностей осталась только глухая легенда... А что ссыльные шили теперь поспѣшно бѣлье и одежду, такъ это было вполнѣ естественно у такихъ, какъ они, оборванцевъ.

Новый исправникъ пріѣхалъ съ женой, матерью, слугою и племянникомъ жены, который немедленно былъ зачисленъ въ полицейскіе писаря, что считалось въ Джурджуѣ видимъ уже чиномъ. Это былъ веселый молодой человѣкъ, съ голубыми глазами, съ проборомъ на головѣ, съ шикарно подвязаннымъ шелковымъ платочкомъ на шеѣ, вмѣсто галстука, и съ небольшими подкрученными усиками, подъ вздернутымъ носомъ. У часовой цѣпочки онъ носилъ охапку звонкихъ брелоковъ, на пальцахъ перстни и кольца. Онъ умѣлъ немного пѣть, немного играть на скрипкѣ, отъ бутылки водки не уклонялся, хотя и не особенно искалъ ея, въ карты тоже поигрывалъ, но безъ азарта. Всякому умѣлъ сказать что-нибудь пріятное или оказать маленькую услугу. Понятно, что онъ всѣмъ чрезвычайно понравился.

— О-о! Этотъ далеко пойдетъ!.. Многообѣщающій, талантливый молодой человѣкъ!..—отозвался о немъ отецъ Акакій.

Козловъ не скрывалъ, что охотно сосваталъ бы за него свою красавицу-дочь Масютару.

Денисовъ, осушивши вмѣстѣ съ нимъ пару „очищенныхъ", откровенно сознался, ударяя его по плечу:

— Люблю тебя, мерзавецъ, люблю, какъ американца, хотя и подозрѣваю, что учительша ради тебя... отставила меня!.

Но чего-чего человѣкъ не перенесетъ для друга... чортъ тебя возьми!.. Давай, лобызнемся!..

Только помощникъ исправника продолжалъ дуться на пріѣзжихъ, пересталъ посѣщать общество, засѣлъ дома и обратился къ Красусскому съ предложеніемъ преподать ему, помощнику, нѣсколько уроковъ... минералогіи.

— Я перемѣнилъ планъ жизни. Вмѣсто того, чтобы тратить время на пустую болтовню, на безсознательное пьянство или лакейскія подслуживанія, я направлю свои способности къ наукамъ. Я сдѣлаюсь горнымъ исправникомъ на золотыхъ пріискахъ. Тамъ есть возможность сдѣлать много хорошаго, защищая бѣдныхъ тружениковъ отъ негуманной эксплуатаціи милліонщиковъ... -исповѣдывался онъ Красусскому.

Тотъ похвалилъ его намѣренія, но отказалъ ему въ своей помощи, отговорившись недостаткомъ времени и приближеніемъ весенней поѣздки джурджуйскихъ ружей. Онъ совѣтовалъ помощнику отложить „курсы“ до зимы, а чтобы утѣшить его, хитро всунулъ чиновному-мизантропу старое руководство по кристаллографіи, подарилъ ему горсть минераловъ и „не совсѣмъ еще испорченный“ приборъ для опредѣленія поляризаціи, чѣмъ безконечно плѣнилъ помощника.

И вотъ, по городу молніей пронеслась вѣсть, что помощника назначили горнымъ исправникомъ на витимскихъ пріискахъ, что сразу подняло упавшій было авторитетъ „маленькаго тоена“ (господина). Какъ ни какъ, хотя пріиски находились и далеко отъ Джурджуя, но всѣ хорошо знали, что тамъ можно нажить немалыя деньги. Съ тѣхъ поръ исправникъ пересталъ скрывать, что разсчитываетъ на вакансію послѣ помощника для своего племянника, и никто изъ прежнихъ друзей помощника ничего противъ этого не имѣлъ.

Люди вездѣ и всегда въ равной мѣрѣ неблагодарны.

Случилось, наконецъ, что весна, какъ будто разсерженная долгимъ сопротивленіемъ зимы, налетѣла неожиданнымъ могучимъ шкваломъ и жаркимъ дыханіемъ въ мигъ порвала въ лохмотья и отбросила прочь саванъ обветшавшихъ докучныхъ снѣговъ. Вчера еще грязно-бѣлая, вся измызганная, некрасивая долина вдругъ открыла, въ вѣнкѣ еще снѣжныхъ горъ, свое смѣющееся весеннее лицо и грудь, блестящую отъ влаги, дымящуюся отъ теплыхъ тумановъ. И была она похожа на молодую цыганку, застигнутую раннимъ, росистымъ утромъ на ложѣ изъ желтыхъ травъ, изъ сухихъ осеннихъ листьевъ и рыжей хвои. Черныя чащи лѣсовъ, точно пряди густыхъ волосъ, обвились кругомъ ея членовъ, и струи живой воды сверкали и шумѣли вездѣ, будто

серебряныя украшенія на груди и рукахъ наряжающейся красавицы.

А надъ долиной неслись со свистомъ и крикомъ бѣсконечные караваны перелетныхъ птицъ.

Для бѣглецовъ опять настали дни лихорадочной работы и тревогъ.

Всѣ уплыли за рѣку, гдѣ Воронинъ вмѣстѣ съ Самуиломъ должны были жечь уголь, запасъ котораго, по недостатку средствъ, вопреки совѣтамъ американцевъ, пришлось взять на топливо для варки пищи, вмѣсто спирта. Другіе работали на постройкѣ шлюпки, приготовляя все для быстраго, окончательнаго ея складыванія. Они рѣшили начать сплетку и спайку лодки съ первымъ грохотомъ вскрывающихся на рѣкѣ льдовъ. Когда это должно было случиться, никто точно не зналъ и не могъ даже предсказать: можетъ быть, черезъ день или два, а, можетъ быть, и черезъ недѣлю. Рѣка все еще спала зимнимъ сномъ въ своемъ глубокомъ ложѣ подъ хрустальнымъ, сажени толщины сводомъ. Правда, торжествующая наверху весна неустанно сбрасывала въ нее безчисленные водопады пѣнящейся воды; правда, солнце уже пробуравило въ ея голубыхъ льдахъ безчисленныя отверстія, а быстрые потоки повыбили у береговъ глубокіе зажоры [illegible], тѣмъ не менѣе, можно было все еще безопасно перебраться на тотъ берегъ по ледяному полотну рѣки. Бѣглецы съ тревогой слѣдили за каждой фигурой, появлявшейся на этомъ мосту.

Ежедневно одинъ изъ нихъ отправлялся въ городъ, чтобы потолкаться на глазахъ полиціи, собрать кой-какія свѣдѣнія, слухи и перетащить за рѣку часть оставшихся вещей.

Въ городѣ оставались безвыходно только Красуссскій, Аркановы да Мусья. На нихъ обязанности лежало слѣдить за жителями Джурджуя и покрывать отсутствіе товарищей. Мусья, который до послѣдняго момента ничего не зналъ, былъ вызванъ за рѣку подъ предлогомъ охоты.

— А не ловушка это? Сознайтесь: вы желаете лишить меня моего выигриша!..—сопротивлялся французъ.

— Да нѣтъ же! Увѣряю васъ!.. Я согласенъ, что вы выиграли, хотя срокъ и не насталъ еще. Вы доказали, что обладаете огромной силой воли... Что значатъ эти нѣсколько оставшихся дней въ сравненіи съ тѣмъ, что вы совершили!? успокоивалъ его Гликсбергъ.

Онъ долго, тщетно доказывалъ небходимость поѣздки за рѣку. Мусья посматривалъ на него все подозрительнѣе и, наконецъ, потребовалъ немедленной выдачи денегъ, или... онъ шагу не ступитъ за порогъ!

— Деньги у Самуила, а тотъ за рѣкой!

— Такъ я ужъ лучше подожду его возвращенія!

Гликсбергъ, въ отчаяніи, побѣжалъ къ Евгеніи.

— Повліяйте вы, пожалуйста, на этого дурака, уговорите его! Онъ готовъ остаться въ городѣ, а затѣмъ станетъ бѣгать по нашимъ квартирамъ и выдастъ насъ!

Съ большимъ трудомъ удалось Евгеніи убѣдить Мусью, что онъ необходимъ Гликсбергу для переноски вещей, нужныхъ товарищамъ для охоты на Бурунукѣ.

— Почему же онъ сразу этого не сказалъ? Всегда хотятъ меня взять обманомъ. Конечно, я пойду, разъ вы это говорите, но пусть Гликсбергъ сейчасъ же напишетъ расписку, что я выигралъ...

Ему была торжественно выдана требуемая расписка, подъ которой расписались для вѣрности всѣ присутствующіе, и даже Красуцкій; тогда только Мусья тронулся въ путь, взваливши тяжелую ношу на спину.

Когда за рѣкой онъ узналъ, въ чемъ дѣло, и когда его повели къ готовой плоткѣ, стоявшему на каткахъ въ кустахъ укромнаго заливчика, Мусья буквально остолбенѣлъ.

— Вотъ какое пари!—пробормоталъ онъ, наконецъ. — А какъ мы такую большую лодку перетащимъ черезъ Джурджуйскій хребетъ?

— Да вѣдь, Мусья, мы не на югъ поплывемъ, а на сѣверъ!

— На сѣверъ!..—повторилъ французъ разочарованно и задумался многозначительно.

Чтобы уяснить ему планъ путешествія, товарищамъ пришлось развернуть карту и прочесть краткую лекцію по географіи.

— Все это хорошо, а только Джурджуемъ нельзя прямо въ море попасть. Туземцы мнѣ разсказывали, что на немъ есть водоворотъ съ воронкой, которая все втягиваетъ во внутрь земли... Поэтому-то по Джурджую никогда не плаваютъ туземцы, ни якуты, ни руссы!..

— Совсѣмъ это не водоворотъ, а пороги... Мы слыхали о нихъ, но знаемъ, что вода закрываетъ въ весеннее половодье скалы, и пороги тогда можно пройдти безопасно...

Мусья вытянулъ губы. Товарищи глядѣли на него съ безпокойствомъ, такъ какъ не знали, какъ поступитъ съ нимъ, если онъ откажется отъ побѣга.

— А madame Аркадова поѣдетъ? — спросилъ Мусья послѣ продолжительнаго раздумья.

— Конечно... всѣ!..

— Такъ!.. Ну, если всѣ, то и я... хоть на смерть! — согласился онъ, наконецъ. — Но куда дѣнется тогда моя корова?

— Какая корова?

— Да та, которую я нанялъ на лѣто!.. Якутъ обѣщалъ привести ее черезъ нѣсколько дней.

— Вотъ такъ устроилъ ты насъ, Мусья!.. Станутъ теперь искать насъ по этому случаю!.. Какой это якутъ? Нельзя ли увѣдомить его, что корова не нужна къ сроку или отказать совсѣмъ?..—спрашивали его озабоченно.

Оказалось, якутъ жилъ гдѣ то далеко, и Мусья даже толкомъ не зналъ его фамиліи.

— Я хорошо хотѣлъ, я хотѣлъ, чтобы всѣ эти выигранныя деньги вернулись вамъ, потому что мы всѣ кушали бы молоко!..—объяснялъ французъ.

— А я вамъ говорю, что надо глазъ съ него не спускать!.. — совѣтовалъ Янъ. — Помните, я вамъ разсказывалъ исторію о нѣмцѣ Шмидтѣ... Такъ вотъ!.. Лучше всего вывести его верстъ за двѣсти и высадить на берегъ!..

— Что вы, что вы, панъ Янъ! Разъ мы тронемся отсюда, увидите, какъ перемѣнится Мусья! Онъ будетъ отличнымъ гребцомъ!.. — защищалъ Гликсбергъ своего питомца.

Янъ качалъ головой и не уступалъ, пока не назначили за Мусьей досмотрщика. Такимъ образомъ, рабочихъ рукъ даже убавилось, такъ какъ Мусья почти что ничѣмъ не занимался, а только шнырялъ по кустамъ и постоянно куда-то исчезалъ.

Собственно говоря, надъ постройкой шлюпки работали не покладая рукъ, все та-же пара плотниковъ: Янъ да Александровъ. Петровъ и Гликсбергъ посмѣнно караулили надъ рѣкой, присматривали за Мусьей, готовили обѣды, завтраки и ужины, прибирали постели, чистили посуду и проч.; бѣглецы не только все время проводили надъ рѣкой, но и спали тамъ же въ кустахъ, опасаясь возбудить своимъ пребываніемъ въ домѣ Яна подозрительность его жены, и такъ уже сильно обезпокоенной непонятнымъ занятіемъ мужа.

На низменной рѣчной отмели было сыро и по ночамъ холодно. Бѣглецы не доѣдали и не высыпались; малѣйшая тревога вызывала въ нихъ такое болѣзненное и сильное волненіе, что подъ конецъ у нихъ была одна только мысль, одна молитва:

— Ахъ, когда же, когда, наконецъ?!. Лишь бы поскорѣе, лишь бы поскорѣе!.. Неужели вѣчно будетъ спать это ледяное чудовище?!.

Красусскій переживалъ въ городѣ приблизительно тѣ же чувства. Но у него, вдобавокъ, были свои личныя страданія, которыя временами переходили въ пытку. Со времени пожара онъ не въ силахъ былъ никакими разсужденіями

уничтожить въ себѣ инстинктивнаго отвращенія и недовѣрія къ Арканову. Онъ былъ относительно спокоенъ только тогда, когда имѣлъ непріятеля на глазахъ, когда занимался вмѣстѣ съ нимъ. Поэтому онъ постоянно изобрѣталъ самыя разнообразныя причины, чтобы удержать Арканова въ мастерской. То онъ просилъ его раздувать мѣхи, то придерживать разнообразные длинные предметы, во время ихъ обработки...

Аркановъ безъ труда подмѣтилъ, что Красусскій по большей части могъ бы обходиться безъ него; онъ приписывалъ эти приглашенія совсѣмъ другимъ причинамъ, но не смѣлъ отказываться. Онъ просто на просто боялся этого молчаливаго человѣка со смѣлыми, сильными движеніями и пронзительнымъ взглядомъ. Его пугалъ стальной холодъ, который онъ проявлялъ въ обращеніи съ нимъ. Они проводили вмѣстѣ дни, вмѣстѣ ѣли и пили, сохраняя изысканную вѣжливость въ обращеніи и обмѣниваясь лишь краткими, малозначущими фразами. Это очень огорчало Евгенію, и она, чтобы ихъ сблизить и развлечь, ежедневно уводила съ собою гулять на рѣку. Они шли черезъ пахучіе лѣса и кусты, уже покрывшіеся первымъ нѣжно-зеленымъ весеннимъ пухомъ; они шли по лугамъ, гдѣ среди порыжѣлыхъ, сухихъ травъ уже прозябала молодая травка и гдѣ расцвѣтали анемоны; они гуськомъ пробирались по обсохшимъ тропочкамъ мимо мелкихъ болотцевъ и калтусовъ, гдѣ весело плескались, крякая, утки, куда залетали даже лебеди и гдѣ не разъ попадали уставшіе въ пути гуси. Со всѣхъ сторонъ неслись къ нимъ звуки, запахи, тепло и опьяненіе жизнью... Только въ глубокомъ рѣчномъ ущельи у обрывистыхъ береговъ спалъ еще исполинскій ледяной змѣй, тысячеверстный хвостъ котораго терялся въ подъоблачныхъ горахъ, а голова утопала далеко въ морской пучинѣ. Красное зарево продолжительной весенней зари окрашивало многоцвѣтными огнями темные бока рѣчной ложбины и придавало синій отѣнокъ потрескавшемуся, разлагающемуся, какъ трупъ, и, какъ трупъ, холодному тѣлу этого змѣя. Онъ лежалъ, неподвижный, громадный, подмытый съ боковъ быстрыми струями. Только изрѣдка отъ краевъ его откалывались пучки длинныхъ ледяныхъ иголъ и съ сухимъ стекляннымъ звономъ погружались въ быстрины зажоръ. Великанъ, казалось, насмѣхался и надъ усиліями солнца, и надъ работою теплыхъ водъ долины.

— Это можетъ продолжиться безконечно долго. А не было ли примѣровъ, чтобы льды совсѣмъ не сплыли?—спрашивала безпокойно Евгенія.

— У нихъ только такой грозный видъ, а въ сущности

они могутъ тронуться черезъ часъ. Достаточно, чтобы верхняя вода нашла достаточно отверстій, проникла внизъ и собралась тамъ въ количествѣ, необходимомъ для ихъ поднятія... Ледъ, уже потрескавшійся отъ зимнихъ морозовъ на мелкія части, мягокъ и рыхлъ, точно каша!.. Безъ работы морозовъ, право, не знаю, справилось ли бы солнце съ здѣшними гранитными льдами. Вѣдь наростаетъ его за зиму слишкомъ сажень. Удивительно также то обстоятельство, что толщина его не зависитъ отъ большей или меньшей жестокости зимы, она всегда одинакова!

— Слышишь, Артемій?! Это дѣйствительно странно,— обратилась Евгенія къ мужу.

Тотъ обыкновенно молчалъ, охваченный гнѣвнымъ волненіемъ. Онъ замѣчалъ, что яшмовые глаза Красусскаго, обращаясь къ „другимъ", умѣютъ блестѣть, точно звѣзды, а голосъ звучать нѣжной лаской. Онъ всякій разъ зарекался, что не пойдетъ больше на эти свиданія „молокососа" съ собственной его женой, на которыя они „сманивали" его исключительно ради приличія... Тѣмъ не менѣе на слѣдующій день онъ опять шелъ, изъ опасенія, что они пойдутъ одни.

— Ахъ, если-бъ мы, наконецъ, тронулись, что ли?— мрачно размышлялъ онъ.

И разъ когда они вечеромъ опять пришли на рѣку, они замѣтили, что льды уже всплыли. По обѣимъ сторонамъ ихъ быстро неслись широкія ленты живой воды, колебавшіяся отъ напряженнаго бѣга.

— Сообщеніе съ тѣмъ берегомъ прервано. Уже теперь почти-что нельзя намъ помѣшать. Черезъ нѣсколько дней и мы тронемся!—сказалъ Красусскій.

— Слушайте, слушайте: кажется, наши куютъ!—вскричала въ волненіи Евгенія.

Они напряженно прислушались, но ничего не услышали, кромѣ рокотанія воды и гоготанія далеко ночующихъ гусей.

— Ну, нѣтъ! Насъ прекрасно могутъ еще тысячу разъ поймать. Достаточно имъ поставить лодку съ вооруженными казаками пониже въ нѣсколькихъ верстахъ. Кто знаетъ, можетъ быть, они дозволяютъ намъ умышленно довести дѣло до конца, чтобы разъ навсегда порѣшить съ нами!..—замѣтилъ глухо Аркановъ.

Красусскій вздрогнулъ.

— Ты шутишь, Артя!.. Они ничего не подозрѣваютъ... Они всѣ увлечены охотой... Я постоянно слышу пальбу!..— смягчила Евгенія замѣчаніе мужа.

— Не такъ ужъ они просты, какъ мы полагаемъ...

— Въ той сторонѣ никто не охотится. Тамъ нѣтъ перелета!..—сухо отвѣтилъ Красусскій.

Они вернулись домой, смущенные и встревоженные. Красусскій нѣсколько разъ ночью вскакивалъ и выглядывалъ въ окно, не идутъ ли казаки.

Когда на слѣдующій день Арканосъ не явился въ мастерскую, Красусскій, несмотря на недосугъ, не утерпѣлъ и собирался уже сходить узнать, въ чемъ дѣло, когда увидѣлъ въ открытыхъ дверяхъ Евгенію.

— У мужа голова болитъ, онъ не придетъ. Не могу ли я пособить вамъ, вмѣсто него?—спросила она весело.

Красусскій поблѣднѣлъ.

— И... онъ... васъ... отпустилъ?.. Онъ знаетъ, что... вы здѣсь?..—спросилъ тихо юноша.

Онъ былъ такъ смущенъ, что Евгенія сама вся зардѣлась.

— Нѣтъ!—отвѣтила она. — Я пришла сама. Я знаю, что вы куете мѣдный рефлекторъ въ нашей спиртовой кухнѣ, и что этого нельзя сдѣлать безъ посторонней помощи... Поэтому я и пришла... Я уже затопила огонь у Александрова и Петрова... Смотрите, какъ оттуда валитъ дымъ; можно подумать, что они приготовляютъ званый обѣдъ — закончила она уже весело и свободно.

Красусскій, какъ будто не слушалъ ея; взглядъ его бѣгалъ далеко отъ открытое окно къ квартирѣ Арканосыхъ. Тамъ на крыльцѣ стоялъ Арканосъ.

— Прошу васъ... Вы не спрашивайте, не раздумывайте... Умоляю васъ... Бѣгите и не... оставляйте мужа ни на шагъ!

Голосъ его при этомъ до того перемѣнился, столько въ немъ звучало неподдѣльной тревоги, что перепуганная женщина стремительно выскочила вонъ и во весь духъ понеслась обратно домой. Она вбѣжала туда, задыхаясь, съ широко раскрытыми отъ испуга глазами, и, замѣтивши, что мужъ лежитъ спокойно на кровати, оперлась о косякъ дверей съ рукой на сердцѣ.

— Что съ тобою?

— Ахъ, Артя... скажи: ты былъ... съ оружіемъ на крыльцѣ?

— Зачѣмъ?.. А ты гдѣ была?!

— Въ мастерской.

— Та-а-акъ!

Онъ присѣлъ на край кровати и мрачно взглянулъ на нее.

— Что же?.. Онъ проситъ, чтобы я пришелъ?..—пробормоталъ онъ съ непріятной улыбкой.

— ... Проситъ, чтобы ты пришелъ?.. — переспросила она со странной, непроизвольной дрожью.

Онъ не спускалъ съ нея пронизывающаго взгляда.

— А что бы ты сказала, если бы я... такъ, вдругъ... пустилъ ему въ лобъ... пулю!

— Не за что, Артя... Богъ свидѣтель!

— Не клянись!.. Если-бъ дѣло дошло до клятвъ, онъ бы уже не жилъ!.. Здѣсь, понятно, я ему башки не разобью, но въ Америкѣ... кто знаетъ...

Онъ зашагалъ широко по комнатѣ. Евгенія присматривалась къ нему напряженно, какъ къ странному прохожему, котораго знала раньше и опять силилась узнать. И вдругъ жалость пронзила ей сердце. Она подошла къ мужу и, обливаясь слезами, стала на колѣни на его дорогѣ. Онъ оттолкнулъ ее.

— Довольно!.. Прошу не разыгрывать больше ненужныхъ комедій!

Онъ нахлобучилъ шапку на голову и отправился въ мастерскую. А она все время бѣжала рядомъ, стараясь поспѣть за нимъ, и заглядывала ему въ лицо съ нѣмымъ вопросомъ и мольбой.

В. Сѣрошевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ вопросу о соціалистической программѣ.

Въ послѣднее время въ рядахъ русскихъ соціалистовъ возникло новое, такъ называемое, максималистское теченіе. На поверхности партійной жизни теченіе это пока мало замѣтно: оно не вылилось еще въ какія-либо строго опредѣленныя формы, не отдѣлилось строго очерченными границами отъ смежныхъ и родственныхъ ему теченій и направленій и, въ значительной степени, не вышло изъ предѣловъ кружковыхъ споровъ и обсужденій. Оно существуетъ пока скорѣе, лишь какъ тенденція, или какъ рядъ критическихъ положеній къ общепризнаннымъ соціалистическимъ программамъ.

Сущность максималистскаго теченія это—отрицательное отношеніе къ такъ называемой программѣ-минимумъ. Соціалистическія партіи, выставляя главною своею задачею «экспропріацію частной собственности и реорганизацію производства и всего общественнаго строя на соціалистическихъ началахъ», считаютъ въ то же время обязательнымъ выставить рядъ требованій политическаго и экономическаго характера, которыя могутъ быть удовлетворены еще «въ рамкахъ буржуазнаго общества», при условіи нахожденія политической власти въ рукахъ буржуазіи. Совокупность этихъ требованій и носитъ названіе минимальной соціалистической программы.

Максималисты находятъ такую постановку вопроса неправильной, недостаточно революціонной и не соотвѣтствующей интересамъ рабочаго класса. Они протестуютъ противъ того самоограниченія, противъ той умѣренности и осторожности по отношенію къ основамъ капиталистическаго строя, какую проявляютъ, по ихъ мнѣнію, господствующія соціалистическія программы. Что касается въ частности русской соціалъ-революціонной партіи, то, горячо привѣтствуя ея крайнюю позицію въ аграрномъ вопросѣ, максималисты находятъ въ то же время, что идеи, положенныя въ основаніе этой части программы, не доведены до логическаго своего конца, и тѣ выводы общаго характера, которые распространены на область аграрныхъ отношеній, не коснулись сферъ индустріи. Партія

соціалистовъ-революціонеровъ, по мнѣнію указаннаго теченія, не нашла въ себѣ ни достаточнаго мужества, ни достаточной послѣдовательности отрѣшиться цѣликомъ отъ обычныхъ соціалъ-демократическихъ предразсудковъ и на ряду съ соціализаціей земли провозгласить соціализацію фабрикъ и заводовъ. Короче, максималисты, какъ показываетъ и самое ихъ названіе, стоятъ за включеніе въ соціалистической программы минимальныхъ требованій и предлагаютъ ограничиться лишь программою-maximum'a.

Исходя изъ этихъ, быть можетъ, болѣе или менѣе правильныхъ положеній въ своей критикѣ соціалистической программы, максималистское теченіе въ положительной своей части и даже въ самой постановкѣ вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію, становится на ложную почву и грозитъ вылиться въ одну изъ разновидностей самаго обыкновеннаго анархизма *). Здѣсь, прежде всего, приходится отмѣтить въ новомъ теченіи ярко проступающую струю *аполитизма,* фактъ отрицательнаго отношенія къ политической борьбѣ, въ особенности къ парламентскихъ ея формахъ, и къ тѣмъ лозунгамъ и требованіямъ, которыя выставляются теперь соціалистами въ области политической борьбы **). Это не то отрицательное отношеніе, которое было проявлено большинствомъ русскихъ соціалистовъ къ «поддѣлкѣ народнаго представительства» въ «россійской конституціи»,—нѣтъ, это принципіально враждебная позиція по отношенію ко всякому «буржуазному» парламенту, т. е. ко всякой попыткѣ участія въ *легальной* политической борьбѣ въ предѣлахъ капиталистическаго общества. Отрицая политическую борьбу, какъ таковую, максималисты и въ тактикѣ имѣютъ тенденцію слѣдовать анархическимъ принципамъ децентрализованной борьбы съ отдѣльными капиталистами путемъ экономическаго террора, возводимаго въ принципъ, и путемъ революціоннаго захвата городовъ и провозглашенія децентрализованныхъ революціонныхъ коммунъ. Характерны также для новаго теченія выставленіе на первый планъ экономики и преклоненіе передъ стихійностью, характерна, наконецъ, и та специфически марксистская терминологія, которая не мало уже сдѣлала въ смыслѣ затушеванія самыхъ простыхъ

*) Настоящая статья была написана до появленія сборника „Прямо къ цѣли“ и статей гг. Свѣтлова и Та—гина. Такимъ образомъ, бѣглая характеристика максимализма, которая дана въ началѣ статьи, должна быть отнесена къ тому лишь его направленію, которое представлено издаваемой за границей газетой „Коммуна“.

**) См. въ газетѣ „Коммуна“, № 1 декабрь 1905 г., статью: „Соціалъ-демократическіе лозунги, переведенные на языкъ революціоннаго соціализма“. Для образчика приведу два примѣра такихъ переводовъ. „Такимъ образомъ, провозглашая свои лозунги: „Да здравствуетъ Учредительное Собраніе!“ с.-д. и с.-р. говорятъ не что иное, какъ: „Да здравствуетъ учредительное политическое бюро буржуазіи!“..., или: „...это право (всеобщее, прямое и т. д.) есть не что иное, какъ всеобщее, равное, прямое и тайное одурачиваніе рабочихъ классовъ“.

вопросовъ, и которою максималисты съ большимъ вкусомъ оперируютъ противъ «одурачивающей» пролетаріатъ соціалистической интеллигенціи.

А между тѣмъ, въ самой основѣ разсматриваемаго теченія лежитъ, несомнѣнно, здоровое зерно; и хотя мы не имѣемъ еще ни партіи, ни даже болѣе или менѣе солидной группы максималистовъ, хотя мы почти не имѣли даже литературы по этимъ вопросамъ, но идеи, которыя легли въ основаніе максималистскихъ построеній, такъ сказать, носятся въ воздухѣ и имѣютъ за собою не малое количество, если не послѣдователей, то сочувствующихъ.

Уже всѣ эти обстоятельства, помимо того чисто теоретическаго интереса, какой представляетъ вопросъ о раздѣленіи программы на максимальную и минимальную, должны побудить нашихъ соціалистовъ остановиться на вопросахъ, поднятыхъ новымъ теченіемъ, и подвергнуть свои программы самой строгой провѣркѣ, самому тщательному пересмотру.

Пересмотръ программы никогда не вреденъ. Рядъ теоретическихъ положеній, на которыхъ покоятся практическіе выводы, сформулированные въ сумму требованій политическаго и экономическаго характера, не представляютъ изъ себя чего-либо непреложнаго, безусловно вѣрнаго, претендующаго на непогрѣшимость, подобно религіознымъ догматамъ. Все течетъ, все измѣняется,—измѣняются и теоріи, и системы. Большинство тѣхъ положеній, которыя легли въ основаніе какой-либо научной дисциплины, добыты индуктивнымъ путемъ, какъ результатъ многочисленныхъ изслѣдованій и опредѣленныхъ выводовъ изъ фактовъ жизни. Болѣе того: всякое теоретическое построеніе это—сама жизнь, самые факты жизни, систематизированные сплетаются одни въ одну, болѣе или менѣе стройную систему, стремящуюся охватить все многообразіе жизни и всю сложность ея проявленій. Теорія стремится, такъ сказать, фиксировать жизнь, представить ее, какъ нѣчто устойчивое и цѣлостное, связанное воедино тѣсной цѣпью законовъ и обобщеній. Но жизнь, развиваясь, перерастаетъ рамки, въ которыя ее хотѣла бы заключить теорія, и настойчиво требуетъ расширенія этихъ рамокъ и общей ихъ перестройки. Новыя данныя и наблюденія дѣлаютъ негодными не только отдѣльные небольшіе уголки до тѣхъ поръ, казалось бы, стройнаго теоретическаго зданія, но и разрушаютъ и опрокидываютъ цѣлые его отдѣлы, колеблютъ самый его фундаментъ.

I.

Критическая работа послѣдняго десятилѣтія въ области общественныхъ наукъ сильно поколебала на теоріи общественнаго развитія извѣстную подъ именемъ историческаго матеріализма, и заложила

новыя основанія для выработки иныхъ, болѣе согласующихся съ жизнью научныхъ теорій, намѣтила, по крайней мѣрѣ, главные опорные ихъ пункты.

Критическое теченіе въ соціализмѣ, начиная съ «жоресизма» и «бернштейніанства» и кончая французскимъ «революціоннымъ синдикализмомъ», - все это до извѣстной степени явилось, какъ результатъ кризиса въ марксизмѣ, переоцѣнки, если не всѣхъ, то большей части его ортодоксальныхъ цѣнностей, явилось, какъ требованіе жизни, не укладывающейся въ узкихъ рамкахъ догмы. Безпощадная критика, которой подверглись основы вышеназваннаго міросозерцанія, обнаружила въ немъ такія прорѣхи, которыя невозможно уже было заштопать болѣе или менѣе разноцвѣтными теоретическими заплатами, такія натяжки и противорѣчія, которыя нельзя уже было прикрыть фиговыми листочками революціонной фразеологіи.

Передъ соціалистами жизнь выдвинула на первую очередь вопросъ о крестьянствѣ. Согласно «Коммунистическому манифесту» классъ этотъ, подобно всѣмъ прочимъ слоямъ мелкихъ собственниковъ, обреченъ былъ на болѣе или менѣе быстрое исчезновеніе, и его общественное значеніе опредѣлялось «Коммунистическимъ Манифестомъ» слѣдующимъ образомъ:

„Средніе слои, какъ то: мелкіе фабриканты, мелочные торговцы и крестьяне борются противъ буржуазіи, такъ какъ она угрожаетъ ихъ существованію, въ качествѣ мелкихъ слоевъ. Поэтому они не революціонны, но консервативны; мало того, они реакціонны; они хотятъ повернуть назадъ исторію“ *).

Побѣдоносно-шествующій и неумолимо-разрушающій мелкое производство капиталъ съ одинаковымъ успѣхомъ выполняетъ свою революціонную миссію какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, убивая ремесло и разрушая крестьянское хозяйство.

„Мелкая буржуазія, мелкіе промышленники, купцы и *рантье* ремесленники и *крестьяне* (Курсивъ мой. А. Щ.) низвергаются въ ряды пролетаріата, частью потому, что ихъ мелкіе капиталы не достаточны для организаціи производства въ крупныхъ размѣрахъ, такъ что они не могутъ выдержать конкурренціи съ крупными капиталами; частью же потому, что ихъ спеціальная сноровка обезцѣнивается новыми способами производства. Такимъ образомъ, пролетаріатъ рекрутируется во всѣхъ классахъ населенія“ **).

Такая же приблизительно точка зрѣнія была развита и въ «Комментаріяхъ къ положеніямъ Эрфуртскаго съѣзда» въ ихъ первоначальномъ видѣ.

Однако дѣйствительность до такой степени не согласовалась съ построеніями марксистской теоріи, что самъ авторъ вышеупомянутыхъ «Комментаріевъ», К. Каутскій въ предисловіи къ 5-ому ихъ

*) Буржуазія, пролетаріатъ и коммунизмъ. Изд. Алексѣевой, стр. 97.
**) Тамъ же, стр. 93.

изданію принужденъ былъ помѣстить слѣдующія, знаменательныя для вождя ортодоксальнаго марксизма, строки»:

„Лишь по одному пункту мнѣ пришлось нѣсколько измѣнить то, что было сказано въ предыдущихъ изданіяхъ; это относительно предположеній объ упадкѣ мелкаго сельскаго хозяйства. Мелкое крестьянское хозяйство разлагается не такъ быстро, какъ 20 лѣтъ тому назадъ; *мѣстами оно даже развивается* (Курсивъ мой. А. Щ.). Въ 1882 году это еще не было такъ очевидно. По этому пункту мнѣ пришлось выразиться нѣсколько осторожнѣй, чѣмъ тогда“ *).

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Каутскій высказывается на этотъ счетъ еще болѣе «осторожно».

„Крестьянинъ не исчезаетъ такъ быстро, какъ мы этого ожидали. За послѣднія десятилѣтія онъ лишь медленно теряетъ свои позиціи, *если только вообще теряетъ ихъ*» **).

Такимъ образомъ, соціалистамъ пришлось признать несостоятельными надежды на революціонную роль капитала въ земледѣліи, пришлось констатировать фактъ живучести мелкаго крестьянскаго хозяйства и признать всѣ разсчеты на интенсивность процесса разложенія деревенскаго населенія построенными на песчаномъ фундаментѣ. Оказалось, что условія хозяйственной дѣятельности въ аграрной области разнятся отъ таковыхъ же, дѣйствующихъ въ индустріи; оказалось, что капиталъ въ деревнѣ не создаетъ того сосредоточенія средствъ производства, тѣхъ грандіозныхъ, побѣдоносно разрушающихъ мелкое производство предпріятій, какъ въ городахъ, не создаетъ технически необходимыхъ условій соціалистическаго хозяйства; оказалось, что разслоеніе сельскаго населенія на отлученныхъ отъ средствъ производства пролетаріевъ и владѣющую огромными богатствами, немногочисленную сравнительно, буржуазію опять таки въ деревнѣ происходитъ несравненно слабѣе, чѣмъ въ городахъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ наблюдается даже обратная тенденція. Вопросъ о пролетаризаціи и концентраціи осложнился вопросомъ о крестьянствѣ и о будущемъ мелкаго крестьянскаго хозяйства. Классъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ, живущихъ въ громадной своей части «трудами рукъ своихъ», не укладывался въ Прокрустово ложе марксистской соціологической концепціи и требовалъ признанія за нимъ самостоятельнаго права на существованіе, какъ класса, и выработки такого или иного отношенія къ его непосредственнымъ нуждамъ и требованіямъ. Крестьянина марксисты не могли занести ни по отдѣлу пролетаріевъ, ни по отдѣлу буржуазіи, и съ крестьянствомъ считались, какъ со своего рода историческимъ недоразумѣніемъ, какъ съ пережиткомъ феодальнаго строя, дни котораго сочтены.

---

*) Экономическое развитіе и общественный строй. Книгоизд. „Молотъ“ стр. III.

**) Изъ статьи „Socialismus und handwirtschaft“. Цитирую по брошюрѣ г. Шишко, „Къ вопросу объ аграрной программѣ“. „Молодая Россія“, стр. 27.

А между тѣмъ, тотъ самый классъ, о ближайшемъ исчезновеніи, о ежечасной и ежесекундной пролетаризаціи котораго не уставали твердить со временъ «Коммунистическаго Манифеста» и до нашихъ дней правовѣрные марксисты, этотъ самый классъ явился за послѣдніе годы на самомъ видномъ мѣстѣ исторической авансцены, и крестьянскій вопросъ сталъ вопросомъ дня, злободневной темой и для ученыхъ, и для публицистовъ и для общественныхъ дѣятелей. Многомиліонное крестьянство съ его нуждами и требованіями, съ его рѣшающимъ значеніемъ въ ходѣ историческихъ событій въ восточной половинѣ Европы остановило на себѣ вниманіе всего міра и, не смотря на всѣ заклинанія ортодоксіи и «неопровержимыя» доказательства ея ученыхъ филистеровъ, явилось важнѣйшимъ фактомъ современности. Земельный вопросъ, вопросъ, по преимуществу, крестьянскій, всталъ во всей его огромной важности.

Съ другой стороны, по мѣрѣ крушенія надеждъ на интенсивность процесса пролетаризаціи, обнаруживались крупные недочеты и въ самой теоріи общественнаго развитія,—и въ частности, въ объясненіи и оцѣнкѣ тѣхъ критическихъ моментовъ историческаго процесса, которые до сихъ поръ въ соціалистической литературѣ квалифицировались, какъ соціальная и политическая революціи.

Крушеніе современнаго капиталистическаго строя строго ортодоксальная теорія разсматривала, какъ неизбѣжное слѣдствіе развитія производительныхъ силъ, переросшихъ тѣ рамки, которыя имъ ставитъ капиталистическій способъ производства: разсматривала, какъ явленіе неизбѣжно стихійнаго характера.

„На извѣстной ступени своего развитія,—говоритъ Марксъ въ своемъ знаменитомъ предисловіи къ „Критикѣ нѣкоторыхъ положеній политической экономіи“,—матеріальныя производительныя силы общества впадаютъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями, или, употребляя юридическое выраженіе, съ имущественными отношеніями, среди которыхъ они до сихъ поръ дѣйствовали. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ эти отношенія дѣлаются ихъ оковами. Тогда наступаетъ эпоха кризисовъ“ *).

„На нашихъ глазахъ происходитъ подобное же явленіе,—читаемъ мы далѣе въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“.—Современное буржуазное общество, создавшее столь могущественныя средства производства, подобно магу, не умѣющему справиться съ вызванными имъ же самимъ подземными силами. Въ теченіе, по крайней мѣрѣ, трехъ послѣднихъ десятилѣтій исторія промышленности и торговли представляетъ собою исторію возмущенія производительныхъ силъ противъ современной организаціи производства, противъ отношеній собственности, которыя являются условіемъ существованія для буржуазіи и ея господства“ **).

„Производительныя силы, которыми оно (общество) располагаетъ уже, не только не способствуютъ развитію буржуазныхъ отношеній собственности, но, напротивъ, стали слишкомъ могучи для этихъ отношеній, ко-

*) К. Марксъ. Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи. Изд. Бончъ-Бруевича. 1896 г. стр. X.

**) Буржуазія, пролетаріатъ и коммунизмъ. Изд. Алексѣевой, стр. 90.

торыя для нихъ превращаются въ путы, и всякій разъ, когда общественнымъ производительнымъ силамъ удается освободиться отъ этихъ путъ, это освобожденіе сопровождается потрясеніемъ всего общественнаго строя и угрожаетъ существованію буржуазной собственности" *).

„... Она (буржуазія) создаетъ предпосылки новыхъ кризисовъ, еще болѣе всеобщихъ и грозныхъ, и уменьшаетъ возможность предотвращать ихъ" **).

Но неизбѣжность грандіознаго краха въ силу чисто стихійныхъ причинъ предполагаетъ въ то же время и наличность активной классовой борьбы, въ которой и проявится эта грандіозная катастрофа.

Ко времени соціальной революціи разложеніе общества, согласно марксистскимъ построеніямъ, должно достигнуть своего апогея, и на исторической сценѣ, за уничтоженіемъ всѣхъ прочихъ классовъ общества, должны остаться лишь пролетаріатъ и буржуазія въ ихъ непримиримо-враждебныхъ позиціяхъ.

„Изъ всѣхъ классовъ, которые въ настоящее время противостоятъ буржуазіи, только пролетаріатъ дѣйствительно стремится къ коренному перевороту. Всѣмъ прочимъ классамъ крупная промышленность угрожаетъ смертью, пролетаріатъ же, напротивъ, является именно ея дѣтищемъ" ***).

Естественно, что существованіе на исторической сценѣ только двухъ враждебныхъ одна другой силъ должно повести къ послѣдней и рѣшительной схваткѣ; въ ней пролетаріатъ явится побѣдителемъ и, взявъ политическую власть въ свои руки, установитъ свою диктатуру надъ обществомъ, чтобы произвести полный переворотъ во всѣхъ областяхъ экономической и общественной жизни.

Марксистская теорія не предусматриваетъ какихъ-либо соціалистическихъ завоеваній, постепеннаго развитія соціалистическихъ принциповъ еще въ предѣлахъ современнаго капиталистическаго строя. Развитіе, согласно знаменитой тріадѣ, должно совершиться черезъ противорѣчіе. Капитализмъ долженъ развиться до крайнихъ своихъ предѣловъ, охватить всѣ области народнаго хозяйства, чтобы на извѣстной ступени развитія превратиться въ полную свою противоположность — въ соціализмъ. Такова марксистская теорія соціальнаго переворота въ ея чистомъ, не исправленномъ видѣ.

Но въ настоящее время теорія эта подверглась значительнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ, благодаря которымъ старое понятіе соціальной революціи наполнилось новымъ, совершенно инымъ содержаніемъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что въ этой переработкѣ старой теоріи соціальнаго переворота приняли участіе не одни лишь критики-ревизіонисты, но и признанные вожди и жрецы ортодоксіи, хранители ея «преданія» и «писанія».

*) Тамъ же, стр. 91.
**) Тамъ же, стр. 91.
***) Тамъ же, стр. 96, 97.

Какъ уже было указано, не во всѣхъ областяхъ экономической жизни обезпечена полная побѣда крупнаго производства. Въ цѣлой огромной области народнаго хозяйства,—въ аграрной области,—не создается тѣхъ чисто техническихъ условій, которыя, согласно марксистскимъ построеніямъ, должны бы подготовить экономическинеизбѣжный переходъ отъ капитализма къ соціализму. Производство въ области сельскаго хозяйства не обобществляется чисто стихійнымъ путемъ. Обобществленіе это должно явиться результатомъ сознательнаго и планомѣрнаго воздѣйствія организованныхъ общественныхъ силъ въ формѣ законодательныхъ мѣръ, предпринимаемыхъ государствомъ, съ одной стороны, и въ формѣ распространенія кооперативной идеи въ средѣ самихъ мелкихъ производителей, съ другой. Элементъ сознательности и общественнаго воздѣйствія въ такой или иной формѣ есть необходимое условіе обобществленія этой отрасли народнаго хозяйства, безразлично, начнется ли осуществленіе коллективистскихъ принциповъ въ земледѣліи еще въ предѣлахъ современнаго строя, или же вся трудность задачи цѣликомъ падетъ на будущее соціалистическое правительство. Во всякомъ случаѣ, то или иное рѣшеніе вопроса въ этой сферѣ будетъ достигнуто *эволюціоннымъ* путемъ, — анализъ условій сельскаго хозяйства никоимъ образомъ не укрѣпляетъ позицій теоріи соціальнаго крушенія и прыжка изъ области экономической необходимости въ свѣтлое царство свободы.

Съ другой стороны, имѣвшая когда-то такое большое значеніе въ вопросѣ о переходѣ къ соціалистическому строю, теорія періодическихъ промышленныхъ кризисовъ находится въ настоящее время подъ большимъ сомнѣніемъ. Не говоря уже о томъ, что какой-либо напередъ установленный (десяти-лѣтній) циклъ совершенно отвергнутъ наукой, не выяснено еще въ достаточной степени, гдѣ лежитъ главная причина современныхъ потрясеній экономической жизни государствъ: въ одной ли анархіи товарнаго хозяйства, или же и въ тѣхъ чисто политическихъ конфликтахъ и столкновеніяхъ, «которыя возвращаютъ общество къ состоянію варварства». Во всякомъ случаѣ, съ этой стороны приходится пока признать фактъ прочности буржуазнаго общества, которое, несмотря на всѣ недочеты и отрицательныя стороны капитализма, справляется со своей задачей настолько успѣшно, что врядъ ли и въ будущемъ можно ожидать его крушенія въ силу причинъ лишь стихійно-экономическаго характера.

Ортодоксія совершаетъ уже «отступленіе въ полномъ порядкѣ» по этому вопросу, и въ лицѣ присяжнаго своего защитника и представителя, К. Каутскаго, заявляетъ, что «теорія періодическихъ хозяйственныхъ кризисовъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе». Каутскій утверждаетъ даже, вопреки буквальному смыслу положеній «Коммунистическаго Манифеста», что «Марксъ и Энгельсъ ни-

когда не были защитниками той мысли, по которой соціализмъ явится результатомъ имѣющаго наступить мірового кризиса» *).

Если мы, такимъ образомъ, установимъ, что переходъ общества къ соціалистическому строю не явится неизбѣжнымъ результатомъ остраго потрясенія экономическаго характера,—то и необходимо насильственный и рѣзкій характеръ этого перехода намъ представится мало вѣроятнымъ. «Теорія обнищанія», по крайней мѣрѣ, въ той ея формулировкѣ, по которой положеніе пролетаріата, съ развитіемъ капиталистическаго производства, абсолютно ухудшается, въ настоящее время рѣшительно оставлена. Рабочій классъ своею борьбою несомнѣнно улучшаетъ свое положеніе, поднимаетъ свой жизненный уровень и тѣмъ повышаетъ цѣнность жизни въ предѣлахъ своего класса. Всѣ тѣ крупныя и мелкія завоеванія, которыя еще въ существующемъ капиталистическомъ строѣ добываются рабочими въ ихъ повседневной борьбѣ съ капиталистами, и тѣ законодательныя мѣры, которыя все настойчивѣе и настойчивѣе проводятся въ парламентскихъ странахъ соціалистами и рабочими партіями въ интересахъ рабочаго класса, — все это дѣлаетъ пролетаріевъ болѣе осторожными и осмотрительными въ выборѣ путей и средствъ борьбы и въ значительной степени гарантируетъ современное парламентское государство отъ болѣе или менѣе рѣзкихъ эксцессовъ революціоннаго характера со стороны рабочаго класса. Вопреки старому романтизму революціонно-марксистской фразеологіи, по которой «пролетаріямъ нечего терять, кромѣ своихъ цѣпей», современный рабочій врядъ ли, безъ *крайней* къ тому необходимости, поставивъ на карту драгоцѣннѣйшее благо человѣка—жизнь, врядъ ли будетъ рисковать своимъ заработкомъ и имуществомъ, своимъ положеніемъ въ обществѣ, хотя и «пролетарскимъ», но тѣмъ не менѣе предохраняющимъ его отъ всѣхъ ужасовъ паденія на самые низы ступеней соціальной лѣстницы, въ ряды босяковъ и нищихъ. При наличности легальныхъ путей борьбы за право, рабочій классъ стремится избѣгать нарушеній этой легальности, грозящихъ ему зачастую тяжелыми послѣдствіями, и до тѣхъ поръ, пока правящіе классы не посягнутъ на тотъ демократическій принципъ, который обезпечиваетъ въ конституціонномъ государствѣ все болѣе и болѣе полное выраженіе и проявленіе народной воли,—пролетаріатъ врядъ ли изберетъ революціонно-насильственные способы борьбы за осуществленіе соціалистическихъ требованій. Революціонно-насильственное разрѣшеніе соціальной проблемы это — отнюдь не единственный путь къ идеаламъ коллективизма, это—лишь одна изъ возможностей и при томъ наименѣе вѣроятная.

Подъ покровомъ революціонной фразеологіи, эти мысли проводятся уже и теперь, проводятся даже признанными вождями орто-

*) К. Каутскій. Сборникъ статей. Изд. Львовича, стр. 164.

доксальнаго марксизма. Чтобы убѣдиться въ этомъ щекотливомъ обстоятельствѣ, стоитъ лишь прочесть соотвѣтственныя главы «Соціальной реформы и соціальной революціи» Каутскаго, гдѣ онъ вскрываетъ самое понятіе соціальнаго переворота и, стараясь опредѣлить возможныя его формы, намѣчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ рядъ задачъ, которыя предстанутъ тогда передъ творцами новыхъ формъ жизни.

Чрезвычайно характерно для ортодоксальнаго марксиста, что еще въ началѣ своей книги авторъ спѣшитъ снять съ себя «тяжелое подозрѣніе въ бланкизмѣ»,—подозрѣніе въ томъ, что онъ придерживается воззрѣній, по которымъ «марксисты въ одинъ прекрасный день смогутъ сразу захватить въ свои руки соціальную диктатуру». Каутскій не представляетъ уже себѣ соціальной революціи, какъ рѣзкій скачкообразный переходъ отъ капитализма къ соціализму,—онъ разсматриваетъ ее, «какъ историческій процессъ, который можетъ длиться болѣе или менѣе продолжительное время», «можетъ растянуться на цѣлые десятки лѣтъ». Не предусматривая возможности вполнѣ мирнаго реформаторскаго по своей формѣ рѣшенія соціальной проблемы, Каутскій въ то же время отвергаетъ въ своихъ предположеніяхъ обычные шаблоны вооруженныхъ возстаній и столкновеній.

Я сказалъ бы даже, пожалуй, говоритъ онъ, что грядущая революція... въ большей степени (будетъ походить) на продолжительную гражданскую войну,—если бы съ этимъ послѣднимъ словомъ не соединялось представленіе о настоящихъ войнахъ и побоищахъ. Мы не имѣемъ никакихъ основаній предполагать, чтобы вооруженныя возстанія, битвы на баррикадахъ и тому подобные военные эпизоды могли еще и теперь играть рѣшающую роль *).

Наиболѣе вѣроятной формой, въ которую выльется грандіозное столкновеніе капитала съ трудомъ въ будущемъ переворотѣ, надо признать, по мнѣнію Каутскаго, всеобщую политическую стачку **).

Специфически свойственнымъ пролетаріату средствомъ давленія и борьбы является организованный отказъ отъ работы — *стачка*. Чѣмъ больше развивается капиталистическій способъ производства и чѣмъ больше концентрируется капиталъ, тѣмъ болѣе гигантскіе размѣры принимаютъ стачки. И чѣмъ болѣе капиталистическій способъ производства вытѣсняетъ мелко-буржуазное хозяйство, тѣмъ болѣе зависитъ все общество отъ безостановочнаго хода капиталистическаго производства, тѣмъ скорѣе становится общенароднымъ бѣдствіемъ, пріобрѣтаетъ значеніе политическаго событія всякая серьезная пертурбація въ производствѣ, ка-

*) Цитирую по изданію „Донской Рѣчи". Каутскій. Соціальная реформа, стр. 79.

**) Каутскій упорно не называетъ ее всеобщей, хотя и характеризуетъ ее, несомнѣнно, какъ таковую. Надо имѣть въ виду, что книга Каутскаго была написана значительно ранѣе примѣненія идеи всеобщей политической стачки въ Россіи, и зап.-европейскіе соціалъ-демократы съ большимъ недовѣріемъ относились къ этой идеѣ, опасаясь болѣе всего быть поставленными на одну доску съ анархистами.

кую вызываетъ забастовка большихъ массъ рабочихъ. Поэтому на извѣстной высотѣ экономическаго развитія, естественно, возникаетъ мысль воспользоваться стачкой, какъ средствомъ политической борьбы... По моему, въ великой революціонной борьбѣ будущаго стачкѣ суждено играть большую роль *).

Въ этихъ попыткахъ «приподнять завѣсу будущаго» очень ярко проступаетъ свойственная современному марксизму половинчатость и присущая ему боязнь довести извѣстныя положенія до ихъ логическаго конца. Признать наиболѣе вѣроятнымъ постепенность завоеваній соціализма путемъ парламентской борьбы современный марксизмъ не можетъ, не отказавшись отъ всѣхъ тѣхъ положеній стараго революціонизма «Коммунистическаго Манифеста», повтореніемъ которыхъ онъ скрашиваетъ теперь свою сѣренькую, будничную парламентскую дѣятельность. Но въ то же время онъ не можетъ допустить и рѣшеніе вопроса по обычнымъ шаблонамъ «буржуазныхъ» революцій, въ формѣ гражданской войны, въ формѣ вооруженнаго столкновенія, или, правильнѣе, ряда вооруженныхъ столкновеній одной части народа съ другой. Марксизмъ останавливается въ своихъ предположеніяхъ на «типически пролетарскомъ средствѣ борьбы», на забастовкѣ, на всеобщей политической забастовкѣ. Онъ закрываетъ себѣ глаза на неизбѣжныя послѣдствія этой формы борьбы, приводящей къ тѣмъ же вооруженнымъ столкновеніямъ, къ тому же рѣшенію вопроса «желѣзомъ и кровью»; онъ тѣшитъ себя утопіей мирной политической стачки, стачки «со скрещенными на груди руками». Врядъ ли нужно теперь доказывать всю нелогичность и нежизненность подобныхъ построеній: они и безъ того подверглись уничтожающей критикѣ, какъ въ русской, такъ и въ западно-европейской революціонно-соціалистической литературѣ; они сдѣлались еще болѣе сомнительными послѣ декабрьскихъ дней русскаго освободительнаго движенія. «Мирная», всеобщая стачка, какъ мы видѣли, приводитъ къ вооруженнымъ столкновеніямъ, приводитъ къ примѣненію тѣхъ самыхъ методовъ борьбы, которые квалифицируются западно-европейскимъ марксизмомъ, какъ рѣшительно негодные. *Дѣйствительно мирная* забастовка можетъ быть проведена соціалистами въ моментъ «соціальной» революціи, только лишь какъ демонстрація, какъ средство давленія на парламентъ, но едва ли какъ рѣшительное средство борьбы.

Таковы выводы, которые прочитываются между строкъ въ «Соціальной реформѣ и соціальной революціи».

Другой представитель, на этотъ разъ уже нашей отечественной ортодоксіи, Г. В. Плехановъ, съ своей стороны, подготовляетъ понемногу «товарищей» къ «истинно пролетарскому» пониманію идеи революціонной диктатуры пролетаріата.

---

*) Тамъ же, стр. 80, 81.

„Диктатура даннаго класса, говоритъ онъ, означаетъ *господство* (курсивъ г. Плеханова) этого класса, позволяющее ему распоряжаться организованной силой общества для защиты своихъ интересовъ и для прямого или косвеннаго подавленія всѣхъ тѣхъ общественныхъ движеній, которыя нарушаютъ эти интересы. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, напримѣръ, французская буржуазія добилась диктатуры еще въ эпоху перваго учредительнаго собранія и затѣмъ, съ нѣкоторыми перерывами, продолжала пользоваться ею вплоть до нашихъ дней...“ *).

Согласно такому толкованію, любое западно-европейское государство и даже политическое положеніе дѣлъ въ такой мирной и спокойной странѣ, какъ Швейцарія, должно быть разсматриваемо, какъ *диктатура* буржуазіи. Опредѣленіе диктатуры, какъ господства класса, безразлично въ какихъ формахъ проявляется это господство, приводитъ къ нѣкоторымъ, довольно неожиданнымъ для «революціоннаго марксизма» выводамъ. Когда соціалисты («пролетаріатъ»), въ случаѣ мирнаго парламентскаго рѣшенія соціальнаго вопроса, станутъ, наконецъ, господствующей партіей и, являясь большинствомъ парламента, образуютъ свое соціалистическое министерство,—однимъ уже этимъ шагомъ они осуществятъ диктатуру пролетаріата, ту самую диктатуру, которой такъ трепещетъ якобы буржуазія...

Имѣются, однако, слишкомъ вѣскія основанія думать, что трепетать она будетъ изъ-за пустяковъ. Каутскій обнадеживаетъ, по крайней мѣрѣ, такихъ слабонервныхъ буржуа, что соціалисты отнюдь не намѣрены сразу до основанія разрушить зданіе капиталистическаго общества, что «на другой день послѣ соціальной революціи» «пролетаріатъ (соціалистическое правительство А. Щ.), прежде всего, разумѣется само собой, наверстаетъ все то, чего не додѣлала буржуазія» **). А «не додѣлала» она, какъ извѣстно, довольно таки многаго, да и врядъ ли додѣлаетъ безъ услужливыхъ подталкиваній и даже прямой помощи соціалистовъ. Тѣ же ортодоксы утверждаютъ, что эта особа ***) съ лѣтами становится все консервативнѣе и консервативнѣе, такъ что врядъ ли можно ожидать, чтобы и въ будущемъ она выполнила цѣликомъ предназначенную ей марксистской теоріей задачу. Съ точки зрѣнія орто-

*) Буржуазія, пролетаріатъ и коммунизмъ. Предисловіе г. Плеханова.

**) Прошу извиненія у читателя за нѣсколько легкій оборотъ рѣчи, но въ виду необыкновенно свободнаго, я бы даже сказалъ, фамильярнаго обращенія въ нашей марксистской литературѣ съ научными экономическими категоріями, согласно которому любое явленіе или воззрѣніе съ необычайной легкостью можетъ быть зарегистровано, какъ „буржуазное“ или какъ „пролетарское“, невольно начинаешь мыслить эти абстрактныя положенія, какъ живые образы Читая ежедневно о томъ, что „буржуазія сдѣлала то-то“, „буржуазія рѣшила“, „буржуазія задумала“, „буржуазія сказала“ и т. п., постепенно поддаешься этому словесному гипнозу и на мѣсто экономической абстракціи создаешь въ своемъ воображеніи нѣкое *лицо*, живущее, мыслящее и дѣйствующее.

***) Каутскій. Соц. реформа стр. 99.

доксіи, исторія видимо сдѣлала здѣсь ошибку (ибо не можетъ же предположить *ортодоксальный* марксистъ, что ошибка—въ самой его теоріи): *пролетаріямъ* она предназначила чуждое имъ, *буржуазное* дѣло.

Разумѣется, такіе нелѣпые выводы могли получаться, лишь благодаря схоластичности построеній марксистской теоріи, благодаря той специфически-марксистской терминологіи, о которой я сказалъ еще въ самомъ началѣ, что она имѣетъ свойство затуманивать самыя, казалось бы, ясныя, самыя понятныя вещи: въ дѣйствительности дѣло обстоитъ значительно проще.

Соціалистамъ, когда они станутъ у власти, не придется, правда, работать исключительно въ интересахъ однихъ лишь наемныхъ рабочихъ, но, тѣмъ не менѣе, нельзя никоимъ образомъ оцѣнивать и характеризовать первые шаги ихъ созидательной дѣятельности, какъ буржуазное дѣло. Будущее соціалистическое правительство, какъ таковое. не можетъ поставить своею задачею охраненіе и защиту предпринимательскихъ интересовъ, интересовъ тѣхъ группъ населенія, которыя живутъ на счетъ прибавочной стоимости, получаемой ими при посредствѣ капиталистической эксплуатаціи. Будущему правительству соціалистовъ придется работать во имя интересовъ широкихъ массъ трудящагося населенія, во имя интересовъ труда вообще, а не одного лишь наемнаго труда, и съ этой точки зрѣнія будущая дѣятельность соціалистовъ пріобрѣтаетъ въ высшей степени важное общенародное значеніе.

„Онъ (пролетаріатъ) введетъ всеобщее избирательное право при выборахъ во всѣ учрежденія, обезпечитъ полную свободу печати и союзовъ; онъ сдѣлаетъ государство независимымъ отъ церкви, онъ уничтожитъ наслѣдственныя привилегіи. Онъ дастъ каждой общинѣ полное самоуправленіе и устранитъ милитаризмъ“ *).

Затѣмъ, по марксистской терминологіи, пролетаріатъ, а реально—соціалистическое правительство «подвергнетъ коренному преобразованію и налоговую систему», упорядочитъ въ интересахъ широкихъ массъ населенія школьное дѣло и, завершивъ полный циклъ реформъ демократическаго характера, займется затѣмъ вопросомъ о выкупѣ (Каутскій стоитъ за выкупъ, а не за конфискацію) средствъ производства изъ рукъ частныхъ лицъ, займется вопросомъ объ организаціи производства на соціалистическихъ началахъ.

Таковы перспективы грядущаго соціалистическаго переворота, рисуемыя намъ современнымъ марксизмомъ. Въ этихъ построеніяхъ нельзя не отмѣтить вліянія тѣхъ самыхъ «ревизіонистскихъ» взглядовъ, противъ которыхъ съ сомнительнымъ успѣхомъ вотъ уже скоро десятокъ лѣтъ борется ортодоксія. Въ своихъ наброскахъ будущей творческой дѣятельности соціалистовъ Каутскій не ограничивается повтореніемъ общихъ мѣстъ соціалистической тео-

*) Каутскій. „Соц. реформа“ стр. 99.

ріи, онъ пытается дать болѣе или менѣе полную, болѣе или менѣе исчерпывающую и болѣе или менѣе детальную разработку задачъ этой дѣятельности и въ своихъ построеніяхъ становится на вполнѣ реальную почву постепенности этого творчества. Такимъ образомъ, если на мѣсто отвлеченныхъ экономическихъ категорій, которыми въ качествѣ правовѣрнаго марксиста оперируетъ Каутскій, подставить вполнѣ опредѣленныя и реальныя величины—политическія партіи и если отбросить изъ его разсужденій всѣ жупелы старой революціонной терминологіи,—то соціальная революція предстанетъ передъ нами, какъ рядъ реформъ политическаго и, главнымъ образомъ, экономическаго характера, проводимыхъ соціалистами и имѣющихъ своею задачею осуществить ихъ идеалъ. Съ этой точки зрѣнія, въ значительной степени безразлично, въ какой формѣ совершится завоеваніе политической власти соціалистическими партіями: въ формѣ ли революціоннаго захвата и временной диктатуры, или, что всего вѣроятнѣе, чисто парламентскимъ путемъ,—важно лишь, чтобы программа этихъ реформъ была разработана соціалистами возможно шире, тщательнѣе и яснѣе.

«Соціальной», «пролетарской» революціи ортодоксальный марксизмъ противопоставляетъ революцію «политическую», «буржуазную».

Являясь, подобно первой, слѣдствіемъ развитія производительныхъ силъ, «буржуазная» революція, по обычнымъ марксистскимъ воззрѣніямъ, предшествуетъ ей по времени и отличается отъ нея своимъ классовымъ содержаніемъ: въ то время, какъ «соціальная» революція есть дѣло рукъ пролетаріевъ, политическая революція является прямою и непосредственною задачей буржуазныхъ классовъ общества. На извѣстной ступени экономическаго развитія господство абсолютистскаго режима и гнетъ феодальныхъ отношеній становятся тормазомъ для развитія капитализма и потому революціонизируютъ тотъ классъ, который является представителемъ новаго способа производства и носителемъ идеаловъ новыхъ формъ политической жизни—буржуазію. Будучи консервативною и даже реакціонною тамъ, гдѣ она—господинъ положенія, въ парламентскихъ странахъ,—буржуазія въ государствахъ, сохранившихъ еще принципъ самодержавія, должна быть революціонною, должна неминуемо стать въ самый рѣзкій конфликтъ съ представителями стараго режима. Ея миссія—политическая революція, пролагающая дорогу свободному и побѣдоносному шествію капитала, провозглашающая гражданскую свободу для буржуазныхъ классовъ и «свободу умирать съ голоду» для рабочихъ.

По увѣреніямъ нашихъ отечественныхъ соціалъ-демократовъ, прилагающихъ къ переживаемымъ событіямъ вышеприведенную марксистскую схему, мы, русскіе, переживаемъ теперь именно такую революцію. Въ силу своего опредѣленнаго классоваго содер-

жанія и въ силу тѣхъ задачъ, которыя ставитъ въ данный моментъ экономическое развитіе Россіи, -великая русская революція должна быть поставлена на одну доску съ аналогичными ей переворотами въ Западной Европѣ и должна быть разсматриваема, какъ дѣло буржуазіи. Согласно обычнымъ шаблонамъ ортодоксіи предполагалось, что руководство русской революціей и направленіе ея по извѣстному политическому руслу будетъ дѣломъ буржуазіи, дѣломъ буржуазной (народной) партіи. Соціалисты не могли пока разсчитывать на руководящую роль въ эпоху политической революціи и должны были лишь использовать переживаемый историческій моментъ въ цѣляхъ укрѣпленія и роста классовой партіи пролетаріата. Мнѣ кажется, что я не ошибусь, если сформулирую точку зрѣнія русскаго ортодоксальнаго марксизма на задачи соціалистовъ въ данный историческій моментъ въ нижеслѣдующихъ выраженіяхъ.

Если мы переживаемъ теперь только политическую революцію (а это несомнѣнно, ибо до настоящаго времени Россія находилась подъ гнетомъ самодержавно-чиновничьяго режима), такъ говорили русскіе соціалъ-демократы, то на этой стадіи экономическаго и историческаго развитія Россіи мы не можемъ разсчитывать на осуществленіе своей соціалистической программы, потому что капитализмъ только лишь освобождается отъ крѣпостническихъ и феодальныхъ узъ и только начинаетъ свое могучее поступательное шествіе, которое и создастъ въ будущемъ необходимыя условія соціальной революціи. Всѣ несвоевременныя, стремящіяся уже теперь водворить соціализмъ, требованія—не болѣе, какъ вредная утопія, хотя и не имѣющая силы повернуть назадъ, или, по крайней мѣрѣ, задержать колесо историческаго развитія, но тѣмъ не менѣе вносящая путаницу въ умы рабочихъ, затемняющую ихъ классовое, пролетарское сознаніе. Къ буржуазной революціи мы можемъ предъявлять лишь буржуазныя же, демократическія требованія, въ лучшемъ случаѣ требованія рабочаго законодательства, не выходящія изъ рамокъ капиталистическаго строя и не подрывающія его. Пусть буржуазія выполняетъ свою историческую миссію, пусть совершаетъ *свою* политическую революцію, - мы никогда не перестанемъ разоблачать всю недостаточность ея требованій, всю ограниченность ея идеаловъ,—но въ то же время мы останемся на почвѣ дѣйствительности и не включимъ въ свою программу, которую мы вырабатываемъ на капиталистическій періодъ, какихъ-либо утопическихъ, не совмѣстимыхъ съ буржуазнымъ строемъ требованій.

Такъ или приблизительно такъ опредѣляли русскіе соціалъ-демократы позиціи соціализма въ текущую революціонную эпоху. Ихъ точкѣ зрѣнія никакъ нельзя отказать въ логичности и послѣдовательности. Въ самомъ дѣлѣ, если совершающаяся революція есть дѣло буржуазныхъ классовъ, то имъ и слѣдуетъ предоставить

первенствующую роль въ дѣлѣ созданія новаго парламентскаго строя, самимъ же поспѣшить заранѣе занять ту критическую позицію по отношенію къ буржуазнымъ начинаніямъ, которая уже сама по себѣ представляетъ могучій факторъ развитія классового самосознанія пролетаріата.

Но логичность и послѣдовательность развитія извѣстныхъ положеній не есть еще гарантія ихъ истинности.

Гладко писано въ бумагѣ,
Да забыли про овраги,—
А по нимъ ходить.

И вотъ самымъ глубокимъ и невылазнымъ оврагомъ для ортодоксальнаго марксизма оказалась русская революція во всемъ своеобразіи ея условій. Она не могла носить того буржуазнаго характера, который навязывался ей соціалъ-демократической доктриной. Русское торгово-промышленное сословіе не имѣло причинъ быть недовольнымъ русскою самодержавною формой правленія. Въ значительной степени вызванное къ жизни стараніями центральной государственной власти въ періодъ ломки крѣпостническаго режима, опекаемое и поддерживаемое въ своихъ первыхъ шагахъ на поприщѣ капиталистической эксплуатаціи, оно не могло пожаловаться на недостатокъ правительственныхъ заботъ и попеченій и въ послѣдующее время. Высокія таможенныя пошлины, казенные подряды и поставки, субсидіи и гарантіи, щедрой рукой расточаемыя правительствомъ для поддержанія нашей отечественной промышленности, не могли, конечно, способствовать воспитанію недовольства и революціоннаго духа въ рядахъ русскаго торгово-промышленнаго сословія,—наоборотъ, колоссальные дивиденды русскихъ промышленниковъ и ихъ беззастѣнчивое хозяйничанье во всѣхъ областяхъ народной жизни на ряду съ другими эксплуататорскими классами все болѣе и болѣе укрѣпляло и безъ того тѣсную связь между купечествомъ, дворянствомъ и чиновничествомъ на почвѣ самаго безстыднаго, самаго наглаго грабительства. Купцы и фабриканты не нуждались въ конституціи, они не требовали свободы слова, собраній, союзовъ и печати, они не только не протестовали противъ хищнической, анти-народной политики правительства, но и сами принимали дѣятельное участіе въ великомъ всероссійскомъ раззореніи, которое затянулось вотъ уже на цѣлые десятки лѣтъ. Россійская буржуазія имѣла свою, хотя, правда, и не писанную, но достаточно хорошо охранявшую ея интересы конституцію; она фактически осуществляла право собраній и союзовъ и поддерживала «свободу» печати, поскольку это требовалось ея «коммерціей». Наконецъ, она имѣла такого дѣятельнаго и энергичнаго защитника своихъ интересовъ въ самомъ центральномъ правительствѣ, какъ бывшій министръ финансовъ, а позже предсѣдатель кабинета министровъ С. Ю. Витте, она имѣла полную возможность воздѣйствовать или вліять въ томъ или иномъ направленіи на внутрен-

нюю и внѣшнюю политику правительства путемъ своихъ классовыхъ представительныхъ учрежденій, до совѣтовъ, образованныхъ при министерствахъ, включительно.

Теперь можно съ увѣренностью сказать, что всѣ предсказанія русскихъ соціалъ-демократовъ насчетъ неизбѣжности наступленія періода «бурныхъ стремленій» для россійскихъ Деруновыхъ, Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, хотя бы и одѣвшихся въ «нѣмецкую одежду», предсказанія, начавшіяся еще со времени «нашихъ разногласій», повторенныя позже въ «задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи», повторенныя и повторяемыя въ ближайшее время,—всѣ они оказались построенными на песчаномъ фундаментѣ и не получили никакого подтвержденія въ дѣйствительности. Всѣ разсужденія о «буржуазной демократіи» и о «демократической буржуазіи», «которыя, какъ изъ рога изобилія, сыплются теперь со страницъ русскихъ соціалъ-демократическихъ газетъ и журналовъ,—все это не болѣе, какъ безплодныя, порою даже прямотаки трагическія попытки заполнить то самое пустое мѣсто, которому марксистской теоріей предназначено играть рѣшающую роль въ исторіи русской революціи.

До появленія заграничной литературной группы «Освобожденіе» и до выступленія на политическую арену земскихъ съѣздовъ врядъ ли можно было серьезно говорить о какихъ-либо буржуазныхъ или либеральныхъ партіяхъ. Существовали, правда, либеральныя, съ грѣхомъ пополамъ поддерживавшія свое либеральное амплуа, газеты, существовали оппозиціонно настроенные земцы, но все это имѣло слишкомъ малое отношеніе къ революціи. Выступленіе освобожденцевъ на нелегальномъ литературномъ поприщѣ имѣло поэтому большое значеніе и было понято русской соціалъ-демократіей, какъ выступленіе буржуазіи, въ качествѣ одного изъ агентовъ русской революціи. Естественно, что появленіе «буржуазной» партіи было встрѣчено со стороны соціалъ-демократической печати самой рѣзкой критикой; соціалъ-демократы въ своихъ «разоблаченіяхъ истиннаго буржуазнаго характера» и т. п. могли уже, такимъ образомъ, обращаться по вполнѣ опредѣленному адресу и, разумѣется, не приминули воспользоваться этой возможностью. Однако, скоро литературный пылъ ихъ смѣнился нѣкоторымъ разочарованіемъ: приходилось признать, что «Освобожденіе» не доподлинный представитель интересовъ буржуазіи, и «освобожденцы» не вожаки и не вдохновители революціи.

И, дѣйствительно, освобожденцы, позже конституціоналисты-демократы, до 1906 года играли сравнительно мало замѣтную роль въ исторіи русской революціи; какъ принципіальные сторонники мирныхъ и легальныхъ путей борьбы, какъ партія оппозиціонная только, а не революціонная, они не являлись активными дѣятелями революціи и были мало популярны въ массахъ. Только декабрьское пораженіе соціалистическихъ партій и ихъ тактика бойкота

по отношенію къ Думѣ поставили к.-д. внѣ конкурренціи. Какъ они это и сами признали, населеніе выбирало ихъ, не какъ конституціоналистовъ-демократовъ, а какъ единственныхъ защитниковъ народной свободы, такъ что к.-д., вульгарно говоря, и оказались тѣмъ самымъ ракомъ, который на безрыбьи является рыбой.

Что же касается самой программы конституціоналистовъ-демократовъ, то ее никоимъ образомъ нельзя квалифицировать, какъ буржуазную въ томъ узкомъ специфическомъ смыслѣ этого слова, какой придается ему обыкновенно соціалъ-демократами. Конституціонно-демократическая партія выставила въ числѣ своихъ задачъ почти всѣ тѣ требованія, которыя мы находимъ въ соціалъ-демократической программѣ-minimum. Всеобщее избирательное право со всѣми его гарантіями, до распространенія на женщинъ включительно, 8-ми часовой рабочій день и принципъ принудительнаго отчужденія въ земельномъ вопросѣ (передъ которымъ, кстати сказать, долгое время въ нерѣшимости стояла русская соц.-дем. партія),—всѣ эти пункты мы находимъ въ программѣ партіи народной свободы. Что касается «требованій» демократической республики и Учредительнаго Собранія, то конституціоналисты-демократы не выставили ихъ потому, что не вѣрили въ ихъ осуществимость.

Гораздо естественнѣе было предположить, что дѣйствительно классовыя буржуазныя партіи «Торгово-промышленная» или «Союзъ 17 октября» одержатъ побѣду на выборахъ и, явившись господами положенія, закончатъ «буржуазную» революцію и отдадутся всецѣло «политической», «органической» работѣ. Но эти ожиданія не были оправданы исторіей.

Великая русская революція самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергла марксистскія схемы и самымъ наглядымъ образомъ подтвердила тотъ фактъ, который не разъ былъ отмѣченъ народнической литературой,—фактъ интимной близости россійскаго самодержавія и россійскаго капитала. Если русское торгово-промышленное сословіе и заботилось объ «обновленіи» Россіи, то лишь постольку (и въ этомъ его желанія сходились съ желаніями нашихъ правящихъ верховъ), поскольку этого требовали интересы собственниковъ, страдавшіе отъ переживаемой «смуты», и настолько, насколько это было необходимо въ цѣляхъ поддержанія нормальнаго хода экономической жизни въ странѣ. Большинство проектовъ обновленія, исходившихъ изъ этой среды, мало чѣмъ отличалось отъ «видовъ и предположеній» бюрократіи, надѣявшейся при минимумѣ положительной реформаторской работы въ смыслѣ поднятія народнаго благосостоянія употребить всѣ силы на водвореніе «порядка», на борьбу съ революціонными проявленіями. Представители капитала—россійское купечество и вообще торгово-промышленное сословіе—не только не явились вождями и вдохновителями русской революціи,—они въ большинствѣ случаевъ занимали по отношенію

къ революціонному движенію враждебную позицію, или, въ лучшемъ случаѣ, плелись въ хвостѣ великаго освободительнаго движенія.

Этотъ фактъ, логически вытекающій изъ установленнаго ранѣе положенія солидарности интересовъ русской самодержавной бюрократіи и опекаемой и поддерживаемой ею буржуазіи, обусловливался еще и другимъ обстоятельствомъ, которое никоимъ образомъ не могло способствовать сочувственному отношенію буржуазныхъ классовъ къ русскому революціонному движенію. Характерной особенностью непереживаемой нами эпохи надо считать то громадное вліяніе, которое оказывали на ходъ событій соціалистическія партіи, и ту популярность, которой они пользовались въ широкихъ слояхъ трудящагося населенія. Къ моменту нашей «буржуазной» революціи соціалистическая критика перевела всѣ наиболѣе сознательные, всѣ дѣйствительно революціонно настроенные и активно выступающіе въ открытую борьбу съ самодержавіемъ элементы въ лагери соціалистическихъ или близкихъ къ соціализму партій. Знамя буржуазной свободы,—«свободы умирать съ голоду»—не прельщало живыя и активныя силы страны. Соціализмъ получилъ въ Россіи не только широкое распространеніе, но и явился однимъ изъ главныхъ агентовъ въ дѣлѣ низверженія стараго самодержавнаго строя и организаціи народныхъ массъ для борьбы за лучшее будущее. Всѣ активныя выступленія трудящихся классовъ общества совершились, если не подъ прямымъ и непосредственнымъ руководствомъ соціалистическихъ партій, то, во всякомъ случаѣ, въ извѣстномъ согласіи и единеніи съ ними. Волею судебъ исторія предназначила соціализму въ Россіи не скромную роль пассивнаго меньшинства, занимающаго критическую позицію по отношенію къ преобладающей буржуазной революціонной партіи, а почетное положеніе дѣйствительнаго и единственнаго руководителя русской революціи. Въ то время, какъ наши отечественные соціалъ-демократы готовились «разоблачать» истинный классовой характеръ имѣющихъ занять господствующее положеніе буржуазныхъ партій, готовились раскрывать ихъ дѣйствительную буржуазную сущность, — неумолимая дѣйствительность упорно толкала ихъ на вакантное мѣсто руководителей и вождей великихъ и грозныхъ событій...

Факты жизни самымъ жестокимъ и недвусмысленнымъ образомъ противорѣчили догматическимъ схемамъ ортодоксіи. Согласно марксистской точкѣ зрѣнія никакъ нельзя было допустить, чтобы *руководящей* политической силой въ эпоху буржуазной революціи могъ выступить «пролетаріатъ», хотя бы въ лицѣ «единственной» и «неоспоримой» представительницы его интересовъ ортодоксальной соц.-дем. партіи, никоимъ образомъ нельзя было признать возможнымъ, чтобы соціалисты во время переворота явились господствующей политической партіей, на обязанности которой ле-

житъ не одно лишь разрушеніе стараго отжившаго режима, но и творчество новыхъ формъ государственной жизни. А между тѣмъ, обстоятельства складывались именно такимъ образомъ: соціалистамъ, за отсутствіемъ руководящей «буржузной» революціонной партіи, въ случаѣ побѣдоносной революціи неизбѣжно приходилось стать у власти и заняться не соотвѣтствующимъ имъ, съ точки зрѣнія ортодоксіи, дѣломъ—насажденіемъ «буржуазной» свободы. Соціалъ-демократія растерялась въ этомъ вопросѣ, она запуталась въ спорахъ о дозволительности участія во временномъ революціонномъ правительствѣ и лишь пораженіе соціалистовъ въ дни декабрьскаго возстанія разрубило—поистинѣ разрубило—этотъ гордіевъ узелъ противорѣчій ортодоксіи.

«Буржуазная» революція, «пролетарская» революція—эти когда то столь ясныя и отчетливыя представленія потеряли теперь всю свою опредѣленность, спутались и облеклись въ «туманную» и «расплывчатую» форму *народной революціи*.

Соотвѣтственно съ тѣми поправками и дополненіями, которыя внесла жизнь въ указанные отдѣлы марксистскихъ построеній, не могла, разумѣется, остаться незыблемой и самая основа этихъ возврѣній—классовая точка зрѣнія.

Исходя изъ положенія, что первопричиной и основаніемъ всей исторической жизни всякаго общества является способъ его производства - экономика даннаго историческаго періода, а дѣйствующими и борющимися силами—экономическія категоріи — классы, марксизмъ всю политическую и идейную ситуацію исторіи, программы политическихъ партій, научныя системы и т. п. разсматривалъ, лишь какъ простое отраженіе классовыхъ интересовъ извѣстныхъ общественныхъ группъ, какъ стремленіе въ болѣе или менѣе замаскированной идеологическими построеніями формѣ осуществить свои ближайшіе матеріальные интересы. Исторія съ этой точки зрѣнія представлялась, лишь какъ борьба классовъ, ибо всѣ прочіе виды борьбы въ области идейной, политической и т. д. являлись не болѣе, какъ производными основной формы борьбы—борьбы экономической.

Въ мою задачу не входитъ подробная и всесторонняя критика указанной теоріи,—я имѣю въ виду указать на неправильность лишь тѣхъ ея выводовъ, согласно которымъ соціализмъ разсматривается, какъ простое выраженіе интересовъ пролетаріата, а соціалистическія партіи, лишь какъ передовые отряды этого класса.

Современная дѣйствительность самымъ рѣшительнымъ образомъ противорѣчитъ указаннымъ построеніямъ. Не только пролетаріатъ, но и крестьянство, а у насъ въ Россіи, и значительная часть интеллигенціи признаютъ соціалистовъ своими представителями. Не говоря уже о такихъ чисто крестьянскихъ странахъ, какъ Данія, Норвегія или южная Италія, государства

съ преобладающимъ значеніемъ обрабатывающей промышленности, съ болѣе рѣзко выраженными классовыми антагонизмами не гарантированы также отъ распространенія соціалистическихъ идей въ крестьянской средѣ. Даже такія ортодоксально настроенныя, придерживающіяся еще въ значительной степени въ крестьянскомъ вопросѣ воззрѣній «Коммунистическаго Манифеста», соціалистическія партіи, какъ, напримѣръ, германская соціалъ-демократія, насчитываютъ теперь въ своихъ рядахъ уже не малый процентъ не пролетарскихъ элементовъ, съ интересами и настроеніемъ которыхъ имъ такъ или иначе приходится считаться. Объяснять присутствіе этихъ элементовъ въ партіи, представляющей собою идеологію враждебнаго имъ класса, «переходомъ на точку зрѣнія» этого класса теперь не представляется никакой логической возможности. «На точку зрѣнія пролетаріата» переходятъ уже не единичныя личности, могущія руководствоваться такими или иными идейными, идеологическими побужденіями, а цѣлые классы, которые не могутъ уже быть подведены подъ понятіе идеологіи и съ которыми приходится считаться, какъ съ классами, имѣющими свои собственные задачи и интересы.

Дѣйствительность ставитъ вопросъ объ отношеніи класса и соотвѣтствующей ему идеологіи совсѣмъ не такъ просто, какъ рѣшаетъ его теорія классовой борьбы. Извѣстная передовая для своего времени политическая программа объединяетъ собою не одинъ лишь какой-либо классъ, привлекая изъ нѣдръ другихъ общественныхъ группъ и классовъ лишь отдѣльныя единицы, руководящіяся побужденіями идеологическаго характера,—она объединяетъ широкія массы народа, трудовыхъ классовъ общества, независимо отъ того или иного участія ихъ въ процессѣ производства. Не одни лишь пролетаріи, но и значительная часть мелкихъ собственниковъ, главнымъ образомъ, трудовое крестьянство, испытывающее на своемъ горбу всѣ прелести капиталистическаго режима, тяготѣетъ къ тому міросозерцанію, которое, защищая интересы труда въ настоящемъ, строитъ грандіозные планы «справедливаго» общественнаго строя для будущаго. И поскольку узкіе интересы какого-либо одного общественнаго класса замѣняются болѣе широкимъ понятіемъ народнаго блага и общечеловѣческаго идеала, постольку и партію, охватывающую въ своихъ рядахъ большую часть трудящихся классовъ народа, приходится квалифицировать, не какъ классовую, а какъ народную. Дѣйствительность съ каждымъ днемъ убѣждаетъ насъ, что идеалы соціализма не суть принадлежность одного лишь класса пролетаріевъ, но и міросозерцаніе труда вообще.

Таковы главнѣйшія поправки, внесенныя исторіей въ догматическія построенія ортодоксально-марксистской теоріи.

II.

Жизнь столкнула ее лицомъ къ лицу съ аграрнымъ, въ частности съ крестьянскимъ вопросомъ, заставила подвергнуть пересмотру вопросъ о революціонной роли капитала въ земледѣліи, о «соціальномъ» и «политическомъ» переворотахъ, пошатнула, наконецъ, самую классовую точку зрѣнія.

Не касаясь вопроса о томъ, какъ реагировалъ западно-европейскій соціализмъ на вновь поставленныя жизнью проблемы, я ограничусь разсмотрѣніемъ программъ лишь русскихъ соціалистовъ. Въ мою задачу не входитъ разсмотрѣть вопросъ цѣликомъ, это—слишкомъ обширная тема, могущая послужить предметомъ особаго, самостоятельнаго изслѣдованія,—я коснусь отдѣльныхъ пунктовъ русскаго соціалистическаго міровоззрѣнія лишь постольку, поскольку это важно для уясненія основного вопроса, которому, главнымъ образомъ, и посвящена статья—вопроса о максимальной и минимальной программахъ.

Какъ извѣстно, русское соціалистическое міровоззрѣніе еще въ концѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ раздѣлилось на два широкихъ теченія, вѣтвящихся теперь, въ свою очередь, на множество отдѣльныхъ ручейковъ и струекъ. Одно изъ этихъ теченій, преобладающее въ настоящее время, соціалъ-демократическое, примыкаетъ всецѣло къ ортодоксальному направленію въ марксизмѣ и строитъ свою программу въ строгомъ соотвѣтствіи съ основными положеніями матеріалистическихъ воззрѣній на исторію; наши отечественные соціалъ-демократы строго блюдутъ правовѣріе марксистской догмы: они не хотятъ слышать ни о какихъ пересмотрахъ или перестройкахъ марксистской теоріи развитія общества и о кризисѣ въ марксизмѣ говорятъ не иначе, какъ заключая это слово въ убійственно ироническія кавычки, или же предпосылая ему эпитетъ: «такъ называемый». Это не мѣшаетъ имъ на практикѣ дѣлать болѣе или менѣе солидныя отступленія отъ ортодоксіи, въ родѣ поддержки захвата земли крестьянами, «вплоть до конфискаціи» и т. п., но когда рѣчь заходитъ о несоотвѣтствіи подобныхъ требованій тому теоретическому базису, на который опирается соціалъ-демократическая программа, то здѣсь они не дѣлаютъ никакихъ уступокъ и рядомъ натяжекъ и противорѣчій спѣшатъ «спасти основы» и согласить несогласимое. Разумѣется, вопросъ о максимальной и минимальной программахъ рѣшается ими по обычному марксистскому шаблону.

Совершенно иное отношеніе къ ортодоксіи занимаетъ другое теченіе русской соціалистической мысли — соціалъ-народническое или соціалъ-революціонное. Еще при самомъ своемъ зарожденіи, опредѣливъ свою позицію по отношенію къ доктринѣ историческаго

матеріализма, какъ отрицательную, это теченіе русскаго соціализма не переставало разрабатывать насущные вопросы соціалистической программы, считаясь прежде всего съ фактами жизни, съ важнѣйшими указаніями дѣйствительности. Ему поэтому, прежде всего, пришлось заняться разработкой аграрной программы, какъ самаго важнаго и самаго существеннаго пункта соціалистической программы въ Россіи. И теперь, когда ортодоксальный марксизмъ въ лицѣ россійской соціалъ-демократической рабочей партіи, застигнутый врасплохъ историческимъ сюрпризомъ выступленія широкихъ массъ крестьянства съ ихъ собственными нуждами и требованіями, съ лихорадочной поспѣшностью и нервозностью создаетъ одну аграрную программу за другою,—представители соціально-революціоннаго направленія озабочены лишь детальной разработкой вопроса о воплощеніи въ жизнь тѣхъ основныхъ положеній, которыя составляютъ ихъ аграрную программу.

Современнымъ представителямъ русскаго революціоннаго соціализма не приходилось создавать ее заново: въ ихъ распоряженіи имѣлся и обширный матеріалъ чисто фактическаго характера, и важнѣйшія теоретическія указанія старой народнической литературы. Важно было лишь признать правильной ту точку зрѣнія, которая проводилась въ этой литературѣ и которая подверглась въ свое время жесточайшей критикѣ, самымъ яростнымъ нападкамъ со стороны молодого еще тогда русскаго марксизма, съ которой еще и теперь, не смотря на сдѣланныя имъ въ этой области уступки, марксизмъ ведетъ непрерывную теоретическую войну. Важно было признать тѣ особыя условія развитія русскаго капитализма, которыя обрекали его на рахитическое, тепличное существованіе, которыя обусловили необходимость «казенной соски» и создали самыя тѣсныя, самыя интимныя отношенія между россійскимъ капиталомъ и россійской самодержавной бюрократіей.

Современные представители русскаго соціалъ-народническаго теченія въ общемъ и главномъ перенесли выводы старыхъ народниковъ въ основу своихъ построеній и выработали твердые принципы русской аграрной программы. Опираясь на лучшія традиціи русской соціалистической мысли, всегда считавшейся съ фактомъ прочности общинныхъ традицій и взглядовъ на землю въ средѣ русскаго крестьянства, съ одной стороны, и, принимая во вниманіе весь тотъ громадный, по преимуществу критическій матеріалъ въ аграрномъ вопросѣ, который дала и русская и, главнымъ образомъ, западно-европейская наука, съ другой,—сторонники революціоннаго соціализма согласовали свои лозунги съ чисто крестьянскимъ кличемъ: «земли», придавъ ему такую форму, которая не противорѣчила основамъ соціалистическаго міросозерцанія, и выставили своею ближайшею задачей въ аграрномъ вопросѣ изъятіе земли изъ товарнаго обращенія и передачу ея въ общенародное достояніе на основахъ уравнительнаго землепользованія.

Уже одинъ этотъ шагъ являлся несомнѣнной новаторской попыткой въ дѣлѣ построенія соціалистической программы и производилъ радикальный переворотъ въ обычныхъ воззрѣніяхъ на самый ходъ историческаго развитія. Въ самомъ дѣлѣ, осуществленіе чисто соціалистическихъ требованій, или, по крайней мѣрѣ, одного изъ этихъ требованій не откладывалось въ долгій ящикъ «соціальной» революціи, а признавалось возможнымъ и необходимымъ теперь же въ предѣлахъ современнаго капиталистическаго строя. Не представляя изъ себя универсальнаго лѣкарства отъ всѣхъ золъ современной общественной жизни, не устраняя еще разрозненности и анархіи товарнаго хозяйства и связанной съ нимъ конкурренціи даже въ аграрной области, передача земли въ общенародное достояніе являлась, тѣмъ не менѣе, несомнѣннымъ и весьма недвусмысленнымъ внѣдреніемъ чисто соціалистическихъ принциповъ въ область современнаго хозяйственнаго индивидуализма и подготовляла почву для дальнѣйшихъ соціалистическихъ завоеваній въ другихъ областяхъ народнаго хозяйства.

Но этого мало: съ уничтоженіемъ частной собственности на землю устанавливались, какъ мы сказали, и самыя формы землепользованія. «Каждый гражданинъ имѣетъ право на землю; но никто не долженъ получить земли болѣе, чѣмъ сколько онъ сможетъ ее обработать своимъ личнымъ трудомъ, и земля эта должна находиться въ его пользованіи лишь до тѣхъ поръ, пока онъ ее обрабатываетъ». Такъ можно кратко формулировать принципъ, положенный въ основу соціально-революціонныхъ построеній «уравнительнаго землепользованія». Проведеніе въ жизнь полностью этихъ положеній соц.-революціонной аграрной программы создавало совершенно новыя формы хозяйства въ земельной области; оно устраняло возможность наемнаго труда въ деревнѣ, устраняло, слѣдовательно, и *капиталистическую* въ тѣсномъ смыслѣ, основанную на выжиманіи прибавочной стоимости, эксплуатацію. Оставались, конечно, общія дѣйствующія во всѣхъ областяхъ экономической жизни условія товарнаго хозяйства, какъ рынокъ, конкурренція и т. п., но они не могли уже играть той доминирующей и исчерпывающей роли, того раззорительнаго и анти-соціальнаго значенія, какія имѣютъ теперь при полномъ и неограниченномъ владычествѣ капитала.

Въ соціально-революціонной литературѣ въ цѣляхъ болѣе полнаго выясненія вопроса, а также въ отвѣтъ на извращенія или непониманіе со стороны соціалъ-демократической печати неоднократно указывалось и разъяснялось, что соціализація или націонализація земли не есть еще окончательное осуществленіе соціально-революціонныхъ идеаловъ, что этотъ пунктъ программы никоимъ образомъ нельзя понимать въ смыслѣ какого-то однобокаго аграрнаго соціализма, что соціализмъ въ деревнѣ мыслимъ лишь при общей соціализаціи всѣхъ средствъ производства и планомѣрной

организаціи распредѣленія; по вмѣстѣ съ тѣмъ въ той же литературѣ постоянно подчеркивалась мысль, что передача земли въ общенародное достояніе есть въ то же время мѣра, направленная къ разрушенію безраздѣльнаго и неограниченнаго могущества капитала, направленная къ водворенію противоположныхъ ему началъ въ экономической жизни. Осуществленіемъ этого пункта соціально-революціонной программы наносился смертельный ударъ капиталистическому строю и расчищалась дорога для новыхъ соціалистическихъ завоеваній. Штурмъ капиталистическаго общества не отодвигался въ неопредѣленно далекое будущее въ ожиданіи, пока созрѣютъ чисто техническія условія соціалистическаго производства, когда собственность сконцентрируется въ рукахъ болѣе или менѣе незначительной численно группы населенія и когда крестьянство и мелкая городская буржуазія будутъ переведены въ своей огромной части въ ряды лишенныхъ средствъ производства наемныхъ рабочихъ, — нѣтъ! штурмъ этотъ провозглашался теперь же вопросомъ дня, теперь же — насущной и неотложной задачей современности.

Рѣзкое разграниченіе политической и соціальной революціи для Россіи, по крайней мѣрѣ, уничтожалось этой точкой зрѣнія. Великая русская революція по воззрѣніямъ русскаго соціально-революціоннаго теченія должна была явиться въ одно и то же время и политической, и соціальной. Это не значило, конечно, что великій переворотъ сразу перебросилъ бы насъ изъ мрачной обстановки самодержавно-полицейскаго режима въ свѣтлое царство соціализма, но соціализмъ долженъ былъ теперь же отвоевать главнѣйшія свои позиціи у капиталистическаго строя, чтобы въ условіяхъ парламентскаго режима онъ могъ вести болѣе дѣйствительную атаку противъ «священнаго и неприкосновеннаго» института частной собственности и разлагающаго индивидуализма капиталистическаго способа производства. Соціалистическій переворотъ съ этой точки зрѣнія не представлялся уже въ образѣ «жениха, грядущаго во полунощи», не рисовался, какъ грандіозное стихійное крушеніе стараго капиталистическаго строя и водвореніе на смѣну ему сразу готоваго уже соціализма, это не былъ уже пресловутый прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы, — переворотъ этотъ представлялся теперь скорѣе, какъ процессъ, какъ рядъ завоеваній соціалистическаго характера, какъ рядъ схватокъ угнетаемыхъ съ угнетателями, эксплуатируемыхъ съ эксплуататорами, какъ длительная борьба, то болѣе спокойная, ведущаяся въ легальныхъ рамкахъ, предоставляемыхъ парламентскимъ государствамъ, и организующая силы трудящихся классовъ, то какъ рядъ революціонныхъ выступленій, попирающихъ рамки буржуазной законности и вырывающихъ изъ рукъ господствующихъ классовъ все новыя и новыя завоеванія.

Въ связи съ этимъ находится и иное отношеніе къ вопросу о

роли сознанія въ ходѣ историческаго процесса: соотвѣтственно постепенности завоеваній соціализма, отрицающей стихійно-неизбѣжный крахъ буржуазнаго общества, предполагалось и возрастаніе значенія идейнаго фактора, сознательнаго руководства, какъ борьбою трудящихся классовъ, такъ и самой хозяйственной жизнью страны. Вмѣсто пресловутаго «прыжка» устанавливался фактъ сознательнаго вмѣшательства организованныхъ общественныхъ силъ въ стихійные процессы экономической жизни, возрастающаго съ ходомъ историческаго развитія вплоть до полнаго подчиненія обществу процессовъ производства и распредѣленія.

Эта новая точка зрѣнія безспорно внесла свѣжую струю въ старыя, выдохшіяся и лишенныя реальнаго содержанія понятія «политической» и «соціальной» революціи. По новымъ воззрѣніямъ «политическая» революція, не будучи полнымъ соціалистическимъ переворотомъ, совмѣщалась въ то же время съ соціальной революціей, и, вырывая изъ-подъ ногъ капитализма главнѣйшіе его устои, залагала прочныя основанія для дальнѣйшей борьбы за идеалы соціализма. Согласно такому пониманію историческихъ событій, соціалисты не имѣли никакого права ограничивать свою программу одними лишь политическими требованіями, не имѣли никакого права уклоняться отъ активной и творческой дѣятельности въ томъ случаѣ, если бы исторія поставила ихъ во главѣ совершающихся событій и поручила имъ дѣло устроенія новаго государственнаго зданія.

Вопросъ о самой структурѣ соціалистической программы ставился, такимъ образомъ, основными положеніями общаго соціалъ-революціоннаго міросозерцанія весьма опредѣленно. Непрерывность историческаго процесса, исключающая произвольное расчлененіе его на два рѣзко разграниченные историческіе періода: «буржуазный» и «пролетарскій», и признаніе наличности соціалистическихъ задачъ и возможностей соціалистическаго творчества еще въ предѣлахъ капиталистическаго общества предполагали *единство* и *цѣлостность* соціалистической программы и исключали обычные методы построенія ея въ смыслѣ раздѣленія на максимальную и минимальную части, раздѣленія на *задачи*, пріуроченныхъ ко времени соціальной революціи, и на *требованія*, разсчитанныя на буржуазный періодъ и предъявляемыя буржуазному обществу.

Для міросозерцанія, относящагося болѣе, чѣмъ скептически, къ доктринѣ самоотрицанія капиталистическаго строя, не вѣрующаго въ возможность прыжка при переходѣ общества изъ одной исторической эпохи въ другую, совершенно ей противоположную, міросозерцанія, отстаивающаго точку зрѣнія постепенности соціалистическихъ завоеваній, осуществляемыхъ еще въ предѣлахъ капиталистическаго строя, міросозерцанія, не останавливающагося передъ перспективами расшатыванія основъ этого строя теперь же, не-

медля,—для такого міросозерцанія раздѣленіе программы на рядъ требованій, пріуроченныхъ къ «буржуазной» революціи и къ «буржуазному» періоду, и на задачи «соціальной», пролетарской революціи является вопіющимъ противорѣчіемъ тѣмъ самымъ принципамъ, которые обусловили оригинальность и самостоятельность русскаго соціально-революціоннаго теченія.

Въ этомъ смыслѣ нельзя не отмѣтить той ложной позиціи, которую заняла въ этомъ вопросѣ партія соціалистовъ-революціонеровъ,—одно изъ видныхъ развѣтвленій общаго соціально-народническаго теченія. Ея попытку сформулировать кратко и сжато основныя положенія русскаго соціаль-революціоннаго направленія и ясно и точно опредѣлить его задачи, оставаясь на почвѣ обычнаго марксисткаго дѣленія этихъ задачъ на максимальныя и минимальныя,—надо признать безусловно неудачной. Не смотря на радикализмъ воззрѣній партіи по отношенію къ ортодоксальнымъ построеніямъ марксизма, не смотря на ея аграрную программу, заносящую руку на самый капиталистическій способъ производства не смотря на общій духъ и тактику партіи, приходится признать, однако, что она не вполнѣ еще эмансипировалась отъ вліянія соціалъ-демократическихъ воззрѣній и въ наиболѣе рѣшительныхъ вопросахъ теоріи и программы сохранила старыя марксистскія позиціи, пожертвовавъ логичностью и послѣдовательностью своего міровоззрѣнія.

Выставлять въ числѣ неотложныхъ задачъ ближайшаго будущаго соціализацію земли на основахъ уравнительнаго пользованія и проектировать соціалистическія завоеванія еще въ предѣлахъ капиталистическаго общества—это, значитъ, отрицать «буржуазный» характеръ широкаго народнаго движенія, это значитъ предусматривать возможность такого исхода борьбы за освобожденіе отъ политическаго рабства, при которомъ руководство политической жизнью страны и задачи творчества новыхъ формъ жизни будутъ осуществляться соціалистическими партіями. Я не касаюсь здѣсь современнаго политическаго положенія и отнюдь не думаю расцѣнивать соотношеніе силъ въ текущій политическій моментъ и дѣлать отсюда какіе-либо болѣе или менѣе оптимистическіе или болѣе или менѣе пессимистическіе выводы, — я разсматриваю вопросъ о переходѣ государственной власти въ руки соціалистовъ, какъ теоретическую возможность, какъ нѣкоторый опредѣленный выводъ изъ нѣкоторыхъ общепринятыхъ посылокъ. До послѣдняго времени въ рядахъ русскихъ соціалистовъ господствовала увѣренность въ побѣдоносномъ исходѣ русской революціи въ смыслѣ полной ликвидаціи стараго самодержавнаго режима и широкаго осуществленія идеаловъ демократіи. Предполагалось, что государственная власть силою оружія будетъ вырвана изъ рукъ представителей самодержавнаго режима и перейдетъ къ истиннымъ представителямъ народа, которые и явятся творцами новыхъ формъ

государственной жизни. Теперь послѣ неудачи декабрьскаго возстанія это оптимистическое настроеніе, правда, нѣсколько ослабѣло, но никто изъ соціалистическаго лагеря не призналъ, однако, самую идею побѣдоноснаго исхода русской революціи невозможной, а изъ соціалъ-демократической печати мы, по прежнему, узнаемъ, что «пролетаріатъ готовится къ вооруженному возстанію», хотя, впрочемъ, рѣшилъ принять участіе и въ избирательной борьбѣ.

Съ другой стороны, какъ было указано раньше, руководящая роль въ русскомъ революціонномъ движеніи выпала, главнымъ образомъ, на долю соціалистическихъ партій, и, такимъ образомъ, если не придерживаться тѣхъ догматическихъ положеній, по которымъ низверженіе абсолютистскаго строя есть дѣло буржуазіи и будущее буржуазное дѣло будетъ выполняться буржуазными же партіями то весьма естественно приходится предусмотрѣть возможность руководящаго соціалистическаго большинства во временномъ революціонномъ правительствѣ (въ случаѣ полной побѣды революціи въ Россіи, и даже, быть можетъ, и въ новомъ парламентѣ, установленномъ Учредительнымъ Собраніемъ). Слѣдуетъ замѣтить, что возможность такого ненормальнаго съ точки зрѣнія ортодоксіи положенія дѣлъ создается и въ западно-европейскихъ государствахъ, въ другихъ лишь, разумѣется, формахъ.

Мы переживаетъ теперь въ высшей степени важный историческій періодъ. Утопическіе когда-то идеалы соціализма принимаютъ все болѣе и болѣе опредѣленныя очертанія; соціалисты теперь уже не кучка безпочвенныхъ мечтателей, а серьезная политическая партія объединяющая въ своихъ рядахъ огромные массы трудящагося населенія. Соціалисты не удовлетворяются теперь одной лишь критикой буржуазнаго строя, они сами принимаютъ участіе въ законодательной работѣ парламентовъ, налагая свою печать на общій ходъ и результаты этихъ работъ и, быть можетъ, недалеко то время, когда они пріобрѣтутъ первенствующее значеніе въ обществѣ, когда государственная власть цѣликомъ перейдетъ въ ихъ руки, когда исторія поручитъ имъ великое дѣло переустройства общества.

Передъ соціалистическими партіями всего міра встаетъ, такимъ образомъ, важный и трудный вопросъ о задачахъ *творческой* дѣятельности еще въ предѣлахъ современнаго общества. Согласно ортодоксальной теоріи, въ виду преобладающаго буржуазнаго, мелко-буржуазнаго состава современнаго общества, представляющаго съ точки зрѣнія ортодоксіи непреодолимое препятствіе установленію соціалистическаго строя, — соціалистамъ предстоитъ при рѣшеніи этого вопроса или приняться за то самое «буржуазное» дѣло, которое еще вчера они дискредитировали съ высоты своего идейнаго величія, или же подъ разными благовидными предлогами уклониться отъ великой исторической задачи, подобно «рабу лукавому и лѣнивому». Но есть и третій исходъ, не пріемлемый съ ортодоксаль-

ной точки зрѣнія, это,—не поступаясь ни единымъ пунктомъ своей программы, не переставая быть соціалистами, какъ таковыми, взять въ свои руки дѣло политическаго и соціальнаго творчества.

Соціалисты, не стоящіе на стражѣ ортодоксіи, не встрѣтятъ къ тому препятствій съ чисто принципіальной стороны. Узко-классовая точка зрѣнія, отмежевывающая соціалистамъ весьма ограниченный кругъ дѣятельности, защиту пролетарскихъ интересовъ, должна уступить мѣсто новымъ взглядамъ на суть и смыслъ историческаго развитія. Въ соотвѣтствіи съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, соціалисты должны будутъ признать себя представителями и выразителями интересовъ не одного лишь класса наемныхъ рабочихъ, но и крестьянства и другихъ трудовыхъ классовъ общества, должны будутъ признать себя представителями всего народа въ его огромномъ большинствѣ.

Вся трудность и сложность вопроса заключается не въ теоретическомъ ограниченіи выступленія соціалистовъ въ качествѣ творческой силы еще въ буржуазномъ обществѣ, а въ чисто практическихъ задачахъ ихъ государственной дѣятельности Необходимо точно выяснить, въ какой мѣрѣ подготовлены современныя соціалистическія партіи къ творческой созидательной работѣ еще въ рамкахъ современнаго общества, насколько отчетливо и опредѣленно сформулированы ими тѣ задачи государственнаго строительства, которыя необходимы въ интересахъ труда и соціализма. И здѣсь мы опять наталкиваемся на обычную рутину правовѣрнаго соціализма, на традиціонное раздѣленіе программы на максимальную и минимальную. Соціализмъ, несмотря на извѣстную теоретическую независимость значительной части своихъ приверженцевъ отъ ортодоксальной схоластики, не раздѣлался еще окончательно съ основными ея положеніями относительно дѣленія задачъ государственнаго творчества на «буржуазныя», осуществляемыя въ ближайшее время, и на «пролетарскія», откладываемыя ко времени «соціальной революціи».

Собственно соціалистическая часть программы, программа-maximum, въ той общей ея формулировкѣ, по которой «экспропріація» частной собственности и реорганизація производства на общественныхъ началахъ исчерпываютъ все содержаніе этого отдѣла, являясь лишь руководящимъ принципомъ болѣе или менѣе смутнымъ и туманнымъ образомъ будущаго совершеннаго общества,—программа-maximum не можетъ быть названа программою въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Программа политической партіи, это—нѣчто вполнѣ опредѣленное, это—рядъ пунктовъ, точно и ясно сформулированныхъ, заключающихъ въ себѣ весь комплексъ практическихъ задачъ партіи, не оставляющихъ никакого сомнѣнія насчетъ ея плановъ и намѣреній, насчетъ характера ея будущей государственной дѣятельности. Я не касаюсь тѣхъ чисто теоретическихъ предпосылокъ, которыя представляютъ собою опредѣ-

ленное *credo* соціалистическаго міросозерцанія представляютъ своего рода «объяснительную записку» къ самому существу политическихъ и соціальныхъ требованій,—эти теоретическія положенія имѣютъ, конечно, огромное значеніе въ качествѣ опредѣленнаго научнаго базиса, въ качествѣ обоснованія положительной части программныхъ требованій,—но они не отвѣчаютъ на вопросъ о задачахъ непосредственной творческой дѣятельности соціализма. Вся суть соціалистической программы, какъ таковой, заключается въ максимальной ея части, и поскольку послѣдняя въ практическомъ отношеніи не разработана до такой степени, что не заслуживаетъ даже самаго названія программы, постольку приходится признать полную неподготовленность современнаго соціализма къ непосредственной творческой дѣятельности въ смыслѣ осуществленія идеала соціалистическаго общества.

Но жизнь уже не мирится съ половинчатостью современной соціалистической программы, не мирится съ двойной бухгалтеріей ортодоксальной схоластики: жизнь требуетъ яснаго, точнаго и опредѣленнаго отвѣта на вопросъ: что же сдѣлаютъ соціалисты, когда они овладѣютъ такъ или иначе государственной властью, какія реформы могутъ быть намѣчены ими въ интересахъ труда и соціализма, что могутъ обѣщать они трудовому народу? Задачи, если не сегодняшняго, то завтрашняго дня настоятельно требуютъ *единой* и *цѣльной* программы или соціалистической, какъ таковой, или же только демократической. Соціалистамъ предстоитъ или конкретизировать и облечь въ опредѣленныя, вполнѣ реальныя формы принципъ экспропріаціи и общественной организаціи производства, или же, признавъ соціализмъ не болѣе, какъ «проблемой», разработать одну лишь демократическую часть программы и свернуть, такимъ образомъ, свое соціалистическое знамя.

Задачи разработки «максимальной» части соціалистической программы, а, слѣдовательно, и общей ея переработки, выступаютъ съ каждымъ днемъ очевиднѣе и очевиднѣе. Съ этимъ вопросомъ неизбѣжно приходится считаться соціалистамъ всѣхъ фракцій и направленій, но съ особенной остротой онъ встаетъ передъ русскимъ соціально-революціоннымъ теченіемъ. Раньше уже было указано, что перенесеніе въ разрядъ неотложныхъ задачъ современности уничтоженія частной собственности на землю и законодательнаго установленія формъ землепользованія въ интересахъ трудящихся, это—лишь первые шаги къ дальнѣйшей разработкѣ чисто соціалистическихъ задачъ, первые опыты въ дѣлѣ общей перестройки соціалистической программы, подготовительная ступень къ совершенно иному пониманію своей роли и своихъ задачъ въ современномъ обществѣ. Передъ представителями русскаго революціоннаго соціализма возникаетъ теперь вопросъ дальнѣйшей конкретизаціи, дальнѣйшей практической разработки чисто соціалистической части ихъ міровоззрѣнія, дальнѣйшаго перенесенія —

выражаясь эзоповскимъ языкомъ современнаго соціализма выяснившихся и опредѣлившихся пунктовъ максимальной части программы въ минимальную.

Вопросъ этотъ окончательно еще не рѣшенъ въ рядахъ сторонниковъ русскаго соціально-революціоннаго міровоззрѣнія и пока еще, сравнительно, мало разработанъ: существуетъ, наконецъ, въ извѣстной части указаннаго теченія уже готовая программа, разрѣшающая этотъ вопросъ въ обычномъ марксистскомъ духѣ, и тѣмъ не менѣе можно съ увѣренностью утверждать, что положительное разрѣшеніе вопроса о единой соціалистической программѣ есть дѣло весьма недалекаго будущаго. Обычные методы ея построенія покоились въ значительной степени на рутинѣ, и при общемъ пересмотрѣ основъ марксистскаго міровоззрѣнія они должны быть признаны несостоятельными подобно нѣкоторымъ другимъ его положеніямъ, уже сданнымъ въ историческій архивъ съ молчаливаго согласія и даже при извѣстномъ содѣйствіи защитниковъ ортодоксально-марксистской теоріи. Симптомы будущей коренной перестройки соціалистической программы въ духѣ все большей и большей эмансипаціи ея отъ схоластическихъ построеній ортодоксіи можно усматривать въ зарожденіи максималистскихъ теченій въ соціалъ-революціонизмѣ, которыя, несмотря на всѣ ихъ крайности и практическую неопредѣленность, несмотря на тенденцію мыслить марксистскими категоріями, представляютъ изъ себя попытку цѣлостнаго и послѣдовательнаго разрѣшенія вопроса о единой соціалистической программѣ.

Александръ Щ—въ.

ПРО ВОЙНУ.

I.

Насъ отрѣзали.

(Изъ старой записной книжки.)

Далеко и широко тянулась ровная, какъ полъ, предъ-араратная долина. И такъ неожиданно,—безъ предгорья, съ пола долины,—вздымался могучей массой великій Араратъ и сверкающей дѣвственной бѣлизной своей вершины освѣщалъ синее небо и зеленую землю той долины.

И была она, какъ чаша, полная медомъ и млекомъ. Отъ края и до края тянулись зеленые виноградники, бахчи съ арбузами и дынями, табачныя плантаціи и поля кукурузы, ячменя и пшеницы.

Была война, но кругомъ было мирно и тихо. Мирно вился къ небу синій дымъ изъ маленькихъ саклей; какъ сторожа, окружали деревни высокіе, прямые и неподвижные пирамидальные тополи. Лѣнивые буйволы лежали въ теплыхъ мутныхъ арыкахъ, вившихся между пирамидальными тополями, и, когда спускалось солнце и блѣднѣлъ Араратъ, сбѣгались овцы, безчисленныя стада овецъ, и овечій запахъ стоялъ въ зеленой долинѣ.

Древнимъ патріархальнымъ востокомъ дышала предъ-араратная долина и лежала она, какъ раскрытая страница библіи. Вставали потускнѣвшіе образы, и оживали стертыя письмена древней книги...

Тянется далеко-далеко безконечный караванъ. Качаются головы „кораблей пустыни“, колышутся тюки на ихъ горбахъ, и кажется, идутъ они изъ Тира и Сидона, изъ страны царицы Савской, и везутъ золото и кость слоновую, и драгоцѣнное пахучее дерево, и благовонное масло, и пурпуровыя одежды... Тѣ же овцы и при нихъ пастыри овецъ, въ овечьихъ одеждахъ, темные, бородатые, съ медлительными движеніями, съ важными задумчивыми лицами,—и въ

рукахъ у нихъ посохи. Кротко и покорно, мелкими шагами плетется осликъ, и на немъ мужъ, жена и ребенокъ, какъ тогда, давно, такъ же сидѣли на немъ мужъ, жена и мальчикъ.

И какъ тогда, бѣлымъ факеломъ горитъ вѣчный Араратъ и освѣщаетъ синее небо, и зеленую землю, и ветхозавѣтную овцу, и ветхозавѣтнаго верблюда, и задумчиваго пастыря, и медленно вьющійся къ небу синій дымокъ человѣческаго жилья.

Но была война. Угрюмо засѣлъ Измаилъ-паша на склонѣ горнаго хребта, идущаго отъ Арарата, и бѣлыя русскія палатки и блещущая мѣдь пушекъ были тамъ, на ячменныхъ поляхъ, въ виноградникахъ, въ тихихъ овечьихъ деревняхъ, омываемыхъ мутными арыками. Та деревня, на краю которой былъ расположенъ нашъ лагерь, была пуста, пирамидальные тополи были срублены, не вился дымъ изъ покинутыхъ жилищъ, не было овецъ въ пустыхъ стойлахъ, и наши санитары, разыскивая топливо, вытаскивали изъ-подъ самана, вмѣсто полѣньевъ, почернѣвшія человѣческія ноги и дѣтскіе трупики и варварски — о, какъ жестоко и варварски!—изуродованныя женскія тѣла. Но было тихо, не свистѣли пули, не гремѣли пушки, не пѣли рожки, и только молитва, строгая и печальная, звучала по вечерамъ въ тихой долинѣ.

И то, что не пѣли рожки, не свистѣли пули, не гремѣли пушки, наполняло воздухъ долины тревогой, ожиданіемъ и скукой. Какъ сонныя мухи, бродили солдаты. Зря, безъ всякаго толку, растаскивали они то, что оставалось въ пустыхъ деревняхъ, скучно и нудно калякали у своихъ палатокъ въ истомѣ жары и бездѣлья, и, когда я подходилъ къ нимъ, они говорили одно знаменитое русское слово: „Скушно!“

Я видѣлъ разъ косарей орловскихъ, курскихъ и полтавскихъ, пришедшихъ на сѣверный Кавказъ,—они сидѣли въ пыльной станицѣ, у такого же мутнаго ручья, въ ожиданіи найма, и такъ же говорили: „Скушно!“

Не подвиговъ жаждали солдаты, не понимали они тогда, зачѣмъ погнали ихъ на Кавказъ, но ихъ погнали, имъ не дали дѣла, за которымъ погнали, и имъ, людямъ, никогда не бывавшимъ безъ дѣла, было скучно оттого, что они сидятъ въ виноградникахъ, на мутныхъ арыкахъ, не дѣлаютъ того дѣла,—дурного или хорошаго, нужнаго или не нужнаго, правильнаго или неправильнаго,—но *дѣла*, для котораго ихъ привели.

Скучно было и намъ, летучему санитарному отряду. Мы тоже пришли дѣло дѣлать. И то, что мы записались въ летучій санитарный отрядъ, что у насъ не было ни лазарета, ни обычной организаціи, что мы были обязаны быть верхомъ

съ передовыми отрядами на рекогносцировкахъ, на передовыхъ позиціяхъ и имѣли только перевязочныя средства для оказанія помощи на мѣстѣ битвы и одноколки, чтобы увозить раненыхъ съ поля битвы,—создавало особенное приподнятое настроеніе нашего отряда. Намъ, какъ и солдатамъ, было особенно скучно отъ овечьяго запаха, отъ вынужденнаго бездѣлья, отъ этого безмолвія и неподвижности, съ которыми генералъ Тергукасовъ и Измаилъ-паша наблюдали другъ за другомъ,—одинъ сверху, другой снизу. Лично у меня,—кажется, и у другихъ,—была одна мысль, которая преслѣдовала меня отъ Москвы, съ записи въ летучій санитарный отрядъ, мысль, которую я гналъ отъ себя и тщательно скрывалъ отъ другихъ: окажусь ли я на высотѣ задачи летучаго санитарнаго отряда, буду ли я храбръ предъ лицомъ смерти, которая могла ожидать насъ, во всякомъ случаѣ, гораздо скорѣе, чѣмъ другія аналогичныя военно-медицинскія организаціи. Это смутное ожиданіе опасности, инстинктивное желаніе скорѣе встрѣтить ее и провѣрить себя дѣлало еще скучнѣе наше вынужденное долгое бездѣйствіе.

II.

Былъ вечеръ, тихій долинный вечеръ, вился синій дымокъ изъ саклей, безшумно трепетали сонные листья пирамидальнаго тополя, и черныя тѣни сползали съ горъ на зеленую долину, когда нашъ отрядъ получилъ приказъ выступить. Какъ всегда, приказъ сообщенъ былъ таинственно, и адъютантъ отказался сказать, куда и зачѣмъ мы идемъ, и, какъ всегда, черезъ полчаса всякій солдатъ зналъ, что мы идемъ отрѣзать Измаилъ-пашу отъ Эрзерумской дороги. Отрядъ выступилъ значительный: пѣхотная дивизія, драгунскій полкъ; были казаки, артиллерія. Казалось, мы никогда не войдемъ въ узкое горло ущелья, по которому намъ предстояло идти: дико и безтолково смѣшались въ кучу лошади и люди, пушки и обозныя фуры. Ржали бѣсившіяся, встававшія на дыбы лошади, пѣхотинцы ругались съ пробиравшимися между ними драгунами и казаками, и надъ всѣмъ носилась трехъ-этажная ругань охрипшаго голоса маленькаго сѣденькаго капитана, начальника обоза.

Погасли послѣдніе лучи солнца и спустилась ночь на землю,—та внезапная, безъ сумерекъ, южная ночь, густая темная, которая сразу, какъ черное покрывало, окутываетъ горы и долины И, должно быть, она потушила то крикливое, шумное, безпорядочное движеніе: мы вошли, наконецъ, въ ущелье, и темной, огромной, безшумной змѣей ползъ нашъ

отрядъ между двумя стѣнами корридора-ущелья. Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ корридоръ становился уже и казавшіяся отвѣсными горы все выше, и все дальше отъ насъ узкая полоса звѣзднаго неба, и казалось, вотъ-вотъ мы придемъ къ концу узкаго ущелья, и дальше будетъ некуда идти...

Я проснулся отъ холода, бурка примерзла къ землѣ. Было дико, свѣтло и весело. Тянулъ утренній вѣтеръ, свѣжій и крѣпкій, напоенный горьковатымъ ароматомъ горныхъ травъ. Узкій корридоръ раздвинулся, и поднялся въ серединѣ его бугоръ, котораго я не замѣтилъ ночью и на которомъ расположился нашъ лагерь. И, казалось, дальше идти некуда, утесъ обрывался впереди, и въ глубинѣ огромной пропасти лежало круглое, какъ кратеръ вулкана, голубое озеро, а кругомъ тянулись горы, дикія, голыя, безлюдныя.

Война была ближе, чувствовалась ярче. И сознаніе, что цѣлая армія Измаила-паши легла вонъ тамъ, за этой цѣпью, между нами и русской арміей, и то, что по ущелью, гдѣ мы прошли, ночью были заложены секреты, и въ ямахъ сидѣли солдаты, которые должны были стрѣлять въ каждаго, кто не зналъ пароля, а впереди на противоположномъ утесѣ, противъ нашего пикета, совсѣмъ близко, виднѣлся турецкій пикетъ, и наши солдаты и турецкіе перекликались другъ съ другомъ на неизвѣстномъ ни тѣмъ, ни другимъ языкѣ,— создавало особенное, не долинное, военное настроеніе.

На другой же день была стычка. Помню, нашъ повaръ, Василій Саккарелидзе, въ паспортѣ котораго значилось совсѣмъ особое званіе: „ищущій званія дворянства“, жарившій намъ шашлыкъ на обѣдъ, вдругъ бросилъ въ огонь шашлыкъ, сдѣлалъ свирѣпое лицо и, вынувши изъ ноженъ саблю, съ которой онъ не разставался и во время шашлыка, крикнулъ:

— Турки!

Турки спускались съ противоположной горы черными точками, какъ кучки мухъ, спускающихся по стеклу, и издали казалось это такъ не страшно, такъ не въ серьезъ, такъ не по настоящему по военному. Вылѣзали изъ палатокъ солдаты, лѣнивые, скучные, угрюмые. Не было на ихъ лицахъ ничего воинственнаго и даже тревожнаго, и для меня было очевидно, что угрюмы и сердиты они были только потому, что турки полѣзли не во время и не дали имъ съѣсть кулешъ, который варился тутъ же, рядомъ съ палатками. Не было воинственныхъ возгласовъ, которыхъ я почему-то ждалъ, даже не слышно было команды: лѣниво и скучно

солдаты натягивали на себя аммуницію, какъ-то незамѣтно строились и шли рота за ротой...

Казалось, только нашъ Василій Сакварелидзе съ свирѣпымъ лицомъ, да недавно пріѣхавшій юный прапорщикъ, справлявшій наканунѣ свои именины, краснощекій, въ новенькомъ мундирчикѣ, проявлявшій необыкновенную суетливость и носившій на лицѣ радостное, оживленное настроеніе,—казалось, только они двое были настоящими военными людьми.

Бухали пушки, щелкали короткіе звуки ружейныхъ выстрѣловъ. Нашъ перевязочный пунктъ былъ у пушекъ, гдѣ земля была усыпана пулями, но ни одна пуля не просвистѣла мимо моей головы, и не пришлось мнѣ рѣшать моего давняго вопроса. Скоро порѣдѣвшая кучка мухъ снова поползла въ горы, и казалось, все, что произошло, было нелѣпо, не въ серьезъ, не взаправду: неизвѣстно, зачѣмъ спускались тѣ темные люди съ горы, для чего имъ нужно было оставить нѣсколько труповъ своихъ и чужихъ въ томъ оврагѣ, который отдѣлялъ гору отъ нашего бугра. Василій Сакварелидзе снова жарилъ шашлыкъ, и лицо у него стало опять поварское, и доканчивалъ онъ не конченный разсказъ о достоинствахъ своего барбарисоваго „кислотамъ", которымъ онъ сдабривалъ шашлыкъ. А солдаты опять распоясались и вкусно ѣли, какъ только умѣютъ ѣсть солдаты, горячій кулешъ.

III.

Тотъ день разгорѣлся жаркій и душный, какъ тѣ дни во время похода по армянскому плоскогорью, когда наши шеи вздувались, какъ отъ ожоговъ, и лоскутками сходила кожа съ лица. Вечеръ не приносилъ прохлады и отдыха. Было что-то необычно тревожное, напряженное; казалось, воздухъ сталъ тяжелымъ и плотнымъ, трудно было дышать, трудно было идти. Мои товарищи уѣхали въ долину за фуражемъ, я оставался одинъ и бродилъ по лагерю, чтобы сбросить съ себя это необыкновенное тяжелое и тревожное чувство. Я былъ на краю голубого озера, солдаты пикета сидѣли, лежали на неостывшихъ камняхъ, неподвижные, словно чего-то ждущіе. Странно молчаливые, окаменѣвшими группами сидѣли они въ лагерѣ предъ своими палатками и говорили мнѣ:

— Душно...

Было душно, и возвратившіеся съ рекогносцировки товарищи разсказали мнѣ, что они видѣли въ ущельи огни свя-

того Эльма: какъ вспыхивали и потухали голубоватые огни на кончикахъ лошадиныхъ ушей, на отдѣльныхъ пучкахъ волосъ гривы, на буркахъ.

Ярко помню тотъ вечеръ, ту ночь. Мы лежали съ моимъ другомъ, тоже студентомъ-медикомъ, завернулись въ бурки, съ сѣдлами подъ головами, и думали каждый свою думу.

Онъ былъ скептикъ и циникъ по тогдашнему нашему пониманію. Между непривѣтливыми, неуютными студенческими комнатами, его номеръ въ „Бухановкѣ“ былъ самый неуютный, самый пустынный: тамъ не было ничего, кромѣ кривоногой кровати, одинокаго стола и стула и рванаго сплющеннаго чемодана, замѣнявшаго комодъ, и синяя сахарная бумага всю зиму заклеивала разбитое окно. Среди некорректныхъ костюмовъ тогдашняго студенчества, его сѣрый длинный сюртукъ былъ наименѣе корректнымъ. Онъ совсѣмъ не ухаживалъ за барышнями и жестоко издѣвался надъ скоропалительною влюбленностью нѣкоторыхъ своихъ друзей. Среди насъ, искренно вѣрившихъ, что счастье такъ близко, всеобщее счастье всѣхъ людей, онъ былъ одинъ, кто не вѣрилъ въ это завтрашнее наступленіе царства небеснаго на землѣ, иронизировалъ надъ нашей увѣренностью что стоитъ придти къ мужику и разсказать, что нужно, и онъ сдѣлаетъ, что нужно. Онъ даже рѣдко посѣщалъ наши сходки, и я удивился, случайно узнавши, когда мнѣ привилось замѣнять его, о тѣсныхъ связяхъ его съ петербургскими крупными людьми тогдашняго движенія. Большой, высокій, широкоплечій и стройный, онъ ходилъ, согнувшись, нелѣпой, скучающей походкой.

Но у него были большіе, прекрасные черные глаза,—и нѣжные и насмѣшливые, которые особеннымъ свѣтомъ освѣщали все: его нелѣпый, съ короткими рукавами, сѣрый сюртукъ, и желтые табачные пальцы, и пожелтѣвшіе, какъ у старика, отъ табаку усы, и не прибранные волосы, и не всегда корректное бѣлье. И мы, друзья, звали его „Ганичкой“, какъ звали его въ далекомъ углу Россіи, откуда онъ пріѣхалъ, сестры, видѣвшія въ немъ радость жизни.

Потянулъ съ вершины Арарата вѣтеръ, холодный, свѣжій и бодрящій, какъ нарзанъ, прогналъ ту тяжелую, напряженную, душную атмосферу огней святого Эльма и затихъ. И стало холодно и свѣжо, грудь широко поднималась и жадно пила этотъ крѣпкій, горьковатый отъ горныхъ травъ, сильный воздухъ. Надо мной висѣло огромное и совсѣмъ близкое темно-синее небо, горѣли звѣзды, большія, яркія, и, помню, была одна звѣзда,—огромная, и пламенѣла она яркимъ синимъ, зеленымъ и краснымъ огнемъ. Должно быть, была связь между этими ярко пламенѣющими кавказскими звѣз-

чами и тѣми кроткими, тихо мерцающими московскими звѣздами, на которыя въ эту минуту могли смотрѣть далекіе дорогіе люди, и, должно быть, результатомъ этой связи былъ неожиданно для меня самого вырвавшійся вопросъ:

— А ты, Ганичка, любилъ когда-нибудь?

Сосѣдняя бурка повернулась было ко мнѣ и снова легла на мѣсто. Ярче вспыхнула папироска, не выходившая отъ сна и до сна изъ губъ моего друга, и своимъ смѣющимся обычнымъ тономъ говорилъ онъ мнѣ:

— Какъ же, любилъ, — еще бы не любилъ! Въ восьмомъ классѣ... А она была въ седьмомъ. Все, какъ слѣдуетъ, свиданіе было назначено на бульварѣ. Пришли. Сидимъ и молчимъ,—потому пылаемъ. А потомъ часы звонить стали,—отличные у насъ городскіе часы! Я и осмѣлился на рѣшительный приступъ и говорю:

— А ужъ двѣнадцать...

Она вздохнула и отвѣтила:

— Да, двѣнадцать.

Мой другъ молчалъ, и красная точка свѣтилась изъ темной бурки.

— Ну, а дальше?—нетерпѣливо спрашивалъ я.

— А дальше ничего не было. Пошли домой, я проводилъ ее къ отцу дьякону, ея родителю, а самъ домой спать пошелъ.

— Такъ что же, объяснились же вы?

— Какого-же тебѣ еще объясненія!—отвѣчалъ онъ.—Ты помни, другъ милый: слово изреченное есть ложь... Мы безъ лжи! Давай-ка спать...

Онъ повернулся и замолчалъ, но я чувствовалъ, какъ бываетъ между близкими людьми, что онъ думаетъ и тревожится. И онъ заговорилъ, и тонъ былъ другой, и слова были другія, не знакомый мнѣ тонъ, новыя слова.

— Скучная это исторія, другъ милый... Это вѣдь теперь ваши курсистки по сходкамъ бѣгаютъ да о новомъ строѣ человѣчества разговариваютъ,—а вотъ погоди, замужъ выйдутъ,—увидишь! Эти ужъ по баламъ мыкаться не будутъ, адюльтерами заниматься не станутъ! Все по правиламъ будетъ. Чтобы салфеточка аккуратно конвертикомъ была сложена, и мысли были правильныя, аккуратныя, конвертиками, и у мужа, и у дѣтей. Самыя просвѣщенныя, вполнѣ радикальныя мысли, только для семьи не вредныя... Онѣ изъ семьи такой тебѣ Баязетъ устроятъ, что съ новымъ строемъ человѣчества ужъ ты туда не проберешься! Скучно все это, милый другъ! Не стоитъ огородъ городить...

„Наши курсистки“ были превосходныя, самаго благород-

наго и возвышеннаго образа мыслей, и я началъ было энергично защищать ихъ, но мой другъ остановилъ меня:

— Совѣтъ да любовь вамъ... Давай спать.

Онъ вдругъ весь повернулся ко мнѣ, и черные глаза ярко блестѣли, и говорилъ онъ порывисто и нѣжно, и, казалось, говоритъ самъ себѣ свои давнія мысли, съ которыми сжился.

— Не найду я... Не встрѣчу. Кого хочу я... Мы будемъ жить въ разныхъ мѣстахъ отдѣльно, врозь. Чтобы не было комодовъ, перинъ, посуды, хозяйства. Чтобы не было одинаковыхъ блюдъ, одинаковыхъ мыслей, однѣхъ привычекъ. И не будетъ цѣпей на насъ. Я вольный, и она вольная; я живу по своему, она живетъ по своему. И потому, что мы вольные, и не будетъ цѣпей на насъ, она будетъ моей единственной, и я буду ея единственнымъ, я буду все о ней думать, а она обо мнѣ. И когда пріѣдемъ другъ къ другу, мы будемъ новые люди съ новыми мыслями, съ новыми планами, съ новой любовью. И никогда не будетъ скучно, потому что не будетъ привычно.

Онъ бросилъ далеко отъ себя горящую папиросу и выговорилъ:

— Не найду...

Огни святого Эльма вспыхивали и потухали въ его душѣ. Онъ говорилъ и о дѣтяхъ. Идеалъ семьи, которая не будетъ „преступнымъ сообществомъ“, твердыней стараго строя, развертывался все шире и шире, я съ удивленіемъ слушалъ въ первый и послѣдній разъ (послѣдній, такъ какъ мой другъ давно умеръ одинокимъ, очевидно, не нашедши той, которая бы рѣшилась осуществить его идеалъ брака и семьи) возбужденную длинную рѣчь моего друга, всегда говорившаго односложными насмѣшливыми репликами.

IV.

Я спалъ долго и крѣпко. Мнѣ снился длинный замысловатый сонъ, и кто-то все путалъ и мѣшалъ доспать его и говорилъ надоѣдливыя слова, на которыя я злился и которыя не желалъ слушать. Съ меня сняли бурку, и я разслышалъ слова:

— Насъ отрѣзали...

Мой другъ уже сидѣлъ, очевидно еще сонный, съ не открывшимися глазами. Вѣтеръ упалъ, была предразсвѣтная тишь. Звѣзды еще горѣли большія, яркія; небо было блѣдное и далекое, начинали вырисовываться смутныя очертанія горъ. Шорохъ стоялъ въ воздухѣ. Денщикъ дивизіоннаго генерала, помѣщавшагося въ своей палаткѣ недалеко отъ насъ, будилъ насъ и настойчиво повторялъ:

— Насъ отрѣзали!.. Вставайте, сѣдлайте лошадей!!!

Мы въ темнотѣ искали стреноженныхъ лошадей, мы сѣдлали ихъ безъ мысли, не понимая словъ и не думая о словахъ, а кругомъ насъ мелькали смутныя тѣни, вставали такіе же, еще не проснувшіеся, не понимавшіе значенія словъ, люди, и стоялъ надъ лагеремъ смутный шорохъ, глухой и тревожный. Изрѣдка страшное слово „отрѣзали“ проносилось въ воздухѣ, и тогда становилось тихо. Изрѣдка торопливые, не понимавшіе голоса спрашивали:

— Турки? Гдѣ турки?

И когда имъ махали рукой въ сторону темнаго ущелья, по которому недавно шли, спрашивавшіе молчали, и лица невольно поворачивались къ тому темному ущелью, и торопливо сѣдлались кони, натягивались ранцы.

Люди понимали, имъ не о чемъ было больше спрашивать.

Нужно было только вспомнить узкій корридоръ, по которому мы недавно шли, съ двумя отвѣсными стѣнами, корридоръ, который можно было запереть, какъ запираютъ комнату на ключъ, чтобы понять весь объемъ этого безпощаднаго слова „отрѣзали“, чтобы почувствовать, что спасенія нѣтъ, что мы всѣ, вотъ тутъ мечущіеся, обречены на гибель.

Не было команды, не было приказовъ; сами по себѣ стихійнымъ пониманіемъ устраивались люди, тихо и осторожно спускали съ бугра тяжелыя пушки, выстраивались, сплачивались въ ряды, лѣпились другъ къ другу тѣсно, близко, плечо къ плечу, рука къ рукѣ. Не было криковъ, не было той ругани, съ которой входили мы въ ущелье, безмолвно, строго-молчаливо—пѣхота, конница, артиллерія,—группа за группой, спускались съ страшнаго бугра въ страшную бездонную безнадежную пропасть темнаго корридора.

И когда мы, очутившіеся въ хвостѣ, только что спустились въ ущелье, тамъ на бугрѣ вспыхнулъ колоссальный костеръ, загорѣлось все, что было брошено на томъ бугрѣ: палатки, какіе-то припасы, бочки, какія-то фуры. Все это горѣло яркимъ огромнымъ пламенемъ, и въ свѣтѣ колыхавшагося огня ярко вырисовывались фигуры конныхъ людей, казавшихся уродливо-огромными, фантастически страшными. Мы шли, и страшная тьма глубокаго ущелья поглощала насъ. . . . . .

. . . . . .

Мы шли, нѣсколько тысячъ человѣкъ, шли на вѣрную смерть,—такъ думали мы, нѣсколько тысячъ человѣкъ. За нами турки. Справа и слѣва съ неприступныхъ стѣнъ будутъ разстрѣливать насъ люди, недоступные намъ, а впереди—запертая дверь... Тамъ, впереди, не могло быть регулярныхъ

войскъ, а только иррегулярные, тѣ, которые не берутъ въ плѣнъ, которые разсѣкаютъ дѣтскія тѣла, которые вырѣзываютъ груди у армянскихъ женщинъ, которые насаживаютъ людскія головы на изгороди домовъ. Мы шли, и темная глубь ущелья поглощала насъ. Высокія стѣны сторожили насъ, чтобы мы не ушли, надъ нами висѣла узкая полоса далекаго звѣзднаго неба. Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ дальше уходило отъ насъ небо, и выше вздымались горы и уже становилось ущелье, и, казалось, мы спускаемся въ глубокій колодезь, и вотъ сейчасъ подойдемъ къ концу его и дальше не пойдемъ, некуда будетъ идти.

Шли тихо и молча. Катился камень съ сухимъ жесткимъ звукомъ, рѣзко и крикливо звенѣла подкова о каменный выступъ, изрѣдка проносился сухой окрикъ въ толпѣ: люди настораживались, сердито поворачивали головы и дальше шли, плечо къ плечу, рука къ рукѣ, молчаливые, строгіе.

И то, что люди молчали и молча шли умирать, было страшно сильно, и въ этой строгой, спаянной въ одно тѣло толпѣ чувствовалось, что люди дорого продадутъ свою жизнь. И не было никому скучно между этими нѣсколькими тысячами людей.

Мнѣ некогда было рѣшать тотъ вопросъ, съ которымъ я ѣхалъ отъ Москвы. То, что было кругомъ, захватило меня и держало въ строгомъ напряженномъ настроеніи. Никогда сѣдло не было такъ удобно, и за все время похода, когда приходилось 16—18 часовъ проводить въ сѣдлѣ, рѣдко испытывалъ я ту полную гармонію моихъ мускуловъ съ мускулами лошади, когда не чувствуешь, что ѣдешь верхомъ. Я зналъ, что лошадь тоже не чувствовала въ ту минуту, что везетъ меня. Должно быть, мой Кабардинецъ былъ въ томъ же настроеніи: у него былъ тотъ легкій эластичный шагъ, тотъ красивый выгибъ шеи, и раздувались его ноздри такъ, какъ въ рѣдкія минуты особеннаго возбужденнаго состоянія.

Было странное настроеніе... Особенное чувство свѣжести, бодрости и силы, какое бываетъ въ утренніе осенніе заморозки, когда холодъ забирается подъ рубашку и ноги идутъ особенно широко и свободно. Широко и просторно было въ груди, свободныя и яркія мысли развертывались въ головѣ, и глаза смотрѣли широко и далеко, и уши слышали, кажется, всѣ звуки міра. Было то рѣдкое настроеніе, когда не чувствуешь тѣла, когда выростаютъ крылья за плечами, когда кажется, что нѣтъ тяжести, которую не могъ бы поднять, нѣтъ на свѣтѣ непреодолимыхъ преградъ. Я смотрѣлъ на моего друга. Онъ всегда возбуждалъ веселье отряда, когда

сидѣлъ въ сѣдлѣ, сгорбившійся, длинноногій на своей маленькой горной лошадкѣ, бывшей въ постоянномъ разладѣ съ своимъ сѣдокомъ,—теперь сѣренькая лошадка танцовала, и всадникъ легко и красиво сидѣлъ въ сѣдлѣ. И обернувшееся къ свѣту костра лицо его было гордо и счастливо, и широко открытые глаза ярко блестѣли, и улыбались губы...

Впереди затрещали выстрѣлы, и какъ-то быстро, особеннымъ коллективнымъ чувствованіемъ, люди почувствовали, что страшнаго нѣтъ, что опасность прошла, и какъ-то поразительно быстро, хотя перестрѣлка была далеко впереди, отрядъ узналъ, что то были небольшія толпы курдовъ, занявшихъ ущелье и быстро разсѣявшихся при первомъ серьезномъ отпорѣ.

То были только курды... И сразу потухло сторожкое и сильное настроеніе толпы, и стало скучно. Опять пошли люди вразбродъ, привычнымъ разгильдяйскимъ русскимъ шагомъ. Кое-гдѣ переругивались, какъ всегда, пѣхотинцы съ драгунами, сцѣпились двѣ фуры, и хриплая трехъэтажная ругань стараго обознаго начальника пронеслась въ воздухѣ. Лѣнивая мысль медленно ползла въ голову: массовая храбрость не дорого стоитъ; настроеніе толпы захватываетъ человѣка, и, можетъ быть, въ извѣстныхъ случаяхъ удивительнѣе быть трусомъ, чѣмъ чувствовать, какъ всѣ.

Занималась заря, алѣли верхушки горъ, блѣдный свѣтъ вставалъ въ темномъ корридорѣ. Мой другъ нелѣпо покачивался въ сѣдлѣ, большой, длинноногій, согнувшійся, и скучными сонными глазами смотрѣлъ по сторонамъ. И стѣны корридора-ущелья казались невысоки и нестрашны.

Развертывалась постепенно долина, потянуло овцой изъ долины.

II.

„Бомбочки".

(*Полудѣйствительность.*)

Это было недавно, пять-шесть мѣсяцевъ назадъ, когда насъ еще не отрѣзали.

Большой губернскій городъ, крупный промышленный и торговый центръ, и въ немъ—пригородная слободка, гдѣ ютится всякій, плохо пристроившійся къ жизни большого города, людъ.

Маленькая квартирка, гдѣ живетъ портниха, немолодая, унылая, съ надтреснутымъ голосомъ, въ которомъ слышатся слезы, какъ у людей, не успѣвшихъ выплакаться. У портнихи—дама изъ центра города, которая цѣнитъ то специальное distingué, которое было въ унылой портнихѣ, и

только ей поручаетъ архитектуру своихъ костюмовъ, и дѣвочка, дочка портнихи, лѣтъ 7—8, тихая и серьезная, какъ тихи и серьезны дѣти этой слободки.

Дама приходитъ въ одинъ изъ многочисленныхъ предпослѣднихъ разовъ, чтобы завершить зданіе сложнаго туалета, и у ней давно завязалось знакомство съ портнихой и дѣвочкой.

— Тетя,—говоритъ дѣвочка,—а ты знаешь, какъ бомбочки дѣлаютъ?

Тетя стоитъ передъ зеркаломъ, утыканная булавками. Ей видно въ зеркало смѣшное, напряженное думой дѣтское личико, и она отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, не знаю... А ты знаешь, Настя?

Пріобрѣвшая уже нѣкоторый навыкъ, Настя критически осматриваетъ костюмъ стоящей предъ зеркаломъ тети и серьезно говоритъ:

— Въ нихъ огонекъ.

Портниха стоитъ на колѣняхъ, пришпиливая какіе-то аксессуары къ юбкѣ, и говоритъ недовольно и сердито:

— Все ты, Настя, глупости говоришь, чего пристаешь къ тетѣ.

— Я же, мамочка, знаю, а тетя не знаетъ.

Тетя поворачивается предъ зеркаломъ, по мѣрѣ приказовъ портнихи, и говоритъ весело и смѣшливо:

— Ну, разскажи, Настя, какъ бомбочки дѣлаютъ.

Ей отвѣчаетъ портниха, а не дѣвочка:

— Знаете, сударыня, такая дѣвчонка, все понимаетъ, ничего съ нея не подъѣдешь... Дѣйствительно, дѣлали у насъ бомбы... А не лучше-ли, сударыня, высокій воротникъ? Нѣтъ? Какъ хотите, можно и такъ.

— Не здѣсь, -продолжаетъ она, —тамъ, въ городской квартирѣ .. Когда мужъ живъ былъ... артельщикомъ служилъ на желѣзной дорогѣ, сорокъ рублей получалъ... три комнатки нанимали, хорошенькая квартирка была. А какъ померъ, жить-то не изъ чего стало, ну и сдавала одну комнату, и наняли двѣ барышни... Дѣйствительно, бомбы дѣлали.

Утыканная булавками, дама смотритъ въ зеркало на усталое, сосредоточенное лицо портнихи, слушаетъ ея монотонный, равнодушный голосъ. Глаза дамы становятся шире, и она спрашиваетъ:

— То есть, какъ это бомбы?

— Дѣйствительно, что бомбы приготовляли,—повторяетъ портниха, набирая себѣ въ ротъ булавокъ.— Барышня-то настоящая одна была, Лидія Павловна,—хорошаго рода, генералъ отецъ-то. А товарка ея изъ нашего званія, шляпочница.

Сестра ея тоже портниха, товарка мнѣ, подружка, и рекомендовала ихъ. Хорошая шляпочница!..

Портниха поднимается съ колѣнъ, вынимаетъ булавки изо рта, пришпиливаетъ и подшпиливаетъ и говоритъ тѣмъ же ровнымъ, унылымъ голосомъ:

— Теперь ужъ шляпками не занимается, только бомбы дѣлаетъ. Ничего, пріобыкла...

Дѣвочка вертится около зеркала и заглядываетъ въ лицо тети и говоритъ:

— А ты видѣла, тетя, бомбочки?

Тетя перестаетъ разсматривать себя въ зеркало, лицо ея блѣдно, и глаза упорно косятся на запертую дверь сосѣдней комнаты.

— Можетъ быть, у васъ и здѣсь бомбочки дѣлаютъ?— спрашиваетъ она.

— Да что вы, сударыня,—обиженно говоритъ портниха,—я потому и квартиру перемѣнила. Дѣйствительно, этакое дѣло, а тутъ—ребенокъ, сами посудите! Говорила, положимъ, Лидія Павловна Настѣ: „не ходи, Настя, въ нашу комнату, тамъ огонекъ!“ Такъ вѣдь развѣ она понимаетъ — ребенокъ? Ей любопытно...

— Напрасно вы, сударыня, не пожелали въ тотъ разъ кружево... Положимъ и плиссе... ничего, выйдетъ.

Портниха снова стоитъ на колѣняхъ съ булавками во рту и говоритъ:

— Ну, пока еще однѣ занимались— туда-сюда. Тихо, смирно; сдѣлаютъ бомбу или двѣ, отнесутъ куда слѣдуетъ и опять занимаются. А то, подумайте, какой случай.. Тоже гдѣ-то знакомые ихъ бомбы дѣлали, кавалеры, узнали, что у нихъ обыскъ будетъ, ну и принесли къ намъ бомбы, что-то штукъ тридцать, цѣлую корзину наклали... Сами посудите, вѣдь у меня ребенокъ! Ну, что же: „огонекъ“, „огонекъ“— развѣ этимъ ребенка удержишь? Да и я-то не всегда дома, уйдешь куда-нибудь съ заказомъ, дѣвочка одна...

— Какъ же это, мамочка, тетя Лиза говорила „тамъ огонекъ“, а бомбочки холодныя? Я пробовала.

— Вотъ видите, барыня, развѣ можно тутъ: уберечь ребенка? Я ужъ ссориться стала, говорю имъ: „я не могу эдакъ... Вы такимъ дѣломъ занимаетесь, а у меня вѣдь ребенокъ!“ А они говорятъ: „Всякій воленъ своимъ дѣломъ заниматься“. Оттого и уѣхала. Сосѣдка надоумила. Рядомъ жили. Приказчикъ мужъ у ней, въ мясной лавкѣ. „Смотри, говоритъ, плѣшивый (сыщикъ у насъ жилъ внизу) пронюхаетъ, нагрянетъ полиція, влетитъ тебѣ! Ты, говоритъ, сдай имъ квартиру,—пусть на свое имя запишутъ“. Такъ мы и сдѣлали. Потому, дѣйствительно, была удобная квартирка для

ихняго дѣла, тихая, спокойная. И домъ способный, три выхода на разныя улицы...

Дама торопливо освобождается отъ булавокъ, одѣваетъ свое платье, смѣется очень долго и очень громко и, утирая глаза платкомъ, говоритъ.

— А тамъ... спите вы?

Портниха открываетъ дверь и отвѣчаетъ:

— Да, спаленка, темненькая.

— Ну что же, арестовали ихъ?

Дама торопится надѣвать перчатки. Портниха провожаетъ ее въ переднюю и говоритъ:

— Зачѣмъ арестовали? Ничего, занимаются. Недавно была въ гостяхъ. Только Индіи Павловны нѣтъ, уѣхала. Другая барышня вмѣсто ея, тоже хорошая, ласковая... Чего ссориться. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, барыня: всякій своимъ дѣломъ воленъ заниматься. Ничего, работаютъ. Только что, конечно, у меня дѣвочка.

Въ дверяхъ стоитъ Настя, думаетъ долго и серьезно и рѣшительно говоритъ:

— А тамъ, тетя, огонекъ.

С. Елпатьевскій.

ИНСУРГЕНТЪ

1871 г.

Романъ *Жюля Валлэса*.

Переводъ съ французскаго. Я. А. Глотова.

Посвящаю эту книгу *мертвецамъ 1871-го года*.

Всѣмъ тѣмъ жертвамъ соціальной несправедливости, которыя возстали съ оружіемъ въ рукахъ противъ несовершеннаго строя и создали, подъ знаменемъ Коммуны, великую федерацію героевъ-мучениковъ.

Парижъ, 1885. *Жюль Валлэсъ.*

XXIII.

23 февраля 71 г.

Оказывается, я ошибался, когда думалъ, что господа изъ Ратуши не осмѣлятся насъ преслѣдовать!

Они осмѣлились!

Тридцать первое октября должно пройти предъ солдатскимъ судомъ! Офицеры взятой въ плѣнъ арміи будутъ судить свободныхъ людей!

Предъ ними предстанутъ Лефрансэ, Тибальди, Верморель, Везинье, Жакларъ, Ранвіе, а можетъ быть, и еще кто-нибудь, кого сумѣютъ захватить. Они явятся между двумя рядами заряженныхъ ружей, съ примкнутыми штыками, готовыми пронзить ихъ грудь при первой попыткѣ бѣжать или устроить возмущеніе.

Они сядутъ на скамьи, узкія и твердыя, какъ въ школѣ. Они будутъ совершенно скрыты между столомъ и старой печкой; даже не будетъ видно ихъ головъ, этихъ головъ, въ которыя цѣлятся статьи кроваваго кодекса.

На этотъ разъ дѣло идетъ не объ ихъ головахъ, я знаю это, и даже не объ ихъ свободѣ. Кто рѣшится, разъ у него

есть сердце, осудить ихъ? Ихъ осудить?.. За то, что видя, какъ корабль мчится на подводный камень, они бросились къ капитану и закричали ему:

— Франція въ опасности! Давайте сигнальные выстрѣлы!

Ихъ осудить!.. Почему бы не разбить имъ головы каской Трошю или не пронзить ихъ шпагой Базэна?

Это еще не все. Полиціи будетъ работа на этой недѣлѣ, а прокурору Республики останется только поспѣвать составлять обвинительные акты. Они намѣрены еще привлечь къ суду кусокъ бумаги. Зовется онъ *Краснымъ воззваніемъ*. Оно появилось на стѣнахъ въ тотъ моментъ, когда уже не хватало хлѣба и когда снаряды сыпались дождемъ.

Сколько волненій стоило намъ это воззваніе... Вальяну, Левердэ, Тридону и мнѣ!

Ла-Кордери на своемъ собраніи 5 января поручила намъ стать выразителями общей мысли.

Было рѣшено, что на другой день къ десяти часамъ мы доставимъ прокламацію. Если собраніе приметъ ее, то она получитъ честь быть расклеенной въ ту же ночь по всѣмъ предмѣстіямъ Парижа.

Но какъ ее составить?

Нужно было перенять у народа его языкъ, простой и мощный. Предъ лицомъ исторіи, среди ужаснаго урагана, подъ огнемъ непріятеля, народъ поднимаетъ свой голосъ. Нужно думать о ротикѣ и не выпускать изъ своихъ мыслей революцію.

И вотъ, четверо литераторовъ, запершись въ маленькой комнаткѣ на улицѣ Сэнъ-Жакъ, ломали себѣ головы надъ каждой строчкой, выходившей изъ подъ ихъ перьевъ, боясь впасть въ декламацію или наговорить какихъ-нибудь пошлостей.

Намъ было стыдно за самихъ себя, и каждый ударъ маятника болѣзненно отзывался въ нашемъ мозгу.

Наконецъ, три четверти дѣла кончены. Пять часовъ утра.

Тридонъ, совсѣмъ больной и осужденный на смерть съѣдавшей его болѣзнью, предложилъ немного вздремнуть, чтобы потомъ опять напрячь всѣ свои силы.

Мы растянулись вдвоемъ на импровизированной кровати... Я слѣзъ потомъ съ нея, чтобы дать ему больше мѣста. Бѣдняга! На шеѣ у него была какая-то ветошь, на кожѣ лохмотья, и онъ закутался въ единственную простыню, которая намъ досталась, другую взяли товарищи.

Его тѣло уже было въ агоніи, но мысль оставалась здоровой и сильной.

Когда мы поднялись, насъ поразилъ громъ пушекъ, какого раньше не слыхали. Это началась бомбардировка.

И нашъ манифестъ не двигался съ мѣста: онъ остолбенѣлъ, какъ мы!

Я не могу выразить нашего отчаянія: мы боялись, что окажемся недостойными порученія, а новыя ядра свистѣли намъ въ уши, какъ гнѣвъ обманувшейся въ ожиданіяхъ театральной толпы.

Не доставало одной фразы, только одной, но такой, въ которой трепетала бы душа Парижа; необходимо было одно слово къ народу, которое открыло бы намъ двери въ будущее.

Мы поплелись къ Ла-Кордери, не придумавъ конца, не заботясь объ опасности, скорѣе съ тайнымъ желаніемъ быть убитыми по дорогѣ.

Но вотъ, послѣ одного особенно сильнаго залпа, Тридонъ встряхнулся и, глядя на небо, хмуря брови, заставилъ прозвучать въ мерзломъ воздухѣ одно слово, одну фразу.

Онъ нашелъ!

Прокламація, прочитанная среди благоговѣйнаго молчанія, была покрыта аплодисментами.

Она кончалась такъ:

„Дорогу Народу! Мѣсто Коммунѣ!“

Эту-то прокламацію они и хотятъ преслѣдовать. А между тѣмъ, это совсѣмъ не призывъ къ возстанію, это крикъ, вырвавшійся изъ изболѣвшихся сердецъ; и скорѣе крикъ отчаянія, чѣмъ негодованія.

Подписавшіе ее были арестованы, появилась толпа, съ барабанами впереди, и открыла двери Мазасской тюрьмы. И вотъ теперь судебный приставъ изъ Шершъ-Миди ихъ приглашаетъ. Въ Ратушѣ не забыли объ этомъ воззваніи! Хотя за это время много воды утекло, утекло, не смывъ грязи капитуляціи и крови 22-го января *).

Но и они тоже говорятъ о 22 января! Они хотятъ изъ него сдѣлать день преступленій.

Но кто же преступники?

Бѣдный Сапіа! Онъ палъ — съ тросточкой въ рукѣ! Онъ кричалъ: „Впередъ!“, но у него не было ни сабли, ни ружья.

*) 19 марта была сдѣлана послѣдняя отчаянная вылазка, окончившаяся новой неудачей и стоившая парижанамъ до трехъ тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными. Послѣ этого члены національной обороны собрали мэровъ и заявили, что теперь никакое сопротивленіе невозможно. Мэры, отражая настроеніе населенія, дважды протестовали. Правительство настаивало. 22 января предъ Ратушей стали собираться кучки народа, пришли нѣсколько баталіоновъ національной гвардіи. Изъ Ратуши стали стрѣлять. Перестрѣлка продолжалась около часу, пока не явились жандармы, а за ними самъ Винуа. Было убито и ранено до 30 человѣкъ, — все случайныя жертвы. *Пр. пер.*

Девятилѣтній ребенокъ, котораго подняли мертвымъ, развѣ стрѣлялъ? А у старика, чьи мозги забрызгали фонарь, въ карманѣ оказался молитвенникъ, а не бомба.

Двадцать второго января сколько убито невинныхъ!

Тѣ, у кого не было силъ бѣжать, прятались за кучами песку, вытягивались вдоль сваленныхъ фонарей и оставались тамъ, сидя на корточкахъ, въ грязи по самыя уши.

Время отъ времени какая-нибудь изъ этихъ скорчившихся фигуръ отдѣлялась отъ окровавленной кучи и ползла на животѣ въ болѣе безопасный уголокъ... вдругъ она останавливалась и не шевелилась больше. А на боку у нея появлялось алое пятно, точно отверстіе бочки съ краснымъ виномъ.

Между тѣми, кого завтра приведутъ жандармы, есть и такіе, которые явились лишь для того, чтобы поднять раненыхъ и прикрыть чѣмъ-нибудь ужасныя лица мертвецовъ.

Жестокіе, недогадливые люди, стоящіе у власти, не поняли, что лучше бы было поступить, какъ они, и набросить на эти мрачные дни покрывало забвенія.

8 марта.

Судъ надъ 31 октября свершился.

Трибуналъ изъ солдатъ оправдалъ большую часть тѣхъ, кто въ силу договора, заключеннаго въ эту ночь *) съ мрачной развязкой, никогда не долженъ бы быть ни арестованъ, ни преслѣдуемъ.

Шпага военнаго суда пригвоздила клятвопреступниковъ къ позорному столбу исторіи.

На скамьѣ подсудимыхъ остались лишь Гупиль, я и еще нѣсколько лицъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности за дѣянія, которыя не подходили подъ принятое соглашеніе.

Что касается *Краснаго воззванія*, то оно тоже вышло побѣдителемъ изъ преній.

Въ тюрьмѣ Шершъ-Миди было два засѣданія, двѣ группы обвиняемыхъ и два одинаковыхъ оправдательныхъ вердикта. Члены обороны еще не потеряли своего стыда, какъ ни мало было его у нихъ.

Ферри, однако, казалось, совсѣмъ сбѣсился. Онъ обращался съ побѣжденными необычайно презрительно и клялся честью, что прекрасно узналъ меня—да, меня—Вентра!—въ эту ночь 31 октября! Я будто бы былъ среди тѣхъ, которые гор-

*) Днемъ 31 октября правительство Національной обороны было арестовано въ Ратушѣ, занятой революціоннымъ народомъ. Оно было отпущено послѣ того, какъ дало честное слово, что не будетъ никакихъ преслѣдованій. *Пр. пер.*

ланили больше другихъ и которые поговаривали о томъ, чтобы отправить его въ Мазасъ!

Чтобы вывести его на свѣжую воду, мнѣ пришлось заявить:

1. Что, испытавъ на своей шкурѣ, что такое Мазассъ, я скорѣе предпочелъ бы допустить гильотинировать товарища, чѣмъ отправить туда врага.

2. Что, по моему мнѣнію, Ферри болѣе заслуживаетъ пучка розогъ, чѣмъ мученическаго вѣнца.

3. Что, къ моему глубокому сожалѣнію, я никакъ не могъ оскорблять правительство на его курульномъ креслѣ, такъ какъ привлекаюсь къ отвѣтственности за то, что въ это же самое время въ Ла-Виллетъ посадилъ въ каталажку дядю Ришара, законнаго мэра, и отравилъ все населеніе, накормивъ его селедками, „предназначенными для раненыхъ“.

Было совершенно необходимо вывести Ферри на свѣжую воду и прочесть ему хорошую нотацію. И не смотря на то, что предсѣдатель военнаго суда держитъ руку правительства—они мнѣ покажутъ!

11 марта. Шершъ-Миди.

— Тебя, Вентра, навѣрно, приговорятъ мѣсяцамъ къ шести.

Можетъ быть, я и получу шесть мѣсяцевъ тюрьмы, очень возможно; но я готовъ дать росписку, что устрою такъ, чтобы ихъ не отсиживать...

Быть теперь сцапаннымъ и засаженнымъ—это значитъ, почти навѣрняка, попасть въ ссылку въ самомъ непродолжительномъ времени! Схватятъ тебя въ одинъ изъ вечеровъ возстанія предмѣстій и отправятъ тайкомъ въ Кайенну. Если еще только это не кончится просто смертью отъ пистолета какого-нибудь полицейскаго, уставшаго за день возстанія, или даже у стѣны по всѣмъ правиламъ военнаго исскуства.

Въ воздухѣ пахнетъ разстрѣлами! Въ опьяненіи побѣды, въ ярости борьбы, исходъ которой не ясенъ, горе попавшимъ въ плѣнъ!

Было бы очень обидно кончить такъ.

Теперь дверь еще только полуоткрыта для столь упрощенныхъ убійствъ, но и, безъ возможности слиться съ вѣчностью, сидѣть въ четырехъ стѣнахъ было бы слишкомъ тяжело!

Какъ знать, донесется ли до меня ревъ города, проникнутъ ли черезъ рѣшетку моей камеры вспышки урагана? Я не буду ничего знать? Я ничего не услышу? И это въ то время, когда будетъ рѣшаться судьба нашихъ, когда они будутъ рисковать своей жизнью и ряды ихъ станутъ рѣдѣть!

Пусть кто хочетъ разыгрываетъ изъ себя Сильвіо Пеллико, а я постараюсь проскользнуть у нихъ между пальцевъ!

Это не будетъ трудно. Мы—свободные преступники. Мы сами, по своей волѣ, явились предложить себя суду. Поэтому насъ стерегутъ, спустя рукава.

Налѣво отъ меня старикъ съ видомъ и выправкой сержанта; прямой, какъ дубъ, съ чудовищными усами, которыми уже два или три раза онъ чуть не выкололъ мнѣ глазъ. Онъ на голову выше меня.

Но онъ посматриваетъ на меня сверху безъ всякой вражды, даже почти добродушно, хотя и бормочетъ сердито отрывки какихъ-то фразъ, точно у него во рту камни.

Судъ удалился для совѣщанія.

По угламъ оживленно говорятъ, спорятъ. У меня, можетъ быть, осталось только нѣсколько минутъ свободы; я хочу воспользоваться ими, чтобы поболтать и поспорить, какъ и другіе... а, главное, чтобы высмотрѣть, открыта дверь или нѣтъ.

Что такое? Усъ моего сосѣда лѣзетъ мнѣ въ глаза уже въ четвертый разъ. Только на этотъ разъ я разобралъ, что онъ ворчитъ мнѣ на ухо, вотъ уже добрыхъ четверть часа.

— Но, чортъ возьми! Да, удирайте же вы, младенецъ, поскорѣй!

— Спасибо, старче! Постараюсь.

Зала осталась за мной, и я на улицѣ.

Точно такъ же, какъ и въ Ла-Виллетъ, я лѣниво передвигаю ноги, точно гуляю, затѣмъ, свернувъ въ первый переулокъ, прибавляю ходу.

Я нашелъ себѣ пріютъ въ двухъ шагахъ отъ тюрьмы, гдѣ мнѣ пришлось бы сидѣть.

На другой день одинъ изъ товарищей, увѣдомленный мною, принесъ мнѣ приговоръ. Дѣйствительно, меня присудили ровно на шесть мѣсяцевъ, но это меня такъ же безпокоитъ, какъ прошлогодній снѣгъ!

Но эти солдафоны осаднаго положенія закрыли однимъ росчеркомъ пера шесть соціалистическихъ листковъ, въ томъ числѣ и мой „Cri du Peuple“, который былъ уже на восемнадцатомъ номерѣ и шелъ, отчаянный мальчишка, очень бойко.

Ферри отомстилъ. Самъ я на свободѣ, но газета моя убита.

Къ сожалѣнію, онъ не мнѣ одному отомстилъ! Великодушіе военнаго суда было однимъ притворствомъ: по дѣлу 31 октября только что вынесенъ смертный приговоръ:

Бланки и Флурансъ приговорены къ смерти.

Тѣмъ лучше!.. они внѣ предѣловъ досягаемости.

Въ моемъ убѣжищѣ я никого не вижу и ничего не знаю. Но, тѣмъ не менѣе, я чувствую, что собирается гроза, и вижу, какъ заволакивается горизонтъ. Пусть только они заставятъ потерять терпѣніе этотъ народъ, и пусть разразится первый громовой ударъ!

XXIV.

18 марта.

— Стукъ-стукъ!

— Кто тамъ?

Это одинъ изъ трехъ друзей, знающихъ мой тайникъ; онъ блѣденъ и задыхается.

— Что случилось?

— Одинъ линейный полкъ перешелъ на сторону народа!

— Значитъ, идетъ битва?

— Нѣтъ, но Парижъ на сторонѣ центральнаго комитета. Утромъ шасспо пробили головы двумъ генераламъ.

— Да?.. Какъ?..

— Одинъ *) отдалъ приказъ стрѣлять въ толпу. Солдаты смѣшались съ народомъ, а его потащили и убили, первымъ выстрѣлилъ какой-то унтеръ-офицеръ въ пѣхотной формѣ. Другой, это Клеманъ-Тома, онъ было явился поощрить, кто-то изъ старыхъ іюльскихъ его узналъ. Къ стѣнѣ и его!.. Ихъ трупы, продырявленные, какъ рѣшето, валяются въ саду, на улицѣ Розіеръ, тамъ наверху, на Монмартрѣ.

Онъ умолкъ.

Ну что же? Это революція? Вотъ она, та минута, на которую были обращены всѣ мои надежды и ожиданія съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ пришлось испытать первую жестокость отца, послѣ первой оплеухи учителя, съ перваго дня безъ куска хлѣба, съ первой ночи подъ открытымъ небомъ! Вотъ она расплата за колежъ, за нищету и за декабрь!

А, между тѣмъ, меня пробираетъ дрожь. Я бы не хотѣлъ на зарѣ нашей побѣды имѣть эти кровавыя пятна на нашихъ рукахъ.

Можетъ быть, такъ же кровь застыла у меня въ жилахъ отъ перспективы уже отрѣзаннаго отступленія, неизбѣжной бойни и мрачной гибели... и не столько изъ страха попасть въ эту гекатомбу, сколько отъ леденящей мысли, что можетъ настать день, когда мнѣ придется ею руководить.

*) Леконтъ, который первый подалъ голосъ за капитуляцію.
Прим. пер.

— Давно вы имѣли послѣднія новости?

— Не больше часу.

— И вы увѣрены, что не было сраженія, что, послѣ тѣхъ разстрѣловъ, не случилось ничего новаго, трагическаго?

— Ничего.

Какъ спокойны улицы! Никакихъ признаковъ того, что подъ небомъ нѣчто перемѣнилось, что Бруты по тридцати су *) за голову перешли Рубиконъ, поднявъ руку на Цезаря въ миніатюрѣ!

А что стало съ Тьеромъ? Гдѣ эта старая лиса? Никто ничего не знаетъ. Одни думаютъ, что онъ спрятался и собирается бѣжать. Другіе убѣждены, что онъ хорохорится гдѣнибудь въ углу и отдастъ распоряженіе собрать буржуазныя силы и явиться раздавить возстаніе.

Площадь предъ Ратушей пуста. Я думалъ найти ее или трепещущей и занятой толпой, или всю уставленной пушками, открывшими пасти на насъ.

Ничего подобнаго: она пустынна и нѣма. И не нашлось еще пока ни одного отчаяннаго, чтобы начать нападеніе, ни одного смѣльчака, который отвагой своего убѣжденія, воспламенилъ бы весь Форумъ, какъ зажигательная пятка люстру!

Народъ толпится по краямъ, вытягиваясь въ линію любопытныхъ, но вовсе не строясь въ боевой порядокъ.

А языки дѣлаютъ свое дѣло.

— Дворъ полонъ артиллеріи! Канониры жгутъ съ зажженными фитилями... Вспомните 22 января! Если сдѣлать только шагъ впередъ, откроются окна и двери, и насъ разстрѣляютъ въ упоръ!

Вотъ что говорилось по краямъ этой площади, которую затопляла уже ночь, и гдѣ, мнѣ казалось, носились окровавленные силуэты двухъ генераловъ.

Но вотъ прибѣгаетъ одинъ гражданинъ:

— Улица Тампль занята Ранвье... Брюнель собираетъ свой баталіонъ на улицѣ Риволи... Ранвье и Брюнель тамъ! И я туда!

— Вытягивайтесь вдоль стѣнъ! Въ случаѣ залпа меньше опасности.

— Да нѣтъ! Если бы во дворахъ стояли митральезы, а за окнами солдаты, то ихъ было бы видно!

И мы, нѣсколько человѣкъ, разрываемъ линію; мы выдѣляемъ три звена изъ этой цѣпи колеблющихся, остальныя

*) Дневное жалованіе солдатъ національной гвардіи. *Прим. пер.*

звенья слѣдуютъ за нами, линія брошена, и мы двигаемся всѣ вмѣстѣ.

А вотъ, въ самомъ дѣлѣ, и Брюнель *), въ полной формѣ, но онъ уже у дверей со своими людьми.

Я бѣгу къ нему. Онъ объясняетъ мнѣ положеніе дѣлъ.

— Мѣстность въ нашихъ рукахъ. Даже если они сформируются заново въ какомъ-нибудь пунктѣ, который намъ не извѣстенъ, и на насъ нападутъ, мы сможемъ продержаться довольно долго, пока центральный комитетъ прибудетъ съ подкрѣпленіемъ... Ранвье дѣйствительно тамъ, рядомъ, какъ вамъ сказали. Увѣряютъ, будто Дюваль спустился съ людьми V-го и XIII-го округовъ, чтобы занять префектуру. Если это неправда, то ему непремѣнно нужно сказать, чтобы онъ двинулся... Кромѣ того, еще, напримѣръ, необходимо, чтобы улица Тампль всю ночь охранялась по военному. Я былъ солдатомъ и нахожу совершенно необходимымъ казарменной дисциплинѣ противопоставить дисциплину возставшихъ... Поэтому пойдите, отыщите Ранвье, вѣдь вы одинъ изъ самыхъ близкихъ его друзей, и передайте ему по товарищески эти замѣчанія. А я не могу это сдѣлать, это будетъ имѣть видъ, будто я хочу разыгрывать роль начальства.

— Хорошо!

Онъ уже тамъ, блѣдный, руководитъ постройкой баррикады.

— Ну вотъ! Не дурно! Погляди.

Черная линія штыковъ, цѣлая вереница безмолвныхъ людей. Это войско Дюваля, молчаливое, какъ армія Ганнибала или Наполеона, которой отданъ приказъ пройти незамѣченной черезъ Сенъ-Готардъ или Альпы.

Народъ стоитъ на стражѣ: за ночь можно ручаться.

Но завтра, съ восходомъ солнца, ему необходимъ громкій призывъ сигнальнаго рожка.

И я поднялъ на ноги одного изъ пріятелей.

— „Cri du Peuple“ долженъ снова явиться!.. Нужно предупредить Марселя и заглянуть въ типографію по поводу бумаги... Скорѣй перо, и я примусь за передовую статью!

Я усѣлся за столъ.

Но нѣтъ! Не пишется.

Кровь слишкомъ кипитъ въ моихъ венахъ, мысль сжигаетъ слова въ мозгу. Мои фразы мнѣ кажутся то черезчуръ декламаторскими, то не достойными по своей простотѣ той великой драмы, передъ которой только что поднялся занавѣсъ. Этотъ занавѣсъ, какъ и театральный, имѣетъ два

*) Командиръ 107 полка, изгнанный изъ арміи за свои республиканскія убѣжденія. *Прим. пер.*

отверстія, пробитыя двумя пулями, которыя, повидимому, попали прямо въ лобъ казненнымъ.

Когда кровь моя немного поостыла, когда, облокотившись на открытое окошко, я устремилъ свои взоры на городъ, его сонъ и спокойствіе стали наводить на меня страхъ!

Развѣ городъ не будетъ за революцію? Неужели разстрѣлъ генераловъ, пронизавъ эти живыя мишени, не затронулъ сердца Парижа, и онъ еще не ногахъ? Неужели возстаніе окажется дѣломъ только нѣсколькихъ вожаковъ, да нѣсколькихъ смѣлыхъ отрядовъ? Почему не чувствуется содроганія, не слышно шума шаговъ, стука оружія?

Не спуститься ли мнѣ и не вернуться ли снова къ возставшимъ, къ черному войску Дюваля, на сѣрую баррикаду Ранвье?..

Странно: я, защитникъ униженныхъ, боюсь неизвѣстности, какъ какой-нибудь сюртучникъ!

И я закрылъ свое окно на непроницаемый городъ, который кажется мертвымъ, когда говорятъ, что онъ возсталъ!

Я заперъ мое окно, а мой мозгъ какъ будто тоже обнесенъ стѣной: мысли совсѣмъ не идутъ!

И на диванѣ, показывавшемъ свои внутренности изъ конскаго волоса, я провелъ тѣ часы, которые долженъ былъ провести на ногахъ, или прикурнувъ на боевой постели, ежеминутно готовый къ аттакѣ и отраженію.

На утро я бросился къ близкимъ друзьямъ.

Они тоже чего-то ждали, оглушенные взрывомъ на Монмартрѣ.

А, между тѣмъ, въ этой компаніи есть на рѣдкость смѣлые люди. Это нѣсколько успокоило меня и примирило съ моей тревожной совѣстью.

Не передъ опасностью отступили мы на цѣлую ночь, мои друзья и я, но передъ половинной побѣдой, одержанной безъ насъ; она можетъ ускользнуть отъ насъ, если мы станемъ въ ряды слишкомъ поздно.

Я направляюсь въ Ратушу.

— Гдѣ засѣдаетъ Центральный Комитетъ?

— Наверху. Направо.

Я пробираюсь, глядя черезъ спящихъ людей, развалившихся на площадкахъ лѣстницы, точно животныя, павшія на ноги. Они напоминаютъ мнѣ быковъ, валявшихся на улицахъ во время осады, когда луна освѣщала ихъ громадныя кровавыя туши.

Съ самаго разсвѣта вчерашняго дня они были на ногахъ, исполняя свой долгъ и поденную работу. Пощекотавъ штыками зады лошадямъ, на которыхъ возсѣдали герои

Винуа *), они вечеромъ рѣзали хлѣбъ, отпускали товаръ... Многіе изъ нихъ запили свой кусокъ свинины и свою усталость небольшимъ количествомъ вина, это ихъ подбодрило и они были навеселѣ.

Но не было ни одного, кто бы не могъ вскочить, схватиться за ружье, взять на прицѣлъ и открыть огонь, если бы Моро, Дюранъ или Ламберъ — вотъ имена ихъ генераловъ! — закричали, что снова наступаетъ Ферри съ бретонцами и съ 106-мъ полкомъ, какъ 31 октября.

— Къ оружію!

Всѣ побросали бы оловянные стаканчики, чтобы взяться за патронташи! И уже не тыкали бы больше дешевенькимъ ножемъ въ кусокъ солонины изъ предмѣстій, а воткнули бы въ жирную печенку буржуа свою однозубую вилку, что на концѣ ружья.

Но въ данную минуту совсѣмъ не чувствуется дыханія гнѣва и аромата энтузіазма!

Можно подумать, что, благодаря недостатку мѣстъ для постоя, было позволено цѣлому полку расположиться на ночлегъ на крыльцѣ префектуры и приказано устроиться, какъ угодно, съ ужиномъ и постелями.

XXV.

Гдѣ же Центральный Комитетъ? Комитетъ?.. Онъ пустилъ корни въ этой комнатѣ. Одинъ пишетъ, другой дремлетъ; тотъ разговариваетъ, полусидя на столѣ, этотъ разсказываетъ какую-то исторію, надъ ней хохочутъ сосѣди, чистя револьверъ, у котораго что-то застряло въ глоткѣ.

Я не знаю ни одного. Мнѣ назвали ихъ имена: я ихъ слышу въ первый разъ. Это все делегаты баталіоновъ, популярные только въ своихъ кварталахъ. Они выдвинулись, какъ ораторы и какъ рѣшительные люди на собраніяхъ, нерѣдко носившихъ грозный характеръ; изъ нихъ-то и вышла федеральная организація. Я ни разу не присутствовалъ на ихъ засѣданіяхъ, такъ какъ былъ вынужденъ скрываться до и послѣ моего осужденія.

Сейчасъ ихъ не больше шести или семи въ этой громадной залѣ, гдѣ еще такъ недавно танцовала имперія въ золоченыхъ мундирахъ и бальныхъ туалетахъ.

Подъ потолкомъ съ лиліями въ медальонахъ, сегодня засѣдаетъ, какъ правительство, съ полдюжины парней,

*) Генералъ-бонапартистъ, которому передъ капитуляціей Трошю сдалъ командованіе парижской арміей и которымъ была подписана капитуляція. *Пр. пер.*

въ грубыхъ сапогахъ, въ темныхъ кэпи, въ солдатскихъ плащахъ или матроскахъ; ни одного эполета, ни одного аксельбанта!

Они почти и не замѣтили, что явился постороній. И только, потолкавшись минутъ пять, я рѣшился подойти къ тому, кто былъ занятъ чисткой своего револьвера. Онъ уже, впрочемъ, не смѣялся и говорилъ твердымъ голосомъ только что пришедшему:

— Ну, нѣтъ! Вамъ все еще хочется обморочить революцію! Я предпочту скорѣй, чтобы мнѣ размозжили башку, чѣмъ согласиться... я не согласенъ!

Замѣтивъ меня, онъ рѣзко спросилъ:

— А вы тоже делегатъ отъ какой-нибудь мэріи?

— Я главный редакторъ „Cri du Peuple“.

— И вы молчите! Остаетесь тамъ, какъ послѣдній пришедшій!..

Да, я, дѣйствительно, пришелъ послѣднимъ. Я не принималъ участія въ разстрѣлахъ утромъ, я не былъ вчера вечеромъ на баррикадахъ.

Я признаюсь ему въ своихъ колебаніяхъ, разсказываю, отчего я занялъ оборонительное положеніе.

— Я понимаю, — говоритъ онъ, — наша неизвѣстность вызываетъ подозрѣнія! Но за нами полмилліона неизвѣстныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, и они пойдутъ за нами!

— Вы въ этомъ увѣрены? — вмѣшивается оставленный имъ ради меня собесѣдникъ, Бонвале, мэръ III округа, маленькій толстякъ; повидимому, онъ очень взволнованъ и говоритъ приподнятымъ тономъ, точно парламентеръ, диктующій условія или передающій вызовъ. — Вы увѣрены, что населеніе пойдетъ за вами, какъ вы говорите?.. Мы, *Лига правъ Парижа*, являемся предложить вамъ передать на время власть въ наши руки (только на время), чтобы имѣть возможность посмотрѣть, что дѣлать дальше!

— Товарищи мои поступятъ такъ, какъ имъ угодно! Что же касается меня, то я вернусь въ свой округъ, займу ваше гнѣздо и не пущу васъ на порогъ... Вотъ!..

— Безъ насъ, вы будете ничто!

— Да вы-то сами что такое? Вы думаете, что всѣ ваши муниципалы и депутаты значатъ теперь хотя что-нибудь?.. Будь они во главѣ движенія, они обокрали бы насъ, посадили въ лужу! Они бы потопили насъ! Насъ, соціалистовъ. Если бы дѣло попало въ руки избранниковъ города... прощай Коммуна!

Онъ снова началъ смѣяться и прибавилъ:

— Отправляйтесь, мой милый, и скажите вашимъ госпо-

дамъ, что мы здѣсь по волѣ людей, никому неизвѣстныхъ, и что лишь картечью можно насъ выбить отсюда.

— Это ваше послѣднее слово?

— Поговорите съ другими, если вамъ угодно! Но я вамъ лишь повторяю, слово въ слово, то, что мы говорили этой ночью... всѣ, какъ одинъ!

Въ этотъ самый моментъ вошла кучка людей безъ оружія. Одни, совсѣмъ измученные, зѣвали; другіе, сверкая глазами, махали какими-то исписанными листами, хлопали по бумагѣ, сравнивали текстъ.

Это—ядро комитета, которое явилось узнать новости и рѣшить отвѣтъ депутатамъ.

— Война или миръ?..—спросилъ Бонвале.

— Это зависитъ отъ васъ самихъ. Будетъ миръ, если вы не будете важничать и задирать голову, если представители народа пожелаютъ обратиться къ народу. Мы согласны залѣзть въ тиски вашихъ традицій, только не виляйте хвостомъ, не кривите душой и не предательствуйте! Вы же, повидимому, только на это и способны!.. Ну, а теперь оставьте насъ въ покоѣ; намъ придется порыться въ карманахъ. Нуженъ милліонъ для нашихъ 300.000 членовъ.. милліонъ франковъ!

— Такъ что же! Стоитъ только взломать кассы!

— Чтобы насъ обвинили въ кражѣ, въ грабежѣ!..

Движеніе нерѣшительности. Восклицанія ужаса. Эти бѣдняки, почти нищіе,—боятся. Ихъ грубыя и черныя руки до сихъ поръ дотрагивались лишь до трудовыхъ денегъ въ вечеръ получки и теперь содрогаются, не хотятъ трогать кучи банковыхъ билетовъ и мѣшки золота, спрятанные подъ замкомъ!

— А между тѣмъ вѣдь необходимо выдать жалованіе національнымъ гвардейцамъ, сохранить имъ ихъ тридцать су! А затѣмъ, что скажутъ женщины? Если хозяйки обратятся противъ насъ, движеніе затормозится, и революція погибла.

— Вѣрно!

— А хуже всего то, и этого нужно особенно бояться, что люди безъ дисциплины отправятся толпами добывать себѣ хлѣбъ, который имъ необходимъ и вино, больше чѣмъ имъ нужно. Они взломаютъ двери, чтобы утолить свой голодъ или жажду, чтобы дать выходъ своему гнѣву... Вѣдь достаточно трехъ сотенъ каналій или лоботрясовъ, чтобы представить коммунаровъ скопищемъ трехсотъ тысячъ мерзавцевъ!

— А если въ этихъ несчастныхъ сундукахъ не найдется чѣмъ расплатиться и за два дня?

— Пусть хватитъ только на двадцать четыре часа, и это

время надо выиграть! Всѣ падетъ на нашу голову... Впрочемъ, наши головы и такъ едва держатся у насъ на плечахъ... Что касается меня, то я готовъ начать первымъ. А что скажешь ты, Варленъ *)?

— Нужно поискать ломъ!

Бездна разверзлась окончательно, какъ подъ ударомъ лопаты могильщика. Трескъ разламываемыхъ замковъ наложитъ на комитетъ такую же отвѣтственность, какъ и разстрѣлъ генераловъ. Всѣ, у кого есть хотя четыре су, „честные люди“ всѣхъ классовъ и всѣхъ странъ будутъ готовы направить на это гнѣздо грабителей свои проклятія, пули, ядра.

Я встрѣтилъ Ферре.

— Ты знаешь, на что они только что рѣшились?

— Да! И ты находишь, что дѣло идетъ, какъ надо!.. Они осмѣлились въ своемъ протоколѣ свести на нѣтъ казнь Леконта и Прома **)! Они уже отрекаются отъ народа; и ты печатаешь это отреченіе въ своей газеткѣ! Мало того: ты съ другими требуешь освобожденія Шанзи ***)!.. Ты быстро идешь впередъ!—прибавилъ онъ съ горечью.

— Ты уже готовъ кричать объ измѣнѣ?

— Нѣтъ! Но измѣнниковъ казнятъ, тогда какъ слабыхъ

---

*) Varlin—переплетчикъ, заполнявшій свой небольшой досугъ изученіемъ рабочаго вопроса. Съ самаго основанія Интернаціонала былъ секретаремъ французской секціи. Ярый пропагандистъ. Какъ членъ союза, былъ присужденъ къ году тюремнаго заключенія (въ 1870 г.) Бѣжалъ въ Лондонъ и вернулся въ Парижъ послѣ 4 сентября. Во время Коммуны былъ членомъ финансовой коммиссіи и делегатомъ при министерствѣ финансовъ. *Пр. пер.*

**) Объ этомъ такъ разсказываетъ Лиссагаре въ своей „Исторіи Коммуны 1871 г.“ (изданіе „Колоколъ“ стр. 130): „Засѣданіе комитета возобновилось (19-го марта). Бабикъ требуетъ, чтобы комитетъ протестовалъ противъ казни Клемана-Тома и Леконта, къ которымъ онъ не имѣлъ никакого отношенія. „Необходимо—говоритъ онъ—чтобы комитетъ снялъ съ себя отвѣтственность“. Ему отвѣчаютъ: „Остерегайтесь отречься отъ народа, или же бойтесь, что онъ, въ свою очередь, отречется отъ васъ“.— Руссо: „Journal officiel“ объявилъ, что казнь была совершена на нашихъ глазахъ. Мы должны уничтожить эту клевету. Въ эту революцію народъ и буржуазія подали другъ другу руки. Необходимо сохранить этотъ союзъ Вамъ нужно, чтобы все общество приняло участіе въ выборахъ—что же, оттолкните народъ, чтобы сохранить буржуазію; народъ уйдетъ, и вы увидите, создастъ ли буржуазія революцію“. Комитетъ рѣшаетъ, что истину. возстановитъ замѣтка въ „Officiel“. Моро предлагаетъ и прочитываетъ текстъ объявленія, который и принимаютъ. *Пр. пер.*

***) Бывшій начальникъ второй луарской арміи Онъ былъ арестованъ возставшими на Орлеанскомъ вокзалѣ и чуть не поплатился головой, будучи принятъ за Ореля, того самаго, который сокрушался въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ императору о томъ, что не могъ явиться въ Парижъ 2 декабря 1851 года разстрѣливать парижанъ, и котораго Тьеръ послѣ капитуляціи поставилъ во главѣ парижской національной гвардіи. *Пр. пер.*

прощаютъ! Лучше быть преступникомъ, чѣмъ нерѣшительнымъ. Знай, что садъ при Ратушѣ такъ же великъ, какъ и тотъ, что на улицѣ Розіеръ... пусть они поберегутся!

XXVI.

„Cri du Peuple“ снова появился.

— „Cri du Peuple“ Жака Вентра!

Два часа пополудни, а типографія уже выбросила на эту площадь и предмѣстія восемьдесятъ тысячъ номеровъ.

— „Cri du Peuple“ Жака Вентра! — Только и раздается со всѣхъ сторонъ! И у газетчиковъ не хватаетъ товару.

— Хотите послѣдній, гражданинъ? — предложилъ мнѣ одинъ.—Для васъ два су,—прибавилъ онъ, улыбаясь:—право стоитъ того!

— Посмотримъ! Почитаемъ мою статью:

„26 марта.

„Что за день!

„Солнце ласковое и яркое золотитъ жерла пушекъ; благоухаютъ букеты; трепещутъ знамена, это—шепотъ революціи, которая течетъ, спокойная и прекрасная, какъ голубая рѣка.

„Этотъ трепетъ, этотъ свѣтъ, эта фанфара мѣдныхъ звуковъ, эти отблески стали—огни надеждъ, ароматъ славы... Побѣдоносная армія республики опьянена гордостью и радостью, да и есть отъ чего.

„О, великій Парижъ!

„Какъ малодушны мы были, когда говорили о томъ, чтобы оставить тебя, уйти отъ твоихъ предмѣстій, казавшихся мертвыми!

„Прости, отчизна чести, городъ свободы, бивуакъ революціи!

„Что бы ни случилось, побѣдятъ ли насъ снова, и мы завтра умремъ, наше поколѣніе уже можетъ утѣшиться! Мы получили расплату за двадцать лѣтъ пораженій и горя.

„Горнисты! Трубите къ выступленію! Бейте въ походъ, барабаны!

„Обними меня, товарищъ, въ твоей бородѣ сѣдина, какъ и у меня! И ты, малышъ, что играешь за баррикадой, иди—я тебя поцѣлую!

„День 18 марта пріобщилъ тебя къ красотѣ и счастію, мой мальчикъ! Ты могъ бы, какъ мы, расти въ сыромъ туманѣ, пачкаться въ лужахъ грязи, скользить въ крови, задыхаться отъ стыда и переносить несказанныя муки лишенныхъ чести!

„Кончено!

„Мы для тебя истекали кровью и проливали слезы. Тебѣ достанется наше наслѣдство.

„Сынъ отцовъ, пришедшихъ въ отчаяніе, ты будешь свободнымъ человѣкомъ!“

Однако, мнѣ повезло за мои деньги! Одинъ или два федералиста пытались читать газету черезъ мое плечо, замѣчая съ проницательнымъ видомъ:

— А у него-таки есть стиль, у этого чорта Вентра! Вамъ, гражданинъ, это не кажется?

Я испытываю полное удовлетвореніе, затерявшись въ толпѣ, которая кидаетъ мнѣ въ уши все, что она думаетъ обо мнѣ.

Мои пріятели энтузіасты, уже давно рѣшившіе, что я безчувственный, все же выходятъ изъ себя отъ моей невозмутимости, съ какой я взираю на то, какъ хлопаютъ по моей газетѣ и восклицаютъ: „А вѣдь здорово сказано!“ Они строятъ мнѣ гримасы и угощаютъ исподтишка тумаками. Отъ тумаковъ у меня болятъ бока, но за то на сердцѣ хорошо и спокойно.

И кажется мнѣ, что уже больше нѣтъ у меня сердца, истерзаннаго тяжелыми ранами, и что душа самой толпы наполняетъ теперь и расширяетъ мою грудь. О! Пусть смерть идетъ за мной, пусть убьетъ меня пуля въ этотъ разгаръ возстанія!

Сегодня я умеръ бы вполнѣ удовлетвореннымъ... кто знаетъ, къ чему привела бы меня борьба!

Нѣкогда мракъ, окружавшій меня, никому неизвѣстнаго человѣка, скрывалъ темныя пятна моихъ слабостей. Теперь народъ начинаетъ видѣть меня сквозь строчки, которыя, какъ вены мысли, разбѣгаются по листу сѣрой бумаги. А что, если вены мои худосочны и кровь не ярко алаго цвѣта? О, тогда лучше опять корявыя лапы нищеты, порціи въ четыре су, бумажные воротнички, униженія безъ числа! По крайней мѣрѣ, осталось бы удовольствіе чувствовать себя самымъ сильнымъ въ странѣ скорби, и быть,—безъ особой затраты храбрости и потому, что когда-то училъ латынь—великимъ человѣкомъ безвѣстной нищеты.

И вотъ, въ этотъ часъ раздумья, я стою точно голый передъ полумилліономъ смѣлыхъ людей, взявшихся за оружіе, чтобы стать свободными и больше не дохнуть отъ голоду... несмотря на свой трудъ или благодаря труду!

И ты пухъ отъ голода, Вентра, и у тебя не было дѣла въ продолженіе почти пятнадцати лѣтъ. Конечно, тебѣ приходилось въ тяжелыя минуты обдумывать средства противъ голода и размышлять надъ новыми статьями кодекса человѣческаго правосудія!

Что можешь предложить ты новаго изъ глубины своей ужасной юности?

Отвѣчай, вчерашній бѣднякъ!

Въ отвѣтъ я могу показать темные слѣды желѣза на кистяхъ моихъ рукъ и свой окровавленный языкъ, искромсанный ножницами императорской цензуры.

Изучать! Обдумывать!

Развѣ было время?..

Пала Имперія, явился друссакъ, Троню, Фавръ, Шоде *), 31 октября, 22 января!.. Довольно было и того, чтобы не умереть отъ холода и истощенія на поддерживать въ странѣ національную оборону, всегда лицомъ къ лицу съ врагомъ! Всегда насторожѣ, всегда наготовѣ или впереди!

Какъ тутъ взвѣшивать соціальныя теоріи, когда свинцовый градъ сыплется на чашки вѣсовъ!

XXVII.

А гдѣ другіе товарищи? Кѣмъ заняты важные посты?

Не видать ни одного болѣе или менѣе извѣстнаго. Развѣ кто-нибудь случайно изъ центральнаго комитета. Во время тревоги, предъ боемъ, некогда выбирать. Важно было поднять пролетарское знамя тамъ, гдѣ развивалось знамя буржуазіи... Послѣдній рядовой могъ это сдѣлать съ такимъ же успѣхомъ, какъ и полковникъ.

— Кто въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ? Вы знаете?

— Ни чорта не знаю! — говоритъ одинъ изъ вождей. — Пойдите туда, Вентра, посмотрите, останьтесь, если тамъ никого нѣтъ, или помогите товарищамъ, если они запутались.

— Они, кажется, на площади Бово?

Я не совсѣмъ увѣренъ. Однако, должно быть, именно туда заходилъ я на другой день послѣ 4 сентября повидать Лорье **) по поводу кого-то, арестованнаго новой республикой, не помню уже за что.

---

*) Публицистъ и юристъ, сотрудникъ „Presse“, республиканецъ, но не соціалистъ. Послѣ Декабрьскаго переворота былъ принужденъ уѣхать въ Швейцарію. Вернулся въ 1856 г. Въ послѣдніе годы Второй имперіи примкнулъ къ республиканской оппозиціи. Послѣ 4-го сентября сдѣлался помощникомъ [illegible] 22 января принималъ въ Ратушѣ депутаціи, жаловавшіяся на правительство и муниципалитетъ. Коммунары считали его виновникомъ кровавыхъ событій этого дня. *Пр. пер.*

**) Адвокатъ и политическій дѣятель, защитникъ многихъ редакторовъ „Courier Français“ въ томъ числѣ и Вермореля. Послѣ убійства В. Нуара былъ гражданскимъ истцомъ отъ его семьи противъ П. Наполеона, и произнесъ по этому поводу блестящую рѣчь. Выступалъ въ первыхъ процессахъ Интернаціонала. Послѣ 4-го сентября 1870 г. былъ товарищемъ министра внутр. дѣлъ—Гамбетты. *Пр. пер.*

Въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ здѣсь „прикладывалъ руку“ нѣкій хозяинъ прачешной. Это Грелье,— славный малый! Я знавалъ его на высотахъ Бельвиля, и онъ былъ моимъ импровизированнымъ помощникомъ ночью 31 октября, въ мэріи Ла-Виллетъ.

Онъ издаетъ приказы, нестрящіе неправильными выраженіями, но за то пропитанные самыми революціонными намѣреніями. Занявъ министерскій постъ, онъ поднялъ страшный бунтъ противъ грамматики.

Его стиль, сочетаніе согласныхъ, презрѣніе къ причастіямъ и ихъ согласованію, его смѣлые росчерки пера въ окончаніяхъ множественнаго числа,—все это, право, стоило цѣлаго полка и не одного орудія.

Всѣ чиновники, которые только не удрали къ версальцамъ, начиная съ завѣдующаго канцеляріей въ потертомъ рединготѣ, вплоть до мальчишки-посыльнаго, одѣтаго въ парадную ливрею, всѣ они трепетали передъ этимъ человѣкомъ, разстрѣлявшимъ такимъ манеромъ орѳографію и пригвоздившимъ къ стѣнѣ Ноэля и Шапсаля: кто знаетъ? можетъ быть, онъ съ такимъ же презрѣніемъ относится и къ человѣческой жизни?

Мы съ нимъ расцѣловались.

— Какъ хорошо, старина, что ко мнѣ явился Вальянъ,—сказалъ онъ,—а то работы—по самое горло! Какая тоска быть министромъ!.. Впрочемъ, тебя это, кажется, совершенно не касается?..

— Покорно благодарю!

Я совсѣмъ было собрался уходить, когда, между половинками раскрывшейся двери, просунулась голова одного изъ сотрудниковъ „Фигаро“, Ришебура. Онъ былъ секретаремъ въ конторѣ газеты, когда я былъ ея хроникеромъ. Раздѣлавшись къ вечеру со своей бухгалтеріей, онъ принимался стряпать романы, разсчитывая спустить ихъ, въ одинъ прекрасный день, по три су за строчку.

Его послалъ Вилльмессанъ, съ просьбой отмѣнить постановленіе о пріостановленіи газеты.

Онъ указывалъ на свободу прессы и обращался къ моему заступничеству.

Но у меня нѣтъ столько власти, мой мальчикъ!

Безъимянная сила, завладѣвшая Парижемъ и издающая прокламаціи и приказы, не подчиняется Вентра, журналисту, горячему сторонникуу самой полной свободы слова.

Я того мнѣнія, что даже при громѣ пушекъ, среди полнаго разгара возстанія, свинцовыя мухи типографій должны имѣть право разбѣгаться, какъ имъ угодно, по листамъ бумаги; и я хотѣлъ, чтобы „Фигаро“, который такъ долго

позволялъ мнѣ оставаться свободнымъ, былъ бы и самъ свободенъ.

Но хозяинъ прачешной всталъ на дыбы:

— Дать свободу „Фигаро“? Подите вы! Онъ только и дѣлалъ, что высмѣивалъ и обливалъ грязью соціалистовъ и республиканцевъ, когда они не могли защищаться. Онъ всегда былъ на сторонѣ шпіоновъ и озвѣрѣлыхъ солдатъ и стоялъ за аресты и уничтоженіе всѣхъ тѣхъ, кто теперь произвелъ революцію!

Нашъ белльвилецъ одушевился и закусилъ удила:

— Постойте!.. Я припоминаю, какъ въ одинъ прекрасный день Маньяръ писалъ, что для водворенія спокойствія необходимо выбрать человѣкъ пятьдесятъ агитаторовъ, рабочихъ или интеллигентныхъ пролетаріевъ, и отправить ихъ въ Кайенну въ каторжныя работы... Да, если бы я думалъ такъ, какъ онъ, если бы я былъ такимъ же мерзавцемъ, то засадилъ бы теперь въ Мазасъ и Вильмессана, и васъ, всю банду! Вы требовали нашихъ арестовъ, кричали „смерть!“ нашимъ газетамъ. Мы выполняемъ только половину вашей программы... и вы жалуетесь! Избавьте меня отъ вашего присутствія, живо! Другіе, можетъ быть, не были бы такъ великодушны! Проваливайте!

Сотрудникъ „Фигаро“ исчезъ. Я попробовалъ было защитить свое мнѣніе.

— Ни слова больше, Вентра! Услышь тебя федералисты, они пришли бы въ негодованіе и начали бы подозрительно относиться къ тебѣ! Газета, смотрѣвшая на нихъ, какъ на людей, достойныхъ только каторги, должна снова появиться, чтобы опять осыпать ихъ оскорбленіями! Ты такого мнѣнія?... Да любой фельдфебель, со всей ротой, не спрашивая у насъ никакихъ разрѣшеній и не обращая вниманія на наши протесты, схватитъ редакторовъ и разстрѣляетъ ихъ, не говоря ни слова... Тебѣ этого хочется?

Онъ вышелъ изъ себя, и всѣ, вокругъ него, тоже обнаружили возмущеніе.

Часовой, штыкъ котораго сверкалъ въ окошко, остановился, чтобы послушать; когда *министръ* кончилъ, я видѣлъ, какъ дрогнуло ружье и отбросило черную тѣнь на залитую солнцемъ стѣну. Солдатъ молча взялъ на прицѣлъ и жестомъ показалъ, что онъ готовъ расправиться со всѣми, кто захочетъ развязать языкъ оскорбителямъ бѣдноты.

— А въ министерствѣ народнаго просвѣщенія кто? знаешь?

— Ну, да! большой Рулье.

Рулье—здоровый парень, лѣтъ сорока, сложенъ плотно и лицо его всегда будто чѣмъ-то вымазано. Онъ раскачивается на ходу, носитъ гусарскіе штаны, шапку на бекрень, во рту трубку.

Когда онъ двигается, размахивая, точно рычагами, ногами и руками, то кажется, что онъ хочетъ очистить мѣсто для народа, идущаго сзади него. Невольно ищешь въ его рукахъ трость должностного лица или жезлъ тамбурмажора, которымъ онъ дирижируетъ цѣлыми баталіонами свободолюбивыхъ.

Онъ сапожникъ и революціонеръ.

— Я обуваю людей и разуваю улицы!—говоритъ онъ.

Онъ не сильнѣе въ орѳографіи, чѣмъ его коллега по внутреннимъ дѣламъ. За то въ исторіи и въ соціальной экономіи онъ пошелъ дальше его.

Это не мѣшаетъ ему, башмачнику, не знать всѣхъ дипломированныхъ особъ, въ чьихъ рукахъ перебывалъ портфель, который онъ еще вчера ощупывалъ съ миной человѣка, знающаго больше толкъ въ коровьихъ кожахъ, чѣмъ въ сафьянѣ.

Наващивая свою дратву или прокалывая шиломъ кожу, онъ въ то же время слѣдилъ за нитью великихъ мыслей и выкраивалъ свою республику изъ республикъ мыслителей и ученыхъ.

И онъ умѣлъ на трибунѣ придавать блескъ и гибкость своимъ фразамъ, какъ передку башмака, заостряя шутки, точно носки ботинокъ, или вколачивая аргументы, словно гвозди въ двойные каблуки... Въ его ораторскомъ мѣшкѣ найдется и фантазія, и обоснованность, какъ на его деревянномъ прилавкѣ вы можете увидѣть и туфли маркизы, и сапоги каменщика.

Трактирный трибунъ, интересный своимъ гнѣвомъ и смѣлыми шутками, маніакъ противорѣчій, блещущій краснорѣчіемъ передъ стойками и въ клубахъ, онъ всегда готовъ пропустить нѣсколько стаканчиковъ, защищая всевозможныя свободы... вплоть до свободы выпивки!

— Есть только два вопроса!—говорилъ онъ: - Во-первыхъ: интересъ капитала!

Онъ всегда сокращаетъ число слоговъ въ словахъ. Онъ глотаетъ гласныя съ удовольствіемъ каннибала, закусывающаго своимъ смертельнымъ врагомъ.

— Во-вторыхъ: автономія! Вы должны это знать, Вентра, потому что побывали въ университетѣ? Бакалавры говорятъ, что она имѣетъ свое начало въ Греціи!... Они знаютъ, откуда она вышла, но не представляютъ себѣ, куда она ведетъ!

И онъ принимался смѣяться, похлопывая свой стаканчикъ.

— Объясните мнѣ немножко, что это за штука автономія! - говорилъ онъ, вытирая свою бороду.

Всѣ ждали отвѣта.

Онъ повторилъ среди полнаго молчанія:

— А я—за всякую автономію, какую бы то ни было, кварталовъ, улицъ, домовъ...

— И винныхъ погребовъ?

— Ну, да!...

Мнѣ было любопытно посмотрѣть на него при исполненіи обязанностей, и я отправился на улицу Сенъ-Доминикъ *).

— Вы желаете видѣть господина великаго учителя?— спросилъ меня приставъ, съ серебряной цѣпью, видя, что я блуждаю по корридорамъ.

Великаго учителя!

Да что онъ, смѣется надо мной?

Однако, я утвердительно кивнулъ ему съ видомъ важной особы. И онъ торжественно пошелъ впереди меня по лѣстницѣ.

Крикъ, клубы табачнаго дыма.

— Вѣдь я вамъ говорю, что никогда не играю партіи вчетвертомъ! Тогда мнѣ пришлось бы попасть на цѣпь съ господиномъ, съ кѣмъ я долженъ быть *солидарнымъ*? Нѣтъ, нѣтъ!... Каждый за себя: автономія!

Билліардныхъ шаровъ.

— Вотъ видите, какъ играетъ вашъ партнеръ!

— Да, и я долженъ быть ему признателенъ! Связанъ въ чувствахъ? Я предпочитаю быть вполнѣ автономнымъ, мой милый!

— И потомъ, гдѣ же тутъ выгода?.. выгода капитала?..— говорю я, входя.

Меня похлопываютъ по животу и наполняютъ рюмки ромомъ.

— Вы должны очень любить эту жидкость: отъ нея такъ и несетъ кожей,—замѣчаю я.

— А вы, небось, предпочитаете сосать вашу чернильницу? Вы, чернилопійца?.. И чего вы сюда явились? Можетъ быть, выставить насъ за дверь?

Онъ опрокинулъ въ себя еще одну рюмку и сказалъ:

— Мнѣ на это наплевать! Войдя сюда первымъ, какъ сорбонецъ, почтительно принятый всей челядью канцеляріи министерства, я вовсе не собираюсь опростоволоситься! Мы намѣрены ввести *„кожаный“* языкъ въ хранилище французскаго языка и высадить колѣнкою всѣ традиціи!

— Скажите мнѣ, Рулье, кто васъ сюда назначилъ?

— А, вотъ что! Да неужели вы думаете, что я получилъ какой-нибудь приказъ и сталъ настоящимъ чинушей?..

---

*) Гдѣ тогда находилось министерство народнаго просвѣщенія. *Пр. пер.*

Мнѣ нужно было въ этомъ кварталѣ сдать пару сапогъ. Только при видѣ вывѣски на министерствѣ у меня явилась мысль забраться сюда. Кресло было свободно, и я усѣлся на немъ—и сижу до сихъ поръ!.. Эй! вы тамъ, человѣкъ съ цѣпью, васъ не унизитъ сбѣгать въ колбасную за варепыми ножками для меня и студнемъ для Тэліера? Мы поѣдимъ здѣсь. Ну-ка, Вентра, давайте вашу долю!

И онъ протянулъ фуражку, собирая на завтракъ.

— Мы уже спустили монеты, выданныя комитетомъ,— пять франковъ на человѣка. Теперь приходится пробавляться на свой счетъ.

Кабинетъ министра обратился въ закусочную. А такъ какъ насъ было пять или шесть человѣкъ, и свинина обильно орошалась виномъ, то событія дня обсуждались очень горячо.

— Что-то будетъ дальше?

— А что? — рычитъ Руллье. — У насъ революція, и мы останемся при ней... пока не перемѣнятся обстоятельства! Только бы хватило времени показать, чего мы хотимъ, если уже нельзя добиться того, къ чему стремимся!

Затѣмъ онъ обратился ко мнѣ, почти враждебнымъ тономъ:

— Вы, можетъ быть, думаете, что съ тѣхъ поръ, какъ мы сюда попали, мы только и дѣлали, что постукивали шарами да выпивали? Нѣтъ, мой милый! Мы пробовали сварганить программу. И вотъ чѣмъ я разрѣшился...

Онъ вытащилъ изъ кармана нѣсколько листовъ, всѣ въ пятнахъ и кляксахъ, съ запахомъ клея, и протянулъ ихъ мнѣ.

— Вы можете разобрать? Полно ошибокъ, не правда ли? Но, во всякомъ случаѣ, скажите, что вы объ этомъ думаете?

Что я объ этомъ думаю? Я думаю, говоря вполнѣ искренно, что этотъ любитель „автономіи“ *вообще, какой бы то ни было,* обладающій комичной рожей, этотъ кабацкій ораторъ надѣленъ большей интеллигентностью, имѣетъ умъ болѣе высокій, чѣмъ всѣ пожелтѣвшіе ученые съ почтенными манерами! А сколько я ихъ видѣлъ, изнывавшихъ надъ старыми книгами или рывшихся въ библіотекахъ, въ поискахъ за тайнами философіи, законами богатства и оправданіемъ нищеты.

Онъ смотритъ дальше ихъ, онъ глядитъ глубже, чѣмъ я самъ. Въ этихъ смятыхъ и грязныхъ листочкахъ, которые онъ мнѣ передалъ, заключался цѣлый планъ обученія, далеко превосходившій, по своей разумности, всѣ катехизисы академій и великихъ совѣтовъ.

Рулье слѣдилъ за мной глазами.

— А вы замѣтили тотъ параграфъ, гдѣ я требую, чтобы всѣ лѣти послѣ пятнадцати лѣтъ получали порцію вина? Ну, хорошо! Хотите, чтобы я объяснилъ?.. Если у меня являются кой-какія идеи и я могу ихъ сцѣпить, какъ пучекъ лука, то это только потому, что я всегда зарабатывалъ достаточно, чтобы распить бутылочку и прихлебнуть, въ утѣшеніе, кофе! Мнѣ ставятъ въ вину, что у меня красный носъ Но, чортъ возьми! Когда мой носъ горитъ, моя мысль крѣпнетъ! Я вижу яснѣе, когда блестятъ мои глаза!.. И бѣднякамъ рекомендуютъ воздержаніе вовсе не изъ доброжелательства, а просто изъ страха, чтобы не заработали ихъ мозги, не зашевелились мускулы и не загорѣлось сердце! Вы довольны моимъ произведеніемъ?.. Да... А я писалъ, потѣя отъ волненія и страха!

XXVIII.

Списокъ членовъ Коммуны появился отъ двадцати кварталовъ Парижа.

Я одинъ изъ трехъ, избранныхъ Гренелемъ.

Я былъ тамъ когда-то маленькимъ чиновникомъ мэріи, напоминавшей старую скворешницу. Меня видали въ отдѣленіи для новорожденныхъ, блѣднымъ, со слезами на глазахъ, когда приносили какого-нибудь малютку, завернутаго въ блузу, снятую съ плечъ бѣдняка отца, дрожавшаго отъ зимняго холода. Я зналъ, кто умиралъ изъ нихъ, и я присутствовалъ на похоронахъ,

И вотъ, десять лѣтъ спустя, меня вспомнили. Мое имя, брошенное однимъ изъ этихъ отцовъ, приходившихъ съ тающимъ снѣгомъ на плечахъ, прикрытыхъ одной рубашкой, было подхвачено и принесено, какъ ребенокъ въ рабочей куртк.

— Теперь, надѣюсь, ты доволенъ?

— Да, доволенъ, что народъ вспомнилъ обо мнѣ. Но это избраніе, ты понимаешь хорошо, вѣдь смертный приговоръ!

— Ты серьезно убѣжденъ, что придется оставить здѣсь свою шкуру?

— Да, гильотина или разстрѣлъ, на выборъ! Даже можно будетъ считать счастіемъ, если насъ растрѣляютъ!

— Брр!... однако при мысли, что тебѣ перерѣжутъ шею, по спинѣ невольно пробѣгаетъ морозъ!

Эта перспектива не особенно приводитъ въ восхищеніе моего товарища. Только онъ всетаки таитъ въ глубинѣ души надежду, что я разыгрываю комедію и просто придумалъ для его устрашенія всю эту грядущую *гекатомбу*.

Однако, надо отправляться на свой постъ.

— Будьте добры сказать, гдѣ засѣдаетъ Коммуна?—я задаю этотъ вопросъ во весь голосъ въ разныхъ мѣстахъ зданія Ратуши. Я прохожу черезъ пустыя залы, черезъ залы, набитыя биткомъ, и никто не можетъ мнѣ дать никакихъ указаній.

Я встрѣчаю коллегъ, которые тоже знаютъ не больше меня, но за то больше выходятъ изъ себя. Они громко негодуютъ на центральный комитетъ, который, повидимому, смѣется надъ ними, заставляя толкаться передъ запертыми дверями.

Наконецъ, мы нашли! Въ бывшемъ помѣщеніи департаментской коммиссіи зажжены лампы, и мы можемъ тамъ совѣщаться.

Выбираются мѣста, отыскиваются друзья, стараются найти подобающій тонъ и манеру вести себя.

Голосъ звучитъ здѣсь не такъ, какъ въ танцовальныхъ залахъ, приспобленныхъ для грома турецкихъ барабановъ и крика здоровенныхъ глотокъ: аккустика не годится для бурныхъ рѣчей.

Говорящій не будетъ находиться на пьедесталѣ трибуны, съ высоты которой можно ронять жесты и кидать взгляды.

Въ этомъ амфитеатрѣ со скамьями, ступеньками, каждому придется говорить, стоя, со своей скамьи, въ полумѣсяцѣ своего пролета. Крылья у декламаціи подрѣзаны!

Нужны будутъ факты, а не фразы, тяжелый жерновъ краснорѣчія, растирающій зерна, а не мельница, вертящаяся отъ вѣтра громкихъ словъ!

Когда всѣ усѣлись и Коммуна заняла мѣсто, воцарилось глубокое молчаніе.

Но вдругъ моя барабанная перепонка чуть не лопнула. Какой-то субъектъ, сидѣвшій сзади меня, внезапно поднялся и съ развивавшимися длинными, гладкими волосами нѣмецкаго піаниста оставлявшими сальные слѣды на воротникѣ его редингота, началъ протестовать. Вращая за стеклами очковъ своими тусклыми глазами, онъ лихорадочнымъ тономъ протестовалъ противъ того, что было только что сказано, право, не знаю кѣмъ.

Очень можетъ быть, это именно я поднялъ вопросъ о томъ, какъ уладятъ свои дѣла избранники Парижа, которые въ то же время являются версальскими депутатами.

Вѣдь нужно же было знать, чего держаться.

Человѣкъ, точно въ парикѣ изъ мочалы, заявилъ, что, послѣ требованій, заявленныхъ въ такомъ тонѣ, онъ не можетъ ни минуты оставаться здѣсь. Онъ перекинулъ на руку свое пальто и вышелъ, хлопнувъ дверью.

Да! Это очень удобный способъ протеста.

Но развѣ у меня могла явиться мысль отряхнуть прахъ съ ногъ своихъ и уйти, когда ясно, какъ Божій день, что мы можемъ быть задавлены якобинскимъ большинствомъ?

Чѣмъ больше опасность, тѣмъ долгъ остаться у дѣлъ становится священнѣе!

Почему этотъ Тираръ *) не хочетъ оставаться, чтобы послужить тѣмъ, кто его назначилъ, представляя и защищая ихъ интересы?

— Я желаю присоединиться къ правительству! Можетъ быть, вамъ угодно меня арестовать?—кричалъ онъ, бросая разъяренные взгляды изъ-подъ своихъ очковъ.

Ахъ, нѣтъ! Никто тебя не подумаетъ арестовать! Ты это прекрасно знаешь, трусливая скотина,—ты, у кого не хватаетъ даже смѣлости слѣдить глазами за возбужденнымъ Парижемъ! Другіе, можетъ быть, тоже уйдутъ отсюда, но они останутся жить на мостовой, откуда брызжетъ революція, рискуя быть раздавленными ею!..

Скатертью дорога!

Что еще произошло въ этотъ день? Ничего. Было засѣданіе взаимныхъ ознакомленій.

При выходѣ кто-то подошелъ ко мнѣ.

— А вы сегодня причинили большую боль Делеклюзу. Онъ воображаетъ, что вы мѣтили именно въ него, даже чуть ли не хотѣли дать его портретъ, когда говорили о тѣхъ, кто колеблется между Парижемъ и Версалемъ.

— Онъ сердится?

— Нѣтъ, онъ очень грустенъ.

Это вѣрно. На лбу его лица-маски уже не видно складки презрѣнія; въ глазахъ свѣтится безпокойство, а по опустившимся губамъ скользитъ тѣнь задумчивости.

Онъ совсѣмъ выбитъ изъ колеи въ этой средѣ блузниковъ и отщепенцевъ. Его республика, какъ она рисуется ему, имѣетъ свои проторенные пути, свои военныя границы

*) Коммерсантъ, республиканецъ. Послѣ 4-го сентября былъ назначенъ правительствомъ нац. обороны мэромъ II-го округа. Пріобрѣлъ большую популярность и назначеніе его было закрѣплено муниципальными выборами. Затѣмъ онъ былъ избранъ 75,207 голосами въ національное собраніе и примкнулъ тамъ къ крайней лѣвой. Вернувшись въ Парижъ передъ началомъ коммуналистическаго движенія 18 марта, онъ снова занялъ свою мэрію, которая стала скоро центромъ оппозиціи противъ диктатуры центральнаго комитета. Былъ избранъ своимъ округомъ въ Коммуну. На первомъ же засѣданіи Коммуны онъ выразилъ протестъ противъ дѣйствій центральнаго комитета и подалъ въ отставку, заявивъ, что онъ не можетъ болѣе сохранять мандатъ, который, по его мнѣнію, распространяется только на городскія дѣла. *Пр. пер.*

и межевые столбы, свою боевую тактику и свои предѣлы страданій и жертвъ.

Теперь все измѣнилось.

Онъ теряется и бродитъ, безъ престижа, въ этомъ мірѣ, у котораго нѣтъ ни программы, ни плана, и который совсѣмъ не желаетъ никакихъ вождей.

А ему, почти нищему, ветерану классической революціи, герою легендъ далекой каторги, ему тоже хочется быть въ почетѣ. Онъ думалъ, что имѣетъ полное право на пьедесталъ дюйма въ два высоты, а очутился на голой землѣ, и на него обращаютъ вниманіе не больше, чѣмъ на Клемана, а слушаютъ, можетъ быть, даже меньше, чѣмъ этого красильщика, явившагося въ калошахъ съ улицы Вожираръ.

Я чувствую жалость заднимъ числомъ, при видѣ этой печали, которую Делеклюзъ не въ силахъ скрыть. Прямо страдаешь, глядя, какъ онъ старается удвоить шаги, чтобы не отстать отъ ускореннаго марша федератовъ. Онъ задыхается и обливается кровавымъ потомъ, рѣшившись присоединиться къ Коммунѣ въ ея стремительномъ движеніи.

Въ этихъ усиліяхъ—чистосердечное признаніе, раскаяніе, нѣмой и героическій отказъ отъ тридцатилѣтней несправедливости по отношенію къ тѣмъ, кого онъ обвинялъ въ смутьянствѣ, считалъ чуть ли не измѣнниками, и все потому, что они шли впередъ быстрѣе, чѣмъ его комитетъ старцевъ Горы.

Изъ сердца его, ставшаго каменнымъ отъ дисциплины, брызнули настоящія слезы, которыя онъ сумѣлъ скрыть, но которыя, тѣмъ не менѣе, смягчили металлическій блескъ его глазъ и придали нѣжность голосу, когда онъ благодарилъ меня за мои объясненія. Я счелъ нужнымъ объясниться съ нимъ, изъ понятнаго чувства человѣка молодого къ старику, которому онъ, совсѣмъ не желая, сдѣлалъ больно... и заставилъ плакать.

Какъ ужасны эти секреты! Только что обращенные или уже брюзжащіе отъ старости, церковные старосты конвента или демократы соціалисты церкви!

Верморель—аббатъ, которому наклеили усы; бывшій маленькій пѣвчій церковнаго хора, разодравшій, въ пылу гнѣва, свое пурпурное одѣяніе: въ его знамени есть лоскутья этого пурпура!

Жесты его хранятъ слѣды отслуженныхъ обѣдень, и моложавый видъ еще увеличиваетъ сходство.

Въ самомъ дѣлѣ, въ провинціи не рѣдко приходится видѣть, во время процессій, великовозрастныхъ парней съ маленькой круглой головкой, кажущейся еще круглѣе подъ алой шапочкой. Они разбрасываютъ розовые лепестки или калятъ по-

редъ балдахиномъ, изъ-подъ котораго прелатъ раздаетъ свои благословенія.

Черепъ Вермореля такъ и просится подъ эту маленькую пурпуровую шапочку, хотя онъ и покрытъ фригійскимъ колпакомъ.

Онъ слегка шепелявитъ, какъ всѣ эти любимчики кюре, и постоянно улыбается профессіональной улыбкой всѣхъ священнослужителей: это бѣлый смѣхъ на бѣломъ лицѣ,— цвѣтъ облатки! Этотъ атеистъ и соціалистъ носитъ на всей своей фигурѣ отпечатокъ семинаріи.

Но онъ уничтожилъ въ своемъ религіозномъ воспитаніи все, отъ чего отдавало низостью и лицемѣріемъ. Вмѣстѣ съ этими низкими чертами онъ вырвалъ скрытые корни ханжей, сохранивъ суровую добродѣтель, упорную энергію, неуклонное стремленіе къ цѣли, вмѣстѣ съ безсознательной мечтой о мученическомъ вѣнцѣ.

Онъ вступилъ въ революцію черезъ двери алтаря, какъ миссіонеръ въ Китаѣ, идущій навстрѣчу пыткѣ. Онъ внесъ въ нее неискоренимый пылъ, непреклонное намѣреніе отлучать маловѣрныхъ, бичевать нерадивыхъ, готовый самъ принять стрѣлы въ грудь и быть распятымъ грязными гвоздями клеветы!

Читалъ каждый день свой красный требникъ, комментируя, страницу за страницей, свое новое „*Житіе Святыхъ*“, подготовляя пріобщеніе къ ихъ лику „Друга народа“ и „Неподкупнаго“ *), онъ печаталъ ихъ революціонныя проповѣди и завидовалъ въ душѣ ихъ смерти.

Ахъ! какъ хотѣлось ему погибнуть подъ ножемъ Шарлоты или отъ пистолетной пули Термидора **)!

Иногда на этой почвѣ у насъ происходили сраженія.

Я ненавижу деиста-Робеспьера и нахожу, что совсѣмъ не нужно обезьянить Марата, этого, прикованнаго къ тачкѣ своихъ подозрѣній, истерика террора, эпилептика кровавой эпохи.

Я присоединялъ свои проклятія къ проклятіямъ Верморея, когда онъ направлялъ ихъ противъ заговоровъ Кавеньяка въ іюньскихъ убійствахъ, когда онъ швырялъ ихъ въ толстое брюхо Ледрю, въ мерзкую рожу Фавра, въ волчанку Гарнье-Пажеса, въ апостольскую бороду Пеллетана... Но сладострастнѣе, чѣмъ онъ, я плюю на жилетъ Максиміліана и съ васильково-голубого костюма срываю бутоньерку съ трехцвѣтнымъ букетомъ, это высунувшееся ухо осла ре-

*) Прозвища Робеспьера и Марата. *Пр. Пер.*

**) Намекъ на участь Робеспьера. *Пр. пер.*

формъ. Я не испытываю никакого почтенія къ дню праздника Верховнаго Существа.

И подумать только, что Верморель, не говоря ни слова и даже, самъ того не сознавая, можетъ быть, изъ-за этого именно защищаетъ убійцу Геберта и Дантона! Вѣдь всѣ эти разстриги только мѣняютъ свой культъ и даже самую ересь населяютъ религіозными воспоминаніями! Ихъ вѣра и ихъ ненависть только мѣняются мѣстами. Какъ іезуиты ихъ первые учителя, они пойдутъ, если это окажется полезнымъ, дорогой преступленій къ той цѣли, которую они поклялись достичь.

Верморелю нужно было родиться въ девяносто третьемъ году. Онъ былъ бы способенъ стать Сикстомъ Пятымъ соціалистическаго панства. Въ глубинѣ души этотъ Кащей, явившійся слишкомъ рано или слишкомъ поздно въ нашъ черезчуръ трусливый міръ, грезитъ о диктатурѣ.

Иногда его охватываетъ безумная тоска.

Тѣмъ, кто думаетъ о небѣ, земля очень часто кажется слишкомъ маленькой! Не въ силахъ выйти или быть выдвинутыми на дорогу къ какому-нибудь Ватикану предмѣстій, появиться при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, они, эти дезертиры плоти, кусаютъ въ тѣни свои руки! Возносясь въ мечтахъ къ жизни вѣчной, они задыхаются отъ скорби въ этой жизни, тѣсной и несчастной!

Сплинъ, разрушительный и неугомонный, точно роковая опухоль, разъѣдаетъ то мѣсто, гдѣ, какъ имъ нѣкогда вѣрилось, должна находиться душа. Ихъ тошнитъ отъ отвращенія! Мерзкій гной проникаетъ въ ноздри, трепетавшія въ ожиданіи благоуханій ладана. За отсутствіемъ этого аромата имъ необходимъ запахъ порока... а воздухъ пропитанъ лишь неподвижностью и трусостью. Они борятся еще нѣкоторое время, пока въ одинъ прекрасный вечеръ не проглотятъ яда, чтобы издохнуть, какъ животное, которое не имѣетъ души.

Онъ тоже устроилъ это однажды.

Онъ далъ себѣ сроку шесть мѣсяцевъ. Онъ попытался разсѣять свою лихорадку, размыкать свое горе. Онъ перебывалъ послѣдовательно: издателемъ, продавцемъ книгъ, романистомъ, составителемъ „обозрѣній Латинскаго квартала“, выпуская книгу о Бюлье *), основывая еженедѣльную газету, затѣмъ написалъ романъ: „Desperanza“. Въ своей дѣятельности онъ хватался зубами за все и сломалъ ихъ.

*) Танцовальная зала на бульварѣ St. Michel, гдѣ два раза въ недѣлю бывали публичные балы, посѣщавшіеся преимущественно студентами и богемой. *Пр. пер.*

Тогда онъ купилъ какого-то смертоноснаго зелья и рѣшилъ умереть... Но уцѣпился обѣими руками за свое существованіе и избавился, благодаря рвотному, какъ отъ нѣкоторой доли отчаянія, такъ и отъ мышьяка.

Говорятъ, что въ этомъ покушеніи нѣкоторую роль играла любовь.

Любовь, нѣтъ! Женщина, можетъ быть.

Этотъ человѣкъ безпредѣльныхъ желаній, этотъ неустанный труженикъ сражался день и ночь съ нѣкіимъ созданіемъ женскаго рода, съ кѣмъ онъ дѣлилъ свой очагъ и постель.

Его голова, какъ будто созданная для великихъ ранъ—на баррикадахъ или отъ руки палача—иногда вся исцарапанная, выглядывала довольно таки смѣшно. Мегера эта держала его въ своихъ когтяхъ и, даже на улицѣ, сопровождала проклятіями.

Дома у него, должно быть, происходили ужасныя сцены: хозяйка этого свѣтскаго монаха медленно убивала его своими иголками. Можетъ быть, онъ даже любилъ эти уколы, безнадежно тоскуя о желанной власяницѣ, томясь отъ жажды испить уксуса, предлагаемаго на концѣ половой щетки за отсутствіемъ кошья Голгоѳы.

Нося небо въ себѣ самомъ, онъ никогда не слышалъ журчанія ручья, никогда не видѣлъ, какъ порхаютъ птицы, никогда не слѣдилъ на горизонтѣ за тучей, звѣздой, умирающимъ солнцемъ.

Онъ не любилъ земли и выходилъ изъ себя, видя, какъ я врастаю въ нее, самъ почти обращаюсь въ дерево, любуясь какою-нибудь лужайкой.

Поэтому онъ презираетъ меня. Онъ считаетъ меня поэтомъ и называетъ лежебокомъ, потому что я писалъ свои статьи, даже самыя боевыя, въ деревнѣ на лодкѣ, среди маленькаго рѣчного заливчика, подъ вербами, и еще потому, что по вечерамъ, облокотясь на окно, я долго глядѣлъ въ поле, гдѣ въ сумеркахъ лишь темнѣлъ плугъ, который за то, при лунномъ свѣтѣ, сверкалъ своимъ лемехомъ, какъ отточенный топоръ.

Во сколько разъ проще тѣ изъ борцовъ, что вышли изъ народа!

Ранвье *). Длинное, худое тѣло: на немъ, какъ на пикѣ,

*) Членъ Коммуны, искусный рисовальщикъ по фаянсу, одинъ изъ наиболѣе пылкихъ и популярныхъ ораторовъ Бельвиля. Въ іюлѣ 70 г. былъ посаженъ въ тюрьму за возбужденіе къ сверженію существующаго строя. Выйдя изъ Мазаса 4 сентября, онъ былъ избранъ командиромъ 141-го баталіона національной гвардіи. Велъ рѣзкую агитацію противъ правительства національной обороны, принималъ участіе въ

насажена синевато-блѣдная голова, которую можно принять за отрубленную, если вѣки опущены.

Какъ будто эта голова уже потеряла всю свою кровь гдѣ нибудь у стѣны для разстрѣловъ или въ корзинкѣ палача. Волосы безпорядочно растрепаны, какъ у только что казненнаго; губы бѣлы и сохраняютъ въ углахъ своихъ слѣды послѣдней гримасы агоніи.

Таково лицо Ранвье, когда онъ молчитъ. Преждевременная блѣдность пророчитъ ему будущее мученичество, и онъ напередъ носитъ слѣды жизни, полной страданій и трагическаго конца. Но стоитъ ему только открыть ротъ и заговорить, какъ дѣтская улыбка озаряетъ его лицо, и надтреснутый отъ чахотки голосъ звучитъ симпатично, несмотря на его провинціальный акцентъ. Ему должно быть пріятно, когда онъ былъ молодъ, запѣвать на клиросѣ въ родной деревнѣ, потому что и до сихъ поръ изъ его горла, разъѣденнаго ядовитымъ воздухомъ городовъ, отвѣтныя фразы звучатъ очень мелодично.

У него было небольшое дѣло; банкротство унесло съ собой послѣдніе гроши. Онъ никогда не говорилъ объ этомъ, чуть ли не воображая даже, что онъ запятналъ честь партіи, но блѣдность, покрывавшая, точно мукой, его лицо, быть можетъ, явилась въ то утро, когда синдикъ объявилъ его несостоятельнымъ.

Тѣ, кто знаютъ его, знаютъ, какъ онъ страдалъ отъ этого... но какая масса людей знаетъ также, что онъ былъ и остался хорошимъ и честнымъ человѣкомъ.

Этотъ большой ходячій трунъ, трезвенникъ, пьетъ воду съ сиропомъ, чтобы чокнуться съ тѣми, кто потягиваетъ вино. Онъ плохо ѣстъ, чтобы удѣлить свою долю другимъ. Онъ работаетъ по ночамъ, но съ трудомъ удается ему прокармливать шестерыхъ ребятъ, что растутъ вокругъ него безъ матери.

Жена его умерла, оказавъ громадное вліяніе на развитіе своего мужа. Это была женщина съ мужественнымъ сердцемъ, и малютки должны чувствовать къ ней вѣчную признательность за ея любовь и самоотверженность, а можетъ быть, и

событіяхъ 31 октября; на другой день былъ арестованъ, но 5 ноября 7.535 голосами былъ выбранъ мэромъ XX округа. Правительство не признало эти выборы дѣйствительными. Принималъ участіе въ организаціи центральнаго ком. нац. гвардіи. Послѣ 18 марта занялъ постъ мэра XX округа, отъ котораго и былъ избранъ въ коммуну, являлся однимъ изъ дѣятельныхъ ея членовъ. Смѣлый и энергичный, онъ организовалъ борьбу съ ворвавшимися версальцами и оставилъ Парижъ однимъ изъ послѣднихъ. Найдя убѣжище въ Англіи, онъ сталъ очень близко къ дѣламъ Интернаціонала. *Пр. пер.*

вѣчную скорбь за тѣ зародыши соціальнаго гнѣва, которые она заложила въ ихъ сердца, проповѣдуя имъ даже со своего смертнаго ложа солидарность съ униженными и право подавленныхъ на возстаніе! . . . . . .

. . . . . .

XXIX.

Воскресеніе, 21 мая.

Послѣднее засѣданіе было очень бурно. Явились три члена меньшинства *) заявить, что они хотятъ безпощадной войны съ врагомъ, и что они отказываются отъ своего рѣшенія не появляться въ Ратушѣ, разъ народъ можетъ подумать, что ихъ недовольство комитетомъ общественнаго спасенія есть лишь предлогъ для избѣжанія кровавой отвѣтственности.

Да, лучше погибнуть подъ флагомъ, сдѣланнымъ изъ лохмотьевъ 1793 года, лучше принять обновленную, допотопную диктатуру, которая намъ кажется оскорбленіемъ для новой революціи, все лучше, чѣмъ имѣть видъ, будто бѣжишь съ поля битвы!

И миръ заключенъ. Его подписали на словахъ, при звукѣ страшнаго взрыва **), который внезапно заставилъ задрожать стекла и екнуть сердца. Онъ раздался совсѣмъ неожиданно и прогремѣлъ грозно и внушительно.

Рука объ руку, товарищи!

Сегодня засѣданіе еще болѣе торжественно. Чтобы закрѣпить примиреніе, свершившееся третьяго дня, выбрали предсѣдателемъ Вентра, того, чей журналъ съ самаго начала борьбы былъ органомъ дессидентовъ.

---

*) Въ совѣтѣ Коммуны на почвѣ вопроса о правильности выборовъ 17 марта образовалось такъ называемое „большинство“ и „меньшинство“; отношенія между ними все ухудшались, нерѣдко переходя на личную почву. Особенно рѣзкое разногласіе, обратившееся въ открытую ссору, было вызвано учрежденіемъ комитета общественнаго спасенія. Большинство шло за Ф. Піа и голосовало за комитетъ, меньшинство отказалось принимать въ немъ какое-нибудь участіе, говоря: „Безсмысленно выбирать членовъ въ учрежденіе, которое мы сами считаемъ безполезнымъ и гибельнымъ. Мы признаемъ воздержаніе отъ голосованія единственно достойной, логичной и политичной тактикой“ (Лиссагаре). Раздоръ, какъ будто затихшій послѣ отставки перваго комитета, довелъ, наконецъ, 15 мая до полнаго разрыва. Поводомъ и причиной была прокламація Коммуны, которая гласила, что Коммуна передаетъ свои функціи безъотвѣтственному комитету. „Меньшинство“ вышло изъ состава Коммуны.

Пр. пер.

**) Взлетѣлъ на воздухъ отъ неизвѣстной причины пороховой заводъ на Avenue Rapp. *Пр. пер.*

И на этотъ разъ, на своихъ мѣстахъ оказались даже тѣ изъ меньшинства, которые, какъ Тридонъ *), отважно рѣшили не являться, оставаясь, несмотря ни на что вѣрными принятой резолюціи. Да и какъ же было имъ не придти, когда въ декларацiи, къ которой предмѣстья отнеслись съ такимъ неодобреніемъ, было сказано, что въ день, когда будутъ судить кого-нибудь изъ нашихъ, забудется всякая ненависть, и всѣ знамена объединятся для отправленія правосудія въ залѣ Коммуны, снова наполненной народомъ и ставшей верховнымъ судилищемъ.

Должны ввести обвиняемаго Клюзере **). Вотъ онъ! Сейчасъ рѣшится его участь.

Что-то будутъ говорить?..

Злоба уже улеглась, недовѣріе утихло.

Можно догадываться, что дебаты закончатся оправданіемъ, но пока они протекаютъ внушительно и величественно. Ораторы вдумчивы, аудиторія безмолвна.

Вдругъ отворяется дверь, черезъ которую обыкновенно входятъ члены комитета общественнаго спасенія, и появляется Билліорэй. Онъ проситъ слова.

— Когда кончитъ Верморель,—отвѣчаю я.

*) Авторъ конфискованной брошюры „Hébertistes, plainte contre une calomnie de l'histoire“, основатель нѣсколькихъ, очень скоро запрещенныхъ газетъ; ученикъ Бланки, съ которымъ сошелся въ тюрьмѣ. Не разъ судился, приговаривался къ штрафамъ и сидѣлъ за свои республиканскія воззрѣнія. Былъ осужденъ въ ссылку за прикосновенность къ процессу о покушеніи на безопасность государства и жизнь императора. Послѣ 4 сентября вернулся изъ-за границы, куда бѣжалъ, основалъ съ Бланки газету „Patrie en danger“ и яростно нападалъ на правительство національной обороны. Былъ избранъ въ національное собраніе, потомъ въ Коммуну. Участвовалъ въ ея исполнительной коммиссіи, боролся съ комитетомъ общественнаго спасенія, принадлежалъ къ меньшинству Коммуны и, подписавъ декларацію, пересталъ присутствовать на засѣданіяхъ

Пр. пер.

**) Kluseret—воспитанникъ с.-сирской школы, сначала состоялъ на французской военной службѣ. Принималъ участіе въ борьбѣ Гарибальди съ королевствомъ обѣихъ Сицилій. Во время американской междоусобной войны поступилъ въ армію сѣверянъ. Въ 1867 году сражался въ рядахъ феніевъ съ англичанами (феніи—тайный революціонный союзъ ирландцевъ съ цѣлью освобожденія отъ англійской зависимости) и былъ англійскимъ судомъ заочно приговоренъ къ смерти. Вернувшись во Францію, сблизился съ вождями интернаціонала. Во время войны 1870—71 гг. принималъ участіе въ революціонныхъ движеніяхъ Ліона и Марселя. Былъ членомъ парижской Коммуны, которая назначила его своимъ военнымъ уполномоченнымъ. Не обладая большими стратегическими способностями и не выработавъ опредѣленнаго плана защиты, онъ вызвалъ недовольство Коммуны и, послѣ очищенія федералистами форта Исси, былъ арестованъ (30 апрѣля), заподозрѣнный чуть ли не въ измѣнѣ, по обвиненію одного изъ членовъ Коммуны, Міо, которое, однако, было основано лишь на слухахъ и сплетняхъ.

Пр. пер.

— Необходимо сейчасъ же сдѣлать собранію сообщеніе... очень важное сообщеніе!

— Говорите!..

Онъ читаетъ бумагу, которую держитъ въ рукахъ.

Депеша Домбровскаго *):

„Версальцы только что прорвались"... Точно упала завѣса!

Впечатлѣніе длилось столько времени, сколько необходимо каждому, чтобы проститься съ жизнью.

А мнѣ показалось, будто вся кровь моя ушла въ землю, глаза стали большими, большими и необычайно ясными на моемъ поблѣднѣвшемъ лицѣ.

Мнѣ показалось, что я вижу далеко, далеко странный и обезображенный силуэтъ себя самого, покрытаго кровью и грязью!

Страхъ мученій тутъ не игралъ никакой роли. Совершенно никакой... возстала моя гордость: побѣжденъ, убитъ, не успѣвъ ничего сдѣлать!..

На одно мгновеніе эти мысли затуманили мой умъ.

Неужели, какъ предсѣдатель агоніи Коммуны, я готовъ звонить въ похоронный колоколъ по поводу своей смерти?

Нѣтъ, пора показать исторіи, что спокойствіе не исчезло изъ нашихъ душъ при новости о пораженіи, передъ первымъ проблескомъ страха грядущей казни! Я придаю голосу суровый оттѣнокъ и говорю, обращаясь къ Клюзере:

— Обвиняемый, вамъ принадлежитъ послѣднее слово!

Мнѣ показалось, что лучше всего закончить дѣломъ справедливости, показать, что забывается всякая опасность передъ вердиктомъ, отъ котораго зависитъ честь и существованіе человѣка.

Кончено. Оправданъ. Засѣданіе закрыто.

Я отправился на свою скамью за бумажками, которыя притащилъ съ собой и гдѣ нацарапалъ первыя строчки своей статьи на завтра.

*) Уроженецъ Волыни, онъ въ 1860 г., оставивъ русскую службу, принималъ участіе въ экспедиціи Гарибальди въ Неаполь. Въ 1863 г. былъ приговоренъ къ 15 годамъ каторги за участіе въ польскомъ мятежѣ, но спасся въ Парижъ. Послѣ революціи 4 сентября сформировалъ польскій легіонъ, сражавшійся подъ начальствомъ Гарибальди. Въ маѣ Коммуной ему была поручена защита западной части Парижа. Передъ этимъ онъ, въ качествѣ начальника аніерской арміи, храбро сражался съ войсками версальцевъ. 20-го апрѣля былъ вынужденъ отступить въ городъ. При штурмѣ Парижа 24 мая былъ смертельно раненъ. *Пр. пер.*

XXX.

Завтра!

Я думаю, что намъ осталось всего нѣсколько часовъ на то, чтобы обнять тѣхъ, кого мы любили, настрочить завѣщаніе, если есть, что завѣщать, и приготовиться принять передъ разстрѣломъ веселый видъ.

Мнѣ хочется—ужъ такъ я испорченъ!—пообѣдать по царски передъ отправленіемъ на тотъ свѣтъ. Я имѣю полное право прополоскать себѣ горло и повеселить сердце нѣсколькими стаканчиками стараго вина, прежде чѣмъ мнѣ снимутъ голову или начинятъ кишки свинцомъ!

Такой пустякъ не повредитъ Коммунѣ И у меня является намѣреніе умереть эпикурейцемъ, послѣ того, какъ прожилъ всю жизнь подъ страхомъ голодной смерти!

— Мадамъ Лавэръ! Дайте-ка бутылочку Нэи! Да поджарьте кровяной колбасы съ картофелемъ, а на сладкое—миндальный кремъ съ бабушкинымъ вареньемъ... знаете, что стоитъ тамъ наверху въ шкафу!..

— Ваше здоровье, господа!

Я не дурно провелъ часокъ. Бургундское было хорошо подогрѣто, колбаса оказалась нѣжной и жирной, а пирожное сладкимъ и вкуснымъ!

— Еще рюмочку коньяку?..

— Нѣтъ! Довольно! Голова должна быть свѣжей!

Я бросаю салфетку и берусь за шляпу.

Мы пробираемся вмѣстѣ съ Ланжевеномъ *) въ ту сторону, гдѣ, какъ намъ сказали, находится Лисбоннъ **).

---

*) Токарь по металлу, въ 1865 году онъ примкнулъ къ Интернаціоналу и сдѣлался однимъ изъ вліятельныхъ его членовъ. Въ 1870 г. былъ замѣшанъ въ такъ называемомъ „третьемъ процессѣ“ интернаціонала и присужденъ къ тюремному заключенію. Послѣ 4-го сентября сталъ въ рѣзкую оппозицію правительству національной обороны и принималъ непосредственное участіе въ возмущеніи 31 октября 1870 г. и 2-го января 1871. Съ самаго начала коммунистическаго движенія протестовалъ противъ центральнаго комитета и былъ выбранъ членомъ Коммуны отъ XV округа. Принималъ участіе въ ея юридической коммиссіи. *Пр. пер.*

**) Уже 16-ти лѣтъ онъ принималъ участіе въ Крымской кампаніи, затѣмъ въ рядахъ зуавовъ совершилъ походы въ Италію и Сирію. За нарушеніе дисциплины попалъ въ дисциплинарный батальонъ, но скоро былъ прощенъ за безпримѣрную храбрость. Вернувшись послѣ службы въ Парижъ, онъ создалъ небольшой театръ, которымъ завѣдывалъ и игралъ въ немъ самъ. Но дѣла шли плохо, и онъ прогорѣлъ. Принималъ участіе въ войнѣ и получилъ чинъ капитана. Послѣ заключенія мира сдѣлался членомъ центр. комитета національн. гвардіи, который стоялъ во главѣ движенія 18 марта 1871 г. 21-го марта Л. захватилъ казармы

Версальскія ворота.

— Честь имѣемъ явиться, господинъ полковникъ!

— Очень хорошо! Народъ будетъ доволенъ, видя, что само правительство сражается съ нимъ рядомъ. Все въ порядкѣ; мѣры, по моему необходимыя, приняты, но я падаю отъ усталости и собираюсь вскрапнуть гдѣ-нибудь въ уголкѣ. Послушайтесь меня и устройте то же самое; право, не стоитъ безпокоиться раньше времени.

Мы слѣдуемъ его совѣту и растягиваемся на плащахъ съ патронташами подъ головой. Не далеко отъ насъ лежитъ на носилкахъ, наводя ужасъ, въ своемъ костюмѣ небесно-голубого цвѣта, турокъ, ординарецъ Лисбонна, котораго ядро обратило вчера почти въ лепешку, и его разбитый черепъ точно обгрызли крысы.

Я не сплю. Припавъ ухомъ къ землѣ, я ловлю звуки, которые могутъ доноситься изъ далека.

Существуетъ ли связь между защитой отдѣльныхъ пунктовъ, есть ли общій планъ? Мнѣ говорили, что хранитъ эти тайны въ кобурахъ своего сѣдла генералъ Ла-Сесилія *), комендантъ данной части Парижа. Онъ долженъ явиться, чтобы дать Лисбонну послѣднія инструкціи.

Мы же и знать ничего не должны.

Когда въ Коммунѣ мы было захотѣли заняться военнымъ дѣломъ, то военный комитетъ зазвенѣлъ шпорами и отправилъ насъ въ министерства, каждаго въ его дыру.

— Развѣ вы были солдатомъ? Что вы понимаете въ этомъ дѣлѣ? Для этого назначена особая коммиссія; не вставляйте ей въ колеса ваши перья...Предоставьте работу спеціалистамъ!..

и на другой день выпустилъ прокламацію къ войску, приглашая его стать на сторону народа. Былъ членомъ Коммуны. Во время битвы на улицахъ обнаружилъ безумную храбрость и упалъ раненымъ у подножія баррикады Шато-До. Былъ подобранъ побѣдителями, вылѣченъ и... приговоренъ къ смерти. Приговоръ удалось кассировать, но новый составъ суда снова вынесъ ему смертный приговоръ. Въ концѣ концовъ Л. былъ „помилованъ“ и приговоренъ къ вѣчной каторгѣ. *Прим. пер.*

*) Былъ учителемъ математики, въ 1860 году принималъ участіе въ экспедиціи Гарибальди въ Сицилію. Послѣ взятія Неаполя, Викторъ Эмануилъ предложилъ ему вступить въ регулярную итал. армію, но онъ, какъ республиканецъ, отказался. Закончивъ свое математическое образованіе въ Ульмскомъ университетѣ, онъ вернулся во Францію, сдѣлался редакторомъ „Rappel“ и сталъ очень близко къ Интернаціоналу. Во время войны сражался въ рядахъ парижскихъ стрѣлковъ и получилъ чинъ полковника. Вернувшись послѣ мира въ Парижъ съ остатками своего полка, сдѣлался сторонникъ центр. комитета, былъ выбранъ въ Коммуну и назначенъ дивизіоннымъ генераломъ. Принималъ дѣятельное личное участіе въ уличныхъ сраженіяхъ „кровавой недѣли“. Затѣмъ успѣлъ бѣжать за границу. *Прим. пер.*

А теперь я кусаю руки!

Гдѣ онъ этотъ Ла-Сесиліа? Я не слышу топота его знаменитой черной лошади, которую, какъ говорятъ, онъ такъ любитъ заставлять плясать подъ собой.

И мнѣ хочется вскочить, поймать первую попавшуюся клячу, взобраться на нее и въ карьеръ пуститься въ Парижъ, крича отъ бѣшенства и призывая народъ.

Но вѣдь это значило бы дезертировать, когда приближается врагъ?!.

Рано утромъ развѣдчики захватили нѣсколько женщинъ, что-то ужъ черезчуръ оборванныхъ, и мужчинъ съ подозрительными рожами. Въ объясненіе своихъ ночныхъ шатаній они ссылаются на нищету. Одинъ изъ нихъ заявилъ, что онъ шелъ въ поле поискать чего-нибудь поѣсть, и я, въ память своихъ прежнихъ голодовокъ, помѣшалъ его разстрѣлять. Однако, у нихъ руки черезчуръ бѣлы и слишкомъ правильная рѣчь!

Наконецъ, меня охватываетъ сонъ... Я бросаю послѣдній взглядъ, тяжелый и разсѣянный, на эту плохо освѣщенную каморку, гдѣ мы впятеромъ или вшестеромъ развалились на полу, переставали храпѣть, когда гдѣ-нибудь близко падалъ снарядъ, но не двигались изъ-за такого пустяка.

Понедѣльникъ. Къ оружію!

— Вставать!

Это тормошитъ насъ Лисбоннъ.

— Что новаго?

— Почти ничего... Вонъ тамъ расположился линейный полкъ. Посмотри, отсюда ты можешь видѣть красные штаны!

Меня немного трясетъ: вѣроятно, послѣ сна. По спинѣ пробѣгаетъ морозъ—еще бы: утро такъ свѣжо! Волна меланхоліи заливаетъ сердце—конечно, отъ грустнаго, блѣднаго неба!

Гдѣ мой форменный шарфъ?..

Люди толпятся вокругъ насъ.

— Скажите имъ что-нибудь!—шепчетъ мнѣ Лисбоннъ, одергивая на себѣ мундиръ и кончая пристраивать портупею.

Я произнесъ отрывокъ какой-то рѣчи и занялъ мѣсто на углу баррикады, немного распустивъ поясъ на налито. Ланжевенъ сдѣлалъ то же самое.

А Лисбоннъ взобрался на камни... Въ него можно цѣлиться изъ самаго отдаленнаго угла улицы.

Въ свою очередь, и онъ сказалъ нѣсколько революціонныхъ фразъ и закончилъ жестомъ римскаго оратора, закидывающаго на плечо конецъ своей тоги. Только плащ

его очень коротокъ и отъ сильнаго взмаха не могъ подняться выше пояса.

Лангевенъ изумился, замѣтивъ, что я улыбнулся. На моихъ губахъ, дѣйствительно, промелькнула веселая усмѣшка, когда я открылъ въ этомъ героѣ актера, и на мгновеніе онъ заслонилъ мнѣ всю боевую обстановку, освѣщенную блѣднымъ разсвѣтомъ.

Онъ простъ, искренекъ и смѣлъ, этотъ полковникъ Лисбонкъ, если оставить въ сторонѣ его любовь къ эффектамъ.

Онъ взбирается еще выше, поднимаетъ шляпу и кричитъ, обратившись въ сторону версальцевъ: „Да здравствуетъ Коммуна!“

Теперь за дѣло!

— Вотъ тутъ не хватаетъ прикрытія... — замѣчаетъ одинъ.

— Камни здѣсь сложены плохо...—протестуетъ другой.

— Есть ли у насъ патроны?..—спрашиваетъ третій.

Вдругъ со всѣхъ сторонъ поднимаются жалобы! Ропотъ растетъ.

Пѣхота еще не открыла по насъ огонь, за то федералисты обстрѣливаютъ насъ словами гнѣва и упрека.

— Мы измучились! Цѣлыми недѣлями торчимъ мы здѣсь... Мы хотимъ повидать нашихъ женъ!.. Никакія предосторожности не приняты...

И они наперебой указываютъ намъ пальцами на отверстіе въ баррикадѣ, на дыру, образовавшуюся отъ недостатка мѣшковъ съ пескомъ. Проклятая дыра находится какъ разъ на такой высотѣ, что лучи солнца пронизываютъ ее насквозь, заливая ея пустоту яркимъ бѣлымъ свѣтомъ. Черезъ эту дыру улетучилась вся храбрость баталіона!

Неужели, дѣйствительно, тутъ недостатокъ храбрости?.. Ахъ, нѣтъ! Ихъ души грызетъ любовь къ семьѣ. Имъ хочется приласкать ребятъ, обнять жену, прежде чѣмъ броситься въ неизвѣстность послѣдней битвы на мостовой Парижа, гдѣ они предпочтутъ умереть, разъ уже придетъ конецъ.

Это не обитатели казармъ, не товарищи по ротному котлу, это не регулярныя войска. Они всѣ изъ семей, имъ не по себѣ въ лагерѣ и на бивуакѣ.

Кромѣ того, они боятся нашего невѣжества. Они не вѣрятъ, чтобы эти два представителя правительства, механикъ и журналистъ, и даже этотъ полковникъ, бывшій нѣкогда актеромъ, были въ силахъ бороться противъ настоящихъ офицеровъ, вышедшихъ изъ Сенъ-Сира, явив-

шихся изъ Алжира, привыкшихъ къ войнѣ, закаленныхъ, дисциплинированныхъ и выдержанныхъ!

Мы сдавлены толпой. Насъ почти забиваютъ подъ навѣсъ и тамъ, съ жестами гнѣва, хлещутъ отрывистыми фразами:

— Гдѣ распоряженія? Какой выработанъ планъ?..

Они кричатъ во весь голосъ то же самое, что я говорилъ тихо себѣ самому, припавъ ухомъ къ землѣ въ ожиданіи топота лошади Ла-Сесиліа.

— Вамъ лучше бы убраться,—говоритъ мнѣ Лисбоннъ.— Они способны поставить васъ къ стѣнѣ! А меня они знаютъ немножко любятъ, я постараюсь ихъ удержать!

— Извозчикъ!

— Пожалуйте!

— Вамъ не страшно на козлахъ, пріятель?

— Страшновато... Я изъ Бельвилля! И васъ прекрасно знаю.

Поѣхали.

Пули свистятъ, кляча помахиваетъ хвостомъ, кучеръ наклоняется и начинаетъ болтать.

— Имъ не войти, гражданинъ, если только каждый будетъ хорошо защищать свой кварталъ!

Эта-то идея насъ и убьетъ! Кварталъ за кварталомъ.. Соціализму придется отступить.

Войска стрѣляли отъ Трокадеро по направленію къ Марсову полю. Военная школа опустѣла, министерство военное тоже.

Я только что взбѣгалъ по нѣсколькимъ лѣстницамъ, ломился въ нѣсколько дверей.

Ни души! Внизу ропотъ пораженія!

— Всѣ въ Ратушѣ, — крикнулъ мнѣ изъ-подъ сводовъ одинъ капитанъ.

— Нужно идти туда!—говорятъ офицеры, направляясь къ Гревской площади.

Нѣсколько отчаянныхъ перегородили дорогу.

— Вы не пройдете!—зарычали они.

У одного изъ нихъ волосы развѣваются по вѣтру, руки голыя, обнаженная, мохнатая грудь запачкана свѣжей кровью. Онъ только что получилъ гдѣ-то ударъ штыкомъ, но направляетъ свой противъ массы.

— Ни съ мѣста!

Онъ готовъ колоть толпу.

Человѣческая волна смыла его, вмѣстѣ съ оружіемъ, какъ кусочекъ мяса, какъ соломенку, не давъ ему времени крикнуть или сдѣлать хоть одинъ жестъ. Слышно было лишь, какъ толпа пронеслась по плитамъ, какъ стадо буйволовъ.

Ратуша.

Дѣйствительно, они здѣсь: Ла-Сесиліа и еще человѣкъ двадцать: корпусные командиры, члены Коммуны.

Лица угрюмы; говорятъ почти вполголоса.

— Все погибло!

— Вбейте назадъ въ вашу глотку эти слова, Вентра! Нужно, наоборотъ, крикнуть народу, что городъ станетъ могилой для войска, вдохнуть въ него храбрость и кинуть ему приказъ строить баррикады.

Я разсказалъ, что видѣлъ.

— У Версальскихъ воротъ они колеблятся, это возможно; но въ Парижѣ, вы увидите, они продержатся противъ солдатъ, пока будутъ патроны и снаряды.

Въ Парижѣ! Но что говоритъ этотъ Парижъ?

Съ самаго восхода солнца я видѣлъ лишь картину пораженія!

Полдень.

Гдѣ была моя голова! Мнѣ показалось, что городъ похожъ на мертвеца, когда онъ еще и не былъ убитъ. Вонъ вмѣшиваются женщины и дѣти! Красивая дѣвушка водружаетъ совершенно новое красное знамя; на фонѣ сѣрыхъ камней оно пылаетъ, какъ макъ на старыхъ развалинахъ.

Гражданинъ, ломайте мостовую!

Повсюду точно лихорадочное, но, на самомъ дѣлѣ, здоровое, бодрое настроеніе. Не ругаются и не пьютъ. Рѣдко, рѣдко кое-кто забѣжитъ въ трактиръ и, вытирая наскоро ладонью губы, возвращается къ работѣ.

— Мы постараемся устроить сегодня славный денекъ,— говоритъ мнѣ одинъ изъ утреннихъ крикуновъ.—Вы только что усомнились, товарищъ, во всѣхъ насъ! Пройдите-ка здѣсь, когда станетъ жарко, и вы увидите, имѣете ли вы дѣло съ трусами!

Жатва мака приближается... теперь можно умереть!

Вождей нѣтъ. Нѣтъ никого, на чьемъ кэпи блестѣли бы галуны, чьи бедра перетягивалъ бы золотой поясъ Коммуны. У меня даже явилось желаніе снять свой, чтобы не имѣть вида начальства, явившагося, когда все уже кончено. Впрочемъ, онъ не вызываетъ большого почтенія.

— Ваше мѣсто не здѣсь, — сказалъ мнѣ рѣзко федералистъ съ лицомъ, покрытымъ морщинами.—Отправляйтесь въ совѣтъ, примите какое-нибудь рѣшеніе!.. Вы еще ничего не приготовили? Ахъ, чортъ возьми!.. Пушку сюда, Франсуа! Эй, тетка! Угощеніе-то кладите здѣсь!

Я не стою этой женщины, катящей ядра, и этого парня, который возится съ пушкой! Какъ человѣкъ съ шарфомъ, я не иду въ счетъ!

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ВСТРѢЧА.

Мы снова встрѣтились.

Не такъ давно мы возсѣдали съ нимъ рядомъ на депутатскихъ креслахъ. Это — въ первый мѣсяцъ существованія нашего парламента, когда еще не было размѣщенія по партіямъ, а была группировка областная. Сѣли тогда вмѣстѣ и мы, восемь представителей донского казачества: священникъ, два учителя, юристъ и четыре урядника. Онъ былъ въ числѣ этихъ четырехъ урядниковъ. Урядникомъ предсталъ онъ передо мною и сейчасъ, но уже урядникомъ, совмѣщавшимъ въ себѣ, такъ сказать, два естества: чинъ (унтеръ-офицерскій) и служебныя полномочія (полицейскаго урядника). На немъ красовался полицейскій значекъ, а оффиціально, въ станицѣ, числился онъ исправляющимъ должность помощника полицейскаго пристава. Всѣ урядники Донской области не безъ зависти говорили о немъ:

— Далеко шагнулъ!..

Встрѣтились мы тепло и радушно, какъ старые товарищи: широко улыбались, привѣтливо кивали головами и долго молча жали другъ другу руки. Не знаю, отъ полноты ли чувствъ мы молчали, или отъ того, что не о чемъ было намъ говорить. Дороги наши разошлись еще тамъ, въ Думѣ. А теперь, въ залѣ суда, мы фигурировали, можно сказать, на противоположныхъ полюсахъ. Я, вмѣстѣ съ однимъ казачьимъ офицеромъ, сидѣлъ на „скамьѣ подсудимыхъ“. Онъ, мой недавній сотоварищъ по Государственной Думѣ, имѣлъ сѣсть направо, на скамью праведниковъ, гдѣ съ чувствомъ собственнаго достоинства помѣстился его ближайшій начальникъ, полицейскій приставъ. И должны они были свидѣтельствовать на насъ и обвинять насъ въ устройствѣ митинга, въ произнесеніи рѣчей преступнаго содержанія, въ возбужденіи умовъ и во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ.

Вѣроятно, поэтому рукопожатіе наше хотя и было дли-

тельно, но совершалось въ безмолвіи. Я находилъ это вполнѣ естественнымъ. Но онъ, повидимому, былъ другого мнѣнія и намѣревался что-то сказать. И все-таки пауза тянулась скандально-долго. Многочисленная публика, явившаяся на первый въ станицѣ „политическій“ процессъ и смотрѣвшая на насъ, какъ на недавнихъ героевъ, начала уже хихикать. Мы это слышали и оба испытывали нѣкоторую неловкость.

— Ну, какъ поживаете?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Какъ видите.

Я показалъ въ сторону скамьи подсудимыхъ. Онъ постарался сдѣлать грустное лицо и выразилъ соболѣзнованіе:

— Да, нашему брату теперь не того...

— Ну, вашему-то брату еще ничего, а вотъ нашему, дѣйствительно, не того...

Онъ выпустилъ мою руку, но не отошелъ. Съ нѣсколько комическимъ видомъ сокрушеннаго скорбью друга, онъ упорно продолжалъ стоять передо мной. Сѣсть на скамью подсудимыхъ, на которой я сидѣлъ, для него было, очевидно, не совсѣмъ удобно, и онъ прислонился плечомъ къ стѣнѣ. Потомъ, слегка нагнувшись въ мою сторону и принявши видъ заговорщика, сообщилъ въ полголоса:

—Но и мое дѣло - хуже требовать некуда... Эта Дума.— будь она неладна!—она мнѣ долго будетъ въ памяти. До Думы я человѣкомъ былъ, а теперь сталъ такъ... кто его знаетъ чѣмъ... пролетаріемъ какимъ то...

— Да что вы?!—искренне изумился я.

И съ особеннымъ любопытствомъ и вниманіемъ окинулъ я взоромъ своего стараго сотоварища, наивно предполагая обнаружить какіе-либо внѣшніе признаки принадлежности его къ пролетаріату.

— Ей-Богу, не брешу!—сказалъ онъ искреннѣйшимъ тономъ и перекрестился въ доказательство:—разворили кругомъ, до тла разворили... То есть, окончательно, въ разворъ, какъ говорится... Двухъ лошадей увели, пару быковъ угнали, домашность всю растащили... Все, все до клочка растащили!

— Но кто же? Кто?—остановилъ я его торопливую рѣчь вопросомъ.

— Любезные сограждане... станичники... Эти самые — какъ ихъ?—сознательные, какъ говорится...

— За что же?

— За Государственную Думу.

— Не можетъ быть!?

— Однова дыхнуть!—внушительно и съ достоинствомъ проговорилъ онъ.

— Не понимаю...

Онъ поглядѣлъ на меня долгимъ, затуманеннымъ взоромъ и качнулъ головой. Этотъ жестъ упрекалъ меня за мой скептицизмъ.

— Этого мало... Сколько несчастій за это время на мою голову свалилось: отецъ померъ, мать заболѣла, четыре мѣсяца пролежала, старшій сынъ померъ. Женѣ съ остальными дѣтьми пришлось уѣхать изъ станицы. Все бросила и уѣхала въ Царицынъ.

— Почему же?

— Также самое: грозили. Вся станица... да что станица! И другія станицы грозили... А чѣмъ она виновата, что мужъ въ Думу попалъ?

— Вина небольшая.

— Да то-то...

Онъ пожалъ въ недоумѣніи плечами и, приложивъ руку къ сердцу, продолжалъ еще болѣе понизеннымъ голосомъ:

— Чистосердечно вамъ скажу: я и самъ ѣхать не хотѣлъ. Я являлся тогда къ наказному атаману.—Ваше сіятельство! Я,—говорю,—не желаю... у меня пять человѣкъ дѣтей, а тамъ вонъ, говорятъ, взрывъ готовятъ революціонёры... По этому случаю я не могу въ Думѣ соотвѣтствовать: дѣти сиротами останутся, невинныя души.. Такъ нѣтъ! Уговорилъ.—„Намъ“,—говоритъ,—„такіе-то представители и дороги. Какъ можно! Вы—истинный сынъ тихаго Дона. На васъ мы вполнѣ полагаемся, и надѣюсь, вы оправдаете наши ожиданія“.—Постараюсь,—говорю,—ваше сіятельство.—„А вотъ“,—говоритъ,—„насчетъ вашихъ сомнѣній, то даю вамъ отпускъ на три мѣсяца. Тамъ посмотрите: не понравится—назадъ пріѣдете“. Я и повѣрилъ. А опосля слышу, зыкъ идетъ: Думу разгонятъ... Пишу сейчасъ же прошеніе къ окружному: возстановить меня въ должности станичнаго атамана. И—ни одной строчки въ отвѣтъ!..

— Не возстановили?

— Нѣтъ.

— А какъ же Васильевъ?

— Васильевъ... для него особый законъ: онъ и революціонёрамъ въ Думѣ погрозилъ, и хоружія получилъ, и атаманское жалованье огребаетъ. Онъ и во время Думы двойное жалованье загребалъ: за Думу и атаманское. Ему отъ начальства особое уваженіе...

— Заслужилъ, вѣроятно?

— Заслуги-то у насъ равныя, какъ вы сами знаете.

Я не могъ не согласиться съ этимъ утвержденіемъ. Собесѣдникъ мой былъ совершенно правъ. Тѣмъ менѣе понятно было для меня неодинаковое отношеніе начальства къ тожественнымъ заслугамъ подчиненныхъ, не обманувшихъ надеждъ, на нихъ возлагаемыхъ.

— Но почему же васъ въ хорунжіе не произвели?

Онъ развелъ, въ недоумѣніи, руками.

— Вотъ подите же. Взглядъ начальства такой...

Мы помолчали. Осуждать начальство вслухъ какъ-то неудобно, и мы наказали его демонстративнымъ молчаніемъ.

— Обиженъ я, Ѳ. Д., до конца обиженъ,—скорбно сморщившись и еще ниже наклоняясь ко мнѣ, почти шепотомъ заговорилъ онъ снова.

Букетъ казенной винной лавки, которымъ онъ обдалъ меня при этомъ, давалъ основаніе предполагать, что горькая обида уже врачуется извѣстнымъ русскимъ средствомъ.

— Вижу я, нѣтъ правды и въ начальствѣ. Я думалъ, революціонёры для своей выгоды ругаютъ начальство, а вотъ самъ вижу: нѣтъ правды! Куркинъ, напримѣръ, въ хорунжіе произведенъ, а за что? Чѣмъ онъ противъ меня достойнѣе?

— Затруднительно сказать.

— Ну, этого, по крайней мѣрѣ, два раза уже били — громко, радостнымъ тономъ, прибавилъ онъ.

— Кто?

— Все тѣ же любезные станичники.

Мой собесѣдникъ неожиданно быстро повеселѣлъ.

— Неужели даже били? За что же?—спросилъ я съ нескрываемымъ изумленіемъ.

— Темень! Гармилы, сукины сыны!.. За то же, за что и меня обвиняютъ. Вѣдь что выдумали? Будто я билетъ свой продавалъ! И будто мундиръ свой давалъ надѣвать за деньги жиду. И жидъ, дескать, въ моемъ мундирѣ выходилъ говорить...

— Откуда они это взяли?

— А чортъ ихъ знаетъ! Изъ прокламацій, я думаю. Прокламаціи теперь разсылаютъ станичнымъ правленіямъ и попамъ. Дескать, Дума жидовская была, жиды кажнему члену по пятьдесятъ тысячъ дали, чтобы говорили въ ихъ пользу.

— Но прокламаціи этого сорта едва ли васъ имѣли въ виду...

— Да развѣ наша пихра пойметъ? Начальство, конечно,

въ этомъ случаѣ понимаетъ правильно. И въ приговорахъ, напримѣръ, оно насъ одобряетъ. А вотъ они... ихъ же выборные приговоры подписываютъ, они же намъ и грозятъ... Нашъ генералъ и разъяснялъ, и настаивалъ,—ничего не дѣйствуетъ! Тупо. Пока всего двѣ станицы написали. Изъ восемнадцати—двѣ... страмъ сказать! Въ прочихъ округахъ дружнѣй. Даже государь императоръ рызолюцію положилъ: „весьма похвально“...

Онъ отвернулъ полу чекменя и изъ кармана шароваръ съ лампасами, въ которыхъ казачьи урядники такъ похожи на генераловъ, досталъ небольшую кипу бумажекъ. Порывшись въ нихъ, онъ вынулъ литографированный листокъ и подалъ мнѣ.

— Въ этомъ васъ не поименовываютъ,—сказалъ онъ:— а въ другихъ прочихъ не того... не хвалятъ... Что жъ дѣлать? Промашку вы дали. Не слѣдовало тогда трогать этотъ казацкій вопросъ. Все равно, ничего добраго не вышло. Мы сказали: „Пускай будетъ, какъ есть. На то есть воля начальства. Какіе же мы граждане, если начальству подчиняться не будемъ?“ Вотъ насъ за это и одобряютъ всѣ господа...

Я просмотрѣлъ поданный мнѣ моимъ собесѣдникомъ листокъ. Это была копія одного изъ тѣхъ приговоровъ, которые всякими способами добывались у станицъ окружнымъ начальствомъ, съ цѣлью ввести въ заблужденіе другое, болѣе важное начальство, обезпокоенное броженіемъ среди казачьяго населенія. Цѣлый рядъ подобныхъ приговоровъ изрекалъ намъ анаѳему,—мнѣ и тремъ моимъ товарищамъ,—за то, что мы внесли въ Государственную Думу запросъ о законности нынѣшней доблестной службы казаковъ внутри имперіи. И, несмотря на эту анаѳему, насъ, крамольниковъ, ждали всюду по станицамъ, насъ окружали тысячи простыхъ людей, просили говорить о Думѣ, слушали съ трепетно-жаднымъ вниманіемъ каждое наше слово и, въ концѣ концовъ, предлагали защиту на случай ареста, предлагали сами, по собственной иниціативѣ.

Въ тѣхъ же приговорахъ велерѣчиво, былиннымъ слогомъ, восхвалялись доблести моего собесѣдника и его трехъ товарищей за ихъ „истинно-казацкій“ духъ и вѣрно-преданныя начальству заявленія въ Думѣ. И вотъ, не безъ удивленія узнаю теперь: казацкій духъ, торжественное выраженіе оффиціальной признательности и... „уже два раза били“... Я, конечно, зналъ, и не только я—всѣ знали, что никто изъ тѣхъ лицъ, кто заставлялъ писать подобные приговоры, кто любезно предлагалъ готовые черновики, кто подписывалъ

ихъ,—никто изъ нихъ ни въ грошъ не ставилъ подлинное ихъ содержаніе. Но кому-то они нужны были. Кто-то основывалъ на нихъ свои виды и соображенія, конечнымъ завершеніемъ которыхъ, вѣроятно, была отмѣтка: „весьма похвально“ и соединенныя съ нею реальныя выгоды. И потому сообразительные генералы—изъ тѣхъ, которые, подобно Щедринскому маіору Прыщу, „въ сраженіяхъ не бывали, но въ парадахъ закалены даже сверхъ пропорціи“,—изъ кожи лѣзли, стараясь объ умноженіи подобныхъ приговоровъ. Въ томъ листкѣ, который я держалъ въ рукахъ, значилось буквально слѣдующее:

„Окружной Атаманъ Усть-Медвѣдицкаго округа станичнымъ атаманамъ Усть-Медвѣдицкаго округа.

„Перекопской станичный Атаманъ отъ 6-го сего Сентября за № 2072 представилъ приговоръ станичнаго сбора отъ 27 Августа сего года за № 177 съ выраженіемъ вѣрноподданническимъ чувствъ Его Императорскому Величеству по случаю роспуска Государственной Думы слѣдующаго содержанія: 1906 года Августа 27 дня. Области войска Донского станичный сборъ Перекопской станицы Усть-Медвѣдицкаго округа въ составѣ предсѣдателя сбора Станичнаго Атамана урядника Смерткина и явившихся на этотъ сборъ, изъ общаго числа 120 должностныхъ лицъ станичнаго и хуторскаго управленій и выборныхъ общественныхъ представителей имѣющихъ право участвовать на станичномъ сборѣ наличные 82 членовъ выслушавъ сего числа Высочайшій манифестъ отъ 9 Іюля с. г., о роспускѣ членовъ Государственной Думы, вслѣдствіе уклоненія ихъ отъ путей предначертанныхъ Его Величествомъ, для обновленія народной жизни и ставъ на путь неправильный, возбудившій народныя страсти, отъ чего пошли еще большія не урядицы, разбои, грабежи, убійства и всякаго рода насилія, подвергнувшія наше отечество разоренію и гибели. Такой не нормальный поступокъ народныхъ представителей удивилъ всѣхъ истинныхъ сыновъ Россіи глубокой скорбью, поразилъ сердце возлюбленнаго Монарха, попралъ всѣ намѣченныя имъ великія преобразованія въ дорогомъ отечествѣ. Многіе, позабывъ Божескіе и человѣческіе законы, дали полный просторъ своей дикой волѣ, стремятся все исторически вѣками сложившееся разрушить и истребить: смотря на таковой поступокъ отщепенцевъ земли Русской, душа содрагается и сердце обливается кровію. Великій Государь, твое сердце глубоко поражено необузданной дикой волей тѣхъ отщепенцевъ земли Русской. Вѣрь, Государь, что скорбью твоей скорбятъ всѣ истинные сыны отечества.

Мы, сыны тихаго Дона, вѣрные слуги тебѣ, престолу и отечеству также до глубины души возмущены ихъ поступкомъ насъ называютъ: крамольниками, опричниками, черносотенцами, погромщиками и т. п., но насъ, вѣрныхъ твоихъ слугъ, не смущаетъ изрыгаемая на насъ клевета, а болѣе укрѣпляетъ въ насъ любовь и вѣрность: Тебѣ твоему престолу и родинѣ. Мы, слабые тѣломъ, но мощные духомъ, говоримъ тебѣ, Государь, устами историческихъ спасателей земли Русской. Великій Государь отецъ многомильіоннаго народа! вѣрь, что на Святой руси много есть еще вѣрныхъ сыновъ твоихъ, которые, сплотившись, съ умѣютъ подавить крамолу, водворить миръ и спокойствіе въ родномъ отечествѣ. Крамольники и отщепенцы земли Русской! да будетъ вамъ вѣдома, что вашей адской затѣи скоро настанетъ конецъ и воли должное возмездіе, на Святой руси есть еще Ілія Муромецъ и другіе богатыри; они съ умѣютъ разрушить вашъ адскій планъ, водворить миръ и спокойствіе. Настоящій приговоръ нашъ поручаемъ станичному правленію представить Окружному Атаману и принять повергнуть къ священнымъ стопамъ Его Императорскаго Величества наше вѣрноподданническія чувства безпредѣльную любовь и преданность Его Императорскому Величеству престолу и дорогой Россіи.

„Находя сочувствіе станичнаго сбора, выраженное въ приговорѣ за № 177 достойнымъ вниманія предлагаю приговоръ этотъ прочитать на полныхъ станичныхъ и хуторскихъ сборахъ. Отъ души благодарю Пономаренскую станицу за казачій духъ и твердую преданность нашему обожаемому Царю-батюшкѣ. Подписалъ: генералъ-маіоръ Широковъ, секретарь Суховъ“.

— Что-же, не плохо,—сказалъ я, отдавая листокъ назадъ своему собесѣднику.

Онъ вздохнулъ. Не согласиться со мной въ этомъ пунктѣ было неудобно, но и подтверждать высокія качества этого документа, въ безполезности котораго онъ—такъ же, какъ и я—не сомнѣвался, представлялось ему излишнимъ.

— Есть и лучше, — уныло проговорилъ онъ и опять вздохнулъ.

— Остается благодарить начальство, а вы осуждали...

— Да! благодарить!—съ горькой ироніей повторилъ онъ: — будь я теперь, напримѣръ, станичнымъ атаманомъ—такъ вѣдь это что же такое? Главнокомандующій —и только! Жалованья одного—девятьсотъ. А тамъ того-сего... вы, конечно, знаете нашъ бытъ. Опять—въ своемъ домѣ живу, за квартиру не

платить, за дрова—тоже. Воды въ Дону сколько угодно... А тутъ вотъ и за воду плачу...

— Но я читалъ въ мѣстныхъ газетахъ, что войсковой атаманъ принялъ въ васъ особое участіе.

— Что войсковой атаманъ! Иттить надо къ атаманьшѣ, а не къ атаману... Войсковой атаманъ лишь въ убытки ввелъ.

— Но писали, что вамъ было предоставлено какое-то важное мѣсто,—не помню... Еще прибавляли, что вы, какъ нижній чинъ, не имѣли правъ государственной службы, но во вниманіе къ особымъ заслугамъ и прочее...

Онъ махнулъ рукой и криво усмѣхнулся.

— Да, дѣйствительно, былъ такой фактъ, брехать не стану...

Оглянувшись съ нѣкоторымъ опасеніемъ въ сторону своего начальника, онъ осторожно присѣлъ рядомъ со мной, на скамью подсудимыхъ, очень близко, такъ что я уже все время чувствовалъ букетъ казенной винной лавки. Говорилъ онъ теперь совсѣмъ секретно, шепотомъ, но по временамъ нѣкоторыя фразы или отдѣльныя слова произносилъ неожиданно вслухъ и очень громко.

— Потому что я явился къ наказному атаману и говорю: ваше сіятельство! послали вы меня въ Думу и сдѣлали изъ хозяина пролетаріемъ... хуже бы, да некуда!.. Разсказываю подробно, какъ увели у меня двухъ лошадей, пару быковъ, все имущество растащили.—„Ну, хорошо“,—говоритъ,—„я объ васъ позабочусь“. Послалъ за правителемъ канцеляріи.—„Нѣтъ ли у васъ вакансіи?“—„Найтить можно“,—говоритъ. „помощника дѣлопроизводителя, напримѣръ“.—„Вотъ надо бывшаго нашего представителя устроить“.—„Хорошо. А какъ насчетъ правъ?“—„Это ничего“,—наказный говоритъ;—„онъ подержитъ экзаментъ. Можете экзаментъ подержать?“—Не могу знать,—говорю,—ваше сіятельство. Я кончилъ курсъ въ приходскомъ съ похвальнымъ листомъ.—„И отлично. А я попрошу,—говоритъ,—въ юнкарьскомъ поекзаментовать васъ. Тамъ народъ свой. Останьтесь на недѣльку, подготовьтесь и тогда“... Остался я на недѣлю, нанялъ репетитора. Сладились за двѣ красныхъ, ежели выдержу; двѣнадцать цѣлковыхъ, ежели не выдержу. Сидѣлъ онъ со мной часовъ по пяти въ день, твердилъ мнѣ и геометрію, и географію... Всю голову мнѣ разломило! Никогда такой муки не видалъ, ей-Богу!..

Онъ громко произнесъ послѣднія слова и протяжно вздохнулъ. Замѣтно было, что воспоминанія его еще слишкомъ свѣжи и недостаточно объективированы.

— Прихожу я на экзаментъ. Начальникъ училища сидитъ,

учителя. — „Не робѣйте,—говоритъ,—урядникъ. Вы—сынъ тихаго Дона".—Такъ точно,—говорю,—ваше высокоблагородіе. Постараюсь...—Стали спрашивать:—„ну, скажите, какъ называется эта линія, которая"... какъ бишь онъ ее? вотъ забылъ!..—„по какой центра бьетъ на окружность"... кажется, да... Подумалъ-подумалъ я: дай Богъ памяти! Напомнилъ: катетъ, ваше высокоблагородіе!—„Нѣтъ".—Ежели не катетъ, то епотенуза,—думаю.—Епотенуза, ваше высокоблагородіе!—„Ну, что вы!"—Виноватъ,—говорю,—запамятовалъ сейчасъ...—„Ну, это ладно. По ариѳметикѣ, что-ль, спросите его, Иванъ Игнатычъ. Ариѳметику хорошо знаете?"—Всѣ четыре дѣйствія училъ,—говорю.—„Отлично. Такъ по всѣмъ четыремъ его"... А учитель говоритъ:—„на дроби развѣ? Для будущаго производителя это не лишнее".—„Что же, пожалуй. Какъ вы насчетъ дробей? Вы—человѣкъ военный, а дробь—это хотя и не вполнѣ военная вещь, но касательство имѣетъ къ оружію".—Такъ точно,—говорю, а самъ себѣ думаю: пропалъ! ни въ дробяхъ, ни въ картечи, какъ говорится, ни въ зубъ... Репетиторъ бился-бился со мной два дня, такъ и бросилъ, время было коротко, больше на геометрію насѣдали. Учитель задаетъ: „приведеніе дробей къ одному знаменателю". Набрался я смѣлости и трахнулъ:—это, ваше высокоблагородіе, по программѣ не полагается!—„Какъ не полагается?"—Такъ точно. Я по программѣ даже не видалъ.—„Вы не дочитали программы. Ну, да ладно. По географіи его... что-нибудь полегче". А учитель смѣется и говоритъ:—„зачѣмъ полегче! Я ему самый трудный вопросъ: какими горами Европа отдѣляется отъ Азіи?"—Алтайскими, ваше высокоблагородіе!—„Что вы!"—У меня въ книжкѣ такъ, ваше высокоблагородіе.—„Не можетъ быть. По какой книжкѣ вы готовились?"—По географіи.—„Да... но чья она?"—Моя собственная.—„Нѣтъ, авторъ кто? Составитель, значитъ?" Элементарный курсъ,—говорю,—такъ... зелененькая крышка.

Разсказчикъ мой остановился и, нагнувшись къ колѣну, быстро высморкался при помощи двухъ пальцевъ. Потомъ досталъ платокъ, утерся и слегка задумался. Вспомнивъ что-то веселое, можетъ быть—свои неудачи, онъ замоталъ головой и разсмѣялся.

— Поговорили они между собой, посмѣялись. Начальникъ спрашиваетъ:—„а какъ у него русское сочиненіе?" Учитель подаетъ. Посмотрѣли, опять смѣются.—„Что же вы",—говоритъ,—скуповато описаніе сдѣлали?" Вижу я: веселые они всѣ, не серчаютъ, не обругиваютъ, абы какъ... Ну, думаю, дѣло въ шляпѣ. Пропустятъ, ежели буду гнуть чего-нибудь, притворюсь дуракомъ. Это, бывало, въ полку господа офи-

перы уважаютъ...—Я,—говорю,—не сочинитель, ваше высокоблагородіе.—„А кто же вы?“—Былъ, говорю, станичнымъ атаманомъ, а теперь, благодаря Думѣ, пролетарій. Четверо дѣтей, мать-старуха, жена...

— Виноватъ,—полюбопытствовалъ я:—а какая тема была дана?

— Какъ-съ?

— Какое сочиненіе-то требовалось?

— Описать Черкасскъ. Я и написалъ себѣ немного. Черкасскъ, молъ, городъ большой, зданія отличаются приличной архитектурой, какъ, напримѣръ, памятникъ Ермаку и атаману Платову.—„Что же это за описаніе?“—учитель говоритъ (такой востренькій изъ себя).—Помилуйте,—говорю,—ваше высокоблагородіе! Вѣдь я недѣлю назадъ пріѣхалъ и городъ осмотрѣть даже не успѣлъ: все уроки твердилъ.—„Ну“,—говоритъ,—„посмотрите его недѣльки три-четыре, тогда приходите опять. А сейчасъ слабовато“...

— Не пропустили?—спросилъ я, когда разсказчикъ снова сдѣлалъ паузу.

— Нѣтъ...—уныло проговорилъ онъ:—а что имъ стоило? И на что мнѣ эти центры и епотенузы?..

— Разумѣется.

Онъ помолчалъ съ минуту, погрузившись въ грустное раздумье, потомъ продолжалъ:

— Опять пошелъ къ наказному.—Ваше сіятельство! У меня жена и дѣти. Я не хотѣлъ въ Думу, вы послали.—„Ну хорошо,“—говоритъ,—„я васъ зачислю пока. А потомъ вы все-таки подготовьтесь и выдержите экзаменъ“. Обрадовался я. 87 рублей жалованья... городъ... дѣтей учить можно... Поѣхалъ домой. Спѣшу, все продаю; какая вещь стоила 50 рублей, продаю за 25. Однимъ словомъ, все распродалъ. Однако, самъ продаю, а у самого сердце что-то болитъ. Думаю: подведутъ они меня. Жена говоритъ: „Дай для вѣрности телеграмму“. Даю телеграмму: „за мной-ли мѣсто?“ Отвѣчаютъ: „за вами“. Распродалъ я все, пріѣзжаю съ семьей въ Черкасскъ, являюсь въ канцелярію. Мнѣ говорятъ:—„у насъ и ваканціи такой нѣтъ, на какую вы пріѣхали“.—Какъ нѣтъ? Мнѣ его сіятельство...—„Не знаемъ. Ходите къ его сіятельству“. Пошелъ къ наказному. Докладываю: ваше сіятельство! вы меня окончательно разорили! Былъ я человѣкъ, а теперь сталъ пролетарій, и больше ничего. Что мнѣ остается дѣлать? У меня четверо дѣтей, мать-старушка, жена...—„Какъ же это такъ вышло? Гм... жаль, жаль... Ну погодите: можетъ быть, найдемъ что-нибудь подходящее“. Послалъ за полиціймейстеромъ, нѣтъ-ли у

него ваканціи? — „Есть“, — говоритъ,—„ваканція старшаго городового въ третьей части. Жалованья 25 рублей“.—„Не желаете ли?“—наказной мнѣ говоритъ. Я докладываю:—ваше сіятельство! Гдѣ же мнѣ въ городѣ съ семьей прожить на 25 рублей?—„Я вамъ своихъ 25 буду приплачивать“.—Покорнѣйше благодарю, ваше сіятельство!—Куда же дѣнешься? Сталъ старшимъ городовымъ. Но тутъ вскорѣ, дней черезъ пятокъ, сюда назначили. Здѣшняго помощника уволили, яко бы по болѣзни, а онъ и не думалъ болѣть. За недостаточное усердіе при усмиреніи бунтовъ въ Михайловкѣ... А меня, вотъ, прислали.

— Что же, довольны?—спросилъ я.

— Да кормлюсь съ семьей. Пятьдесятъ цѣлковыхъ въ мѣсяцъ.

— А населеніе здѣсь какъ къ вамъ относится?

— Ничего. Пока не обижаютъ. Получилъ, вотъ, штуку одну... портретикъ...

Онъ опять запустилъ руку въ карманъ и извлекъ прежнюю кипу бумажекъ. Въ ней онъ быстро разыскалъ сѣрый разорванный конвертъ. Въ конвертѣ былъ вложенъ листокъ съ каррикатурой, изображавшей моего собесѣдника въ полицейской формѣ. Каррикатура была, правду сказать, довольно удачная. Онъ дѣлалъ стойку передъ начальствомъ,—одна рука по швамъ, другая съ фуражкой на молитву. На груди—полицейская медаль. На оборотной сторонѣ написано было: „дураковъ малюютъ, подлецовъ бьютъ! помни государственную Думу! ходи да оглядывайся!“

Я сочувственно вздохнулъ, разсматривая карикатуру, и покачалъ головой въ знакъ неодобренія дѣйствіямъ, явно клонящимся къ тому, чтобы уронить авторитетъ свыше поставленной власти.

— И еще подписано: „Отдай“. Хочетъ показать, что я взятки, что-ль, беру?—тыкая пальцемъ въ то мѣсто, гдѣ стояла размашистая подпись художника, сказалъ укоризненнымъ и обиженнымъ тономъ мой старый сотоварищъ.

Я всмотрѣлся въ подпись. Значилось: Quidam. Но для человѣка, незнакомаго съ латинской абецедой, могло показаться и „Отдай“...

— Нѣтъ, это не „отдай“, это—quidam,—успокоилъ я моего собесѣдника:—латинское слово. Значитъ: нѣкто. Художникъ, изображавшій эту каррикатуру, такъ подписался.

— Чего же я у него взялъ?.

— Онъ ничего и не требуетъ. Quidam—нѣкто. Псевдонимъ художника.

— Какъ вы сказали?

— Псевдонимъ. Вымышленная фамилія.

— Вымышленная? Гмм... жаль! А за такія дѣла да если бы подъ свой фамиліей, я бы ему ребра посчиталъ!..

Тутъ бесѣда наша оборвалась: было открыто засѣданіе суда. Мой собесѣдникъ торопливо, на ципочкахъ, перебѣжалъ на другую сторону и сѣлъ рядомъ съ своимъ начальникомъ. Я остался на скамьѣ подсудимыхъ.

Ѳ. Крюковъ.

По роднымъ мѣстамъ.

(Изъ наблюденій бывшаго депутата).

Дума разогнана. Бюрократія приготовилась со всей «полнотой власти» встрѣтить могущія быть послѣдствія. Многочисленные баталіоны «сѣрыхъ гражданъ» съ невинно-добродушной простотой заняли боевыя позиціи противъ «внутренняго врага». Тысячи «филеровъ», «шпиковъ» и другого вида агентовъ охраннаго отдѣленія почувствовали на своей улицѣ масляницу. Эта саранча гордо разгуливала среди боязливыхъ и озлобленныхъ «гражданъ» съ нескрываемымъ намѣреніемъ придраться къ нимъ и предать административному задержанію. Въ церквахъ курился благодарственный ѳиміамъ и радостный малиновый перезвонъ струился съ высоты величественныхъ колоколенъ. Черносотенцы лобзали другъ друга, какъ въ день воскресенія Христова. Государственная Дума разогнана! Гулъ пиршества носился надъ мѣстами чиновнаго отдохновенія.

Надъ головой русскаго народа нависла густая туча тревогъ и сомнѣній. Замерло правдивое печатное слово. По всей газетной «брани» летало только окрыленное ненавистью къ свободѣ «Новое Время» и, какъ воронъ-стервятникъ, наводило своимъ карканьемъ тоску и унынье. Чуялось что-то невѣдомое, страшное своей неизвѣстностью. Тяжело! А между тѣмъ надо было поѣхать на родину исполнять «преступный» долгъ депутата: отдавать отчетъ своимъ избирателямъ... Можетъ быть, даже отвѣтить на вопросы сомнѣній, роящихся въ пылкихъ головахъ молодого непосредственно мыслящаго крестьянства.

Уѣхать изъ Петербурга было не совсѣмъ просто. «Табу» съ насъ, депутатовъ, было снято. Нѣкоторые изъ трудовиковъ уже сидѣли подъ арестомъ. По аналогіи надо было такой же участи ждать и мнѣ.

Признаки были: депутатъ К., ѣхавшій въ компаніи сотоварищей по Думѣ изъ-за границы, передалъ такой разговоръ съ однимъ изъ всевластныхъ народныхъ опекуновъ:

— Ахъ! Вы члены Думы,—воскликнулъ чиновникъ, заглядывая

въ предъявленные для осмотра паспорта,—одного изъ васъ приказано задержать.

— Кого?

Чиновникъ назвалъ мою фамилію.

Узнавъ, что меня нѣтъ на лицо, онъ, по обычаю всѣхъ русскихъ чиновниковъ, слиберальничалъ.

— Знаете ли... Это очень хорошо, что его нѣтъ... а то вѣдь, какъ хотите, непріятная вещь... все таки вѣдь народный избранникъ... Хе-хе-хе... изъ числа «лучшихъ людей»... Предупредить бы, пусть лучше здѣсь не ѣздитъ.

Мои петербургскіе друзья взвѣсили всѣ эти обстоятельства и проводили меня съ большими предосторожностями.

Въ видахъ конспираціи для меня былъ взятъ билетъ второго класса въ курьерскомъ поѣздѣ; вещи мои были внесены заранѣе, и мнѣ оставалось только прошмыгнуть не замѣченнымъ.

Перронъ блисталъ ослѣпительно яркимъ голубымъ свѣтомъ электрическихъ фонарей. Передъ окнами вагоновъ суетилась обычная толпа провожатыхъ, пассажировъ, сновали взадъ и впередъ озабоченные носильщики, важно расхаживала кондукторская бригада. Вдали красовались двѣ-три монументальныхъ фигуры великолѣпно вооруженныхъ жандармовъ. Не напрасны ли страхи? Картина слишкомъ обычная.

Но мои провожатые настойчиво прятали меня въ тѣнь и не зря. Вонъ прожелькнуло «гороховое пальто» сыщика. Вотъ мѣрнымъ шагомъ празднаго человѣка проходитъ изящная дама и испытующимъ взоромъ оглядываетъ публику. Очевидно, она исполняетъ служебныя обязанности. Женскій трудъ въ Россіи получилъ широкое примѣненіе. Ниглѣ, кажется, нѣтъ женщинъ-шпіоновъ, а у насъ онѣ имѣются.

Станціонный колоколъ звякнулъ два раза и замеръ. По нашему вагону прошелся, не торопясь, еще одинъ подозрительный господинъ. Онъ былъ въ котелкѣ, съ пышными черными усами, въ красномъ галстухѣ съ фальшивымъ брилліантомъ. Этотъ, несомнѣнно, зналъ меня въ лицо, такъ какъ я часто встрѣчалъ его въ кулуарахъ Государственной Думы. Тамъ онъ бывалъ въ рыжихъ усахъ, такой же холеный, пахально-красивый. Мои провожатые дали ему осмотрѣть себя очень тщательно; я оставался въ тѣни.

О, участь русскаго депутата!

Въ колоколъ ударили три раза. Гдѣ-то прозвучалъ свистокъ кондуктора: въ отвѣтъ гукнулъ удвоеннымъ ревомъ паровозъ, и поѣздъ тронулся. Мимо поплылъ освѣщенный вокзалъ; народъ, жандармы, шпіоны, носильщики и демонстративно-красный начальникъ станціи—всѣ остались дѣлить унынie столичныхъ настроеній, а мы съ быстротой вѣтра помчались къ сердцу Россіи. Нелюдимо, но уютно и покойно въ поѣздѣ, приспособленномъ для быстрой ѣзды сытыхъ людей. Не тряско, просторно, мягко... Хочется спать.

И спится при полной увѣренности, что не будутъ васъ расталкивать подъ бока назойливые контролеры, чтобы провѣрить вашу честность. Хорошо.

На утро я былъ разбуженъ необычнымъ шумомъ. Поѣздъ, замедляя ходъ, приближался къ какой-то большой станціи. Было уже около восьми часовъ. Мимо насъ тянулась длинная полоса товарныхъ вагоновъ съ надписями: «40 человѣкъ, 8 лошадей». Въ раздвинутыя пасти вагонныхъ дверей, дѣйствительно, выглядывали тонкія морды породистыхъ лошадей, мелькали красныя фуражки драгунъ. Въ нѣкоторыхъ вагонахъ было особенно шумно. Оттуда неслись взрывы дружнаго молодого хохота и отчаянный визгливый переборъ гармоники.

Барыня, барыня!
Чего тебѣ надобно?

Врѣзался вдругъ въ наше открытое окно рѣзко поющій лихой голосъ и сразу стихъ.

Надобно жениться,
Богу помолиться.

Долетѣлъ уже еле слышный отвѣтный куплетъ и, взамѣнъ этой ухарской безсмысленной пѣсни, ворвались въ вагонъ мягкіе зовущіе звуки церковнаго колокола: былъ одинъ изъ двунадесятыхъ праздниковъ.

Поѣздъ остановился. Въ купе торопливо вошла молодая дѣвушка, смуглая брюнетка, почти ребенокъ, и перегнулась въ окно, за ней вломился носильщикъ съ грудой коробокъ, узловъ, чемодановъ и, наконецъ, плавно, торжественно обрисовался въ проходѣ военный генералъ, высокій, статный старикъ съ краснымъ обвѣтрившимся лицомъ и торчащими щетинистыми усами. Вновь вошедшіе шумно наполнили пустое купе. Откуда-то взялся еще высокій сутуловатый господинъ орлинаго вида въ дворянской фуражкѣ на головѣ.

Онъ на ходу гнусавымъ, раздражающимъ басомъ разсказывалъ генералу какую-то исторію о выборахъ, не то земскихъ, не то дворянскихъ:

— Князь прошелъ двумя шарами изъ двѣнадцати... Гренингъ получилъ пять на право, шестой свой—избранъ относительнымъ... кадетъ провалился, конечно...

— Жиды-ы!.. рѣцанеры-ы!..—взорвался вдругъ въ окно пьяный буйный голосъ.

— А-а-а!—донеслось въ отвѣтъ откуда-то и смолкло: такъ поѣздъ спѣшно терялъ за собой всѣ внѣшніе звуки.

— Фу, какая мелѣность!—проговорила барышня, отстраняясь отъ окна.

— Почему же?—отозвался господинъ въ дворянской фуражкѣ,—гласъ народа—гласъ Божій...

— Да это-жъ пьяный какой-то... Онъ говоритъ, въ Государственной Думѣ евреи... — заговорила было дѣвушка, какъ бы защищаясь и не отводя блестящихъ черныхъ глазъ съ генерала.

— Во-первыхъ, не евреи, а жиды,—не унимался дворянинъ орлинаго вида,—а во-вторыхъ, онъ правъ: Дума кишѣла жидами. Они,—извините, я буду называть вещи ихъ именами,—они всѣ д одного революціонеры... Это—нѣчто ужасное! Помните, ваше превосходительство, этотъ... какъ его? Тарелкинъ? Ватрушкинъ?..

Генералъ упорно молчалъ.

— Аладьинъ! — перебила весело дѣвушка, — какой же онъ еврей?

— Всѣ они жиды... анархисты!—разгорячился дворянинъ,—и другой тоже (онъ назвалъ меня)... Они противники завѣтъ въ Христа!.. Ихъ цѣлая шайка. Послушайте, что эти *товарищи* проповѣдуютъ!..—Онъ съ злобнымъ, брезгливымъ ударениемъ произнесъ слово «товарищи», какъ будто въ этомъ словѣ крылось что-то въ высшей степени преступное и дикое.

— Имъ угодно, во-первыхъ, отобрать всѣ дворянскія вотчины. Они даже и словечко жидовское для этого придумали—экспропрі-а-ція!... Мило? Не правда ли?

— Во-вторыхъ?—обронилъ генералъ сквозь усы.

— Во-вторыхъ-съ?—почти взвизгнулъ дворянинъ,—во-вторыхъ, уравненіе сословій... неприкосновенность и прочее такое... Ваше превосходительство изволили отбыть со станціи... Тамъ стоятъ ваши драгуны. Можетъ ли хоть одинъ изъ нихъ подумать о равенствѣ съ вами? Мой родъ три столѣтія при дворѣ служитъ!.. и вдругъ какой-то хамъ Запускинъ: уравненіе!.. Позвольте васъ спросить: во Франціи, въ Англіи и прочихъ передовыхъ государствахъ существуетъ уравненіе?— Дворянинъ смотрѣлъ большими, выкатившимися изъ орбитъ глазами, и въ нихъ было столько злобы и задорной ненависти, словно передъ нимъ сидѣлъ не генералъ, а «трудовикъ» изъ Думы.

— А неприкосновенность? развѣ на Западѣ, въ той же Англіи не вооружена полиція палками? Знаете? есть такія резиновыя палки... Чертовски больно... вѣдь терпятъ же? Подчиняются закону. А у насъ не смѣй пальцемъ тронуть, сейчасъ: неприкосновенность и прочее такое на сцену. Нѣтъ, батенька, въ былыя времена этихъ «товарищей» розгами пороли и не было революціи...

Генералъ уже дремалъ подъ аккомпаниментъ этихъ гнусавыхъ, злобныхъ рѣчей. Дѣвушка, опустивъ длинныя, рѣзко очерченныя темныя рѣсницы, молчала.

Дворянинъ осмотрѣлъ всѣхъ насъ успокоившимся оловяннымъ взглядомъ, поправилъ неструю манишку и вынулъ большой серебряный портсигаръ.

— Можно?—обратился онъ къ дѣвушкѣ уже тономъ свѣтскаго человѣка.

Та кивнула головой.

Дворянинъ видимо принадлежалъ къ разряду людей, не умѣющихъ молчать. Такъ какъ генералъ слегка присвистывалъ носомъ, а дѣвушка была занята чѣмъ-то своимъ, онъ остановилъ свое вниманіе на мнѣ.

— Извините, я васъ спрошу: вы бывали въ этой Думѣ?

— Нѣтъ,—отрѣзалъ я, съ явнымъ желаніемъ отвязаться.

— Я былъ однажды... и скажу вамъ, пережилъ ужасныя минуты. Можете себѣ представить: мужики!.. чуть не въ лаптяхъ, грубіяны...

— Каковъ народъ, такіе и представители!—буркнулъ вдругъ генералъ, не мѣняя своей дремлющей позы.

Дворянина точно кто кольнулъ шиломъ. Онъ быстро ерзнулъ на сидѣньи и повернулъ въ сторону генерала оживленный птичій профиль.

— Да? Неправда-ли, ваше-ство? Вѣдь что придумали, канальи: трудовая гру-уппа!,.

— О Думѣ изволите разговаривать?—послышался мягкій, бархатный голосъ въ дверяхъ.

Плотно остриженная сѣдая голова съ пышной бородой просунулась къ намъ изъ корридора. Румяное, сытое лицо свѣтилось ласковой улыбкой. Массивные золотые очки просто и красиво сидѣли на широкомъ носу русскаго типа.

— Н-да-съ,—отвѣтилъ дворянинъ съ нескрываемымъ задоромъ.

— Любопытно, милостивый сдарь, любопытно... Позвольте представиться: Рубченко, кіевлянинъ... помѣщикъ...

— Очень пріятно!.. счастливъ...

— Вы изволили сказать: трудовая группа. Превосходно! Разрѣшите присѣсть...

Рубченко, приглаженный, холеный, въ изысканномъ сѣромъ костюмѣ, скромно, почти боязливо усѣлся на краешекъ дивана. Проснувшійся генералъ и дворянинъ орлинаго вида съ любопытствомъ ждали, какъ выскажется новый знакомецъ.

— Трудовая группа!—повторилъ вкрадчиво Рубченко,—если такъ, милостивые государи, именуются представители рабочаго класса,—то: да-съ!.. я согласенъ признать!.. Я признаю васъ!— Ораторъ погрозилъ пальцемъ въ пространство.—признаю, ежели вы работаете изо-дня въ день, 12 мѣсяцевъ въ году... работаете съ ранняго утра до глубокой полночи... Но... если здѣсь имѣются въ виду мужики?.. — Рубченко съ насосомъ произнесъ слово мужики и плавнымъ движеніемъ поправилъ очки. Убѣдившись, что слушатели въ его власти, онъ продолжалъ тономъ полной убѣжденности: — Мужики, работающіе въ году по климатическимъ условіямъ лишь пять мѣсяцевъ, да и то урывками, а по свой-

ственному имъ невѣжеству и беззаботности, крайне недобросовѣстно, лѣниво, неумѣло и большую часть года пьянствующіе,— то извините-съ!..

— Позвольте, вы ужъ черезъ край...—не выдержалъ генералъ,—не весь же народъ таковъ...

— Не вѣрите-съ? Извольте вамъ факты: въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи мужики пропиваютъ по одиннадцати рублей на надѣльную десятину.

— Ну, знаете, въ нашихъ мѣстахъ перешибутъ! У насъ по пятнадцати могутъ пропить... съ нѣкоторой гордостью подтвердилъ дворянинъ...

— Теперь коснемся работы,—продолжалъ Рубченко,—у насъ, въ юго-западномъ краѣ платятъ на бурякахъ не 20, не 30 коп., а пять-десятъ!.. шесть-де-сятъ!!. И что же? Работаютъ крайне безсовѣстно: десять человѣкъ дѣлаютъ то, что долженъ былъ сдѣлать одинъ...

— И во всемъ, ваше-ство, виновата Дума!—вмѣшался нетерпѣливо дворянинъ,—эти думскіе товарищи, думскіе жиды!.. Помилуйте! Зачѣмъ мужику работать, когда есть надежда, что думскіе мужики, думскіе жиды заграбятъ даромъ и отдадутъ имъ землю сосѣдняго помѣщика?

Становилось тоскливо и больно слушать рѣчи этихъ сытыхъ, холеныхъ людей. Я посмотрѣлъ на дѣвушку. Она большими, задумчивыми глазами слѣдила за бѣгущими мимо полянами, деревушками и лѣсомъ, тянувшимся почти безпрерывной зеленѣющей лентой. Мѣстами открывался широкій горизонтъ. И тогда, несмотря на праздничный день, тамъ и сямъ мелькали группы крестьянъ, убиравшихъ яровое. Роскошный поѣздъ мчался со страшной быстротой, лишь чуть-чуть замедляя ходъ около станцій. Станціи были полны казаками, драгунами, солдатами. Шумъ, говоръ, пѣсни, лязгъ оружія—все это врывалось на три секунды въ вагонъ и безслѣдно терялось позади, за нами, тамъ, среди россійской равнины, со времени великаго французскаго нашествія не видавшей ужасовъ военнаго положенія.

— Свѣтъ еще не сошелся клиномъ!—звучалъ въ вагонѣ ласковый голосъ Рубченка.—Нигдѣ еще невѣжество мужика не давало тона парламенту. У насъ выдвигались какіе-то соціалистическіе абсурды. Дума наша имѣла въ виду темную массу крестьянства безпечнаго, лѣниваго и пьянаго... Она пропустила моментъ, чтобы отвоевать у правительства политическія права, и тѣмъ вооружила противъ себя реальную силу: все интеллигентное, имущее... Никогда еще въ исторіи невѣжество не брало верхъ надъ знаніемъ и матеріальной силой... Не будетъ этого и въ Россіи... Мужика нужно учить обрабатывать свой клокъ земли, а не предоставлять ему устроительство русской земли. Онъ по глупости и невѣжеству только будетъ кричать: «дай мнѣ всю землю!» Ошибка пра-

вительства въ томъ, что оно слишкомъ 45 лѣтъ мирволило мужику... это политика слѣпцовъ!..

Вдругъ генералъ выпрямился, всталъ и, сверкая глазами, заявилъ:

— Пардонъ! Я долго васъ слушалъ, но порицать правительство?.. Прошу васъ замолчать!.. Я честный человѣкъ...

Рубченко растеряннымъ, заячьимъ взглядомъ посмотрѣлъ поверхъ очковъ на генерала и съежился.

Мы всѣ насторожились. Что-то напряженное, неожиданно-грозное, смутно непріятное повисло въ воздухѣ. Чудилось, что этотъ человѣкъ въ сѣрой одеждѣ съ красными отворотами не даромъ раздуваетъ широкія ноздри жесткаго носа: онъ можетъ убить, изуродовать... сдѣлать что угодно. И онъ зналъ это, поэтому былъ страшенъ.

Въ эту минуту гдѣ-то близко впереди ударили въ стальной колоколъ. Острый звукъ металла прорѣзалъ пространство и холодной струйкой пронесся по вагону. Дѣвушка вздрогнула и что-то уронила.

Въ вагонѣ потемнѣло, поѣздъ, замедливъ ходъ, вошелъ подъ крышу перрона. Насъ встрѣтилъ шумъ голосовъ и шорохъ движенія.

— Станція Москва!..

Генералъ круто по военному повернулся къ намъ спиной.

— Это—власть,—подумалъ я невольно, собирая вещи, передъ выходомъ изъ вагона.—Какъ она рѣшительна, вспыльчива, малоразсудительна и опасна. Подальше отсюда, подальше!..

II.

— Вы по какой части изволили быть въ Москвѣ?.. Господинъ! а, господинъ!..

— Вы меня?

— Точно такъ-съ... по торговой?

— Мм...да, по торговой,—отвѣчалъ я, врасплохъ захваченный вопросомъ.

— Та-акъ-съ... Мясники будете?

— Н-нѣтъ... а впрочемъ, слегка касательство имѣю и къ мясу...—заявилъ я, преодолѣвъ смущеніе и подлаживаясь къ тону вопроса.

— Такъ... такъ-такъ... Стало быть, гуртами промышляете... та-акъ-съ...

— А вы?

— Мы подрядчики. По каменной кладкѣ... беремъ и отдѣлку... гдѣ какъ... М-да... А вы, извините, не изъ Кирсанова?

— А что?—отозвался я недоумѣвающе.

— Да оно такъ... къ слову... Кумъ у меня тамъ мясомъ тор-

гусь: Николай Капитонычъ. Три брата ихъ: Николай Капитонычъ, Иванъ Капитонычъ, Илья Капитонычъ.

— Нѣтъ, не знаю такихъ.

— Хорошіе люди... самостоятельные!

— Не знаю.

— Какъ же!.. извѣстная фирма... капитальные люди!..

Разговоръ шелъ въ тѣсно набитомъ вагонѣ третьяго класса. Мой собесѣдникъ, рыжій, крупный мужчина, сытаго вида, сидѣлъ, обложенный грудой багажа. Широкое скуластое лицо его, съ рѣдкой рыжей растительностью, было покрыто пятнами густыхъ веснушекъ. Сѣрые, бѣгающіе глаза, заплывшіе, но зоркіе и внимательные—типичные для деревенскаго кулака или уѣзднаго прасола. Голосъ у него былъ подходящій къ фигурѣ: грубоватый, съ повелительными нотками.

Рядомъ ютились двѣ женщины запуганнаго вида, молодой человѣкъ, постоянно кашлявшій, а въ углу полулежалъ на вышитой подушкѣ благообразный старикъ въ простой поддевкѣ и картузѣ, но видимо привыкшій къ комфорту.

Кругомъ шла суета. Пассажиры, не успѣвшіе занять мѣстъ, толкались, шумѣли, кряхтя, тащили тяжелые узлы и корзины, негодовали на порядки, ругали начальство... Словомъ, вели себя, какъ заправскіе революціонеры. Не стоило кому-нибудь изъ нихъ найти хоть скромное убѣжище, и сейчасъ же онъ превращался въ самаго яраго охранителя вагоннаго порядка. Онъ старался больше ревновать свои вещи и, какъ нервная наѣздка, кричалъ направо и налѣво: «Занято! занято!»...

Поѣздъ тронулся.

Замелькали тамъ и сямъ корявыя руки, творя крестное знаменіе. Послышались два-три тяжелыхъ вздоха, и въ теченіе нѣкотораго времени въ безмолвствующемъ вагонѣ слышенъ былъ только тяжелый грохотъ поѣздныхъ колесъ.

— Газеты! сегодня газеты!.. свѣжія новости.

— Эй, малый!—позвалъ газетчика подрядчикъ.

Газетчикъ подскочилъ.

— Ну-ка, покажь: что тамъ у тебя.

Онъ тщательно перебралъ всю пачку и безнадежно отмахнулся пухлой, веснушчатой рукой.

— Уходи съ Богомъ!..

— Купите, господинъ!.. вотъ «Телефонъ»... «Новое Время»...

— Проваливай!.. уходи...

Господи, вотъ наказанье,—взмолился парень,—хоть брось торговать!.. гривенникъ выручилъ...

— И брось!.. не торгуй такимъ срамнымъ товаромъ, не бери грѣха на душу... вишь, на сердцѣ у всѣхъ тошно!.. На вотъ пятакъ серебра, прими Христа ради... уходи!..

Газетчикъ нехотя взялъ изъ тяжелой руки подрядчика пятакъ

и хмурый пошелъ прочь. Мы не слышали больше его выкриковъ.

Я съ интересомъ смотрѣлъ на подрядчика. Повидимому, это былъ новый нарождающійся типъ русскаго либерала. Государственная Дума не мало ихъ вытолкнула на вольный свѣтъ. Можетъ быть, этотъ человѣкъ недавно еще, засучивъ рукава, чистилъ направо и налѣво здоровымъ кулачищемъ «забастовщиковъ» и «студенцовъ». Теперь онъ упивался своей новой вѣрой и былъ болтливъ, какъ всякій въ его положеніи.

— Вотъ до чего дошедши рассейская нація... правда запрещена... а?..—обратился онъ тономъ митинговаго оратора ко всему вагону,—бывало, Дума была... взявши газету — сердце радуется!.. все прописанное, объясненное, разжеванное... и сколько, къ примѣру, они крадутъ казны, то есть бюрократы, наши мучители... и все прочее... Теперича-жъ—одна прокламація!.. жульничество одно!.. Тошно душѣ, когда на листъ этотъ черносотенный взглянувши... тьфу!..

— Ты что рацеи разводишь... а?..

Съ верхней полки изъ-подъ самаго потолка свѣсилась худощавая бѣлокурая голова.

— Это ты?

— Я!

— Ну-ка, слазь! Иди къ намъ въ канпанью!—Подрядчикъ обнаружилъ признаки нѣкотораго удовольствія.

— Приказчикъ азеевскій.—пояснилъ онъ намъ про голову.—До-ока!. Этотъ удиви-итъ!..

Приказчикъ слѣзъ и, отряхнувшись, подсѣлъ къ намъ. Онъ [illegible] говорилъ громкимъ, кричащимъ теноркомъ на о.

— Ну, какъ? - открылъ подрядчикъ дискуссію.

— Слава Богу!..

— За что Думу разогнали?

— Надо было, за то и разогнали.

— Нѣтъ, ты въ сурьезъ.

— Я въ сурьезъ и есть. Ну, какъ же ее не разогнать, коли она всѣхъ таракановъ растревожила: кого на морозъ хотѣла выкинуть, кого въ Сибирь капусту садить.. хе-хе-хе... чать тоже обидно имъ... первый разъ въ жизни свое настоящее прозванье услыхали:—па-ла-чи!!!

— Нѣтъ, круто повернумши, начала она дѣла дѣлать,—перебилъ подрядчикъ размышляющимъ голосомъ, и въ глазахъ его пробѣжала искра серьезнаго раздумья.

— По твоему какъ надо?—насмѣшливо оозвался приказчикъ.

— Не такъ... не сразу строго...

— Ты бы какъ, напримѣръ?

— Я бы перво на перво ограничилъ... Нѣтъ, ты постой... ограничилъ бы я ихъ такъ: всѣмъ по равному голосу!.

Приказчикъ смѣялся.

— Да ты что смѣхомъ-то берешь?—воодушевился подрядчикъ.— Конечно, надо поровнять! Ты одинъ голосъ, я одинъ голосъ... Ты, къ примѣру, генералъ, онъ полковникъ, я мужикъ— всѣмъ равный голосъ...

— А тогда что?—продолжалъ скептически смѣяться приказчикъ.

— А!.. тогда мы ихъ сократи-имъ, вотъ они тогда гдѣ у насъ будутъ!..

Подрядчикомъ овладѣвалъ азартъ. Онъ говорилъ уже быстро и, когда замѣчалъ несогласіе съ собой, торопился перебить возраженія, отмахивался отъ собесѣдника, чуть не закрывая ему ротъ широкими ладонями мощныхъ рукъ, хлопалъ себя и сосѣдей по колѣнямъ, грозился въ пространство и жестикулировалъ, какъ страстный ораторъ.

— Ты кто? министеръ?.. Очень хорошо. Сколько жалованья получаешь? «Столько-то: двадцать шесть тыщъ». Ага!.. положить ему три тыщи!

Онъ протянулъ руку съ видомъ человѣка, дающаго министру три тысячи.

— Не хочешь? Другой найдется!.. Ря-ядомъ вѣдь сидѣть-то будемъ... вотъ што...

— Не дадутъ...

— Оставь толковать!.. дадутъ!.. нельзя имъ: тады Рассея распадется... по кусочкамъ растащутъ...

— Кто растащитъ? — спросилъ слѣдившій за разговоромъ старикъ въ поддевкѣ.

— Прочія державы!.. Вотъ кто!... За долги-и, за банкрутъ почтутъ... Потому послѣдній конецъ приходитъ... Налоги къ примѣру: ты кто? Азіевъ. Имѣешь три фабрики—плати три тыщи!.. Бѣдный человѣкъ—гривенникъ плати!.. А кабаки не моги разводить... А то, не да-ду-утъ!.. Полно!.. Мы имъ дохнуть не дади-имъ!..

— Ты все зря, потому что...—началъ было приказчикъ.

— Зря-я? Нѣ-ѣтъ, оставь! Не говори!.. мы ихъ съ землей тоже свяжемъ... всю отберемъ... Мы свя-яжемъ! а ты не толкуй!..

Онъ дѣлалъ щитъ изъ волосатой полной руки, заставляя не толковать собесѣдника.

— А то!.. Это все одна прокламація... затяжка...

Завязался страшно безпорядочный споръ. Понемногу въ него втянулся и старикъ въ поддевкѣ, и нѣсколько человѣкъ мужиковъ, подвалившихъ изъ сосѣднихъ отдѣленій, и даже кашлявшій молодой человѣкъ.

Спорили о Думѣ, упоминали имена депутатовъ, министровъ и людей, рѣшительно никому не извѣстныхъ и для чего-то при-

плетенныхъ къ разговору. Въ поясненіе своихъ мыслей собесѣдники приводили примѣры, совершенно не относящіеся къ предмету спора. Трудно было даже выяснить, къ какому политическому лагерю принадлежитъ каждый изъ спорщиковъ. Такъ, напримѣръ, приказчикъ, къ которому наиболѣе склонялись общія симпатіи, былъ человѣкъ съ направленіемъ несомнѣнно «эсерскимъ». Онъ опредѣленно высказался за необходимость отобрать безплатно всю помѣщичью землю для всенароднаго пользованія, оправдывалъ тѣ тактическіе шаги трудовой группы, которые вели къ несомнѣнному конфликту съ правительствомъ, восторгался даже соціализмомъ... Но почему-то онъ же ругалъ науку и увѣрялъ, что она ни къ чему. Подрядчикъ, фигура наиболѣе яркая и типичная, былъ положительно хаотиченъ: онъ защищалъ умѣренную тактику и самые фантастичные планы реформъ, свойственные развѣ только «максималистамъ». Благообразный старикъ въ поддевкѣ былъ несомнѣнный черносотенецъ: онъ ругалъ Думу, проклиналъ революціонеровъ, но почему-то доказывалъ, что всѣ попы либо жиды, либо поляки...

— Найди ты мнѣ хоть одного русскаго попа!—возмущался онъ, хватая меня за фалду,—ихъ пѣтъ! Яцинскій... Флеровскій!.. овскій!.. скій!.. Рази хоть одинъ русскій такъ прозывается?

Споръ нашего отдѣленія видимо заразилъ и сосѣдей. Тамъ и сямъ слышались возгласы:

— Ихъ ба не такъ ща швардарахнуть изъ Думы-те!.. да!.. не въ отставку, а въ шею!..

— Знамъ мы васъ!. Знамъ!.. — неслось съ другой стороны.— «Зе-емлю всемународную собственность»... Къ чему это? што на душамъ раздѣлить? Э-э!.. мы-ста будемъ тоды чиновники!.. будемъ завѣдывать ей матушкой!.. мы учены—аграмены... черезъ васъ, ученыхъ подлецовъ, и Портартуръ потеряли... да!..

— Нѣ-ѣтъ-съ!.. вы должны выслушать!..

Мнѣ нечего слушать... всѣ вы на одну колодку.. наслушался я васъ!.. не впервой

Получалось такое впечатлѣніе, что всѣ сразу вдругъ поглупѣли или сошли съ ума, при чемъ пунктъ помѣшательства у всѣхъ одинъ: манія величія. Всѣ считали себя умнѣе и выше другихъ и слушали только самихъ себя.

— А что, часто у васъ такіе споры бываютъ? — спросилъ я кондуктора, выходя на площадку.

— Въ каждомъ поѣздѣ такъ... да это еще што?.. вы бы поглядѣли, что тутъ было, когда Дума собирамши засѣдала!.. и-и!.. страсть!.. до драки сколько разъ доходило!.. И вотъ семнадцатый годъ ѣзжу, а такого не видывалъ. Бывало, либо въ карты хлыщутся, либо дрыхнутъ... Нонче!.. прямо-ну!.. Дума всѣхъ повихнула...

III.

Къ утру я долженъ былъ прибыть въ родную губернію. Вагонъ спалъ, полуосвѣщенный догравшимъ огаркомъ. Народъ лежалъ на лавкахъ, на полкахъ, вповалку на грязномъ полу. Я спалъ дремотнымъ полусномъ уставшаго въ долгой дорогѣ человѣка.

— А-а!.. а-а!!. ого-го-го-го-о!!.—раскатилось вдругъ нѣсколько сильныхъ голосовъ. Поѣздъ, быстро громыхавшій по стыкамъ, вдругъ осадилъ и, наградивъ насъ здоровымъ толчкомъ, остановился. Всѣ встревожились.

Я быстро спустилъ окно и высунулся наружу. Свѣтало. Горизонтъ золотился длинной блестящей каймой. По широкому полю бѣжали предразсвѣтныя сумерки.

Поѣздъ стоялъ среди поля. Кругомъ пустота, ни станціи, ни будки. Голоса продолжали кричать, и нельзя было понять, что случилось.

Сзади надъ моей спиной взгромоздилась цѣлая куча головъ. Люди спросонья щурили заспанные глаза, ежились отъ свѣжаго воздуха и недоумѣвали. Вдругъ изъ подъ вагона мелькнула фигура и бросилась въ степь. За ней—другая, третья.

— Эй! Что тамъ такое? Что случилось?

Фигуры бѣжали вразсыпную. За ними мчалась погоня. Кое-кто выбѣжалъ изъ вагона посмотрѣть.

— Что тамъ? Эй вы!.. Что встали?

— Свинью, что-ль, переѣхали,—догадывался кто-то.

— Каку свинью?—вишь воровъ ловятъ.

— Ой! Это воры побѣжали?..

— Гайда, ребята! лови воровъ! бей!!.

— Бѣги, коли жисть тѣ не мила!.. Онъ ударитъ!..

Смыслъ тревоги понемногу сталъ выясняться.

Дѣйствительно, было сдѣлано нападеніе на почтовый вагонъ, но, видно, неудачно. Поѣздная прислуга и казачья охрана погнались за разбойниками.

Погоня уже возвращалась назадъ, когда неизвѣстно откуда взявшійся человѣкъ, какъ вѣтеръ, помчался вдоль полотна. Онъ былъ въ короткомъ казинетовомъ пиджакѣ, босой, безъ шапки. Это былъ совсѣмъ молодой парень, крѣпкій и быстрый, какъ лань...

— Эй! эй!.. вотъ онъ!.. лови! держи-и!..

Нѣсколько человѣкъ бросились парню наперерѣзъ.

— А-а-ахъ!.. уйдетъ!

— Гдѣ—тамъ!

— Уйдетъ. Лови, лови шустрѣй!

— Не поддавайся, паря! наддай!..

Парень, дѣйствительно, не хотѣлъ поддаться. Онъ круто повернулъ въ сторону и сшибъ съ ногъ бѣжавшаго ему наперерѣзъ человѣка.

— Ахъ, въ ротъ тѣ зарѣзать!.. ушелъ...

— Не уйде-етъ!.. врешь...

— У-уте-екъ!.. слава тебѣ Господи...

Пассажиры толпами стекли у окна, на площадкахъ, на ложкѣ. Всѣ съ замираніемъ сердца слѣдили за этой бѣшеной гонкой. Съ каждымъ скачкомъ парень все больше и больше захватывалъ симпатіи наблюдателей. Духъ всякой морали терялся при видѣ этого необычнаго зрѣлища. Въ каждомъ проснулся спортсменъ.

— Тррахъ! —раздался неожиданно сухой протяжный ударъ ружейнаго выстрѣла и разсѣялся бѣлымъ туманомъ по откосу дороги.

— Брахъ! брахъ! брахъ! — посыпались въ отвѣтъ другіе выстрѣлы пачками, и парень вдругъ остановился. Безпомощно сдѣлалъ онъ полуоборотъ и тихо, тихо опустился на землю.

— А-а-а! влопался!..

— Слава Богу, сцапали.

Погоня подбѣжала къ лежащему на землѣ парню, постояла минуту въ недоумѣніи и принялась его поднимать.

— О-ой-ой!..—пронеслось оттуда болѣзненнымъ стономъ.

— Э-э! вонъ оно... подшибли... Стони, братецъ, стони.

— Ловко онъ яво!.. угада-алъ!

— Не воруй!

Два казака втащили раненаго въ вагонъ. Онъ видимо былъ въ безсознательномъ состояніи, такъ какъ не кричалъ и не стоналъ, когда его грубо волокли по землѣ и по площадкѣ вагона.

— Дайте мѣсто! — кричалъ кондукторъ, освѣщавшій дорогу разноцвѣтнымъ фонаремъ.

— Куда его?

— Клади на полу, что тамъ?..

— Ну чтой-то вы!.. всетаки, какъ ни на есть, хворый,—вступались бабы, окружавшія процессію.

— Клади!..

Кондукторъ вертѣлъ надъ толпой своимъ фонаремъ, окрашивая ее въ разные тона: то багрово-красный, то зеленый, то грязно-золотистый. Любопытство, жалость, сострадані выражали лица пассажировъ. Всѣхъ точно пришибъ видъ этого молча лежащаго молодого тѣла, сильнаго, окровавленнаго и разнодушно-больного.

— Плечо перешибло,—сказалъ холодный мужской голосъ.

— О-о!.. Господи-и!—вздохнулъ кто-то.

Двѣ-три бабы перекрестились.

— Чать тоже мать есть...

Я протискался взглянуть на раненаго парня. Лицо его мнѣ

показалось знакомымъ. Я гдѣ то видѣлъ эти закругленныя выдающіяся скулы, пухлый носъ, высокій выпуклый лобъ и свѣтлые вьющіеся волосы, точно сейчасъ только завитые у моднаго парикмахера. Да, я его видѣлъ когда-то. Подъ толстыми закрытыми вѣками должны быть живые сѣрые глаза, дышащіе энергіей и младенческой чистотой.

Поѣздъ давно уже опять громыхалъ по плохо скрѣпленнымъ рельсамъ. Около парня поставили часового, который отогналъ любопытныхъ. Парень временами приходилъ въ себя, и тогда можно было слышать сдержанные стоны страдающаго сильнаго человѣка. Въ вагонѣ шелъ оживленный разговоръ на тему только что пережитаго событія.

Я припомнилъ, наконецъ, свое знакомство съ раненымъ. Дѣло было прошлымъ лѣтомъ. Наша губернія не была еще объята кошмаромъ аграрныхъ волненій. Въ крестьянствѣ зарождалось тогда движеніе, скрытое, мало кому извѣстное, но, несомнѣнно, идейное. Не будь жестокихъ преслѣдованій со стороны властей,— оно, вѣроятно, вылилось бы въ другія формы. Одинъ мой пріятель имѣлъ большой кругъ знакомства среди деревенскихъ «студентовъ», какъ крестьяне называли нарождающуюся среди нихъ интеллигенцію, и пригласилъ меня побывать на деревенскомъ митингѣ.

Мы сидѣли въ глубокой степной балкѣ на обломкахъ живописно обсыпавшейся породы желтаго сухого лёса. Подъ нашими ногами шуршалъ изумрудный коверъ пырея, испещреннаго, какъ мушкой, головками бѣлаго клевера. По откосу оврага тамъ и сямъ золотились колосья «царскаго скипетра» и мотыльки колючаго дрока. Сверху широкой извилистой полосой тянулось бѣлесовато синее небо, пресыщенное лѣтнимъ зноемъ. Было жарко и душно, а мы вели большой серьезный разговоръ. Человѣкъ двадцать парней, два-три бородача и неизмѣнный другъ молодежи старикъ Арефій—сидѣли плотнымъ кольцомъ вокругъ насъ и слушали, затаивъ дыханіе. Пріятель говорилъ имъ о свободной жизни, о гражданскихъ правахъ народа, о доблестныхъ дняхъ великой французской революціи. Они то хоромъ, то въ одиночку жаловались на свои бѣды: ихъ обиралъ помѣщикъ, притѣснялъ земскій начальникъ, избивалъ становой, темными путями обходило духовенство. Они, начинавшіе сознавать всю горечь своего рабскаго состоянія, были больше всего угнетены и обезкуражены тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ихъ средѣ мало сознательныхъ, что масса народная еще темна, легко поддается обману и готова, какъ лютый звѣрь, броситься на истинныхъ друзей народа. И мы общими силами придумывали различные способы увеличить ряды сознательныхъ крестьянъ, строили планы организаціи, уговаривались, какія книжки читать народу и какъ ихъ толковать. Крылатая идея соціализма носилась въ нашемъ тѣсномъ кружкѣ, одухотворяла насъ, окрыляла, вливала въ наши сердца горячую вѣру въ успѣхъ большого

дѣла. И вотъ тогда я видѣлъ этого парня. Онъ съ кротостью молодой овечки смотрѣлъ въ ротъ оратору, жадно глоталъ слова и тихо-тихо шевелилъ пышными атласными кудрями.

Послѣ этого своеобразнаго митинга кудрявый парень вызвался проводить насъ на станцію. Мы шли глухими межниками по засохшимъ колеямъ среди безбрежнаго моря хлѣбовъ и вели оживленный разговоръ.

Въ пылу разсказа о мѣстныхъ событіяхъ парень сообщилъ намъ, какъ онъ поджигалъ гумно помѣщика. Помѣщикъ повысилъ арендную цѣну за землю. Старики ходили на барскій дворъ всѣмъ міромъ просить отмѣны этого повышенія. Стоялъ весь сходъ передъ барскимъ крыльцомъ на колѣняхъ, умолялъ, просилъ — ничто не помогало: баринъ остался при своемъ. Тогда парни, сговорившись, послали барину подметное письмо съ угрозой—поджечь, если не уступитъ. Баринъ отдалъ письмо становому. И парни темною ночью подожгли гумно.

— И я! боялся я какъ... страсть!—говорилъ онъ бодрымъ теноромъ, — и на совѣсти что-то грызло, и такъ было смутно на душѣ... Мамка все вспоминалась. Думалъ: плакать будетъ, какъ попадусь. Опосля того какъ запылало! Свѣтло... Мы побѣжали... Я и думаю: Господи! сколько хлѣба погоритъ!.. тыщу человѣкъ прокормить можно-бы.. а оно въ одинъ махъ.. зола одна осталась.

Мы принялись доказывать парню пагубность и безцѣльность поджоговъ. Мы говорили, что только массовыя выступленія даютъ побѣду, что въ пожарахъ пропадаетъ масса богатствъ, накопленныхъ трудомъ рабочаго народа, что крестьяне должны были вести борьбу съ помѣщикомъ путемъ бойкота и забастовки.

Парень выслушалъ все это внимательно и виноватымъ, тихимъ голосомъ признался намъ:

— А я думалъ, что ежели всѣмъ міромъ выступать, онъ всѣхъ скрутитъ... дакъ пускай, ежели попадаться—мнѣ одному! По крайности, одинъ человѣкъ пропадетъ—всѣмъ жисть полегчаетъ... То-то вѣдь одна мы... вотъ около насъ образованнаго человѣка... Мы что!..

Это было въ прошломъ году. Какія побужденія заставили его теперь идти на столь опасное дѣло, какъ ограбленіе почтоваго вагона? Вѣроятно, военно-полевой судъ не затруднитъ себя выясненіемъ этой ненужной для смертной казни подробности.

По прибытіи на ближайшую станцію въ поѣздѣ былъ произведенъ тщательный обыскъ. Неизвѣстно откуда появившіяся становой, жандармъ и казаки ощупали вещи, опросили имена, осмотрѣли билеты. Парня съ перебитымъ плечомъ унесли на станцію, а мы двинулись дальше.

IV.

Среди саратовскихъ степей, подъ склономъ широкаго увала ютится уѣздный городокъ Петровскъ. Низкій, словно пришибленный, весь утонувшій въ темно-зеленыхъ поросляхъ болотистой Медвѣдицы, городокъ этотъ точно по природѣ своей приспособленъ къ вялой и скучной жизни. Преданіе говоритъ, что основанъ онъ Петромъ I для защиты русской границы отъ кочевниковъ. Дѣйствительно, на гребнѣ увала и теперь еще сохранились насыпи сторожевыхъ кургановъ. На курганахъ этихъ стояли казачьи пикеты. Не спуская зоркихъ глазъ въ окрестности, на десятки верстъ разстилающейся вдаль, казаки сторожили покой первыхъ поселенцевъ дѣвственной степи.

Шумное, безпокойное время переживала тогда Петровская равнина: часто тревожный набатъ скликалъ жителей изъ далекихъ полей на защиту скуднаго имущества, женъ и дѣтей... Торопливо мѣняли они «рала на мечи», и стонъ упорной битвы оглашалъ тогда равнину. Меланхолически спокойная Медвѣдица тамъ и сямъ шуршала отъ загадочныхъ всплесковъ; мѣстами темныя кровавыя струйки пестрили ея серебряную гладь. Рядъ далекихъ огненныхъ столбовъ кровавымъ полумракомъ освѣщалъ равнину по ночамъ. Днемъ, какъ въ далекія библейскія времена, огненные столбы превращались въ облачные и обдавали поля вонючею гарью соломы, навоза, живого мяса...

Давно это было. Упорная настойчивость переселенца оттѣснила кочевниковъ. Между дикой ордой и Петровской равниной цѣпью ложились все новыя и новыя колоніи новоселовъ. Густая сѣть поселеній покрыла равнину, и она украсилась гигантскимъ ковромъ обработанныхъ полей, среди которыхъ тамъ и сямъ маячатъ бѣлоснѣжныя колокольни. Забыты далекія тревожныя времена, и самыя воспоминанія о томъ, что когда-то мѣстность эту стерегли казаки, изгладились изъ народной памяти. Слово «казакъ» отзывалось уже чѣмъ-то легендарнымъ въ сознаніи обывателя. Сами жители казачьяго хутора, составляющаго одинъ изъ отдаленныхъ пригородовъ Петровска, часто недоумѣвали — почему ихъ поселокъ именуется «казачьимъ».

Я съ дѣтства помню этотъ край мирнымъ, трудолюбивымъ, спокойнымъ и счастливымъ. Въ моихъ глазахъ онъ былъ окрашенъ той загадочной милой прелестью, какую можетъ закрѣплять въ памяти только пылкая дѣтская фантазія, на свой ладъ объясняющая явленія окружающей жизни. Я не разъ проѣзжалъ по этому тракту, когда не было еще желѣзной дороги, когда унылые обозы, перегруженные золотистымъ зерномъ, медленно тянулись по липкой глинистой грязи на Волгу. Меня занимали тогда и живо-

писныя усадьбы «господъ», богато раскинувшіяся въ самыхъ уютныхъ, самыхъ пышныхъ уголкахъ степи, и старыя, доживающія свой вѣкъ придорожныя березы, свидѣтельницы грозной распорядительности Аракчеева, и т. казалось мнѣ, замѣчательное обстоятельство, что въ каждой деревушкѣ, какъ бы она мала ни была, жилъ обязательно богатый мужикъ. Среди полуразрушенныхъ хлѣвовъ, тщательно обваленныхъ навозомъ и защищенныхъ на зиму коноплей и камышемъ, высилась просторная пятистѣнная изба подъ зеленой крышей, украшенная рѣзными «финтифлюшками».

Для моихъ несложныхъ философствованій такія явленія были исходной точкой, какъ непреложный законъ жизни. Съ радостью и чуть не благоговѣніемъ я разспрашивалъ объ именахъ мѣстныхъ «господъ» и богатыхъ мужиковъ.

— Это?.. Это графскія поля,—говорили мнѣ въ отвѣтъ съ патріотическою гордостью,—графа Неслирода. Во-о-онъ видо куда протянулись! Вишь сколочекъ лѣса синѣется—все это яво... Бо-га-а-тый!... А это Апличевъ... у него шесть имѣньевъ!.. енералъ... да чудной какой, своеобышникъ: встрѣтится ему мужикъ по дорогѣ, замѣнился шапку снять, ну и раз-серди-тся!.. Кричитъ: «Ѣшь землю!» Нагнется мужикъ, сгрызетъ комочекъ, ну тады проститъ — добрый баринъ! Что толковать...

— Энто Устиновъ, тоже енералъ... построже будетъ: человѣка убилъ за это самое, что шапку не скинулъ... Н-да, господъ у насъ много!..

Я тщательно запоминалъ всѣ эти имена и гордился тѣмъ, что твердо ихъ помню. А имя Аракчеева въ моемъ воображеніи выростало въ великій символъ власти, священной, торжествующей, справедливо-жестокой. Разсказы прадѣдушки о тѣхъ истязаніяхъ, которыя творилъ этотъ до уродливости жестокій человѣкъ, отражались въ моей дѣтской фантазирующей головѣ, какъ акты величія и сказочной мощи. Вѣроятно, мое міровоззрѣніе того времени не было исключительно моимъ. Надо полагать, что такъ мыслило большинство народа. Безсознательно санкціонировалъ онъ установившіеся порядки и съ тихою грустью несъ нагруженное на его выю ярмо.

Прошли года. Чудодѣйка чугунка вьющейся змѣйкой пересѣкла родную равнину. Скрипъ обозовъ сталъ слышаться рѣже, самые обозы потеряли свою унылую прелесть. За то тишина стала нарушаться бѣшенымъ ревомъ пара, грохотомъ и лязгомъ желѣза. Какъ сороконожки, поползли поѣзда. Они сильнѣе, чѣмъ обозы, черпали золотую рожь изъ народной житницы, дальше ее увозили, и народъ чаще и чаще сталъ голодать. Нужда росла, росло озлобленіе, и бьющіе въ глаза контрасты прорѣзали, наконецъ, тупую народную мысль.

Не разъ приходилось мнѣ проѣзжать этими же мѣстами потомъ въ поѣздѣ; не разъ приходилось слушать такіе же разговоры о «гос-

подахъ», о богатыхъ мужикахъ, что и въ дѣтствѣ. Но это были уже не тѣ разговоры по тону, по настроенію мысли, по всему...

— Усадьба чья?— переспрашивалъ обыкновенно мѣстный старожилъ мимоѣзжаго человѣка.—Лядъ ее знаетъ!.. Много таперича въ нашихъ краяхъ господишекъ этихъ расплодилось... допрежде бывалыча все прирожденные князья да графы кровь нашу хрестьянскую сосали, а нонѣ всяки появились. Иной изъ нашихъ же братьевъ хрестьянъ поднялся... Пропаду на нихъ нѣтъ!.. Прахъ ихъ дери!..

Теперь я снова ѣхалъ этими мѣстами и не безъ волненія всматривался въ окна. Одинъ изъ моихъ друзей, выѣхавшій за нѣсколько станцій мнѣ навстрѣчу, сообщилъ, что пока все спокойно, но меня поджидаютъ и народъ, и власти.

— Городъ и уѣздъ полны казаками. Къ приходу поѣзда высылаютъ патруль,—разсказывалъ онъ,—и, кромѣ того, въ окрестностяхъ Петровска проживаетъ пятнадцать шпіоновъ, недавно выписанныхъ исправникомъ изъ Саратова.

Мы придумывали планъ моего выхода изъ поѣзда. Моментъ этотъ былъ опасенъ, такъ какъ меня легко могли признать. Однако судьба оказала мнѣ новое покровительство. На одной изъ станцій поѣздъ нашъ наполнился почти сплошь пьяными солдатами. Ихъ было такъ много, и они такъ вольно и безпорядочно себя вели, что не стоило никакого труда затереться въ ихъ среду и пройти незамѣченнымъ. Солдаты, какъ саранча, заполнили сразу всѣ мѣста въ нашемъ вагонѣ, вездѣ посовали мѣшки, шинели, ружья...

Одни, обнявшись и заломивъ на затылокъ фуражки, кричали дикими голосами срамную пѣсню, другіе ругались...

— Отъ генерала Устинова охрана,— сообщилъ мнѣ о солдатахъ пріятель.

Напротивъ насъ сѣлъ стройный солдатикъ съ лицомъ еврейскаго типа и заботливо, какъ насѣдка, подобралъ подъ себя раскиданные подсумки.

Онъ судорожно держался за два ружья, поставивъ ихъ къ ногѣ штыками кверху.

— Карповъ! Карповъ! — кричалъ онъ гортаннымъ голосомъ пьяному, еле балансирующему солдату:—Карповъ! Вотъ твои вещи... Вотъ твоя винтовка!.. Я ихъ стерегу, онѣ у меня въ сохранности.

Карповъ, плотный дѣтина, съ лицомъ типичнаго подмосковнаго русака, съ большимъ трудомъ разобралъ, откуда его звали.

— Ги-инсбургъ!—рявкнулъ онъ пьянымъ надсаженнымъ голосомъ.—Гинсбургъ!.. То-то! гуля-ай, братъ!..

— Карповъ! —продолжалъ Гинсбургъ,—я берегу твою винтовку!

— Гинсбургъ! береги!.. Она памятная... да!.. Штыкъ береги... Онъ кишки мужику выпустилъ...

— А ты, будетъ орать-то! — послышался строгій окликающій голосъ, и къ Карпову подошелъ унтеръ-офицеръ.

— Я? э-эхъ-ма!.. Господинъ взводный!.. — надсаживался Карповъ.—Вво-отъ я весь тутъ. На, пей меня... Пей меня... Мужика я закололъ и тебя уважаю... Гинсбурга люблю!.. Жидъ, а люблю... Гинсбургъ, давай поцѣлуемся!.. Э-эхъ-ма!..

Унтеръ-офицеръ хотѣлъ было изобразить строгость на молодомъ румяномъ лицѣ, но, видимо, самъ почувствовалъ всю нелѣпость не идущей къ нему гримасы и, махнувъ рукой, отошелъ.

Карповъ звучными пьяными поцѣлуями цѣловалъ Гинсбурга въ губы, въ щеки, въ голову.

— Домой вѣдь скоро!.. а... милый ты мой, Гинсбурчикъ!.. домой!.. а!..

— Да, писарь мнѣ говорилъ, — подтвердилъ тотъ. — На той недѣлѣ въ запасъ распустятъ.

Карповъ оторвался отъ товарища и, шатаясь, пошелъ по корридорчику плясать.

Къ Гинсбургу подошелъ другой солдатикъ такого же типа, какъ онъ. Они повели бѣглый разговоръ на жаргонѣ, потомъ вдругъ, точно пронизанные одной искрой, заговорили по-русски.

— Подъ судъ отдали!.. Это вѣрно... Я спрашивалъ,—увѣрялъ подошедшій солдатъ.

— Плохо дѣло!..—бросилъ Гинсбургъ почти угрожающую фразу и крикнулъ черезъ голову:

— Господинъ взводный!.. Притулу подъ судъ отдали...

— За что?—отозвался взводный.

— Потерялъ аммуницію!..

Я смотрѣлъ на энергичное красивое лицо Гинсбурга, удивляясь его холодной дѣловитости и какой-то жадной аккуратности къ вещамъ. Мнѣ захотѣлось съ нимъ поговорить, узнать его поближе.

— Знаетъ ли онъ,—думалъ я,—о тѣхъ страшныхъ погромахъ, которые совершены недавно надъ его родичами? Нѣтъ ли даже близкихъ ему людей среди пострадавшихъ?

Мнѣ не удалось, однако, завести разговоръ на эту тему съ Гинсбургомъ. При первомъ же моемъ вопросѣ онъ посмотрѣлъ на меня такимъ испуганнымъ, умоляющимъ взглядомъ большихъ черныхъ глазъ, что я сразу понялъ драму этой молодой души и, отвернувшись къ окну, сталъ наблюдать знакомую родную равнину. Тамъ, за грядой широкихъ увaловъ съ еле замѣтнымъ подъемомъ, находятся тѣ самыя селенія, въ которыхъ я учительствовалъ. Истощая весь запасъ энергіи и скудныхъ знаній старался я привить деревенской молодежи здоровое, бодрое начало человѣческой любви. Теперь мои ученики, эти трудолюбивые мальчики, подросли, и многіе изъ нихъ оторваны уже отъ родины, отъ семьи, и такъ же, какъ этотъ Гинсбургъ, страдая въ душѣ, охраняютъ чужія помѣстья. Здѣсь, у нихъ дома, военный постой, стрѣльба и ужасъ, а тамъ... Или, можетъ быть, они стали такими же, какъ вотъ эти другіе молодые вооруженные люди съ загорѣлыми грубыми лицами, на-

мѣрённо нахальными жестами, люди, которые осипшими отъ непомѣрнаго оранья голосами поютъ хвалу своему позору, хвалу народному паденію.

Матушка родина! Гдѣ твои культурныя силы?..

Однако вотъ послѣдній полустанокъ, и мы пріѣдемъ.

— Вторая остановка!—объявилъ кондукторъ, отбирая билеты.

На полустанкѣ поѣздъ задержался на нѣсколько минутъ, и мнѣ пришлось стать свидѣтелемъ довольно любопытной бытовой картинки, рисующей помѣщичьи нравы нашихъ мѣстъ.

По пыльной, гладкой дорогѣ на рысяхъ мчалась сытая тройка гнѣдыхъ, запряженная въ крытый дорожный шарабанъ. Несмотря на ясное солнечное утро, кожаный верхъ шарабана былъ поднятъ и даже фартукъ былъ застегнутъ. По обѣимъ сторонамъ шарабана скакали галопомъ два казака, а сзади на рысяхъ ѣхалъ третій. Казаки были въ полномъ боевомъ вооруженіи, съ пиками, винтовками и шашками.

Я подумалъ было, что везутъ арестованнаго.

— Нѣтъ! — разувѣрилъ меня встрѣтившій меня петровскій пріятель.—Это у насъ такъ господа помѣщики разъѣзжаютъ. Это еще мелкая сошка пріѣхалъ, а посмотрѣлъ бы ты, какъ предводитель ѣздитъ! Съ цѣлой полусотней.

— Это что-жъ, охрана, что-ль?

— Охрана. Они теперь безъ казаковъ шагу ступить боятся.

Дѣйствительно, изъ подъѣхавшаго шарабана вышелъ довольно молодой еще, стройный человѣкъ, въ синей боярской поддевкѣ, широкихъ штанахъ и дворянской шапкѣ.

Онъ тщательно осмотрѣлся кругомъ и быстрыми шагами направился къ вагону перваго класса. Казаки слѣзли съ взмыленныхъ лошадей и вступили въ тихій разговоръ со своими товарищами, дежурившими на станціи. И это внутри Россіи! Не понадобятся ли ужъ въ скоромъ времени опять сторожевые курганы? Знаютъ ли эти казаки, какую службу сослужили ихъ предки Саратовскому краю, охраняя когда-то новоселовъ отъ нашествій нагайской орды? И куда зачтетъ исторія службу потомковъ?

Около полудня мы были въ Петровскѣ. Еще не выходя изъ поѣзда, я могъ ознакомиться съ наружностью тщательно закрашенныхъ шпіоновъ. Они съ волчьимъ любопытствомъ заглядывали въ физіономіи пріѣхавшей публики, шныряли взадъ и впередъ по перрону, нюхали, нюхали безъ конца...

Съ толпой солдатъ, шумящихъ, поющихъ и ругающихся, вышелъ я изъ вагона и благополучно уѣхалъ въ городъ.

С. А—нъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Русская революція и польскіе націоналъ-демократы.

Поведеніе такъ называемыхъ «репрезентантовъ» отъ Царства Польскаго въ покойной Государственной Думѣ заклеймено уже передъ лицомъ честной русской мысли тѣми похвалами, которыхъ вполнѣ заслуженно удостоились эти политики со стороны «Новаго Времени». Я, конечно, знаю, что читатели «Русскаго Богатства» не способны отожествлять польскій народъ съ тѣми лицами, которыхъ навязала ему въ роли представителей въ трагическій моментъ злая насмѣшница исторія. Я знаю, что критически мыслящее русское общество съ огорченіемъ присутствовало при печальномъ и горькомъ зрѣлищѣ, когда отъ имени польскаго народа отрицались самые существенные его интересы. То участіе, какое принимаетъ въ борьбѣ съ произволомъ польскій фабричный пролетаріатъ, хорошо извѣстно въ Россіи. Русское общество, конечно, не позволило ввести себя въ заблужденіе и относительно истинныхъ интересовъ польскаго крестьянства. Въ книгѣ Пѣшехонова: «Аграрная проблема въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ» я нахожу даже нѣсколько преувеличенную, на мой взглядъ, картину аграрныхъ движеній, которыя имѣли мѣсто въ прошломъ году въ Сѣдлѣцкой и Люблинской губерніяхъ. Я думаю, что критическая мысль русскаго общества сумѣла обнаружить и распознать въ фигурахъ польскихъ крестьянскихъ представителей, несмотря на ихъ національныя и бытовыя отличія, слишкомъ хорошо знакомыя черты кулаческаго облика.

И, тѣмъ не менѣе, я не думаю, чтобы русское общество вполнѣ ясно понимало, какую роль играетъ въ нашей общественной и политической жизни та партія, къ которой принадлежала большая часть избранныхъ отъ Царства Польскаго членовъ Государственной Думы, не думаю также, чтобы русское общество было вполнѣ ясно освѣдомлено на счетъ отношеній этой партіи вѣрно отражающей взгляды нашихъ обезпеченныхъ классовъ, къ русскому революціонному движенію. Движеніе это немыслимо партіи націоналъ-демократовъ не потому, что оно русское, но потому, что оно революціонное. Для меня, какъ для польскаго публициста, вопросъ объ отношеніи польскаго общества къ русскому революціонному движенію есть вопросъ первостепенной принципіальной важности. Русская революція несетъ съ собою возможность болѣе или менѣе глубокихъ измѣненій въ условіяхъ жизни всего цивилизованнаго міра. Русская революція не есть явленіе внѣшнее ни для одного изъ культурныхъ

народовъ: для каждаго изъ нихъ она внутренній вопросъ, такъ какъ она связана съ жизненными вопросами нашей эпохи такъ же тѣсно, какъ была связана съ жизненными вопросами своей эпохи великая французская революція. Тѣмъ болѣе такое значеніе имѣетъ она для польскаго народа, жизнь котораго исторія связала, хотя и насильственно, съ жизнью и развитіемъ народовъ, объединенныхъ подъ властью русскаго государства.

Для польскаго общества нѣтъ никакой возможности орієнтироваться въ своихъ собственныхъ наиболѣе важныхъ историческихъ задачахъ настоящаго момента, не понявъ характера и не оцѣнивъ значенія русской революціи. Въ настоящее время я не могу заняться этой стороной вопроса. Разъясненіе польскому обществу характера русской революціи и значенія, какое эта революція имѣетъ для его собственныхъ задачъ, составляетъ, конечно, задачу польской публицистики. Но связи жизни обоюдны. Русскому обществу, въ свою очередь, важно быть освѣдомленнымъ на счетъ польскихъ отношеній, на счетъ тѣхъ условій, въ какихъ ведется революціонная борьба польскимъ народомъ; и польскому борющемуся народу не менѣе важно, чтобы русскій народъ ясно и отчетливо понималъ его положеніе. Полнѣйшая искренность есть основа всякой истинно народной и революціонной политики. Но здѣсь я не въ состояніи выполнить всей опредѣленной такимъ образомъ задачи. Быть можетъ, въ другой разъ мнѣ удастся пополнить то, что здѣсь останется недосказаннымъ. Цѣль же настоящей моей статьи злободневная въ болѣе узкомъ значеніи этого слова: я желаю очистить польскій народъ отъ того позора, какой заслужили его реакціонные представители своимъ поведеніемъ въ Думѣ. Не смотря на всю неблаговидность поведенія націоналъ-демократовъ въ Государственной Думѣ, настоящій ихъ обликъ гораздо неблаговиднѣе того, какой вырисовывается при разсматриваніи ихъ только съ той стороны, которая обращена къ русскому обществу: настоящая физіономія націоналъ-демократовъ рельефно выступаетъ лишь при сопоставленіи ихъ роли въ обще-русскомъ движеніи, съ той, какую разыгрываютъ они у себя дома. Только такое сопоставленіе можетъ вполнѣ обнаружить ихъ двойственную позицію. Но выяснить характеръ націоналъ-демократовъ можно только на основаніи ознакомленія съ ихъ историческимъ прошлымъ, а это ознакомленіе возможно, конечно, только въ связи съ разсмотрѣніемъ важнѣйшихъ чертъ польскаго общественнаго развитія. Это послѣднее можетъ быть указано здѣсь мною только въ общихъ чертахъ и только въ связи съ главною задачею настоящаго очерка. Я думаю, однако, что, не смотря на эту бѣглость, мнѣ удастся обосновать нѣкоторые болѣе широкіе выводы, какъ относительно характера революціонной борьбы въ Царствѣ Польскомъ, такъ и относительно связи этой борьбы съ обще-русскимъ

(понимая это слово не въ національномъ, а въ коллективно-государственномъ значеніи) революціоннымъ движеніемъ.

I.

Независимо отъ всѣхъ практическихъ интересовъ настоящей минуты, партія націоналъ-демократовъ представляетъ собою явленіе, способное и въ чисто теоретическомъ отношеніи привлечь къ себѣ вниманіе соціолога. На немъ ярко отразились тѣ уродливыя условія, въ которыхъ развивается польская общественная жизнь. Я говорю здѣсь не только о томъ внѣшнемъ давленіи, которое тяготѣетъ въ одинаковой степени надъ всѣми вообще проявленіями политической и общественной жизни въ русской Польшѣ, а и о болѣе глубокихъ, внутреннихъ вліяніяхъ и послѣдствіяхъ, которыя вызваны ходомъ новѣйшей польской исторіи. Я думаю, что характерной чертой создавшагося такимъ путемъ въ польской интеллигенціи настроенія явилась односторонность. Среди нашей интеллигенціи создалось, дѣйствительно, одностороннее отношеніе къ проявленіямъ своей собственной общественной и культурной жизни. Это одностороннее отношеніе не есть порожденіе послѣднихъ только дней: имъ заражена вся польская исторія XIX столѣтія.

Польская общественная мысль долгое время не принимала той дѣйствительности, какую представляли жизнь и развитіе польскаго народа, за что-то настоящее. За исключеніемъ двухъ эпохъ въ жизни русской Польши послѣдняго столѣтія—первой, болѣе продолжительной, эпохи существованія на обезпеченныхъ Александромъ I условіяхъ конституціоннаго Царства Польскаго и второй, болѣе краткой, послѣ подавленія возстанія 1863—1864 г., тѣ отношенія, которыя были созданы, не смотря на возмутительный политическій режимъ, невзирающими силами жизни, не были принимаемы, какъ единственно существующее и создающее реальныя жизненныя задачи основаніе. На дѣлѣ только реальныя силы, которыми располагаетъ народъ, только его собственная экономическая и культурная жизнь могутъ составить и составляютъ залогъ историческаго развитія. Помимо этой реальной дѣйствительности нѣтъ никакихъ другихъ историческихъ силъ. Всякіе другіе, взятые внѣ этой дѣйствительности, факторы, въ родѣ національнаго безплотнаго духа, безплотныхъ идей и т. п., есть только инстинктивно порождаемые чувствующимъ свою безпочвенность умомъ извороты и фантомы. Изъ этихъ изворотовъ, фантомовъ, измышленій умъ строитъ нѣкоторую систематическую фикцію, обезпечивающую ему при полномъ безсиліи иллюзію плодотворной дѣятельности. Этотъ родъ историческаго самообмана сыгралъ въ польской литературѣ и въ польскомъ общественномъ развитіи первостепенную роль. Историческій мистицизмъ среди польскаго общества и въ настоящее время даетъ себя знать не только въ проявленіяхъ худо-

жественнаго творчества, но и въ образованіи политическихъ группъ: стоитъ вспомнить хотя бы Союзъ возрожденія польской національности.

Склонность замѣнять суровую дѣйствительность утѣшительными фантасмагоріями всегда прямо пропорціональна тѣмъ затрудненіямъ, какія встрѣчаютъ наша мысль и наша воля въ дѣйствительности. Нашъ умъ измѣняетъ и расширяетъ свои построенія только подъ давленіемъ внѣшнихъ силъ или подъ вліяніемъ выдающейся внутренней нравственной силы. Уже Кантъ отмѣтилъ, какъ много чувственнаго эгоизма и излишней мягкости по отношенію къ самому себѣ кроется во всякихъ мечтательныхъ мистическихъ построеніяхъ. Мечты наши въ нашей власти: повиноваться имъ значитъ повиноваться самому себѣ, собственнымъ удобствамъ. Въ виду того, что въ современныхъ обществахъ такъ называемая общественная мысль вырабатывается преимущественно опредѣленными общественными классами, вопросъ объ основаніяхъ, на которыя опирается общественное міросозерцаніе, распространенное въ данномъ обществѣ, значительно осложняется. Побороть силу, съ которою владычествуютъ надъ нами наши понятія, пріобрѣтенныя нами невольно, въ силу воспитательнаго вліянія и давленія, оказываемаго нравственной и умственной атмосферой той среды, въ которой мы живемъ, можно или путемъ трудной нравственной работы, или путемъ болѣе механическимъ, т. е. путемъ перемѣны въ общественномъ составѣ такъ называемой интеллигенціи. Марксъ въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ принималъ въ разсчетъ, главнымъ образомъ, этотъ послѣдній факторъ. Мыслители русскаго революціоннаго соціализма, П. Л. Лавровъ и Н. К. Михайловскій, основываясь на томъ великомъ историческомъ примѣрѣ, которымъ являлось русское революціонное движеніе семидесятыхъ годовъ, связывали внѣшнее давленіе общественныхъ условій съ внутренней работой, совершаемой человѣческою личностью. Ихъ черезчуръ ужъ облегчавшіе себѣ полемику противники доказывали имъ, что сама по себѣ нравственная сила безъ другихъ соотвѣтствующихъ условій не способна пересоздать общественный строй. Но въ этомъ никто не сомнѣвается. Дѣло не въ какой-то creatio ex nihilo, а въ томъ, что историческая дѣятельность становится тѣмъ болѣе сознательной и обезпеченной противъ всякихъ злоключеній, чѣмъ больше историческая задача эпохи сливается съ личными нравственными задачами и потребностями живыхъ и жизнью своею создающихъ исторію людей. Работа жизни Лаврова и Михайловскаго была направлена не къ тому, чтобы создать какое-то мистическое ученіе о всемогуществѣ личности и ея нравственнаго совершенства. Нѣтъ! Если были люди, понимавшіе глубокое историческое единство, обнимающее собою то, что человѣкъ считаетъ своей внѣшней общественной средою, и то, что считаетъ онъ своею внутренней жизнью, то ими были именно названные мыслители. Напрасно

полагать, что научной является только та формулировка, которая гласитъ: личная жизнь создается историческими условіями эпохи. Формулировка эта выражаетъ несомнѣнную теоретическую истину. Но только глубокое философское недоразумѣніе, полное отсутствіе философскаго критицизма можетъ обосновывать этимъ общимъ положеніемъ пренебрежительный взглядъ на личную жизнь и ея внутреннюю работу. Единственный, логически вытекающій изъ этого основного положенія, выводъ долженъ, напротивъ, вести насъ къ уразумѣнію глубокой важности нашей личной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, жизнь эта только тогда имѣетъ значеніе, когда она соотвѣтствуетъ всей сложности историческихъ условій эпохи: историческія задачи эпохи должны стать нашими личными вопросами, вопросами нашей совѣсти, нашего сердца, всего нашего человѣческаго существованія.

Всякая личная жизнь, насильственно отдѣляющая вопросы своего нравственнаго совершенствованія отъ историческихъ задачъ эпохи, вырождается въ ту или другую форму эгоистической ограниченности: эпикуреизмъ, мистицизмъ, романтическую мечтательность, ханжество, лицемѣріе и т. п. Къ оппортунизму, внутреннему очерствленію и опошленію, къ неспособности понимать внутреннюю сущность историческихъ движеній долженъ вести предразсудокъ, согласно которому можно какъ-то безъ внутренней работы перерожденія всего человѣка автоматически регистрировать измѣненія въ общественной средѣ и автоматически реагировать на нихъ. Мнѣ думается, современное состояніе германской соціалъ-демократіи указываетъ вполнѣ наглядно создающіеся такимъ путемъ «маленькіе недостатки механизма». Отношенія человѣка къ исторіи не исчерпываются одною логикою и чисто интеллектуальнымъ элементомъ. Ученіе о единствѣ жизни не есть ученіе о всепоглощающемъ и обезличивающемъ единствѣ механизма, но ученіе объ отожествленіи личной жизни съ жизнью историческою. Этой-то философіи цѣльности учили самоотверженные дѣятели русскаго соціалистическаго движенія 70-хъ годовъ и тѣ русскіе писатели, которые сердечными узами сплели свою внутреннюю работу мысли съ великою жизненною исторической работою, какая совершалась этими борцами за будущее русскаго народа. Упоминая объ этомъ русскомъ движеніи, я, въ сущности, не отвлекаюсь отъ предмета своей статьи. Одно время польскіе соціалисты находились подъ вліяніемъ русскихъ мыслителей, и я считаю большимъ несчастьемъ нашего соціальнаго движенія смѣну этого вліянія нѣмецкимъ или полною теоретическою безпринципностью.

Принимая во вниманіе, что сущность историческихъ задачъ нашей эпохи сводится къ такому перерожденію всего общественнаго строя, которое преобразовало бы его въ свободное сообщество трудящихся, мы, на основаніи выше изложенныхъ соображе-

ній, можемъ опредѣлить главнѣйшіе факторы прогрессивнаго развитія современной общественной мысли. Факторами этими являются явленіе перемѣнъ, совершающихся въ общественной средѣ, и работа совѣсти, требующей гармоніи между личною жизнью и жизнью общественной.

Въ первую треть XIX вѣка, во времена такъ называемаго Варшавскаго герцогства и затѣмъ конституціоннаго Царства Польскаго, оба эти фактора дѣйствовали довольно живо. Условія жизни позволяли, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени, связывать свою личную жизнь съ общественной историческою работою. Въ то время прекрасная гармоническая личность Сташица не составляла еще исключенія въ польскомъ обществѣ. Въ то время еще реальныя, жизненныя потребности милліоновъ становились проблемами личной жизни выдающихся дѣятелей: связь между жизнью исторической и личною не была порвана. Но русское правительство съ первой же минуты неискренно относилось къ дарованной конституціи. Столкновеніе правительства съ народомъ и всѣ послѣдствія такого столкновенія, установленіе николаевскаго режима и эмиграція лучшихъ общественныхъ силъ, были неизбѣжны. Невозможно переоцѣнить все громадное значеніе, какое имѣлъ для нашей жизни фактъ оторванности нашихъ лучшихъ общественныхъ силъ отъ жизни народа. Перелистывая изданія, брошюры и книги эмиграціонной демократіи 30—40-хъ годовъ, читая біографіи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ ея дѣятелей, нельзя не придти къ заключенію, что въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ изъ этихъ силъ и элементовъ образовалось бы уже въ то время нѣчто, аналогичное русскому народничеству семидесятыхъ годовъ. Если бы николаевскій режимъ не сдѣлалъ невозможнымъ всякое искреннее сближеніе общества съ народомъ, если бы демократическое движеніе развивалось у насъ на родинѣ, а не въ оторванности эмиграціонной жизни, оно окрѣпло бы, выработало бы свое собственное, приспособленное къ положенію польскаго народа, міровоззрѣніе. Умственныя и нравственныя силы для этого были на лицо. Если бы не исказившее весь ходъ нашего развитія насиліе русскаго правительства, демократизація польскаго общества и польской общественной мысли заложили бы уже въ сороковые годы тѣ основанія общественной работы, которыя и теперь еще составляютъ предметъ вожделѣній для нашихъ лучшихъ общественныхъ силъ. Польскій соціализмъ зародился бы внутри самого польскаго общества и выработалъ бы для себя методы, приспособленные къ историческимъ и національнымъ особенностямъ польскаго народа. Онъ обладалъ бы тогда силою и вліяніемъ, какія дастъ только полная самобытность и стихійность зарожденія и развитія. Я говорю объ этомъ не для того, чтобы напоминать объ обидахъ, причиненныхъ намъ исторіей. Напоминать некому: русское правительство не представляетъ собою ничего, кромѣ грубой физической силы, а русскій народъ въ претер-

шеніяхъ правительства не повиненъ. Но мы не поймемъ особеннаго характера польской общественной мысли, если не отдадимъ себѣ отчета въ томъ, что характеръ этотъ созданъ насильственной пріостановкой въ развитіи, разрывомъ между нравственной и умственной жизнью лучшихъ представителей нашихъ образованныхъ классовъ и жизнью всего остального народа.

Демократическая польская эмиграціонная мысль скоро сознала свое безсиліе сдѣлать что-нибудь, пока существуетъ николаевскій и меттерниховскій политическій гнетъ. Политическая независимость стала и должна была стать необходимымъ условіемъ всякой дальнѣйшей работы въ пользу польскаго народа. Нужно помнить, что мысль эта работала въ эмиграціонномъ обособленіи, что она работала подъ вліяніемъ тогдашней европейской общественной мысли, для которой вопросы объ отношеніяхъ экономической структуры общества и его политическаго строя не представлялись съ тою ясностью, съ какою они представляются современнымъ общественнымъ дѣятелямъ. Только тѣсная и постоянная связь съ жизнью привела европейскую мысль къ этой ясности. Но какъ разъ этой-то связи у польской эмиграціонной демократіи и не было. Она работала, такъ сказать, въ безвоздушномъ пространствѣ.

Поэтому вопросы о политической независимости и общественномъ переворотѣ сливались въ одно неразрывное, хотя и туманное, цѣлое. Но такъ какъ при тогдашнемъ политическомъ режимѣ для соціальнаго переустройства ничего нельзя было сдѣлать, то на практикѣ вопросъ о политической независимости получалъ значительный перевѣсъ надъ вопросомъ соціальнымъ. Въ результатѣ получалось низведеніе этого послѣдняго вопроса до роли средства по отношенію къ первому. Къ этому присоединилось еще одно чрезвычайно важное обстоятельство: демократизація народной жизни, ея соціальное переустройство опирались въ мысли тогдашнихъ польскихъ эмигрантовъ не на необходимости, созданной самимъ общественнымъ процессомъ, а только на теоретическихъ этическихъ построеніяхъ лучшей части польскаго образованнаго общества. Процессы, происходившіе въ самомъ польскомъ народѣ, не принимались въ разсчетъ. Казалось, что принимать ихъ въ соображеніе, значитъ мириться съ николаевскимъ режимомъ въ Царствѣ Польскомъ, съ меттерниховской Галиціей. Вся жизнь, существовавшая въ подневольной Польшѣ, считалась чѣмъ-то не существующимъ, не имѣющимъ права на существованіе, сплошнымъ порожденіемъ насилія. Тогдашняя польская эмиграція не принимала и психологически не способна была принимать въ соображеніе, что ею отвергается, такимъ образомъ, не только созданный насиліемъ режимъ, но и живущій въ уродливыхъ условіяхъ этого режима польскій народъ. Не принималось въ соображеніе,— что, несмотря на весь ужасъ, на всю уродливость условій, подъ давленіемъ которыхъ протекаетъ жизнь польскаго народа, эта жизнь есть

единственная польская дѣйствительность. Не принимая ее въ разсчетъ, польская эмиграція возводила безпочвенность въ принципъ. Польская демократія же при всей искренности своихъ стремленій въ соціальной области привыкла думать о самомъ соціальномъ переворотѣ, какъ о чемъ-то, насаждаемомъ сверху. Когда генералъ Домбинскій говорилъ Шелгунову, что русскіе желаютъ интеллигенцію омужичить, а поляки крестьянъ одворянить, то въ этомъ парадоксѣ отразился трагизмъ, тяготѣвшій надъ польскимъ демократизмомъ: онъ не былъ и не чувствовалъ себя сознаніемъ народныхъ массъ, онъ ни на одну минуту не переставалъ быть чѣмъ-то особымъ, внѣшнимъ по отношенію къ народу.

Только работа жизни могла сплотить этотъ демократизмъ мысли съ живымъ стихійнымъ демократизмомъ, зарождающимся изъ проникновенія свѣтомъ мысли потребностей широкихъ народныхъ массъ. Этого не случилось. Случилось же нѣчто обратное. Польскіе имущіе классы, польскіе помѣщики должны были смотрѣть на польскую демократію, какъ на отщепенцевъ и враговъ своихъ. Въ плоть и кровь польскихъ имущественно обезпеченныхъ общественныхъ классовъ соціальные принципы польской демократіи проникнуть не могли. Общественное мнѣніе болѣе широкихъ круговъ польской интеллигенціи разсматривало и оправдывало эти принципы, какъ порожденіе политическаго отчаянія. Отношеніе идеи политической независимости къ идеѣ соціальнаго переворота въ широкихъ слояхъ польской интеллигенціи опредѣлилось окончательно въ томъ смыслѣ, что независимость есть цѣль, а соціальный переворотъ средство, и при томъ средство, за которое можетъ взяться только отчаяніе. Что этотъ переворотъ есть насущная потребность народныхъ массъ и ихъ право, объ этомъ не думали, въ этомъ смыслѣ вопросъ не ставился. Поэтому, когда въ 1846 г., по наущенію или попустительству австрійскаго правительства, галиційскіе крестьяне произвели рѣзню шляхты, готовившейся къ возстанію, а въ 1863—4 году крестьяне, особенно въ нѣкоторыхъ губерніяхъ западнаго и юго-западнаго края, также проявили враждебное отношеніе къ возстанію, это было понято польскимъ общественнымъ мнѣніемъ, какъ банкротство демократическихъ соціальныхъ идей. Польскій соціализмъ потерпѣлъ пораженіе, такъ сказать, еще не родившись. Когда послѣ 1863 года значеніе эмиграціонной мысли упало, когда польская общественная мысль стала развиваться уже на родинѣ, въ связи или, по крайней мѣрѣ, въ сосѣдствѣ съ мѣстной общественной жизнью, надъ нею упорно тяготѣлъ предразсудокъ, явившійся якобы результатомъ прежнихъ историческихъ опытовъ: «пока у насъ нѣтъ политической независимости, невозможно и не слѣдуетъ думать о соціальной реформѣ».

Русское правительство съ своей стороны способствовало этой фальсификаціи основъ польской общественной мысли, связывая крестьян-

скую реформу съ рядомъ карательныхъ мѣропріятій противъ мятежной шляхты. «Демократизмъ» русскаго правительства подорвалъ у насъ и ослабилъ и такъ уже, по милости политическихъ условій, не блестящіе шансы демократизаціи и соціализаціи нашей общественной мысли. Правительственный режимъ фальсифицировалъ, какъ мы еще увидимъ, и въ другихъ отношеніяхъ связь между измѣненіями въ общественной средѣ и мыслью образованныхъ классовъ. Работа совѣсти въ лучшихъ личностяхъ устремлена была въ направленіи, несоизмѣримомъ, такъ сказать, съ соціальнымъ вопросомъ. Мысль о національной независимости играла по отношенію къ этому вопросу роль отводнаго канала. Вокругъ нея по преимуществу вращались не эгоистическіе помыслы представителей польскихъ образованныхъ классовъ. Не смотря на то, что жили они теперь на родинѣ, ихъ политическая жизнь, даже когда она пробуждалась, была изолирована отъ жизни народныхъ массъ. И эта изолированность проявлялась тѣмъ сильнѣе, что въ дѣйствительной жизни съ каждымъ днемъ въ средѣ самого общества все ярче и ярче обнаруживались и дѣйствовали классовые интересы.

Оторванность отъ жизни народныхъ массъ, отъ ихъ потребностей, соціальная пустота, если можно такъ выразиться, политическихъ и національныхъ стремленій, ихъ безпочвенность и непродуманность въ соціальномъ отношеніи теперь становятся орудіемъ, которымъ пользуются представители обезпеченныхъ классовъ. Односторонность по отношенію къ собственной народной жизни создавалась въ польскомъ обществѣ исторіей, теперь она становится все болѣе и болѣе умышленной. Исторія изуродовала польскую общественную мысль, теперь обезпеченные классы пользуются этимъ уродствомъ, какъ оружіемъ противъ надвигающихся соціальныхъ осложненій. Постепенный переходъ отъ соціальной безпринципности и безпочвенности, завѣщанныхъ банкротствомъ польской эмиграціонной демократіи, къ утилизаціи взятыхъ общихъ мѣстъ для маскированія ими классовыхъ интересовъ и противорѣчій; отъ отожествленія интересовъ политической независимости съ интересами народа, понятіе котораго оставалось въ соціальномъ смыслѣ не раскрытымъ, къ систематическому попиранію самыхъ несомнѣнныхъ интересовъ этого народа во имя любви къ нему, смѣсь сознательной подтасовки понятій и лозунговъ съ полной неспособностью къ искренности, двоедушное и неискреннее отношеніе къ русской революціи, скептицизмъ и недоброжелательство по отношенію къ ней, не говоря уже о возмутительномъ отношеніи къ польскому революціонному движенію,—все это можетъ быть понято только въ связи съ созданными исторіей и въ высшей степени неблагопріятными для соціальнаго демократизма предрасположеніями польской общественной мысли. Только на основаніи созданномъ этими предрасположеніями, могло развиться столь уродливое явленіе, какъ польская національ-демократическая партія.

II.

При зарожденіи національ-демократической партіи, которая прежде, чѣмъ придти къ настоящему своему положенію и характеру, пережила рядъ фазисовъ, мы можемъ прослѣдить два близкихъ одно къ другому, но, въ началѣ, по крайней мѣрѣ, допускающихъ и разграниченіе, теченія. Однимъ изъ нихъ являлось пробужденіе активныхъ патріотическихъ чувствъ и стремленій, другимъ- возникновеніе неопредѣленнаго въ соціальномъ отношеніи и опиравшагося, точнѣе, стремившагося опереться, на крестьянскомъ населеніи демократизма.

Первое изъ этихъ теченій выставляло на первый планъ идею независимости. Идея эта представлялась совершенно несомнѣнной и всякое соціологическое обоснованіе ея въ глазахъ патріотовъ казалось излишнимъ. Она являлась для нихъ независимою и абсолютною цѣлью. Никто не занимался вопросомъ, каково должно быть соціальное строеніе этой вожделѣнной независимой Польши. Съ другой стороны, отношенія ко всѣмъ явленіямъ европейской общественной жизни опредѣлялись только тѣмъ соображеніемъ, способствуютъ ли они или нѣтъ главной и единственной цѣли независимости. Такимъ образомъ, создавалось для Польши до нѣкоторой степени обособленное положеніе среди другихъ народовъ и какъ бы предполагалось, что между задачами польскаго народа и соціальными и политическими движеніями, волнующими и потрясающими жизнь всѣхъ другихъ народовъ культурнаго міра, нѣтъ никакой внутренней связи. Вмѣстѣ съ тѣмъ упускалось изъ виду и то обстоятельство, что движенія эти не представляютъ собою произвольныхъ порожденій свободной человѣческой мысли и воли, что они отвѣчаютъ животрепещущимъ потребностямъ широкихъ народныхъ массъ, что эти потребности существуютъ и у насъ, и что поэтому отдѣлять идею независимости Польши отъ тѣхъ соціальныхъ стремленій, которыя волнуютъ всѣ цивилизованныя общества, значитъ отдѣлять ее отъ реальной жизни самыхъ многочисленныхъ классовъ польскаго народа. Сообразно этому и брошюра, въ которой выразились тогдашнія настроенія Лиги польской (вторая половина восьмидесятыхъ годовъ) и которая была написана извѣстнымъ польскимъ эмигрантомъ и беллетристомъ Сигизмундомъ Милковскимъ, отличалась полнѣйшею соціологическою необоснованностью.

Можно было ожидать, что нарождавшаяся въ то же самое время и группировавшаяся, главнымъ образомъ, вокругъ тогдашняго Głos'a струя «крестьянскаго» демократизма, слившись съ патріотическимъ теченіемъ, обновитъ его и дастъ ему то соціальное содержаніе, котораго ему недоставало. Но это могло случиться

только въ томъ случаѣ, если бы этотъ крестьянскій демократизмъ былъ стройнымъ соціальнымъ движеніемъ, опирающимся на продуманномъ и послѣдовательномъ міровоззрѣніи. Но именно этого условія и не доставало представителямъ названнаго движенія. Свои идейныя построенія они почерпнули у соціологовъ русской школы, Михайловскаго и Южакова, но поняли ихъ по своему. Самое движеніе ихъ явилось, какъ извѣстнаго рода реакція противъ польскаго соціализма, который до зарожденія этого крестьянско-демократическаго теченія потерпѣлъ со стороны правительства уже рядъ разгромовъ, вырвавшихъ изъ строя борцовъ много выдающихся въ умственномъ и нравственномъ отношеніи силъ. Въ виду той власти, какую имѣютъ въ Польшѣ надъ умами общества національныя традиціи, можно только сожалѣть, что сознаніе своей полной отчужденности отъ всей польской шляхетской исторіи и отъ всѣхъ обезпеченныхъ классовъ, окрашивающихъ свои классовые интересы сентиментальной и идеальной привязанностью къ національному прошлому и его завѣтамъ, не было сохранено польскимъ соціализмомъ во всей чистотѣ.

Первые польскіе соціалисты находились подъ сильнымъ вліяніемъ русскаго соціализма. Историкъ польскаго соціализма Мазовецкій (псевдонимъ самаго выдающагося у насъ въ настоящее время соціалистическаго теоретика и публициста) считаетъ это вліяніе факторомъ, задерживавшимъ ростъ польскаго соціализма, и радуется тому, что оно уступило мѣсто вліянію нѣмецкой теоріи. Я не могу согласиться съ такой оцѣнкой. Не въ пользу русскаго соціализма Мазовецкаго предрасполагала чрезвычайно сильно развитая въ немъ подозрительность противъ всѣхъ анти-государственныхъ настроеній въ соціализмѣ. Съ своей стороны, я думаю, что въ данномъ случаѣ его антианархическое предубѣжденіе закрыло ему глаза на нѣкоторыя болѣе важныя черты русскаго соціализма. При оцѣнкѣ чужеземныхъ вліяній во всѣхъ сферахъ жизненнаго творчества, чрезвычайно важно взвѣсить, насколько данное вліяніе способно повести къ зарожденію самобытнаго движенія въ данной сферѣ творчества. Русскій соціализмъ требовалъ полнаго сліянія и отожествленія убѣжденія съ жизнью, теоріи съ практикою. Но такъ какъ практика жизни приспособляется къ мѣстнымъ условіямъ, то укорененіе русскаго вліянія въ польскомъ соціализмѣ должно было бы повести, въ концѣ концовъ, къ освобожденію польскаго соціализма отъ всякихъ чужеземныхъ вліяній, къ перерожденію его въ строго самобытное, укоренившееся въ польской народной жизни и приспособленное къ ея потребностямъ явленіе. Можно, конечно, сказать, и сказать вполнѣ основательно, что русское правительство не позволило бы польскому соціализму развиться въ сколько-нибудь широкое, самобытное движеніе, что оно вытѣснило бы его во всякомъ случаѣ въ область теоріи и конспираціи. Это несомнѣнно. Но несомнѣнно также и то, что вовсе не безразлично направленіе и такой, хотя бы и конспи-

ративной и теоретической дѣятельности. Развиваясь не подъ вліяніемъ нѣмецкаго шаблона, польскій конституативный и теоретическій соціализмъ долженъ былъ бы понять все значеніе для насъ аграрнаго вопроса. Русское вліяніе непремѣнно повело бы его въ этомъ направленіи. Отсутствіе же прочно выработанной и приспособленной къ народнымъ потребностямъ аграрной программы не только составляетъ слабую сторону самого польскаго соціализма, не только не позволило ему окрѣпнуть и развиться въ надлежащей степени въ Галиціи, но отразилось и отражается самымъ плачевнымъ образомъ на интересахъ крестьянскаго населенія, какъ въ Галиціи, такъ и въ русской Польшѣ. Вслѣдствіе этого и не встрѣтила въ деревнѣ надлежащаго противовѣса дѣятельность національ-демократовъ.

На первыхъ порахъ они выступили, какъ представители крестьянскаго демократизма. Конечно, это движеніе зародилось и развивалось не въ крестьянствѣ, а въ интеллигенціи. Крестьянство составляло только предметъ попеченій и аргументъ въ полемикѣ противъ соціалистическихъ воззрѣній, уже существовавшихъ въ средѣ польской интеллигенціи. Въ видахъ этой полемики рѣшительно отрицался классовой характеръ крестьянства, и съ этой-то цѣлью употреблялись нѣкоторыя понятія, вырванныя изъ сочиненій русскихъ теоретиковъ соціализма въ родѣ гармонически развитой личности. Легко сообразить, какъ искажались при этомъ такія понятія. Русскіе теоретики защищали самостоятельное значеніе трудового крестьянства на ряду съ фабричнымъ пролетаріатомъ, а отсюда выводилось, что понятія и принципы классовой борьбы къ крестьянству не примѣнимы. Послѣдствія слишкомъ ясны. Крестьянство во всей теоретической работѣ мысли публицистовъ этого направленія разсматривалось, какъ сокровищница аргументовъ противъ соціализма. Такъ какъ въ области соціальнаго познанія степень и родъ нашего теоретическаго пониманія опредѣляются нашими практическими интересами, то и понятія, какія слагались въ публицистикѣ этого направленія, соотвѣтствовали тѣмъ практическимъ интересамъ, подъ давленіемъ которыхъ она обращалась къ крестьянству. Долженствуя служить аргументомъ противъ соціалистической теоріи классовой борьбы, крестьянинъ въ этой публицистикѣ былъ понимаемъ постольку, поскольку онъ можетъ развиваться въ согласіи съ настоящимъ общественнымъ строемъ,—словомъ, онъ былъ принимаемъ въ соображеніе крестьянинъ самостоятельный собственникъ. Понятно, что въ слагавшихся подъ давленіемъ такихъ психическихъ условій понятіяхъ о крестьянствѣ его трудовой характеръ цѣликомъ поглощался характеромъ владѣльческимъ. Крестьянинъ и мелкій землевладѣлецъ-индивидуалистъ, эти два понятія слились въ національ-демократическихъ построеніяхъ въ одно. Не трудно понять, почему изъ такого обновленія и пополне-

нія возродившагося патріотизма ничего не вышло. Получилось, наоборотъ, нѣчто въ родѣ взаимнаго разрушенія двухъ теченій.

Цѣпь разсужденій приведшихъ къ такому результату, слагалась приблизительно въ слѣдующемъ видѣ.

Политическая независимость отъ Россіи была достигнута только при участіи мелкаго землевладѣльческаго крестьянства. Поэтому важно развивать патріотизмъ въ этомъ слоѣ. Сдѣлать это можно, только считаясь съ особенностями этого слоя, хотя бы и такими, какъ клерикализмъ и нѣкоторая степень антисемитизма. Клерикализмъ позволитъ опереться на сильное вліяніе въ польской деревнѣ духовенства. Антисемитизмъ можетъ быть использованъ въ антисоціалистической пропагандѣ. Соблазнъ былъ слишкомъ великъ, чтобы устоять противъ него: къ націонал-демократическую догму возводится ученіе о соціализмѣ, какъ хитромъ измышленіи чуждаго племеннаго еврейскаго элемента. Уже въ 1897—8 году въ варшавскомъ «Głosѣ» очень явственно слышится антисемитская и клерикальная нотка. И замѣчательна двойственность позиціи, занимавшейся при этомъ націонал-демократами. Націоналъ-демократія нисколько не заражена клерикальными тенденціями, антисемитизмъ ей чуждъ. Такъ всегда готовы увѣрять націоналъ-демократы, указывая на нѣсколько именъ, связанныхъ съ партіей и въ то же время болѣе или менѣе заслуживающихъ уваженіе. Клерикализмъ и антисемитизмъ есть только печальная необходимость. Нужно считаться съ движеніями народной души. Правительственный гнетъ дѣлаетъ невозможнымъ сколько-нибудь систематическую пропаганду. Прежде всего нужна незыблемость, а для того, чтобы добиться ея, нужно организовать крестьянство, вести въ его средѣ энергичную агитацію, хотя бы на почвѣ его предразсудковъ. Въ результатѣ получается, что не то народолюбивый интеллигентъ развращается невѣжественнымъ крестьяниномъ, опускаясь до его нравственнаго и умственнаго уровня, не то интеллигентъ деморализуетъ этого крестьянина и укрѣпляетъ его въ невѣжествѣ изъ любви къ родинѣ. И это-то взаимное развращеніе и пониженіе культурнаго уровня называлось просвѣщеніемъ народа (oświatą ludową).

Нужно прибавить еще одно. Правительственный режимъ и создаваемыя имъ условія работы въ народѣ не лишены тоже заслугъ въ этомъ дѣлѣ вырожденія. Продолжительная и систематическая работа въ народѣ на почвѣ сліянія съ нимъ была невозможна. Пропаганду же случайную, пропаганду урывками, естественно, легче всего было вести среди грамотнаго, слѣдовательно, по большей части зажиточнаго, крестьянства. Естественно также было, что помѣщики, ксендзы, помѣщичьи оффиціалисты (служащіе въ экономіяхъ) являлись самыми частыми посредниками между пропагандирующею интеллигенціею и крестьянствомъ. Классовой характеръ этихъ посредниковъ окрашивалъ, конечно, проводимыя ими идеи

вленія и понятія о крестьянствѣ. Понятія же эти, въ свою очередь вліяли на дальнѣйшее опредѣленіе и развитіе партіи. Въ концѣ концовъ, націоналъ-демократизмъ не явился самобытнымъ порожденіемъ крестьянской среды, онъ родился подъ вліяніемъ интеллигенціи, и та организація крестьянства, которая была создана націоналъ-демократіею, была основана на понятіяхъ и интересахъ народившихся въ интеллигентской средѣ. Сами же эти понятія отъ самаго своего зарожденія опредѣлялись полемикою противъ соціализма.

Извѣстный общественный слой начинаетъ играть роль самостоятельнаго фактора въ исторіи только съ того момента, когда онъ возводитъ волнующія его потребности на ту ступень сознанія, на которой онѣ становятся новой правовой идеей. Польское крестьянство не выработало пока такой собственной правовой идеи. Оно было организовано не изнутри, а извнѣ, не на основаніи идеи права, соотвѣтствующаго потребностямъ земледѣльческаго труда, а на основаніи той идеи, которая способна сродинть извѣстную часть крестьянства съ настоящимъ общественнымъ строемъ, т. е. идеи собственности. Итакъ, не въ условіяхъ крестьянской жизни, а въ характерѣ той интеллигентской среды, въ которой народились мотивы для этой внѣшней по отношенію къ крестьянству организаціи, нужно искать причины, опредѣлившія характеръ націоналъ-демократической партіи.

III.

Послѣднія сорокъ или тридцать лѣтъ въ жизни Царства Польскаго характеризуются развитіемъ капитализма. Можно было бы, какъ это часто и дѣлается, вывести отсюда, что, такъ какъ всюду вмѣстѣ съ развитіемъ крупной промышленности рождался либерализмъ, то и у насъ въ Польшѣ слѣдовало ожидать возникновенія сильнаго конституціонно-либеральнаго движенія. Но такой выводъ былъ бы обусловленъ не выдерживающимъ научной критики предразсудкомъ о тожественности экономическаго и связаннаго съ нимъ политическаго развитія во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ. Капитализмъ—явленіе, крайне легко приспособляющееся къ разнымъ условіямъ. У насъ онъ приспособился къ тому политическому строю, подъ давленіемъ котораго онъ сложился. Ему была бы желательна бо́льшая правильность государственной машины, и поэтому его представители не прочь говорить о реформахъ. Но прежде всего ему нужно существованіе крѣпкой и способной подавлять всякій напоръ снизу государственной власти. Поэтому легко понять, что оппозиціонное настроеніе представителей капитализма дальше петицій проявляться не особенно способно. Да и самыя петиціи слѣдуетъ писать умѣло, чтобы ими не воспользовались «анархическіе» элементы. Конечно

петиціоннымъ путемъ конституцію получить мудрено, да вѣдь не въ конституціи и сила. Западно-европейскій опытъ успѣлъ охладить представителей капитализма къ парламентаризму. И капиталисты въ настоящее время готовы присоединиться къ выраженному Александромъ III въ историческомъ засѣданіи государственнаго совѣта мнѣнію, что парламенты не являются «настоящими» выразителями народныхъ интересовъ. Можно обойтись и безъ парламента, но немножко меньше безтолковости и глупой придирчивости со стороны правительства и администраціи не помѣшало бы.

Изъ такихъ настроеній и возникло политическое ученіе «просвѣщеннаго абсолютизма и лойяльности» польскихъ «угодовцевъ». Но, конечно, абсолютизмъ по своей «абсолютности» ни въ чьихъ поощреніяхъ не нуждается, и изъ просвѣщенности такъ-таки ничего и не вышло. Когда во время русско-японской войны и послѣ нея сильнѣе вспыхнуло революціонное пламя, въ настроеніи польскихъ «угодовцевъ», или, иначе, «реальныхъ политиковъ» можно было замѣтить нѣкоторое злорадство по отношенію къ самодержавному строю: «ну, что-жъ, мы вѣдь говорили, что нарветесь на непріятности, такъ и вышло; теперь расхлебывайте кашу». А вслѣдъ за тѣмъ сложилась и соотвѣтственная программа. Правительство, конечно, раньше или позже сладитъ съ революціей. Это аксіома. Но, конечно, придется ввести разумныя, ведущія къ болѣе правильному функціонированію государственной машины, реформы. Поэтому польское общество должно доказать свою лойяльность и благоразуміе, и тѣмъ заслужить довѣріе правительства. Разумѣется, безъ безпорядковъ не обойдется. Но, въ маломъ количествѣ, они и не помѣшаютъ. Напомнятъ о существованіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, позволятъ благороднымъ элементамъ заявить благоразуміе и тѣмъ паче заслужить довѣріе. Я не думаю, чтобы «реальные политики» и теперь отрѣшились отъ этой точки зрѣнія. Конечно, «дерзость» революціи зашла слишкомъ далеко, кадеты были въ Думѣ «непозволительно революціонны», соціалистическое движеніе въ Польшѣ приняло характеръ «повальнаго безумія», но все это уладится. До поры же до времени реальные политики приняли выжидательную тактику и нѣсколько иронически посматриваютъ на націоналъ-демократовъ: постарайтесь, постарайтесь, любезные, а пожинать-то все-таки мы будемъ.

Позиція націоналъ-демократовъ оказалась сложнѣе, тѣмъ болѣе, что къ моменту обостренія революціонной борьбы въ Россіи они успѣли еще дальше эволюціонировать въ указанномъ выше направленіи.

Въ то время, какъ представители крупной промышленности и землевладѣнія придерживались «угодовой» политики, національная демократія укрѣплялась среди представителей либеральныхъ профессій, лишь косвенно связанныхъ съ промышленностью. Зависимость отъ капиталистическаго строя создаетъ въ этомъ обще-

ственномъ слоѣ неспособность къ какой-бы то ни было иниціативѣ и въ то же время нѣкоторое глухое недовольство. Недовольство это ищетъ для себя выраженія, но, благодаря запуганности зараженныхъ имъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всецѣло зависящихъ отъ буржуазнаго строя элементовъ, найти его можетъ только въ какой-нибудь формѣ неопаснаго и необиднаго фрондерства. Въ виду того, что самые дѣятельные и предпріимчивые элементы были привлекаемы или «реальною политикою», или соціализмомъ, на долю націоналъ-демократіи выпадалъ обезличенный, обладающій по преимуществу стадными свойствами остатокъ. Были, конечно, и исключенія: патріотическая фразеологія привлекала къ партіи и болѣе благородные элементы въ видѣ искренно увлекающихся людей. Эти люди вливали извѣстную жизнь въ дѣятельность партіи. Ими велась самая опасная часть партійной работы: ввозъ и распространеніе нелегальной литературы и т. п.; они же, когда на нихъ обрушивалось правительственное теченіе, способствовали упроченію за партіей во мнѣніи остальныхъ ея членовъ патріотически-противоправительственнаго характера. Но, въ сущности, этотъ противоправительственный характеръ не шелъ далѣе привязанности къ родному языку и націоналистическихъ взглядовъ.

Границы міровоззрѣнія націоналъ-демократовъ опредѣлились характеромъ тѣхъ слоевъ, на которые они опирались. Вошедшая въ партію интеллигенція, обезличенная и запуганная плохо понимаемыми ею условіями, создаваемыми капитализмомъ, заражала все направленіе своимъ скептицизмомъ и безсиліемъ, своимъ преклоненіемъ передъ успѣхомъ и создающими его условіями. Попираемые русской бюрократіею за одну уже свою національность, эти люди научились завидовать силѣ, дающей возможность попирать и не быть попираемыми. Не чувствуя въ себѣ силъ побороть притѣсняющую ихъ силу, они извѣрились во всемъ, кромѣ силы, съ пренебреженіемъ смотрѣли на идеи, принципы, вязли въ грубомъ политическомъ и философскомъ невѣжествѣ: не откуда было въ нихъ зародиться жаждѣ знанія и пытливости ума. И что же могли они понять въ крестьянствѣ, кромѣ тѣхъ инстинктовъ, которые вырабатываются въ немъ иллюзіей собственности? Собственность, обезпеченность, эгоистическая, не считающаяся ни съ чѣмъ, кромѣ силы, независимость должна была стать идеаломъ всѣхъ этихъ обездоленныхъ, обезличенныхъ, загнанныхъ, приниженныхъ жизнью. По силѣ контраста они должны были сдѣлаться почитателями силы. Въ средѣ этихъ слоевъ пріобрѣли ничѣмъ, казалось бы, незаслуженную популярность до-нельзя бѣдныя содержаніемъ брошюры Сигизмунда Балицкаго: «Національный эгоизмъ» и «Мысли современнаго поляка» Романа Дмовскаго, явившіяся вѣрнымъ отраженіемъ указаннаго настроенія. Говорить что-нибудь объ общественномъ міровоззрѣніи этихъ брошюръ невозможно: оно отсутствуетъ. Это не міровоззрѣніе буржуазіи въ точномъ смыслѣ этого слова,

а скорѣе какое-то міровоззрѣніе озлобившихся въ тоскѣ по обезпеченности утопистовъ собственности и той чисто отрицательной независимости, какая мерещится скопчивающему свои бѣдныя сбереженія, запуганному и затертому жизнью мелкому буржуа. Примѣненное къ крестьянской средѣ, это міровоззрѣніе должно было выродиться въ апоѳеозъ кулачества.

Въ общемъ это міровоззрѣніе развивало своего рода «собственническое самодурство», способность и ставть властвовать. Національныя униженія воспитали и породили страстное желаніе создать національную силу,—силу, у которой нѣтъ наполняющаго ее содержанія, которую не на чемъ обосновать, которая гордится своею эгоистическою ограниченностью. Крѣпко укоренившаяся въ польскихъ умахъ идея, что, пока у насъ нѣтъ независимости, намъ нѣтъ никакого дѣла до общественныхъ вопросовъ, идей и взглядовъ, получаетъ теперь свою окончательное развитіе. Получается и потребность чувствовать эту свою независимость. Въ Галиціи націоналъ-демократы начинаютъ проповѣдывать и практиковать по отношенію къ русинамъ политику національной нетерпимости, ту же политику обосновываютъ и развиваютъ націоналъ-демократы въ своихъ брошюрахъ по отношенію къ литовцамъ, бѣлорусскому населенію западныхъ губерній, евреямъ и, наконецъ, соціалистамъ. Получается какой то жалкій и унизительный бредъ національнаго самодурства, враждебный всѣмъ благороднымъ силамъ жизни, не признающій за человѣчествомъ никакихъ нравственныхъ задачъ, вѣрующій только въ силу, лживый и мстительный. Создается явленіе глубоко уродливое, которое можетъ быть понято, лишь какъ порожденіе тѣхъ противоестественныхъ условій, подъ гнетомъ которыхъ протекала польская новѣйшая исторія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду русской революціи и въ виду того, что націоналъ-демократическая партія систематизировала и организовала собственническіе инстинкты въ средѣ обезпеченнаго крестьянства,—явленіе въ высшей степени трагическое.

Отношеніе національной демократіи къ вспыхнувшей въ Россіи революціи опредѣляется всѣмъ вышесказаннымъ. Революція была для національной демократіи неожиданностью. Нужно чувствовать въ себѣ пламя, воодушевляющее борющійся за свободу народъ, чтобы сознавать приближеніе революціи и ея необходимость. Національная демократія, извѣрившаяся во всемъ, кромѣ силы, не могла понять, что, не смотря на страшный гнетъ самодержавія, въ груди сдавленныхъ имъ народовъ не перестаетъ работать жизнь, стремящаяся къ свободѣ. Національная демократія не вѣритъ и въ настоящее время въ революцію: уже теперь публицистъ національной демократіи, Романъ Дмовскій, заявилъ, что у русской революціи нѣтъ никакихъ организаціонныхъ способностей, что она способна только къ разрушенію. То, что составляетъ величіе русской революціи, ея стремленіе заложить основы новаго

общественнаго строя, создаваемаго на началахъ трудовой жизни и выработаннаго этою жизнью правосознанія, не можетъ не казаться національной демократіи стремленіемъ къ хаосу и разрушенію. Въ чемъ же полагаетъ она свои надежды?

Реальные политики занимаютъ вполнѣ опредѣленную позицію. Они говорятъ: революція создаетъ правительству затрудненія, оно принуждено будетъ пойти на уступки, постараемся улучить время и выиграть что-нибудь. Для національной демократіи невозможна эта точка зрѣнія. Націоналъ-демократы, проповѣдники національной независимости, не могутъ опереться на правительство. Не могутъ они основать своей политики и на отожествленіи своихъ интересовъ съ интересами революціи: они не признаютъ этой революціи, у нихъ нѣтъ вѣры въ нее, нѣтъ сочувствія къ ней. Остается вооруженное національное возстаніе противъ русскаго правительства и русскаго народа, поскольку онъ поддержалъ бы въ борьбѣ съ Польшею правительство. Но націоналъ-демократы не вѣрятъ въ возстаніе, они опираются на самый миролюбивый, наименѣе подходящій къ рискованной борьбѣ принципъ—принципъ собственности. Что же имъ остается?

Пріобрѣсти что-нибудь поляки могутъ или путемъ уступокъ, полученныхъ отъ правительства, или путемъ общихъ завоеваній, сдѣланныхъ революціей, или, наконецъ, путемъ самостоятельнаго національнаго выступленія. Націоналъ-демократы не выбираютъ ни одного изъ этихъ путей. По какому же пути пойдутъ они?

Имъ все равно, отъ кого они получатъ автономныя или иначе опредѣленныя права для польской національности: отъ правительства или отъ революціи.

Но на какомъ основаніи могутъ они что-нибудь получить?

Если придется получать отъ правительства, то на основаніи той революціонной энергіи, которую выказалъ польскій пролетаріатъ, и той контръ-революціонной энергіи, которую проявили польскіе націоналъ-демократы. По этой системѣ польское революціонное движеніе полезно, какъ средство заставить правительство пойти на уступки по отношенію къ Царству Польскому, и въ то же время оно должно отвергаться національною демократіею, чтобы она могла, такимъ образомъ, заслужить своей «политическою зрѣлостью» довѣріе правительства.

На этой системѣ можно было бы остановиться, если бы можно было быть увѣреннымъ, что въ концѣ концовъ побѣдителемъ останется правительство. Но у націоналъ-демократовъ нѣтъ прочной вѣры въ стойкость правительства. Чего добраго, распорядителями на исторической сценѣ могутъ оказаться кадеты или кто-нибудь еще лѣвѣе. На какомъ основаніи тогда построить свои претензіи? Конечно, на основаніи солидарности въ революціонной борьбѣ, солидарности, проявленной и населеніемъ Царства Польскаго. Но вѣдьнаціоналъ-демократы отвергали эту борьбу? Да, на случай

побѣды правительства. Въ случаѣ же побѣды революціи окажется, что они-то и вели борьбу, а настоящіе борцы есть не болѣе, какъ фантомъ, иллюзія. Въ случаѣ же побѣды правительства окажется, что борьба велась чуждыми польской національности элементами, и что національ-демократы готовы были вести борьбу съ этой анархіей, но только имъ помѣшали охранное и военное положенія.

И это еще не конецъ. Совершенно такъ же строитъ партія и свое отношеніе къ мѣстному польскому революціонному движенію. Въ моментъ борьбы она является для національ-демократовъ измѣною, безуміемъ, преступленіемъ. Когда является надежда на побѣду, хотя бы частичную, революціи, на уступки, онѣ истолковываются, какъ плодъ твердой политики національной демократіи: она поняла важность момента, настояла и пріобрѣла. Когда шансы портились, конечно, національ-демократы всегда говорили: изъ безумія ничего разумнаго выйти не можетъ.

Попробуйте взвѣсить, читатель, сколько требуется для такой политики изворотливости. То, что было вчера ложью, сегодня правда, и завтра будетъ опять ложью, а потомъ опять правдою. Есть правда правая для правительства и лѣвая для кадетовъ, есть лѣвая правда о кадетахъ въ минуту побѣды и правая въ минуту пораженія. Но гдѣ же самая настоящая, національно-демократическая правда для самихъ національ-демократовъ? Объ этомъ они и сами не знаютъ: только окончательный результатъ покажетъ, кто они, хладнокровнѣйшіе ли революціонеры, или пламеннѣйшіе охранители порядка?

IV.

Интеллигентные слои польскаго общества были застигнуты русской революціей врасплохъ. Они и до настоящаго времени недостаточно оріентировались въ ней. Если политика тупоумной руссификаціи достигла какого-нибудь результата въ Царствѣ Польскомъ, то прежде всего въ томъ отношеніи, что она сдѣлала психологически невозможнымъ какое бы то ни было постоянное и правильное общеніе между русскимъ и польскимъ обществомъ. Распространенныя у насъ понятія о внутренней жизни русскаго общества, о развитіи русской общественной жизни, мысли и литературы отличаются характеромъ миѳическаго невѣжества. Это нужно принять въ соображеніе, чтобы понять возможность возникновенія той наивной наглости, какая характеризуетъ отношенія польскихъ національ-демократовъ къ русской революціи. О взаимныхъ отношеніяхъ національной демократіи и партіи реальной политики я уже говорилъ. Остается упомянуть о болѣе прогрессивныхъ элементахъ польской интеллигенціи. Самые прогрессивные и наиболѣе революціонные изъ нихъ отошли къ соціализму. О соціалистическихъ

организаціяхъ, однако же, здѣсь говорить мнѣ не приходится: это потребовало бы особой и по крайней мѣрѣ, столь же обширной статьи. Напомню только, что благодаря отсутствію ясно продуманной и установленной аграрной программы, какая бы то ни было политическая подготовка трудового крестьянства у насъ отсутствуетъ.

Возвращаясь къ прогрессивнымъ, но не соціалистическимъ элементамъ интеллигенціи, приходится констатировать проявляемую ими неспособность къ какой бы то ни было крупной политической роли. Находящійся подъ вліяніемъ этихъ элементовъ Крестьянскій союзъ, возникшій у насъ въ теченіе послѣдняго года, проявляетъ по наиболѣе жизненному для него вопросу, аграрному, значительную робость, и потому не можетъ создать сколько-нибудь серьезнаго противовѣса націонал-демократической пропагандѣ, опирающейся на реакціонные собственническіе инстинкты. Дѣятельность его, какъ и вся дѣятельность прогрессивныхъ элементовъ интеллигенціи, отличается характеромъ политическаго платонизма, замкнутаго въ сферѣ благородныхъ помысловъ и благихъ пожеланій. Элементъ же революціоннаго дерзанія у него вполнѣ отсутствуетъ. Отсутствуетъ онъ и у прогрессивныхъ, но не соціалистическихъ элементовъ интеллигенціи. Въ виду того, что они, съ одной стороны, не имѣютъ ясно продуманной соціальной программы, а съ другой, плохо ознакомлены съ исторіею соціальной и политической жизни Россіи въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій и потому склоны видѣть въ «земцахъ» иниціаторовъ революціоннаго движенія въ Россіи,—создать какую бы то ни было соотвѣтствующую моменту организацію изъ этихъ элементовъ почти немыслимо. Такъ называемая партія прогрессивной демократіи и возникла у насъ, единственно благодаря протекторату польской соціалистической партіи, которой одно время казалось полезнымъ и важнымъ образованіе у насъ либерально-буржуазной организаціи, соотвѣтствующей русскимъ к.-д. Но опытъ показалъ, что трудоспособность элементовъ, изъ которыхъ могла бы быть создана эта организація, слишкомъ мала, а претензіи ихъ слишкомъ велики.

Иначе и не могло быть. Общимъ въ соціальномъ отношеніи у этихъ прогрессивныхъ элементовъ является только ихъ отрицательное отношеніе къ соціализму. Отъ націонал-демократовъ же ихъ отталкиваютъ главнымъ образомъ, интересы культурнаго свойства и присущій націонал-демократамъ антисемитизмъ. На такихъ основаніяхъ, особенно, если принять въ соображеніе отсутствіе у польской интеллигенціи вырабатываемыхъ только практикой жизни организаціонныхъ способностей, не можетъ еще, конечно, возникнуть партія, способная къ совмѣстной, цѣлесообразной и энергической политической работѣ. Въ концѣ концовъ, одинъ только фабричный пролетаріатъ понялъ у насъ значеніе момента и поднялъ революціонное знамя. Борьбу ему пришлось вести подъ гнетомъ

явной, послѣдовательной враждѣ со стороны охваченныхъ вліяніемъ націоналъ-демократіи и «реальной политики» обывательскихъ слоевъ, при индифферентномъ или недоброжелательномъ отношеніи, распропагандированной въ анти-соціалистическомъ духѣ націоналъ-демократами деревни, при платоническомъ сочувствіи прогрессивной демократіи, не свободномъ отъ кротко-либеральныхъ вздоховъ.

Какъ только польскій фабричный пролетаріатъ началъ активную революціонную борьбу, — изъ лагеря націоналъ-демократовъ посыпались клеветы и ругательства.

По поводу вооруженной демонстраціи на Сѣнной площади 30 октября 1904 года галиційскій органъ націоналъ-демократовъ, «Слово Польское», писалъ, что это—дѣло еврейскихъ, прусскихъ или японскихъ агитаторовъ. Святѣйшій синодъ, такимъ образомъ, является, въ сущности, плагіаторомъ: онъ оказывается въ долгу у польскихъ націоналъ-демократовъ. Въ то же время націоналъ-демократическій публицистъ, Янъ Поплавскій, заявлялъ, что, если соціалисты не образумятся, то они заставятъ польское общество обратиться къ помощи полиціи. Эту угрозу націоналъ-демократическіе публицисты повторяли неоднократно. И въ настоящее время націоналъ-демократическія брошюры полны утвержденій, что соціалистическая агитація держится подонками общества, «жидовской интригой». Этими же утвержденіями переполнены и популярныя изданія, распространяемыя націоналъ-демократами въ крестьянствѣ. Въ декабрѣ 1905 года устроенъ былъ націоналъ демократами съѣздъ крестьянскихъ делегатовъ. На съѣздѣ этомъ не говорилось ни о чемъ, кромѣ готовности подавить крамолу, если бы она проникла въ деревню.

Во время существованія Думы, націоналъ-демократы твердили польскому крестьянину, что выдвигаемые въ Думѣ проекты аграрной реформы направлены къ тому, чтобы отнять у крестьянъ, неизвѣстно въ чью пользу, землю, которою они владѣютъ. Въ Думѣ же они говорили, что аграрный вопросъ долженъ быть у насъ рѣшенъ автономно, въ силу особыхъ условій жизни Царства Польскаго. Авторъ настоящей статьи за изобличеніе этой лжи объявленъ былъ измѣнникомъ народнаго дѣла. За такое же преступленіе объявленъ былъ врагомъ народа извѣстный польскій ученый Крживицкій. Измѣной было названо открытое письмо Сѣрошевскаго Анненскому. Измѣной было названо и вообще всякое проявленіе сочувствія русской революціи. Съ другой стороны, націоналъ-демократъ Станиславъ Любицкій писалъ, что польскому народу пріятнѣе было бы получить автономію отъ династіи, чѣмъ отъ Думы. Это, несомнѣнно, искреннее признаніе. Автономія для націоналъ-демократовъ—право на автономную борьбу съ революціей. Получить такую автономію отъ революціи или хотя бы отъ либеральной Думы довольно мудрено. Поэтому-то націоналъ-демократы искренно негодуютъ на недомысліе правительства.

Съ такимъ настроеніемъ по отношенію къ русской революціи націоналъ-демократы, тѣмъ не менѣе, пошли въ Думу и рѣшились запрывать въ ней не только съ кадетами, но даже съ трудовиками. А вслѣдъ затѣмъ у себя дома они торжествовали по поводу роспуска Думы. Теперь они занимаются дальнѣйшей работой, направленной къ тому, чтобы сдѣлать у насъ аграрную реформу возможно незначительной, чтобы дезорганизовать рабочій классъ при помощи «желтыхъ» синдикатовъ, заимствованныхъ изъ Франціи (впрочемъ парижскій «Temps» пишетъ, что выписанная ими программа вожака этихъ синдикатовъ Бьетри показалась имъ слишкомъ демократичною), и, наконецъ, къ тому, чтобы заложить основы для системы національно-реакціоннаго и клерикальнаго народнаго образованія (Macierz Polska).

Станиславъ Бржозовскій.

Радикализмъ передъ судомъ соціализма.

(*Письмо изъ Франціи*).

Большую публику въ гораздо сильнѣйшей степени интересуетъ крупный конкретный фактъ самъ по себѣ, чѣмъ его внутренній смыслъ и его историческое значеніе. Такъ, послѣдніе годы исторіи Франціи отмѣчены оживленіемъ того политическаго теченія, которое называется радикализмомъ и которому, именно вслѣдствіе этого самаго усиленія, приходится вступать то въ мирныя, то во враждебныя отношенія къ соціализму, повсюду становящемуся теперь великой исторической силой. И, однако, эта многозначительная особенность новѣйшаго времени начала привлекать къ себѣ вниманіе политикапствующей публики лишь послѣдніе шесть-семь мѣсяцевъ, со времени очень яркаго выступленія на политическую арену Жоржа Клемансо, такъ долго оттиравшагося на задній планъ мелкими людьми и крупными обстоятельствами. А теперь уже взоры всей Франціи и всего цивилизованнаго міра обращены на этого замѣчательнаго человѣка, который является центральной фигурой,— лучше сказать даже: главной пружиной, — новаго министерства. Я, по обыкновенію, постараюсь, исходя изъ этого конкретнаго факта, объяснить историческій смыслъ «клемансизма». Ибо читатель можетъ быть увѣренъ, что получитъ или не получитъ право граждан-

ства пускаемый много нынѣ въ обращеніе терминъ, сама вещь, т. е. сама политика Клемансо будетъ, несомнѣнно, существовать, какъ существовалъ «гамбеттизмъ», въ смыслѣ политики, опредѣлявшейся извѣстными свойствами Гамбетты.

Естественно будетъ, поэтому, въ этой статьѣ тѣсно связать общую политику современнаго французскаго радикализма и особенности рельефной личности Клемансо, а для этого прибавить новые штрихи къ портрету этого дѣятеля, уже фигурирующему въ моей «Галлереѣ современныхъ французскихъ знаменитостей» *). Мой этюдъ заканчивался слѣдующимъ образомъ: «Иронія судьбы преслѣдуетъ... Клемансо. Власть, къ которой онъ стремится, несомнѣнно бѣжитъ отъ него. Его выдающаяся роль въ сенатѣ, его публицистическій талантъ, обращенный теперь въ «L'Aurore» почти исключительно на политическія злобы дня, не въ состояніи, однако, до сихъ поръ обезпечить ему участіе въ министерской комбинаціи. И не такъ давно «Temps», полемизируя съ Жоресомъ о значеніи того или другого министерства для проведенія реформъ, констатировало эту любопытную особенность карьеры Клемансо». А въ бѣгломъ примѣчаніи мнѣ пришлось лишь бросить нѣсколько строкъ объ измѣненіи въ судьбѣ моего героя: «Я держалъ корректуру этого листа, когда телеграфъ принесъ извѣстіе, что Клемансо входитъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ кабинетъ Сарріена (мартъ 1906 г.). Итакъ, давнишняя мечта Клемансо осуществилась. Интересно, въ какой степени «сокрушитель министерства» проявитъ свою яркую индивидуальность, самъ стоя у власти».

Теперь можно уже говорить о томъ, какъ проявлялъ свою индивидуальность Клемансо, и что новаго обнаружилось въ ней, когда вѣчный представитель оппозиціи получилъ возможность приняться за положительную работу въ качествѣ члена правительства. Въ прошломъ кабинетѣ онъ игралъ чуть не первую скрипку; а недавно, не желая выпускать ее изъ рукъ, присоединилъ къ этой роли виртуоза и функцію капельмейстера, получивъ отъ президента республики миссію сформировать новое министерство. Во всякомъ случаѣ, и того, что было уже сдѣлано Клемансо, вполнѣ достаточно для оцѣнки этого дѣятеля въ его новомъ воплощеніи. Вотъ уже полгода, какъ его малѣйшіе жесты и слова жадно комментируются печатью и служатъ предметомъ обсужденія политическихъ круговъ. Появились и хвалебныя біографіи: назову брошюру Мориса Ле Блона *), имѣющую интересъ развѣ подробной библіографіи рѣчей и книгъ Клемансо, равно какъ этюдовъ, критикъ и оцѣнокъ, посвященныхъ этому дѣятелю. А число газетныхъ и журнальныхъ статей о Клемансо, и хвалебныхъ и враждебныхъ, возрасло до неимовѣрныхъ размѣровъ.

*) С.-Петербургъ, 1906, стр. 105—148.

**) Maurice Le Blond, Georges Clemenceau. Парижъ, 1906 г. (составляетъ одинъ изъ нумеровъ серіи «Les celebrités d'aujourd'hui»).

При какихъ же обстоятельствахъ Клемансо удалось, наконецъ, достигнуть власти, такъ долго ускользавшей отъ него? Въ 1905 г., какъ извѣстно, былъ вотированъ французскимъ парламентомъ (3-го іюля въ палатѣ депутатовъ, 6-го декабря въ сенатѣ) законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства, и вотированъ почти въ той самой формѣ, какую предлагалъ докладъ независимаго соціалиста Бріана, бывшаго рьянымъ отцомъ закона. Этотъ законъ устранялъ изъ государственнаго, департаментскаго и коммунальнаго бюджета издержки на содержаніе духовенства и предписывалъ ликвидацію всѣхъ «общественныхъ учрежденій культа». Для перехода церквей и разныхъ церковныхъ имуществъ и доходовъ въ руки «вѣроисповѣдныхъ ассоціацій» (associations cultuelles), которыя, согласно объясненному государственнымъ совѣтомъ закону, должны замѣнить субсидируемыя государствомъ церкви, параграфъ третій *) устанавливалъ обязательную операцію «инвентаря» (или подробной переписи чиновниками государственныхъ имуществъ) всей движимой и недвижимой собственности приходовъ. Воинствующіе клерикалы воспользовались этимъ параграфомъ, чтобы, коверкая его настоящій смыслъ, увѣрить католическія массы, что путемъ этой законодательной мѣры «безбожное» правительство желаетъ ни много, ни мало какъ конфисковать всѣ церковныя имущества и закрыть храмы. Эта агитація, въ общемъ окончившаяся фіаско, въ отдѣльныхъ мѣстахъ вызвала, однако, вооруженное сопротивленіе фанатизированнаго населенія, съ которымъ, правда, «діоклеціаны» третьей республики расправлялись гораздо мягче, чѣмъ со стачечниками или соціалистическими манифестантами, но по отношенію къ которому всегда привыкли пускать въ ходъ жандармовъ, полицію и войска.

Особенно рѣзкія формы это столкновеніе приняло въ департаментахъ Верхней-Луары и Сѣверномъ. Въ послѣднемъ церковь мѣстечка Бёйнь (Beuvrages) превратилась въ арену отчаянной свалки между чиновниками, охраняемыми жандармеріей, и прихожанами, которые чуть было не перебили представителей власти. Спасаясь отъ преслѣдователей, «діоклеціаны» стрѣляли въ воздухъ, но одинъ изъ жандармовъ убитъ, одни говорятъ по неосторожности, другіе—умышленно, напавшаго на него католика.

Дѣло было въ первыхъ числахъ марта. А 7-го марта 1906 г. кабинетъ Рувье подвергся въ палатѣ жестокой аттакѣ съ двухъ сторонъ, и со стороны католиковъ, и со стороны крайнихъ радикаловъ и соціалистовъ. Правая обвиняла министерство въ безпощадномъ избіеніи «мирныхъ» католиковъ, а крайняя лѣвая, наоборотъ, указывала на обычное мирволеніе правительства по отношенію къ клерикаламъ, въ то время, какъ всякія рабочія волненія

*) См. перепечатку закона у Андрэ Даніэля (Лебона): Andre Daniel L'année politique 1905; Парижъ, 1906 г., стр. 656—670.

свирѣпо подавлялись буржуазными демократами. Правительственный радикалъ, Рауль Пере, предложилъ резолюцію, или, какъ выражаются французы, «порядокъ дня», — съ довѣріемъ министерству. Но 267 голосовъ противъ 234 отвергли это предложеніе, и кабинетъ Рувье, такимъ образомъ, палъ. Выбранный въ январѣ президентомъ республики сенаторъ Фальеръ поручилъ составленіе новаго министерства сенатору Саррьену. И 14-го марта новый кабинетъ явился предъ парламентомъ съ министерской «деклараціей». Декларація сама по себѣ не представляла большого интереса и повторяла обычныя общія мѣста радикальной, точнѣе выражаясь умѣренно радикальной, программы. Въ ней говорилось о необходимости «единенія всѣхъ республиканцевъ». Въ ней упоминалось о предстоящихъ всеобщихъ выборахъ, къ которымъ правительство обѣщало, насколько это зависѣло отъ него, придать характеръ вполнѣ «лояльнаго опроса страны», поставляя себѣ съ этою цѣлью задачу «охраненія порядка и сопротивленія противъ попытокъ мятежныхъ элементовъ (entreprises des fâcheux)». Въ ней, наконецъ, заявлялось съ откровенностью, достойной лучшей участи, о намѣреніи правительства отказать въ правѣ на стачку чиновникамъ и служащимъ государства, обстоятельство, которое показываетъ, въ какой степени буржуазная демократія относится враждебно къ организованной борьбѣ труда противъ капитала.

Гораздо интереснѣе деклараціи министерства оказывался самый составъ его. Въ общемъ, распредѣленіе портфелей между радикальными и радикально-соціалистическими элементами, съ одной стороны, и умѣренно-республиканскими съ другой, было и въ новомъ кабинетѣ почти то же самое, что въ старомъ. Умѣренный республиканецъ Шомье уступилъ мѣсто радикалу Саррьену, который съ функціями президента совѣта министровъ получалъ портфель юстиціи. Министромъ иностранныхъ дѣлъ становился вмѣсто стараго оппортуниста Рувье, видный радикалъ Леонъ Буржуа. За то очень отвѣтственный постъ министра финансовъ, вмѣсто радикала-соціалиста Мерлу, оказывался теперь занятымъ такой оппортунистской «знаменитостью», какъ Раймонъ Пуанкаре. Начавшіе радикальничать въ послѣдніе годы, бывшіе мелинисты Луи Барту и Жоржъ Лэгъ становились министрами, первый — общественныхъ работъ, второй — колоній. Но главный интересъ новаго кабинета состоялъ въ томъ, что портфель министра народнаго просвѣщенія переходилъ изъ рукъ радикала Бьенвеню-Мартена въ руки «независимаго» соціалиста Бріана, уже упомянутаго нами творца закона объ отдѣленіи церкви отъ государства, а чрезвычайно важный портфель министра внутреннихъ дѣлъ изъ рукъ радикала-соціалиста Дюбефа въ руки Жоржа Клемансо, воплощавшаго въ себѣ, если можно такъ выразиться, и легенду и дѣйствительность французскаго радикализма. Имя Клемансо было, дѣйствительно, къ тому времени снова у всѣхъ на устахъ. И было странно не [illegible]

къ нему обратились, когда радикальная программа стала все болѣе и болѣе выдвигаться во Франціи, а то, что къ нему обратились слишкомъ поздно.

Не надо быть особеннымъ знатокомъ французской политики, чтобы понять, что ось новаго кабинета проходила черезъ общій центръ тяжести трехъ наиболѣе крупныхъ тѣлъ министерскаго созвѣздія: оппортуниста Пуанкарэ, радикала Клемансо и умѣреннаго соціалиста Бріана. При этомъ Клемансо, оттирая довольно тусклаго президента совѣта, Саррьена, на задній планъ, являлся естественно какъ бы соединительнымъ звеномъ, какъ бы посредникомъ между представителемъ оппортунизма, стоявшимъ правѣе его, и представителемъ парламентарнаго соціализма, помѣщавшимся отъ него влѣво. Тутъ слѣдуетъ отмѣтить, какъ знаменательный симптомъ психологіи Клемансо-министра, отличающейся отъ психологіи Клемансо-сокрушителя министерствъ, гибкость, съ какой этотъ нѣкогда пуританинъ радикальной программы приспособился съ самаго же начала къ особенностямъ кабинета, въ который входилъ послѣ столькихъ лѣтъ алканья и жажданья власти. Клемансо очень близко сошелся съ оппортунистомъ Пуанкарэ, изрядно консервативные взгляды котораго въ области финансовъ должны бы были, казалось, скорѣе сдѣлать его подозрительнымъ въ глазахъ Клемансо, всегда высказывавшагося за прогрессивный подоходный налогъ. Съ другой стороны, старый вождь радикализма прекрасно уживался бокъ-о-бокъ и съ блѣдно-розовымъ соціалистомъ Бріаномъ, не смотря на то, что всего нѣсколько мѣсяцевъ, чуть не нѣсколько недѣль тому назадъ онъ жестоко нападалъ на параграфъ четвертый выработаннаго Бріаномъ закона, передававшій церковныя имущества въ руки правильно организованныхъ католическихъ «вѣроисповѣдныхъ ассоціацій»—и клеймилъ за это Бріана и другихъ представителей соціализма, шедшихъ на этотъ компромиссъ, «папскими соціалистами». Оказывалось теперь, что папскіе соціалисты настолько удовлетворяли непреклонный радикализмъ Клемансо, что онъ, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, способствовалъ проведенію закона, бывшаго созданіемъ новаго министра просвѣщенія, и даже отдалъ приказъ по своему вѣдомству пріостановить энергичную тактику «инвентаря» и проводить эту перепись по возможности тихо и исподволь, чтобы взять, такъ сказать, измором расходившихся агитаторовъ клерикализма. Добавлю, наконецъ, что и въ области внѣшней политики, гдѣ Клемансо любилъ раньше высказывать скандализировавшіе многихъ французовъ рѣзко демократическіе взгляды, онъ обнаружилъ гораздо больше гибкости, чѣмъ послѣдовательности и мужества. Напомню лишь тотъ не подлежащій нынѣ никакому сомнѣнію фактъ, что Клемансо, бывшій—вмѣстѣ съ Бріаномъ—противъ нашего послѣдняго займа, который русское самодержавіе хотѣло заключить безъ согласія и до созыва Думы, не проявилъ, однако, достаточной энергіи,

чтобы воспротивиться преступной угодливости пресловутаго Буржуа, все больше и больше напоминающаго мнѣ нѣкоторыми сторонами своего характера Фрейсине, прозваннаго за свое искусное и, если можно такъ выразиться, изящное интриганство «бѣленькой мышкой» (petite souris blanche), по-русски «Лисой Патрикѣевной».

За то Клемансо проявилъ достаточно энергіи, и при томъ энергіи самаго недвусмысленнаго характера, въ области внутренней политики, руководить которою онъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ своего вступленія въ министерство. Словно нарочно судьба поставила Клемансо, цѣлый вѣкъ высказывавшаго и въ рѣчахъ, и въ статьяхъ самыя свободолюбивыя идеи, лицомъ къ лицу съ могучимъ рабочимъ движеніемъ и, такимъ образомъ, свела на историческую очную ставку радикализмъ и соціализмъ. Прежде всего, съ самаго начала марта, долго тлѣвшее въ департаментѣ Па-де-Калэ недовольство рудокоповъ противъ угольныхъ компаній вспыхнуло яркимъ стачечнымъ пламенемъ, которое особенно усилилось подъ вліяніемъ ужасной катастрофы въ шахтахъ Курріеръ. Взрывъ рудничнаго газа 10 марта, вызванный жадностью акціонеровъ, которые не хотѣли и слышать объ издержкахъ на хорошую вентиляцію копей, стоилъ жизни болѣе, чѣмъ 1,000 пролетаріевъ. Изъ огненнаго гроба спаслось, послѣ многодневныхъ ужасныхъ мученій, едва два десятка человѣкъ. Настроеніе умовъ было революціонное. Компаніи, которыя обязались договоромъ, заключеннымъ съ шахтерами въ послѣдніе годы и получившимъ силу закона, платить среднимъ числомъ 6 франковъ 72 сантима за рабочій день въ копяхъ, свели эту плату, путемъ различныхъ плутовскихъ продѣлокъ, до 4 фр. 92, 4 фр. 90, 4 фр. 89 и, наконецъ, 4 фр. 48 с. На этой общей почвѣ недовольства во всемъ департаментѣ разразилось стачечное движеніе, которое въ общемъ поражало своею стройностью и организованностью и лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, подъ вліяніемъ пропаганды нетерпѣливыхъ анархистовъ и сторонниковъ «прямого дѣйствія», выражалось въ насиліи противъ членовъ «желтыхъ» синдикатовъ, здѣшнихъ «независимцевъ», и прочихъ штрейкбрехеровъ.

Это какъ разъ происходило въ дни перемѣны кабинетовъ. И какъ только Клемансо получилъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ, такъ сейчасъ же помчался на сѣверъ, чтобы личнымъ присутствіемъ, какъ ему казалось, уладить дѣло. Сначала демократическая и даже соціалистическая пресса съ похвалой отзывалась о поведеніи министра. Простота его обращенія съ рабочими, смѣлость, съ которою онъ проникалъ на собранія стачечниковъ, все вплоть до его непретенціознаго костюма, мягкой шляпы, надѣваемой на бекрень, и неизмѣнной легкой тросточки въ рукахъ, все какъ будто обѣщало пролетаріату, что теперь, дѣйствительно, на-

ступили новыя времена, и что демократическое правительство будетъ иначе обращаться съ рабочимъ классомъ. Но вскорѣ науськиванія, клеветническія новости и преисполненныя притворнымъ ужасомъ передовицы буржуазной прессы, яростно нападавшей на Клемансо за его яко бы явное потворство насильственнымъ дѣйствіямъ стачечниковъ, сдѣлали свое дѣло. Клемансо не проявилъ настоящаго гражданскаго мужества и, испугавшись обвиненій буржуазныхъ газетчиковъ и политикановъ въ томъ, что онъ, Клемансо, не отвѣчаетъ идеалу настоящаго государственнаго человѣка, захотѣлъ показать, что онъ усмиряетъ рабочія волненія не хуже самыхъ реакціонныхъ министровъ Третьей республики. Повторилась обычная исторія, когда радикалы, желая показать имущимъ и правящимъ классамъ, что они, несмотря на кажущійся среднему буржуа краснымъ цвѣтъ ихъ программъ, мастера «спасать общество», пускаютъ въ ходъ тактику зажима, не уступающую охранительнымъ дѣяніямъ какого нибудь Мелина или Дюпюи.

Подъ тѣмъ предлогомъ, что стачечники, раздраженные измѣною и сопротивленіемъ «желтыхъ», силою хотѣли препятствовать имъ спускаться въ шахты, свободолюбивый Клемансо наводнилъ цѣлый департаментъ войсками. И если, съ одной стороны, имъ былъ отданъ приказъ арміи всѣми средствами избѣгать стрѣльбы, то, съ другой стороны, его желаніе импонировать массамъ умышленной выставкой громаднаго количества войскъ, жандармеріи и полиціи играло роль настоящей провокаціи. Самые авторитарные министры ограничивались во время крупнѣйшихъ стачекъ въ департаментѣ Па-де-Калэ посылкой 1[illegible],000 солдатъ. Клемансо, какъ одинъ изъ персонажей Мольера, могъ сказать: nous avons changé tout ça, «мы все это перемѣнили», пославъ на театръ стачки цѣлыхъ 25,000 солдатъ. Словно издѣваясь надъ стачечниками, онъ заявляетъ, что право бастовать должно столь же охраняться правительствомъ, какъ и право работать. Но въ то же самое время онъ отнимаетъ у мѣстныхъ пролетаріевъ всякую возможность собираться и столковываться, — вещь, безусловно необходимая для успѣха забастовки. Подъ предлогомъ предупрежденія столкновеній, онъ вмѣнилъ властямъ въ обязанность требовать строжайшаго соблюденія закона, запрещающаго во Франціи митинги подъ открытымъ небомъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ запретилъ давать стачечникамъ подъ собранія какого бы то ни было рода залы: мэріи, школы и т. п. Всѣ мѣста собраній заняты войсками. И получилась картина, которую съ свойственнымъ ему лиризмомъ Жорэсъ во время знаменитаго іюльскаго турнира съ Клемансо изобразилъ слѣдующими могучими штрихами: «говорятъ только генералы; никто изъ членовъ синдиката не можетъ сказать собравшимся рабочимъ слово одобренія. Рабочіе принуждены притаиться по домамъ; во всей странѣ нѣтъ мѣста для міра труда, есть лишь мѣсто для вооруженной силы».

И, конечно, случилось, чего можно было ожидать и чего можно было опасаться. Произошло нѣсколько столкновеній между вызывающе державшимися военными и выведенными изъ терпѣнія забастовщиками. Было ранено нѣсколько солдатъ и офицеровъ. При взятіи одной баррикады былъ смертельно раненъ поручикъ Лотуръ. Это подлило масла въ огонь полупритворнаго негодованія, которымъ пылали представители имущихъ и правящихъ классовъ. Пропаганда неумолимаго подавленія пролетаріевъ велась въ лагерѣ буржуазіи съ возрастающею силою. И Клемансо, разъ ставши на почву репрессій, долженъ былъ идти все дальше и дальше по этому пути, пока въ отсутствіи парламента, который сходилъ со сцены въ ожиданіи новыхъ всеобщихъ выборовъ 6-го и 20-го мая, онъ, наконецъ, не распространилъ на Парижъ и на всѣ мѣста провинціи, гдѣ только волновался рабочій классъ, систему затопленія войсками стачечныхъ районовъ. Поводъ же было легко найти, ибо повсюду въ началѣ текущаго года французскій пролетаріатъ обнаруживалъ духъ рѣшительнаго классового протеста, несомнѣнно вызваннаго революціоннымъ выступленіемъ русскаго рабочаго класса во время всеобщихъ забастовокъ. Къ первомайскому празднику труда пролетаріи Третьей республики готовились тѣмъ съ большей энергіей, чѣмъ болѣе разочаровывалъ ихъ прирученный со времени Мильерана парламентарный соціализмъ, и тѣмъ искуснѣе пользовалась этимъ настроеніемъ могучая синдикальная организація, извѣстная подъ названіемъ «Всеобщей конфедераціи труда». Вожаки этой организаціи, держащіеся за тактику революціоннаго «прямого дѣйствія» и въ значительной степени склоняющіеся къ анархизму, старались возбудить въ массахъ недовѣріе не только къ парламентарнымъ «независимымъ» соціалистамъ, но и ко всѣмъ соціалистамъ, стоящимъ на точкѣ зрѣнія политической борьбы, и готовили ихъ къ рѣшительному выступленію противъ всего современнаго строя.

Наканунѣ перваго мая буржуазныя, особенно же реакціонныя, газеты забили настоящій набатъ, объявляя отечество капиталистовъ находящимся въ опасности отъ новыхъ варваровъ. Эта кампанія произвела рѣшительную панику среди имущихъ. Многіе состоятельные парижане наскоро стали выѣзжать изъ столицы; другіе запасались горами провизіи въ предвидѣніи грандіозной всеобщей стачки. Клемансо наводняетъ и Парижъ, по примѣру Па-де-Калэ, войсками, на улицахъ великаго народа насчитываютъ 50,000 «красныхъ панталонъ», которые вмѣстѣ съ муниципальной гвардіей и полиціей должны, по плану свободолюбиваго министра внутреннихъ дѣлъ, терроризовать двухсоттысячную армію столичныхъ забастовщиковъ, отбить у нихъ охоту продолжать стачку. Патрули рабочихъ, которые стараются перехватить на дорогѣ и отговорить отъ измѣны братьямъ штрейкбрехеровъ, подвергаются нападенію полиціи и солдатъ. Стачеч-

никовъ безжалостно избиваютъ, арестуютъ, предаютъ суду исправительной полиціи, которая, механически вертя своими рутинными жерновами вѣчныхъ осужденій, приговариваетъ къ штрафу и тюрьмѣ всякаго, кто только очутился на скамьѣ подсудимыхъ и кого только обвиняетъ въ «непокорности», «угрозахъ» и «побояхъ» полицейскій и агентъ - провокаторъ. Въ день перваго мая полиція свирѣпствуетъ въ Парижѣ, нѣсколько разъ бросаясь въ атаку на площади Республики и прилежащихъ улицахъ безразлично противъ стачечниковъ, простыхъ зрителей и вообще толпы, и производитъ 800 арестовъ. На набережной Вальми даже буржуазныя газеты отмѣчаютъ знаменательный для настроенія «охранителей порядка» фактъ, что агентъ, упавшій съ велосипеда и возбудившій тѣмъ самымъ смѣхъ толпы, стрѣляетъ въ отместку по ней изъ револьвера. Въ пригородахъ Парижа подавленіе стачки принимаетъ не менѣе рѣзкія формы произвола.

Въ провинціи полиція и войска нещадно травятъ забастовщиковъ. Монлюсонъ, важный центръ металлическаго и стекляннаго производства въ департаментѣ Алье, поставленъ на военную ногу въ теченіе почти мѣсяца: съ 29-го апрѣля по 24-ое мая. Жандармы и кирасиры свирѣпо разгоняютъ тамъ 12-го мая не только стачечниковъ, но все рабочее населеніе города, стекшееся на обычный субботній базаръ и подвергшееся нападенію представителей порядка на мосту и набережныхъ. А въ эпилогѣ судъ исправительной полиціи присуждаетъ въ два пріема къ тюрьмѣ и штрафамъ многочисленныхъ рабочихъ, виновныхъ только въ томъ, что не могли исполнить невозможной задачи, возложенной на нихъ властями: моментально очистить запруженныя народомъ окрестности базара. Въ далекой Бретани, гдѣ населеніе съ каждымъ днемъ разбивается все больше на двѣ жестоко враждующихъ партіи: католиковъ и соціалистовъ, правительство вмѣшалось въ избирательную борьбу, которую вели между собой красные и желтые синдикаты. Префектъ департамента Финистерра сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы терроризировать стачечниковъ военнаго и торговаго порта, Бреста, которые старались вести выборную агитацію въ пользу соціалистическаго кандидата Гуда. Биржа труда была занята войсками, архивы рабочихъ организацій захвачены правительствомъ. Въ результатѣ прошелъ нѣкто Бьетри, ренегатъ анархизма и главный вожакъ «желтыхъ».

Не довольствуясь этимъ грубымъ матеріальнымъ насиліемъ надъ рабочимъ классомъ, Клемансо не остановился передъ употребленіемъ моральнаго оружія клеветы. Чтобы оправдать предварительныя мѣры противъ стачки вплоть до произвольныхъ арестовъ вожаковъ Конфедераціи труда, Клемансо сочиняетъ страшный заговоръ противъ республики, въ которомъ будто бы участвуютъ столковавшіеся между собой крайніе революціонеры съ одной стороны, и монархисты—съ другой, при чемъ противъ революціонныхъ

элементовъ дружественная Клемансо радикальная пресса бросаетъ обвиненіе въ томъ, что они находятся якобы на подкупѣ у реакціи. Конечно, этотъ мнимый заговоръ разсѣивается, какъ призракъ, какъ только до него серьезно коснулось судебное слѣдствіе, хотя и веденное представителями буржуазной юстиціи. Но дѣло было сдѣлано: на время вожаки рабочаго движенія были запрятаны въ тюрьму, и обезглавленный пролетаріатъ синдикатовъ не могъ выполнить во всей широтѣ планъ предпринятой имъ революціонной кампаніи. Общество было «спасено» еще разъ, спасено тѣмъ самымъ Клемансо, который въ качествѣ писателя жестоко обличалъ обычныя правительственныя мѣры противъ стачекъ. Но объ этомъ ниже... Не мѣшаетъ только припомнить, что въ министерство Комба, который по своимъ взглядамъ гораздо менѣе радикаленъ, чѣмъ Клемансо, такого пристрастнаго отношенія правительства къ одной сторонѣ, а именно къ представителямъ владѣнія, не замѣчалось во время обостренія борьбы между трудомъ и капиталомъ. Такъ, стачка винодѣловъ въ южныхъ департаментахъ осенью 1904 г. только потому и могла окончиться побѣдой забастовщиковъ, что, не смотря на завыванья крупной буржуазіи, министерство Комба рѣшительно отказалось отъ посылки войскъ на театръ стачки, и хозяева ясно увидѣли, что, предоставленные самимъ себѣ, они не могутъ выдержать дружной забастовки виноградарей.

Какъ бы то ни было, въ то самое время, какъ Клемансо вмѣшивался въ соціальную борьбу труда противъ капитала, во всей Франціи шла ожесточенная избирательная кампанія. На сей разъ «объединенные» соціалисты рѣшили повсюду, гдѣ только могли, выставить своихъ кандидатовъ и развернуть во всей чистотѣ программу коллективизма. А во всѣхъ случаяхъ перебаллотировокъ, когда ихъ кандидаты, въ силу распредѣленія голосовъ на первомъ вотѣ, не могли видимо пройти, они установили, какъ правило, вотировать только за тѣхъ буржуазныхъ кандидатовъ, которые своею программою давали имъ гарантію, что они не будутъ подавлять ростъ рабочаго класса никакими мѣрами политической и соціальной реакціи. Фактически это сводилось къ взаимному соглашенію соціалистовъ съ радикалами вотировать на перебаллотировкѣ за послѣднихъ противъ реакціонеровъ въ тѣхъ случаяхъ, когда радикальные кандидаты получали наибольшее число голосовъ при первомъ вотѣ, и, наоборотъ, требовать подачи радикальныхъ голосовъ за соціалистовъ, когда шансъ былъ на сторонѣ послѣднихъ. Такъ какъ, послѣ перваго благопріятнаго для обѣихъ партій вота, число избирательныхъ округовъ, въ которыхъ соціалисты могли надѣяться пройти на перебаллотировкѣ при этой комбинаціи, равнялось 25 или даже болѣе того, а число округовъ съ такими же шансами для радикаловъ достигало до 50, то буржуазная демократія пошла съ большой охотой на такое соглашеніе. Но классовой инстинктъ бралъ у нея верхъ, и въ то время, какъ соціа-

листы добросовѣстно выполнили на перебаллотировкѣ условія соглашенія, радикалы неоднократно нарушали ихъ и завѣдомо дали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перевѣсъ реакціонерамъ надъ соціалистами. Интересно, что виновники въ такомъ нарушеніи оказывались не одинъ разъ отдѣльные члены масонскихъ ложъ, которые охотно прибѣгали на своихъ «конвентахъ» и въ своихъ сношеніяхъ къ фразеологіи «братства», но съ видимымъ удовольствіемъ давали «подножку» соціалистамъ на перебаллотировкѣ.

Въ концѣ концовъ, несмотря на политику зажима, практиковавшуюся министромъ внутреннихъ дѣлъ по отношенію къ рабочему классу какъ разъ въ горячую пору избирательной агитаціи, соціалисты одержали крупную побѣду на выборахъ. Но настоящій тріумфъ выпалъ на долю радикаловъ, которые почти повсюду если не разбили, то оттѣснили реакціонеровъ и умѣренныхъ республиканцевъ.

Ось новой палаты проходила теперь значительно лѣвѣе центра, и радикальная буржуазія становилась господою положенія. Теперь Клемансо могъ, казалось бы, развивать безпрепятственно свою радикально-соціалистическую программу. Тѣмъ интереснѣе наблюдать, какъ въ лицѣ этого крупнаго человѣка буржуазная демократія справлялась съ соціальнымъ вопросомъ и относилась къ запросамъ соціализма. Чуя невозможность приручить объединенныхъ соціалистовъ, какъ ему удалось приручить соціалистовъ «независимыхъ». Клемансо рѣзко и въ теоріи, и на практикѣ, выступилъ противъ послѣдовательнаго міровоззрѣнія труда. Мы видѣли, какъ безпощадно министерство Сарьена,—т. е. въ сущности министръ внутреннихъ дѣлъ, все тотъ же Клемансо,—въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ обходилось съ забастовщиками, обходилось, несмотря на присутствіе въ кабинетѣ «независимаго» соціалиста Бріана, который составилъ свою политическую карьеру на прославленіи всеобщей стачки. То была практика радикально-соціалистической партіи при столкновеніи съ міромъ труда. Но вскорѣ, тѣмъ же Клемансо, была развернута и теорія. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно любопытно столкновеніе между правительствомъ и соціалистами на первыхъ же засѣданіяхъ новой палаты. Она собралась 12-го іюня и выслушала декларацію министерства, только что одержавшаго побѣду на выборахъ. Съ первыхъ же словъ деклараціи было ясно видно, какую позицію радикалы будутъ занять по отношенію къ пролетаріату. Среди тусклаго и малозначущаго набора словъ ярко выдѣлялась фраза: «Оказывая государственнымъ служащимъ въ правѣ стачки, которое не можетъ быть имъ дано, не причиняя опасности интересамъ всей страны, мы ставимъ тѣмъ не менѣе своею задачею гарантировать ихъ отъ произвола путемъ правильнаго статута». И въ то время, какъ соціалистъ Вальянъ прервалъ это мѣсто гнѣвнымъ восклицаніемъ: «Они его возьмутъ сами, если имъ не да-

дутъ его», скамьи лѣвой огласились дружными рукоплесканіями, поддержанными съ неменьшей энергіей будировавшимъ на правительство центромъ. Было до очевидности ясно, что, когда рѣчь шла о борьбѣ рабочихъ противъ классоваго государства, всѣ буржуазныя фракціи сливались въ одну партію капитала, враждебную партіи труда. И эти дружные аплодисменты занесены на скрижали французскаго парламента *).

Еще многозначительнѣе ораторскій турниръ между интерпеллировавшими правительство соціалистами и Клемансо, взявшимся отвѣчать за кабинетъ. Одинъ за другимъ, и умѣренный представитель рудокоповъ, Басли, и гэдистъ Констанъ, и блан кистъ Вальянъ, и Жорэсъ, развертывали передъ палатой картину подавленія рабочихъ тѣмъ самымъ человѣкомъ у власти, который, стоя въ оппозиціи, не находилъ достаточно рѣзкихъ словъ, чтобы клеймить вмѣшательство государства въ борьбу между трудомъ и капиталомъ. Читателю уже знакома эта картина: выше мы привели наиболѣе характерные пріемы расправы Клемансо съ забастовщиками. Синтезъ и философію этихъ актовъ радикала-соціалиста по отношенію къ французскому пролетаріату Жорэсъ резюмировалъ въ слѣдующихъ словахъ: «По поводу перваго мая, во всѣхъ промышленныхъ городахъ, во всѣхъ рабочихъ центрахъ Франціи,—словомъ, повсюду раскрывалось то же зрѣлище, выдвигалась та же вооруженная сила, выражавшая подавляющее массы недовѣріе... Весь народъ Парижа и пригородовъ убѣжденъ, что его свобода подвергласъ посягательству, его право стачки получило жестокій ударъ... На этотъ разъ у народа осталось впечатлѣніе, что правительство всѣми средствами, чтобы успокоить перепуганное общественное мнѣніе буржуазіи, хотѣло разбить рабочее движеніе. И это впечатлѣніе чрезвычайно тяжело».

«О, я понимаю затрудненіе, скрытое раздраженіе г. министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ прилагалъ ко всѣмъ учрежденіямъ свою отрицательную критику, но не выводилъ изъ нея никакого заключенія о новомъ обществѣ, о новой системѣ. И вотъ, когда люди, воспользовавшіеся отчасти уроками этой рѣзкой критики, вступаютъ въ движеніе, пускаются въ путь, свидѣтельствуютъ самой массой своей дѣятельности, что моментъ чистой критики уже прошелъ, что теперь надо придти къ реальнымъ результатамъ, преобразовать этотъ соціальный порядокъ, основанный на несправедливости и угнетеніи, тогда вчерашній критикъ, поставленный лицомъ къ лицу съ ничтожествомъ своихъ представленій о грядущемъ, неизбѣжно охватывается чувствомъ раздраженія, которое выражается въ изобильномъ употребленіи военнаго и полицейскаго элемента» **).

---

*) Засѣданіе палаты 12-го іюня 1906 г. въ „Journal officiel Déb. parl. Chambre, 13 іюня 1906, № 158.

**) Ibid., стр. 1948.

Клемансо отвѣчалъ на эти интерпелляціи соціалистовъ на засѣданіи 15-го іюня. И надо было видѣть, съ какимъ восторгомъ всѣ буржуазные депутаты, т. е. громадное большинство палаты, не исключая ни центра, ни правой, привѣтствовало эту блестящую, талантливую, пропитанную боевымъ электричествомъ, но въ то же время глубоко невѣжественную въ соціальномъ смыслѣ и софистическую рѣчь. Ораторъ, прежде всего, считаетъ долгомъ, бросивши нѣсколько цвѣтовъ привѣтствія краснорѣчію и благородству Жорэса, поглумиться надъ соціалистическимъ идеаломъ: «Увы! въ то время, какъ передъ очарованными глазами новаго творца развертывается этотъ величественный миражъ, я, колеблющійся смертный, тяжело пашу въ равнинѣ и даже въ самой глубинѣ долины, борясь съ неблагодарной почвой, которая отмѣриваетъ мнѣ лишь скудную жатву».

Расположивъ, такимъ образомъ, въ свою пользу всѣ, всѣ до единаго буржуазные элементы палаты издѣвательствомъ надъ міровоззрѣніемъ труда, Клемансо хочетъ съ свойственной ему смѣлостью взять быка прямо за рога и, невозмутимо отрицая факты подавленія имъ стачечнаго движенія, бросаетъ при взрывѣ аплодисментовъ злѣйшихъ реакціонеровъ категорическое утвержденіе, что онъ не могъ подавить рабочаго класса уже потому, что нигдѣ не встрѣтилъ его предъ собой, а встрѣтилъ лишь «обезумѣвшихъ людей», которые громили жилища отказавшихся отъ стачки рабочихъ и сопротивлялись войскамъ за баррикадами. Въ пылу этого нападенія на забастовщиковъ, Клемансо обронилъ даже нѣсколько фразъ, которыя потекли настоящимъ бальзамомъ по сердцу заклятыхъ враговъ рабочаго движенія, но возбудили крайнее негодованіе людей, еще не забывшихъ свободолюбивыя рѣчи и статьи недавняго Клемансо. Онъ, кичащійся тѣмъ, что выучился въ англо-саксонскихъ странахъ уваженію къ уличнымъ манифестаціямъ массъ, онъ, который отрицалъ за оппортунистскими кабинетами какое бы то ни было право пускать въ ходъ насильственныя мѣры противъ стачечниковъ, бросалъ съ высоты трибуны слѣдующія «мысли» буржуазнаго министра, вполнѣ достойныя своихъ предшественниковъ изъ категоріи людей зажима: «У насъ, какъ только человѣкъ дѣлаетъ стачку, такъ сейчасъ же начинаетъ воображать, что онъ не вполнѣ выполняетъ свой долгъ, если не устраиваетъ манифестаціи.—а между тѣмъ хорошо знаешь, какъ манифестація начинается, но никогда не знаешь, какъ она кончается (*очень хорошо! очень хорошо!* на скамьяхъ *лѣвой и центра*), и не спрашиваетъ себя, не причиняетъ ли онъ тѣмъ самымъ насилія тѣмъ, кто не раздѣляетъ его взглядовъ (*новые знаки одобренія на тѣхъ же самыхъ скамьяхъ*)» *).

*) Засѣданіе 14 го іюля („Journal officiel" Déb. parl. Chambre, 15 juin 1906, № 160, стр. 1996).

Или возьмите хоть слѣдующее мѣсто, въ которомъ Клемансо иронически и почти глумясь надъ пролетаріатомъ, излагаетъ основанія, по которымъ онъ счелъ нужнымъ наводнить Парижъ и другія мѣста войсками и арестовать членовъ Конфедераціи труда: «Мнѣ показалось, что я сильно нарушилъ бы свой долгъ по отношенію къ странѣ, по отношенію къ республиканскимъ идеямъ, если бы въ моментъ, подобный тому, какой мы переживали, не уберегъ Парижъ отъ опасности мятежа, послѣдствія котораго было трудно предвидѣть... Вѣдь даже скромному буржуазному министру позволительно немножко не довѣрять. Вотъ это и случилось со мною; я почувствовалъ недовѣріе (*спитъ въ палатѣ*), а въ результатѣ и было на площади республики нѣсколько арестовъ... Вы говорили о восьмистахъ... На самомъ дѣлѣ было всего 650 арестованныхъ лицъ» *). «Всего» 650!..

Но еще знаменательнѣе этихъ смѣлыхъ выпадовъ сомнительнаго остроумія и развязнаго пренебреженія фактовъ была философская часть рѣчи Клемансо, часть, которая возбудила наибольшій восторгъ въ радикальномъ парламентѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаружила глубокое, можно подумать почти умышленное, незнаніе Клемансо въ области соціальныхъ вопросовъ. Я приведу цѣликомъ это мѣсто вмѣстѣ съ прерывавшими его восклицаніями соціалистовъ: «Истина заключается въ томъ, что надо различать въ соціальной организаціи двѣ вещи: человѣка и обстановку (cadre). Проще, конечно, кажется реформировать теоретически обстановку; каждый охотно предастся этому занятію. Но если вы обратите вниманіе на то, что обстановка общественной организаціи есть и можетъ быть только продуктомъ послѣдовательныхъ человѣческихъ воззрѣній, то произвольно измѣнить общественную организацію и не позаботиться о томъ, можетъ ли человѣкъ приспособиться къ ней, будетъ такимъ дѣйствіемъ, которое приведетъ лишь къ самому крайнему безпорядку (*рукоплесканія на лѣвой*). Такимъ образомъ, даже для тѣхъ, кто претендуетъ на то, чтобы передѣлать общественную организацію, все приводитъ ихъ прежде всего къ коренной реформѣ индивидуума (*новыя рукоплесканія на тѣхъ же скамьяхъ*).

Поль Констанъ. Вы ставите плугъ впереди быковъ!

Девэзъ. Это чисто религіозное представленіе объ обществѣ!

Клемансо... Если вы реформируете индивидуума, если вы сосредоточите свои усилія на реформѣ человѣческой личности, то человѣкъ самъ найдетъ подходящую для него обстановку и общественную организацію, не заботясь о вашихъ теоріяхъ, не заботясь о пророчествахъ, которыя вы изрекали и которыя, конечно, не

*) Ibid. стр. 2001. См. у E. Zevort. „Histoire de la Troisieme Rèpublique" Парижъ, 1898, т. III, стр. 197—198 точь въ точь такой же циничный отвѣтъ министра Гоблэ интерпеллировавшему его Клемансо насчетъ употребленія войскъ при стачкахъ.

могутъ осуществиться, потому что вы не можете, если только сами вы не божество, предвидѣть результатъ человѣческой эволюціи (*Рукоплесканія*)»...

«Нашъ же идеалъ, это — возвеличить человѣка, возвеличить скорѣе дѣйствительность, чѣмъ фантазію, тогда какъ вы заключаете самихъ себя, а вмѣстѣ съ вами всего человѣка, въ узкую область коллективнаго и анонимнаго абсолютизма. Мы поставляемъ нашъ идеалъ въ красотѣ индивидуализма, въ великолѣпіи и расцвѣтѣ индивидуума въ нѣдрахъ общества, которое регулируетъ его только съ тѣмъ, чтобы лучше развивать его» *).

Мы знаемъ, что эта рѣчь, въ соціологической части представляющая пережевываніе давнишнихъ мыслей моралистовъ о нравственномъ совершенствованіи человѣка, а въ практической являющаяся вызовомъ рабочему классу, ужасно пришлась по вкусу палатѣ депутатовъ. Ей апплодировали въ иныхъ мѣстахъ не только друзья, но и враги Клемансо изъ центра и правой, а заключительные аккорды оратора встрѣтили отзвукъ на всѣхъ скамьяхъ, кромѣ соціалистовъ. Буржуазный парламентъ вотировалъ громаднымъ большинствомъ голосовъ не только довѣріе министерству, но печатаніе и расклейку рѣчи Клемансо. Между тѣмъ, когда читаешь эту министерскую словесность, нельзя не видѣть несомнѣннаго регресса въ пониманіи Клемансо, который въ лучшіе годы своей политической дѣятельности никогда не ставилъ общественную эволюцію въ такую зависимость отъ личнаго совершенствованія человѣка. Это безплодное морализированіе, эта своего рода толстовщина показываетъ лишь, въ какой степени даже выдающіеся умы буржуазіи фатально обречены на мельчаніе и паденіе, какъ только они становятся въ рѣзко враждебныя отношенія къ міровоззрѣнію труда, этому солнцу современнаго періода человѣчества, освѣщающему и окрашивающему всѣ крупныя и мелкія явленія общественной и личной жизни.

Плоская поверхностность и противорѣчивость «идивидуалистическихъ» разсужденій Клемансо рѣзко оттѣнена была въ отвѣтной рѣчи Жореса. Я приведу лишь одно мѣсто изъ отвѣта соціалистическаго вожака:

«Когда вы ставите намъ въ вину то, что мы стремимся представить себѣ новый соціальный механизмъ, новую соціальную среду, гдѣ человѣческія способности могутъ развиваться шире и гармоничнѣе, вы говорите намъ: на свѣтѣ есть только одна живая сила: это — индивидуумъ: существуетъ лишь одно средство реформировать человѣческое общество, это реформировать индивидуумовъ; моральная рефома индивидуумовъ — есть альфа и омега соціальной реформы».

«Какъ? спрашиваю я еще разъ. Вы, человѣкъ науки, вы, док-

*) Ibid., стр. 2008

торъ, вы, старый студентъ медицины, какъ вы недавно выразились, и вы изолируете индивидуальный организмъ отъ общественной среды (*Рукоплесканія на скамьяхъ крайней лѣвой*). Но въ такомъ случаѣ именно вы и провозглашаете самую странную, самую химеричную абстракцію. Между индивидуумомъ и средой существуетъ дѣйствіе и обратное воздѣйствіе, законъ которыхъ и составляетъ человѣческій прогрессъ.

Клемансо. Да, но индивидуумъ создаетъ среду.

Жорэсъ. Индивидуумъ создаетъ среду, да. Но среда опредѣляетъ границы, способы воздѣйствія индивидуумовъ и приглашаетъ ихъ, принуждаетъ ихъ преобразоваться. Ваша доктрина абсолютнаго индивидуализма, которая утверждаетъ, что социальная реформа цѣликомъ содержится въ моральной реформѣ индивидуумовъ, это, позвольте мнѣ сказать, есть отрицаніе всѣхъ обширныхъ прогрессивныхъ движеній, опредѣлявшихъ исторію человѣчества, отрицаніе самой французской революціи (*Рукоплесканія на скамьяхъ крайней лѣвой*) *).

Что касается до того, какъ Клемансо расправлялся съ рабочимъ классомъ путемъ мѣръ, которыя онъ вызвалъ, пронизируя надъ справедливымъ негодованіемъ интерпелировавшихъ соціалистовъ, проявленіемъ «недовѣрія буржуазнаго министра», то эту тактику онъ самъ заклеймилъ достаточно рѣзко, когда былъ депутатомъ оппозиціи или одинокимъ публицистомъ, послѣ пораженія на выборахъ 1893 г. Изъ многочисленныхъ рѣчей и статей, посвященныхъ Клемансо въ оппозиціи этой рѣзкой критикѣ пріемовъ современнаго классоваго государства, я приведу лишь одно нѣсколько длинное, но очень краснорѣчивое мѣсто:

«Стачка—борьба *равнымъ оружіемъ* между трудомъ и капиталомъ. Когда предлагаешь экономистамъ вмѣшаться въ отношенія между рудокопомъ и хозяиномъ копи, они отвѣчаютъ, что государство не имѣетъ никакого права вмѣшиваться. Хозяинъ рудника у себя; государство можетъ требовать отъ него лишь необходимыхъ гарантій, чтобы обезпечить безопасность рабочаго, и ничего болѣе. Патронъ не имѣетъ права убить своего рудокопа обваломъ шахты, за это онъ заплатитъ 16 франковъ штрафу. Но убить путемъ уменьшенія заработной платы, это дѣло другое».

«Пусть рудокопы справляются, какъ знаютъ: они же свободны. Трудъ ихъ рукъ такой же товаръ, какъ и всѣ другіе, — вотъ пускай они и сговорятся, чтобы продать его по наивысшей цѣнѣ. Я слышалъ на эту тему въ палатѣ сто рѣчей, которыя умиляли чуть не до обморока самыхъ выдающихся изъ нашихъ парламентскихъ старцевъ».

«Но лишь только произнесено слово «стачка», какъ государство, которое пять минутъ тому назадъ не имѣло права вмѣши-

*) Ibid., стр. 2013.

ваться, теперь вмѣшивается самымъ насильственнымъ образомъ. Приходятъ жандармы, а за ними пѣхота, кавалерія, даже артиллерія, и весь этотъ народъ вступаетъ въ разговоръ со стачечникомъ».

— «Какъ, подъ предлогомъ, что ты имѣешь право сговариваться съ товарищами, ты претендуешь на то, чтобы ходить по шахтамъ и проповѣдывать тѣмъ, которые хотятъ приняться снова за работу, что они не правы? А ты развѣ не видишь, что дорога загорожена? Ты хочешь всетаки пройти? Арестуйте его!.. А ты, другой, вчера говорилъ съ женой товарища, который остался работать въ шахтѣ Твой голосъ, жесты, взглядъ угрожали ей. Посягательство на свободу труда! Вотъ тебѣ, дружокъ, пара хорошихъ ручныхъ кандаловъ. Пройдись-ка къ ближнему праведному судьѣ, который получитъ орденъ въ будущемъ году за то, что образумитъ тебя. А пуще всего безъ возраженій! Иначе, это будетъ сопротивленіе и мятежъ противъ агентовъ власти. А въ такихъ случаяхъ господа судьи вѣрятъ агенту на слово»...

... «Общественное мнѣніе возмутится, наконецъ, при видѣ такихъ чудовищныхъ зрѣлищъ. Но если оно будетъ молчать, если будетъ само собою разумѣться, что республика должна практиковать, еще болѣе отягощая ихъ, пріемы прошлаго, то будьте откровенны: уничтожьте право стачки, потому что вашъ законъ — постыдная ловушка. И тогда не зачѣмъ пускать въ ходъ ни военнаго положенія, ни кандаловъ, ни сажанья невинныхъ въ тюрьму за то, что они совершили преступленіе, желая жить своимъ трудомъ, ни свидѣтелей, которыхъ осуждаютъ за то, что они не хотятъ писать показанія противъ товарищей подъ диктовку властей»!..

«Нѣтъ, нѣтъ, не надо стачекъ! Пусть рудокопы удовольствуются тѣмъ кускомъ хлѣба, который имъ бросаютъ хозяева, а если его не хватитъ для нихъ самихъ и для ихъ семей, ну, такъ пускай они идутъ просить милостыни по дорогамъ» *)...

Этими жгучими строками Клемансо-писатель выжегъ заранѣе, словно раскаленнымъ желѣзомъ, клеймо на лбу Клемансо-министра, который въ данномъ случаѣ поступилъ совершенно въ духѣ когда-то бичевавшихся имъ воззрѣній оппортунизма: заушать, находясь у власти, тѣ самые принципы, которые въ оппозиціи считались ими руководящими. По окончательные итоги превращенію Клемансо изъ человѣка свободы въ человѣка зажима мы подведемъ позже, когда дорисуемъ его портретъ въ послѣднемъ воплощеніи. Теперь же перейдемъ къ дальнѣйшей его министерской дѣятельности. Клемансо, ставъ въ рѣзкія отношенія къ классовому рабочему движенію и къ «объединенному» соціализму, тѣмъ не менѣе, вмѣстѣ со своими товарищами по кабинету, участвовалъ въ проведеніи

*) G. Clemenceau, La mêlée sociale; Парижъ, 1895, стр. 299 — 301, *passim*.

кой-какихъ рабочихъ реформъ и законовъ, которые народились въ предѣлахъ радикальной программы. Кабинетъ Саррьена, гдѣ игралъ такую выдающуюся роль Клемансо, содѣйствовалъ проведенію въ палатѣ закона о рабочихъ пенсіяхъ (retraites ouvrières; его еще предстоитъ защищать новому министерству въ сенатѣ) и окончательному вотu закона 13-го іюля объ обязательномъ еженедѣльномъ (воскресномъ) отдыхѣ. Не мѣшаетъ, впрочемъ, замѣтить кстати по этому поводу, что Клемансо, которому въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ пришлось заботиться о приложеніи послѣдняго закона на практикѣ, проявилъ и здѣсь гораздо меньшую энергію по отношенію къ нарушающимъ воскресный отдыхъ хозяевамъ, чѣмъ какую проявилъ при подавленіи стачечнаго движенія. И пресловутый префектъ полиціи, Лепинъ, для котораго во время оно Клемансо не находилъ достаточно рѣзкихъ словъ, обличая его терроризирующій населеніе произволъ, но съ которымъ онъ сошелся очень хорошо со времени весеннихъ столкновеній съ манифестантами, тотъ самый грозный предводитель полицейскихъ «центральныхъ бригадъ» оказался очень вялымъ исполнителемъ вялой министерской воли. Лепинъ, отражая настроеніе своего непосредственнаго начальника, сдѣлалъ исключеніе для многочисленныхъ парижскихъ промышленниковъ и торговцевъ. И лишь упорныя и энергичныя демонстраціи рабочихъ и мелкихъ служащихъ, стоявшихъ за строгое исполненіе закона о воскресномъ отдыхѣ, заставили Клемансо и его сподвижника принять болѣе строгія мѣры къ осуществленію воли парламента. Такое же мирволенье къ нарушителямъ закона замѣчалось и въ провинціи. Но тамъ мѣстное рабочее населеніе, не встрѣчая противодѣйствія такихъ виртуозовъ полицейскаго произвола, какъ Лепинъ, довольно скоро справилось, при помощи цѣлесообразныхъ манифестацій, со злостнымъ сопротивленіемъ хозяевъ. Какъ бы то ни было, вся рабочая Франція могла убѣдиться нынѣшнимъ лѣтомъ, въ какой степени тактика министра внутреннихъ дѣлъ измѣнялась въ смыслѣ рѣзкости и энергіи, смотря по тому, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло: съ рабочимъ ли классомъ, защищающимъ свое право на лучшее будущее, или съ представителями капитала и владѣнія, отстаивающими свое право на эксплуатацію труда.

Осуществленіе воскреснаго отдыха видимо, впрочемъ, мало интересовало Клемансо, который лѣтомъ и осенью былъ занятъ другимъ, казавшимся ему гораздо болѣе важнымъ дѣломъ: распространеніемъ въ странѣ своего личнаго вліянія и подготовленіемъ къ болѣе важной роли премьера. И надо отдать справедливость Клемансо, — эту задачу онъ выполнялъ съ большимъ мастерствомъ. Дѣло шло о томъ, чтобы выдвинуть себя среди правящаго персонала на первый планъ, и въ то же время продѣ-

лать эту операцію такъ, чтобы страна и не замѣтила всей преднамѣренности такой кампаніи, а просто пришла къ заключенію, что стать во главѣ радикальнаго правительства долженъ Клемансо. Походъ на общественное мнѣніе начался съ усиленной агитаціи въ пользу министра внутреннихъ дѣлъ въ печати и среди радикальныхъ политическихъ круговъ. Послѣдніе шли уже и безъ того навстрѣчу поздно восходящему, но тѣмъ болѣе привлекающему къ себѣ взоры радикальной буржуазіи свѣтилу. Печать же Клемансо, самъ занимавшій въ ней болѣе десяти лѣтъ видное мѣсто, привлекалъ своею простотою обращенія съ газетчиками, непринужденностью, остроуміемъ, — словомъ, качествами профессіональнаго собрата. Начались разъѣзды по странѣ и произнесеніе многочисленныхъ политическихъ рѣчей, которыя были пріурочены Клемансо ко времени парламентарныхъ каникулъ, когда всякое политическое событіе усердно комментируется газетами за недостаткомъ сенсаціоннаго матеріала. Въ концѣ сентября и въ первой половинѣ октября только и толку было, что о Клемансо. Его автомобиль носился по западной и южной Франціи, и банкеты его приверженцевъ слѣдовали за банкетами, рѣчи гастролирующаго министра раздавались за рѣчами, порою по нѣсколько разъ въ день. Онъ пожиналъ лавры и въ родной Вандеѣ, и среди нѣкогда провалившихъ его избирателей Варскаго департамента.

Для характеристики Клемансо, для пониманія его психологіи въ новомъ воплощеніи эти застольныя рѣчи доставляютъ богатый матеріалъ, и мы сейчасъ займемся его освѣщеніемъ. Самыми важными изъ нихъ были рѣчи въ Рошѣ-на-Йонѣ, главномъ городѣ департамента Вандеи, и въ Драгиньянѣ, главномъ городѣ департамента Вара,—какъ то явствуетъ уже изъ того факта, что эти два образца краснорѣчія Клемансо передалъ потомству на столбцахъ оффиціальнаго органа Третьей республики.

Въ Рошѣ-на-Йонѣ Клемансо находился на родинѣ, среди своихъ земляковъ, потомковъ тѣхъ самыхъ вандейцевъ, что, по его же давнишнему эффектному выраженію въ палатѣ, «всадили кинжалъ въ спину Франціи въ то время, какъ она боролась съ внѣшнимъ врагомъ». Теперь дѣло шло о томъ, чтобы воспользоваться общимъ ростомъ республиканскихъ идей въ странѣ и создать себѣ популярность, говоря къ «голубымъ» (демократамъ) Вандеи, но не забывая польстить качествомъ стойкости и неустрашимости и «послѣднихъ шуановъ». Тонкій и чрезвычайно умный человѣкъ съ успѣхомъ выполнилъ эту задачу. И его рѣчь (30-го сентября) удовлетворила демократическую буржуазію и даже часть умѣренно республиканской, вплоть до журналистовъ, любящихъ краснорѣчіе и «литературу» даже въ политическихъ обращеніяхъ оратора къ толпѣ. Рѣчь начиналась блестящимъ изображеніемъ,—словно изъ хорошаго романа,—родной страны и чувствительной характеристикой ея жителей. Клемансо, сынъ архи-богатаго сельскаго док-

тора и самъ живущій всегда на широкую ногу, среди свѣтской и, если можно такъ выразиться, интеллектуальной роскоши съ большимъ искусствомъ вызывалъ передъ своими польщенными слушателями фигуры грубыхъ, но энергичныхъ дѣятелей. И любители изящной литературы съ энтузіазмомъ аплодировали началу рѣчи Клемансо, напоминавшее главы изъ его книги «Великій Панъ», посвященныя пейзажамъ и типамъ родной страны *).

Но Клемансо не любитъ «ходить по четвереньки», согласно любимому выраженію французовъ, и наоборотъ — сейчасъ же устремляется къ намѣченной имъ цѣли. Вслѣдъ за литературой идетъ политика: Клемансо очень ловко и въ общемъ исторически вѣрно объясняетъ вандейскій мятежъ тѣмъ, что въ то же время, потомковъ тѣхъ, которые умирали за «короля и вѣру», войти равноправными членами въ великую республиканскую семью. Я приведу наиболѣе рельефное мѣсто этой исторической экскурсіи:

«Нашъ молчаливый крестьянинъ, быстрый физически, но медлительный умомъ, проницательный, можетъ быть, и узкимъ, но мощнымъ идеализмомъ, любитъ прежде всего спокойствіе земли, хочетъ мира въ трудѣ, обнаруживаетъ недовѣріе ко всему, находящемуся извнѣ, такъ что называетъ даже порою «иностранцемъ» соотечественника изъ сосѣдней деревни. Онъ желаетъ быть свободнымъ, онъ не терпитъ надъ собой, и въ грандіозномъ порывѣ впередъ революціи онъ увидѣлъ прежде всего, что въ его жизнь вносилась смута. Тщательно охраняемый до того времени отъ движенія идей церковью и монархіей, крестьянинъ,—когда онъ подумалъ, что революціонный смутьянъ (perturbateur) явится новымъ угнетателемъ, — возсталъ противъ него, какъ всегда возставалъ противъ завоевателя, не желая даже узнать, какія идеи клонящіяся къ его пользѣ, заставляли двигаться армію революціи. Такимъ-то образомъ, близко принимая къ сердцу прежде всего свободу, онъ бросился въ слѣпую битву противъ солдатъ этой самой свободы, не видя, что на этотъ разъ онъ шелъ не противъ Рима, а противъ своей Франціи, противъ своей Вандеи. Дѣло въ томъ, что желать быть свободнымъ, еще ничего не значитъ, если человѣкъ не способенъ видѣть въ свободѣ всѣхъ прочную гарантію свободы каждаго. Мы достаточно знаемъ, что традиціонное усиліе всѣхъ режимовъ угнетенія всегда состояло въ томъ, чтобы внести смуту въ умы какъ разъ въ этой области» **).

*) См., напр., отдѣлы „По полямъ" и „Въ деревнѣ" въ „Le Grand Pan"; Парижъ, 1896, стр. 65—133.

**) Journal officiel 1-го октября 1906, № 266, стр. 6670. Одна изъ южныхъ газетъ кстати припомнила по этому поводу подобный же взглядъ на вандейцевъ Виктора Гюго, высказавшаго его въ своихъ огненныхъ стихахъ противъ Второй имперіи. Великій поэтъ, бывшій по родственнымъ мыслителемъ, говорилъ, однако, въ моменты почти-божественнаго вдохновенія, самъ не отдавая себѣ въ томъ полнаго отчета, вещи, очень вѣрныя и очень глу-

Установивъ этотъ историческій взглядъ на прошлое, Клемансо обращается къ «послѣднему шуану» Вандеи и, доказывая, что только республика въ состояніи осуществить его стремленія къ свободѣ и миру, зоветъ его примкнуть къ сторонникамъ демократическаго режима. Стараясь задѣть патріотизмъ земляка за живое, онъ представляетъ тактику папы, не соглашающагося на законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства, какъ происки чужестраннаго властителя, который хочетъ вмѣшаться, во имя отжившихъ претензій, во внутреннюю политику страны. И сбнадеживаетъ защитниковъ свѣтской цивилизаціи, число которыхъ все растетъ даже въ самыхъ отдаленныхъ углахъ республики, энергичными словами: «на французской почвѣ нѣтъ мѣста иностранному владычеству» *).

Но Клемансо не былъ бы «сокрушителемъ соціализма», какъ его съ дѣтской и близорукой радостью величаютъ представители буржуазіи, если бы онъ не счелъ нужнымъ, сдѣлавъ столько аккордовъ на антиклерикальной струнѣ, приняться за щипанье струны антисоціалистической. Въ концѣ своей рѣчи онъ ополчается противъ истиннаго міровоззрѣнія труда, противъ дѣйствительнаго соціализма во имя какой то странной карикатуры на соціализмъ—недаромъ же онъ самъ радикалъ-соціалистъ—и стремится привлечь на свою сторону крестьянъ, желая сдѣлать изъ нихъ враговъ классоваго объединенія всѣхъ трудящихся и эксплуатируемыхъ противъ угнетателей и эксплататоровъ: «Соціализмъ вовсе не есть какой-то догматъ, который можетъ измѣнить силою формулы условія человѣческой жизни. Онъ будетъ тѣмъ, чѣмъ захотятъ, чтобы онъ былъ, крестьяне Франціи, составляющіе большинство французовъ. Онъ будетъ дѣйственной (en action) соціальной справедливостью въ той мѣрѣ, въ какой предложенныя реформы будутъ

бокія. И мнѣ жаль, что я не могу стихами же (достойными подлинника) передать русскимъ читателямъ знаменитаго обращенія поэта къ крестьянамъ: Paysans! paysans! hélas! vous aviez tort „Крестьяне! крестьяне! увы, вы были не правы. Но воспоминаніе о васъ не умаляетъ Франціи. Вы были велики въ своемъ жестокомъ и зловѣщемъ невѣжествѣ Вы, которыхъ ваши короли, ваши волки, ваши попы и ваши кустарники превращали въ разбойниковъ, вы часто бывали истинными рыцарями. Подавляемыя ужаснымъ игомъ и безстыднымъ обманомъ, ваши души бороздились мистическими молніями; лучи свѣта сыпались отъ вашей слѣпоты. Привѣтъ вамъ! Я, изгнанникъ, исполненъ къ вамъ милосердія. Изгнаніе не судитъ строго бѣдныя соломенныя крыши: мы—изгнанники, но вы призраки прошлаго. Братья! мы всѣ боролись,—каждый по своему; мы хотѣли будущаго, вы, черные львы—прошедшаго. Мы употребляли усилія, чтобы взойти на вершину, вы чтобы погрузиться въ бездну. Да, мы всѣ боролись одинаково, будучи мучениками на разный ладъ, но всѣ безъ всякаго честолюбія и всѣ безъ малѣйшаго раскаянія,—мы, чтобы запереть навсегда адъ, вы, чтобы открыть гробъ. И, однако, сіяніе падаетъ сверху на ваше печальное чело, братское возвышенное состраданіе влечетъ сыновъ свѣта къ сынамъ ночи, и я плачу, воспѣвая этотъ нѣжный и печальный гимнъ,—я, солдатъ зари, въ честь васъ, героевъ мрака!..“

*) Ibid., стр. 6672.

приспособляться къ состоянію умовъ, къ постояннымъ потребностямъ населенія нашихъ городовъ и нашихъ деревень... Нечего, значитъ, намъ пугаться поспѣшныхъ обобщеній, актовъ насилія, которые тутъ же подавляются. Соціальный вопросъ поставленъ на очередь во всѣхъ странахъ міра, и мы не видимъ, чтобы самодержавіе легче рѣшало его, чѣмъ свободныя правительства. Французы, будучи своими собственными господами, сумѣютъ устроить и свою собственную судьбу» *).

Нечего говорить, что если реакціонеры нападали на Клемансо за его республиканскую философію исторіи, и если консервативные республиканцы въ родѣ руководителей «Journal des Débats» обличали «дурной тонъ» выпада противъ папы, то вся демократическая, вся радикальная буржуазія была въ восторгѣ отъ новаго похода Клемансо противъ соціализма. Хоръ буржуазныхъ поклонниковъ министра внутреннихъ дѣлъ отмѣчалъ «высокую иронію», съ какой Клемансо говорилъ о «формулахъ» и «торопливыхъ обобщеніяхъ» соціализма. Опъ сладостно хихикалъ и подмигивалъ фразѣ насчетъ «актовъ насилія, которые тутъ же подавляются»: въ воспоминаніи газетчиковъ носились апрѣльскіе и майскіе подвиги Клемансо въ борьбѣ съ забастовщиками и первомайскимъ движеніемъ. Даже умѣренные республиканцы охотно примирялись съ «дѣйственною соціальною справедливостью», сводящеюся лишь къ «реформамъ», которыя будутъ «приспособлены къ состоянію умовъ». И здѣсь ученики Гамбетты отыскивали даже пункты тѣснаго сближенія между Клемансо и ихъ учителемъ, который и предлагалъ именно такой удобный путь реформаціонной оппортунистской дѣятельности подъ предлогомъ «состоянія умовъ». Наконецъ, люди буржуазіи находили очень удачною мысль Клемансо о зависимости судебъ соціализма отъ «крестьянъ Франціи» и опять таки припоминали, что Ферри, борясь во время оно противъ крайняго радикализма Клемансо, какъ разъ аппелировалъ къ крестьянскому населенію, каковое, молъ, отнюдь не желаетъ новшествъ крайней лѣвой. И лишь нѣкоторые, покачивая головою, указывали на то обстоятельство, что соціалистическій ядъ прошелъ въ деревню, и въ иныхъ мѣстахъ Франціи именно крестьянство посылаетъ коллективистовъ своими представителями въ палату депутатовъ.

Другою большою политическою рѣчью Клемансо была рѣчь, которую онъ произнесъ 14-го октября, въ Драгиньянѣ, въ томъ городѣ, который тринадцать лѣтъ тому назадъ видѣлъ тяжелое пораженіе лидера крайней лѣвой на выборахъ, послѣдовавшихъ за скандалами Панамы. Пикантность положенія для оратора увеличивалась еще въ силу того, что онъ если и попалъ снова въ парламентъ, то лишь какъ сенаторъ, лишь какъ членъ той

*) Ibid., стр. 6672.

верхней палаты, противъ которой самъ же онъ выпустилъ столько зазубренныхъ стрѣлъ изъ своего полемическаго колчана. Нельзя поэтому не подивиться искусству, съ какимъ Клемансо обращался къ своей аудиторіи, состоявшей, можетъ быть, изъ тѣхъ самыхъ избирателей, которые въ 1902 г. посылали его въ сенатъ, и изъ тѣхъ самыхъ, которые десятью годами раньше, въ 1893 г., провалили его на выборахъ въ палату. Смотрите, какъ просто, какъ естественно, по законамъ, такъ сказать, внутренней логики, Клемансо объясняетъ, почему онъ, бывшій всегда ярымъ защитникомъ всеобщей подачи голосовъ, соглашается однако, быть избранникомъ ограниченнаго контингента сенатскихъ выборщиковъ; и какъ непринужденно - весело онъ разсказываетъ о своемъ роковомъ пораженіи, описывая его полезныя послѣдствія для себя же самого:

«Благодѣтельное испытаніе общественной немилости не могло вырвать изъ меня лучшей части меня самого—добросовѣстности моей мысли. Вы изгнали меня въ «мои помѣстья», какъ дѣлали наши короли съ министрами, которые переставали имъ нравиться. «Мои земли» были безграничными областями свободнаго размышленія, внѣ давленія группъ и партій: это была свобода мыслить и говорить, не заботясь о ложныхъ условностяхъ, которыя для столькихъ людей играютъ роль истины... Перо привлекало меня къ себѣ, въ силу своей высокой точности. Что за ошибка думать, будто внѣ трибуны и министерства нѣтъ политической дѣятельности! Кто, какъ не писатели сдѣлали нашу Великую революцію. У кого есть за душой сказать что-нибудь, тотъ—непреоборимая сила. Посреди всяческихъ препятствій и въ любой формѣ, но идея проложитъ себѣ дорогу...»

«Въ 1902 г., отказавшись отъ многочисленныхъ предложеній кандидатуръ, я позволилъ, наконецъ, убѣдить себя моимъ друзьмъ изъ Варскаго департамента и нѣкоторымъ изъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя раньше были самыми ожесточенными моими противниками, что наступилъ для меня моментъ снова войти въ парламентъ. Такимъ-то образомъ я и сталъ сенаторомъ отъ департамента Вара, въ теченіе долгаго времени понося сенатъ.» *)

И дальше ораторъ, изящно проскользнувъ мимо такого существеннаго измѣненія взглядовъ предупредительно объясняетъ своимъ слушателямъ значеніе двухпалатной системы и существованія, рядомъ съ палатой иниціативы, палаты контроля:

«Всякая человѣческая воля, подлежа ошибкѣ, нуждается въ контролѣ, особенно когда ея рѣшенія опредѣляютъ судьбу цѣлаго народа. Кратковременность срока существованія палатъ и имѣетъ какъ разъ своею цѣлью позволить исправленіе крупныхъ ошибокъ, но длящаяся четыре года ошибка можетъ быть почти или совсѣмъ непоправимой въ различныхъ отрасляхъ правительственной дѣя-

*) Journal offeiel отъ 15 октября 1906 г., n°, 280, стр. 7019.

тельности. Отсюда — необходимость апеллированія, въ какой бы то ни было формѣ, къ размышленію, къ вторичному обсужденію (reconsidération). Вотъ сенатъ и является такимъ мѣстомъ вторичнаго обсужденія. Что его существованіе влечетъ за собой очень часто прискорбныя промедленія, и что нѣкоторые изъ его votовъ порою обнаруживали духъ соціальнаго консерватизма, доведеннаго до крайнихъ размѣровъ, — я никогда не скрывалъ своего мнѣнія въ этомъ смыслѣ... Въ концѣ концовъ, и до сего времени опытъ показалъ, однако, что собраніе, состоящее изъ состарившихся политиковъ, оказало не менѣе услугъ, чѣмъ то, смѣлость котораго внушается меньшею опытностью, и я не скрою, что, на мой взглядъ, чѣмъ далѣе мы будемъ двигаться по пути соціальныхъ реформъ, тѣмъ болѣе мы будемъ нуждаться во внимательномъ изученіи новыхъ законовъ,—область, гдѣ ошибка можетъ имѣть самыя серьезныя послѣдствія» *).

Покончивши, такимъ образомъ съ аргументаціей въ защиту второй палаты,—аргументаціей, тѣмъ болѣе забавной въ устахъ Клемансо, что раньше онъ тысячу разъ опровергалъ, какъ софизмы, эти разсужденія, пускаемыя въ ходъ Гамбеттой, Ферри и прочими оппортунистами, — Клемансо переходитъ къ болѣе трудной и серьезной задачѣ: реабилитаціи своей теперешней дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, Клемансо чувствуетъ, что его прошлое давитъ на него, le mort saisit le vif; что защитникъ свободы и широкихъ соціальныхъ реформъ, какимъ онъ былъ въ лучшіе годы своей дѣятельности, долженъ теперь осуществить у власти свои идеалы, исповѣдывавшіеся имъ въ оппозиціи. Онъ долженъ гарантировать возможно большую свободу странѣ. Онъ долженъ ступить на путь рѣшительнаго реформированія. И между тѣмъ еще не исчезло воспоминаніе о политикѣ зажима, какую онъ пускалъ въ ходъ по отношенію къ рабочему классу. Съ другой стороны, радикальное министерство, въ которомъ онъ играетъ такую роль, идетъ по пути соціальныхъ реформъ съ медленностью и нерѣшительностью, достойными лучшаго употребленія. И вотъ Клемансо, тонкій психологъ и чуткій политикъ, избираетъ очень остроумное средство, чтобы изгладить впечатлѣніе непріятнаго контраста между тѣмъ, что онъ обѣщалъ когда-то, и тѣмъ, что онъ осуществляетъ. Виртуозъ слова обливаетъ юморомъ и ироніей тѣ самыя функціи, которыя онъ долженъ выполнять въ качествѣ члена правительства. Относительно соціальной роли министра онъ хочетъ внушить своимъ слушателямъ, что тутъ, по самымъ законамъ естества, съ него нечего много требовать: будьте, молъ, настоящими демократами, заботьтесь каждый о себѣ, а на правительство особенныхъ надеждъ не возлагайте. Мысль старая, мысль буржуазная par excellence. Но вы увидите сейчасъ, съ какимъ

*) Ibid.

мастерствомъ разовьетъ ее Клемансо, мило насмѣхающійся надъ министерскимъ престижемъ. Относительно же политической роли буржуазнаго министра, особенно министра внутреннихъ дѣлъ, онъ пояснается, какъ опять-таки вы сейчасъ это увидите, обратить въ шутку, въ забавный фарсъ репрессивную силу, находящуюся въ рукахъ современнаго классового государства. Читатель не безъ интереса прочтетъ эти тонко разсчитанныя на демократическіе вкусы избирателей, якобы добродушныя, а на самомъ дѣлѣ маккіавелистскія разсужденія. Итакъ, о соціальной роли правительства:

«Словно палка, подбрасываемая волнами, министръ, если посмотрѣть на него вблизи, ничто, увѣряю васъ, ничто, или почти ничто... Чаще всего мы, несмотря на самыя лучшія намѣренія, болѣе сильны на зло, чѣмъ на добро. Вы никогда въ достаточной степени не отблагодарите насъ за зло, котораго мы не причиняемъ. И что же? Именно толпа, оставшаяся при своихъ устарѣлыхъ понятіяхъ о режимахъ, опирающихся на авторитетъ, ожидаетъ отъ правительства всевозможныхъ вещей, не понимая того, что результатомъ свободы какъ разъ и является перемѣщеніе силы въ сторону самихъ гражданъ. Да, простой обыватель (le vulgaire) ждетъ отъ насъ, словно отъ африканскаго фетиша, дождя и ведра, холода и тепла, и если земля и небо оказываются неумолимыми, то бѣдный божокъ въ одинъ прекрасный день испытаетъ на своихъ покрытыхъ синяками плечахъ несчастныя послѣдствія человѣческаго разочарованія» *).

А вотъ мѣсто, въ которомъ Клемансо отшучивается отъ обвиненій буржуазнаго правительства въ репрессіи: «Полиція! при одномъ этомъ имени я уже вижу, какъ вы насторожили уши. О, ужасная власть все отыскивать, во всемъ рыться, все узнавать при помощи таинственныхъ средствъ... Повсюду шпіоны, западни, слѣженья, ловушки, засады, люди, исчезающіе сквозь стѣны,—словомъ, пьеса театра «L'Ambigu» въ жизни!.. Ахъ, друзья мои, какъ мы далеки отъ истины! Узнайте изъ моихъ устъ, какъ если бы говорилъ самъ префектъ полиціи, г. Лепинъ, что, въ сущности говоря, нѣтъ политической полиціи въ свободныхъ странахъ. Ее убила печать, говоря все и даже часто правду. Безъ сомнѣнія, существуютъ еще дурные планы у партій, оставляемыхъ общественнымъ мнѣніемъ. Но всякое мятежное предпріятіе будетъ сведено на нѣтъ самыми простыми средствами» **).

Тутъ, конечно, всякій непредубѣжденный слушатель могъ развести руками и воскликнуть: конечно, Франція Клемансо не есть Россія Столыпина, но напрасно юмористъ министерства внутреннихъ дѣлъ думаетъ, что политическая полиція, и обыски, и аресты, и агенты-провокаторы, и черный кабинетъ, что все это принадле-

*) Ibid.
**) Ibid., стр. 7020.

житъ къ области фантазіи, а не является, наоборотъ, обычнымъ орудіемъ борьбы буржуазныхъ, даже радикально-соціалистическихъ министерствъ противъ всякаго серьезнаго движенія рабочаго класса и не прирученныхъ, не одомашненныхъ соціалистовъ. Объ этомъ могъ бы разсказать и самъ мосье Клемансо, и такъ кстати упомянутый имъ Ленинъ. Но ораторъ, изобразивши тактику обыкновенныхъ правительственныхъ репрессій въ видѣ простой «бляги», спѣшитъ поскорѣе удалиться отъ этого щекотливаго пункта и переходитъ снова и снова къ соціализму. Вообще, послѣдовательный соціализмъ является настоящей bête noire Клемансо, которому онъ мѣшаетъ спать. Въ промежуткѣ между своей вандейской рѣчью и рѣчью въ Драгиньянѣ чуткій политикъ узнаетъ, что перчатка, брошенная имъ соціалистамъ отъ имени «крестьянъ Франціи», поднята, и что сторонники міровоззрѣнія труда не безъ гордости указываютъ на свои успѣхи среди деревенскаго населенія, а въ то же самое время подвергаютъ безпощадной критикѣ ту карикатуру соціализма, какую предложилъ своимъ землякамъ знаменитый вожакъ радикаловъ. И вотъ Клемансо считаетъ нужнымъ защищать себя отъ этой уничтожающей критики и точнѣе опредѣлить свой «соціализмъ», каковая операція, впрочемъ, опять таки сводится у него къ болѣе или менѣе остроумнымъ эпиграммамъ, плохо скрывающимъ недостатокъ серьезнаго пониманія и серьезнаго отношенія къ предмету. Пусть, впрочемъ, судитъ самъ читатель на основаніи слѣдующихъ фразъ, проникнутыхъ искреннимъ раздраженіемъ, которое упорно выглядываетъ изъ-подъ цвѣтовъ радикальнаго юмора:

«... А въ особенности пусть не говорятъ, что я даю такъ называемыя буржуазныя рѣшенія соціальной проблемы, чтобы только не посмотрѣть прямо въ лицо соціализму и не подвергнуть его обсужденію... Я думаю, что нѣтъ такой церковной ортодоксіи взглядовъ, которая могла бы помѣшать мнѣ свободно выражать свое мнѣніе. Я отказываюсь склониться передъ догматами свыше. Не склонюсь я и передъ человѣческими догматами... Всякій человѣкъ, который допускаетъ необходимость большей справедливости, безъ которой демократія была бы новой ареной насильственныхъ столкновеній, уже сторонникъ соціализма... Многіе избиратели, полагая, что въ реформирующей дѣятельности парламента всегда найдется много отбросовъ, часто посылаютъ соціалистовъ въ палату, нисколько не думая, что этимъ они обязуются поддерживать въ будущемъ ту или другую соціалистическую теорію. Вѣдь существуетъ ходячая поговорка, что надо запрашивать черезчуръ много, чтобы получить хоть что-нибудь. Наше дѣло считаться съ этимъ настроеніемъ, не пугаясь догматическихъ утвержденій кого бы то ни было» *).

*) Ibid.

Но Клемансо чувствуетъ, что по нынѣшнимъ временамъ такая поверхностная критика соціализма не можетъ удовлетворить ни массы, ни серьезныхъ изслѣдователей соціальнаго вопроса, и потому поскорѣе пускается по дорогѣ очень популярнаго теперь среди радикальной буржуазіи антиклерикализма. При громѣ аплодисментовъ слушателей онъ такъ заканчиваетъ свою рѣчь, говоря о сопротивленіи французскаго духовенства, наущаемаго папой, закону объ отдѣленіи церкви отъ государства: «Если бы случилось, что этотъ республиканскій міръ былъ возмущенъ чиновниками международной теократіи, которая, никогда не умѣя водворять порядокъ иначе, какъ насиліемъ, изъявляетъ въ настоящее время претензіи на то, чтобы пригнуть французскій законъ къ своей волѣ, то не сомнѣвайтесь, дорогіе сограждане: право французовъ управлять собой будетъ строго поддержано вопреки чиновникамъ изъ-за границы» *).

Можно было бы остановиться еще на другихъ рѣчахъ Клемансо во время этихъ экскурсій, напр., процитировать ту рѣчь, въ которой онъ совѣтуетъ приниматься лишь за назрѣвшія реформы и лишь своевременно (opportunément), принося заднимъ числомъ покаяніе въ своихъ взлишнихъ нападкахъ на партію Гамбетты и Ферри и вызвавъ этимъ ликованіе и восторженныя похвалы умѣренныхъ республиканцевъ оттѣнка газеты «Temps» на тему: онъ нашъ, онъ нашъ, онъ сталъ оппортунистомъ вплоть до самаго названія, которое было въ его устахъ жестокимъ порицаніемъ, и т. д. Но мнѣ кажется, что уже и приведенныхъ образцовъ краснорѣчія Клемансо достаточно, чтобы судить, съ какимъ неподражаемымъ умѣньемъ этотъ замѣчательно тонкій политикъ дозировалъ въ своихъ рѣчахъ антисоціализмъ, антиклерикализмъ и оппортунизмъ съ цѣлью стать въ глазахъ республиканской буржуазіи необходимымъ человѣкомъ и выдвинуть тѣмъ самымъ свою кандидатуру на мѣсто и роль премьера. Его усилія увѣнчались успѣхомъ. Когда зашла рѣчь о предстоящей сессіи парламента, имя Клемансо было на устахъ у всѣхъ. А тутъ какъ разъ приключилась одни говорятъ дипломатическая, другіе—настоящая болѣзнь съ президентомъ совѣта министровъ, Саррьеномъ, котораго Клемансо засыпалъ въ своихъ рѣчахъ цвѣтами, наподобіе той жертвы, что древніе греки увѣшивали гирляндами передъ тѣмъ, какъ вести на убой. Не входя въ закулисныя тайны политики, мы можемъ, во всякомъ случаѣ, сказать, что, какова бы ни была природа недуга, насланнаго судьбой на Саррьена, эта болѣзнь логически вытекала изъ положенія вещей; и, выражаясь фразой Вольтера, если бы она не существовала, ее должно было бы изобрѣсти. Клемансо оставилъ совершенно въ тѣни своего премьера: онъ его спряталъ, что называется, въ карманъ. Стать дѣйствительнымъ

*) Ibid., стр. 7022.

главою кабинета—все толкало Клемансо въ этомъ направленіи. И онъ сталъ имъ.

До какой степени премьерство Клемансо, умѣло подогрѣваемое его тактикой, упало ему въ руки, какъ зрѣлый плодъ, самъ собою отдѣляющійся отъ вѣтви, видно изъ легкости, съ которой новый президентъ совѣта составилъ свой кабинетъ. Черезъ два-три дня обычныхъ переговоровъ министерство уже было готово. Составъ его заслуживаетъ того, чтобы сказать нѣсколько словъ о немъ. Полѣвѣть оно полѣвѣло сравнительно съ прежнимъ не особенно значительно, если обратить вниманіе на численное распредѣленіе портфелей. Но удѣльный вѣсъ радикальныхъ и радикально соціалистическихъ элементовъ въ немъ замѣтно больше. Кабинетъ сохранилъ шесть прежнихъ министровъ: самого Клемансо, который остается министромъ внутреннихъ дѣлъ; «независимаго» соціалиста Бріана, министра народнаго просвѣщенія; демократическаго республиканца (съ привкусомъ шовинизма) Томсона, морского министра; нынѣ слегка радикальствующаго республиканца Барту, министра общественныхъ работъ; радикала-соціалиста Думэрга, министра торговли и промышленности; радикала Рюо, министра земледѣлія. Въ пяти министерствахъ произошли перемѣны: радикалъ Гюйо-Дессэнь смѣнилъ радикала Саррьена въ министерствѣ юстиціи; радикалъ (въ дни юности радикалъ-соціалистъ) Стефэнъ Пишонъ смѣнилъ радикала Буржуа въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; республиканецъ Кайльо смѣнилъ республиканца Пуанкарэ въ министерствѣ финансовъ; генералъ Пикаръ, имя котораго прошумѣло по всему свѣту во время дѣла Дрейфуса, смѣнилъ изрядно шовиниствующаго стараго гамбеттиста Этьенна въ военномъ министерствѣ; демократическій республиканецъ Милльесъ-Лакруа смѣнилъ слегка радикальствующаго республиканца Лэга въ министерствѣ колоній. И, наконецъ, особымъ декретомъ создано новое министерство труда и общественнаго страхованія, портфель котораго отданъ «независимому» соціалисту Вивьяни.

Интересъ новой министерской комбинаціи лежитъ, повторяю, не столько въ количественныхъ, сколько въ качественныхъ измѣненіяхъ, особенно же въ нѣкоторыхъ сенсаціонныхъ назначеніяхъ, которыя заставляютъ думать большую публику, что въ политикѣ Франціи будетъ дѣйствительно нѣчто новое. Характеръ этихъ назначеній показываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что Клемансо желаетъ повторить въ иной формѣ смѣлую тактику Вальдэка-Руссо, который, какъ извѣстно, поразилъ политическія сферы неожиданнымъ зрѣлищемъ присутствія въ одномъ кабинетѣ соціалиста Милльрана и свирѣпаго генерала-рубаки Галлиффэ. Главный эффектъ, или, если хотите болѣе точнаго выраженія, двойной эффектъ министерства Клемансо заключается въ назначеніи военнымъ министромъ Пикара и въ созданіи новаго министерства съ громкимъ

историческимъ названіемъ «министерства труда», отданнаго въ руки парламентарнаго соціалиста Вивьяни. Но этотъ эффектъ говоритъ больше воображенію, чѣмъ разсудку. И наблюдатель, знающій политическую жизнь Франціи и эволюцію ея партій, безъ труда замѣтитъ, что особыхъ реформъ и особой новизны эти два назначенія не обѣщаютъ. Подъ спасеніемъ разочаровать сентиментальныхъ или романтически настроенныхъ читателей и признавая, конечно, возможность ошибиться въ своихъ предсказаніяхъ, я постараюсь вскрыть дѣйствительный смыслъ этихъ назначеній.

Пикаръ лично, несомнѣнно, очень благородный человѣкъ, способный доходить до героизма при исполненіи того, что онъ считаетъ долгомъ. Онъ достаточно показалъ это въ дѣлѣ Дрейфуса, тѣмъ болѣе, что при возникновеніи его онъ находился еще,—деталь, мало извѣстная средней публикѣ,—подъ давленіемъ антисемитическихъ предразсудковъ. Надо, конечно, надѣяться, что нравственная встряска, испытанная всей Франціей, не прошла въ этомъ отношеніе безслѣдно и для одного изъ самыхъ энергическихъ борцовъ за право и справедливость. Но Пикаръ остался, во всякомъ случаѣ, военнымъ спеціалистомъ, патріотомъ, страстно любящимъ армію; какихъ-нибудь новаторскихъ идей въ этой области отъ него ждать нечего. Недаромъ же крайніе демократы были крайне разочарованы, узнавъ основныя черты законопроекта объ упраздненіи военныхъ судовъ, который готовитъ Пикаръ. Въ самомъ дѣлѣ, военная юстиція замѣняется, согласно этому проекту, обыкновенной для преступленій и проступковъ общаго характера. Но всѣ нарушенія дисциплины будутъ вѣдаться военными же дисциплинарными судами, къ которымъ лишь будетъ присоединено гражданское лицо, получившее спеціальное юридическое образованіе. И, значитъ, всѣ эти драконовскія наказанія за вины, пріобрѣтающія ужасное значеніе лишь въ глазахъ узкихъ профессіональныхъ воякъ, будутъ по прежнему тяготѣть надъ гражданами Третьей республики, имѣющими въ данный моментъ несчастіе быть солдатами. Получится положеніе вещей, которое русская вульгарная, но мѣткая поговорка выражаетъ словами: «не умеръ Данило,—избой его придавило»...

Созданіе новаго министерства труда и передача его Вивьяни тоже не должны вводить романтически настроенныхъ читателей въ заблужденіе. И объяснительный докладъ, предшествовавшій его созданію *), и комментаріи самого Вивьяни показываютъ ясно, какъ божій день, что новое министерство отнюдь не имѣетъ *исторически* того значенія, какое могло имѣть это министерство въ тѣ дни, когда его предлагалъ Луи-Бланъ. Въ сущности, оно обозначаетъ лишь объединеніе нѣкоторыхъ функцій, выдѣляемыхъ изъ министерства торговли и промышленности («дирекціи» или, по

*) См. „Journal officiel“ отъ 26-го октября 1906 г., № 291, стр. 7239.

нашему, департаменты труда и страхованія рабочихъ), изъ министерства внутреннихъ дѣлъ (дирекція взаимнаго страхованія) и изъ министерства общественныхъ работъ (регламентація рабочаго дня и пенсіи рудокоповъ). Не забудемъ, что, несмотря на существованіе такого «соціалистическаго» министерства, кабинетъ Клемансо, включая сюда и Вивьяни, категорически отрицаетъ,—какъ мы это увидимъ ниже,—право государственныхъ служащихъ на стачку.

Не мѣшаетъ прибавить, что и назначеніе «независимаго» соціалиста Вивьяни въ данный моментъ не имѣетъ даже и десятой части того смысла, какой имѣло хотя бы вхожденіе Мелльрана въ вальдэковскій кабинетъ «республиканской обороны». Тогда изъ-за этого вопроса соціалистическій міръ во всѣхъ странахъ разбивался на части. И такіе самоотверженные и замѣчательные представители міровоззрѣнія труда, какъ Жоресъ, были увлечены въ столь сильной степени идеей «участія соціалистовъ въ управленіи», что ради нея отталкивались отъ послѣдовательныхъ соціалистовъ и обрекали рабочій классъ на зрѣлище братоубійственной войны. Теперь дѣло стоитъ иначе. Международный соціализмъ сказалъ свое слово. Никто изъ представителей этого соціализма не можетъ входить въ буржуазное министерство, и самъ Жоресъ публично призналъ свою ошибку на прошлогоднемъ конгрессѣ французской соціалистической партіи. Не покорились этому рѣшенію только тѣ, такъ называемые, «независимые» соціалисты, которые предпочли выгоды положенія и власти вѣрности соціалистическому идеалу и, въ сущности, представляютъ собою лишь крайнюю лѣвую буржуазной демократіи. Для характеристики ихъ достаточно упомянуть то обстоятельство, что на двѣ послѣднія министерскія деклараціи (іюньскую и ноябрьскую), отрицавшія, какъ снова и снова приходится повторять,—право государственныхъ служащихъ на стачку, «независимые» соціалисты отвѣчали рукоплесканіями и вотомъ,—вмѣстѣ со всѣми радикалами,—безусловнаго довѣрія кабинетамъ Саррьена и Клемансо.

Къ числу наиболѣе видныхъ представителей этой фракціи и принадлежитъ Вивьяни, который, быть можетъ, болѣе, чѣмъ кто-либо изъ политическихъ дѣятелей Франціи, именующихъ себя соціалистами, замѣчателенъ своимъ умѣньемъ ловко устраивать свою личную карьеру. Рожденный въ Сиди-бель-Аббесѣ (въ Алжиріи), но воспитанный въ Парижѣ, онъ временно возвратился на родину и тамъ занялся антисемитской демагогіей, не настолько, впрочемъ, шумной, чтобы не отрицать ея, когда ему удалось вернуться во Францію и здѣсь, пользуясь положеніемъ адвоката, создать себѣ репутацію соціалиста и защитника рабочихъ интересовъ. Онъ былъ еще въ 1893 г. выбранъ однимъ изъ депутатовъ города Парижа и пользовался большою популярностью среди рабочихъ, въ особенности, какъ адвокатъ-консультантъ синдиката желѣзнодорожныхъ ра-

бочихъ и служащихъ (прошу читателей не забывать этого пикантнаго обстоятельства въ виду участія его въ министерствѣ, которое рѣзко отрицательно относится къ забастовщикамъ, находящимся на службѣ «общественныхъ интересовъ»). Во время дѣла Дрейфуса онъ сначала благоразумно уклонялся отъ всякаго участія въ этой міровой коллизіи между силами стараго и новаго міровъ и выступилъ съ заявленіемъ во имя «справедливости», когда дрейфусисты превращались уже въ торжествующую партію. Но съ точки зрѣнія карьеры оказалось, что и это позднее заявленіе было преждевременно, ибо послѣдній взрывъ націонализма въ Парижѣ сказался и въ пятомъ городскомъ округѣ, и на мѣсто Вивьяни былъ выбранъ націоналистъ Оффрэ. Тѣмъ съ большимъ тщаніемъ Вивьяни избѣгалъ дальнѣйшихъ компрометтирующихъ его будущность шаговъ и потому вышелъ, что называется, хлопая дверью, изъ партіи «объединенныхъ» соціалистовъ, образовавшейся, наконецъ, во Франціи изъ искреннихъ жорэсистовъ и изъ гэдистовъ и бланкистовъ. Колесо фортуны снова повернулось счастливо для Вивьяни, который на майскихъ выборахъ этого года побилъ своего конкуррента и временнаго побѣдителя Оффрэ. Нынѣ Вивьяни министръ въ кабинетѣ Клемансо, - мѣсто, на которое онъ разсчитывалъ уже довольно давно, такъ какъ во время кризиса, предшествовавшаго образованію министерства Вальдэка-Руссо, былъ моментъ, когда вмѣсто Милльрана зашла рѣчь объ участіи Вивьяни въ кабинетѣ «республиканской обороны». Какъ видите, и включая этого «независимаго» соціалиста въ свою комбинацію, Клемансо не сдѣлалъ ничего по существу новаго и удивительнаго. Остается лишь открытымъ вопросъ, не удастся ли двумъ «независимымъ» соціалистамъ, Бріану и Вивьяни, которые оба очень талантливы, очень краснорѣчивы, очень честолюбивы, очень ловки, спрятать совокупными усиліями Клемансо въ свой общій карманъ, какъ это Клемансо продѣлалъ со своимъ премьеромъ. Но объ этомъ послѣ.

Теперь же намъ остается дополнить еще двумя-тремя штрихами физіономію кабинета Клемансо, чтобы читатель могъ самъ судить о характерѣ новой комбинаціи. Назначеніе Пишона министромъ иностранныхъ дѣлъ показываетъ, что Клемансо хочетъ имѣть рѣшительное вліяніе на иностранную политику, такъ какъ Стефэнъ Пишонъ, «маленькій Пишончикъ», какъ его называли во время оно въ редакціи клемансовской газеты «La Justice», состоялъ, будучи парижскимъ депутатомъ, однимъ изъ вѣрнѣйшихъ адъютантовъ грознаго «сокрушителя министерствъ» и остался его другомъ и во время своей дипломатической карьеры (онъ былъ, между прочимъ, французскимъ уполномоченнымъ въ Пекинѣ во время недавнихъ пиратскихъ подвиговъ европейцевъ противъ китайцевъ). Назначеніе же Кайльо показываетъ, что Клемансо считаетъ себя въ извѣстномъ родѣ «сверхъ-министромъ», если не «сверхъ-человѣ-

комъ», такъ какъ пристегиваетъ къ министерской колесницѣ умѣреннаго республиканца, а не радикала, лишь бы онъ согласился въ спеціальной сферѣ, а именно, въ сферѣ финансовъ, не особенно противорѣчить радикальной программѣ премьера.

Теперь у насъ есть достаточно элементовъ, чтобы судить о томъ, каково, въ сущности, значеніе новаго кабинета, и какую роль играетъ въ его образованіи сама личность перваго министра. Этотъ анализъ даетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтъ, какія черты вновь появились или, лучше сказать, обозначились рѣзче у Клемансо, стоящаго у власти, по сравненію съ Клемансо, членомъ оппозиціи или одинокимъ публицистомъ. Прежде всего придется сказать, что давнишній взглядъ враговъ Клемансо изъ лагеря оппортунистовъ на то, что въ этомъ крупномъ человѣкѣ способность критики гораздо болѣе развита, чѣмъ способность политическаго творчества, несомнѣнно, по моему, подтверждается всею дѣятельностью Клемансо за послѣдніе мѣсяцы. Поставьте себѣ вопросъ, что новаго далъ Клемансо, какъ министръ? Чѣмъ въ своей области онъ проявилъ желаніе и умѣнье проводить въ жизнь свою радикально-соціалистическую программу? Онъ жестоко нападалъ на пріемы прежнихъ, умѣренныхъ кабинетовъ при столкновеніи съ рабочимъ классомъ. Ну, а самъ онъ что внесъ новаго въ эти отношенія? Развѣ лишь то, что внѣшнимъ образомъ разыгрывалъ роль демократическаго министра, которому не нужны ни особые оффиціальные пріемы, ни особое почтеніе со стороны населенія? Но, въ сущности-то, онъ лишь усугубилъ тактику «зажима», переданную ему прежними министерствами. Далѣе, во время оно онъ эффектно бросилъ въ лицо тогда всемогущему Гамбеттѣ перчатку, заявивъ, что если глава оппортунистовъ признаетъ лишь существованіе отдѣльныхъ соціальныхъ вопросовъ, то онъ, Клемансо, утверждаетъ, наоборотъ, что существуетъ великій и нераздѣльный «соціальный вопросъ». А что мы видимъ теперь? Неужели отвѣтить, что нравственная реформа личности заключаетъ въ себѣ и соціальную реформу, неужели издѣваться во имя дешеваго скептицизма надъ идеаломъ общаго переустройства современнаго режима собственности значитъ рѣшать соціальный вопросъ? Вѣдь Клемансо слишкомъ уменъ, чтобы не понимать, что если буржуазные философы, поэты и политики могутъ воображать, будто онъ сокрушилъ соціализмъ, то серьезные наблюдатели видятъ, какъ нельзя лучше, что если кто остался сокрушеннымъ въ борьбѣ съ соціализмомъ, такъ это самъ Клемансо, противоставившій цѣльному міровоззрѣнію труда мизерные совѣты личнаго усовершествованія.

И еще далѣе. Ну, а старался-ли энергично проводить министръ Клемансо, по крайней мѣрѣ, программу своей партіи, партіи радикально-соціалистической, руководительству которой онъ посвятилъ свои лучшіе годы? Опять таки нѣтъ. Укажите хоть одинъ существенный пунктъ этой программы, которую Клемансо осуще-

ствилъ, будучи однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ кабинета Саррьена. Да, впрочемъ, я, сторонникъ соціализма во всемъ его объемѣ, могу показаться въ данномъ дѣлѣ черезчуръ пристрастнымъ судьей, могу черезчуръ неблагопріятно отнестись къ роли Клемансо. Поэтому я хочу привести мнѣніе такого компетентнаго въ данномъ случаѣ судьи, какимъ является Камиллъ Пелльтанъ, нѣкогда близкій другъ Клемансо, впослѣдствіи морской министръ въ кабинетѣ Комба, остающійся понынѣ вѣрнымъ программѣ радикаловъ-соціалистовъ. Вотъ что пишетъ въ вѣнской «Die Zeit» Пелльтанъ, статью котораго я даю въ переводѣ, появившемся въ «Temps»: «Нельзя скрывать отъ себя, что позиція, которую занялъ Клемансо со времени своего новаго выступленія на политическую арену, часто приносила разочарованія его прежнимъ друзьямъ, и что не одинъ разъ намъ было поистинѣ трудно узнать въ немъ Клемансо прошлыхъ дней. Способъ, какимъ онъ въ послѣднемъ кабинетѣ далъ преобладаніе умѣреннымъ элементамъ; слабость усилій, которыя онъ сдѣлалъ, чтобы придать правительственному большинству, окруженному со всѣхъ сторонъ плотіями прошлаго, побѣжденными на майскихъ выборахъ, чисто республиканскій характеръ, который оно должно было бы всегда сохранять; его громкое объявленіе войны соціалистической демократіи, которымъ онъ заслужилъ рукоплесканія реакціонеровъ и которое должно было, по всей вѣроятности, повести за собою распаденіе блока; наконецъ, рѣчи, которыя онъ недавно произнесъ въ Варѣ и въ которыхъ онъ словно нарочно постарался не формулировать ни одной ясной и опредѣленной идеи относительно самыхъ важныхъ вопросовъ дня,—все это вызвало среди значительнаго большинства его же собственной партіи такія сомнѣнія, что, когда мы узнали на общемъ конгрессѣ (радикальной партіи. Н. К.) въ Лиллѣ, что Клемансо поручено составить кабинетъ, ни одинъ голосъ не раздался съ цѣлью послать ему выраженіе нашей радости и довѣрія. А прежде такая новость была бы встрѣчена съ энтузіазмомъ».

«Покажется ли намъ снова Клемансо прежнихъ дней? Найдетъ ли въ немъ демократія человѣка, которому она создала такую популярность? Можно еще надѣяться. Эта нервная натура обладаетъ внезапной энергіей, отъ которой можно ожидать внезапныхъ проявленій проницательнаго пониманія вещей и плодотворной дѣятельности. Если это такъ, то Клемансо предстоитъ еще играть великую роль и передъ нимъ можетъ раскрыться великолѣпное поприще. Если же будетъ иначе, то въ нѣсколько мѣсяцевъ разсѣются великія воспоминанія, связанныя съ его именемъ. Его паденіе въ общественномъ мнѣніи будетъ въ такомъ случаѣ тѣмъ глубже, тѣмъ безповоротнѣе, чѣмъ болѣе демократія была убѣждена, что можетъ разсчитывать на него. Мы ждемъ его на дѣлѣ» *).

*) „Le Temps“ № 16567 отъ 31-го октября 1906 г.

Пока что, отъ Клемансо остается *клемансизмъ*, т. е. та же политика концентрированія и комбинаціи различныхъ, порою не совсѣмъ опредѣленныхъ и далеко не однородныхъ элементовъ вокругъ главной личности нравственнаго диктатора, какая характеризовала гамбеттизмъ. И къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что въ то время, какъ политика Гамбетты вращалась все же вокругъ положительныхъ, хотя и мелкихъ и запоздалыхъ реформъ, политика Клемансо состоитъ до сихъ поръ въ группированіи довольно разношерстныхъ элементовъ, вплоть до очень умѣренныхъ, вокругъ отрицанія соціализма. Клемансо остается вѣренъ себѣ у власти въ томъ смыслѣ, что онъ, какъ въ оппозиціи, полемизируетъ, критикуетъ, нападаетъ. Но раньше онъ велъ эту разрушительную кампанію противъ препятствій, которыя оппортунизмъ ставилъ республикѣ по пути достиженія существенныхъ политическихъ и соціальныхъ реформъ. А теперь онъ обращаетъ свою артиллерію противъ одной изъ величайшихъ творческихъ силъ современной эпохи, именно противъ соціализма. И недалекое будущее покажетъ, что всякій политическій дѣятель, какъ бы онъ ни былъ крупенъ и талантливъ, обреченъ на окончательное крушеніе, если онъ думаетъ черпать raison d' être своего существованія въ борьбѣ съ міровоззрѣніемъ труда въ теоріи и организующимся рабочимъ классомъ на практикѣ. Бравурные жесты, остроумныя эпиграммы, внѣшніе аллюры пылающей соломеннымъ огнемъ энергіи, вплоть до демократической простоты обращенія,—всѣ эти казовыя качества могутъ импонировать галлереѣ, но не въ состояніи сообщить ни малѣйшаго историческаго значенія современной дѣятельности Клемансо. И кто знаетъ, не явится ли потребность у этой крупной и безпокойной личности разбить самой ту организацію различныхъ политическихъ элементовъ на почвѣ клемансизма, приведеніе которой въ дѣйствіе такъ интересуетъ, повидимому, до сихъ поръ стараго виртуоза оппозиціи.

Первые шаги новаго министерства, которые я отмѣчу по возможности кратко, даютъ мнѣ право думать, что симптомы этого «величія и паденія клемансовской политики» (я припоминаю заглавіе старой статьи Жика—нынѣ умершаго Жакляра—въ «Дѣлѣ» о судьбахъ гамбеттизма) какъ будто уже прокидываются и предвѣщаютъ если и эффектный, то близкій конецъ клемансизма.

Дебютъ министерства былъ настоящимъ апоѳеозомъ. Кабинетъ Клемансо, сформированный 25-го октября, явился съ своей деклараціей передъ парламентомъ 5-го ноября. По этому поводу газеты и политическія сферы, не раздѣлявшія восторга друзей Клемансо, обращали вниманія на ту странность, что въ то время, какъ составленіе самого министерства потребовало лишь двухъ-трехъ дней, выработка деклараціи взяла у кабинета чуть не двѣ недѣли: очевидно, молъ, новое министерство было занято гораздо больше на группировкѣ личностей, чѣмъ на единствѣ взглядовъ,—иначе

не сговаривались бы такъ долго. Какъ бы то ни было, но декларація встрѣтила восторженный пріемъ со стороны большинства депутатовъ и сенаторовъ. Въ палатѣ радикалъ-соціалистъ Рабье отказался отъ интерпелляціи правительства по вопросу общей политики и предложилъ коллегамъ вотировать безъ всякихъ преній довѣріе министерству, что и было немедленно же сдѣлано большинствомъ 395 голосовъ противъ 96, при сотнѣ воздержавшихся («объединенныхъ» соціалистовъ и нѣкоторыхъ членовъ центра) *).

Посмотримъ же, каковы были главные пункты этой столь восхитившей радикаловъ декларації. Въ ней говорилось о томъ, что «прежде, чѣмъ философствовать, надо жить», а посему Франція, молъ, будетъ держать подъ ружьемъ достаточное войско. Эхо палаты отвѣчало: очень хорошо! очень хорошо! Бросался намекъ въ сторону непокорнаго папы, представителя «чужестраннаго авторитета». Тутъ лѣвая неистово хлопала, а правая ворчала. Дальше обѣщались нѣкоторыя реформы: окончательное приданіе школѣ свѣтскаго характера (апплодисменты), выкупъ государствомъ Западной желѣзной дороги (очень хорошо!), «прогрессивный налогъ на доходъ, а въ случаѣ надобности (?! Н. К.) на капиталъ» (молчаніе). Всего любопытнѣе была, конечно, часть декларації, относившаяся къ соціальному вопросу, т. е. къ «сокрушаемому» Клемансо соціализму. Но на сей разъ премьеръ отказался отъ брошенія прямого вызова міровоззрѣнію труда. Наоборотъ, кабинетъ изъявилъ, въ довольно неопредѣленной и изрядно академической формѣ, свою готовность «изслѣдовать всякую теорію», хотя и ослабилъ эту фразу указаніемъ на «неорганизованное состояніе рабочихъ массъ и на состояніе ихъ ума, являющееся слишкомъ часто слѣдствіемъ такого положенія» (воспоминаніе о стачкахъ смущаетъ до сихъ поръ Клемансо). Рабочимъ обѣщалось проведеніе 10-часового дня (очень хорошо! лишь на крайней лѣвой) и закона объ обязательности рабочихъ пенсій (очень хорошо! на лѣвой), равно какъ законъ о «коллективномъ контрактѣ труда». Вполнѣ рѣзко и опредѣленно министерство Клемансо высказывалось противъ права государственныхъ служащихъ на стачку, хотя и завертывало эту горькую пилюлю въ папильотку общей свободы ассоціацій: «Правительство предложитъ на ваше разсмотрѣніе, для регулированія статута чиновниковъ, законопроектъ, который, обезпечивая имъ свободу профессіональной ассоціаціи и гарантируя ихъ противъ произвола, удержитъ ихъ въ границахъ исполненія ихъ долга по

*) Извѣстно, что послѣдній конгрессъ „объединенныхъ" соціалистовъ, засѣдавшій въ Лиможѣ 1—4 ноября этого года, вотировалъ такую линію поведенія, предостерегая представителей организованнаго рабочаго класса противъ довѣрія буржуазнымъ министерствамъ и указывая на „недостаточность самыхъ передовыхъ программъ буржуазной демократіи". См. отчетъ о конгрессѣ въ оффиціальномъ органѣ партіи „Le Socialiste", № 79—80 отъ 3—18 ноября 1906 г.

отношенію къ государству, отъѣзжающему за общественныя службы» *). Послѣдняя фраза ясно говорила, что радикалы не хуже оппортунистовъ готовы пустить въ ходъ аргументы противъ рабочаго класса, разъ онъ осмѣлится пойти противъ буржуазнаго централизованнаго государства.

Но дальнѣйшіе шаги министерства показывали любопытное колебаніе оси,—нѣчто въ родѣ астрономической *нутаціи*,—новаго кабинета, предводимаго Клемансо. колебаніе, изъ котораго можно. пожалуй, заключить, что президентъ совѣта вовсе не является столь тяжелой центральной массой министерскаго созвѣздія, какъ это ему самому могло казаться. Правда, дѣло идетъ пока о «словесности» министровъ, но это такая словесность, которая можетъ повлечь за собой и дѣйствія. Я не буду говорить о двухъ рѣчахъ Бріана по поводу отдѣленія церкви отъ государства,—одна изъ которыхъ удостоилась напечатанія и расклейки, согласно вотуму палаты,—хотя въ нихъ рѣзко проводится взглядъ на необходимость отложить передачу церквей и т. п. въ руки коммунъ съ 11-го декабря 1906 г. по 11 декабря 1907 г. А это, въ сущности, противорѣчитъ интимнымъ взглядамъ Клемансо, который могъ мириться съ этимъ прежде, когда былъ однимъ изъ министровъ кабинета Саррьена, а не теперь, когда самъ сталъ премьеромъ. Тѣмъ болѣе, что, опираясь на антиклерикальное настроеніе группъ лѣвой, которыя дѣлали даже попытки заставить Бріана поступить съ клерикалами энергичнѣе, Клемансо могъ бы предложить рѣшеніе, болѣе подходящее къ его точкѣ зрѣнія, съ жаромъ и ожесточеніемъ развивавшейся имъ въ качествѣ простого сенатора.

Но оставляя эту небезынтересную деталь въ сторонѣ, я остановлюсь на рѣчи. произнесенной Вивьяни въ палатѣ 8-го ноября и произведшей очень большую сенсацію не только среди депутатовъ, вотировавшихъ ея расклейку, но и во всей странѣ и даже за границей. Мнѣ нечего говорить, что ее нельзя считать строго соціалистической. Въ ней исключается совершенно возможность или, лучше сказать, необходимость и законность революціоннаго акта рабочихъ при извѣстныхъ условіяхъ. Въ ней, вмѣсто великой исторической борьбы между трудомъ и капиталомъ, подставляется сомнительное понятіе борьбы между «нищетой и собственностью», — понятіе, достойное развѣ соціологическаго міровоззрѣнія какого-нибудь буржуазнаго филантропа. Въ ней слишкомъ много говорится о «личной свободѣ» и объ «индивидуальномъ правѣ» во вкусѣ радикаловъ-соціалистовъ, полемизирующихъ противъ коллективизма. Но, несмотря на всѣ эти оговорки, въ ней все-таки достаточно рѣзко выражается современное міровоззрѣніе труда. Приведу лишь слѣдующую фразу: «Взоръ, ослѣпленный

*) Journal officiel. Déb. parl. Chambre n° 301 отъ 6-го ноября 1906 г. стр. 2387.

блескомъ, который отдѣляется отъ этой (Великой французской, политической. Н. К.) революціи, не всегда замѣчаетъ другую, молчаливую, скрытую, глубокую революцію, которая называется революціей экономической Благоларя концентраціи капиталовъ въ немногихъ рукахъ и развитію машиннаго производства, на одномъ и томъ же полѣ труда возникли двѣ коллективности: капиталистическіе интересы приняли осязательную форму анонимныхъ компаній; рабочіе интересы приняли осязательную форму рабочихъ коллективностей, которыя—увы!—не всегда являются синдикальными коллективностями. И вотъ мало-по-малу изъ глубины этихъ рабочихъ коллективностей выработалась коллективистическая душа, мало по-малу возникло коллективное право».

Намъ нечего вдаваться въ критику отдѣльныхъ законопроектовъ, которые новый министръ труда думаетъ вывести изъ этого общаго принципа: между этими мѣрами, предлагаемыми Вивьяни, находятся такія, на которыя рабочій классъ Франціи въ общемъ никогда не пойдетъ, рѣзко высказываясь уже въ лицѣ «объединенныхъ» соціалистовъ и синдикалистовъ противъ попытки ввести обязательный третейскій судъ между препирающимися рабочими и капиталистами, ибо это обломаетъ остріе у грознаго орудія внезапной стачки. Но какъ пройти молчаніемъ только что цитированную нами мысль Вивьяни о «коллективистической душѣ» и «коллективистическомъ правѣ» рабочихъ? Какъ, далѣе, не сопоставить съ этимъ положеніемъ еще болѣе многозначительное въ практическомъ смыслѣ заявленіе, сдѣланное Вивьяни нѣсколькими минутами дальше и в трѣченное рукоплесканіями не только крайней лѣвой, но и—очевидно, по недоразумѣнію—просто лѣвой: «Соціалисты утверждаютъ, что направленіе, въ которомъ идутъ факты и вещи, позволяетъ имъ думать, что для того, чтобы пользоваться индивидуально всѣми благами жизни, люди будутъ обязаны овладѣвать ими (les appréhender) въ формѣ соціальной».

Если это такъ, и если кабинетъ Клемансо представляетъ собою, какъ и полагается парламентарному министерству, однородное цѣлое, то куда же дѣлся столь гордо провозглашенный Клемансо лѣтомъ того года индивидуализмъ? Куда дѣлась эта проповѣдь нравственнаго совершенствованія личности, какъ ключа къ соціальной реформѣ? А премьеръ, какъ извѣстно, очень демонстративно прерывалъ рѣчь своего министра труда возгласами: очень хорошо! очень хорошо!, и по окончаніи рѣчи съ видимымъ энтузіазмомъ пожималъ ему руки. Мало того. Когда на третій день сенаторъ правой, де-Ламарзелль, обсуждая вопросъ о кредитахъ министерству труда, противопоставилъ Вивьяни, какъ соціалиста, Клемансо, какъ крайнему индивидуалисту (individualiste à outrance), самъ Клемансо счелъ нужнымъ прервать эти слова возгласомъ: «нѣтъ, не крайнему». А во время отвѣтной рѣчи Вивьяни въ сенатѣ произошелъ еще болѣе многознаменательный инцидентъ. Когда

министръ труда произнесъ фразу: «Но что же констатировалъ г. де-Ламарзелль? Что я соціалистъ, а что г. президентъ совѣта не соціалистъ? Но что изъ этого?» Клемансо вдругъ прервалъ рѣчь своего сотрудника словами: «Извините меня! я тоже имѣю претензію быть соціалистомъ!» На что Вивьяни отвѣтилъ: «Въ такомъ случаѣ я отмѣчаю ваше присоединеніе къ намъ». Опять-таки, что это такое? Простая игра словами, или же, дѣйствительно, желаніе загладить хоть нѣсколько рѣзкость своей индивидуалистической формулы? Недаромъ умѣренно-республиканское «Temps» замѣчаетъ иронически по этому поводу: «Г. Клемансо дѣлается, такимъ образомъ основателемъ новой школы, еще неизвѣстной до сихъ поръ въ соціалистической партіи, столь богатой вообще школами: «индивидуалистическаго соціализма».

Можно поэтому предположить, что самъ Клемансо, какъ человѣкъ очень тонкій и очень умный, чувствуетъ, что соціализмъ, даже представленный «независимыми», является силой, съ которой приходится считаться, и которая уже проникла въ его комбинацію, разрушая индивидуалистическій символъ вѣры его творца. Хватитъ ли въ такомъ случаѣ у этого авторитарнаго, привыкшаго подчинять себѣ другихъ, но не подчиняться имъ человѣка терпѣнія и настойчивости вести свою линію и въ то же время не бить прямо въ забралъ соціализму, практикуя политику, которую фонъ-Бюловъ не безъ остроумія назвалъ однажды въ нѣмецкомъ парламентѣ «политикой діагонали силъ»? Или же именно сознаніе своей личной высокой цѣнности толкнетъ Клемансо обратить своего демона разрушенія противъ самого клемансизма и съ эффектомъ низвергнуть свое же собственное министерство?

Я, конечно, могу ошибаться. Но сдается мнѣ, что въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего удивительнаго. Надо лишь прибавить, что и съ паденіемъ или съ самоубійствомъ Клемансо, разрушающая всѣ буржуазныя комбинаціи сила современнаго соціализма не прекратитъ своего прямого и косвеннаго давленія на партіи стараго міра; и что послѣдовательное міровоззрѣніе труда будетъ снова и снова звать на свой строгій историческій судъ французскихъ радикаловъ, пока трудящіяся массы не осуществятъ полностью своего идеала...

Въ слѣдующемъ письмѣ я постараюсь углубить поднятый мною вопросъ, посвятивъ особую статью описанію французскаго синдикализма и его общественному значенію.

Н. Е. Кудринъ.

Отлученные и озлобленные.

I.

Въ іюнѣ нынѣшняго года мнѣ довелось проѣхать верстъ 400 въ одномъ вагонѣ съ небольшою, но достопримѣчательною компаніей. Ихъ было всего трое: бритый мужчина въ формѣ жандармскаго офицера, бородатый мужчина въ красной рубахѣ и кучерскомъ казакинѣ, да юнецъ съ черными острыми усиками въ узкихъ брючкахъ жандармскаго цвѣта и покроя и въ новенькой студенческой фуражкѣ. Компанія расположилась въ отдѣльномъ купэ, около котораго кондуктора шмыгали съ какою-то особенною почтительностью. На каждой станціи таинственная троица выходила изъ вагона на платформу и почему-то считала долгомъ поднимать крикъ:

— Черти!... Жиды!... Жидовскія хари!... Бить надо!...

Фразы повторялись въ различной послѣдовательности и съ различной экспрессіей; на одной станціи «хари» оказывались «жидовскими», на другой—«чортовыми», на одной объявлялось, что «надо бить васъ—жидовъ», или «жидовскихъ чертей», а на другой—«васъ—чертей», или «чортовыхъ жидовъ». Но вездѣ и неизмѣнно выходило такъ, будто лексиконъ загадочныхъ путешественниковъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ четырехъ словъ: «чортъ, харя, жидъ и бить», комбинируемыхъ, глядя по вдохновенію. Поѣздъ былъ почтовый. Стоялъ на каждомъ полустанкѣ,—и, по русскому обычаю, стоялъ долго, такъ что компанія вездѣ имѣла досугъ накричаться и нашумѣть всласть. Наиболѣе неистово кричалъ бородатый мужчина. Юнецъ въ жандармскихъ панталонахъ, обыкновенно, ограничивался лишь тѣмъ, что выкрикивалъ: «Ай, вей, миръ», съ тѣми ужимками и гримасами, къ которымъ прибѣгаютъ плохіе разсказчики еврейскихъ анекдотовъ. А бритый мужчина въ формѣ всего чаще лишь гоготалъ. И опять таки выходило, словно въ компаніи роли заранѣе распредѣлены, и каждый ведетъ игру по условленному плану. По крайней мѣрѣ, такое получалось впечатлѣніе.

Компанію эту я замѣтилъ еще въ Витебскѣ, гдѣ она, шумно разгуливая по платформѣ, кому-то угрожала:

А вотъ погоди, пріѣдемъ въ Орелъ.

Но на слѣдующей остановкѣ бородачъ кричалъ:

— Жиды чортовы!.. Вотъ погоди - пріѣдемъ въ Пензу...

Черезъ 20 минутъ, когда поѣздъ снова остановился, бородачъ объявилъ во всеуслышаніе:

— Погоди, жидовскіе черти — вотъ пріѣдемъ въ Казань.

Словомъ, компанія считала долгомъ на каждой остановкѣ громогласно довести до свѣдѣнія публики, куда ѣдетъ, и въ то же время на каждой станціи мѣняла свой маршрутъ. И если для станціонныхъ жителей оказывался извѣстнымъ только одинъ пунктъ, то мы, невольные спутники горластыхъ незнакомцевъ, постепенно узнавали, что они, кромѣ Орла, Пензы и Казани, ѣдутъ также въ Гомель, въ Одессу, въ Ташкентъ, въ Иркутскъ, въ Тифлисъ, въ Царицынъ, въ Минскъ...

Конечно, компанія была замѣчена пассажирами. И среди моихъ сосѣдей по вагону шли толки и догадки. Какой-то человѣкъ, называвшій себя «юристомъ», разсказалъ намъ «фактъ», «совершенно достовѣрный»; по крайней мѣрѣ, онъ «юристъ», «нисколько въ немъ не сомнѣвается», ибо «слышалъ отъ одного вѣрнаго человѣка въ Петербургѣ». По словамъ же «вѣрнаго человѣка», «теперь», т. е. въ іюнѣ, при департаментѣ полиціи учреждена особая должность «агентовъ-запугивателей», на обязанности которыхъ возложено ѣздить по дорогамъ и грозить погромами. Дѣлается же это, видите ли, для того, чтобы «отвлечь вниманіе народа отъ Думы».

— Вы понимаете? Вотъ они сказали въ Витебскѣ, что ѣдутъ въ Орелъ. А кто-нибудь и пишетъ орловскимъ знакомымъ: «берегитесь, къ вамъ ѣдутъ». А на другой станціи пишутъ пензенскимъ знакомымъ: «берегитесь, къ вамъ ѣдутъ», на третьей пишутъ въ Казань: «берегитесь, къ вамъ ѣдутъ». А въ это время такая же компанія разъѣзжаетъ по Николаевской дорогѣ, по Варшавской, по Московско-Курской, по Смоленско-Вяземской и т. д., и т. д. Дорогъ то много въ Россіи. И вотъ на всѣхъ станціяхъ пишутъ во всѣ города: «къ вамъ ѣдутъ»...

Далѣе шло подробное объясненіе, что должно произойти «хотя бы, напримѣръ, въ Орлѣ», когда одновременно нѣсколько человѣкъ изъ разныхъ мѣстъ получатъ одно и то же извѣстіе: «къ вамъ ѣдутъ». Люди, очевидно, бросятся къ губернатору за помощью. А это именно и нужно департаменту полиціи:

— Потому что теперь народъ хочетъ слушать только Думу, а на чиновниковъ и вниманія не обращаетъ и власти ихъ не признаетъ. А тутъ поневолѣ и вниманіе обратишь, и власть признаешь, и про Думу забудешь... Вотъ для того-то, чтобы поддержать престижъ чиновниковъ, и существуютъ «агенты-запугиватели».

Мнѣ лично казалось, что вся эта «махинація» придумана «юристомъ» только сейчасъ, въ вагонѣ, и лишь недостатокъ авторскаго самолюбія заставилъ догадливаго «юриста» назвать свою «теорію» «фактомъ» и сослаться на какого-то «вѣрнаго человѣка». Сидѣвшій рядомъ со мною солидный купецъ пришелъ, однако, къ другому выводу. Онъ выслушалъ «юриста» внимательно, но изрекъ:

— А я такъ думаю, что это не департаментъ... Просто сами губернаторы составили шайку... Къ губернатору-то съ пустыми

руками не сунешься... Знаемъ мы эту штуку! Хоть бы и до меня доведись... Получишь вотъ такую писульку: «къ вамъ ѣдутъ». Ну, и кинешься: «ваше, молъ, превосходительство, предотвратите»... Меньше десяти радужныхъ такой разговоръ не обойдется... Впрочемъ,— неожиданно заключилъ онъ,—я не спорю. Можетъ и дѣйствительно отъ этого дохода часть на построеніе департамента отчисляется..

Сидѣвшій насупротивъ купца комми-вояжеръ въ желтыхъ ботинкахъ счелъ долгомъ высказать, что заинтриговавшая насъ компанія состоитъ изъ настоящихъ погромщиковъ. И по этому поводу зачѣмъ-то сталъ излагать во всеуслышаніе своими словами рѣчь Урусова въ Государственной Думѣ. Ѣхавшій съ нами отставной полковникъ, съ видимымъ интересомъ слушавшій и «юриста», и купца, вдругъ разсердился, какъ только дѣло дошло до Урусова:

— Враки!—кричалъ онъ.—Не вѣрьте!.. Я самъ служилъ тридцать пять лѣтъ Богу и государю... Не вѣрьте. Это клевета.

— Но позвольте,—горячился комми-вояжеръ,—князь Урусовъ въ Думѣ...

— Вретъ... Хоть и князь, а вретъ. Я вамъ воинской честью клянусь! Правительство неповинно въ погромахъ. А что касается этихъ жуликовъ, то я, батюшка, старый солдатъ. Отъ меня не уйдешь. Насквозь вижу. Это соціалисты. И непремѣнно только что изъ тюрьмы бѣжали...

— Но позвольте, зачѣмъ же они кричатъ: «бей жидовъ»?

— А затѣмъ, — отрѣзалъ полковникъ, — чтобы станціоннымъ дуракамъ-жандармамъ очки втирать. Жандармъ сдуру думаетъ, что это патріоты, а на самомъ дѣлѣ...

— Позвольте,—вмѣшался «юристъ»,—ужъ что-нибудь одно: либо правительство устраиваетъ погромы, либо жандармы не могутъ думать, что крикъ: «бей жидовъ» означаетъ патріота...

Тутъ полковникъ окончательно разсердился и немилосердно распекъ насъ.

— Я старый солдатъ,—кричалъ онъ.—Тридцать пять лѣтъ Богу и государю служилъ. Адвокатскихъ вашихъ штучекъ, слава Богу, не понимаю. А что это соціалисты и острожники—сейчасъ докажу. Вотъ скоро Смоленскъ. Вотъ увидите. Я прикажу жандарму потребовать у нихъ документы. Вотъ посмотримъ.

«Старый солдатъ» зачѣмъ-то досталъ изъ картонки и нацѣпилъ на себя свои кресты и медали, какъ бы опасаясь, что иначе жандармъ можетъ придать дѣлу не совсѣмъ ожидаемый оборотъ. Въ Смоленскѣ онъ, дѣйствительно, вылѣзъ изъ вагона. Оказалось, что здѣсь на платформѣ компанія встрѣтила своихъ знакомыхъ. Бородатый мужчина кого-то обнималъ и цѣловалъ, кто-то обнималъ и цѣловалъ юнца. Кто-то затянулъ было «Боже, царя храни», отчего «посторонняя публика» бросилась вразсыпную съ такою поспѣшностью, словно это не «гимнъ», а бомба. Впрочемъ, бритый мужчина въ жандармской формѣ крикнулъ: «не надо», и пѣніе

быстро прекратилось. Юнецъ дразнилъ какую-то даму, которая, спасаясь отъ гимна, споткнулась и, повидимому, больно ушибла ногу. «Ай, вей, миръ»—кривлялся онъ. Бритый мужчина гоготалъ. Бородатый грозилъ: «А вотъ въ Ростовѣ-на-Дону мы покажемъ». Прочіе, прикосновенные къ компаніи, орали кто во что горазд. Станціонный стражъ съ винтовкой за спиной недвижимо стоялъ и «ѣлъ глазами» публику. Полковникъ раза четыре шмыгнулъ около него, потопталсяна одномъ мѣстѣ и поплелся назадъ въ вагонъ.

— Знаете-ли,—сказалъ онъ мнѣ, взлѣзая на площадку,—старый солдатъ... Никогда доносчикомъ не былъ... Не къ лицу оно солдату... Вотъ если бы вы, штатскій человѣкъ, заявили жандарму... Я бы съ своей стороны поддержалъ... А? какъ вы думаете?..

«Старый солдатъ» имѣлъ видъ мокрой курицы. Онъ какъ-то сразу обрюзгъ. Тихонько, ни на кого не глядя, уложилъ назадъ въ картонку свои кресты и медали и легъ спать,—хотя время для этого занятія было не подходящее: около 12 часовъ дня.

Въ Смоленскѣ компанія, повидимому, сильно воодушевилась. На слѣдующей остановкѣ бородачъ разрядилъ свою энергію на старушкѣ-еврейкѣ, которая возлѣ платформы продавала булки. Съ крикомъ: «Я вамъ покажу, какъ Христа продавать», онъ опрокинулъ ея корзинку, разбросалъ булки и даже сталъ было топтать ихъ сапогами. Но тутъ «сѣрая публика» зашумѣла:

— Ты зачѣмъ это надъ хлѣбомъ святымъ надругаешься? а?

Бородачъ поспѣшилъ ретироваться. И по этой ли причинѣ, или просто у него упало воодушевленіе, но на дальнѣйшихъ остановкахъ онъ уже не «показывалъ, какъ Христа продаютъ», хотя шумѣлъ и кричалъ изрядно. Такимъ порядкомъ, подъ лозунгъ: «бей», не безъ приключеній, но въ общемъ довольно благополучно, мы доѣхали до уѣзднаго городка N., въ которомъ мнѣ надо было «выходить».

Городишка этотъ мнѣ хорошо знакомъ. На этотъ разъ предстояло мнѣ, между прочимъ, ликвидировать въ немъ старыя имущественныя дѣла, отъ которыхъ я настойчиво отмахивался въ теченіе 5 лѣтъ, и которыя теперь такъ запутались, что отъ нихъ никакъ нельзя было отмахнуться. Ждать чего-либо пріятнаго и утѣшительнаго не приходилось. И я не торопился. Лѣниво позвалъ носильщика. Носильщикъ лѣниво взялъ вещи. Изъ вагона надо было идти какъ разъ мимо компаніи, у которой и здѣсь оказались знакомые. Бородачъ обнималъ какого-то высокаго мужчину въ пиджакѣ и высокихъ сапогахъ:

— Другъ Филиппъ!—кричалъ онъ.—Тезка святителя московскаго!... А мы, братъ, въ Черниговъ ѣдемъ. Надо тамъ Россію показать...

Я бѣгло взглянулъ на «тезку святителя московскаго». Лицо его мнѣ показалось знакомымъ.

— Этотъ Филиппъ,—спросилъ я у носильщика, пока онъ клалъ на дрожки мой чемоданъ,—не Шкуратъ ли?

— Онъ самый,—отвѣтилъ носильщикъ.—Филька Шкуратъ. Опять эти стервятники тутъ закружились. Вотъ онъ и бѣгаетъ на станцію. Поживу с... сынъ чуетъ...

— А вешто не можива,—вмѣшался извозчикъ.—Въ прошломъ-то году осенью они тутъ важно поработали... Ты посмотри-ка, какъ онъ опосля этого хату себѣ отбухалъ. Филька-то. Отъ трудовъ праведныхъ!..—засмѣялся извозчикъ и, покрутивъ головою, присовокупилъ:

— Ну, и сволочь же народъ пошелъ!..

— Это послѣ чего Филька себѣ хату отбухалъ?—спросилъ я, невольно дивясь поразительному умѣнью людей понимать иносказательный языкъ безъ предварительнаго уговора.—Послѣ погрома, что ль?

— Да ужъ извѣстно, не послѣ праздника!—сердито отрѣзалъ возница и ударилъ лошадь.

II.

Филька Шкуратъ—мой старый знакомый. Родомъ онъ изъ крестьянъ, кажись, Калужской губ. И когда-то былъ каменщикомъ. Въ старые годы онъ каждую весну приходилъ со своими односельчанами въ городъ на заработки. А по окончаніи строительнаго сезона, т. е. приблизительно въ октябрѣ, уходилъ на зиму домой. Шкуратъ грамотенъ. Служилъ въ солдатахъ. И когда-то, говорятъ, не плохо понималъ «каменщицкое дѣло». Однажды послѣ Покрова онъ заявилъ односельчанамъ, что въ село не вернется, а будетъ «зиму бѣдовать» въ городѣ. И, дѣйствительно, «бѣдовалъ» онъ изрядно, промышляя Богъ вѣсть чѣмъ, и Богъ вѣсть какъ. За то весною, когда стали собираться рабочіе, Филькѣ оказалось извѣстно, гдѣ и какой есть «подрядъ», и какіе есть «ходы и выходы», чтобъ его взять. И хоть ему въ ту пору было не больше 28 лѣтъ, однако даже старики, гораздо болѣе опытные въ работѣ, вынуждены были сказать ему:

— Филиппъ Петровичъ,—ты намъ это дѣло обмозгуй... Мы тебя за это въ артели рядчикомъ поставимъ. А за хлопоты особая доля будетъ...

Рядчикъ въ артели — дѣло великое. Онъ ведетъ хозяйство, распредѣляетъ трудъ, ищетъ работу, договаривается съ хозяевами. Коли рядчикъ расторопенъ, артель ни одного дня не пробудетъ безъ дѣла и безъ заработка. И толковому рядчику артель прощаетъ явную несправедливость, самовольство и даже мелкое плутовство... Филиппъ, повидимому, тоже оказался не плохимъ. При разсчетѣ осенью артель пришла къ выводу, что ею «заработано слава Богу». А самъ Филиппъ купилъ въ городѣ избу и перевезъ изъ деревни семью. На слѣдующую весну онъ уже оказался ряд-

чикомъ не только у каменщиковъ, но и у печниковъ и даже у штукатуровъ. Правда, штукатурамъ пришлось жаловаться:

— Эхъ, молъ, зря мы польстились... Вышло, что работы много, а дѣла нѣтъ. Не понимаетъ онъ нашего рукомесла, Филиппъ-то Петровъ. Оттого и порядки бабьи. Къ примѣру, штукатура первой руки пошлетъ печку мазать, а мальчишку поставитъ карнизъ тянуть. Ну, и выходитъ: гдѣ бы на день работы, тамъ трое сутокъ воду толчемъ...

Хуже всего, однако, было то, что Шкуратъ пристрастился къ бильярду, сталъ кутить, захватилъ какой-то казенный подрядикъ, внесъ въ задатокъ артельныя деньги. При разсчетѣ рабочіе оказались «ни при чемъ», «малость поколотили» «мошенника», да съ тѣмъ и ушли. За то на слѣдующую весну, когда онъ сунулся было со своими предложеніями: «эхъ, молъ, какія я тутъ работы присмотрѣлъ», отъ рабочихъ получился отвѣтъ:

— Нѣтъ. Филька, побаловался—и будетъ... Мы ужо безъ тебя какъ-нибудь обойдемся...

Шкурату, разжалованному въ «Фильки», пришлось плохо. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ перебивался кое-какъ «съ хлѣба на квасъ». Къ осени ухитрился какимъ-то способомъ поступить въ городовые. Затѣмъ и полицейскую службу бросилъ,—по крайней мѣрѣ, оффиціально. Но весною опять обратился къ рабочимъ съ предложеніями. И на этотъ разъ дѣло было не шуточное. Рѣчь шла о постройкѣ дома городскому головѣ, да и условія Филиппъ предлагалъ какъ будто подходящія:

— Что-жъ, дескать,—не таюсь, былъ съ моей стороны грѣхъ. Да стоитъ ли старое вспоминать?... Не желаете, чтобъ я былъ у васъ рядчикомъ,—и не надо. Выбирайте сами, кого вамъ нужно. А только и безъ меня не обойдетесь: потому—ко мнѣ градской голова довѣріе имѣетъ. Съ кѣмъ я полажу, тотъ и работать будетъ. Хотите—вы, не хотите—другихъ найду... Такъ что, братцы, давайте по хорошему. Артель, значитъ, пусть ваша. И староста вашъ. А только—и меня къ дѣлу приставьте. Для васъ чтобъ я былъ, значитъ, совсѣмъ не при чемъ,—вродѣ какъ пятое колесо въ телѣгѣ. А для хозяина—вродѣ какъ рядчикъ. Вамъ это все равно, что ничего. А по моимъ дѣламъ оно нужно. Чтобъ слава, значитъ, такая была: Филиппъ Петровъ, молъ, у самого градского головы рядчикомъ состоялъ...

Цѣну городской голова давалъ хорошую. И нашлась солидная артель, которая приняла условія Шкурата. Недѣли три дѣло шло гладко. А затѣмъ Филиппъ объявилъ, что «цѣна, противъ прежней, будетъ половинная». Ошеломленные рабочіе рѣшили жаловаться. Обратились къ головѣ, тотъ «и слушать не сталъ»: «не хотите, говоритъ, работать, и не надо — другихъ найдемъ». Пошли къ исправнику. Исправникъ выслушалъ и немедленно произвелъ допросъ:

— А вы на какомъ основаніи составили артель?..

Сначала рабочіе не поняли, въ чемъ дѣло. Рядчикъ началъ было объяснять:

— Основаніе, м-лъ, ваше высокоблагородіе, было такое: первая рука беретъ двѣ части, вторая рука полторы части, а которые, значитъ, еще учатся, тѣмъ четверть части...

— Да ты кто такой?—крикнулъ исправникъ..

— Рядчикъ я, значитъ. Артелью, значитъ, поставленъ...

— Ага, рядчикъ... Взять его...

— За что? помилуйте!—загалдѣла артель.

Исправникъ отвѣтилъ смѣсью площадныхъ словъ, которыми въ такомъ совершенствѣ владѣютъ россійскіе губернаторы и другіе представители власти. Порядокъ въ такихъ случаяхъ общеизвѣстенъ. Сначала: «Что? Бунты!.. На колѣни, с... дѣти!», затѣмъ—отборнѣйшая ругань на чистокровномъ губернаторскомъ діалектѣ. Рабочіе до того растерялись отъ неожиданности, что, дѣйствительно, опустились на колѣни. Позже Шкуратъ хвасталъ, что «вся эта штука» была подстроена заранѣе: голова будто бы хотѣлъ подешевле построить, а у исправника былъ яко бы планъ — искоренить вольныя артели, передать всѣ постройки – и большія, и мелкія въ руки какихъ-то подрядчиковъ. Всего вѣроятнѣе, что Филиппъ много лгалъ лишняго. Но, судя по всему, подъ его «дымомъ» былъ «огонь», ибо немедленно послѣ разгрома артели, работавшей у городского головы, послѣдовала своего рода «генеральная ревизія»: полиція старательно посѣщала всѣ постройки, и вездѣ «разговоръ былъ коротокъ»:

— Кто тутъ работаетъ?

— Мы работаемъ...

— Ты рядчикъ?

— Такъ точно,—рядчикъ...

— Пойдемъ въ полицію.

— За что?.. Помилуйте?...

«Начальство», видимо, получившее опредѣленныя инструкціи, давало отвѣтъ на губернаторскомъ діалектѣ, который, повторяю, для печати совершенно не удобенъ. Въ блѣдномъ переводѣ на русскій языкъ, отвѣтъ «начальства» гласилъ, приблизительно, слѣдующее:

— Кто вамъ разрѣшилъ артели устраивать?.. Да знаешь ли ты, хамондолъ, что для этого нужно разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ?. Да знаешь ли ты, что тебя за противозаконное сообщество въ Сибирь надо?..

— Да какъ же такъ?—тщетно пытались «хамондолы» урезонить начальство.—Пчелы, къ примѣру, и тѣ безъ матки не живутъ, а какъ же мы безъ распорядку будемъ? Самъ ты, ваше благородіе, знаешь. Какое ни на есть хозяйство у насъ. Квартиру имѣемъ. Хлѣба надо испечь. Щи-кашу сварить. Нешто оно само

собою дѣлается? Опять же и работа... Вотъ я, къ примѣру, на пазахъ стою. А Петруха углы рубитъ. Ты думаешь это зря? Да поставь, попробуй, Петруху на мое мѣсто, а меня на его. Такъ мы, милый, и хозяину напортимъ, и себѣ не заработаемъ. Рядчикъ-то у насъ—всему дѣлу голова. Онъ и въ хозяйствѣ мастакъ. И въ работѣ смыслитъ, - кого куда приставить. А ты, говоришь, министръ! Да на что онъ намъ, твой министръ-то?..

Словомъ, рабочіе пробовали доказать, что безъ организаціи нельзя работать. Начальство сквернословило и таскало въ кутузку. Строительныя работы въ короткое время вдругъ лишились умѣлыхъ и испытанныхъ организаторовъ. Среди горожанъ пошли крайне неодобрительные толки и разговоры. И Богъ вѣсть, чѣмъ бы все это кончилось, если бы не нашелся «умный человѣкъ», плотникъ Данилка, который хоть и былъ горькій пьяница и отчаянный плутъ, однако «выручилъ народъ изъ бѣды». Работалъ въ это время Данилка на постройкѣ мѣщанина Колоколкина. Постройка была неважная: бревенчатая хатка въ три окошка по фасаду. Впрочемъ, на хорошія работы Данилку и не брали, да и на мелкихъ его «черезъ великую силу» терпѣли и хозяева, и рабочіе. Когда болѣе или менѣе крупныя постройки были «обревизованы», заглянулъ какой-то окологочный и къ Колоколкину»:

— Кто тутъ работаетъ?

Данилка выступилъ впередъ и твердо отвѣтилъ:

— Я.

— То есть какъ?—растерялся полисмэнъ.—А это кто?..

— А это мои работники.

— Что ты брешешь?—повысилъ было голосъ околоточный.—Я знаю, что у васъ артель.

Но тутъ выступили рабочіе и самъ мѣщанинъ Колоколкинъ, видимо, сразу оцѣнившій данилкину выдумку:

— Нѣту у насъ никакой артели...

Околоточный ушелъ, «не солоно хлебавши». А Данилка, посмѣиваясь въ бороду, заявилъ:

— Двѣ кварты мы, значитъ, нынче выпьемъ...

— Лопнешь отъ двухъ-то,—раздались было голоса. —Довольно и одной.

— Со мною-то вы храбры разговаривать, —спокойно возразилъ Данилка. — А какъ начальства дѣло коснулось, то, небось, подъ лавку...

— Что ты съ нимъ, жуликомъ, подѣлаешь? — разсудили рабочіе.—Нешто ему долго: пойдетъ въ полицію,—и того...

— Смотрите, ребята, — предостерегалъ рядчикъ. — Будетъ онъ теперь сосать...

И, дѣйствительно, Данилка сталъ сосать. Онъ явно лодырничалъ, прогуливалъ, пьянствовалъ, но долю артельнаго заработка требовалъ себѣ сполна. Выдумка его помогла приспособиться къ

новымъ требованіямъ начальства. «Законъ», вступившій было въ непримиримое противорѣчіе съ жизнью, торжествовалъ: оффиціально артели исчезли, всюду полиція находила не рядчика, избраннаго артелью, а подрядчика, взявшаго работу у «хозяина», и нанявшаго рабочихъ. Жизнь также торжествовала: ибо въ дѣйствительности необходимыя для нея своеобразныя производительныя организаціи, именуемыя артелями, существовали по прежнему. Противорѣчіе разрѣшилось какъ бы въ ничью. За то плотниковъ сталъ сосать въ одномъ мѣстѣ Данилка, въ другомъ какой-то Иванъ Рябыхъ, въ третьемъ еще кто-то; на томъ же основаніи землекоповъ сосалъ Прошка Грабарь, каменщиковъ Гришка Бондарчукъ, штукатуровъ Финогенъ Бородулинъ... Появился невѣдомо откуда своеобразный классъ профессіональныхъ «сосуновъ». И на сколько я зналъ ихъ, это были сплошь ничтожные, никчемные люди, пьяницы, лодыри. Они и оставались лодырями, проводившими дни и ночи въ кабакахъ. Но теперь они чувствовали себя господами положенія, щеголяли въ суконныхъ поддевкахъ, а Прокопъ Грабарь нанялъ даже машинку. Рабочіе горько жаловались, но дань платили исправно. Да и выхода другого не было. Убить Прокошку—грѣха боязно. Прогнать—онъ «пойдетъ въ полицію, и того»... Правда, когда Прокошка сталъ «грабить не по-божьему», его все-таки убили. Но, вмѣсто убитаго, словно изъ-подъ земли, вылѣзъ какой-то Тимоха, который былъ такимъ же пьяницей, такимъ же лодыремъ и такъ же основательно сосалъ. Только и разницы, что Прокошка былъ черный съ короткою бородою, а Тимошка—рыжій съ длинною бородою; да еще та была разница, что Прокошка грабилъ «безъ совѣсти», а Тимоха «зналъ мѣру». Въ конечномъ счетѣ получился все тотъ же «денной грабежъ», лишь умѣряемый страхомъ убійства.

Естественно, что въ число такихъ сосуновъ, сдерживаемыхъ только страхомъ убійства, попалъ и общій родоначальникъ ихъ въ маленькомъ уѣздномъ городѣ,—Филиппъ Петровичъ Шкуратъ. Сосалъ онъ большую артель каменщиковъ; сосалъ исправно, изъ года въ годъ. А мы, «посторонніе интеллигенты», изъ года въ годъ видѣли это занятіе. Порою возмущались безнаказанностью, съ какою Шкуратъ сосалъ, и говорили: «Вотъ жуликъ!» Порою возмущались рабочими, что ужъ слишкомъ безотвѣтно даютъ себя сосать, и говорили: «Вотъ болваны! Вотъ народъ! Хоть колъ на его головѣ теши»... Но, въ общемъ, намъ казалось, что неожиданное появленіе сосуновъ можно разсматривать, лишь какъ исключительный случай, анекдотъ о глупомъ исправникѣ, который глупо истолковалъ и глупо примѣнилъ глупый законъ къ глупому «народу», и въ результатѣ столь всесторонней глупости явилась пожива для нѣсколькихъ мошенниковъ... Такъ, повторяю, казалось лѣтъ 7—8 назадъ, когда на моихъ глазахъ Фильки, Прошки, Тимошки, Данилки и прочіе лодыри за чужой счетъ переряжались изъ обор-

ванныхъ свитокъ въ новенькія поддевки и за чужой счетъ гоняли по трактирнымъ бильярдамъ «желтаго въ уголъ».

III.

Нѣсколько позже забросила меня судьба изъ маленькаго уѣзднаго города «срединной Россіи» «на край свѣта», къ персидской границѣ, въ царство ея величества маляріи, именуемое Муганскою степью. Это—равнина, притиснутая Большимъ и Малымъ Кавказомъ къ Каспійскому морю. Близъ устья Куры по морскому побережью есть тутъ рабочіе поселки: Зюдъ-Остовъ Култукъ и Нордъ-Остовъ Култукъ (характерная, «истинно-русская» смѣсь нарѣчій—нѣмецкаго съ татарскимъ). Живетъ въ этихъ и другихъ окрестныхъ приморскихъ поселкахъ особое и мало извѣстное «сословіе»: «морскіе, они же вольные, ловцы». И вотъ здѣсь-то, среди «вольныхъ ловцовъ», мнѣ снова пришлось наблюдать дѣйствіе «закона объ артеляхъ», хотя и въ болѣе сложной постановкѣ.

Къ промышленному рыболовству, какъ и къ строительнымъ работамъ, не подойдешь безъ опредѣленной организаціи рабочихъ силъ и безъ опредѣленнаго плана. Не говорю о самомъ процессѣ ловли, но даже разверстать «рыбный участокъ» моря между наличными ловцами—дѣло сложное. Предоставь каждому ставить «снасть», гдѣ вздумается, и какъ зря,—ничего не выйдетъ, кромѣ взаимной помѣхи и взаимныхъ недоразумѣній. Чистить, раздѣлывать, коптить, солить, вялить пойманную рыбу,—тоже дѣло не простое. Для чистки и раздѣлки, напр., нуженъ спеціально приспособленный «плотъ»,—«штука» дорогая, которую каждый отдѣльный ловецъ завести не можетъ. Такія «издержки производства» убили бы самый промыселъ. Словомъ, рыболовство по самой природѣ своей требуетъ примѣненія общественнаго, артельнаго начала. Однако, рыболовная артель—учрежденіе болѣе громоздкое и болѣе сложное, нежели артель строительная.

По закону, артель, положимъ, плотниковъ есть самочинное сообщество. Но обычай опредѣляетъ ее иначе. Разсчетливый «хозяинъ», которому нужна постройка, охотнѣе имѣетъ дѣло съ артелью, а не съ отдѣльными лицами. Онъ нанимаетъ артель и съ нею ведетъ всѣ счеты. Мелочная лавка отпускаетъ артели въ кредитъ хлѣбъ, муку, крупу, масло и т. д. Квартирный хозяинъ и баба-стряпуха получаютъ деньги опять-таки съ артели, а не съ каждаго отдѣльнаго плотника. Такимъ образомъ, артель, какъ коллективное цѣлое, вступаетъ въ цѣлый рядъ гражданскихъ отношеній съ третьими лицами и учрежденіями. Эти отношенія такъ или иначе регулируются своеобразнымъ «обычнымъ правомъ». И съ точки зрѣнія этого «обычнаго права», артель, несомнѣнно, обладаетъ всѣми признаками «юридическаго лица», безъ которыхъ она, впрочемъ,

не могла бы существовать (тотъ же лавочникъ въ долгъ не дастъ).

Пока рѣчь идетъ о плотникахъ, «обычное право» худо или хорошо, но даетъ возможность жить. Стараніемъ всѣхъ своихъ членовъ артель запасается «средствами производства», да и стоятъ они пустякъ: у каждаго, напр., плотника «струменту» на 10 — 15 руб., не больше. А у каменщика и того меньше. Кредитъ на пропитаніе тоже не Богъ вѣсть какой нуженъ. Общая стоимость артельнаго производства — нѣсколько сотъ рублей; 2 — 3 тысячи — уже очень много. Такое маленькое дѣло можно вести въ предѣлахъ «обычнаго права», «по старинѣ», «на совѣсть». Тутъ для интересовъ третьихъ лицъ рискъ небольшой. Ловцы въ иныхъ условіяхъ. Полная исправная рыболовная «снасть» стоитъ не 10 или 15, а нѣсколько сотъ рублей. Это уже цѣлый капиталъ, и при томъ подверженный ежедневно всѣмъ случайностямъ моря: налетѣлъ шквалъ, и дорогая лодка, стоящая 150—200 р., превращается въ обломки. И общая сумма производства пахнетъ не сотнями рублей, а сотнями тысячъ.

Говорили мнѣ, будто въ старину ловцы всетаки жили по «обычному праву» и пользовались кредитомъ «на совѣсть». Вѣрно ли это—не знаю. А если и вѣрно, то была такая жизнь очень давно, въ «докупонныя», выражаясь терминомъ Г. И. Успенскаго, времена. Съ пришествіемъ же «купона», вести производство на сотни тысячъ «по старинѣ», на основѣ «обычнаго права», стало, разумѣется, невозможно. Для этого требовались, прежде всего, признанныя государствомъ и правительственными учрежденіями права юридическаго лица. Ловцы знали, гдѣ и какъ эти «права» найти. Они хлопотали, писали просьбы. Но, на ихъ бѣду, жилъ въ Баку «штатскій генералъ» Маршевъ, начальникъ надъ рыбными промыслами, почтительно называемый персами: «кутумъ-паша» *). Просьбы ловцовъ, по принятому порядку, присылались «кутумъ-пашѣ» на отзывъ. А кутумъ-паша находилъ, что отечеству грозитъ гибель, если за артелью ловцовъ будутъ признаны права юридическаго лица. Долженъ оговориться, что главную причину своихъ золъ видѣли въ г-нѣ Маршевѣ собственно ловцы. Я лично думаю, что г. Маршевъ былъ лишь послушнымъ исполнителемъ приказаній начальства. По крайней мѣрѣ, астраханскимъ ловцамъ, подчиненнымъ другому «кутумъ пашѣ», тоже «запрещено составлять артель». И даже завѣщаніе такъ называемою «вспомогательною кассою астраханскихъ ловцовъ» было отнято у нихъ и передано въ руки «управленія рыбными и тюленьими промыслами».

Впрочемъ, виновныхъ искать не стану. Но положеніе получилось во всякомъ случаѣ своеобразное. Ловцы составляли общество; обществомъ разбивали раіонъ ловли на участки; обществомъ по-

*) Кутумъ—рыба. Кутумъ-паша—рыбный генералъ.

могали другъ другу во время «случайностей моря». Но они не имѣли права поставить, напр., общественный плотъ для раздѣлки рыбы. Каждый въ отдѣльности могъ; постороннему человѣку, скупщику, тоже не запрещалось, а обществу за столь преступное дѣяніе угрожала экзекуція. Въ концѣ концовъ, рыбопріемные плоты оказались, разумѣется, въ рукахъ скупщиковъ. Пользоваться кредитомъ каждому отдѣльному ловцу начальство не возбраняло. Но общество ловцовъ имѣть кредитъ не имѣло права. Консервировать рыбу каждый отдѣльный ловецъ могъ, а общество—не смѣло. А такъ какъ приспособленія для этого требуютъ большихъ затратъ, непосильныхъ для каждаго отдѣльнаго ловца, то консервированіе улова перешло всецѣло въ руки того же скупщика. А такъ какъ, съ другой стороны, рыба—товаръ нѣжный, и ее, по условіямъ прикаспійскаго климата, надо сбыть съ рукъ, какъ можно, скорѣе, то весь заработокъ ловца попалъ въ совершеннѣйшую зависимость отъ ближайшаго скупщика.

Когда я попалъ въ эти мѣста, скупщики уже были полными «хозяевами края». Они разграничили сферы вліянія; и каждый орудовалъ въ отмежеванной ему области. А области-то были не маленькія. Напр., владѣнія одного изъ крупныхъ скупщиковъ г. Григорьянца тянулись на 60 верстъ отъ станціи Алятъ до Нордъ-Остова Култука. Въ своей области скупщикъ являлся единственнымъ поставщикомъ продуктовъ; на хлѣбъ, на соль, на масло, на мануфактурные, скобяные, щепные и всякіе другіе товары онъ ставилъ «свои» цѣны. Онъ же назначалъ цѣну на рыбу, а въ случаѣ надобности, даже издавалъ «обязательныя постановленія». Одно постановленіе г-на Григорьянца, напр., предписывало «жителямъ»:

1) прислуги и работниковъ не имѣть; 2) странниковъ ни подъ какимъ видомъ не принимать; 3) потерпѣвшимъ въ морѣ и выброшеннымъ на берегъ помощи не оказывать; 4) потерпѣвшимъ въ морѣ и выброшеннымъ на берегъ въ раіонѣ отъ ст. Алятъ до Нордъ-Остова Култука разрѣшается имѣть временный пріютъ «только у ловца Шевченко» *).

Все это—«законы» не шуточные. Во владѣніяхъ г. Григорьянца нѣтъ прѣсной воды. Воду возятъ съ р. Куры, до которой отъ нѣкоторыхъ ловецкихъ поселковъ 20 верстъ. Поэтому приказомъ «не имѣть прислуги» ловцу, въ сущности, предписывалось: «вози самъ». Подъ видомъ «странниковъ» налагался запретъ на бродячихъ торговцевъ и бродячихъ адвокатовъ (а бродячій адвокатъ—вещь, правда, мало извѣстная широкой публикѣ, но безусловно необходимая въ отрѣзанныхъ отъ міра и отданныхъ во власть скупщика ловецкихъ поселкахъ). «Законъ» о выброшенныхъ на бе-

*) Это обязательное поставленіе г-на Григорьянца заимствую изъ газеты «Баку», отъ 13 декабря 1902 г. (№ 44).

регъ, конечно, имѣлъ лишь предупредительное значеніе (чтобы подъ видомъ «потерпѣвшаго» не попалъ «конкуррентъ»-торговецъ, или странствующій «адвокатъ», на котораго скупщикъ смотритъ, обыкновенно, какъ на моровую язву). Но вѣдь на берегъ выбрасываетъ не только чужихъ людей. Ловецъ, подчиненный г. Григорьянцу, всего больше могъ разсчитывать, что, въ случаѣ морского несчастья, онъ будетъ выброшенъ на берегъ во владѣніяхъ того же г-на Григорьянца и, слѣдовательно, заранѣе приговоренъ къ лишенію права на помощь. Повторяю, «законы» не шуточные. Но приходилось подчиняться, ибо «нарушившій» лишался права «получать товары изъ торговыхъ помѣщеній», принадлежащихъ единственно тому же Григорьянцу.

— Ты вникни, что онъ съ нами дѣлаетъ,—жаловались мнѣ ловцы.—Вотъ извольте-ка для примѣру прикинуть на счетахъ.

Я «прикидывалъ для примѣра на счетахъ», сколько надо истратить на собственное содержаніе, если покупать все по цѣнамъ Григорьянца, и сколько можно получить, если продавать рыбу по цѣнамъ того же Григорьянца. Выходила, по словамъ ловцовъ, «такая комбинація», что:

— Хоть валомъ рыба вали, а нашъ братъ, ловецъ, на хлѣбъ себѣ не оправдаетъ.

— Вотъ и приказываетъ теперь работниковъ разсчитать, чтобъ, стало быть, у него, у Григорьянца-то, хлѣба меньше выходило... Значитъ—ловецъ и лови, и самъ снасть чини, и самъ по хозяйству справься, и самъ на Куру за водой съѣзди... Чувствуешь, какая механика выходитъ?

Ловцы—не калужскимъ печникамъ или каменщикамъ чета. Это ядреный, сильный народъ, несомнѣнно имѣющій право говорить о себѣ:

— Намъ што!.. Мы огни-воды и мѣдныя трубы прошли. И даже съ колокольни привычны падать. Изъ насъ, братъ, каждый десять разовъ своими глазами видѣлъ, какая она, смерть, бываетъ.

Эти «бѣглецы изъ Россіи», или ближайшіе потомки бѣглецовъ, привыкшіе не только «съ колокольни падать», но и жить въ такихъ «гиблыхъ мѣстахъ», гдѣ «даже свиньи отъ лихорадки дохнутъ», дѣйствительно, много видѣли и многое смекали. Ихъ не надо было «пропагандировать». Они сами сумѣли бы любому пропагандисту растолковать, что «вотъ кабы ежели да нашему обществу хоть тысченокъ на десять кредиту, да кабы ежели обществомъ рыбу-икру раздѣлать, да кабы ежели обществомъ коммерцію повести»...

— А теперь, братъ, сосутъ кровь нашу пьявки. И ничего ты съ ними не подѣлаешь...

Какъ-то разъ возлѣ Нордъ-Остова Култука разговорился я съ ловцами. Какъ водится, побранили начальство вообще и «генерала» Маршева въ частности, побранили «непутевый порядокъ» и «непутевый законъ», помечтали о томъ, что «вотъ кабы ежели да на-

шему обществу», потомъ стали ругать Григорьянца, Дзевелова, Камоева и прочихъ скупщиковъ-«кровопивцевъ»... Но тутъ вмѣшался молчавшій все время ловецъ-старикъ:

— Э-э,—укоризненно протянулъ онъ,—непутевыя вы, братцы, рѣчи говорите. «Кровопивцы» да «кровопивцы». А по моему, такъ благодѣтели они наши. И Бога мы молить за нихъ должны...

— Мало твоей, знать, крови высосали!—сердито возразили старику.

— Нѣтъ, крови много,—отвѣтилъ онъ.—Я не къ тому. Кровопивецъ—такъ оно и есть кровопивецъ. А только не по настоящему вы разсуждаете,—вотъ что. Законъ, вишь, не хорошъ. Ну, ладно. Извѣстное дѣло,—не хорошъ. А вы попробуйте-ка хорошій, настоящій законъ завести. Ну-ка, говорю, попробуй!.. Поборись-ка съ Маршевымъ!.. Что? пороху, небось, не хватаетъ? Вотъ то-то и оно-то... Значитъ, и не шебаршн. Живи подъ тѣмъ закономъ, какой есть. Ты, голубь мой,—обратился старикъ ко мнѣ,—въ Россіи, небось, осетрину кушалъ; можетъ, и балычекъ любишь, можетъ, и икоркой баловался. Такъ вотъ что я тебѣ скажу. Кабы Григорьянцъ сюда не пришелъ, да плота своего не поставилъ, да нашему брату харчей въ долгъ не далъ, такъ ты бы тутъ не только жилья человѣчьяго, а сиѣ-пороха не нашелъ. И, можетъ, у тебя тамъ, въ Россіи-то, не было бы ни осетринки, ни балычка, ни икорки... Вотъ какъ понимай Григорьянца-то!..

Странное дѣло, - на старика ловцы замѣтно сердились, но никто ему по существу возразить не нашелся. И, признаюсь, мнѣ лично мысль старика показалась занимательной. Въ самомъ дѣлѣ: какой смыслъ имѣютъ Григорьянцы, Дзевгеловы, Камоевы, Прошки, Тимошки, Данилки, Фильки? На какомъ, собственно, основаніи тотъ же хотя бы Данилка присосался къ заработку совершенно независимыхъ отъ него людей, а независимые отъ него люди малодушно даютъ себя сосать? Дѣйствительно ли это малодушіе выражаетъ только людскую глупость? А что, если бы рабочіе, вмѣсто малодушія, вооружились храбростью и прогнали Данилку прочь? И когда я поставилъ себѣ этотъ вопросъ вплотную, то мнѣ вполнѣ ясны стали и послѣдствія:

На одной сторонѣ «законъ», т. е. городовые, околоточные, исправники, губернаторы, министры и все россійское воинство, а на другой жизнь, т. е. всѣ обыватели со всѣми ихъ весьма сложными потребностями. Противорѣчіе между этими сторонами непримиримое. И если его поставить храбро и прямо, то одно изъ двухъ: либо мы, обыватели, должны немедленно ниспровергнуть и упразднить законъ, лишающій насъ возможности жить, либо законъ ниспровергнетъ насъ и упразднитъ невозможную при немъ жизнь. Безъ сомнѣнія, такая откровенно революціонная постановка вопроса была бы вполнѣ правильна. Но кому же не понятно, почему отъ нея уклонились и строительные рабочіе, когда ихъ подвергъ

преслѣдованію уѣздный исправникъ, и прикаспійскіе ловцы, отданные подъ власть г. Маршева?

Приходилось, такимъ образомъ, признать, что Данилки, Прошки и Григорьянцы получаютъ пропитаніе не зря и не по глупости. Оказывается, въ государственной машинѣ они играютъ роль весьма существенную и даже какъ будто необходимую, — нѣчто въ родѣ «смазки», которая предохраняетъ механизмъ отъ слишкомъ рѣзкихъ и слишкомъ болѣзненныхъ треній между закономъ и жизнью. И народные соки, которые идутъ на данилкино и григорьянцево пропитаніе, въ моемъ представленіи уподобились расходу фабриканта на покупку смазочнаго масла...

Но и сдѣлавши это уподобленіе, я продолжалъ относиться къ Прошкамъ и Данилкамъ легкомысленно. Мнѣ они казались скорѣе симптомомъ, чѣмъ соціальнымъ явленіемъ, которое значительно само по себѣ.

IV.

Года черезъ три перенесла меня судьба изъ прикаспійскихъ степей въ «коренную» Украйну. Попалъ я въ Нѣжинъ, Черниговской губ. И здѣсь, между прочимъ, довелось мнѣ услышать горестный плачъ нѣкоего мѣщанина Кошика. Горе же Кошика заключалось въ слѣдующемъ.

Купилъ онъ «давно тому назадъ» (лѣтъ 20, а можетъ, и 25) въ Нѣжинѣ огородъ у подгороднаго казака. Купилъ «по старинѣ», «на совѣсть». И все время владѣлъ огородомъ безспорно и налоги уплачивалъ. Казакъ, продавшій землю, умеръ; жена его также. Осталась въ живыхъ дочка, «да и та вдова». Познакомился съ этой вдовой нѣкто Мохнатка. И, узнавши о проданномъ нѣкогда огородѣ, вспомнилъ законъ о неотчуждаемости «земель малороссійскихъ казаковъ». По указанію Мохнатки, «дѣло было направлено законнымъ порядкомъ». Землю у Кошика судъ, разумѣется, «отобралъ». И къ этому же Кошику повѣренный вдовы предъявилъ искъ объ уплатѣ «аренды» за все время владѣнія огородомъ...

Случай—одинъ изъ многихъ въ Россіи. Но когда я попытался ближе подойти къ нему, то мнѣ объяснили:

— Да то такъ... Мохната это, между прочимъ, сдѣлалъ. Онъ спеціально такими дѣлами не занимается. А вотъ другіе, дѣйствительно, только этимъ и промышляютъ...

— Чѣмъ «этимъ»?

— Казачьими и крестьянскими землями... Которыя, значитъ, отчуждать нельзя...

— Да какъ же ими заниматься?

— Очень просто. Агенты есть такіе... Одни разузнаютъ, нѣтъ ли гдѣ незаконно проданной земли. А нашедши землю, надо найти

наслѣдниковъ, которые на нее права имѣютъ. Безъ наслѣдниковъ нельзя. Надо, чтобы кто-нибудь довѣренность далъ. Иначе, «за веденіе дѣла» ничего не получишь. Другіе агенты незаконную продажу устраиваютъ. А третьи проданную незаконно землю назадъ отбираютъ. У насъ въ Нѣжинѣ такія конторы есть. На двѣ руки работаютъ. Сначала помогаютъ продавать землю, а потомъ помогаютъ назадъ ее отбирать. Дѣло хлѣбное... большіе барыши можно наживать. А то вотъ одна контора съ переселенцами списалась. Знаете,—переселенцы, которые въ Сибирь ушли. Землю-то свою они частнымъ порядкомъ въ другія руки передавали. Ну, вотъ контора и написала имъ: такъ, молъ, и такъ, зачѣмъ зѣваете, когда землю можно назадъ отобрать...

— И отобрали?

— А то какъ же!.. На то законъ. Знаете, которые люди переселенческими землями занялись,—на Бога не жалуются. Заработокъ—первый сортъ!..

— И много народу раззорили?

— Извѣстно, раззоряютъ... Да вотъ, къ примѣру. Есть тутъ казачишка одинъ. Изъ молодыхъ. Грамотный. 12 лѣтъ назадъ купилъ у переселенцевъ землю. Десятинъ 10. Хозяйство по книжкѣ завелъ: клубника, парники, спаржа... Садъ развелъ. Охаять нельзя,—хорошій былъ садъ. И только, значитъ, сталъ было онъ доходъ получать, казачишка-то этотъ, а контора отъ переселенцевъ ужъ и довѣренности получила. Ну, и отобрали, конечно, землю, Знаете,—какъ пріѣхали новые покупщики, да какъ стали деревья рубить да землю дѣлить, такъ онъ, казачишка-то, ревмя-ревѣлъ. Да вѣдь реви—не реви, а законъ не помилуетъ. Законъ—дѣло святое... А то еще у насъ наловчились частную землю назадъ отбирать. Знаете ли, купчая крѣпость—дѣло дорогое. Ежели на мужицкій обычай перевести, то такъ выходитъ: на 300 рублей земли купишь, а 200 рублей на купчую крѣпость израсходуешь. Мужикъ вѣдь понемножку покупаетъ. А, между прочимъ, человѣкъ темный: какъ пойдетъ по нотаріусамъ да по судамъ, такъ только карманъ держи. Ну, и норовитъ каждый устроиться по-домашнему. На этомъ-то ихняго брата, дурака, и ловятъ...

И, дѣйствительно, ловятъ. И при томъ очень просто, безъ особыхъ хлопотъ. Для примѣра разскажу хотя бы такой случай. Въ селѣ жили два сосѣда—назову ихъ: Иваненко и Сидоренко. У Сидоренки, кромѣ надѣльной, былъ клочекъ «своей» земли. Иваненко имѣлъ маленькія сбереженія и упорно мечталъ: «гдѣ бы прикупить земельки». Появился «агентъ» и повелъ линію такъ, что Сидоренко вдругъ «захотѣлъ» продать свою землю. Иваненко, человѣкъ прижимистый и недовѣрчивый, нѣкоторое время колебался: «какъ бы гроши зря не загубить». Но агентъ быстро «научилъ» его, какъ дѣйствовать навѣрняка. Сторговались на 300 рубляхъ. По совѣту «агента», продавецъ выдалъ росписку на 500 рублей. А покупа-

тель уплатилъ наличными сполна. Съ распиской въ карманѣ Иваненко считалъ себя безспорнымъ владѣльцамъ. Но тотъ же агентъ, выступившій уже въ качествѣ повѣреннаго Сидоренка, разъяснилъ, что это—«недоразумѣніе». Оказалось, что «надо сначала предъявить роспись ко взысканію». Встревоженный покупатель бросился въ Нѣжинъ, нашелъ «повѣреннаго» и, какъ на грѣхъ, изъ той же конторы, въ которой «служилъ» «повѣренный» и «продавца» Иваненка. Росписка безспорная. Съ продавца присудили 500 рублей сполна и «судебныя за веденіе дѣла» издержки. Но когда приступили ко взысканію, то оказалось, что у Сидоренка, подписавшаго роспись, есть отецъ, жена и дѣти, которымъ и принадлежитъ имущество (и еще не извѣстно, кому Сидоренко-отецъ «отпишетъ» землю: либо сыну, либо дѣтямъ). Тогда «повѣренный» Иваненка возбуждаетъ дѣло о вовлеченіи въ невыгодную сдѣлку, и въ прошеніи остроумно упоминаетъ, что покупалась земля за 300 р., а росписка выдана на 500. «Контора» тонко ведетъ дѣла—и «повѣренному» Сидоренка далъ, такимъ образомъ, матеріалъ для возбужденія дѣла о мошенничествѣ. Оба огорошенные мужика въ испугѣ метались, не зная, что дѣлать. 300 рублей, на которые польстился продавецъ, быстро растаяли «на веденіе дѣла и судебныя издержки». Въ итогѣ же два заброшенныхъ хозяйства и взаимный поджогъ...

— Прямо таки развратъ пошелъ,—жаловались мнѣ.—Народъ словно ополоумѣлъ. Возьмите хотя бы тѣ же переселческія земли. У однихъ онѣ отбираются. А другіе, глядя на это, тѣмъ не менѣе покупаютъ. И покупаютъ опять таки незаконно, по домашнимъ роспискамъ, на совѣсть. Да и винить за это нельзя. Земля мужику до зарѣзу нужна. А гдѣ ее купить? Помѣщики по мелочамъ не продаютъ. Надѣльная земля неотчуждаема. А если и найдешь клочокъ, который можно купить, купчая да вводъ во владѣніе, дѣйствительно, почти дороже земли обходятся. Ну, и норовитъ каждый устроиться какъ-нибудь, по домашнему. Вотъ и разворяется народъ...

Несомнѣнно, разворяется. Однако, въ сосѣднемъ съ Нѣжинскимъ—Прилукскомъ у., Полтавской губ., мнѣ пришлось услышать нѣсколько иной отзывъ:

— Слава Богу,—говорилъ мой случайный попутчикъ-крестьянинъ,—съ земелькой я теперь немножко справился. Прикупилъ. Спасибо доброму человѣку—научилъ онъ меня, какъ сдѣлать. Хитро придумалъ. Значитъ у сосѣда моего клинъ надѣльный. Добрый клинъ. Золото, а не земля. Такъ вотъ я сосѣду деньги далъ. А клинъ къ пану отошелъ. А панъ мнѣ изъ своей земли клочокъ нарѣзалъ. По правдѣ ежели сказать,—панская земля похуже. Ну, да за то безъ нотаріуса дѣло обошлось, а вышло крѣпко...

— Послушайте, дядько,—говорю ему,—вѣдь панъ можетъ у васъ любую минуту землю отобрать. Но плану-то, она ему принадлежитъ.

— Богъ съ вами!.. Панъ богатый. Нешто онъ на мои слезы ольстится!..

— Ну, а если вашъ сосѣдъ у пана назадъ свою полосу побуетъ?

— Да Богъ съ вами! Нешто жъ люди совсѣмъ безъ совѣсти...

— А много ль вы, дядько, дали тому доброму человѣку, который научилъ васъ?

— Десять карбованцевъ.

И опять выходитъ, что «агентъ», получившій 10 карбованцевъ, не только разоряетъ. Хоть и очень скверно, но онъ помогаетъ людямъ устраиваться тамъ, гдѣ «ежели по закону жить, то ложись—и умирай». Но уменьшивъ, по возможности, треніе между закономъ и жизнью, и получивъ за это мзду, агентъ торопится привести машину въ первобытное состояніе... Оно и понятно: чѣмъ острѣе треніе, [illegible] больше «конторъ» можетъ существовать [illegible] тѣмъ больше людей смогутъ сосать чужіе соки...

Сколько [illegible] паразитарный [illegible] Кіевѣ мнѣ какъ-то захотѣлось [illegible] паразитовъ существуетъ за [illegible] законовъ о землевладѣніи [illegible] что суть «ограниченій» сводится къ тому, чтобы юго-западныя «помѣстья» переходили только въ руки православныхъ и при томъ преимущественно [illegible] доказывать, [illegible] Въ юго-западномъ краѣ свыше 700 тысячъ поляковъ, большая часть которыхъ издавна [illegible] сохраняя общую конструкцію [illegible] канцелярскаго пера такую массу людей за бортъ невозможно. И точно также невозможно [illegible] привлечь капиталы и [illegible] своеобразнаго края. [illegible] что мѣстные чиновники [illegible] «бергъ», «корфъ» [illegible] обширныхъ помѣстій, которыя, [illegible] сдаются на разныхъ условіяхъ [illegible] сами помѣщики [illegible] канцелярій), [illegible] прекрасно чувствуютъ, что [illegible] лицо, которому разрѣшитъ начальство, и что, слѣдовательно, «лицо» это продиктуемъ свою, [illegible] «православнаго великоросса» [illegible] подъ маской долгосрочной [illegible] всегда «настоящее лицо». Порою онъ занимается лишь сдачею отъ себя земли настоящимъ арендаторамъ. Получается необыкновенно запутанная сѣть

арендно-земельныхъ отношеній. Однихъ она заставляетъ платить, а другимъ воспомоществуетъ получать только потому, что есть «такой законъ». И сначала мнѣ казалось, будто число этихъ «другихъ» опредѣлится довольно точно, если узнать, сколько «православныхъ» обзавелось помѣстьями, и сколько существуетъ псевдо-арендаторовъ.

Но это лишь «казалось». Въ дѣйствительности же, кромѣ православныхъ помѣщиковъ и фиктивныхъ арендаторовъ, есть спеціальныя конторы по заключенію хитроспетенныхъ арендныхъ договоровъ, есть агенты по пріисканію арендаторовъ, есть промышленники, которые берутъ съ довѣрчивыхъ людей задатки и сдаютъ въ аренду спорные участки, есть спеціалисты-адвокаты, ведущіе дѣла по недоразумѣніямъ на почвѣ арендныхъ отношеній, у такихъ адвокатовъ есть «вожаки», на обязанность которыхъ возложено отыскивать кліентовъ, есть... Впрочемъ, всего не перечислишь. А для характеристики отмѣчу лишь одинъ эпизодъ. Въ 1905 г. кіевскою прокуратурой документально обнаружено, что, кромѣ «вожаковъ», есть и еще одна спеціальность — «генералы». На «генеральскую» службу берется обыкновенно молодой людъ «представительной наружности». «Адвокатъ», промышляющій арендными дѣлами, снабжаетъ «генерала» мундиромъ, форменными штанами, эполетами и всяческими «знаками отличія». «Генералъ» обязанъ въ полной парадной формѣ въ назначенные часы сидѣть въ пріемной своего патрона и смиренно «ожидать очереди».— Вотъ, видите ли, пойманный «вожакомъ» кліентъ чувствовалъ, какая «солидность» берется за его дѣло. Казалось бы, какая связь между маскарадными генералами и «земельнымъ вопросомъ»? А вотъ поди же — есть и такая «связь», даетъ «земельный вопросъ» и такія развѣтвленія.

Не преувеличивая, можно сказать, что буквально цѣлая армія разнаго сорта и званія людей кормится только потому, что существуетъ ограничительный законъ о землевладѣніи въ юго-западномъ краѣ.

Беру другой примѣръ, — изъ той же «юго-западной» жизни. Есть — положимъ, въ Кіевѣ — нѣкоторое коммерческое училище. А для училища есть законъ: евреевъ больше 5% не принимать. Законъ опять-таки не изъ умныхъ. Коммерческое училище учреждено, главнымъ образомъ, для торговцевъ городскихъ и мѣстечковыхъ. Торговцы же юго-западнаго края, въ силу извѣстныхъ «законныхъ причинъ», главнымъ образомъ, евреи. И если дѣйствовать по правиламъ, то училище будетъ пустовать, а дѣтямъ — негдѣ учиться. Вдругъ на помощь, словно изъ-подъ земли, появились спеціальные «агенты по сыскапію русскихъ мальчиковъ». И немедленно родилось техническое выраженіе: «отыскать пару». «Христіанская» половина «пары», найденная агентомъ, получаетъ отъ «еврейской половины» за «обмундировку» и плату за ученіе. И

въ началѣ дѣло только и ограничивалось «обмундировкой» и «правоученіемъ», да платой агенту, умѣвшему найти «русскаго мальчика». Но потомъ понадобилось обзавестись особыми репетиторами, спеціально приспособленными для подготовки «русскихъ мальчиковъ» къ вступительному экзамену (конечно, за счетъ «еврейской половины»). А затѣмъ нѣкоторые родители «русскихъ мальчиковъ» сообразили, что на этомъ дѣлѣ можно получить нѣсколько больше, чѣмъ обмундировку и плату за ученіе. Помню, напр., одного швейцара, который согласился отдать своего 12-лѣтняго сына въ «пару», получилъ обмундировочныя, выждалъ, пока внесли плату за полугодіе, а потомъ заявилъ:

— Нѣтъ, раздумалъ я. Не съ руки намъ это. Ежели бъ хоть жалованье было рублей по 5 въ мѣсяцъ,—то куда ни шло. А безъ жалованья не согласенъ...

Такимъ образомъ, даже «маленькій законъ», дѣйствующій на небольшомъ, сравнительно, мѣстѣ, даетъ пропитаніе нѣсколькимъ десяткамъ паразитовъ, считая съ ихъ женами и домочадцами... А сколькихъ питаетъ такой «большой законъ», какъ «черта осѣдлости»—говорить не буду. Общеизвѣстно это. И, лишь чтобы напомнить, какія неожиданныя положенія создаетъ черта осѣдлости, разскажу вкратцѣ объ одномъ прямо-таки анекдотическомъ происшествіи.

Нѣсколько лѣтъ назадъ жилъ въ Радомыслѣ, Кіевской губ., старикъ Горенштейнъ, ортодоксальный еврей и даже цадикистъ (т. е. принадлежалъ къ весьма правовѣрной еврейской сектѣ). Купилъ Горенштейнъ лѣсную дачу,—и притомъ на срубъ. Но рубить-то ему и не позволили: выступили на сцену и лѣсоохранительный законъ, и непроницаемость сельскихъ мѣстностей для лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія. Горенштейнъ, какъ человѣкъ практическій, прежде всего разсчиталъ, сколько стоитъ преодолѣть возникшія препятствія. Сумма получилась такая, что пришлось призорюниться. Крестьяне, жившіе вблизи дачи, тоже призорюнились: была надежда заработать на порубкѣ. Но, по короткомъ размышленіи, они нашли выходъ и прислали къ Горенштейну депутацію:

— Такъ, молъ, и такъ, ваша милость. Хочется намъ православный храмъ во имя Покрова Пресвятой Богородицы соорудить. Вотъ и пришли,—не пожертвуете ли намъ лѣску изъ вашей дачи?

Горенштейнъ пришелъ въ восторгъ отъ блестящей мысли и понялъ ее съ одного намека:

— Дамъ, лѣсу дамъ, всего дамъ... Только поскорѣй пишите приговоръ.

Разумѣется, начальство умиленно разрѣшило жертвователю поставить лѣсъ на столь богоугодное дѣло. Чистѣйшій цадикистъ, духовный сынъ садогурскаго цадика Фридмана *), Горенштейнъ передъ

*) Садогурскіе цадики Фридманы живутъ въ Австріи; они имѣютъ гро-

самою смертью своею оказался строителемъ храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Впрочемъ, былъ ли въ дѣйствительности построенъ храмъ, мнѣ узнать не удалось*). Но дача, конечно, была вырублена и сплавлена... Хитрая бестія—русскій мужикъ!.. И невѣроятные эффекты можетъ создавать такая нелѣпица, какъ «черта осѣдлости»!.. Недаромъ же въ Кіевѣ, напр., существуетъ цѣлая профессія—давать деньги въ ростъ спеціально евреямъ на покупку правъ «первой гильдіи» и на «выборку приказчичьихъ свидѣтельствъ».

Но оставимъ «черту осѣдлости», какъ произведеніе явно больного ума, лишеннаго даже азбучныхъ представленій объ основахъ государственной жизни. Возьмемъ, казалось бы, менѣе фантастическій законъ, обязывающій городского голову соотвѣтствовать видамъ администраціи, тогда какъ здравый смыслъ требуетъ «представлять интересы города». Между прочимъ, мнѣ приходится, по особымъ причинамъ, слѣдить за дѣятельностью нѣкоего В. И. Сафонова, который уже около 20 лѣтъ состоитъ почти безсмѣннымъ головою въ Брянскѣ, Орловской губ. Нельзя сказать, что этотъ человѣкъ пользовался особою любовью. И обвиненія противъ него не разъ выдвигались не шуточныя. Передъ выборами неизмѣнно «поднимается вопросъ»: надо выбрать другого. И всегда дѣло оканчивается избраніемъ г-на Сафонова. Нѣкого больше: одинъ «для насъ совсѣмъ бы хорошъ», да губернаторъ не утвердитъ, а другого хоть губернаторъ, пожалуй, и утвердитъ, да не сумѣетъ онъ лавировать между здравымъ смысломъ и «видами администраціи».

«Нуженъ намъ, батюшка, такой человѣкъ, чтобы умѣлъ при случаѣ на здравый смыслъ наплевать, и при этой оказіи угрызенія совѣсти не почувствовалъ».

И такъ какъ отстоять здравый смыслъ не было возможности, то... въ Брянскѣ «погибъ» городской лѣсъ, въ Острѣ, Черниговской губ., тоже неизвѣстно куда дѣлся «лѣсъ на сумму до 200 тысячъ рублей», въ Кіевѣ была, между прочимъ, знаменитая въ свое время постройка гавани и театра, въ Екатеринославѣ особая строительная компанія подъ предводительствомъ городского головы и городского поставщика г. Толстикова... Впрочемъ, городскія «исторіи» болѣе или менѣе общеизвѣстны. И можно лишь пожалѣть, что до сихъ поръ никѣмъ матеріалы по «этому вопросу» не собраны въ одной книгѣ. Вышло бы поучительно.

мадное вліяніе на русскихъ цадикистовъ,—особенно юго-западнаго края. Духовныя дѣти Фридмана чрезвычайно ортодоксальны.

*) Напомню, что въ Радомыслѣ была уніатская митрополія. Память о „нашемъ митрополитѣ", который жилъ въ „нашемъ" городѣ, до сихъ поръ живо сохранилась среди мѣстнаго населенія. Быть можетъ, именно поэтому начальство сугубо умилялось по случаю горячаго желанія „возсоединенныхъ уніатовъ" и цадикиста Гороховитейна совмѣстно соорудить православный храмъ.

Я вполнѣ учитываю, какую роль въ городскомъ хищничествѣ играли «основы» нынѣ дѣйствующаго «городового положенія». Конечно, на судьбу городскихъ имуществъ больше вліяніе имѣла передача общественнаго дѣла въ руки цензовиковъ. Тѣмъ не менѣе, надо считаться и съ фактами другого порядка. Былъ же въ Черниговской, напр., губ. такой случай: городской староста прослужилъ, сверхъ полномочій, 6 лѣтъ, и хлюпоты «цензовиковъ» передъ начальствомъ не могли помѣшать этому. Староста служилъ и дѣлалъ, что хотѣлъ. Знаемъ мы также города, гдѣ цензовики растерянно метались, не зная, какъ найти голову «подъ губернаторскій вкусъ». Бывали передъ цензовиками и другія затрудненія. Укажу для примѣра Радомыслъ, Кіевской губ., переживший много невзгодъ, изъ коихъ одна, сравнительно невинная, заключалась въ слѣдующемъ. Сынъ члена городской управы г-на Ровинскаго предъявилъ ко взысканію отцовскій векселъ. Взысканіе было обращено на городскую землю. И, такимъ образомъ, за долги Ровинскаго-отца Ровинскій-сынъ оказался владѣльцемъ участка общественной земли, купленнаго съ торговъ за сумму векселя. Семья Ровинскихъ владѣла участкомъ свыше 20 лѣтъ. И, только доведя дѣло до сената, цензовики отобрали землю въ пользу города. Въ томъ же Радомыслѣ у городского головы Гарбарова оказалась дача, захватившая нѣсколько десятинъ общественной земли. Цензовики были увѣрены, что земля общественная, но, чтобы документально установить это, нуженъ землемѣръ, а приглашеніе землемѣра зависитъ отъ того же Гарбарова. И вотъ какъ-то передъ выборами часть цензовиковъ откровенно поставила «вопросъ»:

— Стоитъ ли играть «эту комедію»? Не добросовѣстнѣе ли вовсе отстраниться отъ «городского общественнаго управленія»?

Подумали люди, повздыхали и выбрали головою... Гарбарова:

— Ничего не подѣлаешь!.. Спасибо хоть не отказывается...

Точь-въ-точь, какъ учителя многихъ русскихъ училищъ говорятъ:

— Спасибо хоть «Московскія Вѣдомости» есть!.. А то бы совсѣмъ безъ газетъ пришлось сидѣть...

Или:

— Спасибо, хоть Суворинъ «Новое Время» издаетъ. Не то пришлось бы намъ читать только «Прав. Вѣстн.» и «Москов. Вѣд.».

Конечно, нельзя всѣ напоминаемыя мною явленія вводить цѣликомъ въ общія скобки и мѣрить на одинъ аршинъ. Прошка Грабарь, сосавшій землекоповъ, воруженъ только «силою закона». Григорьянцъ уже сложнѣе, ибо на его сторонѣ не только «сила закона», но и власть капитала. Трехъ-этажные дома, вырастающіе въ Кіевѣ за счетъ «закона» о безбрачіи иноковъ, разумѣется, еще сложнѣе. Г. Гарбаровъ не только служитъ смазочнымъ масломъ, уменьшающимъ трепіе между закономъ и жизнью. Г. Григоріумъ не только издаетъ газету, единственно доступную для многихъ

людей, имѣющихъ несчастіе жить въ деспотической странѣ. Отдѣльные представители породы такъ многогранны, что порою лишь послѣ тщательнаго анализа можно опредѣлить, какая именно грань основная и типичная. Въ частности, напр., для опредѣленія породы Гринмута и Суворина, надо мысленно привести законъ въ полное соотвѣтствіе съ потребностями жизни въ печатномъ словѣ. Надо сначала представить, что печать въ Россіи свободна, что каждый русскій гражданинъ—и въ казармѣ, и въ школѣ, и въ городѣ, и въ деревнѣ, и въ палатахъ, и въ хижинахъ—имѣетъ вполнѣ свободный доступъ ко всей литературѣ, и вся литература имѣетъ свободный доступъ ко всѣмъ гражданамъ. Надо, повторяю, представить себѣ именно такое нормальное положеніе, чтобы понять, въ чемъ главное занятіе Сувориныхъ и Гринмутовъ, и на какомъ фундаментѣ построено ихъ благополучіе.

Людей суворинскаго и гринмутовскаго типа называютъ порою «ташкенцами», рѣже «дѣловыми людьми» (терминъ, предложенный Г. И. Успенскимъ), еще рѣже «опустошителями» (тоже терминъ Успенскаго). Какое изъ названій имѣетъ больше правъ,—судить не рѣшаюсь. Несомнѣнно лишь, что это—особая порода двуногихъ, населяющихъ «Россійскую имперію»; порода, составленная изъ представителей самыхъ разнообразныхъ «профессій», изъ коихъ я упомянулъ лишь очень немногія и, быть можетъ, слишкомъ вольно; порода многочисленная, прожорливая, плотно присосавшаяся къ народу. Это—конечно, паразиты. Ихъ существованіе обусловлено противорѣчіемъ между закономъ и жизнью. Они благоденствуютъ ровно настолько, насколько это противорѣчіе есть. Но пока оно есть, паразиты выполняютъ совершенно неизбѣжную въ общемъ обиходѣ функцію. Тутъ выбора нѣтъ: если не хочешь или не имѣешь силы сбросить препятствіе съ путей жизни,—плати контрибуцію.

V.

Я началъ обдуманныя наблюденія надъ интересующемъ меня въ данное время слоемъ населенія послѣ первоначальной встрѣчи съ Филиппомъ Шкуратомъ. И, какъ часто бываетъ, эта случайность предопредѣлила дальнѣйшія ассоціаціи. Встрѣчая отдѣльныхъ особей этого слоя, я мысленно называлъ ихъ «шкуратами», и порою даже заносилъ подъ этимъ совершенно случайнымъ и произвольнымъ названіемъ въ свои записныя книжки. Такъ и память моя ихъ располагаетъ: прикаспійскіе шкураты, нѣжинскіе шкураты, кіевскіе шкураты, шкураты монастырскіе, шкураты учебнаго вѣдомства, шкураты газетные... И тѣхъ троихъ незнакомцевъ, съ которыми мнѣ довелось ѣхать въ одномъ вагонѣ изъ Витебска, я тоже мысленно сопричислилъ къ породѣ шкуратовъ, хотя и затрудняюсь объяснить, почему именно. Было въ ихъ манерахъ, въ ихъ

жестикуляціи, даже въ тонѣ, какимъ они кричали: «бей», что-то типично шкуратовское. Быть можетъ, поэтому встрѣча съ подлиннымъ Шкуратомъ, такъ сказать, родоначальникомъ опредѣленныхъ ассоціацій, и при томъ встрѣча какъ разъ въ городишкѣ N., гдѣ началось наше знакомство, живо затронула меня. Выходило такъ, словно мысль, послѣ продолжительной и обширной экскурсіи, снова возвратилась къ отправному пункту, получая возможность провѣрить цѣпь своихъ заключеній. И когда, черезъ два часа послѣ моего пріѣзда въ N., Шкуратъ лично пожаловалъ ко мнѣ, я, признаюсь, почувствовалъ особенное, «охотницкое», удовольствіе.

Съ первыхъ же словъ было ясно, что визитъ не спроста. Шкуратъ поздоровался, какъ старый знакомый. Задалъ нѣсколько вопросовъ о Думѣ (что дѣлаетъ? есть ли надежда, что царь согласится?). Потомъ довольно пространно въ очень рѣшительныхъ выраженіяхъ сталъ увѣрять, что готовъ «кровь свою за Думу пролить». Далѣе, какъ-то неловко оборвавъ тему о пролитіи крови, сообщилъ, что «у насъ тутъ бываютъ митинги». А вслѣдъ за «митингами», какъ вы рѣшили, что достаточно зарекомендовалъ себя съ выгодной, на мой взглядъ, стороны, прямо перескочилъ къ сути:

Такъ-съ... значитъ, насчетъ имущества своего пріѣхали. (Ни откуда это не «значило», ибо ни одного слова насчетъ «своего имущества» я не говорилъ). Послушайте-ка, что я вамъ скажу... Какъ мы старые знакомые... И опять же свой я человѣкъ. Всѣ ваши книжки читаю. И другимъ читать даю. Ей-Богу... И вотъ вѣрьте Истинному, всею душою вамъ сочувствую. Ежели хотите знать, такъ я по моимъ чувствамъ настоящій соцывалъ-димократъ... Вотъ вамъ крестъ Божій, ежели лгу.—Шкуратъ самымъ серьезнымъ образомъ въ подтвержденіе своей принадлежности къ соціалъ-демократамъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ. —Такъ я разсуждаю, —продолжалъ онъ.—зачѣмъ вашему имуществу да въ чужія руки? Можетъ, я и лишняго что дамъ. Наплевать. Потому—милому человѣку. То есть вотъ какъ передъ Богомъ,—всѣ ваши книжки читаю... Такъ что есть у меня такое расположеніе: это дѣло промежду себя кончить...

Маленькое объясненіе. Не знаю, какъ теперь, но нѣсколько мѣсяцевъ назадъ въ провинціальныхъ захолустьяхъ слова: «кадетъ», «соціалъ демократъ», «анархистъ» etc. имѣли вовсе не тотъ смыслъ, какой въ нихъ мы, обыкновенно, влагаемъ. Напримѣръ, одного моего знакомаго учителя называли «черносотенникомъ». Спрашиваю: «почему»?..—«Да ужъ чего хуже: прислугѣ мяса не даетъ»... Лѣсопромышленникъ, примыкающій къ октябристамъ, оказывался «кадетомъ», потому что «всѣмъ рабочимъ вы говоритъ, а съ машинистами за руку здоровается». Сторожа въ лѣсной дачѣ «раньше были прямо черносотенники, а теперь ничего... въ соціалисты перешли: дашь ему полтинникъ,—онъ тебѣ и дровишекъ, и бревнышко». Владѣлецъ скобяной лавки былъ облеченъ зва-

ніемъ: «соціалъ-демократъ», т. е.: «даже хорошій человѣкъ,—въ помощи не отказываетъ, а книжки любитъ читать». Офицеръ, довольно таки сумбурнаго образа мыслей, нѣчто въ родѣ ужъ очень элементарнаго Е. Н. Трубецкаго, необыкновенно поразилъ всѣхъ, когда далъ своему денщику варанья къ чаю; за такое неслыханное отношеніе къ нижнему чину о немъ говорили: «вотъ человѣкъ—такъ человѣкъ! прямо таки анархистъ!»...

Повидимому, Шкуратъ также воспринялъ эти слова, главнымъ образомъ, по совокупности наиболѣе понятныхъ ему бытовыхъ признаковъ, характерныхъ для той или другой политической группы (конечно, лишь тѣхъ признаковъ, которые справедливо были доступны его догадкамъ или его наблюденію). «Анархистомъ» назвать себя онъ не рѣшился: высоко больно, и даже неправдоподобно. А «соцывалъ димократъ» [illegible]. Судя по всему, Шкуратъ тщательно собиралъ справки о «нужномъ человѣкѣ» и обдумалъ, съ какой стороны [illegible] чтобы «нужному человѣку» понравиться:

— Такъ что,—продолжалъ онъ,—если желаете продать, куплю. Съ нашимъ [illegible]. И [illegible]. Если желаете въ аренду,—въ аренду возьму. Плату за годъ впередъ. А чтобъ вамъ этимъ дѣломъ не безпокоиться,—извольте задаточекъ...

— Разбогатѣли вы, Филиппъ Петровичъ,—сказалъ я, отстранивши «задаточекъ».—Ну, какъ тутъ у васъ въ октябрѣ? Шибко погромили?

— Это вы насчетъ бунта? Была разжива,—спокойно отвѣтилъ онъ.—Тожъ вѣдь и это дѣло,—кому посчаститъ... Опять и такъ надо сказать: который человѣкъ со [illegible]—оно и есть толкъ. А безъ смыслу я [illegible] не выходятъ... Данилку-то плотника помните? вѣдь... померъ.

— Это какой Данилка? рядчикъ? что околоточному себя хозяиномъ называлъ?

— Во-во... Онъ самый... И вѣдь какъ померъ! Можно сказать,—только что человѣкъ до своего [illegible] добрался, а смерть-матушка и вотъ она... Посчастило ему во время бунта-то. Тысченки на полторы онъ тогда поживился. Теперь, говоритъ, домишко куплю. Хозяиномъ, говорится [illegible]. А [illegible] того, нынче [illegible] до [illegible] сыну. Опился—и Богу душу отдалъ. Вотъ оно какое дѣло вышло!..

— А онъ что-жъ, Данилка-то? все возлѣ артелей былъ?

— Какое!.. Артели, я вамъ скажу, по нынѣшнему времени, гроша ломанаго не стоятъ. Совсѣмъ [illegible] пустое дѣло... Никакого отъ него интересу нѣтъ... Такъ какъ же мы съ вами? можетъ, возьмете задаточекъ-то? а?. Свои вѣдь, кажись, люди. Не хорошо вѣдь, къ примѣру, будетъ, ежели вы меня да выпирать станете...

— То есть какъ это «выпирать»?

— Да ужъ видимое дѣло, что выпирать!.. Потому — никакой съ вашей стороны видимой причины нѣту. Ежели насчетъ денегъ сумлѣваетесь,—тамъ я ихъ безъ замины, хоть сейчасъ всѣ на столъ... Ежели насчетъ условіевъ, такъ я, супротивъ другихъ, готовъ большого лишку дать. Вы разсудите по-божьему...

Шкуратъ основательно и подробно изложилъ свои условія. Они были, дѣйствительно,—«лучше требовать нельзя», «дай Богъ по вѣкъ», «другіе столько не дадутъ». Съ этой стороны, дѣйствительно, никакихъ «видимыхъ причинъ» для отказа не было. И деньги человѣкъ «готовъ сейчасъ же на столъ»: «даже, говоритъ, расписки съ васъ не возьму, а къ нотаріусу—сами время назначьте,—хоть завтра, хоть черезъ недѣлю,—для насъ все едино: во какъ по нашему!»... Значитъ, и съ этой стороны препятствій нѣтъ.

— Вотъ оно и выходитъ, что совсѣмъ зря вы человѣка «выпираете»...

— Насчетъ «выпиранства» мы, Филиппъ Истровичъ, оставимъ,—возразилъ я.—А вотъ вы скажите лучше, что это за люди, съ которыми вы обнимались на станціи?

— Это вы насчетъ чего?—смутился Шкуратъ.

Да насчетъ людей... Интересно бы знать, кто такіе...

— Да люди-то какіе?

— Ну, чего тамъ какіе!.. Одинъ съ бородою—съ вами цѣловался. Другой—студентикъ. А третій бритый въ жандармскомъ пальто...

— То есть какъ?—увернулся Филиппъ.—Сумлѣваетесь, что-ль?

— Не сумлѣваюсь... А только интересно мнѣ, что за господа. Въ одномъ вагонѣ мы ѣхали...

— Господа-то какіе?—протянулъ онъ, видимо колеблясь.—Не правда ежели... По чистой, значитъ, совѣсти... Темные это господа... Дѣльце одно они мнѣ предлагаютъ. Да будто какъ оно намъ не съ руки. Потерять себя можно... А выгадываютъ. Шибко навизываютъ... А только, говорю, тамъ бы не потерять себя. Къ примѣру, хотя бы тотъ же Данилка. Нешто оно хорошо: былъ человѣкъ—и нѣтъ человѣка... Это не то, что ваше, примѣрно, дѣло. Тутъ на чистоту... Пріятное дѣло. И имъ дай Богъ съ моей легкой руки. И мнѣ чтобъ Господь Царь Небесный погналъ съ вашей легкой руки. Чтобъ значитъ обоюдно... Вотъ почему я и говорю... Вы сами разсудите...

И пока Шкуратъ, то возвращаясь, съ какою-то странною настойчивостью, къ Данилкѣ, который «совсѣмъ зря» послѣ «бунта» умеръ, то повторяя свои резоны насчетъ «условіевъ», убѣждалъ меня, что «выпирать» его не слѣдуетъ, я невольно терялся въ догадкахъ:

— Чего ему нужно? Зачѣмъ онъ привязался? Положимъ, дѣло для него подходящее. Но откуда эта готовность переплатить, дѣйствительно, лишнее, дать, дѣйствительно, «больше другихъ»?

На другой день эго странное обстоятельство для меня стало много понятнѣе. Пришлось, разумѣется, встрѣчатся и разговаривать съ разными людьми,—чаще всего такими же немудреными, какъ и Шкуратъ. Такъ же незамѣтно они поправляли меня, когда я заводилъ рѣчь о погромѣ.

— Да, пережили мы страсть Господню!.. Сначала было свобода пришла. Ну, и обрадовались. А за мѣсто того, жулики бунтъ устроили. Съ тѣхъ поръ прямо свѣта Божьяго не видимъ...

Разумѣется, эта поправка дѣлалась не преднамѣренно. Просто люди назвали пережитое ими «бунтомъ», и для нихъ легче было употреблять привычный терминъ. Да оно, пожалуй, и точнѣе: погромъ — всетаки дѣло громоподобное, неожиданное, вспышка; вонъ десять лѣтъ назадъ, когда на рельсопрокатномъ заводѣ сторожа собаками мальчишку затравили, а рабочіе вдребезги заводскую контору разнесли,—то былъ «погромъ»; а «бунтъ»—нѣчто преднамѣренное, распланированное... Захолустные люди по своему воспринимаютъ явленія: «ребятки наши съ кумачевыми флагами ходили—была свобода»; «вышли жулики съ кольями и потретомъ—былъ бунтъ»... Но это между прочимъ.

Я не брезговалъ разговаривать съ людьми, далеко не безупречными. Но даже не безупречные люди весьма единодушно отзывались, когда рѣчь заходила о Шкуратѣ:

— Ишь, и къ вамъ, стало быть, уже разогнался... Все дѣла себѣ ищетъ!.. Онъ тутъ послѣ бунта-то во всѣ дырки мечется... Смотрите сами, а только я бы на вашемъ мѣстѣ поопасался...

— Почему?

— Да кто-жъ его вѣдаетъ!.. Вонъ у насъ въ городѣ послѣ Пасхи семь церквей обворовано...

— Но при чемъ тутъ Шкуратъ?

— Вѣрнаго ничего неизвѣстно. А намеки разные есть...

Разговорился я съ знакомымъ купцомъ, тоже человѣкомъ не безгрѣшнымъ.

— Знаете,—говорю,—Иванъ Филатычъ, вчера у меня Шкуратъ все пріятеля своего Данилку вспоминалъ. Вотъ, говоритъ, и до счастья своего Данилка дожилъ, а не сумѣлъ во время остепениться, и погибъ. Видно, пронзилъ его данилкинъ примѣръ. Но, то похоже, что человѣкъ, дѣйствительно, хочетъ остепениться. На чистую дорогу пробивается.

— Да, лазаетъ онъ тутъ,—отвѣтилъ Иванъ Филатычъ.—Во всѣ дыры лазаетъ. Намедни тожъ у меня былъ. Лавочку, вишь, якобы хочетъ открыть. Такъ вотъ, говоритъ, у васъ, Иванъ Филатычъ, думаю товаръ брать. Это, говорю, дѣло твое, другъ любезный,—у насъ торгъ открытый: кто хочетъ, тотъ и покупай; отка-

зывать не собираемся.—А какъ же, говоритъ, насчетъ кредиту? — А кредитъ, говорю,—дѣло мое: кому вѣрю, тому дамъ, а кому не вѣрю—не дамъ... По всему нашему ряду онъ тутъ шмыгалъ... Шалишь, братъ,—кредиту не дадимъ, такъ не расторгуешься... Человѣкъ тоже!.. Къ примѣру, [illegible] а черезъ три дня мой погребъ начисто обокрали?

— Иванъ Филатычъ! Какая связь?

— Да ужъ какая бъ тамъ ни была... Третьяго дня спрашивалъ я у нашего городового, Щегловъ его фамилія. Ну, что, говорю, Щегловъ, надѣешься пропажу мою найти? «Вотъ, говоритъ, какое дѣло, Иванъ Филатычъ: и людей тѣхъ, которые [illegible], поименно знаю, и куда добро ваше дѣто,—мнѣ извѣстно, и гдѣ оно лежитъ теперь—знаю. А только ежели раскрыть—и мнѣ не сдобровать, да и вамъ какъ бы худа не было»... Во какая, батюшка, конституція у насъ послѣ бунта пошла!.. Напрямки скажу: какъ вышли тогда у насъ жулики съ портретомъ да взяли надъ нами власть, такъ и держатъ насъ въ своихъ рукахъ по нынѣшній день...

Иванъ Филатычъ многозначительно помолчалъ и добавилъ:

— Съ большой опаскою надо возлѣ Шкурата ходить.

Удивительная порою судьба постигаетъ людей! Въ «Деревенскомъ Дневникѣ» Г. И. Успенскаго упоминается, между прочимъ, нѣкій Петръ синильщикъ. Жилъ синильщикъ въ селѣ Слѣпомъ-Литвиновѣ. Человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ не Шкурату чета. Ничего худого, кажется, не дѣлалъ. А между тѣмъ состоялъ на вѣчномъ подозрѣніи. У старостиной кобылы холка три года не заживаетъ—подозрѣніе падаетъ на Петра синильщика. У сосѣдняго мужика медвѣдь корову задралъ—подозрѣваютъ Петра синильщика. У другого мужика овца пала — виноватъ опять-таки синильщикъ. Никакого основанія для того, чтобы подозрѣвать и обвинять, нѣтъ и быть не можетъ. И тѣмъ не менѣе человѣкъ проходитъ свой жизненный путь сквозь строй чрезвычайныхъ подозрѣній и общей отчужденности. «Выпираетъ» «обчество» человѣка «Не ко двору онъ пришелся».

Мнѣ лично такое же «выпираніе» человѣка «обчествомъ» пришлось наблюдать, между прочимъ, въ Кіевѣ. Это былъ одинъ изъ монастырскихъ шкуратовъ — рѣшаюсь краткости ради употребить въ нарицательномъ смыслѣ этотъ, повторяю, слишкомъ субъективный терминъ. «Около монастыря» человѣкъ скопилъ деньженокъ. И захотѣлось ему жить по хорошему. Построилъ хорошій трехъэтажный домъ. Разбилъ его на «хорошія» квартиры,—свѣтлыя, сухія, съ балконами, съ «удобствами»—для приличныхъ людей изъ «хорошаго общества». И цѣны назначилъ «супротивъ прочихъ домохозяевъ» дешевле: лишь бы себя оправдать, да мало-мальски кормиться. И тѣмъ не менѣе, домъ пустовалъ, и это въ Кіевѣ, гдѣ вѣчный «квартирный кризисъ». При общихъ жалобахъ [illegible]

«кризисъ», наступившій домъ съ дешевыми квартирами взялся монументальнымъ абсурдомъ. Однако, для этого абсурда, знаемъ, были основательныя причины. Почти, одинъ новопріѣзжій человѣкъ, не изъ брезгливыхъ и при томъ многосемейный, рѣшилъ «пренебречь предразсудкомъ». И въ первое время былъ очень доволенъ: квартира безъ контракта, виды съ балкона роскошные, домовладѣлецъ готовъ на всякія услуги. Но черезъ три мѣсяца многосемейный человѣкъ сбѣжалъ: заплатилъ дороже, взялъ квартиру «съ контрактомъ», почти въ подвалѣ, тѣсную, не уютную, съ окномъ въ заборъ...

— Здорово пластѣлъ!—жаловался онъ.—Знаете ли, нѣтъ ничего хуже наспѣхъ квартиру нанимать.

— Да зачѣмъ же вамъ было наспѣхъ? Развѣ прежняя квартира оказалась плоха?

— Нѣтъ, жаловаться нельзя...

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Да ужъ очень противно стало... И мнѣ противно... И женѣ... И дѣтямъ противно... Просто—чортъ знаетъ что!..

Въ концѣ концовъ домовладѣлецъ махнулъ рукой на свои мечты о «чистой жизни» и населилъ домъ притонами.

Душевное состояніе человѣка, подвергнутаго столь своеобразному бойкоту, Филиппъ Шкуратъ опредѣлилъ словомъ: «выпираютъ». Думаю, что это слово вполнѣ точно выражаетъ мысль. Именно: «выпираютъ» и при томъ безъ всякой видимой причины. Въ самомъ дѣлѣ, станьте на мѣсто Шкурата и попробуйте понять, почему бакалейщикъ Иванъ Филатычъ брезгливо отворачивается? Не потому ли, что на шкуратовой совѣсти есть грѣхи? Ну, хорошо, пусть грѣхи... А вы думаете: самъ Иванъ Филатычъ праведникъ? Спросите-ка хоть у того же Шкурата,—онъ вамъ разскажетъ точно и документально такую подноготную объ этомъ «праведникѣ», что... Или возьмите покражу въ церквахъ и опустошеніе обывательскихъ погребовъ. Съ какой стати обыватель «всѣ эти дѣла» безапелляціонно отнесетъ на счетъ Шкурата? Какіе есть къ тому резоны? Въ качествѣ посторонняго человѣка могу засвидѣтельствовать, что никакихъ основательныхъ резоновъ нѣтъ. Иванъ Филатычъ, когда подозрѣваетъ кого-либо другого, сурово говоритъ: «Нечего зря языкомъ болтать! сначала толкомъ разбери дѣло, а потомъ и говори.» Но тотъ же Иванъ Филатычъ совершенно зря, «не разобравши толкомъ дѣла», готовъ направить на Шкурата какія угодно подозрѣнія. Возьмите, далѣе, меня, человѣка, повторяю, съ мѣстными взаимоотношеніями не связаннаго. О нѣкоторыхъ вещахъ я догадываюсь, быть можетъ, нѣсколько тоньше, чѣмъ отказавшій Шкурату въ кредитѣ бакалейщикъ. Мнѣ, напр., не шутя кажется, что Шкуратъ, дѣйствительно, хочетъ зажить, наконецъ, «чистою жизнью», о которой, быть можетъ, мечталъ съ дѣтства. Мечталъ, конечно, по своему, но вѣдь каждый чело-

вѣкъ понимаетъ «чистую жизнь» такъ, какъ ему свойственно. Меня не смущаетъ ужъ слишкомъ грубо обнаруженное желаніе понравиться мнѣ; не смущаютъ меня ни словечки, въ родѣ «соцывалъ-димократъ», ни намеки на какія-то «митинги»... Можетъ, онъ, Шкуратъ-то, хватался за «соцывалъ-демократа» да за митинги, какъ утопающій за соломинку. Именно эти намеки, это несуразное, грубое нагроможденіе средствъ, чтобы понравиться «нужному человѣчку», и заставляетъ меня почувствовать, что подъ ними бьется что-то значительное, не шуточное. Быть можетъ, ко мнѣ человѣкъ пришелъ въ одинъ изъ трагическихъ переломовъ своей жизни, съ послѣднею, хотя и безумною, надеждою получить извнѣ помощь, безъ которой невозможно отойти отъ преступнаго, какъ онъ самъ понимаетъ, прошлаго къ «чистому», какъ ему кажется, будущему. И я знаю, что мое согласіе на сдѣлку съ Шкуратомъ принесло бы ему большое облегченіе, поддержало бы его надежды. Однако, я не поддержалъ и не облегчилъ. И Шкуратъ видѣлъ, что мнѣ это принесло чистый убытокъ, ибо его условія были, дѣйствительно, самыми выгодными и въ имущественномъ отношеніи наилучше устраивали дѣло. Представьте же силу злости и негодованія въ этомъ человѣкѣ:

— Какъ! Я самъ приходилъ къ нему. Я унижался передъ нимъ. Я, какъ умѣлъ, старался потрафить на его вкусъ. Я, можно сказать, душу передъ нимъ раскрывалъ. И онъ мнѣ за это...

Повторяю, станьте въ положеніе Шкурата, и вамъ будетъ вполнѣ понятно, до какой степени естественны и неизбѣжны эта злость и это негодованіе противъ меня, противъ васъ, противъ Ивана Филатыча, противъ всѣхъ «чужихъ» людей, которые «выпираютъ», противъ всего общества, которое заставляетъ человѣка физически и при томъ болѣзненно чувствовать «выпираніе». И думаю, что злость именно на этой почвѣ есть явленіе, характерное въ русской жизни. Оно характерно уже потому, что не единично и не случайно. Припоминая разныхъ «шкуратовъ», которыхъ мнѣ лично приходилось наблюдать, я бы могъ назвать не мало особей этой породы нынѣ такъ же «выпираемыхъ» жизнью и такъ же одержимыхъ злостью. Но вскрывать интимныя стороны жизни живыхъ людей — дѣло щекотливое. Не всегда на него рѣшишься. А «конспирировать» живыхъ людей, какъ мною «законспирированъ» нѣкій бывшій уѣздный «рядчикъ» «Филиппъ Петровичъ», не всегда удобно. Поэтому рѣшаюсь напомнить лишь нѣкоторыя общеизвѣстныя явленія.

Возьмите рядъ «громкихъ именъ»: Дубровинъ, Борисъ Никольскій, Сыромятниковъ, Булацель, Крушеванъ, Буренинъ, Тришатный, Грингмутъ, Рачковскій... Я беру первыхъ попавшихся. Списокъ при желаніи можно расширить чуть ли не до размѣровъ печатнаго листа. И представьте, что любой изъ этого списка—тотъ же хотя бы Грингмутъ или Дубровинъ—вздумалъ заняться, нако-

нецъ, «честнымъ дѣломъ», жить «чистою», въ обывательскомъ смыслѣ, жизнью, равноправнымъ членомъ въ кругу порядочныхъ людей— опять таки въ обывательскомъ смыслѣ, т. е. не безъ грѣховъ, но и безъ подлостей, безъ доносовъ, безъ предательства, снискивая себѣ пропитаніе такимъ трудомъ, къ которому они способны, но который общество могло бы считать честнымъ. Или даже пусть человѣкъ съ однимъ изъ названныхъ «громкихъ именъ» не задумывалъ заниматься честнымъ трудомъ, а вынужденъ къ тому, такъ какъ Россія стала, наконецъ, конституціонной страной. Надо ли доказывать, что при подобной попыткѣ Крушевану, Гриммуту, Булацелю etc. etc., придется пережить буквально такія же мытарства, какія постигли Шкурата. Разница, пожалуй, лишь въ томъ, что неизвѣстный Шкуратъ почувствовалъ себя «выпертымъ», сравнительно, изъ небольшого круга жизни, въ предѣлахъ уѣзднаго города. Онъ, такъ сказать, анаѳематствованъ лишь въ своемъ приходѣ лично знающими его людьми. Гг. же Гриммуть анаѳема всероссійская. А нѣкоторые изъ нихъ [illegible] уже убѣдились, что они анаѳематствованы и за предѣлами Россіи: напомню, хотя бы, русскихъ сановниковъ, выселяемыхъ изъ европейскихъ отелей.

VI.

Недавно я получилъ извѣстіе, что Шкурата окончательно общество «выперло»; онъ «поддался» на то «дѣльце», какое ему предлагали «темные господа», и уже открыто выступаетъ въ качествѣ члена «союза русскаго народа». Быть можетъ, онъ-то и есть тотъ «молодецъ—въ плечахъ косая сажень», которымъ восхищался сотрудникъ «Русскаго Знамени» на кіевскомъ «съѣздѣ монархистовъ». И дѣйствительно, это—молодецъ, рослый, плечистый, сильный. Теперь онъ вмѣстѣ съ другими входитъ въ «армію» какой-то «верховной управы», состоящей изъ какихъ-то высокопоставленныхъ особъ. Наравнѣ съ своими сообщниками, онъ шумитъ, посылаетъ телеграммы Столыпину, грозитъ новыми погромами и убійствами, посылаетъ телеграммы царю, получаетъ «пропитаніе» изъ высокоизвѣстныхъ суммъ, разсылаетъ иностранныхъ монарховъ. Все это, разумѣется, только выборно. Но посудите сами: куда было дѣться человѣку?

Пока можно было, онъ просто питался плодами чужихъ трудовъ, жилъ за счетъ «закона объ артеляхъ». Потомъ артель «поумнѣла», перестала считаться съ «закономъ». Пришла революція. Жизнь начала неподвольно строиться по своему, ниспровергая, гдѣ можно, противорѣчащій ей законъ. И это хорошо, это необходимо. Но тогда и человѣкъ Шкуратъ лишился привычныхъ ему средствъ существованія. Да и не онъ одинъ. Нѣжинскіе землеустроители тоже [illegible] «рѣшились» ибо «мужикъ» слово «съ ума сошелъ»:

[illegible] «[illegible]» [illegible], отъ «сдѣлокъ» воздерживается... Шутка ли: налаженныя конторы съ многочисленнымъ штатомъ землеустроительныхъ агентовъ пришлось закрывать!.. И развѣ мало хотя бы волостныхъ старшинъ и волостныхъ писарей попало «подъ учетъ» и лишилось должностей—опять-таки потому, что «мужикъ» словно «съ ума сошелъ» и даже «самого земскаго начальника» пересталъ бояться... Сочтите: сколько народу раззорено «этой самой революціей». И сколько, значитъ, у нея злѣйшихъ, такъ сказать, утробныхъ враговъ, чувства которыхъ диктуются шкурными, утробными интересами.

Шкуратъ всетаки счастливѣе другихъ. Ему удалось кое-какъ поправить свои дѣлишки, запастись нѣкоторымъ капиталомъ во время погрома. Онъ уже надѣялся зажить «по-человѣчески», приспособиться къ новымъ условіямъ. Но пути въ эту сторону оказались отрѣзанными. И вотъ, соображая, какими другими путями могъ пойти Шкуратъ, я лично вижу только одинъ путь: подъ началъ «верховной управы». Для него, выброшеннаго рабочей средой, къ которой онъ первоначально принадлежалъ, и отброшеннаго «обществомъ», куда онъ пытался проникнуть, я представляю при нынѣшнихъ условіяхъ только одну профессію—профессію политическаго бандита. Въ этой профессіи есть, по крайней мѣрѣ, хоть политическій разсчетъ: авось, восторжествуетъ тотъ, пусть нелѣпый, но «добрый», «милый» законъ, при которомъ безъ хлопотъ, безъ работы, безъ напряженія мысли можно было имѣть чужой жирный «кусокъ хлѣба».

Вспоминаю я и другихъ «молодцовъ—въ плечахъ косая сажень». За послѣднее время не разъ приходилось читать, что въ Кіевѣ среди «истинно русскихъ людей» видную роль играетъ «популярный дѣдушка Ясногурскій». Одного кіевскаго дѣдушку Ясногурскаго я немножко знаю; да онъ, кажись, только одинъ и есть въ Кіевѣ. Это былъ гласный такъ называемой «проценковской» городской думы, прославившейся многими скандалами. Грѣшниками эта дума была слишкомъ богата. Но даже въ этой многогрѣховной думѣ старый грѣшникъ Ясногурскій сидѣлъ въ сторонкѣ, какъ наказанный школьникъ. Надъ его рѣчами гласные потѣшались. Пренебреженіе къ нему демонстрировали. Даже проценковская дума «выпирала» Ясногурскаго. Года два назадъ онъ пытался примириться съ обществомъ, пытался «либеральничать». Дѣлалъ онъ это нервно, судорожно. Демонстрировалъ «либеральныя мысли» по самымъ невѣроятнымъ поводамъ, словно хватаясь за каждую соломинку, какая подъ руку подвернулась. Въ свое время нашумѣлъ, напр., его «проектъ»—дать въ въ Кіевѣ равноправіе евреямъ по случаю смерти Лазаря Бродскаго. И легко представить состояніе г. Ясногурскаго, когда именно «либералы», именно тѣ, на кого онъ «потрафлялъ», отвѣтили ему наиболѣе жестоко и наиболѣе безпощадно. Пришлось во-очію убѣдиться, что такими средствами билетъ на

входъ въ «общество» не получишь. И я не удивлюсь, если этотъ именно человѣкъ, окончательно «вымершій», окончательно «отлученный», нашелъ себѣ единственное при данныхъ условіяхъ пристанище, гдѣ надъ нимъ, по крайней мѣрѣ, не смѣются въ глаза.

Приходится читать о подвигахъ и другого истинно-русскаго кіевлянина г. Любинскаго. Этого человѣка я также немножко знаю. Раньше былъ онъ земскимъ начальникомъ. Потомъ гласнымъ той же «проценковской» думы. Почти одновременно съ г. Ленотуркимъ переживалъ очевидный для всѣхъ переломъ: старался сблизиться съ сотрудниками либеральныхъ газетъ, забѣгалъ въ «редакціи», «дѣлалъ оппозицію» Проценку. Въ редакціяхъ воспользовались его осѣдомленностью, но дальше офиціально открытыхъ для публики комнатъ не пустили... Г. Любинскій упирается, пробуетъ притулиться къ промежуточной позиціи, орудуетъ подъ флагомъ правового порядка. Но и подъ этимъ флагомъ «попалъ на свою полочку».

И такихъ много, которые упирались, или еще до сихъ поръ упираются,—не шли, или еще и до сихъ поръ не идутъ, добровольно, «куда влечетъ ихъ жалкій жребій». Рѣшаюсь напомнить хотя бы общеизвѣстные штрихи изъ біографіи г-на А. Столыпина. Вѣдь еще совсѣмъ недавно онъ пристроился было къ «хорошему обществу», сидѣлъ бокъ-о-бокъ съ хорошими людьми въ редакціи «С.-Петерб. Вѣд.». Правда, попалъ онъ въ эту редакцію въ качествѣ, такъ сказать, смазочнаго масла, долженствующаго спасать редакціонную машину отъ гибельныхъ треній съ волей покойника Плеве. Но все таки сотрудничалъ, хотя бы и короткое время, съ несомнѣнно хорошими людьми. Потомъ пришлось услышать отъ хорошихъ людей: «мы съ вами не знакомы». Нѣсколько позже пришлось стучаться въ «Русь» и найти пріютъ въ «Новомъ Времени». Годъ назадъ на этой позиціи еще можно было обманываться нѣкоторыми иллюзіями. Былъ, напр., «союзъ защиты слова»; находилась какъ будто почва, на которой можно сойтись съ хорошими людьми для общаго дѣла, и не плохого дѣла: во имя свободной печати, до такой степени свободной, что «Новому Времени» стала явно угрожать участь—остаться и безъ читателей, и безъ подписчиковъ, съ одними объявителями, да и то не обязательными и не казенными. И теперь, когда прошлогднія иллюзіи разбиты въ дребезги, куда дѣнетъ себя г. А. Столыпинъ? Мирнообновленцы ему не обрадуются. К.-д. его не пустятъ. Объ обществѣ болѣе высокаго, болѣе принципіальнаго тона нечего и думать. Человѣкъ явно подвергнутъ отлученію. Пока онъ цѣпляется за «союзъ 17 октября». Но—положа руку на сердце—что такое «союзъ 17 октября», какъ не скопище отлученныхъ Гейденомъ, отлученныхъ Шиповымъ, отлученныхъ всѣми сколько-нибудь независимыми людьми? Это—сообщество анаоематствованныхъ, на которое подозрительно косится обыватель, и для котораго уже готовитъ покои «верховная управа русскаго народа». Это —

грѣшники, уже выброшенные въ адъ, но по дорогѣ туда устроившіе себѣ нѣкое подобіе чистилища.

Происходитъ удивительный и сложный процессъ. Словно Россія—необъятный великанъ, въ организмѣ котораго за долгіе годы неподвижности и спячки накопилось много всякой всячины, паразитарной, негодной, вредной. Но вотъ великанъ проснулся, расправилъ занѣмѣвшіе члены; сердце стало работать сильнѣе, ткани напряглись, и потокомъ крови негодныя и болѣзнотворныя частицы выталкиваются на опредѣленное мѣсто, кольцомъ охватываютъ свой центръ, отрѣзываютъ его отъ здоровыхъ тканей. И уже хотя бы только по одной этой причинѣ центръ средоточія негодныхъ и болѣзнотворныхъ частицъ становится инороднымъ тѣломъ въ организмѣ великана, и при томъ тѣломъ, уже окруженнымъ гноемъ. Происходитъ явленіе, подобное нарыву возлѣ занозы. Исходъ такихъ нарывовъ извѣстенъ: выпираемый извнутри, гной выталкиваетъ занозу, а за нею и самъ выталкивается вонъ здоровыми тканями.

Всего поразительнѣе въ этомъ, повторяю, чрезвычайно сложномъ процессѣ его непосредственность и безыскусственность. Все дѣлается очень просто, словно самою собою. Живетъ себѣ бакалейщикъ Иванъ Филатычъ,—самый настоящій «буржуй», потомственный консерваторъ, чрезвычайно далекій отъ радикализма. Вмѣстѣ съ другими Иванами Филатычами, такими же далекими отъ радикализма потомственными консерваторами, онъ «выпираетъ» какого-то Шкурата. И дѣлаетъ это не по принципу, не во имя какихъ-то отвлеченныхъ или политическихъ соображеній. У человѣка просто «изъ души претъ». Человѣку просто противенъ Шкуратъ, видѣть онъ Шкурата «равнодушно» не можетъ. Человѣкъ подчиняется самымъ примитивнымъ эмоціямъ. И ему въ голову не приходитъ, что, подчиняясь этимъ эмоціямъ, онъ совершаетъ весьма важное политическое дѣйствіе. Признаюсь, и мнѣ въ голову не приходило, что я совершаю политическое дѣйствіе, занимая вмѣстѣ со всею поѣздною публикою враждебно-наблюдательную позицію по отношенію къ тремъ подозрительнымъ субъектамъ, кричавшимъ на каждой станціи: бей жидовъ. И когда въ сентябрѣ настоящаго года эти три субъекта, вмѣстѣ съ Шкуратомъ и другими союзниками, кричали въ «Русскомъ Знаменіи» адресуясь кверху: не смѣйте «давать реформъ», не то нашъ союзъ «умѣетъ бросать бомбы», я, Иванъ Филатычъ, вы, всякіе прочіе обыватели были далеки отъ мысли, что это мы довели людей до такой отчаянности. Послѣ угрозъ бомбами мы лишь подозрительнѣе и враждебнѣе, чѣмъ прежде, стали относиться къ этимъ людямъ. Теперь Шкуратъ и его союзники уже до того доведены, что телеграфируютъ на высочайшее имя и печатаютъ въ «Русск. Знам.» напоминанія: «хозяинъ земли—народъ», т. е. они, «истинно-русскіе люди». Эти напоминанія въ томъ же «Р. Зн.» нынѣ ком-

ментируются весьма не двусмысленно: и «въ Западной, молъ, Европѣ были монархи, которымъ тяжело было править страною, и они передали власть свою другимъ» (Цит. по «Рѣчи» № 217).

И опять таки Ивану Филатычу, навѣрное, въ голову не приходитъ, что это онъ довелъ Шкурата до столь «высокаго градуса». До какого «градуса» доведетъ Шкурата сознаніе всеобщей къ нему враждебности черезъ два мѣсяца, какимъ онъ языкомъ тогда заговоритъ и къ какимъ поступкамъ перейдетъ,—мы не знаемъ. Но согласитесь, что нѣкоторая почва для сравненій съ нарывомъ на тѣлѣ великана тутъ есть.

Конечно, соціологическіе процессы нѣсколько сложнѣе біологическихъ. Матеріалъ для сравненій біологія даетъ. Но строить выводы при помощи только сравненій было бы рискованно. Для меня несомнѣнно лишь, что сейчасъ въ Россіи общественная жизнь совершаетъ какъ бы самодезинфекцію. Цѣлыя категоріи лицъ, благополучіе которыхъ строилось, главнымъ образомъ, на противорѣчіи между закономъ и жизнью, оказываются «вывертыми», отлученными, анаоематствованными. И я не могу скрывать отъ себя, что для этихъ анаоематствованныхъ сейчасъ есть въ Россіи только одно мѣсто: «союзъ русскаго народа». Еще недавно, быть можетъ, всего годъ назадъ, черносотенныя шайки приходилось сооружать «по вольному найму»: по полтиннику, по семи гривенъ и даже по рублю въ день. Теперь это вмѣстилище наполняется не только за плату и не только въ силу организаторскихъ способностей г. Дубровина, или г. Булацеля, или спеціальныхъ агитаторовъ, бритыхъ, бородатыхъ, въ студенческихъ фуражкахъ, или въ жандармскихъ мундирахъ. Сюда отлученные идутъ сами, въ силу необходимости, идутъ потому, что некуда больше. И, быть можетъ, это благопріятный признакъ, что выдѣленія націи скопляются въ опредѣленномъ мѣстѣ. Это—процессъ органическій, неизбѣжный, хотя и болѣзненный. Быть можетъ, ему нельзя мѣшать. Но нельзя и закрывать глаза на послѣдствія этого процесса. Ни для кого вѣдь не секретъ, что выдѣленіями націи въ настоящее время тѣсно окруженъ исторически сложившійся, хотя и переживший самого себя, центръ власти. Пока центръ чувствуетъ себя превосходно. Ему кажется, что около него, наконецъ, слава Богу, «свои люди», которые съ нимъ одномыслятъ и которые, дѣйствительно, готовы постоять за необходимыя для нихъ и выгодныя для него права. И чѣмъ тѣснѣе, чѣмъ гуще блокада, тѣмъ, казалось бы, больше единомышленниковъ у центра и тѣмъ лучше онъ долженъ себя чувствовать. Да онъ и въ самомъ дѣлѣ благодушествуетъ и восторгается. Но вѣдь всѣ же мы понимаемъ, что не нынче—завтра наступитъ моментъ, когда даже для г. П. Столыпина станетъ ясно, что центру жизненно необходимъ такъ называемый «актъ примиренія власти съ народомъ»; не нынче—завтра наступитъ моментъ, когда даже г. П. Столыпинъ найдетъ, что необходимо, по крайней мѣрѣ, хоть признать тѣ глубокія измѣненія

въ обывательской психологіи, въ бытовыхъ и гражданскихъ отношеніяхъ, благодаря которымъ люди десятками выбрасываются въ «союзъ русскаго народа». Судя по всему, нѣкоторыя группы, близкія къ конституціоналистамъ-демократамъ, думаютъ, что не нынче—завтра власть совершенно ясно пойметъ, до какой степени лучше отдать половину, девять десятыхъ, девяносто девять сотыхъ, чѣмъ лишиться всего. Я готовъ признать эти разсчеты правильными. Но мнѣ совершенно непонятно, какъ можно на предвѣдѣніи этого—пусть безусловно неизбѣжнаго—момента строить «тактику»:

— Вотъ, молъ, поведемъ дѣло полегоньку, да потихоньку, по по примѣру того, какъ «умные финляндцы» дѣйствовали. Дождемся, когда «они», тамъ, вверху сидящіе, придутъ въ сознаніе. Тогда живымъ манеромъ заключимъ договоръ и получимъ, что можно...

Хорошо, тихонько посидимъ, дождемся, благо дожидаться не много осталось: въ Россіи вѣдь ни флота, ни войска, ни денегъ, не говоря уже обо всемъ прочемъ. Наконецъ, власть пойметъ, въ какой она глубокой пропасти сидитъ, придетъ въ сознаніе, согласится дать... Но сможетъ ли? Что она, въ самомъ дѣлѣ, дастъ? конституцію? свободу? Но что скажетъ Булацель, Гринбмутъ, Крушеванъ, Дубровинъ, Шкуратъ и прочіе, имъ же нѣсть числа? Неужели вы думаете, что они разбѣгутся по первому слову: «пошли вонъ, дураки»? Куда они пойдутъ? Поймите, имъ некуда пдти, имъ некуда дѣться. Свою нынѣшнюю позицію они будутъ отстаивать съ энергіею отчаянія. Для нихъ это въ буквальномъ смыслѣ слова вопросъ жизни и смерти.

Эти люди вѣдь тоже чувствуютъ, что роковой моментъ просвѣтлѣнія вотъ-вотъ можетъ наступить, и не только подъ давленіемъ внутреннихъ причинъ: малѣйшее затрудненіе извнѣ, и «власть» сразу сознаетъ весь ужасъ своего безсилія и все безуміе своей политики. «Истинно-русскіе люди» уже теперь на всякій случай записываютъ «неосторожныя слова» и закомпаютъ необдуманные поступки. Уже теперь въ ихъ распоряженіи находятся такіе документы, которые рискуетъ воспроизводить лишь иностранная печать. Уже теперь они имѣютъ возможность угрожать скандальными разоблаченіями предсѣдателю совѣта министровъ, когда тотъ рѣшился было отказать въ субсидіи. По свидѣтельству Кропоткина, при Александрѣ II людей, много знавшихъ о «центрѣ власти», замуровывали въ Петропавловкѣ. Булацели и Шараповы знаютъ, во всякомъ случаѣ, не меньше замурованныхъ, а въ крѣпость ихъ не спрячешь. И ужъ одна эта освѣдомленность, помимо многаго прочаго, даетъ «молодцамъ—въ плечахъ косая сажень» силу задушить слово: «миръ», прежде чѣмъ оно будетъ произнесено.

«Шалишь», не уйдешь, утопать — такъ утопать вмѣстѣ» — таковы въ сущности условія, уже предъявленныя во всеуслышаніе черезъ голову предсѣдателя совѣта министровъ на страницахъ «Русскаго Знамени». И они, конечно, будутъ предъявлены еще

яснѣе и еще рѣшительнѣе, когда черезъ голову предсѣдателя совѣта министровъ станетъ замѣтно, что «власть» колеблется, что «власть» сознала необходимость примиренія съ народомъ.

Знаю, что «примиренію» мѣшаютъ и другія причины. Мнѣ о нихъ приходилось уже не разъ писать. Да и вообще онѣ болѣе или менѣе широко извѣстны. Вскрывать ихъ теперь заново врядъ ли нужно. Но относительно «другихъ причинъ» всетаки представлялась, по крайней мѣрѣ, теоретически возможность какъ-нибудь обойти, какъ-нибудь миновать, перешагнуть. Но вотъ за послѣдніе мѣсяцы вокругъ центра власти густо отложился болѣзненный выпотъ націи. Ткани напряглись. Выпотъ продолжается. Нарывъ растетъ, бухнетъ. И, раздумывая объ этой новой «причинѣ», прибавленной ко всѣмъ прежнимъ, я даже теоретически не представляю, какъ можно мимо нея пройти, или какъ можно черезъ нее перешагнуть. Я будто слышу голоса Шкуратовъ и Булацелей:

— Небось—не перешагнешь. Намъ, братъ, терять нечего. Намъ, братъ, все равно одинъ конецъ...

И, дѣйствительно, имъ уготованъ исторіей только «одинъ конецъ». А для насъ, для обывателей, она, сбрасывая «людей съ однимъ концомъ» въ одно мѣсто, ставитъ политическую задачу дня во весь ростъ, безъ надежды на компромиссъ, безъ возможности «примиренія» или «полюбовнаго соглашенія». Исторія словно диктуетъ свою окончательную волю:

— Миритесь, если угодно, съ идеями. Но вопросъ о примиреніи съ лицами, къ которымъ уже прилипъ Шкуратъ, я устраняю.

А. Петрищевъ.

Литературные наброски.

"Савва" и „Къ звѣздамъ"—Л. Андреева. „Въ Америкѣ"—М. Горькаго. "Въ городѣ"—С. Юшкевича. „Въ тюрьмѣ"—Е. Чирикова. „Огарки" —Скитальца. „Генрикъ Ибсенъ"—Г. Плеханова.

Одной изъ подробностей переживаемаго момента является своего рода виноватость художественной литературы передъ бодрыми людьми, которыхъ жизнь создаетъ во всѣхъ разновидностяхъ вплоть до представителей полу-титаничной мощности воли и энергіи, а художники не изображаютъ,—несмотря на упреки. И не то, чтобы въ современной художественной литературѣ не чувствовалось вовсе ободряющихъ мотивовъ. Есть многочисленныя бодрыя стихотворенія, сочиненныя или искреннія, но несомнѣнно бодрыя. Нѣтъ только

типовъ бодрыхъ людей, характерныхъ для переживаемаго времени, воплощенныхъ въ болѣе или менѣе значительныхъ художественныхъ образахъ.

Упрекъ въ такомъ неуловленіи тона окружающей жизни былъ обращенъ въ частности и къ Л. Андрееву. И едва ли не по недоразумѣнію. Меньше всего требованіе о согласованіи тона его художественныхъ отображеній—если говорить этимъ изысканнымъ неологизмомъ—съ измѣнившимися условіями русской жизни можетъ быть предъявлено къ этому давнему, безпросвѣтному изобразителю жизни—и не только русской.

Если урѣзывать право художника искать истину, въ чемъ бы она ни заключалась, и оцѣнивать его, художника, исключительно съ точки зрѣнія общественной полезности тѣхъ душевныхъ комплексовъ, которые создаются его художественными произведеніями, его творческимъ настроеніемъ, нѣтъ сомнѣнія, что г. Андреевъ долженъ быть отнесенъ въ категорію отрицательныхъ явленій въ нашей литературѣ. Читатель, который раскрылъ новую вещь Леонида Андреева, можетъ быть заранѣе увѣренъ, что онъ сохранитъ свое нормальное настроеніе только въ томъ случаѣ, если новая вещь окажется неудовлетворительною по исполненію въ большей мѣрѣ, чѣмъ это можно ожидать у Л. Андреева. Если же новая вещь принадлежитъ къ числу болѣе удачныхъ, читателю г. Андреева не освободиться отъ чувства извѣстной подавленности жизнью. Въ такихъ случаяхъ кажется трудно допустимымъ, что г. Андреевъ не всегда пользовался репутаціей художника-мыслителя, не знающаго прочныхъ просвѣтовъ въ жизни, и въ начальную пору его литературной извѣстности могъ разсматриваться, какъ художникъ-обличитель чисто временныхъ уродствъ, свидѣтельствующихъ только объ уродливыхъ условіяхъ живой дѣйствительности, тогда какъ для «Леонида Андреева» вопросъ объ уродствахъ жизни сводился всегда не къ уродливымъ условіямъ, а къ уродству и безобразію самого человѣка, независимо отъ какихъ бы то ни было условій. Въ раннихъ нашумѣвшихъ произведеніяхъ г. Андреева, онъ утверждалъ, что въ каждомъ, даже самомъ чистомъ героѣ его «Бездны» сидитъ звѣрь; теперь, въ пору общественныхъ надеждъ на коренное обновленіе жизни, онъ прибавляетъ новую діагностическую подробность: въ человѣкѣ сидитъ не только звѣрь, но еще и рабъ («Такъ было»).

Какъ, вѣроятно, припомнитъ читатель,—одноглазый часовщикъ, смотрѣвшій за часами въ башнѣ, гдѣ заключенъ былъ низвергнутый король Двадцатый, не вѣрилъ въ прочность того, что произошло на его глазахъ. Огромный маятникъ башенныхъ часовъ по прежнему разсѣкалъ воздухъ, и въ шумѣ этихъ разсѣканій одноглазому часовщику слышалось унылое пророчество: «Такъ будетъ Такъ было—такъ будетъ. Такъ было—такъ будетъ». Правда, авторъ этюда не пошелъ такъ далеко за своимъ часовщикомъ и

этюдъ свой о революціи, носящей наименованіе «великой», озаглавилъ только «Такъ было». Относительно будущаго авторъ не рѣшился раздѣлить отвѣтственность за мрачныя предвидѣнія своего одноглазаго человѣка. Какъ *будетъ*—это онъ поставилъ въ зависимость отъ будущей психологіи массы: отъ того, сумѣетъ ли она, захочетъ ли она убить въ себѣ раба, захочетъ ли сбросить съ себя гипнозъ, дѣлающій изъ нея раба. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и авторъ «Такъ было» принялъ цѣликомъ формулу одноглазаго часовщика: «такъ было» и «такъ будетъ».

Это—въ «Саввѣ».

Одинъ изъ наиболѣе озлобленныхъ среди общей массы озлобленныхъ, рабочій Савва не вѣритъ ни въ какія частичныя, хотя бы и широкія, усовершенствованія и улучшенія жизни. Онъ убѣжденъ, что жизнь можетъ быть (и то еще не навѣрно) устроена на лучшихъ основаніяхъ развѣ только въ томъ случаѣ, если все старое будетъ начисто снесено «до голой земли» и выметено. Человѣку «мѣшаетъ глупость, которой за эти тысячи лѣтъ накопилась цѣлая гора»,—нѣсколько неожиданно бесѣдуетъ Савва со своей сестрой Липой.

„Теперешніе умные хотятъ строить на этой горѣ,—но, конечно, ничего, кромѣ продолженія горы, не выходитъ. Нужно скрыть ее до основанія—до голой земли. До голой земли—понимаешь?

Липа. Я не понимаю тебя. Ты странно говоришь!..

Савва. Уничтожить все: старые дома, старые города, старую литературу, старое искусство? Ты знаешь, что такое искусство?

Липа. Да, конечно, знаю. Картины, статуи... Я бывала въ Третьяковской галлереѣ.

Савва. Ну вотъ, Третьяковская галлерея и другія, поважнѣе которыя. Тамъ есть хорошее, но будетъ еще лучше, когда старое не будетъ мѣшать. Старое платье, все. У тебя есть любимыя вещи?

Липа. Право не знаю. Кажется, нѣтъ.

Савва. Остерегайся вещей! Ты не смотри, что онѣ молчатъ—онѣ хитрыя, злыя. И ихъ нужно уничтожить. Нужно, чтобы теперешній человѣкъ голый остался, на голой землѣ. Тогда онъ устроитъ новую жизнь.. Нужно оголить землю, Липа, содрать съ нея эти мерзкія лохмотья! Достойна она царской мантіи, а одѣли ее въ рубище, въ арестантскій халатъ.

О томъ же по душѣ Савва говоритъ и съ своимъ предполагаемымъ сообщникомъ, послушникомъ мѣстнаго монастыря Кондратіемъ (бывшимъ волостнымъ писаремъ, изгнаннымъ изъ писарей за пьянство), равнодушнымъ къ вѣрѣ человѣкомъ, живущимъ въ монастырѣ только потому, что онъ «отъ дѣла... отбился давно, а тутъ, по крайней мѣрѣ, заботы о кускѣ хлѣба не имѣешь».

Кондратій. А вамъ и не жалко?

Савва. Ихъ-то?—Они мнѣ тюрьму выстроили, а я ихъ жалѣть буду? Они голову мою въ застѣнокъ посадили, а я ихъ жалѣть буду? Ха! Тебѣ въ голову гвозди вбивали, или нѣтъ? Нѣтъ. Ну, а у меня вся голова гвоздями утыкана—мастера они гвозди вгонять, пожалѣть ихъ надо?

Кондратій. Кто же вы такой, что никого не жалѣете?

Савва. Я? Я, дядя, человѣкъ, который однажды родился. Родился и пошелъ смотрѣть. Увидѣлъ церкви и каторгу. Увидѣлъ университеты и дома терпимости. Увидѣлъ фабрики—и картинныя галлереи. Увидѣлъ дворецъ — и нору въ навозѣ. Подсчиталъ такъ, понимаешь, сколько на одну галлерею остроговъ приходится, и рѣшилъ: надо уничтожить все. И мы это сдѣлаемъ. Да, пора намъ посчитаться, пора!

. . . . . .

Савва. Ты мужикъ, Кондратій?

Кондратій. Подати плачу. Крестьянинъ я, это вѣрно.

Савва. Я тоже мужикъ. Намъ, братъ, съ тобой хуже не станетъ.

Кондратій. Да ужъ куда хуже! Но только много народу пропадаетъ, Савва Егоровичъ!

Савва. Ничего, довольно останется. Дрянь, дядя, пропадетъ. Глупые пропадутъ, для которыхъ эта жизнь, какъ скорлупа для рака. Пропадутъ тѣ, кто вѣритъ,—у нихъ отнимется вѣра. Пропадутъ тѣ, кто любитъ старое,—у нихъ все отнимется. Пропадутъ слабые, больные, любящіе покой, покоя, дядя, не будетъ на землѣ! Останутся только свободные и смѣлые: съ молодою и жадною душой, съ ясными глазами, которые обнимаютъ міръ.

Кондратій. Какъ у васъ... Я вашихъ глазъ, Савва Егоровичъ, боюсь, особенно въ темнотѣ.

Савва. Какъ у меня? Нѣтъ, Кондратій, я человѣкъ отравленный,—отъ меня ихнею мертвечиною пахнетъ. Будутъ люди лучше, свободнѣе, веселѣе. И, свободные отъ всего, голые, вооруженные только разумомъ своимъ, они сговорятся и устроятъ новую жизнь, хорошую жизнь, Кондратій, гдѣ можно будетъ дышать человѣку.

Кондратій. Любопытно! Только, позвольте сказать вамъ, Савва Егоровичъ... народъ—онъ хитрый, припрячетъ что нибудь или какъ. А потомъ глядь, на старое, и повернули, по старому, значитъ, какъ было. Тогда какъ?

Савва. По старому (*мрачно*)? Тогда совсѣмъ надо его уничтожить. Пусть на землѣ совсѣмъ не будетъ человѣка. Разъ жизнь ему не удалась, пусть уйдетъ и дастъ мѣсто другимъ...

Одну изъ составныхъ частей этой всеразрушительной задачи Савва и беретъ на себя. Онъ разсчитываетъ воздѣйствовать на темную массу богомольевъ, стекающихся на поклоненіе въ монастырь со всѣхъ концовъ Россіи, и черезъ посредство ошеломленныхъ свидѣтелей-очевидцевъ разнести по Россіи, сдѣлать для массы очевиднымъ, что у нея, темной массы обездоленныхъ, не существуетъ никакого сверхъестественнаго покровителя, въ котораго она вѣритъ; что у нея Бога, на котораго она возлагаетъ въ конечномъ счетѣ надежды на удобопереносимость жизни, — нѣтъ; что она, сѣрая, нищая, голодная и холодная масса, предоставлена цѣликомъ самой себѣ и, стало быть, надѣяться можетъ только на самое себя, на свои руки. Съ этой цѣлью Савва рѣшаетъ взорвать икону, почитаемую за чудотворную, выбравъ моментомъ взрыва полночь на воскресенье. Фактъ удавшагося предпріятія, если бы оно на самомъ дѣлѣ удалось, долженъ былъ, по предположенію Саввы, оправдать его разсчеты на психологію массы. Но онъ ошибается. Кондратій, отчасти изъ корыстныхъ разсчетовъ, отчасти въ силу моральнаго

давленія на него Саввы, согласившійся быть исполнителемъ замысловъ Саввы, въ рѣшительный моментъ измѣняетъ ему и во всемъ винится игумену.

По принятому монастыремъ рѣшенію, кощунственное намѣреніе Саввы обращается противъ него же.

Взрыву снаряда никто не мѣшаетъ. Но икона на время взрыва уносится и вносится обратно уже потомъ, когда всякая опасность миновала. Въ результатѣ среди паломниковъ монастыря распространяется извѣстіе о радостномъ чудѣ, которое и создаетъ ликующее настроеніе толпы. Это ликующее настроеніе ничуть не нарушается даже тогда, когда становится извѣстною вся обстановка взрыва и, слѣдовательно, и чуда. Толпа все-таки признаетъ наличность чуда. Она хочетъ вѣрить въ чудо, хочетъ вѣрить, что она не беззащитна, что она находится подъ особымъ покровительствомъ Всемогущаго, явно выражающаго ей свое благоволеніе,—и она вѣритъ. Чудо въ ея глазахъ уже въ томъ, что замыселъ Саввы оказался разрушеннымъ.

„Вѣдь это, значитъ, Богъ сказалъ, самъ Богъ сказалъ: подождите, не бойтесь, плохо вамъ, но это ничего, это пройдетъ. Нужно ждать. Ничего не надо разрушать, а нужно работать и ждать. Оно придетъ, Вася, оно придетъ. Я теперь чувствую это, я—знаю.

Послушникъ. Что придетъ?

Липа. Жизнь, Вася, настоящая придетъ. Господи, мнѣ все плакать хочется, Вася,—отъ радости, не бойтесь!

Съ виновникомъ покушенія на свою вѣру толпа кончаетъ смертной расправой. Когда среди окружавшихъ Савву нѣкоторое время не находится никого, кто нанесъ бы ему первый ударъ, этотъ подвигъ во имя Бога беретъ на себя человѣконенавистникъ и аскетъ - богомолецъ, отрубившій себѣ руку, которою онъ (нечаянно) убилъ сына-младенца (отсюда и его прозвище: Царь-Иродъ), угрожающе-скорбный отъ душевной муки, которую носитъ въ себѣ, которой никто не въ состояніи понять и раздѣлить съ нимъ—кромѣ Бога, поруганнаго Саввой. Со словами: «Отпусти рабу Твоему Саввѣ. Держись!»—«Царь Иродъ» наноситъ первый ударъ уцѣлѣвшей у него лѣвой рукой, а толпа продолжаетъ и кончаетъ расправу. Тѣ же самые люди участвуютъ затѣмъ въ крестномъ ходѣ и поютъ «Христосъ Воскресе» по поводу чуда.

Вотъ фабула, драматично и интересно—хотя и съ отягченіемъ ненужными и неправдоподобными фигурами, въ родѣ семинариста и Тюхи - разсказанная на протяженіи четырехъ дѣйствій «Саввы», съ неизбѣжнымъ выводомъ изъ пьесы: масса не хочетъ мучительнаго критицизма, масса не хочетъ быть предоставленной самой себѣ въ своихъ судьбахъ: она жаждетъ властнаго попечительства надъ нею, и если этого попечительства нѣтъ,—она удовлетворится самой грубой иллюзіей. При такихъ условіяхъ нѣтъ, конечно, никакихъ причинъ не соглашаться съ одноглазымъ часовщикомъ въ «Такъ было»: такъ будетъ. Такъ было—такъ будетъ.

Къ счастью, какъ всегда у г. Андреева, старая быль, о которой онъ разсказываетъ съ новыми подробностями, далеко не такъ удручающа, какъ это кажется автору. Всѣ его Тюхи изъ «Саввы» были бы страшны только въ томъ случаѣ, если бы они были изображеніями среднихъ людей, составляющихъ дѣйствительную людскую толпу. Но въ «Саввѣ» передъ читателемъ-зрителемъ скорѣе какія-то художественныя переотраженія кошмара на-яву, чѣмъ образы подлинныхъ живыхъ людей. И съ этой стороны «страшенъ», если угодно, только самъ художникъ, представляющій себѣ дѣйствительность въ видѣ кошмара: удручающъ только онъ самъ, какъ крупная единица общаго настроенія, а не созданные имъ образы по себѣ, — даже въ томъ случаѣ, если бы въ своемъ замыслѣ онъ былъ болѣе остороженъ (его разрушитель въ «Саввѣ», съ увлеченіемъ взрывающій икону и съ такимъ же увлеченіемъ играющій съ мальчишками въ лодыжки, слишкомъ примитивенъ для интеллигентнаго человѣка и слишкомъ интеллигентенъ для человѣка примитивной непосредственности) и если бы его «Тюхи» были безупречнѣе вырисованы, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ «Саввѣ». Это обстоятельство заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что искренность г. Андреева, какъ отрицателя-художника, не можетъ быть заподозрѣна (всѣ его разсказы, отъ крупныхъ до мелкихъ, переполнены такими подробностями, разъ дѣло идетъ о всякаго рода тягостныхъ эмоціяхъ, что о холодномъ сочинительствѣ ихъ не можетъ быть и рѣчи), но такъ же не подлежитъ сомнѣнію и то, что онъ слишкомъ разсчитанно подбираетъ для нихъ форму, которая должна особенно поразить читателя. И достигаетъ, какъ въ «Саввѣ», какъ разъ обратнаго, достигаетъ расхолаживающаго впечатлѣнія. Уже при чтеніи списка дѣйствующихъ лицъ въ пьесѣ читатель не можетъ пройти мимо Тюхи, который, по указанію автора, «никогда не смѣется». Эта ремарка въ первомъ же дѣйствіи начинаетъ обѣщать какой-то экстраординарный эффектъ, потому что въ дополненіе къ ремаркѣ мы узнаемъ еще, что человѣкъ, который никогда не смѣется, говоритъ о себѣ, какъ о человѣкѣ, который всегда смѣется и при томъ вездѣ видитъ «рожи»: «все рожи, рожи, рожи. Очень смѣшныя рожи, я всегда смѣюсь. Я сижу, а онѣ мимо меня такъ и скачутъ, такъ и плывутъ. У тебя, тоже, Савка, очень смѣшная рожа (Мрачно). Можно умереть со смѣху!»

Но этого предвѣстника эффекта, имѣющаго быть въ послѣднемъ дѣйствіи, для автора «Саввы» кажется не достаточно. И во второмъ и въ третьемъ дѣйствіяхъ онъ заставляетъ Тюху «мрачно» произносить ту же ничѣмъ, повидимому, не мотивированную фразу: «У тебя, Савка, очень, очень смѣшная рожа»! Естественно, что когда клубокъ событій, наконецъ, развертывается до конца, и Тюха, который никогда не смѣется, въ первый разъ смѣется — безудержно смѣется—надъ растерзаннымъ трупомъ Саввы, полагав-

наго, что онъ можетъ разбудить сознаніе толпы,—читатель оказывается съ избыткомъ предупрежденнымъ, и все впечатлѣніе отъ эффекта легко можетъ быть приблизительно выражено слѣдующими словами: «вотъ оно—вотъ для чего это нужно было!» По истинѣ, не легко понять, какъ такой опытный художникъ, какимъ не можетъ не быть авторъ «Саввы», не находитъ непригодными этихъ старательно налаженныхъ эффектовъ, прибѣгая къ нимъ сплошь и рядомъ!

Сказанное относится къ тѣмъ особенностямъ въ творчествѣ г. Андреева, которыя умѣряютъ впечатлѣніе отъ его произведеній помимо желанія г. Андреева, какъ художника. Есть, однако, нѣкоторыя черты и въ творческомъ настроеніи Л. Андреева, которыя во многомъ способны примирить съ нимъ читателя: какъ человѣку, ему *нуженъ* выходъ; какъ художникъ, онъ ищетъ его и, какъ художникъ, онъ не разъ пытался разсказывать о людяхъ, которымъ выпала такая удача, хотя бы и временно,—въ родѣ, напр., героя его разсказа: «Призракъ» («Мелкіе разсказы»). Заслуживаетъ, однако, быть подчеркнутымъ, что г. Андреевъ никогда не былъ въ состояніи сдѣлать это удачно. Вмѣсто радости въ тонѣ и подробностяхъ разсказа, въ этомъ случаѣ въ его разсказѣ всегда оказывалась смѣсь надрыва и сентиментальности. Быть поэтому радости онъ не умѣетъ: для него это трудный переводъ съ непривычнаго языка слишкомъ простыхъ душевныхъ волненій.

Ищетъ г. Андреевъ и общей разгадки: какимъ образомъ *можно* жить и какимъ образомъ можно переносить жизнь, похожую на кошмаръ. Этимъ поискамъ посвящена символическая драма «Къ звѣздамъ», которою г. Андреевъ дебютировалъ, какъ драматургъ. Въ литературномъ отношеніи «Къ звѣздамъ» значительно уступаетъ «Саввѣ», такъ какъ «Савва», при всѣхъ своихъ недостаткахъ, держитъ читателя, отъ начала до конца драмы, въ состояніи напряженнаго интереса. «Къ звѣздамъ» же принадлежитъ къ числу неудачныхъ произведеній со всѣми особенностями неудачнаго *символическаго* произведенія.

Само собою разумѣется, что символическое произведеніе можетъ и не быть совершенно ясно съ первой же минуты. Но если оно можетъ быть не вполнѣ ясно, то только въ подробностяхъ, а не въ самой сути произведенія. Это требованіе совершенно не соблюдено въ «Къ звѣздамъ». Читатель, даже прочитавъ драму, легко можетъ остаться въ полномъ недоумѣніи: о чемъ здѣсь шла рѣчь, на протяженіи всѣхъ 4 актовъ. Настолько нелегко уловить общій смыслъ символической драмы г. Андреева.—Затѣмъ, конечно, подробности въ символической вещи должны быть красивы и эстетически привлекательны по формѣ,—для того, чтобы читатель охотно могъ затратить извѣстную долю напряженной мысли на уясненіе себѣ символическихъ подробностей произведенія. Само собой разумѣется, что, при условности впечатлѣнія символическаго

произведенія, автору приходится особенно избѣгать всякой крикливости своихъ символовъ: его образы—реалистичны они или нѣтъ—скорѣе должны быть не дописаны, чѣмъ переписаны. Между тѣмъ одной изъ особенностей г. Андреева, какъ художника, является наклонность утрировать подобности.—Все это не могло не отразиться на достоинствахъ драматическаго первенца г. Андреева. Неясность въ основной темѣ самымъ невыгоднымъ образомъ сочеталась съ крикливостью деталей. Ибо герои пьесы г. Андреева въ буквальномъ смыслѣ кричатъ обо всемъ, о чемъ хочетъ сказать авторъ: кричатъ о своей красивой жизнерадостности, о своей горячей активности, о своей преданности знамени, о своей душевной мягкости и пр., и пр. Когда же при этомъ еще выплываютъ какія-нибудь ультра-реалистическія подробности, въ родѣ того, что знамя, на которое инсургенту нельзя смотрѣть иначе, какъ во время битвы, было пронесено подъ юбкой, приколотое не какими нибудь, а англійскими булавками,—получается впечатлѣніе, граничащее со смѣшнымъ.

Тѣмъ не менѣе, «Къ звѣздамъ» представляютъ существенный интересъ, поскольку интересенъ самъ Л. Андреевъ, какъ художникъ-мыслитель, поскольку интересна самая идея драмы.

Вотъ, на нашъ взглядъ, переводъ этой драмы на языкъ реальнаго содержанія.—Дѣйствіе въ драмѣ, происходящее гдѣ-то и когда-то, на какой-то обсерваторіи въ какихъ-то зарубежныхъ горахъ, при чемъ дѣйствующія лица все русскіе и имѣющіе то или иное отношеніе къ энергичной борьбѣ, происходящей въ періодъ развитія драмы, между старымъ соціальнымъ строемъ и грядущимъ новымъ,—даетъ автору возможность сгруппировать цѣлый рядъ схемъ человѣческаго отношенія къ сложнымъ требованіямъ жизни. Передъ читателемъ астрономъ Поллакъ, человѣкъ далеко не черствый, но до такой степени узкій въ своихъ интересахъ, что «міръ» для него почти терминъ для обозначенія поля зрѣнія его астрономической трубы; только предстоящая женитьба внесетъ, вѣроятно, нѣкоторую поправку въ его астрономическое жизнеотношеніе. Такимъ же «причисленнымъ» къ человѣчеству является и другой астрономъ Житовъ, для котораго жизнь—нѣчто въ родѣ калейдоскопа, обезпечивающаго игру зрительныхъ впечатлѣній. Такимъ же полу-участникомъ въ жизни, пока она вплотную не задѣла его, былъ долгое время и третій ассистентъ директора обсерваторіи Терновскаго—Лунцъ, тоже, подобно Поллаку, не видѣвшій ничего по сторонамъ отъ телескопа, пока на его мысль не обрушились еврейскіе погромы (Лунцъ—еврей; какъ видитъ читатель, авторъ «Къ звѣздамъ» не склоненъ вѣрить въ исчезновеніе погромовъ даже ко времени дѣйствія его символической драмы), сдѣлавшіе дико-смѣшными мечты о блескѣ ученой славы со стороны объекта погромовъ. Вмѣстѣ съ Ниной Александровной, женой Терновскаго, безъ колебаній и безъ разсужденій готовой идти за своимъ мужемъ, куда бы онъ ни по-

шелъ, три астронома составляютъ человѣческій фонъ въ пьесѣ, на которомъ рѣзче выдѣляются, при всей своей схематичности, фигуры настоящихъ участниковъ жизни: инженера Верховскаго, раненаго въ одномъ изъ революціонныхъ столкновеній; его жены—дочери Терновскаго, спасшейся бѣгствомъ вмѣстѣ съ раненымъ мужемъ: невѣсты сына Терновскаго, арестованнаго при тѣхъ же обстоятельствахъ, при которыхъ былъ раненъ Верховскій, и краткосрочныхъ гостей обсерваторіи Терновскаго, рабочихъ Трейча и Шмидта. Всѣ они говорятъ много ходульныхъ и высокопарныхъ фразъ, которыя звучатъ далеко не умно, но это, конечно, не ихъ вина, и въ замыслѣ автора «Къ звѣздамъ» всѣ они—представители настоящаго, значительнаго отношенія къ жизни. Для всѣхъ нихъ, не исключая Маруси, превращающей временами символическую драму г. Андреева въ символическую оперу (Маруся «страстно» поетъ дуэтъ съ Верховцевымъ даже передъ оповѣщеніемъ присутствующихъ, что ея женихъ пережилъ перспективу разстрѣла и переживаетъ заточеніе, условія котораго она затрудняется охарактеризовать: «что это за камера: это подвалъ, погребъ, болото»...),—жизнь отлилась въ законченную цѣльную форму. Они твердо знаютъ, что имъ любить и что ненавидѣть, и ненавидятъ съ такой же страстной опредѣленностью, какъ и любятъ. Прямой противоположностью имъ является центральное лицо въ пьесѣ—директоръ обсерваторіи Терновскій—«звѣздочетъ», какъ насмѣшливо именуетъ его Верховцевъ.. Если такъ можно выразиться, психика «звѣздочета» страдаетъ нѣкоторой однобокостью. Онъ говоритъ о себѣ, какъ о человѣкѣ, который совершенно не способенъ шутить, хотя и любитъ, когда шутятъ другіе. Совершенно такъ же «звѣздочетъ» не умѣетъ и ненавидѣть, хотя и понимаетъ это чувство въ другихъ. Его сынъ Николай, бывшій въ его жизни «свѣтомъ», какъ онъ выражается, сошелъ съ ума въ тюрьмѣ, но это не вызываетъ со стороны Терновскаго никакихъ сѣтованій на сына. Невѣстѣ этого сына, заявляющей о своемъ намѣреніи идти по той же дорогѣ,—если понадобится, къ тюрьмѣ и смерти, онъ даже говоритъ ободряющія слова:

Маруся.

Я пойду въ жизнь.

Сергѣй Николаевичъ.

Иди! Отдай ей то, что ты взяла у нея же. Отдай солнцу его тепло! Ты погибнешь, какъ погибъ Николай, какъ гибнутъ тѣ, кому душой своей, безмѣрно счастливой, суждено поддерживать вѣчный огонь. Но въ гибели ты обрѣтешь безсмертіе.

Но самому ему чувство ненависти къ врагамъ совершенно незнакомо. Онъ не умѣетъ ненавидѣть даже моральныхъ убійцъ своего сына; въ его глазахъ они только «безумцы и слѣпцы, *на себя* поднимающіе руки». Правда, читателю, который слѣдитъ за репликами Терновскаго, временами трудно не согласиться съ Верховцевымъ, что «звѣздочету» хорошо и спокойно, потому что у него «за-

ткнуты уши астрономическою ватой». Но это опять, конечно, вина не замысла автора, а не совсѣмъ удачнаго выполненія задуманной фигуры Терновскаго, сплошь и рядомъ впадающаго въ сухую, холодную риторику тамъ, гдѣ весь міръ способенъ взвыть, какъ собака, по выраженію того же Верховцева. Такъ, въ изображеніи г. Андреева, Терновскій, на обращенный къ нему упрекъ, что онъ недостаточно жалѣетъ своего злополучнаго сына, которому на долю досталось нѣчто болѣе тяжкое, чѣмъ смерть (идіотизмъ отъ побоевъ при усмиреніи тюремнаго бунта), отвѣчаетъ невозможною фразой, что для него «одинаковы всѣ люди», и затѣмъ разрѣшается цѣлой рѣчью, которую не сдѣлало бы правдоподобной никакое тяготѣніе «къ звѣздамъ». Тѣмъ не менѣе, Верховцевъ безусловно ошибается, не вглядѣвшись достаточно пристательно въ моральную личность «звѣздочета». Терновскому и не всегда бывало спокойно: это доказывается фактомъ изгнанія его изъ отечества; Терновскому и не всегда бываетъ «хорошо»: это доказывается хотя бы тяжкимъ впечатлѣніемъ, которое переживается Терновскимъ передъ отъѣздомъ Маруси, когда его, плачущаго, несмотря на астрономическую вату въ ушахъ, приходится утѣшать и сыну, и женѣ:

Инна Александровна.

Ужъ ты... не плачь, отецъ. Какъ-нибудь... проживемъ.

Тѣмъ не менѣе, не умѣть ненавидѣть, по существу, значитъ встать въ сторонѣ отъ звѣрской свалки-жизни. Терновскій такъ и дѣлаетъ. Онъ весь живетъ интересами не окружающихъ, не земляковъ, не современниковъ, а вообще—интересами человѣка во всѣ вѣка. Орудіе службы его этому «сыну вѣчности»—его наука... Въ личной жизни Терновскій одинокъ: у него нѣтъ друзей, кромѣ жены, и когда рѣчь заходитъ на эту тему—на прямой вопросъ Верховцева: «есть у васъ хоть какіе-нибудь друзья, или вы такъ—одинъ и одинъ?»—онъ даетъ полу-серьезный положительный отвѣтъ, съ оговоркою, что онъ своихъ друзей

„никогда не видалъ. Одинъ живетъ въ Южной Африкѣ, у него обсерваторія, другой—въ Бразиліи, а третій—не знаю гдѣ.

Верховцевъ.

Пропалъ?

Сергѣй Николаевичъ.

Онъ умеръ лѣтъ полтораста назадъ. А еще одинъ есть, того я совсѣмъ не знаю, хотя очень люблю—такъ этотъ еще не родился. Онъ долженъ родиться приблизительно черезъ 750 лѣтъ, и я уже поручилъ ему провѣрить кое-какія мои наблюденія.

Верховцевъ.

И увѣрены, что онъ ихъ сдѣлаетъ?

Сергѣй Николаевичъ.

Да.

На самомъ дѣлѣ Терновскій, конечно, совершенно одинокъ—внѣ своей семьи, цѣнящей въ немъ нѣжнаго и мягкаго человѣка,

«вѣжливаго даже со стульями», по выраженію второго сына Терновскаго. Его жизнь со звѣздами, естественно, не въ состояніи создать жизненный мостикъ между нимъ и окружающими; его встрѣчаютъ, какъ свидѣтельствуютъ ремарки, почтительно, но холодно, а рѣзкій Верховцевъ, какъ мы упоминали, не стѣсняясь, въ глаза говоритъ Терновскому, что ему было бы хорошо и спокойно даже въ томъ случаѣ, если бы весь міръ взвылъ собакою.

Какъ на интересную подробность въ освѣщеніи г. Андреевымъ вопроса о дѣтяхъ солнца, если говорить терминомъ М. Горькаго, необходимо указать, что наиболѣе рѣзкихъ отрицателей Терновскій встрѣчаетъ въ рядахъ интеллигентныхъ персонажей въ драмѣ, а не въ рядахъ рабочихъ. Когда на вышецитированное перечисленіе Терновскимъ его друзей, Верховцевъ замѣчаетъ: «странная коллекція. Вамъ бы ее въ какой-нибудь музей пожертвовать?» и обращается за поддержкой къ Трейчу, рабочему, со словами: «Не правда ли, Трейчъ?»—послѣдній отвѣчаетъ принципіальнымъ несогласіемъ:

Мнѣ нравятся друзья г. Терновскаго.

Объясняется это, конечно, тѣмъ, что Трейчъ самъ работаетъ не только въ интересахъ живыхъ людей, но и въ интересахъ будущихъ вѣковъ, въ интересахъ человѣка—«сына вѣчности». Представители же интеллигенціи въ символической драмѣ г. Андреева цѣликомъ находятся подъ моральнымъ гнетомъ сознанія, что отъ порывовъ «къ звѣздамъ» здѣсь на землѣ ничего не измѣнится, и что, слѣдовательно, если бы всѣ были похожи на Терновскаго, то жизнь навѣки сохранила бы свой звѣриный характеръ. Горячая Маруся не считаетъ нужнымъ щадить въ этомъ отношеніи Сергѣя Николаевича и въ формѣ саркастической аллегоріи рисуетъ ему міръ, какимъ бы онъ былъ, если бы оказался представленнымъ заботамъ однихъ «звѣздочетовъ»:

Я нашла, я знаю теперь, что я буду дѣлать. Я построю городъ и поселю въ немъ всѣхъ старыхъ, какъ прелестная Элленъ, всѣхъ убогихъ, калѣкъ, сумасшедшихъ, слѣпыхъ. Тамъ будутъ глухонѣмые отъ рожденія и идіоты, тамъ будутъ изъѣденные язвами, разбитые параличемъ. Тамъ будутъ убійцы...

...Тамъ будутъ предатели и лжецы, и существа подобныя людямъ, но болѣе ужасныя, чѣмъ звѣри. И дома будутъ такіе же, какъ жители: кривые, горбатые, слѣпые, изъязвленные; дома—убійцъ, предатели. Они будутъ падать на головы тѣхъ, кто въ нихъ поселится, они будутъ лгать и душить мягко. И у насъ будутъ постоянныя убійства, голодъ и плачъ; и царемъ города я поставлю Іуду и назову городъ: „къ звѣздамъ!"

Все это вѣрно, никакимъ возраженіямъ по существу не доступно—въ глазахъ самого Терновскаго. Онъ и не защищается, ограничиваясь лишь нѣсколькими дружескими словами, обращенными къ морально-изболѣвшейся дѣвушкѣ («Бѣдная Маруся, мнѣ жаль тебя!»).

Маруся права. Жизнь ничего не выиграетъ, если господ-

ствующимъ настроеніемъ въ ней будетъ настроеніе Терновскаго. Но и онъ, человѣкъ, лишенный ненависти, правъ, потому что не можетъ быть инымъ, чѣмъ онъ есть.

Пьеса кончается особо-неудачной символической сценой по образцу, такъ называемыхъ, живыхъ картинъ.

Сергѣй Николаевичъ
(*протягивая руки къ звѣздамъ*).
Привѣтъ тебѣ, мой далекій, мой неизвѣстный другъ!

Маруся
(*протягивая руки къ землѣ*).
Привѣтъ тебѣ, мой милый, мой страдающій братъ!

Инна Александровна.
Колюшка... Колюшка!

Здѣсь передъ читателемъ и человѣческое несчастіе, вылившееся въ восклицаніи Терновской, и оба основныхъ отношенія къ жизни, усиленно подчеркнутыхъ и словами, и жестами.

Намъ остается упомянуть еще о третьемъ промежуточномъ—отношеніи къ жизни, олицетвореннымъ въ образѣ Нети. Юный Терновскій слишкомъ впечатлителенъ, чтобы жить, подобно Житову, однимъ любопытствомъ или, подобно Поллаку, видѣть исключительно по направленію своей астрономической трубы. Юноша слишкомъ молодъ и малъ, какъ интеллектуальная величина, чтобы жить, подобно отцу, съ счастливыми людьми, которые придутъ въ теперешній міръ кровопролитій черезъ 750 лѣтъ. Юноша въ то же время слишкомъ хрупокъ—еще хрупче, чѣмъ его злополучный братъ—чтобы идти рука объ руку съ крѣпкими бойцами драмы въ родѣ Маруси и другихъ. Юнѣйшій герой въ пьесѣ г. Андреева одинаково не въ состояніи ни привыкнуть къ жизни, ни уйти отъ нея въ астрономическимъ звѣздамъ. Онъ всегда находится въ состояніи душевнаго равновѣсія.—Чтобы правильно охарактеризовать втораго сына Терновскаго, мало сказать, что блаженное счастье Поллака, объявляющаго о своей «помолвкѣ съ дѣвицей Фанни Эрстремъ» людямъ, завѣдомо удрученнымъ тяжелымъ горемъ личнаго и не личнаго характера, возмущаетъ юношу. Это блаженное состояніе еще и непонятно ему. Чему, въ самомъ дѣлѣ, радоваться въ фактѣ помолвки съ дѣвицею Фанни Эрстремъ, когда эта очаровательная—предполагается—дѣвица не больше, какъ черезъ 30—40 лѣтъ будетъ такимъ же отталкивающимъ образчикомъ человѣка, какъ и перетянутая въ дугу старуха-нищая, вчера случайно забредшая къ намъ, Терновскимъ, на обсерваторію? Именно подъ вліяніемъ этого сложнаго импульса, юному герою г. Андреева, надрѣзанному душевно—какъ и много другихъ юношъ въ изображеніи автора «Къ звѣздамъ»—уже съ первыхъ моментовъ сознательнаго существованія, приходитъ въ голову дикая выходка—вытравить насѣмникой счастье Поллака въ непозволительно жестокой сценѣ съ птицей, которую

Петя представляетъ собравшимся въ качествѣ невѣсты, своей невѣсты—тоже очаровательной, какъ и невѣста Поллака.

Въ этой дикой сценѣ не все, однако, представляется издѣвательствомъ надъ блаженно ограниченнымъ человѣкомъ. Для импровизатора этой сцены человѣческое горе въ образѣ нищей на самомъ дѣлѣ является «невѣстой», которой онъ не думаетъ измѣнить.

Но въ то же время онъ не способенъ и обойтись безъ атмосферы звѣздной красоты, въ которой живетъ его отецъ. Только здѣсь, около него—въ обсерваторіи, онъ находитъ необходимое примиреніе съ радостями бытія и охоту жить—послѣ первой болѣзни, пришедшей вслѣдъ за «обрученіемъ» съ нищей.

Въ силу этого юноша—единственный человѣкъ среди окружающихъ Терновскаго (кромѣ Инны Александровны), который тепло относится къ звѣздочету, вылѣчившему его отъ отрицанія жизни своего рода прививкой, если не красоты жизни, то красоты человѣческой мысли, благородной и ничѣмъ не запятнанной. «Мнѣ теперь такъ хочется жить»,—говоритъ онъ отцу,—«отчего это? Вѣдь я попрежнему не понимаю, зачѣмъ жизнь, зачѣмъ старость и смерть?—а мнѣ все равно».

Такъ переносятъ жизнь люди въ изображеніи художника, который тоже не можетъ быть инымъ, чѣмъ онъ есть, и не можетъ считать жизнь болѣе привлекательной, чѣмъ она есть, т. е. кажется ему—даже и при наличности въ ней бодрыхъ товарищей Маруси.

II.

Если остальныя произведенія, помѣщенныя въ X—XII сборникахъ «Знанія», распредѣлить по степени читательскаго разочарованія, то первое мѣсто окажется, вѣроятно, принадлежащимъ М. Горькому съ его декоративными нагроможденіями эффектныхъ и пряныхъ фразъ о городѣ желтаго дьявола, о царствѣ скуки въ немъ, объ американской черни («Мобъ») и съ маленькимъ разсказомъ о Чарли Мэнъ, американскомъ охотникѣ-звѣроловѣ. Читатель, естественно, склоненъ ожидать наибольшаго отъ «Чарли Мэна»—отъ возвращенія М. Горькаго въ Америкѣ къ прославившему его литературному жанру. Оказывается, однако, что и здѣсь читатель имѣетъ дѣло съ новымъ теченіемъ въ художественномъ творчествѣ М. Горькаго.—Что не подлежало никогда сомнѣнію въ беллетристическихъ произведеніяхъ автора «Чарли Мэнъ», это—энергичная ясность того, о чемъ онъ разсказывалъ. Въ «Чарли Мэнъ» какъ разъ обратное: отъ начала до конца—непрерывный знакъ вопроса.

Разсказъ кончается словами: «...Съ той поры знаменитаго охотника Чарли Мэна весь округъ называетъ, за глаза, не иначе,

какъ—старымъ осломъ».—Самъ авторъ этого, однако, о своемъ знаменитомъ охотникѣ не думаетъ, и потому читателю приходится серьезно отнестись къ слѣдующему длинному діалогу съ тайнымъ смысломъ между Чарли Мэномъ и Джэкомъ Круксомъ. Круксъ уговариваетъ Мэна убить медвѣдя, который неожиданно появился около деревни и уже портитъ домашній скотъ,—убить, не смотря на то, что у медвѣдя въ августѣ—разговоръ происходитъ въ августѣ—шкура непригодна для выдѣлки.

Чарли Мэнъ опустилъ голову, поднялъ брови и, глядя въ лицо Джэка съ явнымъ изумленіемъ, произнесъ напоминающимъ тономъ:

— Но вѣдь у меня нѣтъ скота!

Тогда Круксъ понялъ, что такъ онъ не убѣдитъ Чарли въ необходимости убить медвѣдя. И онъ рѣшился подѣйствовать на воображеніе охотника.

— Это такъ, Чарли Мэнъ, у васъ нѣтъ скота!—согласился онъ и, стараясь придать своему голосу трогательное выраженіе, продолжалъ:—но у васъ есть мальчикъ и дѣвочка, вотъ въ чемъ дѣло. А для медвѣдя все равно—овца или ребенокъ, не такъ ли? Онъ не разборчивъ, этотъ звѣрь... И вотъ если вы, Чарли, подумаете о дѣтяхъ...

— Позвольте!—сказалъ Чарли, вынувъ руку изъ кармана и проводя ею по лицу

Мэнъ плотно сжалъ губы, поднялъ плечи на высоту ушей, опустилъ ихъ и, глядя на Джэка сверху внизъ, *внушительно* спросилъ:

— Почему вы, Джэкъ Круксъ, думаете, что медвѣдь съѣстъ именно моихъ дѣтей прежде другихъ?

Рыжій Джэкъ былъ пораженъ простой и ясной правдой вопроса. Онъ открылъ ротъ, но почти минуту не могъ ничего сказать отъ удивленія передъ тонкимъ умомъ охотника...

— Ну, у васъ ясная голова, мистеръ Мэнъ, убей меня молніей, если это не правда! Въ самомъ дѣлѣ, почему именно вашихъ дѣтей прежде другихъ, э? Вотъ о чемъ я не подумалъ...

Въ изображеніи автора Круксъ долго не можетъ оправиться отъ внушительнаго отвѣта знаменитаго охотника.

— Да-а,—задумчиво сказалъ онъ,—вы правы, Мэнъ! Совершенно нѣтъ основаній, чтобы ваши дѣти были съѣдены первыми...

Мэнъ утвердительно кивнулъ головой...

Однако Круксъ дѣлаетъ еще одну тщетную попытку убѣдить Мэна убить опаснаго для деревни звѣря.

— Но Чарли, говоря вообще, всѣ дѣти очень милы и забавны, когда они играютъ внѣ дома и не больны—правда? Ваши и мои, и Джонсона, они всѣ рискуютъ встрѣтить звѣря... Они бѣгаютъ всюду и... пхъ такъ много!...

Мэнъ утвердительно кивнулъ головой и замѣтилъ:

— Да, дѣтей всегда больше, чѣмъ медвѣдей...

— Что вы хотите сказать?—помолчавъ, спросилъ Круксъ.

Чарли Мэнъ спокойно повернулъ къ нему свое красное лицо и, не двигая глазами, повторилъ:

— Я говорю: во всѣ времена года дѣтей больше, чѣмъ медвѣдей...

Рыжій Джэкъ опустилъ голову, желая понять тайный смыслъ этихъ словъ.

Оказалось, что Мэнъ считаетъ недопустимымъ для охотника убить медвѣдя въ августѣ, когда его шкура ничего не стоитъ.

Всѣ же остальныя соображенія были для него пустымъ звукомъ. Конфликтъ интересовъ разрѣшился тѣмъ, что медвѣдь въ скорости поломалъ кости старухѣ Джонсонъ, собиравшей въ лѣсу ягоды, а затѣмъ добровольно исчезъ изъ округа, унеся шкуру пригодною для выдѣлки—въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Случай этотъ, однако, ничуть не повредилъ репутаціи Чарли Мэна, и старымъ осломъ его стали считать только тогда, когда онъ выпустилъ еще и подстрѣленнаго имъ ястреба, похитителя деревенскихъ куръ. Чарли не разъ собирался окончательно добить перната́го плѣнника, котораго съ наслажденіемъ мучили дѣти сосѣдей, но каждый разъ не могъ, хотя у ястреба не было шкуры, пригодной для продажи скорнякамъ. Встрѣчались какія-то нравственныя препятствія (по словамъ автора, Мэнъ даже не выходилъ изъ дому изъ-за ястреба), которыя Мэнъ формулировалъ самому себѣ въ краткихъ формулахъ—по прежнему съ «тайнымъ смысломъ»: «Это не то, дружище!.. Это—глупость, дружище... Не нужно это, я знаю... Довольно глупостей... довольно для обоихъ насъ...»—Въ концѣ концовъ Мэнъ таки не выдержалъ и выпустилъ ястреба на волю, за что сосѣди и весь округъ стали считать его старымъ осломъ.

Въ чемъ общій «тайный смыслъ» разсказа? Если ключомъ принять обычное представленіе объ американскомъ индивидуализмѣ и американской черствости, нужно думать, что «Чарли Мэнъ» является разсказомъ, съ одной стороны, о промысловомъ охотникѣ, который не понималъ безполезнаго издѣвательства надъ больнымъ ястребомъ, жалѣлъ доллары, заключенные въ медвѣжьей шкурѣ, но былъ совершенно равнодушенъ къ вопросу о ничего не стоющихъ костяхъ старухи Джонсонъ,—и, съ другой стороны,—объ американскихъ мужикахъ, которые легко уяснили себѣ возможность пренебречь интересами старухи Джонсонъ ради медвѣжьей шкуры, но совсѣмъ не понимали, какъ можно было Чарли Мэну пожалѣть недобитую птицу, когда эта жалость никакого барыша Чарли Мэну не принесетъ.—Возможно, впрочемъ, что мы и ошибаемся въ своей догадкѣ, и американскій разсказъ М. Горькаго имѣетъ менѣе уловимый, но болѣе оригинальный переводъ.

Какъ на мелкую подробность, не лишенную извѣстнаго интереса, разъ дѣло идетъ о такомъ кумирѣ читающей публики, какимъ былъ еще недавно М. Горькій, упомянемъ о случайномъ наблюденіи, что библіотечный экземпляръ XII сборника, которымъ мы пользовались, оказался не разрѣзанъ исключительно на вещицахъ М. Горькаго, помѣщенныхъ въ самомъ *началѣ* сборника. Какія были причины для этого равнодушія къ имени М. Горькаго, можно, конечно, только гадать, но фактъ тотъ, что «Максимъ Горькій», на котораго въ той же крупнѣйшей изъ петербургскихъ библіотекъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ нужно было записываться на очередь, теперь можетъ остаться не разрѣзаннымъ.

И что грустнѣе всего для русской литературы,—что читатель, выразившій такъ рѣшительно отрицаніе американскихъ очерковъ М. Горькаго, по существу, не ошибся.

III.

Автору «Въ городѣ» нужно было воткнуть глаза читателя—если воспользоваться этимъ выраженіемъ изъ «Чарли Мэна» –въ современный городъ желтаго дьявола, страшный не только въ Америкѣ, но и въ жалкихъ условіяхъ, имѣющихъ мѣсто въ пьесѣ г. Юшкевича. Для этого г. Юшкевичъ ставитъ прежде зажиточную еврейскую семью въ положеніи семьи безработнаго человѣка. Пятидесятилѣтній глава семьи, зарабатывавшій четыре тысячи въ годъ, оказался не у дѣлъ, и въ результатѣ для всей семьи, состоящей изъ жены (38 лѣтъ), двухъ красавицъ дочерей (21 г. и 18 л.) и ихъ почти 100-лѣтняго дѣда по отцу, не оказывается никакихъ другихъ средствъ къ жизни, кромѣ выручки отъ продажи тѣла одной изъ дѣвушекъ. Пока продавалось только тѣло старшей дочери, но мать, дошедшая до звѣриной простоты взглядовъ на вещи, только и думаетъ о томъ, чтобы успѣшно продать и вторую дочь, вернувъ семьѣ прошлую матеріальную обезпеченность. Подъ вліяніемъ минутной вспышки мать откровенно заявляетъ ошеломленному мужу и младшей дочери, на какія средства они живутъ нѣсколько мѣсяцевъ, и младшая дочь, и безъ того подавленная бѣгствомъ изъ жалкаго города человѣка, котораго она любила, кончаетъ самоубійствомъ. Старшая дочь къ этому времени должна быть матерью. Послѣдніе мѣсяцы беременности, конечно, не благопріятный періодъ для торговли собой, и оставшимся въ живыхъ членамъ семьи приходится переживать тяжелый хозяйственный кризисъ,—какъ ни дико звучитъ это слово въ примѣненіи къ данному случаю. Наконецъ, рождается ребенокъ, и несчастная мать, подъ нравственнымъ давленіемъ другой матери—своей матери, соглашается отдать его на попеченіе одной изъ дѣлательницъ ангеловъ, которая, впрочемъ, обѣщаетъ сохранить малютку въ живыхъ. По уходѣ дѣлательницы ангеловъ мать роженицы «увѣренно» зоветъ мужа, который уже примирился съ судьбою дочери. «Гланкъ Гланкъ! Ступай сюда. Мы начинаемъ снова, Гланкъ, Гланкъ!» То есть, начинается снова прежняя благополучная, уютная жизнь въ свѣтлой, просторной квартирѣ. Снова—на старыхъ основаніяхъ.

Вотъ страшная (безъ всякихъ преувеличеній) тема г. Юшкевича, уже привлекшая къ его пьесѣ вниманіе. Тѣмъ не менѣе она способна вызывать не столько впечатлѣніе ужаса, сколько впечатлѣніе досады,—до такой степени она эксцентрично и чудачески «сдѣлана» въ техническомъ отношеніи.

Начать съ того, что весь свой *соціальный* смыслъ пьеса г. Юшкевича получаетъ исключительно отъ заглавія: «Въ городѣ». Не будь этого заглавія, читатель никоимъ путемъ не могъ бы догадаться, что во всѣхъ обстоятельствахъ пьесы виноватъ «городъ», а не личныя моральныя особенности матери-торговки. Чтобы снять съ этой послѣдней всякій упрекъ, сдѣлать ее самое жертвой соціальнаго фатума, г. Юшкевичъ и озаглавилъ свою пьесу: «Въ городѣ», а главной участницѣ въ ней вложилъ въ уста слѣдующія слова:

«Кто-то страшный, старшій надъ нами, стоитъ и приказываетъ... Онъ велитъ! Выйди-ка на улицу и посмотри... Тысячи бѣгаютъ, молятъ, зовутъ: одинъ хлѣбъ въ городѣ остался». Въ изображеніи г. Юшкевича мать, торговка дочерью, способна даже чувствовать за собой извѣстную гордость единственно зрячаго человѣка, видящаго дорогу, куда идти, среди слѣпыхъ: «Развѣ вы люди, восклицаетъ Дина, обращаясь къ окружающимъ,—развѣ въ васъ горитъ огонь человѣка? На мою долю выпало будить мертвыхъ, сонныхъ, ничтожныхъ...»

По существу въ пьесѣ только и понятно—одно заглавіе. Не смотря на категорическое утвержденіе автора, что дѣйствіе происходитъ въ большомъ городѣ, въ пьесѣ участвуетъ такой деревенскій мечтатель *о городѣ*, какъ Боймъ, который мечтаетъ о нарядномъ городѣ Берлинѣ, какъ о чемъ-то сказочно чудесномъ, какъ о городѣ счастливыхъ людей, разгуливающихъ по улицамъ, «засѣяннымъ солицами». Объ асфальтовыхъ мостовыхъ Берлина Боймъ говоритъ, какъ о чемъ-то, о чемъ можно мечтать: онъ говоритъ о себѣ: «Я хочу руками осязать асфальтъ на площадяхъ». Очевидно, что это возможно только въ очень маленькомъ городѣ—мечтать прикоснуться къ асфальту. Но если городъ, вопреки ремарки г. Юшкевича, маленькій, то какъ же Соня, дочь человѣка, получавшаго въ этомъ городѣ заработокъ въ 4000 руб., можетъ ходить цѣлый годъ по «улицамъ» и никто ни изъ домашнихъ, ни изъ знакомыхъ (Олька, Арнъ, Беръ) не знаетъ объ ея промыслѣ собою?

Такъ же не правдоподобна и внутренняя сторона въ пьесѣ г. Юшкевича.

Такъ же, какъ нельзя опредѣлить, гдѣ происходитъ дѣйствіе въ пьесѣ Юшкевича, нельзя опредѣлить, кто его герои—здоровые или больные люди, если не предположить, что эта неразличимость больныхъ отъ здоровыхъ одна изъ особенностей города.—Въ пьесѣ есть указанія, что Олька, одно изъ вводныхъ лицъ въ пьесѣ—дѣвушка, которая смѣется «гармонично и длинно», душевно нормальный человѣкъ. О Гланкѣ, отцѣ семьи, этого указанія нѣтъ. Наоборотъ, есть указанія, что онъ всего годъ тому назадъ служилъ и имѣлъ заработокъ въ 4000 р. Такъ какъ онъ—еврей, то онъ не могъ быть чиновнымъ администраторомъ, а, стало быть,

должен былъ оправдывать свой заработокъ трудомъ. Между тѣмъ въ пьесѣ безумная Элька безусловно нормальнѣе Гланка. Она любитъ человѣка, котораго любитъ и Соня, и не зная объ ея положеніи дѣвушки, продающей себя по требованію матери, она готова сказать (она и дѣлаетъ это въ слѣдующемъ дѣйствіи), что она не хочетъ мѣшать счастью Сони. Отъ внутренняго волненія она смѣется, хотя ей совсѣмъ не смѣшно, и на вопросъ, что обозначаетъ ея смѣхъ, говоритъ:

Элька (съ мольбою).

„Вы не сердитесь на меня... Я смѣюсь, а кто знаетъ, почему я смѣюсь? Можетъ быть, заплакала бы... Что-то само смѣется, а душа не хочетъ. Вотъ стою и думаю: хорошо бы убѣжать отсюда, гордо убѣжать, а не бѣгу... Не сердитесь же на меня, умоляю васъ....

(*Соня отвернулась и не смотритъ на нее*).

Это совсѣмъ не безумно со стороны безумной, но она считается ненормальною, а Гланкъ не считается, хотя и говоритъ «жалобно» (по ремаркѣ), когда жена посылаетъ его искать работы;

Выдумали работу. И зачѣмъ надо работать? Когда я молодымъ былъ—другое дѣло. А теперь? (Вздыхаетъ). И я еще хотѣлъ съ тобой въ домино сыграть. Дуракъ—хотѣлъ! Сѣли бы хорошо и сыграли бы хорошо. А ты работай! Ахъ, Дина, почему у тебя нѣтъ жалости ко мнѣ.

И вообще Гланкъ, несмотря на свой недряхлый возрастъ (50 л.), ничего не говоритъ, кромѣ пустяковъ и нелѣпостей, и ничего не дѣлаетъ, кромѣ какъ вытаскиваетъ и вколачиваетъ гвозди въ стѣны и въ углы своей маленькой квартиры.—Къ слову отмѣтить: откуда берутся эти гвозди, забиваемые и вытаскиваемые на одной квартирѣ въ теченіе года, а на другой 4 мѣсяца, и все еще оказывающіеся въ достаточномъ количествѣ, чтобы Гланкъ со своимъ молоточкомъ не давалъ никому покоя на протяженіи 4-хъ дѣйствій пьесы,—читателю предоставляется самому угадывать.

Правда, возможна гипотеза о слабоуміи Гланка, которымъ онъ страдаетъ, вслѣдствіе потери заработка. Но тогда—почему же всѣ его рѣчи воспроизводятся авторомъ съ такой исчерпывающей полнотой? почему никто не относится къ нему, какъ къ душевно больному человѣку, какъ относятся къ Элькѣ?

Впрочемъ, вѣдь не менѣе странными являются и другіе несомнѣнно здоровые герои пьесы г. Юшкевича.—Боймъ, учитель изъ самоучекъ, безусловно здоровъ, но онъ, такъ же, какъ Гланкъ съ молоточкомъ, ходитъ съ Бедекеромъ въ рукахъ, называя его «божественной книжкой», и всѣмъ, кто хочетъ и кто не хочетъ, читаетъ описаніе Берлина, съ дрожью въ голосѣ цитируя изъ него... описаніе памятника Бисмарку. Даже звѣря Дину Боймъ пробуетъ обратить къ своему культу Берлина, а на раздраженное замѣчаніе послѣдней, что онъ, Боймъ, лучше сдѣлалъ бы, если бы заплатилъ ей то, что долженъ ей за квартиру, отвѣчаетъ:

„Что вы говорите, Дина? Я заплачу... Какая вы женщина! Что такое деньги? А вотъ эта книжка! Нѣтъ, вы послушайте, послушайте, что тутъ пишутъ. Сбросьте съ себя на минуту всѣ заботы сѣрой, жалкой жизни. Вы погрузитесь въ прекрасное"...

И немедленно «съ волненіемъ» (по ремаркѣ автора) читаетъ:

„Осмотръ Берлина лучше всего начать съ Унтеръ деръ Линденъ". (Повторяетъ значительно). „Унтеръ деръ Линденъ"! Эта улица является излюбленнымъ мѣстомъ прогулокъ берлинцевъ". (Закрываетъ книгу). Подумайте, подумайте! Вотъ въ эту самую минуту, когда мы тутъ стоимъ, мы, простые, дурно одѣтые, въ жалкой комнаткѣ грязнаго домика,—на „Унтеръ деръ Линденъ" гуляютъ счастливые берлинцы. Вся эта дивная улица теперь купается въ морѣ электрическаго свѣта. По асфальтовымъ дорогамъ пролетаютъ велосипеды и электрическія конки; лучшіе магазины плѣняютъ взоръ изящныхъ женщинъ своею роскошью... А мы, Дина, говоримъ, Богъ знаетъ, о чемъ, мы кричимъ...

Не менѣе замѣчательно, что вторая дочь Дины—Ева (предпочившая смерть позору) проситъ Боймa при чтеніи путеводителя,—дважды проситъ (стр. 85 и 124): «Еще, еще! Читайте, Боймъ»...—и только Дина заявляетъ, что это чтеніе ее «не трогаетъ»!

Послѣ этого чтенія Бедекера на манеръ соціальнаго евангелія, конечно, нисколько не странно, что Боймъ никакъ не можетъ понять, что ему Ева говоритъ о своей любви къ нему, и когда, послѣ долгаго разговора, Ева спрашиваетъ: «Вамъ ничего не нужно было сказать мнѣ?»—Боймъ удивленно отвѣчаетъ: «Нѣтъ, ничего (Выглядываетъ въ окно)! Дождь идетъ! Почему это вамъ пришло въ голову? Какая вы странная, Ева... странная».

Центральную роль въ пьесѣ играетъ мать семьи. Когда-то она была, по отзыву друга юности Бера, «самой хорошей, самой скромной дѣвушкой». Теперь это—подъ вліяніемъ города—волчица, являющаяся на сцену не иначе, какъ щелкая зубами и признавая, въ качествѣ голоднаго и смирившагося звѣря, даже тотъ капканъ, который ее изуродовалъ: «Я говорю: это не страшно. Жизнь велитъ: нагнись! Нагнемся, пополземъ на колѣняхъ... Отдадимъ... все; но за то купимъ жизнь!» Торгуя дочерью, она восклицаетъ: «Слава Тому, кто создалъ мужчину и женщину и сдѣлалъ такъ, что мужчина любитъ женщину.» По справедливому замѣчанію Бера, такъ, какъ говоритъ Дина «Въ городѣ»,—«говорилъ бы дикій звѣрь, если бы зналъ слова».

Къ сожалѣнію, самъ Беръ производитъ впечатлѣніе противоположной невозможности: приторно сладкаго человѣка. Бывшій предприниматель и богатый человѣкъ, безвозмездно отдавшій свою мастерскую рабочимъ въ полную собственность, онъ съ перваго дѣйствія пьесы ходитъ и утѣшаетъ всѣхъ, что жизнь не такъ ужъ неисправимо плоха, что черезъ 5—10 лѣтъ будутъ чудеса, о которыхъ и теперь уже говорятъ шепотомъ (?). Любопытно, что, въ изображеніи г. Юшкевича, Беръ производитъ ободряющее впечатлѣніе своими рѣчами о подслушанныхъ чудесахъ безъ всякаго опредѣленнаго и конкретнаго содержанія,—въ родѣ:

Беръ (увѣренно).

Мы увидимъ чудеса. Вездѣ, гдѣ я ни работалъ, съ кѣмъ ни говорилъ, я слышалъ одно: будутъ чудеса! Пройдетъ пять десять лѣтъ, и все станетъ другимъ. И оттого я говорю: ободритесь. Раньше всего—ободритесь. Вотъ этотъ грязный мерзкій городъ снесутъ и бросятъ въ большой ровъ, который выроютъ въ полѣ. Всѣ эти улицы, всѣ эти гнѣзда слезъ, эти гнѣзда печали тоже снесутъ и бросятъ въ большой ровъ. Всюду шепчутся всюду объ этомъ говорятъ—тихо, но говорятъ!

Развязка въ пьесѣ можетъ быть понята только при вышеупомянутой гипотезѣ о слабоуміи Гланка.—Курьезная особенность Гланка та, что онъ не въ состояніи сказать ни одной фразы, не «поставивъ вопроса» о чемъ-нибудь. Онъ произноситъ слово: «крикъ» и сейчасъ же спрашиваетъ себя, «что такое крикъ»; онъ говоритъ: «нашелъ» и сейчасъ же задается вопросомъ: «что значитъ—нашелъ?» Тѣмъ не менѣе онъ никогда не задавалъ себѣ, за цѣлый годъ, вопроса: откуда у нихъ берутся средства на жизнь, наивно радуясь чуду: «уже годъ безъ службы... а все, что нужно, есть, слава Богу», по его подлинному выраженію. Только тогда, когда вслѣдствіе невыхода Сони на продажу (подъ временнымъ вліяніемъ добраго генія пьесы—Бера) вся семья начинаетъ голодать, Гланкъ «ставитъ вопросъ», отчего бы это такъ: «Что такое хлѣбъ? Хлѣбъ—это хлѣбъ. Хотѣлъ бы только знать, почему нѣтъ хлѣба? Я вѣдь и прежде не зарабатывалъ. Правда, Диночка? Что же это значитъ? Если я прежде не зарабатывалъ и былъ ужинъ и былъ обѣдъ, то почему этого нѣтъ теперь? Или оно не должно было раньше быть, или должно быть и теперь. Ставится вопросъ: что же это значитъ?» Эта невѣроятная — если, какъ сказано, не допустить, что Гланкъ страдаетъ малоуміемъ—философія и создастъ моментъ для кризиса. Дина, которая ненавидитъ мужа-недобытчика, жестко разъясняетъ мужу тотъ источникъ, изъ котораго оплачивались обѣдъ и ужинъ. Какъ было уже упомянуто, младшая изъ дочерей кончаетъ самоубійствомъ, а старшая, не имѣющая силы сдѣлать то же, послѣ тайныхъ родовъ и освобожденія отъ ребенка возвращается снова къ роли единственной добытчицы средствъ.

Вотъ та путаница положеній и лицъ, которая должна была сдѣлать для читателя яснымъ, что такое современный большой городъ, а сдѣлала яснымъ только то, что можетъ произойти въ семьѣ, состоящей изъ морально или умственно нездоровыхъ людей. Необходимо прибавить, что мы далеко не исчерпали все обиліе странностей, разсѣянныхъ «Въ городѣ» г. Юшкевича, такъ какъ это немногимъ легче, чѣмъ «измѣрить океанъ глубокій, сочесть пески, лучи планетъ». Взять хотя бы обиліе всевозможныхъ полу-вопросовъ въ пьесѣ, о которыхъ мы упомянули уже вскользь по поводу Гланка и которые способны вызвать у читателя головокруженіе. Спрашиваютъ въ пьесѣ обо всемъ: о томъ, что такое — «пожаръ», что такое—«человѣкъ», что такое—слова: прыгну, бодрѣе, спросить, подойди, выспался, боюсь, хорошо. Спрашиваетъ не одинъ Гланкъ:

спрашиваетъ Дина, спрашиваетъ Беръ. Послѣдній спрашиваетъ самого себя не только о томъ, что такое—человѣкъ, но и что такое два человѣка, что такое — три человѣка. Такое самоспрашиваніе о всякомъ словѣ, нужно думать, возможно въ дѣйствительности, но почему же оно должно быть представлено въ соціальной драмѣ въ такой исчерпывающей полнотѣ? Почему всевозможныхъ вопросовъ, не требующихъ никакихъ отвѣтовъ, должно быть ровно столько, сколько гвоздей въ стѣнахъ и вещахъ, которые Ганкъ вытаскиваетъ и забиваетъ и все ни вытащить, ни забить не можетъ?

IV.

Г. Чириковъ («Въ тюрьмѣ») вспоминаетъ «дни свободы». Въ тонѣ беззлобнаго юмора онъ изображаетъ россійскую тюрьму періода 5 свободъ, когда тюрьма вдругъ перестала имѣть «нормальный» характеръ и сдѣлалась своего рода миніатюрой города съ представителями всѣхъ сословій, начиная отъ «политическихъ мужиковъ» до «политическаго батюшки» съ крестомъ на груди и штатскаго генерала въ отставкѣ, задержаннаго въ городѣ желѣзнодорожною забастовкой и попавшаго въ тюрьму по совокупности обнаруженныхъ уликъ: во-первыхъ, идя по улицѣ рядомъ съ манифестантами, онъ подпѣвалъ по-французски марсельезу, а во-вторыхъ, у него при обыскѣ оказалась половина газеты «Ураганъ» и какъ разъ та половина, которой недоставало у арестованнаго въ той же гостиницѣ молодого человѣка, хранившаго въ найденномъ лоскуткѣ газеты что-то похожее на оболочку для бомбы. Появленіе въ тюрьмѣ раздраженнаго «ошибкой» генерала смущаетъ привычный строй мысли и поведенія у тюремнаго начальства, отъ смотрителя до надзирателей, которые привыкли имѣть дѣло съ учащимися, рабочими и нелегальными, но не могутъ найти вѣрнаго тона ни въ отношеніи батюшки, ни въ отношеніи «его превосходительства», особенно когда приходится разрѣшать сложный вопросъ о размѣщеніи арестованныхъ, вслѣдствіе переполненія тюрьмы, попарно, при чемъ случайный «политическій генералъ» наотрѣзъ отказывается сидѣть, т. е. жить, какъ поправляетъ себя смотритель, съ «политическимъ парикмахеромъ».—Злоключенія генерала осложняются крайнимъ интересомъ, который онъ возбуждаетъ къ своей особѣ у сосѣдей по тюремной камерѣ, — не случайныхъ, а настоящихъ политическихъ преступниковъ. Послѣ тщетныхъ попытокъ разговориться по душѣ помощью перестукиванія, настойчивый гимназистъ, сосѣдъ справа, пробуетъ раскрыть партійную принадлежность генерала путемъ кашля и черезъ парашника присылаетъ записку: «Товарищъ! Завтра, когда меня поведутъ на прогулку, *кашляйте* (курсивъ въ письмѣ); если вы «с.-р.» — одинъ разъ,

если «с.-д.»—два раза. Но ошеломленный и недоумѣвающій генералъ не кашляетъ ни разъ, ни два, и, въ концѣ концовъ, умираетъ послѣ жандармскаго допроса отъ паралича сердца. — Разсказъ въ обычной манерѣ г. Чирикова, который, не бичуя, вышучиваетъ. Передъ читателемъ скорѣе не разсказъ, а юмористическій фельетонъ о пяти свободахъ, пріучившихъ смѣяться надъ тюрьмой, и, если смотрѣть съ этой точки зрѣнія, разсказъ г. Чирикова испорченъ нѣкоторыми шаржированными подробностями и, конечно, трагическимъ концомъ.

V.

Истекшій 1905 годъ представляетъ тему для нѣсколькихъ беллетристическихъ описаній, помѣщенныхъ въ X—XII сборникахъ «Знанія». Г. Скиталецъ задался иною цѣлью: его большая повѣсть «Огарки» должна была освѣтить читателю предыдущую полосу русской жизни съ непосредственными подготовителями событій 1905 г. Типы «огарковъ», какъ презрительно именовались герои г. Скитальца въ приволжскомъ городѣ—мѣстѣ дѣйствія въ разсказѣ, должны были—въ случаѣ удачи—заполнить промежутокъ между босяками М. Горькаго («огарки» не босяки: это подчеркиваетъ самъ авторъ) и интеллигенціей Чеховскаго періода и Чеховскаго письма. «Ихъ было цѣлое братство: Илья Толстый, выгнанный—по гиперболическому утвержденію автора—изъ *всѣхъ* русскихъ университетовъ, его ближайшій товарищъ Санька, тоже выгнанный изъ Петровской Академіи, нѣкто Новгородцевъ, родомъ изъ Великаго Новгорода, человѣкъ, служившій писцомъ во *всѣхъ* министерствахъ, пѣвчій Сѣверовостоковъ, выгнанный изъ шестого класса духовной семинаріи съ единицей поведенія, слесарь Михельсонъ, сосланный на Волгу изъ Петербурга за политическую неблагонадежность, и австрійскій дезертиръ Пискра, бравшійся за всякое дѣло и дѣлавшій его всегда одинаково скверно».

Къ сожалѣнію, мы снова въ области интереснаго, но неудавшагося замысла.

Задача, которая представлялась г. Скитальцу, ясна изъ того, что онъ изображаетъ своихъ героевъ только въ ихъ прошломъ—за «нѣсколько лѣтъ» до авторскаго разсказа о нихъ. На основаніи того, что авторъ разсказываетъ о нихъ, какъ о моральныхъ типахъ, читатель долженъ придти къ выводу, что *такіе* люди не могли пройти безслѣдно для русской жизни.—Разсказывая о своей интеллигентной вольницѣ только въ томъ періодѣ, когда она жила запрятанной въ «вертепѣ Венеры погребальной», какъ часто и нѣсколько докучно именуется огарками квартира, снимаемая ими въ кредитъ у старухи Павлихи, г. Скиталецъ заканчиваетъ повѣсть словами: «Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда пришла великая

русская революція, они исполнили свое обѣщаніе: подняли знамя, держали его твердо, шли честно и—нашли себѣ поле...»

«Миръ имъ»!

Читатель долженъ *повѣрить* этой оцѣнкѣ авторомъ исторической роли своихъ героевъ. Какими же средствами онъ пробуетъ заставить читателя повѣрить? какими красками—слишкомъ явно подражая М. Горькому—рисуетъ своихъ бодрыхъ людей Чеховскаго періода въ литературѣ?—По меньшей мѣрѣ, непригодными для намѣченной цѣли.

На протяженіи 125 страницъ онъ заставлетъ своихъ героевъ, «насквозь, до мозга костей прожженныхъ огнемъ страданій», ржать (выраженіе г. Скитальца) гогочущимъ смѣхомъ—безпрерывно, ѣсть—«вдохновенно, увлекательно», разстегивая для ѣды воротъ рубахи и засучивая рукава, пить рябиновую водку—чайными стаканами, и, наконецъ: «выпускать икру» (по ихъ жаргонному словечку) изъ своего денежнаго пріятеля, купеческаго сынка Гаврилы, въ минуты его ускальзыванія изъ сжовыхъ рукавицъ отцовскаго присмотра! Все это, повидимому, нужно было автору «Огарковъ» для того, чтобы его герои—что называется—били въ глаза читателю своимъ здоровьемъ (въ здоровомъ тѣлѣ—здоровая душа) и своей простецкой непосредственностью, въ противовѣсъ нытикамъ и неврастеникамъ. Вотъ, напримѣръ, какъ обѣдаютъ съ выпивкой люди съ предназначеніемъ отъ вѣчныхъ судебъ разбить «скучное низменное счастье» у тѣхъ, кто живетъ «плоской мѣщанской жизнью»:

Толстый дрожащей отъ нетерпѣнія рукой налилъ водки въ старую свинцовую чарку и, пробормотавъ: „за земледѣліе и промышленность", выпилъ первый, передалъ чарку сосѣду и аппетитно закусилъ „плюмъ-пуддингомъ".

Чарка пошла въ круговую.

Пили молча, съ нетерпѣніемъ ожидая очереди, и только вполголоса переговаривались:

— Не задерживай! Люди ждутъ!

— По душѣ-то какъ будто съ образами прошли!—сказалъ Толстый, прислушиваясь къ ощущеніямъ желудка.

— Какъ Христосъ босикомъ прошелъ!—поддержалъ его Михельсонъ.

— Не задерживай!

— Ворсинки-то въ желудкѣ отъ радости и руками и ногами машутъ!—подѣлился своими ощущеніями Сашка.

Свинчатка совершила два круга.

— Хороша бываетъ настойка на апельсиновыхъ коркахъ!—мечтательно изрекъ Толстый.

— А ты пилъ?

— Пилъ.

— Ну, и что же?

— Все равно, что въ апельсиновой рощѣ сидишь и пьешь!

— Не задерживай!..

Павлиха принесла огромную глиняную миску щей. Застучали ложки.

Толстый разстегнулъ воротъ рубахи, засучилъ рукава... Видъ щей волновалъ его

Онъ ѣлъ вдохновенно, увлекательно, съ какимъ-то сладострастіемъ, однимъ своимъ энергичнымъ видомъ возбуждая у всѣхъ аппетитъ, заставляя поспѣвать за собой.

Но поспѣть было трудно.

Руки его дрожали отъ волненія, глаза возбужденно сверкали, на щекахъ заигралъ румянецъ.

Ложка эгоистично ловила ему весь жиръ съ поверхности щей, обижая остальныхъ огарковъ.

Онъ ѣлъ...

А чтобы охарактеризировать интеллектуальное и моральное молодечество своихъ героевъ, г. Скиталецъ не находитъ ничего лучше репликъ съ хоромъ въ родѣ нижеслѣдующаго:

Огарки ржали...

—... Сами виноваты!—смѣясь, говорила Павлиха:—рази можно полицейскихъ бить?

Толстый повернулся къ ней, ловко расшаркался и галантно произнесъ пріятнымъ теноромъ:

— Достохвальная Прасковь Пална! увѣряю васъ, мы ихъ не били! Мы только загнули имъ сак-са-у-ла!

— Хо-хо-хо!

— Устроили на лужайкѣ дѣтскій крикъ...

— Хо-хо-хо!

— Выпили—средне!

— Хо-хо-хо!

— Въ головѣ у насъ былъ медвѣдь...

— Хо-хо-хо!

— Ну, и попали въ префектуру!

— Хо-хо-хо!

Компанія покатывалась со смѣху надъ каждымъ изъ его словечекъ.

Для совершенной же обаятельности огарковъ, г. Скиталецъ заставляетъ бывшаго студента, выгнаннаго изъ всѣхъ (на меньшемъ авторъ не могъ помириться) университетовъ, совершить два логически неожиданныхъ обстоятельства:

1) отправиться на переговоры объ урокѣ въ «аристократическое семейство»—въ «чистой парусиновой блузѣ», опоркахъ, вычищенныхъ ваксой, и чистыхъ же портянкахъ и отказаться отъ соблазнительныхъ условій (сто рублей въ мѣсяцъ) только потому, что отъ него потребовали, чтобы онъ къ обѣду выходилъ во фракѣ. (Аристократическое семейство, по удостовѣренію г. Скитальца, ничего не имѣло противъ опорковъ его героя—самъ г. Скиталецъ, съ своей стороны, находитъ, что Толстый, въ описанномъ нарядѣ, имѣлъ даже внушительный видъ,— но наотрѣзъ отказалось примириться съ отсутствіемъ на немъ фрака во время обѣда. Въ свою очередь, Толстый такъ же наотрѣзъ отказался быть во время обѣда въ положеніи человѣка безъ фиговаго листка, по его выраженію. Такъ дѣло объ урокѣ на лѣто въ родовомъ имѣніи, совсѣмъ было уже налаженное, и рухнуло;

2) принять участіе въ журфиксѣ у мѣстнаго «либеральнаго дѣятеля». Здѣсь онъ былъ отрекомендованъ своимъ спутникомъ.

ньянымъ мѣстнымъ литераторомъ, какъ «петербургскій фельетонистъ», не желающій нарушить свое блестящее инкогнито. Какъ ни трудно было это сдѣлать въ до-свободное время русской журналистики, когда «петербургскихъ фельетонистовъ» было очень не много, огарку г. Скитальца удается сохранить свое инкогнито такъ же, какъ удается и очаровать мѣстное «высшее интеллигентное общество» (провинческія кавычки у автора), къ которому Толстый отнесся «съ милой любезностью путешествующей знаменитости» и подарилъ блестящей рѣчью о грядущемъ пришествіи въ жизнь огарковъ, которые станутъ хозяевами ея. Самая рѣчь авторомъ не приводится; приводится только содерженіе ея и констатируется, что присутствовавшіе на журфиксѣ (дамы —въ свѣтлыхъ платьяхъ, а мужчины -въ мундирахъ, блиставшихъ шитьемъ), несмотря на отрицательное отношеніе къ огаркамъ (босякамъ?), покрыли ее дружными аплодисментами.

Вотъ на основаніи этихъ-то данныхъ предварительнаго изображенія, читатель и приглашается повѣрить въ правильность поправки г. Скитальца къ представленію о недавнемъ прошломъ русской жизни,—приглашается повѣрить, что счастье Россіи было въ томъ, что, кромѣ босяковъ и интеллигенціи, существовали еще и его «огарки», которые не были ни босяками, ни «интеллигенціей»—въ кавычкахъ, и которые взяли на себя, въ промежуткахъ между ѣдой и выпивками, досконально изображенными въ «Огаркахъ», подготовить событія 1905 года. Читатель, однако, предпочелъ бы, чтобы въ «Огаркахъ» было какъ разъ наоборотъ: досконально изображалось подготовленіе 1905 г. и голословно утверждалось бы, что «огарки» могли сладострастно ѣсть и съ нетерпѣніемъ дожидаться своей очереди выпить водки. Быть можетъ, г. Скиталецъ опирался на какіе-нибудь живые факты дѣйствительности. Тѣмъ грустнѣе результатъ, что эти факты въ грубо-размашистомъ изображеніи г. Скитальца превратились въ неискусные, неинтересные и неправдоподобные анекдоты. И тѣмъ грустнѣе этотъ результатъ, что авторомъ такой грубой въ художественномъ отношеніи вещи, какъ «Огарки», является тотъ же самый г. Скиталецъ, который въ «Полевомъ судѣ» остановилъ читателя какъ разъ обратными чертами творчества: мягкостью красокъ и гармоніей между замысломъ и исполненіемъ. Хотѣлось бы думать, что «Огарки», это—просто ложный шагъ г. Скитальца-беллетриста въ сторону г. Скитальца—стихотворца.

VI.

Упомянемъ еще объ одной литературной новинкѣ, интересной и по темѣ, и по личности автора, и къ тому же касающейся вопросовъ, о которыхъ намъ уже приходилось говорить на страницахъ «Русскаго Богатства». Мы говоримъ объ этюдѣ г. Плеханова,

представляющемъ попытку дать посмертную оцѣнку Ибсена *), какъ художника, съ точки зрѣнія политическихъ доктринъ. Если бы мы не боялись впасть въ рѣзкость, мы сказали бы, что всякая попытка опредѣлить политическій символъ вѣры Ибсена похожа на попытку Чириковскаго героя заставить своего сосѣда кашлянуть одинъ разъ, если онъ «с.-р.», и два раза, если онъ «с.-д.». Авторъ этюда «Генрикъ Ибсенъ» интересуется, конечно, главнымъ образомъ, вопросомъ о двукратномъ кашлѣ Ибсена. Этюдъ г. Плеханова еще не конченъ: онъ обѣщаетъ его пополнить объясненіемъ, «какимъ образомъ мастеромъ драмы въ современной всемірной литературѣ *могъ* **) сдѣлаться представитель одной изъ самыхъ неразвитыхъ (экономически) европейскихъ странъ». Тѣмъ не менѣе, этюдъ г. Плеханова и въ его не конченномъ видѣ достаточно свидѣтельствуетъ о тѣхъ несерьезныхъ результатахъ, къ которымъ можетъ привести серьезная оцѣнка Ибсена на основаніи общаго уровня капиталистическаго строя въ странѣ писателя и въ странахъ его читателей. По г. Плеханову Ибсенъ думалъ такъ, какъ думалъ, а не иначе — только потому, что родился въ такой мелко-буржуазной странѣ, какъ Норвегія. За отсутствіемъ въ Норвегіи вліятельнаго рабочаго класса, Ибсенъ могъ только ненавидѣть — и геніально ненавидѣть, по признанію г. Плеханова — убожество жизни вліятельныхъ классовъ его родины, но ему *не на кого* было возложить свои соціальныя надежды, свою вѣру въ будущее человѣчества. Отсюда — индивидуализмъ Ибсена, отсюда его упорное изученіе личности, а не коллектива. Отсюда, за неимѣніемъ естественныхъ апостоловъ новой жизни въ лицѣ рабочаго класса, невозможность довѣрить свои идеалы тому или иному конкретному герою въ пьесахъ Ибсена: отсюда символизмъ Ибсена. — Не трудно видѣть, насколько все это не правдоподобно. Если индивидуализмъ можетъ вырасти только въ мелко буржуазной странѣ, то какъ могъ появиться Ницше въ Германіи, отнюдь не мелко-буржуазной? Если символизмъ Ибсена имѣетъ источникомъ слабое развитіе крупной промышленности въ Норвегіи, то откуда этотъ боевой символизмъ хотя бы у бельгійца Верхарна? Этихъ двухъ данныхъ, на нашъ взглядъ, вполнѣ достаточно для того, чтобы сдѣлать понятнымъ Ибсена, какъ Ибсена, внѣ прокрустова ложа гипотезы г. Плеханова, невыгодно отразившейся, прежде всего, на цѣнности критическихъ анализовъ автора. Передъ его глазами Ибсенъ-психологъ, а онъ видитъ передъ собой художника публициста: съ нимъ полемизируетъ и его уличаетъ въ сбивчивости общественно-политическаго содержанія пьесъ. Такъ, символическаго Бранда г. Плехановъ упрекаетъ въ томъ, что Брандъ зоветъ за собою массу, не указывая никакихъ руководящихъ идеаловъ спеціально

*) Какъ на курьезъ укажемъ, что этюдъ, написанный по случаю смерти Ибсена, украшенъ портретомъ... г. Плеханова!

**) Курсивъ принадлежитъ намъ.

политическаго характера, упуская изъ виду, что цѣлью Ибсена была не проповѣдь тѣхъ или иныхъ доктринъ, а только протестъ противъ половинчатости, противъ духа компромисса, въ чемъ бы онъ ни выражался, какому бы Богу—ни служить. Точно такъ же, анализируя «Женщину съ моря», съ точки зрѣнія женской эмансипаціи, г. Плехановъ не замѣчаетъ, что женскій полъ героини въ данномъ случаѣ такая же случайность, какъ и священничество Бранда, и что въ драмѣ Ибсена рѣчь идетъ о значеніи для человѣка чувства внутренней свободы и самоопредѣленія, какого бы пола онъ ни былъ.

А. Е. Рѣдько.

Новыя книги.

С. Я. **Надсонъ. Стихотворенія.** Изданіе двадцать второе. Спб. 1906.

19 января 1907 года истекаетъ двадцатилѣтіе со дня безвременной кончины послѣдняго изъ русскихъ поэтовъ, отмѣченнаго печатью высокаго дарованія и сумѣвшаго «ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой»... Двадцать лѣтъ и въ обыкновенное время срокъ немалый для литературной (какъ, впрочемъ, и всякой другой) извѣстности. Но въ жизни русскаго общества это были годы далеко не обыкновеннаго содержанія и значенія. Сколько идейныхъ теченій и настроеній успѣло въ продолженіе ихъ смѣниться! Сколько надеждъ отцвѣло и огней догорѣло—и зажглось новыхъ! А послѣднія пять лѣтъ? Этотъ грозный и значительный моментъ, переживаемый нами сейчасъ, когда вся страна заливается кровью, обвѣянная бурнымъ дыханіемъ революціи?..

Спеціально книжный рынокъ, по общему признанію, находится въ настоящее время въ періодѣ небывалаго кризиса. Сперва — угнетающія впечатлѣнія войны; потомъ — бурный приливъ освободительнаго движенія; появленіе на свѣтъ огромной брошюрной литературы, посвященной соціально-политическимъ вопросамъ и сильно уменьшившій спросъ на толстыя книги вообще, художественныя въ особенности; забастовки, карательныя экспедиціи, массовые аресты и высылки, частыя закрытія книжныхъ складовъ и издательскихъ фирмъ; наконецъ, замѣтное обѣдненіе средняго читателя—все это не могло, казалось бы, благопріятствовать продолженію того головокружительнаго успѣха, которымъ книга Надсона пользовалась непрерывно въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Къ маю 1900 года было распродано уже семнадцать изданій, въ ко-

личествѣ 73 тысячъ экземпляровъ. Этотъ необычайный успѣхъ съ самаго начала изумлялъ всѣхъ, кто не умѣлъ или не хотѣлъ вникнуть въ настоящій смыслъ и значеніе надсоновской поэзіи. Грозное начало новаго вѣка дало новую пищу сомнѣніямъ скептиковъ: пѣсня Надсона казалась имъ окончательно спѣтой, судьба его книги предрѣшенной... Скептики, однако, опять жестоко ошиблись! Въ апрѣлѣ 1902 года XVIII изданіе стихотвореній Надсона (12 тысячъ экз.) оказалось уже разошедшимся, и понадобилось новое въ 6.000 экз. Въ апрѣлѣ слѣдующаго 1903 года выходитъ уже XX изданіе въ 9.000 экз. Мелькнулъ одинъ съ небольшимъ годъ—и въ октябрѣ 1904 г. Литературный Фондъ выпускаетъ еще 9.000 экземпляровъ (XXI изданіе). Однако, не успѣли пройти два новыхъ года, страшныхъ года, полныхъ всякаго рода событій, движеній и катастрофъ, какъ появляется XXII изданіе, выпущенное на этотъ разъ въ 12.000 экземпляровъ...

Факты эти достаточно краснорѣчивы, чтобы умолкли всѣ невѣрующіе и сомнѣвающіеся. Поэзія Надсона продолжаетъ пользоваться все тою же широкою популярностью, надъ ней не властны никакія бури и колебанія книжнаго рынка. У нея есть свой постоянный и многочисленный читатель-другъ, которому она неизмѣнно дорога и близка...

Пѣвецъ юности, безсмертно-прекрасной юности, съ ея дѣвственно-чистыми порываніями къ правдѣ, свободѣ и счастью всего міра, къ любви, подвигу и жертвѣ «за други своя»! Самая память его окружена свѣтлымъ ореоломъ мученичества... Всю свою короткую жизнь онъ судорожно рвался къ свѣту и радости—и не нашелъ ихъ; на смерть раненый ядовитымъ шипѣніемъ клеветы и зависти, трагически-рано ушелъ онъ изъ міра... И безконечно-трогательный личный образъ поэта, и привлекательно-чистое, гуманное содержаніе стиховъ, облеченное въ удивительно-музыкальную, изящную форму,—все какъ бы нарочно соединилось, чтобы сдѣлать Надсона любимѣйшимъ поэтомъ русской молодежи. И долго еще, долго она ему не измѣнитъ!

Юбилейное изданіе Надсона даетъ читателямъ не мало пріятныхъ новинокъ. Цѣлый рядъ пьесъ появляется здѣсь (въ посмертномъ отдѣлѣ) впервые: другія взяты изъ мало извѣстнаго широкой публикѣ сборника «Недопѣтыя пѣсни»; наконецъ, тамъ и сямъ сдѣланы дополненія, замѣнявшіяся прежде столь обычными въ русской литературѣ точками. Послѣднія встрѣчались, впрочемъ, у Надсона и по причинамъ совершенно непонятнымъ: такъ, прекрасное и безусловно цензурное стихотвореніе «Лазурное утро я встрѣтилъ въ горахъ» неожиданно выросло въ настоящемъ изданіи почти вдвое...

Можно, вообще, думать, что будущіе изслѣдователи многочисленныхъ бумагъ поэта (онѣ хранятся теперь въ Публ. Библіотекѣ) откроютъ въ нихъ еще не мало любопытнаго и, съ точки

зрѣнія—если не поэзіи, то общественной психологіи 80-хъ годовъ—цѣннаго. И съ особеннымъ, быть можетъ, любопытствомъ остановится будущая критика на тѣхъ его стихотворныхъ признаніяхъ-отрывкахъ, гдѣ отразилась буря одолѣвавшихъ молодую душу идейныхъ сомнѣній и колебаній. Настроенія Надсона мѣняются такъ быстро, что порой перескакиваютъ съ одного, такъ сказать, полюса на другой... Мы рѣшительно, однако, не согласны съ мнѣніемъ, будто отъ опубликованія подобнаго рода документовъ могла бы пострадать цѣльность и ясность его поэтическаго образа. Вѣдь поэтъ не мыслитель, не ученый, для котораго обязательны лишь строгіе законы логики и фактовъ; настроенія поэта—не убѣжденія политическаго дѣятеля! И если сегодня изстрадавшаяся муза Надсона бросаетъ гнѣвный крикъ протеста по адресу «апостоловъ борьбы», «лживо» утверждающихъ, что Россія есть «страна холоповъ и шпіоновъ» и только, а завтра сама же клеймитъ, какъ «льстивыхъ холоповъ» тѣхъ художниковъ, которые любятъ воплощать нашу родину въ «могучемъ образѣ славянки свѣтлокой»; если сегодня она «не вѣруетъ больше» въ идеалъ соціалистовъ (кстати сказать, неправильно ею понятый и плохо оцѣненный), а завтра «смотритъ съ завистью на ихъ вѣнецъ терновый», то, на нашъ взглядъ, всѣми этими противорѣчіями нимало не затемняется образъ поэта-народолюбца, отнюдь не ослабляется впечатлѣніе его подкупающей и зажигающей искренности! Напротивъ...

Нужно, впрочемъ, сказать, что большинство такого рода «документовъ» въ новѣйшія изданія Надсона уже введено мало-помалу.

Въ XXII изданіи Литературнаго Фонда видна все та же любящая и бережная рука редактора. Остается неизмѣннымъ распредѣленіе стиховъ по двумъ отдѣламъ: напечатанныхъ впервые при жизни поэта и послѣ его смерти (послѣднихъ ровно $^2/_3$ всей книги). На страницахъ «Русскаго Богатства» не разъ уже высказывалось мнѣніе о нѣкоторой устарѣлости и неудобствахъ такого распредѣленія, въ сущности, довольно искусственнаго. Можно бы, казалось, напр., думать, что въ отдѣлѣ прижизненныхъ стихотвореній сгруппировано все лучшее, что самъ авторъ признавалъ единственно заслуживающимъ печати, но это далеко не такъ: отдѣлъ этотъ начинается съ самыхъ слабыхъ вещей Надсона, напечатанныхъ имъ въ годы ранней юности, или, спеціально, для заполненія пресловутыхъ «десяти» печатныхъ листовъ въ первомъ «безцензурномъ» изданіи своей книги. И намъ не разъ доводилось видѣть читателей, которые, впервые взявъ въ руки стихи Надсона и добросовѣстно, по порядку, читая ихъ, удивлялись: за что такая громкая слава выпала на долю автора этихъ честныхъ, но порядочно-таки банальныхъ и нрѣсныхъ виршей?.. Съ другой стороны, въ кучѣ всевозможныхъ обрывковъ и набросковъ второго, посмертнаго, отдѣла не мало отыщется самыхъ яркихъ и цѣнныхъ

перловъ надсоновской поэзіи... Словомъ, мы по прежнему глубоко убѣждены, что, изданный по нѣсколько иному плану, Надсонъ много выигралъ бы. Различіе между прижизненностью и посмертностью перваго опубликованія, думается намъ, должно быть совершенно оставлено; основнымъ принципомъ распредѣленія стиховъ долженъ быть взятъ строго-хронологическій порядокъ... Но, при этомъ, мы стояли бы всетаки за сохраненіе двухъ отдѣловъ или даже двухъ томиковъ: въ I нужно сгруппировать все лучшее, наиболѣе зрѣлое и яркое, что написалъ Надсонъ, во II помѣстить болѣе слабыя, дѣтскія, оборванныя вещи. Быть можетъ, намъ возразятъ: но такое дѣленіе въ высшей степени субъективно? То, что кажется одному слабымъ, другой назоветъ сильнымъ — и наоборотъ? Да, субъективизмъ, несомнѣнно будетъ; случайныя ошибки возможны и даже неизбѣжны... Errare humanum est. И все же, въ такомъ типѣ изданія мы находимъ безконечно больше преимуществъ.

Остается указать на замѣченные нами въ XXII изданіи промахи и погрѣшности. Ихъ, по счастью, немного, но лучше бы, конечно, безъ нихъ... Въ знаменитомъ стихотвореніи «Мы спорили долго» стихъ «И сердце мое горячо *взволновавшей*» неправильно читается: «*волновавшей*». Начало стихотворенія «И крики оргіи, и гимны ликованья» нѣсколько испорчено неправильно разставленными знаками препинанія (послѣдніе, нужно сознаться, вообще прихрамываютъ въ изданіяхъ Надсона). Стихотвореніе «Съ каждымъ шагомъ впередъ все чернѣй и грознѣй» напечатано на 147 стр., а на 163 повторена вторая его половина, какъ пьеса самостоятельная... На 197 стр. помѣщенъ «Балъ королевы» (I варіантъ), на 203 «Мечты королевы» (II варіантъ), а на 173 стр., *годомъ раньше*, встрѣчаемъ тѣ же «Мечты королевы» — очевидно, въ качествѣ *позднѣйшей* редакціи (III варіанта?..) На стр. 210 помѣщенъ отрывокъ «Темно грядущее» подъ заглавіемъ «Варіантъ», пьеска же, къ которой онъ является варіантомъ, напечатана лишь на 295 страницѣ... Два варіанта другого стихотворенія, написанные въ одномъ и томъ же году, помѣщены почему-то — одинъ на 211, другой на 268 стр... Отмѣтимъ, между прочимъ, досадный пропускъ прелестнаго варіанта нѣкоторыхъ стиховъ «Буревѣстника», уже бывшихъ въ печати (см. «Недопѣтыя пѣсни»):

Въ ризѣ тучъ, опоясана бѣглымъ огнемъ
Яркихъ молній вкругъ мощнаго стана,
Грозно сыплетъ она...

Не нашли мы и исправленной, думается намъ, редакціи стихотворенія «Посмутнымъ признакамъ» (см. также «Недопѣтыя пѣсни»).

Владиміръ Шуфъ. Въ край иной... Сонеты. Спб. 1906. Цѣна 1 р. 25 к.

Г. Шуфъ — авторъ шести произведеній, перечисленныхъ на обложкѣ, и потому, естественно, начинаетъ съ извиненія передъ читателемъ за напечатаніе еще и седьмого произведенія. По объясненію г. Шуфа въ предисловіи, все дѣло въ томъ, что онъ страдалъ невѣріемъ и агностицизмомъ. Не помогали даже пиры, которые такъ умѣло устраивалъ пріятель г. Шуфа, обозначенный инициалами, который во время упомянутыхъ «веселыхъ пировъ» держалъ себя, по удостовѣренію г. Шуфа,

... какъ мудрецъ эпикурейской школы

такъ какъ

Сидѣлъ въ кругу смѣющихся гетеръ,

совершенно не смущаясь тѣмъ, что означенное обстоятельство никакимъ родомъ нельзя пристойно перевести въ терминахъ современной дѣйствительности. Кончилось тѣмъ, что г. Шуфъ долженъ былъ подчиниться своей «душѣ, искавшей Бога». Искалъ г. Шуфъ вездѣ. Былъ въ Палестинѣ, былъ въ Эйткуненѣ, Скутари, Берлинѣ, Шемахѣ; былъ на Unter den Linden; былъ въ Барабинской степи, въ Штутгардтѣ, Манчжуріи, Одессѣ и на Сеймѣ. И вездѣ по прибытіи составлялъ сонетопротоколъ о прибытіи и о мѣстныхъ достопримѣчательностяхъ.—Почему это называется «искать Бога», г. Шуфъ не объясняетъ и ограничивается просьбой къ людямъ серьезнымъ—читать его сборникъ отъ обложки до обложки; людямъ же не серьезнымъ, ожидающимъ отъ книги «одного развлеченія», предоставляетъ читать его стихотворенія поштучно.

Съ своей стороны, мы не рискнули бы посовѣтовать читать сонеты г. Шуфа даже и поштучно, даже и въ цѣляхъ развлеченія,—кромѣ развѣ одного сонета, въ которомъ г. Шуфъ разсказываетъ, что въ Смирнѣ («Смирна») его особенно поразили:

Верблюдъ въ тѣни прохладнаго фонтана
И у мечети крылья голубей...

Мечеть съ крыльями голубей, это—все, на чемъ можетъ остановиться глазъ читателя даже въ поискахъ «развлеченія»... Впрочемъ, заслуживаетъ упоминанія еще одинъ сонетъ, въ которомъ авторъ, только что воспѣвшій—въ цѣломъ циклѣ стихотвореній—русскую «рать великую, родную» и ея «вождя» въ «горестную пору» войны,—вдругъ, совершенно неожиданно, заявляетъ, что онъ, собственно говоря, вюртембержецъ и что поэтому ему до Россіи нѣтъ никакого дѣла. «Мы вюртембергцы!»—восклицаетъ г. Шуфъ, обращаясь къ сестрѣ въ сонетѣ «Штутгардтъ», и горько-горько жалуется, что ихъ отцы—изъ Штутгардта, гдѣ у нихъ былъ «домъ и садъ», ушли и поселились въ странѣ

. . . гдѣ люди мысль не чтутъ,
Гдѣ попраны искусство и свобода (!)...

и гдѣ, наконецъ, говорятъ такимъ ужаснымъ языкомъ, что вмѣсто стихотвореній, при всей рачительности г. Шуфа, получаются «сонеты».

Зачѣмъ, сестра, мы поселились тутъ.
На Сѣверѣ, средь чуждаго народа?

къ несомнѣнному развлеченію читателя, кончаетъ горестно свой вюртембергскій плачъ русскій патріотъ, баянъ войны и искатель Бога. Читателю остается угадать, какимъ именно нѣжнымъ словомъ подарили опрометчиво-откровеннаго поэта гг. Меньшиковъ, и Буренинъ, которымъ авторъ сборника посвятилъ по особому сонету, въ знакъ уваженія одного русскаго патріота къ двумъ русскимъ патріотамъ.

Гуго фонъ-Гофманталь. Драмы. Переводъ Сергѣя Орловскаго. Москва. 1906. Цѣна 1 руб.

Въ одной изъ фантастическихъ драмъ Гофманталя («Свадьба Забенды») выведенъ человѣкъ, о которомъ героиня говоритъ:

Ты мало знаешь жизнь—ты такъ богатъ—
Слѣдишь ты только звѣзды съ тихой башни,
Цвѣты свои растишь въ теплицахъ!..

Это—какъ разъ то, что приходится сказать и о самомъ Гофманталѣ, какъ поэтѣ. Онъ тоже живетъ въ «тихой башнѣ» искусства, наслаждаясь разсматриваніемъ звѣздъ, и на землю спускается только для того, чтобы побывать въ «теплицѣ» около цвѣтовъ, выращивать которыя онъ безспорный мастеръ. Этимъ сполна опредѣлится и отношеніе русскаго читателя къ автору драмъ, любовно переведенныхъ г. Орловскимъ. Если этотъ читатель неизмѣнно ищетъ у поэта кипучей энергіи, страстнаго увлеченія, способности «волновать и мучить», Гофманталь—поэтъ не для него. Но если читатель согласится уйти на время въ «тихую башню» романтика отъ живой дѣйствительности, согласится на время имѣть передъ собой не *людей*, выхваченныхъ изъ этой остроколючей дѣйствительности, а *человѣка*—правильнѣе сказать всечеловѣка—красиво и просто освѣщеннаго, поставленнаго внѣ времени и территоріальныхъ особенностей, — тогда лежащій передъ нами томикъ драмъ австрійскаго поэта будетъ имѣть для читателя свою особую литературную цѣнность...— Основная тема у Гофманталя—призывъ къ правильной оцѣнкѣ жизни. Жизнь, утверждаетъ онъ, даетъ столько красоты, счастья: нужно только *умѣть* ее брать, нужно *умѣть* извлекать изъ нея то, что властно надъ нами и красиво. По Гофманталю люди больше всего страдаютъ отъ того, что не достаточно просто относятся къ жизни и не достаточно видятъ цѣну «богатствъ жизни», разсыпанныхъ вокругъ. По Гофманталю люди умираютъ, подобно его Безумцу («Безумецъ и Смерть») съ увѣренностью, что они не жили, и только потому, что все ждали чего-то, что должно

было внезапно придти и внезапно «освѣтить ихъ жизнь, какъ молнія». Но радость жизни совсѣмъ не въ этомъ, утверждаетъ онъ устами героя красиво-воздушной (особенно это приходится сказать относительно «Первой картины») драмы «Свадьба Забеиды». Стоя передъ неопытной, жаждущей жизни невѣстой своей, умудренный годами и жизнью, человѣкъ говоритъ ей:

. . . . . Долго
Воображаемъ мы, что жизнь и счастье
Должны вдали внезапно появиться—
У края неба новая страна!
Но даль пуста—и только понемногу
Мы учимся глазами различать
Движеніе и трепетанье жизни,
Вездѣ разлитой...

Нужно научиться «цѣнить богатство жизни», резюмируетъ и Смерть свои поученія Безумцу. Само собой разумѣется, что эти «богатства» имѣютъ крайне элементарный характеръ. Тѣмъ труднѣе задача поэта: показать въ яркихъ, прозрачныхъ краскахъ — до какой степени ново и цѣнно все вокругъ насъ: и природа, и «любовь и дружество», — если всмотрѣться въ нихъ пристальнѣе, не скользя по нимъ, какъ по «обычному», глазами въ ожиданіи желанной и необычной «молніи». Особенно сильны и красивы у Гофмансталя его дифирамбы тысячекратно воспѣтой любви. Этимъ дифирамбамъ посвящены двѣ вещи: «Женщина въ окнѣ» и «Авантюристъ и пѣвица». Въ первой изъ нихъ средневѣковый итальянецъ, женившійся на 15-лѣтней дѣвочкѣ, уличаетъ ее, послѣ 5 лѣтъ брака, въ «преступленіи» относительно него и допытывается у жены, кто изъ домашнихъ зналъ объ ея преступленіи. «Кто зналъ объ этомъ, спрашиваешь ты»?—въ свою очередь удивленно переспрашиваетъ счастливая даже въ этотъ моментъ преступница.

Кто видѣлъ, какъ хожу я, какъ смѣюсь,
Могъ догадаться. Развѣ не иначе
Ходила я? и развѣ на коня
Садилась такъ, какъ прежде? нѣтъ, я мчалась
Въ блаженствѣ! *).. Я смотрѣла на тебя,
На брата твоего, на мрачный домъ—
И было мнѣ легко, какъ будто крылья
Меня носили тихо надъ землею,
Деревья плыли мнѣ навстрѣчу, солнце
Плясало въ вѣтвяхъ яркими лучами...
На воздухѣ, въ саду, дороги всѣ
Вели къ *нему*.

Само собой разумѣется, что этотъ отрывокъ не въ состояніи передать главнаго: пѣльнаго восторженнаго настроенія, которымъ

*) Это („мчалась въ блаженствѣ“) принадлежитъ къ числу тѣхъ неуклюжихъ шероховатостей въ переводѣ, которыя, къ сожалѣнію, не составляютъ исключенія.

проникнута у Гофмансталя его литературно-ювелирная бездѣлушка.

Такимъ адвокатомъ за жизнь и за счастье повсюду является Гофмансталь и въ остальныхъ драмахъ. Подвергся оправданію, и именно—съ точки зрѣнія красоты и наслажденія жизнью, даже такой неудобовосхваляемый объектъ для сладкозвучныхъ пѣсенъ, какъ смерть. Съ точки зрѣнія Гофмансталя даже и она не портитъ общаго ансамбля въ жизни, такъ какъ ея роль—освобожденіе человѣка отъ безобразной дряхлости.—Въ пылу увлеченія интересами своего кліента краснорѣчивый адвокатъ жизни не замѣчаетъ даже, что между его міроотношеніемъ и формой его драмъ есть непримиримое противорѣчіе. Если жизнь не только *можетъ* быть прекрасною, а прекрасна и сейчасъ, то почему же для художественной проповѣди этой вѣры въ жизнь даже ему, баловню судьбы и соціальнаго положенія, неизмѣнно оказывается необходимою *фантастическая* форма драмы, исключающая условія времени и пространства? почему ему нужны фантастическіе люди, а не живые—не изъ живой, красивой жизни, какою она кажется ему?

Ф. А. Львовъ. Лиходѣи бюрократическаго самовластія. Спб. 1906. 79 стр. Ц. 50 коп.

Среди разоблаченій, вызванныхъ минувшей войной, факты, раскрытые г. Львовымъ, принадлежатъ къ наиболѣе интереснымъ. Г. Львовъ не писатель и не сумѣлъ представить въ должномъ видѣ то многое, что ему было извѣстно. Но онъ игралъ столь видную роль въ приключеніяхъ русскихъ придворныхъ дѣльцовъ, приведшихъ Россію черезъ Ялу къ Цусимѣ, что каждое слово свидѣтеля, столь освѣдомленнаго, заслуживаетъ всякаго вниманія. Исторія, разсказанная г. Львовымъ, есть съ внѣшней стороны исторія о томъ, какъ у него «украли дубинку» люди приблизительно одного съ нимъ промысла. Онъ обличаетъ ихъ пріемы, но самъ спокойно разсказываетъ, какъ «израсходовалъ на взятки» болѣе ста тысячъ рублей; это принято въ той сферѣ дѣятельности, въ которой г. Львовъ встрѣтился съ статсъ-секретаремъ Безобразовымъ и адмираломъ Абазой. Въ значеніи этой дѣятельности г. Львовъ не сомнѣвается. По его мнѣнію добиться посредствомъ взятокъ концессіи въ чужой странѣ значитъ «творить государево дѣло». Надо ознакомиться съ бюджетомъ устроенной г. Львовымъ лѣсопромышленной компаніи на Ялу, чтобы видѣть, съ какимъ идейнымъ самоутвержденіемъ «творятъ государево дѣло» люди, которые считаютъ себя къ сему призванными по праву рожденія и воспитанія. Адмиралъ Абаза долженъ былъ получать въ годъ тридцать тысячъ рублей, дѣйствительный статскій совѣтникъ Матюнинъ двадцать тысячъ, самъ г. Львовъ восемнадцать тысячъ. Предполагалось, что въ первый же годъ дѣятельности компаніи стоимость

ея акцій возрастетъ въ $2^1/_2$ раза больше номинальной; это дастъ возможность выпустить въ продажу 15 тысячъ акцій съ преміей въ 60 рублей; изъ полученной прибыли триста пятьдесятъ тысячъ будутъ розданы учредителямъ и ихъ помощникамъ. Все это было слишкомъ соблазнительно, чтобы не взять дѣло въ свои руки. Поэтому г. Львова вытолкали, изъ царской шкатулки — благодаря личному вліянію г. Безобразова—получили три съ половиной милліона и, такъ какъ аппетитъ хищника неутолимъ, собирались прикарманить Манчжурію. Войны не боялись: «Абазѣ и Безобразову война была необходима, чтобы замести слѣды своей неопрятной работы». Они и провоцировали войну всѣми способами, какіе были въ ихъ распоряженіи: на Ялу раздражали японцевъ чудовищнымъ своеволіемъ, которое—они привыкли къ этому — отлично сходило съ рукъ во внутренней Россіи, а японское правительство дразнили такъ нагло, какъ это могутъ только дѣлать насильники, увѣренные, что имѣютъ дѣло съ безсильнымъ. Какое счастье для Россіи, что они ошиблись.

В. А. Келтуяла. Курсъ исторіи русской литературы. Пособіе для самообразованія. Часть I. Книга первая. Спб. 1906. XVI+765 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Цѣлый рядъ своеобразныхъ особенностей рѣзко отличаетъ курсъ г. Келтуялы отъ аналогичныхъ пособій по исторіи русской литературы. Прежде всего, онъ захватываетъ болѣе широкую область; не пытаясь замѣнить исторію литературы исторіей культуры, онъ, однако, отдаетъ послѣдней такъ много вниманія, что это расширеніе задачи вызвало бы наши рѣшительныя возраженія, если бы мы имѣли передъ собой не пособіе для самообразованія. Педагогическія соображенія, конечно, могутъ иногда оправдать недостаточную опредѣленность научной системы, и потому мы не станемъ указывать автору, что въ сущности характеристикѣ юридической стороны древне-русскаго брака или изображенію политическаго устройства Кіевской Руси не мѣсто въ исторіи литературы: онъ это самъ знаетъ. Но онъ поставилъ себѣ цѣлью изобразить литературу, какъ отраженіе общественнаго строя въ обширномъ смыслѣ; личность автора, общественный слой, изъ котораго онъ вышелъ, общее состояніе всего народа, условленное «характеромъ его общественно-трудовыхъ воздѣйствій на природу», наконецъ, иноземныя вліянія: таковы элементы, которые желаетъ ввести въ изложеніе составитель новаго курса исторіи русской литературы. Въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ онъ—не какъ самостоятельный изслѣдователь, но какъ составитель пособія для самообразованія—идетъ слишкомъ далеко, и это ставитъ его въ неудобную необходимость: создавать новую научную систему тамъ, гдѣ принято проявлять творчество педагогическое, а не научное.

Въ основу своего изложенія г. Келтуяла кладетъ «идею о клас-

совомъ происхожденіи и характерѣ всей древне-русской литературы перваго періода», при чемъ въ предисловіи отмѣчаетъ оригинальность этого построенія. Можно спорить о томъ, было ли основаніе распредѣлять древне-русскую литературу по общественнымъ классамъ; во всякомъ случаѣ, никакъ нельзя сказать, чтобы это распредѣленіе вышло у составителя вполнѣ естественнымъ и соотвѣтствующимъ самой сущности классифицируемыхъ явленій. Населеніе Кіевской Руси распадалось на свободное (смерды, дружина, духовенство) и несвободное (рабы и закупы). Ни смерды, ни рабы и закупы литературы не имѣютъ; литература поэтому дѣлится на княжеско-дружинную и церковную. Княжеско-дружинное творчество распадается на устное (былины) и письменное («Поученіе» Мономаха, «Слово о полку Игоревѣ». «Моленіе» Даніила Заточника и «Слово о погибели Русской земли»). Церковная литература охватываетъ произведенія, вышедшія изъ-подъ пера лицъ духовнаго класса и отразившія интересы, задачи и идеалы этого класса. Остаются лѣтописи: произведенія духовенства, но съ дружинной идеологіей,—что дѣлать съ ними? Создается особая категорія: церковно-дружинное письменное творчество. Читатель замѣтилъ, что въ изложенной системѣ не нашла мѣста народная лирика, сказки, пословицы и т. п. Эти поэтическія произведенія, дѣйствительно, мудрено было бы пріурочить къ какому-нибудь общественному классу. Посему имъ отведена особая рубрика—внѣ времени—подъ названіемъ «Первоначальныя основы древне-русской литературы», къ коимъ отнесена также переводная (византійско-болгарско-еврейская) литература. Хронологія такимъ образомъ перетасована. Часть былинъ создана до появленія нѣкоторыхъ византійскихъ произведеній на русскомъ языкѣ и, конечно, до такихъ пословицъ, какъ «вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день»: объ этомъ авторъ забываетъ во славу своей схемы. Забываетъ онъ также выяснить, почему народная лирическая пѣсня должна быть разсматриваема только съ статической точки зрѣнія, какъ нѣкая неподвижная основа, а эпическая былина подлежитъ динамическому изученію и входитъ въ область исторіи. Да и вообще—что есть основа и что есть ея развитіе въ непрерывномъ потокѣ смѣняющихся формъ творчества? Не слишкомъ ли облегчаемъ мы себѣ задачу, попросту относя къ неподвижнымъ основамъ то, что не можемъ фиксировать хронологически? И къ чему сводится «идея классоваго происхожденія всей древне-русской литературы», если мы вынуждены будемъ для нѣкоторыхъ ея произведеній создавать какія-то особыя, то междуклассовыя, то «общенародныя», категоріи? Г. Келтуяла предваряетъ, что «въ основу изложенія собственно древне-русской литературы древняго періода положилъ два принципа—соціологическій и хронологическій». Не станемъ настаивать на томъ, что предпочли бы видѣть въ основѣ исторіи принципъ историческій, отодвинутый въ лежащемъ предъ нами

курсѣ на второй планъ; но напомнимъ автору, что онъ и не попытался показать, какъ онъ теоретически сочетаетъ два принципа, столь чужеродные: на практикѣ у него отъ хронологіи осталось не много. Онъ противъ тѣхъ, которые принимали во вниманіе принципъ теоретико-словесный; полагаемъ, и онъ не чуждъ этого принципа тамъ, гдѣ дѣлитъ дружинное творчество на устное и письменное. Но прежде въ это дѣленіе—худо ли, хорошо ли—вносилъ смыслъ; оно не считалось только внѣшнимъ: устное творчество предполагалось по преимуществу коллективнымъ, письменное характеризовалось, какъ болѣе индивидуальное и т. д. У г. Келтуялы, отбросившаго теорію словесности, этого нѣтъ, и его ученикъ съ недоумѣніемъ спроситъ себя: да развѣ такъ важно, что одни произведенія были записаны, а другія нѣтъ? Спроситъ—и не пойметъ.

Книга г. Келтуялы написана хорошо. Она даетъ интересныя предварительныя свѣдѣнія, она систематически показываетъ, какъ сильны были иностранные элементы въ начальныхъ стадіяхъ нашей литературы, она разбиваетъ множество патріотическихъ легендъ, давно отвергнутыхъ въ научной литературѣ, но цѣпко держащихся въ своей послѣдней твердынѣ—въ учебникахъ. Г. Келтуялѣ—и въ этомъ его большая заслуга—удалось то, что никогда не удавалось этимъ учебникамъ, даже лучшимъ изъ нихъ: сдѣлать учебный курсъ древне-русской литературы интереснымъ. Признаемся, мы съ величайшимъ недовѣріемъ приступили къ знакомству съ его оригинальной попыткой подробно изложить содержаніе произведеній древне-русской литературы; намъ казалось, что это изложеніе прежде всего не нужно, потому что не замѣняетъ знакомства съ подлинникомъ, и затѣмъ—какъ это всегда бывало—невыносимо скучно. На дѣлѣ оказалось иное: толстый курсъ читается удивительно легко и это дѣлаетъ его особенно цѣннымъ, какъ пособіе для самообразованія. Система изложенія показалась намъ весьма спорной, но для начинающаго она обняла матеріалъ, подлежащій изученію; отъ курса г. Келтуялы можно идти дальше,—а это самое важное.

С. Люблинскій. Итоги современнаго искусства. Пер. С. Діесперова. Изд. В. М. Саблина. Москва. Стр. 429. Цѣна 1. 50 к.

Трудно понять, для какихъ читателей переведена на русскій языкъ книга Люблинскаго. Трактуетъ она совсѣмъ не объ «итогахъ современнаго искусства», какъ гласитъ ея русское заглавіе, совершенно извратившее смыслъ заглавія нѣмецкаго «Bilanz der Moderne». О «современномъ искусствѣ» нѣтъ рѣчи въ книгѣ Люблинскаго: она посвящена оцѣнкѣ того литературнаго движенія, въ ряды котораго за послѣднюю четверть вѣка становилось все, что было выдающагося въ нѣмецкой литературѣ, и за которымъ

удержалось данное ему вѣнскимъ критикомъ Баромъ прозвище «die Moderne».

Представить «балансъ» этого движенія—этой «школы», какъ неправильно называютъ его иногда—попытался въ своей книгѣ О. Люблинскій, писатель неглупый и освѣдомленный, но склонный къ внѣшнему блеску, иногда безъ нужды парадоксальный, иногда фельетонно поверхностный, но часто интересный и заставляющій думать.

Русскимъ читателямъ его новая книга дастъ не много: она интересна для тѣхъ, кто уже думалъ о предметахъ, въ ней изложенныхъ; она предполагаетъ знанія и интересы, которыхъ у насъ теперь нѣтъ. Тѣ немногіе, кому она можетъ дать новыя соображенія и новыя свѣдѣнія, познакомились съ нею въ оригиналѣ; большой публикѣ она дастъ десятокъ ненужныхъ, случайныхъ и ничѣмъ не обоснованныхъ оцѣнокъ.

Дѣло въ томъ, что нѣмецкая литература послѣднихъ десятилѣтій прошла какъ-то мимо вниманія русскаго читателя. Переводили отдѣльныхъ писателей, читали романы Томаса Манна и Клары Фибихъ. Поленца и Эбнеръ-Эшенбахъ, смотрѣли драмы Отто Эрнста и Зудермана, слышали кой-что о лирикахъ Демеля и Лиліенкронѣ, признавали литературный суверенитетъ Гергарда Гауптмана, но о современной нѣмецкой литературѣ въ цѣломъ, въ ея общемъ характерѣ у насъ не имѣютъ представленія. Средній читатель знаетъ, что такое «натурализмъ», что такое «декаденты», но такихъ обобщающихъ обозначеній для новѣйшей нѣмецкой литературы у него нѣтъ. Она не привлекла у насъ того вниманія, какимъ пользовались ея предтечи, не только потому, что въ ней не оказалось большихъ талантовъ, тѣхъ властителей думъ, которыхъ такъ жадно ищетъ современный человѣкъ: Шпильгагенъ вѣдь тоже не литературный титанъ. Но чуждымъ русскому читателю казалось то знамя, подъ которымъ шло движеніе, чуждыми казались тѣ начала, во имя которыхъ отрицалось прошлое и создавалось, или, по крайней мѣрѣ, намѣчалось будущее. Это знамя было прежде всего знаменемъ эстетическимъ. Новая нѣмецкая литература не только не была чужда интересовъ соціальныхъ: Люблинскій не разъ показываетъ, что она ими была проникнута: но формы познанія и изображенія жизни интересовали ее больше, чѣмъ формы пересозданія жизни. Ея девизы были взяты не изъ публицистики, но изъ поэтики, а могучихъ создателей новыхъ и вѣчныхъ литературныхъ формъ и образовъ въ ней не было. Она имѣла большое—быть можетъ, подготовительное—мѣстное значеніе, и подобно діалектнымъ литературамъ мелкихъ этнографическихъ единицъ не захватила никого въ свой кругъ: печальный моментъ въ исторіи великой литературы. Его характеристика въ значительной степени сводится къ перечню тѣхъ вліяній, которыя претерпѣли нѣмецкіе поэты за послѣднюю четверть вѣка. На нихъ

вліяли всѣ литературы: французская въ лицѣ Зола, скандинавскія въ лицѣ Ибсена, Бьернсона, Стриндберга, Якобсена, русская въ лицѣ Толстого и Достоевскаго, англійская въ лицѣ Уота Уитмана. Только нѣмцы ни на кого не повліяли и у себя до умопомраченія восторгались неожиданно открываемыми и поперемѣнно свергаемыми иностранными кумирами отъ Мультатули до Стриндберга, отъ Оскара Уайльда до Максима Горькаго,

Быть можетъ, поэтому Люблинскій и не занялся исторіей литературы въ настоящемъ смыслѣ: онъ обратилъ вниманіе на тѣ общественныя силы, которыми опредѣлилось ея развитіе. Судьбы литературы не конечная цѣль, а путь его изслѣдованія, которое видитъ въ литературѣ лишь изображеніе соціальныхъ взаимоотношеній. Онъ, собственно, ставилъ себѣ иную, болѣе своеобразную и менѣе ясную задачу: ему казалось, что послѣднія двадцать лѣтъ современной нѣмецкой литературы «должны оцѣниваться не только въ смыслѣ эстетическомъ и должны быть объясняемы не только со стороны соціологическихъ причинъ, дѣйствующихъ въ нихъ: прежде всего они должны быть сведены къ безсознательно господствующему въ нихъ основному закону, и уже въ этомъ объемѣ слѣдуетъ ихъ разбирать и этимъ масштабомъ измѣрять». Изъ этого неопредѣленнаго порыванія къ неопредѣленной проблемѣ, конечно, ничего не вышло. Но какъ общія характеристики соціальныхъ тенденцій, проявившихся въ нѣмецкой литературѣ, такъ и отдѣльные литературные портреты иногда удаются автору. Здѣсь многое чуждо русскому читателю: нѣтъ никакого смысла читать цѣлый рядъ полемическихъ страницъ, направленныхъ противъ неизвѣстнаго у насъ Пауля Гольдмана или Леопольда Вебера. Но не лишено интереса для русскаго читателя въ нашихъ нынѣшнихъ условіяхъ изображеніе того процесса, которымъ создавалась литературная идеологія нѣмецкаго консерватизма. Какъ и всегда и вездѣ, здѣсь теорія націонализма, патріотизма и чистоты расы прикрыла классовые интересы земельнаго дворянства, а затѣмъ крупнаго чиновничества. Но какъ сильна, закончена и—по своему—культурна эта звѣриная философія; какихъ создателей она имѣла отъ Шопенгауэра до Рихарда Вагнера; даже послѣдыши ихъ въ родѣ Г. С. Чемберлэна или Адольфа Бартельса производятъ впечатлѣніе своей усидчивостью, настойчивостью, ученостью. У насъ, оплевывая Гейне, не шли дальше фельетоновъ, а вотъ Бартельсъ недавно цѣлую книгу посвятилъ злобному разносу великаго поэта. Оттого, вѣроятно, и престижъ прусской реакціи нельзя и сравнивать съ россійской консервативной идеологіей, которая живетъ казенными субсидіями; оттого европейскій консерватизмъ дѣлаетъ завоеванія—въ сущности противоестественныя—въ средѣ молодежи; оттого тамъ въ рядахъ консерваторовъ есть враги демократіи, которыхъ можно назвать честными врагами. И въ изящной литературѣ этотъ націонализмъ нашелъ выраженіе не только

въ реакціонной беллетристикѣ, стоящей за предѣлами литературы, но въ такихъ произведеніяхъ, какъ романы Поленца.

Переводъ книги Люблинскаго сдѣланъ такъ дурно, какъ это только можетъ сдѣлать переводчикъ, одинаково плохо знакомый какъ съ нѣмецкимъ языкомъ, такъ съ предметомъ, о которомъ идетъ рѣчь. «Der Fall Wagner»—заглавіе извѣстной брошюры Ницше—значитъ, по его мнѣнію, «Паденіе Вагнера», а въ непонятномъ «ударномъ словѣ» можно—безъ большого, впрочемъ, раздумья—открыть нѣмецкое слово Schlagwort, что значитъ (въ данномъ мѣстѣ)—девизъ. Во многихъ мѣстахъ текстъ можно понять, только переведя его обратно на нѣмецкій, а затѣмъ уже на русскій языкъ.

Петръ Вейнбергъ. Страницы изъ исторіи западныхъ литературъ. Спб. 1907. 368 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Говоря о заслугахъ автора лежащей предъ нами книги въ дѣлѣ ознакомленія русской читающей публики съ классиками европейскихъ литературъ, слѣдуетъ имѣть въ виду оба пути, которыми П. И. Вейнбергъ старался исполнить свою задачу: его многочисленные переводы дѣлали иностранныхъ писателей доступными русскому читателю; его критическія и историко-литературныя статьи объясняли и популяризовали писателей. Нынѣ онъ собралъ часть этихъ статей, разсѣянныхъ по журналамъ и отдѣльнымъ изданіямъ, давая, такимъ образомъ, возможность читателямъ обновить свои старыя литературныя воспоминанія. Кой что изъ состава сборника извѣстно нашимъ читателямъ: статьи о Робертѣ Бернсѣ, о Леопарди, о нѣкоторыхъ представителяхъ «Молодой Германіи» первоначально появились на страницахъ «Русскаго Богатства». Если прибавить къ нимъ, съ одной стороны, напр., очеркъ о Мицкевичѣ, не вошедшій въ сборникъ, а съ другой—вошедшія въ него статьи о Яковѣ Ленцѣ, Фрейлигратѣ, Ленау, Гюго, Шелли, то это въ общемъ даетъ картину большого разнообразія литературныхъ интересовъ и широкой освѣдомленности. Общедоступные по своей основной цѣли, очерки общедоступны и по тому матеріалу, который предложенъ въ нихъ вниманію читателя. Здѣсь нѣтъ какихъ-либо новыхъ данныхъ, нѣтъ новаго изслѣдованія предмета: здѣсь есть своя манера разсказа, спокойнаго, объективнаго, не выходящаго за предѣлы творчества характеризуемаго писателя. И всякій, кто въ работѣ надъ своимъ развитіемъ, ищетъ для него гуманитарныхъ основъ, найдетъ въ сборникѣ П. И. Вейнберга не только литературныя свѣдѣнія, но исходныя точки для раздумья, для любопытныхъ параллелей, для критическаго отношенія къ произведеніямъ изящной словесности. Вопросы чистаго искусства интересуютъ автора значительно меньше, чѣмъ общественная обстановка и общественный смыслъ дѣятельности писателя, и онъ избралъ для своего изслѣдованія только

тѣхъ, чью литературную дѣятельность можно назвать дѣйствительно общественной, а подчасъ и боевой. Работа о Гюго, къ сожалѣнію, фрагментарна: мы имѣемъ предъ собой только двѣ главы изъ приготовляемой авторомъ къ печати монографіи о французскомъ поэтѣ.

Д-ръ. **Н. Баженовъ. Психологія казнимыхъ.** М. 1906. 31 стр. Ц. 15 к.

Основная мысль автора заключается въ томъ, что смертная казнь не есть воздаяніе «око за око», а нѣчто гораздо большее. Авторъ цитируетъ то мѣсто изъ «Идіота» Достоевскаго, гдѣ говорится: «Убивать за убійство несоразмѣрно большее наказаніе, чѣмъ самое преступленіе. Убійство по приговору не соразмѣрно ужаснѣе, чѣмъ убійство разбойничье. Тотъ, кого убиваютъ разбойники, рѣжутъ ночью въ лѣсу, или какъ-нибудь, непремѣнно еще надѣется, что спасется, до самаго послѣдняго мгновенія. Примѣры бывали, что ужъ горло перерѣзано, а онъ еще надѣется или бѣжитъ, или проситъ. А тутъ, всю эту послѣднюю надежду, съ которой умирать въ десять разъ легче, отнимаютъ *навѣрно*; тутъ приговоръ, и въ томъ, что навѣрно не избѣгнешь, вся ужасная-то мука и сидитъ, и сильнѣе этой муки нѣтъ на свѣтѣ» (стр. 9).

Опасаясь, что его изображеніе психологіи казнимыхъ будетъ «блѣдно», и полагая, что «только большіе художники» могутъ дать достаточно яркій образъ душевнаго состоянія казнимыхъ, авторъ дѣлаетъ большія выписки изъ Достоевскаго, Виктора Гюго и Оскара Уайльда.

Въ контрастъ къ тѣмъ страданіямъ, которыя испытываютъ приговоренные къ смерти здоровые люди, люди, приговоренные къ смерти самой природой, т. е. люди, умирающіе отъ болѣзней, обыкновенно не испытываютъ особенныхъ страданій, а иногда даже испытываютъ особаго рода благосостояніе (эйфорію). Авторъ цитируетъ сочиненія нѣсколькихъ врачей, которые приводятъ показанія больныхъ, умиравшихъ отъ тяжелыхъ болѣзней и слышавшихъ, какъ пользовавшіе ихъ врачи заявляли окружающимъ, что они непремѣнно и скоро умрутъ. Этими показаніями устанавливается тотъ фактъ, что тяжело больные выслушиваютъ извѣстіе о своей неизбѣжной и близкой кончинѣ вполнѣ равнодушно. Эггеръ въ своей статьѣ «Le moi des mourants» характеризуетъ душевное состояніе умирающихъ людей при ясномъ сознаніи слѣдующими основными чертами: «1) ощущеніе физическаго благополучія, блаженства; 2) анэстезія (утрата осязательной чувствительности) и анальгезія (утрата болевой чувствительности) при сохраненіи нормальной остроты слуха и зрѣнія; 3) рѣзкое ускореніе психическихъ процессовъ: дѣятельности мысли и воображенія; во многихъ случаяхъ воспроизведеніе въ памяти воспоминаній прош-

лаго» (стр. 19). Фере весьма правдоподобно объясняетъ эту эйфорію умирающихъ «своего рода наркозомъ подъ вліяніемъ самоотравленія организма продуктами патологическаго обмѣна веществъ» (стр. 20).

Показаніями Гейма, который падалъ въ пропасть, и Ливингстона, котораго терзалъ левъ, устанавливается тотъ фактъ, что при несчастныхъ случаяхъ «трагизмъ неизбѣжной гибели не усугубляется ужасомъ смерти, а, напротивъ, смягчается особымъ состояніемъ, близкимъ къ наркозу» (стр. 23).

Такимъ образомъ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, «природа великодушнѣе людей» (стр. 23).

Авторъ начинаетъ брошюру изображеніемъ психологіи казнимыхъ, взятымъ у художниковъ, а заканчиваетъ свою работу описаніями дѣйствительныхъ казней, т. е. показаніями лицъ (врачей и духовныхъ), которыя, по обязанности службы или съ научными цѣлями, присутствовали при казняхъ и дали намъ описанія поведенія казнимыхъ въ послѣднія минуты ихъ жизни.

Описанія эти полны ужаса и совершенно оправдываютъ заключеніе автора, что «смертнымъ приговоромъ, кромѣ санкціи легальнаго убійства, творится нѣчто еще болѣе гнусное и еще болѣе жестокое: производится, такъ сказать, экспериментально душевная болѣзнь, по всей совокупности симптомовъ и сопровождающей ихъ душевной боли сравнимая только съ тяжелыми психозами» (стр. 30). «Съ какимъ преступленіемъ, спрашиваетъ нашъ авторъ на стр. 31, сопоставима та предсмертная моральная пытка, которая implicite содержится въ смертномъ приговорѣ, и которая по напряженности душевной боли превышаетъ то, что можетъ вытерпѣть человѣкъ?»

Ф. Е. **Рыбаковъ.** (Прив.-доц. Московскаго унив.). **Границы психическаго здоровья и помѣшательства.** М. 1906, 47 стр.

Съ тѣхъ поръ, какъ было доказано, что душевное разстройство не проявляется непремѣнно лишь въ тѣхъ крайнихъ своихъ формахъ, которыя характеризовали «сумасшедшаго» по наивнымъ понятіямъ добраго стараго времени,—среди образованной публики естественно возникъ вопросъ о томъ: «гдѣ же та грань, которая отдѣляетъ психически здороваго человѣка отъ помѣшаннаго?» (стр. 6). Въ настоящей брошюрѣ авторъ и пытается дать отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Авторъ устанавливаетъ два «типа помѣшанныхъ»: это, во-первыхъ, тѣ больные, которые «своимъ поведеніемъ и психопатическими свойствами рѣзко нарушаютъ гармонію общественной жизни», т. е., помѣшанные въ тѣсномъ смыслѣ слова; и, во-вторыхъ, тѣ случаи, когда больной «не нарушаетъ рѣзко общественной гармоніи, но за то его собственная душевная гармонія, гармонія его личныхъ

психическихъ свойствъ является болѣе или менѣе замѣтно нарушенной» (стр. 7). Это помѣшанные въ широкомъ смыслѣ слова.

Конечно, нашъ авторъ занимается лишь вторымъ типомъ. Онъ даетъ сначала «галлерею представителей этого второго типа» (стр. 8). Тутъ мы видимъ и людей, одержимыхъ *навязчивыми мыслями*, въ родѣ боязни прикосновенія (folie du toucher), боязни пространства (агорафобія), болѣзни нерѣшительности и сомнѣнія (folie du doute) и т. п.: затѣмъ, клептомановъ съ ихъ неудержимымъ стремленіемъ къ воровству; людей съ *импульсивными стремленіями*; людей, страдающихъ нравственнымъ тупоуміемъ или даже нравственнымъ идіотизмомъ: наконецъ,—людей съ извращенными половыми стремленіями.

Относительно всѣхъ этихъ лицъ можетъ возникнуть вопросъ: считать ли ихъ помѣшанными или не считать? Ибо поведеніе всѣхъ этихъ людей, внѣ пункта ихъ болѣзни, таково, что ихъ нельзя отличить отъ вполнѣ здоровыхъ; мало того, такъ какъ эти люди отлично сознаютъ свои слабыя стороны, то они часто умѣютъ такъ ихъ маскировать, что никому даже не приходитъ въ голову считать ихъ въ чемъ-либо уклоняющимися отъ нормы.

Но это еще не все. Есть случаи еще болѣе затруднительные: напримѣръ, трудно рѣшить, какая степень алкоголизма даетъ право считать человѣка помѣшаннымъ. Или, считать ли помѣшанными: скрягу, расточителя, слѣпого фанатика, неуравновѣшеннаго и неустойчиваго человѣка, отъявленнаго лжеца, эротомана, «несноснаго болтуна и резонера», эпилептика, истеричнаго, неврастеника? и т. д., и т. д.

Очевидно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ провести грань между «помѣшаннымъ» и не помѣшаннымъ очень не легко.

Для руководства въ этихъ сомнительныхъ случаяхъ авторъ, прежде всего, указываетъ на общепринятые признаки (или, какъ онъ выражается, клейма) физическіе и психическіе. Физическіе—въ родѣ: формы ушей, уродливости черепа, особаго расположенія зубовъ и др., и психическіе—въ родѣ: галлюцинацій, бредовыхъ идей и т. п.

Но, не удовлетворяясь всѣмъ этимъ, авторъ ищетъ «болѣе надежныхъ признаковъ» (стр. 26). Исходя изъ того положенія, что «борьба за существованіе—это главнѣйшій выразитель духовныхъ силъ и свойствъ человѣка» (стр. 27), авторъ останавливается на измѣненіи работоспособности при психическихъ заболѣваніяхъ и приходитъ къ выводу, что «*работоспособность—вотъ лучшее мѣрило степени душевнаго заболѣванія*» (стр. 28).

Что работоспособность, какъ извѣстное проявленіе психической равнодѣйствующей человѣка, есть важный показатель его духовной силы и гармоніи,—противъ этого нельзя, конечно, ничего возразить. Но все-таки мы считаемъ это «лучшее мѣрило» нашего автора слишкомъ узкимъ, чтобы дѣйствительно быть «лучшимъ».

Дѣйствительно лучшимъ мѣриломъ мы бы считали устойчивость и координированность психической системы человѣка. Работоспособность вытекаетъ изъ этихъ свойствъ, какъ одинъ изъ ихъ частныхъ выводовъ. Руководясь этими признаками, мы, какъ намъ кажется, избѣгаемъ тѣхъ многочисленныхъ затрудненій, на которыя наталкивается нашъ авторъ со своимъ признакомъ работоспособности. Такъ, онъ сейчасъ же долженъ былъ сдѣлать исключенія и для людей, «по натурѣ» вялыхъ, лѣнивыхъ, изнѣженныхъ, на томъ основаніи, что «отъ этихъ людей нельзя, конечно, много и требовать» (стр. 35); и для людей, испорченныхъ воспитаніемъ; и для человѣка, который «выигралъ 200 тысячъ и потомъ бросилъ занятія» (стр. 34); и для человѣка, который «утомился и поѣхалъ лѣтомъ отдыхать за границу» (стр. 34); и для людей, «которые по своему образованію и профессіи вынуждены работать болѣе физически, чѣмъ умственно,—къ нимъ мы также не должны предъявлять очень высокихъ требованій» (стр. 35). Особую заботу доставляютъ нашему автору неврастеники: не желая причислить ихъ къ помѣшаннымъ, онъ утверждаетъ, что «неврастеникъ больше только *чувствуетъ* ослабленіе работоспособности, чѣмъ послѣднее имѣется у него на самомъ дѣлѣ» (стр. 37).

Но есть еще одинъ камень преткновенія для нашего автора, а именно, существуетъ одна несомнѣнная душевная болѣзнь, при которой дѣятельность (мы нарочно употребляемъ слово «дѣятельность», а не «работоспособность», чтобы не быть обвиненными въ petitio principii) больного значительно повышается. Эта болѣзнь называется маніакальнымъ возбужденіемъ. Нашъ авторъ пытается парализовать силу этого возраженія указаніемъ на то, что при оцѣнкѣ работоспособности онъ имѣетъ въ виду не столько *количество*, сколько *качество* дѣятельности (стр. 33). Но намъ не кажется убѣдительнымъ и это возраженіе. Конечно, если больной былъ носителемъ высшаго интеллекта, творцомъ въ какой-либо области человѣческаго вѣдѣнія, то послѣ своего заболѣванія маніакальнымъ возбужденіемъ онъ, несомнѣнно, понизится въ качественномъ отношеніи; но если это былъ самый обыкновенный человѣкъ, тогда маніакальное возбужденіе можетъ повысить его дѣятельность не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи: извѣстны, напримѣръ, случаи, когда люди, всю свою жизнь занимавшіеся лишь самыми скромными, мелкими дѣлишками, заболѣвши маніакальнымъ возбужденіемъ, вдругъ дѣлались недурными поэтами, вліятельными религіозными проповѣдниками и т. п. Въ этихъ случаяхъ лишь некоординированность, а главное, неустойчивость ихъ блестящей дѣятельности, довольно быстро прерываемой наступленіемъ слабоумія новоявленнаго поэта или проповѣдника,—лишь эти признаки указываютъ на то, что мы имѣемъ передъ собою не настоящій талантъ, а лишь маніакальное возбужденіе.

Политическая Энциклопедія подъ редакціей **Л. З. Слонимскаго**. Томъ I, выпуски 1 и 2. Спб. 1906. Цѣна за 12 вып. 9 руб.

Названіе «политической энциклопедіи» едва ли подходитъ къ сборнику г. Слонимскаго. Правда, заданіе этой работы очень широкое. Составители желали «дать читателямъ по возможности полный систематическій сборникъ руководящихъ статей, разъясненій и свѣдѣній по вопросамъ государственной и общественной жизни, внутренней и внѣшней политики, народно-хозяйственнаго и соціальнаго законодательства современныхъ культурныхъ государствъ и въ томъ числѣ, прежде всего, Россіи». При этомъ, въ отличіе отъ другихъ изданій словарнаго типа, «Энциклопедія»—по мысли ея руководителей—не должна ограничиваться «сообщеніемъ фактическихъ свѣдѣній справочнаго типа», а останавливать вниманіе читателей «преимущественно на вопросахъ и предметахъ, имѣющихъ извѣстное принципіальное значеніе».

Таково заданіе. Но заданіе и исполненіе его не одно и то же. На самомъ дѣлѣ, то, что мы имѣемъ подъ именемъ «Политической Энциклопедіи», есть довольно случайный сборникъ расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ статей на политическія (въ широкомъ смыслѣ этого слова) темы, статей разнаго объема и различнаго достоинства, безъ какой либо внутренней между ними перспективы. По крайней мѣрѣ, таково впечатлѣніе отъ первыхъ двухъ выпусковъ, лежащихъ предъ нами. Трудно отыскать въ нихъ какой-нибудь выдержанный планъ и систему. Не всегда можно даже и объяснить себѣ, почему тѣ или другія темы взяты или отброшены составителями «Энциклопедіи».

Вотъ, напримѣръ, перечень всѣхъ статей изъ области народнаго хозяйства, заключающихся въ двухъ выпускахъ «Энциклопедіи» («Ааргау-Бразилія»): аграріи; аграрное движеніе 1905 г.; аграрныя отношенія въ Россіи; аграрныя программы; акціонерныя компаніи; арендныя отношенія въ Россіи; артели; батраки; безземельные; безземельные крестьяне; безработица; бобыль; богатство. Уже одинъ этотъ бѣглый перечень не можетъ не возбудить недоумѣній. Почему, напримѣръ, читатель получаетъ большую статью объ акціонерныхъ компаніяхъ и не находитъ въ «Энциклопедіи» ни одного слова о банкахъ или о биржѣ? Почему по отношенію къ арендному вопросу «Энциклопедія» ограничивается только статистическимъ очеркомъ «арендныхъ отношеній въ Россіи», правда, очень подробнымъ и обстоятельнымъ, но, конечно, не исчерпывающимъ даже и приблизительно ни правового, ни экономическаго содержанія даннаго вопроса и т. д. Если мы обратимся къ самому трактованію выбранныхъ темъ, то и здѣсь найдемъ изрядную долю случайности. Возьмемъ, для примѣра, аграрный вопросъ. Вопросъ этотъ въ настоящее время выдвинутъ жизнью на первый планъ и на него видимо было обращено особое вниманіе составителей. По крайней мѣрѣ, мы имѣемъ въ «Энцикл-

педіи» цѣлыхъ четыре относящихся сюда статьи. Но что же онѣ даютъ? Краткая, въ одну страницу, замѣтка г. Водовозова говоритъ объ «аграріяхъ» въ Германіи и въ Австріи. Это все, что узнаетъ изъ «Энциклопедіи» читатель о положеніи аграрнаго вопроса въ Европѣ. Россіи болѣе посчастливилось. Мы имѣемъ три статьи: о землевладѣніи и землепользованіи («Аграрныя [поземельныя] отношенія въ Россіи» г. В. В.), объ аграрныхъ движеніяхъ («Аграрное движеніе 1905 г.» г. Прокоповича) и о партійныхъ аграрныхъ программахъ («Аграрныя программы» г. Слонимскаго). Но изъ этихъ статей только этюдъ г. В. В. имѣетъ сколько-нибудь исчерпывающій (хотя бы въ крупныхъ чертахъ) свою тему характеръ. Это этюдъ чисто фактическій. Извѣстно, что наша земельная статистика хромаетъ на обѣ ноги, и данныя о землевладѣніи у насъ есть только неполныя и сильно устарѣлыя. Но это, конечно, не вина автора. Онъ можетъ дать только то, что есть въ источникахъ. Статья г. Прокоповича есть добросовѣстный сводъ газетныхъ извѣстій объ аграрныхъ волненіяхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи въ 1905 году. Для освѣщенія аграрнаго движенія это только матеріалъ, имѣющій извѣстную цѣнность, но во всякомъ случаѣ сырой и отрывочный, относящійся къ одному моменту большого процесса, для характеристики котораго никакихъ другихъ данныхъ въ «Энциклопедіи» не находится. Движенію *общественной мысли* по аграрному вопросу посвящена статья г. Слонимскаго. Но даетъ она только краткія (и иногда, напримѣръ, по отношенію къ соціалъ-демократамъ, устарѣлыя) выдержки изъ относящихся къ аграрному вопросу параграфовъ программъ существующихъ въ настоящее время русскихъ партій. При этомъ по какимъ то трудно объяснимымъ соображеніямъ г. Слонимскій останавливается только на партіяхъ, занимающихъ въ аграрномъ вопросѣ *среднее* положеніе между крайними правыми, отстаивающими неприкосновенность помѣщичьей собственности, и крайними лѣвыми, стоящими за полное упраздненіе частнаго землевладѣнія. Эти «крайнія» теченія г. Слонимскій просто игнорируетъ, упомянувъ только, что на крайней правой стоитъ «союзъ землевладѣльцевъ», а на крайней лѣвой—«крестьянскій союзъ» и соціалисты-революціонеры. Объ аграрномъ вопросѣ въ русской литературѣ и въ исторіи русскаго освободительнаго движенія мы не находимъ въ «Политической Энциклопедіи» ничего. Въ концѣ концовъ, несмотря на очень большое, по числу страницъ, мѣсто, отведенное въ «Энциклопедіи» аграрному вопросу, читатель, внимательно съ этими страницами ознакомившійся, все таки не вынесетъ изъ этого ознакомленія сколько-нибудь связнаго и цѣльнаго представленія о томъ, что такое «аграрный вопросъ» и какое мѣсто принадлежитъ ему въ общественной жизни и общественной мысли русской и западной. Онъ останется только при обрывкахъ затронутой въ названныхъ статьяхъ общей темы.

То же, что мы отмѣтили относительно статей объ экономикѣ,

можно сказать и о другихъ отдѣлахъ Энциклопедіи». И здѣсь въ значительной мѣрѣ случайны и подборъ статей, и ихъ, такъ сказать, перспектива. Такъ, мы не находимъ даже простого объясненія такихъ, напримѣръ, терминовъ, какъ «автократія» или «билль» и есть цѣлая статья «банъ хорватскій». Такому выдающемуся явленію современной политической жизни, какъ анархизмъ, удѣлено едва 1½ страницы (почти вдвое менѣе, чѣмъ «автокефаліи»), при чемъ даются краткія указанія только объ анархистахъ-теоретикахъ, объ анархистахъ, какъ партіи, читатель не узнаетъ ничего, и т. д.

Значительное мѣсто въ «Энциклопедіи» занимаютъ біографіи и характеристики политическихъ дѣятелей и писателей. По большей части это коротенькіе политическіе формуляры. Исключеніе составляетъ только статья г. Кони о К. К. Арсеньевѣ (одна изъ самыхъ большихъ въ книгѣ. — болѣе 20 столбцовъ) и, отчасти, біографическія характеристики Бебеля и Бернштейна и героевъ русско-японской авантюры: Безобразова, Абазы и Алексѣева (5-7 столбцовъ). Перспектива и здѣсь нѣсколько неожиданная. Въ общемъ правилѣ «Энциклопедія» даетъ свѣдѣнія только о тѣхъ дѣятеляхъ, которые находятся въ живыхъ, — хотя бы и сошли съ политической сцены. Тѣхъ, кого нѣтъ въ живыхъ, нѣтъ въ «Энциклопедіи», какіе бы ни были слѣды, оставленные ими въ исторической жизни. Благодаря этому, въ «Политической Энциклопедіи» мы не встрѣчаемъ не только классиковъ политической мысли, но и такихъ крупныхъ дѣятелей вчерашняго дня, знать которыхъ, даже и для ориентированія въ сегодняшнихъ явленіяхъ, гораздо важнѣе, чѣмъ добрую половину правителей и бывшихъ министровъ, перечисленныхъ въ «Энциклопедіи». Упомянемъ хотя бы о Бланки, около имени котораго создался ходячій терминъ «бланкизмъ», съ которымъ на каждомъ шагу встрѣтится читатель газетъ и политическихъ сочиненій, или Бакунина, крупнаго русскаго теоретика анархизма, такъ мало знакомаго русской читающей публикѣ.

Въ «Политической Энциклопедіи» есть только одинъ отдѣлъ, проведенный систематически. Это — отдѣлъ политической географіи или, лучше, политической картографіи. Въ «Энциклопедіи» помѣщаются политико-географическіе очерки и даются карты всѣхъ частей свѣта, отдѣльныхъ государствъ и нѣкоторыхъ областей ихъ и, наконецъ, всѣхъ русскихъ губерній. Всего обѣщается 165 картъ. Несомнѣнно, что матеріалъ полезный, но несомнѣнно также, что съ изданіемъ, ставящимъ своею главною цѣлью давать не справочныя свѣдѣнія, а «останавливать вниманіе читателей преимущественно на вопросахъ и предметахъ, имѣющихъ извѣстное принципіальное значеніе», чтобы способствовать, такимъ образомъ, «уясненію основныхъ политическихъ понятій»,—этотъ матеріалъ имѣетъ только внѣшнюю связь. А между тѣмъ соединеніе «полити-

ческой энциклопедіи» съ атласомъ «политической географіи» неизбѣжно удорожаетъ изданіе и дѣлаетъ его менѣе доступнымъ для недостаточной читательской массы.

Мы останавливались много на дефектахъ «Политической Энциклопедіи». Справедливость требуетъ сказать что, во всякомъ случаѣ, многія отдѣльныя ея статьи, написанныя компетентными спеціалистами, представляютъ значительный интересъ и заслуживаютъ полнаго вниманія читателя.

Государственный строй и политическія партіи въ Западной Европѣ и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Редакція Е. Смирнова. Изданіе Н. Глаголева. Томъ III. Спб. 1906. Стр. 336. Ц. 2 р. 25 к.

О первыхъ томахъ изданія г. Глаголева въ свое время мы говорили на страницахъ «Русскаго Богатства». Лежащій теперь передъ нами третій томъ сборника носитъ тотъ же характеръ, какъ и оба предъидущіе. Это—собраніе отдѣльныхъ статей, разнаго достоинства, составленныхъ по различному плану, по большей части живо и популярно написанныхъ, но рѣдко дающихъ исчерпывающее представленіе о своей темѣ и въ общемъ не поднимающихся выше уровня доброкачественной компиляціи.

Въ настоящемъ томѣ—посвященномъ Даніи, Испаніи, Италіи, Португаліи, Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ и Швейцаріи—мы можемъ отвѣтить статьи г. Линдена о Даніи и г. А. Винардель-Райча объ Испаніи.

Очеркъ Даніи г. К. Линдена даетъ въ сжатой формѣ довольно много интересныхъ свѣдѣній объ этой маленькой, своеобразной странѣ; въ особенности останавливаетъ на себѣ вниманіе роль народныхъ университетовъ и сельско-хозяйственныхъ кооперацій въ борьбѣ датскихъ крестьянъ съ конкурренціей американскаго капиталистическаго производства. Интересна также характеристика датскихъ политическихъ партій.

Съ интересомъ читается и статья г. Винардель-Райча. Испанскія политическія партіи обрисованы имъ хотя и крупными, но достаточно отчетливыми чертами. Любопытны также данныя, сообщаемыя въ статьѣ о нѣкоторыхъ сторонахъ государственной жизни Испаніи. Между прочимъ, вотъ что сообщаетъ авторъ о свободѣ собраній въ Испаніи. «15 статья конституціи, говоритъ онъ, освящаетъ право собраній, заявляя дословно, что всѣ испанцы имѣютъ право собираться на мирныя собранія... Формальное право дополняется въ этомъ отношеніи такой фактической свободой, какую можно видѣть лишь въ Англіи, гдѣ граждане пользуются наиболѣе широкимъ правомъ собраній и демонстрацій. Даже въ республиканской *Франціи, сохранившей въ этомъ отношеніи почти цѣликомъ порядки старыхъ режимовъ*, ни одно правительство не допустило бы та-

ихъ собраній подъ открытымъ небомъ съ *явно враждебнымъ правительству и господствующимъ учрежденіямъ характеромъ*, какія можно весьма часто видѣть въ Испаніи, въ особенности въ большихъ городахъ, гдѣ доминируютъ демократическіе элементы» (Курсивъ нашъ. *Ред.*). Указавъ на случаи правительственной репрессіи, авторъ добавляетъ: «Въ общемъ, повторяемъ, свобода собраній и манифестацій уже вошла, несмотря на всѣ препятствія, въ политическіе нравы Испаніи (стр. 35)». Это особенно знаменательно, если принять во вниманіе, что по общему своему характеру испанское правительство въ теченіе многихъ лѣтъ остается однимъ изъ самыхъ реакціонныхъ въ Европѣ. Очень краснорѣчивую иллюстрацію даетъ это къ тѣмъ горячимъ преніямъ, которыя недавно велись въ нашей Государственной Думѣ около вопроса о свободѣ собраній — когда французскій законъ выдавался нѣкоторыми изъ ораторовъ чуть не за послѣднее слово политической мудрости...

Изъ остальныхъ статей III тома наиболѣе вниманія заслуживаетъ очеркъ Н. Гурвича о Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Хотя и этотъ очеркъ носитъ компилятивный характеръ, но на содержаніи его выгодно отразилось и «личное знакомство автора съ американскою жизнью съ 1890 г.». Детальнаго юридическаго анализа государственнаго строя мы не найдемъ въ статьѣ г. Гурвича, но она даетъ интересный матеріалъ для ознакомленія съ бытовой стороной политической жизни Соединенныхъ Штатовъ въ прошломъ и въ настоящемъ. Съ этой стороны, повторяемъ, очеркъ г. Гурвича заслуживаетъ полнаго вниманія. Но авторъ ставитъ себѣ и болѣе отвѣтственную задачу.

„Литература по исторіи и государственному праву С. Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ,—пишетъ онъ,—довольно обширна, но общій недостатокъ ея въ томъ, что *изслѣдователямъ* совершенно *чуждо понятіе объ органической связи между политическими учрежденіями и экономическимъ строемъ*. Вслѣдствіе этого политическія событія и политическія формы развиваются какъ бы изъ самихъ себя. Даже въ такомъ обширномъ трудѣ, какъ „Исторія американскаго народа» профессора пенсильванскаго университета Макъ-Мастера, лишь констатируется фактъ постепенной отмѣны избирательнаго ценза въ первой половинѣ XIX столѣтія и введенія мужской подачи голосовъ, но не сдѣлано попытки освѣтить *борьбу общественныхъ классовъ, которая привела къ такому* важному преобразованію".

Г. Гурвичъ и задается цѣлью заполнить такой пробѣлъ.

„Компилятивный характеръ настоящаго очерка,—говоритъ онъ,—понятно, исключалъ возможность самостоятельнаго изслѣдованія темныхъ вопросовъ американской исторіи по первоисточникамъ". „Но насколько позволяли отрывочныя указанія разсѣянныя въ сочиненіяхъ авторитетныхъ историковъ, я *пытался выяснить зависимость измѣненій въ политическомъ строѣ отъ экономическаго развитія* страны (стр. 132)".

Повидимому, однако, «отрывочныя указанія, разсѣянныя въ сочиненіяхъ авторитетныхъ историковъ», мало помогли автору въ его задачѣ. Большая часть его попытокъ «выяснить зависимость

измѣненій въ политическомъ строѣ отъ экономическаго развитія страны»—оказывается, въ сущности, только попытками втиснуть непокорные факты въ рамки облюбованной схемы. Вотъ, напримѣръ, какъ объясняетъ г. Гурвичъ установленіе всеобщаго избирательнаго права въ Америкѣ:

«Классовая борьба между задолженнымъ землевладѣніемъ и ростовщическимъ капиталомъ,—говоритъ онъ,—приняла политическій характеръ... Для успѣшной борьбы съ ростовщиками необходимо было расширеніе избирательнаго права. Такъ какъ классъ кредиторовъ поддерживалъ партію федералистовъ, то среди должниковъ стала расти популярность оппозиціи, присвоившей себѣ названіе республиканцевъ Республиканская партія, духовнымъ вождемъ которой былъ Джефферсонъ, поставила себѣ задачей отмѣну избирательнаго ценза. Шагъ за шагомъ право голоса было предоставлено совершеннолѣтнимъ сыновьямъ фермеровъ, затѣмъ всѣмъ плательщикамъ прямыхъ налоговъ. Недочеты земледѣльческаго хозяйства вызвали отходъ на заработки изъ деревень въ города, гдѣ стала развиваться промышленность. Благодаря этому, между фермерами и трудовымъ населеніемъ городовъ, установилась экономическая и духовная связь, которая способствовала распространенію избирательныхъ правъ на массу городскихъ жителей...

Такими представляются г-ну Гурвичу экономическія причины введенія всеобщаго избирательнаго права въ старыхъ «свободныхъ штатахъ (стр. 172)». Не будь борьбы съ ростовщиками, пожалуй, не было бы и всеобщаго избирательнаго права...

Иногда у автора не достаетъ данныхъ даже и для такихъ, какъ только то приведенное, объясненій «политическихъ надстроекъ». На той же страницѣ находимъ, напр., такое разсужденіе.

«Вольноотпущенныхъ цвѣтнокожихъ—объясняетъ г. Гурвичъ—и ихъ потомкахъ избирательныя права были предоставлены кое-гдѣ на сѣверѣ еще въ рабскую эпоху, подъ вліяніемъ идеалистическаго движенія противъ рабства; *искать экономическихъ причинъ* распространенія на нихъ политическихъ правъ *было бы совершенно напрасно*, потому что, какъ численно, такъ и по своей экономической силѣ, цвѣтнокожіе на сѣверѣ представляли quantité negligeable (173 стр.)».

Допустимъ, что quantité negligeable могутъ безъ ущерба для теоріи обойтись и безъ «экономическаго фундамента». Но вотъ, на страницѣ 224, мы узнаемъ что «*подъ вліяніемъ общественнаго подъема*, вызваннаго эмансипаціей негровъ, законодательное собраніе западной территоріи Вайоминга въ 1869 году уравняло женщинъ въ политическихъ правахъ съ мужчинами».

Неужели и женское населеніе цѣлой обширной территоріи тоже - quantité negligeable? А вѣдь и здѣсь «надстройка», повидимому, стоитъ безъ фундамента.

Намъ кажется, что трудъ г. Гурвича много-бы выигралъ если бы, «не имѣя возможности самостоятельнаго изслѣдованія темныхъ вопросовъ американской исторіи по первоисточникамъ»,—авторъ послѣдовалъ доброму примѣру «профессора пенсильванскаго

университета Макъ-Мастера» и вмѣсто историческихъ гаданій ограничился изложеніемъ установленныхъ и провѣренныхъ фактовъ.

Къ числу общихъ недостатковъ всей разбираемой книги слѣдуетъ отнести полное игнорированіе анархизма, какъ политическаго теченія. При анализѣ политическихъ партій анархизмъ даже не упоминается, а между тѣмъ считать это теченіе за quantité negligeable уже ни въ какомъ случаѣ не приходится. Приложенная къ настоящему тому статья В. В. Водовозова не отличается новизною: въ основныхъ своихъ чертахъ она уже появлялась въ разныхъ видахъ въ печати. Цѣна книги 2 р. 25 к. за 366 стр. слишкомъ высока, особенно, если принять во вниманіе довольно небрежное изданіе и изобиліе опечатокъ. Объ этомъ приходится особенно пожалѣть потому, что книгу ждетъ, вѣроятно, значительное распространеніе.

Русскія партіи, союзы и лиги. Сборникъ программъ, уставовъ и справочныхъ свѣдѣній о россійскихъ политическихъ партіяхъ всероссійскихъ профессіонально-политическихъ и профессіональныхъ союзахъ и всероссійскихъ лигахъ. Составленъ В. Ивановичемъ. Изданіе Т-ва „Знаніе". Спб. 1906 г.

Освободительное движеніе вызвало къ жизни такое множество политическихъ партій, союзовъ и т. п. организацій, что разобраться въ нихъ, а тѣмъ болѣе удержать въ головѣ хотя бы основныя черты ихъ уставовъ становится очень затруднительнымъ, въ особенности для рядового русскаго обывателя, не подготовленнаго къ такой дифференціаціи политическихъ идей и стремленій. Явилась потребность въ печатныхъ сборникахъ, при помощи которыхъ можно было бы сравнить программы различныхъ партій. Такіе сборники стали появляться еще въ прошломъ году, и въ настоящее время нѣкоторые изъ нихъ насчитываютъ уже по нѣскольку изданій. Къ числу такихъ справочныхъ изданій принадлежитъ и сборникъ, составленный г. Ивановичемъ, но онъ отличается многими преимуществами передъ другими сборниками этого рода. Въ особенности это нужно сказать о второй и третьей частяхъ книги г. Ивановича. Первая часть, заключающая въ себѣ программы, платформы и уставы россійскихъ политическихъ *партій*, представляетъ въ сущности повтореніе того, что было напечатано въ другихъ сборникахъ, хотя и здѣсь матеріалъ значительно подновленъ, согласно произошедшимъ въ нѣкоторыхъ партіяхъ перемѣнамъ.

Несмотря, однако, на эти дополненія, и книга г. Ивановича въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ оказывается уже устарѣвшею: такимъ темпомъ скачетъ наша политическая жизнь. Такъ, напримѣръ, въ программы конституціонно-демократической партіи и партіи соціалистовъ-революціонеровъ не вошли поправки, внесенныя послѣдними съѣздами партій; собственно, въ сборникѣ напечатана даже не про-

грамма соціалистовъ революціонеровъ, а лишь проектъ ея, который на прошлогоднемъ декабрьскомъ съѣздѣ подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ. Свѣдѣнія о соціалъ-демократической партіи страдаютъ также нѣкоторой неполнотой: такъ, не приведены резолюціи II и IV съѣздовъ партіи, а изъ резолюціи III съѣзда приведена только одна—объ отношеніи партіи къ крестьянскому движенію. Между тѣмъ, по резолюціямъ съѣздовъ можно видѣть отношеніе партіи къ тѣмъ или другимъ общественно-политическимъ явленіямъ и измѣненіе этихъ отношеній; таковы, напримѣръ, резолюція III съѣзда объ отношеніи къ либеральной буржуазіи, представляющая крупную поправку къ такой же резолюціи, принятой II съѣздомъ. Несмотря, однако, на указанные недочеты, первая часть книги г. Ивановича всетаки полнѣе и новѣе большинства другихъ книжекъ этого рода.

Но наибольшій интересъ разбираемая книга представляетъ второю своею частью, въ которой собраны уставы профессіональныхъ и профессіонально-политическихъ союзовъ. Сюда вошли уставы и свѣдѣнія о 53 союзахъ. Списокъ организацій, свѣдѣнія о которыхъ вошли въ книгу, обнаруживаетъ, однако, нѣкоторую неопредѣленность въ намѣреніяхъ ея составителя. Это видно по отношенію составителя къ рабочимъ союзамъ. Вѣдь извѣстно, что такихъ союзовъ въ одномъ только Петербургѣ насчитывается нѣсколько десятковъ, въ провинціи же они возникли въ огромномъ количествѣ. Вмѣстить въ одну книгу свѣдѣнія о всѣхъ такихъ союзахъ было бы не возможно, и мы не удивились бы, если бы г. Ивановичъ обошелъ ихъ въ своей книгѣ совершеннымъ молчаніемъ. Но въ книгѣ его мы находимъ свѣдѣнія о центральномъ бюро с.-петерскихъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, о союзѣ фотографовъ-работниковъ, приказчиковъ, рабочихъ женщинъ и т. п.— Значитъ, составитель не исключаетъ изъ своей книги отдѣла рабочихъ союзовъ. Но въ такомъ случаѣ совершенно не понятно, почему онъ обошелъ молчаніемъ такую замѣчательную рабочую организацію, какъ союзъ работниковъ печатнаго дѣла, сыгравшій, какъ извѣстно, выдающуюся роль и въ дѣлѣ защиты ихъ интересовъ, и въ профессіональномъ движеніи вообще.

Не совсѣмъ выдержано и намѣреніе автора дать возможно болѣе полный сборникъ свѣдѣній о политическихъ союзахъ, лигахъ и т. п. Такъ, нельзя не пожалѣть объ отсутствіи въ сборникѣ свѣдѣній о союзѣ періодическихъ изданій для осуществленія свободы печати. Этотъ союзъ, правда, уже распался, но оставилъ извѣстный слѣдъ въ исторіи нашихъ союзныхъ организацій, и потому включеніе его въ книгу, имѣющую не только справочное значеніе, было бы далеко не лишнимъ. Включилъ же въ нее г. Ивановичъ уставъ другого аналогичнаго союза—союза книгоиздателей для борьбы за осуществленіе свободы печати, также фактически не дѣйствующаго. Дѣлаемъ всѣ эти указанія не въ видѣ упрека составителю, а въ исполненіе его жела-

ныя, выраженнаго въ предисловіи—указать редакціи изданія допущенныя ею неточности, пропуски и т. д.

Въ общемъ книга г. Ивановича, повторяемъ, представляетъ большой интересъ: это первый опытъ собранія уставовъ и свѣдѣній о союзахъ, сыгравшихъ такую выдающуюся роль въ освободительномъ движеніи. Такимъ выдающимся организаціямъ, какъ союзъ союзовъ, всероссійскій крестьянскій союзъ, академическій союзъ, союзъ инженеровъ и техниковъ, составитель удѣлилъ особое вниманіе, включивъ въ книгу не только ихъ уставы, но и резолюціи делегатскихъ съѣздовъ, извлеченія изъ журналовъ совѣщаній делегатовъ и т. п., что, несомнѣнно, облегчаетъ ознакомленіе съ характеромъ ихъ дѣятельности. Въ третью часть книги вошли уставы четырехъ лигъ: лиги борьбы противъ смертной казни, лиги образованія, лиги труда и лиги обновленія флота. Отмѣтимъ въ заключеніе еще одинъ недочетъ сборника, который желательно бы исправить въ слѣдующихъ его изданіяхъ—это именно, отсутствіе въ книгѣ указаній, какое положеніе заняли всѣ вошедшіе въ сборникъ союзы по отношенію къ закону объ обществахъ и союзахъ.

Какъ видно изъ предисловія, всѣ дополненія будутъ включены во второй выпускъ настоящаго труда, въ который войдутъ также программы и уставы партій и союзовъ отдѣльныхъ, населяющихъ Россію національностей, а также отдѣльныхъ областей. Тамъ же будутъ помѣщены дѣйствующіе законы и разъясненія, касающіеся порядка учрежденія различныхъ обществъ и союзовъ, порядка устройства общественныхъ собраній и т. п.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ, контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

А. Н. Что нужно рабочему народу. Спб 1906. Ц 8 к.

Автономная организація средней школы. Смоленскъ. 1906.

Проф. Г. Адлеръ. Исторія соціализма и коммунизма. Спб. 1907. Ц. 15 к.

Библіотека Юнаго Читателя: Эринъ. Изумрудный островъ. Сост. Э. Пименова. Ц. 20 к.—***Крэкъ.*** Джонъ Халифаксъ.—***С. Р. Минцловъ.*** На крестахъ. Ц. 30 к. ***С. Рудова.*** Пѣвецъ и мученикъ свободы. Ц. 5 к.—***Е. Колтоновская.*** Поборница справедливости (Элиза Оржешко). Ц. 5 к. ***М. Сабинина.*** Въ рѣкахъ и прудахъ. Ц. 15 к.—***Э. Пименова.*** Небесная имперія. Ц. 25 к.—***В. Ienзенъ.*** Во славу Божію! Ц. 15 к. —***Ю. Менжинская.*** Франциско Пизарро и завоеваніе Перу. Ц. 20 к. Спб. 1906.

К. Брешковъ. Курсъ русскаго синтаксиса. Ц. 50 к.

Библіотека рабочаго. Еженедѣльное изданіе подъ ред. ***В. А. Поссе.*** Спб 1906 г., № 2, 3, 4. Основы рабочаго законодательства. — Исторія рабочаго законодательства въ Россіи.— Политическія слова, понятія и вещи.— Національная автономія и всемірная федерація.—Формы правленія и демократія. — Народное представительство и народное законодательство.—Рабочія стачки: I. Англія, Америка, Австралія, Японія —II. Франція, Испанія, Италія, Швейцарія. — III. Германія, Австрія. Венгрія, Бельгія, Голландія, Швеція.— IV. Россія.— Государственная Дума. Значеніе Госуд. Думы, Тронная рѣчь, Адресъ, Отвѣтъ совѣта министровъ, Итоги.

Библіотека по общественно-экономическимъ вопросамъ. М. 1906. Проф. ***Озеровъ*** I. Что должны имѣть въ виду рабочіе. Ц. 5 к.—II. Страхованіе трудящихся въ Германіи. Ц. 5 к.—IV. Земельный вопросъ въ Россіи. Ц. 25 к.—III. Фабричные комитеты. Ц. 10 к.—V. Финансовая реформа въ Россіи. Ц. 50 к.

Книгоизд. ***„Библіотечное Дѣло“: С. П. Швецовъ.*** Крестьянская община. Спб. 1906. Ц. 5 к.

Григорій де-Волланъ. Открытое письмо къ русской молодежи. Спб. 1906. Ц. 25 к.

Книгоизд. ***„Вега“: Элизе Реклю*** Эволюція, революція и идеалы анархизма. М. 1906. Ц. 40 к.

Книгоизд. ***„Вѣрный путь“.*** Спб. 1906.: ***Эмбе:*** Для чего нужно народное образованіе. Ц. 4 к.—***Александръ Златининъ.*** Въ патрулѣ. Ц 1 к.— Его же. ***Земля.*** Ц. 2 к.—***О. Вольпештейнъ.*** Кому и зачѣмъ нужно всеобщее избирательное право. Ц. 4 к.— ***Ольговичъ.*** Что сказала деревня первой Государственной Думѣ. Ц. 4 к.

С. К. Гогель. Роль общества въ дѣлѣ борьбы съ преступностью. Спб. 1906 Ц. 2 р.—***Его же.*** Вопросы уголовнаго права, процесса и тюрьмовѣдѣнія. Спб. 1906. Ц. 2 р 50 к.

Изданія ***И. Глаголева.*** Спб. 1906. ***Гансъ Лейссъ.*** Въ исправительной тюрьбѣ. Ц. 80 к.—***Л. Г. Дейчъ.*** 16 лѣтъ въ Сибири. Ц. 1 р.—***Артуръ Арну*** Народная исторія Парижской Коммуны. Ц. 80 к.

Изд ***Н Е Парамонова „Донская Рѣчь“.*** Ростовъ на Дону. 1906. ***В. Алексѣевъ.*** Изъ исторіи верховной власти въ Россіи. Ц. 20 к.— ***І. К—ша.*** Національныя мастерскія во Франціи въ 1848 г. Ц. 8 к.—***И Дитятинъ.*** Когда и почему возникла рознь въ Россіи между „командующими классами“ и „народомъ“. Ц. 20 к.— ***А. Пѣшехоновъ.*** Основныя задачи аграрной реформы. Ц. 3 к.—***Н. А. Рубакинъ.*** Исторія Русской земли. Ц. 18 к.—Обзоръ литературы по крестьянскому вопросу. Ц. 5 к.—***Левъ Толстой.*** О смертной казни. Ц. 1 к.— ***И. П. Бѣлоконскій.*** Деревенская конспирація. Ц. 2 к.—***И. Франко.*** Лѣса и пастбища. Ц. 2 к.—Стихотворенія С. Я. Надсона и друг. поэтовъ. Ц. 3 к.—***Н. Дубровскій.*** Франція. Буржуазія и пролетаріатъ въ іюльскіе дни. Ц. 8 к.—***Ал. Новиковъ.*** Наши братья. Ц. 5 к.—***В. Брусянинъ.*** Заразные люди. Ц. 2 к.—***М. Ключниковъ.*** Крестьянство и воля. Ц. 6 к.—***И. Бѣлоконскій.*** На высотѣ своего призванія. Ц. 3 к.—***Его же.*** За что и почему?—***О. Вольпештейнъ.*** Почему у насъ требуютъ неприкосновенности личности и жилища. Ц. 1 к —***Ея же.*** Вопросъ о всеобщей забастовкѣ въ Германіи. Ц. 1½ к.—***Ея же.*** Для чего нужна свобода слова и собраній-сходокъ. Ц. 1 к.—***П. Кропоткинъ.*** Что дѣлать? Ц. 4 к.—***М. Поповъ.*** Къ біографіи Ип. Н. Мышкина. Ц. 5 к.— Слово къ деревенской бѣднотѣ Ц 10 к.— ***М. Львовичъ.*** Впередъ. Сборникъ стихотвореній и пѣсенъ. Ц. 20 к.—***Батранъ.*** Товарищъ, не измѣняй! Ц 2 к.— ***С. Князьковъ.*** Какъ начался расколъ русской церкви. Ц. 25 к.—***Н. А. Кабановъ.*** Какъ улучшить крестьянское хозяйство. Ц. 4 к.—***Георгъ Герронъ.*** Судный день капитализма. Ц. 6 к.— ***Владимiръ Беренштамъ.*** Рѣчь защитника по якутскому процессу. Ц. 15 к.—Журналъ Русская Историческая Библіотека. Процессъ шестнадцати террористовъ. (1880 г.). Ц. 60 к.

Изданія ***А. Сурата: Ежъ.*** На разсвѣтѣ. Ц. 20 к. ***И. Рыбацкій.*** Шестипалый. Ц. 4 к.—***В. Измайловъ.*** Какъ мужичекъ нашелъ то, что ему было нужно. Ц. 1 к.—***Авг. Бебель.*** Государство будущаго. Ц. 10 к.

Книгоизд. ***„Къ свѣту“.*** Ростовъ на Дону. 1906. ***В. Федоровъ.*** Къ вопросу о воинской повинности въ Россіи. Ц. 8 к.—***Д. Сатуринъ*** Исторія одной стачки. Ц. 4 к. — Хаимъ Гершковичъ Ц. 5 к.—***А. И. Новиковъ.*** Какъ должны писаться законы. Ц. 5 к.—***Д. Сатуринъ.*** Германскій императоръ и народъ. Ц. 3 к.—***И. Бѣлоконскій.*** Голодъ, вырожденіе, вымираніе и невѣжество русскаго народа, какъ слѣдствіе полицейскаго строя. Ц. 3 к.— ***Викторъ Гюго.*** Клодъ Ге Ц. 3 к.— ***Л. Толстой.*** Экзекуція. Стыдно!

Ц. 2 к.—***Алексѣй Народовольцъ.*** Почему крестьяне требуютъ земли и воли. Ц. 3 к.—***Мазовецкій.*** Политическія партіи въ Польшѣ. Ц. 12 к.—Послѣдній день Каляева. Ц. 3 к—Взятіе Бастиліи. Ц. 1½ к.—***О. Мирбо.*** Крестины. Проповѣдь. Ц. 1½ к.—***В. Памайловъ.*** Мать. Ц. 3 к—Ирландецъ Джонъ и голодаевскіе мужики. Ц. 1½ к.—***Ѳ. Кайдановъ.*** Декабристы. Ц. 10 к. — ***Ламенне.*** Слово вѣрующаго. Ц. 6 к.—***Энрико Малатеста.*** Въ кофейнѣ. Ц. 7 к.—***Маньковскій.*** У подножія висѣлицы. Ц. 6 к—Министры—слуги народа. Вып. I. Министры въ самодержавномъ государствѣ. Ц. 3 к.

Изд ***П. Ѳ. Новожилова.*** Не въ моготу. Ц. 9 к.

Книгоиздат. ***„Дѣло".*** ***Вильямъ Моррисъ.*** Вѣсти ниоткуда. Ц. 50 к.—***Атлантикусъ.*** Государство будущаго 1906. Ц. 40 к

Іосифъ Дицгенъ Завоеванія (акквизиты) философіи. Спб. 1906. Ц 1 р.

Изд. ***А Ф. Девріена.*** Краткій учебникъ химіи. Ц. 45 к.—***П. И. Межериперъ*** Общедоступный курсъ машиностроительнаго черченія. Спб. 1906 Ц. 5 р. 50 к.

К Н Деруновъ Примѣрный библіотечный каталогъ. Спб 1906. Ц. 40 к.

Е. Емельяновъ. Научныя экскурсіи въ область загадочнаго Ц. 60 к.—***Его же.*** Золото. Записки практика-золотопромышленника. Ц. 1 р.

Левъ Ждановъ. На зарѣ свободы. Ц. 5 к Спб. 1906.

Изд. ***Жуковскаго.*** Спб. 1906 ***Куно Фишеръ.*** Исторія новой философіи Т. I. Декартъ. Ц 2 р 50 к.

Книгоиздательство ***„Заратустра".*** ***А. Амонъ.*** Соціализмъ и анархизмъ. М. 1906. Ц. 50 к.

Книгоизд ***„Земля и воля".*** Спб. 1906: Ужасные дни. Записки дружинника. Ц 8 к.—На Байкалѣ Ц. 1 к.—Слѣдуетъ ли переселяться? Ц. 1 к.

Б. Зуттнеръ. Долой оружіе! 4 изд. Спб. 1906. Ц. 15 к.

Задачи соціализма въ культурѣ. Эд. Давидъ Соціализмъ и сельское хозяйство. 1906. Ц. 20 к.—***А. фонъ-Эльмъ.*** Соціализмъ и профессіональное движеніе. Ц. 15 к.

Изданія товарищества ***„Знаніе".*** Спб 1906. ***Э. Лиссагеръ.*** Исторія Парижской коммуны въ 1871 г. Ц 70 к.—***П. Кропоткинъ.*** Въ русскихъ и французскихъ тюрьмахъ. Ц. 1 р.—***Иванъ Бунинъ*** Стихотворенія 1903—1906 гг. Ц. 1 р.—***Августъ Вебель.*** Постоянная армія и народная милиція. Ц. 15 к. ***Карлъ Каутскій.*** Американскій и русскій рабочій. Ц. 15 к.—***Карлъ Каутскій.*** Соціализмъ и сельское хозяйство. Ц. 15 к.—***Марксъ и Энгельсъ*** Манифестъ коммунистической партіи. Ц. 12 к.—***Л. Крживицкій.*** Аграрный вопросъ Ц. 70 к.—***Евгеній Чириковъ.*** Разсказы. Томъ пятый. Ц. 1 р.

Книгоизд. ***„Интернаціоналъ".*** Мангеймскій партейтагъ германской соціалъ-демократіи Ц 25 к.

Изданія ***С. И. Иванова.*** Кіевъ. 1906. Экономическое ученіе Карла Маркса въ изложеніи К. Каутскаго Ц 45 к.—Экономическое ученіе К. Маркса. 2-й томъ „Капитала", въ изложеніи Каутскаго и О. Бауера. Ц. 35 к.—Экономическое ученіе К. Маркса. 3-й т. „Капитала" въ излож. Э. Бернштейна. Ц. 35 к.

Изд. ***С. Е Корнѣева. А. Салючи.*** Теорія стачки. Ц. 40 к. Спб. 1906.

Крестьянскіе наказы Самарской губ. Самара. 1906 Ц. 45 к.

Н. Карѣевъ Помѣстье—государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ. Спб. 1906. Ц. 2 р.

А. А. Кофодъ. Борьба съ черезполосицею въ Россіи и за границею. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Книгоизд. ***„Коллективистъ".*** Спб. 1907. ***Панъ.*** Изъ недавняго революціоннаго движенія Ц. 30 к.

И. М. Любомудровъ. Введеніе въ науку о справедливости Герберта Спенсера. Ковровъ. 1906. Ц 15 к.

Ив и Пав. Лопатины. Очеркъ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ царствѣ Польскомъ. Варшава. 1906. Ц. 15 к.

Книгоизд. ***„Мысль".*** Спб. 1906. ***М. Бакунинъ.*** Богъ и государство. Ц. 12 к.—***Людв. Фейербахъ.*** Сущность христіанства. Ц. 2 р.

Изд. журн. ***„Міръ Божій". Михаилъ Туганъ-Барановскій.*** Теоретическія основы марксизма. Спб. 1906. Ц. 75 к.

Г. Я Маляревскій. Къ реформѣ духовно учебныхъ заведеній Спб. 1906. Ц. 20 к.

Книгоизд. ***„Молодая Россія".*** М. 1906: ***Д. Самойловъ*** О рабочихъ профессіональныхъ союзахъ. Ц. 25 к.—***С. Самыринъ.*** Изъ прошлаго Ц. 3 к.—***Дядусь*** Для крестьянъ. Сборн. стих. Ц. 8 к.—***М. Якобій.*** Къ аграрному вопросу. Ц. 15 к.—***М. Гоцъ*** Система правды. Бѣглыя замѣтки. Ц. 18 к.—***И. Черновъ.*** Луи-Бланъ. Ц. 15 к.

Книгоизд. ***„Молотъ".*** ***П. Умбройтъ.*** Значеніе и задачи централь-

ныхъ бюро профессіональныхъ союзовъ. Спб. 1906. Ц. 3 к.

Книгоиз. „*Новое Товарищество*". Спб. и М. 1906: ***В. В.*** Соціальное преобразованіе Россіи. Ц. 18 к. - ***Смолова*** Король и народъ. Ц. 2 к.—***Абрамова.*** Крестьянинъ и рабочій. Ц. 2 к.—***А. Оларъ.*** Отъ монархіи къ республикѣ.—***Г. Новоторжскій.*** Значеніе права на землю для рабочаго народа. Ц. 4 к. -По ***Ленотру.*** Путешествіе на эшафотъ. Ц. 25 к.—***Н. Сибирянъ.*** Гдѣ лучше? Ц. 10 к.—***Г. Новоторжскій.*** Земельный вопросъ въ Россіи. Ц. 10 к.—***Его же.*** Національный вопросъ, автономія и федерація Ц. 6 к.—***С. Занъ.*** Крестьянство и соціализація земли. Ц. 15 к.—***П. Вихляевъ*** Какъ уравнять пользованіе землей Ц. 6 к.—***И. Ошановскій.*** Крестьянская община и соціализмъ. Ц. 8 к.—***Жоржъ Ренаръ.*** Во французской деревнѣ. Ц. 3.—***Х. Житловскій.*** Матеріализмъ и діалектическая логика. Ц. 20 к.—***Н. Ошановскій.*** Освобожденіе земли. Ц. 6 к.

Г. Новоторжскій. Что такое правовое государство Спб. 1906. Ц. 10 к.

Изд. „*Нашей жизни*". Спб. 1906: Дѣло В. В. Водовозова. Рѣчи А. С. Заруднаго и В. В. Водовозова. Ц. 10 к.—Сборникъ программъ политическихъ партій въ Россіи. Вып. IV и V. Ц по 10 к.—***А. Котельниковъ.*** Нужна ли и зачѣмъ нужна статистика Ц. 10 к.—***А. К.*** Семья и женщина. Ц. 10 к.

Юрій Николаевъ. Запросы и мысли. Ц. 1 р. 50 к.

П. Оленинъ. Какъ онъ жилъ. Психологич. романъ. Ц. 50 к.

Изд. ред. журн. „*Образованіе*". Спб. 1906: ***Лоранъ Дешенъ.*** Рабочіе синдикаты въ Бельгіи. Ц. 40 к.—***Э. Вандервельде.*** Соціализмъ и земледѣліе. Ц. 40 к.—***А. Богдановъ.*** Революція и философія. Ц. 7 к.

Изданія „Общественной Пользы" Спб. 1906. ***Л. Василькевскій*** (Плоховцкій). Современная Польша и ея политическія стремленія. Ц. 50 к.—***Карлъ Марксъ.*** Революція и контръ-революція въ Германіи. Ц. 25.—***Н. А. Бородинъ.*** Государственная Дума въ цифрахъ. Ц. 25 к.—***Этьенъ Бюиссонъ.*** Всеобщая стачка. Ц. 25 к.—***Юлій Гессенъ.*** О жизни евреевъ въ Россіи. Ц. 75 к.

„Природа и школа". № 1. ***А. Б. Петрищевъ.*** Изъ исторіи русской школы. Ц. 5 к.—№ 2. ***Его же.*** Изъ исторіи кабаковъ въ Россіи. Ц. 5.

Изд. О. Н. Поповой Спб. 1906. ***Н. Димъ.*** Сельскій пролетаріатъ въ Россіи. Ц. 12 к.—***Б. Кричевскій.*** Восьмичасовой рабочій день. Ц. 15 к.—***Вильгельмъ Блосъ.*** Исторія Германской революціи 1848 г. Ц. 1 р. 20 к.

Проф. Дж. Перри. Вращающійся волчекъ. Ц. 60 к.

Книгоизд. „*Польза*". М. 1906. Проф. ***Т. В. Локоть.*** Первая Дума. Ц. 1 р. 20 к.

Изданія ***Л. Ф. Пантелѣева.*** Спб. 1906: ***С. Пантелѣева.*** Трудовая самопомощь. Ц. 7 к.—***А. Сорель.*** Европа и французская революція. Т. V. Бонапартъ и директорія. Т. VI Перемиріе. Люневильскій и Амьенскій договоры. Ц. за 2 т. 5 р.

Кн—ство „*Прибой*". Спб. 1906. ***С. Шпицеръ*** Не по той дорогѣ Ц. 5 к.

Кн—ство „*Просторъ*". Спб. 1906. ***М. Пьерро*** Синдикализмъ и революція. Ц. 20 к. — ***Н. Эльцбахеръ.*** Сущность анархизма. Изд. 2-е. Ц. 75 к.

Изд. ***М. В. Пирожкова.*** Спб. 1906. ***П. М. Могилянскій.*** Интернаціоналъ. Ц. 15 к.—Сочиненія ***А. П. Щапова.*** Т. I. Ц. 3 р.—Учебникъ новой исторіи пр. ***Трачевскаго.*** Ц. 1 р. 75 к.

„*Русское свободное слово*". Полное собраніе сочиненій, запрещенныхъ русской цензурой, гр. ***Л. Н. Толстого.*** Т. III и IV. Сент. и окт. 1906. Спб.

А. Рославлевъ. Красныя пѣсни, Ялта 1906. Ц. 25 к.

Книгоизд. „*Рабочій народъ*". Какъ добыть землю трудовому народу? Спб. 1906. Ц. 3 к

Изд. ***П. П. Рябушинскаго.*** М. 1906. Матеріалы по вопросамъ земельному и крестьянскому. Ц. 1 р. 25 к.

Г. И. Россолимо. Планъ изслѣдованія дѣтской души. Ц. 20 к.

Франческо-Рачіолли. Государственное устройство свободныхъ державъ. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Изд. ***О. Н. Рутенберъ.*** Спб. 1906. ***Рихардъ Кальверъ.*** Христіанство и соціалдемократія. Ц. 5 к.—***Георгъ Герронъ.*** Отъ революціи къ революціи. Ц. 6 к.—***Г. Плехановъ.*** Къ вопросу о революціонной тактикѣ. Ц. 6 к.

Книгоизд. „*Рабочій*". М. 1906. Политическое положеніе и тактическія проблемы.

Г. Т. Съверцевъ-Полиловъ. Аттестатъ на дурака. Спб. 1906.

Е. Стратоновъ. Настоящее состояніе средней школы и средства ея возрожденія. М. 1906. Ц. 25 к.

С. Ц. Предъ разсвѣтомъ. Ц. 10 к.

Книгоизд. „*Слово и жизнь*". Спб. 1906. ***Ник. Жервэ.*** Неосуществив-

шійся проектъ народнаго представительства 1881 г. Ц. 10 к.—*С. Шарпантье.* Нищій у порога Европы. Ц. 60 к.

Изд. *С. Скирмунта.* М. и Спб. 1906: *О. Рюле.* Народная школа въ Германіи, какъ она есть. Ц. 15 к.—*С. Ивановъ.* Рабочіе союзы. Ц. 5 к.—*М. Таганскій.* Краткій очеркъ исторіи русской промышленности. Ц. 15 к.—*А. Менгеръ.* Новое ученіе о нравственности. Ц. 25 к.—*А. Никольскій.* Краткій очеркъ англійской конституціи. Ц. 8 к.—*Жоржъ Вейль.* Исторія республиканской партіи во Франціи. Ц. 2 р.—*Н. Зубъ.* Марксова теорія возникновенія и роста капитала. Ц. 6 к.—*Ю. Бюнсонъ.* Всеобщая стачка. Ц. 15 к.—*А. Менгеръ.* Новое ученіе о государствѣ. Изд. 2-е. Ц. 50 к.—*К. Левинъ* и *А. Блюмъ.* „Кадеты". Ц. 15 к.—*А. Брандіевская.* Только часъ. Ц. 6 к.—*Готфридъ Кохъ* Очерки по исторіи политическихъ идей и государственнаго управленія Ц. 1 р. 50 к.

Книгоизд. *„Слово и Жизнь".* Спб. 1906. Краткія біографіи членовъ государственной Думы Ц. 30 к.

Изд. *„Свободная Россія".* М. 1906. *В. П. Алексѣевъ.* Начало и конецъ самодержавія въ Россіи. Ц. 15 к.—Проф. *А. И. Чупровъ.* Агрономическая помощь населенію въ Италіи. Ц. 15 к.

Книгоизд. *„Свободная Жизнь".* Спб. 1907. *Вс. С. Абрамовъ.* Деревенскіе очерки. Ц. 7 к.

Изд. *С. Н. Салтыкова.* Спб. 1906. Искра. За два года.

Книгоизд. *„Современникъ".* Спб. 1906. *В. В. Берсянинъ.* Судьба первыхъ депутатовъ. Ц. 20 к.

И. Ставрогинъ. Пять свободъ. Ц. 5 к. Спб. 1906.

Изданія т—ва *И. Д. Сытина.* М. 1906. *М. Ковалевскій.* Отъ прямого народовластія къ представительному. 1906. Ц. 1 р. 25 к. — *А. Трачевскій.* Наполеонъ I. Ц. 1 р. 25 к.—*Рудольфъ Мартинъ.* Будущность Россіи и Японіи. Ц. 1 р.—*С. Варшавскій.* Жизнь и труды первой Государственной Думы. Ц. 1 р.—*А. И. Герценъ.* Проблемы культуры. Ц. 50 к.—*М. В. Довнаръ-Запольскій* Тайное общество декабристовъ. Ц. 1 р.

Книгоизд. *„Товарищество".* М. 1906. *Ольговичъ* Кого и какъ выбирать во вторую Государственную Думу. Ц. 2 к.

Николай Трубицынъ. Общественная роль женщины въ изображеніи новѣйшей русской литературы. Ц. 40 к.

А. И. Трофиловъ. Теорія прибавочной стоимости К. Маркса съ технической точки зрѣнія. Спб. 1906.

В. Тотоміанцъ. Задачи городского самоуправленія. Изд. „Товарищъ". Ц. 8 к.

Изд. *Третникова.* Спб. 1906. *Альфонсъ Додэ.* Малышъ.

Изд. *„Трудъ и Воля".* М. 1906. *Жанъ-Жакъ Руссо.* Общественный договоръ. Ц. 40 к.

Изд. *„Трудъ и Борьба".* Спб. 1906: *Ю. Делевскій.* Къ вопросу о возможности историческаго прогноза. Ц. 25 к.—*Его же.* Діалектика и математика. Ц. 20 к.

Изд. *А. В. Успенскаго.* Спб. 1907. Вопросы колонизаціи Ц. 2 р.

Изд. *П. Н. Филиппова.* Спб. 1907. *А. Леманъ.* Теорія бильярдной игры. Ц. 2 р.

А. Шэффле. Сущность соціализма. Спб. 1907. Ц. 15 к.

М. П. Щепкинъ. Общественное самоуправленіе въ Москвѣ М. 1906. Ц. 1 р.

Германъ Шубертъ. Элементарное вычисленіе логариѳмовъ. Ц. 30 к. Спб. 1906.

Я Ягодинъ. Лѣтопись 1904—1905 г. М. 1906. Ц. 1 р.

Вас. Янчевъ. Morituri. Разсказы. Спб. 1906. Ц. 1 р.

«Очень просто».

Было это въ январѣ текущаго года, въ періодъ проведенія въ жизнь гг. Витте, Дубасовымъ, Дурново и пр. конституціонныхъ началъ. Пробирались мы «куда-нибудь»: хватитъ денегъ — въ Швейцарію, не хватитъ—осядемъ въ Германіи. Въ скверномъ вагонѣ четвертаго класса было натоплено, пахло дешевыми сигарами, пивомъ... Въ душу залѣзала тоска, которая, казалось, вотъ-вотъ задавитъ, какъ тяжелая гиря; мы молчали, усиленно курили и глядѣли въ окна... И только ночью завязался общій тяжелый разговоръ. Хмурый исполинъ литовецъ, крѣпкій, какъ сосны его родныхъ лѣсовъ, повѣствовалъ о «событіяхъ».

— Начальство было плохое, объ насъ не заботилось... Народъ бѣдный, земли мало, неурожайная... Рѣшили, чтобы всѣмъ было лучше. Я—грамотный, газеты читаю, водки не употребляю, выбрали меня старшиной... А потомъ пришли солдаты, я и убѣжалъ...

— Какъ же было у васъ?—спросилъ кто-то.

— Да такъ, очень просто.. Деревню сожгли, кого убили, кого въ тюрьму взяли...— И долго еще разсказывалъ онъ, какъ били женщинъ, какъ ружейная пуля угодила въ голову его зятю, какъ пороли мужиковъ, а молодой рыжій офицеръ ругался скверными словами...

Было жутко, страшно за людей, у которыхъ хватаетъ мужества жечь, пороть, убивать... Полились разговоры объ убійствахъ, истязаніяхъ, тюремныхъ голодовкахъ, и какъ суть разсказовъ, такъ и форму, въ которую они были облечены, собесѣдники старались сдѣлать «простыми».

— Подстрѣлили... Очень просто—умеръ... Онъ его, конечно, плетью по головѣ...

«Очень просто»... Вотъ формула, которой характеризуется процессъ русской исторіи. Ея факты «очень просто» рождались, «очень просто» протекали и также просто умирали, уступая свое мѣсто другимъ «очень простымъ» событіямъ... И кто знаетъ, не потому ли русская дѣйствительность такъ жестока и безобразна, что она «очень проста». Философски просто смотритъ на міръ божій мужикъ, урядникъ, крѣпкоголовый купецъ и рахитичный губернаторъ, рѣшающій судьбы «своей» губерніи.

Вспоминается цѣлый рядъ фактовъ, — и всѣ они «такіе простые».

Вотъ здоровый, краснощекій городовой; онъ стоитъ «на посту» и сонно оглядываетъ проходящихъ. Фигура его говоритъ: «Я—по-

чальство и все могу». Когда происходитъ скандалъ, онъ медленно подходитъ къ волнующейся группѣ, быстро выхватываетъ оттуда виновника, награждаетъ его нѣсколькими тумаками и отправляетъ въ участокъ. По субботамъ, часовъ въ семь вечера, происходитъ одна и та-же неизмѣнная сценка. Изъ воротъ дома, сосѣдняго съ тѣмъ, гдѣ я живу, выходитъ мастеровой и, съ трудомъ волоча ноги, пьянымъ голосомъ кричитъ: «Николай Егорычъ хочетъ спать». Городовой подходитъ къ буяну, нѣкоторое время о чемъ-то толкуетъ съ нимъ, а черезъ минуту-двѣ пьяный Николай Егорычъ валяется уже на мостовой съ окровавленнымъ лицомъ и оретъ не своимъ голосомъ: «Вынить за свои деньги... Гдѣ такой законъ, чтобъ нельзя»?.. Николай Егорычъ втаскивается во дворъ,—и исторія заканчивается: порядокъ возстановленъ «очень просто», и городовой стоитъ на посту, заложивъ руку за бортъ мундира... Поутру Николай Егорычъ здоровается съ городовымъ за руку и дружески бесѣдуетъ съ нимъ.

— Охота о вчерашнемъ вспоминать! Человѣкъ пьяный, очень просто и скандалъ выйдетъ...

Помню сорвавшагося съ лѣсовъ каменьщика съ перебитой ногой и кровяной маской вмѣсто лица. Его обступили товарищи и понуро качали головами. На вопросъ архитектора, какъ произошло несчастье, «ребята» хладнокровно отвѣтили: «Дѣло такое, далеко ли до грѣха?.. Домъ-то высокій, ну и упалъ то-исъ»...

И никому изъ нихъ, вѣроятно, не приходило въ эту минуту въ голову, что сорваться съ лѣсовъ можно лишь при условіи плохого или устройства, отсутствія перилъ и т. д.: слишкомъ «просто» для этого мыслимъ мы.

Сила инерціи для уничтоженія человѣка, жестокости, надъ нимъ чинимыя (исторія Россіи) которыя въ концѣ концовъ пріучаютъ его къ мысли, что «иначе — быть не можетъ»; вѣчная ли борьба съ нуждой, или безконечныя степи и угрюмые лѣса наложили на насъ свой отпечатокъ,—судить не берусь, но что психологія наша чрезвычайно «проста», что всѣ факты жизни мы разсматриваемъ съ точки зрѣнія «очень просто», что въ этомъ направленіи работаетъ наша мысль—врядъ ли кто будетъ оспаривать. Пусть каждый изъ насъ порется въ памяти, и безъ особыхъ усилій,—убѣжденъ я,—онъ приведетъ много фактовъ, свидѣтельствующихъ о привычкѣ разсматривать жизненныя явленія «очень просто».

Но оставимъ область личныхъ наблюденій, перейдемъ къ объективнымъ даннымъ,—и тутъ мы замѣчаемъ, что теперешнія событія оцѣниваются съ точки зрѣнія «очень просто»; этой простой оцѣнкѣ соотвѣтствуютъ и «простые» методы «предупрежденія» и «искорененія». Объ этихъ фактахъ современности я и буду говорить.

Становой приставъ имѣлъ съ крестьянами села Голодаевки «личности». Мужики-озорники при встрѣчѣ не снимали шапокъ,

грубилъ, а однажды хромой Агаѳонъ пустилъ вслѣдъ приставу: «Чортовъ пузанъ». Приставъ выжидалъ момента отмстить. Случай скоро представился: у сосѣдняго помѣщика сгорѣла скирда соломы, а такъ какъ поджечь ее могли только озорники-мужики,—кому же больше?—то справнику докладывается, что мужики бунтуютъ. Не проходитъ и трехъ дней, какъ въ деревню являются драгуны. Агаѳона—хромая бестія! онъ всему коноводъ! — порютъ первымъ, затѣмъ сѣкутъ его шурина, еще человѣкъ пять коноводовъ, неблагонадежность которыхъ лично свидѣтельствуется становымъ, — и «бунтъ прекращается». Это ли не «очень просто»?.. Это ли не умѣніе «водворить спокойствіе» въ станѣ? И какъ «просто» разсматриваетъ событія въ станѣ господинъ становой, въ уѣздѣ — господинъ исправникъ,—такъ же просто разсматриваетъ ихъ господинъ губернаторъ во вѣренной его превосходительству губерніи, а министръ—въ подвѣдомственной ему области государственнаго управленія.

Когда въ губерніи вспыхиваютъ безпорядки, губернаторъ мало интересуется вопросомъ, въ силу какихъ причинъ въ городахъ начинаются стачки, въ деревняхъ крестьяне смѣщаютъ старостъ и писарей, захватываютъ землю и встрѣчаютъ стражниковъ кольями. Углубляться въ причины, искать корень вещей — не входитъ въ обязанности губернатора. Да и по существующему у всѣхъ коллежскихъ, надворныхъ, статскихъ, тайныхъ и дѣйствительныхъ статскихъ и тайныхъ совѣтниковъ казенному расписанію, причиной безпорядковъ являются агитаторы. Причина—«очень проста», и начальству остается только приступить къ процессу уловленія агитаторовъ и наказанія бунтующихъ обывателей. Въ опредѣленнымъ пунктамъ стягиваются войска, волнующаяся мѣстность объявляется на соотвѣтствующемъ безпорядкамъ положеніи, и начинается тріумфальный походъ усмирителей. Генералъ Алихановъ для Кавказа, генералъ Бауэръ для Прибалтійскаго края, генералъ Литвиновъ для Ставропольской губерніи получаютъ однородныя «простыя» инструкціи. Татарскія генералъ рѣжетъ армянъ и сжигаетъ ихъ деревни, нѣмецъ Бауэръ уничтожаетъ латышей, эстовъ, а истинно-русскій Литвиновъ предаетъ огню и мечу подвѣдомственную ему губернію. Изловленіе агитаторовъ и наказаніе виновныхъ ведется столь энергично и умѣло, что цвѣтущія, многолюдныя губерніи превращаются въ завоеванный и разоренный край...

Да не подумаетъ читатель, что я говорю только о г. Алихановѣ или только о г. Литвиновѣ. Нѣтъ! чуть не всякій генералъ, состоящій на дѣйствительной службѣ и умѣющій диктовать грамотному писарю приказы по бригадѣ, таитъ въ себѣ всю ту государственную мудрость, которая нужна людямъ, разсматривающимъ жизнь сквозь призму «очень просто». А такъ какъ диктовать приказы умѣетъ и поручикъ, а «простая» точка зрѣнія требуетъ ничтож-

ныхъ знаній, таланта, ума, — то ясно, что любой генералъ-маіоръ сумѣетъ быть дѣятельнымъ гражданскимъ и военнымъ губернаторомъ.

Губернія это—бригада; баталіонамъ соотвѣтствуютъ уѣзды; ротамъ—волости, взводамъ—деревни, мужикъ—тотъ же солдатъ. И остается губернатору только командовать: «Смирно», «лѣвое плечо впередъ», «Ружье на пле-е-чо!»,—а населенію маршировать, поворачиваться и ѣсть начальство глазами. А если это самое населеніе вдругъ перестаетъ повиноваться дисциплинѣ—завелись агитаторы!—губернаторъ призываетъ «всамдѣлишныхъ» солдатъ и усмиряетъ «непокорныхъ», развращаемыхъ агитаторами.

Съ точки зрѣнія «очень просто» разсматриваютъ событія и весь историческій процессъ гг. Толстые, Сипягины, Каульбарсы, Плеве, Дурново, Ренненкампфы, Столыпины, Шванебахи, Меллеръ-Закомельскіе и прочіе мертвые и здравствующіе вершители судебъ Россіи. Еще будучи губернаторами или командуя полками и баталіонами, они укрѣпились на почвѣ «очень просто». Они дѣлаются вершителями судебъ по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ,—они всѣ въ чинѣ не ниже генералъ-маіора или дѣйствительнаго статскаго совѣтника; во-вторыхъ,—быть министромъ или «начальникомъ края» совсѣмъ не такъ отвѣтственно и не требуетъ никакихъ знаній—не святые же, въ самомъ дѣлѣ, горшки лѣпятъ!—въ третьихъ, наконецъ, они — хорошаго рода и поведенія. За всѣмъ тѣмъ среди нихъ не мало и заслуженныхъ, съ Георгіемъ, за русско-японскую, напримѣръ, войну. А разъ въ человѣкѣ соединяются высокій чинъ, отсутствіе знаній и родовитость—кто докажетъ, что онъ не способенъ быть министромъ?

Георгіевскій кавалеръ, занимающій высокій постъ, особенно любитъ говорить о «мощи государства», «силѣ власти» и «устояхъ», но «полноту и силу власти», «мощь государства» онъ понимаетъ чрезвычайно «просто», конкретно: столько-то имѣется въ моемъ распоряженіи солдатъ, столько-то полицейскихъ, столько-то жандармовъ, столько-то агентовъ охраннаго отдѣленія; итого людей въ мундирахъ—столько-то, людей въ цивильномъ—столько-то. Конечно, полноту власти можно разсматривать нѣсколько иначе; въ государствѣ по ту сторону станціи Александрово, которая называется Германіей, какъ и вездѣ въ Западной Европѣ, государственные люди должны знать, что такое власть, изъ какихъ элементовъ она слагается, что есть сила власти и каковы предѣлы этой силы. Но георгіевскаго кавалера мало интересуютъ такіе вопросы (метафизика-съ!)—да и некогда, по правдѣ говоря: надо усмирить Лифляндію, Эстляндію, Курляндію, Кавказъ, Сибирь, Польшу, центральныя, сѣверныя, южныя губерніи, надо изловить агитаторовъ, потолковать съ шустрымъ французскимъ репортеромъ,—кстати, по-французски говорить министръ умѣетъ,—заняться

бухгалтеріей, чтобы свести «баланецъ» и онять приняться за изловленіе агитатора, который умудрился убѣжать изъ тюрьмы.

Такимъ образомъ, исторія движется «очень просто», механически просто... Такъ она шла при нашихъ дѣдахъ, отцахъ, такой она является теперь и, кто знаетъ?—какой она будетъ при нашихъ дѣтяхъ. А что до дѣйствительныхъ статскихъ и тайныхъ, вовлеченныхъ въ историческій процессъ,—на ихъ обязанности лежитъ только знаніе ариѳметическихъ дѣйствій, по преимуществу сложенія и вычитанія: населенія въ странѣ 180 милліоновъ, жандармовъ, полиціи, солдатъ и штатскихъ (число послѣднихъ принимаемъ равнымъ 3 милліонамъ)—5 милліоновъ, слѣдовательно, на одного представителя власти двадцать семь человѣкъ. А будетъ населенія 280 милліоновъ, число слугъ правительство должно будетъ довести до 10 милліоновъ, ибо, когда на 27 обывателей приходится одинъ юнитеръ, въ государствѣ все идетъ благополучно. Такова сущность «баланца», который получается «очень просто».

Но иногда «баланецъ» обманываетъ, и формула «очень просто» нарушается. Такъ было, напримѣръ, въ октябрѣ прошлаго года. Вдругъ, ни съ того, ни съ сего обыватель сталъ безобразничать: пріостановилъ работы на заводахъ, фабрикахъ, копяхъ, желѣзныхъ дорогахъ, протналъ начальство и заявилъ: «Довольно! Не хочу, чтобы мной распоряжались георгіевскіе кавалеры»! А георгіевскіе кавалеры, сбившись въ кучу, недоумѣвали, въ чемъ собственно дѣло. Но такъ какъ народъ продолжалъ «безобразить», а пятимилліонная «сила власть» оказалась не «на высотѣ положенія», то георгіевскіе кавалеры сказали: «Ладно, пусть будетъ по вашему. Хотите свободъ разныхъ—извольте... дѣло—небольшое. Очень просто—мы все это оборудуемъ». И оборудовали... А черезъ три дня горѣли города, громилось имущество, избивались жители, и члены партій: союза русскаго народа, общества борьбы съ революціей и анархіей и пр., а по прошлогодней терминологіи—босяки, хулиганы, отребья населенія—выполняли адски-простой планъ уничтоженія дарованныхъ свободъ.

Шли мѣсяцы, а населеніе все продолжало «безобразить», требуя выполненія обѣщанныхъ свободъ и созыва парламента. Было ясно, что погромы, тюрьмы и разстрѣлы не успокоили обывателей. Георгіевскіе кавалеры нашли «простой» исходъ: созвали Думу, но... чтобы повиновалась, а передъ созывомъ издали основные законы, «простые» законы, воспрещавшіе депутатамъ заниматься насущнѣйшими вопросами государственной жизни. «Получайте десять рублей въ день—и молчите о самомъ главномъ».

Но не тутъ то было: Государственная Дума стала «озорничать» и дошла въ смѣлости до того, что запрашивала георгіевскихъ кавалеровъ, на какомъ основаніи людей сажаютъ въ тюрьмы и вѣшаютъ. А обыватели, одобряемые «озорной» Думой, стали предерзостно вести себя: мужикъ вообразилъ, что его ведьмя пороть,

мѣщанинъ и купецъ прекратили уплату мѣсячнаго жалованья участковому приставу, агитаторъ открылъ газету и принялся ругать дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ и генераловъ отъ кавалеріи... И хотя обывателей за такія дерзости по прежнему сѣкли и вѣшали, но они все болѣе дерзили, а Государственная Дума даже отмѣнила смертную казнь, тѣмъ самымъ вмѣшавшись въ дѣла, рѣшать которыя по силамъ только георгіевскимъ кавалерамъ... Этого мало! Споконъ вѣку такъ было просто въ деревнѣ: мужикъ платитъ подати, аренду, поставляетъ рекрутъ, обнажаетъ спину, а тутъ вдругъ: «Ренту долой, землю—народу» и прочее въ этомъ духѣ. Неложительно, пріобрѣвшій давность процессъ «очень просто» грозилъ съѣхаться другимъ, ему противоположнымъ, справиться съ которымъ подъ силу развѣ «исполинскимъ мысли»; а въ какомъ, извольте, департаментѣ ихъ найдешь? Озорниковъ надо было смирить, это былъ вопросъ «государственной необходимости». Послѣдняя (государственная необходимость) требовала рѣшительныхъ дѣйствій, и къ нимъ прибѣгли: газету, которую открылъ агитаторъ, закрыли, его самого засадили въ кутузку, туда же доставили агитаторовъ, къ литературѣ не причастныхъ, въ столичный городъ Санктъ-Петербургъ, гдѣ засѣдали Государственная Дума, тянули массу войска, наняли еще нѣсколько тысячъ штатскихъ, а доѣренную околоточнаго послали въ Апраксинъ рынокъ. Черезъ часъ околоточный привезъ нѣсколько крѣпкихъ замковъ, зарубилъ три рубли на покупкѣ, и Таврическій дворецъ закрыли, поставивъ у входа орудія «полноты власти». «Роспускъ» Думы совершился «очень просто». А чтобы обыватель зналъ, что такое Таврическій дворецъ, было приказано гнать его отъ дворца... Всѣ приказанія были исполнены въ точности, и все вошло въ колею...

Только милліоновъ сто агитаторовъ находилось еще на свободѣ и доставляло правительству много хлопотъ, почему и рѣшено было ихъ перевѣшать. Такъ какъ мастеровой Николай Егорычъ имѣетъ обыкновеніе напиваться и предлагать постовому городовому вопросы, вродѣ: «Гдѣ такой законъ, чтобы нельзя было пить за свои деньги?»: такъ какъ, съ другой стороны, не въ состояніи же городовой каждаго буяна колотить,—не изъ камня кулаки-то?—то георгіевскіе кавалеры рѣшили удовлетворить объ заинтересованныя стороны. Именно: городовой беретъ озорника за шиворотъ и тащитъ въ участокъ къ приставу; тотъ составляетъ протоколъ соотвѣтствующаго вины Николая Егорыча характера и передастъ мастерового и протоколъ военнымъ властямъ, а тѣ уже судятъ озорника. И выходитъ какъ-то такъ, что мастеровой Николай Егорычъ подвергнетъ смерти. Такимъ образомъ, военно-полевой судъ и освободитъ разъ навсегда отечество отъ преступника, постового городового отъ обязанности колотить Николая Егорыча, а Николая Егорыча отъ скверной привычки быть битымъ.

Также «очень просто» можно рѣшать и всѣ прочіе вопросы

«первостепенной важности». Напримѣръ, земельный вопросъ; вѣдь его выдумали агитаторы, которые утверждаютъ, что у мужика земли нѣтъ, а мужикъ... Мужикъ-дуракъ и разбойникъ, его можно во всемъ убѣдить. Былъ онъ до сихъ поръ тихъ и простъ, превратили его въ пахаля, и требуетъ онъ теперь земли, запахивая, пока суть да дѣло, пожѣлчныя удѣльныя и пр. земли, того не понимая, что таковыми своими дѣйствіями нарушаетъ священный принципъ собственности. Оно, конечно, мужика слѣдуетъ почаще сѣчь... Но спина ли у него такая привычная къ поркѣ, упорство ли, или вина тому агитаторы, но только порка не помогаетъ, и преступныя дѣянія все увеличиваются въ числѣ,—надоѣло уже сѣчь,—вѣдь все на свѣтѣ имѣетъ предѣлъ... Пришлось георгіевскимъ кавалерамъ заняться земельнымъ вопросомъ, и исходъ былъ найденъ «очень простой». Земли много мужику дать, мало ли у насъ казенныхъ и удѣльныхъ угодій! Но конечно, по «справедливой оцѣнкѣ». А что денегъ, говорятъ агитаторы, нѣтъ у мужика,—такъ что-жъ? деньги всегда можно найти. Есть крестьянскій банкъ, онъ охотно посредничаетъ: выдаетъ деньги продавцамъ, взыскиваетъ ихъ съ крестьянъ, разсрочивая платежъ на много лѣтъ. Конечно, вмѣсто двухсотъ рублей—справедливая оцѣнка—мужику придется уплатить въ общей сложности рублей пятьсотъ за десятину; но при чемъ здѣсь георгіевскій кавалеръ? Это—система «баланца» и получается она—«очень просто».

Зная, что у насъ все идетъ «очень просто», что «просто» можно всѣхъ разорить, засадить въ кутузку, обыватель резонно говоритъ: «Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ», на что ближайшій къ нему георгіевскій кавалеръ столь-же резонно замѣчаетъ: «Захочу—помилую, захочу—съ костями слопаю». И говоритъ такъ не только георгіевскій кавалеръ въ чинѣ генералъ-маіора, а городовой, стражникъ, жандармъ, субъектъ изъ охранки. Вѣдь «простой» ходъ исторіи въ томъ и заключается, что понятія вульгаризируются, а «баланецъ» понимается слишкомъ конкретно.

Система «баланца» и вульгарное представленіе о власти, какъ о рукѣ, вооруженной плетью, создаетъ уже конфликты между представителями власти. «Десять казаковъ»,—разсуждаетъ синъ тихаго Дона,—«десять плетей, одинъ губернаторъ — одна плеть», слѣдовательно, согласно системѣ «баланца», десять казаковъ сильнѣй одного губернатора. И потому низшіе представители власти возмущены, когда къ дѣйствіямъ ихъ примѣшивается высшая власть, нарушающая «простую» систему «баланца».

Такого рода случай имѣлъ мѣсто въ Люблинѣ. Въ одинъ прекрасный день заборы города украсились слѣдующимъ извѣщеніемъ: «Предупреждаемъ жителей Люблина, что если кто-нибудь осмѣлится выйти изъ дому позже 8—9 часовъ вечера, тотъ будетъ избитъ нагайками, при чемъ мы не будемъ разбирать виновныхъ и невинныхъ. Предупрежденіе это относится главнымъ образомъ къ евреямъ.

агитаторамъ и революціонерамъ. Кто только осмѣлится нарушить обязательное постановленіе генералъ-губернатора, совершитъ покушеніе на стражника, солдата, казака и проч., то, помимо отвѣтственности въ установленномъ порядкѣ по закону, будетъ также избитъ казаками нагайками. Донскіе казаки».

Я не буду говорить почему именно это «обращеніе» относится къ евреямъ, агитаторамъ и революціонерамъ. Уже изъ послѣдовательности, въ какой идутъ одно за другимъ эти три слова, видно, что въ сознаніи казаковъ евреи, агитаторы и революціонеры—почти одно и то же: вначалѣ былъ еврей, потомъ къ нему присоединился агитаторъ, затѣмъ къ нимъ примкнулъ революціонеръ. Это—понятія трехъ періодовъ: *всю* смуту производитъ еврей: когда волненія усилились и на одного еврея нельзя было валить всего,—появился агитаторъ. А такъ какъ произвести революцію, даже при условіи «очень прежо», еврею и агитатору не подъ силу,—родился революціонеръ. Интересно также то, что извѣщеніе появилось на заборахъ. Исторія заборовъ—это исторія селъ, городовъ, всей Россіи. Въ недавнее еще время заборы служили для любовной литературы и личной полемики. «Кавалеръ» писалъ на заборѣ признаніе «барышнѣ». Охота была писать письмо, наклеивать марку, опускать въ почтовый ящикъ, когда можно все это продѣлать «очень просто». «Барышня» тутъ-же на заборѣ отвѣчала «кавалеру». Но если влюбленный отвѣта не получалъ, онъ мстилъ дѣвицѣ, символически позорилъ ее, вымазывая заборъ дегтемъ.

На заборахъ же велась и личная «полемика». По надписямъ на заборѣ можно было всегда узнать, въ чемъ обвиняется владѣлецъ забора и какому наказанію онъ (хозяинъ) долженъ быть подвергнутъ. Вотъ эти то «простые» способы полемики перенесены теперь и въ политическую борьбу. Казаки извѣщаютъ населеніе Люблина о своихъ «предположеніяхъ» и «заключеніяхъ», пользуясь обывательскими заборами.

Генералъ-губернаторъ Люблина нашелъ въ дѣйствіяхъ казаковъ вмѣшательство въ свои права вѣшать и сѣчь. Отвѣчать путемъ печати, находящейся въ рукахъ агитаторовъ, - губернатору, конечно, не приличествуетъ; гораздо проще обратиться къ тому же забору. И на заборахъ города Люблина появился слѣдующій отвѣтъ генералъ-губернатора казакамъ: «Считаю долгомъ еще разъ напомнить, что никакихъ особенныхъ ограниченій для города не установлено. Всякій обыватель можетъ спокойно выходить на улицу во всякое время дня и ночи, при чемъ обязанъ только имѣть при себѣ документъ».

Что отвѣтятъ губернатору донскіе казаки,—увидимъ, но думается, что въ этомъ теоретическомъ спорѣ возьмутъ верхъ казаки, ибо тысяча нагаекъ жизнеспособнѣе одной нагайки; такъ говоритъ «простая» система «балаганца». И думается, что «евреямъ,

агитаторамъ и революціонерамъ» позже 8 часовъ вечера появляться на улицахъ не придется, ибо обыватель, зная, что все происходитъ «очень просто», побоится высунуть носъ изъ окна:

— Черезъ часъ, отколотятъ за милую душу, потому что народъ такой... очень просто и прибьютъ...

Е. Я. Рыссъ.

Разрушеніе общины и общей семейной собственности.

(Указъ 9 ноября 1906 года).

I.

Если бы законодательная дѣятельность была поставлена у насъ въ нормальныя условія, если бы за законодательнымъ актомъ, подобнымъ высочайшему указу 9 ноября 1906 года, была обезпечена та устойчивость и неизбѣжность, которыя должны быть присущи законодательнымъ актамъ вообще и законамъ, опредѣляющимъ или измѣняющимъ имущественныя права гражданъ въ особенности, то день 9 ноября 1906 года долженъ былъ бы считаться днемъ рѣшительнаго перелома въ хозяйственной жизни народа, днемъ, въ который однимъ взмахомъ пера, однимъ властнымъ распоряженіемъ сверху, разрушались вѣками сложившіяся коллективныя формы поземельныхъ отношеній и сначалу индивидуализма въ правѣ насильственно обезпечивалось полное торжество въ строѣ крестьянскихъ правоотношеній.

Къ счастію, указъ 9 ноября силой незыблемости нормальнаго законодательнаго акта не обладаетъ. Онъ изданъ въ порядкѣ 87-ой статьи основныхъ законовъ, т. е. является закономъ «временнымъ». Дѣйствіе его должно прекратиться, если онъ не будетъ внесенъ въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ послѣ возобновленія занятій Государственной Думы или если его не приметъ Государственная Дума. А за то, что Дума его не приметъ, можно, конечно, поручиться.

Это, несомнѣнно, въ значительной мѣрѣ ослабляетъ разрушительную силу указа 9 ноября. Но только ослабляетъ. Всетаки измѣненія, которыя этотъ указъ внесетъ въ жизнь крестьянъ, могутъ быть очень обширными, съ послѣдствіями его придется считаться. Дать легче, чѣмъ отнять, не давать простора антиобщественнымъ аппетитамъ и стремленіямъ легче, чѣмъ ограничивать ихъ послѣ того, какъ имъ дана полная свобода.

При томъ же очень трудно гадать, когда этотъ «временный» законъ попадетъ на судъ Государственной Думы.

Вотъ почему тщательное изученіе указа 9 ноября, его критика, опредѣленіе его значенія и послѣдствій, которыя онъ можетъ имѣть въ народной жизни, представляетъ серьезный общественный интересъ.

II.

Указъ 9 ноября 1906 года, какъ мы уже упомянули, изданъ въ порядкѣ 87-ой статьи основныхъ законовъ. Въ литературѣ, какъ общей, такъ и спеціально юридической, съ достаточной полнотой выяснены предѣлы и характеръ той законодательной дѣятельности, которая можетъ быть оправдана ссылкой на эту статью. 87-ая статья, поставленная въ основныхъ законахъ рядомъ со статьею 86-ю, устанавливающей новое въ нашемъ законодательствѣ начало, по силѣ коего «никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственной Думы», конечно, не можетъ быть толкуема, какъ прямое отрицаніе этого начала. Она указываетъ только на возможность нѣкотораго исключенія изъ того основнаго принципа, который торжественно провозглашенъ основнымъ закономъ, — исключенія, которое, какъ всякое исключеніе, должно быть толкуемо ограничительно. И 87-ая статья содержитъ въ себѣ очень опредѣленное указаніе относительно предѣловъ ея примѣненія. Именно, она можетъ быть примѣнена только при наличности новаго возникшаго послѣ прекращенія занятій Думы, обстоятельства, и при томъ обстоятельства «чрезвычайнаго», которое вызываетъ необходимость принятія экстренной законодательной мѣры, не дожидаясь того времени, когда возобновятся занятія Государственной Думы.

Указанное ограниченіе уже неоднократно нарушалось. Уже неоднократно издавались указы чисто законодательнаго характера, которые никакими чрезвычайными обстоятельствами не вызывались и которые разрѣшали самые насущные вопросы въ направленіи, несогласномъ съ тѣми мнѣніями, которыя выражены были народными представителями. Въ такомъ порядкѣ изданы указы объ обращеніи казенныхъ и удѣльныхъ земель въ государственный земельный фондъ для продажи крестьянамъ; въ такомъ порядкѣ изданы законы объ измѣненіи условій покупки крестьянскимъ банкомъ частно-владѣльческихъ земель; въ такомъ порядкѣ, наконецъ, изданъ указъ «объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей».

Всѣ эти законодательные акты, никакими «чрезвычайными» обстоятельствами не вызывались и представляютъ собой безусловное превышеніе власти со стороны совѣта министровъ, подносящаго къ высочайшему утвержденію законы, подлежащіе разсмотрѣ-

нію Государственной Думы, законы, которые не могли быть изданы безъ согласія народнаго представительства.

Но ни разу еще основной законъ не нарушался такъ рѣзко, какъ въ указѣ 9 ноября. Ни разу ссылка на 87 статью не была такъ мало основательна, какъ въ данномъ случаѣ.

Изданіе указа мотивируется отмѣной выкупныхъ платежей съ 1 января 1907 года. Но какое же это новое чрезвычайное обстоятельство, когда отмѣна состоялась еще 3 ноября 1905 года? И какая непосредственная связь можетъ быть установлена между отмѣной выкупныхъ платежей и уничтоженіемъ общины и общей семейной собственности? Отмѣна выкупныхъ платежей послѣдовала тогда, когда уплаченные уже выкупные платежи съ лихвой вернули казнѣ тѣ затраты, которыя были ею произведены на выдачу выкупныхъ ссудъ. Въ тѣхъ общинахъ, которыя за періодъ съ 61 года совершали передѣлы, выкупная ссуда оплачивалась всѣми членами общины, и ни одинъ клочекъ земли, по послѣднему передѣлу, состоящій въ пользованіи даннаго члена общины, имѣющаго нынѣ право сдѣлаться его собственникомъ, не выкупался лично владѣльцемъ. На какомъ же основаніи этотъ временный владѣлецъ получаетъ право въ ущербъ праву всѣхъ однообщественниковъ закрѣпить такой участокъ за собой? На какомъ основаніи, члены семьи, участвовавшіе въ платежѣ выкупныхъ платежей за землю подворнаго владѣнія, должны поступиться своими правами въ пользу «домохозяина?» Еще менѣе состоятельно другое основаніе, приведенное въ указѣ для изданія его въ исключительномъ порядкѣ. Оно заключается въ томъ, что въ законѣ не установлено порядка совершенія сдѣлокъ о продажѣ состоящихъ въ подворномъ владѣніи участковъ надѣльной земли. Да, не установлено. Но всѣмъ извѣстно, что такой пробѣлъ закона существовалъ съ 1882 года, ровно 25 лѣтъ. Существовалъ съ тѣхъ поръ, какъ было пріостановлено дѣйствіе особыхъ правилъ о записи въ волостныхъ правленіяхъ договоровъ о переходѣ недвижимыхъ имуществъ. Съ этихъ поръ разрѣшеніе продавать землю для подворныхъ владѣльцевъ, не имѣющихъ особого крѣпостного акта (а таковыми являются почти всѣ подворные владѣльцы) было злою ироніей, такъ какъ не было способа закрѣпить продажу. Не смотря на то, что такой пробѣлъ закона былъ извѣстенъ всѣмъ дѣятелямъ крестьянскаго дѣла, правительство не нашло времени въ теченіе 25 лѣтъ его заполнить. Совершенно невѣроятно, чтобы одна эта причина пробѣлъ закона—могла вдругъ теперь вызвать необходимость изданія закона, не дожидаясь трехъ мѣсяцевъ, отдѣляющихъ насъ отъ будущей Думы.

Очевидно, были другія скрытыя причины, побудившія издать указъ 9 ноября. Причины эти, конечно, общеполитическаго характера, но онѣ еще менѣе могутъ оправдать то пренебреженіе къ

нормальному порядку изданія законодательныхъ актовъ, которое допущено въ настоящемъ случаѣ.

III.

Прежде, чѣмъ обратиться къ разбору значенія указа 9 ноября, напомнимъ вкратцѣ его содержаніе.

Указъ не говоритъ прямо, что община уничтожается. Но онъ наноситъ ей смертельный ударъ, разрушивъ то основаніе, на которомъ держался общинный строй—право общины на отведенную ей землю. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ снабжаетъ оружіемъ всѣ тѣ элементы, интересы которыхъ связаны съ разрушеніемъ общины. Онъ надѣляетъ ихъ правомъ, отвѣтнымъ у общины. Каждый домохозяинъ, получилъ въ силу указа 9 ноября право *во всякое время* требовать укрѣпленія за собою *въ личную собственность* «причитающейся» ему части изъ общинныхъ земель.

Въ развитіе этого основного положенія дальнѣйшія статьи указа опредѣляютъ, что по требованію домохозяина отводится ему въ личную собственность: 1) въ общинахъ, въ которыхъ не было передѣловъ въ теченіе 24 лѣтъ, предшествовавшихъ заявленію о желаніи перейти къ личной собственности, тѣ участки усадебной и полевой земли, которые за указанные 24 года находились въ его пользованіи, а въ тѣхъ общинахъ, въ которыхъ въ теченіе послѣднихъ 24 лѣтъ происходили передѣлы, укрѣпляются въ личную собственность тѣ участки, которые находятся въ пользованіи даннаго домохозяина по послѣднему передѣлу.

За домохозяиномъ, выходящимъ изъ общины, одновременно съ усадебной и полевой землей укрѣпляется и право на ту долю въ земляхъ, передѣляемыхъ на особыхъ основаніяхъ, какъ то: въ лугахъ, лѣсахъ, огородахъ, выгонахъ, оброчныхъ статьяхъ и пр., которою онъ владѣетъ въ данное время.

Требованіе объ укрѣпленіи въ личную собственность должны предъявляться обществу, которое въ мѣсячный срокъ обязано по приговору, составленному простымъ большинствомъ, указать участки, подлежащіе укрѣпленію и долю участія выдѣляемаго въ другихъ угодьяхъ. Если общество этой обязанности не исполнитъ, то участки опредѣляются земскимъ начальникомъ.

Каждый домохозяинъ, за которымъ укрѣплены въ личную собственность участки общинной земли, имѣетъ право требовать отъ общины выдѣла ихъ въ одному мѣсту. Это требованіе подлежитъ безусловному исполненію со стороны общины, если оно заявлено во время общаго передѣла, и всѣ возникшіе при этомъ споры разрѣшаются уѣзднымъ съѣздомъ. Если же требованіе заявлено до передѣла, то община можетъ, вмѣсто выдѣла въ натурѣ,

указать стоимость участка, которая, при отсутствіи соглашенія общины съ домохозяиномъ, опредѣляется волостнымъ судомъ.

Указъ 9 ноября, разрушая общину, разрушаетъ и общую семейную собственность, превращая ее въ *личную* собственность домохозяина, въ томъ случаѣ, если семья состоитъ изъ домохозяина и его нисходящихъ членовъ, хотя бы послѣдніе были сами главами своей личной семьи (отт. III ст. I указа). Это новое начало указъ распространяетъ на всѣхъ крестьянъ, какъ владѣющихъ землей на общинномъ правѣ и выходящихъ изъ общины, такъ и на такихъ, которые владѣютъ надѣльной землей на правѣ подворномъ.

Чтобы покончить изложеніе содержанія указа 9 ноября, намъ остается еще упомянуть о тѣхъ постановленіяхъ, которыми облегчаютъ переходъ къ хуторскому хозяйству.

Въ настоящее время, до указа 9 ноября, подворное владѣніе, и по смыслу закона, и по установившейся практикѣ сената, признается такимъ видомъ частной собственности, собственникомъ которой является «дворъ», т. е. «семья, проживающая во дворѣ». Внутри себя она есть видъ коллективной собственности. Внѣ двора—она *частная* собственность юридическаго лица—двора, противополагаемая собственности общественной или общинной. Изъ такой природы юридическихъ отношеній, связанныхъ съ подворнымъ владѣніемъ, проистекаетъ слѣдующій, логически связанный съ нею выводъ: собственность двора неприкосновенна. Выдѣлена ли она къ отдѣльному участку или разбита на многія мелкія полосы черезполоснаго владѣнія—все равно, на данный участокъ или на множество полосъ, изъ которыхъ онъ состоитъ, имѣетъ право *полной* собственности то домохозяйство, во владѣніи котораго онъ находится. Общество не можетъ принудительно отвести домохозяйству другой участокъ, хотя бы и для осуществленія заманчивой для нынѣшняго министерства мечты—превращенія крестьянской собственности въ собственность мелкихъ «отрубныхъ» хозяйствъ.

Указъ 9 ноября лишаетъ подворное владѣніе этого характера *частной* собственности и превращаетъ ея *для осуществленія раздѣла* на хуторскія хозяйства, въ видъ коллективной собственности. По указу 9 ноября переходъ обществъ, хотя бы и съ подворнымъ владѣніемъ, къ владѣнію въ отрубныхъ участкахъ совершается по приговорамъ, постановленнымъ большинствомъ двухъ третей крестьянъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ. Приговоръ этотъ, такимъ образомъ, *обязателенъ* для не согласившихся на него, если они не составляютъ болѣе $^1/_2$ схода. Уничтожая общинную и общую семейную собственность и превращая ихъ въ частную личную собственность, указъ, противорѣча имъ же проводимымъ началамъ, нарушаетъ частную подворную собственность,—разрѣшая обществу распоряжаться подворной землей и передѣлять ее.

IV.

Значеніе указа 9 ноября, какъ мы уже упоминали, очень велико. Съ легкимъ сердцемъ произведена полная ликвидація существующаго строя крестьянской жизни. Простота пріемовъ, употребленныхъ для этой цѣли, прямо легендарна.

Полстолѣтія въ русской литературѣ шелъ оживленный споръ о сущности и значеніи коллективныхъ формъ крестьянскаго землевладѣнія вообще и общиннаго землевладѣнія въ частности. — Въ этомъ спорѣ принимали участіе почти всѣ корифеи русской общественной мысли. Достаточно упомянуть имена Герцена, Чернышевскаго, Кавелина, видѣвшихъ въ сохраненіи у насъ общиннаго землевладѣнія одну изъ наиболѣе хорошихъ особенностей русской народной жизни.

Полстолѣтія со времени отмѣны крѣпостнаго права крестьяне коренной Россіи продолжали, несмотря на всѣ глубокія измѣненія условій жизни, дорожить общиной. Они сжились съ ней. Вся психологія великорусса, весь складъ его міросозерцанія крѣпко сросся съ общиннымъ правомъ, съ трудовымъ началомъ, лежащимъ въ основѣ его, съ тѣмъ проблескомъ идеи экономическаго равенства, которое осуществлялось въ уравнительномъ способѣ пользованія землей.

Полстолѣтія законъ признавалъ свободу перехода общиннаго владѣнія въ подворному по желанію $^2/_3$ домохозяевъ, и всѣ поиски многочисленныхъ противниковъ общины не могли указать на сколько-нибудь замѣтное число случаевъ, въ которыхъ крестьяне-общинники воспользовались бы этимъ правомъ.

Правительство не разъ за послѣднее время пыталось провѣрить степень соотвѣтствія общиннаго владѣнія воззрѣніямъ и стремленіямъ крестьянства. Не разъ пыталось оно путемъ анкеты найти поддержку въ общественномъ мнѣніи для мѣропріятій, направленныхъ къ уничтоженію общиннаго владѣнія. И каждый разъ анкета, какъ бы ни были тенденціозны ея пріемы, доказывала правительству стойкость въ народѣ идеи общиннаго владѣнія.

Въ 90-хъ годахъ такая анкета произведена была министерствомъ внутреннихъ дѣлъ черезъ созданныя имъ «губернскія совѣщанія», и эта анкета дала очень недвусмысленные отвѣты въ пользу сохраненія общины. Учрежденные графомъ Витте комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности дали тоже обширный матеріалъ, свидѣтельствующій о соотвѣтствіи общиннаго владѣнія съ народными воззрѣніями и съ условіями сельскохозяйственной дѣятельности.

Противники общины, производя сводку собраннаго матеріала и, очевидно, подчиняясь его вліянію, ограничивались только требо-

ваніемъ не создавать искусственныхъ условій, которыя могли бы тормазить переходъ къ подворному владѣнію. Дальше этого они не шли, и очень опредѣленно заявляли, что искусственная ломка существующихъ системъ землепользованія крестьянъ, насильственное уничтоженіе общины было бы величайшимъ бѣдствіемъ и величайшею несправедливостью. На этомъ положеніи сошлись и защитники общины. Увѣренные въ ея устойчивости, они никогда искусственной поддержки ея и не требовали.

Такимъ образомъ, вопросъ объ отношеніи законодательства къ общинѣ со стороны общественнаго мнѣнія въ послѣднее время разрѣшался довольно единодушно. И различныя прогрессивныя политическія партіи, тщательно обсуждая всѣ детали крестьянскаго вопроса вообще и аграрнаго въ частности, единодушно требовали бережнаго отношенія къ сложившимся среди крестьянъ формамъ землевладѣнія. Даже партіи, съ выраженнымъ индивидуалистическимъ направленіемъ, признавали необходимымъ предоставить эволюціи жизни рѣшить вопросъ о торжествѣ той или другой формы землевладѣнія.

Правительство, издавая указъ 9 ноября, пренебрегло совершенно сложившимся по данному вопросу общественнымъ мнѣніемъ.

Оно пренебрегло и принципомъ собственности, на защиту котораго стало съ такимъ упорствомъ, когда рѣчь шла о принудительномъ отчужденіи крупнаго землевладѣнія.

V.

И законъ, и сенатская практика признаютъ общину полнымъ хозяиномъ общинной земли, ея собственникомъ. Отдѣльные члены общины имѣютъ только право владѣнія и при томъ лишь въ тѣхъ предѣлахъ, какіе установлены обществомъ.

Надѣльный участокъ, находящійся въ подворномъ владѣніи, составлялъ до сихъ поръ собственность крестьянскаго двора, а не личную собственность домохозяина. Тѣмъ опредѣлялъ юридическую сущность подворнаго владѣнія и законъ, и сенатъ.

Указъ 9 ноября разсудилъ иначе. Онъ *подарилъ* землю—собственность общины—отдѣльнымъ временнымъ владѣльцамъ—членамъ общины. Онъ *подарилъ* землю, принадлежащую «двору» или семьѣ—единоличному домохозяину, имѣвшему только право завѣдыванія общимъ семейнымъ имуществомъ.

Такимъ образомъ, онъ *экспропріировалъ* земельную собственность у общины и семьи. И эту экспропріацію онъ произвелъ по принципу «имущему пріумножится, а отъ неимущаго отнимется и то, что онъ имѣетъ».

Онъ совершилъ принудительное отчужденіе безъ вознагражде-

нія, но примѣнялъ этотъ принципъ не для удовлетворенія потребности крестьянъ въ землѣ, не въ пользу нуждающихся въ ней, а, наоборотъ, въ интересахъ тѣхъ, кто ее уже имѣлъ, хотя бы и во временномъ только владѣніи и въ ущербъ тѣмъ, кто могъ ее получить или могъ имѣть участіе во владѣніи ею.

Таковъ *юридическій* характеръ указа 9 ноября. Разсматривая указъ съ экономической стороны, мы легко увидимъ, что онъ открываетъ широкій просторъ скупкѣ крестьянскихъ надѣловъ.

Сдѣлавъ собственникомъ надѣльной земли единолично домохозяина и снабдивъ его крѣпостнымъ документомъ на надѣльную землю, онъ уничтожилъ всякое препятствіе къ отчужденію земли по волѣ домохозяина—препятствіе, которое послѣдній могъ встрѣтить въ несогласіи на такое отчужденіе со стороны прочихъ членовъ семьи.

Открывъ путь къ продажѣ земли «общимъ нотаріальнымъ порядкомъ» онъ создалъ возможность широкой скупкѣ надѣловъ всѣми желающими пріобрѣсти крестьянскую землю.

Законъ 1893 года о неотчуждаемости надѣловъ за долги, воспрещающій публичную продажу надѣловъ и разрѣшающій частную продажу только лицамъ, приписанным или приписывающимся къ данному обществу, хотя формально и не отмѣненъ указомъ, но фактически долженъ считаться потерявшимъ свою силу. При общемъ нотаріальномъ порядкѣ перехода надѣльной земли, быстро сотрется въ документахъ «клейма» «надѣльной» земли, и она сдѣлается такимъ же свободнымъ для перехода изъ рукъ въ руки имуществомъ, какъ и всякая частная собственность. Начнется усиленная мобилизація крестьянской собственности и обращеніе значительной части крестьянства въ безземельныхъ пролетаріевъ. Невольно припоминается примѣръ, приведенный въ трудахъ рязанскаго уѣзднаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

«Многіе изъ крестьянъ Раненбургскаго и Сапожковскаго уѣздовъ, имѣющіе четвертной надѣлъ (т. е. надѣлъ на четвертномъ личномъ правѣ *), доходящій до 50 десятинъ, распоряжаясь свободно своими надѣлами, надавали векселей и многіе лишились совсѣмъ земли». «То же будетъ, прибавляетъ рязанскій комитетъ, и съ прочими крестьянскими землями съ уничтоженіемъ общины».

И очень многое говоритъ за вѣроятность такого предсказанія. Если мы вспомнимъ хотя бы голодные годы, посѣщающіе обширные раіоны нашей родины, если мы вспомнимъ, что въ такихъ мѣстностяхъ часто подъ властнымъ принужденіемъ голода распродается все за безцѣнокъ, то мы легко можемъ себѣ представить возникновеніе въ голодныхъ мѣстностяхъ латифундій, образовав-

*) Такой чрезвычайный надѣлъ не надо смѣшивать съ лишенскимъ надѣломъ, иногда также именуемымъ «четвертнымъ».

шихся отъ скупки крестьянскихъ надѣловъ, и на ряду съ этимъ образованіе въ тѣхъ же мѣстностяхъ многочисленнаго класса безземельныхъ крестьянъ.

Итакъ, въ юридическомъ отношеніи указъ 9 ноября — это экспропріація частной собственности, въ экономическомъ—путь къ обезземеленію крестьянъ.

Каково же будетъ его *политическое* значеніе? Это вопросъ очень сложный, и въ настоящее время можно только намѣтить нѣкоторыя самыя общія положенія.

Можно съ увѣренностью сказать, что той цѣли, ради которой указъ 9 ноября, очевидно, изданъ—цѣли успокоенія крестьянъ—онъ не достигнетъ. До предстоящихъ выборовъ онъ едва-ли удовлетворитъ даже тѣхъ, въ интересахъ которыхъ созданъ—домохозяевъ, надѣленныхъ землей въ большей мѣрѣ, чѣмъ они могли бы быть надѣлены при будущемъ передѣлѣ. Эти домохозяева еще не смогутъ оцѣнить практическіе результаты указа, такъ какъ они не успѣютъ еще осуществить дарованныхъ имъ правъ и, при наличности противодѣйствія со стороны общества къ выдѣлу земель въ частную собственность, будутъ сомнѣваться въ осуществимости пріобрѣтенныхъ правъ. Всѣ же домохозяева, которые могли расчитывать на увеличеніе своихъ надѣловъ на ближайшихъ передѣлахъ, очевидно, примутъ указъ враждебно, и оппозиціонное настроеніе ихъ отъ этого только увеличится.

Уравнительные передѣлы земли — это характерная и самая дорогая черта русской общины. Въ ней заключается проблескъ идеи экономическаго равенства, живущей въ крестьянствѣ. Что эта идея жизненна и не умираетъ подъ давленіемъ тѣхъ условій, которыя сопровождаютъ развитіе капиталистическаго строя, видно уже изъ того, что уравнительные передѣлы захватываютъ все большее и большее число общинъ.

Долгое время послѣ освобожденія крестьяне воздерживались отъ передѣловъ въ ожиданіи «ревизіи». Почти до 80-хъ годовъ еще продолжалось это ожиданіе ревизіи, съ которой крестьяне, почему то, связывали право на передѣлъ. Многочисленныя свидѣтельства доказываютъ, что крестьяне долгое время не считали себя въ правѣ внѣ времени ревизіи производить передѣлы. Какъ только это недоразумѣніе исчезло и безплодность ожиданія ревизіи была сознана, такъ началася все развивающійся до послѣдняго времени процессъ распространенія уравнительныхъ передѣловъ на общины, до тѣхъ поръ не передѣлявшіяся. Рядомъ съ этимъ замѣчается все большій переходъ отъ менѣе уравнительныхъ къ болѣе уравнительнымъ передѣламъ, къ передѣламъ по принципу потребительному.

Изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ указанной эволюціи мы приведемъ здѣсь, какъ наиболѣе характерное,—таблицу, составленную г. Кочаровскимъ по Саратовской губерніи:

% общинъ:	безъ передѣловъ.	съ передѣлами: не опредѣленными.	по рабочимъ силамъ.	по наличн. душамъ.
къ 1870 г.	42,0	21,6	32,4	0,6
„ 1880 г.	36,0	21,1	34,0	5,3
„ 1890 г.	22,2	20,0	31,4	23,0
„ 1900 г.	16,0	17,6	22,0	41,3

Этому росту уравнительныхъ передѣловъ указъ 9 ноября ставитъ неодолимую преграду.

Надо помнить, что прежде, чѣмъ данная община рѣшается приступить къ новому передѣлу и перейти отъ одного основанія разверстки земли къ другому, происходитъ долголѣтняя борьба внутри общины, борьба тѣхъ, кто отъ такого измѣненія выигрываетъ, съ тѣми, кто отъ него проигрываетъ. Эта борьба раздѣляетъ долгіе годы общество на два враждующихъ лагеря. Нынѣ борьба внутри общества, очевидно, должна измѣниться. Она не исчезнетъ, потому что слишкомъ жизненны интересы, ради которыхъ она ведется. Она, наоборотъ, вѣроятно, приметъ болѣе ожесточенный характеръ, и изъ борьбы «легальной» превратится въ борьбу нелегальную, въ борьбу силой.

До указа 9 ноября тѣ элементы деревни, которые требовали новаго передѣла, могли опираться на *право* общины распоряжаться землей и могли вести, если можно такъ выразиться, «парламентарную» борьбу. Они заботились о томъ, чтобы получить большинство голосовъ на сходѣ и этимъ рѣшить вопросъ. Нынѣ, послѣ указа, большинство голосовъ не играетъ никакой роли. Община *лишена правъ*. Лишена возможности защищать свое право легальнымъ путемъ. Ея *интересъ* въ распоряженіи землей можетъ теперь защищаться не правовымъ путемъ, а силой, запугиваніемъ, застращиваніемъ.

И борьба будетъ несомнѣнно вестись «своими средствіями», увеличивая анархію въ деревнѣ.

Другое политическое послѣдствіе указа связано непосредственно съ тѣмъ пріемомъ, который употребленъ имъ для достиженія намѣченной цѣли. Мы видѣли, что указомъ произведена экспропріація земли безъ вознагражденія на пользу однихъ и во вредъ другимъ. Такую экспропріацію правительство могло допустить, только ставъ на ту точку зрѣнія, на которой стоятъ всѣ требующіе націонализаціи земли; только усвоивъ взглядъ о правѣ государства уничтожить частную собственность. Поэтому послѣ указа 9 ноября правительство уже будетъ лишено возможности противопоставлять стремленію будущихъ народныхъ представителей рѣшить аграрный вопросъ принудительнымъ отчужденіемъ земли принципъ «священнаго права частной собственности», похороненъ указомъ 9 ноября.

А. Леонтьевъ.

Политика.

Программа новаго французскаго кабинета.—Новое министерство труда.—Церковный вопросъ въ палатѣ.—Законодательные выборы въ Соединенныхъ Штатахъ.

I.

Вниманіе всего міра уже больше мѣсяца сосредоточено на заявленіяхъ и дѣятельности новаго французскаго кабинета. 6 ноября (24 октября) были прочитаны въ сенатѣ и въ палатѣ депутатовъ декларація кабинета о его внѣшней и внутренней политикѣ. О внѣшней политикѣ министерство высказывается коротко, но ясно: «Мы съ гордостью можемъ подтвердить, что за 35 лѣтъ существованія Третьей республики не было ни одного момента, когда Францію можно было бы обвинить въ томъ, что она является угрозою европейскому миру. И мы будемъ и впередъ направлять нашу политику такимъ образомъ, чтобы наши намѣренія не могли быть ложно истолкованы въ отношеніи приверженности нашей къ миру. Одновременно мы должны принять въ соображеніе условія политическаго равновѣсія, существующія для всѣхъ народовъ Европы: миръ между цивилизованными народами покоится на военной силѣ. Можемъ ли мы тогда собственными руками разрушать опору нашей независимости? До наступленія счастливаго, но еще отдаленнаго дня, когда будетъ измѣнена въ корнѣ основа взаимоотношеній народовъ, наша первая обязанность передъ родиною—не допускать ничего, что могло бы ослабить ея оборонительныя силы. И наши соглашенія съ различными странами въ значительной степени способствуютъ росту нашихъ оборонительныхъ средствъ. Считая себя обязанными постоянно улучшать наши отношенія ко всѣмъ правительствамъ, мы будемъ заботиться о томъ, чтобы союзъ, заключенный двумя народами въ интересахъ мира, былъ сохраненъ въ неприкосновенности, равно какъ и томъ, чтобы сохранились дружественныя отношенія, которыя уже были испытаны на дѣлѣ. Дальнѣйшее развитіе нашихъ договорныхъ отношеній будетъ дѣломъ нашей дипломатіи, отъ которой мы требуемъ, чтобы она была республиканскою и чтобы она въ трудныя минуты помнила, что моральный авторитетъ правительства, ясной политики дастъ ей перевѣсъ на всѣхъ европейскаго общественнаго мнѣнія, съ которымъ должно считаться всякое правительство.»

Министерство остается вѣрно принятымъ обязательствамъ и заключеннымъ договорамъ, но политику будетъ развивать въ сторону мира и сближенія со всѣми народами. Дѣлькассе въ теченіе многихъ лѣтъ вель политику реванша. Въ меньшей мѣрѣ, но въ томъ

же духѣ направлять свою политику и Буржуа. Теперь Клемансо рѣшительно отъ реванша отказывается. Это очень важно. Особенно въ виду того, что на Клемансо въ Германіи смотрѣли, какъ на представителя идеи реванша. Впрочемъ, марокканская смута, затрудненія въ бельгійскомъ Конго и вѣчная балканская неурядица дадутъ новому кабинету достаточно случаевъ выказать направленіе своей внѣшней политики. Интересъ дня сосредоточенъ на внутренней политикѣ. Вотъ существенныя мѣста декларации по вопросамъ внутренней политики:

«Во внутренней политикѣ нашъ образъ дѣйствій будетъ столь же мирнымъ. Мы окончательно укрѣпимъ демократическій элементъ въ правительствѣ, будемъ стремиться къ организаціи демократіи. Усиленіе демократіи поведетъ къ тому, что отдѣльные случаи проявленія государственной власти примутъ болѣе умѣренныя формы. Это и есть цѣль, которую должны поставить себѣ всѣ республиканцы. Прежде чѣмъ философствовать, нужно существовать, а потому мы будемъ тщательно слѣдить за состояніемъ нашей воинской силы, дабы быть въ состояніи дать отпоръ всякимъ случайностямъ. Военный министръ представитъ палатѣ существующіе законопроекты о кадрахъ и о наличныхъ силахъ, имѣющіе цѣлью наиболѣе полное использованіе рекрутъ,—а также давно ожидаемый законопроектъ, устанавливающій справедливыя основанія для производства офицеровъ въ слѣдующіе чины. Дисциплину въ войскахъ мы обезпечимъ тѣмъ, что подчинимъ ей всѣхъ, кто стоитъ наверху служебной лѣстницы. Время отбыванія воинской повинности должно быть продолженіемъ школьнаго обученія. Воинская служба должна быть продолженіемъ народной школы. Мы бы желали, чтобы молодые люди усвоивали на службѣ и гигіеническія привычки, и основы государственности, и уходили со службы приспособленными для выполненія общихъ обязанностей мирныхъ гражданъ. Мы безъ промедленія предложимъ отмѣну военныхъ судовъ. Разсмотрѣніе преступленій и проступковъ противъ общаго права будетъ передано на разсмотрѣніе общихъ судовъ. Дисциплинарное производство будетъ обставлено всѣми необходимыми гарантіями, дабы между правами человѣка и требованіями государственной самозащиты не было никакого разлада. Благодаря республикѣ, во Франціи появилась свобода. Нынѣ мы должны укрѣпить свободу во всѣхъ отрасляхъ республиканскаго режима и дать ей возможность безпрепятственно и впредь развиваться.»

Въ дальнѣйшей части декларации указывается на то, что правительство, образовавъ министерство труда, тѣмъ самымъ осуществляетъ принципъ справедливости и готово испробовать всѣ теоріи, соотвѣтствующія началамъ всеобщаго избирательнаго права и республиканскихъ законовъ. Правительство твердо рѣшило провести въ жизнь законъ о страхованіи рабочихъ и престарѣлыхъ. Соотвѣтствующіе законопроекты будутъ представлены въ сенатъ мини-

страми Бивіани и Кальо. Правительство усовершенствуетъ законъ о профессіональныхъ союзахъ и займется вопросомъ о союзахъ чиновниковъ, но обезпечитъ исполненіе должностными лицами ихъ служебныхъ обязанностей. Правительство, далѣе, предлагаетъ увеличить сѣть казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, займется пересмотромъ горнаго законодательства въ смыслѣ введенія государственнаго контроля и выкупа въ казну нѣкоторыхъ предпріятій. Равнымъ образомъ министерство озабочено проведеніемъ въ жизнь значительныхъ улучшеній крестьянскаго и сельско-хозяйственнаго быта. Далѣе, правительство заявляетъ, что всякое уклоненіе отъ уплаты налоговъ будетъ строго преслѣдоваться. Правительство желаетъ соблюдать крайнюю осторожность при осуществленіи своихъ финансовыхъ мѣропріятій, но временныя затрудненія не должны задерживать демократическія преобразованія. Правительство внесетъ законопроектъ о прогрессивномъ подоходномъ налогѣ, и если представится надобность, то и законопроектъ о налогѣ на капиталъ. Различные доходы будутъ различно обложены и налоги будутъ взиматься со всей совокупности доходовъ налогоплательщика. Прежде всего палата депутатовъ должна заняться разсмотрѣніемъ бюджета на 1907 годъ.

Декларація заключается заявленіемъ, что правительство противопоставитъ насильственнымъ дѣйствіямъ авторитетъ закона, будучи одушевлено желаніемъ проводить одновременно политику успокоенія и политику активныхъ мѣропріятій.

Таково резюме министерской деклараціи. Она обѣщаетъ рядъ законовъ, реформирующихъ современный порядокъ въ очень разнообразныхъ и очень важныхъ отношеніяхъ. Упраздненіе военныхъ судовъ въ мирное время и отмѣна смертной казни исключаютъ изъ французскаго права послѣдніе остатки деспотизма. Къ тому же стремится въ дѣлѣ вѣры отдѣленіе церкви отъ государства. Кабинетъ обѣщаетъ энергически проводить это огромное и благодѣтельное преобразованіе. Подоходный налогъ внесетъ болѣе справедливость въ распредѣленіи податного бремени. Рабочее законодательство и новое министерство труда рисуютъ перспективы обширныхъ реформъ соціальнаго значенія: пенсіи потерявшимъ работоспособность, законодательное ограниченіе продолжительности рабочаго дня, установленіе новыхъ правоотношеній между рабочими и хозяевами, дальнѣйшее развитіе рабочихъ и профессіональныхъ синдикатовъ и мн. др. Выкупъ западной сѣти желѣзныхъ дорогъ выводитъ французское законодательство на новый для Франціи путь націонализаціи нѣкоторыхъ отраслей промышленности. Словомъ, предъ нами программа, еще не соціалистическая, но цѣликомъ составленная изъ свода отдѣльныхъ пунктовъ соціалистической программы. Декларація министерства Клемансо частью отвѣчаетъ Эйзенахской программѣ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, частью даже опережаетъ эту программу. Пусть кабинетъ осуш-

ствить свои обѣщанія, и ближайшая будущая палата вручитъ власть соціалистамъ для соціализаціи промышленности и торговли. Недаромъ Жюль Гэдъ обмолвился предсказаніемъ, что отсюда черезъ пять лѣтъ Франція будетъ соціализована.

Декларація кабинета была встрѣчена въ парламентѣ съ большимъ сочувствіемъ. Въ сенатѣ много аплодировали, но никакой резолюціи не приняли, палата же постановила: «одобряя декларацію кабинета и довѣряя его твердости въ проведеніи заявленной программы, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ». Резолюція эта принята большинствомъ 376 противъ 94 голосовъ при 100 воздержавшихся. Большинство составилось изъ независимыхъ соціалистовъ, радикаловъ-соціалистовъ, радикаловъ, демократовъ и демократическаго союза (union démocratique, болѣе лѣвые прогрессисты, выдѣлившіеся въ особую группу въ самое послѣднее время). Кромѣ того, изъ другихъ группъ за министерскую декларацію голосовали: пятнадцать прогрессистовъ (въ томъ числѣ Лебоди), три націоналиста, одинъ независимый радикалъ (тоже націоналистическій) и одинъ изъ партіи объединенныхъ соціалистовъ (Пастръ). Меньшинство составилось изъ 68 правыхъ, 14 націоналистовъ (въ томъ числѣ адм. Бьенэмэ, Лази, Турнадъ и Мильвуа) и 12 прогрессистовъ (между прочимъ, Борегеръ и Жюль Рошъ). Въ числѣ ста воздержавшихся были 51 объединенныхъ соціалистовъ (въ томъ числѣ всѣ вожди), 34 прогрессиста (между прочимъ, Энаръ, Кранцъ, Рибо), 9 правыхъ, 3 націоналиста, 1 соціалистъ-антиколлективистъ (желтый синдикалистъ, Біетра), 1 радикалъ и 1 демократъ.

Этотъ блестящій успѣхъ кабинета даетъ ему сильную опору и обѣщаетъ осуществленіе широкой преобразовательной программы, заявленной въ деклараціи.

Сенатъ тоже имѣлъ случай высказаться объ общей политикѣ новаго кабинета. Виллэнъ, роялистъ, сдѣлалъ запросъ о политикѣ, внутренней и внѣшней. Отвѣчалъ самъ Клемансо. Виллэнъ хотѣлъ узнать, заключена ли военная конвенція съ Англіей, и затѣмъ Виллэнъ упрекалъ Клемансо въ томъ, что онъ избралъ себѣ въ сотрудники Пикара и Пишона. Клемансо защищалъ блестящую дипломатическую службу Пишона и прославлялъ благородство Пикара, который не остановился передъ тѣмъ, чтобы бросить службу, дабы имѣть возможность исполнить священный долгъ. Далѣе Клемансо заявилъ, что ему нечего сообщать объ англо-французскомъ соглашеніи: онъ не вѣритъ въ существованіе военной конвенціи. Клемансо упрекнулъ Виллэна въ томъ, что онъ устраиваетъ ему ловушку, желая поставить его въ необходимость либо свести на нѣтъ надежды французскаго народа, либо сдѣлать заявленіе воинственнаго характера, — и прибавилъ, что онъ не отвѣтитъ на этотъ вопросъ. Что касается переписи церковнаго имущества, то она произведена въ 10 департаментахъ, а въ другихъ будетъ закончена до 30 ноября. «Священники должны пови-

повиноваться закону такъ же, какъ и другіе граждане. Войска останутся спокойными, но если въ нихъ будутъ стрѣлять, то и они будутъ стрѣлять. Правительство не будетъ побѣждено. Могу васъ поздравить съ этимъ» (Аплодисменты. Смѣхъ). Вальянъ констатируетъ, что предсѣдатель совѣта министровъ не знаетъ, существуетъ ли англо-французская военная конвенція. Ораторъ желаетъ, чтобы смѣхъ Клемансо не смѣнился бы скоро плачемъ на развалинахъ отечества.

По окончаніи преній сенатъ большинствомъ 213 противъ 32 голосовъ принялъ переходъ къ очереднымъ дѣламъ, выражающій довѣріе министерству.

Этотъ новый не менѣе блестящій успѣхъ показалъ, что положеніе кабинета очень прочно, и что обѣ палаты имѣютъ твердое намѣреніе слѣдовать народному вердикту, высказанному на майскихъ выборахъ этого года.

II.

Съ большимъ успѣхомъ выступилъ въ обѣихъ палатахъ министръ труда Вивіани. Его очередь настала, когда палата депутатовъ 26 окт. (8 ноября) приступила къ обсужденію ассигнованія кредитовъ на министерство труда.

Вивіани указалъ, что министерство основано для объединенія мѣропріятій, касающихся рабочаго класса, во имя осуществленія святыхъ идеаловъ соціальной политики. Министръ добавилъ, что онъ надѣется заслужить довѣріе рабочихъ своими дѣлами (Одобреніе слѣва). На его обязанности лежитъ предвидѣніе потребностей рабочихъ. Онъ расширитъ кругъ дѣйствій профессіональныхъ союзовъ. Пусть рабочіе, во всякомъ случаѣ, знаютъ, что ихъ освобожденіе послѣдуетъ не путемъ насильственныхъ переворотовъ, но при помощи неустанной мирной работы (Одобреніе).

Далѣе Вивіани сказалъ, что онъ будетъ поддерживать требованіе рабочихъ о введеніи 10-часового рабочаго дня. Борьба между тѣми, кто обласканъ счастьемъ, и тѣми, кто смотритъ на счастливцевъ и считаетъ себя обдѣленнымъ, сгладится не столько гуманнымъ обращеніемъ однихъ съ другими, сколько самою силою вещей. Далѣе Вивіани, прерываемый криками одобренія слѣва, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ обрушивается на папу Пія X и заявляетъ, что борьба съ Ватиканомъ еще не окончена.

Рѣчь Вивіани вызываетъ взрывъ аплодисментовъ. Его привѣтствуютъ со всѣхъ сторонъ. Клемансо поздравляетъ Вивіани. Лѣвая вноситъ предложеніе о распубликованіи во всѣхъ общинахъ Франціи рѣчи министра, которое принято большинствомъ 368 голосовъ противъ 129. Послѣ краткихъ дебатовъ, требуемые кре-

диты на министерство труда ассигнованы большинствомъ 512 голосовъ противъ 20.

16 (3) ноября наступила очередь сената утвердить ассигновки на новое министерство. Здѣсь членъ правой Ламарзель выступилъ противъ ассигнованія этихъ кредитовъ, мотивируя свое отрицательное отношеніе къ нимъ тѣмъ, что, какъ видно изъ рѣчи Вивіани, министерство труда склоняется въ сторону соціализма. По словамъ оратора, Вивіани — сторонникъ идеи раздѣла имущества. Ораторъ далѣе доказывалъ, что коллективизмъ сдѣлаетъ всѣхъ бѣдными, отнявъ еще у бѣдняковъ единственное утѣшеніе, доставляемое имъ религіей.

Послѣ рѣчей нѣсколькихъ другихъ ораторовъ на трибуну взошелъ Вивіани. Онъ сказалъ, что довѣріе, питаемое членами кабинета другъ къ другу, не можетъ мѣшать имъ имѣть разные взгляды на отдѣльные вопросы. Онъ, Вивіани, убѣжденный соціалистъ, соціалисты часто дѣйствовали заодно съ республиканцами съ цѣлью сразить общаго врага.

Затѣмъ министръ указалъ на необходимость объединенія въ кабинетѣ всѣхъ побочныхъ отраслей служебнаго дѣла, которыя касаются интересовъ рабочихъ. По словамъ Вивіани, созданіе министерства труда не означаетъ соціальной революціи, а имѣетъ цѣлью расширить свободу синдикатовъ путемъ предоставленія большей свободы рабочимъ.

Сенатъ принялъ большинствомъ 237 противъ 12 голосовъ требуемые кредиты на нужды министерства труда.

Такимъ образомъ, и сенатъ огромнымъ большинствомъ выказалъ довѣріе министру соціалисту.

III.

Важные дебаты въ обѣихъ палатахъ французскаго парламента приходили и къ церковному вопросу. Отвѣтъ министра просвѣщенія и исповѣданій Аристида Бріана установилъ точно и ясно взглядъ правительства на борьбу, затѣянную римской куріей.

Онъ требуетъ полнаго безусловнаго довѣрія отъ палаты, обѣщаетъ примѣнить законъ строго и цѣликомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ въ свое время былъ вотированъ. Министръ заявилъ, что министерство обязано давать католикамъ свободу совѣсти; оно вовсе не ведетъ войны съ церковью, оно и не противъ религіи, но оно безъ религіи, хотя оно и почитаетъ свободу церкви въ религіозной области. Бріанъ говорилъ, что онъ игнорируетъ энциклику папы, которой, со времени введенія закона объ отдѣленіи церкви отъ государства, дано направленіе [illegible] частныхъ [illegible]. Бріанъ заявилъ: «Законъ объ отдѣленіи является закономъ [illegible]. [illegible]

и всѣ остальные. Протестантская и іудейская церкви приняли законъ и самъ папа согласился на расторженіе конкордата, назначивъ епископовъ». Священники сумѣли исполнить, какія нужно исполнять, формальности, чтобы получить пенсіи отъ государства; а не, слѣдовательно, что въ основныхъ своихъ принципахъ законъ примѣняется. Министръ прибавляетъ: «Вѣроисповѣдныя ассоціаціи, которыя новымъ закономъ разрѣшались, но не навязывались, папа признавъ неприемлемыми, несмотря на то, что законъ этотъ одобренъ всей палатой на послѣднихъ выборахъ и выдающіеся католики-міряне и большинство епископовъ добровольно признали его. Хотя онъ и не вправѣ утверждать про существованіе иностраннаго вліянія на Ватиканъ, стремящагося въ положеніи Франціи создать выгодныя для другихъ условія, но мнѣніе его таково, что все, направленное противъ интересовъ Франціи, имѣетъ свои корни за границей. По его мнѣнію, католики, которые могли бы теперь умиротворить страну, берутъ большую отвѣтственность на себя, мѣшая внутреннему миру. Ораторъ констатируетъ, что католическими представителями не сдѣлано никакого предложенія, которое согласился бы принять Ватиканъ, да и ему, министру, никакъ нельзя смотрѣть на папу, какъ на короля католиковъ. Если сравнить германскія ассоціаціи, которыя были, несмотря на противорѣчіе епископовъ, признаны папою Піемъ IX, съ французскими, которыя папа не желаетъ признать, несмотря на согласіе епископовъ, то, по словамъ католическаго юриста, германскій режимъ оказывается гораздо тяжелѣе французскаго. Затѣмъ Бріанъ, продолжая свою рѣчь, указалъ на то, что было невозможно примѣнить къ церкви общее право, что католики сами дали поводъ къ изданію закона объ отдѣленіи, опредѣляющаго яснѣе положенія закона объ ассоціаціяхъ. Необходимо имѣть надзоръ за церковью, стремившейся захватить въ свои руки дѣло образованія и власть. Министръ упрекаетъ католиковъ, говоря: «Они желаютъ, чтобы я примѣнилъ статью 8 для защиты ихъ противъ незаконныхъ исповѣдныхъ ассоціацій, тогда какъ сами же католики отказались признать статью 8. Церковь ни за что не желаетъ допустить свободу для всѣхъ, но для себя она претендуетъ на привилегированную свободу. Общественное мнѣніе будетъ на сторонѣ правительства. Послѣ 1906 г. церкви еще могутъ оставаться открытыми, но послѣ 1907 г. на нихъ можно будетъ, путемъ декретовъ, налагать запретъ. Правительство желаетъ дать католикамъ время одуматься и пока не пользуется своимъ правомъ изданія декретовъ съ цѣлью создать новую церковь въ лонѣ католической церкви». Ораторъ въ заключеніе призываетъ всѣхъ республиканцевъ оказать ему поддержку.

Министръ-президентъ Клемансо присоединяется къ заявленіямъ Бріана и говоритъ, что сближеніе съ Римомъ было бы актомъ реакціоннымъ. Затѣмъ палата большинствомъ 376 голосовъ, противъ 98, постановляетъ расклеить рѣчь Бріана по общинамъ.

Этимъ постановленіемъ палаты и этими заявленіями Бріана и Клемансо совершенно выяснилось, что правительство не доведетъ дѣла до открытыхъ столкновеній, но не пойдетъ и на уступки. Оно не отвѣтитъ надеждамъ клерикаловъ ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ. Не будетъ междоусобія, ни капитуляціи.

Такъ стоитъ дѣла со стороны государства. Со стороны церкви все еще не установилось опредѣленнаго взгляда. Папа продолжаетъ совѣтовать хотя пассивное, но энергическое сопротивленіе примѣненію закона. Однако, это возможно лишь въ случаѣ принужденія со стороны правительства. А тамъ отбирать церкви и не думаютъ... Другое дѣло остальное имущество. Изъ за него возстаній и междоусобій ожидать нельзя, а отдавать его надо (послѣ 11 декабря), въ томъ числѣ и епископскіе дворцы, и приходскія пресбитеріи (жилища священниковъ), и зданія семинарій и т. д. Все это становится государственною, или муниципальною собственностью и, если и здѣсь примѣнить пассивное сопротивленіе, т. е. игнорировать законъ 11 декабря 1905 года, то обитатели этихъ зданій будутъ попросту выселены. Эта непріятная перспектива уже побудила нѣсколькихъ епископовъ вступить въ переговоры съ правительствомъ о наймѣ этихъ помѣщеній церковью у государства. Но соглашеніе о наймѣ есть уже косвенное признаніе закона, установившаго права государства на эти зданія въ случаѣ, если не будетъ вѣроисповѣднаго общества, которое могло бы ихъ принять отъ приходскихъ попечительствъ, прекращающихъ существованіе 11 дек. 1906 года. И тѣмъ не менѣе нѣтъ другого выхода, и самъ папа разрѣшилъ эту комбинацію, но тогда, что же остается отъ непризнанія закона? Только передача самихъ храмовъ? Только тѣхъ зданій, изъ за коихъ можно ожидать кровавыхъ столкновеній? Ихъ-то, этихъ кровавыхъ столкновеній, и желаетъ папа. Невѣжественный старикъ думаетъ этимъ путемъ уловить свободную и свободомыслящую Францію подъ власть суевѣрія и мракобѣсія!

Это, конечно, невозможно, и фанатики Ватикана все еще надѣятся, а святой отецъ молитъ о кровавыхъ гекатомбахъ...

IV.

Въ Соединенныхъ Штатахъ происходили выборы въ палату депутатовъ и частичные въ сенатъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ штатахъ происходили выборы губернаторовъ, между прочимъ, и въ штатѣ Нью-Іорка.

Въ палату избрано 95 республиканцевъ и 55 демократовъ, что увеличило число демократовъ, сохранивъ, однако, большинство за республиканцами. Въ прежней палатѣ республиканцы располагали большинствомъ 112 голосовъ, теперь семидесяти, во всякомъ слу-

ках довольно значительнымъ, чтобы не тормазить имперіалистскую политику республиканскаго правительства и его главы президента Рузвельта.

Въ сенатъ надо было выбрать 51 представителя. Избрано 32 сенатора республиканской партіи и 19 демократовъ, что не перемѣнило состава сената, сохранивъ прежнее большинство за республиканскою партіей. Америка желаетъ имперіализма.

Особый интересъ представляли выборы нью-іоркскаго губернатора. Со стороны демократовъ былъ выставленъ кандидатомъ милліардеръ Гёрстъ (Hearst), милліардеръ, но анархистъ. Онъ оказался побѣжденнымъ, но незначительнымъ большинствомъ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что въ штатѣ Нью-Іоркъ очень распространенъ анархизмъ. Демократы всегда были сильны въ штатѣ, а милліардерство Герста тоже не надо забывать. Впрочемъ, республиканцы все-таки одержали побѣду. И Нью-Іоркъ желаетъ имперіализма. Это значитъ, что Рузвельтъ будетъ переизбранъ, что флотъ все будетъ усиливаться и, вѣроятно, и армія, что политика, приведшая къ присоединенію Филиппинъ, Гавая, Порто-Рико, къ «оккупаціи» Кубы и Панамы, будетъ энергически продолжена и что великая республика будетъ принимать все болѣе и болѣе дѣятельное участіе во всемірной исторіи.

Сильна или слаба эта республика?

Шестьдесятъ тысячъ комбатантовъ—такова численность ея постоянной арміи... Это совершенно ничтожная цифра по сравненію не только съ Германіей или Франціей, но и съ Японіей или Англіей. Однако, и гражданская война 1861—64 гг., и война съ Испаніей показали, что въ самое короткое время изъ добровольцевъ создаются въ Америкѣ цѣлыя могущественныя арміи. При оборонительной войнѣ республика обладаетъ, такимъ образомъ, вполнѣ достаточною силою сопротивленія. Поэтому, не вижу основанія опасаться за участь сѣверо-американской республики по случаю бряцанія оружіемъ на страницахъ японской шовинистской печати. Американцы Японію завоевывать не затѣваютъ, а чтобы прогнать отъ себя непрошенныхъ гостей, на это съ избыткомъ хватитъ.

Надо не забывать также, что на морѣ Америка никакъ не слабѣе Японіи. Въ настоящую минуту Америка имѣетъ 14, Японія 11 эскадренныхъ броненосцевъ (считая и наши взятые и поднятые), а крейсеровъ у Америки почти вдвое сравнительно съ Японіей. Японцы указываютъ на свою бо́льшую боевую опытность и на разъединеніе американскихъ морскихъ силъ на два флота. Однако, если Рождественскій провелъ балтійскую эскадру, то и американскіе адмиралы сумѣютъ сдѣлать то же, а разъ японцы потеряютъ море, все будетъ для нихъ потеряно. Японское правительство все это отлично знаетъ и постарается не доводить калифорнійской распри до открытаго конфликта.

Весьма вѣроятно, что японцы и впредь будутъ стремиться къ расширенію своей территоріи, но, во первыхъ, переваривъ уже проглоченныхъ (на Корею потребуется не мало усилій и времени), а во-вторыхъ, въ сторону наименьшаго сопротивленія. До тѣхъ поръ, пока Россія не станетъ страною свободною, а ея бюрократія не подчинится дѣйствительному контролю націи, именно русскія владѣнія будутъ стороною наименьшаго сопротивленія для японской наступательной политики...

С. Южаковъ.

Наброски современности.

V.

О к.-д. публицистахъ и о к.-д. тактикѣ.

Моя статья въ октябрьской книжкѣ «Русскаго Богатства» вызвала отвѣтъ со стороны двухъ главныхъ органовъ конституціонно-демократической партіи. На столбцахъ ежедневной «Рѣчи» г. М., въ еженедѣльномъ «Вѣстникѣ партіи народной свободы» г. Набоковъ—горячо полемизируютъ со мною, старательно доказывая, что мои замѣчанія по поводу гельсингфорскаго съѣзда к.-д. партіи совершенно несправедливы, и что вся вообще моя критика дѣятельности названной партіи безусловно несостоятельна. И если не результаты, то пріемы этой полемики оказываются настолько любопытными, что я вынужденъ остановить на нихъ вниманіе читателя. Не скажу, чтобы я приступалъ къ этому съ большой охотой,—слишкомъ ужъ специфическій характеръ носятъ тѣ полемическіе пріемы, о которыхъ я долженъ буду говорить,—но предметъ спора въ моихъ глазахъ настолько важенъ, что я не считаю себя въ правѣ уклониться отъ попытки разъяснить его путемъ разбора встрѣченныхъ мною возраженій. Если же, тѣмъ не менѣе, мнѣ придется говорить не столько о спорномъ вопросѣ, сколько о пріемахъ спора, то читатель самъ увидитъ, моя ли въ этомъ вина.

И г. М., и г. Набоковъ одинаково недовольны тѣмъ, что я осмѣлился критически отнестись къ постановленіямъ гельсингфорскаго съѣзда к.-д. партіи и указать на двойственность этихъ постановленій. И, должно быть, стремясь выразить свое недовольство наиболѣе чувствительнымъ образомъ, оба мои оппонента спѣшатъ напомнить, что дѣятельность к.-д. партіи критиковали и нововременскіе публицисты.

Г. Набоковъ зачѣмъ-то даже начинаетъ свой отвѣтъ мнѣ *; сопоставленіемъ выдержекъ изъ статьи г. Столыпина въ «Новомъ Времени» и изъ моей статьи въ октябрьской книжкѣ «Русскаго Богатства». И хотя такое сопоставленіе вынуждаетъ самого г. Набокова признать, что «аттестаціи», даваемыя к.-д. партіи г. Столыпинымъ и мною, «нѣсколько противорѣчатъ другъ другу по существу», это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ ему рѣшительно утверждать, будто «и въ той, и въ другой аттестаціи проступаетъ одна и та же непримиримая ненависть». «По разнымъ мотивамъ, но въ одинаковой степени ненавидитъ партію народной свободы и г. А. Столыпинъ, и г. Мякотинъ»—категорически заявляетъ г. Набоковъ и затѣмъ утверждаетъ, что эта ненависть приводитъ меня къ «нѣкоторой неразборчивости въ средствахъ». Разъ г. Набоковъ такъ рѣшительно говоритъ о моей «ненависти» къ к.-д. партіи, онъ, надо полагать, вѣритъ въ существованіе у меня подобной ненависти. Я боюсь только, что даже въ ближайшихъ къ г. Набокову кругахъ его утвержденіе о моей «ненависти» къ к.-д. партіи вызоветъ весьма недвусмысленныя улыбки. На самомъ дѣлѣ дѣятельность к.-д. партіи вызывала и вызываетъ у меня различныя чувства, но среди этихъ чувствъ нѣтъ мѣста ненависти, да нѣтъ и повода къ ней. И, во всякомъ случаѣ, я въ своей статьѣ не говорилъ читателю о своихъ чувствахъ, а предъявлялъ опредѣленные аргументы. Въ виду этого для меня не совсѣмъ понятно, какая, собственно, надобность была у г. Набокова подмѣнять отвѣтъ на критику попыткой опорочить критика.

Но г. Набоковъ, сравнительно, еще снисходителенъ ко мнѣ. Заставляя меня вмѣстѣ съ г. А. Столыпинымъ «ненавидѣть» к.-д. партію, онъ все же проводитъ между мною и г. Столыпинымъ опредѣленную грань: на долю г. Столыпина г. Набоковъ предоставляетъ «ненависть ничтожнаго, глупого и фальшиваго врага», на мою долю— «ненависть сильнаго и искренняго противника». Полемистъ «Рѣчи», г. М., несравненно строже. «Къ числу критиковъ к.-д. партіи—начинаетъ онъ свою статью **)—присоединился еще одинъ, и весьма сильный, В. А. Мякотинъ». Въ октябрьской книжкѣ «Р. Богатства» помѣщена его полная яда и злости статья по поводу гельсингфорскаго съѣзда. Статья г. Мякотина есть настоящій обвинительный актъ. Съ истинно-прокурорскимъ усердіемъ авторъ выискиваетъ мѣста, наиболѣе доступныя для нападенія, и обрушивается на нихъ съ горячностью, которая оставляетъ далеко позади все, что писали о к.-д. партіи гг. Столыпинъ и Меньшиковъ».

Присоединяться къ числу критиковъ к.-д. партіи» мѣсяцъ тому назадъ мнѣ, пожалуй, и не приходилось, такъ какъ и раньше мнѣ не разъ случалось писать о названной партіи и критиковать ея

*) „Вѣстникъ партіи народной свободы", № 37.
**) „Рѣчь" 11 ноября 1906 г.

дѣятельность. Г-нъ М. боленъ, конечно, не помнить объ этомъ, но разъ онъ ищетъ—какъ мы еще увидимъ—особыхъ мотивовъ моего «присоединенія» къ критикамъ к.-д. партіи, то мнѣ приходится напомнить ему, что самый фактъ, который онъ старается объяснить, имъ же и изобрѣтенъ. Что касается обвиненія въ «истинно-прокурорскомъ усердіи», позволившемъ мнѣ «оставить далеко позади все, что писали о к.-д. партіи гг. Столыпинъ и Меньшиковъ», то передъ читателями «Р. Богатства», я думаю, мнѣ нѣтъ нужды отвѣчать на такія обвиненія. Я могу только отмѣтить ихъ и пройти мимо съ улыбкой презрительнаго сожалѣнія къ противнику, добровольно берущему въ руки такое оружіе. Думаю, нѣтъ нужды останавливаться и на такихъ словечкахъ по моему адресу, какъ «прокурорское рвеніе», «злоба», «политическая схоластика», «старая сектантская строгость», и т. д., словечкахъ, которыми г. М. щедро испещрилъ свою статью и отъ которыхъ не сумѣлъ вполнѣ отказаться и г. Набоковъ. Всѣ эти словечки, можетъ быть, и много говорятъ о душевномъ состояніи моихъ оппонентовъ, но, во всякомъ случаѣ, очень мало способствуютъ разъясненію существа спорнаго вопроса.

Попробуемъ обратиться къ этому существу. Г-нъ М. изображаетъ это существо въ такомъ видѣ, какъ будто моя статья представляетъ собою лишь развитіе силлогизма слѣдующаго содержанія: русскій либерализмъ обреченъ на политическое безсиліе; к.-д. партія есть партія либеральная; слѣдовательно, к.-д. партія не въ состояніи организовать общественныя силы. И, сведя мою статью къ такому силлогизму, г. М. заявляетъ: «не трудно замѣтить, что дедукція г. Мякотина основана на своего рода petitio principii». «Способна или не способна партія народной свободы сорганизовать кругомъ себя общественныя силы, это, конечно, доказывается — поучительно прибавляетъ онъ—не общей аксіомой объ историческомъ безсиліи русскаго либерализма, а фактическими данными изъ исторіи партіи». Съ правильностью послѣдняго замѣчанія возможно безусловно согласиться, и я могъ бы только прибавить къ нему, что, вопреки утвержденію г. М., я именно такъ и старался поступать въ своей статьѣ. Всякій, сколько-нибудь внимательно читавшій послѣднюю, знаетъ, что въ ней вовсе нѣтъ того силлогизма, который отыскалъ въ ней г. М. Правда, я говорилъ о томъ, что «благодаря ряду причинъ, кореняшихся глубоко въ исторіи, русскій либерализмъ роковымъ образомъ обреченъ на политическое безсиліе», но я вовсе не выводилъ непосредственно изъ этого общаго положенія заключеніе о неспособности к.-д. партіи организовать общественныя силы. Скорѣе, наоборотъ, я именно безсиліе русскаго либерализма иллюстрировалъ «фактическими данными изъ исторіи к.-д. партіи».

Въ сущности, это знаетъ и самъ г. М. И. заявивъ, что всѣ мои заключенія о к.-д. партіи основаны на неправильной «де-

люціи», а не на «фактическихъ данныхъ изъ исторіи партіи», онъ непосредственно вслѣдъ за тѣмъ переходитъ къ попыткѣ парировать «фактическія данныя», указанныя мною. «Единственнымъ дѣйствіемъ к.-д. партіи, какъ таковой,—писалъ я въ своей статьѣ — остается ея хожденіе къ избирательнымъ урнамъ и участіе въ выборахъ Думы, въ свое время возведенное партійной литературой на степень гражданскаго подвига неизмѣримо высокой важности. Но и участіе въ выборахъ, и самая Дума для к.-д. партіи были опять-таки лишь средствами «организаціи общественнаго мнѣнія». Г-нъ М. приводитъ первую изъ этихъ фразъ, опуская вторую, и затѣмъ продолжаетъ: «Во всякомъ случаѣ «хожденіе къ избирательнымъ урнамъ» оказалось—въ предѣлахъ даннаго періода времени—болѣе удачнымъ пріемомъ организаціи общественныхъ силъ, чѣмъ тѣ пріемы, которые указывались сторонниками «нехожденія». «Гражданскій подвигъ» В. А. Мякотина—продолжаетъ г. М.—заключался тогда въ составленіи брошюры «Надо ли идти въ Государственную Думу». И, напоминая, что я предлагалъ тогда отказываться отъ выборовъ въ Думу и «громко требовать для народа вездѣ и всюду, на всѣхъ собраніяхъ, въ томъ числѣ и предвыборныхъ, свободы и созыва учредительнаго собранія», г. М. замѣчаетъ: «это былъ, конечно, не такой конкретный призывъ, какъ требованія выборгскаго воззванія, но все-таки это было нѣкоторое приглашеніе къ дѣйствію, сопряженному съ неудобствами для «громко требующихъ».

Насколько удачно сорганизовала к.-д. партія общественныя силы путемъ хожденія къ избирательнымъ урнамъ, объ этомъ достаточно убѣдительно свидѣтельствуетъ партія разгона Думы, ея поѣздки въ Выборгъ и составленія выборгскаго воззванія. Что касается тѣхъ дѣйствій, къ какимъ приглашалъ я, то они, несомнѣнно, были сопряжены съ нѣкоторыми «неудобствами». Только, указывая на это, г. М. забылъ прибавить, что я не ограничился составленіемъ брошюры, а самъ и совершалъ тѣ дѣйствія, къ какимъ приглашалъ, и, стало быть, звалъ другихъ лишь на то, что дѣлалъ самъ. Въ этомъ и заключается разница,—на мой взглядъ, весьма существенная,—между тѣмъ «разсчетомъ на чужія силы», какой является вполнѣ правильнымъ и совершенно неизбѣжнымъ, и тѣмъ, какой усвоила себѣ к.-д. партія.

Всякая партія, конечно, въ той или иной мѣрѣ разсчитываетъ на силы народа, не входящія въ ея составъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, каждая партія можетъ приглашать народъ только къ такимъ дѣйствіямъ, которыя совершаетъ сама. «Всякая партія,—писалъ я въ статьѣ, возбудившей негодованіе г. М.—поскольку она является не миражемъ, а серьезной политической организаціей, должна собственными силами отстаивать требованія, опредѣляемыя ея программой, и, конечно, имѣетъ право звать другихъ лишь къ тому, что готова дѣлать сама.» Но именно этому общему положенію

какъ мнѣ пришлось указать, и не отвѣчаетъ дѣятельность к.-д. партіи и принятый ею способъ «организаціи общественныхъ силъ». Къ вопросѣ о выборгскомъ воззваніи гельсингфорскій съѣздъ к.-д. партіи—писалъ я—«далъ одновременно два различныхъ рѣшенія: установивъ отрицательное рѣшеніе для членовъ партіи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ предоставилъ имъ возможность пропагандировать положительное рѣшеніе внѣ партійной сферы. Партія отказалась что-либо дѣлать, но сохранила возможность звать другихъ къ дѣйствіямъ, отъ которыхъ она отреклась за себя».

«Трудно себѣ представить болѣе явное извращеніе!» — восклицаетъ по поводу этихъ моихъ словъ г. Набоковъ. Еще рѣшительнѣе выражается г. М. «Ложь,—говоритъ онъ,—что въ Гельсингфорсѣ «партія отказалась что-либо дѣлать»; ложь, что она «сохранила возможность звать (только) другихъ къ дѣйствіямъ», и ложь, что она «отреклась за себя отъ такихъ дѣйствій.»

Ложь—слово тяжеловѣсное. Долженъ сознаться, у меня не нашлось бы рѣшимости бросить это слово, прикрываясь даже самымъ прозрачнымъ псевдонимомъ, не нашлось бы по той простой причинѣ, что, разъ оно остается недоказаннымъ, оно всею своею тяжестью падаетъ назадъ, на того, кто его бросилъ. У г. М. такая рѣшимость нашлась, и это, конечно, его дѣло. Но посмотримъ, доказалъ ли онъ то, что рѣшился такъ категорически утверждать.

Раньше, чѣмъ говорить о гельсингфорскомъ съѣздѣ, приходится опять-таки вернуться къ выборгскому воззванію. Мнѣ приходилось указывать, что хотя к.-д. партія и приписывала себѣ «заслугу» этого воззванія, но «не слышно было, чтобы к.-д. партія—въ цѣломъ ли своемъ составѣ, или въ лицѣ своей парламентской фракціи,—взяла на себя организацію дѣйствій, ведущихъ къ осуществленію лозунговъ воззванія. Наоборотъ, все показывало, что к.-д. партія разсматривала это воззваніе, какъ брошенный въ пространство призывъ къ дѣйствіямъ, которыя были бы желательны, но которыя вмѣстѣ съ тѣмъ ни для кого не обязательны и, въ частности, менѣе всего обязательны для лицъ, бросившихъ самый призывъ.» Этого утвержденія не опровергаетъ ни одинъ изъ моихъ оппонентовъ. Правда, г. Набоковъ зачѣмъ-то напоминаетъ мнѣ, что «выборгское воззваніе отразилось на судьбѣ всѣхъ, участвовавшихъ въ его составленіи», а «сидѣніе или несидѣніе въ тюрьмѣ зависитъ исключительно отъ усмотрѣнія власти сажающей». Но, въ сущности, самъ г. Набоковъ, конечно, прекрасно понимаетъ, что рѣчь идетъ вовсе не о томъ, сидятъ или не сидятъ авторы воззванія въ тюрьмѣ, а исключительно о томъ, считали они или не считали обязательными для себя лозунги составленнаго ими воззванія. И, подойдя къ этой сторонѣ вопроса, г. Набоковъ измѣняетъ свой увѣренный тонъ и скромно замѣчаетъ: «нельзя же закрывать глаза на то, что обстоятельства, послѣдовавшія за роспускомъ Думы, и, въ

частности, отношеніе къ этому факту массъ населенія сразу должно было поколебать увѣренность самыхъ убѣжденныхъ сторонниковъ выборгскаго воззванія». Еще болѣе любопытны замѣчанія, дѣлаемыя по этому поводу въ статьѣ г. М. «Несомнѣнно,— осторожно говоритъ онъ,— что въ моментъ составленія выборгскаго воззванія его содержаніе понималось скорѣе конкретно, чѣмъ абстрактно, хотя и изъ самаго текста его все-таки можно видѣть, что и тогда немедленный призывъ имѣлъ значеніе принципіальнаго лозунга». Но, «чтобы оцѣнить значеніе» воззванія, «надо вспомнить», что другіе говорили о «вооруженномъ возстаніи», о «временномъ правительствѣ», о «перманентной Думѣ». «Въ этотъ-то моментъ партія народной свободы бросила лозунгъ, который долженъ былъ популяризовать необходимость предварительной организаціи. Трудность этого условія вполнѣ сознавалась и въ Выборгѣ, и въ Теріокахъ. Уже тогда говорилось, что въ сущности «вооруженное возстаніе» неотдѣлимо отъ «пассивнаго сопротивленія»; что «пассивное сопротивленіе» предполагаетъ для своего успѣха не личное и не групповое, а массовое, хорошо подготовленное и организованное выступленіе. Такое выступленіе совершенно соотвѣтствовало тактикѣ партіи, но было — или очень скоро стало — ясно, что, какъ задача текущаго момента, оно не осуществимо». Итакъ, хотя въ моментъ составленія выборгскаго воззванія его содержаніе и «понималось скорѣе конкретно, чѣмъ абстрактно», но главная его задача, по плану к.-д. партіи, заключалась въ томъ, чтобы «популяризировать необходимость предварительной организаціи». Что же касается лозунговъ, содержавшихся въ самомъ воззваніи, то уже тогда «было — или очень скоро стало — ясно», что они въ данный моментъ не осуществимы.

Иначе говоря, и г. Набоковъ, и г. М. согласно свидѣтельствуютъ о томъ, что въ промежутокъ времени между выборгскимъ воззваніемъ и гельсингфорскимъ съѣздомъ к.-д. партія не считала для себя лозунги воззванія обязательными. Хотя эти лозунги не были сразу приняты массой населенія, партія не считала уже возможнымъ сама дѣлать что-нибудь въ нихъ исправленія и не пыталась путемъ собственныхъ дѣйствій помочь въ организаціи силы, необходимой для осуществленія предложенныхъ ею лозунговъ, а удовлетворялась лишь создавшейся благодаря ея лозунгамъ популяризаціей необходимости предварительной организаціи. Но это не помѣшало к.-д. партіи черезъ два съ половиной мѣсяца на гельсингфорскомъ съѣздѣ одобрить выборгское воззваніе въ цѣломъ и, [illegible] съ тѣмъ, отказаться отъ немедленнаго его осуществленія на практикѣ, а этотъ отказъ, въ свою очередь, не помѣшалъ партіи признать «необходимымъ» распространеніе выборгскаго воззванія — съ цѣлью распространенія среди населенія идеи пассивнаго сопротивленія.

Г-нъ М. не видитъ въ этихъ постановленіяхъ съѣзда ничего

неудобнаго и вмѣстѣ противорѣчиваго. Правда, для этого ему приходится прибѣгать къ довольно оригинальному пріему. Онъ готовъ утверждать, что выборгское воззваніе уже 9 іюля было «провокаціей». Но—говоритъ онъ—«практически, какъ бы то ни было, жертвы выборгскаго воззванія едва ли можно сосчитать, такъ какъ, поскольку его призывы имѣли успѣхъ, успѣхъ этотъ, по единогласнымъ отзывамъ съ мѣста, объяснялся предварительной агитаціей въ томъ же направленіи крестьянскаго союза, а отчасти и собственными воззрѣніями населенія, совпадавшими съ интеллигентскимъ призывомъ». Самый же текстъ воззванія «практически гораздо болѣе пропагандировалъ идею, чѣмъ побуждалъ къ ея немедленному осуществленію,—такъ какъ само населеніе гораздо лучше улавливаетъ эту разницу, чѣмъ наши критики. Населеніе, несомнѣнно, во многихъ случаяхъ понимало, что пассивное сопротивленіе должно быть массовое, или не быть вовсе, и оно ждало сигнала. Изъ весьма многихъ мѣстностей имѣются прямыя извѣстія, что населеніе поняло идею «пассивнаго сопротивленія» именно такъ, какъ хотѣли сторонники этой идеи, т. е., какъ организованный и мирный способъ протеста, противоположный спорадическимъ аграрнымъ захватамъ и поджогамъ. Такимъ образомъ, въ противовѣсъ случаямъ, когда выборгское воззваніе провоцировало «пассивное сопротивленіе», можно было бы привести другіе случаи, когда оно останавливало и предупреждало безпорядочныя формы борьбы».

Итакъ, хотя само по себѣ выборгское воззваніе было даже и «провокаціей», но, въ сущности, его распространеніе не заключало въ себѣ никакихъ неудобствъ. Если это воззваніе, содержавшее въ себѣ призывъ къ немедленному прекращенію платежа податей, исполнялось, и крестьяне, дѣйствительно, прекращали платежъ податей, а затѣмъ подвергались репрессіямъ, то виной этому были не авторы воззванія, а Крестьянскій Союзъ и само населеніе, воззрѣнія котораго совпали съ воззваніемъ. Если же воззваніе не влекло за собою непосредственныхъ результатовъ, а только останавливало «безпорядочныя формы борьбы», то заслуга этого принадлежала именно авторамъ воззванія. Не трудно представить себѣ, что сказалъ бы г. М. и другіе публицисты к.-д. партіи, если бы въ прошломъ году кто-либо вздумалъ по тому же методу защищать пропаганду второй и третьей забастовки или декабрьскій манифестъ. Но теперь г. М. защищаетъ позицію к.-д. партіи и не стѣсняется прибѣгать къ завѣдомо непригоднымъ пріемамъ оцѣнки общественныхъ явленій. И, такъ блистательно доказавъ неприступность этой позиціи, онъ побѣдоносно заключаетъ: «въ виду всего этого совершенно понятно рѣшеніе — воспользоваться для дальнѣйшаго распространенія идеи тѣмъ же самымъ документомъ, который сдѣлалъ его (ее?) популярнымъ (популярной?)». Мы только что слышали отъ г. М., что идею неплатежа податей сдѣлалъ популярной Крестьянскій Союзъ, а теперь уже оказывается другое.

И мало того,—оказывается «совершенно понятнымъ», что для насажденія идеи пассивнаго сопротивленія надо распространять именно документъ, призывающій къ немедленному прекращенію платежа податей и являющійся въ данное время, по отзыву г. М., «провокаціей».

Но то, что «совершенно понятно» для г. М., не кажется понятно даже для ближайшихъ его сотоварищей по партіи. По крайней мѣрѣ, г. Набоковъ, приведя мое замѣчаніе, что «выборгское воззваніе—не трактатъ о пассивномъ сопротивленіи, даже не популярная брошюра на эту тему, а вполнѣ опредѣленный призывъ сформулированный въ совершенно ясныхъ выраженіяхъ», отъ себя говоритъ: «можно признать основательность этого критическаго замѣчанія. Можно доказывать, что распространеніе выборгскаго воззванія—неудовлетворительное средство для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя въ резолюціи намѣчены, и можетъ привести къ результатамъ, которые признаны нежелательными». «Но—неожиданно прибавляетъ г. Набоковъ—нельзя же по этому поводу приписывать резолюціи цѣли, прямо обратныя тѣмъ, которыя категорически въ ней выражены». Этого послѣдняго я, конечно, и не дѣлалъ. Я лишь указывалъ на то, что к.-д. съѣздъ уклонился отъ настоящаго рѣшенія жгучаго вопроса и вмѣстѣ въ свои постановленія непримиримое противорѣчіе: отказавшись за себя отъ немедленнаго исполненія лозунговъ выборгскаго воззванія, к.-д. партія одновременно признала необходимымъ распространять это воззваніе и тѣмъ самымъ открыла возможность, если не поручила, своимъ членамъ звать къ немедленному исполненію его лозунговъ лицъ, не принадлежащихъ партіи. И, разъ г. Набоковъ соглашается, что распространеніе выборгскаго воззванія «можетъ привести къ результатамъ, которые признаны нежелательными» самою к.-д. партіей, онъ въ сущности уже соглашается и съ той характеристикой, какую я далъ рѣшенію к.-д. съѣзда. Несравненно послѣдовательнѣе защищаетъ это рѣшеніе г. М., но за то его послѣдовательность и заводитъ его въ глухой тупикъ до-нельзя странныхъ и крайне рискованныхъ утвержденій.

Я могъ бы теперь спросить моихъ оппонентовъ: гдѣ же то «извращеніе», гдѣ та «ложь», которыя я себѣ позволилъ? И нѣтъ ли, наоборотъ, «извращенія» въ тѣхъ разсужденіяхъ, которыя они противопоставляютъ моей оцѣнкѣ дѣйствій к.-д. партіи?

Но мнѣ остается разобрать еще одинъ аргументъ,—правда, аргументъ довольно странный. Въ началѣ своей замѣтки я уже упоминалъ, что г. М. отыскалъ особые мотивы моего «присоединенія къ числу критиковъ к.-д. партіи». Эти мотивы, по его мнѣнію, заключаются въ томъ, что я состою въ числѣ учредителей народно-соціалистической партіи. «Для нея—догадывается г. М.—онъ и предлагаетъ намъ потѣсниться». И въ своихъ догадкахъ г. М. заходитъ такъ далеко, что и статью свою, заключающую въ

себѣ самому мнѣ озаглавливаетъ: «Критикъ или конкуррентъ?». Долженъ сознаться, этотъ пріемъ моего оппонента повергаетъ меня въ большое смущеніе. До сихъ поръ, читая статьи «Рѣчи», направленныя противъ соціалистовъ, я предполагалъ, что онѣ написаны по убѣжденію. Неужели же на дѣлѣ это не такъ, и публицисты «Рѣчи» допускаютъ критику другихъ партій только изъ конкурренціи? Въ всякомъ случаѣ, что касается меня, то г. М., повторяю, могъ бы вспомнить, что мнѣ случалось писать о к.-д. партіи и тогда, когда народно-соціалистической партіи еще не существовало и когда, слѣдовательно, даже съ его точки зрѣнія, у меня не было повода для «конкурренціи» съ к.-д. публицистами.

Я не думаю, чтобы почва для «конкурренціи» съ ними явилась у меня и теперь. Слишкомъ различны для этого наши исходныя точки зрѣнія, и какъ нельзя болѣе опредѣленно вскрываетъ это различіе самъ г. М. въ своихъ замѣчаніяхъ, направленныхъ по адресу народно-соціалистической партіи. «Русское Богатство» не является органомъ народно-соціалистической партіи, и, если бы рѣчь шла о критикѣ послѣдней по существу, я предпочелъ бы отвѣтить на такую критику въ другомъ мѣстѣ. Но замѣчанія г. М. по адресу народно-соціалистической партіи не выходятъ за предѣлы общихъ тактическихъ вопросовъ, и мнѣ нѣтъ нужды выдѣлять эти замѣчанія изъ общей цѣпи его разсужденій.

Къ сожалѣнію, и въ этомъ пунктѣ мнѣ приходится начать съ устраненія нѣкоторой неточности, допущенной г. М. Отъ себя онъ предсказываетъ, что народно-соціалистическая партія должна будетъ идти по тому же пути, по какому идетъ к.-д. партія, и явится лишь «кадетами въ блузахъ», а мое мнѣніе по этому вопросу, расходящееся съ его представленіемъ, формулируетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Онъ, правда, хочетъ, чтобы его партія организовала не «мнѣнія», а «силы», и чтобы она сама показывала примѣръ не «словъ», а «дѣйствій». Онъ даже выставляетъ странный критерій, по которому лозунги дѣйствій, бросаемые въ массы, должны быть предварительно практически провѣрены въ тѣсной партійной средѣ. Мы недоумѣваемъ,—продолжаетъ г. М.—какія же «дѣйствія» доступны «открытой партіи» и какимъ образомъ массовой лозунгъ дѣйствія можетъ сохранить свое политическое значеніе въ узкой атмосферѣ партійнаго кружка?»

Я не буду уже останавливаться на томъ, что въ своей статьѣ я говорилъ не только объ организаціи силъ. Это—сравнительно мелкая неточность. Но и того «страннаго критерія», который будто бы выставленъ, по словамъ г. М., для партійной дѣятельности, читатель напрасно сталъ бы искать въ моей статьѣ. Въ дѣйствительности, я говорилъ въ ней нѣчто иное и, во всякомъ случаѣ, не столь «странное». «Партія,—писалъ я,—не можетъ бросать тактическіе лозунги непосредственно въ неорганизованныя внѣпартійныя массы, она обязана предварительно провести такіе

лозунги въ партійной средѣ и придать имъ характеръ обязательныхъ для членовъ партіи рѣшеній, такъ какъ только такимъ путемъ она получаетъ возможность придти къ правильно взвѣшенной и оцѣненной въ своихъ послѣдствіяхъ тактикѣ». Думается, это достаточно ясно. Странно было бы, конечно, требовать, чтобы лозунги, бросаемые въ массы, предварительно «практически провѣрялись» въ тѣсной партійной средѣ: такая «провѣрка» или уничтожила бы силы партіи, или свела бы къ нулю надобность въ бросаніи лозунга въ массы. Но можно и должно требовать другого. Партія не можетъ только звать къ дѣйствіямъ другихъ. Она обязана сама дѣлать то, на что она зоветъ, и, лишь помня объ этой обязанности, она можетъ правильно сообразовать указываемыя ею средства съ преслѣдуемыми ею задачами выработать тактику, не выходящую изъ условій дѣйствительности, и намѣтить дѣйствія, на почвѣ которыхъ возможна плодотворная организація народныхъ силъ.

Нужно ли, однако, преслѣдовать эту послѣднюю цѣль? Вопросъ, казалось бы, праздный. Вѣдь еще такъ недавно даже к.-д. съѣздъ призналъ необходимымъ стремиться къ «организаціи общественныхъ силъ». Но прошло два мѣсяца со времени этого постановленія—и г. М. недоумѣвающе спрашиваетъ: «какія же дѣйствія доступны для открытой партіи?», а объ организаціи силъ говоритъ лишь въ ироническихъ кавычкахъ. И эта нонія к.-д. публициста едва ли случайна.

Не такъ давно органы к.-д. прессы сообщили о томъ планѣ, съ какимъ к.-д. партія приступаетъ къ новой избирательной кампаніи. Оказывается,—это тотъ же самый планъ, какой былъ принятъ партіей и въ прошломъ году, только теперь она обѣщаетъ проводить его рѣшительнѣе, безъ уклоненій и ошибокъ. «Идти въ учрежденіе—пишетъ «Рѣчь»—только для того, чтобы взорвать его извнутри—значило бы обманывать довѣріе избирателя. И избиратель былъ бы вполнѣ правъ, если бы спрашивалъ кандидата на предстоящихъ предвыборныхъ собраніяхъ не только о томъ, *чего* онъ будетъ добиваться въ будущей Думѣ, а также и о томъ, *какимъ способомъ* онъ надѣется осуществить свои цѣли самъ, сидя въ Думѣ, безъ проблематическаго содѣйствія «революціоннаго народа» *). Съ своей стороны к.-д. пресса разрѣшаетъ эту задачу въ томъ смыслѣ, что народъ долженъ только выбрать депутатовъ и затѣмъ хранить спокойствіе, а депутаты должны заняться строго-парламентской дѣятельностью по выработкѣ законовъ. На вопросъ же, къ чему поведетъ такая дѣятельность при отсутствіи парламентскихъ правъ, дается опять-таки старый отвѣтъ въ видѣ все тѣхъ же «крылатыхъ словъ» г. Родичева о невозможности разгона Думы, словъ, которыя «заключали въ себѣ глубоко вѣрную

*) „Рѣчь“, 8 ноября 1906 г. Курсивъ принадлежитъ „Рѣчи“.

мысль», такъ какъ, «если бы не было стремленія превратить Думу въ средство революціи, то ходъ исторіи былъ бы, несомнѣнно, совершенно иной» *).

Стремиться получить свободу путемъ увѣреній, что «страна устала отъ революціи и жаждетъ мира», призывать народъ къ соблюденію полнаго спокойствія, какъ вѣрнѣйшему средству пріобрѣтенія правъ, среди разгула самовластія возлагать всѣ упованія исключительно на чисто-парламентскую дѣятельность и утѣшать себя и другихъ неосновательными надеждами и громкими словами, уже развѣянными суровымъ дыханіемъ дѣйствительной жизни,—все это, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ организаціей общественныхъ силъ. И г. М., я думаю, можетъ быть совершенно спокоенъ насчетъ смутившей его «конкурренціи». Въ «кадетахъ новаго призыва» нѣтъ никакой нужды, и организовывать такую партію врядъ ли найдутся охотники.

В. Мякотинъ.

Вынужденный отвѣтъ **).

(Письмо въ редакцію).

Въ августовской книжкѣ «Русскаго Богатства» за 1905 годъ г. А. Петрищевъ помѣстилъ статью подъ заглавіемъ «Ловцы человѣковъ», составленную, по заявленію автора, по даннымъ одного судебнаго процесса. Въ этой статьѣ выдвигается цѣлый рядъ обвиненій противъ директоровъ Правленія Александровскаго товарищества сахарныхъ заводовъ, которому принадлежитъ сгорѣвшій Лебединскій рафинадный заводъ.

---

*) „Право", № 45.

**) Настоящее письмо доставлено было въ редакцію «Русскаго Богатства» еще въ концѣ минувшаго 1905 года. Оно набрано было для январской книжки журнала за нынѣшній годъ,—не вышедшей въ свѣтъ, вслѣдствіе пріостановки «Р. Б. по опредѣленію спб. судебной палаты. По обстоятельствамъ, чисто случайнымъ, оно не могло появиться въ первыхъ по возобновленіи книжкахъ нашего журнала. Печатая его теперь, мы считаемъ долгомъ оговорить, что запоздалость „Вынужденнаго отвѣта" ни въ какой мѣрѣ не можетъ быть отнесена на счетъ Правленія Александровскаго товарищества, приславшаго намъ этотъ отвѣтъ,—какъ уже было упомянуто,—еще въ концѣ прошлаго года. *Ред.*

Г. Петрищевъ почти прямо позволяетъ себѣ обвинять ихъ въ поджогѣ завода съ цѣлью полученія страховой преміи, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1612 ст. уложенія о наказаніяхъ.

Если бы эта статья появилась не въ «Русскомъ Богатствѣ», органѣ, всѣми уважаемомъ, правленіе товарищества, быть можетъ, не сочло бы нужнымъ совсѣмъ на нее отозваться, но то обстоятельство, что статья помѣщена именно въ «Русскомъ Богатствѣ», заставляетъ Правленіе Александровскаго товарищества просить васъ, г. редакторъ, напечатать его вынужденный отвѣтъ, подкрѣпленный препровождаемыми въ редакцію документальными доказательствами.

Начнемъ съ начала. «2-го декабря, пишетъ г. Петрищевъ, администрація сахарнаго завода въ с. Лебединѣ, Чигиринскаго уѣзда, предполагала закончить производственную кампанію 1902 г. Въ 12 часовъ ночи съ 30 ноября на 1 декабря произошла обычная смѣна рабочихъ, а ровно черезъ 10 минутъ заводъ вдругъ загорѣлся и необыкновенно быстро сгорѣлъ до тла». Г. Петрищевъ, видимо, не провѣрилъ тѣхъ датъ, которыя онъ приводитъ. Вопреки его увѣренію, администрація сгорѣвшаго завода никогда не могла предположить закончить производство на заводѣ 2 декабря. Г-нъ Петрищевъ смѣшиваетъ два понятія: въ зимніе мѣсяцы обыкновенно заканчиваютъ производство лишь песочные заводы, въ зависимости отъ количества перерабатываемой свекловицы. Но нѣтъ рафинадныхъ заводовъ, которые при нормальномъ теченіи вещей кончали бы производство въ ноябрѣ; они работаютъ обыкновенно до іюня—іюля, ремонтируются въ теченіе времени до 2-хъ мѣсяцевъ и снова работаютъ безотлагательно. Работы на рафинадныхъ заводахъ считаются непрерывными, и всякія остановки, хотя бы на короткое время, приносятъ владѣльцамъ крупные убытки. Даже въ такіе праздники, какъ на Рождество и Пасху, рафинадные заводы не закрываются; прекращается лишь переварка сахара, но весь заводъ отапливается и готовъ къ работѣ. Въ отчетный періодъ 1902—3 (а не 1902 года, какъ говоритъ г. Петрищевъ, ибо періодъ сахарнаго производства продолжается съ 1 сентября по 1 сентября) Лебединскій заводъ имѣлъ работать до послѣднихъ чиселъ іюля и во всякомъ случаѣ производства далеко не окончилъ, т. е. не выработалъ своей обычной нормы, что можно усмотрѣть изъ сравненія выработки рафинада въ періоды, предшествующіе злополучному производству.

Такъ, выработано, не считая сахарныхъ продуктовъ, одного только рафинаду:

въ 1894—1895 г. . .	353.256	пуд.	26	ф.
» 1895—1896 » . .	529.148	»	03	»
» 1896—1897 » . .	658.935	»	08	»
» 1897—1898 » . .	766.099	»	34	»
» 1898—1899 » . .	992.879	»	15	»
» 1899—1900 » . .	1.069.114	»	39	»
» 1900—1901 » . .	1.472.243	»	31	»
» 1901—1902 » . . .	1.948.772	»	21	»
» 1902—1903 » (за три мѣсяца, годъ пожара) . .	515.033	»	30	»

Всѣ эти цифровыя данныя опубликованы въ ежегодныхъ отчетахъ товарищества, утвержденныхъ акціонерами товарищества и препровожденныхъ въ кіевскую казенную палату. Изъ сопоставленныхъ выше цифръ выработаннаго рафинада на Лебединскомъ рафинадномъ заводѣ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ и послѣдняго періода видно, что Лебединскій рафинадный заводъ не могъ 30 ноября предположить закончить производство черезъ пару дней, и что заявленіе о томъ г. Петрищева неосновательно и голословно.

II.

«Заводское зданіе стояло лишь по особой снисходительности фабричной инспекціи и строительнаго надзора. Это былъ глубокій инвалидъ, сооруженный свыше 50 лѣтъ назадъ, и при томъ довольно-таки скверно. Въ его трещинахъ росла трава и гнѣздились птицы».

Какъ заводъ былъ построенъ 50 лѣтъ тому назадъ, г-ну Петрищеву, конечно, не извѣстно, а что былъ построенъ, вопреки его мнѣнію, хорошо, служитъ доказательствомъ именно то, что онъ благополучно стоялъ полъ-вѣка, не говоря уже о томъ, что пользоваться снисходительностью фабричной инспекціи навряд ли можно въ теченіе десятка лѣтъ. Очевидно, что дѣло не было такъ безнадежно, какъ это изображаетъ г. А. Петрищевъ. Цѣнность заводскаго дѣла не лежитъ въ стоимости заводской клѣтки, т. е. постройки, внутри которой происходитъ производство. Клѣтка стоитъ сравнительно не дорого, тогда какъ самую главную и цѣнную часть заводскаго имущества составляютъ машины, инструменты и аппараты. Цѣнность же ихъ на Лебединскомъ заводѣ была громадна. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ техника фабричнаго производства вообще и сахарнаго въ частности сдѣлала столь громадные успѣхи, что машины, работавшія не только 50 лѣтъ тому назадъ, но и 25 лѣтъ назадъ, давно выброшены, и ихъ замѣнили болѣе усовершенствованныя, улучшающія продуктъ и дону-

-ющія наименьшую трату рабочаго труда и матеріала. Факты же говорятъ о слѣдующемъ:

Изъ года въ годъ Правленіе Александровскаго товарищества расходовало крупныя суммы на капитальные ремонты построекъ и особенно внутренняго механизма. Въ 1891 г. Правленіе даже рѣшилось перестроить весь заводъ, для чего прекратило производство на 3 года, и только въ 1894—5 г. заводъ вновь былъ пущенъ.

Въ 1899 году, по просьбѣ Правленія товарищества, кіевское общество взаимнаго страхованія сахарныхъ заводовъ въ лицѣ своего представителя, инженеръ-технолога М. А. Толпыгина, сдѣлало переоцѣнку всего заводскаго имущества въ Лебединѣ, при чемъ песочно-рафинадный заводъ былъ оцѣненъ въ *215.088* р., машины и снаряды въ *701.417* р., всего 916.505 рублей.

О разницѣ между тѣмъ, чѣмъ былъ и чѣмъ сталъ новый песочно-рафинадный заводъ, можно судить изъ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ:

	отъ рафинаднаго производства получено:	
	въ 1890—1 г.:	1901—2 г.:
рафинаду	904.813 пуд.	1.948.772 пуд.
сахарнаго песку . . .	153.285 »	314.094 »

Въ среднемъ работоспособность рафинаднаго завода увеличена больше, чѣмъ вдвое, и поэтому легко понять, что этотъ капитальный ремонтъ и переустройство завода обошлись въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, и что заводъ далеко не былъ такъ безнадежно плохъ, какъ представляется г. Петрищеву.

III.

«При всей доброжелательности фабричнаго инспектора, неволя понуждала закованную въ желѣзо развалину сломать, а новый заводъ строить. Съ этой точки зрѣнія, говоритъ г. Петрищевъ, пожаръ, благодаря которому г.г. Бродскіе и Гольденбергъ получили 1.400.000 руб. страховой преміи, не былъ коммерчески убыточнымъ для предпринимателей событіемъ».

Отсюда какъ бы напрашивается выводъ, что сами владѣльцы завода—устроители пожара, который явился съ цѣлью полученія громадной страховой преміи, и сталъ поэтому коммерчески выгоднымъ дѣльцемъ. Но вѣрно ли подсчиталъ г. Петрищевъ выгодность пожара? Раньше всего, товарищество получило отъ страховыхъ обществъ за заводъ вмѣстѣ съ механизмомъ *не 1.400.000 руб.*, а *744.586* рублей, какъ видно изъ отчета товарищества за 1902—1903 годъ. Во время пожара сгорѣла также масса готоваго рафинада, за который получено отъ страховыхъ обществъ 279.888 руб., а между тѣмъ при продажѣ его на рынкѣ можно было, судя по

тогдашнимъ рыночнымъ цѣнамъ, выручить значительно больше. Сгорѣло также не мало продуктовъ свекловичнаго завода, сахарнаго песку, затѣмъ бумага, крупка, шпагатъ и проч. Весь убытокъ былъ ликвидированъ съ страховыми обществами за сумму *1.072.737 р.* 77 коп.

Но не эту сумму владѣльцы получили. Пришлось уничтожить разные договоры, что обошлось 4.234 руб.; пришлось выдать служебному штату при разсчетѣ особыя суммы, чтобы поддержать ихъ до пріисканія должностей, что обошлось 15.479 руб.; пришлось распродавать со скидкой оставшуюся движимость и матеріалы, частью подмоченные и испорченные, на чемъ потеряно 40.830 руб.; пришлось часть матеріаловъ, оставшихся послѣ пожара, переотправить на другіе заводы, что обошлось 16.459 руб.; одна разборка зданія и сортировка остатковъ механизма и лома вмѣстѣ съ расходами по ликвидаціи пожара составляютъ 23.391 руб. Далѣе, при ликвидаціи столь крупнаго дѣла, какое представляло собою лебединское дѣло, выступаетъ сверхъ того цѣлый рядъ убытковъ чисто коммерческаго характера, о которыхъ г. Петрищевъ умалчиваетъ. Рафинадъ это продуктъ, который продается въ кредитъ. При продажѣ двухмилліоннаго количества этого продукта въ годъ кредитный портфель не малъ. При ликвидаціи такого отдѣла неминуемо является извѣстный процентъ неблагонадежныхъ и неоплатныхъ должниковъ. Такое положеніе вещей было и на этотъ разъ. Даже и теперь, по прошествіи 4-хъ лѣтъ со времени пожара, не легко учесть размѣръ потерь портфеля. Остается еще сказать нѣсколько словъ по поводу потери въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, потраченныхъ на постройку желѣзнодорожной вѣтки, отъ Сигнаевки Фастовскаго участка ю.-з. ж. д. до завода, о чемъ болѣе подробно будетъ рѣчь впереди.

Стоимость Лебединской вѣтви была исчислена, по предъявленной въ министерство путей сообщенія расцѣночной вѣдомости, въ 402.662 руб. 22 коп., а за исключеніемъ стоимости рельсовъ, исчисленной въ 78.744 руб. 60 коп., остается 323.917 руб. 62 коп., которые товарищество приняло на себя съ условіемъ возврата ему впослѣдствіи затраченныхъ суммъ изъ доходовъ по устраиваемой вѣтви. Изъ журнала коммиссіи о новыхъ желѣзныхъ дорогахъ по вопросу о постройкѣ Лебединской вѣтви, отъ 15 февраля 1899 г., можно видѣть, что весь затраченный капиталъ можетъ быть ему возвращенъ приблизительно въ теченіе 18 или 19 лѣтъ, въ зависимости, будутъ ли, или нѣтъ начислены проценты изъ 4% годовыхъ за одинъ годъ постройки вѣтки. Въ дѣйствительности вѣтка обошлась товариществу въ 427.828 р. 91 к., что можно видѣть изъ баланса Александровскаго товарищества сахарныхъ заводовъ на 1 сентября 1902 г., напечатаннаго въ отчетѣ за 1901—1902 годъ. Такимъ образомъ, возвратъ затраченнаго капитала на постройку вѣтки могъ послѣдовать приблизительно черезъ 20 лѣтъ. Но если

Лебединскіе сахарные заводы прекратили свое существованіе, то не представляется ли яснымъ, что доходовъ отъ вѣтки быть не можетъ, и поэтому затраченный товариществомъ капиталъ на сооруженіе ея—есть погибшій расходъ и прямой убытокъ, причиненный пожаромъ.

Если прибавить къ этому, что Лебединскій заводъ изъ года въ годъ давалъ по нѣсколько сотъ тысячъ рублей прибыли, то станетъ ясно, что пожаръ Лебединскаго завода далеко не былъ коммерчески выгоднымъ для Александровскаго товарищества событіемъ. По подсчету, убытки товарищества достигаютъ приблизительно милліона рублей.

IV.

Товарищество издавна желало построить желѣзнодорожную вѣтку къ заводу. Имѣть весьма крупное дѣло въ 8—10 верстахъ отъ желѣзнодорожной магистрали и не имѣть желѣзнодорожной линіи—это значитъ быть всегда въ зависимости отъ погоды, отъ распутицы, отъ возчиковъ. Такая зависимость, конечно, неудобна, и товарищество дѣйствительно много-много лѣтъ интересовалось этимъ планомъ. Но мѣстные крестьяне своей земли уступить не хотѣли. Товарищество предлагало деньги, предлагало обмѣнъ земли—2 десятины вмѣсто одной отчуждаемой,—соглашенія не состоялось. Такъ шли годы, пока всетаки вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ министерствомъ путей сообщенія.

Г. Петрищевъ, иронизируя, говоритъ: «Не добившись толку въ Лебединѣ, заводчики обратились въ С.-Петербургъ и здѣсь чрезвычайно легко успѣли». Успѣли потому, что въ министерствѣ признали, что «постройка вѣтки, сама по себѣ, въ особенности при дальнѣйшемъ ростѣ грузового движенія, представляется предпріятіемъ весьма доходнымъ, не говоря уже о томъ, что новые грузы, которые явятся, единственно благодаря сооруженію вѣтки, значительно увеличиваютъ доходъ остальной сѣти казенныхъ желѣзныхъ дорогъ». Эти соображенія изложены въ журналѣ коммиссіи о новыхъ желѣзныхъ дорогахъ, отъ 18 февраля 1899 г. Естественно поэтому, что министерство путей сообщенія шло навстрѣчу въ данномъ случаѣ интересамъ товарищества. Упрекать товарищество, что изъ-за этого крестьяне лишились извознаго заработка,—это довольно близоруко. Тогда нельзя было бы строить вообще желѣзныхъ дорогъ, трамваевъ и проч., ибо отъ этого страдаютъ цѣлыя группы лицъ. Но прогрессъ не можетъ считаться съ такимъ взглядомъ, и пытливый умъ всегда будетъ изыскивать все новые пути и средства для усиленія торговаго оборота для дальнѣйшаго развитія техники и промышленности.

Правительство, признавъ проектируемую вѣтку желѣзнодорожной

линіей для общаго пользованія, прибѣгло къ принудительному отчужденію полосы земли подъ полотно дороги, и дорога была построена.

«Но тутъ случилось нѣчто прямо сказочное,—говоритъ г. Петрищевъ. Александровское товарищество клятвенно увѣряетъ, что оно за отчужденную землю полностью внесло деньги въ какую-то казну. Но гдѣ эта «казна» находится,—неизвѣстно. Крестьяне же до сихъ поръ, когда я пишу эти строки, не получили ни копѣйки. Мало того, за землю, находящуюся въ пользованіи завода, они по нынѣшній день платятъ всѣ подати, до выкупныхъ податей включительно».

Пусть не смущается напрасно г. Петрищевъ и не безпокоится за казну. Деньги по расцѣночной вѣдомости давно уплачены и въ настоящую казну, а именно:

по квитанціи отъ 24 сентября	1899 г.	52.519 р.	— к.
» » » 6 февраля	1901 »	7.907 »	54 »
» » » 22 апрѣля	1902 »	20.000 »	— »

и т. д. и т. д., при чемъ въ послѣдней квитанціи отъ 25 февраля 1904 года на 5.975 р. 53 к. сказано, что означенная сумма принята *по окончательному разсчету*, согласно отношенія управленія юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ отъ 22 декабря 1901 года за № 18.055. Казна эта находится въ г. Кіевѣ, по Театральному переулку, въ главномъ управленіи казенныхъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ расцѣночную вѣдомость вошли и суммы, подлежавшія уплатѣ за отчужденную землю, какъ видно изъ прилагаемой копіи этой вѣдомости. Почему казна не уплатила крестьянамъ денегъ? Почему на эту самую отчужденную землю насчитывали подати? Почему эти подати взыскивались съ крестьянъ на общемъ основаніи? На эти вопросы товарищество отвѣтить не можетъ, какъ не можетъ до сихъ поръ объяснить, почему управленіе юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, получивъ съ товарищества всю сумму за отчужденіе земли впередъ, долгое время еще насчитывало на эти самыя суммы проценты. Какъ бы то ни было, г. Петрищевъ, удаляясь изъ области фактовъ, выражаетъ свое удивленіе: «Почему полиція, чтобы найти поджигателей, задалась вопросомъ: «кто мститъ», а не «кому выгодно»?—Отсюда строится обвиненіе полиціи въ томъ, что она въ разслѣдованіи причины пожара шла по невѣрному пути, быть можетъ, даже намѣренно, оставляя въ сторонѣ тѣхъ, «кому былъ выгоденъ пожаръ», т. е. владѣльцевъ, и придравшись къ тѣмъ, «кто могъ мстить», т. е. крестьянамъ.

О дѣйствительныхъ причинахъ пожара мы не знаемъ. Мы можемъ только сказать, что заводъ дѣйствительно сгорѣлъ отъ поджога, но поджоговъ въ тотъ злополучный годъ на территоріи завода было 7, а въ томъ раіонѣ 22. Сожгли бондарное заведеніе

мѣстнаго купца, И. З. Чернобыльскаго, сожгли хлѣба и постройки въ арендуемомъ г. С. Завадскимъ имѣніи, сожгли 2 желѣзнодорожныхъ моста и т. д. Вотъ почему директоръ завода, инженеръ-технологъ В. И. Васильевъ, имѣлъ основаніе бояться за заводъ и учредить усиленную охрану. Но она не помогла, ибо, очевидно, крестьяне, или, вѣрнѣе, группа крестьянъ устроилась вѣрнѣе.

Кромѣ поджоговъ были въ той мѣстности и другія печальныя событія: покушались на жизнь мѣстнаго полицейскаго надзирателя, покушались на жизнь директора Матусовскаго сахарнаго завода г. Афанасьева, при чемъ шальная пуля убила на смерть бывшую съ нимъ въ экипажѣ гувернантку его дѣтей; наконецъ, разстрѣливали икону Іисуса Христа, помѣщенную по дорогѣ недалеко отъ Шполы. О всѣхъ этихъ безчинствахъ сообщалось и въ газетахъ. Но мы полагаемъ, что это дѣло рукъ лишь нѣкоторыхъ лицъ, и потому всѣ мѣстные крестьяне, по нашему мнѣнію, въ этомъ не повинны. Они сами пострадали, лишившись заработковъ послѣ пожара, и составляли потомъ рядъ приговоровъ, въ которыхъ обѣщались и клялись оберегать заводское имущество, лишь бы возобновленъ былъ заводъ, который даетъ имъ заработки. Товарищество со всѣмъ этимъ и считалось: оно въ уголовномъ процессѣ не приняло участія въ роли гражданскаго истца и спустя 3 года возобновило заводъ.

Правленіе Александровскаго товарищества сахарныхъ заводовъ.

Л. И. Бродскій.

Еще о мытарствахъ села Лебедина.

(По поводу „Вынужденнаго отвѣта“ г. Бродскаго).

«Г. А. Петрищевъ,—такъ приступаетъ г. Левъ Бродскій къ своему опроверженію,—почти прямо позволяетъ себѣ обвинять директоровъ Правленія Александровскаго товарищества въ поджогѣ Лебединскаго завода съ цѣлью полученія страховой преміи».

Безъ сомнѣнія, г. Левъ Бродскій самъ знаетъ, что это невѣрно, такъ какъ ничего подобнаго я себѣ не «позволялъ». Я лишь указывалъ, что слѣдственная власть совершенно не задавалась вопросомъ: кому выгоденъ пожаръ? Но вѣдь это обвиненіе противъ слѣдователя. Слѣдовательская догадка о выгодѣ даже при обыкновенныхъ условіяхъ падаетъ на весьма широкій кругъ лицъ, включительно до заводскихъ сторожей, которымъ, напримѣръ, порою хо-

чется скрыть мелкія хищенія въ нѣсколько тысячъ или даже сотъ рублей. Въ данномъ случаѣ, по отношенію къ предпріятіямъ Александровскаго товарищества, этотъ кругъ намѣчается еще шире, ибо здѣсь довольно трудно найти границу, гдѣ кончается заводская администрація, и гдѣ начинаются агенты явной и тайной полиціи. Въ Лебединѣ въ числѣ близкихъ къ заводу лицъ были завѣдомые сыщики. Въ сосѣднемъ Матусовскомъ заводѣ обнаружено, что чины полиціи перехватываютъ письма служащихъ, если является подозрѣніе, что письмо заключаетъ въ себѣ жалобу на директора завода. Факты, доказывающіе это, были оглашены на судѣ въ Умани (по дѣлу о вооруженномъ нападеніи на директора Матусовскаго завода), въ Чигиринѣ (по дѣлу о поджогѣ Лебединскаго завода) и даже сдѣлались достояніемъ печати (см., напр., статью: «Обыкновенныя отношенія», № 4 «Міра Божія» за 1905 г.). Значитъ, при этихъ условіяхъ, догадка о выгодѣ распространяется и на заводскихъ сыщиковъ, вкупѣ съ ихъ явнымъ и тайнымъ начальствомъ. И, имѣя все это предъ глазами, г. Бродскій всетаки пишетъ: «кому выгоденъ пожаръ, т. е. *владѣльцамъ*».

Лично принадлежащій автору «Вынужденнаго отвѣта» выводъ: «то есть владѣльцамъ», тѣмъ болѣе неоснователенъ, что надлежаще поставленному слѣдствію вовсе не легко было направить свое вниманіе именно въ эту сторону.

Александровское Товарищество дѣлаетъ ежегодно до 25 милліоновъ рублей оборота. Получаетъ въ годъ до милліона чистой прибыли. Столь крупному предпріятію не такъ уже просто ступить на путь дѣяній, которыя при малѣйшей неосторожности могутъ закончиться каторжными работами. Одно дѣло—напр., полуприказчики-полуполицейскіе, услугами которыхъ слишкомъ дорожилъ сгорѣвшій Лебединскій заводъ, и другое дѣло — владѣльцы многомилліонной фирмы. Не ясно ли, въ какую сторону всего вѣроятнѣе было направиться слѣдствію, если бы оно не пожелало совершенно не касаться вопроса: «кому выгодно»? Очевидно, г. Бродскій весьма неосновательно пытается прикрыть собою другихъ, весьма многочисленныхъ людей, относительно которыхъ подозрѣніе всего вѣроятнѣе. И самую попытку заслонить собою кого-то третьяго надо отнести, по меньшей мѣрѣ, къ числу недоразумѣній.

Къ числу такихъ же, по меньшей мѣрѣ, недоразумѣній надо отнести усиленно подчеркиваемое г. Бродскимъ обстоятельство, что въ Лебединѣ сгорѣлъ рафинадный заводъ. Не песочно-рафинадный, не песочный и рафинадный, а именно рафинадный, какъ будто только рафинадный, хотя, даже по отчетамъ самого Александровскаго товарищества, въ Лебединѣ до пожара 1902 г. былъ не только рафинадный, но и свеклосахарный заводъ. И счеты по этимъ двумъ предпріятіямъ бухгалтеріей Александровскаго товарищества въ ея, по крайней мѣрѣ, печатныхъ отчетахъ не сѣчивались. Свою замѣтку: «Ловцы человѣковъ» я писалъ на осно-

ваніи источниковъ, мною опредѣленно указанныхъ. И въ этихъ источникахъ дѣло излагалось также вполнѣ опредѣленно.

Подожженъ былъ заводъ *свеклосахарный*. Окружнымъ судомъ въ Чигиринѣ разсматривалось дѣло о поджогѣ *свеклосахарнаго* завода (см. извлеченіе изъ обвинительнаго акта въ № 91 и 92 «Кіевск. Газ.» за 1905 г.). На судѣ прокуроръ выяснялъ это обстоятельство, и на его вопросъ бывшій директоръ завода, г. Васильевъ, въ качествѣ свидѣтеля, отвѣтилъ буквально слѣдующее: «это (день поджога) былъ послѣдній день работъ. 2 декабря *песочный заводъ* уже закрывался» (№ 93, «Кіевск. Газ.» за 1905 г.). Поэтому и защитникъ напоминалъ присяжнымъ засѣдателямъ: «заводъ былъ старый, въ стѣнахъ были большія трещины, стѣны стягивались толстыми желѣзными болтами, заводъ сгорѣлъ наканунѣ его закрытія» (цитирую по «Кіевск. Газетѣ»).

Такъ излагалось дѣло мѣстными людьми, лично видѣвшими Лебединскія предпріятія г. Бродскаго, лично знакомыми съ мѣстными дѣлами, и при томъ излагалось въ мѣстныхъ газетахъ, которыя издавались тамъ же, гдѣ живетъ г. Бродскій, и которыя руководителями Александровскаго т-ва своевременно читались (это я знаю и утверждаю). Эти свѣдѣнія, исходившія отъ мѣстныхъ людей и напечатанныя въ мѣстныхъ газетахъ, до сихъ поръ не опровергнуты. Можетъ быть, дѣйствительно, въ Лебединѣ былъ только рафинадный заводъ, какъ даетъ понять «Вынужденный отвѣтъ» г. Бродскаго. Можетъ быть, и песочный и рафинадный, какъ явствуетъ изъ печатныхъ отчетовъ товарищества. Можетъ быть, просто одинъ песочно-рафинадный,—два отдѣленія подъ общею крышею, которыя вмѣстѣ подожжены и вмѣстѣ сгорѣли. Во всякомъ случаѣ, г. Бродскому было бы всего резоннѣе адресовать свои возраженія не ко мнѣ, а къ первоисточнику,— къ мѣстнымъ людямъ и мѣстнымъ газетамъ. «Вопросъ» о томъ, какой заводъ въ Лебединѣ сгорѣлъ, принадлежитъ, конечно, къ разряду третьестепенныхъ: въ общей картинѣ, которую я старался воспроизвести «Ловцами человѣковъ» онъ рѣшительно ничего по существу не измѣняетъ; но, само собою разумѣется, я сочту себя обязаннымъ принять и внести тѣ фактическія поправки, которыя будутъ установлены послѣ обмѣна мнѣній между мѣстными людьми и представителями Александровскаго т-ва. А до тѣхъ поръ намъ съ г. Бродскимъ, собственно, не о чемъ спорить. И споръ нашъ былъ бы лишь праздною потерею времени, ни для кого не убѣдительной.

Въ сущности, на этомъ можно бы и кончить. Но, къ сожалѣнію, «Вынужденный отвѣтъ» г-на Бродскаго не лишенъ чрезвычайно неудобнаго оттѣнка. Г. Бродскій все время какъ будто говоритъ только объ Александровскомъ товариществѣ. Однако, аргументы расположены такъ, что изъ «Вынужденнаго отвѣта», словно сама собою, получается вынужденная аналогія полицейскимъ агентамъ,

состоявшимъ въ интимной дружбѣ съ администраціей Лебединскаго завода. И точно также, словно иначе и быть не можетъ, «вынужденный отвѣтъ» въ построеніи г. Бродскаго превращается въ «вынужденное», но совершенно недвусмысленное обвиненіе по адресу крестьянъ. Выходитъ сплошь операція за счетъ третьихъ лицъ, изъ коихъ оправдываются тѣ, кто самъ могъ бы оправдаться, и даже слишкомъ обильно вооруженъ оправдательными средствами, и, наоборотъ, весьма рѣзко обвиняются тѣ, кто средствъ самозащиты почти лишенъ. И вотъ эта попытка аргументировать за счетъ интересовъ третьихъ лицъ заслуживаетъ, на мой взглядъ, самаго рѣшительнаго отпора.

Полицейскіе агенты, которые производили слѣдствіе о поджогѣ завода и часть которыхъ состояла на службѣ у хозяевъ того же завода, задавали себѣ только одинъ вопросъ: «кто мстилъ?». И это, видите ли, правильно. Ибо пожаръ принесъ заводчикамъ милліонъ убытка. Значитъ поджогъ произошелъ только изъ мести. Почему надо думать, что подожгли именно крестьяне,—не всѣ крестьяне, а группа безпокойныхъ и политически неблагонадежныхъ? А потому, что эта «группа» была зла на заводъ и хотѣла причинить ему милліонный убытокъ. Все время оперируя около «милліоннаго убытка», г. Бродскій словно навязываетъ выводы, для него лично ненужные и даже, казалось бы, неудобные. Ему почему-то такъ нужно обосновать «милліонный убытокъ», что онъ дѣлаетъ даже ссылку на «представителя страхового общества», инженеръ-технолога Толпыгина, по оцѣнкѣ котораго заводъ въ 1899 г. стоилъ 916.505 р. Но зачѣмъ же касаться столь техническаго и отчасти интимнаго вопроса, какъ оцѣнка промышленныхъ предпріятій страховыми агентами, когда само Александровское товарищество оцѣнивало тотъ же заводъ съ тѣми же «машинами и снарядами» и въ томъ же 1899 г. всего лишь въ 494.620 р. 25 к. *). И съ какой стати говорить о милліонныхъ убыткахъ, когда въ отчетѣ товарищества за 1902—1903 гг. по счету ликвидаціи лебединскаго пожара, на стр. 26 и 27, находимъ, что пожаръ далъ Александровскому товариществу чистой прибыли 330.063 р. 37 к., и эта сумма цѣликомъ списана «на учетъ стоимости желѣзнодорожной вѣтки, вслѣдствіе ея совершенной безполезности». Маленькое поясненіе: вѣтка до Лебедина построена съ такимъ условіемъ, чтобы стоимость ея была выплачена казной заводу въ теченіе, приблизительно, 19—20 лѣтъ. По смѣтѣ стоимость дороги около 324 тыс. руб. Но заводомъ показанъ расходъ въ 428 тыс., т. е. около 33.000 р. за версту вичтожнаго подъѣзднаго пути! Этотъ расходъ и былъ, конечно, возмѣщенъ; пожаръ лишь помогъ сразу съ лихвой и, такъ сказать, не подлежащимъ погашенію авансомъ покрыть смѣтную стоимость вѣтки. Такъ говорятъ цифры, утвержденныя директорами и распоряди-

*) См. отчетъ за 1899—1900 гг., стр. 24.

телями Александровскаго товарищества. Если бы г. Бродскій не забылъ ихъ, то, навѣрное, поостерегся бы прибѣгать къ другимъ цифрамъ, якобы заставлявшимъ полицію искать только мстителя, и якобы дающимъ заподозрить въ поджогѣ только крестьянъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, даже тѣ полицейскіе агенты, которые состояли у г. Бродскаго на службѣ, не знали, какъ застрахованъ заводъ, ветхость котораго засвидѣтельствована на судѣ? И неужели лебединскіе крестьяне, на которыхъ взялъ г. Бродскій рѣшается публично и не только своимъ подчиненнымъ указывать какъ на поджигателей, не имѣли никакихъ свѣдѣній о способахъ страхованія заводовъ?

Чистая прибыль въ 330.000 руб. по счету «ликвидаціи пожара», повторяю, не даетъ еще права думать, будто поджогъ произошелъ съ вѣдома Александровскаго товарищества. Я вовсе не хочу подозрѣвать въ этомъ товарищество. Я лишь указываю, до какой степени методъ, которымъ г. Бродскій надѣется оправдать однихъ и обвинить другихъ, крайне невыгоденъ прежде всего для самого г. Бродскаго. Насиловать цифры безнаказанно нельзя.

Въ минуту поджога ходы на этотъ чердакъ «были заперты на крѣпкіе замки, а ключи находились у сторожей»; «всѣ слуховыя окна (на крышѣ) были забиты» (см. «Кіевск. Газ.» № 93); чтобы проникнуть на чердакъ для тушенія уже вспыхнувшаго пожара, «пришлось разломать досчатыя перегородки». Я цитирую показанія служащихъ завода, удостовѣрившихъ, что даже изъ близкихъ къ заводской администраціи лицъ никто не могъ проникнуть на чердакъ безъ разрѣшенія. Какъ же могли проникнуть «враги завода», крестьяне села Лебедина? Пусть проникли и были тамъ, но чердаки заперты, пусть подожгли, но куда жъ они дѣлись: вѣдь слуховыя окна сгорѣли заколоченными, двери и ходы запертыми, а служащіе, проломавши перегородку, чтобы проникнуть на чердакъ, не замѣтили тамъ ни поджигателей, ни обгорѣлыхъ труповъ. Наконецъ, по показанію самихъ служащихъ, «дворъ завода всю ночь освѣщался электричествомъ, вездѣ сторожа, такъ что (постороняго) человѣка тотчасъ же замѣтили бы (не только на дворѣ, но и на крышѣ» *).

Вѣдь все это г. Бродскій превосходно знаетъ. На какомъ же основаніи онъ рѣшается обвинять явно непричастныхъ къ дѣлу людей? Неужели только потому, что отъ этихъ людей невѣроятно ожидать отпора?

Наконецъ, г. Бродскому, безъ сомнѣнія, понятно, что даже вопросъ: «кто мстилъ», если бы его можно было поставить, вовсе не ведетъ только къ одному отвѣту: «крестьяне».

Вѣдь и мстить могли очень многія лица: разсерженный сторожъ, недовольный приказчикъ, не вознагражденный сыщикъ, обя-

*) Показаніе заводскаго мастера Шандро.

женные разсчетомъ рабочіе. Съ какой же стати догадка о мести обрушилась на «группу крестьянъ», не имѣвшихъ возможности даже проникнуть на заводскій дворъ? Почему слѣдствіе направилось въ сторону наименьшей правдоподобности? Самое остроумное объясненіе, какъ крестьяне подожгли заводъ, придумалъ сыщикъ Семенъ Коваленко, состоявшій на службѣ у Александровскаго товарищества подъ видомъ рабочаго. Этотъ сыщикъ на судѣ подъ присягой изложилъ добытые имъ «факты полицейскаго дознанія»: крестьяне-поджигатели, оказывается, пѣлую ночь пьянствовали, а потомъ трое изъ нихъ пошли на заводъ, прошли мимо «всюду стоявшихъ сторожей» по освѣщенному электрическими фонарями двору, не бывъ никѣмъ замѣчены, вошли въ самый заводъ, проскользнули на чердакъ, сквозь замкнутыя двери, не повредивъ замковъ, а потомъ подожгли и убѣжали, и все это было на разсвѣтѣ, часа черезъ 4 послѣ начала пожара (см. № 94 «Кіевской Газеты»).

Это, разумѣется, не объясненіе, а бредъ. Однако, ничего другого до такой степени нельзя было выдумать, что пришлось представить этотъ бредъ вниманію суда. Теперь г. Левъ Бродскій даетъ понять, что у него въ рукахъ имѣется какъ бы косвенное сознаніе самихъ крестьянъ.

«Крестьяне — пишетъ онъ — сами пострадали... и послѣ пожара составляли рядъ приговоровъ, въ которыхъ обѣщались и клялись оберегать заводское имущество, лишь бы возобновленъ былъ заводъ. Товарищество со всѣмъ этимъ считалось: оно въ уголовномъ процессѣ не приняло участія въ роли гражданскаго истца и спустя три года возобновило заводъ».

Другими словами: лебединскіе крестьяне не видѣли, что въ ихъ селѣ на мѣстѣ сгорѣвшаго завода началъ строиться новый, и потому такъ слезно просили о постройкѣ новаго завода, что приговоромъ «обѣщались» поставлять охрану. Какъ поставлять? Въ порядкѣ натуральной повинности? И куда? На чердакъ, чтобы не позволять заводской администраціи складывать тамъ легковоспламеняющійся матеріалъ, нашедшій пріютъ на чердакѣ стараго завода? Да не только обѣщались крестьяне это сдѣлать, но и клялись. То есть какъ же это? Установили, что ли, вѣрноподданническую присягу Александровскому товариществу? «Группа поджигателей» раззорила крестьянъ, а товарищество, снисходя къ крестьянскимъ приговорамъ, до того щадитъ этихъ самыхъ поджигателей и общественныхъ вороговъ, что даже не предъявляетъ къ нимъ гражданскаго иска? А если бы крестьяне не обѣщались и не клялись, то, значитъ, Александровское товарищество не пощадило бы раззорителей села? Тогда искъ въ милліонъ рублей былъ бы предъявленъ? Къ кому? Къ оправданной нынѣ судомъ нищей дѣвицѣ Акулинѣ и къ ея такимъ же нищимъ семерымъ товарищамъ по несчастью? И только изъ желанія идти навстрѣчу крестьянскимъ просьбамъ, а отнюдь не ради собственной выгоды, Александровское товари-

ществo рѣшило сооруженное за три года со времени пожара зданіе вмѣстѣ съ машинами обратить подъ заводъ, а иначе все было бы разломано и пущено по вѣтру? Не такъ ли?

Я не знаю, чѣмъ и на какомъ основаніи г. Бродскій былъ «вынужденъ» писать собственный «отвѣтъ» за счетъ третьихъ лицъ. Но, быть можетъ, вдумываясь въ написанное имъ, онъ пойметъ, до какой степени это занятіе щекотливо и невыгодно.

А. Петрищевъ.

Школа имени Гл. Ив. Успенскаго

въ с. Сябреницахъ, Новгородскаго уѣзда.

(Вниманію жертвователей).

Въ 1904 г. редакція журнала «Русское Богатство», по иниціативѣ покойнаго Николая Константиновича Михайловскаго, передала въ распоряженіе Новгородскаго Губернскаго Земства 3509 р. 26 коп., пожертвованныхъ разными лицами на постройку въ с. Сябреницы, Новгородскаго уѣзда, школы имени Глѣба Ивановича Успенскаго. Новгородское Губернское Земство приняло на себя постройку и завѣдываніе будущей школой, при чемъ работы по постройкѣ были поставлены въ зависимость отъ имѣвшихся на это средствъ, переданныхъ редакціей. Школа предполагалась одноклассная, съ 4-мя отдѣленіями при 2-хъ учителяхъ, сообразно чему и было проектировано одноэтажное зданіе, разсчитанное на два большихъ свѣтлыхъ класса, рекреаціонный корридоръ, библіотеку и помѣщеніе для учащихъ. Въ настоящее время всѣ главныя работы по сооруженію школы на 70 учениковъ окончены; остались только внутреннія—печныя, малярныя и нѣкоторыя столярныя работы и небольшой дровяной сарай, а также обзаведеніе школы мебелью и учебными пособіями. На все это, включая покрытіе нѣкоторыхъ еще не оплаченныхъ расходовъ по постройкѣ, потребуется по приблизительному разсчету до 1500 р.

Счетъ расходовъ по постройкѣ школы.

Въ февралѣ 1904 года поступило въ депозитъ Новгородской губернской земской управы отъ редакціи журнала „Русское Богатство“	3,509 р.	26 к.
Тоже . . . . 28 авг. 1906 г.	61 „	26 „
Итого . .	3,570 р.	52 к.

Израсходовано:

1. На заготовку матеріаловъ: камень, песокъ, лѣсъ, известь, пакля, кровельное желѣзо, стекло, войлокъ и проч.	1,381 р. 50 к.
2. За работы по постройкѣ школы: за распилку лѣса, за бетонныя, плотничныя, столярныя, малярныя и кровельныя работы, за доставку матеріаловъ и за подсобныя работы.	1,928 „ 74 „
3. За подвозку матеріаловъ, наблюденіе за работами, сторожу, за страхованіе зданія и проч. мелкіе расходы	260 „ 28 „
Итого . .	3,570 р. 52 к.

Какъ видно изъ этого отчета, всѣ имѣвшіяся средства уже истощены. При настоящемъ стѣсненномъ положеніи земскихъ финансовъ, на какое-либо пособіе со стороны земства разсчитывать нельзя; и если сравнительно небольшая сумма для окончанія постройки и оборудованія школы не будетъ собрана, путемъ частныхъ пожертвованій, то открытіе школы, предполагавшееся въ настоящемъ году, затянется на неопредѣленный срокъ. Это тѣмъ болѣе будетъ обидно, что послѣднее очередное губернское земское собраніе ассигновало уже необходимыя средства на полугодовой бюджетъ по содержанію школы въ 1906 году.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу ссыльныхъ: отъ И. Боруновой—2 р.; отъ М. Л. П.—5 р.; черезъ В. А. В., собран. среди служащ. фабрики т-ва А. Каретниковой въ с. Тейковѣ—15 р. 10 к.; отъ В. Ш., С. Р. и Т. М.—13 р.; отъ С. Афанасьева, изъ Холма—20 р.; отъ З. Лебедева—16 р.; отъ подписч. № 9669—7 р. 50 к.; собран. 14-го октября на вечерѣ В. А. В. въ Тейковѣ—7 р. 58 к.; отъ М. Ефремова, изъ Ялты—10 р.; отъ Д. Мунькина, изъ Смоленска—15 р.; отъ В. Колодченка, изъ Камышина—5 р. 10 к.; отъ М. Аѳанасьевой съ семействомъ, изъ Ростова на Дону—2 р. 50 к.

Итого . . . . . 118 р. 78 к.

Въ пользу голодающихъ крестьянъ въ разныхъ губ.: отъ М. О.—2 р.; отъ подписч. № 9669—7 р. 50 к.; отъ лѣсныхъ чиновъ Красноярскаго лѣсничества—3 р. 70 к.; черезъ П. Захарянца—25 р.; отъ Н. Наймушина—10 р.

Итого . . . . . 48 р. 20 к.

Въ пользу рабочихъ, пострадавшихъ 9-го января 1905 г. въ Петербургѣ: отъ Л. Рѣзниковой—3 р.

Въ пользу безработныхъ: отъ В. Т.—12 р. 75 к.

ДЕКАБРЬ. 1906.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1906.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—65 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а **также** за случай возвращенія обратно рукописи должны быть **приложены марки.**

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ **платежомъ** стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

СОДЕРЖАНІЕ.

		СТРАН.
1.	**Побѣгъ.** Повѣсть. *Вацлава Сѣрошевскаго.* Окончаніе.	1— 33
2.	**Темной ночью.** Стихотвореніе. *С. Иванова Райкова.*	34
3.	**Начало.** *В. Башкина.*	35— 82
4.	**Элементъ стихійности** въ массовыхъ движеніяхъ. *Гр. К.*	83— 97
5.	**Мать** (Изъ былыхъ временъ). *А. Погорѣлова.* . .	98—115
6.	**Донскіе казаки.** Очеркъ. *С. Я. А—на.*	116—152
7.	**Сказка.** *М. Подвальнаго.*	153—161
8.	**Когда наступитъ ночь.** Стихотвореніе. *Е. С.* . .	162—163
9.	**Инсургенты 1871 г.** Романъ. *Жюля Валлэса.* Переводъ съ французскаго Я. А. Глотова. Продолженіе.	164—198
10.	*** Стихотвореніе *Г. Галиной*	198
11.	**О причинѣ смерти.** Переводъ съ нѣмецкаго В. С. Елпатьевскаго. Проф. *Рихарда Гертвига*	199—218
12.	**Въ потѣ лица.** Очерки и наблюденія русскаго путешественника. *П. Владычченко.* (Въ приложеніи).	1—107
13.	**На новый годъ.** Стихотвореніе. *С. Иванова-Райкова*	108
14.	**Изъ воспоминаній нѣмецкаго революціонера.** *Карла Шурца.* Переводъ съ нѣм. А. Н. Анненской (Въ приложеніи).	1—132
15.	**Изъ Англіи.** *Діонео.*	1— 21
16.	**Французскій синдикализмъ** (Письмо изъ Франціи). *Н. Е. Кудрина.*	22— 63
17.	**Русская Польша наканунѣ новыхъ выборовъ.** *Л. Василевскаго*	64— 92

(*См. на оборотѣ*)

глухой гулъ по долинѣ и стали гремѣть одинъ за другимъ мощные раскаты, похожіе на пушечные выстрѣлы, неимовѣрная радость охватила его душу. Вѣжливо, почти дружески поздоровался онъ съ Аркановымъ и сказалъ ему, что больше не будетъ утруждать его, такъ какъ ему нужно лишь окончить приборъ для измѣренія скорости хода лодки, съ чѣмъ онъ и самъ можетъ справиться.

— Поведите Евгенію Ивановну на рѣку. Вскрытіе Джурджуя — великолѣпнѣйшее зрѣлище въ своемъ родѣ!.. — совѣтовалъ онъ Арканову.

Супруги были теперь неразлучны, что успокоительно дѣйствовало на Красусскаго, который такъ боялся одиночества Арканова и его неожиданныхъ поступковъ.

Онъ повеселѣлъ и, насвистывая какой-то беззаботный мотивъ, подвязывалъ суконный мѣшечекъ къ небольшому ободку морского прибора. Весна, тепло, солнечный свѣтъ, дуновенія вѣтра, разнообразные голоса, врывавшіеся черезъ открытыя настежь окна мастерской, настраивали его радостно и бодро. Къ тому же, сквозь грохотъ ломавшихся на рѣкѣ льдовъ, сквозь шумъ вѣтра и гомонъ пролетавшихъ птицъ, его опытное ухо охотника и кузнеца улавливало съ самаго утра тихій, мѣрный и частый стукъ молотковъ, заклепывавшихъ за рѣкою болты. Это работали товарищи, и съ каждымъ ударомъ Красусскій чувствовалъ ближе и ближе родину и волю, съ каждымъ ударомъ лопалось одно изъ звеньевъ рабскихъ оковъ!..

Ночью онъ не могъ заснуть, такъ какъ въ наступившей тишинѣ природы постукиванія молотковъ звучали до того ясно, что можно было опасаться, что и другіе горожане обратятъ на нихъ вниманіе. Онъ отправился на рѣку, къ тому мѣсту, гдѣ была спрятана на всякій случай крохотная душегубка, и подумывалъ о томъ, какъ бы перебраться на тотъ берегъ и предостеречь товарищей. Но онъ сообразилъ, что раньше, чѣмъ достигнетъ того берега, взойдетъ солнце, поплывутъ воды, загремятъ льды, задержанные ночнымъ холодомъ, и въ грохотѣ ихъ и гомонѣ жизни потонетъ голосъ освободительнаго труда. Теперь же въ городѣ всѣ спали.. Успокоенный, онъ вернулся домой, легъ спать и крѣпко уснулъ.

И снилось ему, что онъ въ Польшѣ...

Вдругъ кто-то крѣпко дернулъ его за плечо.

Красусскій открылъ глаза. Струи солнечнаго свѣта заливали мастерскую и крохотную спальню Красусскаго.

Надъ нимъ стоялъ Арковъ.

Несчастіе!.. — сказалъ онъ мрачно. — Джурджуйцы

устраиваютъ пикникъ, какъ разъ, напротивъ Бурунука на берегу рѣки!

Красусскій вскочилъ, не понимая еще, въ чемъ дѣло, но одновременно съ отдаленнымъ гудѣніемъ льдинъ на рѣкѣ, съ говоромъ городской жизни и быстрымъ, отрывистымъ, тихимъ, но несмолкаемымъ стукомъ работающихъ вдали товарищей въ сознаніе его мгновенно проникло представленіе о предстоящей опасности.

— Что же мы предпримемъ?—спросилъ Аркановъ.

Красусскій взглянулъ ему въ лицо. Печаль и озабоченность Аркапова показались ему напускными; онъ уловилъ гдѣ-то на днѣ врачковъ товарища, въ углахъ сжатыхъ губъ скрытую, подавленную радость. Поэтому онъ поспѣшно одѣвался, не отвѣчая ни слова. На улицѣ онъ тотчасъ же наткнулся на цѣлую вереницу джурджуйскихъ гражданъ, направлявшихся мимо полиціи въ сторону Бурунукскаго залива. Онъ узналъ зеленое платье попадьи, помидорнаго цвѣта костюмъ Козловой, фіолсты Варлаамовой, замѣтилъ шестовидную фигуру „madame Angot“ и молодецкую поступь Денисова. За послѣднимъ шла гурьбою джурджуйская золотая молодежь... Быстро двигаясь мимо нихъ, онъ опередилъ сани, нагруженныя корзинами, бутылками, боченками и бѣлой палаткой новаго исправника — нововведеніе, неизвѣстное до тѣхъ поръ въ Джурджуѣ. Быкъ, на спинѣ котораго возсѣдалъ голый якутъ, съ трудомъ волокъ тяжелыя сани по черной, скрипящей землѣ. Красусскій безъ труда оставилъ позади себя якута и скользнулъ съ обрывистаго берега внизъ къ водѣ. Тутъ только онъ замѣтилъ, что Аркановъ и Евгенія бѣгутъ за нимъ. Онъ сердито взглянулъ на нихъ, отыскалъ весло, схватилъ за носъ челнокъ, перевернулъ его, поставилъ надлежащимъ образомъ и потащилъ къ водѣ. Запыхавшійся Аркановъ очутился по другую сторону суденышка и схватилъ его за бортъ. Мгновеніе они боролись, стараясь вырвать другъ у друга душегубку.

— Пусти... Что... чего тебѣ нужно... негодяй!..—вскричалъ Красусскій, замахиваясь весломъ на противника.

— Ты пусти!.. Ты не долженъ... ты утонешь... безъ тебя они... погибнутъ!..—простоналъ Аркановъ.

Красусскій, вѣроятно, не разслышалъ, а быть можетъ, и не понялъ его объясненія. Сильнымъ движеніемъ вырвалъ онъ челнокъ изъ его рукъ, вскочилъ въ него и оттолкнулъ далеко въ воду. Аркановы увидѣли, что онъ направляетъ его прямо въ водоворотъ несущихся льдинъ. Но онъ, видимо, скоро пришелъ въ себя, потому что повернулъ свое хрупкое суденышко параллельно ледоходу и поплылъ вдоль, отыскивая удобный проходъ. Льды уже не шли

сплошной массой, какъ въ началѣ, ихъ лента порвалась на части и неслась, главнымъ образомъ, серединой русла, скопляясь въ шумные „заторы“ исключительно на поворотахъ рѣки. У обоихъ береговъ сверкали широкіе плесы свободнаго отъ льдовъ теченія. Красусскій на то и разсчитывалъ. Онъ стрѣлою мчался внизъ по рѣкѣ, опережалъ большія ледяныя поля, мелкую шугу и громадные спертые другъ на другѣ „тороса“, пока не отыскалъ болѣе широкаго прорыва въ ледоходѣ. Онъ немедленно направился туда. Аркановы съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдили, какъ онъ ловко уходилъ отъ столкновенія съ небольшими острыми обломками льдовъ, скрываясь отъ нихъ подъ защиту крупныхъ полей, движущихся гораздо правильнѣе и тише. Когда поля смыкались, онъ взлѣзалъ на нихъ, вытаскивалъ лодку и волокъ ее къ другому ихъ краю. Такимъ образомъ онъ добрался до середины рѣки. Аркановъ вытеръ потъ со лба: онъ понялъ, что ему никогда бы ничего подобнаго не удалось совершить, что онъ давно бы погибъ. Вдругъ пронзительный крикъ жены заставилъ его пристальнѣе взглянуть на рѣку. Душегубки уже тамъ не было, только человѣкъ стоялъ на льду на колѣняхъ. Что дальше онъ дѣлалъ, какъ прыгалъ со льдины на льдину, какъ, наконецъ, сбросилъ платье и рывкомъ пробрался сквозь послѣдній, широкій, свободный отъ льда плесъ, какъ онъ уцѣпился за прибрежные тальники, какъ оттуда высунулись люди и подхватили его—всего этого Аркановъ уже хорошенько не разобралъ, пораженный, точно громомъ, выраженіемъ лица и голосомъ жены. Евгенія была такъ блѣдна и такой имѣла страдальческій видъ... Вдругъ позади себя на высокомъ обрывѣ она услышала шаги и звонкіе голоса...

— Мое почтеніе, Евгенія Ивановна!..—обратился къ ней кто-то.—И вы, однако, вышли поглядѣть на игру нашего сибирскаго ледохода.. Любопытное зрѣлище, не правда ли?

— Не столько любопытное, сколько поучительное!..—отвѣтилъ другой голосъ.

На краю обрыва стоялъ новый исправникъ съ учителемъ.

— Поглядите, вонъ тамъ что-то чернѣетъ далеко на льдинѣ... Точно упалъ человѣкъ, раскинувши руки... Навѣрно, человѣкъ!.. Пойдите, прикажите казакамъ, чтобы добрались къ несчастному, выручили его!.. —кричалъ исправникъ, указывая на брошенное Красусскимъ платье.

Но учитель даже не взглянулъ въ указанномъ направленіи, такъ какъ въ противоположной сторонѣ замѣтилъ въ не затѣненныхъ еще листвою кустахъ платье своей жены рядомъ съ какими-то мужскими сапогами.

— Откуда тамъ найтись человѣку? Навѣрно, однако, ско-

тина!.. Да хотя бы и человѣкъ, то какой чортъ достанетъ его изъ такой мельницы... Шутка сказать... выручи!..—пробормоталъ онъ неохотно.

Между тѣмъ, Евгенія замѣтила, что мужа нѣтъ рядомъ, и медленно пошла къ городу.

Нашла она его на кровати, съ лицомъ, обращеннымъ къ стѣнѣ. Онъ не пошевелился, когда она вошла, и не отвѣтилъ, когда она позвала его.

— Ахъ, опять жалкія сцены... И это теперь... передъ лицомъ смерти!

Она такъ устала, такъ была измучена всѣмъ, что случилось, что предстоящія непріятности уже не волновали ее. Она опустилась въ кресла и повѣсила голову на грудь. Весь міръ казался ей страшной, безжалостной пустыней, по которой ея истомившаяся и безвольная душа напрасно блуждала, отыскивая, за что бы зацѣпиться. Она жаждала, къ кому бы прижаться, приникнуть головой на грудь и заплакать... Она тихонько сошла съ креселъ, присѣла къ мужу на кровать и положила руку на его плечо, но онъ грубо оттолкнулъ ее, не обернувшись даже къ ней лицомъ. Она просидѣла такъ нѣкоторое время, согнувшись, вглядываясь воспаленнымъ взоромъ въ пустой уголъ комнаты. Затѣмъ, чувствуя, что ей необходимо чѣмъ-нибудь заняться, чтобы спасти остатки мужества и силы, она полусознательно поставила самоваръ, заварила чай и жадно пила крѣпкій, какъ чернила, наваръ большими глотками.

Она поднесла и мужу чашку съ кускомъ хлѣба и холоднаго мяса. Онъ не двинулся; но когда она вышла затѣмъ на крыльцо, то разслышала, что стукнули его сапоги объ полъ. Вернувшись, она замѣтила, что онъ съѣлъ все поданное. Тѣмъ не менѣе, онъ по-прежнему отворачивалъ отъ нея лицо и мрачно склонялъ голову къ землѣ.

— Онъ погибъ! Что теперь будетъ?—тихонько спросила она.

— Совсѣмъ нѣтъ!.. Онъ живъ, и міръ... стоитъ на своемъ мѣстѣ!—насмѣшливо отвѣтилъ онъ.

— Что же ты не сказалъ мнѣ!..—воскликнула она со смѣсью обиды и радости.—Значитъ онъ, проплылъ и спасся!?

Онъ измѣрилъ ее злымъ взглядомъ и не отвѣтилъ. Она тоже замолкла, сознавая, что передъ ней опять не мужъ ея, а тотъ, другой... его двойникъ.

— Надо дать ему остыть, опомниться... Пусть наговорится, насердится!.. Опять будутъ упреки, просьбы и угрозы!.. — раздумывала она, садясь на крыльцѣ. — Итакъ, онъ не погибъ, все по старому... Бѣжимъ... Черезъ день, черезъ два, а можетъ быть, и черезъ нѣсколько часовъ мы уже

оставимъ это проклятое мѣсто пытки... Что произошло здѣсь, что случилось и чѣмъ мы стали?—Развѣ я та же, что была раньше? Развѣ такимъ былъ Артемій? И другіе — такіе ли, какъ прежде?.. Душу свою сохранили только тѣ, кто постоянно боролся! Ахъ, поскорѣе бы, поскорѣе... на свѣтъ, къ людямъ, къ плодотворному труду и жертвамъ!

Вдругъ она замѣтила дымъ въ юртѣ Красусскаго.

— Вернулся!—вскрикнула она пронзительно, врываясь въ комнату. Она схватила свою шапочку, свою кофту, но Аркановъ вскочилъ и сталъ въ дверяхъ.

— Куда?

— Узнать, когда... ѣдемъ!

— Не надо. Мы совсѣмъ не поѣдемъ!—отвѣтилъ онъ спокойно.

Она попятилась въ изумленіи.

— Почему?

— Послушай, загляни, наконецъ, хоть разъ смѣло на дно своей совѣсти и скажи мнѣ откровенно, какъ на исповѣди... Помни, что это крайне важно теперь не только для меня, но и для... васъ всѣхъ—зачѣмъ ты хочешь бѣжать?

— Странный вопросъ!.. Чтобы жить, чтобы... спасать тебя .. себя ..—лепетала она смущенно.

Она пробовала улыбнуться, но дрожавшія губы отказались сдѣлать это, и лицо ея только некрасиво перекосилось.

— Ну, да: чтобы жить! Этому я вѣрю, но чтобы вы думали... о моемъ спасеніи, въ этомъ позвольте мнѣ усомнится... Я вижу васъ насквозь и не позволю провести себя красивыми фразами. Развѣ вы уступали когда-либо моимъ просьбамъ? Развѣ вы дѣлали что-либо исключительно ради меня? Никогда!.. Вы всегда жертвовали мною для другихъ!.. Вы всегда все ловко одѣвали первосортными фразами о любви къ ближнему, о чести, о долгѣ... Но когда... тотъ... попалъ въ пламя, то вы взывали: „пусть все лучше погибнетъ!“ А сегодня надъ рѣкой—что было? Я думалъ, вы умрете тамъ же!. Это ужъ слишкомъ!.. Жена моя бѣжитъ отъ меня на мои деньги и при моей помощи!.. Это сверхъ всякой мѣры!. Этого не оправдаютъ никакія доктрины!.. И вы... останетесь!..

— Но... не съ вами! Будьте увѣрены. Это, дѣйствительно... слишкомъ!..—отвѣтила она и выпрямилась.

Самообладаніе вернулось къ ней.

— Прошу васъ пропустить меня!

Онъ не двигался съ мѣста, не сводя съ нея глазъ и только слегка сощуривъ вѣки.

— Нѣтъ, вы отсюда не уйдете!

— Тогда... они придутъ за мной!

Она сѣла на стулъ и разстегнула кофту.

Онъ долго стоялъ, наблюдая за ней исподлобья.

— Пускай приходятъ... Тогда я еще здѣсь пущу ему въ лобъ пулю и... все это глупое предпріятіе рухнетъ!..—процѣдилъ онъ медленно и тихо.

Она продолжала сидѣть неподвижно, въ полъ-оборота къ нему, упорно скрывая лицо въ тѣни.

— Вы полагаете, что я этого не сдѣлаю... Вы надѣетесь, что и теперь все окончится чувствительной болтовней... Вы ошибаетесь, вы и не догадываетесь, какъ я... ненавижу... всѣхъ этихъ притворщиковъ, святошей, этиковъ и фразеровъ... Томные, тупые, полные тщеславія и самоувѣренности мозги... О, я сдѣлаю это, будьте увѣрены, съ большимъ даже удовольствіемъ!.. Вашъ душенька знаетъ мою твердость, мою рѣшимость... Онъ много выше цѣнитъ меня, чѣмъ вы. Онъ полагаетъ, что я въ состояніи даже... донести полиціи.. Скотина!.. Онъ не понимаетъ, это не вмѣщается въ его куриномъ мозгу, что совсѣмъ другое дѣло сжечь хотя бы сушильню, или другимъ путемъ учинить самосудъ... Его мелкая душенка не знаетъ нравственныхъ оттѣнковъ...

Евгенія со стономъ закрыла лицо руками.

— Господи, Господи!.. Что это? Что творится съ тобой?

Онъ замолкъ.

— Мы можемъ еще избѣжать скандала,—заговорилъ онъ мягче.—Мы позволимъ имъ уѣхать... Пусть бѣгутъ съ миромъ!.. За ихъ побѣгъ насъ, по всей вѣроятности, сурово накажутъ такъ какъ трудно будетъ отпереться, что мы не пособничали имъ... Тѣмъ не менѣе, я предпочитаю все это...

Она рѣзко-отрицательно покачала головой. Тогда онъ сжалъ губы и, прислонившись неподвижно къ косяку дверей, безмолвно глядѣлъ сквозь окно на далекій ландшафтъ.

Евгенія отвернулась, рыдая.

— Вы... уѣзжайте!..—сказала она порывисто.— Мы должны разстаться... Я останусь здѣсь... Вы бы здѣсь... окончательно погибли!..

— И на это согласенъ!—отвѣтилъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья.—Экспедиція эта, по моему мнѣнію, погибнетъ... Такимъ образомъ я освобожу васъ отъ своей особы вполнѣ.. Но и они погибнутъ вмѣстѣ со мною... Такъ что же я отвѣчу ему окончательно, такъ какъ онъ, вижу, идетъ къ намъ?..

— Отвѣтьте ему, что завтра...

Онъ значительно спряталъ взятый со стола револьверъ въ карманъ и вышелъ на крыльцо къ Красусскому.

Евгенія слышала, какъ онъ извинялся, что не приглашаетъ Красусскаго въ комнату, потому что жена неожиданно захворала... Она слышала, какъ Красусскій выразилъ по этому поводу соболѣзнованіе и нѣкоторое безпокойство относи-

тельно предстоящей поѣздки за рѣку... Онъ разсказалъ подробности своего приключенія и заключилъ разсказъ заявленіемъ, что завтра утромъ, самое позднее—послѣ обѣда они двинутся изъ города, такъ какъ рѣка очистилась отъ льда, слѣдуетъ воспользоваться высокимъ стояніемъ воды и поскорѣе спуститься внизъ, чтобы миновать джурджуйскіе пороги. Будущей ночью бѣглецы намѣрены тронуться въ путь къ океану...

— Я думаю, что нездоровье Евгеніи Ивановны не настолько серьезно, чтобы измѣнить наше рѣшеніе? Она, вѣрно, нервничаетъ, это понятно. Она отлично отдохнетъ въ лодкѣ.

— Конечно. Вы, впрочемъ, поѣзжайте въ челнокѣ, не дожидаясь насъ. Мы переберемся на тотъ берегъ перевозомъ, затѣмъ придемъ пѣшкомъ. Я полагаю, что перевозъ уже дѣйствуетъ. Во всякомъ случаѣ, мы не задержимъ васъ и къ вечеру будемъ на мѣстѣ!—отвѣтилъ Аркановъ.

— До свиданія. Только, помните, не опоздайте! Если бъ вы знали, какъ хороша наша шлюпка!? Мы прозвали ее „Королевой",— говорилъ Красусскій весело. — Да, вотъ что еще: если придетъ якутъ съ коровой Мусьи, не забудьте отказать ему и отправить корову обратно!

XX.

Эти послѣдніе нѣсколько часовъ прошли для Аркановыхъ, какъ страшная, медленная агонія. Они приближались неудержимо къ чему-то, что наполняло ихъ болью, страхомъ, отчаяніемъ, предчувствіемъ, что если *это* свершится — уже нельзя будетъ ни измѣнить, ни поправить. А между тѣмъ, они торопились къ этому безжалостному предѣлу, считали уплывающія минуты: гнетущая душу тяжесть казалась много мучительнѣе развязки. Безсознательно, автоматически дѣлали они приготовленія къ путешествію, обмѣниваясь короткими и сухими замѣчаніями, скрывавшими глубокія страданія и нетерпѣливыя мысли.

— Скорѣе, ахъ, скорѣе бы!..

Евгенія провожала мужа на перевозъ. Они прошли по хорошо знакомой имъ тропинкѣ среди расцвѣтавшихъ кустовъ, полныхъ весенняго запаха и тепла. Солнце, стоя низко, свѣтило за сѣтью черныхъ вѣтвей. Долина лепетала сонными голосами. Издали доносился новый, неумолчный шумъ теченія мощной, проснувшейся рѣки. Наконецъ, они увидѣли ее, сѣрую, какъ сталь, напряженную, изрытую струями теченія, точно узловатый, жилистый хребетъ труженика, толкающаго передъ собою непосильную тяжесть.

Евгенія остановилась.

— Послушай, Артемій, нѣтъ паденія, изъ котораго нельзя бы подняться, нѣтъ поступка, котораго нельзя бы было загладить, искупить... Знаешь что, разскажемъ все откровенно товарищамъ... и вмѣстѣ... понесемъ послѣдствія...

Она говорила спокойно и съ сухими глазами, но голосъ временами измѣнялъ ей и ломался. Аркановъ поднялъ голову.

— Вы говорите что-то объ искупленіи?.. Я не чувствую за собой вины... И... не знаю, что это: наивность или желаніе погубить меня окончательно?! Вы теперь ясно видите, насколько легче предписывать другимъ мужество и другія возвышенныя качества...

Евгенія поблѣднѣла.

— Впрочемъ... это ни къ чему не приведетъ!.. Вновь повторится все то же... Я чувствую это...— добавилъ онъ грустно.— Намъ необходимо разойтись... Оставайся... живи... и будь счастлива!.. Если уцѣлѣю, пріѣду за тобой... безъ нихъ! Перевозчикъ, какъ разъ, на этомъ берегу... Сейчасъ отчаливаетъ!..

Галка уже сѣлъ въ карбасъ, но, замѣтивши ихъ, задержался. Они наскоро, сухо попрощались, такъ какъ присутствіе казака и нѣсколькихъ туземцевъ окончательно стѣсняли ихъ и безъ того связанныя чувства.

— А что, Кузмичъ, ты тоже нанялся за перевозчика? А?!—спросилъ Аркановъ казака.

— Нее... Пошто?! Только исправникъ приказали сидѣть здѣсь, чтобы татары мяса въ городѣ не воровали...—добавилъ казакъ политично.

— Пошто бабу свою оставляешь?.. Не боись?.. Одинъ она... молодыхъ парень много... На долго за рѣка?.. — болталъ Галка, загребая веслами.

За шумомъ воды и плескомъ волнъ Евгенія не разслышала отвѣта. Она медленно возвращалась обратно, все оглядывалась и видѣла, какъ Аркановъ вышелъ изъ карбаса и поднялся по крутому подъему съ узелкомъ на спинѣ и какъ исчезъ затѣмъ въ кустахъ.

Тогда ей показалось, что надъ рѣкой опустился занавѣсъ, а на нее саму упала прозрачная, но крѣпкая сѣть, отдѣлившая ее на вѣчныя времена отъ внѣшняго міра. Между тропинкой и ступнями ногъ она тоже чувствовала, ступая, эту страшную, мягкую ткань, охватывавшую ее, какъ воздухъ, со всѣхъ сторонъ и лишавшую ея движенія увѣренности. Она напрягала вниманіе и сосредоточенно глядѣла себѣ подъ ноги, чтобы не упасть: въ то же время ей пришлось усиленно заботиться о вѣткахъ кустовъ, нависшихъ

надъ тропинкою, разбирать странные голоса, доносившіеся къ ней издали, остерегаться колючекъ и шиповъ, рвавшихъ подолъ ея платья, — наконецъ... пугали ее... даже лучи солнца, заходившаго за горы... Ей казалось, что всѣ встрѣчные смотрятъ на нее особыми глазами, что всѣ замѣчаютъ странный прозрачный саванъ, который тащился за ней, давилъ ее и мѣшалъ дышать... Она жаждала момента, когда она очутится, наконецъ, одна дома, повалится лицомъ на подушки и выплачетъ свою скорбь. Но воспаленные глаза оставались сухими...

Могильная тишина покинутой квартиры и полные страшныхъ видѣній сумерки наступавшаго вечера — выгнали ее вскорѣ вонъ изъ дому... Она шла медленно безъ опредѣленной цѣли, осматривая внимательно строенія города, точно видѣла ихъ впервые въ дымкѣ длинныхъ, прозрачныхъ тѣней; она чутко и боязливо прислушивалась къ замирающему говору жизни, слѣдила съ глубокой тревогой за меркнущими красками дня... Ее поражало, что все это, въ сущности, точь въ точь такое же, какъ раньше, между тѣмъ какъ все вѣдь теперь другое... полно грядущихъ, неизвѣстныхъ событій, невозвратнаго прошлаго... Незамѣтно для самой себя она очутилась у юрты Александрова и открыла ее привычнымъ движеніемъ... Охватилъ ее кислый, промозглый запахъ нежилого помѣщенія. Евгенія затопила каминъ, сѣла у огня и впервые жгучее, несказанно гнетущее чувство совершеннаго одиночества пронзило и подавило ее. Ей противно было думать о прошломъ. А будущаго... ей казалось, что его нѣтъ у нея!.. Она застыла неподвижно на стулѣ, слѣдя глазами за прыгающимъ въ каминѣ пламенемъ и мужественно прогоняя назойливыя воспоминанія и размышленія. Итакъ, для нея въ этихъ юртахъ, во всемъ городѣ, больше—во всемъ мірѣ... остались единственно тоска да сновидѣнія!.. И такъ будетъ до самой смерти!.. Да, но вѣдь это невѣроятно, чтобы тѣ, которыхъ она такъ любила, и кинули ее безчеловѣчно, безъ малѣйшаго знака вниманія, какъ вещь, какъ собаку!? Она *ихъ* знаетъ, она ручается, что *они* вернутся за ней... Возможно, что *они* уже ищутъ ее!.. Она должна увидѣть *ихъ* еще разъ, хотя бы затѣмъ, чтобы попрощаться съ ними!.. За что она такъ тяжело наказана?.. Въ чемъ ея вина?.. Развѣ въ томъ, что она позволила себѣ надѣяться на личное счастіе, пожелала его, отправилась на край свѣта за милымъ человѣкомъ, вмѣсто того, чтобы погибнуть въ борьбѣ за свободу и счастіе всѣхъ... Она, человѣкая и слабая, погубила себя и мужа... Теперь ей слѣдуетъ все это искупить... Она будетъ прикрывать отсутствіе товарищей, будетъ отводить глаза полиціи и сердцемъ сочувствовать тѣмъ, которые покинули ее... Будьте

свободны, будьте добры и душевно чисты, какъ раньше!.. Нужно теперь вернуться домой, прибрать и уничтожить всѣ слѣды побѣга...

Она выбѣжала изъ юрты и вдругъ, вмѣсто того, чтобы повернуть къ своей квартирѣ, направилась къ рѣкѣ, гонимая неодолимымъ желаніемъ еще разъ увидѣть товарищей... Она быстро-быстро устремилась черезъ лѣсъ и луга къ тому мысу, мимо котораго обязательно должны были проплывать бѣглецы. Подъ конецъ она бѣжала бѣгомъ, не обращая ни на что вниманія, давши волю рыданіямъ и лишь прикрывая ротъ мокрымъ отъ слезъ платкомъ...

Наконецъ, она очутилась въ самомъ концѣ стрѣлки, гдѣ лиственницы, оставивши сплошной лѣсъ, рѣдкой цѣпью, въ одиночку подходили къ водѣ. Она остановилась у послѣдняго дерева, чуть перегнувшагося черезъ край глинистаго обрыва.

Сѣрая рѣка катилась внизу, унося на своихъ волнахъ розовый отблескъ зари и блѣдныя тѣни ближайшихъ лѣсовъ. На томъ берегу рѣки сѣрая чаща тальниковъ отбрасывала на сѣромъ зеркалѣ водъ жемчужную кайму, отдѣленную отъ земли тоненькой нитью серебристаго блеска. Изъ-за тальниковъ выглядывали горы, тѣ самыя горы, въ которыхъ ссыльные блуждали въ прошломъ году. Рѣка выплывала изъ-за тальниковой косы и исчезала за рыжимъ, высокимъ, и мрачнымъ утесомъ, увѣнчаннымъ лѣсомъ.

Было тихо. Даже птицы спали. И ничто не дрожало въ воздухѣ, кромѣ журчанія воды.

— А если они уже уплыли?!—раздумывала Евгенія.— Нѣтъ, это не возможно. Еще рано... Артемій едва успѣлъ добраться туда... Вѣдь не могли же они и его оставить?! Они скоро будутъ... Тогда онъ, увидѣвши ее, поймете, какую жестокость позволилъ себѣ по отношенію къ ней, и потребуетъ, чтобы они остановились и захватили ее... Онъ навѣрно, уже и теперь жалѣетъ... А если нѣтъ?!. Или... что, если онъ теперь же въ дорогѣ, исполнитъ то, что задумалъ... въ Америкѣ!?. Не лучше ли не искушать судьбы и... остаться?.. Пусть уходятъ, пусть борются... Пусть онъ кается и поправляется въ одиночествѣ!.. Пусть будетъ, какъ есть... Только разъ, еще разъ взглянуть!..

Вдругъ у ней перехватило горло. Бѣглецы такъ неожиданно вынырнули изъ-за тальничнаго поворота, что она замѣтила ихъ только прямо передъ собою. Они плыли серединой. „Королева“ граціозно покачивалась, гонимая ударами длинныхъ веселъ. На кормовой палубѣ стоялъ у руля Негорскій, другіе сидѣли вдоль бортовъ. Она различала бѣлыя

пятна ихъ лицъ, хотя по отдаленности и не узнавала каждаго въ отдѣльности.

Шлюпка быстро неслась и почти что миновала ее.

Слезы затуманили ея взоръ, она подняла платокъ и махнула имъ на прощанье...

Вдругъ бѣглецы перестали ударять веслами, лодка пошла тише и повернулась бокомъ къ теченію. Немного спустя, отъ нея отдѣлился маленькій челночекъ и быстро, точно ласточка, понесся къ берегу.

— Мы были увѣрены, что вы не останетесь, что это какое-то недоразумѣніе!..—кричалъ ей снизу Красусскій. — Спѣшите... Еще немного, и взойдетъ солнце и якуты станутъ шляться по берегу...

Евгенія отыскала спускъ и скользнула къ водѣ.

— А гдѣ Артемій Павловичъ?..—спросилъ Красусскій, усаживая ее въ душегубку.

— Какъ?! Онъ не съ вами?

— Нѣтъ! Вы не шевелитесь, а то мы оба опрокинемся въ воду...— предостерегалъ юноша, крѣпко загребая весломъ и стараясь придать равновѣсіе покачнувшемуся сильно челноку.

— Артемій Павловичъ былъ и сказалъ, что вы не ѣдете... Съ тѣмъ и ушелъ...

Душегубка опять сильно покачнулась.

— Вы совсѣмъ не умѣете сидѣть въ душегубкѣ. Къ счастію, мы уже на мѣстѣ...

— А гдѣ же Аркановъ?—спрашивали ссыльные, протягивая руки къ Евгеніи.

Она взошла на бортъ, осмотрѣлась кругомъ, какъ бы желая провѣрить, что ей дѣйствительно сказали правду, и— безъ силъ упала на застланное постелями дно лодки.

— Трогайте, трогайте!..—кричалъ Янъ.—Послѣ узнаемъ... Здѣсь вельзя... тутъ мѣсто людное... Слышите, уже якуты гокаютъ по кустамъ, ищутъ коровъ...

Бѣглецы дружно ударили веслами, и лодка опять стала, вздрагивая, рѣзать съ шумомъ воду.

Неслись они быстро, опережая и пѣну, и бревна, и кусты, подхваченные разливомъ. Рыжій обрывъ давно уже закрылъ видъ на джурджуйскую долину; кругомъ были неизвѣстныя окрестности. Мощныя скалы падали прямо въ волны рѣки, низкія тальниковыя косы колыхались, точно подъ ударами вѣтра, подъ давленіемъ переливающихся черезъ нихъ теченій, устья быстрыхъ рѣчекъ полны были наноснаго лѣса, инея и щепы. Бѣглецамъ приходилось бдительно остерегаться всевозможныхъ препятствій: подводныхъ камней, шиверовъ, водоворотовъ и быстринъ, густо

разбросанныхъ по незнакомому руслу рѣки. Негорскій глазъ не сводилъ съ теченія. Гребцы обливались потомъ. Остальные должны были спать, чтобы отдохнуть до своей смѣны, но никто не спалъ. Всѣ молчали, взволнованные поступкомъ Арканова, мрачные, точно везли съ собою покойника. Евгенія все глухо плакала, лежа ничкомъ.

— Это, наконецъ, невыносимо! Я прыгну въ воду!..— проговорилъ по-польски, сквозь зубы, Красусскій.

Негорскій встряхнулъ головой и, не спуская глазъ съ рѣки, сталъ говорить быстро и рѣшительно:

— Господа!.. Пусть будетъ, что будетъ, но такъ нельзя этого оставить: мы не имѣемъ права покинуть товарища!..

— Возвращеніе погубитъ насъ, несомнѣнно!.. Возможно, что уже въ городѣ спохватились!—замѣтилъ Петровъ.

— Самъ хотѣлъ!—шепнулъ Гликсбергъ.

— Но возможно, что теперь онъ сожалѣетъ объ этомъ, что тутъ произошла роковая ошибка... Что, если это такъ?! Развѣ вы возьмете на свою совѣсть судьбу этого человѣка?.. Мы должны еще разъ дать ему возможность присоединиться къ намъ!.. Я сомнѣваюсь, что нашъ побѣгъ уже обнаруженъ, но насъ, навѣрное, погубитъ то чувство, съ которымъ мы уѣзжаемъ отсюда.. Нельзя убить человѣка безнаказанно.. Если и теперь Аркановъ не согласится, тогда другое дѣло, тогда мы со спокойной совѣстью поѣдемъ безъ него! -доказывалъ Негорскій. Александровъ сочувственно кивалъ ему головой; Самуилъ и Воронинъ тоже поддержали его.

Евгенія взглянула на Негорскаго глаза, съ выраженіемъ надежды и благодарности.

— Слѣдуетъ причалить гдѣ-нибудь въ тальникахъ, а двое пусть ѣдутъ за нимъ!. —рѣшилъ Янъ.

Принялись высматривать убѣжище у береговъ и совѣтоваться, кому отправиться за Аркановымъ.

Выборъ упалъ на Самуила и Негорскаго.

Бѣглецы отыскали со стороны Буруцука старую, густо заросшую тальникомъ, курью. Низкими проходами, подъ нависшими вѣтвями, подтягиваясь на рукахъ, они втащили въ глубь свою „Королеву", укрѣпили ее, причалили и наладили душегубку.

— Но раньше свезите меня на берегъ!.. Пойду и я еще разъ повидаться съ моей старухой и ребенкомъ!..—сказалъ Янъ.

— Только, ради Бога... возвращайся поскорѣе!.. Не задерживай!..

— Вернусь!.. Это не далеко отсюда... не будетъ и десяти верстъ... А я и табаку возьму себѣ, а то забылъ второпяхъ!..—успокаивалъ ихъ панъ Янъ, набивая на послѣдяхъ „двустволку".

Красусскій всѣхъ ихъ по очереди свезъ на берегъ, и они ушли, а тѣ, что остались въ лодкѣ, позавтракали и легли спать.

Солнце заглядывало къ нимъ сквозь сѣтку черныхъ вѣтвей и мягко согрѣвало ихъ; вверху вѣтеръ шелестилъ тонкими побѣгами ивы, а внизу рокотала рѣка. Съ земли, изъ отдаленія, долетали посвистываніе, щебетаніе и клохтаніе милліоновъ птицъ, радующихся жизни, борющихся за существованіе и любовь. Изрѣдка розовая, точно омытая зарею, бѣлая чайка повисала въ солнечномъ воздухѣ и, замѣтивши бѣглецовъ, выражала свое удивленіе и тревогу пронзительнымъ крикомъ. Изрѣдка бурый орелъ или пестрый коршунъ проплывалъ отъ утеса къ утесу, отбрасывая по пути на воду свое черное отраженіе. Изрѣдка плескала рыба въ струяхъ.

Не спала только Евгенія, и не спалъ Красусскій, хотя и лежалъ, накрывшись съ головой одѣяломъ.

Красусскій, они уже пришли!—сообщила, наконецъ, Евгенія.

Красусскій выглянулъ и, замѣтивши на противоположномъ берегу три фигуры, прыгнулъ въ челнокъ. Перваго онъ привезъ Арканова.

Вошелъ Аркановъ въ лодку съ сильно измѣнившимся, словно постарѣвшимъ лицомъ, точно отъ момента его разлуки съ женой прошли годы. С провалившимися, мокрыми отъ слезъ щеками онъ тотчасъ же, не стѣсняясь посторонникъ, упалъ къ ногамъ Евгеніи.

Охваченные волненіемъ, товарищи отвернулись отъ нихъ и наблюдали, какъ Красусскій перевозитъ въ душегубкѣ Самуила и Негорскаго.

А между тѣмъ, на томъ берегу зазвучалъ удалой призывъ пана Яна.

Пока рѣка шла однимъ русломъ, бѣглецамъ везло. Они скользили безъ труда по глубинѣ, уносимые напряженнымъ теченіемъ половодья. Нѣкоторую опасность представляли только „быки“—отвѣсные утесы, подымавшіеся непосредственно изъ воды, о которые прибой ударялъ съ необыкновенной силой, шумомъ и пѣной...

Негорскій оказался отличнымъ кормчимъ, а „Королева“ необычайно послушнымъ, поворотливымъ суднемъ. Послѣ нѣкотораго упражненія, наши моряки стали, ради сбереженія силъ и времени, проплывать такъ близко около грозныхъ „быковъ“, что гнѣздившіяся въ изобиліи на нихъ уступахъ птицы подымали по этому поводу неописуемый гвалтъ. Тьмы стрижей, рыбалокъ, чаекъ и другихъ перпатыхъ невѣдомыхъ

названій долго послѣ того кружились надъ грудью задумчивыхъ утесовъ, съ вершинъ которыхъ обыкновенно свѣшивались одинокія деревья, точно заглядѣвшіяся на собственныя отраженія въ волнахъ. Разъ путники спугнули даже медвѣдя, который съ края обрыва тоже задумчиво глядѣлъ на рѣку и, увидѣвши нежиданно лодку съ людьми передъ собою—зрѣлище, не виданное имъ дотолѣ, поднялся отъ изумленія на дыбы.

Бѣглецы чувствовали себя прекрасно. Самоваръ по-прежнему шумѣлъ на кормѣ. Каждые четыре часа мѣнялась пара гребцовъ. Рулевыхъ было два: Негорскій, которому поручено было общее руководство экспедиціей, и Петровъ, волжанинъ по происхожденію, знакомый съ дѣтства съ управленіемъ лодокъ.

Красусскаго и Александрова, хотя они и были къ такимъ вещамъ способнѣе другихъ,—товарищи удержали въ числѣ гребцовъ, въ виду большой ихъ выносливости и силы.

Тѣ, кто не работалъ въ данное время, обязаны были ѣсть или спать.

— Остальное возбраняется нашимъ государственнымъ водянымъ уставомъ,—шутилъ Негорскій.

Только гребцы пользовались нѣкоторыми привилегіями и часто пѣли во все горло.

— Тише, разбудите спящихъ!..—унималъ ихъ въ началѣ Александровъ.

— Кто проснется, тому, въ наказаніе, добавить часъ гребли!..—рѣшилъ Янъ.

Угроза оказалась совершенно лишней. Всѣ спали прекрасно, несмотря на пѣніе, шумъ воды, покачиваніе судна, постоянную бѣготню вдоль бортовъ работающихъ. Случалось, что сброшенный сотрясеніемъ судна неопытный морякъ слеталъ внизъ, прямо на ноги или даже на болѣе благородныя части спящихъ товарищей. Особенно отличался въ этомъ искусствѣ косолапый Мусья.

— Нѣтъ, это уже сверхъ силъ! Я молчалъ, когда вы, Мусья, наступали мнѣ на руки, на ноги, даже на животъ... Но вѣдь вы теперь наступили мнѣ на... носъ! Прошу прекратить эти новшества!—запротестовалъ, наконецъ, Александровъ.

Изъ пѣсенъ большой популярностью пользовалось въ началѣ энергическое „дындай“ пана Яна, прекрасно отвѣчавшее движенію веселъ. Кромѣ того, бѣглецы охотно пѣли отрывки «Drapeau rouge» (красное знамя), заученные Мусьей въ Парижѣ,—соціалистическую марсельезу еще не переведенную тогда ни по-польски, ни по-русски. Затѣмъ распѣвались многія народныя и революціонныя пѣсни, но, въ

концѣ концовъ, все вытѣснила грустная баллада, сочиненная наскоро Самуиломъ.

Сумракъ ночи повисъ надъ землей,
Спитъ спокойно враждебная стража,
Тихо бьется о берегъ прибой,
Тихо бьются сердца экипажа...
Имъ мерещится бой за свободу,
Улыбается воля и счастье...
Побороть бы имъ лишь непогоду,
Льды, теченье, туманы, ненастье...
Голодъ рѣетъ надъ славной дружиной,
Грозно дышетъ подъ ними пучина...
Беззаботно скользя надъ пучиной,
Распѣваетъ о жизни дружина...

. . . . . .

Лодка двигалась безостановочно, пользуясь все возраставшимъ свѣтомъ все уменьшавшихся ночей, по мѣрѣ того, какъ бѣглецы подвигались на сѣверъ. Все нужное, включая топливо, они везли съ собою на лодкѣ, и вскорѣ они научились удовольствоваться маленькимъ, отведеннымъ каждому пространствомъ и не тяготились особенно тѣснотой помѣщенія.

Они уже радовались, полагая, что такъ будетъ до самаго моря, какъ вдругъ неожиданно рѣка раздѣлилась на два протока. И раньше, чѣмъ бѣглецы успѣли сообразить и выбрать надлежащее направленіе, теченіе съ страшной силой подхватило ихъ и понесло въ болѣе широкую вѣтвь и немного пониже бросило на стремительный перекатъ, черезъ который рѣка переливалась, шумя и бурля, какъ водопадъ. „Королева“ задѣла килемъ за подводные камни, мгновенно повернута была поперекъ и опрокинута на бокъ. И люди, и тяжести, все полетѣло въ ту сторону. Негорскій повисъ на рукояткѣ руля. Крикъ ужаса вырвался изъ груди людей, перепутавшихся безпомощно въ клубокъ: пѣнистые гребни волнъ забурлили надъ ихъ головами... Онѣ съ ревомъ пробовали перекатиться по туловищу накренившейся лодки и залить ея середину. Къ счастью, шиверъ былъ мелокъ, и Красусскій съ Яномъ, которые раньше другихъ выскочили въ воду, успѣли приподнять край лодки, подпереть его и не позволить волнамъ ни залить ее, ни перевернуть окончательно. Вскорѣ опомнились и другіе и, слушая приказанія Негорскаго, перебросились на бортъ, въ противовѣсъ напору волнъ. Немного зачерпнувъ воды, шлюпка стала на киль. Но повернуть ее по теченію удалось съ большимъ лишь трудомъ.— Подъ защитой лодки, точно у запруды, теченіе быстро на-

несло большую гряду щебня и крупныхъ камней. Послѣдніе катились съ такой силой, что сшибали съ ногъ работавшихъ по колѣна въ водѣ людей, а болѣе слабаго Самуила водоворотъ, подхвативъ, чуть не убилъ, бросивши на острыя скалы. Бѣглецы принуждены были разгрузить лодку, перевезти тяжести и часть провизіи на сосѣдній островъ, за быструю и пѣнистую протоку. Когда Красусскій сѣлъ въ утлую душегубку, полную жестянокъ съ пемикеномъ, и поплылъ по бурнымъ струямъ, у бѣглецовъ дыханіе захватило отъ тревоги. Малѣйшее неловкое движеніе — и судьба ихъ побѣга была рѣшена. Но юноша, ловко подгребая подъ себя набѣгавшія волны, скользилъ удачно среди пѣны и грохота съ одного водяного бугра на другой, пока не достигъ счастливо берега.

— Ура!—вскричали товарищи и запѣли пѣсню о „Смѣломъ Экипажѣ“.

Настала „бѣлая“ полярная ночь... Подулъ холодный, пронизывающій вѣтеръ, и студеная вода стала еще холоднѣе. Измокшіе и промерзнувшіе, мореходы рѣшили раньше всего послать на берегъ слабосильную, малостоющую „морскую милицію“: Гликсберга, Мусью, Самуила, Аркановыхъ, чтобы тѣ развели немедленно огонь и сварили ужинъ. Аркановыхъ и Самуила удалось перевести безъ особыхъ приключеній, но съ Мусьей и Гликсбергомъ случилась, какъ говорятъ джурджуйцы, „маленькая ошибка“. Уже у самаго берега Красусскій, не замѣтивъ плывшаго въ уровень съ водой древеснаго пня, наскочилъ на него — и душегубка сильно покачнулась. Мусья вылетѣлъ изъ нея и окончательно потопилъ челнокъ... Красусскій раньше всего схватилъ за вихры кувыркавшагося возлѣ него „бонапартиста“ и поставилъ его на ноги. Воды было, по счастью, не выше пояса. Затѣмъ онъ бросился въ погоню за Гликсбергомъ, который уцѣпился за опрокинутый челнокъ и несся по волнамъ, сверкая въ сумеркахъ большимъ мѣднымъ котломъ. Несмотря на приключеніе, онъ не выпустилъ послѣдняго изъ рукъ, вѣрный своему долгу артельнаго повара... Красусскій безъ труда настигъ его вплавь и потащилъ къ берегу, откуда товарищи бросили имъ веревку. Затѣмъ всѣ устремились спасать Мусью, который, стоя въ двухъ шагахъ отъ земли въ пѣнистыхъ струяхъ, боялся пошевелиться и только взывалъ о помощи, увѣряя, что онъ погибъ, что онъ умираетъ... Въ результатѣ — вода унесла весла, двѣ шапки и одинъ сапогъ...

Въ это время оставшимся на „Королевѣ“ удалось столкнуть судно на болѣе глубокую воду, и она опять торжествующе понеслась, послушная весламъ и рулю.

Бѣглецы впервые заночевали на берегу, съ удовольствіемъ выспались у богато растопленнаго костра, высушили намокшую одежду и перевязали свои ушибы и раны. Особенно пострадалъ Петровъ, который глубоко пробилъ себѣ ступню острымъ камнемъ.

Съ этихъ поръ начались неудачи...

Въ продолженіе пяти дней они блуждали изъ конца въ конецъ по заполнявшей всю долину сѣти безчисленныхъ протокъ, каналовъ,—быстрыхъ, ревущихъ, прегражденныхъ сотнями шиверовъ, мелей, водоворотовъ и перекатовъ... Они убѣдились, что „Королева“ слишкомъ крупна, тяжела и слишкомъ нагружена для маленькаго и неумѣлаго экипажа, и что грузъ угля, которымъ они замѣнили спиртъ, вопреки совѣту американцевъ, можетъ погубить ихъ.

Когда, наконецъ, они выбрались изъ ловушки мелкихъ каналовъ на болѣе глубокія воды, у нихъ было много опыта, но мало силъ. Менѣе выносливые страдали дизентеріей. Въ сильный противный вѣтеръ они не въ силахъ были гнать впередъ судно на веслахъ. Оно почти уже не двигалось съ мѣста и не слушалось руля.

Бѣглецы не пѣли больше о „Смѣломъ экипажѣ“. Негорскій глухо кашлялъ. Петровъ вторично пробилъ ногу осколкомъ кремня.

Только желѣзное тѣлосложеніе Яна. Александрова и Красусскаго побѣдоносно выдерживало искусъ. Въ сущности, подъ конецъ они одни везли всю экспедицію, но и ихъ силы таяли отъ непосильнаго труда и безсонницъ.

Въ довершеніе всего, бѣглецы настигли зиму. Они все чаще встр чали на рѣкѣ огромныя запоздавшія льдины, мокрый снѣгъ съ дождемъ все чаще хлесталъ имъ въ лицо. Въ непогоду они, поэтому, все охотнѣе причаливали къ берегу подъ защиту утесовъ и разводили большой огонь среди мшистыхъ скалъ и камней, у котораго сушились и согрѣвались. Одно удивляло ихъ: почему, несмотря на всѣ усилія, они двигаются такъ тихо впередъ? почему все видн ѣются за ними столбы дыма брошенныхъ вчера костровъ?

Характеръ мѣстности измѣнился. Все меньше было лѣса, и деревья казались все ниже и тщедушнѣе. Мхи и лишайники замѣнили мало-по-малу травы и цвѣты. Тяжелые туманы грузными облаками или широкими струями стекали, точно водопады, по крутизнамъ горъ къ самой рѣкѣ. Не разъ лодка изъ ясныхъ водяныхъ пространствъ ныряла прямо въ темныя мглы, среди которыхъ неожиданно всплывали иногда, передъ самымъ ея носомъ, грозные „быки“ съ плещущими взлетами прибоя. Бѣглецы во мглѣ руководились больше слухомъ, чѣмъ зрѣніемъ, бдительно наблюдая за мрачнымъ

бурленіемъ рѣки. Они никакъ не могли разобраться въ мѣстности, опредѣлить, гдѣ находятся, и узнать, прошли ли они уже грозные „пороги“, или тѣ ждутъ ихъ еще впереди. Карта рѣки Джурджуя не давала имъ никакихъ указаній. Они убѣдились, что она не больше, какъ простой „зигзагъ“, проведенный на удачу рукой картографа.

По мѣрѣ того, какъ убывали ихъ силы, они все сильнѣе пугались этихъ „пороговъ“.

— Ахъ, скорѣе бы... Ну, ихъ къ чорту!..—ворчалъ Негорскій, поправляя на головѣ свой шлыкъ изъ тюленьяго мѣха. Онъ водилъ взоромъ по омываемымъ водою и мглами горамъ и непріятно щурился:

— Да!.. Мы, какъ-будто, дѣйствительно оставили солнце навсегда позади... Теперь я чувствую, что мы плывемъ къ полюсу... Да! Что-жъ дѣлать!?.

Береговые утесы все сближались и все сильнѣе сжимали рѣку. Даже маленькіе островки исчезли на ней, исчезли у скалъ даже узенькіе, прибрежные карнизы, гальки и пески. Напряженная, выпуклая почти отъ бѣшенаго бѣга могучая струя рѣки, неслась подъ конецъ со страшнымъ гудѣніемъ по длинному скалистому коридору, по обѣимъ сторонамъ котораго подымались прямо изъ воды высокіе, отвѣсные обрывы. Бѣлыя нити тумановъ вѣшались на утесахъ; маленькіе клубочки ихъ постоянно отрывались отъ густаго свода облаковъ, скрывавшихъ вершины горъ. Они скатывались, точно мячики, на рѣку или струились, точно длинныя паутины, надъ водой, гдѣ неукротимое теченіе подхватывало ихъ и уносило съ собою.

— Все сѣро – и скалы, и воздухъ, и вода!.. Ничего не вижу... Стопъ весла!..—сказалъ, наконецъ, Негорскій.

Весла были, впрочемъ, совершенно лишними, такъ какъ теченіе опережало греблю, и весла безполезно только тяпали по водѣ. Края тумановъ свѣшивались мрачными кистями и излучинами къ самой водѣ... Утесы, казалось, уже не отвѣсно подымались изъ рѣки, а склонялись сводами надъ ней. Они быстро мелькали въ глазахъ путниковъ, точно колоннада какихъ-то адскихъ воротъ, влажныхъ, холодныхъ и неумолимыхъ...

— Ну!.. Если теперь о самый маленькій стукнемся камешекъ, никто изъ насъ даже не вынырнетъ... — замѣтилъ Янъ.

— Тише!.. Слышите: водопадъ!..—вскрикнулъ Негорскій.

Въ глубинѣ ущелья что-то выло, гремѣло, всплескивало и глухо рокотало низко подъ туманомъ.

Отъ бѣга путникамъ казалось, что лодка стоитъ на мѣстѣ и только вздрагиваетъ отъ испуга, а къ нимъ съ неимо-

вѣрной быстротой несутся навстрѣчу утесы да все крѣпчающіе голоса налетающей бури.

— Красусскій и Александровъ, готовьсь!.. Живо!..—приказывалъ измѣнившимся голосомъ Негорскій.

Силачи усѣлись поудобнѣе и ухватились за рукоятки веселъ.

— Ждать команды!

Остальные бѣглецы, собравшись у носовой палубы, силились пронзить взглядомъ завѣсу тумана и разглядѣть непріятеля. И вдругъ, о ужасъ! они замѣтили громадный утесъ, который буквально запиралъ ущелье и какъ бы глоталъ рѣку. Снопъ блѣднаго, молочнаго свѣта, проникая откуда-то сбоку, точно отблескъ закрытой облакомъ луны, чертилъ таинственные узоры на темныхъ изломахъ скалы, серебрилъ скачущіе у ея груди пѣнистые гребни и бугры клокочущихъ буруновъ. Рѣка съ неимовѣрнымъ громомъ, ревомъ и шипѣніемъ съ размаху влетала подъ черный, зубчатый сводъ...

— Правымъ впередъ, лѣвымъ назадъ!— прозвучали слова команды. Весла разомъ погрузились въ рѣчной кипятокъ и согнулись, точно тонкія лучинки. Оглушительный вой рѣки лишалъ пловцовъ сознанія и, раньше, чѣмъ они разобрали въ чемъ дѣло, подумали о спасеніи или гибели,—лодка повернула почти на мѣстѣ, какъ волчекъ, среди пѣны и невѣроятнаго кипѣнія волнъ, накренилась, треснула, грохнулась краемъ кормы о скалу и выскочила изъ-подъ тумана, межъ двумя высокими обрывами, точно изъ воротъ, на просторную равнину, залитую яркимъ солнцемъ и накрытую голубымъ небомъ. По обѣимъ берегамъ зеленѣли лѣса. Рѣка вся сверкала золотой чешуей въ лучахъ ведренаго дня и широко разливалась съ веселымъ рокотаніемъ, точно радуясь и вздыхая послѣ пережитыхъ опасностей и трудовъ. Горы справа ушли круто на западъ, а на лѣвомъ берегу опустились, закруглились и полого нисходили къ рѣкѣ.

— Помогите!..—проговорилъ неожиданно Красусскій.

И тутъ только пловцы замѣтили, что Негорскаго нѣтъ на кормѣ, что онъ лежитъ въ объятіяхъ Красусскаго, и изъ его рта струится кровь. Товарищи бросились приводить его въ чувство, а Петровъ схватился за руль. Вскорѣ Негорскій открылъ глаза и, увидѣвши надъ собой небо и солнце, улыбнулся:

— Рукоятка руля... ударила меня... Должно быть, и „Королевѣ“ досталось... Посмотрите, много ли воды на днѣ...— проговорилъ онъ тихо.

Они уложили его въ постель, отдали на попеченіе Евге-

ніи, а сами принялись за насосы, и какъ разъ во время, такъ какъ вода быстро вливалась въ шлюпку невидимыми щелями. Красусскій вползъ подъ кормовую палубу, вынулъ оттуда вещи, снялъ настилку и принялся искать отверстіе.

— Хорошую построили мы посудину!.. Совѣстливая работа!.. Всякая другая непремѣнно раскололась бы въ щепки... — хвасталъ панъ Янъ. — И погони нечего намъ бояться!..

— Ну, нѣтъ!.. Если они знаютъ объ этомъ „быкѣ“, то могутъ заблаговременно держаться лѣваго берега и пройти опасное мѣсто на шестахъ, — замѣтилъ Александровъ.

— Какая погоня?!. Что за погоня!?. Море рукой подать!. Если насъ до сихъ поръ не поймали, то уже не поймаютъ... А когда выйдемъ въ море — тогда пиши-пропало: спрячемся во льдахъ и не отыщетъ насъ даже квартальный надзиратель...—шутили весело бѣглецы.

— Не отыщетъ даже квартальный надзиратель!—повторялъ, смѣясь, Мусья.

На берегу рѣки стали попадаться рыбачьи заимки. Бѣглецы остановились у одной изъ нихъ, чтобы узнать, гдѣ находятся, и купить рыбы. Но въ юртѣ никого не нашли. Жители убѣжали, бросивши все на произволъ судьбы. Путники увидѣли разластанную рыбу въ корзинѣ, полуочищенныхъ треской на столешницахъ, горячую пищу въ котлахъ и одежду, разбросанныя впопыхахъ вещи... Они забрали часть рыбы, оставивши въ уплату табакъ и чай. Плывя дальше, они наткнулись на одного рыбака, и тотъ разсказалъ имъ, что до моря осталось всего 200 верстъ. Затѣмъ, они миновали большую деревню на горѣ, съ церковью и безчисленными сараями и шестами для сушки рыбы. Деревня казалась пустой, никто не выглядѣлъ поглядѣть на нихъ, и даже собакъ не было видно. Но за то въ слѣдующей деревушкѣ собрались на берегу, завидя ихъ, цѣлыя толпы людей и еще большія стаи собакъ.

Два рыбака въ изящныхъ мѣстныхъ „вѣточкахъ“ (челнокахъ) быстро, наперерѣзъ, поплыли къ нимъ и, приблизившись на разстояніе ружейнаго выстрѣла, принялись дружески приглашать къ себѣ въ гости... Бѣглецы отказались, притворяясь, что не понимаютъ языка, и объясняя, что они—возвращающіеся на родину американцы...

Мощная рѣка, широкая, черная отъ глубины и многоводности, лилась одной струей среди веселыхъ, зеленыхъ береговъ.

Горы исчезли, исчезли лѣса, а вслѣдъ за тѣмъ и рѣка распалилась на части и ровными, безконечно длинными, почти прямыми плесами покатилась по тундрамъ на сѣверъ.

Низкій небосклонъ блестѣлъ отъ множества разлитыхъ водъ, рѣка терялась въ перламутровой дали, гдѣ бѣглецамъ все чудилось море. Опять стремительные вѣтры ударили на нихъ... Путешественники попробовали тащить лодку бичевой, но покачиваніе громадныхъ волнъ вызвало у Негорскаго кровотеченіе. Тогда они остановились у стараго рыбачьяго шалаша, вынесли больного на землю, развели костеръ и усѣлись кругомъ. Теплота огня и свѣже-сваренная пища вскорѣ вернули имъ силы и хорошее расположеніе духа.

— Опять изъ-за меня остановка!.. — сокрушался Негорскій.

— Пустяки!.. Отдохнемъ всѣ и легко наверстаемъ потерянное время,—утѣшала его Евгенія. — Безъ васъ все не спорится!..

Красусскій отправился на охоту. Другіе починяли одежду или просто отдыхали. Самуилъ хлопоталъ у кипящихъ чайниковъ и пугалъ шутливо Мусью.

— Подумайте только, Мусья, что значитъ для кита наша лодка, если онъ безъ труда глотаетъ корабли... Помните, сколько дней Іона прожилъ въ его внутренностяхъ и даже не дурно тамъ устроился!?. Но все это еще цвѣточки... А слыхали ли вы про морского змѣя?..

Мусья качалъ отрицательно головою, а самъ водилъ круглыми глазами по товарищамъ, наблюдая, смѣются они или слушаютъ серьезно.

— Когда змѣй этотъ подниметъ надъ водою голову, то она выше самой высокой соборной колокольни... Сообразите только, Мусья, сколько его должно оставаться въ волнахъ. Вѣдь это его движенія вызываютъ въ моряхъ бури и водовороты... Вѣрно!.. Я самъ его не видѣлъ, но читалъ въ газетѣ...—продолжалъ серьезно поэтъ.

— А, что?!. Вотъ видите!?. Я давно говорю: бросьте вашу лодку до дьявола, раздѣлите вещи въ нѣсколько мѣшковъ, вложите мѣшокъ на спину и барда... по-якутски. Всетаки по землѣ безопаснѣе! Ого!.. Хорошо говорю!.. Французъ вовсе не такой дуракъ!..—смѣялся Мусья.

— Мы уже знаемъ, какъ по землѣ! — вмѣшался Негорскій. — Нѣтъ, Мусья, успокойтесь: змѣй нѣтъ въ Ледовитомъ океанѣ: слишкомъ холодно. А киты не подходятъ такъ близко къ берегамъ...

— Не смущай его!..—обратился онъ по-англійски къ Самуилу.

Разговоръ прекратился, но Мусья уже не съ такимъ, какъ раньше, увлеченіемъ отзывался о морѣ и мореплаваніи.

Они увидѣли море впервые въ ясномъ, солнечномъ по-

луднѣ. Чтобы скрыться отъ глазъ прибрежныхъ жителей и спутать погоню, они повернули въ восточный второстепенный рукавъ джурджуйскаго устья. Узкій, но глубокій каналъ змѣевидно вился среди торфяныхъ острововъ. Черные, влажные берега, прослоенные прожилками грязнаго льда, заслоняли горизонтъ со всѣхъ сторонъ. Неожиданно за однимъ изъ безчисленныхъ поворотовъ они увидѣли, что земля обрывается, исчезаетъ, растворяется, и передъ ними раскрылась безпредѣльная голубая пропасть съ черными островками, плавающими въ ней тамъ и сямъ, точно послѣднія крохи земного шара. Сплошная пепельная золотисто-голубой зыби наполняла эту пропасть и, постепенно блѣднѣя и мельчая, сливалась съ синевой неба въ одинъ безконечный, свѣтлый океанъ. Въ глубинѣ его — не то на небѣ, не то на землѣ — вытянулся длинный рядъ бѣлыхъ, прозрачныхъ облаковъ. На нѣкоторыхъ изрѣдка зажигались огненныя искры, дрожали нѣкоторое время, колыхались и гасли...

— Льды!..— воскликнули восторженно бѣглецы. — Льды!

Беззаботно скользя надъ пучиной,
Распѣваетъ о жизни дружина...—

пропѣла дрожащимъ голосомъ Евгенія.

Но остальнымъ некогда было распѣвать и сентиментальничать. Они рѣшили пробраться поскорѣе на одинъ изъ острововъ океана недалеко отъ устья Джурджуя, чтобы воспользоваться его прѣсной водой, отдохнуть, исправить „Королеву“ и полѣчить кой-кого изъ ея „экипажа“, — словомъ, приготовиться для дальнѣйшаго плаванія.

Они отыскали небольшую бухточку у высокаго не затопляемаго приливомъ берега, причалили къ нему и вбили въ землю якорь. Лодка была мгновенно разгружена и вытащена на мель, послѣ чего Красусскій и Александровъ немедленно принялись за починку поврежденій, конопатку щелей и просмолку ихъ. Они рѣшили не уменьшать ея бортовъ, о чемъ думали раньше, а скорѣе выбросить для облегченія судна часть угля, тѣмъ болѣе, что, какъ увѣряли ихъ якуты, вездѣ на меляхъ разбросано много древесныхъ остатковъ, достаточныхъ для разведенія огня.

Янъ съ Аркановымъ и Воронинымъ отправился на охоту. Самуилъ и Гликсбергъ осмотрѣли вещи, развѣсили мокрые предметы на устроенныхъ изъ веселъ козлахъ, а сухіе накрыли парусомъ. Въ сторонѣ, на небольшомъ холмикѣ, горѣлъ костеръ и суетилась у него Евгенія, приготовляя ужинъ. Она очищала отъ перьевъ только что убитыхъ утокъ; Мусья помогалъ ей и тащилъ съ берега топливо, бревна, щепки и кокоры, прибитыя и выброшенныя прибоемъ. Негорскій

лежалъ на медвѣжьей шкурѣ и глядѣлъ на теплое, чистое солнечное небо. Петровъ, нога котораго все еще не зажила, тоже смотрѣлъ на небо, грѣя на солнцѣ то одинъ, то другой бокъ. Онъ доказывалъ, что теперь только онъ понялъ психологію итальянскихъ лаццарони, для которыхъ высшимъ блаженствомъ представляется лежать на солнцѣ среди трудящихся людей вверхъ брюхомъ и ничего не дѣлать. Самуилъ, который, окончивъ свое занятіе, подсѣлъ къ Евгеніи и принялся вмѣстѣ съ нею ощипывать утокъ, увѣряя ее могильнымъ голосомъ, что одинъ только трудъ облагораживаетъ людей.

Дулъ легкій вѣтерокъ, мягко шумѣли волны моря, нѣжно лаская успокоенную, изливающуюся въ нихъ рѣку. Издали, съ позлащенныхъ солнцемъ мелей, долетали крики чаекъ и гомонъ другихъ птицъ; на льдахъ, въ безконечной голубой пропасти, все чаще загорались мимолетныя молніи, солнце покидало темныя равнины земли и поднималось надъ океаномъ.

Вернулись изъ похода охотники и принесли множество яицъ. Они не разсчитывали на такую обильную добычу и не захватили съ собою мѣшковъ. Теперь они несли яйца въ голенищахъ сапогъ, переброшенныхъ за спину, въ рубахахъ, которыя сняли съ себя, застегнувши взамѣнъ до верху свои австрійскія куртки. Такое обиліе пищи вызвало необычную радость. Даже суровые мастера-плотники оставили свою работу и прибѣжали посмотрѣть. Яйца, узорчатыя, очень пестрыя, изящныя, поражали разнообразіемъ красокъ, величиной и формами; нѣкоторыя были до того хороши, что Евгенія не безъ колебанія разбивала ихъ для стряпни.

— Я заказываю себѣ яичницу изъ сорока яицъ. На меньшее моя нога не согласна!..—кричалъ Петровъ.

— Какъ больной, ты получишь известковую воду, настоенную на яичной скорлупѣ.. Пригодна для всякихъ ранъ!..—отвѣчалъ Самуилъ.

Солнце спустилось низко къ самому горизонту и покатилось среди ледяныхъ тумановъ, красное и огромное, точно раскаленный желѣзный дискъ. Море потемнѣло и отдѣлилось отъ небосклона рѣзкой темносиней линіей. На тундрѣ потухли серебряные отблески расцвѣчивающихъ ее водъ, она застыла и потемнѣла вдругъ, какъ трупъ. Повѣяло холодомъ. Пришла полярная лѣтняя ночь, первая ночь бѣглецовъ на морѣ. Янъ передъ отдыхомъ принесъ нѣсколько штукъ великолѣпныхъ лососей, пойманныхъ въ заброшенныя по близости сѣти. Бѣглецы уснули въ самомъ радужномъ настроеніи духа. Долго они спали, согрѣтые незаходящимъ солнцемъ, усталые отъ пережитыхъ трудовъ и

волненій. Когда они проснулись, то замѣтили, что Мусьи нѣтъ. Онъ взялъ лучшую двустволку, жестянку со спичками и исчезъ. Сначала они не особенно безпокоились его отсутствіемъ, предполагая, что онъ просто ушелъ на охоту. Но когда наступилъ полдень, а француза все не было, они съ тревогой стали посматривать на дымкія, необозримыя тундры — такія мертвыя, безголосыя, непривѣтливыя плоскія что малѣйшій кустикъ прошлогодней травы казался издали, на фонѣ блѣднаго неба, въ лучахъ низкаго солнца, рощею роскошныхъ деревьевъ. Человѣкъ не могъ бы въ нихъ укрыться на десятки верстъ.

— Можетъ быть, онъ ушелъ въ воду?.. Или сломалъ ногу, поскользнувшись на ледяномъ днѣ одного изъ безчисленныхъ мелкихъ озерковъ?.. Они тамъ на каждомъ шагу!..— высказалъ предположеніе Аркановъ. Бѣлецы послали Яна съ Аркановымъ на поиски. Янъ предложилъ Воронину и Гликсбергу раньше своего ухода обойти кругомъ всю стоянку, чтобы отыскать слѣды Мусьи и опредѣлить ихъ направленіе.

Слѣды были отысканы безъ труда и указали, что французъ ушелъ въ глубь материка въ томъ приблизительно направленіи, съ какимъ возвратились Янъ и Аркановъ. Охотники пошли немедленно по слѣду и скоро исчезли за горизонтомъ. Вернулись они поздно ночью, грустные, раздраженные, хотя и принесли много дичи.

— Мы дошли до протоки, отдѣляющей нашъ островъ отъ слѣдующаго... Слѣдъ спустился въ воду и потерялся...—разсказывалъ Янъ.

— Насколько знаю, Мусья не умѣетъ плавать,—замѣтилъ Красусскій.

— Кто знаетъ?! Можетъ быть, онъ съ нами хитрилъ!.. Широкъ ли каналъ?—выспрашивалъ Негорскій.

— Довольно широкій. Мы не рѣшились переплыть его!

— А что же онъ дѣлалъ по дорогѣ?..

— Кружилъ, дѣлалъ петли, какъ заяцъ... Въ одномъ мѣстѣ онъ выстрѣлилъ, кажется, въ утку... Мы нашли бумажный фитиль заряда и замѣтили утиныя перья, плавающія на озеркѣ... Онъ тамъ входилъ въ воду и, повидимому, раздѣвался и возился, такъ какъ на сильно истоптанномъ мхомъ и ближайшемъ мокромъ пескѣ мы нашли отпечатки босыхъ ногъ... Отсюда онъ пошелъ мхами, набирая нарочно самые толстые и густые его полосы... Мы съ трудомъ прослѣдили его, пока онъ опять не нашелъ мѣста, гдѣ онъ опять глубоко завязъ въ тинѣ надъ водой... Ноги были уже обуты...—разсказывалъ Янъ.

— А онъ ли это?.. Не на чужой ли вы напали слѣдъ?

— Возможно, что онъ блуждаетъ въ совершенно другой сторонѣ...—вмѣшался Александровъ.

— Не знаю навѣрно, но, какъ будто, это Мусья... Косолапый ворачиваетъ пятку, храмаетъ...—объяснялъ Янъ.

— Право, не знаю, что и дѣлать,—шепнулъ Негорскій.

— Подождемъ до завтра!..—совѣтовалъ Гликсбергъ.

— Если это островъ, и онъ заблудился, то онъ умретъ обязательно съ голода!..—разсуждалъ Негорскій.

— Обыщемъ весь островъ!.. Развѣ насъ мало?!—воскликнулъ Воронинъ.

Ночь прошла безпокойно. Негорскій то и дѣло подымался и вглядывался въ горизонтъ: не увидитъ ли фигуры приближающаго Мусьи. Другіе изъ-подъ одѣялъ, которыми укрывались съ головой, спрашивали его:

— Ну, что-же?

— Ничего. Его нѣтъ!

Съ восходомъ солнца всѣ поднялись, съѣли поспѣшно завтракъ и разбрелись въ разныя стороны. Воронина и Гликсберга панъ Янъ послалъ въ противоположныхъ направленіяхъ вдоль морскихъ береговъ, сходившихся далеко подъ угломъ. Самуилъ пошелъ посерединѣ. Аркановъ кружился между Самуиломъ и Ворониным, а самъ панъ Янъ осматривалъ мѣстность между Самуиломъ и Гликсбергомъ. Такимъ образомъ они осмотрѣли каждую пядь острова и не нашли ничего, кромѣ вчерашнихъ слѣдовъ.

— Только я вотъ что еще нашелъ!..—заявилъ подъ конецъ Воронинъ, показывая маленькую латунную трубочку, прикрѣпленную ремешкомъ къ толстому и короткому чубуку.

— Что же вы молчите?!—воскликнулъ Янъ, быстро хватая трубочку.

— Юкагирская... Недавно еще изъ нея курили... еще сокъ не успѣлъ высохнуть!—добавилъ онъ, осматривая ее внимательно.—Далеко нашли вы?..

— Далеко. Въ томъ краю!..

— Ну, что-жъ... Навѣрно, пріѣзжаютъ сюда юкагиры на охоту.

— Эти дни ихъ не было, иначе мы бы замѣтили...—сказалъ Петровъ.

— Во всякомъ случаѣ—скверно! Очевидно, они живутъ недалеко!—замѣтилъ Негорскій.—Но что же дѣлать?!. Не возможно вѣдь оставить на вѣрную гибель этого Богомъ обиженнаго человѣка!

— Ничего ему не будетъ! Если онъ утонулъ, такъ его уже нѣтъ. А если перебрался на ту сторону протоки, то переплыветъ и слѣдующую и доберется до людей... Твер-

дая онъ штука... Не мало вытеръ угловъ... — доказывалъ Янъ.

Никто не отвѣтилъ, никто не въ силахъ былъ согласиться съ нимъ.

— Еще подождемъ!..—сказалъ, наконецъ, послѣ короткаго раздумья Негорскій.

— Такъ-то такъ, почему бы и не подождать. Но вѣтеръ-то какъ разъ попутный... Лодка готова!.. Здорово бы отмахали мы!..—настаивалъ Янъ.

Дѣйствительно, вѣтеръ дулъ съ суши, и направленіе его мѣнялось, смотря по положенію солнца. Въ настоящее время онъ гналъ и зыбилъ море съ юга на сѣверъ, какъ вчера.

— Знаете, господа, мы сдѣлаемъ вотъ что,—настаивалъ Янъ,—часть пищи, пороху, спичекъ мы запасемъ въ жестянку и оставимъ здѣсь... Если онъ заблудился на сосѣднемъ островѣ, то вернется и найдетъ запасы, а потомъ онъ неминуемо встрѣтится съ рыбаками. Ясно, что они приходятъ сюда... Трубочка лучшее доказательство!..

Вдругъ Воронинъ вскочилъ и вскричалъ громко:

— Есть!.. Есть!.. Нашелся!.. Дымъ!..

Всѣ вскочили и обернулись въ указанную сторону. Далеко по другую сторону протоки, на краю горизонта, подымался большой столбъ сизаго, клубящагося дыма.

— Это онъ... подаетъ сигналъ! Почему онъ, дуракъ, не сдѣлалъ этого раньше?..—сердился Янъ.

— Пусть Янъ и Красусскій немедленно сядутъ въ душегубку и отправляются за нимъ. А остальные пусть грузятъ лодку!—приказалъ Негорскій.

Только вечеромъ Красусскій съ Яномъ достигли того мѣста, откуда уже пѣшкомъ имъ предстояло подойти къ пожарищу. Они вытащили челнокъ на берегъ и пошли быстро впередъ, жестоко ругая Мусью.

— Столько хлопотъ, безпокойства и такая трата времени изъ-за этого дурака!.. И все только потому, что ему вздумалось пѣшкомъ отправиться въ Америку!—ворчалъ Янъ.

— А если онъ, вправду, заблудился?!

Какъ же! Знаю я его!.. А жестянка со спичками?! Мерзавецъ!.. Право, если настигнемъ его, такъ вы меня держите за руку, а то не выдержу и побью эту чортову куклу...

Красусскій самъ былъ сильно озлобленъ противъ француза и, хотя отрицательно качалъ головой на предположенія Яна, сильно хмурился и посматривалъ недружелюбно на дымъ.

Солнце сѣло совсѣмъ низко и перестало грѣть. Съ моря подулъ холодный и пронзительный вѣтеръ. Мѣстность, по которой шли охотники, представляла спутанный лабиринтъ

длинныхъ, болотистыхъ промоинъ, прудиковъ, лужъ, озерковъ, разъединенныхъ низкими грядами мшистой тундры. Чтобы не бродить постоянно въ холодной и мѣстами глубокой водѣ, имъ приходилось постоянно сворачивать и кружиться далеко по болотинамъ. Наконецъ, они замѣтили сухую, выпуклую гряду и направились къ ней, чтобы оттуда обозрѣть окрестности и избрать самый удобный путь.

Уже издали ихъ привѣтствовали жалобные крики вившихся надъ холмикомъ чаекъ. Когда они приблизились къ нимъ, цѣлыя тучи птицъ смѣло устремились на охотниковъ. Послѣдніе увидѣли передъ собою странное явленіе—больной птичій городъ. Густо другъ около друга стояли гнѣзда, построенныя изъ травъ и вѣточекъ, на нихъ сидѣли полки птицъ, ничуть не встревоженныхъ появленіемъ людей. Всѣ онѣ повернуты были головками въ одну сторону, гдѣ между отдѣльными квартами сплошныхъ гнѣздъ тянулись сухія, хорошо утоптанныя улицы. По улицамъ прохаживались, подпрыгивая, птичьи стражи...

Охотники остановились. Имъ жаль было топтать и побить безъ нужды яйца и гнѣзда. Впрочемъ, ни избрать обходнаго пути, ни придумать чего-нибудь другого они не успѣли, такъ какъ тучи чаекъ грозно набросились на нихъ. Птицы кружились, взлетали и быстро опускались имъ на головы, угрожая клювами и кривыми когтями ихъ лицамъ и глазамъ. Охотники защищались ружьями, били прикладами, но разъяренныя птицы взлетали лишь на мигъ, чтобы немедленно наброситься сверху. Нѣсколько разъ ихъ когти коснулись шапки и плечъ пана Яна. Пронзительный писк, трепетаніе крыльевъ выводили изъ себя охотниковъ, мѣшая имъ осматривать окрестности. Чтобы прогнать надоѣдливыхъ нарушительницъ, путешественники дали залпъ, но результаты получились еще худшіе. Съ неописуемымъ шумомъ, крикомъ, трепетаніемъ крыльевъ взлетѣла съ земли цѣлая туча птицъ и закружилась надъ врагами. Что значили выстрѣлы для этихъ тысячъ?.. Низко согнувшись, позорно бѣжали охотники прочь, а птицы преслѣдовали ихъ, ударяя клювами и крыльями по ихъ головамъ и спинамъ. Наконецъ, крики ослабѣли, и люди, оглянувшись, убѣдились, что преслѣдуетъ ихъ уже небольшая горсть самыхъ рьяныхъ защитниковъ птичьяго царства; остальные вернулись къ своимъ гнѣздамъ.

— Вотъ такъ оказія! - смѣялся Янъ.—Подождите, придемъ мы сюда на обратномъ пути... Оставимъ вамъ Мусю, а сами наберемъ яицъ, по крайней мѣрѣ, на мѣсяцъ. . Знаешь Красусскій, намъ придется снять обувь и пойти въ бродъ, а то не скоро попадемъ на мѣсто...

Пройдя прямикомъ полчаса, они очутились у дыма. Брошенный костеръ догоралъ - Мусьи нигдѣ и слѣда не было... Они тщательно осмотрѣли всю мѣстность и нашли только обглоданныя утиныя кости. Но былъ ли здѣсь Мусья, или кто другой, этого они опредѣлить не могли. Имъ казалось, что у огня сидѣлъ не одинъ человѣкъ, а много. Наконецъ, Янъ вскрикнулъ отъ радости: въ сторонкѣ лежала бумажка.

Это былъ кусокъ обыкновенной бумаги, какая могла очутиться и въ рукахъ мѣстныхъ инородцевъ, имѣвшихъ съ европейскими товарами. Правда, посерединѣ ея была вырвана дырочка, а кругомъ были ногтемъ выдавлены какіе-то таинственные знаки, но трудно было что-либо заключить по нимъ. Разстроенные, они глядѣли сердито на затуманенную тундру, гдѣ незамѣтно уходили и терялись слѣды.

— Нечего дѣлать, вернемся! — проговорилъ, наконецъ, Янъ.—Надо торопиться, а то туманъ идетъ!..

Холодный вѣтеръ все стремительнѣе подувалъ съ моря. Охотники увидѣли, какъ неожиданно изъ льдовъ спустился длинный, во всю длину горизонта, валъ бѣлаго тумана и покатился къ нимъ по взбаломученнымъ, чернымъ волнамъ. Малиновое солнце скрылось до половины во мглѣ.

— Торопись... торопись... Скоро здѣсь будетъ!..—понуждалъ товарища Янъ.

Оба они бѣжали напрямикъ, прыгая черезъ лужи поменьше, перебираясь черезъ большія, иногда выше пояса въ водѣ. Вѣтеръ переходилъ въ бурю. Туманъ плылъ съ быстротою разлива. Первыя его облачка, завитушки и всклокоченные языки уже коснулись ступней охотниковъ, обогнали ихъ и покатились вглубь материка. Вскорѣ охотники брели по колѣни во мглѣ. Янъ вырвалъ немного сухой шерсти изъ мѣховой подкладки своей куртки и заткнулъ ею дула и капсули своего ружья. Красусскій послѣдовалъ его примѣру. Мгла уже доходила имъ до пояса. Она покрыла неровности земли, сушу и воды ровной бѣлой пеленой, что сильно затрудняло охотникамъ выборъ пути. То и дѣло они совершенно неожиданно проваливались въ ямы съ водою или болотной тиной. Вскорѣ туманъ достигъ имъ шеи, а затѣмъ сомкнулся надъ головами, окутывая все бѣлымъ мракомъ. Вѣтеръ бѣшено сталъ крутить, перегонять и волновать туманъ, точь въ точь какъ морскую пучину. Избитые ударами воздуха, изсѣченные студеной мглою, не хуже снѣговой мятели, промокшіе до костей, охотники шли ощупью впередъ, пока не услышали вдругъ оглушительнаго рева волнъ, и черные, какъ сажа, ихъ языки не хлестнули имъ подъ ноги. Тогда они быстро повернулись

назадъ, въ страхѣ, что ихъ опрокинутъ и слижутъ мгновенно съ земли эти чудовищные языки.

— Что дѣлать?.. Какъ разыщемъ челнокъ?—спрашивалъ Красусскій, стуча зубами отъ холода.

— Зачѣмъ намъ теперь челнокъ? Развѣ затѣмъ, чтобы затащить его дальше... Чего добраго, вода его возьметъ!..— отвѣтилъ неохотно Янъ.

Неожиданно вѣтеръ ударилъ въ нихъ съ такой силой, что они покачнулись на ногахъ. Берегъ дрожалъ подъ напоромъ плещущаго прибоя. Но свистъ вѣтра, шумъ бушующихъ водоворотовъ, стонъ земли подъ напоромъ пучины,— все покрывалось безслѣдно растущимъ ревомъ играющаго вдали океана.

— Пойдемъ, Янъ, пойдемъ!.. Навѣрно унесетъ нашъ челнокъ.. —говорилъ Красусскій, оттаскивая за рукавъ остолбенѣвшаго товарища.

— Куда пойдемъ... безъ глазъ!—отвѣтилъ тотъ грубо.— Развѣ знаешь, куда идти, гдѣ онъ лежитъ?! Подожди, надо собразить, надо подумать... Ложись, а то насквозь прозябнешь, а я тѣмъ временемъ подумаю и... отдышусь!.. Собачья погода!

Они легли рядомъ въ маленькой ложбинкѣ и прижались другъ къ другу, чтобы лучше согрѣться. Янъ подперъ голову рукою и внимательно прислушивался къ гулу земли и моря, присматривался къ потокамъ переливавшихся черезъ нихъ струй тумана, наблюдалъ за вѣтромъ, который медленно, но неустанно мѣнялъ направленіе.

— Послушай, Красусскій: онъ и вчера былъ кружной?

— Кто? Вѣтеръ?

— Ну, да! Теперь онъ дуетъ совсѣмъ не съ той стороны, какъ въ то время, когда мы шли отъ рѣки. Въ такомъ разѣ намъ нужно идти вдоль воды, какъ разъ противъ вѣтру... Пойдемъ, милый, ляжемъ въ „вѣточку“, тамъ за бортами будетъ всетаки теплѣе...

Опять вѣтеръ сталъ ихъ теребить, опять мгла стала слѣпить имъ глаза и сѣчь лицо.

Они шли, низко нагнувши головы, съ протянутыми впередъ, какъ для плаванія, руками. Красусскій стучалъ зубами, какъ въ лихорадкѣ. Имъ не разъ приходилось далеко обходить плоскій берегъ, изъ опасенія, чтобы гривы волнъ не спутали имъ ногъ и не смыли прочь въ море. Туманъ кипѣлъ кругомъ удивительно густой, странный, но уже другой, чѣмъ въ началѣ, какой-то золотистый и просвѣтленный. Его струи и облака неслись мимо нихъ, точно водяная пыль водопада, кружась и загораясь минутами радужнымъ блескомъ. Охотники нашли, наконецъ, челнокъ, оттащили его отъ воды, поставили бокомъ къ вѣтру и легли въ немъ.

Вьюга свистѣла въ края лодочки, точно въ свирѣль, и перебрасывала черезъ нихъ молочныя волны, усыпая имъ лица холоднымъ, мелкимъ, какъ роса, дождемъ. Изрѣдка въ плывущихъ надъ охотниками мглистыхъ бурунахъ буря вышибала окно. Тогда они видѣли высоко надъ собою на короткое мгновеніе синее, позлащенное солнцемъ небо.

— Что это такое?.. Смотри!—воскликнулъ вдругъ Красусскій, указывая на мглу. На опаловой завѣсѣ ея засіяли вдругъ радужными цвѣтами громадныя, косматыя фигуры людей.

Оба бѣглеца присѣли отъ удивленія и не спускали глазъ съ привидѣній, колеблемыхъ неустанно бурей.

На спутанномъ подвижномъ холстѣ тумана, точно картины волшебнаго фонаря, мелькали и шевелились блѣдныя изображенія цѣлой человѣческой толпы. Раньше, чѣмъ охотники успѣли ее разсмотрѣть, она исчезла, сдунутая вьюгой.

— Идемъ, идемъ!.. Что такое тамъ дѣлается?.. Это, наконецъ, страшно!..—шепнулъ Красусскій.

— Потащимъ „вѣтку" берегомъ. Наши по ту сторону протоки, какъ разъ напротивъ. Какъ только хоть немножко стихнетъ непогода, поплывемъ,—совѣтовалъ Янъ.

Они попробовали поднять челнокъ на плечи, но вѣтеръ сдулъ его мгновенно, какъ перышко, съ ихъ рукъ. Съ ужасомъ они наблюдали, какъ подхваченное бурей суденышко сначала поднялось на воздухъ, затѣмъ упало на землю и, катясь по ней, исчезло въ туманѣ.. Они съ трудомъ нагнали его и, согнувшись дугою, выставивъ впередъ противъ вѣтра головы, потащили за собою по влажной, липкой землѣ. Тяжело имъ давался этотъ походъ противъ теченія воздуха и мглы, почти такой же густой, какъ вода. Невозможность сообразовать шаги и движенія съ встрѣчными препятствіями и неровностями почвы, непрерывное движеніе всего кругомъ, оглушительный шумъ вѣтра и воды, измѣнчивыя духовенія бури мучительно дѣйствовали на душу; имъ хотѣлось присѣсть, упасть ничкомъ, втиснуть хоть лицо въ какую нибудь щель, гдѣ можно бы было подышать свободно, гдѣ сохранилось бы хоть небольшое количество чистаго, неподвижнаго воздуха.

Отвратительная смѣсь холодной морской мглы и вѣтра давила ихъ, какъ влажная, затхлая вата.

— Какая къ чорту польза трепаться безъ толку!?. Вѣль ни зги не видно!..—вскричалъ Янъ, брошенный бурей на землю. Обезсиленный Красусскій сѣлъ рядомъ съ нимъ.

— Скоро перестанетъ!—утѣшалъ его Янъ.—Вѣтеръ поворачиваетъ и слабѣетъ!..

Они ждали терпѣливо, прижавшись ко дну челнока. Янъ

даже вздремнулъ. Вдругъ Красусскій разбудилъ его ударомъ локтя. Опять въ облакахъ надъ ними задвигались исполинскія тѣни людей. Бѣглецы не сказали другъ другу ни слова, но, дрожа отъ холода и волненія, потащили вновь лодочку къ мятущимся у берега волнамъ.

— Смотри только: рѣжь прямо противъ волны!.. Не пугайся!.. — поучалъ Красусскаго Янъ. — Самое трудное сѣсть, и самая худшая первая волна!

Они спустили челнокъ на воду въ маленькой бухточкѣ, защищенной крутымъ берегомъ отъ вѣтра. Но, хотя гребни волнъ здѣсь не заворачивались и самые валы были много положе, всетаки волненіе было настолько бурно, что суденышко дважды наполнилось водою, раньше чѣмъ они немного излоичились и сѣли въ него, наконецъ. Они дружно ударили веслами и выскользнули изъ бухточки, но въ тотъ же мигъ громадный валъ подхватилъ ихъ и понесъ обратно къ землѣ. Они сохранили на столько присутствія духа, что опрокинулись немедленно на бокъ и уцѣпились за край лодочки руками, опасаясь, что вода унесетъ ее прочь. Они не осмѣлились повторить сейчасъ же попытку, но и на мѣстѣ усидѣть было трудно. Они поплелись дальше вдоль берега и дотащились до самаго конца песчаной косы. Они поняли, что забрались слишкомъ на сѣверъ. Впереди бушевало уже открытое море. Они узнали его по острымъ, мощнымъ дуновеніямъ, по размѣрамъ водяныхъ горъ, подымавшихся и падавшихъ среди тумановъ съ мѣрнымъ гуломъ, похожимъ на взрывы вулкана, наконецъ, по большей яркости рѣявшаго надъ водой тумана.

Въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило здѣсь, ревъ волнъ въ проливѣ показался имъ ничтожнымъ лаемъ собакъ.

Они вернулись, охваченные смущеніемъ и большей рѣшимостью. Они разыскали опять укромную бухточку и сдвинули челнокъ на воду. Непогода уже затихала. Имъ повезло въ этотъ разъ. Согласнымъ ударомъ веселъ они загнали челнокъ на вершину первой волны и счастливо миновали ее, лишь обрызганные ея пѣной. Они быстро скользнули внизъ, и раньше, чѣмъ могли сообразить, что съ ними творится, уже пѣна второго гребня кипѣла подъ ними. И тотъ миновали, слегка только черпнувъ однимъ бортомъ воды. Такимъ образомъ, послѣ нѣсколькихъ волнъ, они по поясъ сидѣли въ водѣ, но за то противоположный берегъ былъ уже недалекъ, а подъ нимъ и волненіе было тише.

Когда, промокшіе, они выползли, наконецъ, на землю и вытащили за собою челнокъ, вѣтеръ уже сильно упалъ, и туманъ порѣдѣлъ настолько, что они безъ труда узнали въ небольшомъ отдаленіи лагерь товарищей. Они замѣтили

качавшуюся въ бухточкѣ „Королеву“, распознали темныя пятна товарищей, спавшихъ на землѣ. Но въ то же время они увидѣли нѣчто, что охватило ихъ ужасной дрожью, холодной, какъ сама смерть...

Они бросились къ своимъ, крича изо всей мочи:

— Вставайте, вставайте!..

— Что случилось?! —спрашивали тѣ, садясь и сбрасывая прочь одѣяла.

Янъ и Красусскій указали имъ рукою въ ту сторону, откуда должна была явиться свобода.

Тамъ, среди тумана, подкрадывался къ нимъ осторожно большой полукругъ людей съ ружьями въ рукахъ. За ними шла толпа другихъ существъ, имъ неизвѣстныхъ, мѣдно-лицыхъ, косоглазыхъ, толпа дикихъ варваровъ, зашитыхъ въ косматые мѣха, съ копьями въ рукахъ, со стрѣлами, заложенными на тетивы луковъ...

За этой толпой ревѣло черное, взбаломученное море, а изъ-подъ вздымавшихся вверхъ тумановъ, уже позлащенныхъ солнцемъ, выглядывали блѣдныя, радужныя тѣни льдовъ, плывшихъ съ грохотомъ къ землѣ...

Вацлавъ Сѣрошевскій.

Конецъ.

ТЕМНОЮ НОЧЬЮ.

Искрятся факелы. Улица, зданія
Алымъ зардѣлись огнемъ.
Грозное шествіе вижу въ туманѣ я...
Правда мнѣ кажется сномъ.
Въ полночь глухую по городу сонному,
Въ блескѣ кровавыхъ лучей,
Тихо проходятъ къ вокзалу безмолвному
Сотни усталыхъ людей.
Мѣрно и тяжко шагаютъ конвойные,
Голову хмуро склоня.
Молча идутъ, горделиво-покойные,
Плѣнники, цѣпью звеня...
Что-то знакомое: помню васъ, смѣлые!
Съ знаменемъ краснымъ въ рукахъ,
Шли вы на битву, борцы загорѣлые,—
Пѣсня рыдала въ устахъ...
Вотъ и теперь—молодые и сильные—
Вдаль вы идете толпой...
— Братья, прощайте!..—Молчанье могильное.
Городъ окутался тьмой.
Искры погасли, и шествіе грозное
Скрылось въ туманѣ сѣдомъ.
Плачетъ и хмурится небо беззвѣздное...
Правда мнѣ кажется сномъ.

С. Ивановъ-Райковъ.

НАЧАЛО.

I

Подпоручикъ Коровинъ былъ милый и веселый молодой человѣкъ. Ходилъ онъ, покачиваясь; голову склонялъ немного на бокъ и съ небрежной лѣнивой граціей козырялъ солдатамъ. Шелъ и всегда рисовалъ себѣ собственную фигуру, которая казалась ему воплощеніемъ изящества и красоты... Изящнымъ и красивымъ представлялось ему еще то, что курилъ онъ тонкія, длинныя папиросы изъ янтарнаго мундштука, умѣлъ хорошо ѣздить верхомъ и иногда проигрывалъ въ карты нѣсколько сотенъ рублей за одну ночь. Послѣ такого проигрыша имъ овладѣвало каждый разъ томно-мечтательное настроеніе, въ душѣ шевелилось щекочущее чувство гордости, что онъ ведетъ себя, какъ гвардейскій офицеръ съ какой-нибудь громкой фамиліей, и онъ разсказывалъ о своей игрѣ дома, въ гостяхъ и у товарищей, улыбаясь, какъ мило нашалившій ребенокъ... Смѣялся Коровинъ весело и заразительно и, смѣясь, обыкновенно говорилъ:

— Здо́рово, чортъ возьми!.. Здо́рово.

И ему нравился свой заразительный, искрящійся, какъ водяная струя, смѣхъ, веселое сочное слово „здо́рово“, то, что онъ офицеръ, и что у него много знакомыхъ, которые постоянно просятъ его пріѣзжать къ нимъ на вечера и балы.

Въ полку онъ считался добрымъ и славнымъ товарищемъ. Пилъ, правда, мало, но во всѣхъ полковыхъ пирушкахъ принималъ непремѣнное участіе и, вмѣстѣ съ самыми отпѣтыми кутилами, любилъ вспоминать о шумныхъ дебошахъ, о невѣроятномъ количествѣ выпитаго спирта и о многихъ другихъ не менѣе веселыхъ событіяхъ.

— Здо́рово... чортъ возьми!.. Здо́рово... —громко смѣялся онъ, разсказывая, какъ на именинахъ у капитана Сосновскаго въ довольно просторномъ залѣ были сооружены двѣ діагонали изъ пустыхъ пивныхъ бутылокъ.

Слушая его разсказъ, капитанъ Сосновскій—мужчина пожилыхъ лѣтъ съ небольшимъ круглымъ брюшкомъ—приходилъ въ радостное возбужденіе, засовывалъ руки въ карманы брюкъ и, пройдясь такимъ образомъ разъ пять по комнатѣ, начиналъ насвистывать маршъ двуглаваго орла... Штабсъ-капитанъ Миль гладилъ въ эти минуты длинные тараканьи усы, бѣгалъ вытаращенными глазами за Сосновскимъ и задумчиво басилъ:

— Такъ здóрово, по твоему? Черезчуръ даже—говоришь? Ну, что-жъ, принимая во вниманіе обстоятельства времени, тяжелую воинскую службу и доблестное отношеніе наше ко всякаго рода опасностямъ, этотъ случай можно предать забвенію... Сотворимъ по немъ тризну, господа, чѣмъ-нибудь... холодненькимъ... Вразумительно будетъ... Ей-Богу!

Со штабсъ-капитаномъ Милемъ, своимъ ротнымъ командиромъ, большимъ почитателемъ рапортовъ, приказовъ и другихъ служебныхъ бумагъ, Коровинъ былъ на ты... Въ шутку онъ называлъ добродушнаго и глуповатаго Миля своимъ папашей, возилъ его въ зоологическій садъ, принималъ всѣ расходы на себя и сочинялъ о папашѣ всевозможные анекдоты, въ которыхъ главное мѣсто занимали старые нѣмцы, родители Миля, аккуратно снабжавшіе сорокалѣтняго Ѳедю фуфайками и теплыми носками, чтобы онъ не схватилъ на маневрахъ ревматизма. Самой излюбленной темой для анекдотовъ было дѣйствительное происшествіе, случившееся послѣ посѣщенія зоологическаго сада, когда, безобразно-пьяный, Миль вернулся домой подъ самое утро и объяснилъ свое опозданіе тѣмъ, что у него простуда, и что гдѣ-то онъ пролежалъ всю ночь безъ памяти... Старые Мили заахали, заохали, уложили его въ теплую постель и потомъ цѣлый день отпаивали горячей малиной, умоляя его никогда не ходить въ разстегнутомъ пальто, не пить холоднаго пива и не засиживаться въ гостяхъ позже двѣнадцати часовъ.

Своимъ однополчанамъ Коровинъ старался дѣлать разныя мелкія одолженія,—и до чего доходила его предупредительность въ этомъ отношеніи, показываетъ случай съ поручикомъ Беклемишевымъ, допившимся до маніи отвращенія къ людямъ. Этотъ Беклемишевъ, послѣ мѣсячнаго запоя, сталъ увѣрять, что не можетъ бывать въ людскомъ обществѣ, и что ему необходимъ умный породистый песъ,—иначе онъ рискуетъ сойти съ ума. Коровинъ внимательно слушалъ разсужденія мрачнаго офицера о человѣческомъ ничтожествѣ, объ умѣ и привязчивости собакъ и въ одно изъ своихъ посѣщеній притащилъ къ Беклемишеву громаднаго молодого сенъ-бернара.

— Помилуйте...—изумился Беклемишевъ...—Такую благородную собаку вы мнѣ... Не знаю, какъ и благодарить васъ... Говорите, Герольдомъ зовутъ?.. Отлично... Ну, Герольдъ, иди сюда. Будемъ знакомиться.

Потомъ Беклемишевъ попросилъ разрѣшенія братски расцѣловать дорогого Андрея Андреевича, и у Коровина надолго сохранилось воспоминаніе объ угрюмой радости, о горячихъ сухихъ губахъ, плохо-выбритомъ подбородкѣ и воспаленномъ дыханіи спившагося поручика.

Съ этихъ поръ Беклемишевъ былъ неразлученъ съ Герольдомъ и, встрѣчая Коровина на улицѣ, показывалъ на него удивленно смотрѣвшему псу, какъ на милѣйшую, золотую личность.

Въ семьѣ къ Коровину относились съ чувствомъ благоговѣйнаго обожанія... Мать гордилась имъ, какъ необыкновенно красивымъ и необыкновенно умнымъ сыномъ, у котораго жизнь похожа на заманчивую прекрасную сказку, когда-то давно, въ молодости, прельщавшую ея дѣвичьи мечты и оставшуюся недоступной и далекой, схороненной глубоко въ сердцѣ, не сумѣвшемъ воплотить ее въ дѣйствительности... Кромѣ того, она любила своего Андрея, какъ кусочекъ самой себя, который останется послѣ ея смерти живымъ напоминаніемъ, что и она, Елена Ильинишна, ростила дѣтей, блюла земные законы, ходила въ церковь, имѣла большую квартиру и много, извѣстныхъ ей одной, заботъ и хлопотъ. Сестры ходили съ Андреемъ гулять на Морскую и Невскій, вмѣстѣ выѣзжали къ знакомымъ и упрашивали, чтобы онъ провожалъ ихъ въ Гостинный дворъ за покупками... Имъ казалось, что Андрей однимъ своимъ присутствіемъ дѣлаетъ ихъ интереснѣе, изящнѣе и красивѣе, и каждое его слово было для нихъ особеннымъ словомъ, и каждое его движеніе—особеннымъ движеніемъ. Андрей былъ съ ними, и глаза ихъ становились гордыми, презиравшими обыденную жизнь, и сердце билось для иного загадочнаго и манящаго міра, и воздухъ былъ не уличный воздухъ, а другой, принесенный братомъ изъ большихъ высокихъ залъ, гдѣ гремитъ музыка, звенятъ шпоры и сверкаютъ роскошные туалеты сидящихъ и танцующихъ женщинъ... Точно ихъ окружала непроницаемая плотная оболочка этого воздуха, и они трое были недоступны и чужды сновавшей около нихъ толпѣ, какъ недоступны ей алмазныя ожерелья, выставленныя въ витринахъ богатыхъ магазиновъ.

Особенное отношеніе установилось въ семьѣ и къ вещамъ, составлявшимъ собственность молодого офицера. Приходили гости къ Коровинымъ, такіе же состоятельные люди, какъ и они, и Елена Ильинишна занимала ихъ Андрюшинымъ

граммофономъ, долго и подробно разсказывая, гдѣ и за какую цѣну онъ купленъ... Вѣра, старшая дочь, бережно приносила пластинки, выбирала самыя любимыя, и гости слушали, какъ граммофонъ низкимъ ласковымъ баритономъ выводилъ:

Я хотѣлъ бы быть сучочкомъ,
Чтобы миленькимъ дѣвочкамъ
На моихъ сидѣть вѣтвяхъ...
Пусть сидѣли бы и пѣли,
Вили гнѣзда и свистѣли,
Выводили бы птенцовъ.

Хотѣлось закрыть глаза, чтобы ящикъ съ поющей трубой не вызывалъ комичнаго впечатлѣнія. Страннымъ казалось, что мечтательное, ласкающее чувство жило помимо его обладателя-человѣка, что пѣвецъ съ красивымъ голосомъ продалъ за деньги это чувство, и вотъ оно томится въ чужой квартирѣ, груститъ и плачетъ...

Пѣніе кончалось... Наступало короткое молчаніе, но бесѣда скоро возобновлялась, переходя съ граммофона на фотографію, на Андрюшину поѣздку въ Крымъ и на Кавказъ, откуда онъ привезъ массу снимковъ... Снимки ходили по рукамъ. Старушка Коровина разсказывала, на какомъ пароходѣ онъ ѣздилъ, въ какихъ гостиницахъ останавливался и съ кѣмъ познакомился въ дорогѣ. Вѣра и младшая изъ Коровиныхъ—Лидія—поправляли ее, добавляли отъ себя разныя подробности и бережно снимали фотографическую камеру съ треножника... А гости хвалили граммофонъ, хвалили снимки, Крымъ и Кавказъ и про себя думали, что дорого стоитъ Еленѣ Ильинишнѣ ея любимый сынокъ.

На балахъ и танцовальныхъ вечерахъ обѣ сестры радовались, когда братъ приглашалъ ихъ на вальсъ и на па-д'катръ, нисколько не меньше, чѣмъ если бы ихъ позвалъ танцовать товарищъ Андрея—полковой адъютантъ Борисъ Сергѣевичъ Иволгинъ, офицеръ съ сердитыми голубыми глазами и съ презрительнымъ произношеніемъ въ носъ. Отъ робости замирало сердце, волна сладкаго щемящаго чувства охватывала душу, и душа улетала. Танцуя съ братомъ, Вѣра держала голову въ одномъ положеніи, будто у нея была мраморная несгибающаяся шея, выпрямлялась, дѣлалась выше и тоньше и умоляющимъ шепотомъ просила: „Андрюша, ради Бога, еще одинъ кругъ“... Туръ вальса слѣдовалъ за туромъ... Вмѣстѣ съ ними въ туманящую воображеніе неизвѣстность плыла воздушная мечтательная музыка, напоминавшая шелестъ многихъ бѣлыхъ крыльевъ... Залъ наполнялся бѣлыми крыльями. Хорошо было закрыть глаза, от-

даваться неизвѣстной волѣ, погружаться въ теплыя серебристыя волны... Вѣра мысленно любовалась на себя, и ей нравилось думать, что она танцуетъ не съ братомъ, а съ другимъ офицеромъ, съ которымъ ей предстоитъ еще познакомиться и который будетъ молчаливымъ, сдержаннымъ и холоднымъ. Шестнадцатилѣтняя Лидія отдавалась танцамъ болѣе непосредственно и не видѣла ни бѣлыхъ крыльевъ, ни незнакомаго молчаливаго офицера. Она во время вальса готова была разсмѣяться отъ радости безудержнымъ дѣтскимъ смѣхомъ, дышала открытымъ ртомъ и смѣющимися черными, какъ мокрыя спѣлыя вишни, глазами смотрѣла въ смѣющіеся глаза Андрея. А когда братъ велъ ее подъ руку по залѣ, прижималась къ нему и, со счастливымъ выраженіемъ на раскраснѣвшемся дѣтскомъ личикѣ, говорила:

— Андрюша! Милый! Съ тобой удивительно хорошо танцовать! Легче, чѣмъ съ нашимъ преподавателемъ танцевъ... Ты не вѣришь мнѣ? Нѣтъ? Вотъ Ѳома невѣрный... Ну, ладно-же...

И кокетливо надувала губки.

Очень пріятно для сестеръ Коровиныхъ, особенно для Вѣры, было сказать кому-нибудь, что это ихъ братъ, родной братъ стоитъ рядомъ съ Иволгинымъ, когда Андрей и Борисъ Сергѣевичъ наблюдали за танцами изъ курительной комнаты и дымили длинными папиросами изъ одинаковыхъ янтарныхъ мундштуковъ... Можно было видѣть, какъ Иволгинъ презрительно подымаетъ брови, презрительно отряхаетъ нагорѣвшій пепелъ и что-то шепчетъ Андрею, указывая на сидящихъ напротивъ нарядныхъ дамъ, и какъ Андрей съ заискивающей улыбкой киваетъ адъютанту головой. И на лицахъ обоихъ офицеровъ, сначала на матовомъ темномъ лицѣ Иволгина, а потомъ и на Андреевомъ, появлялась тѣнь брезгливаго равнодушія и усталости. Они принимали небрежныя позы, небрежно зѣвали и, спустя нѣкоторое время, шли танцовать съ такимъ видомъ, будто дѣлали кому-то незаслуженное снисхожденіе... Вѣрѣ становилось грустно... У нея создавалось безотчетное впечатлѣніе, будто братъ разлюбилъ танцы, музыку и красивыхъ женщинъ, и точно темная тѣнь ложилась на образъ неизвѣстнаго молчаливаго офицера. Она нервно складывала вѣеръ и слѣдила за Андреемъ и Иволгинымъ печальными глазами, безмолвно упрашивая ихъ быть такими, какими она привыкла рисовать ихъ въ своемъ воображеніи. А Лидія, нечуткая до настроеній сестры, приходила въ шумный ребячій восторгъ и радостно вскрикивала:

— Смотри, Вѣрунъ, какъ они интересничаютъ...

Вѣра строго смотрѣла на Лидію, и къ печальному выра-

женію глазъ прибавлялось молчаливое осужденіе ея ребячества... „Никогда не умѣетъ держать себя въ порядочномъ обществѣ... Постоянно выдастъ чѣмъ-нибудь свое купеческое происхожденіе“... И вѣеръ ходилъ еще нервнѣе, и она отодвигалась отъ сестры, бережно оправляя шелковое платье, точно защищаясь отъ вторженія ненавистнаго ей міра грубыхъ и простыхъ ощущеній... И она вся замыкалась въ себя и чувствовала гордое, точно вычеканенное, одиночество, въ ролѣ одиночества бѣлаго лебедя на зеркальномъ озерѣ среди безшумныхъ тростниковъ.

Андрей перенималъ многія движенія Иволгина... Когда они шли рядомъ, можно было замѣтить это по ритмическому покачиванью того и другого... Часто оба они одновременно принимались закручивать усы, при чемъ первымъ начиналъ Борисъ Сергѣевичъ... Было похоже на то, что Андрей влюбленъ въ каждый жестъ, въ каждое слово Иволгина... И Лидія не понимала, что онъ нашелъ особеннаго въ своемъ товарищѣ... И когда раздумывала, что именно, то останавливалась на презрительномъ произношеніи въ носъ и на голубыхъ глазахъ этого „задававшагося“, по ея мнѣнію, офицера.

Выбирали Иволгинъ и Андрей на танцы однѣхъ и тѣхъ же раздушенныхъ и разодѣтыхъ женщинъ и говорили имъ одинаковыя фразы объ общихъ знакомыхъ, о томъ, кто числится у нихъ шефомъ полка и въ какомъ мѣсяцѣ бываетъ полковой праздникъ. Улыбающійся и возбужденный, Андрей, послѣ нѣсколькихъ круговъ вальса съ барышней Демьяновой или съ женой адвоката Мордвиновой, подходилъ къ сестрамъ, жаловался на невѣроятную усталость, бралъ у Лидіи вѣеръ и картинно обмахивалъ имъ лицо... Вѣра спрашивала, съ кѣмъ онъ танцовалъ... Андрей, притворяясь не заинтересованнымъ, отвѣчалъ:

– Съ дочерью милліонера фабриканта Демьянова... Немного тяжела на подъемъ, но критику выдерживаетъ.

Со старшей сестрой онъ всегда былъ серьезенъ, посвящалъ ее въ свои тайны, и они уважали другъ друга .. Младшая, хотя и завидовала ихъ откровеннымъ разговорамъ, но вести себя, какъ Вѣра, не умѣла. Она только тѣсно пододвигалась къ брату, брала его за руку и заискивающе говорила, что Демьянова очень недурна.

— Такъ очень, по твоему? – переспрашивалъ польщенный ея похвалой Андрей и, улыбаясь, смотрѣлъ, какъ Лидія въ одно и то-же время и сіяла, и конфузилась.

– Очень... очень... Какъ княжна Мери у Лермонтова.

— А ты, глупая, видѣла когда-нибудь эту княжну? Сразу можно узнать, что учишься въ гимназіи.

Андрей шутливо ударялъ ее вѣеромъ по щекѣ и, считая, что достаточно занялъ сестеръ, шелъ къ Иволгину. Они опять стояли въ курительной комнатѣ... Легкій синій дымокъ красиво плавалъ надъ ихъ старательно сдѣланными проборами... Иволгинъ бросалъ презрительные взгляды, сердито отряхалъ пепелъ и былъ, видимо, чѣмъ-то недоволенъ... Недовольнымъ, подражая ему, становился и Андрей...

Мягко лились звуки вальсовъ, па-де-катровъ, мильоновъ... Музыка струилась, какъ струится электрическій свѣтъ, и будила воспоминанія о бѣлыхъ ночахъ, о цвѣтахъ, растущихъ въ клумбахъ передъ высокими дачами, о стеклянныхъ верандахъ... Мелькали бѣлыя, голубыя и розовыя платья... Кружился рой бабочекъ, шумѣлъ и сверкалъ блестящими крылышками, на минуту садился въ изнеможеніи и снова поднимался, чтобы до конца опьяниться знойнымъ воздухомъ, страстнымъ дыханіемъ и неуловимыми искорками загорѣвшихся глазъ... Ткались и падали призрачныя тѣни... Плыли и уплывали неясные свѣтлые контуры... И не одна грудь въ мечтахъ льнула къ другой жадной груди, порывисто ловила біеніе чужого сердца, зной и тепло чужой жизни, чужую ласку...

Въ столовой двигали стульями и звенѣли посудой... Тамъ убирали столъ къ ужину... Разстилалась чистая, свѣжая скатерть, разставлялись вазы съ фруктами, хлѣбъ, нарѣзанный тонкими ароматными ломтиками и переливавшія шелковистыми радужными цвѣтами вина.

Потомъ столовая наполнялась оживленнымъ шумомъ, звонкимъ чоканьемъ, любезными упрашиваньями испробовать икры, балыка и осетрины, веселыми шутками другъ надъ другомъ. Иволгинъ сидѣлъ съ Мордвиновой, а Андрей съ Демьяновой... У Демьяновой краснѣли щеки, смѣялись глаза, и она на минуту забывала, что отецъ ея имѣетъ два милліона,—потомъ вспоминала и подавляла смѣхъ, и глядѣла на свою полную мамашу, у которой дрожалъ двойной подбородокъ, и отъ тяжелыхъ серегъ уши принимали страдальческій видъ, когда она возбужденно просила хозяйку дома пододвинуть къ ней свѣжую икру. Андрей красиво ѣлъ, красиво пилъ и разсказывалъ своей сосѣдкѣ о лагерной жизни, о штабсъ-капитанѣ Милѣ, о верховой ѣздѣ и о своихъ проигрышахъ.

Лидія бросала на брата восторженные взгляды... Она радовалась, что онъ сидитъ съ Демьяновой, самой богатой невѣстой ихъ круга, что имъ весело, и что они собираются вмѣстѣ пойти въ театръ на будущей недѣлѣ. Ей не хотѣлось ѣсть, но такъ заманчиво было сказать хоть слово брату, у котораго радостная блестящая жизнь, что она не могла

сдержаться и просила его положить „капельный“ кусочекъ ветчины на протянутую тарелку... Сидѣла потомъ счастливая, взволнованная и не слушала гимназиста Перепелкина, увѣрявшаго ее, что въ гимназіи у нихъ многіе пьютъ коньякъ прямо изъ горлышка бутылки, и что онъ каждое утро, когда у нихъ первый урокъ—алгебра, выпиваетъ для храбрости полъ-стакана мадеры и заѣдаетъ, чтобы не было запаха, сухимъ чаемъ.

А въ залъ въ это время, въ открытыя форточки, врывался холодный уличный воздухъ, и въ его неосторожномъ всюду проникавшемъ дыханіи чувствовался набѣгъ вольной и любопытной улицы... По угламъ кружились растерянныя озябшія бабочки, безшумно умирали бѣлые призраки, жаловались на холодъ знойные ароматы... Становилось покинуто и молчаливо. И страннымъ, печальнымъ казалось, что всего полчаса назадъ залъ дышалъ, какъ цвѣточный садъ, а теперь смѣющаяся веселая жизнь ушла изъ него и не помнитъ ни о музыкѣ, ни о сладостныхъ затаенныхъ мечтахъ... Одна Вѣра появлялась въ дверяхъ, окидывала залу пристальнымъ безмолвнымъ взоромъ и отдавалась жуткому настроенію одиночества и молчанія.

Слышно было, какъ въ столовой мамаша Демьяновой просила кого-то:

— Положите мнѣ балычка.. балычка. Не сардинъ, ради Бога... Отъ сардинъ мнѣ бываетъ нехорошо.

И она разсказывала, какъ съѣла ихъ недавно цѣлую жестянку. И послѣ этого раздавался взрывъ сочувственнаго смѣха. И среди другихъ голосовъ выдѣлялся молодой сочный голосъ подпоручика Коровина:

— Здóрово, чортъ возьми!.. Здóрово...

Вѣра вздыхала... Высокая и худая, въ свѣтломъ обтянутомъ платьѣ, она сама была видѣніемъ не этого міра, гдѣ ее никто не могъ понять... Передъ ней вставали голубые глаза Иволгина, и она мысленно жаловалась имъ... жаловалась на то, что въ залъ впущенъ уличный воздухъ, что позволяютъ неуклюжей толпѣ наводнять панели около лучшихъ магазиновъ, что скоро до нихъ дойдетъ голосъ этой толпы. Надо запахнуть ставни и закрыть окна... Надо перестать смѣяться, ждать и готовиться къ встрѣчѣ съ тѣми чужими, которые непремѣнно придутъ.

А этого никто не знаетъ, никто не ждетъ.

И она, въ недоумѣніи, пожимала плечами.

II.

Полкъ, въ которомъ служилъ Коровинъ, стоялъ въ небольшомъ городкѣ на разстояніи часа ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Петербурга... Въ городкѣ было много темной зелени, бѣлыхъ одноэтажныхъ домиковъ, дачъ со стеклянными террасами и пустынныхъ, недостроенныхъ улицъ, упиравшихся въ сосновый лѣсъ... Лѣтомъ ярко голубѣло небо, далеко въ море уходили тростники, и на стрѣльбищѣ весь день раздавались раскатистые выстрѣлы.

Коровинъ снималъ квартиру въ три комнаты... Она купалась въ веселомъ солнечномъ свѣтѣ, и вся была заполнена мягкой мебелью, дорогими коврами, статуэтками и картинами, изображавшими Діану на охотѣ, невольницъ гарема и голыхъ женщинъ въ самыхъ животныхъ позахъ.

Въ окна можно было видѣть, какъ по берегу моря заботливо и суетливо бѣгутъ веселые дачные поѣзда... Иногда, вмѣсто синихъ, желтыхъ и зеленыхъ вагоновъ, локомотивъ тащилъ за собой цѣлый хвостъ красныхъ товарныхъ... Двери у каждаго вагона были раздвинуты, и весь онъ былъ наполненъ стоявшими и сидѣвшими на корточкахъ загорѣлыми солдатами въ сѣро-зеленыхъ рубашкахъ... Солдаты махали фуражками, хрипло кричали „ура", и въ глазахъ долго оставалось чье-нибудь багрово-бронзовое лицо съ окладистой рыжей бородой и съ безсмысленными глазами. Коровинъ смотрѣлъ, какъ кричавшій и махавшій фуражками поѣздъ исчезалъ за ближнимъ поворотомъ, представлялъ себѣ безконечно-длинную дорогу въ Манчжурію, рядъ дней, наполненныхъ хрипымъ „ура", и его охватывала безотчетная тоскливая тревога... Война происходила на огромномъ разстояніи съ мало-извѣстнымъ загалочнымъ народомъ и по этой причинѣ не вызывала никакого иного представленія, кромѣ безконечности пути, залитой въ мертвой пустынѣ и глухой злобы противъ кого-то неизвѣстнаго. Ихъ полкъ, какъ было уже объявлено, оставался для несенія внутренней службы, и хотя офицеры высказывали вслухъ желаніе раздѣлить участь всей арміи, но въ глубинѣ души всѣ они были довольны, что теченіе ихъ жизни происходитъ въ томъ же порядкѣ, какъ происходило до войны. Только пили больше, да въ толпѣ чувствовали себя особеннымъ образомъ, точно на нихъ смотрятъ въ напряженномъ ожиданіи, а ожидать, собственно, нечего. Становилось совѣстно, и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлось объяснить, что они не при чемъ, что каждый изъ нихъ обыкновенный человѣкъ, боится смерти и

не повиненъ ни въ пролитой крови, ни въ постоянныхъ неудачахъ.

У себя Коровинъ лежалъ на кушеткѣ, пускалъ къ потолку клубы синяго табачнаго дыма и насвистывалъ игривыя шансонетныя мелодіи... Утромъ онъ ходилъ на стрѣльбище, со стрѣльбища шелъ въ вокзальный буфетъ или въ офицерское собраніе и приводилъ оттуда кого-нибудь изъ товарищей... Громко раздавался оживленный говоръ. Шумно откупоривались бутылки... Пили за взятіе въ плѣнъ японскихъ генераловъ, за счастливое окончаніе войны, за лошадей, на которыхъ Ивелгинъ и Коровинъ выиграли въ послѣдній день скачекъ. Говорили о женщинахъ, объ удачно начатыхъ романахъ... Разспрашивали Миля, какъ онъ по этой части, и шутливо увѣряли, что обязательно женятъ его на какой-нибудь аккуратной нѣмецкой Маргаритѣ, которая заберетъ „папашу“ въ ежевыя рукавицы, и тогда—прощай навсегда зоологическій садъ, веселая холостая жизнь, ежедневныя пирушки! Народятся толстые сопливые маленькіе Мили... Маргарита станетъ ходить на рынокъ, жарить картофель и отбирать отъ мужа жалованье до послѣдней копѣйки... А „папаша“ съ трубкой въ зубахъ будетъ слоняться изъ угла въ уголъ и, любуясь на свое семейное счастье, дастъ Маргаритѣ честное слово, что отнынѣ не позволитъ себѣ „ни единой“.

— Не подходитъ намъ это... —возражалъ Миль на шутки товарищей, горячился, пыхтѣлъ, выпячивалъ грудь впередъ и разглаживалъ усы...—Ну, какой я женихъ... Судите сами... А что касается семейнаго счастья, то въ него я не вѣрю... окончательно не вѣрю... И ничѣмъ вы меня не соблазните... Да-съ!

Коровинъ, проводивъ гостей, ложился на кушетку, насвистывалъ игривый мотивъ и смѣялся самъ съ собой... Онъ живо представлялъ себѣ изобрѣтенную имъ Маргариту, навязывая ей роль то невѣсты, то жены Миля... Передъ глазами возникалъ цѣлый рядъ картинъ съ веселыми мелкими подробностями. Вотъ Маргарита собирается съ „папашей“ на музыку. Она нарядилась въ лучшій костюмъ и вся трепещетъ отъ волненія... Внимательно оглядываетъ Миля: все ли на немъ въ порядкѣ... Заставляетъ поправить складки на пальто, проситъ показать носовой платокъ... Миль увѣряетъ, что платокъ у него чистый, что онъ только что достали его изъ комода... Она не вѣритъ и настаиваетъ на своемъ... Онъ краснѣетъ, надувается и, со слезами въ голосѣ, говоритъ:

— Ну, идемъ, что ли... Чего стоять? Смотри, на поѣздъ

опоздаемъ. Я правила приличія знаю... Не на улицѣ, а въ корпусѣ воспитывался.

Коровинъ приходилъ въ самое пріятное расположеніе духа, смотрѣлъ на потолокъ и мысленно благодарилъ небо за свое существованіе... По лицу блуждала хитрая улыбка... Ему казалось, что нельзя быть остроумнѣе, и онъ радостно предвкушалъ, какъ разскажетъ про прогулки Миля съ невѣстой на музыку Иволгину и другимъ... „Про носовой платокъ... я ловко придумалъ... Здóрово, чортъ возьми!“ При этомъ воспоминаніи Коровинъ разражался взрывомъ смѣха, поднималъ высоко ноги и чуть не кувыркался отъ радости. Лежалъ нѣсколько минутъ спокойно, потомъ неожиданно вскакивалъ, быстро надѣвалъ пальто и шелъ на вокзалъ.

При красноватомъ освѣщеніи заходящаго солнца стройная фигура его казалась красивымъ дополненіемъ къ мирной и веселой природѣ. Засыпало спокойное, переливавшее потухающимъ золотомъ сѣро-дымчатое море... Что-то говорили болтливыя раскидистыя березы, смотрѣли вслѣдъ людямъ и ласкали взоръ своей яркой теплой зеленью... Цвѣли густыя высокія акаціи... Ихъ давно перестала стричь заботливая рука, онѣ перевѣшивались изъ палисадниковъ на пыльную волю улицы, купались въ пыли и были довольны этимъ недозволеннымъ раньше развлеченіемъ. Медленно пыхтѣлъ на запасномъ пути старый дежурный локомотивъ... Издали долеталъ гулъ только что отошедшаго поѣзда... Въ саду начиналъ играть оркестръ струнной музыки.

Подходили одинъ за другимъ знакомые офицеры... Коровинъ, едва удерживаясь отъ смѣха, разсказывалъ имъ про штабсъ-капитана Миля, про Маргариту Швейнфельдъ (къ этому времени онъ успѣлъ придумать фамилію) и про носовые платки... И всѣмъ представлялось жалкимъ и смѣшнымъ, что Миль любитъ не существующую Швейнфельдъ, и каждый вспоминалъ о своей любимой женщинѣ.

Иволгинъ крутилъ усы, щелкалъ портсигаромъ и презрительно говорилъ:

— Мразь...

Гулко отдавались шаги, ровные и отчетливые... Міръ былъ для нихъ, сильныхъ, красивыхъ и молодыхъ... Офицеры держались увѣренно и свободно... На нихъ смотрѣли, имъ уступали дорогу, съ любопытствомъ прислушивались, о чемъ они говорятъ.

Далеко простиралось поблѣднѣвшее и остывшее небо... Перестали болтать раскидистыя березы... Теплый лѣтній воздухъ ласкалъ грудь, какъ ласкаетъ душу пѣсня, спѣтая бархатнымъ молодымъ голосомъ... Густо пахло влажной зеленью... Большими ударами колотилось сердце, и неиз-

вѣстно какой порывъ окрылялъ думы. Но не находили эти думы соотвѣтствующаго выраженія, были онѣ не привычными, не офицерскими думами, и поэтому каждый торопился остановить ихъ въ самомъ зародышѣ.

— Такъ ты говоришь: онъ увѣрялъ Маргариту, что знаетъ правила приличія?—спрашивалъ кто-нибудь, чтобы прекратить молчаніе.

Коровинъ бралъ товарища подъ руку.

— Да... Не на улицѣ, говоритъ, а въ корпусѣ воспитывался.

И они смѣялись... А потомъ садились на скамейку... Подходили еще офицеры... Дѣлались замѣчанія относительно гулявшихъ по платформѣ дамъ и барышень... На пари давались обѣщанія познакомиться съ той или другой... Когда надоѣдало глазѣть на публику, разговоръ снова переходилъ на Миля, на мрачнаго Беклемишева съ его Герольдомъ, и Коровинъ, который сидѣлъ въ серединѣ, смѣялся громче всѣхъ. Въ густомъ тепломъ воздухѣ то и дѣло раздавалось:

— Здòрово... Чортъ возьми!.. Здòрово.

Темнѣло... Публика на платформѣ начинала рѣдѣть. Офицеры понемногу поднимались и шли, кто въ садъ на музыку, кто въ собраніе, кто въ вокзальный буфетъ. Коровинъ по большей части слѣдовалъ за Иволгинымъ. Они ужинали въ саду подъ струнный оркестръ, мѣнялись замѣчаніями о Мордвиновой, у которой ревнивый мужъ, находили, что Демьянова тяжела на подъемъ, составляли планы поѣздокъ въ Петербургъ, Петергофъ и на скачки. Борисъ Сергѣевичъ разсказывалъ Коровину о предстоящихъ перемѣнахъ въ высшихъ сферахъ, о своемъ дядѣ, губернаторѣ Приволжской губерніи, снисходительно хвалилъ Вѣру и пилъ маленькими глотками красное вино...

Поздно возвращался Коровинъ домой... На улицахъ никого не было. Въ дачахъ всѣ спали... Не переставая, драли горло пѣтухи... Изъ темныхъ, не проснувшихся еще садовъ вѣяло ночной прохладой.

Коровинъ шелъ, думалъ о себѣ и былъ доволенъ этими думами. Ему представлялось, что онъ беретъ отъ жизни самое лучшее, самое красивое и заманчивое... Въ полку онъ всѣхъ дружнѣе съ Иволгинымъ, Демьянова проситъ его приходить почаще и согласилась бы, если бы онъ захотѣлъ, стать его женой. Его всѣ любятъ и всѣ имъ интересуются... Отъ гордаго, радостнаго сознанія, что жизнь дается ему безъ борьбы, ради какихъ-то его исключительныхъ достоинствъ, сладостно трепетало сердце... Онъ высоко поднималъ голову, и увѣренно и твердо звучалъ каждый шагъ.

И право на такую жизнь, какую ведетъ онъ, казалось неоспоримымъ прирожденнымъ правомъ, даннымъ ему природой, какъ дала она молодость и красоту... Мелькомъ думалъ онъ, что есть люди, отрицающіе это право, но они представлялись въ видѣ фантастическихъ косматыхъ студентовъ въ порыжѣлыхъ пальто, надъ которыми всѣ смѣются и у которыхъ несчастные родители... И мысль эта покрывалась тотчасъ же мечтами о красотѣ Демьяновой и свободнымъ радостнымъ чувствомъ, что онъ дышетъ полной грудью.

Коровинъ останавливался у входа въ свою квартиру и нѣкоторое время упивался влажнымъ упругимъ воздухомъ... Занималась заря... Пробѣгалъ словно спѣшившій куда-то холодный предразсвѣтный вѣтерокъ, которому такъ и хотѣлось разсказывать всѣмъ, что ему некогда, что онъ торопится... Тихо трепетали почувствовавшія солнце разлѣнившіяся отъ сна деревья. Одну и ту же ноту тянула въ кустахъ на сосѣднемъ лугу какая-то, очевидно, очень глупенькая птичка, про которую Коровинъ думалъ, что она въ родѣ его сестры Лидочки... Ему казалось, что надо еще что-то сдѣлать: такъ много было въ немъ жизненной силы. Не то передразнить эту глупую птичку, не то пойти на море, сѣсть въ первую попавшуюся на глаза лодку и долго разсѣкать водяную сталь прочно вставленными въ уключины тяжелыми веслами.

Дома онъ приказывалъ денщику, чтобы тотъ снялъ съ него сапоги. Заспанный и еще не пришедшій въ себя, солдатъ не сразу понималъ, что отъ него требуютъ...

— Да что ты, Богдановъ, ошалѣлъ, что-ли? Очнись, братецъ... Протри глаза.

Богдановъ съ остервенѣніемъ теръ глаза, становился на колѣни, съ трудомъ стаскивалъ первый сапогъ и чуть не падалъ. Второй давался легче, и скоро, не зная, что дѣлать дальше, онъ стоялъ съ широко разставленными руками.

— Э... дурень... Хочешь, чтобы въ роту отослалъ?.. Могу... Ну, чего глаза на меня пялишь?.. Маршъ на кухню... Налѣво кругомъ.

Бранился и кричалъ на денщика Коровинъ безъ всякаго злого чувства, даже, наоборотъ, съ оттѣнкомъ добродушнаго покровительства и тѣмъ особымъ удовольствіемъ, которое люди чувствуютъ, когда упрекаютъ и стыдятъ животное, не понимающее, что оно должно сдѣлать... Богдановъ былъ существомъ низшаго порядка, предназначеннымъ служить для проявленія чьей-нибудь власти—сегодня одной, завтра другой... Между нимъ и Коровинымъ была такая же разница, какъ между убогой деревней и большимъ городомъ... Въ этомъ Коровинъ былъ увѣренъ твердо, и онъ бы раз-

смѣялся прямо въ лицо тому человѣку, который пожертвовалъ бы для Богданова часомъ времени, сталъ бы читать ему книгу или поздоровался бы съ нимъ за руку. Нѣсколько поражало Коровина, да и то только въ первые мѣсяцы офицерства, что онъ безъ всякой нужды можетъ приказать хмурому взрослому крестьянину повернуть направо или налѣво, и тотъ обязательно долженъ повернуться. Потомъ такая очевидная нелѣпость стала казаться просто забавной, придуманной чуть-ли не для его, Коровинскаго, развлеченія.

Говорятъ, что не надо денщиковъ...

Сонный мозгъ лѣниво соображалъ, кто-бы такой могъ это сказать, и безсознательная вкрадчивая мысль шептала, что не онъ, Коровинъ, для жизни, а жизнь для него... Онъ дѣлалъ свое дѣло однимъ тѣмъ, что существовалъ, что былъ красивъ и веселъ... Всѣ должны были признать его превосходство, подчиниться этому безспорному обстоятельству, какъ онъ подчинялся, въ свою очередь, первенству Иволгина.

Вечернее небо было передъ глазами, тщедушный, словно отощавшій, бѣлый мѣсяцъ и маленькія блѣдныя звѣзды. Потомъ вставалъ темный дворцовый паркъ съ влажными кустами жимолости и сирени, съ сонными гладкими прудами и потрескавшимися отъ времени мраморными статуями. Его замѣнялъ вокзалъ, желѣзнодорожная насыпь и море. Близко придвигалось женское лицо съ подведенными глазами и полураскрытымъ ртомъ. Она говоритъ... да... она говоритъ:

Андрей! Ты такой красивый... Ты удивительно красивый... Тебѣ бы быть графомъ или княземъ...

Коровинъ улыбается во снѣ... Она сказала правду... Онъ сынъ купца, но и мысли, и интересы—все у него совершенно другое, все такое же изящное, какъ сѣрое офицерское пальто съ золотыми погонами, какъ новенькій блестящій мундиръ.

На лицо Коровина бьетъ снопъ утреннихъ радостныхъ лучей... Согрѣтая ими молодая кровь разноситъ по всему тѣлу ощущеніе бодрой свѣжей силы...

И опять снится насыпь желѣзной дороги, станціонная платформа, темный паркъ. Но теперь все залито яркимъ солнцемъ, и онъ идетъ куда-то въ короткомъ бѣломъ кителѣ, красиво мелькающемъ на фонѣ сочной зелени.

Рядомъ съ нимъ женщина. Только не та, у которой подведены глаза... Та бываетъ ночью, когда не смотритъ солнце и вокругъ нѣтъ людей... Съ нимъ теперь или Демьянова, или Мордвинова, точно онъ не знаетъ, да ему и все равно, которая изъ нихъ... Раскрытъ свѣтлый зонтикъ... Легкое платье кажется воздушнымъ, сотканнымъ изъ однихъ кру-

жевъ. Губы капризныя, тонкія... Каждая черта лица выточена...

Грудь Коровина дышитъ полно и ровно... Отчетливо вырисовывается профиль лица на слегка смятой подушкѣ... Изъ разстегнутаго ворота батистовой рубашки видна смуглая мускулистая шея.

Онъ просыпается.

— Богдановъ! Воды... Живо!..

И на его холеныя руки льется кристально-чистая холодная вода...

И ласкаетъ она свѣжее молодое лицо.

А передъ нимъ Богдановъ, темный, безтолковый.

— Здóрово.. Чортъ возьми!.. Здóрово...—думаетъ про себя Коровинъ, когда замѣчаетъ, что денщикъ его боится, что отъ страху онъ расплескиваетъ воду, и что сѣрое молящее выраженіе глядитъ изъ его глубоко запрятанныхъ, недовѣрчивыхъ глазъ.

III.

Коровинъ былъ возмущенъ, когда всюду въ Россіи началось броженіе, рѣзко стало проявляться озлобленіе противъ правительства и офицеровъ, и пошли разговоры о необходимости передать власть народному представительству... Ну, война неудачна, надежды на ея счастливое окончаніе нѣтъ, никто противъ этого не споритъ; такъ случилось—и больше толковать нечего. Обидно было вспоминать о безконечныхъ поѣздахъ съ красными товарными вагонами, о хриплóмъ крикѣ „ура“ и о загорѣлыхъ солдатскихъ лицахъ... Солдаты должны были побѣдить, а если не побѣдили, то при чемъ здѣсь онъ, подпоручикъ Коровинъ, поручикъ Иволгинъ, ихъ военная блестящая форма и веселая беззаботная жизнь... Армія разбита; нанесено жестокое непоправимое оскорбленіе, но это оскорбленіе касается только ихъ, офицеровъ, и никого больше... Пристаютъ и требуютъ отчета, обвиняютъ, хотятъ, чтобы они передѣлали свою жизнь, стали такими же, какъ студенты, и вмѣстѣ со студентами и рабочими начали выходить на улицу, махать красными флагами и орать во все горло, что нужно новое правительство и новое устройство общества... Коровину коробило всю душу, когда онъ начиналъ думать о Богдановѣ, который тоже можетъ захотѣть, который, будто бы, одинаковъ съ нимъ въ правѣ на счастье. Богданову ничего не надо, онъ молчитъ: за него думаютъ и говорятъ самозванно... „Жиды!“—презрительно усмѣхался Коровинъ, увѣренный въ

томъ, что Богданову, въ самомъ дѣлѣ, ничего не надо, и что всѣ тѣ, о комъ говорятъ, какъ о народѣ, похожи на этого Богданова и иными не могутъ быть; потомъ онъ мысленно начиналъ искать, кому же, въ концѣ концовъ, желательно новое устройство общества, останавливался на родныхъ и знакомыхъ: на матери, на Демьяновой и Мордвиновой, на Иволгинѣ и богатыхъ купцахъ, и опять выходило, что никому изъ нихъ ничего не надо. Получался заколдованный кругъ, изъ котораго невозможно было выбраться иначе, какъ начавъ съ самого себя, осудивъ свою собственную жизнь и взявъ это осужденіе за исходную точку... „Жиды!“ — еще увѣреннѣе говорилъ себѣ Коровинъ и пожималъ прямыми широкими плечами. Къ фантастическимъ студентамъ прибавлялись новыя фантастическія существа, и все становилось понятнымъ и простымъ; и, несмотря на то, что онъ никогда не встрѣчалъ этихъ „жидовъ“ и поэтому не могъ представить, какъ они живутъ и что заставляетъ ихъ быть другими, чѣмъ его родные и знакомые, дальнѣйшая работа мысли въ этомъ направленіи прекращалась.

Снова слышался крикъ „ура“, мелькали сѣро-зеленыя рубашки, неслась отчаянная, не имѣвшая смысла пѣсня... Ихъ отправляли туда много, отправляли каждый день, и была какая то роковая загадка въ томъ, что изъ ихъ отправленія ничего не вышло... Коровинъ не могъ отдать себѣ отчетъ, какъ это произошло. У него не было навыка думать послѣдовательно, а являлись отдѣльныя разрозненныя представленія... Изъ этихъ представленій онъ улавливалъ то, что казалось ему существеннымъ и важнымъ... Тѣ, кого везли, отказались побѣждать... Правда, они этого отказа не высказали, шли, стрѣляли, убивали, умирали, видимо, слушались; но каждый ихъ поступокъ, какъ будто, сопровождался тайнымъ намѣреніемъ доказать, что безъ участія ихъ воли ничего нельзя сдѣлать, а для ея участія надо имъ наобѣщать все то, что обѣщаютъ „жиды“, т. е. какъ разъ новое устройство общества, съ которымъ несовмѣстимо его, Коровинское, существованіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно сейчасъ проявлялось. И ему хотѣлось переупрямить кого-то назойливаго и безтолковаго, посылать солдатъ въ Манджурію безъ конца, не заключать мира, несмотря ни на какія пораженія, и посмотрѣть, что тогда они станутъ дѣлать, что тогда заговорятъ.. Какъ будто начинался споръ съ неизвѣстнымъ противникомъ и приходилось напрягать всѣ силы, чтобы доконать его... Онъ, Коровинъ, можетъ жить, какъ живетъ,— можетъ, потому что ему улыбается молоденькая Демьянова, потому что сестры зовутъ его Андрюшей, и Богдановъ, какъ бы его ни подговаривали, никогда не осмѣлится не испол-

нить приказанія снимать сапоги... Кому какое дѣло до всего этого? Кому, спрашивается, когда онъ не входитъ въ то, какъ живутъ всѣ эти разсуждающіе? Или они хотятъ вывести его изъ терпѣнія, чтобы онъ заговорилъ съ ними единственно понятнымъ для нихъ языкомъ?

Коровинъ представлялъ, что произойдетъ, когда онъ заговоритъ... Ему рисовался взводъ солдатъ, ружья, направленныя въ толпу, и приказъ, отданный отрывистымъ голосомъ.

Однако, острая обида не дѣлалась отъ этой картины ни легче, ни меньше. Онъ пересталъ быть для кого-то хорошимъ и любимымъ, отъ него отворачивались, несмотря на то, что онъ по прежнему красивъ и молодъ. И до боли хотѣлось высказаться, объяснить, что виноватъ не онъ, что въ немъ ничего не измѣнилось, что онъ прежній Андрей... Боль отъ безпомощности впервые заработавшей мысли постепенно переходила въ озлобленное негодованіе. Онъ начиналъ злиться, весь охватывался упрямымъ рѣшеніемъ, что если его ненавидятъ, то и онъ будетъ ненавидѣть... А думы замѣнялись бранными словами.

Какъ-то за обѣдомъ у матери Коровинъ поругался со своимъ двоюроднымъ братомъ, университетскимъ студентомъ, когда тотъ началъ разсуждать о плохомъ офицерскомъ составѣ русской арміи. Студентъ уступилъ не сразу, онъ попробовалъ говорить съ Андреемъ спокойно, убѣждалъ его не горячиться и увѣрялъ, что, не имѣя ничего противъ Андрюши лично, рѣшаетъ только математическую задачу,— по какимъ причинамъ проиграна настоящая война. Коровинъ послалъ всѣ задачи къ чорту, шумно отодвинулъ тарелку и ушелъ изъ столовой. Лидія испуганно опустила глаза и покраснѣла. Вѣра посмотрѣла на студента пристальнымъ укоряющимъ взглядомъ, а Елена Ильинишна, крикнувъ племяннику: „Ты-то, Сергѣй, больно хорошъ!..“ пошла слѣдомъ за сыномъ. Лидія услышала, какъ Андрей сказалъ матери, чтобы она оставила его въ покоѣ; она испугалась еще больше и низко склонилась надъ мороженымъ. Обѣдъ кончили въ полномъ молчаніи.

Коровинъ взволнованно ходилъ по своей комнатѣ, и ему начинало казаться, что всѣ противъ него, что остается одно: дать Сережкѣ пощечину, уйти отъ матери и никогда не приходить... Она позволяетъ, чтобы въ ея домѣ оскорбляли сына офицера... Какъ это началось сразу со всѣхъ концовъ,— и на улицѣ, и въ конкѣ и въ желѣзнодорожномъ вагонѣ... Правда, въ началѣ войны онъ самъ слегка посмѣивался, поругивалъ кой-кого, но теперь, когда разговоры переходятъ всѣ границы, когда на улицѣ вслѣдъ ему стали ру-

скать ругательства, и вездѣ, куда бы онъ ни показался, разговоръ, точно по какому-то уговору, переходитъ на военныя неудачи и на нихъ, военныхъ, и въ каждой фразѣ чувствуется зло, направленное противъ него лично, какъ противъ офицера, — онъ не можетъ больше сдерживаться, онъ имѣетъ право крикнуть всѣмъ этимъ, чтобы они замолчали. И въ его ушахъ уже звучалъ этотъ крикъ: „замолчать!..“

Пришла Вѣра, положила ему руки на плечи и долго ласкала его внимательными и сочувственными глазами. Она одна поняла, что вывело Андрея изъ себя, и ей хотѣлось пожать руку брату, чтобы показать, что она во всемъ съ нимъ согласна. — Коровину было тяжело это единственное участіе, онъ отстранилъ сестру и продолжалъ ходить.

Смѣютъ лѣзть въ ту красивую жизнь, которою живетъ онъ, Иволгинъ и еще немногіе. Смѣютъ учить, какъ учитъ этотъ безусый Сережка, который годъ тому назадъ считалъ для себя большимъ счастьемъ, если Андрей бралъ его на велосипедную прогулку.

Но, вмѣстѣ съ сознаніемъ своего исключительнаго положенія, являлась смутная боязнь, что отъ ихъ офицерской жизни могутъ отвернуться,—отвернется, можетъ быть, даже Демьянова, и удержать ее не въ его власти—что онъ станетъ вдругъ презираемымъ, котораго будутъ чуждаться, и что это отчужденіе готовится, назрѣваетъ, что оно близко, на улицѣ, и скоро, пожалуй, придетъ въ домъ матери.

Андрей не открылъ Вѣрѣ, что происходило у него на душѣ. Онъ привыкъ дѣлиться съ нею только своими радостями и успѣхами, и у него не являлось ни одного слова для передачи овладѣвшаго имъ настроенія.

— Пойдемъ туда... къ нимъ...

Голосъ Андрея дрогнулъ... Вѣра посмотрѣла на него вопросительно... Выраженіе ея глазъ было такое, будто она не хотѣла вѣрить, что онъ уступаетъ... Чувство благодарности охватило Коровина... Онъ пренебрежительно замѣтилъ, что Сергѣй мальчишка, и что не стоитъ обращать на него вниманіе. Пожалуй, начнетъ много о себѣ думать.

Въ гостиной пѣлъ граммофонъ... Елена Ильинишна, въ промежуткахъ между оперными аріями, громко,—нарочно, чтобы слышалъ Андрей,—пробирала Сережу и все время повторяла, что студентамъ прежде, чѣмъ осуждать офицеровъ, слѣдуетъ посмотрѣть на самихъ себя: никто изъ нихъ не учится и отъ бездѣлья устраиваютъ безпорядки.

— Поучись, какъ человѣкъ, кончи и тогда толкуй, что угодно.

„Не то, не то“... порывался крикнуть Андрей... Сергѣй обидчиво заявилъ, что назадъ онъ своихъ словъ не воз-

метъ, хотя бы объ этомъ его просили всѣ родственники, и началъ торопливо прощаться. Андрей вышелъ въ гостиную.

— Помиритесь вы... Родные вѣдь...—всполошилась Елена Ильинишна.

Лидія начала тормошить Андрея и потащила его къ Сережѣ. Сережу подталкивалъ сзади гимназистъ Перепелкинъ. Оба противника покраснѣли. На нихъ смотрѣло много глазъ, и всѣ глаза говорили, что случившееся—пустяки. Одна Вѣра стояла въ отдаленіи, не раздѣляя общаго мнѣнія о пустячности ссоры, и готова была вслухъ просить Андрея, чтобы онъ отказался отъ примиренія.

— Будь въ другой разъ осторожнѣе! — отчетливо выговорилъ Андрей.

— А ты не злись, когда самъ не правъ.

Лидія захлопала въ ладоши, поцѣловала того и другого и стала увѣрять, что любитъ офицеровъ и студентовъ безъ всякаго различія.

— Студенты умнѣе, а офицеры красивѣе,—тихо объяснила она Перепелкину.

Коровинъ успокоился, но затаенная мысль шептала, что это только начало, что онъ теперь во всякомъ обществѣ долженъ быть насторожѣ, и что дома, за исключеніемъ Вѣры никто ясно не понялъ, отчего онъ разсердился, и что онъ имѣлъ право разсердиться.

Елена Ильинишна любовалась водвореннымъ миромъ, хвалила Андрея и Сережу, что они всегда жили въ дружбѣ, и убѣждала ихъ пойти вмѣстѣ на именины къ какому-то бѣдному дядѣ.

Вѣра дулась, не разговаривала съ Сережей и пришла въ себя только послѣ прихода Иволгина... Борисъ Сергѣевичъ принесъ ей коробку конфектъ, находился все время по близости, звенѣлъ шпорами и мелкомъ критиковалъ Мордвинову, какъ заурядную женщину.

— Выдумали, что она красива... Я никогда не говорилъ такой глупости.. Увѣряю васъ... Посудите сами: вдругъ я могу сказать, что Мордвинова хороша собой!

Полчаса онъ пожертвовалъ для Елены Ильинишны, которой подробно разсказалъ, какъ живетъ командиръ полка, въ какую цѣну снимаетъ дачу и сколько у него дѣтей. Елена Ильинишна благодушно улыбалась, часто повторяла: „скажите, пожалуйста!..“ и очень удивилась, что жена командира любитъ варить варенье.

Лидія во время разсказовъ Иволгина подкралась къ размечтавшейся въ своей комнатѣ Вѣрѣ, обхватила ее за шею руками и принялась цѣловать.

— Поздравляю... Я и не знала, что ты такая скрытница. Или по пословицѣ: въ тихомъ омутѣ...

Вѣра холодно разняла ея руки и поднялась.

— Оставила бы ты эти манеры.

Ее оскорбляла дѣтская шаловливость, врывавшаяся веселой и непрошенной волной въ мечты о недоступной для другихъ жизни, которая для нея открывалась во всей широтѣ... Она готовилась священнодѣйствовать въ каждомъ своемъ будущемъ поступкѣ и не хотѣла дѣлиться этимъ священнодѣйствіемъ ни съ матерью, ни съ сестрой...

Въ корридорѣ зазвенѣли шпоры.

— Уйди,—строго шепнула она Лидіи.

— Ага.. вотъ вы куда. Вѣра Андреевна, спрятались... Мило съ вашей стороны... Вы позволите?..

Вошелъ Иволгинъ и, съ разрѣшенія Вѣры, сѣлъ на диванъ... Слѣдомъ за нимъ появился Андрей... У нихъ троихъ составился тѣсный кружокъ, имъ никто не мѣшалъ, и каждый изъ нихъ чувствовалъ себя спокойно и уютно. Вѣра притворила двери, помѣстилась въ низенькомъ креслѣ напротивъ офицеровъ и откинула свою гордую головку на поданную Иволгинымъ подушку. Кружевной воротникъ чернаго шерстяного платья, на которомъ украшеніемъ была только маленькая золотая брошка въ видѣ стрѣлки, сдавливалъ ей горло и словно бы мѣшалъ дышать. Воздухъ съ едва уловимымъ свистомъ проходилъ черезъ тонкія прозрачныя ноздри, и онѣ слегка вздрагивали.

— Вы устали?—спросилъ Иволгинъ.—Можетъ быть, намъ уйти?

— Нѣтъ, мнѣ хорошо. Сидите...

Она хотѣла ихъ слушать, хотѣла, чтобы они говорили о томъ, о чемъ ей всегда думалось, что никто не посмѣетъ нарушить ихъ сегодняшнюю жизнь, что эта жизнь будетъ продолжаться до самой ихъ смерти и даже послѣ смерти... И она искала въ голубыхъ глазахъ Иволгина и въ позахъ, принятыхъ имъ и Андреемъ, увѣренности, что на самомъ дѣлѣ все будетъ происходить по ея желанію... Они оба, Андрей и Борисъ Сергѣевичъ, должны встать на защиту высокихъ залъ съ бѣлыми лѣпными потолками, плавной мечтательной музыки и тѣхъ словъ, которыя могутъ говориться ими одними и никѣмъ инымъ... Дыханіе ея дѣлалось глубже, глаза уходили далеко къ молчаливымъ серебрянымъ лебедямъ и принимали проникновенное выраженіе... Иволгинъ, внимательно слѣдившій за Вѣрой, думалъ, что она размечталась о немъ, прихорашивался и задумчиво крутилъ усы.

Потомъ повернулся къ Андрею и отрывисто заговорилъ,

что у него есть идея образовать кружокъ офицеровъ изъ разныхъ полковъ для поддержанія лучшихъ традицій русской арміи и для огражденія каждаго члена кружка отъ посягательства со стороны толпы на его честь...

Онъ взволнованно вставалъ, опять садился и коротко бросалъ:

— Мы горячимся только на словахъ... Такъ нельзя... Увѣряю тебя, что нельзя...

Андрею казалось необычайно умнымъ то, что говорилъ Иволгинъ, и онъ поспѣшно соглашался съ каждой его фразой. Вмѣсто того одинокаго приказа, отданнаго взводу солдатъ, который представлялся единственно возможнымъ выходомъ изъ созданнаго положенія, являлось стройное, согласованное дѣйствіе многихъ офицеровъ... Не стало одиночества, и просыпалась прежняя гордая увѣренность.

За ужиномъ было весело, какъ и всегда... Андрей шутилъ, смѣялся и былъ оживленъ, точно съ нимъ произошла какая-то внезапная перемѣна. Елена Ильинишна счастливо глядѣла на разошедшагося сына... Андрей налилъ себѣ и Иволгину по бокалу вина и предложилъ выпить за будущій офицерскій кружокъ... Вѣра протянула рюмку и чокнулась съ ними.

— И я хочу...—потянулась, было, и Лидія.

Но Вѣра остановила ее:

— Ты ничего не понимаешь.

Иволгинъ, съ медленными прочувствованными паузами, разсказывалъ, какъ его дядя, губернаторъ, „великолѣпно" усмирялъ крестьянъ.. Елена Ильинишна пріятно улыбалась, кивала головой послѣ каждой фразы и иногда всплескивала руками, приходя въ ужасъ отъ этихъ крестьянъ, которые бросали въ казаковъ камнями, жгли усадьбы, ходили съ дрекольемъ и вилами и каждый разъ теряли убитыми по пять или шесть человѣкъ.

Лидія прислонилась къ Андрею, слѣдила за Борисомъ Сергѣевичемъ большими удивленными глазами и тихо шептала брату:

— Какой скверный его дядя...

— Молчи... Ты ничего не понимаешь... — успокоилъ ее Андрей, сдѣлалъ внимательное лицо и отодвинулся.

Лидія загнула скатерть, помуслила палецъ и, водя имъ по столу, писала крупными буквами:

„Губернаторъ Запольскій очень противный и жестокій человѣкъ".

IV.

Иволгинъ не торопился съ устройствомъ офицерскаго кружка и, когда Андрей напоминалъ ему, что недурно бы начать приводить эту мысль въ исполненіе, откровенно признавался:

— Не умѣю возиться... Потомъ, знаешь,—засѣданія, собранія... скучно все это.

Жизнь текла по прежнему, и снова не было выхода... Коровинъ шелъ по улицѣ; враждебно смотрѣли на него дома, и каждый прохожій, съ которымъ Андрей мѣнялся взглядомъ, торопился принимать таинственный видъ, будто вотъ-вотъ скажетъ что-нибудь очень оскорбительное... Насмѣшка и оскорбленіе чувствовались въ шелестѣ газетнаго листа, въ томъ, что стоящій у подъѣзда извозчикъ разговариваетъ со швейцаромъ о Куропаткинѣ, и что никто не запрещаетъ имъ вести этотъ разговоръ. Казалось, что и Куропаткинъ придуманъ нарочно только для того, чтобы побольнѣе задѣть его, Коровина. На лицѣ появлялась холодная усмѣшка, онъ начиналъ рисоваться своимъ пренебрежительнымъ равнодушіемъ, но на самомъ дѣлѣ слухъ настораживался, и глаза невольно слѣдили за мелькавшимъ впереди студентомъ, за пачками газетъ у газетчика и за раненымъ солдатомъ, выставлявшимъ на показъ свое убожество.

Тупое раздраженіе постепенно овладѣвало Коровинымъ, шагъ дѣлался быстрѣе, и иногда онъ безотчетно ощупывалъ револьверъ, стараясь припомнить, заряженъ онъ или нѣтъ... Было какое-то жуткое болѣзненное ожиданіе, что за угломъ въ нѣсколькихъ шагахъ улицы или за слѣдующимъ на него набросится неизвѣстный человѣкъ съ палкой, начнетъ бить куда попало и будетъ произносить при каждомъ ударѣ самыя бранныя слова... Кругомъ соберется любопытная толпа; никто не заступится за него; наоборотъ, всѣ будутъ довольны, что видѣли какъ бьютъ офицера, сами станутъ дразнить его, какъ затравленную собаку, и потомъ вездѣ разскажутъ о неизвѣстномъ человѣкѣ съ палкой и о молодомъ побитомъ подпоручикѣ.

Чувствовать себя затравленнымъ было оскорбительно и тяжело, и хотѣлось передать это чувство тѣмъ, кто его вырастилъ, сдѣлалъ такимъ и еще продолжалъ любить... Коровинъ поднимался въ подъѣздъ, гдѣ жила мать, рѣзко звонилъ, торопливо сбрасывалъ шинель на руки прислугѣ и взволнованнымъ, раздраженнымъ голосомъ спрашивалъ, — у себя мамаша или въ другой комнатѣ.

— Маменька, какъ вамъ нравится, а? Сегодня ѣду съ вокзала на извозчикѣ, а какой-то парень изъ простонародья въ догонку мнѣ: „Божьи люди, смотрите: манджурская кавалерія на клячѣ ѣдетъ...“ Лавочники схватились за животы, хохочутъ. Извозчикъ повернулся ко мнѣ, улыбается... Тоже доволенъ... Что вы на это скажете?

Мать смотрѣла, какъ ея любимый сынокъ, полный негодованія, стоялъ передъ ней, точно требуя отчета, котораго дать она не могла. Въ глазахъ ея появлялось испуганное выраженіе; чтобы успокоить Андрюшу, она говорила:

— Вѣрно, хулиганъ какой-нибудь... Вонъ меня на улицѣ болванъ одинъ вчера со всей силы толкнулъ... Винищемъ разило—страсть!

— Хулиганъ—вы думаете?

Андрей взволнованно заходилъ... Онъ сердился на мать, что она даетъ этимъ случаямъ такое простое объясненіе и успокаиваетъ тѣмъ, что ее тоже толкнули... Ее толкнули случайно, а его задѣли нарочно... Какъ не понять этого?.. Не было яснаго отчета, что надо сдѣлать, но казалось, что мать, сестры и всѣ тѣ, среди кого онъ вращался, должны были вступиться за него, не разводить безпомощно руками, а очистить улицы отъ враждебнаго ему народа, уничтожить газетные листы, искоренить воспоминанія о неудачной войнѣ и прекратить знакомства со студентами.

— Конечно, если разсуждать по вашему, всѣ хулиганами стали. Куда ни пойдешь—вездѣ хулиганы... Скажете тоже!.. Жить невозможно становится. А вы всѣ ихъ слушаете, уши развѣсили, довольны... Неправду я говорю... что ли? Нечего мотать головой... Сами знаете, о чемъ... Зачѣмъ къ себѣ зовете Сергѣя? Племянникъ онъ вашъ, такъ плевать, что племянникъ... Ну, скажите, зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы онъ оскорблялъ меня... Вамъ пріятно это?

— Андрюша, Господь съ тобой... Сболтнулъ онъ сдуру... Ты же помирился съ нимъ тогда при всѣхъ. Говорятъ только такъ, для разговору. Противъ тебя, кажется, никто ничего не имѣетъ.

— Вамъ всегда кажется...

Коровинъ рѣзко бросалъ послѣднюю фразу и уходилъ къ себѣ въ комнату, откуда долгое время на всю квартиру раздавались быстрые взволнованные шаги, въ отчетливомъ темпѣ которыхъ улавливались горячіе укоры и нескрываемое раздраженіе противъ матери.

Елена Ильинишна прислушивалась къ нимъ, съ безпокойствомъ смотрѣла на плотно прикрытую дверь и въ раздумьи шептала:

— Ума не приложу, что такое съ нимъ... Разсказалъ бы хоть толкомъ.

Въ семьѣ Коровиныхъ послѣ нѣсколькихъ такихъ объясненій сына съ матерью старательно стали избѣгать разговоровъ о войнѣ, точно ея не существовало вовсе, а когда приходили гости, то Елена Ильинишна и ближайшіе родственники употребляли всякія уловки, чтобы перевести общую бесѣду на какой-нибудь другой предметъ. Старушка Коровина чаще всего притворялась, что не слышитъ, если ей разсказывали о войнѣ и о военныхъ, перебивала, задавала посторонніе вопросы и слѣдила: не замѣчаетъ ли Андрей ея материнской хитрости? А онъ всегда замѣчалъ, замѣчалъ даже тогда, когда замалчиванье войны происходило само собой, безъ участія родственныхъ заботъ. Одна Вѣра держалась въ сторонѣ и гордо уединяла себя отъ шитой бѣлыми нитками семейной политики. Ей просто самой для себя не хотѣлось слушать добродушныхъ и насмѣшливыхъ разсужденій о правительствѣ и арміи, незамѣтно подтачивавшихъ красоту ея любимой жизни, какъ подтачиваетъ ржавчина блестящія полосы желѣза. Она хмурилась, выразительно молчала и за чѣмъ-нибудь отзывала Андрея, думая, что ему такъ же, какъ и ей, противно сидѣть среди этихъ разговоровъ, намековъ и нелозкихъ, неумѣлыхъ пріемовъ Елены Ильинишны. Андрей злился на мать, злился даже на Вѣру, что она своимъ поведеніемъ какъ бы подчеркиваетъ сущность того, что происходитъ... Лучше, если бы она ничего не замѣчала... И онъ выходилъ изъ себя... Какъ это не могутъ понять, что ему надо совсѣмъ не то, что онъ вовсе не желаетъ ни замалчиванья, ни Вѣриной брезгливости. Наоборотъ, онъ хочетъ, чтобы всѣ говорили и говорили много, но онъ не можетъ выносить торжествующее или соболѣзнующее выраженіе окружающихъ лицъ, тѣ мысли, которыя, какъ ни скрывай, сидятъ у каждаго въ головѣ и напоминаютъ объ его, Андреевой, винѣ въ томъ, что армія терпѣла пораженіе за пораженіемъ, что у власти ненавистное для всѣхъ правительство, что скоро придется везти назадъ солдатъ въ красныхъ вагонахъ, и они не будутъ больше кричать „ура“ и махать фуражками. Въ концѣ концовъ онъ готовъ выслушать даже и это, но съ тѣмъ, чтобы съ нимъ согласились, что во всемъ виноваты... „жиды, жиды, жиды“. Откуда выплывало опять, что „жидамъ“ понадобилось повредить ему, Андрею, — услѣдить было почти невозможно... Въ разгоряченной головѣ это слово выплывало неожиданно, давало отвѣты на всѣ вопросы, цѣликомъ заполняло пустоту. Пусть ихъ не было на войнѣ, на рабо-

тихъ безпорядкахъ, на пожарахъ усадьбъ: они хитрые, они подкупили солдатъ, крестьянъ, уличную толпу.

— Господа! Какого вы мнѣнія о настоящемъ положеніи Россіи? Мнѣ это очень любопытно...—громко и выразительно, окидывая всѣхъ загорѣвшимися глазами, спрашивалъ Андрей и, въ ожиданіи отвѣта, откидывался на прямую спинку высокаго стула.

Вѣра блѣднѣла... Онъ не долженъ былъ вовсе интересоваться, что думаютъ кругомъ.. Онъ самъ заводитъ съ ними разговоры. Къ чему?... И она дѣлала видъ, что ничего не слушаетъ, что ея нѣтъ въ комнатѣ... Лидія опускала глаза. А Елена Ильинишна встревоженно оглядывала тѣхъ изъ гостей, которые, по ея мнѣнію, могутъ принять вызовъ Андрея, и упрашивала безпокойными глазами каждаго изъ нихъ не дѣлать этого... ну хотя бы изъ уваженія къ ней... Нѣсколько минутъ длилось напряженное молчаніе... Лидіи казалось, что всѣ слышатъ, какъ бьется ея сердце... Она открывала и закрывала ротъ.

— Ну, что-жъ, какое положеніе... Побѣдили насъ—и все тутъ... Мы спѣсью просты были, а врагъ хитеръ оказался... Это Божья воля.

Такимъ оборотомъ Елена Ильинишна хотѣла дать безопасное направленіе спору, если онъ вслѣдствіе чьей нибудь неосторожности, несмотря на ея молчаливыя упрашиванья, все-таки возникнетъ, какъ это бывало уже не одинъ разъ. Дѣйствительно, учитель Лидіи, недавно окончившій университетъ Игнашкинъ поддавался искушенію „обтесать тупоумное воинство“, какъ называлъ онъ свои атаки на Андрея: онъ принималъ изысканно вѣжливый тонъ и прицѣплялся къ словамъ старушки Коровиной, будто бы отвѣчалъ ей, а не Андрею.

— Позвольте мнѣ, Елена Ильинишна, не согласиться съ вами... Ваше разсужденіе - это разсужденіе доброй женщины, которая заранѣе условилась со своимъ сердцемъ не искать виновныхъ.. Но съ однимъ прощеніемъ да съ Божьей волей далеко не уѣдешь. Въ этомъ году насъ побили японцы, а лѣтъ черезъ десятокъ турки заведутъ у себя конституцію и тоже побьютъ... Мой взглядъ такой, — при этихъ словахъ Игнашкинъ веселыми прищуренными глазами посмотрѣлъ на Андрея, желая, чтобы къ дальнѣйшему тотъ отнесся съ возможно большимъ вниманіемъ: —все государство и въ томъ числѣ армію, намъ, русскимъ гражданамъ, необходимо переустроить на болѣе раціональныхъ основахъ. Пора, знаете ли, изъ рядового вырабатывать нѣчто большее, чѣмъ „слушаю-съ, ваше благородіе“, а ихъ благородіямъ не мѣшаетъ знать, кромѣ картъ, женщинъ и вина, что родина ждетъ отъ

нихъ творческаго труда и за этотъ трудъ, а не за мужскія достоинства, каждое двадцатое число платитъ наличными.

Вѣра блѣднѣла еще больше, презирала Игнашкина за то, что онъ ея любимую жизнь охарактеризовалъ, какъ мужскія достоинства, и, чтобы не услышать чего-нибудь худшаго, звала подругу Петрову посмотрѣть на новыя покупки, сдѣланныя утромъ въ Гостинномъ дворѣ... Лидія оставалась, но сидѣла съ низко опущенной головой и оправляла рукавчики форменнаго коричневаго платья. Она любила своего учителя, любила его иронію, но отчего-то ей становилось страшно и хотѣлось просить, чтобы Алексѣй Николаевичъ былъ поступчивѣе... Андрей съ торжествующимъ видомъ глядѣлъ на мать и, словно бы, говорилъ ей: „Слышишь... каково?.. Какъ тебѣ нравится“.

Потомъ онъ началъ спорить съ Игнашкинымъ, пробовалъ передать все, что передумалъ послѣднее время, безсвязно упоминалъ о солдатахъ, которые не хотѣли побѣждать и открыто требовали, чтобы ихъ отправили домой, о „жидахъ“, подкупившихъ рабочихъ, но самъ чувствовалъ, что говоритъ не то, что путается, и что Игнашкинъ въ душѣ смѣется надъ каждымъ его словомъ... Алексѣй Николаевичъ давалъ ему высказываться, самъ помогалъ договаривать ся до конца, а когда Андрей договорился, то выходило какъ-то само собой, что онъ сказалъ явную нелѣпость... Игнашкинъ велъ его безпомощнаго, какъ ребенка, куда хотѣлъ, забавлялся съ нимъ, и всѣ кругомъ понимали, что Андрею не по силамъ этотъ споръ, что онъ горячится зря... Кровь приливала къ головѣ, нервно дрожалъ голосъ и злобой блестѣли глаза. „Я не кончилъ университета...“—готовъ былъ крикнуть Андрей .. „Вы только потому правы, что образованнѣе меня“... Но онъ не кричалъ этого, понимая, что, признавъ противника образованнѣе себя, онъ долженъ былъ признать и многое другое... Хотя опять-таки крадущаяся мысль шептала, что всѣ видятъ, что даже Лидія понимаетъ, кто изъ нихъ умнѣе и справедливѣе. Точно была разостлана какая-то невидимая сѣть, въ которой запутали его съ ногъ до головы, и вездѣ, куда онъ ни повертывался, его встрѣчали петли и узлы. Но сказать, что онъ накрытъ сѣтью, что ему не выйти изъ нея, было стыдно, и онъ становился все раздраженнѣе.

— Такъ по вашему... — въ изступленіи перебилъ онъ Игнашкина,—армія вовсе не нужна?

Въ этотъ вопросъ онъ старался вложить всѣ свои тревоги, всѣ свои опасенія. Была какая-то смутная надежда, что, обвиняя ихъ во многомъ, отрицать жизнь ихъ всю цѣликомъ всетаки не посмѣютъ.

— Такая, какъ теперь, конечно, не нужна... — спокойно отвѣтилъ Игнашкинъ, и свѣжее розовое лицо его съ острой свѣтлой бородкой весело засмѣялось.—Вѣдь это, помилуйте, какъ бы вамъ сказать помягче... Верхи за васъ, вы за верхи, и тѣ и другіе на шею народу... Рука руку моетъ... Вотъ что.

Андрей шумно всталъ.

— Вы меня оскорбляете... И, если бы это было не въ квартирѣ моей матери, я бы показалъ вамъ, чѣмъ отвѣчаютъ на подобныя оскорбленія...

Отъ рѣзкаго движенія упалъ стулъ, и Коровинъ его не поднялъ. Перепуганная и не знающая, что дѣлать, старушка Коровина металась туда и сюда, шептала Игнашкину, который тоже готовъ былъ разсердиться: „Ради Бога, оставьте этотъ разговоръ... Не придавайте ему значенія... Прошу васъ, для меня... Онъ не въ своемъ умѣ"... Говорила вслухъ: „Поспорили, какъ пѣтухи, погорячились и будетъ..." Подходила къ Андрею и просила: „Сдержись, Андрюша... Чего тебѣ стоитъ?"

Андрей тяжело дышалъ, пошелъ было въ переднюю, накинулъ на плечи пальто, но раздумалъ... Весь этотъ вечеръ онъ ходилъ дома, какъ посторонній, и ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова, избѣгая даже Вѣры, которая пыталась спросить что-то объ Иволгинѣ... Ему казалось, что вотъ и у своихъ онъ сталъ чужимъ человѣкомъ, посмѣшищемъ для всѣхъ знакомыхъ матери... Не хотѣлось уже ни кричать, ни браниться, а махнуть на все рукой и предаться грустной горечи. Но въ мозгу завертѣлось, что онъ офицеръ... И отъ этого воспоминанія по всему организму пробѣжало что-то въ родѣ электрическаго тока. Снова все было въ прежнемъ свѣтѣ, снова росла обида, надо было не уступать ни на шагъ, не позволять того, что всѣ признаютъ справедливымъ, на оскорбленіе отвѣчать еще большимъ оскорбленіемъ... И вмѣстѣ съ тѣмъ поднималась жуткая боль, что онъ не можетъ быть простымъ человѣкомъ, какъ его сестра Лидія, которой ни до чего нѣтъ дѣла... И у него мелькало желаніе на зло кому-то вызвать Игнашкина на дуэль, застрѣлиться самому или скрыться куда-нибудь въ далекій городъ, гдѣ его никто не знаетъ, жить тамъ въ одиночествѣ и написать большую записку о своей жизни, которая покажетъ всѣмъ, что у него человѣческая душа.

Возвращаясь въ городокъ, гдѣ стоялъ полкъ, Коровинъ любилъ заходить къ Иволгину и разсказывать, о чемъ стали разсуждать всѣ эти студенты, учителя и мужики... У Иволгина ему было хорошо... Онъ заранѣе зналъ, что кромѣ сочувствія ничего не встрѣтитъ, и, не стѣсняясь, выкладывалъ накопившуюся въ душѣ горечь...

— Мерзавцы!..—презрительно бросалъ Иволгинъ и началъ, крутя усы, взволнованно ходить взадъ и впередъ.

— Мерзавцы!..—соглашался Коровинъ и тоже отъ волненія не могъ усидѣть на мѣстѣ.

Оскорбленный видъ Иволгина и сочно брошенное имъ ругательство подогрѣвали Коровина еще больше, чѣмъ разговоры дома... Онъ продолжалъ возмущаться и все разсказывалъ, разсказывалъ безъ конца.

Иволгинъ слушалъ внимательно и серьезно и все время свирѣпо ходилъ. Къ концу разговора доставалась бутылка краснаго вина. И у Иволгина дрожали руки, когда онъ разливалъ темную маслянистую жидкость въ маленькіе хрустальные стаканчики.

— Твое здоровье...—мрачно говорилъ онъ Коровину.

Коровинъ, молча, чокался, и въ душѣ его росло горькое сочувствіе къ задѣтому его разсказами блестящему эдъютанту, предполаемому жениху Вѣры.

А тотъ ходилъ и точно раздумывалъ, чтобы такое сказать или сдѣлать.

— Такъ этого оставить нельзя... Мы должны показать всѣмъ этимъ господамъ ихъ настоящее мѣсто... Дѣло касается, чортъ возьми, теперь каждаго изъ насъ. Твое здоровье, Андрей...

Вечеръ опускался и смотрѣлъ въ окна квартиры, гдѣ жилъ Иволгинъ. Коровинъ разсматривалъ принадлежности туалета своего товарища: дорогіе французскіе духи какую-то особенную пасту для чистки зубовъ, коробки съ галстухами и перчатками... Ему становилось грустно... Мелькало какое-то дѣтское сожалѣніе къ тонкимъ нѣжнымъ духамъ и къ новенькимъ бѣлымъ перчаткамъ, точно разсматривалъ ихъ и смѣялся надъ ними Игнашкинъ, точно чьи-то грубыя, грязныя руки трогали каждую вещь, ощупывали ее со всѣхъ сторонъ и собирались выкинуть за окно.

На столѣ онъ отыскалъ душистую розовую записку, въ которой Мордвинова упрекала Бориса Сергѣевича, что онъ ее забылъ, просила пазѣстить ее въ Петергофѣ, угрожая въ противномъ случаѣ навсегда разсердиться. Слово „навсегда“ было подчеркнуто двумя толстыми прямыми линіями.

— Это кончено... Крестъ поставленъ...—объяснилъ Иволгинъ.

Становилось еще грустнѣе... Коровинъ не могъ объяснить почему, но ему было жаль Мордвинову. Конечно, если Борисъ Сергѣевичъ окончательно рѣшилъ жениться на Вѣрѣ, то продолжать ухаживать за Мордвиновой какъ-то неудобно. Неудобно, и всетаки хотѣлось, чтобы онъ по прежнему встрѣчался съ ней, говорилъ ей отрывистыя пренебрежи-

тельныя фразы, разсказывалъ Коровину, въ какія минуты она особенно привлекательна... Коровинъ вздохнулъ... Его потянуло уйти изъ квартиры, гдѣ все представлялось обиженнымъ и разочарованнымъ, на свѣжій воздухъ.

— Пойдемъ на вокзалъ...—предложилъ онъ Иволгину.

Иволгинъ долго умывался, стоялъ передъ нимъ безъ сюртука, вытиралъ руки и лицо полотенцемъ и презрительно говорилъ:

— Мерзавцы!.. Понимаешь, до сихъ поръ не могу успокоиться.

У Коровина послѣ этихъ словъ опять просыпалось озлобленіе, опять мысли переходили на тѣхъ, кто осмѣливается презирать ихъ и говорить, что они уже не офицерство, а простое сборище праздныхъ людей, съ оружіемъ въ рукахъ защищающихъ свою праздность.

— Имъ моего денщика жаль... а?..

Иволгинъ продолжалъ сердито тереть лицо полотенцемъ, и его налитые кровью глаза останавливались на Коровинѣ, какъ будто приглашая его уяснить себѣ безсмыслицу этой жалости, безсмыслицу того, что тѣ неизвѣстные, тѣ, кѣмъ Иволгинъ привыкъ гнушаться съ самаго своего рожденія, собираются переустраивать жизнь арміи, въ которой онъ, Борисъ Сергѣевичъ, служитъ.

Коровинъ сразу улавливалъ желчь и иронію сказаннаго. Въ самомъ дѣлѣ, то далъ имъ такое право? Потомъ взять, напримѣръ, его, Коровинскаго, денщика Богданова... Развѣ худо ему? Развѣ не скопилъ онъ за лѣто четвертного билета?

— Оставимъ эту сволочь!

— Оставимъ?..—снова вскидывалъ на него глазами Иволгинъ...—Позволять этимъ господамъ... по твоему, позволять...

И Андрей еще опредѣленнѣе, чѣмъ прежде, начиналъ понимать, что позволять, дѣйствительно, нельзя, что надо отстоять свое сѣрое офицерское пальто, тыканье Богданову и все то, что выходило смѣшнымъ, нелѣпымъ или безчеловѣчнымъ въ разсужденіяхъ Игнашкина.

Была осень... Валился листъ съ толстыхъ многолѣтнихъ линъ, отъ тяжести давно переставшихъ смотрѣть на небо, и ихъ корепастые, мѣстами побурѣвшіе стволы, залитые яркимъ холоднымъ мѣсяцемъ, тянулись по дорогѣ правильнымъ прямымъ рядомъ... Пахло увядающей травой, листьями, гнющими въ канавѣ, недавно простучавшимъ дождемъ и черной крѣпкой землей... Великая печаль умирающей природы сказывалась въ необъятномъ молчаніи, въ далекомъ мѣсяцѣ и раскинутыхъ по всему небу звѣздахъ... На дворахъ лаяли собаки, но ихъ лай былъ чѣмъ-то посторонимъ,

словно даже не прикасавшимся къ застывшей тишинѣ и къ столѣтнимъ уставшимъ жить деревьямъ.

Коровинъ и Иволгинъ шли подъ руку... Подъ ногами чувствовались кучи опавшихъ за день и не прибитыхъ дождемъ къ землѣ мертвыхъ листьевъ. Одноэтажные бѣлые домики, сонные и мирные, плыли навстрѣчу... Ворота вездѣ были заперты... Клумбы въ маленькихъ палисадникахъ стояли безъ цвѣтовъ, и только въ рѣдкомъ мѣстѣ высился георгинъ съ низко опущенной шапкой.

Коровинъ пробовалъ поднять свое и Иволгина настроеніе воспоминаніями о штабсъ-капитанѣ Милѣ, о носовыхъ платкахъ и о старыхъ нѣмцахъ, которыхъ и теперь еще охватываетъ столбнякъ при одной мысли, что полкъ ихъ сына можетъ быть отправленъ въ походъ.

— Здóрово... чортъ возьми!

Но это „здóрово“ не выходило такимъ молодымъ и радостнымъ, какимъ было прежде... Иволгинъ слушалъ, молча, не улыбался и не поддерживалъ разговора.

Отнято было и это... Нарушалась вся жизнь... Ничего не осталось... Покинуты были старыя развѣсистыя липы, маленькій городокъ, вокзалъ, грузной массой выроставшій впереди. Покинуты были и они: Иволгинъ и Коровинъ... Холодный далекій мѣсяцъ, дорога, гдѣ падаютъ листья,—вотъ и все, что вмѣстѣ съ ними; а тамъ, у тѣхъ... верстъ за сорокъ... напряженная жизнь, шумныя улицы, огромное сердце, огромный мозгъ... И этотъ мозгъ работаетъ для чужихъ, думаетъ для чужихъ .. Шевелятся газетные листы, печатаются книги, горитъ огнями университетъ... Они захватили лучшую жизнь... они... Отъ внезапной мысли Коровинъ вздрогнулъ.

Навстрѣчу шелъ со своимъ Герольдомъ Беклемишевъ... Поровнявшись съ Андреемъ и Иволгинымъ, онъ сдѣлалъ подъ козырекъ.

— Герольдъ!.. Смотри... Не узналъ? Это Андрей Андреичъ... Самая милѣйшая личность на свѣтѣ.

Всколыхнулось въ душѣ у Коровина что-то теплое, жалѣющее, охватила жуткая тоска за свою жизнь, за Беклемишевскую, но онъ быстро сообразилъ, что это не стоющее, не подходящее для него чувство, и вопросительно, чтобы провѣрить себя, поглядѣлъ на Иволгина... А тотъ въ это время былъ занятъ неизвѣстными собственными думами, жмурился на что-то и, словно въ отвѣтъ Коровину, пробурчалъ:

— Мерзавцы!..

Коровинъ томительно вздохнулъ.

— Знаешь что... Пойдемъ въ буфетъ...

Въ этотъ разъ они пили больше, чѣмъ обыкновенно.

V.

Мелкій дождь шелъ съ утра... Частая водяная сѣть мелькала надъ моремъ, надъ бѣлыми домиками и дряхлыми старыми липами. Липы нахмурились, мокли подъ дождемъ и думали что-то тоскливое, не то о своей жизни, не то о сѣромъ морѣ, которое никогда не умираетъ, зябнетъ теперь безъ солнца и качаетъ на своихъ озябшихъ волнахъ черные пароходы съ грязными трубами. Изъ пароходныхъ трубъ вился густой черный дымъ... Тяжело было держаться ему въ пропитанномъ сыростью воздухѣ и въ то же время не хотѣлось прикасаться къ холодной водѣ. Насыпь желѣзной дороги уходила съ пустыннаго морского берега въ унылую рощу... Потемнѣлъ свѣжій красный песокъ, и блестящіе рельсы стали мутными и старыми.

Уныло раздавались шаги... Таилась и пряталась жизнь... Жалобно пѣло піанино въ комнатѣ, гдѣ были спущены шторы и гдѣ лѣтомъ на подоконникахъ стояли красныя и оранжевыя герани... Убогіе, надтреснутые звуки падали въ душу, какъ падаютъ вялые листья липъ на грязную дорогу... Женскій голосъ повторялъ одну и ту же пѣсню:

Отворите окно, отворите...
Мнѣ не долго осталося жить.

И странное чувство возникало въ душѣ. Казалось, что противъ воли того, кому осталось мало жить, опустили шторы въ комнатѣ, убрали съ оконъ цвѣтущія герани и принесли для выраженія тоскливыхъ жалобъ старенькое разбитое піанино... И хотѣлось просить того, кто все это сдѣлалъ, дать хотя на одинъ день выглянуть солнцу, убѣждать, что это въ послѣдній разъ, что больше жалобъ не повторится.

Послѣднее время Коровинъ, чаще чѣмъ прежде, уѣзжалъ днемъ въ Петербургъ и являлся къ вечеру съ женщиной въ большой шляпѣ, съ нарумяненными щеками и неестественно бѣлымъ лицомъ. Тогда въ квартирѣ спускались тяжелыя темныя шторы; денщикъ получалъ приказаніе говорить, что ихъ благородія нѣтъ дома, а куда они ушли—неизвѣстно; въ передней на вѣшалкѣ, рядомъ съ офицерской шинелью висѣла смятая женская жакетка; изъ собранія приносился ужинъ на двоихъ, и только поздно утромъ открывались окна въ садъ. На другой день вечеромъ можно было замѣтить, какъ капитанъ Сосновскій или штабсъ-капитанъ Миль уходили отъ Коровина подъ руку съ его вчерашней

спутницей, которая должна была обойти теперь всѣхъ холостыхъ офицеровъ полка: это у нихъ называлось кругосвѣтнымъ плаваніемъ... При этомъ женщина, извѣстная въ полку подъ именемъ Маруськи, останавливалась, поворачивалась, кричала: „До свиданія, Андрей!“ и посылала Коровину воздушные поцѣлуи.

Коровинъ смотрѣлъ вслѣдъ уходящимъ изъ окна, и ему было забавно вспоминать, какъ Маруська просила, чтобы онъ оставилъ ее у себя, какъ упрямилась и не хотѣла идти съ Милемъ, и какъ тотъ, кругленькій и красненькій, убѣждалъ ее слушаться и часто мигалъ слезящимися глазами.

— Ну, дѣвочка, одѣвайся... Терять золотое время не къ чему... Ѣсть я тебя не буду, честное слово, не буду... Въ обиду никому не дамъ... Бутылочки три пивка разопьемъ, и выйдетъ у насъ все поощрительно...

А когда она соглашалась и нехотя начинала надѣвать жакетку, Миль тревожно отзывалъ Коровина на два слова и, убѣгая глазами въ темный уголъ, просилъ рубля три въ долгъ до двадцатаго...

Они уходили... Слышно было тяжелое сопѣніе Миля, его обѣщаніе не напиваться и увѣренія, что ему всего сорокъ лѣтъ.

— Сорокъ лѣтъ, какъ въ аптекѣ... Не больше и не меньше.

Коровинъ улыбался и думалъ о томъ, что Миль отродясь не зналъ другихъ женщинъ, что онъ влюбится теперь въ эту и станетъ мечтать о ней, какъ о дорогомъ, близкомъ существѣ, и что, можетъ быть, расчувствуется, разскажетъ о своихъ старикахъ-родителяхъ, о томъ, что онъ у нихъ единственный сынъ, расплачется и будетъ дарить ей разные подарки изъ своего домашняго обихода.

И сегодня у Коровина ночевала эта женщина. Она сидѣла безъ кофточки съ нимъ рядомъ и, по обыкновенію, удивлялась его молодости и красотѣ и говорила, что онъ похожъ на какого-то графа, который учился въ Правовѣдѣніи, поилъ ее шампанскимъ и обѣщалъ взять на содержаніе. Конечно, только обѣщалъ, а потомъ, какъ и всѣ они, женился на богатой невѣстѣ изъ своего круга. Коровинъ слушалъ, что она говоритъ, смотрѣлъ на ея круглыя бѣлыя руки и на полную, тоже бѣлую грудь... На грязной тесемкѣ, повязанной вокругъ шеи, болтался потемнѣвшій образокъ съ тонкимъ серебрянымъ крестикомъ. Коровинъ потрогалъ сначала образокъ, потомъ крестикъ... Едва-едва, сонно и лѣниво вспомнилась ему теплая дѣтская кроватка съ веревочной сѣткой и то, какъ по вечерамъ приходила Елена Ильинишна и крестила его и Вѣру на сонъ грядущій... Онъ брезгливо поморщился, точно образокъ на женской груди

былъ чѣмъ-то оскорбительнымъ для его вялыхъ воспоминаній.

— Зачѣмъ, Маруська, ты носишь это?

— А какъ же безъ Бога... Чудакъ-человѣкъ, чай меня тоже крестили.

И ее тоже крестили; и у нея было дѣтство, мать и своя жизнь... Пожалуй, и теперь есть... Онъ не замѣчалъ раньше этихъ чужихъ жизней, того, что бьется каждое сердце, и не могъ сразу освоиться съ новымъ чувствомъ, говорившимъ ему, будто земля не для него дана, а для всѣхъ живущихъ, каковы бы они ни были... Смутный инстинктъ подсказывалъ, что предаваться этому чувству нельзя, что это будетъ противъ Иволгина, противъ Вѣры... Но любопытство было задѣто, и онъ не сумѣлъ во время удержаться... Чтобы ощутить эту чужую, въ первый разъ сознаваемую, жизнь, онъ прикоснулся къ мягкому теплому плечу Маруськи и тихо спросилъ:

— А ты любишь кого-нибудь?

Говорить „ты“ почему-то стало неловко. Разъ у нея была своя жизнь, надо было относиться къ ней, какъ къ человѣку, равному себѣ... И онъ глядѣлъ на нее со все увеличивавшимся любопытствомъ, и то, что замѣчалъ въ ней, распространялось на Богданова, на уличную толпу, на всѣхъ... Да, правда... Вотъ и глаза, и изъ этихъ глазъ смотритъ незнакомая душа съ чуждыми желаніями, съ какой-то вѣрой въ своего Бога, съ другими понятіями о томъ, что хорошо, что худо... Онъ взялъ ея правую руку, повернулъ ладонью вверхъ и началъ разсматривать мелкія морщинки у большого пальца и линію жизни.

— Васъ люблю, васъ, Андрей...—захохотала она, пододвинулась совсѣмъ близко и стала дышать ему въ лицо...

Отъ того, что Коровинъ все еще держалъ ея руку въ своей и не отодвинулся, она осмѣлѣла совсѣмъ, начала трогать его за усы, расправляла ихъ и говорила, что такъ, навѣрное, будетъ ласкать его молодая жена, и удивлялась, что когда-то будетъ другое утро, другая комната, другая женщина, и точно урывала у этой другой женщины право ласкать ея избранника.

— У тебя глаза красивые, интересные, будто ты все время думаешь о чемъ-нибудь веселомъ...—не переставая, болтала она... —Милый! Посмотри на меня... Боже! Какъ я люблю офицеровъ.

И Маруська въ восторгѣ закрывала глаза и крѣпко сжимала руку Коровина, чтобы передать ему всю силу своей любви... Потомъ стала вслухъ мечтать, что если бы была его сестрой, гордилась бы имъ передъ всѣми подругами, вмѣстѣ съ нимъ

ходила бы въ церковь и въ театры... Она разсказывала ему о своихъ самыхъ маленькихъ, самыхъ затаенныхъ желаніяхъ и дѣлалась такой похожей то на Лидочку, то на Вѣру, что его всего передернуло... Этого не должно быть... Онъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе, грубо освободился отъ ея рукъ, всталъ и закурилъ папиросу...

Съ улицы врывалось:

Отворите окно, отворите,
Мнѣ не долго осталося жить!

Тамъ, насупротивъ, тоже жилъ кто-то, у кого были свои интересы, своя жизнь. И эта жизнь не хотѣла молчать, она кричала громкимъ, немузыкальнымъ голосомъ, врывалась въ квартиру Коровина, дерзко заявляла о себѣ.

Коровинъ нахмурился... Горячо пронеслось въ мозгу, что онъ не хочетъ этого, и точно въ отвѣтъ выплыло, что поющая сосѣдка, въ свою очередь, можетъ не хотѣть, чтобы напротивъ ея дома жилъ офицеръ, у котораго въ комнатахъ развѣшены картины съ изображеньями голыхъ женщинъ, а эта, чьи губы онъ чувствовалъ на своихъ губахъ, въ какую-нибудь минуту вздумаетъ вдругъ возмущенно отвернуться отъ него, Коровина, какъ онъ только что отвернулся отъ нея.

Въ головѣ все спуталось. Опять не было ничего яснаго, опредѣленнаго... Смутно выростало сознаніе, что жизнь принадлежитъ не ему одному, а всѣмъ, и что надо считаться со всѣми... Цѣлый міръ маленькихъ зубчатыхъ колесиковъ вставалъ въ его воображеніи, и казалось, что эти колесики хорошо было бы приспособить такимъ образомъ, чтобы ни одно изъ нихъ не терялось въ массѣ, служило всей совокупности и въ то же время имѣло свое собственное вращеніе для одного себя.

Коровинъ не старался придумывать мысленныхъ возраженій... Новое представленіе о зависимости всѣхъ явленій жизни, объ ихъ сцѣпляемости было для него внезапно и до такой степени шло въ разрѣзъ съ прежними его понятіями объ окружающемъ мірѣ, точно онъ получилъ глухой ударъ по виску и потерялъ сознаніе, съ помощью котораго, какъ ни плохо, но все-таки разбирался въ каждомъ своемъ поступкѣ.

Нѣсколько минутъ онъ ни о чемъ не думалъ.

Потомъ сѣлъ на диванъ къ горько плакавшей и дрожавшей, какъ въ лихорадкѣ, Маруськѣ, и убогая мысль шептала ему, что они одинаково обижены: Маруська имъ, Коровинымъ, а онъ—неизвѣстно кѣмъ.

— Брось, Маня, пустяки...

Въ голосѣ его зазвучала робкая просьба. Пусть, въ са-

момъ дѣлѣ, все окажется пустяками: пустяки то, о чемъ толковалъ Игнашкинъ, и то, что сейчасъ, помимо воли, приходило въ голову насчетъ зубчатыхъ колесиковъ.

А она вздрагивала, она не соглашалась, что пустяки, упрямилась.

— Вотъ вы всегда такіе... Оскорбить, задѣть—это ваше дѣло... Пока нужна, до тѣхъ поръ и хороша... А потомъ... зонъ одинъ изъ такихъ третьяго дня избилъ меня... Вся спина синяками исполосована... Всѣ вы одинаковы... всѣ.

— Дура!..

Коровинъ вспыхнулъ. Не хочетъ понимать, что онъ ей же уступаетъ, мало для нея того, что вотъ сидитъ здѣсь... почти голая... Позволяетъ онъ это ей, или не позволяетъ?.. Дай имъ волю, такъ они на шею къ тебѣ сядутъ... Твари!

Онъ снова овладѣлъ собой, снова становился такимъ, какъ былъ вчера. Ощущеніе глухого удара проходило. Надо было отвѣтить тому, кто оглушилъ его.

Коровинъ прицѣпился къ тому, что Маруська сидѣла безъ кофточки.

— Одѣвайся!.. Довольно тебѣ красоваться.

Она не трогалась съ мѣста и молчала.

Ага!.. Хорошо... Тоже начинаетъ разыгрывать изъ себя. Онъ закусилъ губу, отошелъ къ окну, простоялъ тамъ нѣкоторое время, словно хотѣлъ, чтобы она сама одумалась. На диванѣ не было слышно никакого движенія. Это взорвало его окончательно.

— Ты что, цѣлый день сидѣть здѣсь намѣрена?

Маруськѣ захотѣлось подразнить Коровина.

— А хотя бы и такъ... Сижу вотъ... тебя не спрашиваю.

— Ну, это мы еще посмотримъ.

Онъ со злостью схватилъ ее за руку, поднялъ валявшуюся рядомъ кофточку и насильно началъ накидывать на плечи... Маруська сопротивлялась, старалась вырваться.

Борьба озлобила Коровина еще больше.

Смѣетъ сидѣть у него, когда онъ не хочетъ!.. Сейчасъ уберется на улицу. Онъ толкнулъ ее со всей силы, рванулъ кофточку, которую она уловчилась прижать скрещенными руками къ груди... Кофта затрещала. Маруська ударилась головой о дверь...

— Довольна теперь, или еще хочешь?

Ей было жаль свою разорванную кофточку, и она боялась, что на лбу вскочитъ синякъ. По щекамъ скатывались слезы, которыя она торопливо проглатывала. Отъ подымавшейся порывисто груди ходуномъ ходила рубашка. Коровинъ опять сказалъ, чтобы она убиралась... На этотъ разъ Маруська послушалась, жалко напялила кофточку на руки

и, всхлипывая, застегивала пуговицы... Одинъ рукавъ былъ почти оторванъ, и черезъ образовавшееся отверстіе выглядывалъ большой кусокъ рубашки.

— Видишь, что ты сдѣлалъ... Отъ всѣхъ ожидала, а отъ себя никогда не думала.

Она сѣла въ уголокъ и снова затряслась всѣмъ тѣломъ.

— Вотъ вы всегда такъ... И что это за жизнь!.. Сами позовутъ въ гости, наобѣщаютъ всего... А потомъ... точно прокаженная какая-то... въ самомъ дѣлѣ.

Въ рукахъ былъ носовой платокъ, которымъ она вытирала глаза и въ который долго, точно для того, чтобы замедлить время, сморкалась... Коровинъ брезгливо смотрѣлъ на нее... У него не было никакого другого чувства, кромѣ глухой злобы противъ этой женщины, вынудившей его, какъ ему казалось, на брань и драку.

— Ну, ты провалишься отъ меня когда-нибудь, или нѣтъ?

— Какъ это провалюсь?

— Очень просто... въ Петербургъ.

Раньше она всегда оставалась... оставалась для Миля. Иволгина... Но сегодня Коровину хотѣлось, чтобы она уѣхала. Онъ зналъ, что причинялъ ей этимъ какое-то большое оскорбленіе и лишалъ заработка, но этотъ поступокъ его былъ вызовомъ тому міру, который помимо его воли овладѣвалъ всѣмъ его существомъ и пользовался всякимъ обстоятельствомъ, чтобы проявить себя, показать, что онъ здѣсь, рядомъ, видитъ, какъ Коровинъ дерется, слышитъ, какъ онъ ругается...

Пусто... все пусто... Онъ ничего не боится...

Понялъ Коровинъ и то, что всю происшедшую сцену онъ поднялъ не для Маруськи, а для того, чтобы дать отвѣтъ этому міру, показать свое несогласіе съ нимъ, свою отчужденность отъ него... Опять было завертѣлись колесики, но теперь, послѣ того, какъ онъ разорвалъ Маруськину кофточку, не надо было признавать ихъ и желать стройности для ихъ массы, наоборотъ, хотѣлось войти туда, гдѣ было ихъ всего больше, начать размахивать шашкой, рубить направо и налѣво и видѣть, какъ они, одно за другимъ, изломанные, валятся подъ ноги, и топтать тѣ, которые свалены, ногами.

— Хорошо... я поѣду... только... это... это... Ты, значитъ, не любишь меня ни капельки?

— Вотъ еще... Выдумала тоже. Любить тебя?!

Коровинъ пожалъ плечами, притащилъ ея жакетъ, зонтикъ и шляпу.

Она ушла, не попрощавшись, постояла нѣкоторое время

у подъѣзда, потомъ рѣшительно раскрыла зонтикъ, подобрала юбки и скрылась за деревьями.

Почти непосредственно послѣ ея ухода пришелъ Миль... Что-то необычное, серьезное и вмѣстѣ съ тѣмъ жалкое было въ его толстой маленькой фигуркѣ. Онъ сопѣлъ носомъ, отъ волненія не садился, подходилъ къ столу, закуривалъ папиросу, клалъ ее на пепельницу и забывалъ.. Потомъ сѣлъ, расправивъ сюртукъ, на кончикъ стула, развелъ руками и замогильнымъ голосомъ сказалъ:

— Экстренный приказъ, братъ...

Коровина все время подмывало засмѣяться, но необычайность поведенія Миля, испуганная торжественность, которая проглядывала въ каждомъ его движеніи, маленькіе, слезящіеся глазки, смотрѣвшіе грустно и виновато, удержали его отъ шутокъ, быстро сложившихся въ головѣ. Желая прослушать это необычное не такъ, какъ слушалось все остальное, Коровинъ присѣлъ съ нимъ рядомъ и принялъ дѣловой, серьезный тонъ.

— Какой приказъ, папаша? Мнѣ еще ничего не приносили... Я спрашивалъ у Богданова.

— Да вотъ, братъ, ничего не попишешь.

Глазки забѣгали, лицо побагровѣло... Снова Миль развелъ руками, привсталъ и, точно боясь того, что несъ въ своемъ мозгу, и вмѣстѣ съ тѣмъ сберегая принесенное, какъ берегутъ дорогую хрупкую вазу, когда держатъ ее въ рукахъ, выразительнымъ шепотомъ сказалъ:

— Посылаютъ насъ... меня и тебя... мою роту, то есть, на фабрики.

Главное было сказано, и онъ могъ теперь передохнуть... На лбу выступила испарина... Онъ медленно провелъ по начавшей лысѣть головѣ широкой ладонью, погладилъ усы и, наклонившись всѣмъ корпусомъ впередъ, такимъ же выразительнымъ шепотомъ добавилъ:

— Въ Петербургъ... Въ распоряженіе полиціи... Сегодня ночью выступать велѣно... Безпорядки, по всей видимости, тамъ.

Коровинъ повеселѣлъ и возбужденно заволновался... Точно тяжесть какая упала у него съ плечъ. Глаза заблестѣли, грудь задышала шире и свободнѣе... Наконецъ-то!.. Жизнь сама указывала ему выходъ.. Близилось то неизбѣжное, что все время слѣдило за нимъ изъ-за угла, заставляло его быть насторожѣ, испытывало рѣчами Сергѣя и Игнашкина и передѣлывало каждый день въ такой же безтолковый и крикливый, какъ сегодняшній... Теперь онъ могъ столкнуться съ неизвѣстнымъ противникомъ грудь грудью и такъ или иначе опредѣлить свое будущее.

— Ну что жъ, ѣдемъ, папаша...

— Приходится... Ничего не попишешь.

Миль вздохнулъ, и этотъ тревожный полуподавленный вздохъ придалъ ему что-то убогое, что было въ Маруськѣ, когда она по приказанію Коровина надѣвала кофточку... Пальцы рукъ его оттопырились и неуклюже лежали на широко разставленныхъ колѣняхъ... Похоже было на то, что кто-то грозный, имѣвшій власть надъ Милемъ, говорилъ ему о давно принятомъ имъ на себя обязательствѣ убивать людей и говорилъ такимъ тономъ, что это безчестное, непосильное обязательство непремѣнно надо исполнить, и Миль не смѣлъ даже мысленно отказаться.

— А пивка выпьемъ, папаша?

— Нѣтъ, ужъ уволь... Пойду, знаешь, къ себѣ.

Миль не согласился и на повторное приглашеніе и такимъ же серьезнымъ и растерянымъ, какимъ пришелъ, направился къ выходу. Онъ не прослушалъ даже разсказа Коровина о милой его сердцу Маруськѣ, о ея слезахъ и разорванной кофточкѣ... Махнулъ безразлично рукой и въ наглухо застегнутомъ пальто съ поднятымъ воротникомъ поплелся на затканную дождемъ улицу.

Коровинъ слѣдилъ за его фигурой, пока она не свернула въ ближайшій переулокъ... Слѣдилъ, и его коробило, что эта фигура имѣла сходство съ неизвѣстно за что побитымъ слабосильнымъ человѣкомъ, не умѣвшимъ сообразить, кто его побилъ и имѣлъ ли право бить, и знавшимъ только одно, что послѣ этого раза, когда онъ не сумѣлъ защититься, съ нимъ каждый день можетъ повторяться то-же самое.

Въ Коровинѣ заговорила гордость, что онъ не таковъ, какъ этотъ Миль. Засунувъ руки въ карманы брюкъ, онъ молодцевато прошелся по комнатѣ, приподнялъ голову и свистнулъ:

„Г-мъ... да... Значитъ, они устраиваютъ безпорядки! Что же, посмотримъ, какіе это безпорядки.“

Эту фразу онъ подумалъ какъ-то иронически, и не самъ для себя, а для тѣхъ мыслей, которыя мучили его утромъ, для Игнашкина, разсуждавшаго о ихъ благородіяхъ, и для враждебной ему уличной толпы.

Былъ сдѣланъ крутой военный поворотъ; онъ невольно сталъ ритмически покачиваться, какъ покачивался, когда ходилъ съ Иволгинымъ, и точно смаковалъ новыя веселыя думы, которыя сводились къ одному — пора отвѣтить разсуждающимъ господамъ, пора показать, что никакихъ сцѣпляющихся колесиковъ нѣтъ, что есть подпоручикъ русской арміи Коровинъ, подвластные ему нижніе чины и короткій приказъ: пли...

Неопредѣленно замелькали соображенія о торжественной присягѣ, о вѣрности престолу, но такъ какъ лично для него все это не было нужно, а существовало для объясненія его поступковъ солдатамъ и постороннимъ лицамъ, то онъ на этихъ соображеніяхъ не сталъ останавливаться.

VI.

Ѣхала не только рота Миля, но еще и другая, капитана Сосновскаго, и поѣздъ былъ составленъ изъ ряда товарныхъ вагоновъ и одного пассажирскаго, помѣщеннаго въ серединѣ, для офицеровъ. Была ночь... На станціи, кромѣ трехъ-четырехъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, никто не показывался. На платформѣ растянулись одни солдаты, и ихъ темныя небольшія фигурки въ боевомъ вооруженіи придавали вокзалу загадочный непривычный видъ чего-то копошащагося въ ночной мглѣ, готоваго ощетиниться и разинуть огромную пасть... Будто проснулось страшное допотопное чудовище, проспавши тысячи лѣтъ и само удивлявшееся тому, что оно еще живо, расправляло свои затекшія тяжелыя лапы, подымало безобразную голову...

Чуть-чуть моросилъ дождь... Мутно освѣщали фонари мокрую, точно кѣмъ-то зымытую, но не вытертую платформу... Въ концѣ платформы пыхтѣлъ локомотивъ, на которомъ заспанный машинистъ торопливо разводилъ пары... Впереди блестѣли черные глянцовитые рельсы, мягко вырисовывался сырой бархатный песокъ, въ одну темную массу сливались дома и деревья... Близко придвинулся садъ, разросшійся около крайней дачи, точно хотѣлъ посмотрѣть, что такое тайное и молчаливое дѣлается на станціи; куда собираются хмурые скучившіеся люди: дѣйствительность все это или сонъ, приснившійся ему въ холодную ночь отъ того, что онъ продрогъ, надышался сырымъ воздухомъ и давно не видѣлъ солнечнаго свѣта.

Садъ такъ и не отдалъ себѣ яснаго отчета: спалъ онъ или проснулся, хотя мимо его черезъ полчаса безшумно и плавно въ сторону Петербурга, точно толстый кольчатый змѣй съ тремя огненными глазами, потянулся никогда не отходившій въ такое позднее время таинственный поѣздъ. Мягко звякнула о металлическіе блоки семафорная проволока. Разомъ опустѣла платформа, которой хотѣлось скорѣе забыть о случившемся... Потушены были лишніе фонари... Часто застучалъ неизвѣстно отчего повеселѣвшій дождь, можетъ быть, обрадованный тѣмъ, что скрылось никогда невиданное имъ кровожадное чудовище, что не осталось

здѣсь терзать и уничтожать веселыя уютныя дачи, а можетъ быть—просто потому, что надоѣла тишина, и пришло шаловливое желаніе наполнить ее суетливымъ разговоромъ, что вотъ онъ, дождь, не спитъ, хорошо чувствуетъ себя въ осеннюю ночь и не нуждается ни въ теплѣ, ни въ уютѣ.

Коровинъ долго стоялъ на площадкѣ вагона, и ему нравилось, что сырой, щемящій холодокъ освѣжаетъ лицо, что всѣ спятъ—ничего не знаютъ, а онъ вотъ ѣдетъ по экстренному приказу разрѣшать тѣ недоумѣнія, которыя скопились въ каждой душѣ и привели къ оскорбленіямъ офицеровъ на улицѣ, къ шумнымъ демонстраціямъ, къ ненависти противъ нихъ, сытыхъ; нравилось ему еще то, что это разрѣшеніе выпало на него, совсѣмъ было потерявшаго почву, что подъ ногами опять выросла твердая земля, и никто уже не сможетъ столкнуть его въ мутную глубокую воду, въ которой онъ былъ вчера и гдѣ приходилось барахтаться изо-всѣхъ силъ, чтобы дать легкимъ возможность набрать достаточное количество кислорода. Не надо было жаловаться и упрекать мать, родныхъ и знакомыхъ, что они поставили его въ положеніе всѣми оскорбляемаго человѣка, сдѣлали общимъ посмѣшищемъ, и когда сами увидѣли, что творится дѣйствительно что-то очень неладное, то стали безпомощно разводить руками, скрывать, замалчивать и упрашивать другихъ, чтобы тѣ, другіе, тоже замалчивали... Нашелся болѣе властный, болѣе рѣшительный союзникъ, чѣмъ они, разрѣшилъ всѣ сомнѣнія, сказалъ Коровину, что онъ, Коровинъ, правъ, что жизнь пойдетъ по старому, какъ шла до войны, и если кто-нибудь вздумаетъ этому сопротивляться, то его заставятъ подчиниться силой, тѣми же самыми солдатами, которые отказались побѣждать въ Манджуріи, но могутъ побѣждать въ родной странѣ...

Чудовище просыпалось... Оно было оглушено такъ же, какъ и Коровинъ... Но оба они во время пришли въ себя, вспомнили о своемъ кровномъ союзѣ, поняли, что не все потеряно... Неся черной ночью черный поѣздъ съ тремя огненными глазами... Захваченный чужими, городъ будетъ смятъ и побѣжденъ, будетъ растоптана ихъ жизнь съ газетами, книгами, университетами... Опять начнутся балы, вечера, и снова Коровинъ станетъ нужнымъ, хорошимъ и любимымъ.

Коровину не хотѣлось представлять, что произойдетъ завтра, рисовать картины, которыя задуманы кѣмъ-то и будутъ нарисованы со всѣми штрихами при свѣтѣ дня... Сейчасъ все это казалось мелочнымъ, неважнымъ передъ тѣмъ, что совершалось въ его душѣ, давало задачу на всю жизнь, что хотѣлось перелить изъ себя въ огромное солдатское

тѣло... Завтра случится одинъ эпизодъ, одна страница цѣлаго ряда будущихъ Коровинскихъ поступковъ, имѣющихъ свою исходную точку въ томъ, что уже совершилось сегодня... Они, военные, перестаютъ быть молчаливыми свидѣтелями работы ума и сердца своей страны; они не подчинятся результатамъ, къ которымъ приведетъ эта работа, а выступятъ сами отъ себя на защиту прежнихъ условій своего существованія.

Было, очевидно, что онъ не одинъ, что ихъ много такихъ, какъ Поволгинъ, Сосновскій, Миль, что не надо никакого офицерскаго кружка, потому что они и такъ представляютъ изъ себя прочную обособленную организацію... Чувствовалась связь съ убѣгавшимъ въ сырую темноту поѣздомъ, и въ тонъ стуку колесъ стучало сердце... Онъ жилъ уже не самъ по себѣ, не отдѣльной единицей. Его захватывало и уносило желѣзное громоздкое чудовище, съ дыханіемъ котораго сливалось его дыханіе, и такъ же крадучись, какъ это чудовище, направлялся онъ, Коровинъ, въ спавшій и не знавшій объ ихъ приближеніи городъ.

Въ вагонѣ шла оживленная бесѣда между Сосновскимъ и двумя молоденькими офицерами, Краснопѣвцевымъ и Мартыновымъ. Сосновскій разсказывалъ анекдотъ. Краснопѣвцевъ издавалъ радостныя пронзительныя трели восторженнаго смѣха... Мартыновъ удивленно смотрѣлъ своими большими дѣтскими глазами сначала на Сосновскаго, потомъ на Краснопѣвцева, не сразу понималъ, надъ чѣмъ именно надо смѣяться, мысленно разбирался въ разсказанномъ анекдотѣ и тогда, когда уже Сосновскій переходилъ на новый, улавливалъ соль стараго, озарялся хорошей молодой улыбкой и, поблескивая глазами, весело говорилъ:

— Эге... Продолжайте, продолжайте... Я слушаю.

Миль сидѣлъ въ углу, не то дремалъ, не то все еще не могъ освоиться съ приказомъ, посылавшимъ его на усмиреніе... Онъ шевелилъ толстыми отвислыми губами, что-то соображалъ, кому-то доказывалъ, что онъ, собственно, не причемъ, и что ничего не подѣлаешь... Когда Сосновскій басилъ особенно густо и трель Краснопѣвцева брала самыя высокія ноты, Миль точно просыпался, мутно озиралъ своихъ однополчанъ и съ недовольнымъ глухимъ ворчаніемъ начиналъ возиться въ своемъ углу. Его безпокоило и смущало это чужое, какъ будто бы, неподдѣльное веселье въ ту минуту, когда душа хотѣла отвернуться отъ всего происходящаго и упрямо говорила, что ея участія ни въ чемъ нѣтъ...

— Ваше преподобіе, проснулись? — кричалъ ему Сосновскій...—Идите къ намъ... Мы васъ развеселимъ...

Миль ничего не отвѣчалъ, опять застывалъ въ своемъ углу

углу и съ тупымъ безпокойствомъ прислушивался къ стуку колесъ, по которому судилъ, что поѣздъ идетъ довольно таки быстро... Быстрота передвиженія не давала забыться ни на одинъ моментъ, напоминала, что такъ же, какъ бѣгутъ вагоны, бѣжитъ время, и что вагоны и время несутъ Миля въ Петербургъ, гдѣ онъ долженъ стоять со своими солдатами на какой-то неизвѣстной ему фабрикѣ, охранять ее отъ рабочихъ, почему-то не желающихъ работать, и въ случаѣ упорныхъ попытокъ съ ихъ стороны проникнуть въ мастерскія, отразить эти попытки силою оружія.

Коровинъ, войдя въ вагонъ, присѣлъ было сначала къ Милю, но, такъ какъ тотъ на всѣ его шутки отвѣчалъ однимъ неопредѣленнымъ мычаніемъ и, видимо, не имѣлъ никакого желанія вступать въ разговоръ, Коровинъ бросилъ свою затѣю растормошить „папашу“ и перебрался къ Сосновскому и его группѣ.

Сосновскій весело хлопнулъ Коровина по плечу, произвелъ звонкій звукъ, похожій на бульканіе жидкости, выливающейся изъ горлышка бутылки, и дѣловито освѣдомился:

— Ну, какъ вы, Андрей Андреичъ... никакой игры въ колѣняхъ передъ усмиреніемъ не чувствуете?.. Вы вѣдь у насъ сентименталъ...

— Рѣшительно никакой.

— Настоящій воинъ, значитъ... Превосходно, коли такъ... А ваше непосредственное начальство совсѣмъ въ меланхолію впало... Баба бабой сидитъ...

Краснопѣвцевъ зазвенѣлъ тоненькимъ серебрянымъ смѣшкомъ, а Мартыновъ на этотъ разъ задумался и серьезно сказалъ:

— Я постараюсь обойтись безъ выстрѣловъ.

— Бросьте, юноша, эту антимонію... Солдатъ, знаете, не что иное, какъ солдатъ. Веселъ, пьянъ въ свободное время, амуры и все прочее... А на службѣ—точное исполненіе приказа... Не онъ палитъ — форма его палитъ... Вы, Андрей Андреичъ, на этотъ счетъ какъ думаете?..

Коровинъ, который не могъ передать своихъ высшихъ соображеній, отрывисто отвѣтилъ:

— Про себя я знаю одно, что пустить пулю въ лобъ одному изъ мерзавцевъ для меня никакого труда не составитъ.

— Зрѣлое разсужденіе... Ваше преподобіе, штабсъ-капитанъ Миль, совѣтую послушать... Какъ куропаточку, слѣдовательно... Эхъ-хе-хе.

Сосновскій затрясся отъ добродушнаго смѣха.

Стало еще веселѣе, точно увѣренность Коровина въ

самомъ себѣ передалась каждому изъ офицеровъ, и ни у кого изъ нихъ не осталось скрытыхъ, крадущихся сомнѣній, которыя, какъ ни какъ, время отъ времени, завладѣвали сердцемъ и наполняли его неопредѣленной щемящей тоской... Одинъ рѣшилъ, а на міру и смерть красна... А то, что рѣшилъ онъ, какъ держаться, и такъ открыто и самостоятельно, первымъ, заявилъ передъ всѣми о своемъ рѣшеніи, перекладывало общую отвѣтственность на него одного... Онъ бралъ руководительство, слѣдовательно, зналъ, что такъ надо, что иначе нельзя... Особенно радовался этому Сосновскій, хотѣвшій было прикрыться солдатскимъ званіемъ и тѣмъ, что съ солдата спрашивать, собственно, нечего... Послѣ короткой паузы, переживъ снова жуткость того, что скоро, можетъ быть, придется убивать людей, и уже зная, что починъ въ убійствѣ принадлежитъ не ему, а другому, онъ благодарно поглядѣлъ на Коровина и не удержался отъ ласковой похвалы:

— Всегда, признаться, былъ о васъ самаго высокаго мнѣнія, а теперь побѣжденъ окончательно... Какъ куропаточку, эхъ-хе-хе...

Мартыновъ же точно все время соображалъ, о чемъ говорятъ его товарищи, сравнивалъ ихъ взгляды со своими, дѣлалъ мысленные выводы изъ этого сравненія и выбиралъ, на какомъ изъ нихъ остановиться.

Онъ робко посмотрѣлъ вглубь глазъ Коровина своими удивленными дѣтскими глазами и, словно бы добиваясь новаго нужнаго ему возраженія, грустно сказалъ:

— Всетаки, я буду избѣгать крови... Неизвѣстно еще... Понимаете, я застигнутъ врасплохъ, ново для меня все это... Ничего не соображаю... А сдѣлаешь,—не вернешь потомъ... Придется самому себѣ пулю пустить... Я органически не выношу несправедливости.

Послѣдней фразой онъ хотѣлъ оправдать свою нерѣшительность.

— „Молчалъ бы лучше“,—враждебно подумалъ про него Коровинъ, ничего не отвѣтилъ и вышелъ на площадку вагона.

По прибытіи въ Петербургъ, каждый изъ офицеровъ долженъ былъ отправиться со взводомъ солдатъ на особое назначенное для него мѣсто... Коровину пришлось идти за одну изъ заставъ. Городъ еще спалъ. На улицахъ почти не было движенія. Рѣдкіе ночные извозчики, проѣзжая мимо двигавшихся плотнымъ сѣрымъ прямоугольникомъ солдатъ, провожали ихъ любопытными глазами. Нѣкоторые изъ нихъ, отъѣхавъ на довольно значительное разстояніе, неожиданно приподнимались съ козелъ, хлестали со всей

силы лошадь и съ какой-то злобной рѣшимостью кричали бранныя оскорбительныя слова... Солдаты угрюмо шагали, старались не смотрѣть по сторонамъ, не слушать того, что кричатъ имъ извозчики, и хотѣли только одного—скорѣе дойти до мѣста назначенія, выполнить тамъ то, что прикажутъ, и потомъ вернуться въ казарму, гдѣ снова начнется обычный день и будетъ смѣняться такимъ же другимъ днемъ, пока ихъ не распустятъ по больнымъ квартирамъ и каждый изъ нихъ не превратится въ обыкновеннаго человѣка, у котораго нѣтъ на плечѣ тяжелой винтовки, сбоку внимательнаго ваша унтера и въ головѣ вбитой мысли о внутреннемъ его, солдатскомъ, врагѣ. Иныхъ брала злость на это свое исключительное положеніе, на то, что подняли ихъ въ холодную непогодную ночь, не спросивъ, согласны ли они ѣхать, повезли ихъ, какъ скотъ, въ товарныхъ вагонахъ, приказали зарядить винтовки боевыми патронами и ждать бунта... Злость эта получала самый ближайшій исходъ въ тупомъ враждебномъ чувствѣ противъ всѣхъ не такихъ, какъ они,—противъ рабочихъ, студентовъ, извозчиковъ и толпы, которая соберется на улицѣ... О чемъ толковать, когда имъ дали слѣлаться солдатами, когда позволили увести ихъ въ казармы?.. И глаза мрачно и злобно выражали упрямую мысль, что, разъ они подчинились, когда ихъ оторвали отъ сохи, то они подчинятся и сегодня, потому что разницы между двумя этими подчиненіями нѣтъ.

На фабрикѣ околодочный провелъ Коровина въ помѣщеніе конторы, гдѣ сидѣли два пристава, жандармскій офицеръ и какіе-то субъекты въ штатскомъ. На столѣ въ бумажныхъ сверткахъ лежала разная закуска, стояло нѣсколько бутылокъ пива, толстобокій грязный самоваръ и стаканы съ оловянными ложками и плохо вымытыми, мѣстами подбитыми блюдечками.

— Простите ужъ, по походному...—извинился одинъ приставъ и распорядился, чтобы Коровину принесли стулъ.

— Военный совѣтъ въ Филяхъ...—сострилъ другой. — Видѣли такую картину?

Жандармскій офицеръ протянулъ ему черезъ столъ серебряный съ голубымъ шнуркомъ портсигаръ.

— Курите, пожалуйста, и располагайтесь, какъ дома... Вызовутъ васъ еще не скоро... Вы, должно быть, въ первый разъ?

— Въ первый...

— Ну, такъ знайте, что особеннаго ничего нѣтъ... По моему, скучно они устраиваютъ эти безпорядки... Не умѣютъ, вѣроятно, еще...

Коровину нравилось, что все здѣсь по домашнему—[illegible]

что и спокойно, и что его встрѣтили, какъ хорошо знакомаго человѣка. Ни у кого изъ нихъ, очевидно, никакихъ вопросовъ нѣтъ, они исполняютъ свою будничную обязанность, уважаютъ другъ друга и своимъ любезнымъ тономъ, вѣжливыми заботами о немъ показываютъ, что хотя онъ здѣсь всего въ первый разъ, но никто изъ нихъ не сомнѣвается, что онъ сдѣлается такимъ же, какъ они... Вотъ это онъ понимаетъ, такъ и надо было держаться все время, а не теряться отъ спора съ Игнашкинымъ, отъ цѣлаго моря ловыхъ газетъ и разныхъ враждебныхъ слуховъ... Коровинъ, въ свою очередь, принималъ вѣжливый тонъ, предупредительно смѣялся всякой сказанной остротѣ, чокался, самъ острилъ и вообще старался показать, что находится въ привычной и не стѣсняющей его обстановкѣ.

Пристава куда-то уходили и приходили снова... Жандармскій офицеръ часто звонилъ въ телефонъ, говорилъ, что у нихъ пока все тихо, кивалъ головой и почтительно произносилъ: „Слушаю, ваше превосходительство“... Потомъ онъ предложилъ Коровину отдохнуть и провелъ его въ просторную комнату, гдѣ стоялъ столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, клеенчатый диванъ, высокіе тяжелые стулья, а по стѣнамъ были развѣшаны портреты какихъ-то неизвѣстныхъ Коровину стариковъ.

— Вотъ здѣсь, въ правленіи, и располагайтесь... Спите крѣпче... Когда будетъ надо, васъ разбудятъ.

Коровинъ легъ, долгое время не закрывалъ глазъ, прислушивался къ движенію въ сосѣдней комнатѣ, смотрѣлъ сквозь мутныя оконныя стекла на красный фабричный корпусъ и большой дворъ съ утоптанной черной землей, огороженный глухимъ заборомъ.. Прогудѣлъ гудокъ. Узкой лентой потянулись рабочіе... Ничего особеннаго не случалось; смотрѣть надоѣло, и онъ закрылъ глаза.

Какъ въ туманѣ, вспомнился ночной поѣздъ, унылый Миль, веселый Сосновскій... На минуту все это показалось лишнимъ, тревожащимъ усталый мозгъ... Захотѣлось обо всемъ позабыть... Потомъ уже ничего не было.

Проснулся онъ отъ шума и сутолоки, охватившей всю контору.

— Къ вамъ приходили?—слышался голосъ жандармскаго офицера...—Виноватъ, мнѣ мѣшаютъ слушать... Будьте любезны повторить... Вы говорите, приходили... Такъ-съ... Ваши побросали работу... Слушаю-съ.

Телефонъ далъ отбой.

Приставъ спросилъ:

— Ну что, какъ тамъ?..

— Толпа ходитъ и снимаетъ... Говорятъ: пошли въ нашу сторону.

— Много ихъ?..

— Въ одной около тысячи... Другая маленькая, человѣкъ въ двѣсти.

Коровинъ быстро вскочилъ, подошелъ къ окнамъ, но ничего не увидѣлъ.

— Ага, вы уже встали!.. Вотъ и отлично...—весело окликнулъ его одинъ изъ приставовъ...—Кажется, вамъ пора.. Толпа идетъ снимать нашихъ.

— А эти работаютъ?..—Коровинъ указалъ на фабричный корпусъ...

— Пока что—да... Ждутъ сигнала... Они никогда первыми не начинаютъ.

Коровинъ выстроилъ своихъ солдатъ на указанномъ приставомъ мѣстѣ, какъ разъ напротивъ закрытыхъ воротъ, лицомъ къ улицѣ, и самъ всталъ поодаль, наблюдая за тѣмъ, что происходитъ... Второй изъ приставовъ объяснилъ ему, что на другой сторонѣ улицы огороженный пустырь, поэтому, въ случаѣ чего-нибудь, онъ можетъ не стѣсняться.

— Понимаете?..

Коровинъ, въ знакъ согласія, наклонилъ голову.

Черезъ пріотворенную маленькую дверцу видно было, какъ рысью промчался отрядъ конной полиціи и какъ, спустя нѣсколько минутъ, онъ же пролетѣлъ галопомъ въ обратномъ направленіи... Степенно и молча проходили небольшіе черные квадраты городовыхъ... Проѣхавшій мимо на рысакѣ полиціймейстеръ ударилъ своего кучера въ спину и, когда тотъ остановилъ лошадь, мотнулъ рукой стоявшему около воротъ молоденькому красноцекому полицейскому офицеру... Офицеръ подбѣжалъ, сдѣлалъ подъ козырекъ, и на его смѣтливомъ лицѣ появилось выраженіе торопливости и заботы... Послѣ этого мановенія рукой квадраты городовыхъ потеряли свою прежнюю степенность, стали ускорять шагъ и часто, неуклюже поддерживая шашки, пускались бѣгомъ то въ одномъ направленіи, то въ другомъ... Длинныя черныя пальто стѣсняли ихъ движенія; лица отъ напряженія побагровѣли, и глаза сдѣлались сердитыми и бѣгающими...

— Идутъ!.. идутъ!..— прокричалъ возбужденнымъ не своимъ голосомъ приставъ, извинявшійся передъ Коровинымъ, что у нихъ все по походному; онъ на ходу распорядился, чтобы прикрыли дверца воротъ и поставилъ у каждаго входа въ фабричный корпусъ по отряду городовыхъ.

Въ окнахъ корпуса показались взволнованныя фигуры рабочихъ. Часть изъ нихъ, дѣлая изъ рукъ трубку, крича-

ла, другіе махали шапками и платками и быстро исчезали. Торопливо и необычно прогудѣлъ гудокъ. Приставъ, въ сопровожденіи неизвѣстнаго штатскаго, широко размахивавшаго руками и что-то тревожно объяснявшаго, направился въ фабричный корпусъ. Съ улицы доносилось гудѣніе многоголовой оживленной толпы, долетали отдѣльные возгласы: „Бросать работу!“ „Не слушай фараоновъ!“ „Къ намъ, товарищи!“—„Ребята, что же вы?..“ Въ ворота веселыми отчетливыми ударами застучалъ градъ камней. Изъ фабричнаго корпуса выскочилъ разсвирѣпѣвшій и багровый приставъ. Онъ сердито отдувался, махалъ руками городовымъ. Тѣ летѣли отовсюду, точно выростали изъ-подъ земли. Рабочіе пытались открывать двери, напирая на нихъ упругой тяжелой массой. Городовые не поддавались. Одинъ изъ рабочихъ въ верхнемъ этажѣ отворилъ настежь раму и, могучій и веселый, во всю мочь выводилъ: „Наша взяла, товарищи... У-у-у... О-о-о...“ А потомъ сорвалъ съ себя красную ситцевую рубашку, вылѣзъ на наружный подоконникъ, потрясъ ею въ воздухѣ и опять кричалъ. Гдѣ-то раздалось ура. Городовые обнажили шашки. На дворъ стали перелетать камни. Изъ оконъ корпуса тоже стали бросать тяжелыми предметами. Зазвенѣли стекла.

Въ ворота ломились, стучали кулаками, ногами.

— Эй, открыть тамъ...—распорядился приставъ.—Дадимъ имъ гостинца.

Ворота распахнулись, и передъ возбужденной тысячной толпой неожиданно выросъ взводъ солдатъ. На минуту толпа притихла и, точно море, всей своей массой отхлынула назадъ, но, повинуясь какому-то безотчетному стремленію двигаться впередъ, не разпадаться, сомкнулась снова и съ прежними криками, не смотря на солдатъ, полѣзла въ ворота.

— Ружья на прицѣлъ!..—звонкимъ металлическимъ голосомъ скомандовалъ Коровинъ, мускулы котораго точно превратились въ сталь.

— Расходись...—кричалъ приставъ.

Никто на него не обращалъ вниманія. Тогда онъ сдѣлалъ выразительный жестъ Коровину, посмотрѣлъ на него особеннымъ взглядомъ, пожалъ плечами. Коровинъ утвердительно мотнулъ головой.

Вотъ онъ... этотъ моментъ... Значитъ, все остается по старому. Значитъ, Игнашкинъ и всѣ другіе...

Онъ отошелъ немного назадъ, ярiосанился, поднялъ кверху обнаженную шашку...

— Пли...

Нѣсколько человѣкъ упало. Толпа бросилась въ бѣгство.

Изъ-за угла галопомъ выскочили конно-полицейскіе и понеслись вдоль улицы. Около труповъ и корчившихся раненыхъ собирались кучки изъ двухъ-трехъ рабочихъ. Откуда-то принесли носилки.

Одинъ молоденькій рабочій стоялъ около фонаря, смотрѣлъ на эту картину широко раскрытыми безумными глазами, потомъ рѣшительно побѣжалъ, но по дорогѣ остановился и неестественно-тонкимъ голосомъ крикнулъ:

— Да здравствуетъ соціализмъ!

Дѣтскій голосъ, зазвенѣвшій протестомъ надъ всѣмъ случившимся и словно чувствовавшій себя большимъ, чѣмъ это случившееся, подѣйствовалъ на Коровина, какъ ударъ по лицу. Онъ не ожидалъ этой открытой смѣлости, этого вызова ему передъ цѣлымъ взводомъ только что стрѣлявшихъ солдатъ. Его всего передернуло. Не отдавая себѣ отчета, онъ бросился къ закрывшему въ ужасѣ руками лицо мальчугану, взмахнулъ шашкой—и тотъ, съ раскроеннымъ на двое черепомъ, рухнулъ на мостовую.

У Коровина осталось впечатлѣніе, будто онъ убилъ не человѣка, а звенящій дѣтскій голосокъ, кричавшій о соціализмѣ послѣ того, какъ онъ, Коровинъ, доказалъ, что никакого соціализма нѣтъ.

В. Башкинъ.

Элементъ стихійности въ массовыхъ движеніяхъ.

Въ томъ причудливомъ и своеобразномъ мірѣ, которымъ обнимается широкая область такъ называемой *массовой* психологіи, или психологіи *толпы*,—одно явленіе прежде всего обращаетъ на себя вниманіе: это—*стихійность*, стихійный характеръ массовыхъ движеній. Эта характерная черта въ психикѣ массовыхъ движеній ярко воспроизводится и отчасти точнѣе опредѣляется въ изслѣдованіи талантливаго французскаго психолога Г. Лебона. Названный авторъ доказываетъ, что всякій индивидъ, вступающій въ толпу, въ значительной степени теряетъ свою индивидуальность, обезличивается и начинаетъ обнаруживать въ своихъ движеніяхъ слѣдующія особенности, которыя могутъ быть ему совершенно чужды, какъ индивидуальной личности: преобладаніе *рефлексовъ*, или повышенную дѣятельность такъ называемыхъ низшихъ центровъ,—съ соотвѣтствующимъ пониженіемъ въ дѣятельности центровъ высшихъ, т. е. болѣе или менѣе глубокими аномаліями, дефектами, изъянами въ сферѣ логическаго мышленія, или критической способности. Съ этими элементарными чертами Лебонъ связываетъ и всѣ дальнѣйшія особенности, представляемыя психикой массовыхъ движеній. Чѣмъ менѣе толпа способна резонировать, тѣмъ ярче чувства, которыми толпа живетъ; теряя въ толпѣ способность критическаго сужденія, человѣкъ естественно теряетъ и всякую сознательную волю. Массы дѣйствуютъ, слѣдуя данному импульсу, сообразно всѣмъ случайностямъ дѣйствующихъ на нихъ въ каждую данную минуту возбужденій. Всякая *предумышленность*,—утверждаетъ въ этомъ смыслѣ авторъ,—въ массовыхъ движеніяхъ совершенно исключается *). То же повторяютъ, обыкновенно, лишь въ болѣе расплывчатыхъ выраженіяхъ, и другіе авторы, касавшіеся данной области коллективной психологіи. М. Дюкамъ (du Camp), одинъ изъ бытописателей исторіи Коммуны, въ моментъ *непроизвольности движеній* видитъ не только

*) G. Le Bon. Psychologie des foules. 9-е изданіе. 1905.

характерную черту, но и какъ бы самое выраженіе *души* народныхъ массъ *).

Можно, однако, спросить, чѣмъ же *объясняются* указанныя особенности въ психической организаціи массъ? Почему каждое отдѣльное лицо, входя въ толпу, въ значительной степени перестаетъ быть самимъ собой, начинаетъ обнаруживать въ своей психикѣ совершенно новыя черты? Почему мы наблюдаемъ въ массовыхъ движеніяхъ эту любопытную особенность- преобладаніе рефлекса,—неспособность резонировать,—печать чего-то стихійнаго, какой-то глубоко стихійной силы,—силы, источники которой лежатъ внѣ сферы сознательныхъ стремленій, сознательной воли индивидуальной личности?

Авторъ, котораго мы цитировали выше, замѣчаетъ, что значительно легче констатировать черты, которыми характеризуется психологія массъ, нежели объяснить эти черты. Сдѣлавши подобное признаніе, Г. Лебонъ затѣмъ уже не считаетъ необходимымъ останавливаться на болѣе тщательномъ анализѣ вопроса и находитъ возможнымъ удовольствоваться сравнительно простымъ «объясненіемъ»стихійности массовыхъ движеній. Онъ ссылается на извѣстную «заразительность» психическихъ массовыхъ явленій,—«феноменъ, который не трудно констатировать, но труднѣе объяснить и который слѣдуетъ связать съ явленіями, относящимися къ области гипноза». Ссылкою на такую «связь» авторъ думаетъ, повидимому, что-то объяснить; къ сожалѣнію, читатель скоро убѣждается, что и послѣ объясненія, даваемаго блестящимъ французскимъ авторомъ, онъ, читатель, по прежнему стоитъ передъ чрезвычайно темною загадкою... Въ поясненіе цитированнаго выше положенія, нѣсколькими строчками ниже, мы читаемъ: «Наблюденія, наиболѣе внимательныя кажется, доказываютъ, что индивидъ, который находится нѣкоторое время среди дѣйствующей толпы, вскорѣ, *вслѣдствіе ли нѣкоторыхъ теченій, которыя устанавливаются въ толпѣ, или въ силу какой-либо иной причины, которой мы не знаемъ*, впадаетъ въ нѣкоторое специфическое состояніе, близко напоминающее состояніе гипнотизуемыхъ субъектовъ въ то время, какъ они находятся въ рукахъ гипнотизеровъ» **).

Способно ли такое «объясненіе» фактовъ сколько-нибудь удовлетворить насъ? Въ случаяхъ гипноза мы имѣемъ дѣло съ извѣстнымъ рядомъ причинно-обусловленныхъ явленій: опредѣленными формами психическаго воздѣйствія и опредѣленною реакціей. Въ массовомъ движеніи, вмѣсто опредѣленнаго психическаго воздѣйствія, передъ нами ставится совершенно неопредѣленная величина: какія-то невидимыя теченія, которыя устанавливаются въ толпѣ, или

*) L'inconscience semble être l'âme même des foules. См. D-r P. Aubry. La contagion du meurtre. 3-е изд. 1896 г. Стр. 230.

**) Назв. соч., стр. 19.

какой-либо иной силы, которой мы совсѣмъ не знаемъ. Оставаться въ области подобныхъ аналогій не значитъ ли откровенно сознаться, что мы не понимаемъ, не въ состояніи выяснить сущности изслѣдуемыхъ явленій, стоимъ передъ темною и непроницаемой загадкой?

Намъ думается, необходимо подойти къ вопросу, становясь на существенно иную точку зрѣнія, осмысливъ, прежде всего, проблему въ ея глубокой *методологической* основѣ. Съ этой стороны задача, которою намъ предстоитъ заняться, представляется намъ въ слѣдующей общей схемѣ, въ слѣдующемъ логическомъ развитіи.

Прежде всего, совершенно очевидно, что между лицами, входящими въ толпу, устанавливаются извѣстныя формы психическаго взаимодѣйствія, и въ этихъ психическихъ взаимодѣйствіяхъ, а отнюдь не въ дѣйствіи какихъ-то невѣдомыхъ намъ силъ или въ какихъ-то загадочныхъ «теченіяхъ», лежитъ ключъ къ пониманію интересующихъ насъ явленій. Слѣдовательно, *психическія взаимодѣйствія*, существующія въ толпѣ, въ ихъ живомъ и реальномъ своеобразіи, вотъ въ наиболѣе общемъ и широкомъ опредѣленіи *предметъ* настоящаго изслѣдованія. Тайна названныхъ взаимодѣйствій можетъ быть открыта, конечно, лишь путемъ анализа, но, не приступая къ еще такому анализу, мы не затруднимся намѣтить *руководящій принципъ*, который позволитъ намъ болѣе точнымъ образомъ формулировать вопросъ и свяжетъ предметъ нашего изслѣдованія съ болѣе общею и широкою проблемою. Особенности, представляемыя психикой массовыхъ движеній, будучи разсматриваемы съ извѣстной точки зрѣнія, должны быть отнесены къ явленіямъ *соціальной* жизни. Этимъ опредѣляется и та широкая область фактовъ, въ которой мы должны искать глубокихъ аналогій, освѣщающихъ темные пункты и именно глубокое психическое преобразованіе человѣка въ массовыхъ движеніяхъ. Подобныхъ аналогій у насъ передъ глазами, въ повседневной жизни, неисчерпаемое множество. Общество, общественная среда вездѣ, безусловно въ каждой сферѣ жизни, оказываетъ на личность глубокое и мощное вліяніе; удивительно ли, что это вліяніе нигдѣ и никогда не проявляется такимъ яркимъ и рѣзкимъ образомъ, какъ именно въ наиболѣе острые моменты соціальной жизни, или въ моменты наиболѣе интенсивной соціальной жизни, т. е. въ толпѣ или въ массовомъ движеніи.

Этотъ уголъ зрѣнія, какъ краеугольный камень, ляжетъ въ основу настоящаго очерка, имѣющаго своей задачей выяснить тѣ *специфическія*, конкретныя и живыя формы психическаго взаимодѣйствія, которыя устанавливаются *въ толпѣ* между индивидуальной *личностью* и окружающей *средой*.

Въ силу элементарныхъ особенностей человѣческой природы, переживанія человѣка существенно различны въ зависимости отъ условій соціальной обстановки. Настроеніе,—чувства, съ которыми мы относимся къ окружающимъ,—тонъ, окраска всѣхъ нашихъ переживаній,—все это въ значительной степени варіируетъ въ зависимости какъ отъ характера людей, съ которыми мы встрѣчаемся, такъ и отъ характера среды, въ которой намъ приходится вращаться. Данная категорія людей и данная среда отталкиваютъ насъ; другая соціальная среда, какъ и другая категорія людей, влекутъ къ себѣ, «притягиваютъ» насъ, завладѣваютъ нашими симпатіями, производятъ на насъ какое-то неотразимое нравственное обаяніе; между нами устанавливается глубокая нравственная общность съ извѣстными формами моральнаго взаимодѣйствія.

Чѣмъ же обусловливаются эти глубокія различія въ характерѣ отношенія личности къ окружающей средѣ? Не претендуя исчерпать вопросъ, какъ общее правило, можно утверждать: чѣмъ болѣе *общаго, общихъ переживаній* между мною и окружающей средой,—тѣмъ тѣснѣе и ближе наши отношенія, тѣмъ болѣе прочнымъ и глубокимъ образомъ завязывается между нами извѣстная нравственная связь. Люди, слишкомъ мало сходные по своей натурѣ, по своему общему нравственному складу, живущіе интересами совершенно разными, съ различными взглядами на вещи, разными привычками и пр.,—останутся другъ для друга болѣе или менѣе чуждыми. Въ обществѣ мы ежедневно сталкиваемся съ людьми, съ которыми, повидимому, не имѣемъ ничего—или чрезвычайно мало—общаго, и мы чувствуемъ, что между нами стоитъ что-то, — нѣчто, разъединяющее, отталкивающее насъ, сообщающее нашимъ отношеніямъ извѣстную натянутость, препятствующее нашему моральному, интимному, сближенію. Напротивъ, пусть вы встрѣтитесь съ людьми, съ которыми вы находите много общихъ точекъ соприкосновенія,—людьми, напр., раздѣляющими тѣ же политическіе, соціальные, научные и пр. взгляды, или одинаково интересующимися какою-нибудь общею областью явленій, — и вы сейчасъ же замѣчаете, что между вами устанавливается извѣстная *нравственная связь*, — т. е. нѣкоторая общность, которая шире, нежели тѣ непосредственные интересы, какіе васъ связываютъ. Какимъ образомъ объясняется эта любопытная особенность человѣческой натуры, — на разсмотрѣніи даннаго вопроса я не могу останавливаться въ настоящемъ очеркѣ: это завело бы насъ слишкомъ далеко. Могу только повторить слова, которыя сказаны и подробнѣе развиваются много въ другомъ мѣстѣ и въ иной связи мыслей, — (въ изслѣдованіи, предметъ котораго—происхожденіе нравственныхъ привязанностей): «все, что способно создавать между людьми нѣчто общее,—прежде всего, разумѣется, долгое совмѣстное существованіе, общія традиціи, общія привычки, *всякое общее переживаніе вообще*,

какое-нибудь общее воспоминаніе, напр.,—все это связываетъ человѣка съ человѣкомъ, создаетъ между людьми извѣстную нравственную близость, извѣстную нравственную связь».

Мы настаиваемъ на этихъ общихъ и прелимипарныхъ замѣчаніяхъ. Они позволятъ намъ понять, какимъ образомъ отношенія складываются въ толпѣ между каждой отдѣльной личностью и окружающей средой; намъ не трудно будетъ убѣдиться въ существованіи особой моральной связи, соединяющей людей въ толпу и обусловливаемой извѣстной общностью переживаній; мы, наконецъ, поймемъ, какимъ образомъ изъ этой моральной связи проистекаютъ съ психологической необходимостью извѣстныя формы психическаго взаимодѣйствія, объясняющія отмѣченныя выше особенности и свойства въ психической организаціи массъ.

Обращаемся къ анализу. Постараемся выяснить переживанія человѣка, какъ эти переживанія опредѣляются условіями и характеромъ массовыхъ движеній.

Начать съ того, что въ каждой массѣ, въ каждомъ скопищѣ людей, въ каждой толпѣ, собравшейся по тому или другому поводу, между людьми, которые входятъ въ массу, всегда существуютъ нѣкоторыя *общія точки соприкосновенія*, — въ видѣ ли нѣкоторыхъ элементовъ *эмоціоннаго характера* (возьмите хотя бы самый грубый видъ толпы,—толпу зѣвакъ, слѣдящихъ за какимъ-нибудь уличнымъ происшествіемъ), въ видѣ ли извѣстныхъ переживаній *идейнаго*, или *эмоціонно-идейнаго характера*,—случай, наиболѣе общій и имѣющій мѣсто въ тѣхъ массовыхъ движеніяхъ, которыя въ настоящемъ очеркѣ будутъ по преимуществу интересовать насъ. Между отдѣльными лицами, входящими въ толпу, могутъ существовать самыя глубокія различія съ точки зрѣнія интеллектуальнаго и моральнаго развитія, міросозерцанія и пр.; какъ ни значительны, однако, всѣ эти индивидуальныя различія рядомъ съ ними и *надъ ними* существуетъ нѣчто общее,—нѣкоторыя общія переживанія, которыя присущи всѣмъ и каждому. Мы говоримъ, что нѣкоторыя общія переживанія получаютъ въ массахъ, по необходимости, значеніе *господствующаго* психическаго момента, и это въ силу слѣдующихъ причинъ. Во первыхъ, извѣстные общіе или общественные интересы, будучи восприняты, отразившись сколько-нибудь глубокимъ образомъ въ сознаніи массъ, интенсифицируются, воспринимаются болѣе живымъ и яркимъ образомъ въ индивидуальномъ сознаніи каждаго, отчасти въ связи съ законами, о которыхъ намъ придется ниже говорить. Во вторыхъ, индивидуальныя различія натуръ, исключающія часто возможность всякихъ общихъ переживаній, извѣстныя противорѣчія во взглядахъ и стремленіяхъ, которыми обусловливается образованіе глубокихъ антипатій, тысячи мотивовъ, которые вызываютъ трепія и служатъ разъединяющимъ, отталкивающимъ моментомъ въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку,—все это не имѣетъ случая, повода, причины про-

явиться въ массовомъ движеніи. Въ толпѣ люди встрѣчаются, сталкиваясь лишь на почвѣ общихъ переживаній, опредѣляемыхъ условіями, характеромъ и задачами общаго движенія. Съ другой стороны, извѣстныя общія переживанія, разъ только они обнаруживаются въ толпѣ съ достаточною живостью, въ извѣстной степени опредѣляютъ и дальнѣйшія переживанія массъ, въ силу хорошо извѣстнаго закона: переживанія, которыя составляютъ содержаніе нашего сознанія въ каждую данную минуту, *настраиваютъ* насъ извѣстнымъ образомъ, —создаютъ то, что въ психологіи принято называть извѣстною «костелляціей представленій», т. е. сообщаютъ ближайшимъ переживаніямъ опредѣленный тонъ, опредѣленную окраску. Поэтому существующіе психологическіе контрасты, поскольку вообще они могутъ проявиться въ массовомъ движеніи, проявляются въ значительной степени стушеванными; для общности переживаній массъ создается тѣмъ болѣе благопріятная психологическая почва.

Далѣе.

Мы сказали,—чѣмъ болѣе *общихъ переживаній* между мною и окружающей средой, чѣмъ болѣе эти переживанія ярки, тѣмъ болѣе прочнымъ и глубокимъ образомъ завязывается между нами извѣстная *нравственная связь*. Ясно, какая глубокая *нравственная связь* должна возникнуть въ рядахъ людей, поддавшихся такъ или иначе общему движенію, при томъ характерѣ общности переживаній массъ, о которомъ мы выше говорили. Натуры, съ наиболѣе различными моральными задатками, встрѣчаясь на почвѣ общихъ массовыхъ переживаній, испытываютъ какую-то глубокую нравственную близость, какое-то своеобразное душевное сродство: каждый, кому доводилось принимать участіе такъ или иначе въ массовомъ движеніи, подтвердитъ эту своеобразную особенность въ психикѣ толпы. Изъ этого капитальнаго психологическаго факта проистекаетъ слѣдующая дальнѣйшая особенность въ психической организаціи массъ. Болѣе или менѣе живо сознавая, что между мною и окружающей средой существуетъ нѣчто общее,—нѣчто, образующее между нами извѣстную нравственную связь, объединяющее насъ въ особое нравственное цѣлое, сообщающее намъ характеръ нѣкотораго нравственнаго единства, —я естественно начинаю испытывать со стороны толпы неотразимое *моральное давленіе*. Встрѣчаясь съ вами на почвѣ личныхъ индивидуальныхъ отношеній, я счелъ бы васъ, быть можетъ, самымъ полнымъ нравственнымъ ничтожествомъ, сталъ бы совершенно игнорировать и васъ, и ваши мнѣнія. Въ толпѣ наши отношенія складываются уже существенно иначе. Всѣ личные контрасты исчезаютъ, притупляются: я вижу въ васъ безыменную частицу, звено нѣкотораго нравственнаго цѣлаго, съ которымъ самъ связанъ,—на основаніи сказаннаго выше, прочнымъ и глубокимъ образомъ, прочными нитями общихъ переживаній: ваша оцѣнка,

одобреніе или осужденіе моихъ поступковъ уже далеко не могутъ представляться для меня совершенно безразличными. Короче говоря, я связанъ извѣстными общими переживаніями, а, слѣдовательно, извѣстною нравственною связью, съ толпой, *какъ таковой*, т. е. съ каждой отдѣльной личностью, входящею въ составъ толпы независимо отъ индивидуальныхъ особенностей и различій, которыя каждая отдѣльная личность можетъ представлять. Отсюда—неотразимое моральное вліяніе, которое я испытываю со стороны толпы, т. е. опять таки со стороны *каждой* отдѣльной личности, входящей вмѣстѣ со мною въ данную толпу. Вспомнимъ, насколько чутко человѣкъ вообще прислушивается къ такъ называемому общественному мнѣнію, къ оцѣнкѣ своихъ поступковъ со стороны среды. Не разбѣляя односторонностей иныхъ теорій, можно, однако, смѣло утверждать, что уваженіе къ общественному мнѣнію или страхъ передъ злобою общественнаго мнѣнія являются однимъ изъ весьма серьезныхъ факторовъ, которыми опредѣляются поступки громаднаго большинства людей. Вспомнимъ это общеизвѣстное явленіе, сопоставимъ съ нимъ указанныя особенности въ психической организаціи массъ, и мы поймемъ, почему въ толпѣ каждый индивидъ стремится сообразовать собственные акты съ актами среды, испытываетъ глубокое и почти неодолимое влеченіе въ сторону общаго движенія.

Такимъ образомъ, входя въ толпу, индивидъ уже чувствуетъ себя извѣстнымъ образомъ настроеннымъ, имѣетъ *тенденцію* реагировать въ опредѣленномъ направленіи, т. е. въ извѣстномъ единеніи съ окружающей средой, и на этой своеобразной психологической основѣ разыгрываются непроизвольныя, такъ называемыя *идео-моторныя реакціи*, которыя могутъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, сообщать движеніямъ и дѣйствіямъ толпы въ извѣстныхъ случаяхъ характеръ самаго грубаго и полнаго автоматизма.

Почти всякій знаетъ, что извѣстныя *движенія*, будучи кѣмъ-нибудь произведены, затѣмъ съ чрезвычайной легкостью воспроизводятся чисто-рефлекторнымъ образомъ окружающей средой. Такъ, напр.,—чтобы взять самый обыденный и банальный случай,—если около васъ кто-нибудь примется зѣвать, зѣвота обыкновенно сейчасъ же сообщается, «передается» вамъ, т. е. вы начинаете невольно обнаруживать соотвѣтствующій рефлексъ. Точно такъ же «заразительны», какъ извѣстно, и смѣхъ, кашель, до нѣкоторой степени, извѣстныя движенія мимики и пр. Хорошей иллюстраціей сказаннаго можетъ служить наблюденіе д-ра Баженова, который сообщаетъ, какъ на одномъ изъ представленій Сары Бернаръ, въ самый трагическій моментъ, когда вниманіе всѣхъ было прикковано къ губамъ артистки и изображаемая ею героиня, въ мукахъ предсмертной агоніи, начинала задыхаться отъ удушающаго кашля,

въ залѣ разразилась цѣлая эпидемія кашля, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, за этимъ шумомъ, нельзя было разобрать словъ артистки. Подобно указаннымъ движеніямъ *непроизвольнаго* характера, легко воспроизводится средой и всякое *произвольное* движеніе, встрѣчающее въ данной средѣ, въ условіяхъ соціальной обстановки, нѣкоторую подходящую психологическую почву. Д-ръ Aubry разсказываетъ о слѣдующемъ экспериментѣ въ этомъ родѣ, не лишенномъ оригинальности. «Въ бытность мою студентомъ, одинъ изъ моихъ товарищей,—говоритъ онъ,—изобрѣлъ, въ амфитеатрѣ для диссекцій, маленькую игру, которую мы окрестили «музыкальнымъ рефлексомъ». Въ минуту совершенной тишины мы пропѣвали нѣсколько тактовъ изъ какого-нибудь популярнаго мотива, потомъ внезапно обрывали мотивъ. Постоянно, по прошествіи нѣкотораго времени, не превышавшаго нѣсколькихъ секундъ, мотивъ повторялся въ другомъ концѣ зала, тѣмъ или другимъ, и—я подчеркиваю это—совершенно машинально» *).

Всѣ подобныя явленія, перечень которыхъ читатель, вѣроятно, не затруднится въ значительной степени расширить и самъ, находятъ себѣ удовлетворительное объясненіе въ современной психологіи въ связи съ упомянутымъ *закономъ* такъ называемыхъ *идео-моторныхъ реакцій*. Этотъ законъ мы можемъ выразить,—вмѣстѣ съ W. James'омъ,—примѣнительно къ указаннымъ выше случаямъ, слѣдующимъ образомъ: всякое представленіе, имѣющее объектомъ какое-нибудь опредѣленное движеніе, порождаетъ тенденцію воспроизвести данное движеніе, и данная тенденція, дѣйствительно, реализуется, если ее не парализуетъ антагонистическое представленіе, одновременно имѣющееся въ сознаніи **).

Эта формула является, однако, лишь *частнымъ* выраженіемъ того, что принято понимать подъ закономъ идео-моторныхъ реакцій. Возьмите тотъ же законъ въ его наиболѣе общей формулировкѣ, и вы поймете не только указанные выше случаи воспроизведенія однимъ лицомъ нѣкоторыхъ наиболѣе элементарныхъ движеній, совершаемыхъ окружающей средой, но и болѣе сложные случаи «психическаго зараженія».

Въ наиболѣе общей и широкой формулировкѣ законъ идеомоторныхъ реакцій можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: *всякій психическій процессъ*, образующій содержаніе нашего сознанія въ каждую данную минуту, вызываетъ или, по крайней мѣрѣ, имѣетъ тенденцію вызвать, опредѣленныя *движенія*, т. е. игру всѣхъ или опредѣленныхъ мускуловъ, извѣстныя тѣлодвиженія, сопровождаемыя извѣстной мимикой и пр.; при этомъ, чѣмъ ярче и живѣе психическій процессъ, тѣмъ болѣе рѣзко и ярко обнаруживаются и соотвѣтствующія движенія. «Движеніе,—указываетъ

*) D-r Aubry. La contagion du meurtre. 1896. Стр. 8.
**) The principle of Psychologie, 1901. Vol. II. Стр. 526.

въ этомъ смыслѣ Джемсъ,—является естественнымъ и непосредственнымъ эффектомъ нашихъ внутреннихъ переживаній, какъ бы формы этихъ переживаній ни были различны. Указанный законъ одинаковымъ образомъ воспроизводится и въ простыхъ рефлексахъ, и въ такъ называемыхъ естественныхъ выраженіяхъ ощущеній, и въ области всѣхъ нашихъ волевыхъ процессовъ» *). Нужно чрезвычайное умѣніе владѣть собою для того, чтобы хотя въ нѣкоторой степени скрывать отъ окружающихъ тѣ чувства, которыя волнуютъ насъ; въ полной же мѣрѣ эта способность, какъ извѣстно, не дается никому. Мы всегда умѣемъ болѣе или менѣе угадать, прочесть скрытыя интимныя переживанія людей, которыхъ мы сколько-нибудь близко знаемъ, потому, конечно, что нѣтъ такого психическаго состоянія, которое не обнаруживало бы тенденціи проявиться болѣе или менѣе характерными внѣшними движеніями, характерными для даннаго психическаго акта, и, въ извѣстныхъ границахъ, разумѣется, для даннаго лица.

Мы не станемъ развивать подробнѣе указанныя общія положенія, которыя признаются въ современной психологіи прочно установленными. Мы желали лишь напомнить эти положенія, и теперь позволимъ себѣ въ видахъ наглядности резюмировать тѣ выводы, къ которымъ приводятъ предшествующія замѣчанія, въ слѣдующей двоякой формулѣ:

А. Извѣстныя *движенія*, произведенныя однимъ лицомъ, обнаруживаютъ естественную тенденцію *воспроизвестись* другимъ лицемъ или окружающей средой.

В. Всякое *внутреннее переживаніе* человѣка переводится или обнаруживаетъ тенденцію перевестись рядомъ опредѣленныхъ органическихъ реакцій или болѣе или менѣе сложною системою *движеній*.

Слѣдуетъ замѣтить, что послѣднее изъ данныхъ положеній оказывается справедливымъ и въ обратномъ смыслѣ, т. е. достаточно, чтобы человѣкъ сталъ воспроизводить болѣе или менѣе механически извѣстныя внѣшнія движенія, отвѣчающія извѣстному психическому типу, т. е. «выражающія» опредѣленное психическое состояніе, и, вмѣстѣ съ этою игрою, и внутреннія переживанія человѣка, мысли, чувства стремятся проявить, если можно такъ выразиться, соотвѣтствующее движеніе. Желая симулировать какое-либо настроеніе, человѣкъ сплошь и рядомъ до такой степени «увлекается» своими жестами и позами, что уже и самъ теряетъ способность ясно различать, гдѣ кончается игра и начинается дѣйствительность. Если всякая эмоція стремится перевестись въ извѣстный жестъ, то въ свою очередь и всякій жестъ, выражающій собою болѣе или менѣе опредѣленную эмоціюто, будитъ въ сознаніи соотвѣтствующія представленія и вмѣстѣ съ тѣмъ стремится

*) Тамъ же, стр. 527.

[illegible], [illegible] на основаніи сказаннаго выше (формула А), отчасти въ силу игры ассоціацій, дальнѣйшія внутреннія и внѣшнія движенія того же эмоціоннаго характера *).

Указанныя выше положенія, формулирующія законъ идео-моторныхъ реакцій, дополняются, слѣдовательно, еще однимъ крайне существеннымъ положеніемъ, которое можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ:

С. Извѣстныя эмоціонныя движенія, будучи такъ или иначе воспроизводимы, имѣютъ тенденцію проявить и соотвѣтствующую эмоцію, соотвѣтственное настроеніе.

Сопоставляя отмѣченныя положенія съ тѣмъ, что было выше сказано относительно особенностей въ психической организаціи массъ, читатель, вѣроятно, не затруднится уже объяснить происхожденіе тѣхъ темныхъ и загадочныхъ «теченій», о которыхъ говоритъ Лебонъ, — теченій, которыми обусловливается образованіе своеобразныхъ явленій *психическаго массоваго зараженія*.

Допустимъ, что извѣстное настроеніе обнаружится въ толпѣ въ рядѣ пунктовъ: это настроеніе будетъ передаваться отъ индивида къ индивиду двоякимъ образомъ.

Во-первыхъ, настроеніе данныхъ группъ будетъ выражаться характерными *эмоціонными движеніями*, которыя станутъ распространяться въ средѣ волнующейся толпы, при указанной общности нравственныхъ переживаній массы, какъ распространяются, при соотвѣтствующихъ условіяхъ среды, тѣ болѣе элементарныя движенія произвольнаго и непроизвольнаго характера, которыя упомянуты выше и давно отмѣчаются въ литературѣ, какъ банальныя и общеизвѣстныя явленія (Формула А.). Съ другой стороны, эти

---

*) Ср. Bain. Emotion and Wile. Стр. 380 и сл. «Подавленіе извѣстнаго движенія (эмоціоннаго характера) имѣетъ тенденцію подавить и соотвѣтствующее нервное возбужденіе, которое данному движенію отвѣчаетъ... Точно такъ же путемъ внѣшнихъ и наружныхъ дѣйствій, умѣло управляя нашими внѣшними движеніями, мы можемъ будить и стимулировать дремлющія чувства. Точно воспроизводя извѣстныя эмоціонныя движенія, мы незамѣтнымъ образомъ стремимся вызвать и соотвѣтствующее настроеніе». Ср. также развитіе этой мысли у І. Джемса, который видитъ первичный фактъ всякой эмоціи въ извѣстныхъ органическихъ реакціяхъ, и фактъ производный—пассивное зарегистрированіе органическихъ реакцій въ эмоціи, какъ душевномъ переживаніи. Извѣстно изреченіе Джемса: «мы не потому плачемъ, что грустны, но потому грустны, что плачемъ.» Съ нашей точки зрѣнія, грусть, какъ и всякое психическое состояніе, сопровождается извѣстными формами органическихъ реакцій,- сокращеніемъ извѣстныхъ мускуловъ, измѣненіями въ ритмѣ или тонѣ жизненныхъ процессовъ, слезами и пр. Съ другой стороны, именно потому, что извѣстныя психическія состоянія и соотвѣтствующія органическія реакціи имѣютъ характеръ *неразрывнаго комплекса*, мы не можемъ «плакать», т. е. не можемъ обнаруживать всей совокупности симптомовъ, въ которыхъ грусть манифестируется, и, въ то же время, не испытывать нѣкоторой внутренней душевной подавленности.

эмоціонныя движенія, проявляясь первоначально въ извѣстныхъ границахъ, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе механически, будутъ служить дѣятельнымъ импульсомъ, вызывающимъ проявленіе соотвѣтственныхъ эмоцій (Формула С.). Далѣе, чѣмъ шире и глубже проявится настроеніе, тѣмъ рѣзче будутъ обнаруживаться эмоціонныя движенія, и всякій новый стимулъ, дѣйствующій на массу въ опредѣленномъ направленіи, будетъ создавать все болѣе и болѣе глубокое эмоціонное движеніе.

Во-вторыхъ, разъ только извѣстное настроеніе выразится достаточно глубокимъ образомъ и получитъ въ толпѣ достаточно широкое распространеніе, оно переведется (формула В.) въ *общее*, болѣе или менѣе координированное, *движеніе*, выразится агрессивными актами и пр., и это общее координированное движеніе, еще въ большей степени, нежели мелкія движенія эмоціоннаго характера, усилитъ, подниметъ и взвинтитъ настроеніе массы...

Мы повторяемъ и подчеркиваемъ, такъ какъ эта оговорка представляется намъ чрезвычайно важной, что указываемая игра непроизвольныхъ массовыхъ реакцій тогда лишь станетъ для насъ совершенно осязательнымъ и понятнымъ фактомъ, понятнымъ и яснымъ психологическимъ явленіемъ, если мы не будемъ упускать изъ виду извѣстной общности нравственныхъ переживаній массъ, образующей основу, корень, исходный пунктъ всякаго массоваго движенія. Отбросьте этотъ капитальный психологическій моментъ, какъ это обыкновенно дѣлается, представьте себѣ толпу, какъ сумму лицъ, лишенныхъ глубокой нравственной, духовной связи, и напрасно будетъ ссылаться на законъ идео-моторныхъ реакцій, всякія массовыхъ движеній останется для васъ совершенно темной... Разумѣется, чѣмъ живѣе и ярче воспринимаются толпой извѣстныя общія переживанія, тѣмъ болѣе рѣзкимъ образомъ будутъ проявляться въ жестахъ и дѣйствіяхъ толпы и соотвѣтствующія непроизвольныя идео-моторныя реакціи, тѣмъ больше будетъ [illegible] знательности и стихійности въ массовомъ движеніи.

Рядомъ съ указанными нравственными моментами, еще и другіе факторы способствуютъ нравственному сплоченію массъ, способствуютъ, слѣдовательно, и образованію тѣхъ специфическихъ нравственныхъ тенденцій, на почвѣ которыхъ могутъ развертываться съ такою поражающею силой непроизвольныя идео-моторныя реакціи.

Въ этомъ отношеніи, прежде всего, заслуживаетъ вниманія слѣдующій моментъ.

Во всякомъ массовомъ движеніи, поскольку съ нимъ сопряженъ для массъ извѣстный опасности, или извѣстный рискъ, инстинктъ самосохраненія, этотъ деспотическій инстинктъ, который въ большей степени, нежели всякій другой, способенъ заглушать

разсудокъ и совѣсть человѣка, стимулируется весьма и весьма глубокимъ образомъ. Благодаря этому моменту, указанные процессы психическаго массоваго зараженія должны естественно проявляться, въ соотвѣтствующихъ случаяхъ, еще болѣе рѣзкимъ и глубокимъ образомъ, съ еще болѣе неудержимою, стихійной силой.

Для того, чтобы сдѣлать это положеніе достаточно нагляднымъ, обратимся на минуту къ психологіи индивидуальной личности и постараемся понять, какимъ образомъ этотъ своеобразный инстинктъ обнаруживается и проявляется въ душѣ отдѣльнаго человѣка въ случаяхъ наиболѣе простыхъ: и слѣ этихъ общихъ замѣчаній намъ станутъ болѣе понятны и соотвѣтствующія теченія, которыя создаются подъ вліяніемъ инстинктивнаго, безсознательнаго и непроизвольнаго стремленія къ самосохраненію, въ связи съ указанными идео-моторными реакціями, въ сферѣ массовыхъ движеній.

Возьмите самое элементарное движеніе самозащиты: вы неосторожно подносите руку къ какому-нибудь горящему предмету и сейчасъ же отдергиваете ее; вы замѣчаете при томъ, и въ этомъ заключается психологически наиболѣе характерная особенность даннаго движенія, что мысль объ обжогѣ возникаетъ уже *послѣ* того, какъ соотвѣтствующее движеніе произошло. То же повторяется и при всякомъ движеніи аналогичнаго характера: сперва совершается извѣстное инстинктивное движеніе самосохраненія, приспособленное къ данной средѣ, данной обстановкѣ, потомъ лишь возникаетъ соотвѣтствующая мысль, соотвѣтствующее сознаніе. Вы дѣлаете неловкій шагъ и, чтобы не утратить равновѣсія, машинально хватаетесь за первый попавшійся подъ руки предметъ, прежде чѣмъ успѣваете отдать себѣ отчетъ въ совершаемомъ движеніи. Этимъ чисто *инстинктивнымъ*, *безсознательнымъ*, *непроизвольнымъ* характеромъ движеній, диктуемыхъ элементарными требованіями самосохраненія, объясняется и рядъ явленій, которыя, на первый взглядъ, трудно поддаются объясненію или ведутъ къ выводамъ, грубо извращающимъ характеръ человѣческой природы и ея интимныхъ стремленій. Вообразите одну изъ тѣхъ потрясающихъ картинъ, описаніе которыхъ такъ часто давалось очевидцами, хотя бы пожаръ въ закрытомъ и многолюдномъ помѣщеніи. Факты доказываютъ, что люди способны обнаруживать въ подобныхъ случаяхъ невѣроятную жестокость. Толпа бросается къ выходамъ съ неудержимой силой и безпощадно давитъ, душитъ, топчетъ всякаго, кто не устоитъ среди этого бѣшенаго урагана. Самыя элементарныя чувства человѣчности попираются ногами. Сколько разъ изъ такихъ фактовъ дѣлались крайне пессимистическіе выводы касательно нравственной природы человѣка. Нравственныя понятія нашего цивилизованнаго общества признавались чѣмъ-то поверхностнымъ, искусственно привитымъ, неизбѣжно стушевывающимся передъ холодными требованіями грубо-физическаго существованія. Между тѣмъ, чтобы объяснить подобныя явленія, необходимо имѣть въ виду,

что и въ данныхъ случаяхъ человѣкъ въ значительной степени не отдаетъ себѣ отчета въ реализуемыхъ движеніяхъ: *мысль* о самосохраненіи имѣетъ характеръ *вторичнаго* явленія; первичнымъ фактомъ является рефлекторное движеніе самосохраненія, движеніе приспособленное къ характеру и условіямъ обстановки *).

Изъ сдѣланныхъ замѣчаній самъ собою напрашивается слѣдующій выводъ: въ толпѣ инстинктъ самосохраненія долженъ естественно принять тѣ специфическія формы, которыя отвѣчаютъ условіямъ массовыхъ движеній, требующихъ именно въ интересахъ безопасности каждой отдѣльной личности глубокаго и самаго дѣятельнаго *контакта* отдѣльной личности съ окружающей средой. Въ этомъ живомъ контактѣ вся сила единичной личности въ толпѣ, и за эту силу всякій въ толпѣ хватается невольно при видѣ всякой надвигающейся опасности, какъ ухватился бы, теряя равновѣсіе, за первый попавшійся подъ руки предметъ. И тутъ наблюдается та же психологическая черта, которая отмѣчена нами выше. Человѣкъ идетъ вслѣдъ за толпой, не отдавая себѣ въ этомъ сколько-нибудь яснаго отчета, въ значительной степени даже не сознавая своего движенія или смутно испытывая такое впечатлѣніе, точно его несетъ какая-то таинственная сила. При этомъ каждый индивидъ въ толпѣ инстинктивнымъ образомъ ищетъ самосохраненія въ глубокой солидарности со средой, точно увлекаемый какою-то посторонней силой, машинально слѣдуетъ въ своихъ движеніяхъ за движеніями другихъ. Такимъ образомъ, при первой же опасности, и даже намекѣ на опасность, нравственныя узы, связывающія толпу, завязываются еще болѣе плотнымъ и глубокимъ образомъ, и движенія каждой отдѣльной личности окончательно теряютъ не только предумышленный, но и всякій *умышленный* характеръ.

Прибавьте къ сказанному рядъ другихъ моментовъ: рѣзкія противорѣчія, которыя ужились въ натурѣ человѣка, существованіе въ каждомъ индивидѣ грубо-антагонистическихъ тенденцій, проявляемыхъ, въ значительной степени, согласно случайностямъ момента, т. е. дѣйствующихъ въ каждую данную минуту возбудителей: извѣстные соціальные антагонизмы—расовые, классовые и пр., складывавшіеся и развивавшіеся вѣками, обыкновенно дремлющіе въ глубокихъ тайникахъ сознанія и проявляемые со всею силою, со всею яркостью среди извѣстныхъ массовыхъ переживаній, нѣкоторый разсчетъ на безнаказанность, естественный

*) Непроизвольный характеръ указанныхъ движеній усиливается еще тѣмъ, что во всѣхъ аналогичныхъ случаяхъ (подводимыхъ подъ общее понятіе „паники") мы, въ сущности, имѣемъ дѣло съ нѣкоторымъ особымъ массовымъ движеніемъ. Извѣстные элементы массоваго психическаго зараженія, слѣдовательно, имѣются и тутъ.

въ массовыхъ движеніяхъ *), неотразимое обаяніе «силы», упоеніе «властью», которыя въ толпѣ пріобрѣтаетъ всякая ничтожность **); неизбѣжное соперничество, какъ въ хорошую, такъ и въ дурную сторону, естественное въ массахъ: нѣкоторое чувство раздраженія, обусловливаемое, можетъ быть, отчасти тѣмъ, что каждой личности въ толпѣ приходится, въ значительной степени, насиловать себя, свою натуру, свои природныя стремленія и наклонности. Сопоставьте, сблизьте всѣ эти отдѣльные моменты, свяжите ихъ со всѣмъ, что было сказано выше, и вы поймете, почему *рефлексъ*, невольное и безсознательное, т. е. *стихійное* стремленіе каждаго въ сторону преобладающихъ въ толпѣ теченій, составляетъ основную и наиболѣе характерную черту въ психикѣ массовыхъ движеній.

Я имѣлъ въ виду въ настоящемъ очеркѣ нѣсколько ближе подойти къ объясненію стихійнаго характера массовыхъ движеній.— и могъ бы ограничиться сдѣланными замѣчаніями. Но въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы обратить вниманіе на нѣкоторые частные выводы, которые вытекаютъ изъ произведеннаго анализа. Заключая въ себѣ постоянно элементъ стихійности, массовыя движенія могутъ представлять въ другихъ отношеніяхъ весьма существенныя различія. Съ этой точки зрѣнія можно различать массовыя движенія двоякаго характера, и такое разграниченіе имѣетъ принципіальное значеніе при реальной оцѣнкѣ массовыхъ явленій.

Массовыя движенія могутъ порождаться настоятельными и повелительными требованіями и всею совокупностью условій народной жизни. Уже изъ даннаго анализа, полагаемъ, ясно, что съ подобными движеніями нельзя бороться, какъ это подтверждаетъ и историческій опытъ человѣчества, путемъ самыхъ драконовскихъ *регрессій*, военныхъ положеній или усиленныхъ охранъ, этого испытаннаго средства «дураковъ», по хлесткому выраженію Кавура. Можно ли угрозами устрашить людей, которые идутъ, чтобы умереть, идутъ, одушевленные идеей, повиуждаемые насущнѣйшими интересами существованія широкихъ народныхъ массъ, захваченные общимъ движеніемъ, выливающимся изъ глубокихъ нѣдръ живой народной жизни?

Но массовыя движенія могутъ также создаваться болѣе или менѣе искусственнымъ путемъ, т. е. могутъ быть вызываемы спе-

*) Ср. G. Le Bon, назв. соч., стр. 18. „Такъ какъ въ толпѣ личность дѣйствуетъ какъ-бы анонимно, то и чувство отвѣтственности, которое удерживаетъ личность, дѣйствующую самостоятельно, совершенно исчезаетъ".

**) Тамъже стр. 18 и 38. „Уже благодаря одному числу, человѣкъ пріобрѣтаетъ въ массахъ ощущеніе непобѣдимой силы". „Изъ толпы дракъ, невѣжда и люди, съѣдаемые завистью, отрѣшаются отъ сознанія своего ничтожества,—сознанія, которое замѣняется чувствомъ силы,—временной, о огромной".

ціальными агентами—«провокаторами», въ видахъ осуществленія той или иной цѣли, лежащей внѣ сферы реальныхъ требованій народной жизни. Нравственныя узы, связующія массу, являются, въ этихъ случаяхъ, чрезвычайно слабыми, общность переживаній массъ лишена достаточно глубокаго характера, нѣтъ въ массахъ и глубокой солидарности частей, а инстинктъ самопожертвованія, можно сказать, отсутствуетъ вполнѣ. Но, съ другой стороны,—и это опять-таки ясно изъ произведеннаго анализа,—если движенія разсматриваемой категоріи не будутъ находить противодѣйствія или даже найдутъ поддержку со стороны власти, темные и звѣрскіе инстинкты массъ могутъ проявиться съ ужасающей силой, и толпа способна будетъ совершать акты самаго грубаго насилія, не поддающіеся квалификаціи. Историческими примѣрами въ этомъ родѣ навсегда останутся Варѳоломеевская ночь и нѣкоторыя не менѣе кровавыя избіенія совершенно неповинныхъ гражданъ,—организованныя, при тайномъ участіи правительственныхъ органовъ, въ эпохи, менѣе отдаленныя отъ насъ. Механизмъ подобнаго рода массовыхъ убійствъ обнаруживается съ такою ясностью, что можно утверждать съ абсолютною увѣренностью, что главными виновниками и отвѣтственными лицами въ подобныхъ случаяхъ являются *всегда* правительственные органы.

Психологическій анализъ, какъ и историческій опытъ культурныхъ странъ, съ неопровержимой ясностью доказываютъ, что путемъ самыхъ обыкновенныхъ мѣръ, безъ помощи какихъ-либо исключительныхъ законовъ, легко справиться съ безпорядками и безчинствами,—если можно такъ выразиться,—уличнаго происхожденія. Напротивъ, въ борьбѣ съ серьезными и общими народными движеніями самый дикій правительственный терроръ оказывается безсильнымъ и можетъ имѣть значеніе лишь затяжки кризиса; можно покрыть страну развалинами и залить ее рѣками крови,—это не сдержитъ стихійнаго напора народныхъ массъ: народный валъ, разъ поднявшись,—не можетъ успокоиться, пока не снесетъ, всѣхъ препятствій, мѣшающихъ осуществленію такого порядка, такихъ условій жизни, при которыхъ *удовлетвореніе насущнѣйшихъ требованій существованія массъ* становится возможнымъ. Къ сожалѣнію, жизнь идетъ до поры-до времени своимъ теченіемъ. Люди, ослѣпленные страстями и увлеченные борьбою, остаются глухи къ урокамъ прошлаго и къ доводамъ здраваго разсудка. Съ какимъ-то отчаяннымъ упрямствомъ они скользятъ и увлекаютъ за собой страну по наклонной плоскости, и—любопытный фактъ: объявляя войну народному движенію, они въ то же время стараются увѣрить міръ, что они безсильны, не могутъ совладать съ извѣстными эксцессами хулиганно-«патріотическаго» типа, съ движеніями, обязанными своимъ происхожденіемъ самой явной и грубой провокаціи и локализированными на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ саженей... Гр. К.

МАТЬ.

(Изъ былыхъ временъ).

Не рыдай такъ безумно надъ нимъ,
Хорошо умереть молодымъ...
Н. Некрасовъ.

I.

Удушливо-знойный день заканчивался тихимъ прохладнымъ вечеромъ. Послѣдніе лучи заката золотили красноватую пыль, висѣвшую надъ городомъ, передъ глазами мальчика, одиноко сидѣвшаго у обрыва на завалинкѣ дряхлаго полуразвалившагося дома.

Городъ не представлялъ ничего примѣчательнаго: сотни три сѣрыхъ домовъ съ пестрыми крышами, гостинный дворъ, каменный острогъ, казначейство, церковь, школа, полицейское управленіе, почтовая контора—вотъ и все. Но церковный куполъ горѣлъ красноватымъ золотомъ, сверкали окна домовъ, ярко зеленѣла трава, блестѣла разлившаяся по лугамъ извилистая рѣчка Айва, розовѣли отъ заката стѣны и крыши домовъ, и убогій городъ въ этотъ часъ казался такимъ празднично веселымъ, точно онъ радовался чему-то и улыбался привѣтливой, наивно радостной улыбкой.

Мальчика звали Мишей. На немъ были большіе сапоги съ разорванными, точно отгрызанными носками, изъ которыхъ, какъ изъ львиной пасти, выглядывали грязные пальчики, рыжій картузъ, покрывавшій голову вмѣстѣ съ ушами, и женская фланелевая кофта. Онъ походилъ на пугало, и только худое личико съ темными глазами, серьезно и грустно смотрѣвшими изъ-подъ огромнаго козырька, мѣшало этому сходству.

Мишѣ было скучно и немного жутко. Такъ съ нимъ бывало всегда, когда онъ оставался одинъ и съ боязливымъ недоумѣніемъ всматривался въ раскрывавшійся передъ нимъ міръ, непонятный и странный въ эти минуты. Онъ видѣлъ,

какъ отъ всѣхъ предметовъ тянулись длинныя тѣни, и какъ онѣ, постепенно сливаясь въ одну сѣрую массу, ползли все дальше и становились все длиннѣе, какъ стѣны и крыши домовъ, теряя веселую розовую окраску, принимали свой сѣрый будничный видъ, какъ солнце, въ послѣдній разъ заигравъ алымъ огонькомъ на крестѣ колокольни, потухло, и какъ все затѣмъ стало погружаться въ сумракъ. Мишѣ было жаль солнышка: зачѣмъ оно закатилось? Жаль было чего-то еще, было грустно, и хотѣлось плакать...

Вотъ у сосѣдей на другой сторонѣ улицы затворились окна, послѣ чего сдѣлались огненно-красными, словно налились кровью... Розовое облачко выплыло на средину неба и приняло странную форму. Миша долго смотрѣлъ на него, удивляясь, отчего оно такъ похоже на рыжаго Соболька, когда тотъ, остервенясь и поджавъ хвостъ, лаетъ на прохожихъ... Сонная муха, звеня, какъ басовая струна, пролетѣла мимо и пропала въ розовомъ воздухѣ... По улицѣ промчалась телѣга съ подгулявшими мѣщанами, и за нею надолго осталось висѣть въ воздухѣ красное облако пыли... Изъ-за угла показался пьяный подмастерье Яшка съ гармоникой. Гармоника жалобно пиликала, а самъ Яшка, лихо задравъ голову, выплясывалъ какой-то танецъ. Миша сталъ думать объ Яшкѣ и о томъ, отчего люди пьютъ, когда знаютъ, что это дурно, и давалъ себѣ слово никогда не брать въ ротъ вина... Откуда-то издалека, изъ-за рѣки донеслась заунывная пѣсня, и Миша, прислушиваясь къ ней, задремалъ. Голова его безсильно опустилась на грудь, козырекъ закрылъ все лицо...

Въ это время усталой походкой вышелъ изъ-подъ горы молодой человѣкъ и направился къ дому, гдѣ дремалъ мальчикъ. Платье на немъ было покрыто густымъ слоемъ пыли, за плечами висѣла котомка. Увидѣвъ Мишу, онъ ускорилъ шаги и, приблизившись, долго смотрѣлъ на него съ умиленной улыбкой, потомъ осторожно тронулъ его за плечо.

— Миша, а Миша!—позвалъ онъ тихо.

Миша испуганно раскрылъ глаза, стараясь приподнять мѣшавшій ему козырекъ. На лицѣ его изобразилась тревога, потомъ внезапная радость.

— Ваня!.. Братчикъ!..—звонко закричалъ онъ, весь преобразившись и цѣпляясь за брата руками.

Тотъ засмѣялся, поцѣловалъ его, обнялъ, взялъ въ охапку и понесъ во дворъ.

Миша, весь дрожа и болтая въ воздухѣ ногами, смѣялся и кричалъ:

— Мама!.. Ваня пріѣхалъ!.. Ей-Богу!..

Старая женщина, доившая корову, услыхавъ крикъ,

вздрогнула, поблѣднѣла, выронила изъ рукъ подойникъ и, похолодѣвъ отъ волненія, спотыкаясь, побѣжала навстрѣчу. Она безсильно шевелила высохшими губами, слезы ручьемъ текли изъ ея глазъ.

Четверть часа спустя всѣ трое сидѣли за самоваромъ. Мать жадными, полными слезъ глазами смотрѣла на гостя.

— Господи...—бормотала она, страдая отъ радости и волненія:—не ждали, не думали, не гадали... Только корову начала доить, думаю: подою корову, стану опару цѣдить, вдругъ Миша кричитъ не своимъ голосомъ, и твой смѣхъ слышу... Въ мысляхъ не было... Откуда ты? Какъ? Здоровъ-ли? Надолго-ли?..

Сынъ смотрѣлъ на мать съ снисходительно-нѣжной улыбкой и думалъ: „Боже! какъ она постарѣла!..“

— Два года не видались... какъ соскучились-то, — продолжала мать.—Письмо отъ тебя получили мѣсяцъ назадъ, а отвѣчать не знали куда: ты адреса не далъ... Всего передумали... Миша-то, смотри, большой ужъ... Онъ грамотей у меня, читаетъ и пишетъ... Что-жъ ты не кушаешь, голубчикъ?.. Ѣда-то у насъ плохая... Погоди, я яичекъ сварю... есть у меня... свои куры нанесли.., Сейчасъ, сейчасъ!..

И, путаясь слабыми ногами, она побѣжала въ чуланъ.

— Розно знала, не продала въ ту пятницу... Яички свѣженькія,—говорила она, возвращаясь.

Ваня хотѣлъ спросить, какъ они живутъ, но оглянулся кругомъ, и слова замерли на его губахъ: изъ всѣхъ угловъ смотрѣла на него голодная, непокрытая бѣдность. Сѣрыя стѣны, когда-то оклеенныя обоями, и закопченый потолокъ носили слѣды дождевыхъ потоковъ; прогнившій полъ мѣстами провалился; въ переднемъ углу торчала пакля, которою была заткнута дыра отъ выпавшихъ зауголковъ; печь развалилась; косяки у оконъ сгнили, превратившись въ труху; стекла были заклеены газетной бумагой... Деревянный некрашеный столъ, шкафъ и четыре табурета составляли всю мебель. Кроватей не было, и спали, очевидно, на полу...

„Да они нищіе“, подумалъ Ваня, и у него болѣзненно сжалось сердце.

Миша съ голодной алчностью смотрѣлъ, какъ братъ очищалъ отъ скорлупы яйцо.

— Хочешь?—спросилъ его Ваня.

— Нѣтъ, нѣтъ! испуганно и виновато отвѣчалъ тотъ:—ѣшь ты, я хлѣба наѣмся.

— Скушай, ничего, — промолвила мать. — Не даю ему яицъ-то: продаю,—прибавила она, улыбаясь.

— Ему не хватитъ... я не хочу...

— Не церемонься, бери.

Миша взялъ, круто посолилъ и сталъ ѣсть, стараясь какъ можно больше забрать въ ротъ хлѣба и какъ можно меньше яйца. Ваня заставилъ его взять еще яйцо, которое тотъ съѣлъ съ такою же жадностью.

— Небогато вы живете,—криво усмѣхнувшись, пошутилъ гость.

— Гдѣ богато!—отвѣчала мать.—Четыре рубля шестьдесятъ копѣекъ пенсіи получаемъ, вотъ и живемъ... Корову держу, молоко продаю; когда пять, когда шесть рублей наживаю... Ну, свой домъ... ты когда посылаешь... Живемъ, не жалуемся... Хоть это-то, славу Богу... Не живали богато-то, самъ знаешь, все въ бѣдности... Сыты, одѣты, обуты, чего еще?.. На другихъ поглядишь—не приведи ты, Царица Небесная! А мы—еще слава Богу... Трудновато когда, да что дѣлать!

Ваня, порывшись въ карманѣ, передалъ матери двадцать рублей.

— Вотъ пока что,—сказалъ онъ, краснѣя.

— Ухъ, сколько!—удивилась мать:—что больно много?... Ну, спасибо, спасибо.

— А ты развѣ, Ваня, богатый?—спросилъ Миша, съ уваженіемъ глядя на деньги.

Ваня, обнявъ его, засмѣялся.

— Нѣтъ, Миша,—сказалъ онъ:—такой же бѣднякъ, какъ и вы... Ну, разсказывайте, что у васъ тутъ?

— Что?.. Ничего, все по старому. Жизнь у насъ сѣрая, перемѣнъ почти не бываетъ. Живемъ, небо коптимъ... Юргановъ новый домъ строитъ. Аннушка Полякова за псаломщика замужъ вышла. Коля Поповъ съ прошлаго года секретаремъ, кокарду носитъ, гордый сталъ, меня не узнаетъ... Климовъ въ полицейскомъ управленіи... Вася Барышевъ утонулъ въ прошломъ году, жена съ ребенкомъ осталась... Водовозъ Никифоръ ногу сломалъ, въ больницѣ лежитъ, а жена спилась, ребятишки по міру ходятъ... Савельевна померла... У Николая Иваныча восьмой ребенокъ родился... Бѣдность—не приведи Господи!.. Маркъ Иванычъ нынѣшней весной обгорѣлъ... Отраднаго-то мало. Живемъ, какъ кроты, свѣту не видимъ... Темнота, дикость да горе...

— Ну, а ты какъ?—спросила мать, но Ваня отвѣчалъ почти съ болѣзненной неохотой, и она, скрывая тревогу, прекратила разспросы. Ваня всталъ и, поднявъ надъ головой руки, потянулся. Онъ съ трудомъ боролся съ усталостью, его клонило ко сну, глаза его слипались.

— Усталъ,—проговорилъ онъ, засмѣявшись: — утомила дорога... да и вообще утомился... У васъ отдохну...

— Отдохни, голубчикъ. У насъ спокой, тишина, и воздухъ хорошій... А теперь спать. Утро вечера мудренѣе. Завтра наговоримся. Постель я приготовила въ твоей комнаткѣ.

Миша тоже боролся со сномъ.

— Я не хочу спать, нисколько,—говорилъ онъ сонным голосомъ.

Но вскорѣ заснулъ, уронивъ голову на столъ.

Мать бросила среди комнаты дырявый салопъ, положила подушку и осторожно перенесла Мишу, накрывъ вмѣсто одѣяла кофтой.

— Рано встаемъ... уморился...—говорила она:—съ пяти часовъ на ногахъ...

— Ну, и я на боковую,—сказалъ Ваня, которому было больно смотрѣть на это убожество.—Прощай, мама.

— Спокойной ночи, голубчикъ. Выспись хорошенько. Господь тебя благослови.

II.

Очутившись въ комнаткѣ, похожей на чуланъ, Ваня съ любопытствомъ осмотрѣлся. Было удивительно, что это убогое жилище съ однимъ низкимъ окномъ представлялось ему когда-то свѣтлымъ и просторнымъ. Теперь оно похоже было на мрачный застѣнокъ.

Затхлый, застоявшійся воздухъ съ запахомъ гнили страннымъ образомъ напомнилъ ему дѣтство, и неизъяснимое волненіе овладѣло имъ. Отсюда, изъ этого чуланчика, открывался ему огромный фантастическій міръ ребяческихъ мечтаній. Чарующій миражъ исчезъ, казалось, безслѣдно, но теперь, вынырнувъ изъ тьмы забвенія, онъ снова жилъ, снова былъ реаленъ и близокъ.

Поднявъ надъ головой лампу, Ваня прочелъ на стѣнѣ сочиненное имъ изреченіе: „Люди трудящіеся пресмыкаются, какъ твари, и умираютъ на соломѣ отъ пороковъ, болѣзней и нищеты безъ надежды на будущее спасеніе, - они прокляты Богомъ; пребывающіе въ праздности — счастливые гости на землѣ: они живутъ среди наслажденій и переселяются въ лучшій міръ съ упованіемъ на вѣчное блаженство, ибо на нихъ почіетъ Божіе благословеніе". Съ снисходительною нѣжностью къ себѣ, тогдашнему двѣнадцатилѣтнему вольнодумцу, онъ покачалъ головой и улыбнулся: сколько вкладывалось тогда въ эти слова негодующаго сарказма, гордаго презрѣнія и молодого задора!..

Раздѣвшись, онъ легъ въ постель изъ лохмотьевъ, при-

крытыхъ дырявой простыней, и потушилъ огонь, но заснуть не могъ. Ему все чудилось изможденное лицо матери и нищенски одѣтая фигурка Миши. Сердце его болѣзненно ныло, во всемъ тѣлѣ испытывалось ощущеніе непонятной неловкости и тревоги. Свѣтлая ночь раздражала его, и, казалось, кто-то призрачно сѣрый смотритъ въ окно... Мгновеніями острый, непріятный холодъ пронизывалъ сердце, и оно переставало биться, и казалось тогда, что нить, привязывавшая его къ жизни, готова порваться. Все, что было для него святого, все лучшее и самое важное, для чего онъ жилъ, казалось ему теперь безумнымъ бредомъ, и самъ онъ представлялся себѣ жалкимъ, полураздавленнымъ червякомъ, безсильно корчащимся отъ боли...

— Я нездоровъ, мнѣ заснуть надо,—шепталъ онъ, ворочаясь съ боку на бокъ, но сонъ бѣжалъ отъ его глазъ. Сердце то замирало, то болѣзнено колотилось въ груди, и это мѣшало ему собрать свои мысли.

— Вздоръ!—бормоталъ онъ:—съ разсвѣтомъ я опять буду бодрымъ и сильнымъ. Все рѣшено, и не о чемъ разсуждать!

И, точно въ отвѣтъ на его слова, изъ темнаго угла послышался злобный, шипящій змѣиный хохотъ. Ваня съежился и, задрожавъ, уткнулся въ подушку.

„Нервы разгулялись“, успокоивая себя, подумалъ онъ и съ боязливою осторожностью оглянулся. За окномъ стояла безмолвная, блѣдная ночь. На свѣтломъ небѣ висѣло пепельно-сѣрое облако странной формы. Гдѣ-то подъ поломъ скреблись мыши, въ углу трещалъ сверчокъ. У стѣны, въ сѣромъ сумракѣ, притаившись, лежали какіе-то странно-неподвижные предметы.

„Тряпье или шубы“, подумалъ онъ, закрывая глаза, но ему тотчасъ же опять представилось изъѣденное нуждой лицо матери и грустные, строгіе, вопрошающіе, не дѣтски серьезные глаза Миши, полные сожалѣнія и укоризны.

„Я ихъ единственная опора, какъ они останутся безъ меня? Вотъ въ чемъ дѣло... вотъ въ чемъ весь ужасъ“, прошепталъ онъ и снова зарылся въ подушку.

Долго лежалъ онъ въ оцѣпенѣніи, пытаясь подавить въ себѣ щемящую боль. Передъ нимъ съ неотвязною яркостью вставали картины отвратительной оргіи „ликующихъ“, „обагряющихъ руки въ крови“ рядомъ съ забитымъ, запуганнымъ человѣческимъ стадомъ, предающимъ друзей своихъ на пропятіе... Милліоны голодныхъ рабовъ въ рабскомъ экстазѣ рукоплескали пресыщенной, развратной кликѣ подлыхъ насильниковъ... Измученные люди кричали, славословили, ползали на колѣняхъ, простирали руки, моля о пощадѣ и милосердіи, а въ отвѣтъ на ихъ мольбы раздавался

только свистъ бичей, конское ржаніе, грубые окрики, площадная брань и залпы орудій... „Встаньте, не бойтесь, поднимитесь! Эта подлая свора сильна только вашей покорностью“, слышались одинокіе голоса, но они безсильно тонули въ хаосѣ звуковъ, и люди гибли тысячами, и свои побивали своихъ... Кромѣшная тьма окутывала все, и не было ни проблеска надежды... Отчаяніе и ужасъ наполняли людскія сердца...

Ваня поднялся съ постели и сѣлъ. Голова его горѣла, сердце стучало, какъ молотъ. Онъ чувствовалъ, что и въ его душѣ нѣтъ ничего, кромѣ отчаянія и страха... Какъ это случилось? Когда и почему?.. Еще недавно онъ рвался въ бой, вѣрилъ въ побѣду, клялся умереть и не боялся смерти, а теперь? Откуда это больное чувство, это невѣріе и душевный разладъ? Развѣ что-нибудь измѣнилось? Развѣ самъ онъ не тотъ же, что былъ?.. „Нѣтъ, не тотъ“, отвѣчалъ ему злобно-насмѣшливый голосъ, потому что борьба безумна, побѣда не возможна, и ты это видишь и знаешь... Жестокость и алчность, подлая жажда наслажденій и грубая сила—вотъ въ чемъ правда всего живущаго... другой правды нѣтъ...“ Ужасъ охватилъ его. Дрожащими руками онъ зажегъ лампу, взялъ книгу и сталъ читать. Но строки прыгали въ его глазахъ, и, машинально, безъ смысла пробѣгая страницу за страницей, онъ твердилъ, какъ помѣшанный: „неправда, не можетъ быть... этого не можетъ быть...“

Короткая ночь пролетѣла быстро. Золотой багрянецъ игралъ на вершинѣ соломенной кровли. Страшные призраки поблѣднѣли и скрылись, точно ихъ унесла съ собой сумеречная ночь. Ваня растворилъ окно и вмѣстѣ съ запахомъ пыли и влажной травы вдохнулъ въ себя охладѣвшій воздухъ.

— Не можетъ быть!—сказалъ онъ еще разъ, смотря на освѣщенную солнцемъ верхушку кровли:—Не можетъ быть зло источникомъ жизни, какъ не можетъ быть тьма источникомъ свѣта...

У крыльца брякнулъ желѣзный подойникъ, и мать, сгорбившись, прошла черезъ дворъ. Ваня испуганно отпрянулъ отъ окна въ уголъ и отсюда, съ страннымъ чувствомъ недоумѣнія, наблюдалъ, какъ мать доила корову и какъ потомъ погнала ее въ табунъ.

— Боже мой, Боже мой!—прошепталъ онъ и легъ. Косой малиновый лучъ украдкой скользнулъ по стеклу, въ комнатѣ вдругъ стало совершенно свѣтло. Мысли въ уставшей головѣ начали путаться, откуда-то спустился мягкій, ласкающій голубой свѣтъ, и Ваня заснулъ тяжелымъ свинцовымъ сномъ.

III.

Онъ проснулся только къ полудню. Въ окно било яркое солнце, жужжали мухи, на дворѣ пронзительно чирикали воробьи. Стряхнувъ съ себя сонъ, онъ быстро всталъ, наскоро одѣлся и вышелъ.

Старательно вычищенный самоваръ кипѣлъ на столѣ. На чистой скатерти стояла посуда, бѣлый хлѣбъ, только что сбитое масло и сливки. Въ комнатѣ было прибрано, полъ вымытъ и устланъ половиками. Мать въ большихъ круглыхъ очкахъ сидѣла съ Мишей и читала съ нимъ „Родное слово".

— Проснулся, — сказала она, глядя поверхъ очковъ.— Выспался ли? Садись, пей чай.

— Выспался, хотя съ вечера долго не могъ заснуть. Но я прежде выкупаюсь, мама, а потомъ ужъ чай... Идемъ, Миша!

— Ну, хорошо. Я самоваръ потомъ подогрѣю.

Братья, взявшись за руки, пошли къ рѣкѣ. Тяжелый, неподвижный зной висѣлъ надъ землей. Пустынныя, точно вымершія улицы, нестерпимо сверкавшія на солнцѣ крыши, окаменѣвшія деревья, рѣка, застывшая въ своихъ берегахъ, сизая мутная даль,—все, казалось, томилось, изнемогая отъ зноя. На базарной площади уныло бродили козы. У гостинаго двора сидѣли разжирѣвшіе отъ бездѣлья лавочники, играя въ шашки.

Купались прямо съ берега за городомъ, раздѣвшись въ кустахъ.

— Чего-жъ ты?—спросилъ Ваня, видя, что Миша стоитъ въ нерѣшительности.

— Боюсь.

— Вотъ! Иди смѣлѣе.

Миша, съежившись, сталъ осторожно заходить въ воду.

— Окунись, окунись!—кричалъ ему братъ.

Миша окунулся, наглотался воды и, всхлипывая, въ испугѣ выбѣжалъ на берегъ. Весь синій, онъ дрожалъ и стучалъ зубами. Ваня съ удивленіемъ и жалостью смотрѣлъ на его худое высохшее тѣло, точно у маленькаго старичка.

— Эхъ, какой ты!—говорилъ онъ ему, когда они возвращались съ купанья.—Надо быть сильнымъ, смѣлымъ и ловкимъ. Это главное. Для этого надо больше двигаться, больше гулять, заниматься гимнастикой...

„И лучше питаться",—подумалъ онъ про себя и замолкъ.

И въ движеніяхъ Миши было что-то старческое: онъ не

бѣгалъ, какъ бѣгаютъ дѣти, а ходилъ, стараясь дѣлать большіе шаги и, какъ-будто, сознательно избѣгая излишнихъ движеній.

„Старичекъ, маленькій старичекъ, заморышъ", — думалъ Ваня, наблюдая за нимъ. За то въ лицѣ Миши было столько ребяческой миловидности, а серьезные глаза были такъ ясны и чисты, что Ваня, любуясь ими, не могъ сдержать радостную улыбку.

Вернувшись домой, братья, веселые и оживленные, сѣли за чай. Уписывая за обѣ щеки горячія пшеничныя ватрушки, Ваня болталъ, шутилъ и смѣялся такъ весело, что и мать смѣялась тоже. Послѣ чая, пока она хлопотала съ обѣдомъ, братья ушли въ небольшой садикъ, насаженный еще покойнымъ отцомъ. Садикъ за два года разросся, потемнѣлъ, березы стали уже совсѣмъ большія, а кусты акаціи и жимолости образовали живую изгородь къ сосѣднему огороду. Ваня прилегъ на траву подъ тѣнь березы, Миша сѣлъ у его изголовья.

— Ты скоро женишься, Ваня? — неожиданно спросилъ онъ.

— Вотъ! что тебѣ вздумалось? — отвѣчалъ братъ и, засмѣявшись, посмотрѣлъ на Мишу, но встрѣтилъ строгій, упорный, испытующій взглядъ.

— Когда ты бы женился, да на службу поступилъ, какъ бы хорошо было!—продолжалъ Миша:—жалованье получалъ бы, всѣ вмѣстѣ бы жили... А то мы больно бѣдно живемъ... а ты скитаешься, Богъ знаетъ гдѣ...

Ваня нахмурился, потомъ засмѣялся.

— Найди невѣсту,—сказалъ онъ.

— Ты самъ найди. За тебя богатая пойдетъ. Когда я большой буду, женюсь непремѣнно. Мнѣ только восемь годовъ, но я выросту и буду жалованье получать. Мамѣ платье куплю и башмаки. У ней платьевъ нѣту, и ботинки худые. Мама старуха и все хвораетъ. Билась, билась, хоть бы на старости пожить ей въ спокоѣ...

Ваня молчалъ и смотрѣлъ въ землю.

— Вѣрно, Миша,—сказалъ онъ, наконецъ:—мало я вамъ помогаю... Но почему ты думаешь, что мнѣ надо жениться?

— Когда женишься, мысли другія будутъ: будешь думать о семьѣ, — повторяя чужія слова, говорилъ Миша.—Тетя Аня говоритъ, что ты фантазеръ и жизни не знаешь, и хоть мама тебя защищаетъ, а, по моему, тетя вѣрно говоритъ.

— О, ты, мой философъ! — воскликнулъ Ваня, обнимая его со слезами на глазахъ. — Я жизни не знаю, хорошо, но вѣдь ты еще меньше, какъ же ты учить хочешь меня? А?

Но Миша думалъ уже о чемъ-то другомъ и ничего не отвѣтилъ.

— Вонъ нищенка идетъ, — сказалъ онъ, увидѣвъ подошедшую къ плетню бабу съ ребенкомъ, которая запѣла свою пѣсню: „батюшки-матушки, сотворите святую милостыньку“...

Миша побѣжалъ въ домъ и принесъ ломоть хлѣба; Ваня далъ бабѣ мѣдный пятакъ.

— Господи Исусе Христе...—шептала она, принимая подаяніе.

— Ты бы работала,—сказалъ ей Миша.

— Роблю, батюшка, роблю... Все робили, да обгорѣли нонче... по міру пошли... Подай вамъ Господи добра и здоровья...

Баба долго молилась на востокъ.

— Нищіе еще бѣднѣе насъ,—сказалъ Миша: — Вотъ она босикомъ ходитъ, и домъ у ней сгорѣлъ... хлѣба нѣту, денегъ нѣту... А кто, Ваня, деньги дѣлаетъ? царь?

Ваня разсѣянно мотнулъ головой.

— Больше бы ихъ надѣлать, чтобы всѣмъ хватило... всѣмъ: богатымъ и бѣднымъ...

— Только онѣ опять скоро очутятся у богатыхъ.

— Почему?

— Да ужъ такъ. Выростешь, выучишься, тогда узнаешь.

Миша помолчалъ, потомъ опять заговорилъ:

— Федотычъ весной съ голоду померъ: муки не было... Онъ милостыню не просилъ, а лежалъ на печкѣ хворый и ругался... Сосѣди боялись и не любили его, никто къ нему не ходилъ... Такъ онъ и умеръ.

Но Ваня не слушалъ. Онъ смотрѣлъ вдаль, на горы, покрытыя знойной пеленой, и мысли его были далеко.

Въ тотъ же день позднимъ вечеромъ у Вани съ матерью произошло объясненіе. Мать съ заплаканнымъ лицомъ сидѣла въ углу, потупившись, и молчала. Ваня, воодушевленный своими собственными словами, ходилъ по комнатѣ и говорилъ. Онъ началъ рѣчь робко и нерѣшительно, но теперь она лилась, какъ сверкающій живой потокъ. Казалось, онъ позабылъ, что передъ нимъ измученное жизнью, отжившее существо, которому каждое слово его причиняло только боль и тревогу, и говорилъ такъ, точно ему внимала молодая восторженная, сочувствующая аудиторія. Глаза его горѣли огнемъ вдохновенья, голосъ дрожалъ, руки сжимались, лицо поблѣднѣло. Природный даръ ораторской рѣчи, музыка собственныхъ словъ, водоворотъ рождающихся мыслей, образовъ, картинъ, метафоръ, мѣткихъ сравненій—опьяняли его самого, и онъ переживалъ чарующія минуты нервнаго подъема. Закончивъ патетическую часть рѣчи, онъ остано-

вился и посмотрѣлъ на мать. Она все сидѣла, потупившись. Руки и голова у ней дрожали. Съ кончика носа, какъ частый дождь, капали слезы. Ваня безсильно опустился на стулъ и закрылъ лицо руками.

— Изжила я вѣкъ свой, какъ въ темномъ лѣсу, — заговорила она тихимъ, чуть слышнымъ, плачущихъ голосомъ:— свѣту не видѣла, человѣческаго слова не слышала... только отъ тебя же когда узнаешь чего... такъ въ темнотѣ и жила... оттого и мысли у меня мелкія, темныя, въ головѣ туманъ... и ничего-то я не знаю... Тебя воспитывала, на тебя надѣялась.. И надежды мои были тоже маленькія, мѣщанскія: вотъ выучишься, вотъ подрастешь, женишься, на службу поступишь... умереть хотѣлось спокойно... Но все это пустяки... вотъ только Миша... его учить надо... какъ тутъ быть?..

Ваня, безъ кровинки въ лицѣ, молчалъ и смотрѣлъ на мать.

— Я все, голубчикъ, понимаю,—продолжала она:—давно поняла и знаю, къ чему лежитъ твое сердце... Знаю, понимаю... Только, милый, неужели нельзя иначе? Я не объ себѣ, объ тебѣ говорю: почему долженъ ты взять на себя эту тяготу? Почему? Почему же другіе живутъ для себя?.. Вѣдь живутъ же!.. Ты погибнуть можешь... За что же? Развѣ ты виноватъ въ томъ, что есть?... Это не понятно для меня и страшно!

Ваня сѣлъ рядомъ съ ней и взялъ ея холодную, жесткую и мокрую отъ слезъ руку. Онъ молчалъ минуты двѣ, точно собираясь съ мыслями, потомъ заговорилъ тихо и задушевно. Онъ говорилъ о Христѣ, о мученикахъ за вѣру, о подвижникахъ правды... Старушка слушала и все больше и больше смягчалась душой.

— Я знаю,—закончилъ онъ,—что если не умомъ, то сердцемъ ты поймешь меня...

— Давно поняла, голубчикъ,—отвѣчала она просто и вдругъ, въ страстномъ порывѣ, обняла его и заговорила нервнымъ, прерывающимся шепотомъ:—Ваня! дорогой мой! зачѣмъ ты не такой, какъ всѣ? Зачѣмъ ты такимъ уродился?.. Я понимаю... но зачѣмъ?.. Ты хорошій, ты лучше всѣхъ... Я радоваться должна, гордиться должна... но зачѣмъ? Зачѣмъ?

— Мама! Отъ тебя все зависитъ... я сдѣлаю, какъ ты хочешь, какъ ты скажешь...

— Нѣтъ, гдѣ ужъ... что отъ меня зависитъ? Ничего... Развѣ это возможно?—промолвила она, внезапно стихая.— Дѣлай, какъ знаешь... какъ велитъ твоя совѣсть... я тебѣ не помѣха... Прежде—Божье дѣло, потомъ уже человѣческое...

Объ насъ не думай: проживемъ какъ-нибудь... Моя-то жизнь ужъ прожита, а Мишу Господь не оставитъ...

Ваня сидѣлъ молчаливый и подавленный. Онъ не ждалъ такого отвѣта, и онъ не радовалъ его. Гора скатилась съ его плечъ, но это не принесло ему облегченія. Новая тяжесть огромной отвѣтственности свалилась на него, душевное раздвоеніе, жалость и тоска сосали его сердце. Онъ молча опустился передъ матерью на колѣни и поцѣловалъ ея руку. Она обняла его курчавую голову и долго не выпускала изъ своихъ костлявыхъ, неловкихъ объятій.

— Я благословлю тебя, голубчикъ,—прошептала она и перекрестила его большимъ размашистымъ крестомъ, послѣ чего они оба встали и вышли въ сосѣднюю комнату, гдѣ, разметавшись на полу, спалъ Миша.

Въ чуланѣ, куда, простившись съ матерью, пробрался Ваня, было тѣсно и душно, а обуревавшія его мысли требовали свободы и простора, и онъ вышелъ на воздухъ. Внизу, на колокольнѣ, медленно пробило двѣнадцать ударовъ, гулко откликнувшихся гдѣ-то за лѣсомъ. Надъ темными массами крышъ свѣтлѣло блѣдно-розовое и блѣдно-голубое небо. Ваня по столбу взобрался на кровлю сарая и сѣлъ. Здѣсь когда-то просиживалъ онъ цѣлыя ночи, смотрѣлъ въ даль, слушалъ соловьевъ, думалъ, мечталъ и на яву грезилъ...

Впрочемъ, и теперь онъ готовъ былъ погрузиться въ грезы. Въ сумеречномъ туманѣ, за горами, гдѣ даль сливалась съ блѣдно-пунцевой зарей, было что-то загадочное, страстно манящее и мечтательно-грустное. За рѣкой надъ лугами широко разстилался призрачно-бѣлый туманъ. Въ огородѣ и въ сосѣднемъ саду деревья казались черными, а трава бѣлѣла отъ росы. Откуда-то издалека доносился серебристый звонъ колокольчика, говорившій о пыльной дорогѣ среди заснувшихъ полей, о запахѣ свѣжаго сѣна, о ночной сырости, о мечтательной дорожной дремѣ. Картина глубокой тишины убаюкивала Ваню, какъ колыбельная пѣсня, но за этой тишиной мерещился ему волнующійся міръ, полный движенія и воинственныхъ кликовъ, и туда стремительно рвалось его сердце.

IV.

Однажды утромъ, дней десять спустя, около дома появился стражникъ и, остановившись на пригоркѣ, долго и пристально смотрѣлъ вдаль, потомъ подошелъ къ тротуару,—поковырялъ шашкой прогнившія доски и заглянулъ въ окно.

— Тратуары починить надо,—обратился онъ къ Мишѣ, сидѣвшему у окна.—Здравствуйте,—прибавилъ онъ, замѣтивъ хозяйку.—Тратуары, говорю, надо починить.

— Надо бы, да гдѣ ужъ... не у насъ однихъ, вездѣ эдакіе...

— Оно такъ, а все же... Съ насъ взыскиваютъ за это... Къ вамъ, будто-бы, старшій сынокъ пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ, да.

— Надолго-ли?

— Не знаю... сколь поживется... а что?

— Справиться велѣно. И на счетъ тратуваровъ, и на счетъ сына... Намъ что прикажутъ... Почините, сдѣлайте милость, тратуары, будьте настолько добры...

— Починимъ, починимъ.

— Сдѣлайте милость, постарайтеся... Потому нельзя, сами знаете... До свиданія покедовъ... Такъ неизвѣстно, на какой срокъ?

— Неизвѣстно. Поживетъ, я думаю, недѣльки двѣ.

— Хорошее дѣло. Стало быть, мамыньку навѣстить. Хорошее дѣло. До увиданья. Позаботьтесь насчетъ этого самаго, на счетъ тратуваровъ.

Мать говорила спокойно, но когда отвернулась отъ окна, Ваня прочелъ на ея лицѣ тревогу.

— Про тебя спрашивалъ,—сказала она шепотомъ.

— Это ничего,—улыбаясь, отвѣчалъ Ваня:—ну, спрашивалъ, что же изъ этого?

Но мать цѣлый день была сама не своя.

Вечеромъ, въ сумерки, когда сѣли за ужинъ, въ раскрытое окно заглянула чья-то голова въ фуражкѣ съ кокардой.

— Иванъ Александрычъ у себя?—спросилъ незнакомый голосъ.

— Дома, я самый,—отвѣчалъ Ваня, подходя къ окну.—Что вамъ угодно?

— Здравствуйте, Иванъ Александрычъ! Не узнали меня?

— Нѣтъ.

Ваня присмотрѣлся къ бородатому молодому лицу и вдругъ узналъ школьнаго товарища, Петю Климова.

— Ахъ, это ты, Петя? Заходи, заходи!—закричалъ онъ радостно.—Тебя не узнаешь: бородой обросъ, кокарда на лбу, чиновникъ. Заходи, чего-жъ ты?

— Нѣтъ, видишь-ли... того... я на одну только минуту... Выйди-ка за ворота, поговорить надо.

Ваня вышелъ.

— Ну, что? Здравствуй!—сказалъ онъ.

— Видишь-ли, голубчикъ,—шепотомъ началъ Климовъ:—

бумага вчера получена... секретная... ты знаешь, я въ полиціи служу, секретаремъ... Пишутъ, если ты здѣсь, то немедленно телеграфировать...

— Ну?

— Ничего больше... пришелъ предупредить... Я, конечно, ничего не знаю и не хочу знать, но какъ мы съ тобой товарищи...

— Спасибо. Телеграфировали уже?

— Нѣтъ. Телеграмму можно задержать... на день, на два... Но что телеграфировать-то? Вотъ дѣло въ чемъ.

— Телеграфируйте, что выѣхалъ... Я завтра уѣзжаю.

— Такъ, такъ... и отлично... Но ты дѣйствительно уѣдешь?

— Уѣду.

— Куда?

— Это все равно. Телеграфируйте: въ Казань, въ Одессу, въ Москву—куда вамъ угодно.

— Ладно, мы сообщимъ, что въ Москву.

— И отлично. Спасибо, другъ. Не зайдешь?

— Нѣтъ, нѣтъ... До свиданія.

— Будь здоровъ, прощай. Спасибо.

— Не за что... по пріятельству... мало-ли... чего-жъ тутъ...

— Ну, что?—тревожно спросила мать, когда Ваня вернулся.

— Ничего, только завтра надо ѣхать.

— Ищутъ?—съ ужасомъ проговорила мать, и глаза ея стали большими и темными.

Ваня, молча, кивнулъ головой. Больше они не сказали ни слова. Мать до поздней ночи хлопотала, собирая сына въ дорогу. Потомъ они съ минуту посидѣли молча, взявшись за руки, и пошли спать.

На слѣдующій день всѣ проснулись раньше обыкновеннаго. Мать укладывала скудные Ванины пожитки въ котомку. Миша, съ недоумѣніемъ въ глазахъ, помогалъ ей.

Ваня что-то писалъ. На столѣ кипѣлъ самоваръ.

— Ну, мамка, смотри, не скучай!—сказалъ Ваня, кончивъ писать.

Мать опустила руки и заплакала.

— Увидимся-ли когда...—прошептала она, утирая передникомъ слезы.

— Богъ дастъ, увидимся. Люди на войну ходятъ и возвращаются. Не унывай, моя дорогая... меньше думай... молись Богу—это тебѣ поможетъ... Ты вѣришь,—и это хорошо.

Онъ досталъ изъ кармана бумажный свертокъ.

— Тутъ деньги,—сказалъ онъ:—немного... потомъ пришлю еще...

Мать, молча, взяла и, роняя слезы, сунула ихъ въ карманъ юбки.

— А себѣ-то?—спросила она:—хватитъ-ли?

— Хватитъ. Оставилъ, сколько нужно.

Разстегнувъ воротъ, Ваня снялъ съ шеи какой-то круглый предметъ.

— Вотъ... видишь-ли...—началъ онъ въ замѣшательствѣ:—въ знакъ моей вѣчной признательности... или нѣтъ.. это не то... Я очень цѣню твое пониманіе и твою жертву... Впрочемъ, есть вещи, которыхъ не разскажешь никакими словами, и ты это понимаешь... Я отдаю тебѣ, что есть у меня самаго дорогого... Ты все мечтала о моей женитьбѣ... такъ, знаешь, у меня была невѣста, но она сгинула, и это все, что отъ нея осталось... Возьми.

— Оставь у себя! Оставь у себя!—закричала мать.

— Нѣтъ, возьми... у тебя сохраннѣе... возьми, возьми.

Мать больше не возражала.

Черезъ полчаса они покинули домъ и, миновавъ огороды и ряды черныхъ кузницъ, пошли по тропинкѣ межъ высокихъ березъ, освѣщенныхъ утреннимъ солнцемъ. Съ горы Ваня въ послѣдній разъ оглянулся на городъ.

— Какая красота!—сказалъ онъ.—Люблю я этотъ уголокъ и городъ люблю, хотя, ей-Богу, хуже города не видалъ.

Ваня казался веселымъ и всю дорогу оживленно болталъ, хотя ядовитая тоска, не переставая, сосала его сердце. Мать молчала, съ трудомъ передвигая больныя ноги. Миша, съ заплаканными глазами, совершенно раскисшій, началъ отставать.

— Ну! дальніе проводы—лишнія слезы,—сказалъ Ваня, останавливаясь,—простимся!

Мать и сынъ обнялись и долго не могли оторваться другъ отъ друга. У Вани судорожно дрогнула челюсть, и теплая слеза скатилась по щекѣ. Миша, сморщивъ худенькое личико, по ребячьи началъ хныкать.

— Прощай, мама... Прощай, Миша...

— Ваня!—вдругъ закричала мать, и лицо ея преобразилось отъ горя:—погоди... минутку... пожалуйста, одну...

Наконецъ, взваливъ на плечи котомку и еще разъ чмокнувъ Мишу въ мокрыя губы, Ваня твердыми шагами пошелъ впередъ. Мать смотрѣла ему вслѣдъ. Вдругъ Миша заревѣлъ и бросился брату вдогонку...

Ваня воротился, молча обнялъ еще разъ мать и братишку, махнулъ рукой и, подавляя рыданіе, пошелъ прочь.

Онъ уходилъ все дальше и дальше, вотъ скрылся за бугромъ, вотъ снова показался, въ послѣдній разъ махнулъ платкомъ и исчезъ навсегда.

Мать стояла, какъ статуя скорби, и безумными глазами смотрѣла въ ту точку, гдѣ мгновеніе тому назадъ еще видна была сѣрая шляпа.

— Прощай, моя радость!.. Свѣтъ мой!.. Солнышко ясное!..— шептала она и, какъ подкошенная, упала на землю.

Миша, въ испугѣ, закричалъ дикимъ голосомъ и сталъ ее тормошить.

V.

Прошло около двухъ лѣтъ. Зима подходила къ концу. Дороги почернѣли, запахло весной, въ поляхъ появились проталины. Небо становилось все глубже и лучезарнѣе, солнце сіяло все ярче. Самыя худшія опасенія матери сбылись: Ваня погибъ, какъ погибли многіе. Уже не раздавались больше и не будили никого его бодрыя, страстныя, воодушевлявшія рѣчи, навсегда умолкъ его задушевный голосъ и веселый серебристый смѣхъ. Отважнаго пловца поглотило бурное житейское море, съ которымъ онъ дерзко вступилъ въ борьбу почти безъ надежды на побѣду.

Ужасное извѣстіе мать приняла очень странно: не упала и не забилась въ нервномъ припадкѣ, не вскрикнула, заломивъ руки, не уронила ни одной слезы и по наружности осталась спокойной, только по лицу скользнула мгновенная судорога, да въ глазахъ сверкнулъ и погасъ огонекъ безумнаго ужаса. Въ глубинѣ души она давно уже ждала роковой вѣсти, и теперь, когда это свершилось, у ней что то оторвалось отъ сердца; она сказала: „все кончено!“ и какъ-то вся затихла.

Какъ обыкновенно, на другой день она подоила корову, затопила печь, Мишу напоила чаемъ и отправила въ школу, потомъ сѣла чинить бѣлье. Горе въ ней пробуждалось не вдругъ, точно оно было не въ силахъ сразу развернуть передъ ней всю свою необъятность. Однако, по ночамъ она перестала спать и была какъ-то странно разсѣянна и молчалива. Сухіе глаза постоянно горѣли неестественнымъ внутреннимъ огнемъ, и она таяла, какъ свѣча. Религіозная женщина, она перестала молиться, потому что и настоящій, и будущій міръ потеряли правду своего бытія, и молиться стало не о чемъ. Иногда днемъ она неожиданно засыпала и тогда походила на мертвую. Миша со страхомъ смотрѣлъ на ея темное лицо съ ввалившимися глазами и потихоньку плакалъ.

Однажды ей доставили денежный пакетъ на 218 рублей, а дня два спустя вручили черезъ полицію письмо отъ сына, послѣднее письмо, писанное его рукой мѣсяцъ тому назадъ. Письмо было кратко и безсодержательно, но оно взволновало и, какъ будто, возвратило ее къ жизни. Она плакала надъ нимъ цѣлый день, смѣялась и цѣловала его. При деньгахъ была приложена записка безъ подписи: „отъ чтущихъ память вашего незабвеннаго сына“. Изъ денегъ она, однако, не взяла себѣ ни копѣйки: онѣ казались ей цѣною гибели ея покойнаго Вани, и долго она думала, что съ ними дѣлать. Наконецъ, рѣшила отдать церковному причту на вѣчное поминовеніе. Настоятель церкви, отецъ Василій, бравый черноволосый мужчина, посомнѣвался было: можно-ли? Но, поразмысливъ, согласился принять.

— Фамиліи-то вѣдь не упомянуто, —сказалъ онъ: —рабъ Божій Іоаннъ, а кто—поди, доискивайся! Я думаю, что вполнѣ возможно,—рѣшилъ онъ, глядя на старушку проницательными, любопытствующими глазами.

Отдавъ деньги, она тотчасъ же забыла про нихъ.

Ночью, едва она забывалась, ей снились страшные сны. Пробуждаясь отъ страха, она вперяла глаза въ темноту ночи, и тогда ей все казалось незнакомо и странно. Съ улицы глядѣла въ окна молчаливая свинцовая тьма. Снѣжные сугробы, крыши домовъ, почернѣвшая дорога,—все проникнуто было тоскливымъ, жуткимъ, подстерегающимъ ужасомъ, и тогда казалось ей, что умеръ весь міръ, превратившись въ неподвижную, холодную, мертвую массу, сѣрую и угрюмую, какъ эта ночь, что нѣтъ ни Бога, ни людей, и она одна во всемъ мірѣ, забытое судьбой живое существо. Странный, мистическій ужасъ овладѣвалъ ею, и сердце, замирая, переставало биться.

Она зажигала огонь, но свѣтъ только усиливалъ мракъ, глядящій въ окна, тѣни сгущались, настроеніе мѣнялось, но становилось еще болѣе страшнымъ, суевѣрнымъ... Миша, скорчившись отъ холода, спалъ на полу, но она его не замѣчала. Она, вообще, забросила Мишу.

Иногда ей снилось что-то безформенное, неуловимое, но ужасное. Проснувшись, она не могла припомнить своихъ сновидѣній, но впечатлѣніе ужаса оставалось и наполняло отвращеніемъ все ея существо. Вскорѣ всѣ стали замѣчать, что съ ней творится что-то недоброе. Она смѣшивала сны съ дѣйствительностью и на яву видѣла умершаго сына, который приходилъ и говорилъ съ нею по ночамъ. Она сознавала, что это бредъ, но вѣрила ему и жила имъ, и каждую ночь ждала съ нетерпѣніемъ.

Днемъ она просиживала цѣлые часы передъ раскрытымъ

медальономъ, который подарилъ ей Ваня въ минуту разлуки. Изъ медальона глядѣли чужіе, грустные и задумчивые, глаза прекрасной молодой женщины.

— Ты больше любилъ ее, чѣмъ меня,—съ укоромъ шептала старушка.

Подъ конецъ она почти перестала ѣсть и худѣла съ каждымъ днемъ. Лицо съежилось, осунулось, пожелтѣло, стало прозрачнымъ. Тайный внутренній недугъ съѣдалъ ее медленно, но неуклонно, хотя она не жаловалась и считала себя здоровой.

Весной она умерла.

Въ убогой комнатѣ на двухъ столахъ, сдвинутыхъ вмѣстѣ, стоялъ деревянный некрашеный гробъ. Изъ него видѣлось желтое, какъ воскъ, птичье лицо покойницы. Пахло ладаномъ. Горѣли свѣчи. Начетчица гнусаво читала псалтырь. Чужія женщины то приходили, то уходили, шептались, крестились, клали земные поклоны, прощаясь съ покойницей. Въ сторонкѣ у окна стоялъ Миша. Его худенькое личико старчески-скорбно сморщилось, а огромные черные глаза съ недоумѣніемъ смотрѣли на прозрачный мертвый носъ покойницы.

— Что, милый, не стало мамаши?—жалостливо спросила сосѣдка.

Миша потупился. Лицо его вдругъ жалко скривилось, глаза съ тоской устремились къ покойницѣ, точно ища у ней защиты.

Между тѣмъ, за окномъ разстилался ясный весенній день. Птицы весело щебетали. Теплый воздухъ, напоенный ароматомъ распускавшейся листвы, мягко и плавно вливался въ комнату. Глубокое небо синѣло. Золотые лучи солнца могучимъ потокомъ заливали и воздушно-голубую даль, и зеленѣющую дорогу. Въ комнатѣ продолжали толпиться чужіе люди. А Миша все стоялъ у гроба въ оцѣпенѣніи...

А. Погорѣловъ.

ДОНСКІЕ КАЗАКИ.

(Очеркъ).

Газеты все чаще и чаще приносятъ свѣдѣнія изъ Области Войска Донского, рисующія настроеніе казаковъ разныхъ частей Дона. Вначалѣ коротенькія и неопредѣленныя, свѣдѣнія эти чѣмъ дальше, тѣмъ становятся пространнѣе, опредѣленнѣе, красочнѣе Еще въ началѣ этого года газеты сообщали только о томъ, что «жены казаковъ, мобилизованныхъ на службу въ центральную Россію и на окраины, во множествѣ прибываютъ въ Новочеркасскъ для ходатайства о пособіи... Нужда казачья особенно велика стала съ наступленіемъ весны, поля остаются не обработанными... Есть семьи, гдѣ остались одни старики и дѣти, кормилицами ихъ являются однѣ женщины». Весною, послѣ пріѣзда на Донъ князя Голицына съ грамотой, подтверждавшей права казаковъ на принадлежащія войску донскому земли, свѣдѣнія пріобрѣли болѣе острый характеръ: «Изъ казачьихъ станицъ приходятъ тревожныя вѣсти. Казаки волнуются. Администрація въ нѣкоторыя станицы не рѣшается въѣзжать»... Послѣ внесенія въ Государственную Думу запроса о законности мобилизаціи казаковъ второй и третьей очередей для «внутренней службы», газетныя свѣдѣнія сразу пополнились цѣлымъ рядомъ приговоровъ, писемъ къ депутатамъ, писемъ въ редакцію, телеграммъ съ Дона отъ казачьихъ станицъ и изъ разныхъ городовъ Россіи отъ казачьихъ полковъ. «Просимъ Государственную Думу походатайствовать... просимъ нашихъ представителей въ Государственной Думѣ настаивать... требуемъ распущенія по домамъ... мы теперь знаемъ, кто нашъ врагъ, кто другъ... мы прозрѣли теперь»... и т. д.—Таковы были штрихи, которыми обрисовалось тогда передъ нами настроеніе казачества. Теперь газеты приносятъ уже факты такого рода. По предписанію изъ Новочеркасска окружной атаманъ усть-медвѣдицкаго округа арестовалъ и препроводилъ въ новочеркасскую тюрьму довѣренныхъ, посланныхъ въ свое время усть медвѣдицкимъ станичнымъ сходомъ въ Петербургъ для представленія наказа Государственной Думѣ. По телеграфному ходатайству усть-медвѣдицкаго окружного атамана, въ виду катего-

рическаго представленія усть-медвѣдицкаго схода, не ручавшагося за спокойствіе всего округа, довѣренные усть-медвѣдицкой станицы выпущены изъ тюрьмы и возвращены обратно въ станицу. Участковый засѣдатель арестовалъ въ Иловлинской станицѣ «оратора»— семинариста Ильина. Станичники въ свою очередь арестовали засѣдателя и продержали его подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока Ильинъ не былъ возвращенъ обратно въ Иловлинскую изъ Царицинской тюрьмы. И снова старая редакція газетнаго извѣстія, но, очевидно, съ болѣе полнымъ содержаніемъ: «Казаки волнуются. Въ нѣкоторыя станицы администрація не рѣшается выѣзжать».

«Казаки волнуются» и волнуются именно на «тихомъ Дону», этомъ послѣднемъ и до сихъ поръ, по многимъ признакамъ, самомъ надежномъ, почти несокрушимомъ оплотѣ реакціи и «незыблемыхъ основъ». Русское революціонное движеніе, противъ котораго до сихъ поръ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ было выставлено 133,877 казаковъ, можетъ учитывать въ свою пользу эти волненія; въ равной степени и правительству придется и, судя по газетнымъ извѣстіямъ, пришлось уже учитывать эти волненія, какъ серьезную потерю, какъ серьезную брешь, которую дѣлаетъ жизнь въ послѣдней цитадели отжившаго строя. Волнуются казаки—и, главнымъ образомъ, старшее поколѣніе, оставшееся дома за уходомъ въ полки сначала всѣхъ, а теперь двухъ «очередей», т. е. казаковъ съ 21 до 30-лѣтняго возраста, волнуется та часть населенія, которая давала до сихъ поръ теоретиковъ, вырабатывавшихъ идейное обоснованіе казачьяго міросозерцанія, выражавшагося въ краткой и сильной формулѣ: «вѣрные сыны престола и отечества». И если ужъ пошатнулась эта основа, значитъ, назрѣло что-то внутри казачества и распираетъ узкую формулу вѣрноподданничества и начинаетъ искать выхода изъ замкнутаго круга фронта, «защиты и опоры».

Русское общество (а въ послѣднія десятилѣтія русскій народъ) и войско Донское стояли и стоятъ во враждебныхъ отношеніяхъ. Вся, рѣшительно вся Россія — отъ оффиціальныхъ представителей, руководителей и воспитателей арміи, отъ творцовъ и охранителей идеи «защиты и опоры престола и отечества» до послѣдняго россійскаго обывателя, поляка, финна, орловскаго мѣщанина, харьковскаго мужика — не только оффиціально отзывается о казакахъ, какъ о «прирожденныхъ» воинахъ, не могущихъ «дышать» безъ похода, войны, набѣга, но и въ глубинѣ души твердо убѣждена въ существованіи этого спеціально казачьяго качества. Опытъ долголѣтнихъ сношеній Россіи съ казакомъ, его безпрерывныя служебныя шатанія изъ конца въ конецъ нашего обширнаго отечества пріучили ее смотрѣть такъ на казака. Но въ оцѣнкѣ этого специфическаго казачьяго качества россійскіе обыватели раскалывались на двѣ діаметрально противоположныя стороны: въ то время, какъ оффиціальная Россія «въ непрестанномъ попеченіи» упоминала о

«духѣ исторіи» и «завѣтахъ доблестныхъ предковъ» и «возлагала надежды», другая, непосредственно воспринимавшая на свою шкуру демонстрированіе казакомъ его вѣрности «завѣтамъ», только отплевывалась и ругательски ругала его, какъ безбожника и разбойника. Теперь роли какъ будто начинаютъ перемѣняться. Настала пора упоминать о «завѣтахъ»—другой категоріи только!—неоффиціальной Россіи, а оффиціальной приходится изыскивать «способы» и «мѣры» противъ новоявленныхъ бунтовщиковъ и «злономѣренныхъ людей».

«Опора» подрываетъ устои, вчерашній разбойникъ протестуетъ противъ использованія его разбойничьихъ наклонностей. Получается жизненная нелѣпица, въ которой необходимо разобраться, хотя бы для того, чтобы не напутать еще больше въ дальнѣйшемъ при столкновеніи съ нею.

Настоящій очеркъ является попыткой освѣтить хоть нѣсколько казачій вопросъ и поставить его въ надлежащія рамки, при которыхъ только и можно пытаться разобраться въ этомъ запутанномъ больномъ вопросѣ. Я пользуюсь въ этомъ очеркѣ тѣми данными, которыя мнѣ удалось собрать отчасти во время моихъ скитаній по Донской области, а главнымъ образомъ въ поѣздку въ казачій хуторъ во время 1-й мобилизаціи казаковъ лѣтомъ 1904 года, и тѣми отрывочными свѣдѣніями, которыя даетъ скудная литература по казачьему вопросу.

Я далекъ отъ мысли дать исчерпывающее освѣщеніе вопроса во всей его совокупности, категорически рѣшить что-нибудь, подвести казака подъ какую-нибудь формулу въ родѣ вышеприведенныхъ; я хочу только внести въ эти формулы нѣкоторыя поправки.

I.

Лѣтомъ 1904 года была произведена первая, она же и единственная, мобилизація донскихъ казаковъ для пополненія манчжурской арміи,—всѣ остальныя мобилизаціи были произведены уже для надобностей «внутренней службы», для «защиты отечества» отъ внутренняго врага. При первыхъ же слухахъ объ этой первой мобилизаціи я рѣшилъ поѣхать въ какой-нибудь изъ казачьихъ хуторовъ, захваченныхъ ею, чтобы тамъ, въ глуши, на мѣстѣ посмотрѣть на выступленіе на войну тѣхъ, о комъ сложилось на Руси такое удивительно однообразное представленіе—«прирожденный воинъ»—и такіе удивительно противоположные отзывы. Мнѣ хотѣлось провѣрить это представленіе и посмотрѣть на казака въ тотъ моментъ, когда ему придется—волей-неволей—проявить свои специфическія казачьи черты, выступить—не какъ нибудь, не шутя, а «на самомъ дѣлѣ»,—въ роли защитника отъ враговъ, и уже не «внутреннихъ», а «заправскихъ» внѣшнихъ, и при томъ еще къ

тому времени оффиціально признанныхъ «достойными противниками». Это былъ, мнѣ думалось, своего рода экзаменъ для казака въ его спеціально казачьемъ призваніи. Посмотрѣть, согласитесь, было интересно...

Еще дорогой судьба окунула меня въ самую гущу предмобилизаціонныхъ впечатлѣній. На ростовскомъ вокзалѣ въ ожиданіи поѣзда сидѣла кучка пожилыхъ казаковъ. Я поздоровался съ ними.

— Откуда, господа старики?

Казаки оказались довѣренными одной изъ станицъ перваго донского округа, захваченнаго мобилизаціей. Пробирались они «на Салъ», въ задонскую степь къ коннозаводчикамъ, чтобы присмотрѣть тамъ и, если найдется что-нибудь «мало-мало подходящее», купить для выступающихъ на войну второочередныхъ казаковъ нѣсколько десятковъ лошадей.

— Какъ же такъ, гг. старики?—полюбопытствовалъ я,—вѣдь идетъ, слышно, вторая очередь?

— Вторая-то вторая,—махнулъ рукою одинъ изъ стариковъ,—да только слава въ ней одна, что вторая, а не хуже первой приходится доброй половинѣ коней за станичный счетъ справлять.

Этотъ фактъ сразу освѣтилъ мнѣ истинное положеніе вещей.

Призывалась вторая очередь, т. е. казачьи части, которыя недавно только-годъ, два, три—вернулись изъ полковъ такъ называемой «полевой службы» и которыя по теоретическимъ разсчетамъ, входящимъ, какъ предпосылка — и весьма существенная,— въ формулу благословляющихъ и возлагающихъ надежды, должны быть готовыми, *всегда готовыми* къ выступленію въ походъ. Слѣдить за оправданіемъ теоріи всегдашней готовности на практикѣ,— за цѣлостью и сохранностью «строевой» казачьей лошади, какъ главнаго условія этой «готовности», приставлена цѣлая уйма всякаго рода начальства, начиная съ хуторскихъ и кончая окружными атаманами. Съ этою цѣлью этимъ разнообразнымъ начальствомъ дѣлаются смотры, ревизіи; назначаются внезапные, въ самое неподходящее время, «сборы», «смотры»; ведется своеобразная, стройная, до мельчайшихъ подробностей разработанная лошадиная бухгалтерія—учетъ. «Строевая» лошадь, какъ и самъ казакъ, подробнѣйшимъ образомъ описана, зарегистрована въ нѣсколькихъ спискахъ, «числится», «переводится», «замѣняется», «исключается». «Продать», «спустить», вообще «потерять» лошадь казаку, казалось бы, нѣтъ никакой возможности; наоборотъ, вся система при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ напоминаетъ ему объ этой лошади, о необходимости беречь ее «пуще своего глаза».

— Ты, чортова голова, опять надысь строевого запрягалъ?!— считаетъ своимъ непремѣннѣйшимъ долгомъ «намылить голову» атаманъ, встрѣтивъ провинившагося противъ «строевого» казака:— Чево тамъ: не! Я своими глазами видалъ, какъ ты на немъ съ

хлѣбомъ въ Калитву ѣздилъ. Гляди, братъ!.. Увижу ишо разъ, пріѣдетъ приставъ...

— Ну, что мнѣ съ вами, с... с..., дѣлать?—хватается за голову на смотру приставъ:—загоняли, заѣздили коней! Въ холодную... На двое... на трое сутокъ!

Вся система, конечно, била на то, чтобы въ нужное, какъ, напримѣръ, теперь, время казакъ не остался безъ лошади, и главная казачья добродѣтель (ежесекундная готовность) не потерпѣла конфуза. Если у второочереднаго «терялась» какимъ-нибудь образомъ лошадь, система обязывала его замѣнить ее (и какъ можно скорѣе) новой, купить эту новую, если не тотчасъ, то въ самомъ ближайшемъ будущемъ. Такихъ замѣнныхъ «строевыхъ» казаки находили обыкновенно въ раіонѣ своей или ближайшихъ станицъ. Поѣздки же на Салъ, къ коннозаводчикамъ, къ калмыкамъ практиковались при массовыхъ закупкахъ цѣлой станицей.

Если теперь, при слухахъ о мобилизаціи, конечно, достигшихъ и до казаковъ, казаки ѣздили «на Салъ» для массовой покупки лошадей цѣлой станицей, очевидно, съ готовностью дѣло обстояло не совсѣмъ благополучно. Невольно являлся вопросъ: для кого же эти лошади? Неужели всѣ эти списки, атаманы, пристава, смотры, завѣдующіе и т. д. «проморгали», и у второочередныхъ относительно «строевыхъ» не все въ порядкѣ, или, еще хуже, все въ безпорядкѣ?

Мобилизація показала, что «порядка», дѣйствительно, не было. Недостатокъ строевыхъ лошадей у мобилизованныхъ второочередныхъ казаковъ былъ такъ великъ, что для покрытія его не хватило лошадей за Дономъ у коннозаводчиковъ, и нѣкоторыя станицы принуждены были покупать случайныхъ лошадей у себя дома по высокой цѣнѣ и при пониженныхъ требованіяхъ къ статьямъ лошадей. Впрочемъ, покупка и пріемъ этихъ лошадей стоятъ того, чтобы о нихъ разсказать подробнѣе.

При подготовкѣ и провѣркѣ мобилизуемыхъ частей въ Екатерининской станицѣ (говорю со словъ казаковъ, хуторскихъ атамановъ, станичныхъ выборныхъ) оказалось, что у шестидесяти изъ ста семидесяти казаковъ, призванныхъ съ льготы въ полкъ, не было лошадей. И въ станичномъ правленіи, и на сходѣ стали думать—«какъ быть?», такъ какъ и сходъ, и правленіе были частичками «системы», приставленной къ казаку и его «строевому», да, кромѣ того, еще и «отвѣчали» за неисправность мобилизуемыхъ. И сходъ, и правленіе стали подыскивать, гдѣ бы можно было сразу, безъ хлопотъ, купить такое количество лошадей, чтобы «не возжаться», «не валандаться» долго, и, прежде всего, какъ водится, остановились на донскомъ частномъ коннозаводствѣ, куда и рѣшили послать «довѣренныхъ». Довѣренные бросились «за Донъ». А такъ какъ и въ другихъ станицахъ, вѣроятно, былъ не меньшій процентъ недостачи лошадей и такъ какъ и всѣ другія станицы погнали

своихъ довѣренныхъ туда же, то и оказалось, что «за Дономъ» нѣтъ потребнаго количества лошадей, чтобы покрыть усиленный спросъ на нихъ со стороны станицъ. Поэтому пришлось установить «очередь» между станицами при снабженіи ихъ лошадьми частнаго коннозаводства. При установленіи очереди руководились не нуждою той или иной станицы въ лошадяхъ,—всѣмъ нужно!—не трудностью отысканія ихъ, а просто хронологическимъ порядкомъ подачи заявленія... Екатерининской станицѣ лошадей не хватило, и ея довѣренные вернулись «изъ за Дона» съ пустыми руками. А лошадей нужно было достать во что бы то ни стало.

— Хучь роди!—охарактеризовалъ трудное положеніе станицы въ данномъ случаѣ одинъ изъ разсказывавшихъ мнѣ про эти мытарства казаковъ, которому тоже приходилось на сходѣ «ломать голову» надъ этимъ вопросомъ.

Выходъ былъ одинъ,—стали покупать на мѣстѣ, въ станицѣ, приведенныхъ туда частными лицами лошадей.

— Такую калѣчь вели,—у кого что есть,—говорили казаки:—глядѣть не на что, а брали... По сто десять, по сто двадцать платили.

Приходилось брать «что есть», а не то, что нужно было бы брать: выбирать было не изъ чего. При обнаружившейся вдругъ острой нуждѣ въ лошадяхъ сначала въ округѣ и въ коммиссіи, принимавшей лошадей за Дономъ, а потомъ и въ станицѣ требованія къ статьямъ строевой лошади были понижены до minimum'а на томъ основаніи, что лошади предназначались для казаковъ второй очереди, а не первой. Основаніе было подведено впопыхахъ, «на живую руку», «для отвода глазъ», такъ какъ и въ округѣ, и за Дономъ, и въ станицѣ знали превосходно, что казакъ самъ по себѣ, какой бы очереди онъ ни былъ, не въ состояніи замѣнить силу, выносливость и быстроту строевого коня, что въ этихъ качествахъ лошади заключается одно изъ главныхъ условій исправности казачьей части, что на войнѣ «второочередному» придется быть въ тѣхъ же передѣлкахъ, подвергаться той же опасности развѣдочной службы, что и «первоочередному». Основаніе было подведено заднимъ числомъ,—главное основаніе и у коммиссіи Екатерининской станицы, и у всѣхъ другихъ коммиссій, принимавшихъ лошадей съ закрытыми глазами—«какія ужъ есть»—было одно:

— На нѣтъ и суда нѣтъ!

Какаки, знающіе толкъ въ лошадяхъ, пріученные къ тому же длиннымъ рядомъ лѣтъ горькаго опыта къ щепетильному, придирчивому отношенію коммиссій разнаго рода къ строевому коню, отказывались всѣми силами отъ лошадей, купленныхъ коммиссіей Екатерининской станицы.

— Ваше высокоблагородіе! На што она мнѣ? Куды я на ней уѣду?!

— Бери.

— Ды вѣдь она на шкуру разя, и то не годится!?

— Бери!..

— Ваше высокоблагородіе?!

— Бери, тебѣ говорятъ...

Я смягчаю этотъ діалогъ и опускаю энергичнѣйшія выраженія, которыми подкрѣплялось это «бери».

— Что-жъ ты станешь дѣлать?—говорили мнѣ казаки:—брали. А послѣ платить за нее, чорта, придется.

Платить, дѣйствительно, придется.

Лошади куплены на станичныя деньги, и станичное правленіе при покупкѣ еще разсчитывало частью покрыть этотъ расходъ на счетъ «сторублеваго пособія», о выдачѣ котораго второочереднымъ, выступавшимъ въ походъ казакамъ къ тому времени уже получилось извѣщеніе, частью записать въ графѣ «дебиторовъ» станицы. Теперь, благодаря распоряженію войсковой администраціи, запрещавшему засчитывать «сторублевое пособіе» за какіе бы то ни было долги, станицѣ пришлось снести всю сумму на счетъ долгосрочнаго долга, который будетъ покрытъ послѣ войны вернувшимися изъ похода или ихъ родными. А сумма долга станицъ на нѣкоторыхъ изъ ушедшихъ въ походъ казаковъ достигла весьма внушительной цифры, такъ какъ кое-кому пришлось и перемѣнить купленную станицей лошадь; изъ шестидесяти лошадей, выбранныхъ екатерининской коммиссіей, состоявшей изъ станичнаго атамана, довѣренныхъ и ветеринарнаго фельдшера, впослѣдствіи, при болѣе тщательномъ осмотрѣ, три—четыре лошади были отставлены «по сбоямъ», три лошади—по малому росту и одна—по слѣпотѣ.

Мнѣ передавали, что на хуторѣ Романовомъ казакъ К. долженъ былъ перемѣнить двѣ лошади. Первая оказалась негодною по росту, вторая по слѣпотѣ. Чѣмъ расплатится К. за свой долгъ станицѣ, когда вернется домой, или его родные, когда онъ не вернется,—я не представляю себѣ ясно, такъ какъ знаю, что семья его не обладаетъ и средней зажиточностью и не имѣетъ сейчасъ ни одного взрослаго рабочаго мужчины. Старшій ушелъ на войну, второго брата въ прошломъ только году «справили», проводили въ полкъ,—дома остались старуха-мать, жена старшаго сына съ двумя дѣтьми, двѣ дѣвушки и парень-подростокъ на обезсиленномъ и расшатанномъ этими двумя «справами» хозяйствѣ.

— Михайловнѣ бѣдной (матери) туго приходится,—отзывались объ этой семьѣ въ одинъ голосъ и хуторяне, и одностаничники. И такихъ, какъ «Михайловна», по области, послѣ ряда мобилизацій, захватившихъ все взрослое населеніе отъ 24 до 33 лѣтъ, не одна тысяча, а, можетъ быть, и не одинъ десятокъ тысячъ...

II.

Недостатокъ строевыхъ лошадей, такъ ярко сказавшійся при мобилизаціи второй очереди, мобилизаціи не внезапной, а подготовленной заранѣе, чуть не за $1^1/_2$—2 мѣсяца объявленной по станицамъ, когда мысль о скорѣйшей покупкѣ «утерянной» строевой лошади сама собою вставала передъ казакомъ и внѣдрялась чуть не ежедневными смотрами, вызовами, предписаніями, приказами и прочими проявленіями громадной, опекающей эту лошадь, административной машины, и когда все же сразу «до зарѣзу» понадобилась уйма лошадей, недостатокъ этотъ хроническій недугъ на Дону, тяжело отзывающійся и на казачьемъ, и на войсковомъ хозяйствѣ. Чтобы яснѣе охарактеризовать этотъ недугъ, съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе подтачивающій благосостояніе казака, да и приспособленной къ лошади административной машинѣ доставляющій немало горькихъ и тяжелыхъ минутъ, необходимо хотя бѣгло остановиться на дѣятельности тѣхъ организацій, какія существуютъ сейчасъ въ войскѣ Донскомъ для приготовленія строевой казачьей лошади.

Для этой цѣли я воспользуюсь данными, представляемыми брошюрой капитана Медвѣдева («Служба Донского войска въ связи съ его экономическимъ положеніемъ» М. 99 г.), дѣлающаго сводку дѣятельности этихъ организацій: донского частнаго и калмыцкаго коннозаводства, Провальскаго войскового конскаго завода и станичныхъ конноплодовыхъ табуновъ.

Въ основу организаціи для приготовленія «строевыхъ» положенъ стройный планъ. По первоначальному разсчету должно было выходить такъ: въ задонской степи изъ войсковыхъ земель отводились желающимъ заниматься коневодствомъ въ широкихъ размѣрахъ участки земли. Коннозаводчики обязывались платить въ войсковой капиталъ по 3 копѣйки въ годъ арендной платы съ десятины и поставлять (всѣ вмѣстѣ) до 100 жеребчиковъ-производителей. Для выдержки этихъ жеребчиковъ и для самостоятельнаго приготовленія производителей и хорошихъ лошадей верхового сорта былъ основанъ войсковой провальскій конный заводъ, который долженъ былъ снабжать жеребцами-производителями казачьи станицы. Каждая станица обязывалась завести собственный конноплодовый табунъ, въ который матокъ должны поставлять казаки, а жеребцовъ присылалъ войсковой заводъ. Землю для табуна должна отдавать станица изъ общаго юрта, на станичный же счетъ относится содержаніе и уходъ за жеребцами, наемъ стражи, лѣчебныхъ пунктовъ и т. п. По разсчету должно было выходить, что казачье населеніе будетъ имѣть большой запасъ хорошихъ верховыхъ лошадей для службы, взрощенныхъ дома

безъ усилій и напряженія хозяйства. На дѣлѣ получилось совсѣмъ другое.

Во временномъ пользованіи донского частнаго и калмыцкаго коннозаводства находятся 951,806 десятинъ земли, съ платою аренды войску 3 коп. въ годъ за десятину и съ обязательствомъ содержать опредѣленное количество лошадей на каждомъ участкѣ-зимовникѣ (2400 десятинъ). «По свѣдѣніямъ, взятымъ изъ приказовъ по казалеріи, за *пять лѣтъ съ 1893 по 1897* г. включительно донскія лошади (поставленныя донскими коннозаводчиками), поступившія въ ремонтъ армейской кавалеріи, составляли слѣдующій процентъ всѣхъ потребныхъ лошадей:"

Въ 1893 году	. . . . .	69,4%
„ 1894 „	. . . . .	65,5 „
„ 1895 „	. . . . .	54,5 „
„ 1896 „	. . . . .	62,1 „
„ 1897 „	. . . . .	57,5 „

т. е. въ среднемъ около 60% всѣхъ принятыхъ за означенный періодъ въ армейскую кавалерію лошадей» («Служба дон. в.» стр. 64). Отношеніе же частнаго и калмыцкаго коннозаводства къ Области Войска Донского ограничивалось и ограничивается платою 3 коп. съ десятины годовой аренды и поставкою около 100 (93 въ 1897 г.) жеребчиковъ въ Провальскій войсковой конскій заводъ. Принося войску по самой скромной расцѣнкѣ до двухъ милл. рублей убытка ежегодно *), донское коннозаводство поставляетъ для казаковъ получающійся послѣ пріема кавалерійскаго ремонта остатокъ лошадей по цѣнѣ отъ 110—120 до 150 и выше рублей за лошадь. Какого качества эти лошади-«остатокъ» можно судить по слѣдующему факту, приводимому г. Медвѣдевымъ (ib. стр. 35). Въ 1898 г. въ одномъ изъ сѣверныхъ округовъ области нужно было пріобрѣсти немного болѣе сотни строевыхъ лошадей для молодыхъ казаковъ, назначенныхъ въ гвардейскіе казачьи полки. Когда пріобрѣтенныя на мѣстѣ въ станицахъ лошади были въ большинствѣ забракованы (принята едва десятая часть), станицамъ было приказано пріобрѣсти лошадей «за Дономъ» у частныхъ донскихъ коннозаводчиковъ. Ѣздили изъ многихъ станицъ атаманы, изъ другихъ «довѣренные отъ станицы», искали годныхъ лошадей «по Салу и за Саломъ», по выраженію г. Медвѣдева, т. е. исчертили Задонскую степь вдоль и поперекъ и, не найдя тамъ ничего подходящаго по сорту и цѣнѣ, возвратились «ни съ чѣмъ». «Не найдя такимъ образомъ годныхъ для гвардейской службы лошадей

*) „Совершенно одинаковая земля, которая по одну сторону рѣки Егорлыка, въ Задонской степи, отдается донскимъ частнымъ коневодамъ за 3 коп., по другую сторону въ Ставропольской губерніи арендуется по 6 руб. за десятину подъ распашку и по 3 руб. за выпасъ" (Воен. сборн., 1895 г. № 5, стр., 101).

въ войскѣ Донскомъ, окружное правленіе отправило одного изъ военныхъ приставовъ за Волгу искать лошадей у заволжскихъ калмыковъ въ Астраханской губерніи».

Провальскій войсковой конскій заводъ, открытый въ 1844 г. въ связи съ организаціей станичныхъ конно-плодовыхъ табуновъ, имѣетъ цѣлью снабженіе этихъ табуновъ жеребцами-производителями, имѣющими развить и улучшить породу казачьихъ лошадей. Заводъ этотъ поглощаетъ немало войсковыхъ денегъ. По вычисленіямъ г. Медвѣдева, «въ 1897 г. войско истратило на Провальскій заводъ 46,543 руб. изъ войсковыхъ суммъ. Кромѣ того, въ распоряженіи завода состоитъ участокъ войсковой земли, изъ которой удобной 20,901 дес. Считая послѣднюю по 2 руб. аренды въ годъ (цифра болѣе, чѣмъ скромная!), этимъ путемъ получается затрата около 42,000 руб. Всего, слѣдовательно, заводъ обошелся войску около 88,000 руб. въ годъ». Цифру эту смѣло можно увеличить до 100—120 тысячъ руб., принимая во вниманіе низкую оцѣнку арендной платы, допущенную г. Медвѣдевымъ. «Продуктивность же завода для войска Донского выразилась сотнею жеребчиковъ, выданныхъ въ станичные конно-плодовые табуны», изъ которыхъ часть жеребчиковъ была принята отъ донскихъ коннозаводчиковъ (въ 1897—1903 гг.) и только выдержана на заводѣ. Каждый такой переходящій черезъ Провальскій заводъ жеребчикъ, по вычисленію г. Медвѣдева, «обходится не дешевле 18,000 руб.» «За такую цѣну, замѣчаетъ г. Медвѣдевъ, казалось бы, можно пріобрѣтать производителей прямо изъ Аравіи или изъ Англіи и, конечно, за время существованія донского частнаго коннозаводства съ начала нынѣшняго (XIX) столѣтія теперь можно бы имѣть тысячи чистокровныхъ арабовъ или англичанъ для развитія и улучшенія коннозаводства на Дону» (ib. стр. 64). Производители же, выпускаемые Провальскимъ заводомъ въ станичные конноплодовые табуны, въ послѣднія 15—20 лѣтъ настолько неудовлетворительны, что «сами едва выходятъ въ мѣру, требуемую въ армейскіе казачьи полки; приплодки же ихъ узакопеннаго роста и сложенія достигаютъ въ рѣдкихъ экземплярахъ и большинство ихъ не годится даже въ армейскіе казачьи полки» (ib. стр. 55). Поставка же Провальскимъ заводомъ собственно строевой лошади для казаковъ выражается прямо ничтожной цифрой (въ 97 г.—30 жеребчиковъ и кобылокъ, проданныхъ изъ заводскаго приплода, да 24 кобылы, уступленныхъ изъ брака «коренного основанія» казакамъ и офицерамъ).

Относительно роли станичныхъ конно-плодовыхъ табуновъ въ дѣлѣ приготовленія строевой казачьей лошади говорить много не приходится. Какова яблонька, таковы и яблочки. Ежегодная мята населенія съ добываніемъ «строевыхъ», поѣздки за Донъ, на Салъ, за Волгу, вопли и ругань приставовъ, атамановъ, какъ нельзя лучше показываютъ, что съ станичными табунами «хуже некуда».

Такимъ образомъ, несмотря на кажущееся обиліе конскихъ заводовъ и лошадей на Дону, въ концѣ концовъ создалось положеніе, при которомъ казаку приходится тщательнѣйшимъ образомъ обшаривать округу верстъ въ двѣсти радіусомъ, чтобы «добыть» строевую лошадь:

— Не завалилась ли гдѣ лошаденка, подходящая чтобы...

А между тѣмъ, прежде чѣмъ кончить поисками этой «подходящей», казакъ несетъ массу затратъ, уходящихъ неизвѣстно куда и на что.

— Какъ въ прорву бросаемъ,—ничего нѣту!—отзывается казакъ объ этихъ затратахъ, предназначающихся въ теоріи на поддержаніе одного изъ винтовъ той стройной на видъ, предусматривающей малѣйшія мелочи организаціи, которая приспособлена къ приготовленію «строевого».

Не говоря о милліонныхъ убыткахъ, которые ежегодно несетъ войсковая казна, и населеніе, въ свою очередь, не мало теряетъ непосредственно отъ этой организаціи. Станичные конно-плодовые табуны, вѣнецъ заботъ административной опеки надъ «строевымъ», къ которымъ сводится, собственно, вся система приготовленія этого «строевого», поддерживаются всецѣло на счетъ казачьяго населенія. Для попаса станичнаго табуна въ каждой изъ станицъ изъ юртовой земли отводится опредѣленное количество обыкновенно лучшей земли по разсчету 10—12 десятинъ на каждую матку табуна. При наличности въ станичныхъ табунахъ болѣе 20 тысячъ матокъ (въ 1897—21,195 головъ) «табунный отводъ» поглощаетъ свыше 200 тысячъ десятинъ юртовой станичной земли, оторванныхъ прямо «отъ живого тѣла», отъ той «паевой» земли, которою исключительно живетъ казакъ, которою одною онъ покрываетъ всѣ свои нужды. Отмежевывая подъ безплодные, въ концѣ концовъ, «табунные отводы» чуть ли не лучшую землю, станицы урѣзываютъ другія земельныя статьи и болѣе всего «толоку»—«выгонъ», все болѣе и болѣе сжимая ее, доведя уже въ большинствѣ случаевъ до $^1/_6$ десятины на каждую голову скота, считая и овецъ.

Содержаніе табуна ложится всецѣло на населеніе. Жалованіе смотрителю, фельдшерамъ, стражѣ табуна, содержаніе жеребцовъ, конюшни, больницы и другіе расходы падаютъ на казаковъ, неспособныхъ къ строевой службѣ, но способныхъ къ труду, въ размѣрѣ 150 руб. за десять лѣтъ. Стража при табунѣ отбывается первоочередными казаками за службу въ полку и въ теченіе такого же срока, какъ въ полку.

Въ Хоперскій окружной комитетъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности былъ представленъ по этому вопросу докладъ члена комитета В. Я. Бирюкова, который даетъ слѣдующія данныя:

«Существующая теперь организація станичнаго коневодства требуетъ обязательной поставки матокъ и обязательнаго формиро-

ванія конно-плодовыхъ табуновъ и вызываетъ со стороны станичныхъ обществъ громадныя денежныя и натуральныя затраты. Такъ, напримѣръ, въ Хоперскомъ округѣ подъ попасъ табуновъ отведено самой лучшей земли въ 1900 г. 35,924 десятины; арендная стоимость этой земли, принимая среднія существующія по станицамъ цѣны на нее (отъ 1 р. 50 к. въ станицѣ Акишевской и до 6 р. въ станицѣ Михайловской) составитъ сумму въ 134,715 р. въ годъ; денежные расходы на содержаніе и ремонтъ конюшенъ съ ихъ принадлежностями, содержаніе табунной стражи, расходы на медикаменты и проч. производятся ежегодно на сумму 35,688 руб. (среднее за 4 года съ 1894—1897 г.), а въ 1901 г. 26,617 р. 20 к. Зимнее продовольствіе жеребцовъ, считая обыкновенную полковую дачу, обойдется въ 60 руб. каждаго, а всѣхъ 309 жеребцовъ 18,540 руб. Такимъ образомъ, содержаніе конно-плодовыхъ табуновъ станичнымъ обществамъ Хоперскаго округа обходится въ 188,943 р., и на каждую казачью семью расходъ этотъ будетъ равенъ 7 р. 10 к.».

Самое составленіе табуна является ежегодной и для многихъ далеко не легкой повинностью. Опека добилась того, что «благодѣтельная мѣра» превратилась въ сплошную муку, заставляющую станицу ревѣть бѣлугой и употреблять массу ума и изворотливости, чтобы какъ-нибудь обойти эту повинность. Каждый строевой казакъ обязанъ (въ теоріи) поставить для табуна матку. Но такъ какъ число производителей, поставляемыхъ Провальскимъ заводомъ, обычно не хватаетъ для такого количества матокъ, то установился порядокъ, при которомъ одну матку приходится поставлять группѣ казаковъ изъ 4 - 5 человѣкъ. На такія группы и разбивается вся станица. Вѣдаетъ разбивкой станичный сходъ. При такой разбивкѣ строго наблюдается, чтобы въ составъ каждой изъ группъ входилъ зажиточный казакъ, имѣющій лишнихъ лошадей и могущій поэтому поставить отъ лица всей группы матку въ табунъ. Остальные участники группы платятъ ему за эту поставку отъ 1 до 2 руб. въ годъ, такъ сказать, изъ благодарности за избавленіе ихъ отъ горькой необходимости «валандаться» съ табуномъ. Бываютъ нерѣдко случаи, что вся группа арендуетъ матку у кого-нибудь на сторонѣ, иногда (и чаще всего) у иногородныхъ, т. е. лицъ не войскового сословія, за цѣну въ 10—15 рублей плюсъ могущій быть приплодъ, и «записываетъ» ее въ табунъ отъ лица кого-либо изъ группы.

Во 2-омъ Донскомъ округѣ (ст. Пятизбянская, напримѣръ) существуетъ другой типъ раскладки «кобыльей повинности». Казаки разбиваются сходомъ по «достатку». Сначала «6-ти парные» (т. е. имѣющіе 6 паръ воловъ), потомъ 5-ти, 4-хъ, 3-хъ и двухпарные. Ихъ и обязываетъ сборъ поставить матокъ. Такъ какъ хозяевъ, имѣющихъ отъ 4-хъ до 6-ти паръ воловъ, всего $^2/_5$ общаго количества обязанныхъ, то главная тяжесть поставки $^3/_5$ падаетъ на

3-хъ парныя хозяйства. «Трехпарному» эта поставка—подрывъ хозяйства, такъ какъ, если онъ не сумѣетъ заарендовать матку у кого-либо, то долженъ продать 3-ю пару быковъ, ибо въ табунѣ требуется матка извѣстнаго (верхового) сорта, съ строго опредѣленными статьями, стоющая отъ 80 до 100 руб. Иначе матка будетъ забракована и придется всетаки покупать другую. А разъ онъ лишится 3-ей пары воловъ, онъ переходитъ въ разрядъ уже маломочныхъ хозяевъ. Если же очередь на поставку падетъ на двухпарнаго, ему прямо раззоръ, такъ какъ продажа 2-ой пары воловъ влечетъ за собой невозможность самому обработать свой пай, запасти кормъ для скота и т. д. вплоть до продажи и одной пары быковъ и сдачи всего пая въ аренду.

Въ цитированномъ выше докладѣ В. Я. Бирюковъ говоритъ: «Обязательная поставка въ табунъ матокъ извѣстнаго опредѣленнаго сорта обратилась теперь въ очень тяжелую повинность, ежегодно распредѣляемую станичнымъ сборомъ среди своихъ гражданъ. И какъ для пріобрѣтенія строевого коня многимъ домохозяевамъ приходится продавать рабочую скотину, такъ и для поставки матки обязанный нерѣдко прибѣгаетъ къ продажѣ рабочей скотины, и, лишаясь въ маткѣ рабочей силы, самъ терпитъ большой недостатокъ въ ней. Нѣкоторые обязанные нанимаютъ (арендуютъ) матку въ сосѣднихъ станицахъ или у иногородныхъ. Въ Хоперскомъ округѣ были случаи, когда группа казаковъ, не найдя матки, которую можно было бы заарендовать, покупали ее, а осенью, бывало, принуждены съ убыткомъ для себя продавать, такъ какъ никто изъ участниковъ группы не хотѣлъ брать ее на зиму—нечѣмъ было кормить».

Изъ этого можно уже видѣть, насколько отвѣчаетъ потребности населенія «благодѣтельная мѣра», введенная «для поднятія качествъ донской верховой лошади», и съ какой охотой отзывается населеніе на эту мѣру.

— Абы отдѣлаться!..—такъ смотритъ на свою повинность казакъ, такъ смотритъ и сходъ, и станичный атаманъ, и военный приставъ, до самаго послѣдняго времени вѣдавшій табунное дѣло.

И это понятно. Цифры, приведенныя г. Бирюковымъ по Хоперскому округу, какъ нельзя лучше объясняютъ это «абы отдѣлаться».

Согласно даннымъ конской переписи 1901 г., кобылицъ у казаковъ Хоперскаго округа было 19,665; изъ нихъ входящихъ въ комплектъ конно-плодовыхъ табуновъ 3,626 или 18,4% общаго числа матокъ. А между тѣмъ, «при теперешнемъ обѣднѣніи казаковъ, когда 56% ихъ не имѣетъ достаточнаго количества рабочаго скота для обработки земли, обязательное отвлеченіе отъ хозяйства 3,626 матокъ на все лѣтнее рабочее время наноситъ весьма существенный ущербъ казачьему хозяйству».

И вотъ охаетъ во всѣхъ станицахъ населеніе за исключеніемъ

небольшой кучки богатыхъ казаковъ, которымъ выгодны конно-плодовые табуны, охаетъ ближайшее начальство, охаетъ сходъ; всѣмъ «табунъ въ холку въѣлся».

И мнѣ по поводу табуновъ пришлось слышать такія рѣчи отъ одного изъ станичныхъ атамановъ:

— Если не уничтожатъ табуновъ,—ей Богу, казаки года черезъ два забунтуютъ!.. Мочи нѣтъ ужъ...

Пока же всетаки станичные конно-плодовые табуны существуютъ и будутъ существовать «впредь до особаго на сей предметъ распоряженія».

А казакъ, между тѣмъ, при выступленіи на службу мечется по Дону, какъ угорѣлый, шаритъ за Дономъ, плетется за Волгу въ поискахъ «хоть чего-нибудь, мало-мало подходящаго», такъ какъ хорошо знаетъ, что, несмотря на его полнѣйшую невиновность въ «никудышныхъ» результатахъ «благодѣтельной мѣры», признанную во всѣхъ инстанціяхъ, приставленныхъ слѣдить за его «готовностью», его не погладятъ по головкѣ за неимѣніе этого «подходящаго».

— Эхъ, засуетились теперь казачонки, зашныряли по Дону, какъ стрижи,— охарактеризовалъ предмобилизаціонное время на Дону одинъ мой знакомый «иногородній» торговецъ:—Косячокъ коней теперь подходящихъ пригнать было хорошо бы... Хорошую лошадь сейчасъ, подходящую ежели, только дай, съ руками оторвутъ.

Именно сейчасъ, при отсутствіи годныхъ для строя лошадей «за Дономъ» у конно заводчиковъ, при прогрессирующемъ вырожденіи «доморослыхъ» лошадей и при повышенныхъ требованіяхъ со стороны пріемныхъ коммиссій (мѣра, статьи, масть), казакъ поставленъ въ необходимость «съ руками оторвать» у продавца «подходящую» лошадь.

Мнѣ пришлось въ хуторѣ Крымскомъ, Кочетовской станицы, разговаривать со старикомъ-казакомъ, ѣздившимъ съ станичнымъ атаманомъ за лошадьми «за Донъ». Старикъ привелъ оттуда хорошаго строевого коня для сына, котораго онъ будетъ отправлять въ полкъ еще только въ будущемъ году. Онъ получилъ лошадь, кажется, изъ общаго косяка, предназначавшагося для дѣлежа между станицами, получилъ, благодаря близости къ станичному атаману.—Друзья мы...—не разъ объяснялъ онъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда изъ-за Дона станичный атаманъ смѣнился, такъ какъ подлежалъ призыву въ полкъ, и станичное правленіе потребовало у старика, чтобы онъ передалъ приведенную имъ лошадь кому-то изъ призванныхъ второочередныхъ казаковъ. Старикъ уперся и не давалъ.

— Три раза присылали,—разсказывалъ онъ:—да хучь бы ишо три прислали, такъ все одно. Сказалъ: не дамъ!—и не дамъ. Отсижу лучше... Имъ отдай, а посля, вывали языкъ, и мечись, какъ

угорѣлый, пока тамъ ишо нападешь... Это конь добрый.—Видѣли?—повернулся онъ къ конюшнѣ, гдѣ стояла лошадь, предметъ спора:—съ этимъ конемъ я въ какой хошь коммиссіи пройду... А то ишь дурака нашли!

— Не отдавай! Отсидѣть, знамо, лучше,—подтверждали въ одинъ голосъ собесѣдники-казаки, которымъ до тонкости были извѣстны всѣ перипетіи «прохода» черезъ коммиссіи:—отдашь,—наплачешься!

— Ну дураковъ то теперь тожа...—съ непоколебимой увѣренностью въ себѣ, въ томъ, что у него хватитъ и ума, и характера «не отдать»,—закончилъ старикъ.

III.

И первая, и всѣ послѣдующія мобилизаціи, при которыхъ въ строй ушло свыше 30 тысячъ человѣкъ, наиболѣе молодыхъ и работоспособныхъ казаковъ въ возрастѣ отъ 24-хъ до 33-хъ лѣтъ, въ конецъ расшатали казачье хозяйство, уже къ моменту первой мобилизаціи сильно расшатанное и подорванное. Мобилизаціи обострили и усилили тотъ процессъ обѣдненія казаковъ, который замѣчался на Дону уже давно.

Въ настоящее время экономическое положеніе Дона представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ большинствѣ станицъ наблюдается все прогрессирующее малоземелье, которое въ нѣкоторыхъ станицахъ приняло уже острую форму; напр., въ Екатерининской станицѣ на Донцѣ (1-го Донского округа) количество пахотной земли на казачій пай (надѣлъ) дошло до $5^1/_2$—6 десятинъ, въ Екатерининской станицѣ на Медвѣдицѣ—до 5 дес., въ Пятизбянской станицѣ—до 4 десятинъ. Въ среднемъ казачій пай по области спустился до 12 съ дробью десятинъ. А въ одной трети станицъ до 9 и даже до 8 десятинъ. Чтобы освѣтить эти цифры, я приведу маленькую историческую справку. Въ 1835 году государственнымъ совѣтомъ нормальный казачій пай былъ опредѣленъ въ 30 десятинъ. Было высчитано, что только при такомъ количествѣ земли казаки смогутъ безъ ущерба для себя нести воинскую повинность при собственномъ снаряженіи. Въ 60-хъ годахъ «нормальный пай» тѣмъ же государственнымъ совѣтомъ былъ опредѣленъ уже въ 20 десятинъ, а въ 1904 году «нормальный размѣръ» пая былъ опредѣленъ такъ: все количество юртовой (станичной) и войсковой земли было раздѣлено на число душъ мужского пола казачьяго населенія и полученное частное въ 12 съ дробью десятинъ санкціонировано, какъ «нормальный пай». Малоземелье и сокращеніе паевъ, кромѣ естественнаго пути въ силу прироста населенія, создается на Дону еще и искусственнымъ путемъ—отрѣзками изъ общаго юртового довольствія участ-

ковъ-«отводовъ» подъ конно-плодовые табуны и подъ арендныя статьи въ пользу станичнаго капитала. Я останавливался выше на конноплодовыхъ табунахъ, теперь же скажу нѣсколько словъ о вліяніи арендныхъ станичныхъ участковъ на сокращеніе казачьяго надѣла—пая.

До 1843 года казачьи станицы пользовались правомъ безпошлиннаго винокуренія и виноторговли и были освобождены отъ всякихъ государственныхъ и земскихъ сборовъ. Съ 1843 года въ Донской области была введена откупная система, весь доходъ съ которой сталъ поступать въ пользу войска, станицамъ же выдавалось вознагражденіе за отнятое у нихъ право безпошлиннаго винокуренія и торговли виномъ—по 50 съ лишнимъ копѣекъ на каждую душу мужского пола.

Съ 1863 г., послѣ введенія акцизной системы, войско стало получать въ возмѣщеніе убытковъ по 1,239 тысячъ рублей ежегодно съ компенсаціей убытковъ станицъ въ томъ же размѣрѣ, какъ и при откупной системѣ. Но съ 1870 г. въ станичные капиталы не поступало уже ничего. При увеличившихся же расходахъ станичныхъ обществъ (жалованіе станичной администраціи, школы, снаряженіе неимущихъ казаковъ на службу и др.) станичные капиталы, образовавшіеся главнымъ образомъ при пользованіи правомъ безпошлиннаго винокуренія и продажи вина и при компенсаціи лишенія этого права до 70-хъ годовъ, быстро растаяли. Особенно чувствительный ударъ станичнымъ капиталамъ былъ нанесенъ введеніемъ казенной винной монополіи, отнявшей у станичныхъ обществъ право отдачи въ аренду питейныхъ заведеній. Расходы станичныхъ обществъ возрастали, главные питательные каналы станичныхъ капиталовъ изсякли.

Пришлось «изворачиваться» при помощи земли, отрывая отъ паевой или запасной станичной земли изрядные куски для сдачи въ аренду. Въ послѣдніе годы аренда этихъ «общественныхъ отводовъ»—чуть ли не единственный крупный источникъ, питающій худосочные станичные капиталы большинства Донскихъ станицъ. Малоземельемъ особенно страдаютъ сѣверные округа Дона, Хоперскій, Усть-Медвѣдицкій, 2-й Донской и 1-й Донской въ части его, лежащей по теченію Донца. Пользуясь трудами хоперскаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности (1902 г.), я приведу нѣсколько данныхъ по Хоперскому округу.

«Въ первомъ собраніи комитета, послѣ открытія его дѣйствій, читаемъ въ сводѣ заключеній комитета, присутствовавшіе представители станичныхъ (до 30 чел.) и сельскихъ (10 чел.) обществъ сразу заявили, что самая главная нужда ихъ сельско-хозяйственнаго быта, требующая безотложнаго обсужденія и рѣшенія, есть малоземелье, какъ у казаковъ, такъ и особенно у крестьянъ, и что всѣ прочіе недостатки и нужды казачьяго и крестьянскаго хозяйства не могутъ быть удовлетворительно разрѣшены, пока не бу-

детъ порѣшенъ этотъ насущный для нихъ вопросъ. И только послѣ разъясненій предсѣдателя комитета о внесеніи этого дополнительнаго къ программѣ вопроса по постановленію предварительной коммиссіи и по прочтеніи разрѣшительныхъ бумагъ, станичные и сельскіе представители успокоились и перешли къ слушанію первой группы вопросовъ по программѣ особаго совѣщанія».

Это заявленіе протокола комитета очень характерно. Казачьи и крестьянскіе представители «успокаиваются» и «переходятъ къ слушанію» вопросовъ программы не раньше, чѣмъ имъ было разъяснено, что вопросъ о малоземельи внесенъ и были прочитаны «разрѣшительныя бумаги». Пожалуй, безъ этого они не успокоились бы и не захотѣли бы вовсе разговаривать о «пустякахъ».

Въ томъ же комитетѣ для характеристики казачьяго малоземелья прочитанъ былъ приговоръ Павловскаго станичнаго сбора (отъ 15 ноября 1902 г. за № 181). Выписываю изъ него наиболѣе существенные пункты:

«Сборъ удостовѣряетъ, что нынѣ въ этой станицѣ паевой земли на казака приходится 10 дес., изъ которыхъ 4 десятины подъ толокой или выгономъ, и 6 десятинъ пахотной. Но съ будущаго 1903 года не достанется павловскому казаку и такого количества земли, какъ теперь, потому что предстоитъ передѣлъ юрта, а выросткамъ или молодымъ казакамъ въ послѣдніе три года выгонной земли не отводили, давая одну полевую—слѣдовательно, средній надѣлъ (послѣ передѣла юрта) будетъ ниже 10 десятинъ... Въ Павловской станицѣ мало земли, мало и луговъ».

«Скотины у казаковъ мало», потому что не выгодно заниматься скотоводствомъ. Для занятія скотоводствомъ въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ «землю приходится арендовать на сторонѣ за 20, 30 и даже 50 верстъ, отъ 5 до 8 рублей за десятину», «остается возможность держать лишь рабочую скотину да строевого коня». Но и «рабочей скотины» у казаковъ фактически уже нѣтъ.

«По мѣстнымъ условіямъ для успѣшнаго веденія земледѣльческаго хозяйства на казачьемъ надѣлѣ въ Донской области необходимо имѣть полный плугъ быковъ или лошадей, т. е. не менѣе трехъ паръ воловъ или 4 лошадей». А «къ 1-му января 1898 года на каждое хозяйство (изъ 5 душъ обоего пола) приходилось менѣе 1 пары воловъ и только одна лошадь» (Медвѣдевъ «Служба Донскаго войска» стр. 68), да и та въ большей части не рабочая, а строевая, которую необходимо беречь для службы.

«Станица бѣднѣетъ,—продолжаетъ приговоръ Павловской станицы,—и считаетъ свой юртъ самымъ малоземельнымъ». «Большинство станичныхъ представителей, говоритъ дальше протоколъ комитета, подтверждаютъ, что и у нихъ въ станицахъ такая же нужда въ землѣ, въ лугахъ и въ пастбищахъ и такая же ску-

дость въ доходныхъ источникахъ или выгодныхъ заработкахъ, какъ и у Павловцевъ» (Сводъ заключеній)...

И то же самое, съ маленькими варіаціями, по всему верхнему Дону. Мнѣ пришлось въ Донецкомъ округѣ, именно въ хуторѣ Рыгинѣ, Каменской станицы, натолкнуться даже на вопросъ о передѣлѣ земли. Вопросъ этотъ задалъ казакъ, старикъ лѣтъ 60 съ лишнимъ, и задалъ отъ лица цѣлой группы казаковъ, присутствовавшихъ при этомъ.

— А о чемъ наши казаки хотѣли бы спросить васъ, ваше благородіе?!—началъ свою рѣчь старикъ.

И надо было видѣть, съ какимъ жаднымъ интересомъ и напряженнымъ вниманіемъ прислушивались казаки къ отвѣту.

«Низовыя» станицы (расположенныя по нижнему теченію рѣки Дона) находятся въ лучшихъ условіяхъ. Земли у нихъ больше; напр., въ Старочеркасской станицѣ на пай приходится земли 12 десятинъ, въ Хомутовской дѣловой-пахотной 15 дес., въ Кагавницкой паевой 33 дес. «Земля здѣсь лучше, меньше вспахана, зимы короче и мягче». А главное «въ этихъ станицахъ сохранился рыбный промыселъ, въ нѣдрахъ ихъ каменный уголь, виноградники ихъ доходны, тамъ и первоклассные хлѣбные порты, тамъ и дешевое водяное сообщеніе по р. Дону» (Сводъ заключеній). Показателемъ ихъ большаго земельнаго богатства служитъ тотъ фактъ, что въ низовыхъ станицахъ (въ большинствѣ) существуетъ нигдѣ не встрѣчающійся вверху Дона порядокъ снаряженія казаковъ на службу: всѣ казаки, достигшіе 21 г., при выходѣ въ полкъ снаряжаются инвентаремъ, кромѣ лошади, —на счетъ капитала, образующагося отъ сдачи въ аренду $^1/_3$ части пая каждаго изъ малолѣтковъ.

«Малолѣтки» получаютъ паи 18 лѣтъ. Значитъ, въ періодъ времени отъ 18 до 21 г., т. е. въ 3 года $^1/_3$ часть пая успѣваетъ принести отъ 120 до 150 р.

Повинности, лежащія на казакахъ, которыхъ считаютъ и которые сами привыкли считать себя «вольными», велики. Хоперскому комитету былъ представленъ цѣлый рядъ приговоровъ станичныхъ обществъ, въ которыхъ исчисляются эти повинности, военная и натуральная, въ переводѣ на деньги. Выписываю изъ протокола вечерняго засѣданія 19-го ноября.

«Представитель Арженовскаго станичнаго общества урядникъ Саломатинъ передалъ лично предсѣдателю собственноручную записку о размѣрѣ денежныхъ и натуральныхъ повинностей и поставокъ казака неспособнаго (къ службѣ) разряда, годнаго къ личному труду; при чемъ по разсчету названнаго представителя, выходило съ казака неспособнаго разряда денежныхъ податей въ годъ до 15 рублей и натуральныхъ повинностей и поставокъ по содержанію плодовыхъ жеребцовъ на такую же сумму по переложеніи повинностей на деньги. А всего платежей деньгами и

натурою за 20 лѣтъ состоянія въ разрядѣ неспособныхъ къ службѣ до 600 руб., т. е. по 30 р. въ годъ». «Станичныя же правленія и станичныя общества по сообщеніи имъ разсчетной записки Арженовскаго представителя доставили цѣлый рядъ цифровыхъ данныхъ о степени обложенія денежными и натуральными повинностями не только казаковъ неспособнаго разряда, но также и о размѣрѣ повинностей, падающихъ на казаковъ строеваго разряда, послѣ перевода этихъ повинностей на деньги тѣмъ же способомъ, какимъ оцѣнивалъ повинности Арженовскій представитель для неспособныхъ къ службѣ казаковъ.

«Павловская станица въ приговорѣ станичнаго сбора отъ 15 ноября за № 181, исчисливъ повинности неспособнаго разряда по 42 р. 29 коп., а въ десять лѣтъ въ суммѣ 422 р. 90 коп., т. е. выше разсчета Арженовскаго представителя, указываетъ, что повинности казаковъ строеваго разряда обходятся еще для нихъ дороже, а именно по 78 р. 38 коп. въ годъ, и за десять лѣтъ въ 783 р. 80 коп., съ присоединеніемъ же къ этимъ годовымъ повинностямъ еще единовременныхъ затратъ на исправленіе по службѣ въ 121 р. и для ученія въ 117 р. всего за десять лѣтъ повинности казаковъ строеваго разряда оцѣниваются станицею въ суммѣ 1021 р. 80 коп.

«Другія станицы приходятъ къ такимъ выводамъ: Усть-Бузулуцкая станица считаетъ повинности неспособныхъ казаковъ: платежъ въ табунный капиталъ, почтовый сборъ и натуральныя отбывки по 34 р. 30 к. въ годъ, а въ 10 лѣтъ въ 340 р.; повинности же и расходы строеваго разряда, разложенные не на 10, а на 15 лѣтъ, не считая сторублеваго пособія, по 49 р. 77 коп. въ годъ (746 р. 55 к.).

«Анненская станица въ приговорѣ отъ 15 ноября за № 251 денежныя повинности неспособныхъ къ службѣ казаковъ оцѣниваетъ по 30 р. въ годъ (съ платою почтарю, сѣнокошеніемъ и возкой сѣна), за 20 лѣтъ 600 руб.; для строеваго же разряда одного денежнаго расхода показываетъ по 25 р. въ годъ, а за 10 лѣтъ 250 р., не считая обычныхъ натуральныхъ повинностей и поставокъ. Правоторовская станица стоимость разныхъ повинностей для строевыхъ казаковъ въ 10 лѣтъ оцѣниваетъ въ суммѣ 802 р. Зотовская станица повинности для бывшихъ на службѣ исчисляетъ въ 672 р. 96 к., для не бывшихъ въ 713 р. 60 к., а для неспособныхъ въ 164 руб. 31 к. за 10 лѣтъ. Урюпинская станица повинностей строеваго разряда за 10 лѣтъ опредѣляетъ въ суммѣ 1282 р. 70 к., считая по 120 р. убытку для хозяйства семьи при выходѣ казака въ полкъ—360 руб. за три года».

Станицы представили сравнительно еще скромный разсчетъ. Въ немъ не указаны общія потери хозяйства отъ отлучекъ казаковъ на майскіе лагерные сборы, на «сидѣнки», караулы, и т. п., занимающіе въ общей сложности за всю службу казака не менѣе

года; а цифра «убытка для хозяйства семьи при выходѣ казака въ полкъ» (120 руб. въ годъ), приведенная одной Урюпинской станицей, очень низка. 120 руб. — сумма заработка годового рабочаго-батрака, которую хозяйства изъ-за отсутствія «хозяина» оцѣнивать такой цифрой нельзя, ее надо увеличить, по крайней мѣрѣ, вдвое...

И вотъ на Дону наблюдаются уже безлошадные казаки (въ Алексѣевской станицѣ, напр., это явленіе наблюдается уже около 15 лѣтъ), и создался своеобразный разрядъ *кабальныхъ* казаковъ. Этихъ «кабальныхъ» я наблюдалъ во многихъ станицахъ на Дону при поѣздкѣ по казачьимъ станицамъ; болѣе же точныя данныя у меня имѣются относительно Пятиизбянской станицы. Въ этой станицѣ весною 1905 года удобной пахатной земли (за вычетомъ изъ 15 дес. паевой земли луговъ, табуннаго отвода, общественныхъ арендныхъ статей, солончаковъ и т. д.) было 4 десятины. Черезъ годъ будетъ передѣлъ, и станичники ждутъ, что тогда на пай придется удобной пахотной земли всего 2—2½ дес. При такомъ количествѣ земли казакамъ почти невозможно «справляться» на службу на собственный счетъ, и многіе «справляются» на общественныя станичныя деньги. Чтобы покрыть долги казака станицѣ «за справу», достигающіе до 250—300 рублей на казака, станичное «общество» сходъ беретъ у казака ежегодно «травяной пай» и сдаетъ его въ аренду. Цѣна такого пая 5—6 рублей. Пахотный пай остается казаку. Но, взявъ у казака травяной пай, «общество» тѣмъ самымъ лишаетъ его возможности держать лишнюю скотину, лошадь, имѣть полный (3 пары) «плугъ быковъ» и заставляетъ покупать сѣно для строевого коня, котораго казакъ—хочешь не хочешь—долженъ имѣть. Это ведетъ къ тому, что казакъ, распродавъ понемногу лишній, а потомъ и необходимый рабочій скотъ, заарендовываетъ и свой пахотный пай. Но этимъ общество не ограничивается. Дожидаться, когда долгъ казака покроется вырученными отъ аренды травяныхъ паевъ деньгами «обществу» нельзя, такъ какъ тогда пришлось бы дожидаться лѣтъ 40—50, по меньшей мѣрѣ, а деньги на «справу» такихъ же «маломочныхъ» нужны: ихъ, этихъ «маломочныхъ», становится все больше и больше. И «общество» стережетъ казака—должника. Поступилъ онъ на желѣзную дорогу, заработалъ на пристани—арестъ на жалованіе:— Давай долгъ! А то берутъ человѣкъ по 30, по 40, нанимаютъ насильно въ работники къ богатымъ казакамъ, купцамъ:— Живи! На станичныхъ паромныхъ переправахъ только они, эти «кабальные», и работаютъ: трудъ тяжелый, оплачивается очень низко, и казаку остаются изъ жалованія только «выговорные харчи».

— Вѣдь это разворъ?—спрашивалъ я.

— Разворъ! — подтверждали казаки: — Разя жъ мы не понимаемъ! Ды што жъ подѣлаешь? Съ насъ тоже тянутъ!..

И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Теперь въ Пятиизбянской станицѣ

сдаютъ въ аренду отъ 400 до 500 травяныхъ пасвъ. Это изъ 5000 пасвыхъ! Значитъ, десятая часть казаковъ станицы была справлена на общественный счетъ и теперь состоитъ кандидатами на паромную переправу.

А въ будущемъ ихъ будетъ и того больше, такъ какъ мобилизація 2-ой очереди усилила еще кадры «маломочныхъ», по крайней мѣрѣ, процентовъ на 25. Даже въ низовыхъ станицахъ, въ Новочеркасской, напр., самой богатой изъ всѣхъ станицъ по земельнымъ угодьямъ и по зажиточности казаковъ,—пришлось затратить на снаряженіе 261 казака 48 тыс. руб. изъ общественныхъ денегъ. Екатерининской станицѣ 60-ти изъ 170 призванныхъ казаковъ пришлось купить лошадей на общественный счетъ и затратить на эту покупку и на снаряженіе казаковъ до 15 тыс. руб. Подвизающіеся теперь на внутренней службѣ второочередные полки и только что распущенные полки третьей очереди почти сплошь кандидаты въ «кабальные»...

IV.

Что представляетъ собою казакъ въ смыслѣ «оправданія надеждъ», теперешній казакъ, на обламываніе котораго въ этомъ направленіи было потрачено столько усилій? Вотъ вопросъ, который всталъ передо мною однимъ изъ первыхъ, какъ только я подошелъ вплотную къ хутору и окунулся въ его предмобилизаціонную горячку и тревогу.

Вся исторія Донского войска сама собою наталкивала на этотъ вопросъ. При своемъ возникновеніи «Донское войско» слагалось по общему типу казачьихъ войскъ, какъ военная община со всѣми специфическими чертами послѣдней. Управлялись казаки войсковымъ кругомъ, при выборной администраціи—войсковомъ атаманѣ. «Характеристической чертой круга было полное равенство, говоритъ изслѣдователь Дона (Истор. описаніе Войска Донского): право почина не было исключительной принадлежностью атамана: простой казакъ могъ вносить любое предложеніе и принимать активное участіе при обсужденіи всѣхъ вопросовъ; точно такъ же и при рѣшеніи голосъ войскового атамана считался равнымъ голосу простого казака». Со времени Петра I значеніе «круга» стало падать, появились выдѣленные изъ общей массы казачества бригадиры, старшины; на Донъ стали назначаться войсковые атаманы; власть «круга» постепенно перешла къ войсковой канцеляріи, а потомъ къ областному правленію съ войсковымъ наказнымъ атаманомъ, назначеннымъ правительствомъ, во главѣ—и въ области постепенно были вытравлены всякіе слѣды самоуправленія.

Теперь область приспособлена къ отбыванію воинской повинности,

и весь административный механизмъ прилаженъ такъ, чтобы эта повинность выполнялась населеніемъ возможно усерднѣе.

Войсковая и окружная администрація соединяетъ здѣсь въ одномъ лицѣ гражданскую и военную власть; станичные сходы, обязанные круговой порукой въ дѣлѣ исправнаго снаряженія казаковъ на службу, и выборные станичные атаманы подчинены всецѣло администраціи, которой предоставлены широкія права административнаго усмотрѣнія. По положенію 1891 г окружнымъ атаманамъ предоставлено право подвергать не только населеніе, но и должностныхъ выборныхъ лицъ «за маловажные проступки» замѣчаніямъ, выговорамъ, денежному взысканію до 5 руб. или аресту до 7 дней. При этомъ въ положеніи сдѣлана слѣдующая характерная оговорка: «постановленія объ арестѣ приводятся немедленно въ исполненіе: арестъ можетъ послѣдовать и по словесному распоряженію». Постановленія эти могутъ быть обжалованы въ теченіе 2-хъ недѣльнаго срока, могутъ, слѣдовательно, быть и отмѣнены высшей административной инстанціей, но въ исполненіе они всетаки приводятся «немедленно».

Окружной атаманъ можетъ отмѣнять приговоры станичныхъ сборовъ, можетъ удалять временно отъ должности станичныхъ атамановъ, можетъ не утверждать вновь избранныхъ станичнымъ сходомъ кандидатовъ,—словомъ, можетъ вертѣть станичнымъ управленіемъ по своему благоусмотрѣнію.

Кромѣ общей отвѣтственности «по положенію», на казакахъ и внѣ службы лежитъ еще спеціальная военная отвѣтственность, вплоть до военнаго суда. Напримѣръ, казакъ можетъ подлежать отвѣтственности за оскорбленіе, положимъ, станичнаго атамана, какъ гражданскаго чиновника, и за оскорбленіе того же лица, какъ военнаго начальства. Первое наказывается семидневнымъ арестомъ, второе нерѣдко влечетъ за собою ссылку въ «отдаленныя станицы» на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, или назначеніе на службу въ полкъ во второй разъ «безъ очереди» въ видѣ наказанія.

И это при полномъ произволѣ со стороны привлекающихъ къ отвѣтственности.

— Какъ же разобрать, когда какъ онъ оскорбляетъ васъ? — спрашивалъ я у одного станичнаго атамана.

— А когда какъ намъ, атаманамъ, захочется!—былъ отвѣтъ.

Такимъ обращеніемъ области въ постоянный военный лагерь достигается выполненіе казаками ихъ спеціально казачьихъ функцій. Безъ этого, пожалуй, нельзя было бы разсчитывать на тѣ сто тысячъ нагаекъ, которыми располагаетъ сейчасъ правительство «для внутренней службы»...

Казаки обязаны поголовной воинской повинностью, за исключеніемъ «неспособныхъ къ службѣ» и, по законоположенію послѣднихъ лѣтъ, «одиночекъ». Въ главныхъ чертахъ воинская повинность донскихъ казаковъ сводится къ слѣдующему:

«Вооруженная сила войска состоитъ изъ служилаго состава и ополченія. Служилый составъ дѣлится на три разряда: приготовительный, строевой и запасный. Въ ополченіи числятся казаки до смерти. Служба каждаго казака начинается съ 18-лѣтняго возраста и продолжается 20 лѣтъ, въ томъ числѣ: 3 года въ приготовительномъ, 12 лѣтъ въ строевомъ и 5 лѣтъ въ запасномъ разрядѣ... При зачисленіи на службу каждый казакъ долженъ имѣть собственную лошадь, обмундированіе и снаряженіе. Все это онъ долженъ имѣть въ теченіе 2 лѣтъ въ приготовительномъ и 8 лѣтъ въ строевомъ разрядѣ, т. е. въ теченіе 10 лѣтъ. Въ третьей очереди онъ можетъ не имѣть лошади... и долженъ пріобрѣсти ее, когда потребуется. Въ запасномъ разрядѣ казакъ долженъ имѣть вооруженіе и снаряженіе» (Медвѣдевъ: «Служба Дон. войска» стр 17—18). Такимъ образомъ, на одинъ милліонъ казачьяго населенія области къ настоящее время приходится казаковъ въ полной готовности къ службѣ около 13%. (Въ приготов. разрядѣ въ возрастѣ отъ 18 до 21 года свыше 27 тыс. человѣкъ, въ строевомъ отъ 21 — 33 лѣтъ около 80 тысячъ; и въ запасѣ отъ 33 до 38 лѣтъ около 25 тысячъ. Всего около 132 тысячъ).

Казачество закрѣпощено за военнымъ министерствомъ и изъ области создано своего рода «гетто» съ своей чертой осѣдлости. Казакъ въ возрастѣ до 40 лѣтъ не можетъ отлучиться изъ предѣловъ Донской области болѣе, чѣмъ на три мѣсяца. Для отлучекъ не свыше года требуется спеціальное разрѣшеніе окружного атамана, которое зависитъ всецѣло отъ его усмотрѣнія. Отлучекъ болѣе, чѣмъ на годъ, не практикуется совсѣмъ.. Можно представить себѣ, какъ отражается все это на населеніи области, которому предоставлено вариться въ собственномъ соку!..

Создавъ изъ области военный лагерь, администрація позаботилась и о томъ, чтобы не допустить въ него ни откуда свѣжей струи и неукоснительно уничтожала въ области всякую, даже самую невинную, попытку культурной работы среди казачества.

Попытки культурной работы на Дону кончались ничѣмъ, такъ какъ или не допускались вовсе, или пресѣкались въ самомъ началѣ. На ходатайства разныхъ собраній, сходовъ, комитетовъ о введеніи на Дону земства въ теченіе 25 съ лишнимъ лѣтъ получались изъ Петербурга стереотипные отвѣты: «Правительство озабочено разработкой мѣръ къ скорѣйшему... и т. д.». И это еще въ лучшихъ случаяхъ. Чаще отвѣты были кратки и выразительны: «несвоевременно». Агитація въ пользу введенія на Дону земства даже въ самое послѣднее время—весною 1905 года—встрѣчала такое предупрежденіе:

— Зайкнись только мнѣ на сходѣ о земствѣ,—говорилъ, напримѣръ, окружной атаманъ Хоперскаго округа г. Широковъ подвластнымъ ему станичнымъ атаманамъ:—въ 24 часа вышлю изъ округа!

Какъ заботилась администрація объ огражденіи области отъ всякихъ «вліяній», показываетъ характерный фактъ закрытія окружныхъ гимназій въ станицахъ и замѣны ихъ военно-ремесленными училищами, произведенный наказнымъ атаманомъ Святополкъ-Мирскимъ... Рогатки были понаставлены вездѣ, гдѣ только можно было наставить ихъ, и воспитаніе казачества въ духѣ «вѣрныхъ сыновъ» велось безъ помѣхи.

Эти-то соображенія и заставляли меня поставить приведенный въ началѣ этой главы вопросъ, и они же подсказывали заранѣе опредѣленный выводъ, который былъ бы весьма утѣшителенъ съ точки зрѣнія упованій на готовность казачества защищать основы, если бы дѣйствительность не вводила въ этотъ выводъ своего яснаго и точнаго корректива, если бы она не показывала что въ мѣшкѣ все таки есть шило, если бы она не наталкивала на подозрѣніе, что, вѣроятно, «готовность» не настолько ужъ безукоризненна и въ «прирожденности» есть какая-то трещина. Что трещина существуетъ, объ этомъ давали возможность и право догадываться, съ одной стороны, «уходъ», уклоненіе отъ службы, все болѣе и болѣе наблюдающіеся въ послѣднее время среди донскихъ казаковъ—съ другой, и угасаніе того военнаго идеала, которымъ, по слухамъ, жили предшествовавшія поколѣнія, и замѣну его карьеристическими стремленіями къ «урядничеству», къ «нашивкамъ».

Послѣднее подмѣтилъ въ свое время у уральскихъ казаковъ В. Г. Короленко («По Уралу»), и мнѣ остается отослать желающихъ къ его очеркамъ съ оговоркой, что все сказанное у Короленко относительно угасанія казачьихъ идеаловъ у уральцевъ, въ полной мѣрѣ приложимо и къ донцамъ. Относительно же уклоненія отъ службы лица, близко стоящія къ казакамъ—врачи, офицеры, станичные атаманы, военные пристава — свидѣтельствуютъ, что случаи увѣчій, разстройства здоровья, симуляцій разнаго рода, съ цѣлью уклоненія отъ службы, принимаютъ въ послѣднее время прямо массовой характеръ. Особенно ярко сказалось это въ концѣ 90-хъ годовъ во время гастролей въ административномъ центрѣ 2-го Донского округа, въ Нижне-Чирской станицѣ, какихъ то аферистовъ, эксплуатировавшихъ населеніе подъ видомъ «коммиссіи для освидѣтельствованія». Легкость полученія «отсрочки» отъ службы на годъ, даже «чистой отставки» за нѣсколько десятковъ рублей сдѣлала то, что къ аферистамъ, началось паломничество со всего округа:

— Что хочешь возьми, только уволь!

Это паломничество населенія къ аферистамъ, и при томъ паломничество въ лицѣ старшаго поколѣнія—отцовъ и дѣдовъ, хлопотавшихъ за молодежь—сыновей и внуковъ, давало право подозрѣвать, что въ «прирожденности» не все обстоитъ благополучно. И на это же подозрѣніе наталкивала вся предмобилизаціонная горячка, которая не только въ хуторѣ и станицѣ, а и въ округѣ

перевернула все вверхъ дномъ. Мобилизація не застала врасплохъ казачьи части, захваченныя ею; о предстоящемъ выступленіи въ походъ было подсказано, именно подсказано келейнымъ образомъ, задолго: на подготовку къ походу отпущено мѣсяца полтора времени. Оффиціально мобилизація объявлена была лишь 21 іюля. Въ этотъ только день на станичныхъ перекресткахъ запестрѣли красные плакаты, возвѣщавшіе «первый день мобилизаціи», по станичнымъ и хуторскимъ улицамъ опрометью пронеслись съ красными флагами верховые, во всеуслышаніе объявившіе ту же новость, которая для всѣхъ, слышавшихъ ее, была дѣйствительно новостью мѣсяца полтора назадъ.

Я узналъ о мобилизаціи, о выступающихъ частяхъ, объ округахъ, захваченныхъ ею, приблизительно за мѣсяцъ до оффиціальнаго объявленія ея и узналъ такія подробныя свѣдѣнія не потому, чтобы старался узнать, вывѣдать, а просто «слышалъ», такъ какъ объ этомъ говорили открыто чуть не въ началѣ іюня еще, говорили въ Новочеркасскѣ, въ Ростовѣ, на пароходѣ, въ вагонѣ. А когда я въ первой половинѣ іюля пріѣхалъ въ хуторъ, въ станицу, мобилизаціонная работа кипѣла во всю. Лихорадочно работало станичное правленіе, «съ ногъ посбились» хуторскіе атаманы; въ станицу то и дѣло вызывались второочередные казаки, дѣлались «смотры», покупались, отмѣнялись, браковались и одобрялись лошади, перетряхивалась и пересматривалась «аммуниція», оттачивались шашки; между станицей и округомъ безпрерывно «во весь карьеръ» носилась «летучка» съ распоряженіями, предписаніями, рапортами и донесеніями: произведенъ былъ даже дополнительный нарядъ, въ который попали было сельскіе учителя, канцелярскіе чиновники и прочая, оградившаяся было отъ полка привилегіей государственной службы, братія.

Выводъ получался опредѣленный и ясный, и всетаки, признаюсь, я не смѣлъ вполнѣ довѣриться ему. И я обратился съ поставленнымъ въ началѣ этой главы вопросомъ къ «благословляющимъ», въ лицѣ близко стоящихъ къ хутору поклонниковъ казачества. Они отвѣтили на вопросъ отрицательно.

— Ревутъ по ночамъ кой-кто,—не хочется идти... А станешь спрашивать: страшно? Не признаются. Ничуть, говорятъ, мы...

Таковъ былъ первый отзывъ о настроеніи собирающихся на войну «служивыхъ», полученный мною въ хуторѣ, едва я сошелъ съ телѣги. Всѣ послѣдующіе отзывы такъ же мало оставляли мѣста «надеждамъ».

— Дермо идетъ. Развѣ это казаки?!—передавалъ мнѣ свои наблюденія надъ сосѣдями-казаками мой знакомый, хуторскій священникъ. Онъ самъ казакъ, родился и выросъ на Дону и ревниво относился къ прошлой боевой славѣ казачества.

— Третью очередь послали бы,—продолжалъ онъ: — былъ бы толкъ. Такихъ вотъ, какъ Ефимъ Ивановичъ, атаманъ, Адамовы

ребяты... Это казаки! по крайней мѣрѣ,—народъ! Сразу видно, есть чѣмъ подержать въ рукахъ,—не вырвешься. А это что? ребятишки идутъ... Плакать будутъ еще.

У него, вѣроятно, съ понятіемъ «казакъ» неразрывно связывалось представленіе о безшабашности, граничащей съ настроеніемъ: «хоть травушка не рости», и суровости, граничащей съ жестокостью, и эти качества ставились на плюсъ казачеству, такъ какъ онъ, вслѣдъ за сожалѣніемъ о томъ, что не посылаютъ третью очередь, перешелъ къ сожалѣнію о быломъ, когда, по его мнѣнію, «казакъ былъ настоящій».

— Впередъ (прежде) служба была! Придетъ на побывку съ войны, черезъ полгода, смотришь, опять погнали... Лѣтъ по пятнадцати воевали все. За то и казаки были: войны не боялись, за бабами не голосили...

Это любовное воспоминаніе о безвозвратно минувшемъ «впередъ», о временахъ покоренія Кавказа и «усмиренія» Польши, имѣющихъ еще живыхъ свидѣтелей, постоянно, при всякомъ удобномъ случаѣ, всплываетъ у донцовъ-патріотовъ, скорбящихъ о пониженіи боевыхъ качествъ и замашекъ донского казачества. Они, эти патріоты, пожалуй, не прочь, не смотря ни на какія перемѣны въ исторической и бытовой обстановкѣ казачьей жизни, помечтать о томъ, что хорошо было бы, если бы можно, опять вернуться къ тому скорбному и для казака, суровому времени, лишь бы поднять любезныя ихъ сердцу боевыя и служебныя качества казака на былую высоту.

— Войнъ мало,—единодушно вздыхаютъ по всему Дону любители казачества.

— Походовъ не стало: теперь дома на проводахъ напьется, а въ полкъ похмѣляться успѣетъ доѣхать... И служба не та: собаки дома и то не успѣютъ забыть. Придетъ изъ полка служивый:—Шарикъ, Шарикъ!—а Шарикъ хвостомъ виляетъ,—угадалъ!..

Прежняя казачья служба, отодвинувшаяся отъ нашего времени почти на полстолѣтіе и потерявшая поэтому свою рѣзкую угловатость, въ свое время сильно задѣвавшую современниковъ, теперь въ воспоминаніяхъ «стариковъ» окуталась дымкой поэзіи и, кажется, больше благодаря этой дымкѣ, и жалѣетъ о ней доживающее поколѣніе, а съ его голоса и поклонники казачества, въ родѣ моего знакомаго священника. Тѣ же современники прежней службы, теперь вздыхающіе о ней, объ ея воспитательныхъ качествахъ (люди выходили!), въ свое время иначе смотрѣли на нее и заклеймили ее въ получившихъ широкое распространеніе на Дону пѣсняхъ не особенно лестными эпитетами.

Казаки, служившіе въ Грузіи, такъ выразили въ пѣснѣ свое отношеніе къ службѣ и свои впечатлѣнія отъ прелестей грузинскихъ стоянокъ и походовъ:

— Распроклятая ты сторонушка,
Грузинская шельма-сторона!
Безъ поры-то, безо времячка
Изсушила меня молодца,
Безъ поры-то, безо времячка
Румянушки съ лица вынула,
Безъ поры-то, безо времячка
Черны кудри съ младца сорвала!..

Кстати. Пресловутая любовь казака къ войнѣ, по признанію самого казака, выраженному имъ въ пѣсняхъ, оказывается далеко не такою, какою мы привыкли представлять себѣ ее подъ вліяніемъ оффиціальныхъ отзывовъ и реляцій. Я указываю на казачью пѣсню потому, что смотрю на нее, какъ на единственное, дошедшее до насъ, искреннее признаніе казака въ самыхъ его задушевныхъ мысляхъ и чувствахъ, какъ на своего рода «исповѣдь», какъ на резюме пережитаго и перечувствованнаго цѣлымъ поколѣніемъ, резюме самостоятельное, безъ навязаннаго извнѣ содержанія. Единственно въ ней могъ казакъ высказаться вполнѣ такимъ, каковъ онъ есть, оставаясь самимъ собою, не надѣвая на себя личины изъ угожденія или изъ боязни, не прислушиваясь къ чужому, часто власть имущему, голосу.

О страстной любви къ войнѣ, «службѣ» по терминологіи того цикла пѣсенъ, который я имѣю въ виду (я беру пѣсни періода покоренія Кавказа, гдѣ служба проходила въ боевой обстановкѣ, представлявшей въ сущности безпрерывную, растянувшуюся на длинный рядъ лѣтъ войну), объ идейномъ поклоненіи этой «службѣ»-войнѣ въ пѣсняхъ нѣтъ и рѣчи. Наоборотъ, казакъ смотритъ на службу, войну, на необходимость идти въ походъ, только какъ на необходимость и обязанность, тяжелую подчасъ,—не болѣе...

Отправляясь на службу, казакъ при прощаніи горько жалуется матери на необходимость идти «на чужу сторонушку», упрекаетъ даже мать за то, что она сумѣла воспитать его, укрыть отъ всѣхъ напастей—«буйныхъ вѣтровъ»,—не укрыла отъ большой службы:

...Носила ты меня,
Носила—скорбила,
Сама умирала,
Отъ буйныхъ вѣтровъ
Меня укрывала,—
Отъ большой-то службы
Меня не укрыла,
На чужу сторонку
Проводила!..

Находясь на службѣ, казакъ не полюбилъ ее, не привязался къ ней, не отдался ей всей душой. Нѣтъ, всѣ его помыслы, думы тамъ—дома, на далекомъ «тихомъ Дону». И хотя, можетъ быть, онъ съ охотой впервые шелъ на службу, по слухамъ рисовалъ ее себѣ

въ розовомъ свѣтѣ, мечталъ о ней, но, побывавъ на «чужой сторонѣ», перемѣнилъ объ этой чужой сторонѣ свое мнѣніе:

Сторона моя, сторонушка,
Сторона моя ты незнакомая!
На тебѣ, моя сторонушка,
Служить съ Дону нѣтъ охотничка.
Какъ одинъ-то казаченочекъ
Служить съ Дону поохотился,--
Хотѣлъ нагрубить своему отцу—матери,
Больше нагрубить своей молодой женѣ...
Нагрубилъ лишь больше ретиву сердцу.
Сторона моя, сторонушка,
Сторона моя ты незнакомая!
Изошелъ тебя изъ конца въ конецъ,
Не нашелъ тишей, смирнѣй
Батюшки—тиха Дона;
Не нашелъ роднѣй, милѣй
Свово отца—матери;
Не нашелъ роднѣй, вѣрнѣй
Своей молодой жены;
Не нашелъ кровнѣй, роднѣй
Своихъ малыхъ дѣтушекъ!..

Таковъ итогъ служебныхъ впечатлѣній казака.

Служба переносится казакомъ только по необходимости: «куда жъ дѣваться!»,—а вовсе не по любви къ ней.

— Ой, ты служба,—поетъ онъ:—
Служба нужная!
Надоѣла, служба,
Надоскучила...

Когда ему становится, что называется, «не въ терпежъ», «не въ переносъ», онъ ищетъ утѣшенія не въ любви къ походу, къ службѣ, къ войнѣ, не въ идеѣ войны, службы, что должно было бы быть по характеристикѣ, кстати и некстати выдвигаемой на видъ и навязываемой казаку, а обращается къ природѣ, къ воспоминаніямъ о домѣ, о тихомъ Донѣ и въ нихъ ищетъ утѣшенія въ своемъ горѣ-кручинушкѣ.

— Ты взойди, взойди, солнце красное,
Взойди утромъ рано,
Обогрѣй, обсуши раздобраго молодца
На нужномъ бекетѣ...
— Ты воспой, воспой, веселый соловьюшка,
Воспой при долинушкѣ,
Пріутѣшь, призабавь раздобраго молодца
При горѣ-кручинушкѣ!..

Болѣе молодое поколѣніе казаковъ, не захватившее уже пятнадцатилѣтней маяты, повидимому, еще менѣе склонно къ восхваленію службы и сожалѣнію о минувшемъ «впередъ» и проявляетъ скорѣе скептическое отношеніе къ точности и правдивости освѣ-

щенія воспоминаніями стариковъ-ветерановъ Польши и Кавказа, тогдашняго времени и тогдашнихъ людей.

Какъ-то въ воскресенье послѣ обѣдни я подошелъ къ кружку казаковъ, образовавшемуся въ церковной оградѣ. Въ кружкѣ шелъ оживленный перекрестный разговоръ, и въ тотъ моментъ, когда я подходилъ, раздался взрывъ дружнаго веселаго хохота. Центромъ кружка служилъ мой знакомый, довольно уже пожилой, кончившій всѣ служебныя «очереди» казакъ, Василій Ивановичъ Васильевъ, умный, наблюдательный человѣкъ, превосходный знатокъ своего казачьяго міра.

Переждавъ, пока смѣхъ поутихъ, Василій Ивановичъ съ веселымъ и задорнымъ видомъ и насмѣшливымъ выраженіемъ лица продолжалъ прерванный разговоръ:

— Это, братъ, не съ Турціей, не съ Китаемъ воевать. Попыхтишь досыта... А то дѣдъ Филиппъ давеча въ церкви на ордена показываетъ... Понацѣпилялъ:—во!—говоритъ... Да это мало ли што «во!»—ты подика-сь сейчасъ побоюй!? А то вы съ кремневками на Кавказѣ пукали, да и «во» теперя...

— На Кавказѣ што за война была!?

— Сичасъ онъ за версту тебе къ себѣ не подпуститъ. Вся война, какъ въ дамки играютъ.

— На Кавказѣ въ рукопашную больше драка шла: кто кого перепретъ.

Глаза Василія Ивановича блеснули насмѣшливымъ огонькомъ.

— Да мнѣ разъ въ лагеряхъ одинъ кавказскій старикъ признавался,—заговорилъ онъ.—Наши, говоритъ, кремневки, глядя по погодѣ били. Иной разъ, бываетъ, и выстрѣлишь, а то въ дождь или въ вѣтеръ и такъ обойдется. Тады пулей, говоритъ, чорта съ два ба чево сдѣлалъ... Я, говоритъ, иду разъ лѣсомъ, а изъ куста на мене чеченецъ. Я ружье съ плечъ: разъ!—осѣчка; онъ—разъ!—осѣчка. Я—разъ—разъ, онъ—разъ,—ни моя, ни ево не беретъ: отсырѣла. Щелкаетъ только. Ужъ я его, говоритъ, обложилъ тутъ по матери!..

Молодое поколѣніе казаковъ по своей «казачьей психологіи» сильно разнится уже отъ стариковъ. Въ немъ еще крѣпко сидитъ фронтовое «руки по швамъ» и вбитыя въ его голову идеи объ «опорѣ» и «защитѣ» престола и отечества. Но факты показываютъ, что жизнь сдѣлала всетаки брешь въ казачьей идеологіи, что и въ казачьей душѣ завелась уже червоточинка, которая, пожалуй, выѣстъ до-чиста всю сердцевину. Въ эту первую мобилизацію отъ офицеровъ мнѣ приходилось слышать о массѣ случаевъ увѣчій среди захваченныхъ мобилизаціей казаковъ, съ цѣлью избѣжать похода на войну. Было нѣсколько случаевъ самоубійствъ...

Въ окружныхъ управленіяхъ изъ войскового штаба получались предупрежденія о томъ, что намѣчена мобилизація третьей очереди казаковъ въ возрастѣ отъ 28 до 32 лѣтъ, но эту мобилиза-

цію во время войны объявить не рѣшились въ виду непопулярности войны и нежеланія казаковъ идти «чортъ знаетъ куда, чортъ знаетъ зачѣмъ!» по ихъ выраженію. Штабъ и окружныя правленія имѣли вѣскія основанія не назначать этой мобилизаціи, такъ какъ за спокойное теченіе ея никто поручиться не могъ. Экономическая расшатанность такъ велика, изъяны казачьяго хозяйства, его разстройство такъ ярко бросаются въ глаза даже бюрократіи, что на Дону всѣ въ одинъ голосъ заявили, что мобилизація 3-й очереди Донъ не вынесетъ.

Мобилизація этой очереди и не была назначена во все время войны съ Японіей, и только съ объявленіемъ войны Россіи, когда пришлось призвать подъ знамена всѣхъ «вѣрныхъ сыновъ», была взята въ полки и третья очередь.

Но мобилизація казаковъ этого возраста (29—33 лѣтъ) не всюдѣ сошла гладко. Изъяны въ идеѣ «защиты и опоры престолъ-отечества» мѣстами обнаружились крупные. Въ Верхне-Чирской станицѣ (2-го Донского округа), напримѣръ, мнѣ пришлось услышать отъ одного изъ представителей станичной администраціи на вопросъ о томъ, какъ прошла мобилизація, — слѣдующій характерный отвѣтъ:

— Да ничего, слава Богу, проводили!.. Только на 50 казаковъ пришлось погнать 54 полицейскихъ, чтобы собрать ихъ... а то все ничего...

Весною 1905 года во время мобилизаціи въ Хоперскомъ округѣ, когда выяснилось, что мобилизованные полки уйдутъ во внутреннія губерніи для «усмиренія» широко развившихся тогда аграрныхъ волненій, казаки отказались было идти.

— Съ какой радости, — говорили они: — мы бросимъ семьи, бросимъ поля неубранными и пойдемъ стеречь помѣщичьи поля!

Я слышалъ объ этомъ тогда же въ Новочеркасскѣ отъ людей, «своими глазами» видѣвшихъ и читавшихъ телеграмму—донесеніе объ отказѣ отъ окружного атамана. Позднѣе мнѣ пришлось быть въ Урюпинской станицѣ, — административномъ центрѣ Хоперскаго округа,—и собрать болѣе полныя свѣдѣнія объ этомъ отказѣ казаковъ. Оказывается, отказъ казаковъ отъ похода не только имѣлъ мѣсто, но и принялъ такіе размѣры, что администраціи пришлось пуститься «во вся тяжкая», вплоть до явнаго и не совсѣмъ тонко продѣланнаго обмана, чтобы какъ-нибудь уладить дѣло.

Администрація продѣлала слѣдующій вольтъ. Мобилизованнымъ казакамъ, которые—по теоріи—должны быть всегда готовы къ походу и имѣть полное боевое снаряженіе, кромѣ винтовки, и которые на самомъ дѣлѣ не имѣли очень многаго изъ этого снаряженія, принуждены были отпустить изъ войскового капитала по 100 рублей на каждаго казака, какъ пособіе на «справу».

Хоперская администрація воспользовалась этимъ сторублевымъ пособіемъ и представила его казакамъ, какъ «царскій подарокъ» за «вѣрную службу». Особенно было подчеркнуто при этомъ то обстоя-

тельство, что деньги эти даются *лично* казакамъ и не могутъ быть отобраны никѣмъ, даже станичными обществами, истратившими передъ этимъ всѣ свои станичные капиталы на «справу» этихъ же казаковъ.

— Смотрите, братцы, — усиленно предупреждали казаковъ:— деньги отпущены вамъ на руки, и никто не имѣетъ права отобрать ихъ!

Казаки такъ и поняли, что деньги отпущены царемъ «на пропой», и въ тотъ же день началось пьянство.

— Урюпина нельзя было узнать, — разсказывали очевидцы:— сплошной кабакъ сталъ!..

Когда на утро при перекличкѣ въ одной изъ сотенъ провѣрили деньги, оказалось, что у многихъ осталось всего на всего по 40 копѣекъ... «На бутылку водки, — опохмѣлиться»!

— Деньги наши!—говорили казаки: —Нужно будетъ еще — царь дастъ!

Этотъ административный вольтъ съ «царскими деньгами» сдѣлалъ то, что казаки пошли: возможность сдѣлки, взятки съ царя и въ будущемъ расщекотала пасть... Администраціи не было, конечно, дѣла до того, что черезъ нѣсколько дней, послѣ отправки наиболѣе безпокойныхъ элементовъ, въ Урюпинской разыгрывались такія сцены.

Ко многимъ изъ казаковъ пріѣхали изъ станицъ жены:

— Свекоръ выгналъ!... «Иди, говоритъ, къ мужу — онъ не прислалъ ничего изъ способія—нехай, куда хочетъ, дѣваетъ тебя»...

Казаки ушли, но когда-нибудь они вернутся же, угаръ пройдетъ, возможность новой «взятки» упадетъ до нуля, наступитъ реакція, и мы будемъ еще, можетъ быть, свидѣтелями административныхъ вольтовъ совершенно другого рода.

Реакція среди подвизающихся сейчасъ на «усмиреніи» казаковъ наступаетъ кое-гдѣ и теперь, хотя робко и неувѣренно, но цѣнна она тѣмъ, что наступаетъ самостоятельно, подъ вліяніемъ жизни, безъ прямого воздѣйствія со стороны революціонныхъ элементовъ, на которыхъ привыкло кивать правительство. У меня имѣется, напримѣръ, письмо казачьяго офицера, писанное изъ Москвы и полученное на Дону въ началѣ сентября прошлаго года. Въ немъ офицеръ пишетъ: «Насъ пригнали сюда *для насмѣшки:* несемъ исключительно полицейскія обязанности и никакую часть, ушедшую на Дальній Востокъ, мы не замѣщаемъ, такъ какъ всѣ полки въ Москвѣ, пополненные запасными, остаются на своихъ мѣстахъ... Насъ обмануло правительство: подъ видомъ замѣны уходящихъ на Дальній Востокъ, пригнало нести, раззоряя семьи, полицейскія обязанности!..» Послѣ 17 октября въ газетахъ было опубликовано «письмо въ редакцію», подписанное 80, кажется, казаками-гвардейцами, въ которомъ они заявляли о своемъ нежеланіи быть назначаемыми въ помощь полиціи. Цѣлый рядъ

такихъ же заявленій въ весьма категорической формулировкѣ, въ родѣ: «мы не желаемъ больше нести этой позорной полицейской службы», «мы не враги народа», «начальство обошло насъ разными улещиваніями, но мы теперь прозрѣли» и т. д.—посыпался весною этого года, послѣ запроса въ Думѣ о мобилизаціи казаковъ второй и третьей очереди. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ заявленій высказывалось намѣреніе такого рода:

— Если и вы (члены Думы) не добьетесь для насъ роспуска по домамъ, мы сами походнымъ порядкомъ уйдемъ на Донъ!

Это уже совершенно опредѣленное рѣшеніе идти на разрывъ съ «начальствомъ», бунтовскимъ манеромъ «добиться» того, чего не даютъ добровольно, не смотря ни на какія ходатайства. Это уже психологія той самой крамолы, бороться съ которой призваны были казаки. Разрывъ, моральный разрывъ между «опорой» и тѣми, кому эта опора служила, произошелъ. Многочисленные факты, отмѣченные въ свое время газетами, начиная съ мелкихъ проявленій сочувствія, выражаемаго казачьими разъѣздами митингамъ рабочихъ, приглашенія не бояться, продолжать митингъ, просьбъ допустить ихъ «послухать» и кончая поведеніемъ казаковъ при усмиреніи кавалеристовъ въ Курскѣ, всѣ эти факты свидѣтельствуютъ о такомъ разрывѣ. Теперь полки третьей очереди распущены по домамъ. Что внесли они въ жизнь станицъ и хуторовъ, какъ отразилось на нихъ самихъ встрѣченное ими дома разсорѣніе, мы еще не знаемъ, но, надо думать, жизнь не заставитъ долго ожидать указаній на этотъ счетъ...

V.

Реакція наступила и на Дону среди болѣе стараго поколѣнія, являвшагося оплотомъ и носителемъ идей «вѣрности» и «опоры». Автору этихъ строкъ пришлось, между прочимъ, нащупать трещины въ старомъ міровоззрѣніи донского казачества и констатировать наличность стремленія къ чему-то новому, къ лучшимъ формамъ жизни еще въ прошломъ году за нѣсколько мѣсяцевъ до того, какъ въ газетахъ появились первыя извѣстія о волненіяхъ среди казаковъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года среди новочеркасской интеллигенціи возникла мысль объединиться и сорганизовать «областной казачій союзъ». Цѣлью союза учредители его намѣчали «раскрѣпощеніе казака», борьбу противъ тѣхъ военныхъ формъ, въ которыя поставлено казачье населеніе области и которыя мѣшаютъ пріобщенію казачества къ мирной гражданской и культурной жизни. Путь для этого всѣ видѣли только въ достиженіи правового порядка въ Россіи, завоеваніи полноправнаго народнаго представительства на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тай-

наго голосованія. Пропаганду этихъ началъ и намѣтилъ себѣ первоначально «союзъ».

Автору этихъ строкъ вмѣстѣ съ другими лицами пришлось произвести опытъ—познакомить казаковъ съ проектомъ программы союза и посмотрѣть, какъ отзовется казачество на эту программу. Для опыта были выбраны низовыя донскія станицы: Старочеркасская, Хомутовская, Кагальницкая, однѣ изъ самыхъ богатыхъ и обезпеченныхъ землею. Старочеркасская имѣетъ 12 десятинъ пахотной, «дѣловой» земли на пай; Хомутовская 15, не считая луговъ, пастбищъ, табунскаго отвода, Кагальницкая всей земли имѣетъ по 32 десятины на пай. Въ эти-то станицы и выѣхали мы съ проповѣдью о «волѣ».

Мы являлись въ станицу, обращались прямо къ станичному атаману съ просьбой созвать въ станичномъ правленіи собраніе, съ которымъ мы поговоримъ о Государственной Думѣ. Атаманы созывали собраніе, и мы подробно выясняли программу казачьяго союза и предлагали казакамъ присоединиться къ нему, принявъ соотвѣтствующій приговоръ, являвшійся сколкомъ съ приговора Всероссійскаго Крестьянскаго Союза.

Въ первой изъ этихъ станицъ приговоръ былъ принятъ цѣликомъ, несмотря на то, что атаманъ, сообразившій во время засѣданія, что происходитъ что-то не совсѣмъ обычное, на нашихъ глазахъ шепталася о чемъ-то съ казаками. Одинъ изъ казаковъ заявилъ во всеуслышаніе:

— Атаманъ боится... онъ не получалъ предписанія...

— Ну-у, намъ ужъ хуже не будетъ! — послышались голоса.

— Я подписываюсь. Вѣрно все, что намъ говорили!

— Спаси Христосъ, что пріѣхали, разсказали намъ, разбудили насъ... Проснитесь, казаки!

Резолюція была принята единогласно и подписана 40 присутствовавшими правомочными членами станичнаго схода. Пунктъ объ отнесеніи снаряженія на государственный счетъ послѣ переговоровъ между собою казаки попросили выкинуть: — Такъ обдумываемся крѣпше должно быть. А то какъ бы послѣ не сказали намъ: вы служить-то не служите, а землей пользуетесь!

— Ну-у—не скажутъ,—послышались возраженія изъ толпы.— Мы тогда всѣ къ англичанкѣ передадимся. Она самую золотую землю отведетъ намъ. Давно ужъ звала.

Въ Хомутовской станицѣ положенія приговора, объяснепныя детально, вызвали рѣчь атамана такого содержанія:

— Все, о чемъ говорилось тутъ, говорилось хорошее одно... Нужно хлопотать, добиваться того, о чемъ хлопочетъ теперь вся Россія... Тутъ попрекнули насъ, что мы до сихъ поръ ничего не говорили вамъ (по поводу указа 18 февраля). Да вѣдь, гг. старики, вамъ уже объяснили, что и мы, станичные атаманы, люди подневольные и зависимъ отъ окружного атамана. А потомъ,—кто

мы? Я вѣдь выбранъ изъ вашей же среды и такой же малограмотный человѣкъ, какъ и всѣ. И я читалъ положеніе о Государственной Думѣ, да и десятаго не понялъ, о чемъ тамъ пишется. Наши законы и циркуляры всѣ такъ пишутся, что мы, необразованные люди, мало чего можемъ разобрать въ нихъ... Надо благодарить этихъ людей, что они заѣхали къ намъ и разъяснили намъ, что и какъ...

Собраніе попросило насъ оставить ихъ и черезъ полчаса прислало къ намъ атамана и двухъ депутатовъ:

— Такъ что казаки обсовѣтали: станица наша маленькая, такъ мы подождемъ, штобы не скомфузиться однимъ. Когда вамъ въ другихъ станицахъ подпишутъ приговоры — дайте знать, мы въ одинъ часъ соберемся и тоже напишемъ.

При обсужденіи приговора станичники остановились на слѣдующихъ положеніяхъ: первые три пункта о народоправствѣ были приняты единогласно, также и шестой пунктъ о всеобщемъ образованіи.

— Дюжа понравились эти пункты станичникамъ! — передавали депутаты.

Въ пунктѣ четвертомъ не была принята «свобода совѣсти».

— А сектанты теперь?

Пункты о милиціи и о земляхъ возбудили подозрѣніе, какъ посягательство на казачьи вольности:

— А какъ насъ всѣхъ въ мужики повернутъ?

Эта подозрительность казаковъ требуетъ нѣкотораго поясненія. Казаки считали и считаютъ Донъ «своимъ».

— Эту землю завоевали наши отцы, кровью полили ее, мы за нее служимъ. Отобрать ее отъ насъ никто не имѣетъ права. — Вотъ общій отзывъ казаковъ о землѣ войска Донского.

Этотъ своеобразный «національизмъ», переплетаясь со все увеличивающейся, вслѣдствіе тѣсноты и малоземелья, нуждой въ землѣ, дѣлаетъ казаковъ подозрительными на счетъ земли и казачьихъ «правовъ», съ которыми они связываютъ землю, и заставляетъ ихъ видѣть подвохи и посягательства даже тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ.

Мнѣ приходилось бесѣдовать со многими казаками въ разныхъ частяхъ Дона о земствѣ, и почти всегда мотивомъ нежеланія имѣть у себя земскія учрежденія казаки выставляли слѣдующее соображеніе:

— Это хотятъ, чтобы мы перешли въ мужики, платили подати... А потомъ, чтобы землю у насъ забрать?!

Въ силу тѣхъ же условій, казаки, еще кое-какъ мирящіеся съ сосѣдствомъ коренного крестьянскаго населенія въ области, къ пришлому «иногородному» элементу относятся въ высшей степени нетерпимо. Въ Хоперскомъ окружномъ комитетѣ казаки, представители станицъ, предлагали слѣдующую мѣру, и она была принята большинствомъ 39 противъ 11 голосовъ: «воспретить на будущее время сдачу юртовой казачьей земли, общественной и паевой, ино-

городнимъ предпринимателямъ арендаторамъ, понимая подъ именемъ иногородныхъ арендаторовъ только пришлыхъ изъ другихъ губерній крестьянъ и разночинцевъ».

...Въ Кагальницкой станицѣ собраніемъ въ 200 съ лишнимъ человѣкъ пункты приговора были приняты подавляющимъ большинствомъ голосовъ, почти единогласно.

Между прочимъ, здѣсь разыгрался характерный эпизодъ. Одинъ изъ казаковъ потребовалъ у насъ паспорта, и его послѣ нашего отъѣзда засмѣяли бабы:

— И не совѣстно тебѣ?!. Тебя люди отъ ямы тянутъ, а ты паспорта спрашиваешь?!. Полицейскій ты, Скачковъ!..

Эта кличка осталась за Скачковымъ и, надо думать, навсегда.

Нашъ опытъ съ образованіемъ союза выяснилъ, что на Дону среди казаковъ растетъ и назрѣваетъ настроеніе, мало согласное съ видами правительства. О томъ же говоритъ и дѣятельность самого правительства. Въ январѣ оно ввело на Дону въ округахъ, населенныхъ казаками, усиленную охрану, выслѣживало и заточало «злонамѣренныхъ людей», а въ февралѣ подослало къ казакамъ «царскаго посла», князя Голицына, съ «царскою грамотой» и придумало своего рода психологическую конфетку для приманки казаковъ—медали тѣмъ изъ нихъ, у кого не менѣе трехъ сыновей на дѣйствительной службѣ.

О впечатлѣніи, произведенномъ «медалями», ничего не было слышно. Вѣроятно, ихъ не замѣтили вовсе, «царская же грамота» даже среди собранныхъ для выслушанія ея въ Новочеркасскѣ станичныхъ и хуторскихъ атамановъ, просѣянныхъ для этого случая чрезъ спеціальныя рѣшета благонамѣренности, вызвала совершенно непредвидѣнный вопросъ:

— А какъ же на счетъ прирѣзки земли?

Въ глуши же, по станицамъ и хуторамъ, эта грамота вызвала цѣлую бурю слуховъ и «безсмысленныхъ мечтаній» относительно «прирѣзки».

«Какъ народились эти слухи, откуда они—Богъ вѣсть!—пишетъ корреспондентъ «Нашей Жизни».—Только слухи эти упорны и надежда на прирѣзку земли у большинства казаковъ не потеряна даже теперь, послѣ «царской грамоты», не оправдавшей этихъ ожиданій. Нѣкоторыми станицами объ удовлетвореніи ихъ земель составляются уже станичные приговоры и направляются по начальству. При чемъ въ приговорахъ этихъ указываются и тѣ земли, которыя станичники желали бы получить. Такъ, въ станицѣ Арженовской приговоръ объ этомъ составленъ 19 февраля. Вотъ, что пишутъ, между прочимъ, арженовцы въ этомъ приговорѣ... «Наличные 89 человѣкъ слушали докладъ станичнаго атамана, что въ настоящемъ году положено казачьи земельные паи довести до 25 десятиннаго состава. Такое доведеніе обусловливается прирѣзкой земли къ юртамъ станицъ изъ войсковой земли... Станица Арже-

новская, по скудости своихъ средствъ и полному отсутствію доходныхъ статей, желала бы получить землю вблизи своего юрта... изъ числа владѣльческихъ, выкупивъ ихъ за счетъ войска или казны» и т. д. «Въ настоящее время приговоръ этотъ отправленъ администраціею уже по начальству»—сообщаетъ корреспондентъ.

Въ бюрократическихъ верхахъ это движеніе на почвѣ прирѣзки земли вызвало переполохъ. «Вѣрные сыны» оказывались въ положеніи бунтовщиковъ, вчерашніе союзники переходили въ разрядъ «внутреннихъ враговъ». И верхи принялись изыскивать болѣе дѣйствительныя, чѣмъ «медали», мѣры. На первый разъ окружному управленію Краснаго Креста 1-го Донскаго округа было разрѣшено суммы, пожертвованныя на помощь семьямъ казаковъ, убитыхъ и раненыхъ въ войнѣ съ Японіей, употребить на помощь семьямъ казаковъ, пострадавшихъ въ войнѣ съ «внутренней смутой». «17 февраля, по сообщенію «Новаго Времени», въ государственномъ совѣтѣ заслушанъ былъ докладъ военнаго министра объ отпускѣ изъ казны для поддержанія хозяйства казаковъ, мобилизованныхъ для несенія службы внутри государства, 7.500,000 руб. Докладъ указываетъ на замѣчаемое броженіе среди казаковъ, жаждущихъ роспуска по домамъ, или, по крайней мѣрѣ, обезпеченія ихъ семействъ. Государственный совѣтъ рѣшилъ отпустить 5.200,000 руб.».

Милліоны, однако, мало подѣйствовали. Настроеніе казаковъ на Дону продолжало повышаться. Наступившая весна, отсутствіе рабочихъ рукъ, оставшіяся необработанными и незасѣянными поля остро поставили передъ казаками вопросъ о причинахъ ихъ бѣдствій и несчастій. И, благодаря этому, произошелъ переломъ въ воззрѣніяхъ казаковъ на то, чему они служили «вѣрой и правдой», выяснилась возможность надрыва союзническихъ отношеній самодержавной бюрократіи и казачества.

Въ массѣ казачества, несомнѣнно, существовало воззрѣніе на свои отношенія, какъ общины, связанной единствомъ происхожденія, съ одной стороны, и единствомъ службы и территоріи—съ другой,—короче, на отношенія войска Донского и русскаго правительства, какъ на отношенія договорныя, въ основѣ которыхъ лежалъ нѣкій «невыраженный», пользуясь терминомъ Н. К. Михайловскаго, договоръ. Суть этого договора заключалась въ томъ, что казаки несли правительству опредѣленную службу «за собственный счетъ», соглашались служить «вѣрой и правдой», правительство же съ своей стороны предоставляло казакамъ «завоеванныя предками» ихъ земли, признавало за ними, какъ за общинниками, право на эти земли. «За землю служимъ»—таковы обязанности казаковъ въ опредѣленіи самихъ казаковъ. «За службу—земля»—таковы обязанности правительства въ томъ же опредѣленіи. Что эти воззрѣнія существовали, показываютъ уже приводившіеся мною выше отзывы казаковъ о своей землѣ, ихъ боязнь быть повернутыми «въ мужи-

ковъ», сознаніе своего права «уйти къ англичанкѣ», если «строчутъ» землю, т. е. договорившаяся сторона нарушитъ договоръ. И казаки вѣрно исполняли договоръ, служили, воевали, усмиряли, т. е. продѣлывали все, что отъ нихъ требовала договорившаяся съ ними сторона. Теперь исполненіе его стало для нихъ необязательнымъ, потому что въ ихъ воззрѣніи другая сторона не исполнила своихъ обязательствъ. Во-первыхъ, казаки твердо помнятъ о тѣхъ лишеніяхъ войсковыхъ земель, которыя допустило правительство, выдѣляя изъ принадлежащихъ, по общему сознанію, всему войску земель участки для награжденія офицеровъ и чиновниковъ и заставивъ войско отмежевать подъ конно-заводческіе участки за Дономъ до милліона десятинъ. Во-вторыхъ, правительство, увеличивая тягость снаряженія на военную службу путемъ повышенныхъ требованій къ лошадямъ и снаряженію казаковъ, заставило союзниковъ нести непосильные при увеличивавшемся малоземельи расходы, разорило ихъ, не компенсируя ничѣмъ этого разоренія. Общая площадь земли для всей области не увеличилась по сравненію съ тѣми временами, когда ею пользовались «отцы», для отдѣльныхъ же казачьихъ хозяйствъ земельная площадь уменьшилась а потомы по сравненію съ временами тѣхъ же «отцовъ» возросли. Все это заставило казаковъ пересмотрѣть вопросъ объ отношеніяхъ къ союзнику. Пересмотръ получился не въ пользу союзника, до того не въ пользу, что стали возможны такіе факты, какъ приговоры многихъ станичныхъ обществъ о возвращеніи ихъ сыновей, подписавшихся на «усмиреніи», какъ заявленіе казаковъ, служившихъ въ полкахъ, о возвращеніи на Донъ самовольно «походнымъ порядкомъ».

Теперь та часть донского казачества, которая пережила этотъ переломъ, стоитъ передъ дилеммой: самостоятельно ли добиваться «облегченія» и «правовъ» у своего бывшаго союзника, или же примкнуть къ общенародному движенію и слить свои требованія съ требованіями всего народа.

Куда она пойдетъ?—это покажетъ недалекое будущее.

С. Я. А—нъ.

СКАЗКА.

Въ семь часовъ долженъ былъ придти поѣздъ, поэтому на перронѣ были всѣ: комендантъ станціи, начальникъ и помощникъ, много служащихъ и рабочихъ. Теперь на перронъ, какъ и до событій, выходили опять всѣ. Да и вообще вездѣ былъ порядокъ. Работы возобновились, локомобиль пыхтѣлъ. Шло все, казалось, какъ и раньше; и, несмотря на это, въ воздухѣ рѣяло безпокойство. Съ востока цѣлый день шли поѣзда изъ теплушекъ съ платформами, на которыхъ были орудія, двуколки, походныя кухни и часовые; цѣлый день глухо гудѣли объ линіи рельсъ. Отъ этого потока подвижного состава, груженнаго наслѣдіемъ войны, отъ унылаго визга рельсъ и стонавшей отъ вѣтра телеграфной проволоки надъ станціей дѣлалось жутко. Всѣ чувствовали себя какъ бы во власти побѣдителя; такъ, должно быть, чувствуютъ заложники, оставленные безъ вѣсти отъ близкихъ имъ людей. Что-то опасное повисло въ воздухѣ и грозило сорваться: ждали поѣзда, о дѣяніяхъ котораго ходили смутныя и ужасныя вѣсти. Нервно, насторожившись, глядѣли всѣ вдаль. Долго глядѣли. Ага, вотъ: издали мчались огненные глаза паровоза и слышался тупой грохотъ вагоновъ. А когда поѣздъ примчался и паровозъ сталъ у станціи, наступила странная тишина, въ которой крылась боязнь. У дверей станціи стояли на вытяжку солдаты и жандармы.

И была тишина.

Нѣсколько долгихъ мгновеній стояла эта странная тишина, потомъ медленно и постепенно она стала пробуждаться. Изъ закрытаго доселѣ вагона третьяго класса показался одинъ солдатъ, второй, третій, и перронъ опять зажужжалъ, какъ идущій въ ходъ механизмъ. Изъ большого вагона, лакированнаго и чистенькаго, какъ японская коробочка, вышелъ генералъ. Къ нему быстро подошелъ комендантъ и, взявъ подъ козырекъ, сталъ рапортовать что-то, но генералъ его не дослушалъ, а зычно приказалъ:

— Начальника станціи!..

— И инженера Трефилова,—мягко подсказалъ кто-то.

И инженера Трефилова,—такъ же безстрастно и зычно повторилъ генералъ. Его окружила блестящая свита; при яркомъ свѣтѣ зажженнаго уже фонаря генералъ и его свита представляли очень красивую группу. Послѣ приказанія генерала перронъ ожилъ. Суетливые люди тянулись въ толпѣ, искали, нашли и всѣ вмѣстѣ, гурьбой, привели инженера Трефилова и поставили его рядомъ съ начальникомъ станціи, съ опущенной головой стоявшимъ передъ генераломъ. Генералъ топалъ ногой, сердито говоря что-то одному изъ лицъ своей свиты; по мѣрѣ продолженія разговора передъ генераломъ появлялись телеграфисты и рабочіе. Потомъ генералъ окинулъ ихъ сердитымъ взглядомъ и приказалъ:

— Въ вагонъ!

Увели всѣхъ: начальника станціи, инженера, телеграфиста и рабочихъ—въ послѣдній вагонъ. На перронѣ остались: блѣдный помощникъ начальника станціи, два жандарма, группа солдатъ, исчезнувшихъ вскорѣ въ поѣздѣ, и часовые у лакированныхъ чистенькихъ вагоновъ и у теплушки съ арестованными. Поѣздъ стоялъ передъ вокзаломъ; паровозъ все время пыхтѣлъ.

Въ десять часовъ взошла луна, обливъ всю станцію мягкимъ свѣтомъ. Отъ телеграфнаго столба упала тѣнь. Казалось, она хочетъ разсѣчь теплушку, гдѣ были арестованные. Кромѣ инженера, начальника станціи, телеграфистовъ и рабочихъ тамъ были еще рабочіе, телеграфисты, инженеры и начальники другихъ станцій. Третій ужасный день они проводили въ поѣздѣ. Когда новыхъ привели, т при свѣтѣ, проникшемъ сквозь отодвинутую на минуту дверь, видно было много людей. Но никто ничего не говорилъ, только изъ угла спросили:

— Какая станція?

Начальникъ отвѣтилъ. Нѣсколько минутъ тихо говорили, потомъ опять стояло тяжелое молчаніе и слышались дыханія людей. Съ восходомъ луны сдѣлалось свѣтло въ вагонѣ черезъ отверстія вверху; на нарахъ теплушки выдѣлились силуэты. Инженеръ Трефиловъ и начальникъ станціи встали на нары и выглянули черезъ отверстія надъ нарами на перронъ.

Два жандарма стояли по прежнему у дверей вокзала. По перрону ходили военный докторъ и молодой поручикъ. Изъ дверей вокзала доносился шумъ,—должно быть, въ буфетѣ шумѣли. Изрѣдка туда проходилъ кто-нибудь изъ поѣзда. При приближеніи доктора и поручика къ фонарю

на лицѣ поручика видны были веснушки, и довольства, сытаго, тупого довольства было полно молодое лицо. Трефилову и начальнику станціи слышенъ былъ разговоръ ихъ: они ходили отъ входа въ вокзалъ до конца поѣзда и обратно.

— Я на слѣдующей станціи сбѣгу...—говорилъ сердито докторъ.— Этого не вынесешь. Плачъ, вой, смертельный ужасъ. Даже женщинъ... Вѣдь у меня не канаты, а нервы. Будь она проклята, эта исторія, которую записываютъ разстрѣлами...

Поручикъ молчалъ. Докторъ опять заговорилъ.

— Вотъ я вычиталъ гдѣ-то въ газетѣ, что революція не нужна, а дѣлаютъ ее люди оттого, что это... ихъ спеціальность, что ли. Все это доказывалось такъ основательно, что выходило, будто эти люди—любители умирать...

Поручикъ засмѣялся.

— Чудакъ вы, докторъ!—веселымъ, жизнерадостнымъ тономъ сказалъ онъ: —„любители умирать“... Нужно проще смотрѣть, по-военному: виновны—разстрѣлять, и все. Наша обязанность, что и говорить, тяжелая; но вѣдь они сами вызвали. Вѣдь вы понимаете...

Трефиловъ и начальникъ станціи потеряли нить; докторъ и поручикъ остановились у входа въ вокзалъ и заговорили о чемъ-то горячо, размахивая руками. Потомъ они пошли обратно, и поручикъ съ жаромъ говорилъ:

— Массовые—это именно хорошо, великолѣпно, по военному. Внуки не забудутъ. Зря вы хулите, это закаляетъ. Великолѣпный народъ пошелъ, мужественный, ничѣмъ не стѣсняется...

Гдѣ-то далеко грохнулъ выстрѣлъ. Инженеръ и начальникъ станціи вздрогнули. Вздрогнули и ходившіе по перрону и остановились у теплушки.

— Что это?—спросилъ докторъ.

— Стрѣляютъ!—махнулъ рукой поручикъ и продолжалъ разговоръ.—Это великолѣпно!—возбужденно говорилъ онъ.— Помните, тамъ... на первой? Очень, знаете, непріятно было. Но теперь мнѣ все равно. Воевать—такъ воевать. Во времена французской революціи хуже было...

— Вы опасную шутку шутите!—развелъ докторъ руками.—Вы всякій разъ себя подогрѣваете спиртомъ. Нельзя такъ, вы допрыгаетесь. Я рѣшилъ на слѣдующей станціи заболѣть и вамъ совѣтую.

— Не могу, докторъ! - возразилъ поручикъ. —Да и не зачѣмъ. Это нашъ долгъ, стѣсняться нечего. Помилуйте... Искони былъ такой порядокъ, сотни лѣтъ такъ жили, и вдругъ—все это махомъ руки измѣнить хотятъ. Да кто же?! Какіе-нибудь телеграфисты и рабочіе... Да за это еще мало...

Они подошли къ дверямъ вокзала, миновавъ одного неподвижнаго жандарма и по прежнему горячо разговаривая Имъ помѣшалъ толстый военный, вышедшій изъ дверей вокзала и подошедшій къ нимъ.

— Докторисимуссъ!—громко, такъ что на весь перронъ слышно было, прохрипѣлъ онъ.—Гуляете? Я васъ, по условію, жду въ буфетѣ, а вы гуляете? Пойдемте!

Онъ взялъ доктора подъ руку.

— Сейчасъ,— сказалъ докторъ. Онъ что-то въ полголоса говорилъ, стоя у дверей, поручику.

— Да ну же, скорѣй, докторище!—тянулъ хрипло съ нетерпѣніемъ толстякъ.—Закуска ждетъ, а то потомъ въ буфетѣ опять не допросишься. Я и то, знаете, какъ добился? Стекло въ буфетѣ вышибъ, сразу подали. Занятно, знаете: грохотъ, трескъ—всѣ и хвосты поджали. Теперь струсили, небось.

— Илу, иду,—обернулся къ нему докторъ, не выпуская его руки изъ-подъ мышки, но уходя опять вмѣсто вокзала къ концу поѣзда. Онъ что-то тихо договаривалъ поручику. Толстый военный вслушался и опять захрипѣлъ.

— Да будетъ вамъ!—потянулъ онъ доктора, поворачивая.—Что за охота философствовать? Пойдемте, закусимъ, или... стекла бить станемъ. А знаете, докторуха: нравится мнѣ этотъ шумъ, грохотъ, страхъ. Съ водкой весело,—съ дымомъ... Роскошно было бы теперь всю Россію стекломъ покрыть и сразу со всѣхъ концовъ бить начать. Чудесно бы вышло!

Докторъ засмѣялся.

— У васъ геніальныя идеи,—сказалъ онъ.—Пойдемте.

Но поручикъ не пошелъ.

— Наши въ карты дуются, пойду туда,—махнулъ онъ рукой по направленію къ переднимъ вагонамъ.

Докторъ ушелъ съ толстякомъ въ буфетъ, а поручикъ къ переднимъ вагонамъ. На часахъ било одиннадцать. Луна скрылась. Гдѣ-то за станціей раздался выстрѣлъ.

II.

Въ вагонѣ потемнѣло, но всѣ привыкли и видѣли другъ друга. Говорить не хотѣлось. У всякаго было много своихъ думъ. Ужаснѣе всего была неизвѣстность. Тѣ, что сидѣли напротивъ взятыхъ вмѣстѣ съ инженеромъ, были въ поѣздѣ уже три дня. При нихъ многихъ вызывали, и обратно вызванные уже не возвращались. Уходящимъ жали руки. И плакали...

Въ вагонѣ, въ углу, напротивъ Трефилова и начальника станціи сидѣлъ старый рабочій. Когда онъ зажегъ спичку и закурилъ, было видно его лицо, и потомъ Трефиловъ всю ночь его забыть не могъ. Сѣдая голова, овальное интеллигентное лицо и выраженіе ужаса, ужаса, за который прощаются грѣхи, и люди дѣлаются святыми, мучениками. Такой ужасъ пережить безнаказанно нельзя, за него платятся разумомъ. Много было такихъ лицъ въ вагонѣ. Никто не говорилъ уже съ полчаса, въ теплушкѣ рѣялъ ужасъ безмолвія. Трефиловъ не выдержалъ молчанія и заговорилъ, обращаясь къ начальнику станціи:

— Не понимаю, за что насъ взяли! — высказалъ онъ вслухъ то, о чемъ думалъ съ момента заключенія въ вагонъ.—Обвиненія, кажется, не предъявляли. Вѣроятно, недоразумѣніе.

— Обвиненія никому не предъявляли,—громко проговорилъ кто-то въ углу. - Рабочихъ, вонъ, брали за то, что грамотенъ...

И сразу весь вагонъ заговорилъ безсвязно, громко; у всѣхъ рвались рѣчи тяжелыя, какъ стоны. Въ углу говорилъ рабочій. Голосъ его былъ громче, яснѣй другихъ, и его можно было различить. Не торопясь, онъ разсказывалъ:

— Часовъ 8 было. Пришли и взяли; а дочурка,—маленькая она у меня, одна,—и говоритъ: „Ты скоро, тятя?“ и головкой ко мнѣ...

Трефиловъ вслушался и не могъ понять. Рабочій говорилъ одно и то же:

— Часовъ 8 было. Пришли и взяли...

Это онъ повторялъ безпрестанно И Трефилову, и начальнику сдѣлалось жутко. Трефиловъ придвинулся къ начальнику и тихо спросилъ:

— Что же будетъ?

— Вы боитесь?—освѣдомился, со странной ноткой въ голосѣ, начальникъ.

— Нѣтъ!—спокойно отвѣтилъ инженеръ.—Но страшна эта нелѣпая неизвѣстность...

— Тогда,—сказалъ начальникъ,—давайте рѣшимъ: намъ предстоитъ умереть, и намъ будетъ извѣстно...

— Хо-о-рошо! - раздумчиво согласился инженеръ и почувствовалъ себя бодрѣе. Неизвѣстность ушла, и хотя впереди предстояло самое худшее, но... неужели же возможна такая нелѣпость?!.

Никто не спалъ, но разговоръ прекратился. Задумавшійся Трефиловъ шепотомъ сказалъ начальнику:

— А знаете, смѣшно, Николай Васильевичъ: такой важ-

ной кажется жизнь, а если ее ликвидировать, то нечего вспомнить. Два-три воспоминанія, и все на одномъ вертится мысль... Къ чему, впрочемъ, и вспоминать?

— И не надо!—сурово бросилъ начальникъ.

Инженеръ понялъ, что мѣшаетъ ему думать, и замолчалъ. Замолкъ и весь вагонъ, въ углу только рабочій разсказывалъ, должно быть, въ пространство:

— Часовъ восемь было. Пришли и взяли...

Инженеръ закрылъ глаза и подумалъ, что въ немъ таится надежда, что онъ будетъ жить, и поэтому ему такъ не припоминается... И вдругъ завертѣлась передъ нимъ вся его двадцати-восьмилѣтняя жизнь. Сначала хорошее, свѣтлое дѣтство, согрѣтое любовью близкихъ людей. Потомъ страсть къ приключеніямъ. Бѣгство темной ночью въ лѣсъ и ночь съ дождемъ и молніей. Часы онъ тогда потерялъ... Путейская тужурка и юность. Богатая, волнующаяся юность... Были тамъ славныя лунныя ночи. Много лунныхъ ночей. Шепотъ высокихъ тополей, шелестъ платья, тишина пруда, объятія... Трефилову показалось, что запахло ландышемъ. Онъ оглянулся. Въ вагонѣ стояло молчаніе, только рабочій разсказывалъ:

— Часовъ восемь было. Пришли и взяли...

Трефиловъ опять закрылъ глаза, и ему еще яснѣй представилось все пережитое. Одно и то же повторялось до безконечности, и была во всемъ этомъ какая-то неизъяснимая прелесть. Вотъ первыя собранія и Марксъ. Потомъ подпольныя брошюрки. Рвалась молодая грудь отъ желанія принести пользу. Какіе горячіе споры бывали!..

Каникулы... Какая радость была... Отъ росы дѣлались мокрыми сапоги, и блестѣли на восходѣ солнца облака. Далеко бѣлѣлъ хуторъ отца. А тамъ, у пруда, ждали его. Его всегда ждали. Ждала мать, ждалъ отецъ. Но теперь они его не дождутся...

Инженеръ насторожился. Въ вагонѣ запѣли старую, знакомую пѣсню: „Укажи мнѣ такую обитель, я такого угла не встрѣчалъ“... Удивительнѣй всего было, что запѣлъ рабочій. Прыгающія мысли инженера постарались припомнить, гдѣ онъ не такъ давно, при чемъ-то веселомъ, такъ же неожиданно услышалъ это пѣсню? Два года тому назадъ. Онъ тогда вышелъ въ инженеры, попалъ въ помощники начальника одной дистанціи на Волгѣ, и тамъ ночью съ лодки такъ же неожиданно ворвалась разъ эта пѣсня. Молодая, веселая, вольная текла жизнь и окончилась здѣсь, въ теплушкѣ. Кончилась, когда разгоралась только заря на родной землѣ...

Инженеръ всталъ и удивился: какъ скоро ночь прошла!

Свѣтало. Начальникъ станціи сидѣлъ рядомъ, глядѣлъ въ полъ теплушки и думалъ. Должно быть, тоже ликвидировалъ свою жизнь. Онъ не спалъ всю ночь и, безъ того уже не молодой, казался теперь сильно постарѣвшимъ и осунувшимся за ночь.

— Николай Васильевичъ!—тихо позвалъ инженеръ:—всего не передумаете. Умирать—такъ умирать... Авось своей жизнью мы купимъ счастіе родинѣ...

Начальникъ станціи всталъ и протянулъ руку.

— Прощайте! Не надо больше говорить. Только слишкомъ ужъ все это нелѣпо и позорно! Подумайте—теперь!..

Онъ не договорилъ. Широкая дверь отодвинулась. На фонѣ тусклаго сѣраго разсвѣта стоялъ хриплый офицеръ, звавшій вчера поручика и доктора въ буфетъ; за нимъ на сходнѣ виднѣлись нѣсколько солдатъ съ ружьями на плечо. Въ рукахъ у офицера былъ списокъ, и, съ трудомъ различая письмена на бумагѣ, онъ сталъ хрипло читать:

— Алексѣй Бушмакинъ, Ѳедоръ Писунъ...

Изъ угла поднялись двое: рабочій и телеграфистъ. Оба были блѣдны. Рабочій кратко сказалъ:

— Я—Писунъ.

И вмѣстѣ съ молчавшимъ телеграфистомъ пошелъ къ двери. Весь вагонъ замеръ, словно надъ нимъ пронеслась смерть. Офицеръ плохо, нетвердо стоялъ на ногахъ, и отъ него несло водкой. Онъ продолжалъ читать:

— Трефиловъ Дмитрій...

Инженеръ вздрогнулъ, поблѣднѣлъ и хотѣлъ идти, но, услышавъ имя, сказалъ:

— Дмитрія нѣтъ. Я—Алексѣй Трефиловъ. Дмитрій—мой братъ, онъ третьяго дня уѣхалъ...

Офицеръ сдѣлалъ отмѣтку въ спискѣ и продолжалъ читать:

— Тюменевъ...

— Это мой помощникъ!—съ злобной радостью сказалъ начальникъ станціи.—Онъ успѣлъ уйти отъ васъ.

— А не вы?—спросилъ хрипло офицеръ.—Вы кто?

— Я—Батуевъ, начальникъ станціи...

— Это ошибка,—сказалъ хрипло, покачиваясь, офицеръ.—Батуева не надо. Кларкъ...

Поднялся сидѣвшій рядомъ съ инженеромъ рабочій.

— Я!—тихо сказалъ онъ, присоединяясь къ стоявшимъ у двери. Офицеръ смѣрилъ его взглядомъ, прочиталъ послѣднюю фамилію: „Дементьевъ“ и положилъ списокъ въ карманъ. Но никто не отзывался, и онъ повторилъ:

— Дементьевъ!

— Вотъ онъ!—сказалъ сосѣдъ рабочаго по нарѣ и указалъ

на спавшаго, который всю ночь разсказывалъ: „Часовъ 8 было“, а потомъ запѣлъ. Къ нему подошелъ солдатъ и тронулъ его, но сейчасъ же отдернулъ руку. Рабочій умеръ подъ утро и теперь лежалъ, холодный, недвижный.

— Пойдемте!—сказалъ офицеръ.

Съ недоумѣніемъ глядя другъ на друга, блѣдные, вышли вызванные изъ вагона.

— Боже мой, да что же это такое?—спросилъ молоденькій, лѣтъ 18, телеграфистъ въ углу.—Да что же это такое?

Онъ заплакалъ, схватившись за голову.

Осмотрѣвъ умершаго рабочаго пришли вчерашніе докторъ и поручикъ. Докторъ былъ взволнованъ, но старался казаться хладнокровнымъ.

— Да, голубчикъ, скверно!—сказалъ онъ поручику, осмотрѣвъ рабочаго и уходя.—Со страху умеръ. Во времена французской революціи были храбрѣй... Или тамъ такихъ вещей не дѣлали... А все-таки я на слѣдующей станціи уйду! Я не могу!—закончилъ онъ неожиданно и вышелъ изъ вагона.

Солдаты стали уносить рабочаго. Слѣдомъ за ними вышелъ и поручикъ, держа шашку въ рукѣ.

Гдѣ то громко ахнуло эхо выстрѣла, за которымъ послѣдовалъ рядъ другихъ.

III.

Поѣздъ внезапно тронулся безъ свистковъ и безъ предупрежденій. Вагоны слегка качнуло, потомъ плавно повезло.

День дѣйствовалъ не такъ удручающе, какъ ночь, и въ вагонѣ вскорѣ завязался разговоръ.

Кто-то въ углу одиноко и тихо засмѣялся, — это былъ молоденькій телеграфистъ.

Отъѣхали версты три и стали у разъѣзда.

Трефиловъ опять влѣзъ на нары и пробовалъ выглянуть изъ окна, но теперь часовой у окна не позволялъ смотрѣть. Пришлось слѣзть внизъ.

— Гдѣ мы?—спросилъ кто-то у Трефилова.

— На разъѣздѣ!—отвѣтилъ онъ и потеръ рукой лобъ.—Три версты отъѣхали.

На разъѣздѣ стояли до вечера, и опять вагонъ замолкъ. Два новыхъ лица прибавилось: телеграфистъ и движенецъ. Сидѣли молча. Мрачнѣлъ, какъ могила, дѣлался вагонъ. Луна всходила часамъ къ десяти, пока же было темно и безотрадно, какъ въ душѣ приговореннаго къ смерти. Радостной, яркой полоской запалъ лучъ луны въ продолгова-

тый квадратъ сверху, когда все стихло кругомъ и казалось очень поздно.

Часовъ въ 12 по часамъ инженера широкая дверь вагона отодвинулась. Тамъ опять стоялъ поручикъ, а за нимъ, подъ свѣтомъ луны, видѣлись отблески штыковъ.

— Батуевъ!—позвалъ поручикъ.—Трефиловъ!

Начальникъ станціи и инженеръ вздрогнули.

— Прощайте, Николай Васильевичъ...—сказалъ тихо инженеръ.

— Прощайте, голуб...чикъ, товарищъ!—обнялъ его Николай Васильевичъ. Трефиловъ почувствовалъ, какъ на щеку его упало что-то горячее. Оба они подошли къ двери.

— Вы свободны!—заявилъ поручикъ.—Можете идти.

— Какъ свободны?—съ радостнымъ удивленіемъ спросилъ инженеръ.

— Свободны,—подтвердилъ поручикъ.—Можете идти...

— Отчего же насъ взяли?! И заставили такую ночь провести?

— Обратитесь къ генералу, онъ вамъ разъяснитъ!—рѣзко отвѣтилъ поручикъ и опять позвалъ:

— Доценко!

Отвѣта не послѣдовало. Это былъ сосѣдъ по нарѣ умершаго рабочаго. Онъ опустилъ голову на руки и шепталъ:

— Двадцать четыре часа... Въ двадцать четыре часа...

Поручикъ позвалъ стоявшаго у сходни доктора. Докторъ подошелъ къ Доценкѣ, посмотрѣлъ, подержалъ его руку въ своей и сказалъ:

— Онъ самъ не выйдетъ, надо его высадить...

Два солдата вывели Доценку изъ вагона и посадили на откосъ полотна. Онъ опять опустилъ голову на руки и сталъ шептать:

— Въ двадцать четыре часа... Въ двадцать четыре часа...

— Какъ же быть съ нимъ?—спросилъ поручикъ доктора.

Начальникъ станціи и инженеръ отошли отъ поѣзда и пошли по пути. Начальникъ предложилъ инженеру:

— Пойдемте на перронъ, со слѣдующимъ поѣздомъ поѣдемъ...

— Не надо!—глухо отозвался инженеръ.—Пойдемте пѣшкомъ. Здѣсь всего три версты. Пройтись хорошо...

Оба пошли молча вдоль линіи. Инженеръ былъ выше. Отъ него падала длинная, тонкая тѣнь и ложилась на откосы полотна и на рельсы.

М. Подвальный (А. Горемыка).

* * *

Когда наступитъ ночь, и суеты дневной
Съ души спадетъ пустое бремя,
И по́ небу, во мглѣ, тяжелою стопой
Бредетъ медлительное время,
И жизнь окрестная замретъ и чутко спитъ,
И дышутъ сны ея угрозой,—
Тоска безсильная мнѣ сердце леденитъ,
И грезитъ умъ кровавой грёзой...

Какъ сонъ болѣзненный, опять въ душѣ моей
Тѣснятся скорбныя видѣнья;
Всѣ жертвы чистыя безумныхъ нашихъ дней
Идутъ на зовъ воображенья...
. . . . . .

Смотрю—и призраковъ кровавый, длинный рядъ
Перебираю на удачу,—
И жалость въ сердцѣ спитъ, и сухъ горячій взглядъ.
Не содрогаюсь я, не плачу.
Для слезъ, какъ для мольбы, душа давно мертва,
Пустой надежды не ищу я:
Съ отрадой злобнаго, больного торжества
На муки родины смотрю я.

На кровь, бѣгущую изъ жгучихъ ранъ ея,
Смотрю, слѣдя за каплей каждой,
Имъ жадный счетъ веду, дыханье затая,
Какъ пьяница, томимый жаждой.
О, лейся, лейся, кровь!.. Расти, кровавый счетъ!..
Расти!.. Настанетъ день расплаты...
Коль радость намъ судьба за муки лишь даетъ,—
Мы будемъ радостью богаты!

Я радъ, что ночь темна; отрадно видѣть мнѣ,
Что міръ охваченъ черной бездной,—
Пусть пламеннѣй горитъ тоска по яркомъ днѣ
Въ людскихъ сердцахъ во мглѣ беззвѣздной.
Я радъ, что радости послѣдній лучъ угасъ,
И жизни замерло дыханье,
Что мертвымъ черепомъ изъ тьмы глядитъ на насъ
Борцовъ замученныхъ страданье.

Пусть ложью красною никто не подсластитъ
Питья съ отравой роковою,
Пусть гнетъ насилія на всѣхъ, въ комъ духъ не спитъ,
Плитой наляжетъ гробовою!
Пусть крѣпнетъ ненависть... Пускай въ лицо судьбы
Народъ великій прямо взглянетъ,
И жребій вынетъ свой, и взвѣситъ трудъ борьбы
И на борьбу, какъ буря, встанетъ!..

Е. С.

Москва.
Октябрь 1906.

ИНСУРГЕНТЪ.

1871 г.

Романъ *Жюля Валлэса.*

Переводъ съ французскаго Я. А. Глотова.

Посвящаю эту книгу *мертвецамъ 1871-го года.*

Всѣмъ тѣмъ жертвамъ соціальной несправедливости, которыя возстали съ оружіемъ въ рукахъ противъ несовершеннаго строя и создали, подъ знаменемъ Коммуны, великую федерацію героевъ-мучениковъ.

Парижъ, 1885. *Жюль Валлэсъ.*

XXXI.

V-ый округъ.

Можетъ быть, тѣ, съ кѣмъ я часто сталкивался съ тѣхъ поръ, какъ началъ свою оборонительную войну съ жизнью, въ этотъ торжественный моментъ будутъ рады увидѣть въ своихъ рядахъ стараго товарища по работѣ и лишеніямъ, этого бѣдняка, который такъ долго шлялся въ потертомъ пиджачишкѣ по Люксембургскому парку.

Этотъ уголокъ латыни, гдѣ изнывала моя страдальческая юность, никогда не поставлялъ бойцовъ въ соціальныя войны; но за то сколько тамъ было убійствъ!

Потомки мосье Прюдомма всегда начинаютъ фыркать передъ сраженіями, гдѣ ихъ пальто пачкается о блузы и гдѣ баррикадные мастера грубо покрикиваютъ на баккалавровъ, когда тѣ стѣсняютъ движеніе или мѣшаютъ стрѣлять.

Кто знаетъ, не станутъ ли они смѣлѣе, имѣя во главѣ одного изъ своихъ же!

Бѣгу въ Ратушу.

— Приложи-ка сюда печать, Гамбонъ *).

— Прекрасная идея! Тамъ наверху, вокругъ Сорбонны тебя знаютъ всѣ. Только ты, кажется, не въ ладахъ съ Режеромъ **)? Впрочемъ, вотъ твоя бумага... А теперь, поцѣлуемся! Кто знаетъ, что можетъ случиться!

Онъ обнимаетъ меня, подписавъ, какъ членъ комитета общественнаго спасенія, мое назначеніе въ предсѣдатели коммиссіи по оборонѣ, засѣдающей въ Пантеонѣ.

Я совсѣмъ профанъ въ стратегіи. Какъ нужно укрѣплять кварталъ? Какъ размѣщаютъ орудія въ батарею?

Развѣ „образованный“ понимаетъ хоть что-нибудь въ этомъ дѣлѣ.

Проходя мимо коллежа Сентъ-Барбъ, затѣмъ Луи-ле-Гранъ, я показывалъ имъ кулаки. Школьникъ съ сѣдѣющими усами, я проклиналъ эти казармы, которыя не научили меня ничему, что пригодилось бы теперь въ борьбѣ съ войсками...

Режеръ былъ изъ „большинства“, и одинъ изъ наиболѣе буйныхъ. Тѣмъ не менѣе, мы поздоровались. Но онъ хочетъ сохранить за собой командованіе...

---

*) Адвокатъ и политическій дѣятель. Въ 1847 г. этотъ молодой судья (ему было 27 лѣтъ) устроилъ банкетъ, на которомъ отказался отъ тоста за короля. Уволенный за это со службы, онъ въ 1848 году былъ выбранъ отъ Нижеры въ конституанту. Все время вотировалъ съ крайними лѣвыми и былъ снова выбранъ своимъ департаментомъ въ законодательное собраніе. 13 іюня 1849 года принималъ участіе въ демонстраціи Ледрю-Роллэна, за что поплатился ссылкой и заключеніемъ въ тюрьмѣ Белль-Изль. Получивъ свободу въ 1859 году, онъ долго держался въ сторонѣ отъ политической жизни и только въ 1864 году выступилъ съ пропагандой не платить налоговъ императорскому правительству. Послѣ своего паденія Гамбонъ выдѣлился, какъ одинъ изъ ярыхъ проповѣдниковъ соціализма, а также и своими нападками на правительство національной обороны. 8-го февраля 1871 г. былъ избранъ депутатомъ Парижа, но затѣмъ отказался отъ этого званія, занявъ мѣсто въ революціонной Коммунѣ, принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ ея выступленіяхъ, сдѣлался 10 мая однимъ изъ 5 членовъ комитета общ. спасенія. Послѣ захвата города версальцами ему удалось скрыться. *Пр. пер.*

**) Ветеринаръ по образованію, послѣ революціи 1848 года основалъ на родинѣ въ Бордо республиканскую газету. Переворотъ 2 декабря прекратилъ существованіе этого органа, а самъ редакторъ попалъ въ ссылку. Вернувшись во Францію послѣ амнистіи, Р. долго воздерживался отъ политики, будучи противникомъ соціализма и сторонникомъ папской власти. Тѣмъ не менѣе онъ сталъ въ ряды интернаціонала и былъ въ оппозиціи правительству. Какъ одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ центральнаго комитета національной гвардіи, былъ назначенъ мэромъ V округа. Послѣ вступленія версальцевъ въ Парижъ получилъ отъ Делеклюза порученіе организовать защиту квартала Пантена. Послѣ его взятія, нѣкоторое время скрывался, но затѣмъ былъ арестованъ и приговоренъ къ заключенію въ крѣпости, а затѣмъ высланъ въ новую Каледонію. *Пр. пер.*

Ну, что же!

Прячь, Жакъ, въ карманъ свою бумажку! Тебѣ остается лишь напоминать твоимъ старымъ пріятелямъ, какъ ты съ ними работалъ въ библіотекѣ, шлялся вмѣстѣ въ Одеонъ...

Многихъ изъ нихъ я встрѣтилъ на улицѣ.

Половина бѣжала, чтобы спрятаться, но остальные храбро сами вмѣшались въ кашу.

Мнѣ, напримѣръ, пришлось подписать цѣлый ворохъ назначеній въ делегаты на основаніи моего полномочія, которое я извлекъ, все измятое, изъ своего кисета.

Эти лоскутки бумаги необходимы для 20-лѣтнихъ гордецовъ. Они готовы подвергнуть себя опасности, быть разстрѣлянными къ вечеру, лишь бы имѣть возможность похвастаться утромъ своимъ офицерскимъ свидѣтельствомъ.

Однако, они немедлено принялись за дѣло, доставляя матеріалъ, снабжая провизіей и амуниціей — и компрометтируя себя смертельно.

Это-то и нужно! Если завтра кого-нибудь изъ этихъ дѣтей порядочныхъ семей разстрѣляютъ или сошлютъ, это посѣетъ сѣмена возстанія на пашню буржуазіи.

Я дѣлаюсь полноправнымъ членомъ небольшого отряда, расположившагося бивуаками вокругъ Пантеона.

Ахъ! Мало хорошаго говорили здѣсь о Коммунѣ!

— Если бы она была поэнергичнѣй!..

— И если бы вы, да вы, Вентра, не усыпляли народъ вашимъ умѣреннымъ журналомъ!—кричалъ одинъ лейтенантъ, почти хватая меня за горло.

Эта компанія не любитъ „меньшинства“.

Выстрѣлъ!

— Однако! Придется класть заплату на пальто.

Еще бы чуть-чуть пониже, и мнѣ пришлось бы тогда латать свою кожу.

Нечаянно разрядился пистолетъ.

Мы поладили.

Передъ приближеніемъ общаго врага затихаетъ злоба.

Уже онъ на Монпарнасскомъ вокзалѣ.

Не устремится ли онъ на нашъ кварталъ?

А что, если напасть на него первыми? Эта мысль была брошена вечеромъ, на собраніи совѣта командировъ, однимъ изъ моихъ прежнихъ товарищей. Онъ тоже книжникъ, но совсѣмъ не вѣритъ въ классическую стратегію и въ защиту за баррикадами.

— Двинемся впередъ и выбьемъ ихъ!

— Это безуміе! — возразили въ одинъ голосъ тѣ, кто служилъ солдатами.

— Да. Но во всякомъ случаѣ безуміе смѣлыхъ, которое

можетъ обезкуражить противника, да и нисколько не опаснѣе пассивнаго сопротивленія!

Однако, мой товарищъ и я остаемся одни съ нашимъ сумасшедшимъ проектомъ и клянемся во что бы то ни стало идти до конца вмѣстѣ, бокъ о бокъ.

— Обѣщаете прикончить меня, если я получу слишкомъ тяжелую рану?

— Да, съ условіемъ, что вы мнѣ окажете ту же самую услугу, если въ первую очередь попаду я!

— Идетъ!

Я чертовски боюсь страданій! Изъ-за этой трусости я всегда предпочитаю смерть.

Хотя, собственно говоря, не особенно-то весело издохнуть гдѣ-нибудь подъ заборомъ отъ руки своего товарища.

— А вамъ улыбается перспектива быть заживо изрѣшетеннымъ штыками?

— Изрѣшетеннымъ!..

— Эти линейные, голубчикъ, искромсали бы насъ въ куски еще тогда, когда мы проповѣдовали войну во что бы то ни стало. Теперь они намъ выковырютъ глаза своими саблями: вѣдь это мы заставили ихъ вернуться изъ родныхъ деревень.

Ко мнѣ подходитъ одинъ изъ нашихъ.

— Гражданинъ, хотите взглянуть трупъ предателя?

— Кого-нибудь казнили?

— Да! Одного булочника, который сначала запирался, а потомъ признался во всемъ.

Я блѣднѣю, федералистъ замѣчаетъ это.

— Вы, можетъ быть, еще оправдали бы его? А! Двадцать чертей! Не понимать, что, проломивъ голову Іудѣ, спасаешь жизнь тысячи своихъ!

Я прихожу въ ужасъ отъ вида крови, а у меня, уже запачканы въ ней всѣ руки: онъ уцѣпился за меня, прося пощады!..

— И если никто не будетъ убивать шпіоновъ, то что же тогда?

Въ нашъ споръ вмѣшался еще одинъ.

— Вамъ хочется сохранить чистенькими ваши ручки на случай суда, или для потомства! Это намъ, народу, рабочимъ, всегда приходится дѣлать грязную работу... чтобы потомъ въ насъ же бросили грязью! Развѣ не такъ?

Этотъ разъяренный сказалъ правду!

Да, мы хотимъ попасть не запятнанными въ исторію и не желаемъ связывать свое имя съ кровавымъ навозомъ боенъ.

Признайся въ этомъ, Вентра; не ссылайся въ свое оправ-

даніе на блѣдность, заливающую твое лицо при мысли о несчастномъ разстрѣлянномъ!

Вторникъ, 5 часовъ утра.

Со стороны Пантеона завязалось сраженіе.

Ахъ, какое печальное зрѣлище представляютъ спускающіяся подъ лучами восходящаго солнца носилки, залитыя пурпуромъ человѣческой крови! Это несутъ на перевязочные пункты раненыхъ.

Я спалъ гдѣ-то въ одномъ изъ закоулковъ мэріи, рядомъ съ мертвецомъ, такъ же какъ и въ предыдущую ночь.

Булочникъ лежитъ тамъ за этими досками, и клочья соломы, сырые и красные, добрались по сточной канавкѣ почти до моихъ ногъ.

На разсвѣтѣ меня разбудили, и я отправился къ баррикадамъ!

Но по дорогѣ меня останавливали командиры и полковники, хватали за полы, требовали припасовъ, хлѣба, совѣтовъ... иные рѣчей.

Были такіе, которые угрожали:

— И послѣ этого Коммуна еще имѣетъ право поднимать голосъ!

Я чувствовалъ себя совсѣмъ потерянымъ... И никого около меня, кто бы могъ дать мнѣ какое-нибудь разъясненіе, поддержать, разцѣлить со мной это бремя! Изъ членовъ Коммуны, избранныхъ кварталомъ, я видѣлъ еще только Режера, захваченнаго муниципалитетомъ, завязшаго въ немъ по уши, почти утонувшаго, да Журда *), который появился было на минутку, но на его плечахъ и безъ того не малая отвѣтственность.

Это въ его вѣдѣніи находятся послѣднія экю, чтобы питать возстаніе, расплачиваться за жизненные припасы, которыхъ такъ громко требуютъ наиболѣе рѣшительные. Кромѣ того, его министерство сгорѣло отъ версальскихъ ядеръ.

И я одинъ.

Время отъ времени меня прислоняютъ къ какому-нибудь дому и подымаютъ вопросъ, не покончить ли со мной.

---

*) Избранный въ члены Коммуны, принималъ участіе въ управленіи финансами, съ блескомъ выполняя свои трудныя функціи. Протестуя противъ учрежденія комитета общественнаго спасенія, онъ подалъ въ отставку, которая, однако, не была принята. Велъ энергичную борьбу съ центральнымъ комитетомъ и былъ въ „меньшинствѣ“, рѣшившемъ не посѣщать собраній Коммуны. На другой день послѣ вступленія войскъ оставилъ уже горѣвшее министерство финансовъ и нѣкоторое время скрывался, но потомъ былъ арестованъ на улицѣ. Благодаря пожару, не могъ представить суду оправдательныхъ документовъ и былъ сосланъ въ Новую Каледонію. *Пр. пер.*

Эльзасецъ Вури, судебный слѣдователь изъ Ферре, только спасъ меня отъ прекрасной возможности отправиться на тотъ свѣтъ.

— Вы—не Вентра!

Собирается толпа.

— Шпіонъ! Прикончить его!

— Въ мэрію! Въ мэрію!

— Зачѣмъ въ мэрію? Здѣсь у забора!

— У Жака Вентра борода. Вы—не Жакъ Вентра!

— Къ стѣнѣ! Къ стѣнѣ!

Эта стѣна была переднимъ фасадомъ кафе на улицѣ Суффла.

Я попробовалъ было объясниться.

— Позвольте!.. Послѣ того, какъ я удралъ изъ Шершъ-Миди, я началъ бриться!..

Несмотря ни на что, мнѣ, навѣрно, пришлось бы разстаться съ жизнью, если бы Вуръ не бросился въ ужасѣ къ нашей группѣ.

— Что вы хотите дѣлать?

Если меня не признали, за то онъ былъ извѣстенъ здѣсь. И онъ поклялся, что я имѣю право называться своимъ именемъ.

— Простите, гражданинъ, извините!

Я отряхиваюсь, какъ мокрая собака, и мы всѣ гуртомъ отправляемся выпить по стаканчику...

Теперь, когда нѣтъ никакого сомнѣнія, что я Вентра, я дѣлаюсь плѣнникомъ всѣхъ этихъ прибывающихъ баталіоновъ. Ихъ офицеры стараются понасѣсть на меня, поприжать главнаго редактора „Cri du peuple“, единственнаго носителя шарфа на весь этотъ округъ.

И меня заваливаютъ мелочами, я задыхаюсь отъ нихъ! Изъ-за всего обращаются ко мнѣ. Изъ-за всякихъ пустяковъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ началась борьба, у меня едва нашлось время сходить посмотрѣть, какъ идетъ защита.

Два или три раза я собирался снова пробраться туда, гдѣ съ безумной смѣлостью держались Лисбоннъ и Анри Бауеръ...

Но меня удерживаютъ, зовутъ, возвращаютъ, обыкновенно потому, что поднимается вопросъ о предательствѣ, и кто-нибудь уже бьется въ рукахъ этихъ недовѣрчивыхъ и раздраженныхъ, требующихъ немедленнаго и упрощеннаго суда.

Однако, на моей совѣсти нѣтъ ни одного убитаго, если не считать несчастнаго хлѣбопека. Правда, усиленно поговариваютъ, что въ одномъ изъ дворовъ разстрѣляли коман-

дира Павіа, не поднимая изъ-за этого шума, изъ опасенія, какъ бы я его не спасъ; однако, никто не видѣлъ его трупа.

Эстафета: „Улица Вавенъ требуетъ поддержки.“

Барабанъ зоветъ *дѣтей отца Дюшена* на помощь къ тѣснимой баррикадѣ.

Они не заставляютъ повторять приглашенія.

— Пусть насъ ведетъ Вермершъ *)!

Но Вермерша нѣтъ.

— А! Вотъ они писаки, журналисты!.. Сидятъ по погребамъ, когда надо сражаться!

— Вы хотите одного изъ журналистовъ?.. Я къ вашимъ услугамъ.

Маршъ!

Бьетъ барабанъ. Я рядомъ съ нимъ, и содроганія инструмента отдаются въ моемъ сердцѣ: моя человѣчья кожа трещитъ, какъ и его ослиная.

На полдорогѣ меня тянутъ къ себѣ люди, сбѣжавшіеся на шумъ.

— Необходимо, чтобы вы явились... У версальцевъ есть сторонники, которые работаютъ изпотишка въ мэріи VI-го округа, они снюхались съ артиллеристами, занимающими Монпарнаскій вокзалъ.

— Меня зовутъ Сальваторъ; вы должны меня помнить: вы слышали, какъ я говорилъ на собраніи въ Медицинской Школѣ. Вѣрьте мнѣ, пойдемте съ нами... Вашу работу на перекресткѣ Бреа сможетъ исполнить первый встрѣчный, тогда какъ въ Сенъ-Сюльписъ васъ, навѣрно, послушаютъ.

— Оставьте насъ, если вы находите это полезнымъ,—говоритъ мнѣ самъ капитанъ *дѣтей отца Дюшена.*

Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь идетъ диспутъ, чуть ли не драка.

Я пытаюсь открыть имъ глаза.

Но вотъ, наконецъ, является Варлэнъ... Варлэнъ—идолъ

*) Журналистъ, рано обратившій на себя вниманіе остроумными портретами и карикатурами въ „Figaro“ и другихъ газетахъ. Яркій образчикъ литературной богемы. Послѣ переворота 4 августа 1870 г. вдругъ почувствовалъ себя соціалистомъ и патріотомъ, сдѣлался сотрудникомъ „Cri du Peuple“ Валлэса, въ которой помѣстилъ рядъ пламенныхъ статей. Въ 1871 году онъ пытался воскресить газету Гебера (1793 г.) „Le père Duchêne“, изъ сотрудниковъ и поклонниковъ которой, должно быть, и состоялъ вышеупомянутый баталіонъ. Эта газета отличалась необычайной разнузданостью, обливала грязью по очереди всѣхъ главарей Коммуны и призывала къ пожарамъ и жестокостямъ. Однако, по вступленіи версальцевъ въ городъ, онъ самъ не взялся за оружіе, какъ Верморель, Валлэсъ и другіе журналисты, а бѣжалъ въ Бельгію. Кончилъ очень грустно, умеревъ въ полной нищетѣ въ рабочемъ домѣ въ Лондонѣ (1878 г.). *Пр. пер.*

своего квартала, и передъ нимъ все смолкло, какъ только онъ вошелъ.

Я свободенъ?

Нѣтъ еще. Меня повсюду ищетъ офицеръ изъ V округа. Едва замѣтивъ меня, онъ предлагаетъ:

— Вентра, не поднимитесь ли вы опять наверхъ? Поговариваютъ, какъ бы взорвать Пантеонъ.

Я взбираюсь.

Штукъ двѣнадцать снарядовъ разрываются около фонтана Сенъ-Сюльписъ, и ихъ вонючіе осколки разлетаются почти у нашихъ ногъ.

Сквозь занавѣску темнѣетъ профиль патера. Если федералисты, что идутъ со мной, его замѣтятъ, онъ погибъ.

Нѣтъ! не замѣтили!.. Скорѣе мимо!

Печальна и пуста эта улица, только куски чугуна заполняютъ ее. Они мчатся по землѣ впереди и позади насъ, какъ крысы, которыя бѣгутъ въ свои водосточныя трубы.

Дома забиты. Безглазыя стѣны точно большія слѣпыя лица.

На одномъ изъ угловъ—слѣпой, съ собакою у ногъ, жалобно проситъ:

— Подайте милостыню, Христа ради.

Я знаю его вотъ уже тридцать лѣтъ. Когда онъ появился здѣсь, — его волосы были черны, теперь они у него сѣдые. Мнѣ кажется, что онъ былъ на этомъ же самомъ мѣстѣ 3-го декабря 1851 года, когда Ранкъ *), Артуръ Арну **)

---

*) Публицистъ и политическій дѣятель. Принималъ участіе въ защитѣ республики 2-го декабря и счастливо избѣжалъ суда. Въ 1853 году былъ осужденъ на годъ тюрьмы за принадлежность къ тайному обществу. Послѣ 4-го сентября былъ мэромъ IX округа и своей дѣятельностью завоевалъ громадную популярность. Въ октябрѣ улетѣлъ изъ Парижа на воздушномъ шарѣ и близился съ Гамбеттой, который поставилъ его во главѣ полиціи. Избранный въ члены національнаго собранія, голосовалъ противъ заключенія мира и сложилъ съ себя полномочія послѣ принятія его. Выбранный въ члены Коммуны, вышелъ изъ нея 6 апрѣля, не одобривъ декрета о заложникахъ. Послѣ этого участвовалъ въ разныхъ журналахъ и въ 1873 году былъ избранъ отъ ронскаго департамента въ національное собраніе, гдѣ примкнулъ къ крайней лѣвой. Только тогда противъ него было поднято судебное преслѣдованіе за участіе въ Коммунѣ. Онъ бѣжалъ и былъ приговоренъ заочно къ смертной казни. Послѣ амнистіи 1879 г. вернулся на родину, занимался журналистикой, потомъ былъ депутатомъ и, наконецъ, въ 1891 г. попалъ въ сенатъ. *Пр. пер.*

**) Журналистъ и литераторъ. Сотрудничалъ въ очень многихъ газетахъ и журналахъ и подвергался судебному преслѣдованію за свои статьи. Въ 1870 г. былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ Рошфоровской „Marseillaise“, послѣ закрытія этой газеты, основалъ свою: „Journal du peuple“, которая скоро тоже прекратила свое существованіе. Былъ выбранъ членомъ національнаго собранія, 18 марта старался созданіемъ компромисса помѣшать гражданской войнѣ. Выбранный въ Коммуну двумя

и я направлялись захватить эту же самую мэрію, гдѣ сегодня сидятъ наши въ перемежку съ изрядnымъ количествомъ измѣнниковъ.

Еще одна бомба; новые чугунные осколки, горячіе и съ сквернымъ запахомъ.

— Подайте милостыню, Христа ради!

Нищій, не выпускающій изъ рукъ своей деревянной чашки даже подъ ядрами! Автоматъ, олицетворенное малодушіе, обладающій безстрашіемъ героя! Онъ издаетъ гортанный крикъ, выдѣляющійся монотонностью среди человѣческой бури, звучащій неумолимо въ этой безпощадной борьбѣ.

Вотъ онъ у церковной колонны, точно статуя дряхлости и нищеты! Онъ стоитъ во весь ростъ среди этого міра, мечтающаго излѣчить язвы и уничтожить нищету!

И ему подаютъ. Люди, идущіе сражаться, бросаютъ су, а сами выпрашиваютъ патроны.

— Спасибо, добрые господа!

XXXII.

Первое впечатлѣніе этого утра было ужасно! Когда я спускался къ Красному Кресту, чтобы взглянуть, гдѣ находятся наши бойцы, я увидѣлъ бѣгущихъ женщинъ. Онѣ несли узлы съ пожитками и тащили за руки ребятишекъ.

— Все жгутъ!—кричали эти женщины или плакали. Было нѣсколько и такихъ, которыя работали на ходу и изрыгали на меня проклятія.

Какъ хотѣлось бы мнѣ протянуть красный шарфъ мой, какъ цѣпь, поперекъ этой паники. Но обезумѣвшихъ не остановить—все равно гдѣ: на улицѣ Де-Бюси или у Версальскихъ воротъ!

Одна хозяйка молочной, въ трудныя времена отпускавшая мнѣ въ кредитъ на нѣсколько су шоколаду и молока, уцѣпилась за меня съ криками отчаянія:

— Вы не позволите сжечь квартала? Вы благородный человѣкъ! Если будетъ нужно, вы съ вашимъ баталіономъ броситесь на поджигателей!..

Одинъ моментъ я былъ во власти ея и другихъ, стариковъ и дѣтей, группы человѣкъ въ двадцать; они рыдали,

---

окрутами, онъ былъ однимъ изъ умѣренныхъ ея членовъ. Протестовалъ противъ учрежденія Комитета Общественнаго Спасенія, противъ закрытія газетъ, противъ всѣхъ произвольныхъ и репрессивныхъ мѣръ, и подписался подъ протестомъ меньшинства. Послѣ паденія Коммуны успѣлъ скрыться въ Швейцарію. *Пр. пер.*

съ протянутыми руками спрашивали, куда имъ дѣваться, и кричали, что все погибло...

Наконецъ, мнѣ удалось ускользнуть отъ нихъ. Я бросаюсь въ первый проулокъ и снимаю свой шарфъ.

На улицѣ Казимира Делавиня, по пути, есть знакомая читальня, гдѣ въ теченіе десяти лѣтъ я занимался и просматривалъ газеты. Тамъ меня примутъ, и у меня будутъ двѣ-три минуты времени, чтобы взвѣсить въ своемъ сознаніи всѣ „за и противъ“ этого пожара.

Я стучусь.

— Войдите.

Мнѣ хотѣлось бы хотя минутку побыть наединѣ съ самимъ собой... Наврядъ ли это удастся!

Присутствующіе умоляютъ меня оставить родину.

— Но вѣдь это безпощадная бойня.. можетъ быть, страшнѣе казни, если вы будете упорствовать!

— Я знаю это, чортъ возьми, прекрасно!

— Подумайте о вашей матери, ваша смерть ее убьетъ...

Ахъ! Негодяи! Они попали въ слабое мѣсто... И вотъ, какъ послѣдній трусъ, я забылъ улицу въ огнѣ, свою роль и свой долгъ. Воспоминанія родной стороны заполонили сердце и мозгъ, и я вижу предъ собою, точно вотъ мать взошла, во вдовьемъ платьѣ, въ бѣломъ тюлевомъ чепчикѣ. Ея громадные черные глаза безумно впились въ меня, и сухія, пожелтѣвшія руки поднимаются съ жестомъ несказанной скорби!

Залпъ.

Мимо оконъ пробѣгаютъ два или три федералиста и бросаютъ ружья на мостовую.

— Смотрите!.. они бѣгутъ!

— Они бѣгутъ! Но я я не имѣю права бѣжать! Пожалуйста, оставьте меня!.. Мнѣ нужно побыть наединѣ со своими мыслями.

. . . . . .

Все обдумано. Я остаюсь съ тѣми, кто разстрѣливаетъ и самъ будетъ разстрѣленъ!

Что тамъ говорили эти потерявшіе голову о томъ, что „все погибло“?

Полили керосиномъ два или три каменныхъ зданія. Ну-съ, затѣмъ?

Разберемся-ка! Въ коллежѣ всѣ книги, гдѣ говорилось о славномъ Римѣ или о непобѣдимой Спартѣ, были, какъ мнѣ помнится, полны пожаровъ. Побѣдоносные полководцы привѣтствовали огонь пожаровъ, какъ лучи зари, а осажденные устраивали ихъ, чтобы воздать должное исторіи. Мои послѣднія сочиненія были посвящены героическому сопро-

тивленію... разрушенной Нуманціи *), обращеннаго въ пепелъ Карѳагена, пылающей Сарагоссы.

А капитанъ Файяръ, увѣшенный орденами за русскій походъ! Онъ обнажалъ голову всякій разъ, когда заходила рѣчь о Кремлѣ, который эти сѣверные варвары запалили, точно пушъ! „Ну и ребята!“—говорилъ онъ, крутя усы.

А раззоренный и спаленный Пфальцъ! А сотни уголковъ міра, сожженныхъ во имя королей или республикъ, во имя еврейскаго или христіанскаго Бога? А гроты Заатха *)!.. А развѣ къ каблукамъ сапогъ герцога Пеллисье не пристали лохмотья обгорѣлой человѣческой кожи?

Пока, насколько мнѣ извѣстно, мы еще не забивали версальцевъ въ погреба и гроты сжигать ихъ тамъ живьемъ.

Я сдѣлался поджигателемъ лишь послѣ того, какъ окинулъ взглядомъ все прошлое и нашелъ тамъ предшественниковъ!

Мы разбирались въ этомъ сначала вдвоемъ, Ларошеттъ и я, мы съ нимъ вмѣстѣ учились; потомъ вчетверомъ, вдесятеромъ. Всѣ поголовно высказались за огонь.

Одинъ изъ нихъ такъ и кипѣлъ гнѣвомъ.

— И эта голь требуетъ пощады для своихъ трехногихъ кроватей, когда идетъ битва изъ-за всѣхъ бѣдняковъ, когда у сотенъ артиллеристовъ горятъ отъ огня вражескихъ пушекъ уже не рубахи, а собственныя груди!.. А! Чортъ возьми! Да я самъ былъ богатымъ лѣтъ десять тому назадъ, пока не занялся соціальной политикой! Развѣ я не сжегъ все свое?.. А сегодня, когда стратегіи отчаявшихся приходится наложить руку на нѣсколько щепокъ и кирпичей, эти люди, изъ-за которыхъ раззоряются, ради кого идутъ на смерть, готовы бросить намъ поперекъ дороги узлы съ своимъ скарбомъ?

Онъ засмѣялся, какъ безумный.

— Я понимаю ужасъ буржуа,—снова заговорилъ онъ, повернувшись въ ту сторону, откуда раздавалась правильная канонада:—Они только что увидѣли въ огнѣ факела блескъ непобѣдимаго оружія, инструментъ, который не сломаешь и возставшіе будутъ отнынѣ передавать изъ рукъ въ руки,

---

*) Главный городъ въ области ареваковъ въ нынѣшней Испаніи. Былъ взятъ и разрушенъ римлянами при Сципіонѣ Африканскомъ въ 133 г. до Р. Хр.

**) Оазисъ въ Алжирѣ. Здѣсь расположенъ былъ прекрасно укрѣпленный арабскій городокъ того же имени, точно перенесенный сюда изъ средневѣковья. Во время возстанія арабовъ въ 1849 году противъ французовъ онъ былъ взятъ послѣ почти двухъ-мѣсячной осады. Пришлось брать съ боя каждую пядь земли. Къ концу дня отъ города остались только дымящіяся развалины, а отъ населенія одинъ слѣпой и пять женщинъ. Даже грудныя дѣти не были пощажены. *Пр. Пер.*

по пути гражданскихъ войнъ... И послѣ такого результата, что значитъ это?—заключилъ онъ, отбросивъ ружье и указывая на кровавый дымъ, покрывшій весь кварталъ краснымъ колпакомъ.

— Такъ вы говорите, лейтенантъ, что придется сжечь часть улицы Валенъ?

— Да, два дома, сквозь стѣны которыхъ проникъ духъ версальцевъ и откуда, совсѣмъ врасплохъ, на насъ могутъ свалиться линейцы. Вы знаете эти два угловыхъ дома?.. Въ томъ, который справа, есть булочная въ нижнемъ этажѣ.

Смѣшная случайность! На первыхъ же порахъ мнѣ пришлось споткнуться на трупъ хлѣбопека, а теперь я собираюсь уничтожить груды муки.

Царство хлѣба пылаетъ и залито кровью! Сейчасъ сгоритъ гораздо больше смолотой пшеницы, чѣмъ нужно бы было для прокормленія меня за всѣ годы моей голодовки!

— Ну-ка! Черкните здѣсь ваше имя, Вентра!

— Готово!.. да спалите лишнюю скворешницу, если понадобится!

Я расписываюсь на чистомъ бланкѣ.

— Мы прекрасно знали, что вы не станете вилять хвостомъ!

Одинъ изъ федералистовъ, смѣясь, вытаскиваетъ изъ кармана старый номеръ „Cri du Peuple“ и тыкаетъ пальцемъ въ строчку:

„*Если господинъ Тьеръ—химикъ, онъ пойметъ*“.

— Ну? Вы уже тогда думали объ этомъ!..

— Нѣтъ! И не я написалъ эту горячую фразу. Я прочиталъ ее однажды утромъ въ статьѣ одного изъ сотрудниковъ. Я нашелъ ее нѣсколько натянутой, но, конечно, не хотѣлъ придавать ей видъ опечатки. И версальскія газетки не преминули подчеркнуть, что онѣ сразу узнали мои когти и мои инстинкты бандита!

— А мы,—заявляетъ Тотоль,—хотимъ взорвать Пантеонъ!

Тотоль—баталіонный командиръ, пользующійся безграничнымъ вліяніемъ на товарищей, хотя онъ и дуритъ до невозможности. Во время осады онъ нападалъ на нѣмцевъ и насмѣхался надъ ними съ такой дерзостью, былъ такъ забавенъ и такъ героиченъ, что его выбрали единогласно.

Его идея была принята восторженнымъ ура.

— Ужъ не вамъ защищать этотъ монументъ,—сказалъ мнѣ Тотоль: — монументы для Вентра... да ему наплевать на всѣ эти храмы славы и ящики для великихъ людей! Развѣ не правда, гражданинъ?.. Пойдемте-ка, посмотримъ, какъ расшвырять тамъ всю эту храмину!..

Мнѣ стоило страшнаго труда удержать Тотоля и объ-

яснить ему, что, не питая никакой любви къ памятникамъ, я, однако, вовсе не могу желать, чтобы ими пользовались для разрушенія и убійства половины Парижа.

Но они чертовски упорны и, несмотря на все то, что я могъ имъ разсказать, смерть Пантеона рѣшена!

Къ стѣнѣ Пантеонъ!

А вмѣстѣ съ нимъ у стѣны окажутся также С. Этіенъ-лю-Монъ и библіотета Св. Женевьевы!.. это легко можетъ статься!

Намъ, людямъ, пользующимся извѣстнымъ уваженіемъ, нѣсколькимъ благоразумнымъ командирамъ, во главѣ съ мэромъ, да группѣ болѣе уравновѣшенныхъ федералистовъ, пришлось соединиться вмѣстѣ, чтобы помѣшать этимъ горячимъ головамъ броситься на Пантеонъ, какъ на какого-нибудь реакціонера. Они уже было запаслись шнуромъ, пропитаннымъ сѣрой и селитрой, намоченнымъ въ керосинѣ.

— Думая нагнать страху на деревенщину, — убѣждали мы:—вы лишь напугаете нашихъ! Кумушки постараются расписать васъ, какъ разбойниковъ; а другіе кварталы припишутъ это дѣло пруссакамъ, а то, очень можетъ быть, и версальцамъ!

Пришлось цѣлый часъ вдалбливать имъ это въ голову и, держа за полу мундира, читать наставленія!

Необходимо было также найти доводы и противъ одного старичка, который, настойчиво почесывая черепъ во время дискуссіи, кончилъ тѣмъ, что сказалъ очень нѣжнымъ голосомъ:

— Во-истину, граждане, мнѣ кажется, что было бы лучше для чести Коммуны не отступать передъ взрывомъ... И это будетъ не хорошо, если мы останемся здѣсь и взорвемъ въ одно время съ солдатами... Я не ораторъ, граждане, но у меня есть свое сужденьице... Изъ-за своей робости... я никогда не говорилъ публично. Но я осмѣлился, и мнѣ думается, что для перваго раза я дѣлаю великолѣпное предложеніе. Только поговоримся: если мы будемъ разговаривать еще, мы никогда не взорвемъ! Никогда! — заключилъ онъ съ глубочайшимъ вздохомъ.

Онъ-то и спасъ осужденнаго! Надъ его страхомъ не успѣть запустить камнемъ въ небо принялись смѣяться, и разговоръ уже не возобновлялся.

Hôtel des Grandes Hommes.

Я здѣсь съ полночи.

Насъ много. Почти всѣ вожаки V-го и XII-го округовъ у кого подъ началомъ нѣтъ войска.

Трудятся надъ окорокомъ и болтаютъ.

— Шодей-то *), ты знаешь?—говоритъ мой сосѣдъ слѣва и дѣлаетъ жестъ, объясняющій все.

Я еще не причастенъ ни къ какой бойнѣ. Мнѣ везетъ!

Нѣкоторые другіе были у Пелажи и разсказываютъ о казни.

— Какъ онъ умеръ?

— Не дурно.

— А жандармы?

— Не важно.

Ужинаютъ и болтаютъ объ этомъ, точно о пьесѣ, въ которой сами не играли никакой роли!

На разсвѣтѣ, когда снова началась перестрѣлка, имъ пришлось отправляться на свои посты, позѣвывая и потягиваясь.

Вѣдь въ пораженіи увѣрены, и потому не грѣхъ выпить прощальный бокалъ передъ тѣмъ, какъ тебя укокошатъ.

Среда, утромъ.

Лисбоннъ явился въ полномъ отчаяніи.

— Всѣ наши позиціи захвачены. Уныніе начинаетъ проникать въ души... Необходимо предпринять что-нибудь, остановиться на какомъ-нибудь рѣшеніи.

— Что же дѣлать?

— Нужно придумать! Поищемъ вмѣстѣ исхода, Режеръ, Семери **), ты, я и Лонге ***).

Дѣйствительно, Лонге съ нами; онъ тоже вернулся въ уголокъ латыни.

Мы забрались въ кабинетъ мэра, защелкнувъ задвижку,

*) Юристъ и публицистъ. Заподозрѣнный въ томъ, что по его распоряженію 22 января открыли огонь по толпѣ, онъ былъ арестованъ 13 апрѣля и заключенъ въ секретную камеру въ Мазасъ, затѣмъ по ходатайству друзей переведенъ въ Сенъ-Пелажи. Въ ночь на 24 мая былъ разстрѣленъ, обнаруживъ изумительное хладнокровіе и присутствіе духа. Экзекуціей лично руководилъ Р. Риго, прокуроръ коммуны.

Пр. Пер.

**) Докторъ и публицистъ, принимавшій дѣятельное участіе въ организаціи медицинской помощи инсургентамъ. *Пр. пер.*

***) Журналистъ и революціонеръ, уроженецъ Кайенны. Послѣ того, какъ нѣсколько газетъ, основанныхъ имъ, подвергались одна за другой судебнымъ преслѣдованіямъ, онъ переѣхалъ (1865 г.) въ Бельгію и тамъ продолжалъ свою литературную дѣятельность. Сталъ очень близко къ рабочему движенію, проповѣдуя въ своихъ рѣчахъ соціализмъ и рѣзко нападая на Имперію, за что по возвращеніи во Францію попалъ въ тюрьму. Послѣ паденія Имперіи былъ избранъ баталіоннымъ командиромъ гвардіи, а 18 марта 1871 г. захватилъ Люксембургъ и воздвигъ баррикаду на улицѣ Суфло. Въ члены Коммуны попалъ только по дополнительнымъ выборамъ. Былъ противъ коммитета общественнаго спасенія и принадлежалъ къ „меньшинству“. Послѣ захвата Парижа ему удалось спастись въ Англію, гдѣ онъ принималъ дѣятельное участіе въ интернаціоналѣ.

Пр. пер.

чтобы не были слышны наши унылыя рѣчи, наше совѣщаніе *послѣднихъ минутъ*.

. . . . . .

Охъ! Я пораженъ прямо въ самое сердце, я только что снова испыталъ то страданіе, ту муку, что, какъ молнія, обжигаетъ всѣ вены потерявшаго честь!

Начальникъ легіона находитъ, какъ и Лисбоннъ, что защита немыслима; докторъ Семери, завѣдующій перевязочными пунктами, согласенъ съ начальникомъ легіона. Вотъ поднимается мэръ:

— Мы должны подписать приказъ сложить оружіе!

Это вызвало въ моей памяти тотъ день, когда Клюзере былъ вынесенъ обвинительный приговоръ.

— Вы не смѣете считать меня предателемъ!—воскликнулъ онъ, запустивъ руки въ свои волосы, и голова его моталась изъ стороны въ сторону, какъ отъ пощечинъ.

А вернувшись домой, онъ покончилъ съ собой, растянувшись на скамьѣ.

Меня охватилъ тотъ же порывъ:

— Сдаться! Лонге, вы это сдѣлаете! И всѣ вы?

— Я, я сдѣлаю это,—холодно промолвилъ начальникъ легіона.

Докторъ вознегодовалъ.

— А вамъ, значитъ, угодно завалить кварталъ трупами и затопить кровью? Берите это на себя.

— Да, я беру на себя не подписывать приказа, котораго, впрочемъ, наши и не послушаются... Я не хочу, чтобы имя мое было проклято въ лагерѣ возставшихъ! Я не хочу этого! Мое присутствіе здѣсь уже дѣлаетъ меня вашимъ сообщникомъ, и, если вы соглашаетесь капитулировать, вамъ нужно убить меня, или я самъ долженъ покончить съ собой!

— Мы плохо поняли другъ друга!—воскликнулъ Режеръ, приведенный въ ужасъ моимъ волненіемъ; онъ былъ во многомъ виноватъ, но трусомъ не былъ.

Семери тоже казался очень подавленнымъ.

Но они наводятъ на меня ужасъ.

— Бѣжимъ, Лонге, разыскивать нашихъ! Гдѣ Коммуна?

— Въ мэріи XI округа. Тамъ Делеклюзъ! Правда, оттуда еще ничего не исходило, но за то все зрѣетъ тамъ. Вотъ куда нужно направиться!

— Идемъ!

Раздается страшный взрывъ, дрожатъ и лопаются оконныя стекла.

Это, должно быть, Люксембургъ.

Но Люксембургъ стоитъ на мѣстѣ. Взлетѣлъ на воздухъ

лишь пороховой погребъ... Тотоль такъ жаждалъ взрыва: онъ долженъ быть удовлетворенъ.

Я видѣлъ, какъ онъ возвращался, потирая руки.

— Что вы хотите! Конечно, я не прыгаю отъ радости. Да это ни къ чему и не повело: тамъ не было ни одного линейца. Промахнулись!

Рядомъ съ нимъ какой-то парень рвалъ на себѣ волосы:

— О, если бы только хотя кто-нибудь тамъ былъ!

Этотъ шутъ и этотъ отчаявшійся во всемъ кончатъ тѣмъ, что заполучатъ свой Пантеонъ! Они обезумѣли отъ пораженія, не остановятся ни передъ чѣмъ и сдѣлаютъ все, что только можно будетъ сдѣлать.

XXXIII.

Ярко свѣтитъ солнце, погода прекрасная.

Мы пробираемся тихими улицами, гдѣ вьющіяся растенія свѣшиваются со стѣнъ на камни баррикадъ. Горшки съ цвѣтами вѣнчаютъ гребни каменныхъ преградъ.

Сена, сверкающая и голубая, течетъ между пустынными набережными, залитыми свѣтомъ.

Рѣка перейдена. Чувствуется, что здѣсь серьезнѣе готовились къ сопротивленію. За каждой кучей камней отъ мостовой скрытъ небольшой отрядъ людей. Они здороваются съ нами и говорятъ въ отвѣтъ на наши печальныя новости:

— Можетъ быть, здѣсь намъ больше повезетъ... Да и потомъ: будь, что будетъ! Мы исполнимъ нашъ долгъ, вотъ и все!

И часовые снова усаживаются съ видомъ крестьянъ, отдыхающихъ въ полдень въ полѣ, куда имъ принесли обѣдать.

Пиджаки рядомъ съ блузами, дѣтскія рубашенки. Жена и сынъ-карапузъ притащили бульонъ и жаркое; на голой землѣ разослана скатерть.

— Мы предлагаемъ кой-кому пропустить стаканчикъ.

— *„Только маленькій!"*—говорятъ они. Изъ всѣхъ, съ кѣмъ мы хотѣли чокнуться, ни одинъ даже не былъ выпивши.

Площадь Вольтера. Мэрія XI-го округа.

— У Коммуны теперь засѣданіе.

— Да гдѣ же?

— Наверху, въ большой залѣ.

Это неправда: Коммуна не засѣдаетъ!

Всѣ сбились въ кучу: офицеры, простые гвардейцы, носители кэпи съ однимъ или нѣсколькими галунами, обладатели поясовъ съ бѣлыми или съ желтыми кистями, члены

Центральнаго Комитета, или наши—и всѣ принимаютъ участіе въ совѣщаніи.

Одинъ лейтенантъ, взобравшись на столъ, требуетъ поставить сторожевые посты на границахъ округа и декретомъ запретить кому бы то ни было покидать ихъ.

— Уже есть дезертиры, — кричитъ онъ грознымъ голосомъ:—они будутъ еще...

И, протянувъ руку къ дверямъ, гдѣ столпилось нѣсколько украшенныхъ галунами, кричитъ:

— Дюжину пуль тому, кто захочетъ удрать!

Взятіе Монмартра привело въ отчаяніе самыхъ спокойныхъ и забросило въ души сѣмена подозрѣнія.

Монмартръ, который долженъ былъ быть вооруженнымъ съ ногъ до головы, Монмартръ, даже не подпустившій къ себѣ, неизвѣстно откуда взявшагося, генеральнаго штаба квартала, Монмартръ, чей военный делегатъ лично изгонялъ штатскихъ, этотъ самый Монмартръ сданъ, проданъ!

Снаряды оказались другого калибра, орудія не держались на лафетахъ, раздавались слова фальшивой команды... И надъ холмомъ развивается трехцвѣтное знамя!

Это предательство сняло голову съ плечъ обороны. Оно подписало смертный приговоръ тѣмъ, надъ кѣмъ въ теченіе двухъ послѣднихъ дней заносился кулакъ федералиста, или на кого указывалъ большой пальчикъ женщинъ—въ этомъ залитомъ кровью циркѣ, откуда исчезъ карликъ Цезарь и куда онъ хочетъ вернуться.

У него и въ мысляхъ не было тратить казну Республики на то, чтобы обезпечить побѣду республиканцамъ... Конечно, ему пришлось прибѣгнуть къ помощи осла, нагруженнаго золотомъ для того, чтобы нѣкоторые проходы оказались открытыми, чтобы священный холмъ, который выплюнулъ Винуа *) и *сохранилъ* двухъ генераловъ, былъ такъ быстро захваченъ солдатами!

*) Боевой генералъ, принималъ участіе въ Крымской кампаніи и Итальянскомъ походѣ, производилъ удачныя военной операціи во время войны 70 г. и былъ назначенъ командующимъ одной изъ армій, защищавшихъ Парижъ. Трошю, не желая подписывать капитуляцію, сдалъ ему главное начальство надъ военными силами Парижа. Въ мартѣ 1871 г. онъ закрылъ всѣ соціалистическія газеты. Черезъ нѣсколько дней ему было поручено снять пушки съ Монмартра. Порученіе это было исполнено плохо и вызвало 18 марта. Затѣмъ онъ отодвинулъ свои войска къ Версалю, для защиты Національнаго Собранія. Когда 3-го апрѣля Коммуна отдала приказъ идти на версальцевъ, онъ направился въ Кламоръ, задержалъ тамъ колонну, которою командовалъ Дювалъ, взялъ его въ плѣнъ и немедленно разстрѣлялъ. Коммуна отвѣтила на это закономъ о заложникахъ. Послѣ того, какъ командованіе версальской арміей перешло къ Мак-Магону, Винуа сталъ во главѣ резервной и занялъ кварталъ Лувра, когда дворецъ и Тюильри уже начали горѣть. *Пр. пер.*

Мы уже видѣли заподозрѣнныхъ, которыхъ влекла толпа. Мы нырнули въ эту человѣческую гущу, но были безсильны выудить хотя кого-нибудь изъ нихъ!

Одинъ былъ отчаянный малый. Онъ стрѣлялъ изъ окна. Въ послѣднія минуты онъ хвастался этимъ и палъ — съ крикомъ: „Долой Коммуну!“

Другой защищался противъ обвиненія въ предательствѣ и требовалъ, чтобы его отвели *къ начальству*. Онъ держался точно рантье изъ Марэ: *)

— Я никогда не занимался политикой!

— За это-то тебя и отправлю на тотъ свѣтъ! — отвѣтилъ одинъ изъ сражавшихся, получившій часъ тому назадъ пулю въ лѣвую руку, а правой наводившій свой револьверъ въ того, кого тащили мимо.

И онъ уже былъ готовъ спустить курокъ, когда рѣшили, что нельзя же казнить безъ доказательствъ, что необходимо представить обвиняемаго на судъ Комитета Общественнаго Спасенія, чего онъ самъ требовалъ съ плачемъ.

— Комитетскіе оставятъ его въ покоѣ... это также вѣрно, какъ то, что я потерялъ пять пальцевъ! — ворчалъ раненый, размахивая своей изуродованной рукой, точно затянутой въ красную перчатку. — Люди, не занимающіеся политикой вѣдь это — отъявленные трусы и мерзавцы! Они выжидаютъ, чтобы знать навѣрняка, на кого наплевать и съ кѣмъ лизаться послѣ бойни!

И весь блѣдный отъ бѣшенства, онъ бросился къ плѣнному. По дорогѣ растерялъ тряпки, закрывавшія его рану, не поднялъ ихъ, а лишь опустилъ въ карманъ куртки руку, точно громадный сгустокъ крови.

Ужасная картина, когда человѣкъ гибнетъ среди человѣческихъ волнъ!.. Разъ, другой поднимается надъ этой бурей его лицо, и онъ бросаетъ взглядъ на небо... А этотъ даже призывалъ Господа Бога!.. Но на него опускается кулакъ или прикладъ, онъ снова скрывается, чтобы появиться уже послѣдній разъ съ помертвѣвшей головой, болтающейся на шеѣ.

— А если онъ невиненъ?

— А полиція — надѣваетъ перчатки, когда расправляется съ своими жертвами? А наша юстиція, развѣ она разсматриваетъ по нѣсколько разъ, дѣйствительно ли подсудимый виновенъ въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ?.. затянувъ веревками до безъ чувствія, избивъ до полусмерти, послѣ смраднаго участка, послѣ Мазаса, отправляетъ она на судъ

*) Названіе одного изъ кварталовъ Парижа въ восточной части города, гдѣ много садовъ и огородовъ. *Пр. пер.*

присяжныхъ невинныхъ, которыхъ оправдываетъ судъ. А когда выносятъ обвинительный приговоръ, то вѣдь это бубновый тузъ или мѣшокъ на головѣ, висѣлица или каторга!

И онъ замолкъ, начавъ лихорадочно считать патроны въ своемъ патронташѣ.

Явился Варлэнъ на телѣгѣ со скамьями.

— Ты знаешь, откуда я раздобылъ эту карету? Это— колесница палача.

— О чемъ вы тутъ разговариваете?

Въ группѣ, кричащей и жестикулирующей около него, я призналъ кузнеца Малезіе.

— О Домбровскомъ: представь себѣ, я задержалъ его у Сентъ-Уана. Я думалъ, что онъ хочетъ удрать. Едва ли можно было ошибиться, суди самъ: за угломъ осѣдланныя лошади, адъютанты поглядываютъ въ сторону пруссаковъ!.. Я увѣренъ, что онъ, который долженъ былъ умереть со славой, не направился бы въ Парижъ!

— Я вамъ говорилъ, что это подозрительная личность!— энергично поддержалъ его одинъ федералистъ.—Вѣдь передача предложеній версальцевъ вовсе еще не доказательство, что онъ не снюхался съ Тьеромъ!

Смерть еще оставила неприкосновеннымъ его въ гробу, а память о немъ уже затронута гніеніемъ. Верморель напрасно потратилъ свое время и силы, устраивая поляку тріумфальныя похороны.

Обойдя вмѣстѣ съ Лефрансэ *), Лонге и другими товарищами бивуаки бойцовъ, мы снова поднялись въ мэрію.

Меня хлопаетъ по плечу Гантонъ, бланкистъ.

— Какъ дѣла?

— Не важно!

Намъ только что пришлось заниматься отвратительнымъ дѣломъ: пришлось разстрѣлять архіепископа Парижскаго, Бонжана **), и три четверти остальныхъ заложниковъ.

---

*) Членъ коммуны, въ 1850 г. за свои политическіе взгляды былъ уволенъ съ мѣста преподавателя. Послѣ 2 декабря 1851 г. подвергся ссылкѣ; вернувшись послѣ амнистіи 1859 г., пробивался уроками и бухгалтеріей. Послѣ разрѣшенія публичныхъ собраній онъ выдвинулся, какъ ораторъ, отстаивая и проповѣдуя свои радикальныя соціалистическія идеи. Послѣ 4 октября 1871 г. энергично нападалъ на бездѣятельность правительства и требовалъ учрежденія Коммуны, принималъ участіе въ движеніи 31 октября и фигурировалъ въ числѣ членовъ революціоннаго правительства, засѣдавшаго нѣсколько часовъ въ Ратушѣ. Настаивая на принятіи энергичныхъ мѣръ, онъ всетаки былъ въ «меньшинствѣ» и протестовалъ противъ созданія комитета общественной безопасности. Послѣ кроваваго подавленія Коммуны спасся въ Швейцарію. *Пр. пер.*

**) Несмотря на свои годы, принималъ участіе въ войнѣ, а затѣмъ служилъ въ національной гвардіи. По распоряженію Коммуны былъ аре-

Какой-то черный недоносокъ вставляетъ свое слово.

— Дарбуа *) хотѣлъ было дать мнѣ свое благословеніе... ну, а я послалъ ему свое!

Мнѣ уже случалось встрѣчать этого сухопараго молодца: мрачный посѣтитель всѣхъ собраній и страстный сторонникъ свободной любви!

У него была незаконная жена. Онъ обожалъ ее, и она могла обернуть его вокругъ пальца. На ея рѣзкости онъ отвѣчалъ дѣтскою лаской. Люди приспособляются очень быстро, къ тому же кумушка оказалась не злой, и было трогательно видѣть, какъ этотъ маленькій дроздъ нѣжно щебечетъ подъ крылышкомъ этой большой курицы.

И этотъ самый дроздъ только что топорщился и свисталъ въ уши прелата, уходившаго въ вѣчность, пасмѣшливую пѣсенку своего безбожія.

Лефансе, Лонге и я стали блѣдными, какъ стѣна.

— Да по какому праву, отъ чьего имени были совершены эти убійства? Отвѣтственность за эту бойню падетъ на всю Коммуну цѣликомъ! Наши шарфы запятнаны брызгами ихъ мозга!

— Приказъ подписалъ Ферре *),—говорятъ намъ.

— Неужели это правда?

Со стороны Ферре это для меня понятно. Я его встрѣтилъ послѣ того, какъ онъ отдалъ распоряженіе казнить Вейсса и смотрѣлъ съ высоты Новаго моста, какъ была

стованъ 10 апрѣля и посаженъ въ Мазасъ, гдѣ вмѣстѣ съ архіепископомъ парижскимъ и другими духовными лицами содержался въ качествѣ заложника. 24 мая они всѣ были разстрѣляны послѣ короткаго суда, которымъ предсѣдательствовалъ Гантонъ. *Пр. пер.*

*) Архіепископъ парижскій. Его пастырскія посланія отличались сравнительною умѣренностью и либерализмомъ. Во время осады Парижа, не покидая своего поста, онъ принималъ участіе въ уходѣ за ранеными. По подозрѣнію въ сношеніяхъ съ версальскимъ правительствомъ былъ арестованъ 4 апрѣля и заключенъ въ Мазаскую тюрьму. Когда версальскія войска 24 мая ворвались въ городъ, онъ былъ разстрѣлянъ вмѣстѣ съ остальными 63 заложниками. *Пр. пер.*

**) Не разъ подвергался судебнымъ преслѣдованіемъ. Сидя въ тюрьмѣ Сентъ-Пелажи, онъ (15 мая 1869 г.) устроилъ тамъ возмущеніе, за что поплатился, конечно, усиленіемъ наказанія. Въ день возстанія 18 марта 1871 г. онъ проявилъ громадную энергію. При вступленіи версальцевъ отдалъ приказъ растрѣлять всѣхъ арестованныхъ полицейскихъ и жандармовъ и взорвать министерство финансовъ. Вынужденный оставить префектуру, онъ велѣлъ ее поджечь. Уголовные преступники, по его распоряженію, были выпущены изъ Рокетской тюрьмы и вооружены. Когда версальцы завладѣли городомъ, онъ скрылся и только черезъ нѣсколько времени былъ арестованъ. Защитительную рѣчь свою онъ закончилъ словами: „счастіе измѣнчиво! Довѣряю будущему позаботиться о моей памяти и отомстить за меня“. Приговоренный къ смертной казни, смѣло и красиво умеръ подъ пулями 28 ноября 1871 года. *Пр. пер.*

совершена экзекуція и тѣло брошено въ Сену. Онъ былъ спокоенъ и смѣялся.

Это фанатикъ. Онъ вѣритъ въ силу и примѣняетъ ее, не заботясь о томъ, казаться ли жестокимъ или великодушнымъ.

Онъ, безъ всякаго различія, ставитъ безоруженныхъ на одну доску съ остальными: ударъ за ударъ, голову за голову,—все равно, голову волка или овцы... Чисто механически прикладываетъ онъ свою печать делегата ко всякой бумагѣ, которая направлена къ уничтоженію врага.

— Врагъ — и священникъ, и сенаторъ, засаженные въ тюремную клѣтку. Дурные или хорошіе, это не важно! Съ ними никто не считается; они никому не нужны. Это манекены, которыхъ необходимо повергнуть ницъ передъ исторіей: іюнь убилъ Аффра *), май убьетъ Дарбуа.

Нестастный! Я видѣлъ, какъ у того же самаго Ферре, который только что безъ всякой жалости подписалъ ему приговоръ, вырвался жестъ отчаянія, когда я, послѣ одного изъ посѣщеній Мазаса, разсказывалъ ему объ этомъ блѣдномъ заключенномъ: онъ лихорадочно бродилъ почти на свободѣ по большому двору, напоминая намъ загнаннаго звѣря, мечущагося подъ выстрѣлами охотниковъ.

Но делегатъ при префектурѣ считалъ своимъ долгомъ раздавить свое сердце, какъ измѣнника, какъ соумышленника буржуазіи, и, во имя Революціи, повиновался толпѣ.

— Но вѣдь эта бойня наводитъ ужасъ? Эти пожилые люди были взяты безъ оружія! Будутъ кричать, что это подлость!

— Подлость!.. А что вы скажете, господинъ литераторъ, о сентябрьскихъ убійствахъ? Значитъ, вы смѣялись, когда совѣтовали намъ поступать такъ, какъ въ 93-мъ! Теперь классикъ сокрушается и приходитъ въ отчаяніе.

— Вы сыграли въ руку противнику; Тьеру только это и было нужно; старая гіена облизываетъ теперь губы!.. Развѣ вамъ Флотъ не разсказывалъ, что произошло въ Версалѣ? Вѣдь Тьеръ не выдалъ Бланки только потому, что онъ предчувствовалъ такую развязку, надѣялся на нее, вылъ на покойника... ему были необходимы всѣ эти благочестивые

*) Парижскій архіепископъ, въ іюльскіе дни 1848 года хотѣлъ попытаться остановить кровопролитіе и 25 числа въ четыре часа дня явился передъ колосальной баррикадой, загораживавшей доступъ въ Сентъ-Антуанское предмѣстіе. Въ то время, когда онъ уговаривалъ сражавшихся, пуля ранила его въ грудь, и онъ упалъ на руки инсургентовъ, которые были глубоко опечалены этимъ случаемъ. Умирая, черезъ два дня, онъ сказалъ: „Пусть кровь моя будетъ послѣдней“. *Пр. пер.*

трупы, тѣла мучениковъ, чтобы поставить на нихъ свое кресло президента.

— Все это очень можетъ быть!—возразилъ одинъ изъ взводныхъ.—Но пока пусть знаютъ, что если Коммуна и постановляетъ декреты на смѣхъ, то народъ ихъ исполняетъ, какъ слѣдуетъ... Во всякомъ случаѣ, моя пуля не попала въ небо.

Четвергъ. Мэрія Бельвилля.

Я снова встрѣтился съ Ранвье въ мэріи Бельвилля.

Онъ только что обошелъ всю линію нашей обороны и вернулся совершенно подавленнымъ.

Снаряды падаютъ дождемъ. Крыша превратилась въ рѣшето, и потолокъ осыпаетъ насъ кусками штукатурки. Ежеминутно приводятъ арестованныхъ для разстрѣла.

Во дворѣ шумъ.

Я высовываюсь въ окно.

Человѣкъ безъ шапки, буржуазнаго вида, выбираетъ удобное мѣсто прислониться спиной къ стѣнѣ. Это, чтобы умереть!

— Такъ хорошо?

— Да.

— Пли!

Онъ упалъ... Шевелится. Выстрѣлъ изъ пистолета въ ухо.

Теперь уже недвижимъ.

Зубы у меня стучатъ.

— Ты можешь упасть въ обморокъ при видѣ раздавленной мухи,— говоритъ мнѣ Тренке *), поднимаясь и продувая пистолетъ.

Пятница.

— Опять собираются отправить на тотъ свѣтъ цѣлую толпу!

— Кого?

— Безумцы! жандармовъ или шпіоновъ, всего пятьдесятъ два человѣка!

---

*) Членъ Коммуны. Занимался сапожнымъ ремесломъ, пока не выдвинулся, какъ страстный ораторъ. Членъ комитета, проводившаго въ депутаты Рошфора, онъ скоро получилъ работу въ бюро основанной новымъ депутатомъ газеты „Marseillaise“. Послѣ того, какъ версальцы вошли въ Парижъ, отступилъ со многими товарищами въ мэрію XI-го округа и принималъ участіе въ послѣднихъ судорогахъ ужасной борьбы, залившей кровью Парижъ. Въ началѣ іюня онъ былъ арестованъ. Предъ военнымъ судомъ заявилъ, что не причастенъ къ поджогамъ и убійству заложниковъ, но во всемъ остальномъ принимаетъ на себя отвѣтственность за свои дѣйствія и только сожалѣетъ, что не погибъ въ этой борьбѣ. 3 сентября былъ присужденъ къ вѣчной каторгѣ. *Пр. пер.*

Еще бойня внѣ битвы!

Я ихъ понималъ, когда они разстрѣливали архіепископа, когда обезглавливали короля. У нихъ была извѣстная идея, они думали, что необходимъ примѣръ. Но это явленіе?!.

Библія плебеевъ, какъ готическій требникъ, имѣетъ свои красныя заставки и обрѣзъ...

Вонъ они!

Молча подвигаются впередъ. Во главѣ идетъ, глядя прямо, по военному, высокій и старый вахмистръ... за нимъ слѣдуютъ попы, путаясь въ своихъ юбкахъ, торопясь на интервалахъ, чтобы опять попасть въ свой рядъ. Разница въ аллюрахъ не мѣшаетъ ритму, и будто слышится: *„разъ, два“* марширующей роты.

За ними слѣдомъ идетъ толпа: еще нѣтъ ни волненія, ни лихорадочнаго возбужденія.

Но вотъ раздается визгъ какой-то мегеры!.. Имъ не ускользнуть! Они погибли!

— Къ намъ, члены Коммуны! На помощь!

Члены Коммуны сбѣгаются, скучиваются и пытаются убѣдить массу. Они кричатъ, они клянутся... есть даже такіе, которые плачутъ.

Коммуну отправили ко всѣмъ чертямъ!

Позади, стараясь не отстать, идетъ съ быстротой, какую только могутъ развить шестидесятилѣтнія ноги, — старикъ безъ шапки, его бѣлые волосы спутались и мокры отъ пота.

Я узналъ его.

Эту трясущуюся голову я видѣлъ у дѣдушки Беслея *) въ послѣдніе дни Имперіи и во время осады. Мы ссорились: они упрекали меня въ недисциплинированности и кровожадности.

Я окликнулъ его.

— Скорѣе, идите намъ помочь, они готовы ихъ убить черезъ пять минутъ!

Толпу начинаетъ охватывать бѣшенство. Раздается крикъ маркитантки: „смерть!“

Старецъ остановился, чтобы перевести дыханіе, и, размахивая ружьемъ, которое крѣпко держатъ его сморщенныя руки, повторяетъ въ свою очередь: „смерть! смерть!“

— Какъ, и вы тоже?!..

Онъ отталкиваетъ меня, какъ безумный.

— Убирайтесь! Дайте мнѣ пройти! Ихъ шестьдесятъ?.. Это мое число! Я только что видѣлъ, какъ разстрѣляли

*) Beslay—инженеръ, политическій дѣятель, членъ Коммуны. *Пр. пер.*

шестьдесятъ человѣкъ, пообѣщавъ сначала спасти имъ жизнь!

— Послушайте!

— Оставьте меня въ покоѣ или я васъ пристрѣлю!

. . . . . .

Стрѣляетъ взводъ. Сначала нѣсколько отдѣльныхъ выстрѣловъ, затѣмъ грохотъ залповъ долгій, долгій... Онъ, кажется, не кончится никогда...

. . . . . .

Федералисты возвращаются; болтаютъ.

У столика маленькаго кафе сидитъ старикъ, вытирая лобъ. Онъ подозвалъ меня.

— Я вамъ только что нагрубилъ, но теперь дѣло окончено, можно и поздороваться. Ахъ, мой милый, я теперь удовлетворенъ! Если бы видѣли Ларжильера!.. Онъ перевернулся, какъ заяцъ!

Ларжильеръ!.. его я прекрасно знаю!

— Но остальные?

— Остальные! Они заплатили за предательство улицѣ Лафайетъ: это не политика, а убійство! Я ничего не понималъ въ вашихъ махинаціяхъ, но Галлифэ толкнулъ меня въ нихъ внизъ головой! Я вовсе не за коммунаровъ, но я противъ палачей въ эполетахъ... Укажите-ка мнѣ еще уголъ, изъ-за котораго можно пострѣлять, и я отправлюсь туда.

Его взоръ пылалъ гнѣвомъ подъ снѣгомъ рѣсницъ.

Мимо проходила женщина, онъ удержалъ ее.

— Вы выпьете стаканчикъ съ нами?

— Съ удовольствіемъ! Только дайте мнѣ поискать воды помыть руки.

Ей лѣтъ тридцать, не дурна... измучена на видъ.

Вернулась и начала болтать.

Эта уже совсѣмъ не думаетъ о соціализмѣ. Но ея сестра была любовницей одного викарія; попъ бросилъ ее беременной, укравъ всѣ ихъ сбереженія.

— Вотъ почему я спустилась внизъ, увидавъ въ окошко сутаны; вотъ почему выдрала бороду какому-то капуцину, который былъ похожъ на любовника Целины; вотъ почему я кричала „*смерть! смерть!*“, и почему у меня красныя руки!

Она намъ разсказала также исторію маркитантки, подавшей сигналъ къ этой бойнѣ.

Маркитантка дочь человѣка, который въ концѣ Имперіи былъ арестованъ по оговору провокатора и умеръ въ тюрьмѣ. Когда она услыхала, что въ группѣ есть шпіоны и что съ ними хотятъ расправиться, она присоединилась къ толпѣ и потомъ стала во главѣ ея.

Она первая послала пулю Ларжильеру.

XXXIV.

Суббота. Площадь Труа-Борнъ.

Всю ночь пришлось быть на ногахъ. На разсвѣтѣ Курне *). Тейсъ **), Камелина ***) и я снова спустились въ Парижъ.

Улица Ангулемъ еще держится. Это именно 209-ый баталліонъ, гдѣ знаменосцемъ Камелина, съ отчаяніемъ защищается тамъ.

Когда они увидѣли явившагося товарища, они устроили ему что-то въ родѣ настоящей овація. Меня они тоже очень любятъ, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ презрѣнія. Во-первыхъ, я изъ „правительства," затѣмъ во всю свою жизнь я никогда не умѣлъ ничего носить. Даже свой шарфъ я надѣваю то слишкомъ высоко, то слишкомъ низко, а въ минуты опасности меланхолично засовываю подъ мышку, завернувъ его въ газету, какъ омара.

— Эй! Послушайте, чортовъ кривляка! Вамъ очень удобно разыгрывать тамъ наверху Бодена со скрещенными руками въ то время, какъ мы тутъ должны распластаться всѣмъ тѣломъ!

---

*) Сначала занимался коммерціей, служилъ на желѣзной дорогѣ, держалъ театръ, затѣмъ въ 1863 попалъ въ Парижъ, принялъ участіе въ начинавшемъ тогда революціонномъ движеніи, сталъ писать въ маленькихъ газеткахъ, нападая на имперію. Черезъ три года онъ уѣхалъ въ Мексику и, вернувшись черезъ 5 лѣтъ, попалъ въ манифестацію Бодена и былъ арестованъ. Выпущенный черезъ нѣсколько дней, снова занялся журнальной работой, не разъ подвергаясь преслѣдованіямъ, штрафамъ и арестамъ. Во время осады командовалъ однимъ изъ баталліоновъ, изумляя всѣхъ своей храбростью. Послѣ подавленія Коммуны успѣлъ уѣхать въ Англію.

**) Членъ Коммуны, рѣзчикъ по металлу. Примкнувъ къ интернаціоналу, онъ скоро занялъ въ немъ вліятельное положеніе и сталъ секретаремъ центральнаго совѣта. Подвергшись за это преслѣдованію, онъ послѣ долгаго предварительнаго заключенія былъ еще присужденъ къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тюрьмы. Въ качествѣ члена Коммуны, онъ очень дѣятельно завѣдывалъ почтой. Примыкалъ къ умѣренному меньшинству, энергично протестовалъ противъ Р. Риго, засадившаго въ секретныя камеры политическихъ, и былъ противъ Коммитета Общественнаго Спасенія. Послѣ вступленія войскъ онъ потребовалъ, чтобы почтамтъ былъ защищенъ отъ пожара, и присоединился къ сражавшимся. При немъ былъ раненъ Верморель на баррикадѣ Шато-До. Ему удалось добраться до Лондона, гдѣ онъ снова принялся за свое ремесло.

***) Одинъ изъ вождей интернаціонала, Коммуной былъ делигированъ на монетный дворъ, гдѣ исполнялъ свои обязанности съ изумительной честностью, съ любовью охраняя всѣ художественныя и драгоцѣнныя вещи церквей и общественныхъ учрежденій.

Въ самомъ дѣлѣ, они съ часу лежатъ здѣсь на животѣ въ грязи, съ запачканнымъ лицомъ, въ платьѣ, пропитанномъ всякой мерзостью, стрѣляя черезъ амбразуры, устроенныя вровень съ землей, и нанося страшный уронъ непріятелю.

Членъ Коммуны стоитъ, вытянувшись во весь ростъ, прислонившись къ углу баррикады. Его лобъ выдается надъ камнями, и пули окружаютъ его ореоломъ, который начинаетъ суживаться. Большинство все еще невольно! Да, ему тоже грозитъ гибель, но этого мало! Пусть-ка онъ покушаетъ песку, замажетъ себѣ физіономію, поваляется на землѣ, какъ товарищи!

— Да будетъ вамъ позировать!

Наконецъ, это мнѣ надоѣло. Такъ какъ они меня больше не слушаютъ, я считаю себя свободнымъ и намѣчаю себѣ другое мѣсто дѣйствій.

Нѣкогда, въ бытность мою командиромъ 191-го отряда, я сохранилъ свою наружность полевого сторожа и право не имѣть никакихъ способностей въ военномъ дѣлѣ, поклявшись быть въ самый рѣшительный моментъ вмѣстѣ со своимъ баталліономъ или съ тѣмъ, что отъ него останется.

Я отправляюсь къ нему.

Поредѣли таки его ряды, но оставшіеся были рады снова меня увидѣть.

— Итакъ, вы насъ не бросите?

— Нѣтъ!

— Правильно, гражданинъ!

Воскресеніе 28 мая, 5 часовъ утра.

Мы на гигантской баррикадѣ въ самомъ низу улицы Бельвилль, почти противъ залы Фавіе. Мы тянули узелки съ однимъ молодцомъ, кому идти теперь спать.

Мнѣ повезло, и я растягиваюсь на старой кровати въ чьей-то брошенной квартирѣ. Спалъ я плохо, черви, которые съѣли уже половину матраса, скоро законопатились у меня на кожѣ: право, они что-то очень торопятся!..

Я отправился смѣнить товарища.

До настоящаго времени я больше боролся съ коммунарами, чѣмъ съ версальцами. Теперь же, когда свободно только это предмѣстіе, когда уже некогда больше судить ни предателей, ни заподозрѣнныхъ, дѣло стало куда легче. Нужно только постоять за честь и расположиться у знамени, какъ офицеры у гротъ-мачты, когда гибнетъ корабль.

Я на посту.

На страшный огонь, направленный противъ насъ, мы отвѣчаемъ изъ ружей и изъ пушекъ.

Окна въ „La Veilleuse“ и во всѣхъ домахъ на углу наши заткнули тюфяками; пробитые снарядами, они дымятся.

Время отъ времени чья-нибудь голова перевѣшивается черезъ баллюстраду.

Попало!

У насъ два орудія, которыми управляютъ молчаливые и отважные артиллеристы. Одному изъ нихъ не болѣе двадцати лѣтъ; у него волосы цвѣта пшеницы, а глаза — какъ васильки. Онъ краснѣетъ, точно дѣвушка, когда хвалятъ мѣткость его стрѣльбы.

Минута молчанія.

— Можетъ быть, парламентеръ?

— Чтобы предложить намъ сдаться?

— Намъ сдаться! Пусть только явится!..

— Вы хотите его захватить въ плѣнъ?

— За кого вы насъ принимаете? Пусть этотъ позоръ останется за версальцами! Но мнѣ доставитъ большее удовольствіе бросить ему въ лицо словечко Камброна.

Съ улицы Ребеваль доносятся крики.

— Не зашли ли они съ тылу, пока ихъ вѣстникъ отвлекалъ наше вниманіе?.. Пойдите, Вентра, посмотрите!

Въ чемъ тутъ дѣло?

— Да вотъ среди насъ есть посторонній, который отказывается принять участіе въ общей работѣ.

— Да, я отказываюсь... Я противъ войны!

И человѣкъ симпатичнаго вида, лѣтъ сорока, борода апостола, спокойный взглядъ, идетъ мнѣ на встрѣчу и говоритъ:

— Да, я за миръ, противъ войны! Ни за нихъ, ни за васъ... вамъ не удастся заставить меня драться.

Но эти разсужденія пришлись не по вкусу федералистамъ.

— Ты думаешь, что мы не предпочли бы поступать такъ же, какъ ты? Ты, значитъ, воображаешь, что это для забавы здѣсь обмѣниваются такими орѣхами! Ну-ка! бери эту табакерку, да почихай, а то я самъ покажу тебѣ, какъ здѣсь фыркать...

— Я за миръ, противъ войны!

— Ахъ, чортъ тебя возьми, проклятая скотина! Хочешь ты табакерку... а не то поднесу табаку?

Но онъ чувствовалъ отвращеніе къ табаку и послѣдовалъ за нимъ, таща свое ружье, какъ костыль.

Парламентеръ ушелъ.

— Стерва!—крикнулъ командиръ, стоя на своей эстрадѣ изъ выломаннаго булыжника мостовой.

Вдругъ обнажаются окна, каменная плотина рушится.

Блондинъ пушкарь громко вскрикиваетъ. Пуля попала

ему въ лобъ и просверлила черный глазъ между его голубыми глазами.

Все погибло!—спасайся, кто можетъ!

. . . . . .

— Кто желаетъ пріютить двухъ инсургентовъ?

Мы громко кричали это по дворамъ, обводя глазами этажи, какъ нищіе, ожидающіе су.

Никто намъ не подалъ милостыни, которой мы просили съ оружіемъ въ рукахъ!

Въ десяти шагахъ отъ насъ — трехцвѣтное знамя! Оно тамъ,—чистое, сверкающее и новое, это знамя, оскорбляющее своими свѣжими тонами наше, лохмотья котораго еще висятъ здѣсь и тамъ, порыжѣвшіе, грязные и зловонные, точно завялые и растоптанные цвѣты мака.

Насъ приняла одна женщина.

— Мой мужъ на сосѣднемъ перевязочномъ пунктѣ. Если вы хотите, я васъ сведу туда.

И она насъ ведетъ подъ градомъ свинца, который свиститъ передъ нами и позади насъ, разбивая фонари и срѣзая вѣтки каштановъ.

Мы пришли. Да и пора уже!

Подходитъ хирургъ съ повязкой краснаго креста на рукѣ.

— Докторъ, вы намъ дадите убѣжище?

— Нѣтъ, изъ-за васъ перебьютъ моихъ больныхъ.

Мы опять на улицѣ.

— Но мужъ знаетъ другой пунктъ для раненыхъ, не особенно далеко.

Отправляемся туда.

— Вы хотите насъ?..

— Да!

Такъ опредѣленно и нѣсколько смѣло отвѣтила намъ маркитантка въ полной парадной формѣ. Прекрасное созданіе, лѣтъ двадцати пяти, съ роскошнымъ бюстомъ и тонкой таліей подъ синей суконной кофточкой. Не труситъ: баба разбитная!

— Видите, у меня здѣсь пятнадцать раненыхъ. Вы сойдете за доктора, а вашъ другъ—за фельдшера.

И она надѣла на насъ больничные передники.

Нужно подкрѣпиться. Она бьетъ яица, жаритъ яичницу, наливаетъ намъ вина для выздоравливающихъ. За дессертомъ забывается всякая опасность: кровь еще горяча и глаза не потускнѣли!

Но изъ палаты для ампутированныхъ доносится стонъ, переворачивающій намъ всю душу:

— Ахъ! поговорите со мной передъ смертью!

Мы поднялись изъ-за стола... но было уже слишкомъ поздно.

Около еще теплаго трупа, въ сумрачной комнатѣ: окна заложены тюфяками. — нами снова овладѣли печальныя мысли. Мы сидѣли молча, пытаясь смотрѣть сквозь щель на тротуаръ.

Тамъ шагалъ съ видомъ шакала морякъ За нимъ еще морякъ, потомъ пѣхотинецъ; цѣлая рота и офицеръ, малокососъ съ виду.

— Пусть всѣ выйдутъ!

Я спускаюсь первымъ.

— Кто завѣдующій пунктомъ?

— Я.

— Какъ ваше имя?

Мнѣ уже былъ данъ урокъ.

Я его повторяю.

— Для чего этотъ экипажъ?

— Маркитантка распорядилась его запречь, чтобы мы могли вскочить и удрать, въ случаѣ опасности.

Я отвѣчаю безъ запинки.

— Вы занимаетесь своимъ ремесломъ, и я собираюсь заняться своимъ: подбирать и перевязывать раненыхъ.

Онъ нахмурилъ брови и уставился на меня.

— Велѣть отложить?..

Онъ посмотрѣлъ на меня еще и сдѣлалъ своей тросточкой жестъ, говорившій, что дорога свободна.

— Ларошетъ, вы ѣдете?

— Нѣтъ, вамъ не удастся сдѣлать и двадцати саженъ!

Вы идете на вѣрную смерть!

Даже бѣгу, потому что погоняю свою лошадь.

Разъ десять меня могли бы захватить, и это навѣрно бы случилось, если бы одинъ линейный офицеръ не спасъ меня, самъ того не вѣдая. Онъ загородилъ дорогу лошади:

— Только не въ эту сторону! эти бездѣльники еще стрѣляютъ сверху.

— Прекрасно! тогда мое мѣсто именно здѣсь: мой ланцетъ можетъ на что-нибудь пригодиться.

И я спрыгиваю съ своей телѣжки.

— Однако, вы не особенно трусите! — сказалъ, смѣясь, вояка.

— Я больше хочу пить, капитанъ. Есть ли возможность раздобыть въ этой странѣ дикарей стаканчикъ шампанскаго?

— Можетъ быть, въ этомъ кафе?..

Мы откупорили саблей одну бутылочку, и я снова взбираюсь на подножку.

— До пріятнаго свиданія, докторъ!

Это напутствіе разгладило нѣсколько подозрительно нахмуренныхъ лицъ, бродившихъ вокругъ моего экипажа и заставившихъ меня рѣшиться на эту комедію съ выпивкой.

— Кучеръ, погоняй!

Мой возница, повидимому, не имѣетъ никакого представленія о томъ, кого онъ везетъ, и, кажется, лишь нахлестываетъ себѣ на чай.

Нужно же, однако, двигаться впередъ!

— Повозка краснаго креста!

Я встрѣчаюсь съ своими товарищами, которые въ фіолетовыхъ воротникахъ, съ золотымъ шитьемъ, прогуливаются среди солдатъ, приготовляющихъ ужинъ или моющихъ пушечные лафеты.

Ни одинъ изъ нихъ не обернулся при моемъ проѣздѣ. Кто же можетъ признать Жака Вентра?.. Я выбритъ и въ синихъ очкахъ.

Я только что замѣтилъ въ одномъ изъ наружныхъ зеркалъ обнаженную, костистую голову, блѣдную, какъ лицо священника, съ отброшенными назадъ волосами безъ всякаго пробора. Безжалостная физіономія! Выраженіе поборника всякихъ жестокостей! Они должны были принять меня за фанатика, разыскивающаго раненныхъ не для того, чтобы имъ помочь, а чтобы ихъ прикончить.

— Раненые? Мы ихъ не оставляемъ!—сказалъ мнѣ одинъ адъютантъ,—а у нашихъ есть полковые хирурги, которые направляютъ ихъ въ спеціальные пункты. Но если вы хотите подобрать эту падаль, то окажете намъ истинную услугу. Она смердитъ здѣсь уже два дня.

Къ счастію, онъ замолчалъ... У меня потемнѣло въ глазахъ!

— Разъ! Два!

Мы поднимаемъ на телѣгу „падаль.“

И сами солдаты тянутъ за поводъ нашу клячу и подталкиваютъ колеса, лишь бы поскорѣй мы увозили эти трупы, зачумлявшіе имъ воздухъ.

На одномъ изъ этихъ труповъ, который мы подняли за кучей досокъ на лѣсномъ дворѣ, кишатъ мухи, какъ на дохлой собакѣ...

Ихъ у насъ семь. Больше некуда класть... мой фартукъ обратился въ громадную лепешку запекшейся крови. Даже сами линейцы отворачиваются, и мы свободно катимъ по этой бороздѣ ужаса.

— Куда вы направляетесь?—спрашиваетъ послѣдній часовой.

— Въ госпиталь Сентъ-Антуана!

Здѣсь полнымъ полно санитаровъ.

Я направляюсь прямо къ нимъ и указываю имъ на свой грузъ человѣческаго мяса.

— Сложите ваши тѣла въ этой залѣ.

Она вся устлана трупами. Дорогу мнѣ преграждаетъ рука. Смерть захватила ее въ жестѣ героическаго вызова и сохранила ее вытянутою угрожающею, съ сжатымъ кулакомъ, который долженъ былъ опуститься на физіономію офицера передъ самымъ разстрѣломъ...

Они собираются закапывать свои жертвы. У одной изъ нихъ оказался школьный дневникъ. Это дѣвочка лѣтъ десяти; ударъ штыка въ затылокъ окровянилъ ее, какъ свинью, но не сорвалъ съ шеи розовой ленточки, на которой виситъ мѣдная медаль.

У другой, съ косой въ родѣ крысинаго хвостика, въ карманѣ оказались дешевые очки и бумага, удостовѣряющая, что она сидѣлка и что ей сорокъ лѣтъ.

Вонъ тамъ лежитъ старикъ, его обнаженный торсъ выдается надъ грудой мертвыхъ тѣлъ. Вся кровь вытекла, и его мертвая маска такъ блѣдна, что бѣлая стѣна, къ которой онъ прислоненъ, кажется сѣрой. Его можно принять за мраморный бюстъ, за обломокъ статуи на Гемоніи *).

Того, кто составлялъ списокъ убитыхъ, неожиданно позвали опознать одного сомнительнаго. Онъ проситъ замѣнить его:

— Устройтесь вотъ здѣсь на углу стола.

Это позволяетъ мнѣ спрятать свой взглядъ, за то иногда приходится отвѣчать на какой-нибудь вопросъ и *обнаруживать* свой голосъ...

Составитель списка вернулся и усаживается на свое мѣсто.

— Ну, вотъ вы и свободны, спасибо!

Свободенъ! еще не совсѣмъ; но уже скоро... если только не влопаюсь...

— Идите! Идите скорѣй!—шепчетъ въ ужасѣ мой проводникъ:—Тутъ очень интересуются, кто вы такой.

Къ моему счастію, гдѣ-то рядомъ разстрѣливаютъ; мои

*) «Лѣстница вздоховъ»—обрывистый спускъ въ Римѣ у Авентинскаго холма, по которому спускали въ Тибръ тѣла казненныхъ.

враги не хотятъ пропустить ни кусочка изъ этого зрѣлища.

Пользуясь толкотней, мы отправляемся дальше.

— Стой! Вы кто?

Я предъявляю свою трагичную квитанцію.

— Ладно! Проѣзжайте... Постойте!

— Что еще?

— Не хотите ли захватить и отвести на пунктъ раненаго солдата?

Хочу-ли я!

Мы теперь въ прекрасныхъ условіяхъ! Мы поддерживаемъ нашего линейца.

Я готовъ его обнять!

Онъ проситъ перевязать его.

Ахъ! Чортъ возьми!

— Не надо, не надо! Повязки, мой милый, не особенно-то помогаютъ.

Онъ настаиваетъ. Тѣмъ хуже: я такъ его перевяжу, что онъ навѣрно умретъ...

Въ концѣ концовъ, мы его разубѣдили. Но чего онъ хочетъ еще?

— Докторъ! Докторъ! Вонъ нашъ полковникъ и мой командиръ. Мнѣ бы очень хотѣлось попрощаться съ ними!

— Нѣтъ, нѣтъ! Вредно! Лишнія волненія, мой милый, вызываютъ лихорадку...

Теперь дѣла идутъ, какъ по маслу.

Каждый разъ, когда приходится пробираться мимо какого-нибудь мѣста, биткомъ набитаго солдатами, я заставляю нашего пѣхотинца разыгрывать роль ангела хранителя. Чувствуетъ онъ себя плохо... Лишь бы только дотянулъ до лазарета.

Какое несчастіе! Лошадь расковалась и захромала. Она не хочетъ идти дальше: устала.

— Вотъ увидите,—говоритъ кучеръ,—намъ таки придется напоить ее кровью!

Ну, теперь я пропалъ!

Вонъ стоитъ человѣкъ, наши взоры встрѣтились, и онъ узналъ меня, я это чувствую... Вѣдь это онъ хмурилъ брови, читая письмо Мишле въ защиту нашихъ друзей изъ Ла-Виллетъ, и, кажется, хотѣлъ раздѣлаться со всѣми осужденными?.. Теперь ему стоитъ сдѣлать только одинъ жестъ, и его палачи освѣжуютъ меня.

Однако еще, должно быть, не въ этотъ разъ.

Подумалъ ли онъ, что ошибся, взялъ-ли его ужасъ передъ доносомъ, но онъ повернулся и пошелъ прочь.

— Это господинъ Дюканъ,—говоритъ одинъ офицеръ, указывая на него.

Этотъ офицеръ, въ свою очередь, останавливается передо мной. Мое сердце готово выпрыгнуть изъ груди...

Но вотъ раздвинулся парусиновый верхъ нашей повозки, умирающій высунулъ свое безкровное лицо и размашистымъ движеніемъ протянулъ руку, бормоча:

— Позвольте, прежде чѣмъ подохнуть, пожать вамъ руку, господинъ офицеръ!

Онъ воскликнулъ: „ахъ!“ и снова упалъ назадъ. Его голова подскакивала на днѣ повозки.

— Бѣдный парень! Спасибо, докторъ!

Скорѣй! Погонять! О, что за несчастье! Но же! Но!

Нужно сдать нашъ трупъ: мы вваливаемся въ двери лазарета.

Директоръ во дворѣ... Онъ тотчасъ же призналъ меня.

Я направился къ нему.

— Вы собираетесь меня выдать?

— Я вамъ отвѣчу черезъ пять минутъ.

Эти пять минутъ показались мнѣ почти короткими. У меня едва хватило времени на то, чтобы разгладить свою рубашку, расправить воротникъ и причесаться пятернею. Столько надѣлать дѣлъ: привести въ порядокъ туалетъ, составить прощальную рѣчь, принять подобающую позу!

Директоръ снова появился и крикнулъ привратнику:

— Откройте ворота!

И онъ повернулся на каблукахъ, боясь не выдержать или не желая, чтобы я поблагодарилъ его хотя жестомъ.

Хромоногая кляча тронулась.

— Куда ѣхать?

— Улица Монпарнассъ.

Къ секретарю Сентъ Бови! Онъ спрячетъ, если удастся добраться до него.

На нашей клячѣ, которая хрипитъ, мы тянемся по переулкамъ, гдѣ я жилъ двадцать лѣтъ, гдѣ я проходилъ во вторникъ съ баталіономъ *Отца Дюшена*, гдѣ въ теченіе трехъ первыхъ дней недѣли видѣли только меня...

Наконецъ, храбрость кучера изсякла.

— Я хочу сохранить свою шкуру... Съ меня довольно! слѣзайте... прощайте!

Онъ расшевелилъ животное страшнымъ ударомъ хлыста и скрылся.

Куда мнѣ дѣться?

Постойте! Въ десяти шагахъ отсюда есть гостиница, гдѣ я когда-то жилъ; дорога къ ней пустынна по улицѣ Эперонъ и по переулку.

Уже пять дней, какъ кварталъ взятъ; красные штаны почти не попадаются.

Я взбираюсь по лѣстницѣ.

Въ квартирѣ содомъ.

— Да. я, капитанъ Летерріеръ, говорю вамъ, что вашъ Вентра издохъ, какъ послѣдній трусъ! Онъ валялся на землѣ, плакалъ, просилъ пощады! Я видѣлъ его

Я тихо стучу, открываетъ сама хозяйка.

— Это я. тише! Если вы меня выгоните, я погибъ...

— Входите, господинъ Вентра.

. . . . . .

XXXV.

Уже цѣлую недѣлю, въ глубинѣ своей дыры, я жду случая проскользнуть у нихъ между пальцевъ.

Вырвусь-ли я отъ нихъ?.. не думаю. Два раза я измѣнялъ себѣ. Сосѣди могли видѣть мою высовывавшуюся голову, блѣдную, какъ у утопленника.

Ну, что-жъ? Возьмутъ, такъ возьмутъ!

Я въ мирѣ съ самимъ собой.

Теперь я знаю, мнѣ пришлось много думать среди этой тишины, устремивъ взоръ на горизонтъ, на столбъ Сатори *)—пашу Голгоѳу, —я знаю, что звѣрства толпы—преступленія честныхъ людей, и я не безпокоюсь больше за свою память, закопченную въ дыму пожаровъ и запачканную запекшеюся кровью.

Время ее омоетъ, и имя мое останется выставленнымъ въ мастерской соціальныхъ волнъ, какъ имя работника, который не былъ лѣнтяемъ.

Я больше не питаю злобы: и на моей улицѣ былъ праздникъ.

Сколько другихъ ребятъ, какъ и я подвергавшихся побоямъ, сколько другихъ голодавшихъ баккалавровъ сошло въ могилу, не получивъ возмездія за свою юность.

*) Укрѣпленная возвышенность около Версаля, гдѣ разстрѣливали коммунаровъ.

Прим. пер.

Ты, ты собралъ свои лишенія и невзгоды и отдалъ свой взводъ въ распоряженіе возстанію, которое было великой федераціей героевъ-мучениковъ.

На что же жалуешься ты?

Это правда! Пусть явятся за мной, пусть солдаты заряжаютъ ружья: я готовъ.

. . . . . .

Я только что перешелъ пограничный ручей.

Я въ безопасности.

Они меня не сцапали... И я сумѣю еще разъ быть съ народомъ, если народъ снова выйдетъ на улицу и будетъ втянутъ въ битву.

Я смотрю на небо въ ту сторону, гдѣ чувствую Парижъ.

Оно синее съ красными тучами. Точно колоссальная блуза, залитая кровью.

КОНЕЦЪ.

* * *

Огромный городъ, жестокій городъ!
Я проклинаю твои темницы,
Дворцы и храмы, развратъ и голодъ,
Въ туманахъ сѣрыхъ дома-гробницы!
И весь твой обликъ сухой и лживый,
И наглыхъ улицъ покой надменный,
И души-камни, и камни-стѣны,
И бой на башнѣ часовъ тоскливый...
Я что-то слышу въ немъ роковое,
И задыхаюсь, и проклинаю—
За то, что сердце мое живое
Въ стѣнахъ гранитныхъ я убиваю!..

Г. Галина.

О причинѣ смерти.

Проф. Рихарда Гертвига *).

Переводъ съ нѣмецкаго В. С. Елпатьевскаго.

25 лѣтъ тому назадъ, въ собраніи естествоиспытателей въ Фрейбургѣ, выдающійся нѣмецкій зоологъ, проф. Вейсманъ, подвергъ обсужденію вопросъ, почему такъ различна нормальная продолжительность жизни у разныхъ организмовъ, другими словами, почему естественная смерть у однихъ организмовъ наступаетъ черезъ нѣсколько недѣль по рожденіи, у другихъ черезъ мѣсяцы, у третьихъ лишь черезъ сотни или даже тысячу лѣтъ,—смерть естественная, т. е. такая, которая обусловливается внутренними причинами, являющаяся результатомъ того, что организмъ исчерпалъ всѣ бывшія въ его распоряженіи возможности жизни. Въ понятіе естественной смерти не входятъ, конечно, всѣ тѣ разнообразные случаи смерти, причины которыхъ лежатъ внѣ самого организма, которыя являются для него случайными,—насильственныя убійства, смерть отъ болѣзней, отравленія и т. п.; она легче губитъ особей дряхлѣющихъ, слабыхъ, но не щадитъ и цвѣтущую юность.

Вейсманъ тщательно собралъ литературныя данныя о продолжительности жизни у различныхъ видовъ животныхъ. Эти данныя очень интересны. Они показываютъ, что размѣры тѣла животныхъ имѣютъ большое вліяніе на продолжительность ихъ жизни; мелкія животныя умираютъ раньше, чѣмъ крупныя; слонъ достигаетъ возраста въ 50—100 разъ большаго, нежели мышь Это и неудивительно. Для того, чтобы построить гигантское тѣло слона или кита, требуется, конечно, больше времени, чѣмъ

*) Публичная лекція, прочитанная въ Мюнхенѣ, 7 декабря 1906 г.

ля мыши. Однако, это не объясняетъ намъ различій. Почему, съ другой стороны, птица средней величины, какъ попугай, воронъ или хищная птица, достигаютъ возраста въ 3—4 раза большаго, нежели лошадь или быкъ, которые, вѣдь, далеко превосходятъ ихъ по вѣсу своего тѣла. Эти примѣры позволяютъ напередъ исключить еще одно объясненіе, именно, что продолжительность жизни обратно пропорціональна энергіи, съ какой протекаютъ жизненные процессы. Птицы, какъ это явствуетъ уже изъ болѣе высокой температуры ихъ тѣла, развиваютъ гораздо больше рабочей энергіи и потому подвергаются изнашиванію въ большей степени, чѣмъ млекопитающія.

Отбросивъ нѣкоторыя другія объясненія, Вейсманъ, крайній приверженецъ дарвиновой теоріи отбора, приходитъ въ результатѣ къ такому выводу: продолжительность жизни есть приспособленіе согласно принципу полезности, она опредѣляется борьбой за существованіе. Особи вида достигаютъ такого возраста, какой наиболѣе благопріятенъ для сохраненія вида. Цѣлесообразно, чтобы видъ слагался изъ сильныхъ особей, чтобы, слѣдовательно, дряхлѣющія, слабыя особи возможно скорѣе уступали мѣсто молодымъ и сильнымъ. Съ другой стороны, необходимо, чтобы родители оставались въ живыхъ до тѣхъ поръ, пока не народится достаточно потомства и пока оно не подростетъ до возможности существовать самостоятельно. Продолжительность жизни является, слѣдовательно компромиссомъ между двумя противоположными потребностями, она опредѣляется выраженіемъ поэта: «Мавръ выполнилъ свой долгъ, мавръ можетъ уйти».

Развивая свою мысль, Вейсманъ идетъ еще дальше. Не только моментъ наступленія смерти опредѣляется борьбой за существованіе, но и самое явленіе смерти есть слѣдствіе этого принципа, господствующаго надъ всѣмъ живымъ.

Мы подходимъ здѣсь къ проблемѣ, глубоко затронувшей не только естествознаніе, но и философію, и теологію—я напомню только ученіе о грѣхопаденіи. Мы ограничимся лишь естественно-научными разсужденіями и посмотримъ сначала, чѣмъ Вейсманъ обосновалъ свою идею.

«Смерть не есть результатъ чисто внутреннихъ, въ природѣ самой жизни лежащихъ причинъ, она есть цѣлесообразное приспособленіе, уступка внѣшнимъ условіямъ жизни, а не абсолютная необходимость, коренящаяся въ существѣ самой жизни»; чтобы это доказать, Вейсманъ оспариваетъ всякія попытки установить опредѣленныя физіологическія причины смерти, оспариваетъ, съ одной стороны, ученіе о томъ, что организмы умираютъ потому, что изнашиваются, подобно машинамъ, съ другой стороны, ученіе о томъ, что размноженіе имѣетъ вредное вліяніе на организмъ, приводитъ къ смерти, разрушая его тотчасъ же или же постепенно.

Важнѣйшимъ аргументомъ его является положеніе, что есть организмы, которые вообще не подвержены естественной смерти, хотя они и выполняютъ всѣ жизненныя функціи, двигаются, питаются, размножаются. Это—одноклѣточныя животныя, называемыя также Protozoa или первичныя животныя, наливочныя животныя прежнихъ зоологовъ—они размножаются дѣленіемъ. Животное а посредствомъ перетяжки дѣлится безъ остатка на два дочернихъ животныхъ b и c. b и c питаются, растутъ и дѣлятся въ свою очередь. Такимъ способомъ, говоритъ Вейсманъ, первичныя животныя размножались съ незапамятныхъ временъ, и такъ же будутъ они неограниченно размножаться и впредь. Хотя материнское животное и прекращаетъ при каждомъ дѣленіи свое индивидуальное существованіе, замѣняясь двумя новыми особями, но это происходитъ безъ умиранія жившихъ до этого частей; какъ выражается Вейсманъ, нѣтъ налицо трупа, неразрывно связаннаго съ понятіемъ смерти. Съ этой точки зрѣнія, Вейсманъ называетъ первичныхъ животныхъ безсмертными: ихъ, правда, можно убивать, но сами по себѣ они не умираютъ.

Совершенно иное представляетъ собою человѣкъ и остальныя животныя, тѣло которыхъ составлено изъ тысячъ или милліоновъ и милліардовъ клѣтокъ. Эти клѣтки потеряли присущее простѣйшимъ безсмертіе, раньше или позже онѣ погибаютъ и образуютъ трупъ умершаго животнаго. Жребій смерти минуетъ лишь немногія клѣтки; это суть половыя клѣтки, такія клѣтки, которыя осуществляютъ размноженіе и благодаря которымъ видъ продолжаетъ жить и дѣтяхъ послѣ смерти родителей. Чтобы рѣзче отграничить это основное различіе двухъ сортовъ клѣтокъ, клѣтки, подверженныя смерти, Вейсманъ называетъ тѣломъ въ узкомъ смыслѣ слова или «сома», и говоритъ поэтому о соматическихъ клѣткахъ. Соматическія клѣтки, это такія клѣтки, которыя выполняютъ обычныя жизненныя функціи, у человѣка это мускульныя клѣтки, нервныя и железистыя, клѣтки хряща и кости и т. д. Клѣтки же размноженія, это—женскіе элементы, яйца и мужскіе элементы, сѣменныя нити. Ради простоты мы оставимъ въ сторонѣ различіе между женскими и мужскими элементами и будемъ говорить дальше просто о клѣткахъ размноженія. Этимъ мы выдѣляемъ изъ нашего разсмотрѣнія проблему оплодотворенія; и это тѣмъ болѣе можно сдѣлать, что въ природѣ довольно часто встрѣчаются случаи, когда яйца развиваются безъ оплодотворенія, партеногенетически.

Половыя клѣтки безсмертны, подобно простѣйшимъ животнымъ. Правда, при смерти содержащей ихъ особи онѣ погибаютъ, но это только потому, что онѣ лишаются при этомъ необходимыхъ условій существованія. Попавъ же въ условія, благопріятствующія ихъ развитію, онѣ, напротивъ того, начинаютъ дѣ-

литься на 2, 4, 8, въ концѣ концовъ на сотни и тысячи клѣтокъ. Такъ возникаетъ организмъ, въ которомъ раньше или позже, смотря по виду, опять обнаруживается различіе между соматическими клѣтками и клѣтками размноженія. Процессъ этотъ постоянно повторяется, особи умираютъ, клѣтки размноженія сохраняются, и поколѣніе слѣдуетъ за поколѣніемъ. Звеномъ, соединяющимъ два слѣдующія другъ за другомъ поколѣнія, являются клѣтки размноженія, съ незапамятныхъ временъ происходящія другъ отъ друга путемъ дѣленія.

Вотъ въ возможно краткой формѣ основныя черты ученія Вейсмана о смерти. Ихъ можно суммировать въ трехъ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Всѣ одноклѣточныя животныя безсмертны.

2. Клѣтки размноженія многоклѣточныхъ животныхъ сохранили это безсмертіе.

3. Для всѣхъ многоклѣточныхъ животныхъ смерть—явленіе совершенно новое, ни въ какой связи съ процессами у простѣйшихъ не стоящее, и въ то же время въ высшей степени цѣлесообразное приспособленіе для сохраненія вида.

Обсудимъ отдѣльно каждое изъ этихъ положеній и начнемъ съ безсмертія простѣйшихъ.

Когда Вейсманъ писалъ свои полныя глубокихъ мыслей работы о жизни и смерти и о продолжительности жизни, наши свѣдѣнія о простѣйшихъ были еще очень недостаточны; правда, знали хорошо ихъ строеніе, знали многое и объ ихъ жизненныхъ процессахъ, но ни для одного вида не былъ изслѣдованъ полный циклъ жизни, какъ онъ установленъ теперь кропотливыми изслѣдованіями, продолжающимися мѣсяцы и годы. Такихъ изслѣдованій произведено теперь много, мы обязаны ими французскимъ и американскимъ ученымъ; я самъ въ теченіе послѣднихъ 18 лѣтъ провелъ много культуръ. И всѣ мы пришли къ результатамъ, совершенно противоположнымъ воззрѣніямъ Вейсмана.

Я опишу сначала ходъ такой культуры и возьму для примѣра одну инфузорію, которую легко доставать и легко разводить, Paramaecium. Эта инфузорія живетъ въ гніющихъ жидкостяхъ, питаясь гнилостными бактеріями; она достаточно велика, чтобы ее можно было разсмотрѣть невооруженнымъ глазомъ, когда она ловко плаваетъ въ водѣ при помощи быстро движущихся рѣсничекъ. При средней комнатной температурѣ животное дѣлится въ среднемъ одинъ разъ въ сутки. Если начать культуру съ 4 животными, то уже на четырнадцатый день пришлось бы кормить и считать, чтобы имѣть точныя данныя о способности размноженія, 32,768 особей. Это невыполнимо. Нужно поэтому ограничивать число животныхъ до нѣсколькихъ экземпляровъ, убивая остальныхъ. Ходъ такой точно проведенной культуры приводитъ къ выводу, что ско-

рость размноженія, опредѣленная нами въ среднемъ, какъ одно дѣленіе въ сутки, не остается одинаковой даже при постоянныхъ температурахъ, но что періоды усиленнаго дѣленія чередуются съ періодами пониженной дѣятельности въ этомъ отношеніи. Бываетъ, что животныя на нѣсколько дней или недѣль совершенно лишаются способности дѣленія. Въ это время они совершенно не принимаютъ пищи, лежатъ неподвижно на днѣ сосуда; ясно замѣтно, слѣдовательно, сильное пониженіе жизненной энергіи. Такое состояніе животныхъ мы будемъ называть депрессіей; животныя въ концѣ концовъ преодолѣваютъ ее, и принятіе пищи и дѣленія начинаются снова. Чѣмъ дольше длится культура, тѣмъ чаще повторяются депрессіи, и тѣмъ дольше онѣ продолжаются. У многихъ особей пониженіе жизнедѣятельности переходитъ въ смерть, и, наконецъ, при наступленіи особенно сильной депрессіи культура вымираетъ совершенно, несмотря на самый заботливый уходъ.

Нѣкоторые опыты позволяютъ предположить, что ходъ культуры можетъ быть измѣненъ въ благопріятномъ смыслѣ путемъ внѣшнихъ вліяній, что такимъ путемъ можно спасти животныхъ, которыя умерли бы, будучи предоставлены самимъ себѣ безъ этихъ вліяній. Какъ средства такого рода, были испробованы механическіе толчки, перемѣна температуры, дѣйствіе химическихъ веществъ, перемѣна пищи и т. д. Какъ ни несовершенны эти опыты въ настоящее время, я не хотѣлъ бы оставлять ихъ безъ упоминанія, потому что убѣжденъ, что, методически проведенные, они будутъ имѣть въ будущемъ большое значеніе для практической медицины. Существуютъ нѣкоторые основные законы, общіе для всѣхъ клѣтокъ, будутъ ли то одноклѣточные организмы или клѣтки тканей многоклѣточныхъ животныхъ. Особенныя свойства клѣтокъ организма, большая или меньшая ихъ жизненная сила, составляютъ то, что называется конституціей многоклѣточнаго организма. Удастся намъ попытка воздѣйствовать на жизненную энергію простѣйшихъ путемъ внѣшнихъ вліяній и научно объяснить себѣ ихъ дѣйствіе, тогда и ученіе о воздѣйствіи въ желательномъ смыслѣ на конституцію высшихъ животныхъ будетъ поставлено на научную почву.

Вернемся къ нашимъ культурамъ и зададимъ себѣ вопросъ, какіе внутренніе процессы лежатъ въ основѣ столь рѣзкой смѣны жизненныхъ явленій. Я долженъ здѣсь сдѣлать нѣкоторое отступленіе и начать съ основного опыта, имѣющаго первостепенное значеніе для нашихъ дальнѣйшихъ разсужденій. Какъ клѣтка, такъ и простѣйшія, съ формальной стороны представляющія собою тоже клѣтку, слагаются изъ двухъ частей: изъ клѣточнаго вещества или протоплазмы и лежащаго въ протоплазмѣ, тоже организованнаго тѣла, клѣточнаго ядра. Какія функціи выполняетъ протоплазма,

узнать не трудно; она образуетъ у амёбъ ложноножки или псевдоподіи, у другихъ простѣйшихъ, у инфузорій, жгутики и рѣснички, — все это органы передвиженія и ощущенія; она принимаетъ пищу и переваритъ ее, строитъ скелеты и домики, когда они свойственны данному виду, и производитъ различныя приспособленія, напоминающія органы высшихъ животныхъ. А какую роль играетъ ядро? Чтобы опредѣлить его назначеніе, разрѣжемъ какое-нибудь простѣйшее животное, напр., амёбу, на двѣ половинки, одну съ ядромъ и другую безъ ядра. Сначала и та, и другая остаются живыми и продолжаютъ ползать. Половинка съ ядромъ переваритъ заключенную въ ней пищу, приметъ новую пищу, растетъ и вскорѣ возстановляетъ утраченное вещество. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ безъядерной половинкой, она выбрасываетъ всю находящуюся въ ней пищу, потому что не можетъ больше переваривать; она теряетъ и способность принимать новую пищу, теряетъ и способность вырабатывать клейкое вещество, съ помощью котораго амёбы прикрѣпляются къ субстрату: всякая организующая сила изъ нея исчезла, и она погибаетъ отъ голода. Повторяя опыты на другихъ, болѣе сложно построенныхъ простѣйшихъ, мы придемъ къ тому же результату: для питанія, роста и всѣхъ организующихъ процессовъ протоплазма нуждается въ содѣйствіи ядра; всѣ названные процессы предполагаютъ обмѣнъ веществъ между ядромъ и протоплазмой. Въ связи съ этимъ, между ядромъ и протоплазмой наблюдается опредѣленное соотношеніе ихъ массъ; среднее состояніе этого соотношенія мы назовемъ нормальнымъ соотношеніемъ ядра и плазмы.

Изслѣдуя теперь паразитовъ изъ различныхъ стадій нашей культуры, мы найдемъ, что въ періоды депрессій соотношеніе ядра и плазмы измѣнено, ядро сильно увеличено, при сильныхъ депрессіяхъ увеличено настолько, что занимаетъ большую часть клѣтки. Для того, чтобы депрессія прекратилась, и животныя пробудились къ новой жизни, нужно, чтобы ядро уменьшилось, часть его растворилась; для облегченія послѣдняго процесса, ядро сначала распадается на мелкіе куски. Слѣдовательно, чтобы остаться жизнеспособными, инфузоріи должны разрушить нѣкоторыя части, вредящія функціямъ. Здѣсь мы встрѣчаемся впервые съ явленіемъ, что отдѣльныя части должны погибнуть, чтобы могло жить цѣлое. Это первые зачатки явленія, которое будетъ чрезвычайно важно для насъ въ дальнѣйшемъ, и которое мы назовемъ *частичной смертью клѣтки*. Если инфузорія слишкомъ слаба для того, чтобы провести до конца описанный процессъ обновленія, смерть распространяется постепенно и на все ея тѣло. Смерть части становится смертью цѣлаго.

Аналогичный циклъ жизни я опишу въ возможно краткой формѣ и для одного изъ нашихъ красивѣйшихъ прѣсноводныхъ простѣй-

шихъ, для солнечника, Actinosphaerium Eichhorni. Его называютъ такъ за его шарообразное тѣло, отъ котораго ложноножки отходятъ, подобно солнечнымъ лучамъ. При долговременной культурѣ и въ этомъ случаѣ періоды прогрессирующаго развитія чередуются съ періодами депрессіи. Недѣлями кишитъ акваріумъ сотнями этихъ туго набитыхъ пищевыми вакуолями животныхъ, несмотря на всѣ попытки ограничить ихъ число путемъ умерщвленія излишнихъ, затѣмъ наступаютъ дни, когда, несмотря на изобиліе пищевого матеріала, пищевыхъ вакуолей въ нихъ совсѣмъ не замѣтно; многія умираютъ, немногія переживаютъ періодъ депрессіи; послѣднія затѣмъ опять начинаютъ усиленно питаться и дѣлиться, такъ что вскорѣ культура опять находится въ полномъ расцвѣтѣ. Такія депрессіи повторяются все чаще и чаще, и, наконецъ, одна изъ нихъ принимаетъ столь тяжелый характеръ, что вся культура вымираетъ.

Actinosphaerium имѣетъ много мелкихъ ядеръ. Въ періодѣ депрессій они увеличиваются лишь весьма слабо, за то число ихъ возрастаетъ колоссально.

Чтобы помѣшать этому разростанію, множество ядеръ разрушается, и остатки ихъ выталкиваются изъ организма. Такимъ путемъ животное опять дѣлается жизнеспособнымъ. Но постепенно наступаетъ такое состояніе, что, хотя ядерное вещество и увеличивается, сами ядра дѣлиться уже не могутъ; тогда часть ихъ растворяется, остальныя же гигантски разростаются. При этомъ процессѣ могутъ получиться ядра, въ три тысячи разъ превышающія по объему нормальныя. Такихъ крупноядерныхъ Actinosphaeria можно отличить и въ живомъ состояніи. Ихъ можно посадить въ здоровыя культуры, и животныя здоровой культуры продолжаютъ оставаться здоровыми; ясно, что эти и обычныя явленія не суть слѣдствія какой нибудь инфекціонной болѣзни.

Опытъ культуръ простѣйшихъ ставитъ насъ въ большое затрудненіе. Онъ учитъ насъ, что простѣйшія, поставленныя въ неизмѣнно благопріятныя условія питанія, въ концѣ концовъ погибаютъ. Непрерывное выполненіе жизненныхъ функцій производитъ столь сильное нарушеніе равновѣсія частей клѣтки, что въ результатѣ получается длительная пріостановка жизненныхъ функцій, а это и есть смерть. Но съ этимъ опытомъ стоитъ въ противорѣчіи тотъ фактъ, что Paramaecium и Actinosphaerium ежегодно тысячами появляются въ нашихъ лужахъ. Оба эти вида были описаны впервые 150 лѣтъ тому назадъ. Такъ какъ мы не знаемъ для нихъ никакого другого способа размноженія, кромѣ какъ дѣленіемъ, наши современныя формы должны были развиться путемъ дѣленія изъ тѣхъ, которыя жили нѣсколько столѣтій тому назадъ. Это должно было бы принудить насъ принять ученіе Вейсмана о безсмертіи.

Разгадку даетъ различіе условій существованія въ природѣ и въ нашихъ культурахъ. Нѣсколько цифръ поясняетъ это. Въ одной изъ наиболѣе удавшихся культуръ американцу Калкинсу посчастливилось довести Paramaecium до 742-го поколѣнія. Имѣй изслѣдователь возможность оставлять жить всѣ особи, число ихъ выразилось бы 224-значной цифрой. Хотя каждая Paramaecium имѣетъ объемъ только въ $^1/_{10000}$ кубическаго миллиметра, это колоссальное число животныхъ представляло бы такой объемъ, по сравненію съ которымъ объемъ нашей земли былъ бы совершенно ничтожнымъ. Одно это говоритъ уже за то, что въ природѣ не можетъ происходить что-либо подобное тому, что мы получаемъ въ культурахъ. Однако, паразитическія простѣйшія, въ особенности паразиты крови, приближаются, повидимому, въ этомъ отношеніи къ искусственнымъ условіямъ существованія нашихъ культуръ: потому что въ этомъ случаѣ хозяинъ, уже въ своихъ собственныхъ интересахъ, старается путемъ постояннаго новообразованія кровяныхъ тѣлецъ доставлять паразиту все новую и новую пищу. Этимъ онъ даетъ послѣднему возможность на одномъ и томъ же мѣстѣ произвести цѣлый рядъ непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній. Извѣстно, что пользующаяся такой дурной славой малярія перемежающаяся лихорадка, вызывается такими одноклѣточными паразитами крови, размножающимися въ невѣроятномъ количествѣ. Бываютъ случаи, что малярія излѣчивается сама собой, потому что всѣ паразиты умираютъ; но бываютъ и такіе случаи, что излѣченіе оказывается только мнимымъ, и болѣзнь вспыхиваетъ снова безъ вторичнаго зараженія. Въ медицинѣ такое явленіе называется рецидивомъ малярія. Оно возможно только потому, что паразиты долгое время прозябали и постепенно снова пріобрѣтали силу размножаться. Все это чрезвычайно напоминаетъ депрессіи, о которыхъ была рѣчь выше, у свободноживущихъ простѣйшихъ, депрессіи, во время которыхъ они вымираютъ или *совершенно*, или только нѣсколько особей остается въ живыхъ. Сходство съ явленіями депрессіи еще усиливается, благодаря тому способу, какимъ осуществляется возвращеніе къ новой дѣятельности. Наблюденіе установило, что части ядра, сдѣлавшіяся ненужными, выбрасываются изъ тѣла, какъ и въ нашихъ культурахъ простѣйшихъ. Нужно, однако, считаться и съ тѣмъ, что вымираніе возбудителей болѣзни можетъ быть обусловлено и такъ называемыми антивеществами, выработанными больнымъ организмомъ защитительными веществами. Вѣроятно, въ данныхъ явленіяхъ имѣютъ значеніе оба эти момента.

Чтобы простѣйшія размножались непрерывно въ теченіе мѣсяцевъ, такого случая въ свободной природѣ, въ нашихъ лужахъ и прудахъ, быть не можетъ. Гораздо раньше измѣняются совершенно температурныя условія и условія питанія. Размножающіяся

животныя, хотя ихъ и уничтожаютъ ихъ враги, истребляютъ имѣющійся налицо пищевой матеріалъ. Наступаетъ голодъ, или же температура воды понижается. И то, и другое вызываетъ новые процессы, ведущіе къ обновленію дряхлѣющихъ животныхъ. Эти процессы, широко распространенные у простѣйшихъ, суть энцистированіе и конъюгація; послѣдняя представляетъ собою процессъ идентичный съ оплодотвореніемъ у многоклѣточныхъ животныхъ. Я опишу сначала эти процессы, а затѣмъ выясню, какія измѣненія вносятъ они въ жизнь простѣйшихъ, и какое значеніе они имѣютъ для нашей проблемы.

Подъ *энцистированіемъ* мы разумѣемъ слѣдующее явленіе. Животныя стягиваются въ шаръ, одѣваются прочной оболочкой, защищающей ихъ отъ высыханія; въ этомъ видѣ попавшія на на землю животныя могутъ быть переносимы вѣтромъ. Попавъ зачѣмъ опять въ воду, они начинаютъ проростать, т. е. выползаютъ изъ цисты и начинаютъ новую жизнь.

Процессы оплодотворенія у простѣйшихъ безконечно разнообразны, такъ что я долженъ ограничиться лишь краткимъ ихъ обзоромъ. Общимъ для всѣхъ нихъ является то, что два животныхъ соединяются, и что затѣмъ ихъ ядра сливаются другъ съ другомъ, совершенно такъ же, какъ это происходитъ при оплодотвореніи у многоклѣточныхъ животныхъ, гдѣ сливаются, хотя и не сами животныя, но ихъ половыя клѣтки, яйца и сперматозоиды, тѣло съ тѣломъ, ядро съ ядромъ. У простѣйшихъ могутъ сливаться другъ съ другомъ совершенно одинаковыя клѣтки, такъ что на этихъ первыхъ ступеняхъ оплодотворенія различіе между мужскимъ и женскимъ совершенно не проявляется. Но можетъ также быть налицо и ясно выраженная половая дифференцировка, когда мелкіе, чрезвычайно подвижные элементы, похожіе на сѣменныя нити, оплодотворяютъ болѣе крупныхъ животныхъ, которыхъ надо уподобить яйцамъ.

Энцистированіе и оплодотвореніе оказываютъ на организмъ сходное дѣйствіе и потому часто комбинируются. Въ интересахъ краткости я остановлюсь на такихъ комбинированныхъ случаяхъ.

При энцистированіи Actinosphaerium умираетъ и растворяется 95% ядеръ; остающіеся пять процентовъ идутъ на построеніе оплодотворяющихъ тѣлецъ. Но и въ послѣднихъ три четверти ядернаго вещества разрушаются. Эти почти 99 процентовъ ядернаго вещества представляютъ объемистый трупъ, но только мы его не замѣчаемъ, потому что мертвое постепенное поглощается той частью, которая осталась въ живыхъ.

Еще яснѣе выступаетъ предъ нами частичная смерть у интересныхъ паразитическихъ простѣйшихъ, грегаринъ. Въ цѣляхъ послѣдующаго оплодотворенія здѣсь энцистируются вмѣстѣ по два животныхъ. Въ каждомъ животномъ происходитъ раздѣленіе на

отмирающую часть и на часть, остающуюся въ живыхъ. Послѣдняя производитъ тѣльца, служащія для оплодотворенія, первая же отстаетъ въ развитіи и превращается въ мертвую массу. Въ заключеніе я приведу еще третій примѣръ, въ которомъ есть два пункта, заслуживающіе особаго вниманія. Во-первыхъ, различіе между отмирающими частями и частями, служащими для дальнѣйшаго развитія, подготовляется въ этомъ случаѣ задолго; во-вторыхъ, физіологическій характеръ отмирающей части даетъ намъ указаніе на то, что можетъ быть причиной частичной смерти. Этотъ третій примѣръ—оплодотвореніе у Paramaecium, у того самаго вида, который послужилъ намъ матеріаломъ для культуръ.

Разсказывая объ измѣненіяхъ у Paramaecium, появляющихся въ ходѣ культуры, я говорилъ всегда только о томъ ядрѣ, которое называется главнымъ ядромъ или макронуклеусомъ. Такъ какъ это ядро обнаруживаетъ измѣненія въ различныхъ состояніяхъ депрессіи и реорганизаціи, то можно сказать съ увѣренностью, что оно именно и участвуетъ въ процессахъ обмѣна веществъ у Paramaecium. Мы можемъ назвать его поэтому функціонирующимъ ядромъ. Рядомъ съ главнымъ лежитъ ядро помельче, добавочное ядро или микронуклеусъ; это ядро тоже принимаетъ участіе въ дѣленіяхъ инфузоріи, въ остальныхъ же случаяхъ играетъ весьма индифферентную роль. Наблюдая конъюгацію, мы приходимъ къ заключенію, что функціонирующее или главное ядро погибаетъ совершенно; оно распадается на куски, которые мало по малу совершенно растворяются. Оплодотвореніе же совершается исключительно при помощи болѣе малаго ядра, которое мы называемъ поэтому половымъ ядромъ. Я не стану описывать здѣсь оплодотворенія, поэтому что это слишкомъ сложное явленіе. Достаточно сказать, что оплодотворенное половое ядро дѣлится и даетъ два ядра, изъ которыхъ одно становится опять половымъ ядромъ, другое же превращается въ функціонирующее ядро. Слѣдовательно, при оплодотвореніи функціонирующее ядро инфузоріи уничтожается и замѣняется новымъ. Мы можемъ, поэтому, къ нашимъ даннымъ о частичной смерти клѣтки прибавить еще слѣдующее положеніе: части клѣтки, подлежащія смерти, суть функціонирующія части.

Это даетъ намъ ключъ къ пониманію различія между нашими искусственными культурами и ходомъ жизненныхъ явленій въ природѣ. Оставляя культуру все время въ благопріятныхъ условіяхъ, мы тѣмъ самымъ исключили энцистированіе и оплодотвореніе и лишили организмъ важнѣйшаго средства реорганизаціи. И такимъ то путемъ возникло то временное исправленіе ядра, которое я вамъ описалъ въ періоды депрессій—мелочная починка въ сравненіи съ радикальнымъ средствомъ природы, создающей совершенно новое ядро.

Теперь, зная точно явленіе частичной смерти у простѣйшихъ, намъ не трудно будетъ отвѣтить и на второй вопросъ: *какъ обстоитъ дѣло съ безсмертіемъ половыхъ клѣтокъ у многоклѣточныхъ животныхъ?*

Вейсманъ высказалъ идею, и вначалѣ и я примкнулъ къ ней, что клѣтки размноженія теперь живущихъ и клѣтки размноженія животныхъ прежнихъ вѣковъ представляютъ непрерывную цѣпь, въ которой каждое звено возникло изъ предыдущаго звена путемъ дѣленія, такъ что генезисъ половыхъ клѣтокъ мы можемъ представлять себѣ, какъ непрерывный, продолжающійся съ незапамятныхъ временъ рядъ клѣточныхъ дѣленій. Но выяснимъ себѣ теперь нѣсколько точнѣе тѣ условія, въ какихъ находятся половыя клѣтки. Начнемъ съ того момента, когда въ зародышѣ становится видимымъ зачатокъ половыхъ органовъ въ видѣ *одной* клѣтки или въ видѣ группы клѣтокъ. Мы называемъ эти клѣтки первичными яйцами. Онѣ размножаются послѣдовательными дѣленіями, тѣмъ оживленнѣе, тѣмъ выше плодовитость вида. За періодомъ размноженія первичныхъ яицъ слѣдуетъ всегда періодъ роста. Дѣленія первичныхъ яицъ прекращаются; но не прекращается пріемъ пищи, результатомъ чего является то, что яйцо начинаетъ непормально расти, растетъ какъ тѣло его, такъ и ядро. И то, и другое достигаетъ гигантскихъ для клѣтки размѣровъ. Въ концѣ концовъ прекращается и ростъ.

Весь этотъ процессъ весьма походитъ на явленія депрессіи у простѣйшихъ: сходство простирается и на дальнѣйшее его теченіе. Онъ ведетъ или къ гибели, или къ реорганизаціи клѣтки. Въ послѣднемъ случаѣ гигантское ядро погибаетъ за исключеніемъ небольшого остатка, образующаго новое ядро. Какъ велико различіе между обоими ядрами, какъ много ядернаго вещества подвергается частичной смерти, показываетъ сопоставленіе незрѣлаго и зрѣлаго яицъ. Только зрѣлое яйцо обладаетъ способностью дальнѣйшаго развитія, будетъ ли этому предшествовать оплодотвореніе, или же оно будетъ развиваться по собственному побужденію, партеногенетически.—Для яйца, которое должно доставить матеріалъ для развитія организма и потому должно быть большимъ, періодъ роста легко бы объяснить, какъ цѣлесообразное приспособленіе; но онъ имѣется въ принципіально сходной формѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что ростъ незначителенъ и во время развитія сѣменныхъ нитей, этихъ мельчайшихъ элементовъ животнаго тѣла; слѣдовательно, онъ долженъ имѣть болѣе глубокую причину въ законахъ роста клѣтки, и такую причину я усматриваю въ необходимости послѣ продолжительнаго ряда дѣленій реорганизовать клѣтку путемъ частичной смерти.

Обращаясь теперь къ послѣдней части нашей задачи, къ выя-

сненію *проблемы смерти для клѣтокъ организма, несущихъ жизненныя функціи*, т. е. для той части тѣла, которую Вейсманъ называетъ тѣломъ въ узкомъ смыслѣ слова, «сома», и которая, по его воззрѣнію, одна только и подлежитъ смерти, мы попадаемъ въ трудное положеніе, трудное прежде всего въ отношеніи неполноты нашихъ знаній. Точнаго знанія хода жизненныхъ явленій, какое мы пріобрѣли въ послѣднія десятилѣтія въ отношеніи простѣйшихъ, мы не имѣемъ еще ни для какого многоклѣточнаго животнаго, ни для какого высшаго растенія; изслѣдованія наталкиваются тутъ на большія трудности, тѣмъ большія, чѣмъ выше организація организма. Для многихъ группъ животныхъ мы даже не имѣемъ никакихъ данныхъ.

Во-вторыхъ, трудно въ то ограниченное время, какое я имѣю въ своемъ распоряженіи, дать хотя бы сжатое изображеніе огромнаго разнообразія формъ организаціи, образующихъ прямо неисчерпаемый рядъ промежуточныхъ ступеней между наиболѣе простыми многоклѣточными животными, губками и полипами, вплоть до человѣка включительно. Я попробую обойти эту трудность, взявъ лишь начало и конецъ этого ряда.

Въ началѣ ряда мы должны поставить губокъ, полиповъ, кораллы, многихъ червей и большинство высшихъ растеній; въ жизненныхъ явленіяхъ своихъ клѣтокъ они обнаруживаютъ большое сходство съ простѣйшими и, подобно послѣднимъ, обладаютъ почти безграничной, повидимому, способностью размноженія своихъ клѣтокъ. Этой способностью они пользуются для такъ называемаго *вегетативнаго размноженія*. Путемъ мѣстныхъ клѣточныхъ разрощеній образуетъ напр. пресноводный полипъ почки, которыя отрываются и въ свою очередь производятъ новыя почки. У морскихъ полиповъ почки остаются въ соединеніи съ материнскимъ животнымъ и образуютъ колоніи. Путемъ послѣдовательнаго почкованія коралловые полипы получаютъ возможность создавать мощные рифы, которыхъ такъ боятся мореплаватели. Подобнымъ же образомъ, путемъ послѣдовательныхъ клѣточныхъ дѣленій, многія растенія производятъ вѣтвь за вѣтвью и вырастаютъ въ деревья. Такъ возникаютъ тысячелѣтніе великаны адансоніи, производящія такое впечатлѣніе, будто онѣ созданы для вѣчности. Дѣйствительно, до сихъ поръ нѣтъ никакого указанія на то, что подобныя деревья умираютъ по внутреннимъ причинамъ и, слѣдовательно, подлежатъ естественной смерти, въ смыслѣ Вейсмана. Если онѣ погибаютъ въ этомъ повинны, очевидно, внѣшнія причины: паразиты, разрушающіе ихъ тѣло, бури, для которыхъ ихъ мощный стволъ представляетъ слишкомъ большую поверхность упора. Во многихъ случаяхъ эти вредныя внѣшнія вліянія можно исключить и дать возможность растенію жить дальше въ ограниченномъ пространствѣ, подъ защитой отъ паразитовъ, напр., если взялись у растенія

ствѣдки или подземныя части, какъ клубни, луковицы, и предоставить имъ развиваться дальше. Простой человѣкъ увидитъ, правда, въ этомъ появленіе новыхъ растеній: въ дѣйствительности же мы только поставили части тѣла стараго растенія въ новыя благопріятныя условія для роста. Это вовсе не новыя растенія въ томъ смыслѣ, какъ растенія, выгнанныя изъ сѣмени. По господствующему среди ботаниковъ воззрѣнію, указанные вегетативные способы размноженія, какъ у простѣйшихъ дѣленій, могутъ имѣть цѣлью постоянное распространеніе и сохраненіе вида... Что касается низшихъ многоклѣточныхъ животныхъ, то зоологи въ этомъ сомнѣваются. Если культивировать прѣсноводныхъ полиповъ продолжительное время, то, совершенно подобно тому, какъ у простѣйшихъ, наступаютъ временныя депрессіи, выйти изъ которыхъ они могутъ только путемъ реорганизаціи своихъ клѣтокъ. Какъ кажется, такое состояніе всегда даетъ толчокъ къ половому размноженію. Однако обо всемъ этомъ мы знаемъ еще слишкомъ мало. Вегетативное размноженіе низшихъ животныхъ не имѣетъ того большого практическаго интереса, какой представляетъ для садоводовъ вегетативное размноженіе растеній. Ограничимся поэтому въ дальнѣйшихъ нашихъ разсужденіяхъ растеніями.

Можетъ, пожалуй, показаться на основаніи того, что я сказалъ господствующемъ среди ботаниковъ воззрѣніи, что ученіе Вейсмана о безсмертіи, противъ котораго я привелъ доказательства, поскольку оно касается простѣйшихъ, находитъ себѣ теперь неожиданное подтвержденіе для большинства многоклѣточныхъ растеній и животныхъ. Такое заключеніе было бы преждевременнымъ. Если бы одного вегетативнаго размноженія, этого непрерывнаго дѣленія соматическихъ клѣтокъ, было достаточно для того, чтобы на всѣ времена обезпечить существованіе вида отъ вымиранія, къ чему тогда половое размноженіе, столь распространенное на ряду съ вегетативнымъ у всѣхъ растеній и низшихъ животныхъ? Еще важнѣе второе возраженіе. Присматриваясь ближе къ вегетативному размноженію, мы и здѣсь встрѣчаемъ слѣды смерти, и опять таки въ той же формѣ, какъ и у простѣйшихъ, въ формѣ частичной смерти. Совершенно ясно выступаетъ предъ нами эта смерть у растеній. Наши растенія при наступленіи зимы сбрасываютъ носителей важнѣйшей функціи — листья, даже если держать ихъ въ теплицѣ; все растеніе впадаетъ въ состояніе покоя, пріостановки жизненныхъ функцій, и пробуждается изъ этого состоянія лишь черезъ долгій промежутокъ времени. Правда, есть и вѣчнозеленыя растенія,—большинство тропическихъ растеній и хвойныя; но и въ этомъ случаѣ постоянство листьевъ и иголъ явленіе лишь кажущееся, потому что они опадаютъ, но незамѣтно, и замѣняются новыми. Еще яснѣе выступаетъ частичная смерть у растеній,

размножающихся посредствомъ луковицъ и клубней, такъ какъ здѣсь погибаетъ значительная часть растенія, вся надземная его часть. Итакъ, смерть неизмѣнно расширяетъ свои владѣнія у многоклѣточныхъ растеній и животныхъ, и уже не части клѣтки только, но цѣлыя клѣтки и группы клѣтокъ заражаются смертью отъ выполненія жизненныхъ функцій.

Обращаюсь теперь къ другому концу лѣстницы, къ высшимъ животнымъ, къ членистымъ животнымъ, мягкотѣлымъ и позвоночнымъ, къ такимъ животнымъ, относительно которыхъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что они подвержены естественной смерти и что у нихъ смерть захватываетъ организмъ во всѣхъ его частяхъ въ сравнительно короткое время. Предъ нами встаетъ вопросъ, какими факторами обусловливается такое различіе, какія измѣненія произошли въ жизненномъ процессѣ, что онъ можетъ быть задутъ, какъ свѣча, или, правильно говоря, самъ потухаетъ въ короткій промежутокъ времени.

Я дамъ сначала краткій очеркъ цикла жизни высшаго животнаго и возьму для этого человѣка. Человѣкъ развивается изъ яйца, діаметръ котораго не достигаетъ и $^{2}/_{10}$ миллиметра и объемъ котораго будетъ, поэтому, равенъ приблизительно $^{4}/_{1000}$ куб. миллиметра. Къ моменту рожденія человѣкъ представляетъ тѣло, объемъ котораго имѣетъ въ среднемъ 3—4 милліона куб. миллиметровъ. Слѣдовательно, за девять мѣсяцевъ утробной жизни его живое вещество увеличилось въ отношеніи 1 : 1 милліарду. Приблизительно въ 20 лѣтъ человѣкъ становится взрослымъ; допустимъ, что въ это время вѣсъ его равенъ 130 фунтамъ.—тѣло его съ рожденія увеличилось, слѣдовательно, въ отношеніи 1 : 16. Ростъ живого тѣла зависитъ въ конечномъ счетѣ отъ дѣленія его клѣтокъ. Изъ различія въ ростѣ мы можемъ, поэтому, сдѣлать заключеніе о различной интенсивности дѣленій. Здѣсь мы наталкиваемся на огромное различіе въ эмбріональной и постэмбріональной жизни. Въ эмбріональной жизни—интенсивность дѣленія, иллюстрируемая отношеніемъ 1 : 1 милліарду на пространствѣ 9 мѣсяцевъ, въ постэмбріональной—интенсивность съ отношеніемъ 1 : 16, среднимъ на протяженіи 20 лѣтъ. Выдѣляя меньшіе періоды изъ эмбріональной жизни или же изъ постэмбріональнаго періода роста и сравнивая ихъ съ болѣе ранними или болѣе поздними періодами, мы всегда получаемъ одинъ и тотъ же результатъ, а именно, что болѣе ранніе періоды обладаютъ болѣе энергичной дѣятельностью сравнительно съ болѣе поздними.

Итакъ, общій выводъ слѣдующій: энергія дѣленія наиболѣе высока вскорѣ послѣ оплодотворенія, съ того времени она все болѣе и болѣе падаетъ, сначала медленно, впослѣдствіи же быстро, пока съ окончаніемъ роста не остановится въ главныхъ чертахъ и размноженіе клѣтокъ: въ незначительныхъ размѣрахъ оно еще

продолжается, преимущественно въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ клѣтки и части органовъ должны изнашиваться и замѣщаться другими, главнымъ образомъ, въ области кожи и кожныхъ придатковъ, ногтей и волосъ.

Вряд ли мнѣ нужно особенно подчеркивать рѣзкое различіе между болѣе или менѣе непрерывнымъ размноженіемъ клѣтки у какого-нибудь простѣйшаго, или же кишечнополостнаго или растенія и постепеннымъ замираніемъ дѣленія клѣтокъ у человѣка или какого-либо другого высокоорганизованнаго животнаго. Здѣсь предъ нами совершенно другой родъ клѣточной жизни, чѣмъ раньше. И вмѣстѣ съ этимъ смерть является намъ здѣсь въ формѣ смерти цѣлаго, раньше или позже съ неумолимой необходимостью уносящей живыя существа. Естественно поэтому предположить тѣсную связь обоихъ этихъ явленій и заняться дальше вопросомъ, какъ можно поставить въ связь измѣненный ростъ клѣтокъ и причины смерти.

Остановку роста или, что одно и то же, прекращеніе клѣточныхъ дѣленій можно было бы объяснить упадкомъ жизненной энергіи, нѣкотораго рода депрессіей, отличающейся отъ аналогичнаго явленія у простѣйшихъ только тѣмъ, что она не можетъ опять изгладиться. Но этому объясненію противорѣчитъ тотъ фактъ, что работоспособность организма достигаетъ своего высшаго пункта лишь по окончаніи роста и что за остановкой роста слѣдуетъ долгій періодъ жизни, пока не наступитъ смерть. Этотъ періодъ у человѣка приблизительно въ три раза дольше періода роста, а у многихъ млекопитающихъ и птицъ отъ 20—100 разъ.

Затѣмъ, можно было бы причину остановки роста предполагать въ недостаткѣ питанія; но мы знаемъ, что хотя дурное питаніе и вліяетъ на ростъ человѣка, однако не въ такой степени, чтобы особи, предназначенныя вырости большими, остались бы маленькими, онѣ только дѣлаются слабыми; и, наоборотъ, наилучшимъ питаніемъ не заставишь сильно вырости людей, малорослыхъ отъ природы. Дальнѣйшее доказательство противъ даютъ намъ явленія регенераціи. Если на какомъ-нибудь пунктѣ тѣла удалить частицу его, то способность дѣленія у клѣтокъ вскорѣ снова пробуждается; образуется новый клѣточный матеріалъ, возмѣщающій потерю. У человѣка и млекопитающихъ, наиболѣе высоко развитыхъ формъ, описаннымъ путемъ могутъ залѣчиться, конечно, лишь небольшіе дефекты. Но уже у рептилій и амфибій регенерируются болѣе или менѣе полно оторванные ноги и хвосты. Правда, и эта способность регенераціи незначительна въ сравненіи съ огромной способностью къ регенераціи у низшихъ животныхъ. Женевецъ Trembley уже 150 лѣтъ тому назадъ показалъ, что если отрѣзать у щуки щупальце съ небольшимъ участкомъ тѣла и культивировать его, то этотъ отрѣзокъ возстановитъ все тѣло полностью, хотя онъ не можетъ

питаться и строительный матеріалъ долженъ брать изъ собственнаго вещества,—указаніе на то, что питаніе не есть единственный, опредѣляющій дѣленіе клѣтокъ, факторъ.

Наконецъ, что опредѣляющимъ моментомъ для ненаступленія или наступленія дѣленій является у человѣка и млекопитающихъ не степень обезпеченности пищей, но особыя свойства клѣтокъ, это показываютъ намъ убѣдительнымъ образомъ такъ называемыя злокачественныя опухоли: онѣ бываютъ не только у человѣка, но и у другихъ позвоночныхъ животныхъ и даже у безпозвоночныхъ. На той же самой почвѣ, на какой нормальныя клѣтки не могутъ размножаться, клѣтки раковыхъ опухолей разростаются страшно, уничтожая всѣ встрѣчающіяся имъ на пути ткани и, въ концѣ концовъ, и самую жизнь человѣка.

Слѣдовательно, способность къ дѣленію въ клѣткахъ человѣка или животнаго не угасла, она только не въ состояніи проявиться: она находится въ скрытомъ состояніи. Выражающееся въ этомъ ограниченіе свободы клѣтокъ можетъ быть устранено раздраженіемъ извнѣ, при обычныхъ же условіяхъ оно устраняется, только когда этого требуютъ интересы всего организма въ цѣломъ, напр., при заживаніи ранъ и при регенераціи. Если же мѣстное возстановленіе способности дѣленія у клѣтокъ находится въ зависимости отъ вліяній, исходящихъ отъ всего организма въ его цѣломъ, то, очевидно, аналогичные же процессы, только противоположнаго характера, обусловливаютъ остановку дѣленій. Другими словами, клѣтки высокоорганизованнаго животнаго не дѣлятся потому, что подчинены законамъ роста цѣлаго, какъ каждый изъ насъ законамъ государства.

Теперь мы можемъ точнѣе формулировать различія между клѣтками, какъ мы ихъ находимъ у простѣйшихъ низшихъ животныхъ и растеній, съ одной стороны, и клѣтками человѣка и другихъ высокоорганизованныхъ животныхъ, съ другой стороны. Одноклѣточные организмы подчинены исключительно внутреннимъ своимъ условіямъ размноженія, они обладаютъ ростомъ и размноженіемъ, свойственными клѣткѣ, какъ таковой. Я назову это «цитотипической жизнью». Такая цитотипическая жизнь преобладаетъ и у низшихъ многоклѣточныхъ животныхъ, и у всѣхъ растеній. Напротивъ, клѣтки человѣка и высшихъ животныхъ теряютъ значительную долю такого самоопредѣленія, онѣ суть составныя части органа, имѣющаго выполнять одну функцію, онѣ должны подчинять себя потребностямъ этого органа, въ свою очередь стоящаго въ зависимости отъ потребностей всего организма въ цѣломъ. Такой родъ клѣточной жизни мы назовемъ «органотипической жизнью». Въ рядѣ организмовъ отъ низшихъ формъ до высшихъ мы можемъ прослѣдить, какъ цитотипическая жизнь все болѣе и болѣе отходитъ на задній планъ, а органотипическая получаетъ все большее и большее рас-

пространеніе. Это измѣненіе клѣточной жизни мы можемъ подмѣтить и въ описанномъ выше вкратцѣ индивидуальномъ развитіи человѣка, такъ же, какъ и въ развитіи всѣхъ высшихъ животныхъ. Вначалѣ — обильное размноженіе клѣтокъ, чисто цитотипическая жизнь, все болѣе и болѣе затихающая и смѣняющаяся органотипической жизнью.

Попробуемъ теперь проникнуть глубже въ причинную связь между высотой организаціи и органотипической жизнью, т. е. ограниченіемъ способности дѣленія клѣтокъ. Это чрезвычайно трудная проблема, и мы еще очень далеки отъ полнаго ея разрѣшенія; но уже и теперь мы можемъ установить кое-что, что разъясняетъ намъ явленіе и что имѣетъ значеніе для дальнѣйшихъ нашихъ соображеній.

Какъ всякая высшая организація въ природѣ и въ жизни народовъ покоится на распредѣленіи труда и связанной съ нимъ дифференцировкѣ, такъ и высокоорганизованное строеніе человѣка слагается изъ весьма разнороднаго матеріала, изъ железъ, мускуловъ, нервовъ, костей, хряща и т. д. На опредѣленномъ примѣрѣ я разъясню сейчасъ, какимъ путемъ получается дифференцировка частей, и какъ дифференцировка измѣняетъ отношеніе къ цѣлому по сравненію съ низшими состояніями. Я возьму весьма наглядный примѣръ — мускулъ. Каждое мускульное волокно представляетъ вначалѣ клѣтку; эта клѣтка растетъ и размножаетъ свои ядра; но мускульное движеніе выполняетъ не сама она. Для этой цѣли она производитъ специфическія орудія, она вырабатываетъ поперечнополосатыя мускульныя волоконца во все большемъ и большемъ числѣ, пока, наконецъ, маленькій мастеръ не исчезнетъ почти совершенно за своими орудіями. Мускульныя волоконца производятъ движенія, выполняютъ работу и при этомъ изнашиваются; на долю же клѣтки выпадаетъ задача заботиться о питаніи и возстановлять негодное къ употребленію; она не можетъ больше пользоваться пищей въ свою пользу, для роста и собственнаго размноженія; она отдаетъ пищу функціонирующимъ частямъ органа; она стала органотипической. А такъ какъ мускульныя движенія выполняются безъ всякаго отношенія къ тому, нужны ли они клѣткѣ или нѣтъ, такъ какъ не она даетъ толчокъ къ нимъ и управляетъ ими, но всѣ эти опредѣляющія вліянія исходятъ отъ всей совокупности организма, то клѣтка уподобляется рабынѣ, отъ которой требуютъ работы, не спрашивая ее, соотвѣтствуетъ ли мѣра силъ ея той работѣ, которую она должна исполнить.

То, что я выяснилъ сейчасъ на примѣрѣ мускула, приложимо ко всѣмъ тканямъ человѣческаго тѣла, хотя и не ко всѣмъ въ одинаковой мѣрѣ. Большая работоспособность нашего тѣла обусловливается именно тѣмъ, что наши клѣтки перестаютъ жить индивидуальной жизнью. Только такимъ путемъ и можетъ быть

получено гармоническое взаимодѣйствіе частей, необходимое для высшихъ функцій. Отъ нашихъ клѣтокъ требуется создать и поддерживать въ сохранности орудія, а распоряжаться послѣдними будутъ уже не онѣ. И, однако, эти клѣтки, низведенныя до степени рабовъ, являются все-таки настоящими носителями жизни, отъ того или другого состоянія которыхъ зависитъ благосостояніе цѣлаго. Здѣсь противорѣчіе, опасное для цѣлаго; но здѣсь же открывается намъ и связь между смертью и высотой дифференцировки.

Мы видѣли, что у одноклѣточныхъ животныхъ, когда они хорошо питаются и усиленно размножаются, наступаетъ временная депрессія; они пріостанавливаютъ или ограничиваютъ свои функціи, чтобы реорганизовать составныя части своей клѣтки. Въ клѣткахъ человѣческаго организма что-либо подобное уже не возможно. Когда организму нужны въ жизни мускульныя движенія, нѣтъ вопроса о томъ, въ состояніи ли клѣтка пополнить теряемое при этомъ вещество или не исчерпана ли ея работоспособность до крайнихъ предѣловъ и не наступаетъ ли для нея депрессія. Небольшія регуляціи частей клѣтки, несомнѣнно, происходятъ здѣсь во время функціонированія, но глубокія реорганизаціи, предполагающія длительный покой въ теченіе часовъ или сутокъ, здѣсь исключены. То же самое приложимо и къ нашимъ нервамъ, железамъ и даже къ функціонально менѣе важнымъ тканямъ нашего тѣла. Правда, мы говоримъ объ отдыхѣ у высокоорганизованныхъ животныхъ; мы подкрѣпляемъ себя сномъ, чтобы нашъ мозгъ, наши органы чувствъ, наши мускулы могли выдержать новыя напряженія. Мы ѣдимъ чрезъ большіе промежутки, чтобы дать отдохнуть пищеварительнымъ клѣткамъ. Но такого покоя организма, съ какимъ мы ознакомились у простѣйшихъ и у растеній, при этомъ не достигается. Неустанно сплетаетъ мозгъ и во снѣ нити сновидѣній, сердце гонитъ кровь по жиламъ, дыхательный аппаратъ снабжаетъ тѣло необходимымъ кислородомъ и освобождаетъ его отъ ненужной углекислоты, почки выдѣляютъ продукты распада, возникающіе при жизнедѣятельности. Ни одна изъ этихъ функцій не можетъ быть пріостановлена. Становятся клѣтки, лежащія въ основѣ этихъ функцій, недостаточно регулированными, вслѣдствіе временно чрезмѣрной и слишкомъ продолжительной работы,—ихъ орудія, мускульныя и нервныя волоконца, опорныя субстанціи, секреторныя вещества приходятъ въ негодность, пока не дойдутъ до такой степени обветшалости, при какой должны исчезнуть и малѣйшіе слѣды жизни. Высокая степень дифференцировки необходимо ведетъ отъ частичной смерти клѣтокъ къ смерти цѣлаго.

Если причиной смерти клѣтокъ является то принужденіе функціонировать, какое оказываетъ на нихъ организмъ въ его совокупности, то прекращеніе этого принужденія, возвратъ отъ органотипической жизни къ цитотипической, возстановленіе самоопредѣленія

клѣтокъ должно вести къ тому, что послѣднія опять получаютъ способность къ долгому существованію и усиленному размноженію. Это наблюдается въ дѣйствительности. Выше я уже имѣлъ случай коснуться новообразованій или опухолей, этихъ столько же интересныхъ, сколько и практически важныхъ аномалій клѣточной жизни. Коснемся ихъ еще разъ съ только что изложенной точки зрѣнія. Опухоли сводятся въ основѣ къ размноженію клѣтокъ, болѣе или менѣе рѣзко эмансипировавшихся отъ законовъ роста всего организма; ихъ клѣтки не подчиняются больше потребностямъ цѣлаго; они стали клѣточными революціонерами, идущими своей собственной дорогой.

Мы видѣли, что принужденіе, исходящее отъ организма, выражается въ функціи: оно тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ болѣе дифференцирована ткань, т. е. приспособлена къ опредѣленной функціи. Чѣмъ выше эта дифференцировка, тѣмъ труднѣе клѣткамъ выйти изъ-подъ вліянія цѣлаго. Правильность такого хода мысли доказывается тѣмъ, что мы знаемъ объ опухоляхъ. Сильнѣе всего органотипическій характеръ тканей выраженъ въ нервахъ и мускулахъ, затѣмъ слѣдуетъ кость и хрящъ, слабѣе всего въ соединительной ткани и эпителіи. Соотвѣтственно такому распредѣленію, распредѣляется и частота, энергія и злокачественность опухолей въ отдѣльныхъ тканяхъ. Опухоли нервной ткани рѣдки и не опасны. Соединительнотканныя же опухоли, саркомы и эпителіальныя, карциномы, чаще и опаснѣй; онѣ образуютъ главный контингентъ *раковыхъ* опухолей, тѣхъ страшныхъ клѣточныхъ разростаній, которыхъ человѣчество должно бояться больше чумы и холеры. Способность къ чрезвычайному размноженію клѣтокъ, которую я описалъ вамъ у простѣйшихъ, пробуждается въ этихъ опухоляхъ къ новой жизни, а съ нею и нѣкоторая степень безсмертія въ томъ смыслѣ, въ какомъ было опредѣлено ближе это понятіе у простѣйшихъ.

Новѣйшія изслѣдованія дали въ этомъ отношеніи поразительные результаты; они произведены надъ раковыми опухолями у мышей. Въ 1900 году датскій изслѣдователь, Іенсенъ, привилъ частицы опухоли больной ракомъ мыши другимъ мышамъ. Мыши, подвергнувшіяся прививкѣ, сами ракомъ не страдали, но клѣтки привитой частицы опухоли начали разрастаться, какъ растеніе на тучной почвѣ, съ той только разницей, что животное, подвергнувшееся операціи, погибало отъ опухоли. Прививая раньше, чѣмъ дѣло дойдетъ до такого результата, злокачественную ткань другимъ мышамъ и повторяя такой перенось все дальше и дальше, удается провести одну и ту же раковую культуру въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Подобнаго рода опыты произведены были за это время различными изслѣдователями, въ наиболѣе широкой постановкѣ Эрлихомъ во Франкфуртѣ на М. Какъ мнѣ пишетъ профессоръ Эрлихъ, отводки первой раковой опухоли живутъ еще и теперь.

Такъ какъ мышь, послужившая тогда для опыта, была полуторагодовалая и такъ какъ со времени первой прививки прошло 6 лѣтъ, то продолжительность жизни рака и ткани, изъ которой онъ образовался, обнимаетъ $7^1/_2$ лѣтъ, нормальная же продолжительность жизни мыши только два года. Вѣроятно, въ концѣ концовъ эти культуры, подобно культурамъ простѣйшихъ, погибнутъ разомъ; до сихъ поръ, однако, никакихъ указаній на смерть нѣтъ, да пока ихъ и ожидать нельзя, потому что скорость дѣленія данныхъ раковыхъ клѣтокъ все же весьма далека отъ скорости размноженія какой-либо инфузоріи.

Только что изложенные результаты опытовъ трансплантированія раковыхъ опухолей представляютъ выдающійся интересъ во многихъ отношеніяхъ; они показываютъ, какъ слабо обоснованно ученіе о томъ, что опухоли могутъ быть вызываемы паразитами, подобно инфекціоннымъ болѣзнямъ: они говорятъ скорѣе въ пользу воззрѣнія, что опухоли зависятъ отъ перемѣны въ характерѣ клѣтокъ. Подобно тому, какъ эмбріональныя клѣтки по внутреннимъ, лежащимъ въ нихъ самихъ причинамъ измѣняютъ свой цитотипическій характеръ къ органотипическій, такъ точно нѣтъ никакого основанія и клѣткамъ взрослаго тѣла отказывать въ возможности продѣлать это измѣненіе еще разъ, на этотъ разъ только въ обратномъ смыслѣ.

Но гораздо важнѣе для насъ второй результатъ, что эти вторично измѣнившіяся клѣтки обладаютъ жизненной силой, далеко превосходящей органологически дифференцированныя клѣтки. Въ этомъ я усматриваю новое доказательство того, что относительная краткость жизни послѣднихъ есть слѣдствіе той функціи, какую они принуждены выполнять.

Мы освѣтили проблему смерти съ различныхъ точекъ зрѣнія и пришли вездѣ къ одному и тому же основному воззрѣнію. Исполненіе жизненной функціи — вотъ что ведетъ къ разрушенію и имѣетъ слѣдствіемъ, смотря по условіямъ, въ какихъ протекаетъ жизнь, или частичную смерть отдѣльныхъ частей клѣтки, или цѣлыхъ группъ клѣтокъ, или общую смерть всего организма. Организмъ изнашивается подобно машинѣ; подобно послѣдней, онъ нуждается, поэтому, въ постоянной починкѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что организмъ не только машина, но въ то же время и механикъ, которому самому приходится производить исправленія.

Надо намъ починить въ нашихъ машинахъ серьезныя поломки, мы останавливаемъ ихъ ходъ. Въ ограниченной мѣрѣ такая пріостановка возможна у болѣе простыхъ организмовъ. У высшихъ же организмовъ это не выполнимо, они принуждены безостановочно продолжать жизнь. Высшія функціи жизни становятся самымъ сильнымъ оружіемъ смерти.

Изъ Англіи.

I.

Явленіе, о которомъ я буду говорить въ этомъ письмѣ, наблюдается не въ одной только Англіи. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ благородные, серьезные экономисты, какъ Милль, доказывали благодѣтельное вліяніе этого явленія, если оно осуществится. И когда желаемое осуществилось, многіе отступили теперь въ ужасѣ предъ нимъ. Я говорю о постепенномъ паденіи процента рождаемости во всѣхъ культурныхъ странахъ.

Возьмемъ только что появившійся оффиціальный «Statistical Abstract». Изъ него мы видимъ, что въ настоящій моментъ населеніе:

Россійской имперіи	128.154,000
Соединенныхъ Штатовъ	76.303,000
Германской имперіи	60.605,000
Японіи	46.732,000
Великобританіи	41.458,000
Франціи	38.961,000
Италіи	32.475,000
Австріи	26.150,000
Венгріи	19.254,000

Въ нѣкоторыхъ странахъ плотность населенія поразительна, напр., въ Египтѣ 750,5 на кв. милю; въ Бельгіи—588,7; въ Голландіи—466,4; въ Великобританіи—341,6; въ Японіи—316,9; въ Италіи—293,5 и въ Германіи—299,4. Въ Соединенныхъ Штатахъ съ населеніемъ въ 21,4 на кв. м. и въ Россіи съ 15,3 на кв. милю есть еще много простора для милліоновъ людей. Между тѣмъ Соединенные Штаты теперь закрываютъ входъ для цивилизаго населенія, создавшаго поразительное благосостояніе страны, и въ Россіи, съ ея громадными пространствами земли, милліоны крестьянъ голодаютъ, вслѣдствіе недостатка въ землѣ.

Обратимся теперь къ проценту рождаемости и смертности. На тысячу населенія рождается ежегодно: въ Россіи [illegible], въ Германской имперіи 34,1 (данныя эти относятся къ 1904 г. съ 1:96 г., какъ показываетъ статистика, процентъ рождаемости въ Германіи понижается: въ 1897 г. онъ былъ 36,5). Въ Японіи рождаемость

составляетъ 32 на 1 000; въ Италіи—32,6; въ Австріи—35,6; въ Венгріи—37; въ Великобританіи—27,6 и во Франціи—21. Процентъ смертности почти всюду идетъ параллельно съ процентомъ рождаемости. Это видно изъ слѣдующей таблички. На тысячу населенія смертей приходится:

Въ Россіи	31
„ Германіи	19,6
„ Японіи	20
„ Италіи	20,9
„ Австріи	23,8
„ Венгріи	24,8
„ Великобританіи	16,5
„ Франціи	19,5
„ Бельгіи	16,8
„ Даніи	13,9
„ Швеціи	15,3
„ Норвегіи	14,3

Анализъ цифръ показываетъ, что въ культурной странѣ, гдѣ личность обезпечена и представляетъ большую цѣнность, каждый гражданинъ имѣетъ вдвое больше шансовъ на продолжительную жизнь, чѣмъ въ странѣ деспотической. Но вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же анализъ таблицъ покажетъ намъ, что процентъ рождаемости въ культурныхъ странахъ постепенно падаетъ. Сперва, какъ извѣстно, явленіе это было замѣчено во Франціи. И въ девяностыхъ годахъ благочестивые тартюфы въ Германіи и въ Англіи много писали о «вырожденіи» «развратной» республики. Обличенія прекратились только тогда, когда то же явленіе было отмѣчено въ Германіи, Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, британскихъ колоніяхъ,—словомъ, всюду, гдѣ существуетъ празднично поставленная статистика. У насъ, въ Россіи, въ нѣкоторыхъ центральныхъ губерніяхъ почти нѣтъ естественнаго прироста населенія; но только явленіе тутъ обусловливается поразительной, безпримѣрной въ Европѣ нищетой, безпросвѣтной темнотой и невѣроятными окружающими условіями. Явленія, о которыхъ я говорю въ этомъ письмѣ, относятся къ странамъ культурнымъ, богатымъ и свободнымъ. Еще недавно англійская экономическая литература почти всецѣло находилась подъ вліяніемъ Мальтуса, когда дѣло касалось прироста населенія. «Не въ тысячу ли разъ болѣе жестоко сказать человѣческимъ существамъ, что они имѣютъ право вступать въ бракъ, когда они этого права не имѣютъ, потому что послѣдствіемъ является безчисленное множество созданій (swarms of creatures), которыя навѣрно будутъ несчастны и, очень возможно, обречены на преступленія? Возмущающіеся забываютъ, что явленіе,—неодобреніе котораго, по ихъ мнѣнію, жестоко,—представляетъ рабское потворство животному инстинкту мужчины и безпомощному подчиненію со стороны женщины» (Миль). «Если бы возможно было бы хоть на нѣсколько лѣтъ остановить все прибывающій

потокъ новыхъ жизней, то благоденствіе человѣчества сильно поднялось бы». Это пишетъ одинъ изъ современныхъ послѣдователей Мальтуса *). Желаемое осуществляется: «прибывающій потокъ новыхъ жизней мелѣетъ»; но ожидаемыхъ мальтузіанцами благодѣтельныхъ результатовъ не послѣдовало. Многіе изъ искреннихъ англійскихъ мальтузіанцевъ теперь, какъ Фаустъ при видѣ вызваннаго духа, восклицаютъ въ ужасѣ:

«Schreckliches Gesicht... Weh! Ich ertrag' dich nicht»

(т. е. «Ужасный видъ... Горе мнѣ! Ты не по силамъ мнѣ»).

Между тѣмъ, изслѣдователя поражаютъ размѣры литературы, въ которой доказывалось, что только въ примѣненіи доктринъ Мальтуса *на практикѣ* спасеніе человѣчества.

Нео-мальтузіанская литература на англійскомъ языкѣ теперь громадна **). Мы видимъ тутъ увѣсистыя сочиненія въ родѣ «Плодовъ Философіи» бостонскаго доктора Чарльза Наултона, брошюры, журналы, газеты. Одни авторы пытаются создать нѣкоторое подобіе философской системы; другіе—ограничиваются практическими совѣтами. Часть нео-мальтузіанской литературы проникнута дѣйствительной и искренней скорбью при описаніи современнаго положенія бѣдняковъ въ большихъ городахъ. Другая часть той же литературы—продуктъ грубаго шарлатанства и безстыдной порнографіи.

Попытаюсь привести главные аргументы, выставляемые искренними нео-мальтузіанцами. Авторы эти съ большой силой описы-

---

*) The Service of Man, by J. Cotter Morison.

**) Назову здѣсь только наиболѣе крупныя произведенія: „Every Woman's Book", Карлайля (1828); Статья „Colony", Джемса Милля, отца знаменитаго экономиста, въ восьмомъ изданіи „Британской Энциклопедіи", а также книга того же автора „Elements of Political Economy" (собственно говоря, стр 34—44). Въ статьяхъ „Передъ разсвѣтомъ въ Англіи" я указывалъ, какъ боролся съ первыми провозвѣстниками нео-мальтузіанства Робертъ Оуэнъ. Его вліяніемъ нужно объяснить то, что движеніе замерло на сорокъ лѣтъ. Въ 1870 г. появился коранъ нео-мальтузіанства—„The Fruits of Philosophy" „The Law of Population, its Consequences, and its Bearing upon Human Conduct and Morals", Энни Безантъ.—„Notes on the Population Question".—„The Physiology of Marriage".—„Poverty: its Cause and Cure". —„Moral Physiology".—„Individual, Family, and National Poverty".—„Elements of Social Science". —„The Population Question".—„The Wife's Handbook".—„Artificial Checks to Population: is the teaching of them Infamous"?—„English and French Morality".—„The Duties of Parents".—„The Strike of a Sex". —„The Prosperity of the French Peasant".—„The Malthusian Magazine". — Послѣдній журналъ основанъ „Лигой Мальтузіанцевъ". Первый нумеръ вышелъ въ февралѣ 1877 г Въ настоящій моментъ журналъ прекратился; во всякомъ случаѣ, не выходитъ періодически. Громадное вліяніе имѣла книга американскаго доктора Наултона (Knowlton) «The Fruits of Philosophy», упомянутая выше. Въ настоящее время новыя произведенія не появляются, но за то въ громадномъ количествѣ экземпляровъ расходятся перечисленныя книги.

ваютъ плачевное положеніе массъ и всѣ ужасы, являющіеся, по мнѣнію мальтузіанцевъ,—результатомъ перенаселенія: отчаянную конкурренцію за хлѣбъ, преступленія, пороки и пр. Яркую картину подобнаго рода мы находимъ въ «Problems of Poverty», Безантъ. Авторъ говоритъ о замужнихъ женщинахъ, которыя вынуждены конкуррировать на фабрикахъ съ мужчинами за хлѣбъ, вмѣсто того, чтобы оставаться дома и заботиться о подрастающемъ поколѣніи. Даже беременныя женщины вынуждены до послѣдняго момента работать на фабрикахъ и заводахъ, что ведетъ въ вырожденію націи. Мужъ, имѣющій большую семью, не въ силахъ самъ прокормить ее, вслѣдствіе чего онъ вынужденъ призвать на помощь жену. Но женскій трудъ понижаетъ стоимость мужского труда, такъ какъ капиталистъ всегда отдаетъ предпочтеніе тѣмъ, кто беретъ меньше. И вотъ промышленные города превращаются въ настоящій адъ. Заработная плата падаетъ; женщины на фабрикахъ болѣютъ и старятся раньше времени; дѣти рождаются рахитиками, некрасивыми и глупыми. Такъ какъ населеніе все больше увеличивается и конкурренція на рабочемъ рынкѣ растетъ, то десятки тысячъ дѣвушекъ вынуждены голодомъ идти на улицу. Проституція, по мнѣнію мальтузіанцевъ, является прямымъ результатомъ перенаселенія. Защитники современнаго строя видятъ въ проституціи своего рода общественную службу. Проститутка, по ихъ словамъ, является своего рода громоотводомъ для накопившихся въ обществѣ животныхъ страстей, которыя иначе обрушились бы на «святыню семейнаго очага». Такой взглядъ, напр., высказываетъ Лекки въ своей книгѣ «European Morals».

«Это несчастное существо,—говоритъ Лекки,—профессію котораго стыдятся называть и которое обречено на болѣзни и нищету,—живетъ изъ вѣка въ вѣкъ. Цивилизаціи и культы нарождаются и гибнутъ, а проститутка, эта вѣковѣчная жрица, принесенная въ жертву за грѣхи человѣчества,—живетъ». Другими словами, это напыщенное кощунство противъ человѣчества означаетъ, что философъ признаетъ существованіе проституціи такой же государственной необходимостью, какъ наши благочестивые іермонахи—палачей и висѣлицы.

Мальтузіанцы указываютъ на тотъ печальный и неоспоримый фактъ, что армія проститутокъ растетъ. Лекки вычислилъ, что во всей Англіи 50 тысячъ женщинъ выносятъ на рынокъ свое тѣло. Теперь можно думать, что въ одномъ только Лондонѣ около ста тысячъ проститутокъ. Слѣдуетъ прибавить еще, что, вслѣдствіе конкурренціи за хлѣбъ, почти съ каждымъ годомъ возрастъ проститутокъ понижается. Статистика отмѣчаетъ теперь среди нихъ двѣнадцатилѣтнихъ и даже десятилѣтнихъ дѣтей. Борьба за жизнь и хлѣбъ теперь до такой степени упорна,—говорятъ его мальтузіанцы,—что бѣдняки вынуждены строить свой бюджетъ на безчестныхъ заработкахъ своихъ дочерей. Проституція, конечно, стара, какъ чело-

вѣчество; не среди дикихъ народовъ торговля женщины своимъ тѣломъ изъ-за хлѣба была неизвѣстна, покуда не явились цивилизованные люди. Такимъ образомъ, проституція въ томъ видѣ, какъ мы ее знаемъ теперь,—не пережитокъ доисторическихъ временъ, не остатокъ отжившаго понятія о нравственности, а продуктъ современной цивилизаціи и борьбы за существованіе. Нео-мальтузіанцы ссылаются на Уэка *), Вэстермарка **), а также на Легурно ***). Вслѣдствіе перенаселенія и борьбы за хлѣбъ, развратъ въ большихъ городахъ достигаетъ теперь чудовищныхъ размѣровъ. Тѣ же причины создали безработныхъ. Мы видимъ теперь тысячи людей, печально бродящихъ по улицамъ въ тщетныхъ поискахъ за предпринимателемъ, который согласился бы купить силу ихъ мышцъ. Сотни тысячъ людей, продолжаютъ нео-мальтузіанцы, несмотря на непосильную работу, прозябаютъ въ состояніи хроническаго недоѣданія. Вслѣдствіе паденія заработной платы, явившагося результатомъ перенаселенія, сотни тысячъ прилежныхъ работниковъ питаются только хлѣбомъ и чаемъ: въ безчисленныхъ рабочихъ квартирахъ дѣти постоянно плачутъ отъ голода. А между тѣмъ есть средство устранить всѣ эти бѣдствія,—говорятъ нео-мальтузіанцы. Если рекомендуемая мѣра будетъ принята, человѣчество не станетъ больше трепетать при мысли о завтрашнемъ днѣ; молодые люди могутъ тогда вступать въ бракъ въ какомъ угодно возрастѣ. Отъ воли ихъ будетъ зависѣть имѣть одного ребенка или совсѣмъ не имѣть дѣтей, покуда не добыты средства на воспитаніе семьи. Когда будетъ устранено перенаселеніе, человѣчество можетъ спокойно жить, ѣсть, веселиться, вступать по любви въ бракъ, когда силы кипятъ. Устранены будутъ несчастія и болѣзни, проистекающія отъ позднихъ браковъ или вынужденнаго безбрачія. Уменьшится число преступленій и самоубійствъ. Понизится смертность. Статистика теперь показываетъ, что смертность среди двадцатипятилѣтнихъ холостяковъ такъ же высока, какъ между сорокапятилѣтними семейными людьми. Когда принципы, рекомендуемые нео-мальтузіанцами, говорятъ послѣдніе, будутъ приняты всюду, проституція исчезнетъ. Не станетъ больше старыхъ дѣвушекъ, которыхъ въ Англіи больше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. «Наши дѣвушки плачутъ по праву быть женами и матерями, а не монахинями», говоритъ Грэнтъ Алленъ. Профессіональные классы въ Англіи (т. е. интеллигенція, по русской терминологіи),—говорятъ нео-мальтузіанцы,—боятся вступать рано въ бракъ изъ опасенія, что у нихъ не будетъ средствъ на содержаніе семьи. Вслѣдствіе этого, представители этихъ классовъ женятся поздно, что губительно отражается на здоровьѣ дѣтей. Такимъ образомъ, въ

*) Development of Marriage.
**) History of Marriage.
***) Lévolution du mariage et de la famille.

убыткѣ остается страна. Послѣдствіемъ долгаго безбрачія являются также венерическія болѣзни. Правда, онѣ въ Англіи не такъ распространены, какъ на континентѣ; но все же ведутъ къ вырожденію народа. Бракъ, говорятъ нео-мальтузіанцы, «опредѣленный Богомъ, какъ мѣра противъ сексуальныхъ пороковъ, теперь можетъ быть удѣломъ или богатыхъ, или совершенно беззаботныхъ людей».

Десятки тысячъ дѣвушекъ въ Англіи желаютъ быть супругами и матерьми, а между тѣмъ обречены на безбрачіе.—продолжаютъ нео-мальтузіанцы. Результатомъ являются нервныя болѣзни. Физическое состояніе сорокалѣтней замужней женщины лучше во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ дѣвушки того же возроста. «The evils of celibacy quite equal those of prostitution» (т. е. зло отъ безбрачія и проституціи равны),—говоритъ Хольмесъ Кутъ.

Итакъ, мы видимъ, что нео-мальтузіанцы правильно рисуютъ картину современной цивилизаціи. Они отмѣчаютъ тѣ же мрачныя явленія, что и соціалисты; но послѣдніе справедливо указываютъ, что бѣдность, безработица и проституція не могутъ быть устранены, покуда существуетъ капиталистическая форма производства. Нео-мальтузіанцы же видятъ причину всѣхъ соціальныхъ золъ въ перенаселеніи, т. е. въ безконтрольномъ дѣторожденіи, и предлагаютъ свои практическіе совѣты, которые должны осуществить на землѣ золотой вѣкъ. Если вся страна будетъ руководствоваться этими совѣтами,—говорятъ нео-мальтузіанцы, не станетъ больше безработныхъ; наоборотъ, предприниматели будутъ жадно высматривать работниковъ, что, конечно, поведетъ къ поднятію заработной платы. Глупые совѣты о бережливости отнюдь не повышаютъ благосостоянія массъ, а содѣйствуютъ только развитію скупости. Есть только одно вѣрное средство избавить страну отъ нищеты и это—ограниченіе числа дѣтей.

II.

Какими доводами отвѣчаютъ на это противники теоріи нео-мальтузіанства? Эти аргументы собраны въ книгѣ R. Ussher'a, вышедшей въ 1897 году *).

«Что мы можемъ отвѣтить защитникамъ теоріи,—говоритъ авторъ.—Мы можемъ сказать нео-мальтузіанцамъ, что вполнѣ признаемъ существованіе тѣхъ мрачныхъ соціальныхъ явленій, на которыя намъ указываютъ. Констатированіе неравенства и несправедливостей, проистекающихъ изъ него, къ сожалѣнію, совершенно вѣрно. Несправедливость должна быть устранена. Необходимы радикальныя лѣкарства; но только мы отрицаемъ совершенно

*) «Neo-Malthusianism. An Enquiry into that System with regard to Economy and Morality», London, 1897.

средства, рекомендуемыя вами. Нищета, проституція и безработные могутъ существовать, какъ въ густо, такъ и въ рѣдко населенной странѣ. Тѣ средства, которыя по мнѣнію нео-мальтузіанцевъ положатъ конецъ человѣческимъ бѣдствіямъ, въ сущности, гибельны для общества. Нео-мальтузіанцы исходятъ изъ совершенно невѣрнаго положенія. Они полагаютъ, что бѣдность является резутатомъ только перенаселенія, тогда какъ въ дѣйствительности явленіе обусловливается неправильнымъ распредѣленіемъ богатствъ, несовершенными формами производства и несправедливымъ общественнымъ порядкомъ. Какъ бы ни было мало населеніе данной страны, оно, безъ сомнѣнія, будетъ страдать отъ бѣдности, если только всѣ не будутъ имѣть равную долю въ производствѣ и если желающіе будутъ устранены отъ земли, этого источника всѣхъ богатствъ. Можно привести безчисленныя примѣры, доказывающіе, что страшная бѣдность существуетъ въ странахъ съ рѣдкимъ населеніемъ и съ безчисленными естественными богатствами» *). Классическимъ примѣромъ является Россія, гдѣ, несмотря на громадныя территоріи, крестьяне умираютъ съ голода. Противники нео-мальтузіанцевъ, въ извѣстной степени, соглашаются съ ними, когда тѣ указываютъ на нежелательность позднихъ браковъ. «Нельзя не соглашаться съ нео-мальтузіанцами, когда они указываютъ на печальное явленіе, что въ культурныхъ странахъ возрастъ вступающихъ въ бракъ отодвигается съ каждымъ десятилѣтіемъ. Бракъ становится своего рода роскошью, доступной только зажиточнымъ людямъ». Рядомъ съ этимъ явленіемъ мы видимъ прогрессивный ростъ проституціи. Все это вѣрно; но только средства, рекомендуемыя нео-мальтузіанцами нисколько, не измѣнятъ явленія,»—говоритъ Майоръ Черчель. Авторъ указываетъ на Францію, на которую ссылаются нео-мальтузіанцы, какъ на примѣръ благоденствія народа, контролирующаго приростъ населенія. Во Франціи раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ «практическое нео-мальтузіанство» нашло широкое примѣненіе. По прогнозу нео-мальтузіанцевъ слѣдовало ожидать, что во Франціи увеличится число раннихъ браковъ и уменьшится проституція. Въ дѣйствительности мы видимъ другое. По статистическимъ даннымъ, приводимымъ Шененомъ, видно, что французъ вступаетъ въ бракъ очень поздно. По числу проститутокъ Франція занимаетъ первое мѣсто въ Европѣ. Такимъ образомъ, одно изъ основныхъ положеній нео-мальтузіанцевъ, что принятіе ихъ доктринъ поведетъ къ раннимъ бракамъ и къ устраненію проституціи—не подтверждается фактами. Защищая совершенно произвольное утвержденіе, нео-мальтузіанцы въ то же время обходятъ молчаніемъ вопросъ о неправильномъ распредѣленіи богатствъ. Они просто повторяютъ давно опровергнутое утвержденіе, что въ каждомъ обществѣ населеніе увеличивается быстрѣе,

*) «Neo-Malthusianism», etc. p. 35.

чѣмъ средства къ существованію. «Бѣдность не есть результатъ чрезмѣрной густоты населенія, — говоритъ итальянскій критикъ мальтузіанства. — Въ Ирландіи въ 1846 г., въ Индіи и въ Россіи умирающее отъ голода населеніе видѣло и видитъ обиліе пищи, но не имѣетъ средствъ купить ее. Въ до-революціонной Франціи въ однѣхъ провинціяхъ крестьяне голодали, тогда какъ въ сосѣднихъ провинціяхъ населеніе не знало, куда дѣвать хлѣбъ. То же явленіе повторяется во время каждаго большого голода въ Россіи. Здѣсь получается такого рода парадоксъ. Въ однѣхъ губерніяхъ отсутствіе хлѣба ведетъ къ голодной смерти, тогда какъ въ другихъ чрезмѣрное скопленіе его имѣетъ послѣдствіемъ раззореніе людей».

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ цитируемый авторъ съ горечью констатировалъ, что доктрины нео-мальтузіанства находятъ все больше и больше послѣдователей во Франціи, Италіи, Германіи и «даже въ цѣломудренной Англіи». Для доказательства итальянскій экономистъ приводитъ цѣлый рядъ статистическихъ таблицъ, изъ которыхъ я возьму слѣдующія цифры:

	Число рожденій на 1000 жителей:			
	1871—90 гг.	1891 г.	1892 г.	1893 г.
Въ Венгріи	44	42,3	40,3	42,5
„ Австріи	38,6	38,1	36,2	—
„ Германіи	38,1	37	35,7	36,7
„ Италіи	37,3	37,3	36,3	36,6
„ Голландіи	35,2	33,7	31	33,8
„ Англіи и Валисѣ . .	34	31,4	30,5	30,8
„ Шотландіи.	33,6	31,2	30,8	31
„ Соединенныхъ Штат.	32,6	30,4	29,5	29,9
„ Даніи	31,7	31	29,5	30,6
„ Бельгіи	31	29,6	28,9	29,5
„ Норвегіи	30,7	30,9	29,6	30,7
„ Швеціи	29,8	28,3	27	—
„ Швейцаріи	27,4	28,1	28,1	28,5
„ Ирландіи	24,9	23,1	22,4	23
„ Франціи	24,6	22,6	22,1	—

Въ 1850 г. по количеству населенія государства слѣдовали въ такомъ порядкѣ: Россія, Франція, Австро-Венгрія, Германія, Великобританія, Италія, Соединенные Штаты. Въ 1896 г. порядокъ уже былъ другой: Россія, Соединенные Штаты, Германія, Австро-Венгрія, Великобританія, Франція, Италія. Франціи дорого обошлось то, что въ глазахъ нео-мальтузіанцевъ она является страной, съ которой слѣдуетъ брать примѣръ. Въ 1890 г. населеніе Германіи достигало 49.428,476, а въ 1895 г.—52.244,503. За пять лѣтъ населеніе увеличилось на 2.816,027. Во Франціи за это время приростъ населенія равняется только 124,000. Вообще, во Франціи, до тѣхъ поръ, покуда доктрины нео-мальтузіанства получали такое широкое примѣненіе, тѣ факторы, которымъ Маль-

тусъ придавалъ важное значеніе, какъ естественному регулятору чрезмѣрнаго прироста населенія, дѣйствовали усиленно. Вотъ почему приростъ населенія былъ слабъ, что видно изъ слѣдующей таблицы.

Въ	1700	г.	населенія	во	Франціи	было 19.660,320
„	1801	„	„	„	„	27.349,303
„	1821	„	„	„	„	30,461,873
„	1856	„	„	„	„	36.039,364
„	1881	„	„	„	„	37.672,048
„	1886	„	„	„	„	38.218,903
„	1891	„	„	„	„	38.343,192
„	1896	„	„	„	„	38.228,969

Въ началѣ XIX вѣка во Франціи было почти вдвое больше населенія, чѣмъ въ Англіи (27.350,000 и 15.717.000). Въ 1891 г. во Франціи было только на полмилліона больше жителей, чѣмъ въ Англіи. По послѣдней переписи жителей въ Англіи теперь больше, чѣмъ во Франціи. До семидесятыхъ годовъ XIX вѣка приростъ населенія въ Англіи шелъ стремительно впередъ.

Въ	1712	г.	населенія	было	9.420,000
„	1754	„	„	„	11.485,000
„	1801	„	„	„	15.717,000

Въ XVIII вѣкѣ населеніе въ Англіи увеличилось на 41%, а въ XIX — на 138%. Приведу еще одну таблицу изъ статистическаго словаря Мульхолля. За послѣднія шестьдесятъ пять лѣтъ населеніе

Великобританіи	увеличилось	на	15.300,000	или 63%
Франціи	„	„	5,900,000	„ 18
Германіи	„	„	5.900,000	„ 75
Россіи	„	„	22.400,000	„ 92
Австріи	„	„	13.500,000	„ 45
Италіи	„	„	10.200,000	„ 48
Другихъ странъ	„	„	22.500,000	„ 62
Соединенн. Штат.	„	„	60.700,000	„ 626
Британскихъ колон.	„	„	9.700,000	„ 510

Въ Германіи и въ Англіи суровые критики, благочестиво закатывая глаза и ссылаясь на эти цифры, обличали «вырождающуюся» Францію. По словамъ этихъ обличителей выходило, что уменьшеніе населенія во Франціи есть послѣдствіе безбожія и безпутства. Теперь статистика показываетъ, что процентъ рожденій поразительно быстро падаетъ въ Германіи, Соединенныхъ Штатахъ, Англіи и въ самоуправляющихся британскихъ колоніяхъ. Причины—тѣ же, что и во Франціи, т. е. стремительный прогрессъ нео-мальтузіанства.

III.

За десять лѣтъ, отъ 1895—1905 г., населеніе Лондона увеличилось на 300,000, между тѣмъ число дѣтей въ возрастѣ отъ 3—5 лѣтъ уменьшилось (179,426 въ 1895 г. и 174,359 въ 1905 г.). Цифры эти очень точны, потому что доставлены спеціальными школьными инспекторами, слѣдящими за тѣмъ, чтобы родители аккуратно посылали своихъ дѣтей въ начальныя училища. Цифры подтверждаются также народной переписью. Она констатируетъ, что въ 1901 г. въ Лондонѣ было на 5,000 меньше дѣтей въ возрастѣ отъ 3 до 5 лѣтъ, чѣмъ въ 1891 г. Явленіе наблюдается не только въ Лондонѣ. «Всюду въ Англіи и въ Уэльсѣ вотъ уже въ продолженіе тридцати лѣтъ коэффиціентъ рожденій падаетъ. Въ 1876 г. на 100 тысячъ населенія приходилось 3,630 новорожденныхъ, а въ 1904 г. — только 2,790, что составляетъ minimum когда-либо наблюдаемый раньше». *) Что означаетъ это быстрое паденіе числа рожденій? Какое вліяніе оно можетъ имѣть на націю? Что необходимо сдѣлать, чтобы устранить явленіе? Всѣ эти вопросы были подняты въ англійскомъ обществѣ фабіанцевъ и повели къ назначенію спеціальнаго комитета подъ предсѣдательствомъ Сиднея Вебба для изученія вопроса. Результатомъ изслѣдованія былъ рядъ статей Вебба въ *Times* подъ названіемъ «Physical Degeneracy or Race Suicide» («Физическое вырожденіе или самоубійство расы»)? Извѣстный экономистъ приходитъ въ своихъ статьяхъ къ ряду заключеній, которыя онъ подтверждаетъ цифровыми данными.

Пониженіе числа рожденій не есть только результатъ измѣненія возраста населенія или уменьшенія числа браковъ. Въ отчетахъ о движеніи населенія предсѣдатель департамента статистики (Registrar-General) даетъ только общую цифру рожденій, т. е. точное отношеніе числа рожденій за годъ ко всему населенію, старому и молодому, женатому и холостому. При сравненіи этихъ цифръ за нѣсколько лѣтъ слѣдуетъ помнить, — говоритъ Сидней Веббъ,—что важныя перемѣны могутъ произойти даже въ теченіе одного десятилѣтія: 1) въ отношеніи между дѣтьми и взрослыми; 2) въ пропорціи между женатыми и холостыми и 3) въ отношеніи между замужними женщинами, способными и не способными къ дѣторожденію. Всѣ эти измѣненія, обусловливающіяся эмиграціей, иммиграціей, экономическимъ и соціальнымъ развитіемъ или старостью, сами по себѣ могутъ повести къ паденію или къ повышенію общаго числа рожденій безъ отношенія къ пониженію или къ повышенію плодовитости. Возьмемъ, напр., Ирландію. Общее

*) Sixty-seventh Annual Report of the Registrar General. 1906, p. XIX.

число рожденій на 100,000 населенія было тамъ въ 1881 г.—2.384, а въ 1901 г.—2.348. Но въ то же время мы знаемъ, что въ послѣднія двадцать лѣтъ эмиграція изъ Ирландіи женщинъ, способныхъ къ дѣторожденію, шла такъ усиленно, что незначительное пониженіе общаго числа рожденій, въ сущности, показываетъ только замѣчательную плодовитость ирландцевъ. На основаніи данныхъ цифръ можно сказать, что, безъ усиленной эмиграціи, въ Ирландіи за двадцать лѣтъ населенія должно было бы увеличиться на 3%. Вотъ почему при анализѣ статистическихъ таблицъ, касающихся Англіи и Уэльса, Сиднею Веббу пришлось тщательно взвѣсить значеніе всѣхъ упомянутыхъ выше факторовъ. Въ той же области въ послѣднее время работали д-ръ Артуръ Ньюсхольмъ, д-ръ Стивенсонъ и Адли Юлъ, что дало возможность Сиднею Веббу провѣрить выводы, къ которымъ онъ пришелъ. Анализъ статистическихъ таблицъ показываетъ, что за устраненіемъ всѣхъ посторонніхъ факторовъ можно констатировать абсолютное пониженіе числа рожденій. Въ 1861 г.—на 100,000 населенія въ Англіи и Уэльсѣ приходилось 3,236 рожденій, въ 1871 г. — 3,312, въ 1881 г.—3,273, въ 1891 г.—3,125, въ 1901 г.—2,729. Теперь въ Англіи и Уэльсѣ ежегодно рождаются на 200,000 младенцевъ меньше, чѣмъ должно было бы, если принять статистику 1870 г. за норму.

Пониженіе коэффиціента рожденій наблюдается не только въ городахъ, но и въ деревняхъ. Повидимому, явленіе это въ деревенскихъ округахъ Англіи и Уэльса не слабѣе, чѣмъ въ городахъ. Легко можетъ быть,—говоритъ Сидней Веббъ,—что человѣческая плодовитость, при нормальныхъ условіяхъ, въ городахъ нѣсколько иная, чѣмъ въ деревняхъ. Нѣкоторые германскіе авторитеты говорятъ даже, что пониженіе плодовитости обусловливается только «урбанизаціей», т. е. поглощеніемъ деревень городами; но статистическія данныя относительно Англіи не подтверждаютъ этой гипотезы. Правда, анализъ статистическихъ таблицъ показываетъ, что въ Нортхэмптонѣ, Галифаксѣ, Бернли и Блэкбернѣ коэффиціентъ рожденій за 20 лѣтъ уменьшился на 32, а въ Лондонѣ на 16; но тѣ же таблицы показываютъ, что въ чисто сельскихъ раіонахъ, какъ Корнвалисъ, Ретлэндъ, Сессексъ, Девонширъ и Вестморлэндъ, рождаемость уменьшилась на 23—29%. Въ Ирландіи процентъ рожденій въ Дублинѣ повысился больше, чѣмъ въ деревняхъ (въ сельскихъ округахъ—на 3%, а въ столицѣ—на 9%). Если бы

---

*) „The decline of human fertility in the United Kingdom and other countries as shown by corrected birth rates, by Arthur Newsholme, M. D. and T. H. Stevenson", M. D. Brighton.

„On the changes in the marriage and birth-rates in England and Wales", etc., by G. Udny Yule. London.

Оба изслѣдованія помѣщены въ „Journal of the Royal Statistical Society", за апрѣль 1904 г.

пониженіе числа рожденій въ городахъ обусловливалось только нездоровыми условіями,—какъ утверждаютъ нѣкоторые нѣмецкіе экономисты.—то можно было бы ожидать, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе живетъ очень скучено, въ трущобахъ, при антигигіеническихъ условіяхъ, паденіе коэффиціента рожденій особенно замѣтно. Наиболѣе нездоровыми городами въ Англіи являются Ливерпуль, Сальфордъ, Манчестръ и Глазо, гдѣ процентъ смертности очень высокъ. Въ дѣйствительности мы видимъ, что пониженіе за двадцать лѣтъ рождаемости въ этихъ городахъ *слабѣе*, чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ, гораздо болѣе здоровыхъ. Въ Брайтонѣ, напр., въ одномъ изъ наиболѣе здоровыхъ и зажиточныхъ городовъ Англіи, паденіе процента рождаемости за 20 лѣтъ сильнѣе, чѣмъ въ Ливерпулѣ. Между тѣмъ процентъ смертности въ Брайтонѣ 13, а въ Ливерпулѣ—24.

Пониженіе числа рожденій,—констатируетъ Сидней Веббъ,—въ особенности рѣзко въ тѣхъ округахъ, гдѣ маленькія дѣти представляютъ какую-нибудь помѣху. Такъ, напр., мы видимъ это явленіе въ тѣхъ округахъ Англіи, гдѣ замужнія женщины работаютъ на фабрикахъ. По закону («Factory and Workshops Acts» 1891 и 1901 г.г.) женщина не можетъ работать на фабрикѣ четыре недѣли послѣ родовъ. Тамъ, гдѣ заработокъ жены необходимъ въ домашнемъ бюджетѣ, гуманный законъ еще болѣе увеличиваетъ расходы, причиненные въ семьѣ бѣдняка прибавленіемъ новаго члена семьи. Другой законъ, остановившій до извѣстной степени приношеніе дѣтей въ жертву фабричному Молоху, тоже находится въ связи съ пониженіемъ рождаемости. Теперь дѣти до 13 лѣтъ зависятъ отъ родителей, тогда какъ раньше послѣдніе извлекали пользу уже изъ шестилѣтнихъ ребятишекъ. За двадцать лѣтъ рождаемость понизилась въ особенности въ Нортхэмптонѣ, Галифаксѣ. Бернли, Блэкбернѣ, Дерби, Лейстерѣ, Брэдфордѣ, Ольдэмѣ, Хеддерсфильдѣ и Болтонѣ. Все это—города, въ которыхъ масса замужнихъ женщинъ работаетъ на различныхъ фабрикахъ (главнымъ образомъ, ткацкихъ и прядильныхъ). Въ англійской спеціальной литературѣ констатировано уже давно, что учительницы тоже не могутъ, по экономическимъ соображеніямъ, дозволить себѣ быть матерями. Пониженіе процента рождаемости въ особенности замѣтно среди зажиточнаго класса, опредѣляемаго англійскими статистиками «the servant-keeping class» (классъ, держащій прислугу). Въ Брайтонѣ классъ этотъ многочисленнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ Англіи, и мы видѣли, что процентъ рождаемости тамъ ниже, чѣмъ въ другихъ городахъ. Въ Лондонѣ наиболѣе бѣднымъ кварталомъ является Бетналъ Гринъ, въ которомъ классъ, держащій прислугу, очень незначителенъ. И здѣсь за двадцать лѣтъ процентъ рождаемости понизился на 12, тогда какъ въ богатомъ кварталѣ Хэмстедъ, гдѣ «servant-keeping class» многочисленъ, рождаемость упала на 36%. За Хэмстедомъ идутъ почти такіе же зажиточные

кварталы Кенсингтонъ и Паддингтонъ. Здѣсь рождаемость упала на 19%. По вычисленіямъ д-ра Ньюсхольма и д-ра Стивенсона можно составить правильную таблицу кварталовъ Лондона по степени зажиточности и показать, что процентъ рождаемости находится въ обратной пропорціи съ благосостояніемъ. Въ трехъ богатыхъ кварталахъ столицы на 100 тысячъ населенія приходится 2,004 законныхъ рожденій, въ 19 «среднихъ» кварталахъ число рожденій отъ 2.362—2.490. Въ семи же бѣдныхъ кварталахъ на 100,000 населенія приходится 3,078 рожденій, т. е. на 50% больше, чѣмъ въ богатыхъ округахъ. На основаніи этихъ данныхъ, англійскіе статистики говорятъ, что населенію Лондона угрожаетъ серьезная опасность вырожденія, такъ какъ оно пополняется въ значительной степени дѣтьми, рожденными въ незлоровой атмосферѣ трущобъ. Сидней Веббъ подвергаетъ тщательному анализу выводы, добытые Ньюсхольмомъ и Стивенсономъ, и доказываетъ, что въ бѣдныхъ кварталахъ сравнительно высокій процентъ рожденій обусловливается совершенно исключительными причинами. «Въ семи бѣдныхъ кварталахъ Лондона живутъ, по преимуществу, ирландцы-католики и иммигранты-евреи,—говоритъ англійскій экономистъ.— Половина всѣхъ браковъ, заключенныхъ въ округахъ Уайтчепель и Майль Эндъ, совершены по обрядамъ еврейской вѣры, которая, какъ извѣстно, стоитъ за большую семью. Добровольное ограниченіе численности семьи противно такимъ традиціямъ, обычаямъ и понятіямъ евреевъ о нравственности. Въ Лондонѣ семьи еврейскихъ переселенцевъ такъ же многочисленны, какъ и въ «чертѣ». То же самое можно сказать объ ирландцахъ. Священники учатъ ихъ, что сознательство безъ желанія имѣть дѣтей—есть блудъ. Вотъ почему,—продолжаетъ Сидней Веббъ, на основаніи данныхъ, добытыхъ переписью въ такихъ кварталахъ, какъ Бетналъ Гринъ или Уайтчепель, нельзя еще вывести заключеніе, что въ Англіи бѣдные классы болѣе плодовиты, чѣмъ, напр., нижне-средніе классы. Статистики должны были бы выдѣлить отдѣльно евреевъ и ирландцевъ». Можно сказать только, что среди богатаго населенія пониженіе процента рождаемости замѣчается сильнѣе, чѣмъ среди бѣднаго. Въ рабочихъ классахъ наиболѣе обезпеченные менѣе плодовиты, чѣмъ чернорабочіе. Веббъ приводитъ любопытный фактъ относительно самаго богатаго и немногодетнаго дружественнаго общества Hearts of Oak, насчитывавшаго 274,000 членовъ. Къ нему принадлежатъ только наиболѣе обезпеченные рабочіе, такъ какъ членомъ можетъ быть только получающій не меньше двадцати четырехъ шиллинговъ въ недѣлю. Главнымъ образомъ, сочленами являются машинисты и хорошо зарабатывающіе мастеровые, а также [illegible] Одинъ изъ пунктовъ устава обязываетъ сочленовъ вносить въ кассу по 30 шилл. за каждаго новаго ребенка. Въ 1866 г. на каждые десять тысячъ членовъ приходилось такихъ взносовъ 2,176, а въ

1880 г.—2,472. Съ 1881 г. по 1904 г. число взносовъ постепенно падаетъ. Въ прошломъ году ихъ было только 1,165. Въ то же время слѣдуетъ помнить, что дружественное общество крѣпнетъ и богатѣетъ. Итакъ, за періодъ въ двадцать лѣтъ рождаемость среди зажиточнаго, сравнительно обезпеченнаго рабочаго класса понизилась на 46%. Такое же явленіе наблюдается и въ другомъ, меньшемъ дружественномъ обществѣ (Royal Standard Benfit Society), отчеты котораго тщательно изучены Веббомъ. За двадцать лѣтъ процентъ рождаемости понизился на 52. Анализъ отчетовъ двухъ дружественныхъ обществъ дастъ цифры относительно 280 тысячъ рабочихъ семействъ. И эти данныя показываютъ, что въ прошломъ году въ этихъ семьяхъ родилось 32 тысячи младенцевъ вмѣсто 70 тысячъ, какъ должно было бы быть по статистикѣ отъ 1866—1880 г.г.

Мы видѣли, что процентъ рождаемости повышался прежде постепенно и съ извѣстнаго момента сталъ падать. Этотъ моментъ можно довольно точно опредѣлить. Онъ относится къ самому началу восьмидесятыхъ годовъ. Къ такому же самому выводу пришелъ въ изслѣдованіяхъ Хорнъ *). Мнѣ приходилось уже опредѣлять въ «Русскомъ Богатствѣ» этотъ моментъ, послѣ котораго процентъ рождаемости въ Англіи начинаетъ падать. Моментъ этотъ точно совпадаетъ съ началомъ усиленной агитаціи нео-мальтузіанцевъ въ концѣ семидесятыхъ и въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Такимъ образомъ, пониженіе процента рождаемости есть явленіе, зависящее отъ воли индивидуумовъ. Мы видѣли, что явленіе наблюдается, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ. Полное отсутствіе связи между явленіемъ и нездоровыми окружающими условіями, умственнымъ развитіемъ или физическимъ вырожденіемъ; тотъ фактъ, что явленіе наблюдается особенно сильно тамъ, гдѣ оно желательно и выгодно для родителей; высокое благосостояніе ихъ,—все это подтверждаетъ правильность заключенія, что пониженіе рождаемости зависитъ главнымъ образомъ, если не исключительно отъ контроля родителей. Особенно «нежелательными» являются незаконныя дѣти, и мы видимъ, что въ то время, какъ до 1881 г. процентъ ихъ увеличивался,—послѣ этого года процентъ начинаетъ падать. Теперь число незаконныхъ рожденій въ Уэльсѣ и въ Англіи на 50% меньше, чѣмъ раньше. Явленіе это отнюдь не обусловливается повышеніемъ нравственности, какъ понимаетъ послѣднюю церковь.

Ирландцы смотрятъ на добровольный контроль родителей надъ размѣрами семьи, какъ на грѣхъ. Взглядъ этотъ постоянно подкрѣпляется проповѣдями священниковъ и окружными епископскими

*) «On the Relation of Fertility in Man to Social Status and the changes in the relation that have taken place during the last fifty years», by David Heron, 1906.

посланіями. И вотъ мы видимъ, что Ирландія—единственное мѣсто въ Великобританіи, гдѣ процентъ рождаемости не только не уменьшается, но, наоборотъ, повышается (Уменьшеніе населенія въ Ирландіи обусловливается исключительно усиленной эмиграціей). Въ Ирландіи рождаемость понизилась только въ Бельфастѣ, населенномъ протестантами. Въ Англіи естественный приростъ населенія не падаетъ такъ быстро только въ такихъ городахъ, гдѣ много ирландцевъ (Ливерпуль, Сальфордъ, Манчестръ, Глазго). Можно указать только на одинъ городъ въ ткацкомъ раіонѣ, гдѣ паденіе процента рожденій не замѣтно—Престонъ. Населенъ онъ по преимуществу католиками. То же самое можно сказать, какъ мы видѣли, и о евреяхъ.

Такимъ образомъ, при опредѣленіи причинъ пониженія процента рождаемости нельзя говорить о «вырожденіи». Послѣднее объясненіе еще менѣе вѣрно для Англіи, чѣмъ для Франціи. Отъ общихъ доказательствъ Сидней Веббъ переходитъ къ частнымъ.

IV.

Комитетъ, назначенный фабіанскимъ обществомъ для изслѣдованія явленія, выработалъ планъ опроса частныхъ лицъ, занимающихъ различное общественное положеніе. Цѣлью опроса было провѣрить данныя, добытыя изъ анализа статистическихъ таблицъ. Опросъ подобнаго рода, несмотря на крайне интимный характеръ многихъ пунктовъ, даетъ въ Англіи крайне цѣнные результаты. Обусловливается это, какъ серьезностью отношенія населенія къ соціальнымъ вопросамъ, такъ и тѣмъ, что правдивость въ Англіи выше, чѣмъ на континентѣ. Ложь—орудіе защиты рабовъ; вотъ почему правдивость населенія прямо пропорціональна гражданской свободѣ, которой оно пользуется. Въ Англіи, гдѣ населеніе свободно, уже давно слово «ложь», считается неприличнымъ. Англичанъ, посѣтившихъ Россію, поражаетъ, между прочимъ, то, что люди шутливо говорятъ другъ о другѣ: «онъ вретъ» или «онъ совралъ». По англійскимъ понятіямъ такимъ образомъ человѣку наносится самое страшное оскорбленіе. Англичанинъ съ ужасомъ разскажетъ, что русскій безъ заботно произнесетъ: «я совралъ». Для человѣка, выросшаго въ свободной странѣ и ненавидящаго ложь, сказать: «я совралъ»,—значитъ сознаться въ страшно безчестномъ и позорномъ поступкѣ. Имѣя все это въ виду, можно придать серьезное значеніе результатамъ добытымъ фабіанцами путемъ опросныхъ листковъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе, конечно, были анонимны.

Фабіанское общество рѣшило устроить опросъ большаго числа женатыхъ людей, на правдивость показаній которыхъ можно было бы положиться,—говоритъ Сидней Веббъ. Съ этой цѣлью комитетъ разослалъ около 700 опросныхъ листковъ. Около половины опро-

шенныхъ лицъ живетъ въ Лондонѣ. Остальныя разбросаны по разнымъ концамъ Соединеннаго Королевства. По общественному положенію опрошенные принадлежатъ къ различнымъ классамъ: тутъ были технически обученные мастеровые, представители различныхъ профессій, рантье. Комитетъ умышленно не опросилъ, съ одной стороны, чернорабочихъ, съ другой—людей, пользующихся доходомъ больше, чѣмъ въ 1,000 ф. ст. въ годъ (10,000 руб.). Цѣль опроса держалась втайнѣ. Многихъ опрошенныхъ комитетъ не зналъ лично. Этимъ объясняется, что 20% тѣхъ лицъ, которымъ были разосланы опросные листки, оказались холостяками. Опрошенные не подписывали листковъ, которые были составлены такъ, что на вопросъ можно было отвѣтить простымъ крестомъ въ соотвѣтствующей рубрикѣ. Всего разослано было 630 листковъ *), но по различнымъ причинамъ заполнено было только 316. Въ 174 случаяхъ опрошенные отказались отвѣчать, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ вышла ошибка: листки были посланы холостякамъ. Въ общемъ, получилось такъ, что добытыя свѣдѣнія касаются, главнымъ образомъ, среднихъ классовъ. Сидней Веббъ группируетъ полученные отвѣты на двѣ категоріи: семьи, въ которыхъ число дѣтей умышленно ограничено, и семьи безъ такого ограниченія. Для краткости, Веббъ вводитъ два термина: «ограниченный бракъ» (Limited marriage) и «неограниченный» (Unlimited marriage). Изъ 316 браковъ—74 оказались «неограниченными» а 242—«ограниченными». На «ограниченный» бракъ въ среднемъ приходится отъ одного до двухъ дѣтей. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ средняя семья въ Англіи и Уэльсѣ состояла изъ 4—5 дѣтей. Какія причины заставляютъ супруговъ ограничить

*) Вотъ программа листковъ:

1. Состоите ли вы въ бракѣ?
   Тѣ, которые были женаты или замужемъ, должны отвѣтить на предшествующій вопросъ утвердительно.
2. Вашъ полъ?
3. Вашъ возрастъ?
4. Годъ вступленія въ бракъ.
   Желательны данныя только отъ лицъ, вступившихъ въ бракъ послѣ 1870 г.
5. Возрастъ мужа во время бракосочетанія.
6. Возрастъ жены тогда же.
7. Подробности о родившихся дѣтяхъ, включая и мертворожденныхъ (относительно каждаго показать: годъ рожденія, полъ, годъ смерти).
8. Ожидаете ли вы еще рожденіе дѣтей?
9. Принимали ли вы мѣры къ тому, чтобы вашъ бракъ былъ бездѣтнымъ или чтобы ограничить число дѣтей?
10. Если да, то въ какіе годы брачной жизни?
11. [illegible] причина (напр., тяжкая болѣзнь супруга или супруги), обусловившая число вашихъ дѣтей? (Если возможно, укажите причину).

размѣры семьи? Такого вопроса не было въ разосланныхъ листкахъ; но многіе опрошенные сами прибавили это объясненіе.

Экономическія причины приведены въ	38	случаяхъ
Спеціальныя болѣзни	„ 13	„
Общая слабость или наслѣдственность	„ 19	„
Нежеланіе жены имѣть дѣтей . . .	„ 9	„
Различныя другія объясненія. . . .	„ 157	„
Итого . .	242	

Анализъ большой рубрики «различныхъ объясненій» показываетъ, что и эти причины могутъ быть сведены или къ категоріи экономическихъ, или къ нежеланію жены имѣть дѣтей.

Данныя, добытыя анализомъ статистическихъ таблицъ и подтвержденныя опросомъ, хотя далеко не всестороннимъ, — свидѣтельствуютъ о слѣдующемъ. «Мы имѣемъ право заключить,—говоритъ Сидней Вебъ,—что главной, если не единственной причиной паденія процента рождаемости въ Англіи является сознательный контроль супруговъ. Практическое нео-мальтузіанство примѣняется изъ тѣхъ или другихъ соображеній, по крайней мѣрѣ, половиной, если не тремя четвертями всего населенія Соединеннаго Королевства. Дѣлаютъ это не только богатые и обезпеченные классы, какъ предполагалось прежде, но и рабочіе, городскіе и сельскіе. Въ результатѣ то, что черезъ четверть вѣка отъ начала примѣненія подобныхъ средствъ ежегодно рождается дѣтей на 25% меньше, чѣмъ должно было бы». Явленіе не ограничивается только Соединеннымъ Королевствомъ. Статистика показываетъ, что въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ и въ Викторіи процентъ рождаемости уже ниже, чѣмъ въ Англіи, а въ Новой Зеландіи такой же, какъ и въ метрополіи. Въ Соединенныхъ Штатахъ мы наблюдаемъ такое же явленіе среди кореннаго населенія. Поразительный ростъ населенія обусловливается стремительнымъ притокомъ переселенцевъ и плодовитостью ихъ. Въ Германіи нео-мальтузіанство тоже дѣлаетъ быстрые успѣхи, въ особенности въ Саксоніи, Гамбургѣ и Берлинѣ; но сельскіе раіоны покуда еще совершенно не затронуты. Католическое населеніе Ирландіи, англійскихъ городовъ,—Канады и Австріи не знаетъ нео-мальтузіанства; но ихъ единовѣрцы въ Италіи, Бельгіи и Баваріи слѣдуютъ примѣру Франціи. Тотъ фактъ, что въ каждой странѣ, гдѣ существуетъ правильная статистика, наблюдается пониженіе процента рождаемости, доказываетъ, что практическое нео-мальтузіанство начинаетъ примѣняться всюду.

Всѣ эти доказанные факты заставляютъ насъ обратить самое серьезное вниманіе на явленіе, независимо отъ того, нравится ли оно намъ или нѣтъ. Простой ссылкой на «неприличіе» и щекотливость вопроса нельзя уже отдѣлаться. Явленіе болѣе серьезно, чѣмъ десятки другихъ важныхъ вопросовъ, не сходящихъ

со страницъ печати. Одними обличеніями «безнравственности» нео-мальтузіанства тоже ничего нельзя сдѣлать. Тотъ фактъ, что къ «практическому» нео-мальтузіанству прибѣгаетъ значительная часть населенія, въ общемъ, цвѣтъ націй, показываетъ, что ученіе не противорѣчитъ взгляду этой части населенія на нравственность. Быть можетъ, оно ошибается, но оно убѣждено, что поступаетъ правильно. Мы исключимъ, конечно, шарлатановъ, наживающихся на рекомендаціи и продажѣ специфическихъ средствъ и спеціальной литературы. Мы исключимъ также тартюфовъ, проповѣдующихъ одно и дѣлающихъ тайно другое. Среди нео-мальтузіанцевъ есть масса искреннихъ людей, глубоко убѣжденныхъ, что они проповѣдуютъ ученіе, абсолютно необходимое для человѣчества. Нео-мальтузіанцы, напримѣръ, могутъ сослаться на Джона Стюарта Милля, который, какъ человѣкъ, представляетъ одинъ изъ наиболѣе благородныхъ типовъ въ исторіи, между тѣмъ онъ писалъ вещи, поражающія насъ, какъ своею наивностью, такъ и жестокостью. «Бѣдность—пишетъ Милль,— подобно многимъ общественнымъ бѣдствіямъ, существуетъ потому, что люди потворствуютъ безъ надлежащаго размышленія своимъ животнымъ инстинктамъ. Но общество возможно именно потому, что человѣкъ не всегда животное. Цивилизація во всѣхъ проявленіяхъ ея есть борьба противъ животныхъ инстинктовъ, надъ многими изъ которыхъ она одержала существенную побѣду, подчинила своему контролю... Если цивилизаціи до сихъ поръ не удалось подчинить себѣ инстинкта размноженія, то это потому, — полагаетъ Милль,— что она никогда не дѣлала попытокъ. Напротивъ, господствующія понятія о нравственности, государственные дѣятели — всѣ поощряютъ размноженіе, какъ только оно является результатомъ брачнаго союза. Религія и до сихъ поръ дѣлаетъ это. Католическое духовенство, пользующееся большимъ авторитетомъ среди массъ, — считаетъ своимъ долгомъ поощрять бракъ, какъ предупрежденіе блуда... Никто не думаетъ, что несчастье можетъ явиться послѣдствіемъ такъ называемаго естественнаго инстинкта... Въ то время, какъ человѣка, подверженнаго пьянству, всѣ, считающіе себя нравственными людьми, презираютъ, главный аргументъ бѣдняка, обращающагося къ общественной помощи, тотъ, что онъ народилъ большую семью и не можетъ ее содержать». Милль заявляетъ, что никакого важнаго улучшенія въ обществѣ не можетъ произойти до тѣхъ поръ, «пока къ людямъ, народившимъ большую семью, которую они не могутъ содержать, не будутъ относиться съ такимъ же осужденіемъ, какъ къ пьяницамъ или подверженнымъ какимъ либо другимъ предосудительнымъ порокамъ» *).

Нео-мальтузіанцы говорятъ, что они перенесли идеи Милля изъ области невозможнаго въ дѣйствительность и что ими руководитъ

*) *J. S. Mill* «Principles of Political Economy». B. II. Chap. XIII. § 1.

забота о здоровьѣ женщины, о ея свободѣ. Экономическое положеніе большинства населенія теперь таково, что беременная женщина не можетъ имѣть необходимаго комфорта, отдыха и спокойствія. Даже тогда, когда она не работаетъ для хлѣба, она должна зачастую до послѣдняго момента возиться съ дѣтьми и хозяйствомъ. На нее падаютъ вѣчныя заботы о томъ, какъ свести концы съ концами въ хозяйствѣ. Нео-мальтузіанство—говорятъ защитники его,—легко осуждать съ моральной и эстетической точки зрѣнія; но неизмѣримо труднѣе указать на то, какъ бороться при *настоящемъ экономическомъ строѣ* съ явленіями, на которыя указываютъ мальтузіанцы. И тутъ они находятъ неожиданныхъ союзниковъ въ крайнихъ радикалахъ. Въ будущемъ обществѣ, въ основу котораго лягутъ высшія формы производства и справедливое распредѣленіе богатства,—говорятъ они,—положеніе дѣлъ будетъ, очень возможно, иное; покуда же *ничего другого* придумать нельзя. Необходимо рѣшить, что хуже: поздніе браки и проституція или ранніе браки и «практическое» мальтузіанство? Что вреднѣе при *современномъ строѣ*, покуда новый строй еще вопросъ будущаго: «неограниченные браки», въ которыхъ женщина превращается въ больную самку, въ ходячій инкубаторъ, въ рабыню, прикованную къ кухонной плитѣ и къ лоханкѣ съ дѣтскими пеленками, или опять же «практическое» мальтузіанство? Послѣднее ведетъ къ быстрому паденію процента рождаемости. Что же? Это обстоятельство является сильнымъ аргументомъ только въ пользу того, что старый строй необходимо замѣнить возможно скорѣе другимъ, справедливымъ. Явленіе, во всякомъ случаѣ, настолько страшно серьезно, что съ нимъ смѣшно бороться только аргументами, сводящимися къ безнравственности и не-эстетичности нео-мальтузіанства.

Тѣ въ Англіи, которые вѣрятъ въ буржуазную политическую экономію; тѣ, для которыхъ Рикардо, Нассау, Керпъ, Сеніоръ и Фауссетъ—единственные авторитеты,—совсѣмъ не имѣютъ даже права ужасаться пониженію процента рождаемости. Соціалисты со времени Роберта Оуэна боролись съ теоріей Мальтуса. Послѣдователи буржуазной политической экономіи всегда проповѣдывали необходимость контроля надъ естественнымъ приростомъ населенія. Они встревожились только тогда, когда пониженіе рождаемости въ деревняхъ стало грозить уменьшить армію, защищающую интересы богатыхъ классовъ.

V.

«Въ сороковыхъ годахъ англійскіе экономисты доказывали, что ограниченіе прироста населенія избавитъ страну отъ многихъ бѣдствій,—говоритъ Сидней Вебъ.—Факты показали, что нео-мальтузіанство не устраняетъ ни ужасовъ «постоянной нищеты», когда на рынокъ труда выступаютъ не приспособленные индивидуумы, ни

безработицы. Съ другой стороны, широкія серьезныя экономическія реформы устраняютъ ту необходимость фиксированія maximum'а населенія, о которой говорятъ Милль, Макъ-Кулохъ, Кернъ и Фауссетъ». Дѣйствительность показываетъ, что «нео-мальтузіанцами» становятся наиболѣе обезпеченные классы и цвѣтъ пролетаріата. Прирость населенія идетъ безконтрольно въ трущобахъ. Главными національными «поставщиками» являются иммигранты и ирландцы католики. По вычисленію Карла Пирсона, «двадцать пять процентовъ населенія Англіи рождаютъ 50% всѣхъ дѣтей. И если бы неомальтузіанство нашло послѣдователей даже среди ирландцевъ и иммигрантовъ, тогда, по всей вѣроятности,—говоритъ Сидней Веббъ,— на сцену явились бы дешевые работники, китайскіе кули.

Къ какому же заключенію приходитъ основатель фабіанскаго общества? Выводы его отнюдь не проникнуты пессимизмомъ. «Уже одно то хорошо,—говоритъ Сидней Веббъ,—что мы знаемъ причину явленія. Она такого характера, что съ нею можно бороться. Если паденіе процента рождаемости обусловливалось физическимъ вырожденіемъ, причиненнымъ «урбанизаціей» или чѣмъ-либо инымъ,—явленіе не возможно было бы устранить. Но уменьшеніе числа рожденій, какъ результатъ сознательнаго контроля, обусловленнаго соображеніями, главнымъ образомъ, экономическаго характера,— не столь страшно. Необходимо, прежде всего, устранить вліяніе экономическихъ соображеній. При современныхъ соціальныхъ условіяхъ рожденіе ребенка въ семьѣ, глава которой зарабатываетъ меньше трехъ фунтовъ въ недѣлю, является большимъ несчастьемъ. Жена нѣсколько мѣсяцевъ не въ состояніи зарабатывать. Мужъ долженъ добыть добавочную, сверхъ-бюджетную сумму, необходимую на покрытіе экстренныхъ расходовъ. Но это еще не все. Небогатые родители въ Англіи знаютъ, что четырнадцать лѣтъ придется урѣзывать куски у себя и у другихъ дѣтей, чтобы кормить лишній ротъ *). Зарабатывающіе меньше трехъ фунтовъ въ недѣлю составляютъ 4/5 всего населенія Англіи. Такимъ образомъ, для 3/4 всего населенія Англіи лишній ребенокъ означаетъ меньше хлѣба и развлеченій, худшее платье и болѣе тѣсное помѣщеніе для всей семьи. Лишній ребенокъ уменьшаетъ также шансы остальныхъ дѣтей получить образованіе, помимо начальнаго безплатнаго. Тѣ же соображенія, но въ гораздо болѣе интенсивной формѣ, относятся и къ англійскимъ среднимъ классамъ. Среднее и высшее образованіе въ Англіи стоитъ страшно дорого (Обученіе, напр. въ хорошей public school, равной нашей гимназіи, обходится въ 40—50 ф. ст. въ годъ. Это только плата за ученіе). Врачъ, священникъ и чиновникъ,

*) Обязательное ученіе въ начальныхъ школахъ продолжается 6—7 лѣтъ. Такимъ образомъ, дѣти начинаютъ зарабатывать въ 13—14 лѣтъ. Съ этого времени начинается самостоятельная жизнь маленькаго англичанина, принадлежащаго къ рабочему или къ „низше среднему“ классамъ.

могущій платить за двухъ мальчиковъ, не въ силахъ уже дать хорошее образованіе третьему.

Измѣнить положеніе дѣлъ можетъ только совершенно новое взаимоотношеніе государства и личности. Общество должно уяснить себѣ, что повышеніе процента рождаемости для него важнѣе даже, чѣмъ хорошій урожай. Здоровыя дѣти означаютъ будущихъ энергичныхъ работниковъ на различныхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Вотъ почему общество прямо заинтересовано въ томъ, чтобы дѣтей рождалось много, чтобы они были здоровы, всѣ получили хорошее образованіе и, такимъ образомъ, были бы вполнѣ приспособлены для жизни. Забота о больной семьѣ должна пасть на общество, а не на индивидуумовъ. Уже и теперь общество отчасти кое-гдѣ поступаетъ такимъ образомъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ Англіи и Шотландіи, напр., муниципалитеты успѣшно борются съ высокой смертностью среди младенцевъ при помощи муниципальныхъ молочныхъ фермъ. Въ округѣ Бетнэл-Грэнъ, гдѣ такая ферма для доставки стерилизованнаго молока существуетъ, смертность среди дѣтей ниже на 50%, чѣмъ въ сосѣднемъ Ламбетѣ, гдѣ нѣтъ подобнаго муниципальнаго предпріятія. Общество теперь беретъ также на себя снабженіе завтраками дѣтей въ начальныхъ школахъ. Путь, такимъ образомъ, намѣченъ. Общество, — говоритъ Сидней Веббъ, — должно взять на себя всѣ расходы, сопряженные съ образованіемъ дѣтей. Отцу и матери останутся заботы о *воспитаніи* будущихъ гражданъ. Каждый ребенокъ, въ такомъ случаѣ, будетъ имѣть равный шансъ. Рожденіе дѣтей станетъ общественной службой, за которую матери въ правѣ требовать вознагражденія отъ общества. По выраженію Сиднея Вебба, «материнство будетъ привлекать женщинъ, во всякомъ случаѣ, столько же, сколько теперь служба въ почтовыхъ конторахъ». Разъ родители будутъ избавлены отъ матеріальныхъ заботъ, то воспитаніе большой семьи станетъ снова важнымъ пунктомъ въ кодексѣ морали будущихъ гражданъ. Тогда опять родители, какъ въ древней Греціи или въ Римѣ, съ гордостью будутъ указывать на то, что у нихъ 7—8 дѣтей. У современнаго общества нѣтъ другого исхода: оно или должно помириться съ нео-мальтузіанцами, т. е. самоубійствомъ націи, или же радикально измѣнить свое отношеніе къ дѣтямъ и сдѣлать ихъ государственными пенсіонерами. Другими словами, современное общество, если оно не желаетъ смерти, должно сдѣлать смѣлый шагъ по пути, намѣченному людьми, доказывающими необходимость новыхъ, высшихъ формъ производства и справедливаго распредѣленія богатства.

Діонео.

Французскій синдикализмъ.

(Письмо изъ Франціи).

Наше время особенно интересно въ томъ отношеніи, что матеріальная и моральная связь между людьми начинаетъ обнаруживаться каждый день съ возрастающею силою не только въ рамкахъ одной какой-нибудь страны или національности, но внутри цѣлаго человѣчества, простираясь черезъ пограничные столбы отъ государства къ государству, отъ народа къ народу. И этотъ характеръ людскихъ сношеній кладетъ на настоящій періодъ свою яркую печать, печать международности, печать *интернаціонализма*, т. е. той формы общенія между личностями, принадлежащими къ различнымъ національнымъ и политическимъ союзамъ, которая для современныхъ народовъ, для современныхъ классовъ трудящихся является тѣмъ, чѣмъ въ XVIII-мъ вѣкѣ *космополитизмъ* былъ лишь для самыхъ верховъ тогдашняго интеллигентнаго общества. Не вдаваясь въ развитіе этой мысли, внѣ которой нельзя, однако, понять особенностей современной эпохи *), я остановлюсь только на одной, но чрезвычайно важной области интернаціонализма нашихъ дней: международной борьбѣ труда съ капиталомъ.

Несомнѣнно, что эта борьба, заполняющая нынѣ весь міръ шумомъ своихъ перипетій, ведется въ такихъ формахъ, которыя всякому крупному національному столкновенію эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ придаютъ отпечатокъ великой интернаціональной распри между угнетаемымъ трудомъ и угнетающимъ капиталомъ. Международная солидарность трудящихся перестаетъ быть простымъ словомъ. И экономическія, и политическія выступленія массъ въ одной странѣ производятъ сильное броженіе умовъ, если не подобные же взрывы и въ различныхъ мѣстахъ «за рубежомъ». Русская всеобщая забастовка октября 1905 г., вырвавшая первую рѣшительную уступку у стараго самодержавія, разнесла по всему міру волны революціоннаго энтузіазма и, несомнѣнно, повліяла на активное настроеніе массъ въ Германіи, Австро-Венгріи, Англіи, Франціи, Италіи. Французская первомайская стачка, приведшая въ ужасъ мѣстную буржуазію весною этого года, произвела, въ свою очередь, сильное впечатлѣніе далеко за предѣлами Третьей

*) Читателя, интересующагося этимъ вопросомъ, отсылаю къ соображеніямъ, высказаннымъ мною въ самый разгаръ дѣла Дрейфуса. См. главу „Реннскій судъ и міровой характеръ процесса“ въ моей книгѣ: „Очерки современной Франціи“; Спб., 1904 г., 2-е изд., стр. 471—501.

республики. Чѣмъ больше присматриваешься къ современной структурѣ цивилизованнаго міра — структурѣ, разрѣзъ которой, если можно такъ выразиться, становится особенно отчетливымъ въ моменты соціальныхъ потрясеній,— тѣмъ яснѣе видишь, что великія классовыя напластованія идутъ во всемъ мірѣ не вертикальными, а горизонтальными слоями, едва-едва нарушаемыми линіей пограничныхъ столбовъ. Трудящіяся массы въ своихъ существенныхъ требованіяхъ образуютъ по ту и по другую сторону границы одну и ту же основную толщу современнаго общества. Точно также и возвышающіеся надъ ними привилегированные классы вездѣ продолжаютъ въ соціально-экономическомъ смыслѣ одну и ту же формацію капитала и праздная владѣнія.

Если русскіе казаки защищаютъ отъ польскихъ забастовщиковъ мошну злѣйшаго эксплуататора лодзинскихъ ткачей, француза Эжена Мотта, то французскіе солдаты охраняютъ отъ негодованія своихъ земляковъ хищническое хозяйничанье американца Гавиланда въ Лиможѣ и англійской фирмы Гольденъ и К° въ Реймсѣ и въ Рубэ. А во время прошлогодней стачки смѣшаннаго рабочаго населенія на желѣзодѣлательныхъ заводахъ въ Лонуи (Longwy), находящемся во Франціи на границѣ Бельгіи, Германіи и великаго княжества Люксембургскаго, французская компанія дружно охранялась смѣшанными войсками четырехъ сосѣднихъ державъ. Въ номерѣ «La vie Illustrée» отъ 18-го августа 1905 г. читатель могъ вдоволь налюбоваться фотографіей, представляющей умилительное зрѣлище, какъ рабочаго-итальянца ведутъ во французскую тюрьму франко-германо-бельго-люксембургскіе жандармы, братски маршируюшіе бокъ-о-бокъ и обмѣнивающіеся веселыми улыбками охотниковъ, устроившихъ удачную облаву на звѣря...

Не надо, однако, забывать, что этотъ интернаціональный характеръ борьбы между трудомъ и капиталомъ нисколько не исключаетъ нѣкоторыхъ національныхъ пріемовъ, нѣкоторыхъ тактическихъ особенностей военныхъ дѣйствій трудящихся массъ противъ представителей владѣнія. Отрицать, что общія задачи историческаго періода преломляются въ каждой частной средѣ по особому, сталкиваясь съ различными національными темпераментами, различными политическими и соціальными условіями, значитъ быть рабомъ черезчуръ прямолинейной и черезчуръ узкой идеи. Именно потому, что мы живемъ не въ періодѣ космополитизма, стирающаго національныя различія интеллигентныхъ людей во имя идеала «гражданина міра», а живемъ въ періодѣ интернаціонализма, гармонически сливающаго національныя особенности трудящихся массъ въ общемъ стремленіи къ идеалу всесторонняго соціализма, именно поэтому рабочій классъ каждой страны рѣшаетъ нѣсколько по своему великій соціальный вопросъ нашего времени. Наблюдая эти особенности, мы изучаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ всеобщую, міровую тенденцію трудящихся массъ устроить на развалинахъ капитали-

ственнаго строя новый строй, основанный не на владѣніи, а на трудѣ.

Въ настоящей статьѣ я задаюсь цѣлью отмѣтить нѣкоторыя черты рабочаго движенія во Франціи, пополняя ихъ, въ случаѣ надобности, по закону сходства или контраста, чертами такого же движенія въ другихъ странахъ. Какъ уже читатель можетъ заключить изъ самаго заглавія мого этюда, онъ будетъ посвященъ изученію той стороны соціальнаго движенія, которая чаще всего именуется въ послѣднее время синдикализмомъ и которая въ извѣстномъ смыслѣ можетъ быть названа рабочимъ движеніемъ по преимуществу, если не въ противоположность, то въ отличіе отъ фиктивныхъ и политическихъ формъ борьбы труда съ капиталомъ, извѣстныхъ подъ именемъ соціализма. Нисколько не скрывая отъ себя трудности всякаго краткаго опредѣленія какого-либо сложнаго явленія, я все же полагаю, что разницу между соціализмомъ и синдикализмомъ можно охарактеризовать сравнительно немногими словами. Синдикализмъ есть, прежде всего, стихійное стремленіе представителей труда совмѣстно защищать противъ представителей капитала свои интересы въ ихъ непосредственной, бытовой, профессіональной формѣ. Соціализмъ же есть сознательное противоположеніе принципа труда—принципу капитала въ теоріи, и сознательная борьба политически организованнаго класса, класса рабочихъ, противъ политически же организованнаго класса капиталистовъ на практикѣ *). Нѣтъ сомнѣнія что такая краткая формулировка дастъ, пожалуй, возможность черезчуръ придирчивымъ читателямъ выдвинуть противъ нея нѣкоторыя возраженія. Но для практическихъ цѣлей сдѣланное выше опредѣленіе годится, какъ мнѣ думается, вполнѣ. А. главное, при дальнѣйшемъ развитіи мысли, оно окажется свободнымъ отъ тѣхъ недоумѣній, которыя оно возбуждаетъ на первыхъ порахъ. По мѣрѣ того, какъ читатель будетъ пробѣгать дальше и дальше эту статью, онъ увидитъ, надѣюсь, что такая формулировка оправдывается и самой исторіей движенія.

*) Принципіальное противоположеніе труда капиталу логически приводитъ, конечно, къ требованію замѣны частной собственности общественною. Въ этомъ смыслѣ правъ Мермэксъ, авторъ поверхностной, но небезъинтересной компиляціи о современномъ соціализмѣ, говоря: „Въ настоящее время можно и должно сказать такъ: соціализмъ есть доктрина, которая претендуетъ на то, чтобы, путемъ коренной революціи, установить совершенное равенство между людьми, уничтожая единственное неравенство, которое оставили по себѣ поверхностныя политическія революціи: неравенство богатства. Но какъ уничтожить это неравенство богатства? Это возможно сдѣлать не иначе, какъ отмѣняя частную собственность, какъ превращая всѣ виды собственности, которыми владѣютъ въ настоящее время на частномъ правѣ личности и семьи, въ одно коллективное имущество, одну соціальную собственность, которой будутъ пользоваться всѣ люди и т. д.“. См. Mermeix, „Le Socialisme. Exposé du pour et du contre“; Парижъ, 1906, стр. 2—3.

Прибавлю лишь къ вышесказанному, что я занимаюсь въ своемъ этюдѣ собственно синдикализмомъ, т. е. формами профессіональной борьбы труда и капитала, и организаціями, которыя рабочій классъ создастъ въ своей наступательной и оборонительной войнѣ противъ имущихъ классовъ. Я оставляю въ сторонѣ кооперативное движеніе, которое, хотя и заслуживаетъ вниманія, но до сихъ поръ играетъ второстепенную роль въ великой соціальной борьбѣ нашей эпохи.

Не заходя вглубь временъ и останавливаясь только на новѣйшемъ фазисѣ соціальной эволюціи, мы можемъ констатировать тотъ фактъ, что стихійная защита профессіональныхъ интересовъ труда.—возможно высокой заработной платы, возможно короткаго рабочаго дня, вознагражденія за увѣчье, несомое пролетарскимъ рабочимъ, охраненія здоровья и достоинства трудящихся, понимаетъ значительные размѣры лишь по мѣрѣ того, какъ крупная индустрія, съ одной стороны, усиливаетъ эксплуатацію рабочаго капиталистомъ, съ другой— все больше и больше укрѣпляетъ связь между «руками», занятыми процессомъ производства въ громадномъ промышленномъ заведеніи. Смотря по тому, насколько рано та или другая страна становится на путь крупнаго капиталистическаго производства и массовой эксплуатаціи трудящихся, и синдикализмъ (не слово, конечно, а самая вещь) становится замѣтнымъ явленіемъ промышленной жизни. Стоитъ сравнить въ этомъ отношеніи хотя бы Англію и Францію, которыя, представляя въ теченіе первыхъ трехъ четвертей XIX-го вѣка двѣ наиболѣе развитыя экономически страны въ Европѣ, тѣмъ не менѣе рѣзко отличались между собою размѣрами и характеромъ производства. Англія шла впереди Франціи по пути крупной индустріи и капиталистическаго хозяйства. Соотвѣтственно съ этимъ и англійскіе тредъ-юніоны (Trades Unions, или «ремесленные союзы», Unions de métiers, какъ переводятъ это выраженіе французы) были уже могучей рабочей организаціей, когда французскія группировки труда находились еще въ младенчествѣ. Не мѣшаетъ добавить, что подъ могучимъ давленіемъ быстро возрастающаго пролетаріата, правительство Соединеннаго Королевства уже въ 1824 г. признало свободу стачекъ,— этого любимаго оружія тредъ-юніоновъ въ борьбѣ съ капиталомъ,— тогда какъ во Франціи первый шагъ по пути къ свободѣ коалицій и стачекъ былъ сдѣланъ лишь сорокъ лѣтъ спустя (законъ 25-го мая 1864 г.), несмотря на то, что французскій рабочій провелъ за это время не одну политическую революцію.

Съ другой стороны, собственно такъ называемый соціализмъ развивался во Франціи гораздо быстрѣе, чѣмъ въ Англіи, и въ смыслѣ теоріи, и въ смыслѣ практики. На одного дѣйствительно великаго Оуэна и нѣсколькихъ второ-,если не третьестепенныхъ, но большей части «христіанскихъ» соціалистовъ Англіи Франція выдвинула

цѣлую плеяду творческихъ и критическихъ умовъ соціалистическаго направленія: геніальныхъ Сэнъ-Симона и Фурье, могучаго «аналитика» Прудона и замѣчательныхъ во многихъ отношеніяхъ Пьера Леру, Кабэ, Луи-Блана, Огюста Бланки, Видаля, Пеккёра и т. п. Рядомъ съ этимъ и политическая борьба рабочаго класса противъ буржуазіи была проникнута во Франціи въ гораздо большей степени соціалистическими элементами, чѣмъ у за-ламаншской сосѣдки, и временами принимала на волканической почвѣ Галліи форму жесточайшей гражданской войны. Такое положеніе дѣлъ, въ общемъ и съ нѣкоторыми оговорками, удержалось до самаго послѣдняго времени.

Проведеніе этихъ «параллелей и контрастовъ» между двумя высоко культурными странами даетъ намъ поводъ лучше уяснить себѣ разницу между синдикализмомъ и соціализмомъ, между стихійнымъ и сознательнымъ процессомъ борьбы труда съ капиталомъ. Стихійное движеніе неимущихъ рабочихъ противъ праздныхъ эксплуататоровъ должно неизбѣжно возникнуть на извѣстной ступени хозяйственнаго развитія, какъ вода, нагрѣтая до извѣстной температуры, должна фатально выдѣлять изъ себя пузырьки воздуха, т. е. кипѣть. И если бы мы желали употреблять въ общественныхъ наукахъ естественно-научные термины «соціальная теплота» и «соціальное движеніе», пресерьезно прилагаемые Кэри къ явленіямъ человѣческаго общежитія, то мы могли бы сказать, что процессъ капиталистической эксплуатаціи, доведенный хозяевами до той точки, когда онъ начинаетъ *зажигать* негодованіемъ души трудящихся массъ, долженъ непремѣнно вызывать среди нихъ и стихійное (молекулярное) *движеніе* и доводить ихъ до хроническаго кипѣнія, порою переходящаго въ прямые взрывы. То картина стихійнаго, профессіональнаго рабочаго движенія, картина синдикализма, который можетъ носить — и, дѣйствительно, чаще всего носитъ — умѣренный реформистскій характеръ, но порою, особенно въ нѣкоторыхъ странахъ, проявляется въ видѣ революціоннаго «прямого воздѣйствія» (action directe, какъ выражаются въ такихъ случаяхъ французы).

Другой вопросъ, при какихъ условіяхъ это стихійное молекулярное движеніе можетъ переходить въ сознательное политическое движеніе, движеніе въ пространствѣ, направленное въ извѣстную сторону и приближающее насъ къ извѣстной, заранѣе поставленной нами цѣли, равно какъ другой вопросъ, при какихъ условіяхъ эта фатальная возгонка стремленій, чувствъ, аффектовъ рабочаго класса, вызываемая лихорадочнымъ процессомъ эксплуатаціи, можетъ осаждаться въ формѣ соціалистическихъ идеаловъ, плановъ будущаго общества, во имя которыхъ борцы за лучшій строй организуются въ могучія партіи и вступаютъ въ бой съ историческими силами стараго міра, хищничествомъ и гнетомъ. Тутъ недостаточно одной игры экономическихъ отношеній, одного процесса эксплуатаціи.

Соціалистическій идеалъ и политическая борьба соціалистовъ съ другими партіями нуждаются для своего осуществленія въ совокупности общественныхъ условій, которыя, какъ все въ соціальномъ организмѣ, находятся въ тѣсномъ взаимодѣйствіи съ хозяйственнымъ строемъ, но вовсе не точно пропорціональны напряженности тѣхъ или другихъ экономическихъ силъ, царящихъ въ данномъ обществѣ. Здѣсь приходится принимать въ разсчетъ національный темпераментъ даннаго народа, характеръ его психологіи, степень его воспріимчивости и способность его къ абстракціи. Здѣсь надо обращать вниманіе на уровень его общей культуры, на развитіе научной мысли, на силу историческихъ традицій. Въ свою очередь чисто политическія условія,—большая или меньшая степень общественной и личной свободы, централистическій или федеративный характеръ государства, международная роль данной страны, и т. д.—облегчаютъ или затрудняютъ для массъ переходъ отъ стихійнаго рабочаго движенія къ сознательному политически-соціалистическому движенію. Въ сущности, всѣ эти разнообразныя условія присутствуютъ и при процессѣ чисто стихійнаго профессіональнаго выступленія трудящихся массъ противъ эксплуататоровъ. Но самая первоначальность и всеобщность процесса эксплуатаціи переноситъ центръ тяжести этой стихійной борьбы на экономическую почву и устанавливаетъ гораздо болѣе прочное соотвѣтствіе между напряженностью упомянутой эксплуатаціи и яркостью профессіональной борьбы трудящихся противъ капиталистовъ. Тогда какъ характеръ соціалистическаго движенія въ данной странѣ обусловливается несравненно болѣе многочисленными и сложными обстоятельствами.

Вслѣдствіе этого мы и видимъ, напр., что теоретическій соціализмъ можетъ пріобрѣсти большее значеніе въ странѣ, менѣе развитой въ экономическомъ отношеніи, особенно, благодаря возможности для геніальнаго мыслителя забѣгать въ области идей впередъ хозяйственнаго развитія своей родины. Пусть читатель припомнитъ хотя бы великія предвидѣнія Фурье, который въ первой трети XIX-го вѣка успѣлъ уже подвергнуть самой разрушительной критикѣ капиталистическій строй и построить цѣлую систему будущаго гармоническаго общества, хотя могъ наблюдать во Франціи режимъ свободной конкурренціи почти исключительно въ области крупной торговли (а не крупной промышленности); въ смыслѣ же общественнаго производства былъ знакомъ, повидимому, только съ мелкими молочными коопераціями смежныхъ полосъ Франціи и Швейцаріи. Съ другой стороны, на почвѣ крайне промышленной Англіи дѣятельность собственно соціалистическихъ партій до сихъ поръ плохо прививается, что можно объяснить, между прочимъ, привилегированнымъ положеніемъ, которое Великобританія занимала на міровомъ рынкѣ, а кромѣ того, и искусной политикой правящихъ классовъ. Дѣло въ томъ, что классовая политика трудя-

щихся массъ, идущая въ разрѣзъ съ политикой представителей владѣнія, парализовалась фактической монополіей Англіи, какъ производительницы мануфактурныхъ продуктовъ чуть не для всего міра. Въ силу этого дѣлежъ получаемой съ чужестранцевъ прибыли между фабрикантами и рабочими не вызывалъ столь ожесточенной борьбы, какъ въ другихъ странахъ. Въ свою очередь и политическій смыслъ правящихъ верховъ, неизмѣнно уступавшихъ массамъ, когда напоръ послѣднихъ принималъ чрезчуръ революціонный характеръ, обламывалъ остріе у «соціальной войны» въ Англіи.

Мы видимъ такимъ образомъ, что отсутствіе строгой пропорціональности между силой собственно рабочаго движенія, или синдикализма, и силой теоретическаго и политическаго соціализма есть явленіе очень распространенное. Не надо только забывать, что, обусловленное различными сложными условіями, это несоотвѣтствіе напряженности экономической и политической борьбы труда противъ капитала отнюдь не обозначаетъ прямой противоположности двухъ видовъ «соціальной войны». Наоборотъ, въ концѣ концовъ и съ теченіемъ времени та страна, въ которой происходитъ сильное рабочее движеніе, будетъ обладать и большими шансами на водвореніе прочнаго соціалистическаго строя. За то изученіе національныхъ особенностей соціальнаго движенія въ разныхъ странахъ даетъ возможность наблюдателю опредѣлить, какія «возмущающія» условія, какія спеціальныя причины мѣшаютъ сближенію обоихъ родовъ классовой борьбы грудящихся массъ противъ эксплуататоровъ. Ибо во всякомъ случаѣ и теоретики, и практики современнаго соціализма согласны въ томъ, что никакое серьезное измѣненіе настоящаго строя не мыслимо безъ дѣятельнаго участія трудящихся классовъ, т. е. огромнаго большинства человѣчества.

Послѣ этихъ общихъ, но необходимыхъ соображеній мы можемъ перейти къ непосредственному предмету нашей статьи—французскому синдикализму.

Мною уже неоднократно изображалось въ письмахъ изъ Франціи и собственно рабочее, и соціалистическое движеніе этой страны. За исторіею и подробностями взаимныхъ отношеній между трудомъ и капиталомъ въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ я отсылаю поэтому читателя къ своимъ предшествующимъ этюдамъ *). Здѣсь же я остановлюсь на исторіи французскаго синдикализма лишь съ того времени, когда онъ замѣтно выдѣлился изъ совокупности смежныхъ явленій, составляющей соціальный вопросъ въ его цѣломъ.

*) См. въ «Очеркахъ современной Франціи» главы: Жизнь и идеалы четвертаго класса во Франціи» (стр. 198—238), «Эволюція политическихъ партій» (стр. 560—587) и «Сто лѣтъ взаимныхъ отношеній буржуазіи и пролетаріата» (стр. 587—612).

и тѣмъ больше, тѣмъ дальше начинаетъ играть роль въ общественной жизни страны. Избѣгая по возможности повтореній, но развивая нѣкоторыя стороны явленія, я беру за исходный пунктъ синдикализмъ на почвѣ совсѣмъ еще новой, но уже обагренной кровью Коммуны Третьей республики. Синдикаты, которые выросли въ послѣдніе годы Второй имперіи *), сложились въ федерацію и вошли нѣкоторыми наиболѣе крайними своими элементами въ Интернаціоналъ, были, конечно, безжалостно раздавлены во время этого величайшаго избіенія трудящихся масъ буржуазіей. Поэтому, когда сама сила вещей стала снова создавать синдикальную организацію, эта группировка рабочихъ ставила своею исключительной цѣлью преслѣдованіе чисто профессіональныхъ интересовъ и всячески открещивались отъ классовой политики, что шло только на руку апостоламъ чистаго синдикализма, въ родѣ Барберэ. Это обстоятельство мы должны отмѣтить тутъ же, такъ какъ «барберэтизмъ», чтобы употребить французскую кличку, — есть не только свойственное Франціи, но всему міру явленіе. И межеумочные политики, стоящіе одной ногой на почвѣ трудового міровоззрѣнія, а другой — на почвѣ мировоззрѣнія буржуазнаго, съ необыкновеннымъ усердіемъ поддерживаютъ въ различныхъ странахъ тѣлемыя формы будничнаго, скромнаго синдикализма, который мѣшаетъ восторжествовать въ современномъ обществѣ интересамъ и идеаламъ рабочаго класса путемъ рѣшительной борьбы съ имущими и правящими классами.

Какъ бы то ни было, въ 1875 г.,—четыре года спустя послѣ версальскихъ вакханалій въ разгромленномъ Парижѣ,—насчитывалось уже во Франціи 135 синдикальныхъ палатъ, старавшихся вести себя по возможности тихо и скромно, чтобы избѣжать преслѣдованій реакціоннаго въ то время правительства. Не забудьте, что тогда надъ всякими организаціями Третьей республики, бывшей пока «республикою безъ республиканцевъ», висѣлъ, словно дамокловъ мечъ, цѣлый арсеналъ репрессивныхъ законовъ и мѣръ, кой-какія изъ которыхъ или еще со временъ Великой революціи. Имъ угрожалъ такъ называемый законъ Ле-Шапелье (14—17 іюля 1791 г.), который воспрещалъ какую бы то ни было организацію ремеслъ и профессій подъ тѣмъ предлогомъ, что революціонное право уничтожило всѣ средневѣковые цехи и корпораціи и не допускаетъ ихъ возстановленія «въ какой бы то ни было формѣ» и во имя «мнимыхъ (sic!) общихъ интересовъ» **). Имъ грозили статьи 291—294 свода уголовныхъ законовъ, требовавшія для всякаго общества,

*) Самое слово появляется во Франціи, повидимому, въ 1867 г., когда башмачники даютъ названіе Синдикальной палаты своей профессіональной ассоціаціи. См. Léon de Seilhac, «Syndicats ouvriers, fédérations, bourses du travail; Парижъ, 1902, стр. 50.

**) Ср. Louis Barthon, «L'action syndicale»; Парижъ 1904, стр. 7 «введенія».

насчитывающаго болѣе 20 членовъ, разрѣшенія правительства. И таковъ же, съ усугубленіемъ, былъ смыслъ закона 10 апрѣля 1834 г., вотированнаго буржуазіей послѣ ліонскаго возстанія ткачей въ октябрѣ 1831 г. Тяжелыми карами грозили организаціямъ и статьи 414—416 уголовнаго свода, наказывавшія почти всѣ проявленія коллективнаго сговора или стачки.

Интересны тенденціи перваго рабочаго конгресса, который засѣдалъ въ Парижѣ отъ 2 до 10 октября 1876 г. и на которомъ присутствовало 360 делегатовъ отъ 70 парижскихъ синдикатовъ и 37 провинціальныхъ корпорацій. Въ заявленіяхъ и дебатахъ конгресса вскрывается рядъ недоразумѣній, показывающихъ, какъ неясна была для самихъ участниковъ цѣль возрождавшагося движенія. Громадное большинство конгрессистовъ принадлежало къ сторонникамъ прудоновскаго мутуализма и чисто кооперативной дѣятельности. Было лишь нѣсколько «коллективистовъ», какъ государственническаго, такъ и анархическаго пошиба. Словомъ, въ сущности торжествовала чисто профессіональная точка зрѣнія, которую съ 1872 г. развивалъ Барберэ. Но къ этому торжеству барберэттизма примѣшивалась та комическая нота, что послѣдовательные синдикалисты горячо протестовали противъ присутствія на ихъ, рабочемъ, конгрессѣ самого Барберэ, вдохновителя мелко-профессіональнаго движенія, на томъ основаніи, что онъ не былъ собственно рабочимъ. Съ одной стороны, конгрессъ въ лицѣ докладчика выражалъ крайне умѣренныя требованія, осуществленіе которыхъ отнюдь не могло бы мѣшать ни сну, ни пищеваренію господъ буржуа: «пусть знаютъ,—говорилъ онъ,—что намѣреніе рабочихъ нисколько не заключается въ томъ, чтобы улучшить свою участь путемъ ограбленія другихъ». Но съ другой—онъ жестоко нападалъ на притязанія буржуа руководить рабочимъ классомъ, и нападалъ всего болѣе чуть ли не за то, что они «ищутъ лѣкарствъ противъ нашихъ золъ въ идеяхъ и умствованіяхъ, а не справляются (prendre conseil) съ нашими потребностями и съ дѣйствительностью» *) Курьезъ здѣсь заключается въ томъ, что «буржуа», которыхъ бичевалъ первый синдикалистскій конгрессъ, были соціалисты, изъ рядовъ буржуазной интеллигенціи, которые покинули привилегированный классъ съ тѣмъ, чтобы вести борьбу внутри арміи рабочихъ съ представителями капитала и владѣнія. Это ихъ-то соціалистическіе идеалы французскій синдикализмъ презрительно обзывалъ «умствованіями». Такое отношеніе людей труда какъ разъ къ міровоззрѣнію труда было, конечно, сейчасъ же отмѣчено съ двухъ сторонъ, и со стороны буржуазіи, и со стороны соціалистовъ. Всѣ буржуазныя газеты,—и правой, и лѣвой, и французскія, и заграничныя,—восхищались здравымъ смысломъ и миролюбивымъ настроеніемъ конгрессистовъ,

*) Fernand Pelloutier, «Histoire des bourses du travail. Origine, institution, avenir», Парижъ 1902, стр. 39.

занимаясь разными варіаціями на одну тему: «эра революціи во Франціи кончена навсегда». Съ другой стороны, коммунары, спасшіеся отъ разстрѣла версальцами и ссылки въ Новую Каледонію, выражали все свое негодованіе къ близорукимъ синдикалистамъ въ брошюрѣ, выпущенной бѣглецами въ Лондонѣ сейчасъ же вслѣдъ за конгрессомъ: «Въ городѣ революціи, пять лѣтъ спустя послѣ битвъ Коммуны, на могилѣ разстрѣлянныхъ, въ виду нумейской каторги, въ виду тюремъ, переполненныхъ революціонерами, могли найтись,— какъ это ни чудовищно,— люди, осмѣлившіеся взять на себя роль представителей пролетаріата, съ тѣмъ, чтобы отъ его имени принести публичное покаяніе буржуазіи, отречься отъ революціи, отречься отъ Коммуны. Укрывшись въ покровительственной тѣни бонапартистскихъ военныхъ судовъ, синдикалисты собрались для того, чтобы позорить революціонный Парижъ» и т. д. *).

Мы увидимъ, однако, ниже, какіе крайніе выводы вышелушитъ, если можно такъ выразиться, изъ смутной теоріи тогдашнихъ сторонниковъ чисто профессіональнаго движенія современный французскій (и итальянскій) революціонный синдикализмъ. Во всякомъ случаѣ, если кто не былъ въ то время обезпокоенъ синдикальнымъ движеніемъ, такъ это именно буржуа, которые прекрасно понимали, что, заключая себя въ кругъ чисто профессіональныхъ интересовъ, отказываясь отъ какой бы то ни было политики, рабочій классъ тѣмъ самымъ отдавалъ политическую сферу въ безраздѣльное владѣніе имущихъ и правящихъ классовъ и увѣковѣчивалъ свою соціальную приниженность.

Такъ или иначе рабочее движеніе развивалось; и сама жизнь вносила поправки въ черезчуръ узкую программу чисто профессіональнаго синдикализма, какъ онъ проявилъ себя на парижскомъ конгрессѣ. По мѣрѣ того, какъ Третья республика демократизировалась въ пылу борьбы съ отживающими партіями, усиливалась и возможность соціалистической пропаганды среди рабочихъ. Синдикалисты подвергались все возростающему и возростающему вліянію сторонниковъ болѣе цѣльнаго міровоззрѣнія труда. Надо сказать, что въ ту раннюю пору французскаго рабочаго движенія профессіональныя организаціи фактически не могли отмежеваться отъ организацій политическихъ. А внутри соціализма государственники и анархисты довольно дружно работали бокъ-о-бокъ, находя почву взаимнаго соглашенія въ элементѣ революціонности и въ противопоставленіи его мирному профессіональному направленію чистыхъ синдикалистовъ. Теченіе шло, очевидно, въ сторону болѣе крайнихъ партій или, лучше сказать, взглядовъ (такъ какъ собственно рабочихъ партій въ то время еще не существовало). Не мѣшаетъ, дѣйствительно, припомнить, что какъ ни былъ умѣренъ первый конгрессъ, онъ все же отвергнулъ проектъ закона о синдикатахъ,

*) Seilhac, l. c., стр. 255—256.

который былъ составленъ Эдуардомъ Локруа, депутатомъ крайней лѣвой, и позволялъ образованіе синдикатовъ, но подъ условіемъ представленія мэру, префекту полиціи, или прокурору (смотря по мѣсту) статутовъ, фамилій и адресовъ всѣхъ членовъ.

На второмъ, лионскомъ, рабочемъ конгрессѣ (28 января—8 февраля 1878 г.) соціалисты, несмотря на свое крайне незначительное число, могли, однако, развить вполнѣ опредѣленно свою программу «установленія коллективнаго производства и коллективной собственности». Это предложеніе нашло среди голосовавшихъ его конгрессистовъ всего восемь сторонниковъ. Но важенъ былъ уже самый фактъ, что делегаты синдикатовъ допустили коллективистовъ развернуть здѣсь свое знамя. Вскорѣ коллективизмъ настолько набирается силъ, что на слѣдующемъ—третьемъ—рабочемъ конгрессѣ (20—31 октября 1879 г.) въ Марсели хозяиномъ положенія является уже онъ, а не профессіональный синдикализмъ, такъ какъ послѣдній успѣваетъ выдвинуть всего только 23 голоса противъ 69 голосовъ, высказавшихся за «коллективную собственность (collectivité) почвы, подпочвы, орудій труда сырыхъ матеріаловъ» и т. д. На четвертый конгрессъ (октябрь 1880 г.), въ Гаврѣ, коллективисты являются уже съ твердымъ намѣреніемъ или увлечь за собой мирныхъ синдикалистовъ, или рѣзко отколоться отъ нихъ. Расколъ, дѣйствительно, происходитъ въ самомъ началѣ. Коллективистическое меньшинство, предводимое Гэдомъ,—который нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ составлялъ въ Лондонѣ вмѣстѣ съ Марксомъ, Энгельсомъ, Лафаргомъ, Ломбаромъ «программу рабочей партіи»,—не допускается на конгрессъ синдикалистовъ, такъ какъ эти требуютъ отъ членовъ правильныхъ мандатовъ отъ рабочихъ организацій, а у гэдистовъ такихъ пока нѣтъ. И вотъ бокъ-о-бокъ съ конгрессомъ представителей синдикатовъ идутъ засѣданія конгресса коллективистовъ, которые яркостью и революціонностью своихъ заявленій оттягиваютъ въ ряды своей партіи не мало выдающихся представителей синдикатовъ въ большихъ городахъ.

Этотъ дренажъ синдикальныхъ силъ въ пользу коллективизма ослабляетъ чисто профессіональное движеніе. Въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ, отъ 1880 до 1886 г.,—которыя знаменуются ростомъ, но и внутренними расколами соціалистической партіи, раздѣлившейся на гэдистовъ и поссибилистовъ,—чистые синдикалисты успѣваютъ созвать лишь два, очень тусклыхъ, кстати сказать, конгресса, въ Парижѣ и Бордо. Лишь въ октябрѣ 1886 г. синдикаты, естественному росту которыхъ благопріятствовалъ отчасти подготовленный республиканцами съ Вальдекомъ-Руссо во главѣ законъ 21 марта 1884 г., могли снова организовать конгрессъ, на сей разъ въ Лионѣ. Но и здѣсь умѣренные элементы синдикализма, организовавшіе конгрессъ, принуждены были уступить господствующую роль представителямъ революціоннаго, политическаго соціализма, или, лучше сказать, гэдистамъ, образовавшимъ «рабочую партію». Эта побѣда

политиковъ надъ синдикалистами выразилась, между прочимъ, очень ясно въ вопросѣ объ отношеніи конгресса къ только-что упомянутому закону 1884 г. Какъ извѣстно, статья 2-я этого закона разрѣшаетъ свободное образованіе «синдикатовъ или профессіональныхъ ассоціацій» безъ всякаго разрѣшенія правительства,—явочнымъ порядкомъ, какъ принято говорить у насъ,—хотя бы эти общества состояли и болѣе, чѣмъ изъ двадцати членовъ. А статья 4 опредѣляетъ условія этого явочнаго порядка: основатели синдиката должны представить въ мѣстную мэрію (а въ Парижѣ въ *сенскую, но не полицейскую* префектуру) уставъ и имена администраторовъ общества. Согласно статьѣ 5-ой, синдикаты могутъ даже образовать цѣлые союзы, которые, однако, не признаются юридической личностью и не могутъ, напр., поэтому ни обладать никакой недвижимостью, ни защищать свои интересы по суду. Тогда какъ сами синдикаты, въ силу статьи 6-й, признаются юридическою личностью, хотя съ немалыми ограниченіями: они могутъ выступать на судѣ, могутъ производить сборы съ своихъ членовъ и давать употребленіе собраннымъ суммамъ, могутъ устраивать кассы взаимопомощи и пенсіонныя кассы; но они не могутъ пріобрѣтать иную недвижимость, кромѣ той, которая «необходима для ихъ собраній, ихъ библіотекъ и курсовъ профессіональнаго образованія».

Вотъ на почвѣ этого-то закона и возникло рѣзкое столкновеніе между сторонниками политическаго соціализма и синдикалистами. Сторонники Гэда страшно возстали противъ законодательства 21-го марта 1884 г., напирая на то, что необходимость предъявленія статутовъ и именъ администраторовъ синдикатовъ властямъ уподобляетъ рабочіе союзы «публичнымъ женщинамъ» (*femmes du trottoir*). При вотировкѣ 74 голоса высказались противъ признанія закона рабочими и лишь 29 за признаніе; 7 воздержалось. Восклицанія: «да здравствуетъ соціальная революція» перекрещивались въ воздухѣ. Трехцвѣтное знамя оффиціальной республики было разорвано, и сохранившая нарочно отъ него красная полоса развѣвалась, какъ стягъ революціоннаго пролетаріата. Въ результатѣ конгресса была сформирована «національная федерація синдикатовъ» во главѣ съ «генеральнымъ федеральнымъ совѣтомъ», составившимся изъ выдающихся гэдистовъ. Второй конгрессъ этой *новой* организаціи, засѣдавшій въ 1887 г. въ Монлюсонѣ, заключалъ въ себѣ уже исключительно сторонниковъ Гэда; и съ самаго начала пренія происходили не «подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ, подъ которымъ,—какъ выразился предсѣдатель конгресса, рабочій Дормуа,—буржуазія совершала всѣ свои предательства по отношенію къ родинѣ, всѣ свои преступленія противъ рабочаго класса и избіенія его», а подъ «краснымъ знаменемъ, которое пролетаріатъ два раза поднималъ во Франціи, провозглашая республику».

Третій конгрессъ, собравшійся было въ 1888 г. въ Бордо, былъ распущенъ правительствомъ и перенесъ свои засѣданія въ пред-

мѣстье Буска. Его намъ приходится упомянуть главнымъ образомъ въ силу того знаменательнаго обстоятельства, что на немъ были вотированы два предложенія, которыя, въ сущности, какъ окажется послѣ, или въ разрѣзъ съ общей тактикой, если и революціоннаго то все же политическаго соціализма гэдистской «рабочей партіи». Первое изъ этихъ предложеній гласило: «только всеобщая стачка, то-есть полное прекращеніе труда, или революція, можетъ толкнуть (entraîner) рабочихъ къ ихъ освобожденію». Второе, въ нѣсколько смутной, но чреватой будущими расколами формѣ, провозглашало необходимость для рабочихъ отмежеваться какъ будто бы только отъ буржуазныхъ политиковъ, но на самомъ-то дѣлѣ отъ политиковъ вообще, стало быть и отъ соціалистовъ, стоящихъ за политическую борьбу: «принимая во вниманіе, что гражданамъ невозможно и думать, чтобы захватъ собственности рабочимъ классомъ (reprise de possession) могъ когда-нибудь совершиться съ согласія буржуазіи, конгрессъ приглашаетъ рабочихъ рѣзко отдѣлиться отъ политикановъ, которые ихъ обманываютъ».

Мы увидимъ вскорѣ, какъ двѣ эти резолюціи вырастутъ въ цѣлую стѣну, которая разъединитъ французскій соціализмъ отъ французскаго синдикализма, ставшаго въ послѣдніе годы, если и революціоннымъ, то въ значительной степени анархистскимъ, «аполитическимъ» движеніемъ. Дѣло въ томъ, что и на почвѣ закона 1884 г., и внѣ его, профессіональныя организаціи распространялись все больше и больше по странѣ и вырабатывали самостоятельную группировку рабочихъ элементовъ въ разныхъ направленіяхъ, такъ что при подвижномъ и революціонномъ темпераментѣ французскаго пролетаріата скоро возникла возможность разрыва между силами синдикализма и силами соціалистической партіи.

Этотъ разрывъ и произошелъ въ 1894 г. послѣ слѣдующихъ перипетій. Мы только что сказали, что профессіональныя организаціи срослись въ различныя группы. Такъ, съ одной стороны, однородныя ремесла и вѣтви промышленности объединялись въ «федераціи синдикатовъ», т. е. въ общіе союзы рабочихъ, занятыхъ однимъ и тѣмъ же производствомъ во всей Франціи: таковы синдикаты металлургическіе, рудокопные, желѣзнодорожные, книгопечатниковъ и т. п. Съ другой стороны, различныя отрасли промышленности одного какого-нибудь центра или мѣстности соединялись въ такъ называемыя «биржи труда» *). Первою изъ этихъ

*) Это названіе и первоначальная идея центральнаго справочнаго органа для спроса, предложенія и найма труда принадлежатъ французскому экономисту-манчестерцу Молинари и были брошены имъ еще наканунѣ февральской революціи въ 1845 г. Но идея „биржи“, являющейся центромъ рабочей ячейки,—какъ церковь являлась центромъ средневѣковой коммуны,—принадлежитъ одному рабочему, сотруднику старой корпоративной газеты „L'Echo de la Fabrique“ (№ отъ 1-го декабря 1833 г.).

биржъ оказалась парижская, основанная въ 1886 г. А въ 1892 г. ихъ насчитывалось уже четырнадцать. И вотъ въ то время, какъ гэдисты вели свою пропаганду, главнымъ образомъ, среди федерацій синдикатовъ, соединявшихся въ «Національную федерацію», при чемъ внутри этихъ организацій они занимались гораздо больше вопросами соціалистической доктрины и политики, чѣмъ профессіональными интересами, — собственно синдикалистское движеніе росло внутри биржъ труда, гдѣ практическія задачи мѣстныхъ рабочихъ находили несравненно лучшее рѣшеніе. Росла вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжная мысль о федераціи биржъ труда между собой. Она впервые была осуществлена въ 1892 г.: и ее реализацію ускорили старанія политическихъ соперниковъ Гэда (поссибилистовъ) опереться, въ свою очередь, на что-нибудь аналогичное съ «федераціей синдикатовъ». Парижская биржа труда, находившаяся подъ вліяніемъ поссибилистовъ, предложила сэнтъ-этьеннской биржѣ организовать конгрессъ съ цѣлью основать федерацію биржъ. И конгрессъ, открывшійся въ Сэнтъ-Этьеннѣ 7-го февраля 1892 г., положилъ основаніе «Французской федераціи биржъ труда».

Первое время обѣ федераціи,—и синдикатовъ, и биржъ,—созывали свои конгрессы независимо. Такъ, въ 1893 г. федерація синдикатовъ организовала конгрессъ въ Марсели, а федерація биржъ въ Тулузѣ. Но изъ обмѣна мыслей и здѣсь, и тамъ выяснилась потребность въ общемъ объединительномъ конгрессѣ, который было предположено созвать въ концѣ текущаго года. Это казалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что министерство Дюпюи вступило на путь самой рѣзкой соціальной реакціи и, какъ извѣстно, 7-го іюля того же 1893 г. закрыло парижскую биржу труда подъ тѣмъ предлогомъ, что изъ 270 синдикатовъ, входившихъ въ составъ мѣстной биржи, 120 не соблюдали условій, установленныхъ закономъ 1884 года. Парижскій совмѣстный конгрессъ рѣшилъ, что въ слѣдующемъ, 1894 году, будетъ лишь одинъ общій конгрессъ биржъ и федерацій, и что онъ соберется въ Нантѣ. Это рѣшеніе было принято не безъ рѣзкаго протеста со стороны Гэда, который опасался, что находившаяся подъ его вліяніемъ федерація синдикатовъ растворитъ чистоту своихъ соціалистическихъ принциповъ въ профессіональныхъ тенденціяхъ федераціи биржъ. Не написалъ ли Гэдъ тотчасъ же по закрытіи парижской биржи слѣдующихъ, чересчуръ односторонніе и чересчуръ раздражившихъ синдикалистовъ, строкъ: «Дюпюи, заградивъ своей полиціей и конницей синдикальный и корпоративный туманъ (imprese), въ которомъ грозило затеряться слишкомъ большое число рабочихъ, отбросилъ въ политическое движеніе,—единственный соціалистическій путь,—всю рабочую партію, которая отнынѣ убѣждена что внѣ завоеванія

[1] См. перепечатку этой статейки въ „La Revue Syndicaliste“, № 14 (іюнь) 1906 г., стр. 45—46.

правительственной власти рабочимъ классомъ, нѣтъ ни спасенія, ни освобожденія труда» *).

Опасенія Гэда оказались вѣрными: синдикалистскіе элементы, какъ мы сейчасъ увидимъ, взяли верхъ, но, по любопытной ироніи судьбы, вотировали въ вопросѣ о всеобщей стачкѣ резолюцію, гораздо болѣе революціонную, чѣмъ-то допускала гэдистская точка зрѣнія, бывшая въ то же время по этому вопросу общимъ символомъ вѣры политическаго, главнымъ образомъ марксистскаго, соціализма. На Нантскомъ конгрессѣ (сентябрь 1894 г.) были представлены 21 биржа труда, обнимавшія 776 синдикатовъ и 30 федерацій, состоявшихъ изъ 682 синдикатовъ, кромѣ 204 синдикатовъ, имѣвшихъ прямое представительство. Въ общемъ конгрессъ насчитывалъ 1662 синдиката, пославшихъ на съѣздъ 143 делегата. И что же? Послѣ энергичной и талантливой защиты всеобщей стачки Бріаномъ,—тогда мало извѣстнымъ нантскимъ адвокатомъ, а нынѣ одомашненнымъ буржуазіею соціалистомъ въ кабинетѣ Клемансо,—конгрессисты очень значительнымъ большинствомъ голосовъ приняли рѣшеніе въ пользу тактическаго пріема, пропагандировавшагося Бріаномъ и его сторонниками: 65 голосовъ высказались за всеобщую забастовку, 37 противъ, 9 воздержалось **).

*) См. статью въ „Le Matin“, отрывки которой цитированы у Seilhac, „Syndicats ouvriers“ etc., стр. 266.

**) Отсылая читателя за подробностями взглядовъ французскихъ и иныхъ соціалистическихъ партій на всеобщую стачку къ своей прошлогодней статьѣ въ «Русскомъ Богатствѣ» (№ 11—12), появившейся затѣмъ въ нѣсколько дополненномъ видѣ какъ предисловіе къ брошюрѣ Этьена Бюиссона, посвященной тому же вопросу (изданіе «Общественной Пользы» 1906 г.), я позволю себѣ прибавить здѣсь слѣдующую историческую справку, которая мнѣ представляется очень любопытной. Многіе ученые люди искали прецедентовъ если не практическаго выполненія, то самой идеи всеобщей стачки. И лишь синдикалисты Франціи вспомнили кстати, что едва ли не самый опредѣленный планъ такой стачки принадлежитъ въ прошломъ Эмилю де-Жирардэну. Вдвойнѣ любопытно то обстоятельство, что оригинальный публицистъ-флюгеръ, обѣщавшій своимъ читателямъ давать имъ «каждый день по идеѣ», понималъ эту стачку именно какъ политическую, словно предвидя нашу знаменитую октябрьскую стачку прошлаго года. Вечеромъ 3-го декабря 1851 г., на слѣдующій день послѣ «декабрьской ночи» Эмиль де-Жирардэнъ отсовѣтовалъ своимъ друзьямъ возстаніе и наоборотъ рекомендовалъ взять клятвопреступника измором. Викторъ Гюго такъ передаетъ въ своей «Исторіи преступленія» слова де-Жирардэна: «Сдѣлаемъ пустоту вокругъ него! Провозгласимъ всеобщую стачку! Пусть торговецъ перестанетъ продавать, потребитель покупать, мясникъ бить скотъ булочникъ печь хлѣбъ, пусть все бастуетъ, вплоть до національной типографіи, и пусть Людовикъ-Бонапартъ не найдетъ ни одного наборщика, чтобы набирать «Moniteur», ни одного печатника, чтобы его печатать, ни одного расклейщика чтобы расклеивать его по улицамъ. Устроимъ одиночество, пустыню, пустоту вокругъ этого человѣка! Пусть нація отдалится отъ него. Всякая власть, отъ которой отшатнулась нація, падаетъ какъ дерево, отъ котораго отпалъ корень. Покинутый всѣми, Людовикъ-Бонапартъ погибнетъ внутри самаго преступле-

Этотъ исходъ довольно знаменателенъ. Онъ показываетъ, что французскій синдикализмъ, вслѣдствіе революціонныхъ традицій страны, никогда не сводится исключительно къ преслѣдованію профессіональныхъ интересовъ, и что ему всегда присуще тяготѣніе къ крайнимъ мѣрамъ, имѣющимъ цѣлью толкать членовъ синдикатовъ за предѣлы будничной дѣятельности. Здѣсь, можетъ быть, умѣстно будетъ прибавить, не развивая пока подробно этой мысли, что, если французскій синдикализмъ сталъ рѣзко отгораживаться съ только что отмѣченнаго нами момента отъ политическаго соціализма, то не только потому, что умѣренные элементы его пугались революціонности политическаго направленія, но и потому, что крайнихъ синдикалистовъ раздражала, наоборотъ, въ иныхъ отношеніяхъ умѣренность соціалистовъ-политиковъ. Достаточно будетъ, напр., припомнить читателю, что въ то время, какъ Гэдъ, съ колебаніями въ ту и другую сторону, переходилъ въ обидамъ отъ рѣзкаго отрицанія парламентарной дѣятельности, всеобщей подачи голосовъ и т. п. къ признанію, по крайней мѣрѣ, относительной полезности этой формы политической борьбы *), крайніе синдикалисты остаются на старинной точкѣ зрѣнія Гэда, если еще не преувеличиваютъ ея. Они даже приходятъ къ своеобразному «анархическому марксизму» (пусть читатель не боится этого объясняемаго ниже термина) съ его борьбой классовъ исключительно на экономической почвѣ...

Побитые на такомъ крупномъ вопросѣ, какъ всеобщая стачка, гэдисты удалились съ шестого «національнаго конгресса синдикатовъ Франціи», унося съ собою лишь имя «федераціи синдикатовъ», такъ какъ чисто профессіональныхъ организацій у нихъ оставалось въ это время незначительное число. Жизненной группировкой рабочихъ интересовъ становилась исключительно «федерація биржъ труда», избравшая своимъ главнымъ секретаремъ галантливаго выходца изъ буржуазіи, Фердинанда Пеллутье, который сначала принадлежалъ къ гэдистской партіи, а затѣмъ продѣлалъ эволюцію въ сторону анархизма. Ось синдикальнаго движенія проходила теперь черезъ федерацію биржъ, начавшую въ особенности быстро развиваться съ того времени, какъ, благодаря выдающимся административнымъ способностямъ Пеллутье, она получила правильную организацію съ федеральнымъ комитетомъ, засѣдающимъ въ Парижѣ, и съ постояннымъ главнымъ секретаремъ. Такъ что, созданная синдикалистами рядомъ съ федераціей биржъ болѣе общая организація, такъ называемая «Всеобщая конфеде-

---

нія». Victor Hugo «Histoire d'un crime»; т. I. стр. 252. Парижъ, 1877, 3-е изд. («Calmann Lévy»).

*) См. подробности этой эволюціи въ моей біографіи Гэда, входящей въ «Галлерею современныхъ французскихъ знаменитостей». Спб., 1906, стр. 345—349 и стр. 370—373.

рація труда» влачила въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ лишь призрачное, чисто формальное существованіе.

Эта новая организація была выработана на Лиможскомъ конгрессѣ (сентябрь 1895 г.) федераціи биржъ и дала поводъ, при обсужденіи своихъ статутовъ къ рѣзкому провозглашенію со стороны синдикалистовъ ихъ обособленности отъ политическаго соціализма. Дѣйствительно, первый параграфъ устава гласилъ: «элементы, образующіе конфедерацію, должны держаться внѣ всякихъ политическихъ школъ». Послѣ страстныхъ преній, онъ былъ принятъ громаднымъ большинствомъ 134 голосовъ противъ 14. Въ мнѣніи ея творцовъ, всеобщая конфедерація должна была объединить въ «унитарной и коллективной организаціи» различные рабочіе союзы, связавъ въ одно цѣлое федерацію биржъ и федерацію синдикатовъ. Но мы уже видѣли, что послѣдняя была въ гораздо большей степени политической, чѣмъ профессіональной организаціей «рабочей партіи». Съ уходомъ же гэдистовъ она утратила и политическую жизненность, что, при давнишней слабости въ ней профессіональныхъ интересовъ, сводило ее на роль простыхъ рамокъ, почти лишенныхъ содержанія. Съ другой стороны, федерація биржъ была если и очень жизненнымъ, то совершенно автономнымъ учрежденіемъ. Что же оставалось дѣлать всеобщей конфедераціи, несмотря на свое громкое имя, какъ не удовольствоваться поддержаніемъ кой-какихъ связей между корпоративными федераціями? Вслѣдствіе этого получилось такое положеніе вещей, что въ то время, какъ федерація биржъ объединяла наиболѣе активные и крайніе элементы синдикализма, всеобщая конфедерація труда стала прибѣжищемъ сторонниковъ исключительно «реформистскаго» направленія, а отчасти потайныхъ «политиковъ». Но эти послѣдніе, не вѣря въ чисто экономическую дѣятельность рабочихъ группъ и не смѣя въ то же время нарушить въ этомъ смыслѣ статуты, мало заботились вообще объ успѣхахъ конфедераціи.

Конфедерація обнаружила живучесть и заставила говорить себѣ лишь съ 1900 г., когда, послѣ парижскаго корпоративнаго конгресса, былъ созданъ конфедеральный еженедѣльный органъ «La Voix du Peuple» («Голосъ Народа»), и въ конфедерацію влились революціонные, главнымъ образомъ, анархическіе элементы. Этотъ поворотный пунктъ въ исторіи конфедераціи и вообще въ исторіи французскаго синдикализма имѣетъ немалое значеніе какъ въ практическомъ, такъ и въ теоретическомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что французскій анархизмъ во второй половинѣ 90-хъ годовъ подвергся значительной эволюціи. Партизанская война противъ современнаго строя, которая выливалась въ столь же отчаянные, сколько нелѣпые акты Вальяна и Анри, метавшихъ бомбы въ палатѣ депутатовъ и въ кафе, пошла на убыль. Моде

на анархизмъ, которая обуяла было декадентовъ и эстетовъ буржуазнаго міра, удовлетворяя ихъ индивидуалистическимъ, противообщественнымъ инстинктамъ, уступила мѣсто гораздо болѣе идущему имъ къ лицу откровенному аристократизму, ницшеанству и вообще презрѣнію къ массамъ. Съ другой стороны, ростъ рабочаго движенія остановилъ на себѣ вниманіе тѣхъ анархистовъ, которые подъ именемъ «анархистовъ-коммунистовъ» (каковы, напр., нашъ Кропоткинъ, Элизэ Реклю, Жанъ-Гравъ) никогда не оставляли соціалистическаго идеала, но которые затерывались среди анархистовъ-индивидуалистовъ, привлеченныхъ къ анархизму исключительно его утопической вѣрой въ скорѣйшее наступленіе на землѣ эры «безвластія». Коммунистическій анархизмъ почувствовалъ необходимость опереться на массы. Практически это сказывалось, между прочимъ, на томъ ожесточеніи, съ которымъ въ анархическихъ кругахъ сталъ дебатироваться вопросъ объ «организаціи». Дѣятельность въ широкихъ массахъ была, дѣйствительно, немыслима безъ какой бы то ни было организаціи. Между тѣмъ, значительная доля анархистовъ и слышать не хотѣла ни малѣйшаго намека на необходимость организоваться. Тщетно анархисты болѣе разумнаго типа говорили, что дѣло идетъ не о какой-либо авторитарной, принудительной организаціи, а объ организаціи добровольной, совершенно естественно связывавшей единомышленниковъ въ одно цѣлое. Тщетно они ссылались на нѣкоторыя оправдывавшія это положенія Фурье, Прудона и другихъ мыслителей неавторитарнаго склада ума. Уже самое слово «организація» возбуждало непреодолимое отвращеніе среди представителей классическаго анархизма. И въ этомъ отношеніи будущій историкъ найдетъ не мало интереснаго въ коллекціяхъ анархическихъ органовъ, издававшихся за это время.

Какъ бы то ни было, сближеніе съ рабочими массами фатально заставляло анархистовъ раздѣлываться съ ихъ суевѣрной боязнью организаціи, если они хотѣли пріобрѣсти симпатіи среди трудящихся. Было еще другое обстоятельство, которое на рубежѣ XIX-го и XX-го вѣковъ благопріятствовало проникновенію анархистовъ въ среду французскаго рабочаго класса. То было время, когда впервые ярко вспыхнули внутри соціалистической партіи Франціи раздоры по поводъ участія соціалистовъ въ буржуазномъ правительствѣ, «министерской» и «анти-министерской» политики и т. д. Борясь съ жорэсистами, стоявшими за упомянутое участіе, объединившіеся на болѣе революціонной почвѣ марксисты (гэдисты) и бланкисты въ значительной степени отказались отъ парламентарной дѣятельности, которою они усердно занимались въ палатѣ 1893—1898 гг., и стали, наоборотъ, подчеркивать необходимость революціонной тактики. Здѣсь они встрѣчались съ анархистами, и порою, особенно въ провинціи, заключали если не формальные, то фактическіе договоры со своими злѣйшими врагами, лишь бы

парализовать распространеніе «реформистскаго» духа, который грозилъ увлечь трудящіяся массы далеко по пути министеріализма. Въ теченіе почти пяти лѣтъ, пока длилась братоубійственная война между «революціонерами» и «парламентаристами» соціалистическаго лагеря, анархисты пользовались и критикой парламентаризма, исходившей отъ «революціонеровъ», и разочарованіемъ наиболѣе энергичныхъ и сознательныхъ рабочихъ министеріалистской тактикой Жорэса и товарищей. Въ концѣ концовъ, анархическое міровоззрѣніе нашло благопріятную почву въ профессіональныхъ синдикатахъ Франціи, которые были довольно таки сильно заброшены соціалистами-политиками, боровшимися все это время внутри себя за установленіе надлежащаго равновѣсія между элементомъ «революціи» и элементомъ «реформы». Само собою разумѣется, что, проникнувъ въ синдикальную среду, и самъ анархизмъ потерпѣлъ, какъ мы подробнѣе увидимъ ниже,—значительныя измѣненія. Всматриваясь внимательнѣе въ современное положеніе вещей, можно, напр., сказать, что здѣшній синдикальный анархизмъ врядъ ли уже можетъ считаться въ строгомъ смыслѣ «аполитическимъ», такъ какъ, говоря все время, что онъ не занимается политикой, онъ въ сущности-то по своему занимается ею. Мало того, онъ уживается внутри синдикатовъ не только съ «организаціей», но и съ различными формами парламентарной дѣятельности, поскольку она можетъ практиковаться внутри синдикатовъ, выражаясь въ принципѣ представительства рабочихъ корпорацій делегатами, въ вотировкѣ резолюцій большинствомъ голосовъ и т. п. отступленіями отъ принципа чистой анархіи *).

Но возратимся къ фактической сторонѣ синдикальнаго движенія. Итакъ, мы видѣли, что на ряду съ жизнеспособной и дѣятельной «Федераціей биржъ», «Всеобщая конфедерація труда» влачила довольно долго лишь жалкое существованіе, хотя по плану устроителей должна была бы исполнять высшую объединяющую роль. Читатель помнитъ также, что настоящая жизнь и развитіе «Всеобщей конфедераціи» проявились лишь съ 1900 г. Дѣйствительно, на парижскомъ корпоративномъ конгрессѣ 1900 г. конфедерація насчитывала лишь 16 національныхъ федерацій и 5 различныхъ другихъ, тогда какъ на Буржскомъ конгрессѣ, который состоялся четыре года спустя и къ которому мы еще возвратимся, она состояла уже изъ 53 корпоративныхъ федерацій, или «національныхъ синдикатовъ», и изъ полутора десятка отдѣльныхъ синдикатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, возникъ вопросъ о приведеніи къ единству двухъ синдикальныхъ организацій. И это такъ называемое «рабочее единство»

*) Ср. очень пристрастную (въ гэдистскомъ духѣ), но живую статейку: Ch. Rappoport, Der sozialistische Kongress in Limoges: въ «Neue Zeit», № 7 (отъ 17 ноября 1906), т. I, годъ XXV, стр. 229.

(Unité ouvrière) было осуществлено на конгрессѣ 1902 г. — въ Монпелье, — который слилъ въ одно «Федерацію биржъ труда» и ту федерацію національныхъ федерацій, которая вяло влачила свое существованіе подъ названіемъ «Всеобщей конфедераціи». Отнынѣ «Всеобщая конфедерація труда» получила правильную организацію, главныя черты которой мы сейчасъ же обрисуемъ читателю.

Конфедерація состоитъ изъ двухъ секцій: секціи корпоративныхъ (синдикальныхъ) федерацій и секціи биржъ труда. Каждая изъ этихъ секцій имѣетъ свой комитетъ, который слагается изъ делегатовъ всѣхъ примкнувшихъ къ секціи организацій. Объ секціи считаются автономными, но связаны общимъ органомъ, который именуется «Конфедеральнымъ комитетомъ» и состоитъ изъ делегатовъ каждой секціи. Черезъ каждые два года Конфедерація созываетъ національный конгрессъ, на которомъ *рѣшающимъ* голосомъ (читатель обратитъ конечно, вниманіе на этотъ парламентарный пріемъ, принципіально противорѣчащій теоріи анархизма) пользуются *делегаты* (новое нарушеніе этой теоріи) лишь тѣхъ синдикатовъ, которые удовлетворяютъ слѣдующимъ двумъ требованіямъ: каждый изъ нихъ долженъ примыкать къ своей національной корпоративной федераціи, и каждый уже долженъ примыкать къ мѣстному союзу, всего чаще носящему названіе биржи труда.

Что касается до роли обѣихъ переплетающихся организацій, то ее можно опредѣлить и комментировать слѣдующимъ образомъ. Синдикаты какой-нибудь корпораціи, какого-нибудь ремесла слагаются въ національную корпоративную федерацію, съ боевою цѣлью вести наступательную и оборонительную борьбу противъ класса капиталистовъ. Если, напр., синдикату, состоящему, изъ рабочихъ извѣстной профессіи, приходится организовать стачку для повышенія рабочей платы или сокращенія рабочаго дня въ извѣстномъ мѣстѣ, то всѣ синдикаты этой профессіи должны поддержать по всей Франціи требованія данной группы рабочихъ. Съ другой стороны, синдикаты, хотя и принадлежащіе къ различнымъ профессіямъ, объединяются, не смотря на это различіе ремеслъ, въ одну мѣстную биржу труда, распространяющуюся на данный городской центръ или мѣстный районъ. И въ данномъ случаѣ преслѣдуется цѣль устранить обособленность различныхъ ремеслъ и возбудить живой обмѣнъ мыслей между рабочими разныхъ профессій, расширяя кругозоръ рабочихъ каждаго ремесла путемъ пропаганды на почвѣ всевозможныхъ мѣстныхъ задачъ. Библіотеки, профессіональные курсы, антимилитаристская пропаганда въ данномъ городѣ могутъ служить примѣрами этой мѣстной дѣятельности.

Слѣдующій за конгрессомъ въ Монпелье Буржскій конгрессъ (сентябрь 1904 г.), на которомъ не мало рѣчей было посвящено теоріи и практикѣ синдикализма, главнымъ образомъ интересенъ въ томъ отношеніи, что на немъ былъ вотированъ планъ кампаніи въ пользу «захватнаго» установленія 8-часового рабочаго дня, какъ

одного изъ пріемовъ такъ называемаго «прямого воздѣйствія» (action directe), столь прославляемаго революціонными синдикалистами въ пику политической дѣятельности соціалистовъ. Докладъ коммиссіи, вотированный на конгрессѣ въ Буржѣ, требовалъ дѣйствительно, чтобы эта мѣра была осуществлена не позже, какъ 1-го мая 1906 г. путемъ давленія на капиталистовъ, и чтобы въ виду этого были организованы по всей Франціи грандіозныя манифестаціи и велась неустанная устная и печатная пропаганда между рабочими, съ цѣлью убѣдить ихъ всѣхъ въ необходимости предпринятой кампаніи. Рѣшеніе конгресса гласило, въ духѣ теоріи прямого воздѣйствія, что рабочіе только тогда могутъ поднять широкую агитацію, когда увѣрятся, что «они не должны разсчитывать на законодателей, но лишь на самихъ себя, чтобы добиться своихъ требованій» *).

Надо сказать, что въ послѣдніе годы, и до Буржскаго конгресса, и послѣ него, организованнымъ въ синдикаты рабочимъ удалось нѣсколько разъ произвести такое «прямое воздѣйствіе» на имущихъ и правящихъ, которое если и не обходилось безъ промежуточнаго звена «законодателей», такъ за то заставляло этихъ политическихъ выразителей буржуазнаго строя поскорѣе вотировать ненавистныя имъ соціальныя мѣры. Вспомнимъ хотя бы, что произошло ровно три года тому назадъ. Въ декабрѣ 1903 г. сенатъ отказывался принять законъ, уже вотированный палатой, относительно уничтоженія частныхъ платныхъ конторъ для пріисканія мѣстъ (bureaux de placement) рабочимъ и служащимъ. Но тогда выступила на сцену «Всеобщая конфедерація труда», повѣдшая агитацію противъ конторъ самымъ энергичнымъ способомъ. Сотня митинговъ была организована съ этой цѣлью по всей Франціи. Враждебныя демонстраціи противъ хозяевъ конторъ въ Парижѣ нагнали страхъ на этихъ эксплуататоровъ человѣческой нужды. Даже избіеніе полицейскими,—по приказанію пресловутаго префекта полиціи, Лепина,—рабочихъ, собравшихся въ биржѣ труда, не остановило конфедерацію въ ея агитаціонной кампаніи: правительству было заявлено организаторами манифестацій, что движеніе рабочаго класса противъ конторъ не только не прекратится, но возгорится съ еще большей силой. И вотъ сенатъ, испуганный все возраставшимъ недовольствомъ пролетаріата и толкаемый въ сторону уступокъ министерствомъ Комба, побѣдилъ свое обычное отвращеніе къ соціальнымъ реформамъ и вотировалъ со скорбью въ сердцѣ уничтоженіе конторъ. Нечего говорить, что это побѣда конфедераціи очень подняла шансы «прямого воздѣйствія». Стали въ средѣ синдикатовъ раздаваться голоса, что политическая дѣятельность, имѣющая, напр., цѣлью проводить

*) См. резолюцію, перепечатанную въ первомайскомъ (288) номерѣ газеты «La voix du peuple» за этотъ годъ.

соціалистическихъ депутатовъ въ парламентъ съ тѣмъ, чтобы они добивались полезныхъ для рабочаго класса реформъ, безполезна уже потому, что стоитъ, молъ, хорошенько припугнуть господъ буржуа «прямымъ воздѣйствіемъ», и тогда самые реакціонные депутаты вотируютъ требуемую трудящимся мѣру съ неменьшей готовностью, чѣмъ соціалистическіе представители народа.

Другое проявленіе «прямого воздѣйствія» заключалось въ попыткѣ «Конфедераціи труда» провести какъ разъ вотированный на Буржскомъ конгрессѣ 8-часовой день. Эта попытка была пріурочена къ 1-му мая текущаго года и, подавленная необычайными полицейскими мѣрами, принятыми Клемансо, не удалась. Но нравственное дѣйствіе, произведенное ею на правительство и на буржуазію, было очень значительно. Уже предварительная, собравшаяся въ первыхъ числахъ апрѣля, конференція «корпоративныхъ федерацій» обратилась къ рабочимъ съ призывомъ представить «наказныя тетради» капиталистамъ и требовать отъ послѣднихъ исполненія этихъ различныхъ «улучшеній», въ родѣ уменьшенія длины рабочаго дня, не позже 1 го мая. А въ видѣ пріемовъ воздѣйствія на хозяевъ она указывала пролетаріямъ «двѣ слѣдующія формы осуществленія: или прекращеніе работъ по исходѣ восьмого часа, или уже полнѣйшую пріостановку всякаго труда, начиная съ 1-го мая и вплоть до удовлетворенія рабочихъ требованій».

Что было бы, если бы этотъ лозунгъ получилъ осуществленіе, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, никогда еще, повидимому, со времени Коммуны буржуазія не испытывала такого ужаса, и Парижъ 1-го мая совсѣмъ опустѣлъ въ своихъ кварталахъ, населенныхъ имущими и правящими. Правительство не остановилось ни передъ чѣмъ, ни передъ наводненіемъ столицы арміей, ни передъ произвольными арестами, ни передъ избіеніемъ манифестантовъ полиціей, ни передъ устройствомъ несуществующаго монархическо-революціоннаго заговора, съ цѣлью дискредитировать членовъ Конфедераціи. И когда, благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, первомайское движеніе было дезорганизовано, отъ него осталось все-таки впечатлѣніе такой силы, что сами политическіе соціалисты, на банкетѣ въ Сэнъ-Мандэ, устроенномъ для празднованія результатовъ выборовъ, старались въ своихъ рѣчахъ отмѣчать успѣхи этого чисто рабочаго движенія и искали сближенія съ Всеобщей конфедераціей труда. Не мѣшаетъ прибавить, что не прошло и нѣсколькихъ недѣль послѣ первомайскаго движенія, какъ то самое правительство, которое справляло еще недавно вакханаліи произвола, внесло въ палату предложеніе укоротить съ 12 до 10 часовъ максимальную длину рабочаго дня,—въ чемъ и друзья, и враги синдикализма увидѣли признаніе его силы со стороны правящихъ классовъ. Наконецъ, и манифестаціи рабочихъ и приказчиковъ—противъ хозяевъ, нарушающихъ вотированный 13-го іюля законъ

объ обязательномъ еженедѣльномъ отдыхѣ*),—манифестаціи, которыя мирно происходятъ каждое воскресенье по всей Франціи, организуются и вдохновляются главнымъ образомъ «Всеобщей конфедераціей труда». Словомъ, этотъ организованный синдикализмъ сталъ такимъ замѣтнымъ и активнымъ элементомъ соціально-политической жизни Франціи, что послѣдній конгрессъ Конфедераціи, засѣдавшій 8—13 октября въ Амьенѣ, съ нетерпѣніемъ ожидался какъ врагами, такъ и друзьями рабочаго движенія.

Главный интересъ его заключается въ томъ, что на немъ долженъ былъ обсуждаться вопросъ, какъ всеобщая конфедерація отнесется къ «объединенной» соціалистической партіи, т. е., иначе говоря, какой modus vivendi будетъ принятъ революціоннымъ синдикализмомъ по отношенію къ революціонному политическому соціализму. Было бы, дѣйствительно, очень вредно для успѣховъ и рабочаго и соціалистическаго движенія Франціи, если бы рабочій классъ, выступающій въ синдикатахъ, шелъ противъ рабочаго класса, организующагося въ рамкахъ соціалистической партіи, и наоборотъ: или даже если бы оба эти рода организаціи трудящихся массъ вели просто-на-просто совершенно обособленное существованіе, не чувствуя потребности хоть мало-мальски координировать свою дѣятельность. Соціалисты желали, конечно, установленія такой координаціи, тогда какъ буржуа всѣми силами души жаждали разрыва и прямаго объявленія войны Конфедераціей соціалистической партіи. Отношенія между той и другой были, дѣйствительно, уже давно далеко не изъ мирныхъ.

Амьенскій конгрессъ обманулъ злорадныя ожиданія буржуазіи, но не далъ удовлетворенія и соціалистамъ. Синдикализмъ желаетъ по прежнему жить совершенно независимою жизнью и не хочетъ входить въ соглашенія,—даже временныя,—съ организованнымъ соціализмомъ. Единственно развѣ чего добились люди, желавшіе сближенія двухъ силъ, такъ это того, что резолюція, принятая Амьенскимъ конгрессомъ, признаетъ за членами синдикатовъ право держаться, внѣ организаціи, какихъ угодно политическихъ взглядовъ и, значитъ, косвенно смягчаетъ враждебное отношеніе анархически настроенныхъ элементовъ Конфедераціи къ соціалистамъ, входящимъ въ профессіональныя организаціи. Дѣло было такъ. Текстильная федерація (состоящая главнымъ образомъ изъ рабо-

*) Буржуазія пользуется многочисленными отступленіями отъ правила, установленнаго самимъ законодателемъ и вынуждающими цѣлый рядъ комментаріевъ. Появились даже цѣлыя «руководства», какъ разбираться въ законѣ. См. напр., «Julien Boistel, Manuel pratique sur l'application de la loi sur le repos hebdomadaire;» Парижъ, 1906 (содержитъ, между прочимъ, указатель параграфовъ какъ самого закона 13-го іюля, такъ и поясняющаго его декрета 24-го августа).

чихъ Сѣвернаго департамента, находящихся подъ сильнымъ вліяніемъ гэдистовъ) предложила конгрессу проектъ резолюціи, который «приглашалъ конфедеральный комитетъ условливаться, всякій разъ, какъ того потребуютъ обстоятельства, путемъ временныхъ или постоянныхъ делегацій, съ Національнымъ совѣтомъ соціалистической партіи для того, чтобы легче провести важнѣйшія рабочія реформы». Ренаръ, въ качествѣ секретаря текстильной федераціи, мотивировалъ это предложеніе тѣмъ, что для торжества такихъ реформъ, какъ установленіе 8-часового рабочаго дня, минимума заработной платы, отмѣны ночной работы, распространенія права государственныхъ служащихъ на организацію синдикатовъ, надо заручиться содѣйствіемъ соціалистическихъ депутатовъ, которые при поддержкѣ синдикалистовъ могутъ въ большемъ количествѣ проходить въ парламентъ и вырывать съ большею легкостью эти реформы у буржуазныхъ представителей народа.

Это предложеніе вызвало рѣзкій протестъ громаднаго большинства конгрессистовъ. Раздавались даже голоса похоронить проектъ безъ всякаго обсужденія, путемъ такъ называемаго въ парламентарной практикѣ «предварительнаго вопроса» (question préalable). Но въ концѣ концовъ, было рѣшено обсудить предложеніе, которое и было отвергнуто очень импозантнымъ большинствомъ 774 голосовъ противъ 34, при 37 пустыхъ бюллетеняхъ. Затѣмъ, послѣ преній и внесенія нѣкоторыхъ проектовъ резолюціи средняго типа, хотя неизмѣнно говорящихъ о независимости синдикальнаго движенія отъ политическаго, была принята почти единогласно, а именно большинствомъ 824 голосовъ противъ 8, резолюція Гриффюэля, рѣзко выражающая точку зрѣнія современнаго французскаго синдикализма. Эта резолюція настолько важна и въ теоретическомъ, и въ практическомъ смыслѣ для изученія современнаго синдикальнаго движенія, что мы приводимъ ее здѣсь почти цѣликомъ:

«Конфедеральный конгрессъ въ Амьенѣ подтверждаетъ вторую уставную статью «Всеобщей конфедераціи труда», гласящую: Всеобщая конфедерація труда группируетъ, внѣ всякой политической школы, всѣхъ рабочихъ, сознающихъ необходимость веденія борьбы съ цѣлью уничтоженія наемнаго труда и предпринимательства (patronat).

«Конгрессъ полагаетъ, что это заявленіе есть признаніе классовой борьбы, которая противоставляетъ на экономической почвѣ бунтующихъ рабочихъ (travailleurs en révolte) всѣмъ формамъ эксплуатаціи и гнета, какъ матеріальнымъ, такъ и моральнымъ, выдвигаемымъ классомъ капиталистовъ противъ рабочаго класса.

«Конгрессъ въ слѣдующихъ пунктахъ точнѣе опредѣляетъ это теоретическое положеніе:

«Въ дѣлѣ ежедневныхъ требованій синдикализмъ преслѣдуетъ координацію рабочихъ усилій, увеличеніе благосостоянія трудя-

щихся путемъ осуществленія непосредственныхъ улучшеній, каковы: уменьшеніе рабочихъ часовъ, увеличеніе заработной платы и т. п. Но это дѣло является только одною изъ сторонъ дѣятельности синдикализма: онъ подготовляетъ полное освобожденіе трудящихся, которое можетъ быть осуществлено лишь экспропріаціей капиталистовъ; онъ пропагандируетъ, въ качествѣ способа дѣйствія, всеобщую стачку, и онъ полагаетъ, что синдикатъ, въ настоящее время являющійся группировкою рабочихъ въ цѣляхъ сопротивленія (groupement de résistance), будетъ въ грядущемъ производительной и распредѣлительной группой основного соціальнаго переустройства.

«Конгрессъ заявляетъ, что эта двойная дѣятельность и текущаго дня, и будущаго, вытекаетъ изъ самаго положенія наемниковъ, которое давитъ на рабочій классъ и которое вмѣняетъ всѣмъ рабочимъ,—каковы бы ни были ихъ политическія и философскія мнѣнія или тенденціи,—въ долгъ принадлежать къ той существенной группировкѣ, которою является синдикатъ.

«Какъ слѣдствіе изъ этого по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, конгрессъ провозглашаетъ полную свободу для синдикалиста участвовать, внѣ корпоративной группировки, въ тѣхъ или иныхъ формахъ борьбы, соотвѣтствующихъ его философскому или политическому міровоззрѣнію, и ограничивается лишь тѣмъ, что проситъ его, взамѣнъ этого, не вносить въ синдикатъ тѣ мнѣнія, которыхъ онъ держится извнѣ.

«По отношенію же къ организаціямъ, конгрессъ заявляетъ, что для того, чтобы синдикализмъ произвелъ максимумъ своего дѣйствія, экономическая дѣятельность должна направляться непосредственно противъ класса предпринимателей, и конфедеральныя организаціи не должны, поскольку онѣ являются синдикальными группировками, обращать вниманіе на партіи и секты, которыя внѣ и съ боку могутъ преслѣдовать вполнѣ свободно цѣли соціальнаго преобразованія» *).

Мы привели эту резолюцію главнымъ образомъ потому, что она концентрируетъ взгляды активныхъ синдикалистовъ Франціи и позволяетъ удобнѣе вскрыть смыслъ этого рабочаго движенія. Мы сейчасъ перейдемъ къ этой части нашей работы, но, въ цѣляхъ лучшаго выясненія вопроса, коснемся предварительно отношенія соціалистической партіи къ резолюціи, которая была принята съ такимъ единодушіемъ конгрессомъ Конфедераціи. На Люможскомъ конгрессѣ, имѣвшемъ мѣсто 1—4 ноября 1905 г., партіи объединенныхъ соціалистовъ предстояло, между прочимъ, рѣшить какъ разъ эту важную задачу: игнорировать синдикальную резолюцію

*) См. № 315 (21—28 октября 1906 г.) газеты „La Voix du Peuple“.

было, очевидно, невозможно, и, стало быть, надо было высказаться по этому поводу. Три разныя тенденціи отчетливо обрисовались между соціалистами въ этомъ вопросѣ. Одни изъ нихъ, во главѣ съ Ренодэлемъ (бывшимъ жоресистомъ, старавшимся, однако, не сходить и въ періодъ «министеріализма» съ революціонной точки зрѣнія), желали возможно тѣснаго сближенія съ Конфедераціей. Они симпатизировали даже основной точкѣ зрѣнія революціоннаго синдикализма, а именно признавали, что синдикальная борьба удовлетворяетъ не только потребностямъ ежедневной реформистской дѣятельности, но и цѣлямъ общаго революціоннаго переворота, при чемъ синдикатъ являлся бы основной ячейкой будущаго организующаго строя. Это направленіе, видимо подчинявшее, если не прямо, то косвенно политическій соціализмъ синдикализму, не нашло, впрочемъ, большого отклика на конгрессѣ: и сравнительно хорошо развитыя соображенія Ренодэля упали въ атмосферу равнодушія.

Другая тенденція, въ особенности энергично защищавшаяся Гэдомъ, признавала, наоборотъ, революціонное первенство за политическимъ соціализмомъ, который, путемъ захвата политической власти рабочимъ классомъ, только и можетъ повести къ истинному революціонному перевороту, тогда какъ синдикализмъ въ лучшемъ случаѣ можетъ быть лишь реформистскимъ движеніемъ. Отъ конгрессистовъ, державшихся этой второй тенденціи, исходило предложеніе, формулированное Н. Дюма изъ федераціи департамента Алье, «принять мѣры, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, синдикальная дѣятельность и политическая дѣятельность рабочихъ могли согласоваться и комбинироваться между собою». Это заключеніе было, конечно, въ такой формѣ не враждебно синдикальному движенію. Не враждебны послѣднему были и соображенія, которыми мотивировалось заключеніе, такъ какъ въ этихъ мотивахъ указывалось на вредъ для всего рабочаго класса раздѣляться на двѣ враждебныя группировки, кооперативную и политическую, вмѣсто того, чтобы не смѣшивая эти двѣ дѣятельности, но и не противоставляя ихъ, стремиться дружно къ освобожденію трудящихся. Но за этой формулировкой чувствовалась неумолимая политическая страсть Гэда, который, проповѣдуя необходимость соглашенія между двумя видами борьбы труда противъ капитала, ставилъ, несомнѣнно, цѣлью подчинить кооперативную дѣятельность политической, такъ какъ только за послѣдней признавалъ истинно революціонный характеръ.

Поэтому противъ предложенія Дюма было выставлено предложеніе Жореса, къ которому присоединился Вальянъ и которое выражало третью тенденцію, старавшуюся примирить точку зрѣнія революціоннаго синдикализма и революціоннаго политическаго соціализма. Это предложеніе и одержало верхъ, сгруппировавъ вокругъ себя 148 голосовъ противъ 130 голосовъ, высказавшихся

за инспирированную Гэдомъ резолюцію. Мы приведемъ цѣликомъ предложеніе Жорэса-Вальяна, такъ какъ полагаемъ, что при настоящемъ положеніи вещей и развитіи французскаго синдикализма, такая резолюція лучше всего ведетъ къ установленію modus'a vivendi и совмѣстной дѣятельности между двумя враждующими отрядами одной рабочей арміи:

«Конгрессъ, убѣжденный, что рабочій классъ можетъ вполнѣ освободить себя лишь соединенными силами политической дѣятельности и дѣятельности синдикальной, при посредствѣ синдикализма, доходящаго вплоть до всеобщей стачки, и при посредствѣ завоеванія всей политической власти въ виду общей экспропріаціи капитализма:

«убѣжденный, что эта двойная дѣятельность будетъ тѣмъ дѣйствительнѣе, что организмъ политическій и организмъ экономическій сохранятъ при этомъ свою полную автономію;

«принимая къ свѣдѣнію резолюцію Амьенскаго конгресса, провозглашающую независимость синдикализма по отношенію ко всякой политической партіи и поставляющую въ то же время для синдикализма цѣль, которую лишь одинъ соціализмъ, какъ политическая партія, признаетъ и преслѣдуетъ;

«принимая во вниманіе, что это основное согласіе политической и экономической дѣятельности пролетаріата необходимо выразится, безъ взаимнаго смѣшенія, подчиненія и недовѣрія, свободное сотрудничество между двумя организмами;

«приглашаетъ всѣхъ дѣйствующихъ товарищей (les militants) работать насколько возможно для того, чтобы разсѣять всякія недоразумѣнія между «Конфедераціей труда» и соціалистической партіей». *).

Мнѣ кажется, что эта резолюція лучше другой отвѣчаетъ задачамъ современнаго рабочаго движенія во Франціи. Не входя въ закулисныя стороны ея выработки, не задаваясь вопросомъ, насколько такая формулировка передаетъ въ точности дѣйствительныя мнѣнія Жорэса и Вальяна,—ихъ гэдисты упрекаютъ въ политиканствѣ по отношенію ко «Всеобщей конфедераціи труда»,—можно, мнѣ думается, сказать, что подобная резолюція менѣе всего обостряетъ и безъ того далеко зашедшую вражду между французскимъ синдикализмомъ и французскимъ политическимъ соціализмомъ. Начать хотъ бы съ того, что отрицать вліяніе синдикализма на рабочія массы, или приписывать ему лишь фиктивную, лишь раздутую вожаками Конфедераціи силу, значитъ умышленно закрывать глаза на дѣйствительность. Изъ занесенныхъ къ 1-му января 1903 г. въ оффиціальную статистику 643.657 членовъ 3.934 рабочихъ синдикатовъ,—что составляетъ около 10 проц.

*) См. оффиціальный органъ партіи „Le Socialiste", годъ XXII, новая серія, №№ 79—80 (отъ 3—18 ноября 1906 г.).

всего рабочаго населенія (включая сюда разныхъ служащихъ) Франціи *). — Всеобщая конфедерація труда группируетъ: враги говорятъ—200.000, друзья—300.000, среднимъ числомъ, скажемъ—250.000 представителей четвертаго класса, и при томъ представителей, отличающихся очень большою энергіею и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдкою для подвижныхъ французовъ дружностью и координаціей групповыхъ движеній.

Въ связи съ этою послѣднею чертою психологіи синдикалистовъ находится та особенность современнаго французскаго синдикализма, благодаря которой онъ совершилъ, можно сказать, нѣкоторое нравственное чудо въ душѣ здѣшняго рабочаго, заинтересовавъ его въ ежедневной упорной борьбѣ изъ-за профессіональныхъ интересовъ. Никто не можетъ отрицать, что на время и подъ вліяніемъ массоваго энтузіазма французъ способенъ къ обширнымъ коллективнымъ движеніямъ, своею силою и рельефностью оставляющимъ далеко за собою такія же движенія другихъ народовъ. Но у такихъ крупныхъ общественныхъ сотрясеній нѣтъ завтрашняго дня. Плавая, какъ рыба въ водѣ, въ поэзіи коллективнаго творчества, французъ скоро охладѣваетъ, когда дѣло заходитъ о прозѣ того же самаго процесса, и когда первый великолѣпный абрисъ совершеннаго переворота приходится заполнять ежедневными, будничными, но необходимыми штрихами практическихъ деталей. Въ этотъ роковой моментъ коллективный аффектъ ослабѣваетъ, и начинается, подъ вліяніемъ скуки и разочарованія мелочами реализаціи, всеобщій разбродъ. Личный интересъ и индивидуалистическія стремленія поднимаютъ все громче и громче свой голосъ въ душѣ француза. И великій всеобщій порывъ утилизируется, въ формѣ своихъ послѣднихъ замирающихъ волнъ, линіи тѣми группировками личностей и общественныхъ слоевъ, которыя цементируются исключительно эгоистическими цѣлями. Этотъ процессъ, общій, конечно, въ извѣстномъ смыслѣ всѣмъ народамъ, переживающимъ массовыя бури, нигдѣ, можетъ быть, не проявляется съ такою яркою смѣною величія и паденія, какъ на почвѣ подвижной Франціи. Вообще, какъ упорный и будничный общественный дѣятель, французъ заставляетъ желать очень многаго. Прочныя организаціи не его дѣло. Это кидается въ глаза при изученіи исторіи французскихъ революцій. Въ среднія историческіе періоды между взрывами французъ не можетъ

*) Barthou „L'action syndicale", стр. 11—15, гдѣ сообщается пропорція синдикалистовъ по отношенію къ рабочему населенію: Англіи (50 проц.), Сѣверо-Американскихъ Штатовъ (30 проц.), Бельгіи (19 проц.), Германіи (17 проц.). Интересно, что если профессіональный синдикализмъ, соотвѣтствующій сравнительной промышленной отсталости Франціи, слабѣе развитъ на почвѣ Третьей республики, чѣмъ въ другихъ высоко-капиталистическихъ странахъ, то революціонный духъ французскихъ синдикалистовъ гораздо ярче, чѣмъ среди рабочихъ другихъ странъ.

путемъ поставить на ноги такія общественныя группировки, которыя требуютъ не одной игры эгоистическаго интереса, а и постояннаго упражненія чувствъ солидарности въ будничныхъ, но по тому самому существенныхъ мелочахъ. Извѣстна бутада Энгельса насчетъ французскихъ соціалистическихъ организацій: «Онѣ всѣмъ хороши, да только никогда членскіе взносы не поступаютъ»— les cotisations ne rentrent jamais! любилъ онъ повторять по-французски эту фразу. Судьба жорэсовской газеты «L'Humanité», которая, несмотря на свои заслуги передъ соціализмомъ, до сихъ поръ не можетъ выскочить окончательно изъ состоянія хроническаго кризиса, достаточно подтверждаетъ эту небрежность француза, живущаго на среднемъ мирномъ положеніи. Ибо если бы каждый соціалистическій читатель тратилъ ежедневно всего одно су (2 копѣйки) на покупку своего органа, вмѣсто того, чтобы набрасываться на сенсаціонную дребедень какого-нибудь «Le Matin» или «Le Journal», то партійная газета была бы обезпечена и могла бы развиваться и улучшаться.

И вотъ надо сказать, что французскій синдикализмъ послѣднихъ лѣтъ если еще и не успѣлъ, можетъ быть, совсѣмъ вылѣчить своихъ членовъ отъ галльскаго порока, указаннаго въ бутадѣ Энгельса, то во всякомъ случаѣ онъ привилъ имъ вкусъ къ ежедневной работѣ внутри организаціи и къ постоянному рѣшенію профессіональныхъ вопросовъ. Внутри національныхъ федерацій синдикатовъ и внутри биржъ труда царитъ постоянная дѣятельность, которая по тому или другому вопросу выражается въ совмѣстной агитаціи и одновременныхъ манифестаціяхъ рабочихъ въ разныхъ мѣстахъ Франціи. Съ другой стороны, и синдикаты, составляющіе основныя ячейки всей организаціи, обнаруживаютъ большую, чѣмъ прежде, жизненность съ тѣхъ поръ, какъ чувствуютъ себя частями одного крупнаго цѣлаго. Гдѣ же лежитъ причина этого? Безпристрастный наблюдатель французскаго синдикальнаго движенія не можетъ не сказать, что эту причину надо искать въ томъ взглядѣ, котораго держится Конфедерація труда относительно задачи и характера дѣятельности синдикалистовъ. Въ то время, какъ соціалъ-демократическая, главнымъ образомъ нѣмецкая точка, зрѣнія, которую раздѣляетъ во Франціи и Гэдъ, сводитъ роль синдикалистовъ исключительно на чисто профессіональную реформистскую миссію, а революціонное значеніе придаетъ лишь политической соціалистической партіи, французскіе синдикалисты утверждаютъ, что именно эта чисто рабочая организація совмѣщаетъ въ себѣ и элементъ профессіональнаго реформизма, и элементъ истиннаго «революціонизма». Этимъ утвержденіемъ современное синдикальное движеніе Франціи и привлекаетъ къ себѣ здѣшняго рабочаго, который обладаетъ революціоннымъ темпераментомъ и который любитъ, кромѣ того, восходить отъ частныхъ,

конкретныхъ, будничныхъ задачъ своего ремесла къ общимъ и абстрактнымъ вопросамъ соціально-политической дѣятельности.

Говоря такъ, я не думаю сказать, что самъ французскій синдикализмъ не заключаетъ въ себѣ недоразумѣній и преувеличеній (о нихъ сейчасъ), которыя неизбѣжно поставятъ преграды его дальнѣйшему росту и разобьютъ черезчуръ оптимистическія надежды руководителей Конфедераціи труда. Я констатирую лишь тотъ фактъ, что перспективы коренной ломки настоящаго строя и замѣны его новымъ, которыя развертываетъ передъ рабочими революціонный синдикализмъ, соотвѣтствуютъ и темпераменту, и складу мышленія трудящихся массъ Франціи и придаютъ имъ одушевленіе, всегда слабѣющее у потомковъ старинныхъ галловъ въ процессѣ будничной профессіональной дѣятельности.

Теперь мы можемъ подойти, впрочемъ, вплотную къ міровоззрѣнію, развиваемому теоретиками и главнѣйшими практиками Конфедераціи труда, и критически отнестись къ существеннымъ элементамъ его. Сдѣлаемъ, прежде всего, общее замѣчаніе, которое заставитъ, пожалуй, вздрогнуться нѣкоторой парадоксальностью своей терминологіи людей, недостаточно знакомыхъ съ синдикальной литературой послѣднихъ лѣтъ. Центромъ тяжести теоріи революціоннаго синдикализма является своеобразный «анархическій марксизмъ», какъ я уже мимоходомъ назвалъ выше это направленіе. Въ немногихъ словахъ его можно характеризовать такъ: это- теорія уже извѣстнаго намъ, русскимъ, «экономизма», т. е. вѣра въ исключительное значеніе экономическихъ отношеній и экономической борьбы—съ затушевываніемъ политическихъ выводовъ, которые дѣлаютъ изъ системы «историческаго матеріализма» марксисты-политики. Надо прибавить, что такой экономизмъ можно найти, и въ очень рѣзкой формѣ, уже у Прудона. Но у послѣдняго рядомъ съ этимъ экономизмомъ почти чрезъ всѣ сочиненія проходитъ—нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы логически съ нимъ связанная—идея о человѣческой личности, о личномъ достоинствѣ, о «справедливости». При чемъ, въ этомъ представленіи, личность, борясь во имя своего верховенства, противопоставляетъ принципъ индивидуальной свободы деспотизму коллективности и находитъ рѣшеніе этого противорѣчія лишь въ анархіи, т. е. въ отсутствіи всякаго элемента принудительной, государственной власти.

Пока французскіе анархисты вели свою проповѣдь, главнымъ образомъ, среди буржуазныхъ слоевъ, они напирали изъ всего ученія Прудона почти исключительно на эту, если можно такъ выразиться, идеологію индивидуализма, какъ нельзя болѣе соотвѣтствующаго настроенію «сверхъ-человѣковъ» изъ привилегированнаго общества. За то, когда они пошли къ рабочимъ, проникая въ среду ихъ профессіональныхъ организацій, они должны были естественно

подчеркнуть другую сторону прудоновской доктрины, значеніе экономическихъ отношеній. И они стали пропагандировать идеи экономизма, уже сильно распространенныя среди французскихъ трудящихся массъ, благодаря агитаціи гэдистовъ. Но въ то время, какъ у Гэда и его товарищей «экономическій матеріализмъ Маркса» (терминъ Лафарга) заострялся,—въ духѣ самаго же творца теоріи, — въ требованіе политической борьбы и захвата политической власти рабочимъ классомъ, анархисты-синдикалисты остались при прудоновскомъ, «аполитическомъ» экономизмѣ. Прибавьте къ этому то осложняющее обстоятельство, что политическая борьба, очень часто даже у гэдистовъ сводившаяся въ извѣстные моменты (вспомните рѣчи Гэда въ 1896 г.) къ парламентарной дѣятельности, вызывала недовольство не однихъ анархистовъ, но и вообще революціонно настроенныхъ рабочихъ (альманистовъ, въ началѣ 90-хъ годовъ). Далѣе, обратите вниманіе еще на тотъ психологическій фактъ, что даже смирный, чисто профессіональный синдикализмъ Франціи 70-хъ годовъ заключалъ въ себѣ элементъ классоваго недовѣрія рабочихъ къ интеллигенціи, людей, занятыхъ физическимъ трудомъ, къ людямъ умственнаго труда. Въ 80-хъ годахъ болѣе умѣренная, поссибилистская, фракція французскаго соціализма упрекала нерѣдко болѣе крайнюю, гэдистскую, въ томъ, что она не настоящая, молъ, рабочая, а интеллигентская партія, и что истиннымъ соціалистамъ надо бороться прежде всего за чисто рабочія реформы.

Намъ остается добавить еще одинъ штрихъ къ сложной картинѣ перекрещивающихся идейныхъ и практическихъ теченій, чтобы понять современный, революціонный, синдикализмъ Франціи. Питая отвращеніе къ политической борьбѣ, синдикалисты-анархисты не могли, однако, совершенно отбросить элементъ этой борьбы. И у этихъ ожесточенныхъ враговъ принудительнаго, государственнаго элемента эти боевыя тенденціи вылились въ томъ, что они стали признавать и пропагандировать единственное расширеніе классовой борьбы за предѣлы экономической борьбы: нападеніе на существующій экономическій и политическій строй съ тѣмъ, чтобы на развалинахъ капитализма и государства установить свободную федерацію безчисленныхъ рабочихъ синдикатовъ. Такъ выработалась теорія «прямого воздѣйствія» (action directe) на силы стараго міра путемъ давленія рабочихъ массъ на отдѣльныхъ капиталистовъ и на всю государственную организацію въ видѣ демонстрацій болѣе или менѣе боевого характера, въ видѣ всеобщей стачки и, наконецъ, въ видѣ завершающей ее соціальной революціи.

Возьмите, напр., самаго доподлиннаго анархиста, Эмиля Пуже, которой играетъ выдающуюся роль въ синдикальномъ движеніи и является въ сущности главнымъ редакторомъ и вдохновителемъ органа Конфедераціи, «La Voix du Peuple». Вотъ какъ онъ характеризуетъ революціонный синдикализмъ, или, какъ онъ называетъ

его, «партію труда»: «Партія труда носитъ въ самой себѣ и свое опредѣленіе: она есть группировка рабочихъ въ одну однородную глыбу (bloc); она есть автономная организація рабочаго класса въ видѣ аггрегата, имѣющаго своимъ базисомъ экономическую почву: она, по самому происхожденію своему и по своей сущности, противна всякому компромиссу съ буржуазными элементами... Основой этой группировки является интересъ класса пролетаріата, и потому всякое смягченіе ея функціи, ставящей извѣстныя требованія и вмѣстѣ революціонной, не ведетъ ни къ чему... Партія труда есть партія интересовъ. Она игнорируетъ мнѣнія личностей, которыя ее составляютъ: она знаетъ и координируетъ только интересы,—какъ матеріальные, такъ нравственные и умственные,—рабочаго класса. Ея ряды открыты всѣмъ эксплуатируемымъ, безъ различія ихъ политическихъ и религіозныхъ мнѣній» *).

Высказавъ свою увѣренность, что никакой самый нелѣпый религіозный или политическій символъ вѣры не помѣшаетъ рабочему быть полноправнымъ и полезнымъ членомъ партіи труда, Пуже противоставляетъ ея единству, основанному на единствѣ интересовъ, внутреннія противорѣчія всѣхъ политическихъ партій, которыя потому, молъ, не могутъ быть цѣльными, что состоятъ изъ людей, имѣющихъ различные интересы: «Во всѣхъ партіяхъ—кромѣ партіи труда—господствующая цѣль есть «политика», и бокъ-о-бокъ тамъ амальгамируются, соотвѣтственно сходству мнѣній, люди, интересы которыхъ различны, а именно эксплуататоры и эксплуатируемые. И нѣтъ никакого исключенія! Это — характеристика всѣхъ демократическихъ партій. Всѣ онѣ представляютъ невозможную мѣшанину (mêli-mêlo) людей, интересы которыхъ прямо противоположны. Эта аномалія свойственна не однѣмъ буржуазнымъ демократическимъ партіямъ. Она составляетъ порокъ и соціалистическихъ партій, которыя, разъ вступаютъ на скользкую почву парламентаризма, доходятъ до того, что теряютъ основныя черты соціализма и становятся не больше, какъ демократическими партіями, обладающими развѣ нѣсколько болѣе живыми аллюрами» **).

Далѣе идетъ изложеніе происхожденія и развитія партіи труда совершенно въ духѣ узкаго экономизма, такъ что порою у васъ получается впечатлѣніе, что вы читаете популяризацію Маркса какимъ-нибудь изъ нашихъ недавнихъ «экономистовъ». И разница съ нашими «учениками» этой категоріи заключается лишь въ томъ, что, признавъ возможность и полезность частичныхъ улучшеній въ положеніи трудящихся (далеко не въ духѣ чистаго анархизма), Пуже кончаетъ болѣе энергичнымъ призывомъ къ «полному осво-

*) См. брошюру: Emile Pouget, „Le parti du travail"; Парижъ, безъ обозначенія даты (повидимому, вышла въ началѣ этого года), стр. 1—2.

**) Ibid. стр. 3 и слѣд., гдѣ подвергаются самой рѣзкой критикѣ всѣ существующія партіи безъ исключенія.

божденію рабочаго класса, ко всеобщей экспропріаціи буржуазіи», которая не можетъ произойти безъ «революціоннаго всеобщаго пожара»: и еще въ томъ, что практически онъ совѣтуетъ рабочему классу все время держаться на почвѣ «безпрестанной революціи», т. е. того, что чаще называется «прямымъ воздѣйствіемъ» *).

Надо кстати замѣтить, что это совпаденіе—не въ выводахъ, а въ посылкахъ—между ученіемъ «экономизма» и доктриною того, что я назвалъ «анархическимъ марксизмомъ», не ограничивается Франціею, а проявляется очень рѣзко и въ Италіи. Читайте, напр., надѣлавшую много шума статейку крайняго революціонера и синдикалиста Артуро Лабріолы (котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ недавно умершимъ марксистомъ-ортодоксомъ, Антоніо Лабріолой) о «соціализмѣ и синдикализмѣ въ Италіи». И вы увидите, что и этотъ авторъ стоитъ на почвѣ узкаго экономизма: что онъ даже ухитряется восхищаться чуть не всѣми сторонами современнаго капиталистическаго производства, но дѣлаетъ изъ этихъ посылокъ революціонно-анархическій выводъ: нечего заниматься политической борьбой; должно работать надъ распространеніемъ синдикальнаго движенія, которое произведетъ всеобщую стачку, стачку не политическаго, а соціальнаго характера, въ результатѣ каковой получится соціальная революція. Или, какъ заканчиваетъ свой этюдъ Артуро Лабріола: «Опытъ показалъ, что *идея всеобщей стачки*, какъ символъ катастрофы капитализма и соціальной войны, обладаетъ очень значительной способностью для поднятія революціонной температуры пролетаріата и внушенія ему героическаго чувства самопожертвованія. Эта идея позволяетъ, кромѣ того, тотчасъ же видѣть, что соціализмъ долженъ быть дѣломъ рабочихъ классовъ, развиваться на экономической почвѣ и приводить къ революціонной катастрофѣ... Синдикализмъ подставляетъ это понятіе традиціонному понятію о завоеваніи власти, понятію, которое позволяетъ различныя подозрительныя толкованія и заставляетъ видѣть въ соціализмѣ какъ бы продуктъ законодательной дѣятельности,—что совершенно ложно. Для насъ, синдикалистовъ, проповѣдь всеобщей стачки равносильна утвержденію, что соціализмъ долженъ быть: рабочимъ, экономическимъ, революціоннымъ. Такимъ образомъ, мы заявляемъ, что рабочій соціализмъ цѣликомъ заключается во всеобщей стачкѣ, если ее разсматривать не какъ обыкновенную политическую манифестацію, но какъ сокращенную формулу соціальной революціи» **).

*) Ibid., стр. 14—15, passim.

**) См. французскій переводъ этой статьи: Arturo Labriola, «Syndicalisme et socialisme italien»; въ „Le Mouvement socialiste", № 179, октябрь 1906 г. стр. 64.

Я думаю, мы достаточно далеко продвинулись съ читателемъ по пути ознакомленія съ практическими и теоретическими особенностями французскаго (а отчасти и заграничнаго) революціоннаго синдикализма, чтобы подвести итоги смыслу этого движенія и критически отнестись къ нему. Нѣтъ сомнѣнія, что продолжать игнорировать этотъ синдикализмъ, или враждовать съ нимъ, или стараться направить его исключительно по руслу чисто профессіональной «реформистской» дѣятельности значитъ создавать излишнія тренія между дѣятельностью рабочихъ массъ въ синдикатахъ и ихъ же дѣятельностью въ соціалистической партіи. А между тѣмъ, таковъ былъ бы, въ концѣ концовъ, результатъ тактики Гэда, если бы къ счастію Жорэсъ и Вальянъ не противоставили ей своей, болѣе остроумной и болѣе считающейся съ характеромъ французскаго синдикализма. Теперь все равно невозможно загнать наиболѣе активные элементы этой организаціи въ рамки будничной чисто профессіональной борьбы съ тѣмъ, чтобы революціонно-политическая борьба была предоставлена синдикалистами исключительно соціалистической партіи. Мы видимъ, наоборотъ, что выросшая въ синдикатахъ идея всеобщей стачки становится все болѣе и болѣе признанной и представителями политическаго соціализма. И значитъ, тактика «прямого воздѣйствія» въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ получить право гражданства. Вы можете, напр., сколько угодно увѣщевать французскихъ синдикалистовъ послѣдовать своимъ нѣмецкимъ собратамъ, устраивая сношенія между членами профессіональныхъ организацій и членами соціалистической партіи, производя полюбовное размежеваніе дѣятельности такъ, чтобы «реформа» выпала на долю синдикалистовъ, а «революція» на долю политиковъ, и т. д. Современный французскій синдикализмъ не помирится все равно съ этой ролью и не послушается васъ. Задача добиваться въ данный моментъ той или другой практической цѣли тѣсно связывается у него съ задачей ниспровергнуть весь современный режимъ. И если вы будете настаивать на болѣе скромной функціи синдикатовъ, ссылаясь на практику нѣмецкой жизни, то онъ постарается указать вамъ на существенныя различія между профессіональными организаціями Франціи и Германіи, и именно на основаніи этой разницы подвергнетъ критикѣ нѣмецкій синдикализмъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вашу точку зрѣнія. Станемъ, дѣйствительно, на почву этой аргументаціи, и посмотримъ, что революціонные синдикалисты думаютъ о нѣмецкомъ синдикальномъ движеніи.

Они, конечно, не могутъ отрицать, что въ Германіи профессіональныя организаціи развиты сильнѣе, чѣмъ во Франціи. Въ концѣ 1905 г. нѣмецкіе синдикаты насчитывали около полутора милліона членовъ, а именно 1.456,300, изъ которыхъ типичные нѣмецкіе синдикаты мирнаго характера, слагающіеся въ одну *центральную* организацію, группировали 1.429,300 рабочихъ, а *локалистскіе*

(или анархо-соціалистическіе), которые можно уподобить по своимъ тенденціямъ французскимъ революціонно-синдикальнымъ организаціямъ, всего 27,000 рабочихъ *). Съ другой стороны, нѣмецкіе синдикаты умѣютъ хорошо вести чисто-профессіональную борьбу противъ капитала: въ теченіе пяти послѣднихъ лѣтъ они организовали 5.347 стачекъ, захватившихъ 477.488 рабочихъ, при чемъ болѣе, чѣмъ въ 68% всѣхъ случаевъ усилія забастовщиковъ увѣнчались успѣхомъ **).

Но за то французскіе синдикалисты ставятъ въ вину своимъ нѣмецкимъ собратамъ ихъ крайне умѣренный характеръ, который сказался, между прочимъ, на ихъ отношеніи ко всеобщей стачкѣ. Такъ, на пятомъ конгрессѣ нѣмецкихъ синдикатовъ, имѣвшемъ мѣсто въ маѣ 1905 г., въ Кельнѣ, была вотирована по этому вопросу слѣдующая резолюція: «Конгрессъ считаетъ должнымъ отвергнуть всяческія попытки, предпринимаемыя съ цѣлью навязать синдикатамъ опредѣленную тактику путемъ пропаганды политической массовой стачки; онъ рекомендуетъ организованному рабочему классу энергически воспротивиться такимъ попыткамъ. Что касается до всеобщей стачки, какъ она пропагандируется анархистами или людьми, не имѣющими никакой опытности въ области экономической борьбы, то конгрессъ полагаетъ, что такого вопроса нечего и обсуждать; онъ предостерегаетъ рабочій классъ, что онъ не долженъ позволять себѣ отклониться, ради принятія и распространенія подобныхъ идей, отъ ежедневной мелкой работы, способной укрѣплять рабочія организаціи» ***).

Французскіе синдикалисты упрекаютъ далѣе своихъ нѣмецкихъ собратовъ въ томъ, что ихъ хваленая «политическая нейтральность» вовсе не имѣетъ того значенія рѣшительнаго отказа отъ «политики» и не менѣе рѣшительнаго принятія тактики революціоннаго «прямого воздѣйствія», которая характеризируетъ французскій современный синдикализмъ, а выражаетъ просто на просто ихъ робость и будничность ихъ стремленій. Синдикалисты Франціи спрашиваютъ себя, точно ли эта хваленая «политическая нейтральность» нѣмцевъ есть тонко обдуманный планъ борьбы труда противъ капитала, и не представляетъ ли она собой лишь простое слѣдствіе реакціоннаго законодательства Германіи, согласно

*) См. данныя, сообщенныя А. Квистомъ (A. Quist), членомъ Металлургическаго рабочаго союза Германіи, въ статьѣ «Всеобщая стачка и нѣмецкіе синдикаты», помѣщенной въ № 171 (сентябрь 1906 г.) ежемѣсячнаго журнальчика «La Revue syndicaliste», представляющаго, въ противоположность «La Voix du Peuple», органъ умѣреннаго (соціалистическаго) синдикализма.

**) См. въ той же «Revue Syndicaliste» (№ 7, отъ 15 ноября 1905 г. статью Павла Умбрейта (Paul Umbreit), члена центральной комиссіи нѣмецкихъ синдикатовъ.

***) См. уже упомянутую статью Квиста въ № 17 «La Revue Syndicaliste».

которому политическія ассоціаціи не могутъ, напр., принимать членами ни женщинъ, ни молодыхъ людей, а до 1900 г. не имѣютъ права образовывать между собою федераціи. Синдикалисты Франціи подсмѣиваются надъ раздѣленіемъ труда между нѣмецкой синдикальной организаціей и нѣмецкой соціалъ-демократической партіей,—при чемъ первая беретъ на себя заботу объ экономической борьбѣ, а вторая о политической,—подсмѣиваются, говоря, что это лишь простая уловка для того, чтобы нѣмецкій соціализмъ могъ оправдать себя передъ самимъ собою и передъ людьми въ своемъ постоянномъ малодушіи и отсутствіи революціонныхъ стремленій. Посмотрите,—говорятъ французскіе сторонники «прямого воздѣйствія», посмотрите, какую значительную пропорцію соціалъ-демократы составляютъ среди нѣмецкихъ синдикалистовъ. И, однако, синдикаты Германіи, кажется, только затѣмъ и обсуждаютъ любой крупный вопросъ борьбы трудящихся противъ современнаго строя, чтобы тяжелыми гирями реакціонныхъ рѣшеній потянуть къ низу и безъ того умѣренную и аккуратную нѣмецкую соціалъ-демократію. Не показалъ ли Маннгеймскій конгрессъ, что если на немъ нѣмецкіе синдикаты потребовали отъ политической партіи (соціалъ-демократіи) рѣшительнаго признанія ихъ самостоятельности и ихъ важности *), то вмѣстѣ съ тѣмъ весь конгрессъ являлся шагомъ назадъ сравнительно съ прошлогоднимъ Іенскимъ конгрессомъ. Тогда, временно взвинченные русскимъ революціоннымъ движеніемъ, нѣмецкіе соціалъ-демократы, устами Бебеля, высказались за политическую массовую стачку. Въ Маннгеймѣ же они снова старались вернуться къ своей старой и излюбленной точкѣ зрѣнія: «всеобщая стачка—всеобщая безсмыслица», и если не прямо, то косвенно смазали этотъ вопросъ, заявивъ въ первыхъ же строкахъ своей резолюціи вещь, крайне удивившую людей, полага-

*) Второй параграфъ резолюціи гласитъ: „синдикаты безусловно необходимы, чтобы улучшить положеніе рабочаго класса въ буржуазномъ обществѣ: они не менѣе необходимы, чѣмъ соціалистическая партія, которая должна вести борьбу, чтобы возвысить рабочій классъ и обезпечить ему въ политической области права, равныя правамъ другихъ классовъ, но которая, кромѣ этой непосредственной работы, стремится освободить рабочій классъ отъ всякаго гнета и эксплуатаціи путемъ уничтоженія наемнаго труда и путемъ организаціи системы производства и обмѣна, покоящейся на всеобщемъ соціальномъ равенствѣ, т. е. организаціи соціалистическаго общества,—цѣль, къ которой долженъ необходимо стремиться сознательный рабочій синдикалистъ. Поэтому двѣ организаціи должны помогать взаимно одна другой и сотрудничать на полѣ борьбы. Чтобы придать единообразное направленіе дѣйствіямъ, одинаково интересующимъ и синдикаты, и партію, центральные органы обѣихъ организацій должны стараться столковываться между собою. Но, для того, чтобы обезпечить это единство мысли и дѣйствія партіи и синдикатовъ, которое необходимо для побѣды пролетаріата въ классовой борьбѣ, необходимо, чтобы синдикальное движеніе руководилось духомъ соціалъ-демократіи».

ющихъ, что черное не есть въ то же время бѣлое: «Конгрессъ подтверждаетъ резолюцію Іенскаго конгресса относительно политической стачки массъ и, признавъ, что резолюція Кельнскаго конгресса синдикатовъ не находится въ противорѣчіи съ Іенской резолюціей, считаетъ всякій споръ о смыслѣ Кельнской резолюціи покончennымъ» *). Вотъ тутъ, молъ, и разбирайся! Недаромъ одинъ изъ теоретиковъ французскаго революціоннаго соціализма считаетъ должнымъ замѣтить: «Пока что, Маннгеймскій конгрессъ ознаменовалъ политическій и теоретическій застой партіи, которая была иниціаторомъ соціализма, но которую нынѣ перегнало столько другихъ движеній, благодаря всѣмъ пріобрѣтеннымъ ими опытамъ» **).

Таковы возраженія французскихъ синдикалистовъ противъ ихъ нѣмецкихъ собратовъ. Но, въ сущности, эти возраженія касаются лишь отсутствія революціоннаго темперамента у синдикалистовъ и соціалистовъ Германіи, а не доказываютъ того, чтобы связь и координація между профессіональнымъ и политическимъ движеніемъ рабочаго класса была бы вообще невозможна да и нежелательна. Не мѣшаетъ прежде всего замѣтить, что если соціалистамъ-революціонерамъ современнаго интернаціонала нечего впадать въ крайнее восхищеніе по поводу малѣйшаго дѣйствія нѣмецкой рабочей партіи и безъ всякой критики переносить къ себѣ тактику тамошнихъ соціалъ-демократовъ, то, съ другой стороны, не зачѣмъ относится къ соціалистамъ Германіи и съ тѣмъ систематическимъ пренебреженіемъ, которое не позволяетъ видѣть положительной стороны ихъ дѣятельности. Такъ, напр., умѣнье организовываться составляетъ очень серьезное достоинство нѣмецкой соціалъ-демократіи, которая выработала во всѣхъ своихъ членахъ живое чувство партійной дисциплины. Если политическіе соціалисты Германіи, вслѣдствіе отсутствія сильныхъ революціонныхъ традицій, до сихъ поръ не проявили настоящаго боевого темперамента, то за то они накопили массу потенціальной энергіи среди организованныхъ ими рабочихъ. И было бы скороспѣлымъ заключеніемъ отрицать историческую возможность для рабочаго класса Германіи выступать, при извѣстныхъ политическихъ условіяхъ, активнымъ революціоннымъ элементомъ. Подобныя предсказанія невѣрны уже потому, что историческія обстоятельства скорѣе, чѣмъ то принято обыкновенно думать, могутъ измѣнить политическій темпераментъ даннаго населенія. Было же время, когда англичане находили французовъ черезчуръ мирными и черезчуръ покорными подданными своихъ королей...

Если что можно сказать относительно современной Германіи, такъ это то, что именно вслѣдствіе еще болѣе мирнаго характера

*) См. отчетъ о Маннгеймскомъ конгрессѣ уже упомянутаго Квиста въ брошюрѣ: «Syndicats et parti»; Парижъ, 1906. Стр. 25 (составляетъ № 1 «синдикалистской коллекціи»).

**) Hubert Lagardelle. Mannheim, Rome, Amiens; въ «Le Mouvement Socialiste», № 179 (октябрь 1906 г.), стр. 13.

нѣмецкихъ синдикалистовъ, чѣмъ какой замѣчается въ рядахъ соціалъ-демократической партіи, такъ какъ разъ будетъ полезна связь и координація дѣйствій между профессіональной и политической организаціями рабочаго класса. Подъ давленіемъ все возростающей въ послѣднее время революціонности соціалистическаго интернаціонала, и германская соціалъ-демократія, отказавшись отъ роли строгаго профессора соціализма для партій другихъ странъ, сама должна будетъ податься въ сторону боевой тактики. И тогда ужъ, конечно, она, а не германскій столь умѣренный синдикализмъ, явится иниціаторомъ революціоннаго воспитанія, или, если хотите, перевоспитанія массъ. Такъ что, въ концѣ концовъ, если соціалъ-демократія Германіи, признавъ на Мангеймскомъ конгрессѣ самостоятельность синдикатовъ, въ то же время вотировала необходимость соглашенія между профессіональной организаціей и организаціей политической, то эта тактика должна скорѣе привѣтствоваться, чѣмъ осуждаться сторонниками интернаціональнаго революціоннаго соціализма.

Другой вопросъ—приложеніе такой тактики совершенно въ духѣ нѣмецкой резолюціи къ отношенію между французскимъ синдикализмомъ и французской же соціалистической партіей. Здѣшнему революціонному синдикализму мало того, чтобы соціалистическая партія признала его автономію: онъ, кстати сказать, самъ беретъ эту автономію и при томъ становится въ явно враждебную позицію по отношенію къ политическому соціализму. Но онъ, кромѣ того, громко заявляетъ, что, воплощая въ себѣ и реформистскую, и революціонную дѣятельность, онъ считаетъ себя способнымъ совершить при помощи «прямого воздѣйствія» коренной соціальный переворотъ и, путемъ федераціи синдикатовъ, создать изъ этихъ «основныхъ клѣточекъ» будущее гармоническое общество всеобщаго труда и всеобщей свободы. Именно въ виду такихъ притязаній французскаго революціоннаго синдикализма упомянутая нами въ срединѣ этой статьи резолюція Жорэса-Вальяна, восторжествовавшая на Лиможскомъ конгрессѣ, кажется намъ наиболѣе цѣлесообразной. Она не бьетъ прямо въ забрало этому синдикализму: она признаетъ его даже «вплоть до всеобщей стачки». Но она прибавляетъ, что экономическій организмъ съ его «прямымъ воздѣйствіемъ» нуждается еще въ сотрудничествѣ политическаго организма съ его «завоеваніемъ всей политической власти». И мнѣ кажется, что здѣсь серьезный синдикалистъ, не дѣйствующій только подъ вліяніемъ анархическаго раздраженія противъ всякой политической власти, найдетъ почву примиренія съ политическимъ соціализмомъ. Дѣйствительно, синдикальная ячейка будетъ, по всей вѣроятности, одной изъ основъ той будущей «администраціи вещей», о которой говорилъ Сенъ-Симонъ, противоставляя ее современному «управленію людей людьми». Но, спрашивается, можетъ-ли самый революціонный синдикализмъ надѣяться на то, что онъ сможетъ заполнить своими ячейками всѣ контуры грядущаго строя.

если ему не удастся предварительно овладѣть настоящей государственной машиной и употребить ее въ послѣдній разъ для уничтоженія всѣхъ современныхъ привилегій и для установленія самаго широкаго управленія всего народа всѣмъ народомъ?

Революціонный синдикалистъ говоритъ все время о «прямомъ воздѣйствіи». Но что такое это «прямое воздѣйствіе»? Это или борьба организованныхъ въ синдикатъ рабочихъ противъ того или другого патрона, или борьба всей синдикальной организаціи противъ всего капиталистическаго класса. Но въ томъ, и въ другомъ случаѣ, въ случаѣ частной стачки и частной демонстраціи, какъ и въ случаѣ всеобщей стачки и всеобщаго революціоннаго возстанія на «экономической почвѣ» — рабочій классъ найдетъ противъ себя «по другую сторону баррикады» (какъ цинично-остроумно выразился Клемансо по поводу подавленія первомайскаго движенія), найдетъ, говоримъ мы, классовое государство имущихъ и правящихъ. И найдетъ его, смотря по важности столкновенія, или въ видѣ частныхъ органовъ власти и отдѣльныхъ отрядовъ войскъ, или въ видѣ всего грознаго аппарата государства нашихъ дней съ его арміей, полиціей, магистратурой, массовымъ избіеніемъ на улицахъ, массовымъ осужденіемъ въ застѣнкахъ военныхъ судовъ и массовыми казнями и ссылками, какъ то было во время подавленія Коммуны версальцами. Можно себѣ представить, какимъ цѣлесообразнымъ орудіемъ подобной великой соціальной войны будетъ «прямое воздѣйствіе» синдикальной арміи, если безъ одновременнаго захвата политической партіей современная государственная машина останется по прежнему въ тѣхъ же рукахъ.

И это не все. Мы говоримъ о послѣднемъ освободительномъ актѣ работы массъ противъ эксплуататоровъ и угнетателей, о соціальной и политической революціи труда противъ капитала и классового государства. Но, что сказать, относительно будничной, постоянной борьбы за мелкія, но глубоко реальныя улучшенія, которыя именно современный французскій синдикализмъ, несмотря на анархическія тенденціи своихъ руководителей, принужденъ допускать и даже рекомендовать, какъ осязательную цѣль, стоющую энергической работы? Развѣ сами факты жизни не говорятъ, что наиболѣе удобныя позиціи для такой работы и для такой борьбы даются рабочимъ организаціямъ отвергаемымъ парламентомъ законопроектами или вотированными парламентомъ, но не выполняемыми классомъ капиталистовъ законами, т. е. проявленіями какъ разъ той политической дѣятельности, отъ которой съ такимъ презрѣніемъ отворачиваются Пуже и Гриффюэли? Пусть читатель припомнитъ цитированные нами выше акты «прямого воздѣйствія» рабочихъ синдикалистовъ на сенатъ или на сопротивляющихся хозяевъ. Онъ увидитъ, что чаще всего отправными пунктами синдикальнаго движенія были не вотируемые или не исполняемые законы, имѣвшіе цѣлью охраненіе жизни и зло-

ровья рабочихъ и улучшенія ихъ положенія. Этого факта не ослабляетъ и то возраженіе, что обыкновенно законами становятся уже входящіе въ обиходъ жизни обычаи, или же такія мѣры, которыя требуются коллективнымъ мнѣніемъ широкихъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ слоевъ. Во всякомъ случаѣ, и эти обычаи, и эти массовыя требованія только тогда становятся благопріятной почвой и вмѣстѣ ферментомъ броженія, когда формулируются въ видѣ законовъ, т. е. юридической кристаллизаціи кипящихъ и носящихся въ воздухѣ общественныхъ потребностей. И здѣсь опять таки роль политической и даже парламентарной дѣятельности нельзя затушевать простымъ отрицаніемъ. Можно, правда, и даже должно сказать, что никакая коренная реформа собственности не можетъ быть проведена черезъ представительныя учрежденія современнаго классового общества. И поклонники соціалистическаго парламентаризма во что бы то ни стало грѣшатъ въ этомъ отношеніи избыткомъ оптимизма. Но не менѣе грѣшатъ въ другомъ направленіи сторонники «прямого воздѣйствія», которые согласны на борьбу за частныя улучшенія, но открещиваются отъ всякой политической агитаціи во имя такой платформы.

И это не все. Революціонные синдикалисты могутъ сколько угодно чураться «политики»: она войдетъ и сядетъ госпожей въ самомъ центрѣ синдикатовъ. Только это ея пришествіе будетъ скрыто подъ разными риторическими фигурами умолчанія, или же перифразами. Изъ того, что анархическіе вожаки Конфедераціи утверждаютъ, будто она ни въ какомъ случаѣ не будетъ заниматься «политикой», еще не слѣдуетъ, чтобы дѣйствительность совпадала съ этимъ утвержденіемъ. Если политика революціонныхъ синдикалистовъ заключается въ томъ, чтобы не имѣть никакой политики,—на манеръ тургеневскаго Пигасова, у котораго было «убѣжденіе не имѣть никакихъ убѣжденій»,—то вѣдь это выходитъ только на словахъ. И, говоря такъ, я отнюдь не думаю обвинять вожаковъ Конфедераціи въ лицемѣріи: сама логика вещей заставляетъ ихъ заниматься политикой, но политикой, которая состоитъ въ томъ, чтобы всячески противодѣйствовать развитію политическаго соціализма среди членовъ синдикатовъ. Не былъ ли обвиненъ синдикалистами самъ Эмиль Пужэ, фактическій главный редакторъ «La voix du Peuple», въ томъ, что во время первомайской агитаціи онъ гораздо больше полемизировалъ съ радикалами à la Клемансо и съ политическими соціалистами, чѣмъ служилъ интересамъ «прямого воздѣйствія» и пропагандѣ синдикалистской точки зрѣнія? Кстати, уже стали раздаваться голоса послѣдовательныхъ анархистовъ, жалующихся на то, что среди синдикатовъ анархизмъ начинаетъ заслоняться политикой «лицемѣрной нейтральности», и что надо итти войной на всѣхъ «политикановъ», идти «вопреки рѣшеніямъ Амьенскаго конгресса» *).

*) См. статью: Charles Benoit, «Le Syndicalisme et l'anarchie»; въ анар-

Еще одно соображеніе. Предостерегая съ такой настойчивостью синдикалистовъ противъ занятія всякой политикой, включая сюда соціалистическую, вожаки Конфедераціи могутъ создать среди рабочихъ, сами того не желая, тотъ классовой политическій индифферентизмъ, который такъ давно характеризуетъ англійскіе трэдъ-юніоны и который заставляетъ рабочихъ Соединеннаго Королевства растворять всю свою дѣятельность въ преслѣдованіи чисто профессіональныхъ интересовъ и предоставлять арену собственно политической борьбы въ монопольное владѣніе имущихъ и правящихъ классовъ. Этимъ объясняются и отсталость общей соціалистической мысли по ту сторону Ламанша и сравнительно прочное положеніе тамошней буржуазіи, которая перехватываетъ въ свои два канала, вигизмъ и торизмъ, наиболѣе умныхъ и дѣятельныхъ представителей рабочаго класса и руками самого же четвертаго сословія воздвигаетъ баррьеры основному освобожденію трудящихся.

Лишь въ послѣднее время это положеніе начинаетъ нѣсколько измѣняться. И смотрите, съ какимъ раздраженіемъ и худо скрытой боязнью буржуазные политики критикуютъ это измѣненіе. На послѣднихъ выборахъ три десятка рабочихъ депутатовъ, отчасти изъ трэдъ-юніонистовъ, отчасти изъ членовъ «независимой рабочей партіи» составили въ палатѣ такъ называемую «партію труда» (Labour Party), которая не можетъ считаться, собственно, соціалистической, но уже успѣла тѣмъ не менѣе нагнать страхъ на представителей англійскаго капитала и владѣнія. Между членами этой партіи есть нѣсколько соціалистовъ въ родѣ Киръ-Харди, но большинство не стоитъ строго на точкѣ зрѣнія классовой борьбы, которая считается, однако, повсюду въ соціалистическомъ интернаціоналѣ центральнымъ пунктомъ современнаго міровоззрѣнія труда. И, однако, стоило только новой партіи явиться передъ парламентомъ и страной въ качествѣ особой и отличной отъ всѣхъ другихъ политической организаціей, какъ она стала предметомъ опасенія, невольнаго уваженія и зависти, но вмѣстѣ съ тѣмъ и жестокихъ нападокъ. И либералы, и консерваторы стараются на перерывъ доказывать, что эта партія не имѣетъ никакого raison d'être и никакой будущности. Буржуазные писатели, безъ различія политическихъ оттѣнковъ, то хотятъ увѣрить англійскихъ трудовиковъ, что имъ не зачѣмъ существовать, какъ особой группѣ, ибо, молъ, «въ интересахъ рабочаго класса нѣтъ необходимости для существованія третьей партіи» (кромѣ виговъ и тори. Н. К.) *). То они отрицаютъ самую возможность «политическаго дѣленія», основаннаго на принципѣ «труда», потому что, — я передаю буквально этотъ замѣчательный въ смыслѣ тупоумія автора аргументъ, — потому что «трудъ

хистской еженедѣльной газетѣ „Les Temps Nouveaux“, NO отъ 15 декабря 1906 г.

*) См. L. A. Atherley Jones, «The Story of Labour Party»; «The Nineteenth Century», октябрь 1906 г., стр. 584.

есть общій удѣлъ почти всего человѣчества» *). И вожаку «независимой рабочей партіи», Киръ Харди, приходится объяснять своимъ «дубиноголовымъ» (такъ я перевожу терминъ blockhead, которымъ Марксъ любилъ обозначать неумѣніе англичанъ понимать абстрактные вопросы) соотечественникамъ изъ буржуазіи, почему существованіе «Партіи труда» не только возможно, но и необходимо; и каковъ тотъ «центральный пунктъ», который объединяетъ въ одной группѣ «трэдсъ-юніонистовъ» **).

Интересная статья Киръ-Харди можетъ быть поучительна не для однихъ англійскихъ буржуа, но и для французскихъ синдикалистовъ. Развѣ не знаменательно услышать изъ устъ человѣка, который знаетъ, что такое профессіональное движеніе, слѣдующія слова: «Чисто рабочее классовое движеніе способно стать такимъ же грубымъ и чуждымъ идеализма, какъ и англійская скульптура. Это очень замѣтно на нашемъ быстро растущемъ кооперативномъ движеніи, въ которомъ дивидендъ разсматривается, какъ альфа и омега коопераціи. Трэдсъ-юніонистскій вожакъ, который обращаетъ исключительное вниманіе,—какъ это онъ и долженъ дѣлать,—на мелкія подробности, касающіяся высоты заработной платы, и узкую рутину своего занятія, склоненъ терять изъ виду болѣе обширныя и болѣе общія перспективы жизни и ея задачи, развертываемыя соціализмомъ. Рабочее движеніе, которое не вдохновляется соціализмомъ, напоминаетъ двигатель безъ керосина и тѣло безъ души" ***).

Этого можно опасаться и для французскаго рабочаго движенія, потому что если оно будетъ продолжать враждебно относиться къ политическому соціализму и отказываться отъ какого бы то ни было соглашенія съ нимъ, то, несмотря на свои теперешнія революціонныя тенденціи, оно должно фатально наткнуться на тотъ или другой рогъ дилеммы: или стать чисто профессіональнымъ синдикализмомъ, т. е. «тѣломъ безъ души», или превратиться въ игралище аполитической политики анархистовъ, т. е. пойти къ быстрому разложенію.

Признать самостоятельность синдикальнаго движенія, признать за нимъ право не только на реформистскую, но и на революціонную дѣятельность, но вмѣстѣ съ тѣмъ постараться выработать систематическое соглашеніе между профессіональной организаціей синдикатовъ и политической организаціей соціалистической партіи—вотъ задача всѣхъ искреннихъ и послѣдовательныхъ соціалистовъ Франціи да и всего міра.

Н. Е. Кудринъ.

---

*) Статья: «Socialismin the House of Commons; въ «The Edinbusgh Review» 1906, октябрь, стр. 277.

**) J. Keir Hardie, «The Labour Movement»; въ «Nineteenth Century», 1906, декабрь, стр. 877.

***) Ibid., стр. 879.

Русская Польша наканунѣ новыхъ выборовъ.

I.

«Какъ мало прожито, какъ много пережито!» Ровно годъ тому назадъ я покидалъ гостепріимную Галицію, пріютившую столько выходцевъ изъ Русской Польши, чтобы направиться въ Варшаву, гдѣ уже кипѣла новая жизнь.

Трудно было оставаться въ Краковѣ, куда ежедневно приходили вѣсти, прямо поражавшія своей экстравагантностью. Изъ Домбровскаго каменноугольнаго раіона, лежащаго въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія отъ Кракова, являлись ежедневно товарищи, разсказывавшіе о томъ, что происходитъ въ этомъ уголкѣ. Мы узнавали, что весь раіонъ находится въ рукахъ рабочей организаціи, передъ которой стушевались русскія власти; мы узнавали, что нелегальный, неперіодическій листокъ польской соціалистической партіи (П. П. С.) «Gornik» (Горнорабочій) превращенъ въ ежедневный, легальный органъ, расхватываемый десятками тысячъ мѣстныхъ жителей, что въ раіонѣ Домбровы-Сосновицъ охраняетъ порядокъ рабочая милиція, что повсюду происходятъ колоссальные митинги, что русскіе солдаты братаются съ рабочими и т. д. Аналогичныя извѣстія приходили и изъ недалекаго Ченстохова, гдѣ на громадномъ подгородномъ заводѣ Гандтке развивалось красное знамя т. н. «раковской республики».

Изъ Варшавы доходили только смутные слухи, такъ какъ желѣзно-дорожная и почтово-телеграфная забастовка продолжалась во всемъ Царствѣ Польскомъ съ неослабѣвавшей силой. Однако и этихъ слуховъ было достаточно, чтобы заставлять всѣхъ выходцевъ изъ Царства Польскаго всѣмъ сердцемъ стремиться въ его столицу.

. . . . . .

Въ Скальмержицахъ, куда меня доставилъ прусскій желѣзно-дорожный вагонъ, мнѣ пришлось надолго распрощаться съ современными способами передвиженія. Я довѣряюсь кучеру неуклюжей кареты, которая должна была перевести меня черезъ границу Россійской имперіи, только что получившей торжественное обѣщаніе конституціи.

Въ Щипіорнѣ, гдѣ находится русская таможня, ничто не позволяетъ догадываться, что тутъ начинается территорія конституціоннаго государства. «Зеленые» по прежнему хозяйничаютъ въ саквояжахъ пріѣзжихъ, однимъ ловкимъ движеніемъ раскапывая до дна ихъ содержимое. Жандармы по прежнему «ѣдятъ глазами» владѣль-

цевъ саквояжей и подозрительно осматриваютъ ихъ паспорта, раздавая совсѣмъ неконституціонные пинки снабженнымъ не формальными пропускными свидѣтельствами «гражданамъ»-евреямъ и осыпая ругательствами «гражданъ»-рабочихъ.

Наконецъ, всѣ формальности исполнены. Мы ѣдемъ на извозчикѣ въ Калишъ. Проѣзжая мимо желѣзнодорожнаго полотна, мы видимъ десятки вагоновъ, ожидающихъ возобновленія движенія. Забастовка продолжается. Фабричныя трубы Калиша не дымятъ. Все промышленное движеніе города замерло.

Достаточно часа пребыванія въ Калишѣ, чтобы ориентироваться въ измѣнившемся положеніи. Перемѣны—значительны, и населеніе переживаетъ моментъ сильнаго общественнаго подъема. На углахъ улицъ видны громадныя объявленія о публичныхъ митингахъ и рядомъ съ ними клочки сорваннаго распоряженія губернатора, гласящаго что-то о манифестаціяхъ, собраніяхъ и т. д. Въ гостиницѣ я жадно набрасываюсь на номеръ «Gazety Kaliskiej»—жалкаго провинціальнаго листка, выходящаго уже безъ цензуры *). Мнѣ сразу кидается въ глаза рубрика, фигурировавшая до сихъ поръ только въ нелегальныхъ органахъ: «Пожертвованія въ пользу (выпущенныхъ) политическихъ заключенныхъ»; затѣмъ я читаю описаніе всенароднаго митинга, устроеннаго «при участіи всѣхъ политическихъ партій» въ какомъ-то маленькомъ мѣстечкѣ. Въ текстѣ «Газеты» то и дѣло встрѣчаются слова и выраженія, украшавшія до сихъ поръ одну только нелегальную прессу.

Немного спустя мы ѣдемъ въ Лодзь. Въ древней еврейской повозкѣ насъ помѣщается трое: типичный помѣщикъ средней руки, купецъ-еврей изъ Сосновицъ и я. Мало-по-малу налаживается разговоръ—конечно, на политическія темы. Помѣщикъ, происходящій, какъ оказывается, изъ Велюнскаго уѣзда—самой отсталой части Калишской губ.—разсказываетъ о крестьянахъ, которые устроили польско-патріотическую манифестацію по поводу манифеста 17-го октября, объ оркестрѣ сельской пожарной стражи, невозбранно разыгрывающемъ польскіе національные гимны, о съѣздѣ велюнскихъ помѣщиковъ, которые рѣшили основать польское реальное училище и собрали на это необходимыя средства. Видя, что я охотно слушаю его повѣствованія, мой помѣщикъ перешелъ на почву европейской политики и сообщилъ, что «уже рѣшено» основать, въ видахъ всеобщаго мира, два независимыхъ государства, которыя бы отдѣляли Германію и отъ Франціи, и отъ Россіи. Однимъ изъ этихъ государствъ будетъ Эльзасъ съ Лотарингіей, а другимъ—Царство Польское.

Что касается другого моего спутника, то онъ былъ всецѣло подъ впечатлѣніемъ рабочаго движенія въ Домбровскомъ округѣ.

*) Въ Польшѣ до 17-го октября 1905 г. не было изданій безъ предварительной цензуры.

Онъ разсказывалъ подробно, какъ соціалисты тамъ хозяйничаютъ и какъ всѣ ихъ слушаются. И евреи уже перестали бояться погромовъ, потому что соціалисты не допустятъ до этого. На основаніи разсказовъ моего сосновицкаго спутника можно было придти къ заключенію, что въ Домбровскомъ округѣ всѣ превратились въ соціалистовъ, начиная съ полицеймейстера Кроненберга и кончая владѣльцами рудниковъ, заводовъ и фабрикъ.

— Пане, что они въ «Гурникѣ» пишутъ, такъ это все самая чистая правда,—говорилъ онъ, воодушевляясь.—Я не соціалистъ, я торгую калошами, но я все это читалъ и я вижу, что это правда. И соціалисты своего добьются, потому что у нихъ большая сила. Знаете, пане, и фабриканты, и прочіе богатые люди имъ помогаютъ. Этотъ Познанскій изъ Лодзи, такъ онъ очень много даетъ и онъ можетъ ничего не бояться. Соціалисты выдали ему такую бумагу. Съ этой бумагой онъ можетъ повсюду ходить безопасно, и ему не нужно убѣгать за границу, какъ другимъ фабрикантамъ.

Характерно, что эту легенду объ «охранной грамотѣ», выданной будто бы Познанскому (крупнѣйшему лодзинскому промышленнику) соціалистами, я слыхалъ позже нѣсколько разъ отъ евреевъ: и на постояломъ дворѣ въ Блашкахъ, гдѣ мы останавливались, и въ Ласкѣ, гдѣ намъ пришлось ждать разсвѣта.

По мѣрѣ приближенія къ Лодзи, мы все чаще и чаще стали слышать сбивчивые разсказы о кровавыхъ событіяхъ въ этомъ городѣ, о демонстративныхъ похоронахъ жертвъ, павшихъ въ Лодзи и Згержѣ. Помѣщика, оставшагося въ Сѣрадзѣ, смѣнилъ еврей изъ Пабьяницъ, который повѣствовалъ о большомъ соціалистическомъ митингѣ въ этомъ промышленномъ центрѣ, куда мы пріѣхали на слѣдующее утро.

Видъ Пабьяницъ мало внушалъ довѣрія къ «конституціи». Всѣ лавки закрыты, ни одна фабрика, ни одна мастерская не работаетъ. На улицахъ гарцующіе драгуны, провожаемые злобными взглядами толпящихся рабочихъ. Мы быстро приближаемся къ Лодзи. Издали видны безчисленныя фабричныя трубы, но черная завѣса дыма, окутывающая обыкновенно этотъ городъ, куда-то исчезла. Фабрики не работаютъ. Мы въѣзжаемъ въ главную улицу Лодзи—Петроковскую.

Городъ производитъ впечатлѣніе военнаго лагеря. Повсюду солдаты и казаки, публики почти не видать. Всѣ находятся подъ впечатлѣніемъ распоряженія мѣстнаго военнаго генералъ-губернатора, Шатилова, который объявилъ, что въ случаѣ, если газовые фонари на улицахъ потухнутъ, онъ прикажетъ стрѣлять во всякаго, кто появится на улицѣ послѣ 6-ти часовъ. Настроеніе въ высшей степени тревожное, въ виду явно подготовляемаго полиціей еврейскаго погрома. Рабочая организація принимаетъ рѣшительныя мѣры противодѣйствія, организуя стражу, состоящую изъ рабочихъ-хри-

стіанъ какъ въ самой Лодзи, такъ и въ Згержѣ, гдѣ тоже наблюдаются подозрительные признаки надвигающагося погрома.

Пришлось разстаться съ тѣмъ радужнымъ настроеніемъ, въ которомъ я и мои товарищи покидали Краковъ. И, дѣйствительно, едва мы успѣли пріѣхать въ Варшаву, какъ надъ всѣмъ Царствомъ Польскимъ нависла грозная туча военнаго положенія. «Конституціей» Польша пользовалась меньше двухъ недѣль, да и то не вся, потому что и въ Варшавѣ, и въ Лодзи военное положеніе продолжалось безъ перерыва. Затѣмъ оно было распространено на всѣ безъ исключенія губерніи Царства Польскаго, не исключая и самыхъ «смирныхъ».

Въ Варшавѣ можно было констатировать несбыточность мечтаній и велюнскаго помѣщика, и сосновицкаго торговца калошами, моихъ случайныхъ спутниковъ. До независимости Польши было такъ же далеко, какъ и до торжества соціализма. Однако, кое-что всетаки измѣнилось, и положеніе польскаго народа послѣ 17-го октября очень сильно отличалось отъ положенія его до изданія манифеста. Измѣненіе произошло какъ во внѣшнихъ условіяхъ его жизни, такъ и во внутреннихъ взаимоотношеніяхъ его общественныхъ силъ.

Въ «дни свободы», послѣдовавшіе за объявленіемъ манифеста 17-го октября, хлынуло наружу все то, что до сихъ поръ считалось нелегальнымъ. Военное положеніе и сопутствующія ему репрессаліи опять загнали въ подполье многіе легализовавшіеся было элементы, однако кое-что всетаки успѣло закрѣпить за собой право, весьма, впрочемъ, шаткое—на легальное существованіе.

II.

До 17-го октября почти вся культурно-національная жизнь Польши была нелегальной наравнѣ съ соціально-политической дѣятельностью крайнихъ партій. Обученіе грамотѣ на польскомъ языкѣ происходило такъ же тайно, какъ и распространеніе революціонныхъ идей. Патріотическія изданія провозились изъ-за границы контрабаднымъ путемъ точно такъ же, какъ и соціалистическія брошюры. Варшавская цензура относилась одинаково и къ патріотическимъ, и къ соціалистическимъ тенденціямъ. Національ-демократическая партія являлась такимъ же нелегальнымъ сообществомъ, какъ и польская партія соціалистическая (П. П. С.). И та, и другая принуждены были прибѣгать къ нелегальнымъ методамъ распространенія своего вліянія.

Послѣ 17-го октября положеніе дѣлъ измѣнилось кореннымъ образомъ. Даже тогда, когда «дни свободы», продолжавшіеся въ Польшѣ еще короче, нежели въ Россіи, отошли въ прошлое, даже тогда польское національное и особенно культурно-національное

движеніе, крѣпко опиралось на легальную почву, между тѣмъ какъ соціализмъ опять превратился въ объектъ всевозможнѣйшихъ преслѣдованій. Я не хочу сказать, чтобы польскія національныя требованія были удовлетворены хоть въ какомъ-нибудь отношеніи, такъ какъ это было бы несогласно съ реальной дѣйствительностью. Я только подчеркиваю тотъ фактъ, что польское національное движеніе въ культурной, а отчасти даже и въ политической области получило возможность легальнаго или, по крайней мѣрѣ, полулегальнаго развитія.

Для польской печати наступила новая эра. Она очутилась въ томъ положеніи, въ какомъ находилась русская во времена Плеве. Это значитъ, что она могла говорить о предметахъ, совершенно недоступныхъ ея обсужденію прежде. Польскіе иллюстрированные журналы могли невозбранно помѣщать портретъ Костюшка, героевъ возстаній, различныя польскія національныя эмблемы и т. д. Польскія газеты могли говорить о гнетѣ руссификаторской политики, о необходимости полонизаціи школы, суда и администраціи, а въ очень осторожной формѣ даже и о злоупотребленіяхъ низшихъ чиновниковъ. Польское общество получило возможность основывать археологическія, историческія и литературныя общества, создавать экономическія организаціи въ родѣ польскихъ крестьянскихъ земледѣльческихъ кружковъ, польскихъ потребительныхъ товариществъ, наконецъ, организовывать частныя польскія школы, библіотеки и читальни. Однимъ словомъ, польская національно-культурная жизнь вошла послѣ 17-го октября въ такія же приблизительно рамки, въ какихъ развивалась русская до 17-го октября. Я говорю: приблизительно, потому что русское общество и до 17-го октября не испытывало національнаго гнета, между тѣмъ какъ польское и послѣ 17-го октября не было освобождено отъ чуждаго ей языка въ школахъ, судахъ и присутственныхъ мѣстахъ.

Какъ ни какъ, но и тѣ крохи, которыя перепали на долю польскаго общества, были величиной весьма почтенной въ сравненіи съ тѣмъ, что было прежде. Громадная область національной жизни пріобрѣтала право легальнаго развитія, и этотъ фактъ сыгралъ огромную роль въ политической эволюціи Польши. Масса силъ, до сихъ поръ либо бездѣйствовавшихъ, либо работавшихъ нелегально, кинулась на арену легальной общественной дѣятельности. Культурная работа, направленная къ возстановленію всего того, что было запретнымъ плодомъ со времени послѣдняго возстанія, стала лозунгомъ значительной части польскаго общества. Мы получили крохи—это правда,—говорили сторонники этихъ тенденцій,—но эти крохи позволятъ намъ укрѣпить нашъ національный организмъ, ослабленный и долголѣтнимъ гнетомъ, и событіями послѣднихъ двухъ лѣтъ. Страна жаждетъ успокоенія, отдыха. Слѣдуетъ воспользоваться тѣмъ, что у насъ есть, не тратить больше силъ на революціонную борьбу и заняться мирной работой въ области

національной культуры, экономической организаціи, стремясь легальнымъ путемъ осуществить наши національно-политическія задачи. Мы благодарны организованному пролетаріату, который своей грудью и своей кровью пріобрѣлъ для насъ возможность мирнаго культурнаго развитія, но эпоха революціи закончилась, теперь наступаетъ новая эпоха—усиленнаго, мирнаго труда.

Таково было настроеніе польскаго буржуазнаго общества не только сейчасъ послѣ 17-го октября, но и значительно позже, когда военное положеніе стало цѣлыми десятками упрятывать въ кутузки самыхъ «мирныхъ» обывателей за наивную вѣру въ близость автономіи Польши. Однако, даже военное положеніе, господствовавшее въ Царствѣ Польскомъ, не мѣшало полякамъ легально заниматься тѣмъ, что было совершенно немыслимо еще въ первую половину русско-японской войны. И вотъ мы видимъ, какъ, съ одной стороны, возникаютъ самыя разнообразныя польскія культурныя учрежденія и общества, а съ другой—укрѣпляется и развивается на легальной почвѣ еще такъ недавно считавшаяся революціонной національ-демократическая партія. Эта партія сплотила подъ своимъ знаменемъ всѣ элементы, жаждущіе успокоенія, мирной культурной дѣятельности, спокойной эволюціи и относящіеся поэтому враждебно ко всему тому, что способствовало бы дальнѣйшему развитію революціоннаго движенія.

Въ Царствѣ Польскомъ образовались два крупныхъ лагеря: т. н. «національный», руководимый національ-демократической партіей, и революціонный, во главѣ котораго встала П. П. С. (польская соціалистическая партія). Первый охватилъ всѣ тѣ элементы, которые видѣли въ дальнѣйшемъ развитіи революціоннаго движенія опасность не только для польскихъ національныхъ интересовъ, но, прежде всего, для классовыхъ привилегій буржуазіи и помѣщиковъ. Во второмъ очутились рабочія организаціи, считавшія настоящій моментъ однимъ изъ эпизодовъ продолжающейся революціи, которая должна закончиться не мелкими, частичными уступками, а полной капитуляціей противника. Ко второму лагерю примкнули немногочисленныя группы прогрессивной интеллигенціи, не раздѣляющіе вполнѣ взглядовъ революціонныхъ элементовъ, но также полагающіе, что революція еще не завершила круга своего развитія, что дальнѣйшая борьба необходима, хотя методы этой борьбы должны быть пріурочены къ нѣсколько измѣнившемуся положенію края. Мало по малу прогрессисты втягиваются въ чисто культурную національную работу и начинаютъ все больше и больше отставать отъ революціоннаго лагеря, что въ концѣ концовъ сближаетъ ихъ до нѣкоторой степени съ національ-демократіей. Образуется даже группа прогрессистовъ, являющаяся переходнымъ звеномъ между прогрессивно-демократической партіей и національ-демократіей.

До 17-го октября, въ періодъ активной революціонной борьбы,

первенствующую роль въ жизни польскаго общества играла естественно П. П. С. Она стояла во главѣ революціоннаго движенія, она руководила народными массами, борющимися и съ правительствомъ, и съ реакціонными элементами польскаго общества, организуемыми и руководимыми Н. Д., къ ней примыкали и ее поддерживали отдѣльныя лица и группы изъ среды прогрессивной интеллигенціи, не игравшей въ періодъ революціоннаго подъема никакой самостоятельной роли. Послѣ 17-го октября положеніе дѣлъ круто измѣнилось. По мановеніи «дней свободы», въ теченіе которыхъ и П. П. С. могла дѣйствовать легально, на первый планъ польской національно-политической жизни выдвинулась національ-демократія, которая, легализовавшись, сразу же стала крупной силой, располагающей многочисленными кадрами дисциплинированныхъ членовъ, большими средствами, рядомъ вліятельныхъ органовъ печати и серьезными связями во всѣхъ безъ исключенія слояхъ польскаго общества. Н. Д. очутилась въ положеніи партіи, которая воспользовалась всѣми результатами революціонной борьбы, не принимая въ ней никакого участія, между тѣмъ какъ ея революціонная соперница была лишена всего, что могло бы хоть до нѣкоторой степени уравнять шансы ея борьбы съ шансами легальнаго развитія Н. Д.

Итакъ, Н. Д. торжествовала побѣду, ни мало ей не содѣйствуя всей своей прежней дѣятельностью. Новыя условія политической жизни Царства Польскаго въ высшей степени благопріятствовали ея пышному расцвѣту, и вскорѣ она оказалась полнымъ хозяиномъ положенія. Она оттѣсняетъ на задній планъ всѣ другіе не революціонные элементы польскаго общества и, провозгласивъ себя представительницей польской націи какъ цѣлаго, принимаетъ на себя обязанность добиться тѣми или другими средствами, съ одной стороны, автономіи Царства Польскаго, а съ другой — подавленія въ краѣ «анархіи», подъ которой разумѣется революціонное движеніе.

Такъ какъ Н. Д. суждено играть въ польской жизни первенствующую роль, то слѣдуетъ ознакомиться ближе съ эволюціей и современнымъ характеромъ этой партіи, не мало измѣнившейся въ теченіе 20-лѣтняго существованія.

III.

Въ 1886 г. возникла среди польскихъ эмигрантовъ тайная революціонная организація, названная первоначально «Польской Лигой», впослѣдствіи же переименованная въ «Національную Лигу». «Лига» поставила себѣ задачей подготовленіе новаго возстанія съ цѣлью добиться государственной независимости Польши. Къ «Лигѣ» примкнули радикально-демократическіе и отчасти соціалистическіе элементы польской молодежи, недовольные космополити-

ческими тенденціями тогдашнихъ руководителей «Пролетаріата». Въ составъ «Лиги» вошли и народники, группировавшіеся вокругъ основаннаго въ 1886 г. въ Варшавѣ еженедѣльнаго журнала «Голосъ» (Głos) и возлагавшіе всѣ свои надежды на развитіе соціальнаго и національнаго самосознанія польскаго крестьянства.

Моментъ, въ который начала дѣйствовать «Лига», какъ нельзя лучше благопріятствовалъ возрожденію революціонно національныхъ стремленій на демократической подкладкѣ. Соціалистическое движеніе вступало въ эпоху продолжавшагося нѣсколько лѣтъ внутренняго кризиса, вызваннаго не столько разгромомъ организаціи «Пролетаріата» *), сколько разочарованіемъ радикальной молодежи въ основныхъ положеніяхъ программы этой партіи. Туманныя фразы о близости революціоннаго, соціалистическаго переворота уже не могли увлекать молодежь — тѣмъ болѣе, что и русское соціально-революціонное движеніе, съ развитіемъ котораго тѣсно связывались судьбы революціи въ Польшѣ, по всѣмъ признакамъ клонилось къ упадку. Пропаганда «Лиги» стала проникать въ Царство Польское тогда, когда въ польскомъ соціалистическомъ движеніи, послѣ разгрома «Пролетаріата», господствовало полное затишье. Соціалистовъ по убѣжденіямъ было не мало, но что касается путей, по которымъ слѣдовало до сихъ поръ соціалистическое движеніе въ Польшѣ, то на этотъ счетъ преобладалъ скептицизмъ, вскорѣ смѣнившійся лихорадочными поисками новаго выхода.

Этимъ переходнымъ моментомъ воспользовалась «Лига», группируя вокругъ своего знамени массу радикальныхъ элементовъ, которые при другихъ условіяхъ неминуемо ушли бы въ соціалистическое движеніе. Присутствіе этихъ-то элементовъ въ организаціи «Лиги» обусловливало соціальный радикализмъ ея выступленій, носящихъ революціонно-патріотическій характеръ. Однако, этотъ радикализмъ очень скоро начинаетъ блѣднѣть, и общій характеръ «Лиги» круто измѣняется — подъ давленіемъ новой силы, появившейся на аренѣ польской общественной жизни.

Этой силой была польская соціалистическая партія, которая сумѣла дать соціалистическому движенію въ Польшѣ новую программу, слившую воедино соціально-экономическія стремленія пролетаріата съ его политическими и національными интересами. Программа П. П. С. заключала въ себѣ требованіе государственной независимости Польши, какъ необходимой предпосылки, обусловливающей побѣду пролетаріата въ Польшѣ. Опираясь на почву классовыхъ интересовъ пролетаріата и стремясь къ независимости Польши въ интересахъ этого класса, П. П. С. въ то же самое время становилась національной партіей, вліяніе которой распро-

*) Судьба этой партіи охарактеризована мною въ статьяхъ «Былого» (кн. IV и VI за 1906 г.).

странялось довольно далеко и внѣ круга ея непосредственнаго воздѣйствія. Не покидая почвы классовыхъ интересовъ пролетаріата, П. П. С., благодаря своей національной программѣ, привлекала къ себѣ симпатіи тѣхъ элементовъ общества, которые были слишкомъ слабы для того, чтобы вести самостоятельно національно-политическую дѣятельность, но которые въ то же время готовы были поддерживать всякую группу, стремящуюся къ уничтоженію національнаго гнета. Такимъ образомъ, П. П. С. получила возможность привлекать къ себѣ ту интеллигенцію, на которую до сихъ поръ вліяла «Лига». Мало-по-малу самые радикальные элементы, входившіе въ кругъ вліянія «Лиги», покидаютъ ее, примыкая къ П. П. С., что вызвало довольно скоро полное исчезновеніе въ «Лигѣ» ея соціалистическихъ и радикально-экономическихъ симпатій.

Программа основанной «Лигой» націоналъ демократической партіи, обнародованная въ 1896 году, отражаетъ перемѣну состава сторонниковъ «Лиги». Ея радикализмъ — не только соціальный, но и политическій — успѣлъ сильно поблѣднѣть, а въ органахъ націоналъ-демократической партіи прежнія симпатіи «Лиги» къ соціализму замѣняются явно враждебнымъ отношеніемъ къ П. П. С.

Поскольку моментъ выступленія на арену политической дѣятельности «Лиги» былъ для нея благопріятенъ, постольку условія конца девяностыхъ годовъ, когда организовалась націоналъ-демократическая партія, ставили ее въ очень затруднительное положеніе. Радикальные элементы были для нея уже не доступны, вслѣдствіе быстро усиливавшагося вліянія П. П. С., а среди умѣренныхъ элементовъ польскаго общества господствовало настроеніе, весьма далекое отъ всего того, что имѣло анти-правительственный характеръ.

Смерть Александра III и начало новаго царствованія вызвали оживленіе надеждъ на перемѣну положенія поляковъ въ Россіи. Аристократія и крупная буржуазія, тянущаяся за аристократіей, перешли отъ полной пассивности къ активной политикѣ примиренія («угоды») съ русскимъ правительствомъ. Эта политика велась такъ ловко, она была обставлена такъ эффектно, что даже люди, не сочувствующіе интригамъ и происканъ «угодовцевъ», не хотѣли имъ мѣшать, полагая, что все-таки эта политика можетъ дать кое-какіе результаты. Понятно поэтому, что при такихъ условіяхъ задача Н. Д. не привлекала къ себѣ большой симпатіи среди умѣренныхъ, ожидавшихъ измѣненія судьбы польскаго народа не отъ подготовленій къ новому возстанію, а отъ милостей, дарованныхъ примирившемуся со своей судьбой польскому народу русскимъ императоромъ.

Только полное крушеніе «угоды», полное разочарованіе польскаго общества въ политикѣ примиренія съ русскимъ правитель-

ствомъ, наступившее въ началѣ текущаго столѣтія, дало новый, сильный толчекъ развитію Н. Д. И вотъ мы видимъ, какъ эта, ничтожная еще такъ недавно, группа превращается очень быстро въ крупную, вліятельную партію. Въ періодъ, не благопріятствовавшій ея росту среди интеллигенціи, Н. Д. направила свои силы въ деревню и завязала тамъ довольно широкія связи среди крестьянъ, не затронутыхъ соціалистической пропагандой, что ей очень пригодилось впослѣдствіи, такъ какъ представляя, благодаря этому, довольно серьезную политическую силу, она тѣмъ легче могла привлекать въ свои ряды недавнихъ сторонниковъ «угоды», когда послѣдняя оказалась совершенно дискредитированной.

Ряды Н. Д. очень быстро пополняются бѣглецами изъ-подъ знамени «угоды». Помѣщики, фабриканты-поляки, значительное количество духовенства и, прежде всего, масса интеллигенціи — вотъ новыя пріобрѣтенія Н. Д., которыя, укрѣпивъ ее матеріально, превратили ее въ очень вліятельную партію.

Конечно, наплывъ въ ряды Н. Д. этихъ элементовъ долженъ былъ очень сильно повліять на измѣненіе характера партіи и ея дѣятельности. Она должна была освободиться отъ остатковъ своего прежняго демократизма и выдвинуть на первый планъ націонализмъ въ качествѣ того цемента, который связывалъ бы представителей разнообразныхъ общественныхъ группъ и позволилъ бы имъ выступать согласно подъ однимъ общимъ знаменемъ.

Опираясь на помѣщиковъ, духовенство и фабрикантовъ, Н. Д., конечно, могла уже и мечтать о политикѣ возстанія. Она пускаетъ въ ходъ фразы о возстаніи только въ своихъ популярныхъ изданіяхъ, предназначенныхъ для крестьянъ; что же касается ея органовъ, издаваемыхъ для интеллигенціи, то въ нихъ всякая мысль о возстаніи осуждается самымъ рѣшительномъ образомъ. «Если бы всякая организація нелегальной дѣятельности фаталистически приводила къ возстанію, то, дѣйствительно, лучше слѣдовало бы приложить усилія къ тому, чтобы по возможности не выходить изъ легальныхъ рамокъ и воздержаться отъ всякой широко организованной тайной дѣятельности»—заявилъ центральный органъ Н. Д. «Всепольское Обозрѣніе».

Изъ партіи демократической Н. Д. превращается въ организацію для защиты классовыхъ интересовъ крупнаго земледѣлія и фабрикантовъ. Въ ея изданіяхъ для крестьянства вы не встрѣтите нигдѣ и намека на эксплуатацію мужика или батрака помѣщикомъ. Все, что только могло бы вызвать антагонизмъ крестьянскаго населенія къ помѣщикамъ, замалчивается самымъ тщательнымъ образомъ. За то на каждомъ шагу подчеркивается все, что можетъ быть истолковано въ пользу общности интересовъ всѣхъ слоевъ польскаго народа. Нестерпимый національный гнетъ, дающій себя чувствовать всему польскому народу, былъ очень умѣло

использованъ Н. Д. для пропаганды «національнаго единства» и затемненія классовыхъ противорѣчій *).

Къ началу русско-японской войны характеръ Н. Д. опредѣлился совершенно ясно. Отъ прежнихъ ея революціонныхъ и демократическихъ стремленій не осталось и слѣда. Она являлась чисто-націоналистической партіей, опирающейся на имущіе классы польскаго общества и дѣйствующей во имя этихъ интересовъ. Когда же наступилъ моментъ революціоннаго подъема, Н. Д. ринулась въ борьбу со всѣми революціонными элементами польскаго общества и прежде всего, конечно, съ П. П. С.

IV.

Воззваніе «Лиги» (представляющей собою руководящій органъ Н. Д.), изданное въ началѣ войны, говоритъ: «Эта война можетъ ускорить внутренній кризисъ и приблизить моментъ реорганизаціи политическаго уклада государства. Наступающій періодъ тяжкой борьбы на Востокѣ принудитъ его измѣнить политику по отношенію къ угнетаемымъ Россіей національностямъ, и спеціально къ нашей націи. Россіи придется считаться съ нами. *Тогда* отъ нашего поведенія, отъ нашего политическаго ума, отъ нашей рѣшительности и энергіи, отъ согласія въ нашихъ національныхъ рядахъ будетъ зависѣть судьба ближайшихъ польскихъ поколѣній. Ожидая этого момента, мы должны зорко смотрѣть за поведеніемъ всего нашего общества, удерживать его отъ ложныхъ шаговъ и отъ всего того, что могло бы нарушить его равновѣсіе и такимъ образомъ уменьшить его силы. Такую роль играли бы въ теперешнемъ нашемъ положеніи всякія несвоевременныя выступленія: не затрудняя особенно правительства въ его военныхъ дѣйствіяхъ, они ввели бы только дезорганизацію въ собственные наши ряды. Первыя попытки агитаціи въ этомъ направленіи уже появились. Онѣ будутъ, несомнѣнно, повторяться по мѣрѣ военныхъ неудачъ Россіи. Имъ слѣдуетъ противодѣйствовать всѣми силами. Мы не можемъ позволить ни того, чтобы *иностранныя правительства черезъ своихъ агентовъ* вели нашъ народъ въ желательномъ для нихъ направленіи, ни того, чтобы хоть капля польской крови была пролита, благодаря безсмысленнымъ и безполезнымъ выходкамъ собственныхъ нашихъ незрѣлыхъ элементовъ».

Это воззваніе «Лиги», такъ еще недавно слывшей самой революціонной организаціей, снискало полное одобреніе «Варшавскаго Дневника», «Новаго Времени» и т. п. органовъ печати, точно такъ же оперировавшихъ фразами объ «агентахъ иностранныхъ правительствъ» и т. д. Н. Д. осталась вѣрной лозунгу, формулирован-

*) Подробно объ этой эволюціи Н. Д. я говорю въ своей книгѣ «Современная Польша и ея политическія стремленія» Спб. 1906 г.

ному «Лигой». Борьба съ революціонными проявленіями польской жизни заняла центральный пунктъ въ ея дѣятельности.

Между тѣмъ, количество этихъ проявленій постепенно возрастало, при чемъ усиливалась и ихъ интенсивность. Дѣятельность П. П. С. давала націоналъ-демократамъ обильную пищу для антиреволюціонной агитаціи, особенно съ осени 1904 г., когда манифестаціонное движеніе, организованное П. П. С., разлилось по всему краю, проникая въ самые отдаленные уголки Царства Польскаго и подготовляя народныя массы къ болѣе серьезнымъ выступленіямъ. Вооруженная демонстрація П. П. С. въ Варшавѣ на Гжыбовской площади (13-го ноября 1904 г.), вызвавшая сильное броженіе среди рабочихъ и оппозиціонной интеллигенціи, вывела руководящіе круги Н. Д. изъ себя. Ихъ органъ писалъ по поводу этой демонстраціи, отбросивъ всякія дипломатическія фразы: «Дѣятельность П. П. С. въ послѣднее время производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто ея направленіе зависитъ отъ какихъ-то косвенныхъ вліяній—*англійскихъ*, а можетъ быть даже *японскихъ*, отъ какихъ-то обязательствъ, съ которыми она принуждена считаться». Мы видимъ, что обвиненія, брошенныя въ лицо русскому освободительному движенію «Московскими Вѣдомостями», были подхвачены Н. Д. и направлены противъ П. П. С.

Всеобщая забастовка, охватившая съ стихійной силой всѣ безъ исключенія польскіе города и промышленные центры послѣ петербургскихъ событій 9-го января 1905 г., вызвала новую мобилизацію силъ Н. Д. противъ революціоннаго движенія въ Польшѣ и, въ частности, противъ П. П. С. Борьбу съ послѣдней Н. Д. ведетъ въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, она старается дискредитировать движеніе въ глазахъ интеллигенціи, а затѣмъ возбудить противъ него темныя массы, эксплуатируя ихъ религіозный фанатизмъ и расовыя предубѣжденія. Для противодѣйствія революціонному движенію среды массъ Н. Д. создаетъ спеціальный «Національный рабочій союзъ» изъ черносотенныхъ элементовъ.

Чтобы дискредитировать движеніе, Н. Д. старается распространять слухи о томъ, что оно является результатомъ интриги враждебныхъ польскому обществу элементовъ. По поводу январской забастовки «Всепольское Обозрѣніе» писало: «Пробуждать въ такой моментъ, какъ настоящій, классовую борьбу это значитъ ослаблять или уничтожать настоящую политическую дѣятельность. Это прямое преступленіе по отношенію къ обществу, это дѣло *русскихъ агентовъ* или невмѣняемыхъ личностей». Забастовки сельскохозяйственныхъ рабочихъ, организованныя П. П. С., по словамъ органовъ Н. Д., были вызваны *русскими шпіонами*. Это писалось для интеллигенціи. Въ изданіяхъ же, предназначающихся для народныхъ массъ, Н. Д. ничѣмъ рѣшительно не стѣснялась. Вотъ, напр., что писалъ «Факелъ», органъ «Національнаго рабочаго союза»: «Въ настоящее время выгоднѣе всего для евреевъ, чтобы въ русскомъ

государствѣ господствовала постоянная смута. Они вызываютъ ее всегда тамъ, гдѣ ее легче всего вызвать: въ Польшѣ, на Кавказѣ и въ другихъ краяхъ, населенныхъ нерусскими. Москали не поддаются, а мы становимся орудіемъ, защищающимъ еврейскіе интересы. Евреямъ все равно, господствуетъ ли въ нашемъ краѣ нужда или нѣтъ. Они надѣются, что правительство, устрашенное постоянными возмущеніями, дастъ имъ значительныя льготы, упразднитъ запрещеніе евреямъ жить въ Россіи, и тогда евреи преспокойно уѣдутъ себѣ изъ нашего раззореннаго и стонущаго подъ московскимъ гнетомъ края и разбѣгутся по всей Россіи». «Соціалисты служатъ московскимъ соціалистамъ и по первому кивку изъ Москвы или Петербурга готовы посылать сотни поляковъ подъ московскія пули и сабли, готовы обрекать на голодъ и нужду все рабочее населеніе»—говорится въ одномъ изъ первыхъ воззваній «Національнаго рабочаго союза». «Они ненавидятъ церковь Христову и католическую религію»—говоритъ объ агитаторахъ П. П. С. тотъ же «Союзъ».

Н. Д. превратилась, въ концѣ концовъ, въ организацію, сплотившую всѣ контръ-революціонные элементы Польши. Однако, до 17-го октября для нея почти недоступна была легальная почва контръ-революціонной дѣятельности. Ее изданія печатались и распространялись по большей части нелегально, главные ея вожаки оставались эмигрантами, и правительственныя власти относились къ нимъ, какъ, къ элементу революціонному. Послѣ 17-го октября положеніе Н. Д. круто измѣнилось. Правда, ея національная дѣятельность, особенно въ деревнѣ, гдѣ Н. Д. организовала борьбу за фактическое осуществленіе юридически (т. е. на бумагѣ) существовавшаго равноправія польскаго языка въ гминномъ самоуправленіи, преслѣдовалась по прежнему; ея представителей уѣздныя власти сажали десятками въ кутузку, но это было уже совсѣмъ не то, что прежде.

Тѣ элементы дѣятельности Н. Д., которые съ точки зрѣнія господствующей въ Царствѣ Польскомъ бюрократіи были революціонны, дѣйствительно подвергались стѣсненіямъ и преслѣдованіемъ. Пропаганда въ пользу замѣны русскихъ вывѣсокъ польскими, бойкотъ руссификаторскихъ учебныхъ заведеній, требованіе автономіи—все это разсматривалось въ варшавскихъ канцеляріяхъ, какъ проявленіе «революціоннаго духа», какъ подготовка къ «отторженію Царства Польскаго отъ Россіи». Но все то, что исходило изъ лагеря націоналъ-демократовъ и направлялось противъ революціоннаго движенія, могло распространяться совершенно безвозбранно. Ежедневный органъ Н. Д. въ Варшавѣ, «Гонецъ» воспользовался «свободой печати», чтобы втоптать въ грязь своихъ политическихъ противниковъ, опять загнанныхъ въ подполье. На митингахъ и собраніяхъ въ провинціи, особенно въ маленькихъ мѣстечкахъ и въ деревняхъ, націоналъ-демократы открыто возбуждали толпу къ избіенію

соціалистовъ, что и происходило кое-гдѣ спорадически. Одинъ изъ органовъ Н. Д., «Слово Польское», писалъ, что революціонное движеніе слѣдуетъ уничтожать «всѣми средствами, какими только располагаетъ общество, не отказываясь отъ самыхъ крайнихъ. Мы боимся возбуждать внутренніе раздоры, мы боимся, что вспыхнетъ братоубійственная война... Разложеніе, однако, распространяется все шире, оно проникаетъ все глубже въ самую сердцевину общества. Насталъ крайній моментъ, когда слѣдуетъ предпринять борьбу съ анархіей не на животъ, а на смерть. Эта борьба должна быть безпощадной, и намъ не нужно бояться, что это будетъ междоусобная борьба».

Такіе взгляды высказывались печатью Н. Д. въ самый разгаръ военнаго положенія. Сокрушить «анархію, т. е. подавить всѣ проявленіе революціоннаго духа, и гарантировать польскому обществу мирное развитіе подъ сѣнью хотя бы самой умѣренной конституціи, позволяющей надѣяться въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ на автономію Царства Польскаго—вотъ каковъ былъ лозунгъ Н. Д. въ это время. Онъ какъ нельзя лучше отвѣчалъ политико-соціальнымъ взглядамъ тѣхъ сферъ, которыя стали въ конституціонный періодъ главнымъ оплотомъ Н. Д., т. е. крупныхъ помѣщиковъ и фабрикантовъ, окончательно порвавшихъ всякія связи со штабомъ «угодовцевъ», превратившихся изъ сильной еще такъ недавно партіи въ ничтожную группу, принявшую названіе «партіи реальной политики».

Наканунѣ выборовъ въ Государственную Думу Н. Д. почти дошла до кульминаціонной точки своего развитія. Въ ея лагерѣ очутились всѣ элементы, враждебные революціонному движенію какъ по политическимъ, такъ и по соціальнымъ соображеніямъ. Безсмысленные же преслѣдованія, направленныя противъ Н. Д. со стороны Скалона и всей мѣстной бюрократіи, окружили эту партію ореоломъ мученичества, привлекшихъ къ ней симпатіи и тѣхъ, кто не совсѣмъ мирился съ ея тактикой, но кто въ силу этихъ преслѣдованій видѣлъ въ ней носительницу національныхъ традицій и идеаловъ.

Оттѣснивъ на задній планъ «реальныхъ политиковъ», Н. Д. ринулась въ избирательную борьбу, не опасаясь конкурренціи ни съ чьей стороны.

Соціалистическій лагеръ занялъ чисто революціонную позицію, отвергая самую мысль объ участіи въ выборахъ, а «прогрессисты-демократы», попытавшіеся было выступить противъ Н. Д., были величиной настолько ничтожной, что Н. Д. совсѣмъ не приходилось съ ними считаться.

V.

Передъ выборами въ первую Думу въ русскую печать, вообще чрезвычайно плохо освѣдомленную относительно того, что происходитъ въ Польшѣ, проникли слухи о возможности побѣды «прогрессивно-демократической партіи». Слухи эти были основаны на аналогіи. Въ Россіи побѣждали кадеты, слѣдовательно, въ Польшѣ должны были бы одержать побѣду «прогрессисты-демократы». Между тѣмъ въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, не было почвы для аналогіи между польскими и русскими отношеніями, такъ какъ, сообразно различію соціально-политическихъ условій, польскія и русскія партіи очень мало другъ на друга похожи. Такъ, напр., мы напрасно искали бы среди русскихъ партій партіи, соотвѣтствующей польской Н. Д., которая сплотила въ своихъ рядахъ элементы, входящіе въ Россіи и въ союзъ 17-го октября, и въ партію правового порядка, и въ «Союзъ русскаго народа», рядомъ съ элементами, родственными кадетамъ и партіи демократическихъ реформъ. Даже соціалистическія группы Польши весьма отличны отъ русскихъ С. Д. и С. Р. Что же касается «прогрессистовъ-демократовъ», то они, несмотря на свое тяготѣніе къ кадетамъ, и по существу и, особенно, по своей силѣ и значенію не занимаютъ въ польскомъ обществѣ того мѣста, которое выпало на долю кадетъ въ Россіи.

У польскихъ прогрессистовъ-демократовъ нѣтъ той традиціи, на которую могутъ опираться русскіе кадеты, бывшіе дѣятели земскаго либеральнаго движенія, люди, которые сыграли въ освободительномъ движеніи послѣднихъ двухъ лѣтъ очень крупную роль. Польскіе «прогрессисты-демократы»—это группа, возникшая въ концѣ 1904 г., такъ сказать, изъ ничего. Первоначально это былъ кружокъ интеллигенціи, стоящій очень близко къ П. П. С. и оказывавшій ей нѣкоторыя услуги, не играя при этомъ никакой рѣшающей роли. Вооруженная демонстрація на Гжабовской площади, организованная П. П. С. 13-го ноября 1904 г., дала первый толчекъ выдѣленію организованной группы П. Д. Колосальное впечатлѣніе, произведенное этой демонстраціей, вызвало извѣстное броженіе среди тяготѣвшей къ соціализму интеллигенціи, которая рѣшила подготовить почву для реализаціи пріобрѣтеній революціоннаго движенія.

Руководящая идея заключалась въ слѣдующемъ. Демонстрація на Гжабовской площади и послѣдовавшія затѣмъ аналогичныя проявленія революціоннаго движенія указывали на то, что революціонной организаціи удастся въ недалекомъ будущемъ добиться кое-какихъ уступокъ отъ правительства. Между тѣмъ руководительница этого движенія—П. П. С.—является партіей «непримиримыхъ», она стремится къ созданію самостоятельной демократиче-

ской республики. Конечно, этой цѣли въ самомъ ближайшемъ будущемъ достигнуть невозможно, поэтому слѣдуетъ выставить требованія, на осуществленіе которыхъ можно было бы надѣяться еще въ періодъ переживаемаго Россіей кризиса. Такимъ требованіемъ явилась автономія Царства Польскаго, выработанная учредительнымъ сеймомъ въ Варшавѣ, выбраннымъ на основаніи всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ.

Въ качествѣ своей ближайшей цѣли и П. П. С. выставила учредительное собраніе въ Варшавѣ, но это требованіе было формулировано такъ, что изъ него можно было вывести и стремленіе къ полному отторженію Польши отъ Россіи. Формула П. Д. исключала такую постановку вопроса, высказываясь совершенно недвусмысленно въ пользу дальнѣйшей общей государственной жизни Царства Польскаго съ Россіей. Политическая программа П. Д. была, какъ мы видимъ, заимствована у П. П. С. и только пріурочена къ требованіямъ ближайшаго момента. Въ силу этого она не могла пріобрѣсти себѣ сторонниковъ внѣ того круга радикальной интеллигенціи, который тяготѣлъ къ П. П. С., но вмѣстѣ съ тѣмъ не принималъ активнаго участія въ ея дѣятельности. Этотъ кругъ былъ очень немногочисленъ вслѣдствіе чего и П. Д. въ качествѣ самостоятельной организаціи оставалась очень слабой группой, которая если и имѣла извѣстное значеніе, то исключительно благодаря тому обстоятельству, что въ ея рядахъ очутились люди, пользующіеся вліяніемъ въ качествѣ крупныхъ литературныхъ силъ, какъ А. Свентоховскій, В. Сѣрошевскій. Какъ группа слабая, не опиравшаяся на массы, прогрессивная демократія не могла играть самостоятельной политической роли. Въ своей тактикѣ она шла съ соціалистами и поддерживала ихъ стремленія по мѣрѣ возможности.

Однако, очень скоро между П. Д. и П. П. С. возникъ разладъ, который привелъ къ выходу изъ рядовъ первой людей, наиболѣе близкихъ ко второй (между прочимъ, В. Сѣрошевскаго, который еще въ первые «дни свободы» заявилъ о своей принадлежности къ П. П. С.) и вызвалъ среди П. Д. первые признаки «отрезвленія». Въ то время, какъ весь соціалистическій лагерь рѣшилъ бойкотировать и Думу, и выборы въ нее, П. Д. заявили въ своихъ органахъ, что они примутъ участіе въ выборахъ.

Депутаты, посланные П. Д. въ Думу, должны были бы тамъ протестовать противъ ограниченнаго избирательнаго права, поддерживать русскихъ оппозиціонеровъ въ ихъ попыткахъ, направленныхъ къ преобразованію Россіи въ конституціонномъ духѣ, и заботиться, чтобы при такомъ преобразованіи государственнаго уклада Россіи Царство Польское получило автономію съ учредительнымъ сеймомъ для мѣстныхъ дѣлъ. Въ случаѣ, если бы депутатамъ П. Д. не удалось добиться такой автономіи для Царства Польскаго, они должны были покинуть Думу.

Такая постановка дѣла вызвала раздраженіе среди бойкотировавшихъ Думу соціалистическихъ партій, которыя обрушились на прогрессивныхъ демократовъ, называя ихъ «измѣнниками», «сторонниками контръ-революціи» и т. д. Это, а еще больше сознаніе полнаго безсилія, заставило П. Д. отказаться отъ участія въ выборахъ, причемъ отказъ былъ мотивированъ невозможностью вести избирательную кампанію при военномъ положеніи. Однако, не всѣ члены группы П. Д. такъ легко разстались съ надеждой увидѣть себя въ Таврическомъ дворцѣ. Отъ П. Д. откололось нѣсколько лицъ, которыя рѣшили принять участіе въ выборахъ въ качествѣ совершенно самостоятельной «партіи» — «Демократическій Союзъ»,—которая, впрочемъ, рѣшительно ничѣмъ не отличалась отъ П. Д., кромѣ своего личнаго состава. Извѣстія о побѣдахъ кадетъ въ Россіи подѣйствовали опьяняюще на П. Д. Они еще разъ мѣняютъ свое рѣшеніе и приступаютъ къ выборамъ.

И вотъ у Н. Д. появился соперникъ, впрочемъ, какъ и слѣдовало ожидать, совершенно не опасный. На кого могли разсчитывать П. Д.? Соціалистическіе элементы, какъ христіанскіе, такъ и еврейскіе, бойкотировали выборы. Буржуазія, какъ крупная, такъ и мелкая, не говоря уже о помѣщикахъ, была въ лагерѣ Н. Д. Интеллигенція, примыкавшая непосредственно къ П. Д., была очень немногочисленна, да и она раскололась, потому что «Демократическій Союзъ» выставилъ собственныхъ кандидатовъ. Среди крестьянъ у П. Д. не было никакихъ связей. Ихъ программа, составленная изъ общихъ прогрессивныхъ и демократическихъ фразъ, навряд ли могла увлечь кого-нибудь, стоящаго правѣе элементовъ, бойкотировавшихъ выборы. Единственная группа, на голоса которой могли разсчитывать П. Д.—это была та часть еврейскаго населенія, которая не бойкотировала выборовъ, какъ еврейскій пролетаріатъ, но не могла выбирать и націоналъ-демократовъ, какъ явныхъ антисемитовъ. И вотъ П. Д. входятъ въ соглашеніе съ евреями, обязуясь поддержать кандидатуру еврея въ Варшавѣ, выбирающей двухъ депутатовъ.

Н. Д., указывая на фактъ союза П. Д. съ евреями, постарались выяснить его широкимъ кругамъ избирателей, какъ доказательство того, что прогрессисты-демократы «не хотятъ допустить выбора въ Варшавѣ поляка». Вмѣстѣ съ тѣмъ избирательныя воззванія Н. Д. особенно въ провинціи, гдѣ не приходилось стѣсняться соображеніями, принимаемыми во вниманіе въ Варшавѣ, были полны антисемитскихъ выходокъ вплоть до угрозъ евреямъ погромами.

Въ самый день выборовъ Н. Д. мобилизовали свою «боевую организацію», которая угрожала револьверами и даже стрѣляла по тѣмъ, кто пытался нарушить «національную гармонію», вліяя на избирателей въ неугодномъ для Н. Д. духѣ. Одинъ изъ соціалистическихъ агитаторовъ—Куликовскій—былъ убитъ на мѣстѣ за то, что онъ сорвалъ націоналъ-демократическое воззваніе.

Много было избитыхъ. Впрочемъ, оказалось, что всѣ эти выходки были совершенно излишни, такъ какъ противники Н. Д. получили очень незначительное количество голосовъ даже въ Варшавѣ. Въ провинціи побѣда Н. Д. была блестящей. Всѣ депутатскія полномочія Царства Польскаго очутились въ ея рукахъ, и она явилась въ Государственной Думѣ «единственной представительницей» польской націи.

Депутаты отъ Царства Польскаго (за исключеніемъ двухъ литовскихъ націоналистовъ отъ Сувалкской губ.) образовали въ Думѣ сплоченную, сильную своей дисциплинированностью фракцію «Польское Коло», соотвѣтствующее такимъ же организаціямъ въ вѣнскомъ и берлинскомъ парламентахъ. Въ составъ «Коло» вошли депутаты, кандидатуры которыхъ были подобраны руководящими органами Н. Д. такимъ образомъ, чтобы получилось впечатлѣніе, что «Коло» является дѣйствительно представительствомъ всего польскаго общества. Среди членовъ «Польскаго Коло» мы видимъ и магнатовъ вродѣ Замойскаго и Тышкевича, и средней руки помѣщиковъ, представителей буржуазіи и профессіональной интеллигенціи, наконецъ, священниковъ, крестьянъ и даже одного рабочаго. Подборъ былъ сдѣланъ очень умѣло. Однако, руководители «Лиги» позаботилось и еще кое о чемъ. Въ качествѣ кандидатовъ было выдвинуты люди средніе, рѣшительно ничѣмъ не выдающіеся. Среди членовъ «Коло» не было ни одного крупнаго политическаго дѣятеля. Это были пѣшки, безпрекословно исполнявшія распоряженія руководителей Н. Д. и дѣйствовавшія замѣчательно солидарно.

Роль «Польскаго Коло» въ Государственной Думѣ была довольно курьезна, такъ какъ случайная политическая конъюнктура заставляла его держаться образа дѣйствій, совершенно противорѣчащаго его внутреннему характеру. «Коло» было, въ сущности, представительствомъ крупнаго землевладѣнія по преимуществу. Вслѣдствіе этого его естественными союзниками являлись группы правой, точно такъ же реакціонныя, какъ и подавляющее большинство членовъ «Кола». Между тѣмъ, родственные по духу послѣднимъ русскіе депутаты являлись принципіальными противниками автономіи Царства Польскаго. Вслѣдствіе этого, польскимъ націонаалъ-демократамъ пришлось сблизиться съ кадетами, аграрный проектъ которыхъ вызывалъ искреній ужасъ въ большинствѣ членовъ «Кола». Мало того, «Коло» пыталось было заигрывать и съ «трудовиками».

Обстоятельства сложились такимъ образомъ, что «Коло» должно было поддерживать кадетъ, потому что только этимъ путемъ оно могло пріобрѣсти вліятельныхъ союзниковъ по вопросу объ автономіи. Члены «Кола» были настолько дисциплинированы, что, не смотря на всю свою антипатію къ «безсмысленнымъ», «варварскимъ» (какъ писалъ ихъ органъ «Dzwon Polski») проектамъ ка-

дѣть по аграрному вопросу, они оффиціально высказались въ пользу принудительнаго отчужденія помѣщичьей земли.

«Польское Коло» съ поразительной выдержкой симулировало искреннихъ союзниковъ кадетской оппозиціи въ Думѣ вплоть до ея разгона. И только тогда, когда дѣло дошло до подписей членовъ «Польскаго Кола» подъ выборгскимъ воззваніемъ, они рѣшительно заявили, что дальше не пойдутъ рука объ руку съ кадетами.

VI.

Между тѣмъ, въ Царствѣ Польскомъ господствовало военное положеніе, затормазившее нормальную жизнь края, но совершенно безсильное въ области противодѣйствія революціонному движенію и проявленіямъ классовой борьбы, охватившей польскіе города и деревни.

И революціонное движеніе, и классовая борьба до крайности обострились. Стачечное движеніе—на этотъ разъ чисто экономическое по своему характеру—опять приняло громадные размѣры. Въ Варшавѣ и въ Лодзи, въ Домбровскомъ каменноугольномъ районѣ и въ восточной малопромышленной части Царства Польскаго забастовки охватываютъ десятки тысячъ ремесленныхъ и промышленныхъ рабочихъ. П. П. С., «Соціалъ-демократія Царства Польскаго» и «Бундъ» организуютъ эту борьбу съ одинаковой энергіей. Кое-гдѣ рабочимъ удается добиться значительныхъ уступокъ, но кое-гдѣ фабриканты, объединившіеся въ «Союзъ промышленниковъ», рѣшаютъ не уступать и пускаютъ въ ходъ уже испытанное средство—локаутъ. Въ Лодзи къ локауту то и дѣло прибѣгаютъ крупные промышленники, закрывая на недѣли и мѣсяцы фабрики и заводы. Это вызываетъ крайнее ожесточеніе голодающей рабочей массы и въ результатѣ не рѣдко единичные случаи террористическихъ покушеній на фабрикантовъ, директоровъ фабрикъ и мастеровъ. Профессіональные союзы стараются урегулировать экономическую борьбу, но это не всегда удается—тѣмъ болѣе, что этимъ союзамъ приходится дѣйствовать нелегально въ виду военнаго положенія.

Весенняя забастовка сельскохозяйственныхъ рабочихъ, организованная П. П. С. въ тысячѣ слишкомъ помѣстій и закончившаяся либо полной, либо частичной побѣдой стачечниковъ, оживляетъ польскую деревню и заставляетъ помѣщиковъ сплотиться для противодѣйствія экономической борьбѣ сельскаго пролетаріата. Возникаютъ сильныя организаціи владѣльцевъ крупной земельной собственности, и отношенія между батраками и крестьянами еще больше обостряются.

Между тѣмъ революціонное движеніе, всецѣло вогнанное въ подполье, не только не затихаетъ, но разгорается все сильнѣе и

сильнѣе. Несмотря на постоянные аресты, ряды руководителей движенія нисколько не рѣдѣютъ. Даже слабая, по сравненію съ П. П. С., «Соціалъ-демократія Царства Польскаго» замѣтно усиливается, распространяя свою организацію изъ крупныхъ промышленныхъ центровъ на болѣе мелкіе и создавая нѣсколько регулярно выходящихъ нелегальныхъ органовъ печати. Что же касается П. П. С., то она развиваетъ поистинѣ изумительную дѣятельность въ этой области. Сѣть ея организацій охватываетъ самыя мелкія захолустныя мѣстечки. Несмотря на всѣ ужасы военнаго положенія, ея организаціи по городамъ, мѣстечкамъ и деревнямъ развиваются вполнѣ правильно, воздѣйствуя на сотни тысячъ. «Работникъ», нелегальный центральный органъ П. П. С., издается въ Варшавѣ ежедневно и, несмотря на всѣ усилія властей, расходится въ 30.000 экземплярахъ. Кромѣ «Работника», П. П. С. издаетъ нелегально около полутора десятка мѣстныхъ органовъ печати въ Лодзи, Домбровѣ, Радомѣ, Сѣдлецѣ, Люблинѣ, Калишѣ и т. д., на польскомъ языкѣ, по-нѣмецки (для лодзинскихъ нѣмецкихъ рабочихъ) и на еврейскомъ жаргонѣ, а также по-русски («Солдатская Доля»). Нелегальные митинги, конференціи, съѣзды и т. д. стали обычнымъ явленіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ разгорается террористическая борьба, которая принимаетъ массовый характеръ. Факты избіенія шпіоновъ и полицейскихъ чередуются съ покушеніями на должностныхъ лицъ, организованными нападеніями на правительственныя кассы, поѣзда, везущіе казенные деньги, и т. д. Боевыя дружины П. П. С. дѣйствуютъ при этомъ съ поразительной организованностью, съ чисто военной выправкой, по тщательно выработанному плану, снабженные въ достаточномъ количествѣ оружіемъ и взрывчатыми снарядами.

Все это свидѣтельствуетъ, что о замиреніи края не могло быть и рѣчи. Всѣ усилія русскихъ властей въ этомъ направленіи оказались совершенно безплодными. Мало того, отъ ихъ вниманія, направленнаго исключительно на искорененіе революціонеровъ, совершенно ускользнуло развивающееся не по днямъ, а по часамъ разбойничество, принявшее во многихъ мѣстностяхъ колоссальные размѣры. Вооруженные бандиты, среди бѣла дня нападающіе на усадьбы помѣщиковъ, дома священниковъ, всякія кассы и частныхъ лицъ, стали въ Царствѣ Польскомъ чѣмъ-то совершенно обычнымъ, а населеніе, лишенное возможности защищаться отъ нападеній, вслѣдствіе запрета имѣть оружіе, явилось безсильной жертвой этихъ шаекъ, прикрывающихся сплошь и рядомъ фирмами революціонныхъ партій.

Обострившаяся классовая борьба въ городахъ и деревняхъ, ростъ революціоннаго движенія, экономическій кризисъ, ужасъ военнаго положенія и развитое разбойничество — все это создало условія, въ высшей степени тягостныя для большинства населенія. На почвѣ этихъ условій возникаетъ реакція значительной части

польскаго общества противъ революціи и революціонныхъ партій. П. Д. открыто выступаетъ противъ этихъ послѣднихъ и окончательно порываетъ всякую связь съ ними. Въ органѣ Свентоховскаго — «Prawda» — попадаются статьи, которыя съ торжествомъ перепечатываютъ изданія Н. Д. Не переставая враждовать съ послѣдней и подвергать рѣзкой критикѣ ея дѣятельность, прогрессисты-демократы, тѣмъ не менѣе, сближаются съ ней на почвѣ осужденія непримиримо-революціонной тактики П. П. С., а правое ихъ крыло въ лицѣ «Демократическаго Союза», переименовавшагося въ «Польскую прогрессивную партію», образовало группу, переходную между П. Д. и Н. Д.

Прогрессисты, слишкомъ слабые для того, чтобы соперничать съ Н. Д. на политическомъ поприщѣ, взялись вмѣстѣ съ нѣкоторыми, тяготѣющими къ соціализму элементами — за культурную работу, противопоставляя національ-демократическимъ организаціямъ собственныя.

И слѣдуетъ замѣтить, что и въ этой области Н. Д. дѣйствовала и дѣйствуетъ съ большой энергіей. Подъ ея патронатомъ возникла «Школьная Матица»—учрежденіе, задачей котораго является организація частныхъ польскихъ народныхъ и среднихъ учебныхъ заведеній, вмѣсто бойкотируемой правительственной руссификаторской школы. «Школьная Матица» привлекла къ себѣ симпатіи громаднаго круга лицъ, какъ первое предпріятіе въ этомъ родѣ. Отдѣленія «Матицы» стали возникать повсюду, не исключая самыхъ захолустныхъ мѣстечекъ. Въ ихъ организаціи приняли самое живое участіе помѣщики и духовенство. Явились крупныя средства, и дѣло созданія частныхъ польскихъ народныхъ и среднихъ учебныхъ заведеній оказалось поставленнымъ на широкую ногу. Несмотря на всѣ стѣсненія, которыми сопровождается каждый шагъ «Матицы», ей удалось создать рядъ гимназій и реальныхъ училищъ, множество народныхъ школъ, дѣтскихъ пріютовъ, библіотекъ и читаленъ, курсовъ для рабочихъ, дополнительныхъ курсовъ для взрослыхъ и т. д. Понятно, забравъ въ свои руки дѣло народнаго просвѣщенія, Н. Д. постаралась придать ему свойственный партіи характеръ, обезпечивъ, между прочимъ, за католическимъ духовенствомъ сильное вліяніе на школы «Матица».

Прогрессисты противопоставили «Матицѣ» организацію «Свѣтъ», которая задалась аналогичными цѣлями. Параллельно съ созданными «Матицей» курсами для взрослыхъ-неграмотныхъ и народными университетами возникли такія же организаціи подъ эгидой прогрессистовъ. И въ этомъ отношеніи ими сдѣлано не мало. Затѣмъ они создали «Общество высшихъ научныхъ курсовъ» — суррогатъ частнаго польскаго университета и частнаго польскаго политехническаго института. Не располагая и горстью опытныхъ политиковъ, прогрессисты, какъ культурные дѣятели, могли противопоставить Н. Д. фалангу серьезныхъ работниковъ. Они успѣшно борятся съ

клерикализмомъ Н. Д., съ ихъ заскорузлыми взглядами въ области народнаго просвѣщенія и т. д. Цѣлый рядъ варшавскихъ и провинціальныхъ органовъ прогрессистовъ нейтрализируетъ вліяніе Н. Д., распространяющееся самыми разнообразными путями.

Помѣщики, примыкающіе къ Н. Д., энергично занялись организаціей «земледѣльческихъ кружковъ» по образцу познанскихъ и галиційскихъ, привлекая этимъ путемъ на свою сторону зажиточныхъ крестьянъ. Земледѣльческіе кружки, организуя самопомощь крестьянства на почвѣ экономической жизни, сближаютъ ихъ съ помѣщиками, являющимися піонерами хозяйственнаго прогресса зажиточнаго крестьянства, ихъ инструкторами въ области улучшенія методовъ земледѣлія, скотоводства, мелкой торговли и т. д. Этимъ путемъ Н. Д. создаетъ въ зажиточномъ крестьянствѣ сильный оплотъ противъ соціалистическихъ идей, распространяющихся среди бѣднаго крестьянства и сельскаго пролетаріата. Изъ этой сферы зажиточныхъ крестьянъ вышли крестьяне-депутаты первой Думы, Мантерысъ и Наконечный.

Націоналъ-демократы организовали гимнастическое общество «Соколъ», — тоже по образцу галиційскаго и познанскаго, задачей котораго, кромѣ физическихъ упражненій, было образовать кадры дисциплинированныхъ дружинниковъ, готовыхъ силой содѣйствовать распространенію вліянія Н. Д. «Соколъ» долженъ былъ стать легальной организаціей, аналогичной нелегальному «Національному рабочему союзу», представляющему нѣчто въ родѣ милиціи Н. Д. «Соколъ» вскорѣ былъ закрытъ правительствомъ на все время существованія военнаго положенія въ Царствѣ Польскомъ, но это не помѣшало, конечно, организаціи боевыхъ дружинъ Н. Д. въ иныхъ формахъ.

Н. Д., согласно своему плану, занялась искорененіемъ «крамолы» въ Царствѣ Польскомъ во всѣхъ ея видахъ. Для борьбы со стачечнымъ движеніемъ Н. Д. отдаетъ въ распоряженіе фабрикантовъ и помѣщиковъ свои боевыя дружины. Послѣднія исполняютъ службу стражи, не допускающей въ фабрики и деревни соціалистическихъ агитаторовъ, разгоняя соціалистическіе митинги, нападая на рабочихъ-соціалистовъ и силой удаляя ихъ съ фабрикъ. Во всемъ Царствѣ Польскомъ, а особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ и промышленныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ Н. Д. удалось пріобрѣсти вліяніе, фабриканты массами разсчитываютъ рабочихъ, заподозрѣнныхъ въ участіи въ соціалистическихъ организаціяхъ. Разсчитанныхъ рабочихъ силой удаляютъ боевыя дружины и «Соколы» Н. Д. Пабьяницы, Озерковъ, Домброво, Заверце, Сосновицы и особенно Лодзь являются ареной кровопролитныхъ стычекъ на этой почвѣ, такъ какъ рабочіе-соціалисты въ отместку удаляютъ изъ фабрики членовъ «Національнаго рабочаго союза». Эта междоусобная борьба, вызванная Н. Д., ведетъ къ такимъ послѣдствіямъ, какъ, напр., закрытіе всѣхъ фабрикъ въ Люблинѣ до тѣхъ поръ, пока удаленные «на-

національные рабочіе» не были допущены соціалистами обратно на работу.

Аналогичныя явленія происходятъ и по деревнямъ, гдѣ отряды націоналъ-демократическихъ дружинниковъ стрѣляютъ по бастующимъ батракамъ. По отношенію къ симпатизирующей соціализму интеллигенціи практикуется систематическій бойкотъ. Съ фабрикъ, заводовъ, помѣщичьихъ экономій и лѣсничествъ интеллигенты-соціалисты удаляются десятками подъ давленіемъ Н. Д., старающейся повсюду провести своихъ сторонниковъ.

Въ борьбѣ съ соціализмомъ и соціалистами Н. Д. не гнушается ничѣмъ. Ея органъ «Dzwon Polski» пишетъ откровенно: «Отношеніе соціалистическихъ партій къ обществу не будетъ отношеніемъ лагеря, ведущаго политическую борьбу съ другими лагерями, это будетъ отношеніе людей, которые нравственно оторвались отъ общества, какъ отрывается отъ нея ренегатъ или обыкновенный злодѣй». Выведя такимъ образомъ за національныя скобки соціалистовъ, Н. Д. пользуется противъ нихъ всѣми ей доступными средствами—вплоть до доноса. Чтобы не быть голословнымъ, я приведу здѣсь отрывокъ изъ статьи «Слова Польскаго» (№ 433 т. г.), одного изъ главныхъ органовъ Н. Д., издающагося во Львовѣ. Эта статья заключаетъ въ себѣ двойной доносъ: на эмигрантовъ изъ Царства Польскаго въ Галиціи и на австрійскихъ чиновниковъ, якобы поддерживающихъ революціонное движеніе въ Царствѣ Польскомъ. Вотъ что пишетъ «Слово Польское»:

«По отношенію къ революціонному движенію въ русскомъ государствѣ австрійская бюрократія сыграла весьма двусмысленную роль. Доставка въ огромномъ количествѣ оружія въ Царство Польское и въ Россію производилась черезъ Галицію. Черезъ Подволочискъ прошелъ транспортъ пулеметовъ. Правительственныя фабрики продавали оружіе и патроны въ количествѣ, доказывающемъ, что это не частные заказы. Во Львовѣ происходитъ съѣздъ польскихъ революціонеровъ при участіи около двухсотъ лицъ. Совѣщанія съѣзда продолжаются цѣлую недѣлю, а то, пожалуй, и дольше, они происходятъ въ публичномъ зданіи, о нихъ громко разсуждаютъ политическіе сплетники по кофейнямъ, только полиція ничего объ этомъ не знаетъ и узнаетъ только спустя нѣсколько недѣль. Если этотъ недостатокъ въ любопытствѣ сопоставить съ фактомъ (!!), что на этомъ конгрессѣ было ассигновано 10.000 кронъ для «снисканія» чиновниковъ и агентовъ полиціи, поневолѣ возникнутъ разныя подозрѣнія. Послѣднія находятъ подтвержденіе въ извѣстныхъ фактахъ, что при перевозкѣ оружія революціонерамъ дѣятельно помогали даже жандармы и особенно финансовыя стражники, послѣдніе формально принадлежатъ къ соціалистической организаціи».

Когда этотъ неслыханный документъ (написанный г. Романомъ Дмовскимъ, самымъ виднымъ руководителемъ Н. Д.) былъ встрѣ-

чемъ взрывомъ негодованія въ соціалистической печати, варшавскій органъ Н. Д. отвѣтилъ цинично въ редакціонной статьѣ: «Тутъ ничего не помогутъ патетическія нареканія и лицемѣрное негодованіе. Вы, господа, можете кричать сколько угодно о доносахъ и слѣженіи за вами. А мы, несмотря на все это, не перестанемъ смотрѣть вамъ на пальцы и парализовать ваши руки, какъ мы это вотъ ужъ больше 20 лѣтъ дѣлаемъ».

Крайне реакціонная по своему существу, Н. Д. въ тоже самое время не перестаетъ быть партіей анти-правительственной, что привлекаетъ къ ней малосознательные политически элементы и изъ числа тѣхъ, которые не нуждаются въ услугахъ Н. Д. въ области защиты классовыхъ привилегій. Борьба съ руссификаціей и національнымъ гнетомъ, проповѣдуемая Н. Д. — вотъ что позволяетъ ей оказывать вліяніе и на тѣ сферы, которыя стоятъ въ сторонѣ отъ главнаго оплота Н. Д. — помѣщиковъ и фабрикантовъ. Если послѣдніе поддерживаютъ Н. Д. въ качествѣ защитницы ихъ классовыхъ интересовъ, то крестьяне и рабочіе, а также интеллигенція, входящая въ кругъ вліянія націоналъ-демократовъ, идутъ за ней, какъ за той силой, которая стремится уничтожить все то, что мѣшаетъ нормально развиваться польскимъ національнымъ силамъ.

VII.

Если Дума вообще не вызывала въ Польшѣ того интереса въ широкихъ слояхъ населенія, какъ это было въ Россіи, то въ частности рабочій классъ относился къ ней съ совершеннымъ равнодушіемъ и съ явной непріязнью, объясняющейся распространеніемъ того отрицательнаго взгляда на Думу, который высказывали въ Польшѣ всѣ безъ исключенія соціалистическія организаціи. «Дума царскихъ кадетовъ и польскихъ хулигановъ», какъ ее честила «Соціалъ-демократія Царства Польскаго и Литвы» или «Казацкая Дума», какъ выражались органы П. П. С., была крайне непопулярна среди польскихъ рабочихъ массъ, и такой она осталась вплоть до разгона. Польскій пролетаріатъ глубоко проникся убѣжденіемъ, что никакая Дума не дастъ ему ничего, и что онъ долженъ стремиться къ осуществленію своихъ цѣлей путемъ революціонной борьбы. И мы видимъ, что это борьба, уже въ теперешней ея фазѣ (которую революціонныя организаціи разсматриваютъ какъ только подготовительную) приняла весьма острыя формы...

Насколько проникло боевое настроеніе въ широкіе рабочія массы, показываютъ октябрьскія событья въ Лодзи и другихъ городахъ лодзинскаго округа. Узнавъ, что по приговору военно-полевого суда разстрѣляно нѣсколько человѣкъ, принадлежавшихъ къ боевой организаціи, рабочіе Лодзи стихійно, безъ всякаго участія партій, бросаютъ работу, и стотысячная масса Лодзи, Бабьяницъ, Згержа,

Здуньской Воли бастуетъ нѣсколько дней въ знакъ протеста. Вся жизнь Лодзи замираетъ. Магазины по требованію рабочихъ закрываются, конки и извозчики исчезаютъ. Толпа трижды выкапываетъ разстрѣлянныхъ товарищей. И все это происходитъ на виду у солдатъ, казаковъ и властей, совершенно безсильныхъ передъ такими стихійными проявленіями.

Конечно, при такомъ настроеніи рабочихъ массъ не можетъ быть и рѣчи объ увлеченіи выборами въ Думу. Если бъ еще эти выборы давали возможность появиться въ Думѣ сильному отряду депутатовъ, выражающихъ истинные взгляды и дѣйствительное настроеніе рабочихъ, тогда, быть можетъ, послѣдніе и призадумались бы надъ цѣлесообразностью измѣненія тактики. Но это, особенно послѣ пресловутыхъ сенатскихъ «разъясненій», дѣло совершенно невозможное. И П. И. С., отражающая настроеніе широкихъ массъ пролетаріата, опять провозгласила полное воздержаніе отъ выборовъ.

«Соціалъ-демократія Царства Польскаго и Литвы», слившаяся недавно съ Россійской С. Д. Р. партіей, рѣшила подъ вліяніемъ русскихъ товарищей принять участіе въ избирательной борьбѣ, но и она по прежнему настаиваетъ на томъ, что отъ Думы ждать нечего, что избирательной борьбой слѣдуетъ воспользоваться для революціонныхъ цѣлей. И только такая, довольно софистическая, постановка дѣла спасаетъ С. Д. Ц. П. и Л. отъ перспективы быть покинутой и тѣми рабочими, которые до сихъ поръ шли за ней.

Соціалъ-демократія составила блокъ съ «Бундомъ», а кое гдѣ и съ сіонистами-соціалистами, пріобрѣтающими въ послѣднее время довольно сильное вліяніе на еврейскія массы — особенно въ мелкихъ городахъ. Эти три партіи, соединясь, надѣются провести своихъ кандидатовъ въ выборщики, главнымъ образомъ въ Лодзи и въ Варшавѣ, гдѣ еврейское населеніе по своей многочисленности играетъ видную роль — тѣмъ болѣе, что оба эти города выдѣлены въ самостоятельные округа. О шансахъ на успѣхъ этого блока трудно сказать что нибудь опредѣленное, такъ какъ онъ выдвигается на арену впервые. Кромѣ того, что успѣхъ или неуспѣхъ зависитъ отъ цѣлаго ряда обстоятельствъ, учетъ которыхъ въ данный моментъ невозможенъ: отъ той позиціи, какую займутъ правительственныя власти, отъ тактики широкихъ слоевъ еврейскаго населенія, отъ поведенія прогрессистовъ и, наконецъ, отъ образа дѣйствій Н. Д.

Если мы оставимъ въ сторонѣ технику правительственныхъ властей, то намъ придется признать въ Н. Д. самый вліятельный факторъ въ предстоящей избирательной борьбѣ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ общемъ исходъ выборовъ зависитъ отъ этой партіи. Она несомнѣнно окажется побѣдительницей и при новыхъ выборахъ, но весьма возможно, что составъ новаго «Коло» будетъ нѣсколько отличаться отъ состава Коло» распущенной Думы.

Дѣло въ томъ, что въ настоящее время Н. Д. поняла, что ею были допущены при послѣднихъ выборахъ двѣ крупныхъ ошибки. Во-первыхъ, она не допустила въ Думу ни одного еврея, что ее сильно скомпрометтировало передъ лицомъ русскихъ прогрессивныхъ партій. Будучи по существу партіей антисемитской, Н. Д., однако, очень энергически открещивается отъ всякихъ обвиненій въ антисемитизмѣ, особенно «на людяхъ». И вотъ при предстоящихъ выборахъ она, вѣроятно, поспѣшитъ исправить свою ошибку, выставивъ гдѣ-нибудь—но всей вѣроятности въ Лодзи — кандидатуру еврея — конечно, вполнѣ ей угоднаго и вполнѣ надежнаго по своимъ національно-польскимъ убѣжденіямъ. А такой ходъ можетъ оказать большое вліяніе и на поведеніе избирателей евреевъ, распадающихся на цѣлый рядъ группъ—отъ «Бунда и П. П. С. вплоть до «угодовцевъ». Очень многіе изъ нихъ, поддерживающіе теперь прогрессистовъ, какъ противниковъ антисемитизма Н. Д., несомнѣнно пойдутъ рука объ руку съ послѣдней, если она выставитъ кандидатуру еврея.

Вторая оплошность, которую совершилъ Н. Д., это было недопущеніе ею въ Думу представителей другихъ партій. Н. Д. постаралась, чтобы въ Думѣ были представлены всѣ слои и группы польской національности, но въ концѣ концовъ всѣ депутаты «Польскаго Кола» являлись представителями *одной* партіи, что опять-таки невыгодно отражалось на отношеніи къ «Колу» не польскихъ фракцій. И вотъ теперь въ печати, отражающей взгляды Н. Д., поднимается вопросъ, не было бы ли выгоднѣе для нея, какъ для партіи, если бы въ «Польскомъ Колѣ» рядомъ съ національ-демократами засѣдало извѣстное количество представителей другихъ польскихъ партій. Вопросъ этотъ, повидимому, разрѣшенъ уже въ утвердительномъ смыслѣ. Конечно, Н. Д. оговаривается, что она можетъ «допустить» въ «Польское Коло» угодовцевъ и прогрессистовъ только въ томъ случаѣ, если они подчинятся безпрекословно принципу національной солидарности, обязывающему всѣхъ членовъ «Кола» къ строгому исполненію воли большинства—т. е. иными словами, большинства національ-демократическаго.

«Реалисты», т. е. бывшіе угодовцы, склонны пойти на такой компромиссъ, дающій имъ возможность хоть этимъ путемъ проникнуть въ Думу. «Польская прогрессивная партія» тоже склоняется къ подобному компромиссу, какъ единственному способу сыграть хоть какую нибудь роль. Что же касается «прогрессивно-демократическаго союза», то онъ пока еще крѣпится, но его шансы такъ ничтожны, особенно въ случаѣ появленія еврейскихъ кандидатуръ Н. Д., что и онъ, по всей вѣроятности, въ концѣ концовъ не рѣшиться отвергнуть предложенія Н. Д.

Такимъ образомъ, въ ближайшей Думѣ возможно появленіе «Польскаго Кола», въ которомъ при подавляющемъ большинствѣ Н. Д. будетъ засѣдать нѣсколько представителей «реа-

листовъ» и прогрессистовъ, и, вслѣдствіе этого, національ-демократы будутъ имѣть возможность констатировать фактъ, что «Польское Коло» представляетъ волю не только всѣхъ общественныхъ группъ Царства Польскаго, но и всѣхъ ея «національныхъ» партій. Игра стоитъ свѣчъ во всякомъ случаѣ.

Весьма возможно, что «Польское Коло» въ новой Думѣ значительно усилится и по количеству своихъ голосовъ. Дѣло въ томъ, что въ распущенной Думѣ въ составъ «Польскаго Коло» входили польскіе депутаты исключительно изъ Царства Польскаго въ то время, какъ поляки, выбранные въ Литвѣ и въ Украйнѣ, составили т. н. «Территоріальное Коло» — организацію весьма неустойчивую, слабую, благодаря отсутствію внутренней сплоченности, и очень разношерстную. Достаточно сказать, что въ нее входили, съ одной стороны, поляки кадеты: Янчевскій и Ледницкій, а съ другой — такіе крайніе аграріи, какъ Скирмундъ и гр. Потоцкій. «Территоріальное Коло» было организаціей довольно неудачной и лишенной всякаго значенія въ Думѣ. Н. Д., которая и при первыхъ выборахъ агитировала въ пользу образованія одного «Польскаго Коло», въ составъ котораго вошли бы всѣ депутаты-поляки, а не только избранные въ Царствѣ Польскомъ, воспользовалась фактомъ безсилія «Территоріальнаго Кола» и въ настоящее время усиленно агитируетъ въ пользу осуществленія идеи единаго польскаго клуба въ Думѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что за послѣднее время Н. Д. пріобрѣла довольно значительное вліяніе и въ Литвѣ, и въ Украйнѣ. Возрожденіе польскаго элемента въ этихъ двухъ провинціяхъ, гдѣ онъ еще не такъ давно считался совершенно нелегальнымъ, идетъ довольно быстрыми шагами. Въ Вильнѣ возникла польская печать, располагающая въ настоящее время пятью органами, въ томъ числѣ двумя для крестіянъ и однимъ для рабочихъ, возродился постоянный польскій театръ, образовался цѣлый рядъ польскихъ обществъ самаго различнаго характера и т. д. То же самое наблюдается и въ Украйнѣ. Н. Д. и въ Кіевѣ, и въ Вильнѣ издаетъ вліятельные органы печати, успѣшно воздѣйствующіе на польское населеніе въ ея духѣ. Сторонники Н. Д. захватили въ свои руки цѣлый рядъ польскихъ культурныхъ организацій Литвы и Украйны и, благодаря всему этому, а прежде всего, вслѣдствіе не перестающаго давать себя чувствовать полякамъ національнаго гнета, они оказываютъ постоянно усиливающееся вліяніе на политическіе взгляды мѣстнаго польскаго общества.

Идея одного «Польскаго Кола» пріобрѣтаетъ все больше и больше сторонниковъ, и если въ ближайшей Думѣ она еще не осуществится вполнѣ, то во всякомъ случаѣ извѣстное количество польскихъ депутатовъ изъ Литвы и Украйны присоединится къ депутатамъ отъ Царства Польскаго, усиливая ихъ такимъ образомъ количественно. А такъ какъ изъ Литвы и Украйны войдутъ въ

Думу преимущественно аграріи, то, благодаря ихъ вступленію въ «Коло», консерватизмъ послѣдняго еще увеличится.

Подводя итогъ всему вышесказанному, можно рѣшить почти съ увѣренностью, что «Польское Коло» въ ближайшей Думѣ не будетъ ничѣмъ отличаться отъ «Польскаго Коло» въ распущенной. Что же касается тактики, то она будетъ зависѣть отъ общаго состава Думы. Если большинство въ ней будетъ прочнее, то «Коло» будетъ его поддерживать въ надеждѣ на полученіе изъ его рукъ автономіи. Если же перевѣсъ окажется на сторонѣ правой, то «Польское Коло» ни на минуту не задумается надъ перемѣной фронта и войдетъ въ соглашеніе со всякой партіей, располагающей силой, поскольку она не будетъ явно антипольской.

Л. Василевскій (Плохоцкій).

P. S. Послѣднія недѣли жизни русской Польши ознаменовались двумя важными событіями, изъ которыхъ одно будетъ имѣть рѣшающее вліяніе на ходъ выборовъ въ Царствѣ Польскомъ. Я имѣю въ виду соглашеніе, въ которое вошли три польскихъ партіи: Н. Д., реалисты и польская прогрессивная партія (демократическій союзъ тожъ). Результатомъ этого соглашенія является образованіе центральнаго польскаго избирательнаго комитета по образцу существующихъ въ Галиціи и въ прусской Польшѣ. Соглашеніе заключено по почину Н. Д. Въ центральномъ избирательномъ комитетѣ, во главѣ котораго стоитъ Генрихъ Сенкевичъ, за Н. Д. обезпеченъ рѣшительный перевѣсъ. Такимъ образомъ Н. Д., уступивъ реалистамъ и прогрессистамъ нѣсколько депутатскихъ полномочій, явится въ Думѣ полнымъ хозяиномъ «Польскаго Кола». Дѣло въ томъ, что три договаривающіяся партіи обязались войти въ лицѣ своихъ представителей въ «Польское Коло», безпрекословно подчиняющееся постановленіямъ большинства этого клуба, которое, несомнѣнно, будетъ націоналъ-демократическимъ. Въ основу соглашенія положенъ регламентъ «Кола», устанавливающій полную солидарность всѣхъ его членовъ. Депутатъ, который выступилъ бы въ Думѣ противъ рѣшенія большинства «Кола», обязуется сложить полномочія.

Соглашеніе трехъ партій и образованіе центральнаго избирательнаго комитета, въ который входятъ и безпартійные элементы и евреи, наноситъ тяжелый ударъ прогрессивной демократіи. П. Д., благодаря налаживающемуся соглашенію еврейскихъ націоналистовъ съ Н. Д., лишается поддержки со стороны евреевъ. Такимъ образомъ, ея шансы на пріобрѣтеніе хотя бы одного-двухъ депутатскихъ полномочій совершенно ничтожны. И это тѣмъ болѣе, что и соціалъ-демократія, и Бундъ рѣшили не входить въ блокъ съ П. Д.

Такимъ образомъ, будущее «Коло» въ новой Думѣ будетъ представлять изъ себя сплоченную націоналъ-демократическую группу,

охватывающую желѣзнымъ кольцомъ солидарности немногочисленные реалистическіе, прогрессистскіе и еврейскіе элементы, которые войдутъ въ «Коло» подъ покровительствомъ Н. Д.

Другимъ важнымъ событіемъ является расколъ П. П. С., обнаружившійся на недавно состоявшемся IX-омъ съѣздѣ этой партіи.

Результатомъ раскола явилось образованіе двухъ фракцій: «революціонной» («старые») и «умѣренной» («молодые»). Наблюдателямъ со стороны, какъ это бываетъ обыкновенно, довольно трудно разобраться въ принципіальныхъ причинахъ раскола. Обѣ фракціи въ одинаковой мѣрѣ стоятъ принципіально на почвѣ никакимъ съѣздомъ не отмѣненной программы 1892 г., ставящей цѣлью партіи независимую демократическую республику. Обѣ фракціи заявляютъ, что въ данный моментъ онѣ не выставляютъ требованія полнаго отдѣленія отъ Россіи, а только самой широкой автономіи, установленной варшавскимъ учредительнымъ собраніемъ по соглашенію съ петербургскимъ. Не расходятся онѣ и во взглядахъ на средства достиженія этой цѣли.

Наконецъ, обѣ фракціи настаиваютъ на полной солидарности съ русскимъ освободительнымъ движеніемъ и на необходимости координированія силъ Польши съ Россіей *). Точно такъ же по вопросу объ отношеніи къ Думѣ обѣ фракціи стоятъ на почвѣ безусловнаго бойкота выборовъ. Различіе во взглядахъ представителей обѣихъ фракцій объясняется главнымъ образомъ личнымъ составомъ каждой изъ нихъ. «Молодые» это въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ чистые соціалъ-демократы, приближающіеся къ типу «меньшевиковъ». «Старые» напоминаютъ скорѣе нѣчто среднее между «большевиками» и «соціалистами-революціонерами». Ближайшимъ поводомъ къ расколу послужило устраненіе изъ партіи ея боевой организаціи, которая, безъ позволенія центральнаго рабочаго комитета партіи, произвела извѣстное нападеніе на поѣздъ на станціи Рогово.

Л. В. (П).

*) См. «Наше отношеніе къ русскому движенію» въ № 201 «Robotnik'a» (орг. революц. фракція).

«Локаутъ» въ Вервье.

(*Письмо изъ Бельгіи*).

Еще не такъ давно русскій читатель искалъ въ газетахъ и журналахъ преимущественно заграничныхъ извѣстій. Въ то блаженное время, когда все обстояло благополучно, онъ быстро пробѣгалъ глазами безконечный рядъ свѣдѣній о благодарственныхъ молебнахъ, о прибытіи и отбытіи высокопоставленныхъ особъ и тому подобное, пока не находилъ какихъ нибудь отрывковъ рѣчей политическихъ борцовъ или хотя бы и затушеванныхъ картинъ иной, свободной жизни... Не то теперь: внутренняя борьба, не на животъ, а на смерть, поглощаетъ все вниманіе читателя... Острая злоба дня, кровавыя картины переживаемаго страною критическаго момента заслоняютъ и отодвигаютъ на задній планъ то, что происходитъ на далекомъ Западѣ.

Но это не значитъ, конечно, чтобы событія европейской жизни могли потерять жизненный интересъ и значеніе для русскаго читателя.

Думаю, что не лишенъ будетъ такого интереса и тотъ небольшой эпизодъ великой борьбы за освобожденіе труда, которому посвящено настоящее письмо.

Въ маленькой Бельгіи, подъ безпрерывный грохотъ выстрѣловъ и лопающихся снарядовъ большой Россіи, тоже шла борьба... мало замѣтная для поверхностнаго взгляда, но глубоко поучительная. И здѣсь люди боролись за возможность свободно дышать и имѣть насущный кусокъ хлѣба. Капиталъ и трудъ воевали между собою съ неравными силами... Могущественный капиталъ властно выбросилъ на улицу около 25,000 человѣкъ, поставивъ имъ на выборъ или безпрекословное подчиненіе ему—господину, или голодную смерть... И эти люди, съ ихъ женами и дѣтьми скорѣе готовы глядѣть въ глаза голодной смерти, чѣмъ отказаться отъ правъ человѣка. Борьба завязалась... Ужасная въ своей простотѣ: подчинись или умирай,—она прикрыта была мудренымъ, ученымъ словомъ «локаутъ»... Подъ этимъ именемъ: «Локаутъ въ Вервье» въ ежедневной прессѣ потянулся цѣлый рядъ извѣстій... какое скромное названіе!.. Но Бельгія поняла смыслъ этого названія и раздѣлилась на двѣ стороны: одна — меньшая стала за капиталъ, большая, рабочая и соціалистическая Бельгія—за трудъ... На призывъ о помощи голодающимъ со всѣхъ сторонъ отвѣтили однимъ желаніемъ — помочь во что бы то ни стало... Зазвучали рѣчи о братской солидарности, зазвенѣли деньги въ кружкахъ сбор-

щиковъ, голодныя дѣти цѣлыми поѣздами развозились по городамъ Бельгіи, изъявившимъ желаніе пріютить малышей... Вотъ посмотрите!.. Десятитысячная толпа въ Брюсселѣ вышла встрѣчать пріѣзжающихъ изъ Вервье дѣтей... Они должны пріѣхать въ 7 часовъ вечера... Теперь уже половина восьмого: поѣздъ опаздываетъ... Но толпа спокойно ждетъ... Плакаты свернуты, красныя знамена неподвижно висятъ, музыканты переговариваются между собою... Но вотъ толпа вздрогнула... Всѣ потянулись взглянуть на голодныхъ дѣтей. Блѣдныя, худыя, оторванныя отъ родителей и привычной обстановки, они стояли, взявшись за руки... Толпа двинулась... Колыхнулись красныя знамена, развернулись плакаты, музыка заиграла, толпа запѣла «интернаціоналъ»... Солидные полисмэны съ улыбкою охраняютъ порядокъ... Трамваи остановились на полъ-пути и всюду—люди, люди... Они въ окнахъ домовъ, на стѣнахъ улицъ, на крышахъ трамваевъ... А толпа мѣрно колышется, мѣрно поетъ свой гимнъ, мѣрно идутъ малыши... Вотъ и «Народный Домъ»... Въ немъ происходило «распредѣленіе» дѣтей. Это не аукціонъ, это новое явленіе современной жизни—«усыновленіе». Зала переполнена взрослыми людьми и дѣтьми. Кто-то выкрикиваетъ имена новыхъ родителей и новыхъ дѣтей... Но что это такое? Почему вся зала такъ неудержимо апплодируетъ? Неимовѣрно толстая и румяная женщина важно шествуетъ среди зала къ выходу, ведомая подъ руки только что полученными сыновьями... А вотъ въ отдѣльной комнатѣ блѣдный, какъ полотно, миловидный ребенокъ; съ нимъ сдѣлалось дурно. Около него нѣжно хлопочутъ усыновители, отецъ и мать съ ихъ собственными малютками...

Неудивительно, что эта солидарность и только она одна заставила могущественный капиталъ пойти на уступки. Для рѣшенія конфликта была образована смѣшанная коммиссія изъ делегатовъ патроновъ и рабочихъ. 30-го октября по новому стилю делегаты подписали «договоръ о мирѣ». Всѣ вздохнули свободно... Но едва рабочіе делегаты успѣли сообщить своимъ условія мира, какъ онъ едва не былъ опять нарушенъ.

Наиболѣе могущественная рабочая организація—федерація чесаной шерсти—отказалась ратифицировать договоръ своего делегата, и 5-го ноября—день, назначенный для возобновленія работъ согласно договору,—она не вышла на работу. Патроны отвѣтили угрозою новаго общаго локаута на случай невозобновленія работы съ 7-го ноября всѣми рабочими. Федерація чесаной шерсти стояла на своемъ, указывая, что она не была заинтересована въ конфликтѣ, что она съѣла за это время половину своего запаснаго капитала (100,000 франковъ) и что по договору она лишилась нѣкоторыхъ преимуществъ. Возстановленіе этихъ преимуществъ было выставлено, какъ необходимое условіе возобновленія работъ федераціей чесаной шерсти, и 7-го ноября она не вышла также на работу... Дѣло могло погибнуть... Патроны еще разъ отложили...

Рабочіе другихъ федерацій настаивали на подчиненіи договору. 9-го ноября федерація чесаной шерсти приступила къ окончательному голосованію, отъ результата котораго зависѣло многое въ дальнѣйшей борьбѣ рабочаго за свои права. Въ этомъ голосованіи должна была сказаться солидарность рабочихъ и пониманіе важности классоваго интереса надъ собственнымъ, частнымъ. Изъ 1085 подавшихъ голоса 727 противъ 314, при 14 воздержавшихся, высказались за возобновленіе работъ... Солидарность восторжествовала и лишній разъ подчеркнула организованность рабочихъ въ Вервье. Вмѣстѣ съ этимъ кончился конфликтъ. Поѣзда, наполненные дѣтьми, возвращаютъ ихъ въ Вервье торжествующимъ родителямъ...

Не трудно понять, какой общій интересъ имѣетъ эта схватка капитала съ трудомъ, строго организованная на широкомъ полѣ борьбы капиталистической и рабочей федерацій. Для Бельгіи ея значеніе неизмѣримо: она объединила рабочія массы Бельгіи подъ однимъ знаменемъ братской солидарности: одинъ за всѣхъ, всѣ за одного, она научила пониманію классоваго интереса. Но значеніе ея не ограничивается этимъ. Условія мира (коллективный контрактъ, примирительная коммиссія) должны еще сыграть свою роль въ будущемъ.

Въ виду всего сказаннаго необходимо познакомиться съ подробностями только что закончившейся борьбы: уяснить ея причины и поводы, условія и послѣдствія, а также дать оцѣнку достигнутыхъ результатовъ.

Вервье—главное мѣсто округа шерстяной бельгійской индустріи, имѣющаго болѣе 46.000 жителей. Около Вервье группируются до 30 коммунъ, болѣе или менѣе значительныхъ, занимающихся тѣмъ же трудомъ. Болѣе 100 милліоновъ килограмовъ шерсти изъ разныхъ странъ свѣта ввозится въ Бельгію на сумму въ 175 милліоновъ франковъ. При такомъ производствѣ очевидно, что машина убила ремесло, и человѣкъ сталъ лишь частицею машины. Бывшаго ремесленника смѣнилъ пролетарій. Этотъ пролетарій, спасая себя отъ гибели, началъ организовываться для защиты своей личности. Въ Вервье восемь рабочихъ ассоціацій, объединенныхъ, въ свою очередь, въ одну общую «Текстильную рабочую федерацію». Благіе результаты организованности не замедлили сказаться: рабочій день былъ пониженъ до 55 часовъ въ недѣлю и рабочая плата повышена до 5 франковъ 20 сантимовъ за день. Но эти «благіе» результаты по своему оцѣнили и патроны. Они также организовались въ восемь соотвѣтственныхъ ассоціацій, объединенныхъ также, въ свою очередь, въ одну общую «Патрональную федерацію текстильной индустріи». Эта федерація имѣла своимъ назначеніемъ возвратить «свободу капиталу» отъ «узъ, наложенныхъ трудомъ»...

При такомъ положеніи дѣла борьба неминуема—это ясно,

какъ Божій день... Дѣло было лишь за поводомъ, и онъ не замедлилъ представиться.

Предпріятіе Ламборея (Lamboray) временно разсчитываетъ часть рабочихъ, занятыхъ мытьемъ шерсти по случаю наступившаго мертваго сезона. Остальныя рабочія предпріятія отвѣтили на это стачкой. Къ нимъ присоединились рабочіе того же рода предпріятія Дювивье и К°. (Duvivier et C-ie). Федерація мытой шерсти одобряетъ эти обѣ стачки и поддерживаетъ ихъ. Тогда патрональная организація мытой шерсти объявляетъ локаутъ. Но такъ какъ локатируемыхъ начала поддерживать общая текстильная рабочая федерація, то частичный локаутъ замѣненъ былъ общимъ—локаутомъ всѣхъ предпріятій,—и борьба началась по всей линіи. Слѣдуетъ добавить, что условія борьбы организованыхъ силъ сначала складывались благопріятно для патроновъ: они заранѣе предусмотрительно обезпечили себя соглашеніями съ кліентами о неплатежѣ убытковъ за все время локаута: ихъ карманъ могъ пострадать, поэтому, только въ размѣрѣ пріостановленной работы, непосредственно,—не болѣе; а на эту жертву патроны охотно шли ради освобожденія производства отъ «ига, наложеннаго трудомъ». Это освобожденіе должно было выразиться въ отказѣ со стороны рабочихъ отъ ихъ синдикатовъ разъ навсегда. Предоставленные самимъ себѣ, рабочіе округа Вервье не могли побѣдить. Но требованіе отказа отъ синдикатовъ всполошило всю рабочую Бельгію. Она увидѣло въ этомъ угрозу своимъ жизненнымъ интересамъ и встала на ихъ защиту. Такимъ образомъ, условія борьбы для рабочихъ Вервье неожиданно приняли благопріятный оборотъ, и силы воюющихъ нѣсколько уравнялись.

Какъ результатъ уравненія этихъ силъ, и явился договоръ о мирѣ отъ 30-го октября съ срокомъ дѣйствія по 31-ое декабря 1907 года.

Обѣ стороны договорились:

1) Патроны признаютъ рабочіе синдикаты, рабочіе признаютъ за патронами ихъ главенство въ производствѣ. 2) Никакая стачка, общая или частичная, никакой локаутъ, общій или частичный, не могутъ быть одобрены безъ того, чтобы делегаты патроновъ и рабочихъ не обсудили положенія дѣлъ и не приняли мѣръ для устраненія конфликта. Для этого делегаты образуютъ смѣшанную коммиссію, делегаты избираются въ теченіе трехъ дней по возникновеніи недоразумѣнія каждой федераціей. Федерація, не приславшая делегата, считается отказавшейся отъ настоящаго договора. 3) Патроны признаютъ за рабочими право «коллективнаго контракта».

Таковы въ общихъ чертахъ результаты борьбы: ихъ надлежащая оцѣнка—дѣло будущаго, но и теперь уже можно отмѣтить два крупныхъ результата, добытыхъ трудомъ: объединеніе рабочихъ массъ—съ одной стороны, признаніе капиталомъ синди-

кализма—съ другой. Отнынѣ отдѣльное лицо (рабочій) не вступаетъ въ договоръ найма съ предпринимателемъ. На мѣсто рабочаго, его индивидуальной воли, отнынѣ становится общая, коллективная воля всѣхъ рабочихъ. Эта воля заключаетъ общій, коллективный договоръ о наймѣ, и отдѣльное лицо обязано ему подчиняться, какъ закону. Было бы излишнимъ подробно останавливать вниманіе на преимуществахъ подобнаго положенія дѣла. Они—очевидны: свободный договоръ предполагаетъ равенство силъ. Свободная воля капитала была на дѣлѣ могущественнѣе свободной воли отдѣльнаго представителя труда. Теперь, при существованіи коллективнаго контракта, это могущество капитала ослаблено въ пользу труда...

Висъ.

На разныхъ языкахъ.

Въ настоящее время религіозные вопросы отошли какъ бы на второй планъ, но еще года 3—4 назадъ, сталкиваясь съ простонародьемъ центральной Россіи, не такъ легко было уклониться отъ разговоровъ «о Богѣ». По крайней мѣрѣ, мнѣ лично это не удавалось. Не только баптисты, старообрядцы, штундисты, духоборы и прочіе, «взыскующіе града вышняго», неизмѣнно наводили разговоръ на эту тему. Но даже безпрекословныя чада «синодальной церкви», записанныя въ «православныхъ метрическихъ книгахъ», и въ общемъ довольно таки равнодушныя къ «богословскимъ тонкостямъ», тяготѣли къ бесѣдамъ о небесномъ. По-видимому, это не просто нравилось. Въ этомъ словно чувствовалась потребность. Встрѣтившись съ человѣкомъ, поговоришь объ его хозяйствѣ, о ломаньяхъ, о податяхъ, о разныхъ случаяхъ жизни,—разговоръ исключительно земной, въ которомъ, подобно евангельской Маѳѣ, «молвивши и печешися о многѣмъ». А черезъ полчаса—смотришь: твой собесѣдникъ какъ-то незамѣтно уже говоритъ языкомъ Маріи объ «единомъ, что есть на потребу». И ты самъ невольно увлекаешься этимъ, казалось бы, неожиданнымъ и рѣзкимъ переходомъ отъ одного настроенія къ другому, отъ одной плоскости интересовъ къ другой.

Въ такихъ разговорахъ меня особенно поражала одна характерная черта. Когда съ человѣкомъ познакомился ближе, далъ ему приглядѣться къ тебѣ, то говоришь спокойно о своихъ взглядахъ на личнаго Бога, на посты, на святыхъ угодниковъ, на церковную іерархію, говоришь безъ утайки, и твой знакомый

слушаетъ тебя, возражаетъ, волнуется, чаще всего споритъ, гораздо рѣже соглашается, но все это безъ вражды, безъ обвиненій въ безбожіи. Съ моими пріятелями изъ крестьянъ и мѣщанъ мнѣ случалось «договариваться до конца». Для нихъ не оставалось ни малѣйшей возможности умозаключать, подобно Маргаритѣ въ «Фаустѣ»:

„Ungefähr sagt das der Pfarrer auch,
Nur mit ein bisschen andern Worten".

Наоборотъ, было очевидно, что ни одинъ «Pfarrer» этого не скажетъ. Но, насколько я могъ замѣтить, такая прямота и ясность не отражались на нашихъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Выходило какъ-то такъ, что въ глазахъ моихъ собесѣдниковъ я оставался несомнѣнно вѣрующимъ человѣкомъ.

— Хоть, молъ, и не по нашему вѣритъ, а не безбожникъ, Бога-то онъ чувствуетъ, вотъ что...

И такой выводъ, судя по всему, складывался независимо отъ того, что я, при всемъ моемъ свободомысліи, числюсь въ «православныхъ метрикахъ». Припоминаю, между прочимъ, одного еврея переплетчика въ Дмитровѣ, Московской губерніи. Кажись, это былъ единственный еврей на весь городъ. Жилъ онъ строго «по своей вѣрѣ». И тѣмъ не менѣе, мѣщане говорили о немъ:

— Правильный человѣкъ. Богобоязненный...

Бывало, возразишь, шутя:

— Да вѣдь еврей...

— А что-жъ, что еврей. Бога-то онъ лучше иного православнаго помнитъ.

И тотъ же мѣщанинъ, восхищенный евреемъ, который «лучше православныхъ Бога помнитъ», крайне враждебно относился ко всякому новопріѣзжему, который «среду—пятницу не соблюдаетъ», «встаетъ безъ молитвы», «спать ложится безъ креста». Въ томъ же, между прочимъ, Дмитровѣ приходилось мнѣ наблюдать любопытную метаморфозу. Пріѣхалъ туда человѣкъ, «вставшій безъ молитвы» и «спавшій безъ креста». И сначала его опредѣлили, какъ безбожника и едва ли не антихриста. Мѣсяца черезъ два отзывъ радикально измѣнился.

— Хорошій человѣкъ. По Божьи живетъ...

— Да вѣдь Богу не молится...

— Мало ли что!.. То его дѣло... Такъ оно и въ писаніи сказано: «не спасетъ черная ряса, спасутъ добрыя дѣла»...

Признаюсь, мнѣ долго не удавалось уловить, въ чемъ тутъ секретъ. Какъ и многіе русскіе интеллигенты, попадая въ народъ, я подвергался обвиненіямъ въ невѣріи. Наравнѣ съ многими другими интеллигентами я находилъ въ сѣрой незнакомой толпѣ глухое, упорное, такъ сказать, авансомъ выданное подозрѣніе въ безбожіи. И мнѣ долго казалось, что это подозрѣніе, встрѣ-

чаемое мною и подъ кровлями деревенскихъ избъ, и на постоялыхъ дворахъ, и въ монастырскихъ гостиницахъ, не только на словахъ формулируется: «да онъ, должно быть, въ Бога не вѣруетъ», но и по существу касается именно Бога, личнаго Бога,— того самаго, который нарисованъ въ церкви, и которому попъ служитъ молебны. Я долго склоненъ былъ думать, что отъ меня сѣрая толпа требуетъ вѣры именно въ этого Бога. И много огорченій пришлось пережить, прежде чѣмъ я понялъ, что тутъ все недоразумѣніе заключается въ словѣ. И когда я это понялъ, для меня стало ясно, что толпа вкладываетъ въ слово «Богъ» одно содержаніе, а я, стараясь приноровиться къ ея языку, произвольно вкладываю другое содержаніе, совершенно не свойственное мнѣ.

Для себя, ревниво отгораживаясь отъ ненавистныхъ традицій, я взялъ слова: «верховное начало жизни», «правда-истина», «правда-справедливость», etc. Тому высшему, что выражаютъ эти слова, я служу, имъ оцѣниваю свои поступки, оно опредѣляетъ линію моей личной жизни и общественной дѣятельности, «въ немъ моя вѣра». А когда «толпа» произносила слово «Богъ», мнѣ казалось, что она говоритъ именно о традиціяхъ и раскрашенныхъ доскахъ, о молебнахъ, о формальностяхъ, равно далекихъ и отъ правды-истины, и отъ правды-справедливости, отъ всего, что для меня дорого, и чему я вѣрю. И выходило такъ, что я, въ качествѣ представителя интеллигенціи, авансомъ подозрѣвалъ толпу въ отсутствіи дѣйствительной «вѣры» и въ приверженности лишь къ традиціямъ, а толпа меня, какъ представителя интеллигенціи, тоже авансомъ подозрѣвала въ безвѣріи. Изъ этой обоюдной подозрительности и рождались недоразумѣнія. И чтобы избѣжать ихъ, требовалось, очевидно, не переиначивать слово «Богъ», отрѣшиться отъ привычки вкладывать въ него «византійское содержаніе».

Повторяю, понять, что толпѣ дорога вѣра въ верховныя начала жизни, а не молебны передъ иконами, было трудно. Но когда я это понялъ и когда соотвѣтственно съ этимъ сталъ къ разговорамъ о Богѣ относиться, какъ къ серьезному и важному дѣлу выясненія принциповъ поведенія, я почувствовалъ, что почва для недоразумѣній и огорченій исчезаетъ сама собою. Въ видѣ иллюстраціи разскажу хотя бы такой случай.

Однажды лѣтнею ночью мнѣ пришлось ѣхать на лошадяхъ изъ Житомира въ мѣстечко Коростышевъ. Дорога лежала мимо одного села, которое славится разбоями. Естественно, зашелъ разговоръ о разбойникахъ. Мой возница разсказалъ, какъ одного какого-то проѣзжаго убили, другого ограбили, а затѣмъ неожиданно и въ упоръ поставилъ вопросъ:

— А что, пане, я у васъ спрошу... Вѣруете вы въ Бога?

— Какъ же безъ вѣры?—отвѣтилъ я.—Если безъ вѣры, то

вотъ я начну васъ грабить, а вы меня... Вродѣ звѣрей жить станемъ...

Видимо, удовлетворенный такою постановкою вопроса, возница пошелъ дальше и задалъ вопросъ о Серафимѣ Саровскомъ. Я откровенно объяснилъ, что знаю и думаю объ этомъ недавно-явленномъ угодникѣ. Затѣмъ поговорили о другомъ недавно-явленномъ угодникѣ Ѳеодосіи Черниговскомъ. Нѣсколько подробнѣе и такъ же откровенно поговорили о печерскихъ мощахъ и монахахъ. Незамѣтно разговоръ коснулся вообще «монастырскихъ порядковъ», слишкомъ далекихъ отъ «праведной жизни». Въ концѣ концовъ мой собесѣдникъ плюнулъ и негодующе произнесъ:

— Всюду обманъ. Куда ни пойди. И такъ я думаю, пане,—въ Бога они не вѣруютъ... Оттого и злодіи такіе...

Это негодованіе противъ людей, «не вѣрующихъ въ Бога», будетъ понятно каждому, кто уяснитъ себѣ, что здѣсь вопросъ не столько вѣроисповѣдный, не столько религіозный, сколько моральный. Когда простонародье спрашиваетъ: «вѣруешь ли въ Бога?»— это значитъ:

— Что ты за человѣкъ? Есть ли у тебя за душою что-либо святое? Или ты, подобно звѣрю хищному, мыслишь: «что волку въ зубы, то Егорій далъ?»

И въ этомъ смыслѣ «невѣрующій въ Бога», дѣйствительно, «злодій»,—опасный, страшный человѣкъ, который на все способенъ. Онъ способенъ разрывать грудныхъ дѣтей и потрошить беременныхъ женщинъ. Ему ничего не стоитъ руководствоваться правиломъ: «крестьянъ, какъ и женщинъ, надо брать силой». Онъ не только провозгласитъ этотъ свой символъ вѣры въ Петербургѣ на дворянскомъ съѣздѣ, но и подтвердитъ его дѣлами. Онъ сумѣетъ брать силою женщинъ въ притонахъ, при посредствѣ содержательницы непотребныхъ домовъ, и въ наслѣдственныхъ имѣніяхъ, при благосклонномъ покровительствѣ урядника и станового пристава. Въ томъ же наслѣдственномъ Монрепо онъ поставитъ пулеметы, найметъ осетинъ, введетъ «военное положеніе», опустошитъ окрестности. Онъ не затруднится сѣчь, истязать, поднимать на дыбы. «Невѣрующій въ Бога» до «воли», въ качествѣ крѣпостного владѣльца, опаливалъ живыхъ людей горящими лучинами и припечатывалъ живыя тѣла сургучными именными печатями. Нынѣ, въ качествѣ вооруженнаго на государственный счетъ правительственнаго агента, полагаетъ свое особенное удовольствіе въ томъ, чтобы обнажать дѣвушекъ и тушить объ ихъ груди папироски.

Если вы припомните роль барства въ русской исторіи, если хоть сколько-нибудь учтете глубину пережитыхъ народомъ мукъ и оскорбленій, то для васъ понятна станетъ настойчивость, съ какою повторялся вопросъ: «вѣруешь ли въ Бога?» Не удивитъ васъ и то, что вопросъ этотъ направлялся по линіи наименьшаго

сопротивленія, —къ намъ, «барамъ безъ эполетъ»: «бары въ эполетахъ», вмѣсто отвѣта, норовили «дать въ морду». Спрашивали люди, кого можно, а спрашивали потому, что тамъ, на низу, трудно было различать «баръ въ эполетахъ» отъ «баръ безъ эполетъ»: тамъ всѣ они казались «на одно лицо».

За послѣдніе два-три года многое измѣнилось и многое стало извѣстно внизу. Стало доподлинно извѣстно, что «бары тожъ бываютъ разные». Одни крѣпко «вѣруютъ въ Бога», да такъ крѣпко, что готовы жизнь за вѣру свою положить и мученія всяческія принять. Вѣра у нихъ мудреная,—сразу ее не разберешь. И даже какъ назвать этихъ баръ, что «въ Бога вѣруютъ», не знаешь. Группа петербургскихъ извозчиковъ года полтора назадъ обращалась въ одну изъ редакцій съ просьбой: «пришлите намъ соціалъ-демократа», чтобъ, значитъ, былъ душевный человѣкъ, и насчетъ земли по-божьему бы сказалъ. Около года назадъ одно подмосковное село поручило своимъ уполномоченнымъ разыскать и привезти «серовъ» (т. е. с.-р.). Такъ и сказано было: разыскать и *привезти*:

— Потому что, видите ли, люди, какъ слышно, шибко хорошіе, божьи люди,—«серы» эти самые. Лиха бѣда найти ихъ, да сказать, они сами придутъ. Вотъ мы, значитъ, и рѣшили—расходы на нашъ счетъ, чтобъ не пѣшкомъ, а на лошадяхъ.

Въ другомъ селѣ—Юго-западнаго края—«міръ до того затруднился назвать хорошихъ баръ какимъ либо опредѣленнымъ именемъ, что просто написалъ «всему кіевскому университету» «всепокорнѣйшую просьбу»:

«Пришлите намъ студента, а если нѣту студента, то хоть какого-нибудь жидка» *). А подводу мы вышлемъ, куда прикажете...

Словомъ, передъ народнымъ самосознаніемъ сталъ, какъ непреложный фактъ, «хорошій баринъ», удивительно хорошій, готовый жизнь свою положить за какое-то трудно постигаемое, но, несомнѣнно, «божье дѣло». «Хорошій баринъ» является то въ видѣ «жидка», то въ видѣ «студента», то подъ странною кличкою, въ родѣ «есъеръ», или «есдекъ», которую приходится принимать на вѣру и не съ чѣмъ ассоціировать. Хорошаго барина тѣмъ труднѣе постигнуть, что онъ стоитъ внѣ привычныхъ для массы и вѣками укоренившихся представленій о «богоугодной жизни» не для «своего мамона», а «ради ближняго». Въ деревнѣ онъ словно прилетецъ съ другого свѣта, гдѣ люди на насъ не похожи, не по нашему живутъ, не по нашему молятся. Но фактъ все-таки остается фактомъ: среди баръ объявились «божьи люди», отъ ко-

*) Напомню, что на украинскомъ языкѣ слово: «жидъ» не имѣетъ обиднаго значенія.

торыхъ можно услышать некорыстное, душевное слово по чистой совѣсти, которые не продадутъ, не обманутъ, не обидятъ.

И одновременно въ народномъ самосознаніи, быть можетъ, еще яснѣе, чѣмъ прежде, опредѣлялся «баринъ» другого типа. Онъ порою и въ церковь ходитъ по нашему, и по нашему молится, и говѣетъ, но вся его жизнь состоитъ въ томъ, чтобы бѣднаго человѣка ограбить да «женщину испортить». И такъ онъ на этихъ двухъ занятіяхъ сосредоточился, что когда грабитъ, то объ изнасильничаніи думаетъ, а когда насилуетъ, то о грабежѣ думаетъ; только и есть у него въ головѣ эти двѣ думки, и всегда онѣ рядомъ, какъ близнецы въ утробѣ матери, такъ что и самъ онъ спутался и смѣшиваетъ грабежъ съ изнасилованіемъ, а изнасилованіе съ грабежомъ оттого и общественная дѣятельность такого «барина» похожа на его поведеніе въ притонѣ разврата, а поведеніе въ притонѣ разврата—на его общественную дѣятельность.

Было бы ошибкою надѣяться, будто тамъ, въ деревенскихъ трущобахъ, деревенскимъ трущобнымъ людямъ легко различать, который баринъ—врагъ, и который другъ, котораго надо избѣгать или даже гнать прочь, какъ хищнаго звѣря, и котораго можно искать и звать, какъ помощника и союзника. Уловить это различіе вообще очень трудно. Даже изощренное умѣнье распознавать людей, какимъ обладаютъ спаянныя желѣзной дисциплиной организаціи, порою спотыкается о Дегаевыхъ. Деревенской же темнотѣ тѣмъ легче споткнуться, что у нея совершенно нѣтъ критерія для отличія «хорошаго барина» отъ «скверная». Старый критерій: «вѣруешь ли», нѣсколько десятилѣтій внѣдрявшій надъ интеллигентными работниками въ народѣ, оказался явно негоднымъ. Онъ не столько снятъ, сколько смятъ ходомъ событій, хотя мысль оцѣнивать «барина» съ моральной стороны, несомнѣнно, осталась. И въ виду нашлива волковъ въ овечьей шкурѣ, ей быть можетъ, суждено облечься въ новыя формы и сыграть ту или иную роль. Не такъ давно, насколько я знаю, возникалъ было другой критерій: «какъ о землѣ думаешь?» Если баринъ находилъ, что «земля божья»,—значитъ: нашъ. Если же «тянулъ на сторону помѣщика» то—«иди прочь». Нынѣ судя по сообщеніямъ съ мѣстъ, даже «союзъ русскаго народа наловчился насчетъ земли» говорить такъ, что не разберешь, «чи вона у него Божья, чи бисова». Положеніе столь осложнилось, что на скорую руку сколоченный критерій можетъ завести совсѣмъ не туда, куда слѣдуетъ. Послѣдовательный и честный с.-д. можетъ оказаться, пожалуй, «врагомъ народа», а увертливый «октябристъ»—«другомъ». И такія ошибки возможны не только потому что у деревни нѣтъ сколько-нибудь надежнаго критерія для распознаванія волковъ отъ овецъ, и не потому, что волки научились необыкновенно ловко облачаться въ овечью шкуру. Есть причины нѣсколько иного порядка.

Жизнь смяла одно изъ основныхъ недоразумѣній, выростав-

никъ между разночинной интеллигенціей и народной массой въ формѣ вопроса: «вѣруешь ли въ Бога». Самый вопросъ этотъ, въ его привычной редакціи, какъ бы исчезъ. Но вообще недоразумѣній по вопросамъ, болѣе мелкимъ и несравнимо болѣе земнымъ, осталось не мало. И среди нихъ едва ли не центральное мѣсто занимаетъ такъ называемый вопросъ «о формѣ правленія», и выражается онъ традиціонною и общеизвѣстною фразою: «а царя ты признаешь?»

II.

«Вопросъ о царѣ» въ интеллигентскихъ кружкахъ поставленъ давно и теоретически рѣшается весьма просто. На практикѣ же его чаще всего старались обходить и не трогать. Въ сущности, онъ какъ бы обойденъ, между прочимъ, въ письмѣ народовольцевъ Александру III. Исполнительный комитетъ отъ имени партіи лишь «заявлялъ торжественно предъ лицомъ родной страны и всего міра», что признаетъ верховную власть легализированной народнымъ собраніемъ «лишь тогда, если выборы будутъ произведены совершенно свободно». Въ ближайшее къ намъ время «вопросъ» впервые «практически» поставленъ, съ одной стороны, «освобожденской группой», съ другой—«россійскою соціалъ-демократическою рабочею партіей». «Освобожденская конституція», построенная на принципѣ такъ называемой «реальной политики», опредѣлила Россію, какъ «государство конституціонно-монархическое». «Р. с.-д. р. п.», вѣрная лозунгамъ своей германской родительницы, на второмъ съѣздѣ окончательно «поставила ближайшей политической задачей низверженіе царскаго самодержавія и замѣну его демократической республикой».

Въ самомъ концѣ прошлаго 1905 г. оффиціально и окончательно разрѣшить вопросъ «о формѣ правленія» пришлось и партіи с.-р. На бывшемъ въ это время первомъ партійномъ съѣздѣ по существу «вопросъ» не вызвалъ разногласія. Но относительно его практической постановки обнаружилось два теченія. Одни предостерегали вообще отъ «состязанія съ с.-д.» и въ частности указывали, что «для соціализма вопросъ о формѣ правленія не представляется рѣшающимъ: важно лишь воплощеніе народовластія; .. требованіе демократической республики, въ русскихъ условіяхъ, отдаляетъ партію отъ жизненной работы» *). Другимъ представлялись цѣнными «именно тѣ стороны, которыя вызвали обвиненіе въ марксизмѣ,—потому что именно эти стороны... роднятъ с.-р. со всѣми заграничными товарищами, т. е. даютъ с.-р. право называть себя однимъ изъ эшелоновъ великой международной арміи трудящихся» **). Ближайшія практическія соображенія, заставлявшія

*) «Протоколы перваго съѣзда партіи с.-р», стр. 87, 93.
**) Ibid., стр. 107—108.

дорожить этимъ «правомъ», понятны каждому, кто помнитъ, съ какимъ высокомѣрнымъ самодовольствомъ г. Плехановъ, напр., писалъ въ «Искрѣ», что именно онъ, въ видѣ особой милости да еще по причинѣ безтактности представителя «Бунда», не препятствовалъ допущенію «мелкобуржуазныхъ революціонеровъ» на амстердамскій конгрессъ соціалистовъ. Только поэтому, видите ли, с.-р. «побѣдили», т. е. ихъ делегатъ былъ допущенъ на конгрессъ.

Но — угрожалъ г. Плехановъ — «побѣда «партіи соціалистовъ-революціонеровъ» очень напоминаетъ знаменитую побѣду Пирра»... «Строго говоря», «мы» еще на парижскомъ конгрессѣ (въ 1900 г.) «имѣли право протестовать противъ присутствія делегатовъ отъ с.-р.», такъ какъ присутствіе «этихъ широкихъ джентльменовъ», которые находятъ для себя «узкой» «пролетарскую точку зрѣнія», «противорѣчило постановленію», принятому въ 1899 г. брюссельской конференціей. И если «мы» не протестовали противъ присутствія «широкихъ джентльменовъ» на амстердамскомъ конгрессѣ 1904 г., то лишь по тактическимъ соображеніямъ *).

Такъ или иначе, но въ принятую съѣздомъ программу вошелъ пунктъ: «поскольку процессъ преобразованія Россіи будетъ идти подъ руководствомъ несоціалистическихъ силъ, партія с.-р..... будетъ отстаивать... установленіе демократической республики» **)...

Такимъ образомъ, къ началу 1906 г. двѣ наиболѣе вліятельныя соціалистическія партіи въ Россіи оффиціально и окончательно высказались за демократическую республику. Но лишь только «вопросъ» «былъ рѣшенъ», какъ стали все яснѣе и яснѣе обозначаться осложняющіе его «моменты».

На Украйнѣ, напр., оказалось цѣлое теченіе мысли, представители котораго говорятъ:

— Принципіально мы, конечно, за республику, но, въ предѣлахъ буржуазнаго строя и впредь до «диктатуры пролетаріата», желаемъ сохранить монархію. Намъ нужна монархія, ибо мы надѣемся установить свои отношенія къ центру на началахъ «личной уніи» и устроиться, какъ Венгрія въ Австріи и Финляндія въ Россіи. И въ виду такихъ надеждъ, полагаемъ, что если бы монархіи не существовало у насъ, то ее надо бы выдумать. Республиканскій центръ въ Россіи будетъ чрезвычайно силенъ и повернетъ насъ на «свой солтыкъ». Монархическій центръ слабѣе, и при немъ мы надѣемся обезпечить себѣ больше правъ.

Представители такого же теченія есть, несомнѣнно, въ Польшѣ. Повидимому, не чуждо оно и нѣкоторыхъ слоевъ армянскаго населенія. И, на сколько я знаю, есть оно между евреями. Отношеніе Финляндіи

*) См. „Искру", № 74, 20 сентября 1904 г.

**) Цитирую по книгѣ В. Ивановича. „Россійскіе партіи, союзы и лиги".

къ вопросу о монархіи или республикѣ въ Россіи пока не опредѣлилось ничто. Но въ какую сторону при практическомъ рѣшеніи этого вопроса пойдетъ финская націоналистическая мысль,—предвидѣть не трудно.

Я лично весьма невысокаго мнѣнія объ этихъ «національныхъ надеждахъ», питающихся, какъ извѣстно, «историческимъ прецедентомъ династіи Габсбурговъ» «Прецедентъ», конечно, краснорѣчивый. «Династія Габсбурговъ», дѣйствительно, удалось въ свое время сорвать и ослабить революціонный напоръ «сепаратнымъ» соглашеніемъ съ Венгріей, и тѣмъ спастись отъ кораблекрушенія. Повидимому, мысль о сепаратныхъ соглашеніяхъ мелькаетъ иногда и на россійскихъ вершинахъ. По крайней мѣрѣ, въ «Новомъ Времени» приходилось читать намеки на это. Но въ Россіи ужъ слишкомъ много «Венгрій»: Прибалтійщина, Польша, Праздѣпровщина, Сибирь etc., etc. И скружиться сплошнымъ кольцомъ «сепаратныхъ соглашеній», значило бы самого себя загнать въ западню. Надежда заключить «сепаратный договоръ» ужъ слишкомъ разсчитана на чужое скудоуміе. Да и возможна она лишь въ головѣ, совершенно не соображающей что у насъ и сцена построена не такъ, какъ она была построена въ Австріи, въ періодъ 1860—1867 г., да и пьеса разыгрывается далеко не та, въ какой Божіею милостію суждено было играть роль и заключать «сепаратный договоръ» «династія Габсбурговъ». Такъ что трение, встрѣченное «демократической республикой» съ этой стороны, исключительно отвлеченное, такъ сказать, нарочито вымышленное и не очень-то серьезное. Гораздо важнѣе и серьезнѣе оказалось треніе другого рода.

Лозунгъ: «демократическая республика», развернутый во всю ширь по направленію на «Востъ», несомнѣнно, «породнилъ» и р. с.-д. р. п., и п. с.-р. съ западными товарищами. Но тотъ же лозунгъ, при попыткѣ развернуть его по направленію на «Остъ», оказывается порою совершенно неудобнымъ, чтобы породниться съ народными массами,—съ тѣми именно массами, безъ поддержки которыхъ самое существованіе соціалистической партіи врядъ ли пріобрѣтаетъ особый политическій смыслъ. Официально принятое республиканское знамя пришлось не столько развертывать въ массахъ, сколько прятать отъ массъ. «Вопросъ» оказался рѣшеннымъ лишь на бумагѣ, а по дѣлу, при работѣ въ низахъ, необходимость диктовала прежнюю «тактику»: осторожно проходи мимо и, по возможности, не касайся. Эту тактику, принимаемую пропагандистами сначала за собственный страхъ и вискъ, черезъ десять мѣсяцевъ послѣ перваго партійнаго съѣзда с.-р., пришлось, такъ сказать, оффиціозно признать единственно правильной.

Надо—писалъ, между прочимъ, В. М. Черновъ—«предварительно подготовить крестьянина къ данному выводу, поступить такъ, чтобы «выводъ» не огорошилъ его нежданно-негаданно, иначе

говоря, — не переходить къ политической алгебрѣ, не кончивъ даже четырехъ правилъ ариѳметики. Разъ въ крестьянинѣ прочно сидитъ какое-нибудь предубѣжденіе, было бы глупо начать разговоръ съ того, что сразу бросаетъ грубый вызовъ этому предубѣжденію, не устранивъ предварительно его корней, его глубокихъ источниковъ» *).

Когда разсуждаешь отвлеченно, издали, то совѣтъ кажется совершенно правильнымъ, строго логичнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, глупо, «не кончивъ четырехъ правилъ ариѳметики», «переходить къ алгебрѣ». Глупо развертывать республиканское знамя, когда знаешь, что этимъ ты бросишь «вызовъ». Повторяю, совѣтъ правиленъ и логиченъ. Но когда представляешь себѣ конкретную обстановку, въ которой можетъ происходить «устраненіе корней и глубокихъ источниковъ», то вчужѣ чувствуешь, какая это жестокая логика, и сколь тяжкія и неудобоносимыя бремена возлагаетъ она на человѣка.

Передо мною замѣтка г. Т. Асина въ № 1 «Новой Мысли». Г. Асинъ дѣлится съ читателемъ своими дер венскими впечатлѣніями. По его словамъ, на югѣ «въ осенніе дни свободы въ широкіе слои крестьянства (уже) проникли идеи народовластія»; и не только проникли, но «укрѣпились» тамъ. По тѣ же самые «широкіе слои», въ которыхъ уже окрѣпла идея народовластія, кричали по адресу пропагандистовъ:

«Бить ихъ!.. Имъ царя не надо»...

Около того же времени деревня «собиралась, разсуждала о землѣ, о выборныхъ депутатахъ, о податяхъ и пр.»—разсуждала въ духѣ крестьянскаго союза, но кричала угрожающе:

«Имъ царя не надо?...»

«По времени созыва Думы» южный мужикъ, наблюдаемый г. Асинымъ, стоялъ за землю, за волю, за «полное, хотя и съ неясными формами, народовластіе», но кричалъ:

«Царя не тронь!»

Во время Думы, тотъ же мужикъ живо интересовался судьбою думскаго адреса, просилъ прислать (въ Екатеринославской, Таврической и Херсонской губ.) то «спцилиста», то «скубента», то «жидка», но кричалъ:

«А царя не тронь!»

Послѣ роспуска Думы въ раіонѣ наблюденій г. Асина «рядовая деревня начала выражать недовольство по отношенію къ лицамъ». Но — говоритъ г. Асинъ—«нельзя увѣрять, что пала самая идея монархическаго устройства государства».

Эти наблюденія въ общемъ совпадаютъ съ тѣми свѣдѣніями, какими я лично располагаю относительно юго-западнаго края, нѣкоторыхъ центральныхъ губерній (Владимірской, Рязанской,

*) «Сознательная Россія», № 3.

отчасти Ярославской и Московской) и нѣкоторыхъ мѣстъ юго-восточнаго Поволжья. Въ указанныхъ мною губерніяхъ все время былъ тотъ же «лейтмотивъ». Здѣсь, также благодаря усиленнымъ трудамъ г. Столыпина, изъ лейтмотива исчезъ «личный отчѣпокъ». Такъ же «рядовая деревня» «недовольна лицами». Мѣстами даже чрезвычайно недовольна, до полнаго озлобленія. Но продолжаетъ твердить:

— Нельзя безъ царя. Не стоитъ царство безъ царя...

Т. е. твердитъ, повидимому, тѣ именно слова, которыя г. Аснинъ считаетъ выраженіемъ «идеи монархическаго устройства государства».

И вотъ я стараюсь представить себя въ положеніи партійнаго пропагандиста, который «работаетъ въ деревнѣ». Я республиканецъ. Республиканецъ и по убѣжденію, и во имя партійной дисциплины. Въ моей идеологіи понятіе: «кесарь» занимаетъ опредѣленное мѣсто, какъ прямая антитеза тому, во что я вѣрю, чему служу. Я отказываюсь полностью отъ личной жизни. Я всю ее отдаю массамъ. И эти самыя массы грозно спрашиваютъ меня:

— Другъ ли ты кесарю? Если не другъ, то подлежишь распятію И мы тебя распнемъ, какъ были распяты твои дѣды и отцы, учителя и товарищи, какъ были распяты тысячи людей, праху которыхъ ты молишься и память которыхъ свято чтишь, и какъ я, быть можетъ, распну твоего сына и внука...

Повторяю, представьте себя въ такомъ положеніи и скажите, что это: пропаганда, или сплошной крестный путь, сплошная трагедія, въ которой вамъ, какъ главному герою, неизбѣжно либо сойти съ ума, либо впасть въ отчаяніе? Вѣдь не въ томъ трагедія, что есть урядникъ, исправникъ, жандармъ, шпіонъ которые ловятъ васъ, навѣрное, поймаютъ, будутъ бить, вздернутъ на дыбу, сошлютъ, повѣсятъ. Не это страшно. Гораздо страшнѣе сознаніе, что вотъ, если я вслухъ исповѣдую полностью свою вѣру, то толпа бросится на меня, и моимъ защитникомъ отъ нея, быть можетъ, явится тотъ же урядникъ.

Представьте, далѣе, что вы – тотъ самый „спеціалистъ» или «жидокъ“, котораго „міръ“ „выхлопоталъ“ себѣ въ городѣ. Вы ѣдете въ глухое село и предстаете предъ „міромъ“. „Міръ“ молчитъ, но въ его молчаніи слышится:

— Мы посылали за тобою и привезли тебя, чтобы услышать слово правды. Говори же.— мы ждемъ.

Разумѣется, вы не станете съ первыхъ же словъ кричать: „да здравствуетъ демократическая республика“. Вы начнете съ «корней и глубокихъ источниковъ». Ваша первая посылка: „хозяинъ земли – народъ“ принимается великолѣпно. Вы слышите одобрительные и даже восторженные отзывы:

— Правильно. Истинное слово. Это по-божьему. Все народъ... Все на нашей шеѣ держится...

Вы идете дальше,—развиваете идею демократически построеннаго народнаго представительства. Рѣчь идетъ объ однопалатной и двухпалатной системѣ, о семичленной формулѣ. И опять общее сочувствіе:

— Правильно,—одна палата... Не надо другой палаты. Довольно баре надъ нами мудровали. Больше не позволимъ. И это правильно,—чтобъ всѣ одинаково выбирали. Это по-божьему.

— И надо,—переходите вы къ «выводу»—чтобъ никто не могъ народнаго рѣшенія отмѣнить...

Міръ и съ этимъ соглашается:

— Вѣрно,—какъ наши депутаты промежду себя порѣшатъ, такъ пусть царь и дѣлаетъ.

Вы пробуете развить эту мысль, но настроеніе „міра“ неожиданно мѣняется, и вамъ кричатъ:

— Царя не тронь...

Сцена мною не выдумана. Я вкратцѣ передаю разсказъ одного пропагандиста, который жилъ недавно въ Смоленской губерніи. Онъ человѣкъ очень юный. Его „выписали“ крестьяне. Какъ с.-д., онъ не счелъ удобнымъ говорить о «земельномъ вопросѣ». Зато полностью развернулъ программу народовластія. И пока говорилъ о положительной сторонѣ народовластія, міръ слушалъ сочувственно. Но стоило лишь подойти къ „выводамъ“, какъ тотъ же міръ вѣжливо, но категорически заявилъ:

— Нѣтъ, ты царя оставь. Про царя мы сами знаемъ...

Молодой человѣкъ четыре раза пытался перешагнуть черезъ запретную грань и добился лишь того, что ему холодно «посовѣтовали»:

— Ну, будетъ, паренекъ,—закуси на дорожку, да и поѣзжай отъ насъ съ Богомъ...

Юноша былъ прямо-таки потрясенъ:

— Ничего не соображаю,—безпомощно разводилъ онъ руками.— Понимаете,—на все согласны: veto долой, верхнюю палату долой, „сосредоточеніе всей верховной власти въ рукахъ законодательнаго собранія“, какъ сказано въ нашей программѣ, вполнѣ одобряютъ. А какъ до „этого“ дойдешь — не смѣй... И четыре раза! Понимаете: четыре раза!.. Подъ конецъ я даже разсердился. Да вѣдь говорю, если все такъ устроить, то и выйдетъ республика. Ну, а коли такъ, закуси, говорятъ, да и поѣзжай съ Богомъ... Что же это такое? а? Неужели они ничего не поняли? Нѣтъ, какъ будто поняли... Положительно, поняли. Тутъ какое-то недоразумѣніе. Прямо таки недоразумѣніе!..

О такомъ же недоразумѣніи, между прочимъ, шла рѣчь на прошлогоднемъ учительскомъ съѣздѣ. И формы недоразумѣнія тѣ же: „народовластіе“ деревнѣ нравится, быстро завоевываетъ себѣ сторонниковъ; мужикъ одобряетъ такую постановку, чтобы „всѣ приказы исходили только отъ народныхъ депутатовъ“. Но тотъ же мужикъ быстро занимаетъ враждебную позицію, лишь только у

него явилось подозрѣніе, что рѣчь идетъ о республикѣ, объ „изничтоженіи царской власти“. О томъ же, въ сущности, недоразумѣніи пишетъ и г. Асинъ, по словамъ котораго, „мужикъ“ „желаетъ полнаго народовластія“ и одновременно горою стоитъ за царя.

Получается въ общемъ мучительная путаница. Съ одной стороны, „нельзя“, въ самомъ дѣлѣ, „уклониться отъ прямого отвѣта“ на вопросъ о республикѣ или монархіи: „это можетъ произвести только впечатлѣніе виляньа, которое недостойно уважающей себя партіи“ *). Съ другой, „недостойно уважающей себя партіи“ скрывать свой „прямой отвѣтъ“ отъ народа. Съ третьей,—приходится, однако, скрывать, приходится „постепенно нагрѣвать воду въ котлѣ, чтобы лягушка и не замѣтила, какъ будетъ живьемъ сварена“: неволя заставляетъ „предварительно подготовить крестьянина къ данному выводу“. А съ четвертой стороны, — когда начинаешь „предварительно подготовлять крестьянина“, то въ его головѣ оказывается одновременно и полная народная власть, вплоть до «хозяинъ земли—народъ», и ревниво охраняемая отъ „изничтоженія“ царская власть. Очевидно, мы попадаемъ въ тупикъ. И, очевидно, надо признать одно изъ двухъ: либо пропагандистъ, взявшійся „предварительно подготовить къ выводу“, не понимаетъ „мужика“, либо „мужикъ“ не понимаетъ пропагандиста.

III.

Мнѣ лично въ замѣткѣ г. Асина удивительно знакомымъ показалось одно мѣсто. Онъ, видимо, нѣсколько затруднялся понять, какъ это мужикъ, явно желающій полнаго народовластія, кричитъ: «царя не тронь», но быстро перешагнулъ черезъ это неудобоваримое для интеллигента сочетаніе:

— Т. е. — переводитъ онъ на интеллигентскій языкъ—«крестьяне желали конституціонной монархіи».

Спрашивается: почему „то-есть“? И далѣе, отмѣчая, что хоть по адресу „правящихъ“ сферъ вездѣ раздается брань, но что это „недовольство лицами“ не привело къ «отрицанію монархическаго принципа», г. Асинъ говоритъ:

„Однако жъ, именно, отсюда прямой переходъ къ воспріятію и признанію республиканскихъ идей,—и число „исповѣдующихъ“ эти „идеи“ растетъ.

Спрашивается: почему этотъ „переходъ“ надо дѣлать именно „отсюда“, а не отъ „желанія полнаго народовластія“, которое было досюда? Съ какой стати я долженъ вѣрить, что „желаніе полнаго народовластія“ въ переводѣ на интеллигентскій языкъ означаетъ „конституціонная монархія“, а «брань по адресу правящихъ сферъ»

*) Слова В. М. Чернова, № 3 «Созкат. Россіи», стр. 24.

надо передавать словомъ: „республика“, хотя, по заявленію самого переводчика, этотъ послѣдній терминъ „пока“ не оправдывается фактами?

Безъ сомнѣнія, г. Аспинъ старается перевести добросовѣстно. Но мнѣ этотъ переводъ напомнилъ одну полосу моихъ раннихъ юношескихъ лѣтъ, когда я былъ нѣсколько влюбленъ въ слово республика. Покоряло оно меня, если говорить откровенно, не столько своимъ буквальнымъ смысломъ, сколько святыми могилами и святою кровью, которыми окружила это слово исторія со временъ 1789 г. Въ романтическій періодъ жизни святыя могилы и святая кровь говорятъ особенно властно. И я такъ былъ воодушевленъ, что рѣшился заговорить о республикѣ съ моими степенными пріятелями мѣщанами, которые частенько захаживали ко мнѣ (я любилъ „почитать“ вслухъ, а они любили послушать). Помнится, я началъ горячо, упомянулъ о могилахъ и о крови, но—увы!—мои слова были встрѣчены смѣхомъ:

— Тю!... Богъ съ тобой... Ты это, братъ, уже того... зачитался малость...

— Вѣдь лучше,— не сдавался я,— если народъ самъ собою править...

— Да ужъ какъ ни правь, а голова нужна. Къ примѣру, малое дѣло—хозяйство, а если головы нѣтъ—врозь расползется. Потому—никакого плана не будетъ. А государственное дѣло большое. Какъ можно царству безъ царя быть...

— Я же вамъ говорю: выборный...

— Да хоть ты его выбери, хоть роди,—толкъ одинъ. Безъ него нельзя—вотъ въ чемъ штука-то. И всѣ твои разговоры — пустота одна. Ты намъ лучше книжку почитай... Ха-ха-ха! Распублика! Вѣдь выдумаетъ же!

Всего удивительнѣе слѣдующее. Я хорошо зналъ, что слово, разсмѣшившее моихъ пріятелей, вызываетъ у нихъ совсѣмъ не тѣ представленія, какія навѣяны на меня книгою. При мнѣ это слово не разъ употреблялось совершенно въ другомъ смыслѣ. Тѣ же мои пріятели, когда ихъ сосѣдъ, кузнецъ Акимъ, въ пьяномъ видѣ избилъ до полусмерти свою жену и изнасиловалъ старухутетку, были возмущены до крайности и, не находя имени такому злодѣянію, говорили:

— Что же это такое!.. Прямо распублика какая то!..

Когда у другого сосѣда, прядильщика Бориса Щебедина, сынъ поколотилъ родную мать и пропилъ къ кабакѣ ея шубу и шерстяное („вѣнчальное“) платье, мои пріятели такъ же были возмущены и такъ же говорили:

— Распублика!.. Чистое дѣло распублика!..

Я зналъ, что у нихъ слово «распублика» ассоціируется съ злодѣйствомъ, съ кровопролитіемъ, съ безобразіемъ, выражаетъ крайнюю степень «распутства». И вотъ, зная все это, я, тѣмъ не ме-

нѣе, заговорилъ съ ними о республикѣ. И ясно видя, что меня понимали совсѣмъ не такъ, какъ мнѣ хотѣлось, я, тѣмъ не менѣе, подобно г. Асину, сдѣлалъ выводъ:

— Однако, какъ еще сильны монархическія предапія!..

Казалось бы, очевидно, въ чемъ дѣло. Мои пріятели близко знали меня. Они были увѣрены, что я не сторонникъ ни злодѣйства, ни безобразія, а если и предлагаю неожиданно учредить всеобщую «распублику», то, очевидно, безъ злого умысла, а просто такъ—«затменіе нашло», до того человѣкъ «зачитался», что кричитъ «караулъ», когда ему, по его характеру, надо бы кричать «ура». Такъ они и поняли: «временное, дескать, затменіе», ошибка, которая бываетъ съ каждымъ человѣкомъ И это ихъ разсмѣшило. И дабы привести впавшаго въ затменіе человѣка къ равновѣсію, ему напомнили, что ни въ какомъ дѣлѣ нельзя обойтись безъ «головы». Это правило моимъ собесѣдникамъ подсказано простымъ опытомъ жизни. Для меня оно нѣсколько больше, чѣмъ «опытъ жизни». Это вѣдь и выводъ науки. Сосредоточьте, въ самомъ дѣлѣ, «всю верховную власть въ рукахъ законодательнаго собранія», какъ сказано въ программѣ с.-д., перейдите къ «прямому народному законодательству», какъ говоритъ программа с.-р., и все-таки—по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ «буржуазнаго строя»—«нужна голова», которая держала бы общій планъ и не давала бы частностямъ расползаться, куда зря. Назовите эту «голову» президентомъ, завѣдующимъ хозяйственною частью, представителемъ исполнительной власти, управляющимъ, приказчикомъ, «старшимъ писаремъ»,—но все-таки это должна быть одна голова, одно лицо и, дѣйствительно, «хоть ты его выбери, хоть роди», а безъ него не обойдешься.

Казалось бы, далѣе, что выводъ изъ разговора съ пріятелями совершенно ясенъ. Разъ я сторонникъ республики, то отъ слова: «республика» надо совершенно отказаться, ибо оно убиваетъ всякую возможность понять другъ друга. Какъ и почему мои пріятели «распублику» произвели отъ «распутства», откуда взялось столь неожиданное словопроизводство.—вопросъ другой. Но фактъ, во всякомъ случаѣ, необходимо признать, и съ нимъ—считаться. И въ качествѣ сторонника республики, вынужденнаго отказаться отъ научнаго термина, я долженъ бы заговорить по существу,—почему законодательная власть должна принадлежать только народу, почему высшая исполнительная власть должна быть подзаконною, почему необходимо сосредоточить ее въ «одной головѣ», и почему эту «голову» лучше «выбирать», а не «родить», и какъ лучше выбирать: пожизненно ли, какъ было въ Польшѣ, или на срокъ, какъ въ Швейцаріи, всенароднымъ голосованіемъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, или голосованіемъ палатъ, какъ во Франціи, и т. д., и т. д. И только послѣ такихъ разговоровъ по существу я бы имѣлъ право судить, есть между нами разногласіе, или нѣтъ,

дѣйствительно ли сильны «монархическія преданія», или никакой связи не имѣютъ. На дѣлѣ же вышло, что разговоръ былъ вовсе неудачный, никакихъ принципіальныхъ разногласій на немъ не обнаружилось, однако я почему-то поторопился вообразить эти разногласія, насильственно и смѣло придать чужимъ словамъ такой смыслъ, какого они, быть можетъ, вовсе не имѣли. Повторяю, удивительное заблужденіе столь удивительное, что теперь, на разстояніи 15—16 лѣтъ отъ бесѣды съ пріятелями-мѣщанами, приходившими ко мнѣ «послушать книжку», я самъ не умѣю хорошо разобраться, какъ оно сложилось.

И вотъ еще что удивительно. Съ отроческихъ лѣтъ мнѣ, какъ и всякому русскому интеллигенту, приходилось слышать, будто «нашъ народъ «живетъ» только «православіемъ да самодержавіемъ»: это, молъ твердыни его души. И съ отроческихъ лѣтъ я привыкъ на такую опись «твердынь русской простонародной души» отвѣчать улыбкой. Давно уже для меня теоретически не составляетъ секрета, сколь мало эта «опись» соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Но на практикѣ случалось какъ-то такъ: когда простонародье заговаривало со мною о «Богѣ», я тотчасъ же подозрѣвалъ, что рѣчь идетъ о православіи, и даже не просто о православіи, а о «синодской вѣрѣ», догматы которой излагаются въ «уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи». Получалось все-таки, что «народъ» меня подозрѣваетъ въ отсутствіи «истинной вѣры», а я въ томъ же самомъ подозрѣваю народъ. И, повторяю, лишь послѣ долгихъ огорченій для меня лично стало понятно, въ чемъ секретъ.

То же въ сущности происходило и съ «самодержавіемъ».

«Мужикъ», не знающій меня, какъ-то инстинктивно подозрѣвалъ, что я, въ качествѣ барина, навѣрное «безбожникъ», а, въ качествѣ «безбожника», навѣрное, замышляю устроить всеобщую «распублику», дабы мнѣ совсѣмъ легко и удобно стало грабить, насильничать и распутничать. И когда «мужикъ», желая выяснить, кто я, спрашивалъ «насчетъ царя», я немедленно подозрѣвалъ приверженность «самодержавію», «самодержавію», какъ я его понимаю, монументально увѣковѣченному Корійской каторгой, Петропавловской крѣпостью, Шлиссельбургскимъ каменнымъ мѣшкомъ и юридически сформленному авторами «положенія» объ усиленной и чрезвычайной охранѣ. Насмѣшливыя улыбки въ отвѣтъ на «клятвы», будто народъ преданъ самодержавію, какъ-то умѣли уживаться рядомъ съ подозрѣніемъ:

— А, пожалуй, и дѣйствительно преданъ...

Вездѣ среди простонародья, встрѣчая смѣшеніе «распублики» съ «распутствомъ», я постепенно охладѣлъ къ слову «республика» и даже отучился употреблять его. На митингахъ, напр., оно мнѣ стало казаться слишкомъ книжнымъ, стоящимъ слишкомъ внѣ русской дѣйствительности. Но, и охладѣвши къ слову, я долго не

могъ отучиться отъ привычки противополагать ему «монархическія преданія».

Помню, разъ въ Донской области пришлось мнѣ разговаривать съ однимъ казакомъ. Какъ извѣстно, въ умѣ рядового казака «Донъ—особь статья», а «Россія—особь статья», и при томъ «статья» чужая, и даже порою враждебная. Собесѣдникъ мой оказался ярымъ «руссофобомъ».

— Хоть и изъ Россіи вы—говорилъ онъ мнѣ,—а прямо вамъ скажу,—обижаетъ насъ ваша Россія. Въ старину-то у насъ на все войско свой атаманъ былъ, мы его выбирали. А нынче его изъ Россіи присылаютъ. Посадитъ намъ его Россія на шею, вотъ и вози. Опять же и то возьми. Чей былъ царь надъ Россіей? Нашъ, донской *). Мы его поставляли. Нашъ былъ выборъ. А теперь вы насъ и отъ этого дѣла отстерли. Сами себѣ царя выбираете, а мы только послушаніе должны оказывать...

— Позвольте, да мы вовсе не выбираемъ...

— Не вы, такъ сенаторы ваши... Все едино. Главное, что насъ-то вы отъ этого дѣла совсѣмъ оттерли...

Мнѣ захотѣлось объяснить, что царь въ Россіи не выборный. И какъ-то сорвалась съ языка совершенно не подходящая фраза: «Дѣйствительно, молъ, у васъ на Дону встарину были республиканскіе порядки»... Мой собесѣдникъ при словѣ: «республиканскіе», страшно обидѣлся и круто оборвалъ разговоръ:

— Неправда, никогда этого не было. Завсегда казаки по людски жили... Нечего зря языкомъ болтать...

И то, что онъ обидѣлся на слово: «республика», мнѣ опять таки показалось признакомъ, что «монархическія преданія» живненны и сильны, хотя общій тонъ разговора не давалъ права дѣлать этотъ выводъ.

Припоминаю еще одинъ разговоръ со старикомъ богомольцемъ. Было это въ Бѣлобережскомъ монастырѣ, Орловской губ. Спать въ монастырской гостиницѣ, душной, грязной, переполненной паразитами, не было никакой возможности. И мы коротали теплую іюль-

*) Богъ вѣсть откуда это взялось, но на Дону вообще есть глухое преданіе, будто „царь въ Россіи нашъ, донской". По крайней мѣрѣ, мнѣ лично не разъ приходилось съ этимъ удивительнымъ мнѣніемъ сталкиваться. Священникъ окружной Константиновской станицы о. Алексѣй Бобыревъ объяснялъ мнѣ, что такое преданіе сохранилось, какъ отголосокъ „смутнаго времени". Но, конечно, это не столько объясненіе, сколько догадка. Характерно, что обычное назначеніе наслѣдника атаманомъ казачьихъ войскъ мѣстами истолковывается, какъ уступка взамѣнъ когда-то бывшихъ, но отнятыхъ правъ „имѣть надъ Россіей своего царя". Пришлось мнѣ натолкнуться и на другой не менѣе характерный аргументъ. Какъ-то я сталъ доказывать, что никогда въ Россіи донского царя не было. Мнѣ насмѣшливо отвѣтили: „Да ужъ теперь надо говорить, что не было... А только отчего же это московскій царь Дмитріемъ *Донскимъ* прозывается? Ну-ка? отчего?.."

скую ночь на берегу рѣчки Снѣжети. Старикъ горько жаловался на судьбу-мачиху. И, дѣйствительно, его судьба оказалась ужъ слишкомъ злою мачихой, и всего злѣе она была, когда являлась въ образѣ начальства:

— А отчего все?—заключилъ старикъ свой разсказъ.—Оттого, что енералы взяли себѣ такое право—царя выбирать. А мы не при чемъ,—черный, значитъ, народъ. Вотъ оно и выходитъ: енераламъ—не житье, а масленица, а нашему брату—хоть ложись и умирай. Оттого главный безпорядокъ идетъ... Не знаю,—правда-ль, нѣтъ ли, а только, говорятъ, въ другихъ державахъ не такъ это дѣло поставлено...

— Да.—отвѣтилъ я,—не совсѣмъ такъ... Въ Америкѣ, дѣдушка, царя всѣмъ народомъ выбираютъ...

— Вотъ!—возбужденно подхватилъ онъ.—О чемъ же и я говорю?.. Кабы всѣмъ-то народомъ... Какъ можно!.. Совсѣмъ другой разговоръ...

— А во Франціи народъ сенаторовъ и депутатовъ выбираетъ, а сенаторы и депутаты—царя...

— Ну, что-жъ,—медленно проговорилъ онъ—и это бы ничего... Мы, значитъ, енараловъ выбираемъ, а енералы царя... Нѣтъ это бы ничего... Гдѣ говоришь, это? во Франціи?

— Да, во Франціи...

— И насколько жъ его тамъ выбираютъ?

— На семь лѣтъ... А если не хорошъ окажется, его можно смѣстить и новаго выбрать...

— Ишь! Ловкій народъ... Французы-то... Брешутъ, значитъ, будто у нихъ нѣту ни Бога, ни царя, а есть одна распублика...

Каюсь, даже этого старика я заподозрѣлъ тогда въ преданности «монархическимъ традиціямъ». И заподозрѣлъ только потому, что онъ по-своему понимаетъ «республику», и что боязнь испугать его «страшными словами» заставила меня ужъ черезчуръ произвольно обращаться съ государственно-правовыми терминами и назвать президента республики царемъ.

Не къ тому веду, что вотъ, молъ, путемъ такихъ-то и такихъ-то личныхъ наблюденій я пришелъ къ мысли, что въ Россіи среди большинства народной массы нѣтъ «монархическихъ преданій». Столь опредѣленное, конкретно выраженное положеніе я не рѣшился бы ни оспаривать, ни защищать. На основаніи моихъ личныхъ наблюденій я считаю себя въ правѣ сдѣлать болѣе общій выводъ:

Народъ, съ которымъ меня сталкивала судьба, сплошь оказывался «государственникомъ». Въ немъ крѣпка идея государственности, и онъ дорожитъ этой идеей. Распаденіе государства, въ глазахъ того народа, котораго я наблюдалъ, было бы большимъ несчастьемъ. Этотъ народъ не мыслитъ государства «безъ головы», въ которой сосредоточенъ общій планъ управленія. Эту «голову», представленную непремѣнно въ одномъ лицѣ и неизбѣжную въ го-

сударственномъ обиходѣ, онъ называетъ царемъ. И въ этомъ смыслѣ готовъ неизмѣнно повторять свое «правило»: «царство безъ царя не стоитъ»...

Насчетъ же «монархическихъ преданій» и всего прочаго, что примыкаетъ къ этому «вопросу», я лично все больше и больше прихожу къ мысли:

Мы не только ничего не знаемъ, но хуже того, — мы не стараемся что-либо узнать.

Право же, картина получается единственною, въ своемъ родѣ. Выходитъ такъ. Есть въ Россіи много милліоновъ темныхъ и безпомощныхъ людей, и есть не мало тысячъ самоотверженныхъ героевъ, готовыхъ просвѣтить, помочь, и до того милыхъ и скромныхъ, что они даже не замѣчаютъ собственнаго геройства. И тѣ, и другіе— и безпомощные, и готовые помочь— говорятъ, какъ будто, на одномъ и томъ же языкѣ. Слова звучатъ одинаково, пишутся одними и тѣми же буквами. Но обѣ стороны словно не замѣчаютъ, что онѣ въ сущности говорятъ на разныхъ языкахъ и, не замѣчая этого, никакъ не могутъ понять, въ чемъ дѣло, и порою сердятся другъ на друга.

Въ прошломъ, 1905 году всероссійскую извѣстность пріобрѣла фраза какого московскаго купца, который сурово закричалъ на оратора, упомянувшаго о конституціи:

— Не смѣй про конституцію, а что царь долженъ быть выборный,—это вѣрно.

Надъ терминологіей московскаго «противника конституціи» много смѣялись. Но она не только смѣшна. Вѣдь въ ней прорвалась наружу изъ подпочвенныхъ глубинъ цѣлая полоса своеобразныхъ народныхъ представленій, что царь и теперь выборный, и что иначе, дескать, нельзя, а если и бываетъ иначе, то это неправильно. Эта жила подъ почвой есть. И не я одинъ находилъ ее. Но учтена ли она? Взвѣшена ли?

Въ нынѣшнемъ, 1906 году, особенно лѣтомъ, отовсюду приходилось слышать: «народовластіе пріемлется полностью, а царя, кричатъ, не тронь». Однихъ это обезкураживало (увы, молъ, монархическая идея), другихъ радовало (вотъ, молъ, какъ нашъ народъ,—горой за царя). Не было лишь ни справа, ни слѣва простого и, казалось бы, естественнаго желанія вникнуть, какъ слово «царь» въ этомъ случаѣ надо переводить на государственный языкъ. Терминомъ ли: «монархъ», или высшій представитель подзаконной власти? А вѣдь это основной вопросъ. И такъ какъ и правые, и лѣвые прошли мимо него, то въ деревенскихъ глубинахъ получается слѣдующее. Сначала пріѣзжаетъ земскій начальникъ и говоритъ:

— Соціалисты хотятъ царя уничтожить. Какъ же Россія безъ царя будетъ?..

И мужики разсуждаютъ: дѣйствительно, нельзя государству безъ головы быть, а только и намъ тожъ нельзя безъ всякихъ правовъ

жить; выпишемъ соціалиста—можетъ, онъ намъ скажетъ, какъ права добыть. Выписываютъ соціалиста. Этотъ объясняетъ, какъ добыть права, но говоритъ, что государство надо оставить безъ головы и завести во всемъ полный безпорядокъ, иначе именуемый «республикой»... И такимъ образомъ передъ безпомощными людьми выростаетъ фантастическая альтернатива: за земскимъ пойдешь—«безъ правовъ» останешься, за соціалистомъ пойдешь—«безъ головы» будешь. И стоитъ мужикъ растерянно, какъ сказочный богатырь на распутіи передъ «бѣлъ-горючъ камнемъ, на коемъ написано: прямо поѣдешь—живу не быть, вправо поѣдешь—головы не сносить»... Съ другой стороны, земскій радуется, что «мужички всетаки за царя постояли и соціалиста, о республикѣ упомянувшаго, выпроводили». А выпровоженный соціалистъ, хоть обезкураженъ до крайности, но тоже констатируетъ: какъ бы тамъ ни было, но народовластіе деревнѣ нравится. Въ сущности же, и мужикъ, и начальникъ, и соціалистъ, какъ мнѣ кажется, витаютъ въ области фантасмогорій. По моему мнѣнію, мужикъ всего чаще просто не понимаетъ ни начальническаго «царя», ни соціалистической «республики», начальникъ и соціалистъ, обыкновенно, не понимаютъ мужицкаго «царя». И каждый думаетъ не о томъ, что есть, а о томъ что ему кажется.

«Смѣшались языки, перестали люди понимать другъ друга и разошлись въ разныя стороны»,—такъ гласитъ старинное библейское преданіе о «башнѣ вавилонской». Не повторяется ли теперь въ Россіи около лозунга «республика» живописуемая Библіей «исторія» вавилонскаго столпотворенія?

А. Петрищевъ.

Новыя книги.

Стихотворенія А. Н. Плещеева. 4-е дополненное изданіе. Спб. 1906. Ц. 4 руб.

Въ ряду второстепенныхъ русскихъ лириковъ Плещеевъ занимаетъ видное и почетное мѣсто. Его поэзія не блещетъ яркими незабываемыми образами, не волнуетъ сердецъ могучими боевыми призывами; форма ея плѣняетъ простотою, чуждой всякихъ претензій, а содержаніе — навѣваетъ тихое и кроткое раздумье, охватываетъ душу какой-то умиротворяющей меланхоліей. Благодушіе—главная черта Плещеева, характеризующая его не только подъ старость, но и въ молодые годы, когда изъ-подъ пера его выходили стихотворенія, полныя боевой отваги, въ родѣ знаме-

нитаго «Впередъ безъ страха и сомнѣнья»... Въ этомъ «революціонномъ» гимнѣ 40-хъ годовъ поэтъ приглашалъ современную ему молодежь сплотиться «подъ знаменемъ науки», карать «жрецовъ грѣха и лжи глаголомъ истины» (увы, не очень-то страшнымъ для нихъ оружіемъ!), «провозглашать любви ученья» не только нищимъ, но и «богачамъ» и, въ концѣ концовъ, «простить озлобленнымъ врагамъ». Жизнь скоро показала мягкодушному поэту всю наивность его мечтаній: тюрьма, смертный приговоръ, ссылка и солдатчина были ему наградой за проповѣдь «любви»... Но и послѣ того онъ не озлобился и не ожесточился сердцемъ. Нѣтъ, онъ, какъ будто дѣйствительно, простилъ врагамъ и до конца продолжалъ пѣть свои кроткія, умиротворяющія пѣсни. И когда порой негодованіе зажигало и его душу, онъ, казалось, удивлялся ему и спрашивалъ себя:

...отчего
Вдругъ на моихъ поблекнувшихъ ланитахъ
Румянецъ вспыхнулъ жгучаго стыда?
... Когда о нагломъ ликованьи,
О торжествѣ неправды слышу я,
Зачѣмъ во мнѣ кипитъ огонь негодованья,
И злобы такъ полна душа моя?

Особенно характерно въ этомъ отношеніи стихотвореніе «Жаль мнѣ тѣхъ, чья гибнетъ сила». Поэтъ жалѣетъ погибшихъ борцовъ за идею, жалѣетъ тѣхъ, кто, не въ силахъ донести до конца крестъ борьбы, остановился на полпути и, съ грустью склонивъ голову, благословляетъ въ душѣ «честно гибнущихъ въ бою». Но когда доходитъ очередь до тѣхъ Іудъ, которые

Честной мысли измѣнили
Братьевъ продали своихъ,—

гуманная муза Плещеева оказывается не въ состояніи непосредственно отъ себя бросить въ нихъ камнемъ презрѣнія и осуждаетъ ихъ лишь косвенно:

Эта дышущая злобой
И предательская рать
Будетъ ненависть до гроба
Въ честныхъ душахъ пробуждать!

Боевые мотивы Плещеева — полны общихъ мѣстъ, туманныхъ возгласовъ о «правдѣ», «истинѣ», «чести» и т. п., и причина этой туманности далеко не одни лишь цензурныя условія эпохи (Некрасовъ писалъ въ тѣхъ же условіяхъ): нѣтъ, это коренное свойство благодушной и нѣсколько расплывчатой природы поэта. Но искреннее чувство, одушевляющее эти «общія мѣста», спасало и до сихъ поръ спасаетъ ихъ отъ равнодушія и забвенія читателей; чуткая молодежь, улавливая сразу эту искренность, вклады-

ваетъ въ туманные призывы Плещеева свое собственное содержаніе, и они пользуются до сихъ поръ ея неизмѣнными симпатіями.

Муза Плещеева и, быть можетъ, еще больше его личное вліяніе воспитали другого поэта-идеалиста, слава котораго вскорѣ затмила его славу, но въ стихахъ котораго (особенно перваго періода) такъ отчетливо слышится благодушно восторженный тонъ плещеевской поэзіи. С. Я. Надсонъ, несомнѣнно, былъ прямымъ его ученикомъ и наслѣдникомъ, хотя утвержденіе автора біографич. очерка Плещеева, будто молодой поэтъ «*всецѣло* былъ обязанъ А. Н. Плещееву значительной долей своей *извѣстности*»,—мы и находимъ страннымъ.

Несмотря на высокую цѣну (4 р.), стихотворенія Плещеева выходятъ уже четвертымъ изданіемъ. Это огромный томъ въ 800 слишкомъ страницъ, распадающійся на три главныхъ отдѣла: оригинальныхъ стихотвореній, дѣтскихъ и переводныхъ—изъ 50 слишкомъ иностранныхъ авторовъ.

Лишнее говорить о достоинствахъ стихотвореній Плещеева для дѣтскаго возраста: они фигурируютъ во всѣхъ хрестоматіяхъ и пользуются неизмѣнной любовью маленькихъ читателей. Какъ переводчикъ, Плещеевъ также головою выше большинства русскихъ поэтовъ, переводившихъ иностранныхъ собратьевъ, и по красотѣ стиха, по близости къ духу подлинника уступаетъ, быть можетъ, только Жуковскому и Михайлову. Особенно замѣчательны, на нашъ взглядъ, его переводы изъ Гейне.

Эмиль Верхарнъ. 1) **Стихи о современности** въ переводѣ Валерія Брюсова. Москва. 1906. Книгоизд. „Скорпіонъ". 128 стр. Цѣна 1р. 30 к. (Съ портретомъ Верхарна). 2) **Зори.** Пьеса въ четырехъ актахъ. Переводъ Георгія Чулкова (XI сборникъ „Знанія").

Верхарнъ самъ даетъ общій абрисъ свой, какъ поэта, обращаясь («Въ вечерній часъ») къ будущему читателю, который «въ невѣдомыхъ вѣкахъ» захотѣлъ бы по его забытымъ книгамъ понять желанья и надежды «нашихъ дней»:

О пусть онъ вѣдаетъ, съ какимъ восторгомъ я,
Сквозь ярость и мятежъ, борьбы внимая кличу,
Бросался въ бой страстей и въ буйство бытія,
Чтобъ вынести изъ мукъ—Любовь, свою добычу!

Вотъ общее настроеніе поэта съ характерной для него гармоніей интересовъ личности и человѣческаго коллектива:

Люблю свой острый мозгъ, огонь своихъ очей,
Стукъ сердца своего и кровь своихъ артерій,
Люблю себя и міръ, хочу природѣ всей,
И человѣчеству отдаться въ полной мѣрѣ!

Для Верхарна «жить: это, *взявъ*, отдать съ весельемъ жизнь свою», когда это понадобится. Отрицательныя стороны современной

жизни-свалки его не пугаютъ: жизнь все ассимилируетъ: «паденье и полетъ, величье и позоръ». Отъ человѣка требуется одно лишь: никогда не останавливаться и всегда искать:

О только бъ, кругозоръ смѣнивъ на кругозоръ,
Всегда готовымъ быть на новыя исканья!

—вотъ все, что нужно для увѣренности, что человѣчество идетъ къ веснѣ—невѣдомой веснѣ человѣчества. И несомнѣнно, что лучшія мѣста въ сборникѣ «Стиховъ», это—гимны невѣдомой веснѣ и Силѣ, ее создающей. Борьба за «весну» представляется Верхарну жестокой и кровавой, но въ то же время и обаятельной по своей грозной красотѣ и справедливости.

Возставшая за себя масса—герой его двухъ стихотвореній: «Возстанія» и «Мятежа». И въ томъ, и въ другомъ («Возстаніе», кажется, уже трижды переведено на русскій языкъ) Верхарнъ пламенный поэтъ «великой ярости» массъ, возставшихъ на защиту своихъ поруганныхъ правъ:

Ярость великая, съ пламеннымъ ликомъ,
Съ радостнымъ крикомъ,
Съ кровью бушующей въ жилахъ
Встала на грудѣ камней.
Все она можетъ! Все она въ силахъ!
Одно лишь мгновенье
Дастъ болѣе ей,
Чѣмъ цѣлыхъ вѣковъ тяготѣнье.
Все, что мечталось когда-то,
Что въ геніи, въ пѣснѣ крылатой,
Провидѣли въ темной дали,
Что въ душѣ, какъ сѣвъ, западало,
Чѣмъ души, какъ травы, цвѣли,
Все встало,
Въ мигѣ, смѣшавшемъ, какъ сплавъ:
Ненависть, силу, сознаніе правъ.

Никакихъ сомнѣній насчетъ конечнаго торжества обездоленной массы у автора «Стиховъ» нѣтъ:

Сегодня всему наступила пора,
Что бредомъ казалось вчера

Впрочемъ, даже если бы этой прочной увѣренности у бельгійскаго поэта не существовало, это наврядъ ли измѣнило бы его основное настроеніе. Для него суть жизни въ томъ, чтобы

Пряжу для жизни ликующей прясть
Иль жертвой строительной пасть!
Умирая,—творить, обновлять.
Убивая, твори, обновляй
Иль пади и умри!
Открой или руки о двери сломай...

И значитъ никакого выбора по существу нѣтъ: открыть, если придется, или руки сломать, если двери будутъ крѣпче рукъ.

Рядомъ съ яркими, ясными стихами въ родѣ указанныхъ, въ сборникѣ есть (и ихъ даже больше) такіе, наслажденіе отъ которыхъ опредѣляется гораздо больше сознаніемъ, что Верхарнъ новаторъ въ искусствѣ. Чуть вы забудете объ этомъ, забудете о томъ, что въ этихъ «Стихахъ» Верхарна вы имѣете дѣло съ новыми путями въ поэзіи, и станете искать только власти художника надъ вашимъ настроеніемъ, надъ вашимъ чувствомъ, вы принуждены будете закрыть Верхарна съ чувствомъ несомнѣннаго разочарованія. Онъ васъ не захватитъ, и даже покажется скучнымъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ «Стихахъ» именно это служитъ Верхарну крупную службу (относительную, конечно). Таково стихотвореніе: «Женщина на перекресткѣ». Длинное стихотвореніе съ непонятными строфами въ родѣ:

— Да! я вонзающая зубы!
Понявъ погибельность свою,
Какъ знакъ конца кладу я губы...
Я погибаю иль гублю!

создаетъ настроеніе какого-то недоумѣвающаго, тоскливаго ожиданія. Кого-то ждетъ на перекресткѣ женщина въ черномъ—изъ тѣхъ, что «ежечасно готовы къ ласкамъ», изъ тѣхъ, что «прекрасны и всенародны, какъ смерть». Ждетъ и читатель, когда же, наконецъ, передъ нимъ окажется послѣдняя строфа этой скучной сочиненной вещи. И вдругъ послѣдняя строфа, самая послѣдняя строка, остро бьетъ въ сознаніе читателя: женщина въ черномъ на перекресткѣ ждетъ

Того, чей окровавленъ ножъ.

Ей доставляетъ наслажденіе мысль, что она дастъ наслажденіе *убійцѣ*. Кого онъ убилъ, ей это все равно. Люди и покупатели ея тѣла для нея простые синонимы:

Мое имъ сладко отвращенье
Къ ихъ ласкамъ и къ презрѣнью ихъ.

И этотъ убійца, тоже покупатель ея тѣла, но онъ кого-то убилъ, т. е. кому-то за нее отмстилъ... Неожиданное впечатлѣніе отъ послѣдней строки безспорно яркое; имъ въ извѣстной мѣрѣ искупается утомленіе отъ нѣсколькихъ десятковъ предыдущихъ стиховъ, по прежнему остающихся темными въ родѣ вышеприведенныхъ четырехъ строфъ или одного изъ вопросовъ женщины въ черномъ, обращеннаго къ кому-то на перекресткѣ: о томъ, не въ просторы ли набата она кидаетъ свои волосы?

Среди «Стиховъ о современности» имѣется и сонетъ Верхарна

о свиньяхъ («Свиньи»). Не о символическихъ, а о самыхъ подлинныхъ, которыя

... близь помойныхъ ямъ, лучами озаренныхъ,
. . . . . .
Мочились, хвостъ завивъ, уставивъ ноги въ грязь,

а въ ноябрѣ, когда ихъ зарѣзали, оказались очень жирными:

Изъ ихъ большихъ задовъ само сочилось сало.

Если бы издатели дали *обширный* сборникъ стихотвореній Верхарна, помѣщеніе этого сонета, въ интересахъ равномѣрнаго освѣщенія творчества Верхарна, какъ поэта недѣлимой жизни, не знающаго раздѣленія сюжетовъ на поэтичные и непоэтичные, имѣло бы смыслъ и оправданіе. Но переводчикъ и издатели дали маленькій сборникъ, имѣющій цѣлью лишь *познакомить* русскаго читателя съ Верхарномъ, и естественно, что «Свиньи» заняли въ сборникѣ непропорціонально значительное мѣсто, являясь чѣмъ-то такимъ, на чемъ основана репутація Верхарна, какъ «великаго поэта природы», по отзыву переводчика... Въ добавокъ «Свиньи» помѣщены въ отдѣлѣ «Видѣній (?) по пути», при чемъ всѣ—«и самки и самцы»—оказываются съ «молочными, отвислыми сосцами».

Въ предисловіи къ своему сборнику переводчикъ считаетъ необходимымъ оговориться, что «Стихи» оставляютъ въ сторонѣ Верхарна, «какъ... мыслителя, какъ чистаго лирика и какъ драматурга». Этотъ пробѣлъ отчасти пополненъ переведенною г. Чулковымъ пьесой безъ быта «Зори» (XI сборникъ «Знанія»). Здѣсь Верхарнъ выступаетъ въ сложномъ замыслѣ не только лирика, но и живописца будущей соціальной революціи, ея вѣрованій, ея надеждъ и психологіи. Въ драмѣ читатель присутствуетъ «въ невѣдомыхъ вѣкахъ» при великомъ переломѣ въ будущей исторіи, когда двѣ воевавшихъ націи (безъ именъ), «одна—отказалась отъ побѣды, а другая—отъ своей оскорбленной гордости, и обѣ слились въ объятіе». Въ изображеніи Верхарна, офицеръ, принадлежащій къ составу отказавшейся отъ побѣды непріятельской арміи, говоритъ: «Если родина прекрасна, мила сердцу и незабвенна, то нація, вооруженная *границами*, ужасна и отвратительна». Исходя изъ этого лозунга, обѣ арміи, вопреки волѣ высшихъ начальниковъ, вступили въ тайные переговоры, закончившіеся сдачей столицы бывшимъ врагамъ, которые приходятъ въ нее за тѣмъ, чтобы объявить, что отнынѣ побѣдителей нѣтъ и кровавой борьбы между людьми—людьми сказано: нѣтъ! Главный виновникъ всего происшедшаго, трибунъ Эреньенъ, падаетъ жертвой примиренія: онъ убитъ въ моментъ торжества кѣмъ-то изъ фанатичныхъ приверженцевъ стараго. Трупъ убитаго приносятъ на Площадь Народовъ и кладутъ въ виду статуи Правительства, которое онъ низвергъ, и среди общихъ криковъ ненависти къ власти, которая «слопала

насъ», какъ кричитъ Нѣкто изъ деревни, которая «обезчестила насъ», какъ кричитъ Нѣкто изъ города, которая была «смертью» и «преступленіемъ»,—статуя подвергается разрушенію. Кто-то изъ пророковъ (въ пьесѣ ихъ два: городской пророкъ и деревенскій пророкъ) возглашаетъ: «Пусть нынѣ занимаются Зори!»—и этими словами заканчивается драма.—Передавая такимъ образомъ *только* содержаніе «Зорь», передаешь по существу все необходимое, что имѣлъ въ виду авторъ. Люди въ «Зоряхъ» нужны не сами по себѣ, а только ради того, что они говорятъ. Почти въ такой мѣрѣ они и разработаны. Тѣмъ не менѣе пьеса производитъ энергичное впечатлѣніе: толпа со своимъ перемѣнчивымъ настроеніемъ вездѣ жива и правдива, а центральныя фигуры трибуна Эреньена и брата его жены, Эно, эти два различныхъ по характеру бойца, хотя и не разъяснены, какъ психологическія единицы, но облечены въ подлинную плоть и кровь бойцовъ.

Д. Раттаузъ. Полное собраніе стихотвореній. Изд. т-ва Вольфъ. Спб. и М. 185+IV и 232+IV стр. Ц. 3 р.

Много лѣтъ назадъ Достоевскій, полемизируя съ утилитарными воззрѣніями Добролюбова на роль искусства, сочинилъ гипотетическую притчу о томъ, какъ на другой день послѣ лиссабонскаго землетрясенія въ мѣстномъ лиссабонскомъ «Меркуріи» появляется стихотвореніе въ родѣ: «Шепотъ, робкое дыханіе, трели соловья». Взбѣшенные лиссабонцы, разумѣется, растерзали бы своего поэта. Но такъ какъ стихотвореніе всетаки могло быть великолѣпно, то черезъ полъ-вѣка лиссабонцы раскаялись и поставили памятникъ своему поэту. Этимъ аргументомъ Достоевскій защищалъ искусство. «Виновато было не искусство, а поэтъ, злупотребившій искусствомъ въ ту минуту, когда было не до него. Онъ пѣлъ и плясалъ у гроба мертвеца... Это, конечно, было очень не хорошо и чрезвычайно глупо съ его стороны; но виноватъ опять-таки онъ, а не искусство».

Эти основательные афоризмы поборника чистаго искусства умѣстно вспомнить въ наши дни. Мы переживаемъ, можно сказать, перманентное лиссабонское землетрясеніе. Мало того: потрясающія событія, въ атмосферѣ которыхъ мы живемъ, должны вызывать тѣмъ большую бурю скорби и гнѣва, что они созданы не безучастной игрой стихій, а злой волей людей. Какую анестезированную душу надо имѣть для того, чтобы остаться со всѣмъ своимъ творчествомъ въ сторонѣ, чтобы отозваться на всѣ эти ужасы лирикой соловьиныхъ трелей. Мы имѣемъ въ виду, разумѣется, не точку зрѣнія моральнаго суда, но интересы творчества: чѣмъ, кромѣ безвкуснаго и ненужнаго воробьинаго чириканья, можетъ отозваться даже на свои, личныя переживанія мысль, не потрясаемая этимъ общественнымъ ураганомъ?

У насъ нѣтъ болѣе опредѣленнаго представителя этой чирикающей лирики, чѣмъ г. Ратгаузъ, выпѣ собравшій всѣ свои стихотворенія въ двухъ красиво напечатанныхъ томахъ, къ которымъ приложилъ свой портретъ. Портретъ этотъ изображаетъ невыносимо обыкновеннаго и щеголеватаго молодого человѣка и составляетъ превосходную иллюстрацію къ стихотвореніямъ. Да, разумѣется, именно такой международно-биржевой, лишенный всякой индивидуальной печати видъ долженъ имѣть создатель этихъ гладкихъ, тепловатыхъ, вылощенныхъ, умѣренныхъ и аккуратныхъ, самодовольныхъ и ненужныхъ стихотвореній. Кто прочелъ два—три, тотъ прочелъ всѣ: кто не читалъ ни одного, можетъ не жалѣть объ этомъ. Въ безличіи—индивидуальность г. Ратгауза, хотя онъ охотно бережетъ себя отъ вліянія всякихъ литературныхъ группъ: онъ не политикъ и не декадентъ, и оттого гордъ своимъ splendid isolation, не замѣчая банальности этой позы:

Я не хочу идти проторенной дорогой
Туда, гдѣ алтари мишурные горятъ,
Гдѣ жалкіе рабы богамъ толпы кадятъ
Съ завистливой тревогой.
Съ пѣвцами новыми мнѣ рядомъ не идти,
Я неба не сыщу въ ихъ пѣснопѣньяхъ новыхъ,
Мнѣ суждено брести по своему пути...

На эти претензіи давно отвѣтилъ Гете:

Das ist, wenn ich, recht verstand,
Ich bin ein Narr auf eigne Hand.

Извиняемся въ грубости формы, навязанной намъ великимъ поэтомъ, но не позволимъ себѣ вносить ограниченія въ его мысль.

Борисъ Зайцевъ. Разсказы. 1906. Изд-тво „Шиповникъ“, 92 стр. Цѣна 50 коп.

Сборникъ разсказовъ г. Зайцева, въ свое время обратившаго на себя вниманіе критики, позволяетъ читателю составить представленіе объ общемъ итогѣ его литературной дѣятельности. Вотъ очень характерный для творчества г. Зайцева отрывокъ (цѣлая главка) изъ его разсказа «Деревня», суммирующаго ежедневныя впечатлѣнія деревенскаго помѣщика.

„Такъ шумитъ осень въ деревнѣ. И уже ярко зеленѣетъ озимь, рождаются въ усадьбѣ новые обитатели: пестрый теленокъ, маленькій человѣчекъ, сынъ застольной кухарки, пара жеребятъ. Скоро зима. Крымовъ знаетъ это и ждетъ только снѣга, саннаго пути“.

Повторяемъ: это очень характерный для общаго тона разсказовъ г. Зайцева отрывокъ. Передъ читателемъ сборника все время мелькаютъ событія именно въ этомъ родѣ: осень, пестрый теленокъ,

маленькій человѣчекъ, пара жеребятъ и зима. И г. Зайцевъ знаетъ, что это такъ есть, такъ должно быть: въ этомъ и заключается его философія. Такъ же, какъ и Крымовъ, г. Зайцевъ въ этой пестротѣ «ощущаетъ одно, простое и великое, чему имени онъ не знаетъ, и что любитъ глубоко»—жизнь. Пусть это будетъ не что иное, какъ ощущеніе неудобной ѣзды по деревенской дорогѣ на станцію, подъ вой мятели. Въ этихъ звукахъ такъ же, какъ въ «медленномъ, тугомъ ходѣ мыслей» у своего спутника—кучера, которому *неудобно* сидѣть на облучкѣ: такъ же, какъ въ прикосновеніи грубой бараньей полости и въ скатанныхъ клубахъ шерсти на брюхѣ и бокахъ лошадей,—именно во всемъ этомъ и есть то «простое и великое», чему имени авторъ не знаетъ и что любитъ глубоко. Жизнь есть сумма мгновеній, и какъ сумма мгновеній, и должна быть изображаема. Это опредѣляетъ и конечное впечатлѣніе читателя. Какъ только сборникъ закрытъ, остается впечатлѣніе отъ кинематографическаго сеанса. Передъ вами промелькнулъ цѣлый рядъ картинъ. Тутъ было и важное и мелкое, и тяжелое и радостное, и сцены погромовъ и сцены любви, все это вы видѣли, всему этому вы были свидѣтелемъ, но все это только мелькало передъ вами и не давало ни глазу, ни *мысли* (г. Зайцевъ, вѣроятно, высоко цѣнитъ какъ разъ поэзію мысли) ни на чемъ остановиться. Но этого мало. Обязанность передавать всю полноту жизни не иначе, какъ короткими замѣтками и отдѣльными словами, заставляетъ автора заботиться о томъ, чтобы эти отдѣльныя фразы и слова были особенно выразительны и приспособлены. Отсюда цѣлый рядъ неологизмовъ въ родѣ заметюшки, рыка, дѣдья, дышанья, дыбить (пусть читатель самъ угадаетъ, что значатъ эти слова). Отсюда цѣлый рядъ забавныхъ эпитетовъ и сравненій, то странныхъ, то просто непонятныхъ. Особенно богатъ ими «Священникъ Кронидъ». Заглавіе, конечно, не правильное: главное въ разсказѣ не священникъ Кронидъ, а общій ландшафтъ, на которомъ одинаково красиво нанесены и природа, и батюшка, и корова, и падающій дождь, и праздничныя платья бабъ. Въ результатѣ одушевленные предметы совершенно сливаются съ неодушевленными, образуя нѣчто въ родѣ красиваго плаката, въ которомъ вниманіе читателя останавливаютъ только такія подробности, какъ то, что о. Кронидъ говоритъ «умными грудными звуками», а борода у него «ласковая» и, вѣроятно, такая же «добрая», какъ языкъ у равноцѣнной героини разсказа—коровы, по сосѣдству съ которой «вѣтрообразные» жеребята «передуваются съ мѣста на мѣсто». Это, впрочемъ, хоть мыслимо (условно, конечно), такъ же, какъ мыслимы, напримѣръ, «злыя» ребра у волковъ въ разсказѣ «Волки», или волосы, «обтекающіе» тѣло спящей женщины въ разсказѣ «Миѳъ». Мыслимо допустить больше: допустить внутренній смыслъ въ сравненіи только что упомянутой спящей женщины съ «свѣтло-солнечной рыбой, какихъ—по увѣренію самого автора—не бываетъ на самомъ дѣлѣ»; мыслимо допустить,

наконецъ, авторскую гипотезу, что эта женщина лежала въ постели подъ одѣяломъ—«въ розовомъ дыму!» Но какъ отнестись серьезно къ непостижимымъ указаніямъ автора о томъ, что у его Карпыча глаза были «полны полевого вѣтра» («Священникъ Кронидъ»), а у «солдатообразнаго» кучера, съ которымъ ѣхалъ Крымовъ, «въ мозгахъ (было) свѣженахнущее дерево, стружки», и этимъ деревомъ, въ концѣ концовъ, запахнулся и самъ Крымовъ! Неужели же это можетъ быть искренно? Или серьезны и искренни такого рода мысли г. Зайцева о будущемъ человѣкѣ:

„Людямъ не зачѣмъ становиться безплотными духами,—наоборотъ, они будутъ одѣты роскошнымъ *плывучимъ* и нѣжнымъ тѣломъ... такое тѣло, Лисичка (имя „нѣжно-розовой" женщины), и *портиться-то не можетъ*. Оно будетъ какъ-то мягко *кипѣть*, *пѣниться* и вмѣсто смерти *таять*, а можетъ и таять не будетъ и умирать не будетъ („Миѳъ")."

Но вотъ рядомъ съ этими образчиками литературной causerie разсказъ «Мгла», въ которомъ авторъ отказался отъ обязанности быть интереснымъ кинематографомъ и далъ себѣ трудъ вглядѣться въ того, о комъ разсказываетъ. Разсказываетъ же онъ о человѣкѣ, который на охотѣ чувствуетъ себя только охотникомъ, которому во что бы то ни стало нужно поймать и даже терзать добычу. Какъ только началась удачная охота, разсказчикъ сейчасъ же почувствовалъ, что въ него вошла какая-то мгла, на подобіе той, которая висѣла вокругъ него въ морозномъ воздухѣ.

«Простымъ глазомъ видно было, какъ хлестнуло его (волка) по боку (выстрѣломъ), какъ мучительно онъ перекувырнулся, завертѣлся на мѣстѣ и всетаки рванулъ бѣжать... Я сжималъ всѣ мускулы въ себѣ, корчился отъ желанья схватить его, въ слѣпой ярости бросился за нимъ въ оврагъ, что-то кричалъ, какъ будто, себѣ въ оправданье... Въ горлѣ хрипѣло, пальцы хрустятъ, ротъ дергается и что-то безумное, сладострастно-жестокое владѣетъ мной; какъ будто, руки мои жаждали теплаго, трепещущаго мяса, „его" мяса, и я, не задумываясь, зарѣзалъ бы его, наносилъ бы ему безъ счета раны, только бы онъ былъ мой!»

Но вотъ волкъ добитъ. И душевная «мгла» такъ же точно разсѣялась невѣдомо, какъ и пришла. «Вспоминая нашу пустынную борьбу (съ волкомъ), тамъ, въ безлюдномъ полѣ, я не испытывалъ ни радости, ни жалости, ни страсти. Мнѣ не было жаль ни себя, ни волка»... «Но»—заканчиваетъ разсказчикъ—не было бы странно и то, если бы въ этой бездонной тьмѣ (наступившей зимней ночи) я увидѣлъ неподвижное лицо Вѣчной Ночи, съ грубо вырубленными, сдѣланными какъ изъ камня огромными глазами, въ которыхъ я прочелъ бы спокойное, величавое и равнодушное отчаяніе—за многогранность жизни и человѣческой души».

Любопытно, что въ «Мглѣ» нѣтъ *ничего похожаго* на словесныя виньетки и замысловатыя выдумки въ родѣ тѣхъ, что были указаны выше. Разсказъ интересенъ по тону, интересенъ по вну-

тренному освѣщенію, которое дается фабулѣ, интересенъ по формѣ и свидѣтельствуетъ, что г. Зайцевъ можетъ дать русской литературѣ нѣчто большее, чѣмъ остальныя демонстраціи литературнаго кинематографа, изъ которыхъ онъ составилъ свой сборникъ.

Д. Мережковскій. Воскресшіе боги. Изд. третье М. В. Пирожкова. Спб. 1906. 820 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Какъ и слѣдовало ожидать, наибольшій успѣхъ изъ произведеній г. Мережковскаго имѣло произведеніе наиболѣе слабое: его историческая трилогія. Г. Мережковскій долженъ былъ писать историческіе романы, не могъ ихъ не писать. Историческій романъ есть та форма, въ которой получала наибольшій просторъ склонность, чуть не опредѣляющая существо литературныхъ пріемовъ г. Мережковскаго: склонность къ необоснованному утвержденію. Въ критикѣ это отсутствіе доказательствъ неудобно: ихъ все-таки требуютъ. Г. Мережковскій пробовалъ обойти это требованіе: онъ объявлялъ предварительно, что его критика ничего не доказываетъ, она откровенно субъективна. Но такъ какъ отречься отъ природы человѣческаго мышленія было невозможно, такъ какъ доказывать все-таки приходилось, то положеніе получалось неблагопріятное: доводы приводились, но рискованныхъ выводовъ они поддержать не могли. И ни отъ себя, ни отъ другихъ нельзя было скрыть, что эти выводы суть не что иное, какъ неосновательныя гипотезы, иногда смѣлыя, иногда только бойкія, но всегда не доказанныя. Въ критикѣ, которая не сливается и не можетъ въ точности своихъ пріемовъ слиться съ наукой, такіе пріемы возможны; но, конечно, въ гораздо большей степени они употребительны въ историческомъ романѣ, который по существу есть гипотеза отказавшаяся отъ основаній. Вмѣсто того, чтобы, на основаніи исчерпывающаго изученія всей совокупности данныхъ, сказать то, что я думаю объ эпохѣ, я поступаю проще: беру тѣ изъ этихъ данныхъ, которыя мнѣ удобнѣе, комбинирую ихъ такъ, какъ мнѣ удобно, умалчиваю о тѣхъ, которыя мнѣ не удобны, присоединяю то, что мнѣ подсказала выдумка, и изъ этого создаю конкретные образы. Ихъ конкретность служитъ мнѣ защитой: если бы я въ историческомъ изслѣдованіи приписалъ итальянцу шестнадцатаго вѣка тотъ или иной поступокъ, то или иное свойство, отъ меня могутъ потребовать доказательствъ. Романъ спасаетъ отъ этого неудобства: можно всегда сказать, что мы имѣемъ дѣло не съ типичнымъ, а съ индивидуальнымъ; это не итальянецъ вообще, это Доменико, Джироламо, Франческо; поэтъ въ правѣ изобразить ихъ такъ, какъ онъ ихъ видитъ, въ правѣ посадить ихъ въ ту комнату, которой не видѣли они, но видѣлъ онъ, въ правѣ вложить въ ихъ уста цитаты изъ сочиненій ихъ эпохи, имъ, быть можетъ, неизвѣстныхъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, г. Мережковскій злоупотребилъ этимъ

правомъ. Оно и понятно: онъ такъ жаждалъ возможности быть увѣренно-безотвѣтственнымъ въ своемъ творчествѣ; здѣсь же къ этой заманчивой возможности присоединилась другая, не менѣе пріятная г. Мережковскому. Онъ вѣдь книжникъ по преимуществу. Книга всегда стояла между нимъ и міромъ, который онъ изображалъ не столько à travers le tempérament, сколько сквозь книжныя впечатлѣнія. Здѣсь живыхъ впечатлѣній отъ міра, подлежавшаго изображенію, не было совсѣмъ: были его реальныя древности, остатки его внѣшняго быта и—самое главное—книги: книги, оставленныя имъ и написанныя о немъ.

Книга душитъ въ романѣ о Леонардо да Винчи. Изъ всего романа, изъ разнообразнѣйшихъ разсказовъ о судьбахъ разнообразнѣйшихъ людей, изъ калейдескопа образовъ, то дѣйствительно существовавшихъ, то созданныхъ авторомъ, яснымъ, опредѣленнымъ и какъ бы символизирующимъ все содержаніе толстаго романа остается одинъ образъ: образъ г. Мережковскаго, дѣлающаго въ библіотекѣ выписки для того, чтобы эти выписки продуцировали, вспоминали или читали въ его романѣ Макіавелли или Александръ Борджіа, Лодовико Моро или Евгихій Гагара, Савонарола или ученики Гемиста Плетона. Добрый десятокъ страницъ занялъ бы, вѣроятно, одинъ списокъ произведеній, которыя непрерывно и неустанно, съ нуждой и безъ нужды, цитируются на страницахъ романа съ необычайной прихотливостью и разнообразіемъ. Здѣсь и древне-греческій гимнъ олимпійцамъ, и итальянская народная пѣсня, и «Красоты латинскаго языка» Джорджіо Мерулы, и церковныя пѣснопѣнія, и «Каталогъ всѣхъ блудницъ въ домахъ терпимости съ ихъ цѣнами», и сонетъ влюбленнаго епископа, и «Книга пророчествъ» Христофора Колумба, и проповѣди Савонаролы, и вѣдьмины заклинанія, и «Miles Gloriosus» Плавта, и карманный календарь Моро, и стихи Беллинчіони, и гасконская пѣсенка о Карлѣ VIII, и письмо герцогини Беатриче и «Mirabilia urbis Romae», и привилегія Максимиліана, и донесеніе венеціанскаго посла Марино Сануто, и объявленіе объ «огненномъ поединкѣ», и довѣрительныя грамоты послемъ при турецкомъ султанѣ. Надо напомнить, что Леонардо былъ незаконнорожденный—цитируется флорентинскій кадастръ; надо показать возмущеніе Джіованни Бельтраффіо—ему влагаютъ въ мысль цитаты изъ Апокалипсиса; письмо Цезаря къ Изабеллѣ Гонзага смѣняется сатирой на Александра VI, Іоаннъ Златоустъ Ефремомъ Сириномъ, булла объ учрежденіи духовной цензуры первой книгой Царствъ, сказаніе александрійскихъ огнепоклонниковъ «Новѣйшимъ Молотомъ Вѣдьмъ», русскіе «Измарагды» и «Златоструи» «Иконописнымъ подлинникомъ»—и такъ далѣе, и такъ далѣе, не считая, разумѣется, необъятнаго количества цитатъ изъ многочисленныхъ сочиненій самого Леонардо. Право, можно подумать, что люди этой эпохи не жили, а только цитировали, что словесностью всѣхъ родовъ была проникнута вся жизнь итальянцевъ XVI вѣка въ еще

дальней степени, чѣмъ жизнь ихъ изобразителя въ двадцатомъ. Если выбросить всю эту литературу да всѣ прибавленныя къ ней бытовыя и психологическія детали, отъ которыхъ невыносимо несетъ письменнымъ столомъ сочинителя, то отъ всего романа останется поразительно мало. Это Эберсъ, только безъ ученыхъ примѣчаній.

Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Выпускъ I. Москва. Изд. „Научнаго Слова". 1906. 243 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Названіе книги не кажется намъ удачнымъ. Силуэтъ ясенъ и лишенъ воздушной перспективы: онъ рѣзко выдѣляется на безразличномъ фонѣ и опредѣленно запечатлѣваетъ характерныя черты; оттого онъ легко запоминается, оттого онъ легко сбивается на карикатуру. Не таковы литературныя характеристики г. Айхенвальда. Менѣе всего свойственна имъ эта отчеканенная опредѣленность: онѣ мягки и какъ бы отдѣлены отъ насъ дымкой тумана. Въ этомъ туманѣ обликъ характеризуемаго писателя колеблется, получая большую сложность, чѣмъ ему могло сообщить сознательное искусство портретиста. Для этой настоящей сложности его палитра бѣдна; у него нѣтъ того богатства категорій, которое способно хоть отчасти уловить многообразіе жизненнаго явленія. Онъ охотно примѣняетъ иные пріемы, которые удаляютъ его литературные портреты отъ категоричности силуэта, но даютъ имъ привлекательныя краски, не очень живыя, но и не крикливыя. Эти портреты напоминаютъ иллюстраціи, которыми украшена книга г. Айхенвальда. Это фотографіи, наклеенныя въ текстѣ. Нѣтъ ни рамки, ни какой иной связи съ печатной страницей: надъ заглавіемъ или текстѣ просто приклеена миленькая, но блѣдненькая фотографія, изображающая писателя. Совершенно то же въ портретахъ, набросанныхъ г. Айхенвальдомъ: они безъ рамки, безъ связи съ окружающимъ міромъ, безъ исторіи, безъ перспективы; они какъ будто написаны не съ живыхъ людей, а съ ихъ восковыхъ изображеній: иногда вѣрно, но всегда мертво. Исторіи г. Айхенвальда какъ будто предпочитаетъ свой догматъ; особенно любитъ онъ разсужденіе о томъ, достигъ или не достигъ характеризуемый писатель нѣкоторой особенной высоты прозрѣнія, сущности которой, однако, авторъ не уясняетъ. Въ пассивѣ Крылову онъ ставитъ то, что «житейская мудрость не есть самое высокое и цѣнное въ мірѣ: то, что проникнуто ею, стелется по землѣ и не служитъ идеальнымъ запросамъ духа». «Удовлетворенность баснописца не есть то высшее просвѣтленное благоволеніе къ жизни, та человѣческая мудрость, которая побуждаетъ жить съ міромъ въ мирѣ, принять и благословить его: нѣтъ, Крыловъ доволенъ потому, что онъ не требователенъ. За то самъ онъ не удовлетворяетъ чужимъ требованіямъ, когда они идутъ за предѣлы неподражаемой формы и сверкающаго юмора». Здѣсь положительныя стороны творчества Крылова

конечно, умалены несправедливо. Но если бы это и было вѣрно, то позволительно спросить, какое значеніе имѣютъ эти неопредѣленныя «чужія»—дѣйствительно, чужія—требованія, обращенныя къ Крылову: «Будь, какъ Гете». Важно ли то, что Крыловъ не былъ Гете? Не безконечно ли важнѣе, что онъ былъ Крыловымъ? «Аксаковъ не поднялся на горныя вершины человѣческаго»; Гончаровъ въ сложной натурѣ «тонко подмѣтитъ и колоритно опишетъ то простое и внѣшнее, что въ ней есть,... но болѣе высокія проявленія ея духа не найдутъ себѣ съ его стороны искуснаго освѣщенія и чисто-художественной обработки»; Короленко тоже «ни разу не поднялся на торжественную и строгую вершину пушкинской неумолимости и простоты».

Это, конечно, очень удобная позиція: взять писателя и заявить, что онъ второй сортъ. Это удобно, потому что безспорно. Но если критика не есть выставленіе балловъ, а самостоятельное творчество, то г. Айхенвальду слѣдовало бы помнить, что всѣ эти безспорныя указанія на недосягаемыя вершины имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку ими уясняются эти вершины, поскольку ими конкретизируются высокія требованія. «Гетевская мудрость», «строгая вершина пушкинской неумолимости», «горныя вершины человѣческаго»—все это звучитъ очень хорошо, но не объясняетъ ничего, пока не наполнено конкретнымъ содержаніемъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ и не чувствуется этой опредѣленности, этой конкретности—она совсѣмъ не исключаетъ спорности,—тамъ совершенно не оправданными являются претензіи, съ которыми г. Айхенвальдъ державно поучаетъ писателей вещамъ, довольно общеизвѣстнымъ. По его указанію, напримѣръ, Короленко «не знаетъ, что нѣтъ событій страшнѣе внутреннихъ, которыя протекаютъ въ будничной обстановкѣ и совсѣмъ не требуютъ для себя декорацій чрезвычайныхъ». А г. Айхенвальдъ знаетъ—радуемся за него. Радуемся за него и тогда, когда онъ, не пытаясь сопоставлять писателей второстепенныхъ съ первоклассными въ уясненіе которыхъ онъ не внесъ ничего оригинальнаго—просто пытается передать настроенія и впечатлѣнія, порожденныя въ немъ ихъ творчествомъ. Напрасно только онъ передаетъ результаты своихъ читательскихъ размышленій въ стилѣ ораторски-приподнятомъ, съ вибраціей увлеченія въ голосѣ, съ осанкой благороднаго отца. Онъ знаетъ цѣну простотѣ, но не умѣетъ овладѣть ея тайной, ибо она требуетъ полнаго господства надъ матеріаломъ, а г. Айхенвальдъ чаще во власти своего словеснаго матеріала. Онъ не скажетъ «чарами» или «колдовствомъ», но «какой-то ворожбой проникъ ей въ сердце человѣкъ»; онъ не скажетъ «пахарь», но «оратай жизненнаго поля», не скажетъ «въ кругу», но «въ окруженіи своихъ родныхъ». Эта манерность раздражаетъ, потому что она характерна для всего творчества г. Айхенвальда. Онъ могъ бы обойтись безъ нея—и

этимъ сдѣлалъ бы болѣе привлекательной свою симпатичную портретную галлерею.

Проф. Брюкнеръ. Русская литература въ ея историческомъ развитіи. Переводъ съ нѣм. А. Г. Саввинскаго, подъ редакціей В. В. Битнера. Изд. «Вѣстника Знанія». Часть II. Спб. 1906. 180 стр.

Книга берлинскаго профессора имѣла въ Россіи «хорошую прессу»; къ ней отнеслись со всѣмъ вниманіемъ, которою заслуживала серьезная попытка образованнаго европейца познакомить нѣмцевъ съ судьбами русской литературы. Исторіи въ настоящемъ смыслѣ въ ней не много; она скорѣе представляетъ собой хронологическій по формѣ и критическій по содержанію vade-mecum для общаго обзора того, что подлежитъ непосредственному изученію. Европейскій читатель, знакомясь съ крупнымъ русскимъ писателемъ, никогда не знаетъ его мѣста въ литературѣ, его создавшей. Между нимъ и русскимъ писателемъ и такъ ужъ стоятъ непобѣдимыя преграды въ видѣ чужого языка, чужихъ бытовыхъ деталей, чужой психологіи. И писатель, воспринятый безъ всякаго знакомства съ окружающей его исторической обстановкой, внѣ связи съ литературнымъ движеніемъ, его несущимъ, получаетъ освѣщеніе подчасъ фантастическое, часто мертвенно-абстрактное.

Въ этихъ условіяхъ работа проф. Брюкнера могла вызвать въ русской критической литературѣ только благодарственный откликъ, и этимъ, быть можетъ, объясняются тѣ преувеличенія, которыя, на нашъ взглядъ, чувствовались въ похвальномъ отзывѣ профессора Алексѣя Н. Веселовскаго. Русскому читателю книга Брюкнера даетъ не много, и потому—вопреки указаніямъ нѣкоторыхъ критиковъ — не нуждалась въ переводѣ на русскій языкъ. Но эти указанія, разумѣется, не могли не соблазнить г. Битнера, который въ погонѣ за переводнымъ матеріаломъ для своихъ безчисленныхъ приложеній беретъ свое добро вездѣ, гдѣ оно ему доступно. И онъ представилъ книгу Брюкнера русскому читателю въ такомъ переводѣ, который можетъ самаго горячаго противника международныхъ литературныхъ конвенцій обратить въ ихъ сторонника.

Переводчикъ этой исторіи русской литературы съ нѣмецкаго языка не знаетъ двухъ вещей: во-первыхъ, русской литературы и, во-вторыхъ, нѣмецкаго языка. Кромѣ того, онъ лѣнивъ и, отлично понимая, что переведенныя на нѣмецкій языкъ цитаты надо въ русскомъ изданіи передавать подлинными словами русскаго писателя, не всегда желаетъ отыскать ихъ въ оригиналѣ. Поэтому, напримѣръ, стихотвореніе Вл. Соловьева читатель имѣетъ удовольствіе читать въ чудесномъ, по прозаическомъ переводѣ съ нѣмецкаго. Но это, конечно, только мелкій эпизодъ тамъ, гдѣ «за рубежомъ» Щедрина называется «по ту сторону границы», гдѣ упоминаются «Полинька Закъ» Дружинина и «Аммулатъ-Бей» Марлинскаго. По мнѣнію переводчика Репетиловъ у Грибоѣдова гово-

римъ «да, водевиль это дѣло, все другое пустяки», въ «Онѣгинѣ» говорится «Вороны опустились на церковный крестъ», у Гоголя есть фраза: «Ты крадешь не по чину». Упоминаются «московскія лекціи» («друзей исторіи»), которыя были пріостановлены за то, что осмѣлились отпечатать сочиненія Флетчера; должно догадаться, что это «Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ». Лейбъ-кампанцы называются «лейбъ-ротами», «дворянская хандра», «дворянской ипохондріей», «Угрюмъ-Бурчеевъ» оказывается «городскимъ головой» и т. п. Но гораздо своеобразнѣе тѣ нелѣпости, которыя вызваны весьма сомнительными отношеніями переводчика къ нѣмецкому языку. «Благодаря своему роду, послѣднему изъ линіи Рюрика», — разсказываетъ онъ о князѣ В. Ѳ. Одоевскомъ—«онъ принадлежалъ не только къ литературѣ, но и къ высшимъ кругамъ». Все это, конечно, чепуха. Въ подлинникѣ сказано, что Одоевскій былъ послѣднимъ въ своемъ родѣ, происходящемъ отъ Рюрика, и принадлежалъ къ высшему кругу не въ одной только литературѣ. Вопреки утвержденію переводчика, онъ совсѣмъ не «пользовался заслуженнымъ почетомъ за свою исторію русской музыки», ибо таковой не писалъ; онъ имѣетъ иныя заслуги передъ русской музыкой — и о нихъ напоминаетъ проф. Брюкнеръ. Какъ иностранецъ, онъ иногда впадаетъ въ мелкіе промахи, которые могъ бы исправить русскій переводъ, но переводчикъ предпочитаетъ присоединять къ нимъ свои нелѣпости. Такъ, когда Брюкнеръ, по ошибкѣ, называетъ словарь иностранныхъ словъ, составленный Петрашевскимъ, рукописнымъ, въ русскомъ переводѣ читаемъ: «Петрашевскій... составитель, понятно, русскаго (?) словаря». И такихъ извращеній сколько угодно. Брюкнеръ говоритъ объ уніатахъ, переводчикъ передаетъ, это «единовѣрные братья»; Тютчевъ назвалъ іудами поляковъ; переводчикъ говоритъ, что поэтъ «нашелъ слова Іуды предателя». О г. Амфитеатровѣ переводъ повѣствуетъ: «Въ одно прекрасное утро онъ былъ арестованъ и съ того времени пошелъ въ гору (Въ подлинникѣ verschollen, т. е. исчезъ съ горизонта)... И причина? Невинные фельетоны, первый особенно незначителенъ; второй и третій, которые сгубили «Россію» (Въ подлинникѣ — какъ и слѣдуетъ: «которыхъ «Россія» не напечатала»), были значительно язвительнѣе...» Это хоть перевранно, однако, понятно. Но представляемъ себѣ русскаго читателя, который прочтетъ, что по отношенію къ старикамъ Базаровымъ «салонная львица Одинцова и салонный левъ Кирсановъ только дождевики». Дождевики — какіе дождевики, г. Битнеръ? А очень просто. Въ подлинникѣ Boviste — грибы, которые по-русски дѣйствительно называются дождевиками. Въ періодѣ зрѣлости они лопаются и разлетаются—и эту особенность имѣетъ въ виду метафорическое значеніе, въ которомъ употребилъ ихъ названіе авторъ: по-русски слѣдовало сказать хотя бы «пустоцвѣтъ». Но переводчикъ увидалъ незнакомое слово, по-

лѣзъ въ словарь, нашелъ тамъ дождевиковъ и всадилъ ихъ въ свой переводъ. Еще бы! Онъ не понимаетъ даже простѣйшихъ оборотовъ и «Dobroljubow sollte Basarow sein» — т. е. «Базарова считали изображеніемъ Добролюбова»—переводитъ: «Добролюбовъ долженъ быть Базаровымъ». Кажется, довольно. Отмѣтимъ еще, что Островскій—по словамъ переводчика—«самаго значительнаго успѣха достигъ, когда поставилъ на сцену «Царство тьмы». Намъ неизвѣстна такая пьеса Островскаго, но г. Битнеръ нашелъ ее. Въ будущемъ году она — въ переводѣ съ заграничнаго — будетъ напечатана въ триста пятьдесятъ пятомъ приложеніи къ «Вѣстнику Знанія».

И. Лапшинъ. Законы мышленія и формы познанія. Спб. 1906. XII+327+93 стр. Ц. 2 р.

О каждой философской работѣ можно судить съ трехъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ, можно спрашивать, не даетъ ли эта работа новой системы философскихъ истинъ; во-вторыхъ, можно отвѣчать на вопросъ о томъ, какія улучшенія вноситъ эта работа въ одну изъ нынѣ уже существующихъ философскихъ системъ; наконецъ, можно разматривать критическія замѣчанія автора, направленныя противъ философскихъ системъ, конкуррирующихъ съ его міровоззрѣніемъ.

Но, конечно, прежде всего можно поставить вопросъ вообще о научныхъ достоинствахъ разсматриваемой работы, о научномъ цензѣ ея творца. Отвѣчать на этотъ послѣдній вопросъ по отношенію къ вышеозначенной книгѣ г-на Лапшина очень легко: книга обнаруживаетъ такую замѣчательную ученость автора, такую вдумчивость и стройность мышленія, что высокій научный цензъ ея автора стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Возвращаясь къ вышеотмѣченнымъ тремъ возможнымъ точкамъ зрѣнія, мы, прежде всего, можемъ констатировать, что г-нъ Лапшинъ не является творцомъ новой философской системы. Онъ является вполнѣ опредѣленнымъ кантіанцемъ, и вся цѣль его работы заключается въ томъ, чтобы внести нѣсколько больше порядка въ эту довольно-таки противорѣчивую систему.

Теорія познанія Канта, какъ извѣстно, является, такъ сказать, трехъ-этажномъ зданіемъ: внизу, въ непосредственномъ соприкосновеніи съ почвой «ощущеній», помѣщены «формы интуиціи» (пространство и время); второй этажъ занятъ «категоріями» (количество, качество и т. д.); третій—«законами мысли», какъ выраженіемъ «трансцендентальнаго единства апперцепціи». Законы мысли это -старые знаменитые законы логиковъ: законъ тожества, законъ противорѣчія и законъ исключеннаго третьяго. Положеніе этихъ законовъ въ теоріи познанія Канта и является предметомъ изслѣдованія нашего автора. Для кантіанцевъ это очень важный вопросъ, а между тѣмъ относительно него существуютъ значительныя

колебанія и неясности, какъ у самого Канта, такъ и у его послѣдователей. Приложимъ ли, напримѣръ, законъ противорѣчія, гласящій, что вещь не можетъ «быть и не быть въ одно и то же время», приложимъ ли этотъ законъ только къ «явленіямъ», или онъ имѣетъ значеніе также и для «вещей въ себѣ»? Очевидно, что такой или иной отвѣтъ на этотъ вопросъ имѣетъ огромное значеніе для кантизма; очевидно, также, что для отвѣта на этотъ вопросъ нужно, прежде всего, рѣшить, связаны ли неизбѣжно «законы мысли» съ «категоріями» и «формами интуиціи». Ибо, очевидно, если окажется, что «законы мысли» не имѣютъ смысла внѣ «категорій» и «формъ интуиціи», тогда мы неизбѣжно должны будемъ признать, что эти «законы мысли» приложимы только къ «міру явленій», ибо основное положеніе кантизма гласитъ, что «категоріи» и «формы интуиціи» имѣютъ отношеніе только къ «міру явленій» и не имѣютъ никакого отношенія къ «вещамъ въ себѣ».

Г-нъ Лапшинъ и приходитъ именно къ тому выводу, что «законы мысли» приложимы только къ «міру явленій», и что, слѣдовательно, относительно «вещей въ себѣ» мы не можемъ сказать, могутъ ли онѣ существовать и не существовать въ одно и то же время.

Въ этомъ выводѣ и заключается вся суть изслѣдованія г-на Лапшина. Къ нему нашъ авторъ приходитъ путемъ стройныхъ, систематическихъ изысканій, подкрѣпленныхъ прекрасной эрудиціей. И мы тѣмъ охотнѣе можемъ принять этотъ выводъ нашего автора, что логически-проведенный кантизмъ имѣетъ замѣчательное свойство всегда подкапывать свои собственныя основанія.

Однимъ изъ наиболѣе уязвимыхъ пунктовъ философіи Канта заключается въ вопросѣ о «вещи въ себѣ». И намъ кажется, что г-нъ Лапшинъ не достаточно оцѣниваетъ опасности, связанныя съ этимъ вопросомъ для всего ученія Канта. То вѣрно, что «вещь въ себѣ» является совершенно постороннимъ ингредіентомъ въ системѣ Канта,—такимъ совершенно чуждымъ ингредіентомъ, относительно котораго вполнѣ послѣдовательный кантіанецъ не только не можемъ сказать, существуетъ-ли онъ или не существуетъ, но не можетъ даже отвѣтить на вопросъ, возможно-ли чтобы онъ существовалъ и не существовалъ въ одно и то же время. То вѣрно, также, что самъ Кантъ тяготился этимъ чуждымъ ингредіентомъ и былъ склоненъ отдѣлаться отъ него. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрно и то, что эта ни на что не нужная «вещь въ себѣ» не можетъ быть просто механически отрублена отъ остальной системы Канта и что съ исчезновеніемъ ея вся система Канта получаетъ непреодолимую тенденцію къ солипсизму и тогда всѣ преимущества системы Канта, сравнительно съ системами догматическаго идеализма, исчезаютъ.

Въ этой неспособности кантизма отдѣлаться отъ явственно для

него не нужной и даже противорѣчивой «вещи въ себѣ» и заключается трагизмъ системы. Г. Лапшинъ не вывелъ кантизма изъ этого затрудненія, какъ не защитилъ его и по другому, связанному съ этимъ, пункту. Мы говоримъ о вопросѣ объ ощущеніяхъ и объ отношеніи ощущеній къ формамъ познанія. Эволюціонизмъ весьма легко можетъ признать всѣ «формы познанія» и «законы мысли» кантіанцевъ, но, будучи, въ сущности, болѣе критическимъ, чѣмъ самъ кантизмъ, эволюціонизмъ пытается опредѣлить право на существованіе всѣхъ этихъ «формъ» и «законовъ». А это право на существованіе можно доказать, лишь выяснивши источникъ возникновенія «формъ» и «законовъ». Здѣсь гордящійся своимъ критицизмомъ кантизмъ вполнѣ догматиченъ. Онъ совершенно не объясняетъ и не можетъ объяснить, какъ и почему возникли всѣ эти «формы интуиціи», «категоріи» и «законы мысли». Просто оказывается, что наше сознаніе накладываетъ эти формы на нѣчто; за то оно и познаетъ лишь то, что само же накладываетъ; мало того, оказывается, что даже неизвѣстно, существуетъ ли это нѣчто (т. е. «вещь въ себѣ»), на что оно накидываетъ свои формы, и покойнѣе было бы для кантизма, если бы вовсе и не существовало этого «нѣчто», съ которымъ онъ рѣшительно не знаетъ, что ему дѣлать.

Всѣхъ этихъ затрудненій избѣгаетъ эволюціонизмъ, который разсматриваетъ формы познанія (въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. включая и «законы мысли»), какъ продуктъ постепенной эволюціи познанія. Конечно, подобная точка зрѣнія предполагаетъ, что первыя данныя сознанія не были облечены ни въ пространственную ни во временную форму, ни въ форму количества, качества, субстанціальности и т. п., ибо, согласно съ эволюціонной точкой зрѣнія, всѣ эти «формы интуиціи» и «категоріи» являлись, какъ продуктъ взаимодѣйствія первичныхъ данныхъ сознанія.

Г. Лапшинъ, какъ послѣдовательный кантіанецъ, отвергаетъ конечно, это ученіе эволюціонистовъ. Разсматривая доводы нашего автора по этому вопросу, мы и выяснимъ значеніе разбираемой нами книги съ третьей изъ указанныхъ въ началѣ нашей рецензіи точекъ зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія того, насколько успѣшно нашъ авторъ разрушаетъ системы, конкуррирующія съ защищаемой имъ системой.

Какъ мы выше видѣли, центръ тяжести спора эволюціонизма и кантизма заключается въ томъ, существуютъ ли такія первичныя данныя сознанія, которыя не были бы отлиты въ «формахъ интуиціи» и «категорій». Двѣ главы (вторую и третью) своего изслѣдованія г-нъ Лапшинъ, повидимому, посвящаетъ этому вопросу. Мы говоримъ «повидимому», потому, что *въ дѣйствительности* онъ этому вопросу почти ни одной строки не посвящаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о свойствахъ *первичныхъ данныхъ сознанія* нашъ авторъ подмѣняетъ вопросомъ о свойствахъ *ощущеній* и

конечно, побѣдоносно доказываетъ, что «чистыхъ ощущеній» (т. е., ощущеній, не связанныхъ съ формами интуиціи и категоріями) не существуетъ. Свой взглядъ на этотъ вопросъ авторъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «Необходимые законы и формы познанія, дѣйствительно, необходимы, то есть, произнося свово *ощущеніе*, мы всегда имѣемъ въ виду *ощущенія+ихъ необходимыя свойства* но... формы познанія могутъ на низшей ступени сознанія, *необходимо обусловливая* самую возможность ощущенія, тѣмъ не менѣе не быть выработанными въ *сознательныя понятія* о формѣ сознанія и законы мысли» (стр. 15).

Но вѣдь самыя ощущенія суть уже продукты долгой эволюціи, поэтому и не удивительно, что въ нихъ мы всегда найдемъ привходящими «формы познанія». Это все равно, какъ если бы кто либо, желая доказать, что всякому человѣческому существу по самой его природѣ присуща идея общественности, сталъ бы, для подтвержденія своего мнѣнія, искать среди европейскихъ народовъ человѣка, совершенно лишеннаго идеи общественности; и, затѣмъ, не найдя такого существа ни въ Россіи, ни въ Германіи, ни во Франціи, ни въ другихъ европейскихъ государствахъ, —счелъ бы себя въ правѣ на основаніи этого утверждать, что всякому человѣческому существу, самой его организаціи, до такой степени присуща идея общественности, что если бы даже мы взяли у самого первобытнаго дикаря его новорожденнаго ребенка и съ перваго же момента его существованія удалили его въ абсолютную пустыню, гдѣ онъ выросъ бы, питаясь лишь «манной небесной», то и тогда онъ имѣлъ бы идею общественности. Но даже этотъ примѣръ слабъ, ибо нашъ гипотетическій новорожденный дикарь всетаки унаслѣдовалъ бы, по крайней мѣрѣ, организацію, выработанную подъ вліяніемъ стадной жизни своихъ животныхъ предковъ, а вѣдь въ спорѣ эволюціонизма съ кантизмомъ идетъ рѣчь объ абсолютно первомъ данномъ сознанія. Понятно, что для рѣшенія этого вопроса объ абсолютно первомъ данномъ сознанія нельзя обращаться къ ощущеніямъ высокоразвитыхъ существъ, нельзя обращаться даже вообще къ организованнымъ существамъ: для этого нужно гипотетически воспроизвести тотъ моментъ міроваго процесса, когда возникло это первое данное сознаніе.

На предположеніе о возможности подобнаго состоянія сознанія нашъ авторъ реагируетъ такъ: «Отчего же не предположить, отвѣтимъ мы,—только не надо забывать, что такое сознаніе *для насъ* есть на вѣкъ запечатанная книга» (стр. 16).

А запечатана эта книга для кантіанца потому, что кантіанецъ не можетъ познать ничего, кромѣ того, что самъ же вложитъ въ предметъ познанія подъ видомъ «формъ интуиціи», «категорій» или «законовъ мысли»!

П. Симбирскій. Правда о Гапонѣ и 9-мъ января. Сиб. 1906 г.

Личность священника Георгія Гапона, сыгравшаго такую видную и такую загадочную роль въ событіяхъ начала прошлаго года, несомнѣнно, интересуетъ и, вѣроятно, долго еще будетъ интересовать русское общество. Съ одной стороны, это—народный трибунъ, шедшій 9-го января, во главѣ петербургской рабочей массы, къ царскому дворцу и, очевидно, рисковавшій при этомъ жизнію... Съ другой — какъ будто, агентъ охраннаго отдѣленія и провокаторъ... Политическій эмигрантъ, писавшій статьи противъ правительства и входившій въ гласныя сношенія съ революціонными партіями,—по возвращеніи въ Россію онъ пользуется загадочной неприкосновенностью, вновь вступаетъ въ сношенія съ видными правительственными дѣятелями и даже получаетъ правительственную субсидію на «продолженіе своего дѣла». За всѣмъ этимъ слѣдуетъ трагическая и таинственная смерть: Гапона находятъ убитымъ въ пустой дачѣ, невдалекѣ отъ Петербурга. На этой дачѣ у него бывали, повидимому, свиданія и съ «революціонерами», и съ «охранниками». Убитъ онъ, какъ будто, первыми, но послѣдніе проявляютъ странную бездѣятельность при раскрытіи этого загадочнаго финала загадочной карьеры...

Таковы парадоксальные элементы, изъ которыхъ складывается біографія Гапона,—священника, революціонера и провокатора. Слить всѣ эти противорѣчія въ одинъ цѣльный образъ, прослѣдить странную исторію въ ея послѣдовательности и запутанныхъ изгибахъ,—значило бы, несомнѣнно, дать интереснѣйшій матеріалъ и для психолога, и для изслѣдователя нашихъ политическихъ нравовъ. Для этого, однако, прежде всего нужно твердо установить несомнѣнные факты, очистивъ ихъ отъ гаданій и выдумокъ, часто отзывающихся плохимъ бульварнымъ романомъ.

Пока для этого еще нѣтъ достаточныхъ данныхъ, и потому за обработку Гапоновской исторіи берется прежде всего книжная афера и реклама. Не такъ давно въ газетахъ появилась замѣтка, сообщающая, будто слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Гапона уже теперь установило факты, отъ которыхъ всѣ должны «ахнуть». Теперь въ книжныхъ магазинахъ появляется книжка въ 226 страничекъ (цѣною въ 1 руб. 50 коп.) съ сенсаціоннымъ заглавіемъ, обѣщающимъ читателю «правду о Гапонѣ». Мы, конечно, не имѣемъ основаній ставить въ прямую генетическую связь появленіе этой замѣтки и этой книги. Несомнѣнно, однако, что на обѣихъ лежитъ общая печать: произведеніе г-на Симбирскаго стремится использовать тотъ интересъ читающей толпы къ «загадочной исторіи», которую газетная замѣтка обновляетъ и дразнитъ.

На стр. 91 авторъ говоритъ, между прочимъ: «Чтобы охарактеризовать настроеніе интеллигенціи Петербурга въ знаменательный день 9 января, приводимъ здѣсь безпристрастный отчетъ репортера... Писалъ его хроникеръ г. Э. и *по профессіональной*

привычкѣ сохранилъ *лишь фактическую точность*» (Курсивъ нашъ). Если бы самъ г. Симбирскій обладалъ этой похвальной профессіональной привычкой, то, конечно, постарался бы такъ же добросовѣстно собрать прежде всего именно такіе репортерскіе отчеты, обильно разсѣянные въ газетахъ, а также другіе газетные матеріалы, оглашенные по свѣжимъ слѣдамъ событій. Тогда мы не имѣли бы кричащей «Правды о Гапонѣ» но получили бы за то добросовѣстный сборникъ относящихся къ дѣлу печатныхъ матеріаловъ. Г. Симбирскій, очевидно, пренебрегаетъ столь скромной задачей. Уже въ предисловіи онъ сообщаетъ, что фигура Гапона будетъ лишь «скользить по всѣмъ пяти частямъ книги, посвященной *изслѣдованію рабочаго вопроса* послѣдняго времени». Итакъ, вмѣсто фактической «правды о Гапонѣ», которую обѣщаетъ заглавіе и которая, конечно, является для читателя наиболѣе интересной, г. Симбирскій подноситъ свои глубокомысленныя «изслѣдованія». Страница 5-я несетъ читателю новое разочарованіе: «Всѣ данныя, которыя мнѣ (т. е. г-ну Симбирскому) удалось сгруппировать, послужатъ мнѣ лишь для психологическихъ построеній». Итакъ, г. Симбирскій — не только изслѣдователь, но еще и «психологъ»... Какъ «психологъ», онъ ищетъ какой-то «психологическій, т. е. принципіально внутренній» (?!) взглядъ правительства на рабочій вопросъ» (стр. 19): какъ изслѣдователь, сообщаетъ, что, именно благодаря такому «психологическому взгляду» германскаго правительства «нѣмецкая соціалъ-демократія сдѣлала постановленіе (гдѣ? когда? въ какой формѣ?) — не допускать ни въ какомъ случаѣ (sic) революціи въ странѣ». Всѣ «изслѣдованія» и вся «психологія» г. Симбирскаго имѣетъ тотъ же характеръ,— наивной фразеологіи и претенціознаго невѣжества. Что же касается фактической «правды» о Гапонѣ, то читатель совершенно напрасно сталъ бы искать ее въ этой книжкѣ. Изложеніе ея до такой степени претенціозно и нетолково, что по прочтеніи книги въ головѣ читателя становится темнымъ даже то, что прежде казалось яснымъ. Повидимому, г. Симбирскій встрѣчался съ Гапономъ и, въ качествѣ газетнаго сотрудника, эксплуатировалъ это знакомство, когда Гапонъ сталъ «знаменитостью». Статьи его въ то время носили характеръ безусловнаго преклоненія передъ Гапономъ, который изображался безкорыстнѣйшимъ дѣятелемъ на благо рабочаго класса. Когда послѣдовали извѣстныя всѣмъ разоблаченія, г. Симбирскому тоже пришлось нѣсколько измѣнить тонъ. Теперь г. Симбирскій наскоро свелъ эти свои статьи подъ одну кричащую обложку, не потрудившись даже сгладить и устранить явныхъ противорѣчій. Такъ, на стр. 63 мы узнаемъ, что касса гапоновскихъ рабочихъ организацій составилась исключительно изъ членскихъ взносовъ. «Появляется запасный капиталъ въ банкѣ. Составленъ онъ изъ полтинниковъ и четвертаковъ самихъ рабочихъ». На стр. 81 г. Симбирскій «могъ бы привести длинный списокъ

рабочихъ, которымъ Гапонъ помогалъ изъ собственныхъ средствъ»,—«начиная отъ рубля и кончая иногда сотней». Откуда скромный священникъ имѣлъ средства для такой помощи? Впослѣдствіи стали извѣстны сношенія Гапона съ охраннымъ отдѣленіемъ, что, конечно, объясняетъ многое и въ первоначальной дѣятельности Гапона. Но «психологическія построенія» автора не считаются съ такими пустяками. На стр. 186 мы узнаемъ отъ г. Симбирскаго, что въ ноябрѣ 1905 года «Гапонъ имѣлъ какое-то таинственное свиданіе съ гр. Витте, но отъ полиціи скрылся». На стр. 197 Гапонъ «наединѣ» разсказываетъ автору, что «ему предлагаетъ Витте» такую-то комбинацію, а на стр. 218 сообщаетъ, что «графъ Витте *никогда лично* не видѣлъ Гапона» и т. д., и т. д. «Заканчивая книгу и оставаясь на почвѣ фактовъ,—наивно заключаетъ г. Симбирскій,—опредѣленно сказать, что же такое Гапонъ нельзя». Въ свою очередь, «заканчивая рецензію», мы можемъ сказать совершенно опредѣленно, что книжка г. Симбирскаго, носящая крикливо-рекламное заглавіе, есть не что иное, какъ безпорядочная рыночная стряпня, разсчитанная на недоразумѣніе и сенсацію. Мы полагаемъ, что толковый и добросовѣстно составленный сборникъ относящагося къ Гапону печатнаго матеріала могъ бы и самъ по себѣ представить значительный интересъ. Но г. Симбирскій, вслѣдствіе излишнихъ претензій, торопливости или неумѣнія, не даетъ ничего или почти ничего даже въ этомъ направленіи, оставляя эту скромную задачу на долю «репортеровъ», болѣе, чѣмъ онъ, привычныхъ къ профессіональной точности и, прибавимъ также, къ болѣе толковому изложенію.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются***. Равнымъ образомъ, контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

П. Кампфмейеръ. Современный пролетаріатъ. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1907. Ц. 25 к.

В. В. Половцовъ. Основы общей методики естествознанія. М. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

В. Грагамъ. Соціализмъ, новый и старый. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

О. П. Петерсонъ. Русская стенографія. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

С. М. Богословскій. Заболѣв. фабрич. раб. Бог.-Глух. и Истомкинской мануфактуръ Богород. уѣзда за 1896—1900 г.г. 1906. Ц. 50 к.

Л. Загаровъ. Партія правового порядка. Спб. Ц. 7 к.

Х. Л. Рапопортъ. Жюль Гэдъ и франц. раб. партія. Спб. 1906. Ц. 15 к.

М. Днѣпровъ. Начало и конецъ абсолютизма во Франціи. Спб. 1906. Ц. 5 к.

Плято ф.-Рейсснеръ. Русско-польскій самоучитель. Варшава. 1906. Ц. 10 к.

Его же. Русско-нѣмецкій самоучитель. Варшава. 1906. Ц. 20 к.

Н. Казимировъ. Крестьянскіе платежи и зем. дѣят. въ Моск. губ. М. 1906. Ц. 30 к.

Е. Емельяновъ. Радій въ роли дракона. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Алексѣй Мошинъ. „Гашишъ". Спб. Ц. 1 р.

Евгеній Лекановъ. Стихотворенія. Одесса. 1906. Ц. 20 к.

Н. А. Лейкинъ. Въ люди вышелъ. Спб. 1906. Ц. 1 р.

М. І. Сагарадзе. Философская пропедевтика. Кутаисъ. 1906. Ц. 85 к.

П. Н. Соковнинъ. Культурный уровень крест. полевод. на надѣльной землѣ. Спб. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Городскія учрежденія Москвы, основанныя на пожертвованія. Изд. Москов. Гор. Общ. Управленія. М. 1906,

Два закона. Книгоизд. „Рабочій народъ". Спб. 1906.

Джонъ Митчель. Рабочіе союзы въ Америкѣ. Изд. С. Скирмунта. М. Ц. 50 к.

В. Фриче. Художественная литература и капитализмъ. Ч. I. Изд. С. Скирмунта. Ц. 50 к.

Б. Рессель. Очерки изъ исторіи германской с.-д. рабочей партіи. Изд. С. Скирмунта. Ц. 25 к.

Ж. Ж. Руссо. Общественный договоръ. Изд. Скирмунта. М. Ц. 40 к.

Генріетта Роландъ-Гольстъ. Всеобщая стачка и соціалъ-демократія. Изд. С. Скирмунта. М. Ц. 40 к.

Альмаръ Бергстремъ. Люнгоръ и Ко. Изд. Скирмунта. М. Ц. 40 к.

Михаилъ Туганъ-Барановскій. Современный соціализмъ въ своемъ историческомъ развитіи. М. Ц. 75 к.

Л. Кулакова. Великая крестьянская война въ Германіи. Изд. „Свободная Земля". Ц. 10 к.

К. Марксъ и ***Ф. Энгельсъ.*** Святое семейство. Спб. 1906. I. Ц. 10 к., т. II. Ц. 16 к. Изд. „Новый Голосъ".

Марксъ и ***Энгельсъ*** наканунѣ ихъ историческаго выступленія. Спб. 1906. Ц. 7 к.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. „Революціонное выступленіе". Думы и земельный вопросъ. Спб. 1907. Ц. 1 р.

В. Конштедтъ. Аграрный вопросъ въ германской соціалдемократіи. Спб. 1907. Ц. 75 к.

М. Б. Очерки по исторіи желѣзнодорожныхъ забастовокъ въ Россіи. М. 1907. Ц. 10 к.

В. Чарнолускій. Итоги общественной мысли въ области образованія. Спб. 1906. Ц. 50 к.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Изъ освободительнаго движенія. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Ванъ-Коль. Колоніальная политика и соціалъ-демократія. Изд. т-ва „Знаніе". Спб. 1906. Ц. 5 к.

Антонъ Паннекекъ. Соціализмъ и религія. Изд. т-ва „Знаніе". Спб. 1906. Ц. 5 к.

Основные вопросы программы и тактики на съѣздахъ германской соціалъ-демократіи. Изд. „Движеніе". М. 1907. Ц. 35 к.

Л. Мартовъ. Пролетарская борьба въ Россіи. Изд. Н. Глаголева. Спб. Ц. 30 к.

В. Кожевниковъ. Великая крестьянская война въ Германіи. Изданіе Н. Глаголева. Спб. Ц. 60 к.

Н. Троцкій. Наша революція. Изд. Н. Глаголева. Спб. Ц. 1 р.

Исторія совѣта рабочихъ депутатовъ г. С.-Петербурга. Изд. Н. Глаголева. Ц. 1 р.

Г. Гауптманъ. Ткачи. Драма. Изд. Скирмунта. М. Ц. 15 к.

Генрихъ Ибсенъ. Собраніе сочиненій. Т. VIII. Изд. Скирмунта. М. Ц. 1 р. 50 к.

Б. Поповъ. Стихотворенія. Казань. 1905.

А. Аловъ. О травматическихъ поврежденіяхъ рабочихъ при работахъ на сельскозяйственныхъ машинахъ. Спб. 1906. Ц. 1 1 р. 50 к.

Макс. Бахъ. Австрія въ первую половину XIX вѣка. Изд. С. Скирмунта. М. и Спб. Ц. 2 р.

Народный календарь на 1907 г. Изд. „Свободная Земля". Ц. 20 к.

Н. Г. Чернышевскій. Собраніе сочиненій. Прологъ. Т.Т. II, V. X, ч. I и ч. II. Изд. М. Н. Чернышевскаго. Спб. 1906.

Ю. Волинъ. Разсказы. Книгоизд. „Глобусъ". Спб. 1907. Ц. 1 р.

Пѣсни молодой Іудеи. Изъ журн. „Молодая Іудея". Ялта. 1906. Ц. 10 к.

К. А. Пановъ. Впередъ. Стихотворенія. Изд. Т. Беккеръ. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Артуръ Арну. Народъ и правительство Коммуны. Изд. „Новая библіотека". Спб. Ц. 50 к.

Эрнестъ Ренанъ. Апостолы. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

М. Супераискій. Начальная народная школа въ Симбирчальная наніи. Симбирскъ. 1906.

Ю. Делевскій. Историческій ма-

теріализмъ въ его логической аргументаціи. Спб. 1906. Ц. 20 к.

К. Фортунатовъ. Національныя области Россіи. Спб. 1906. Ц. 8 к.

Леопольдъ Пфаундлеръ. Физика обыденной жизни. Изд. т-ва „Общественная Польза". Спб. 1907. Ц. 3 р.

Баронъ А. Е. Розенъ. Записки декабриста. Изд. т-ва „Общественная Польза". Спб. 1907. Ц. 3 р.

роф. К. Черри. Развитіе карательной власти въ древнихъ общинахъ. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Методическое руководство для веденія школьныхъ сочиненій. Составъ. ***В. Самсоновъ.*** Спб. 1907. Ц. 60 к.

С. Помпеевъ. Подъ раскатами боя. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Владиміръ Радомскій. Сынъ народа. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Эдуардъ Гартманъ. Міровоззрѣніе современной физики. Астрахань. 1906. Ц. 1 р.

Сводъ свѣдѣній о финансовыхъ результатахъ и главныхъ оборотахъ по казенной продажѣ питей за 1905 г. Спб. 1906.

Эрнстъ Геккель. „Міровыя загадки". Книгоизд. И. Д. Иванова. М. 1907. Ц. 80 к.

А. Богдановъ. Изъ психологіи общества. Книг. „Паллада". Спб. 1906. Ц. 80 к.

В. В. Производство и потребленіе въ капиталистическихъ обществахъ. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Кириллъ. Одиннадцать дней на „Потемкинѣ". Спб. 1907. Ц. 1 р.

А. А. Черкасовъ. Стихотворенія. Томъ I. Екатеринбургъ. 1906. Ц. 50 к.

Юрій Ларинъ. Широкая рабочая партія и рабочій съѣздъ. М. 1906. Ц. 20 к.

Бентамъ. Тактика законодательныхъ собраній. Изд. Л. А. Велихова. Спб. 1907, Ц. 1 р.

В. Д. Козловъ. Очерки и разсказы изъ минувшей войны. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Эрвинъ Бяльцъ. О воинственномъ духѣ японцевъ и ихъ презрѣніи къ смерти. Спб. 1906. Ц. 50 к.

П. Россовъ Національное самосознаніе корейцевъ. Спб. 1906. Ц. 30 к.

Указатель наглядныхъ учебныхъ пособій. Спб. 1906. Ц. 35 к.

О средне-учебныхъ заведеніяхъ Родительскаго кружка въ сл. Покровской, Самарской губ. 1906.

Ст. Ивановичъ. Анархисты и анархизмъ въ Россіи. Спб. 1907. Ц. 7 к.

Ст. Деревенскій. Что говорятъ про землю соц.-революціонеры и соціалъ-демократы? 1907. Ц. 6 к.

Б. Веселовскій. Какое мѣстное самоуправленіе нужно народу. Спб. 1906. Ц. 7 к.

Съѣздъ учителей и дѣятелей средней школы въ Петербургѣ. Спб. 1906. Ц. 85 к.

К. М. Таръ. Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія 90-хъ годовъ. Спб. 1906. Ц. 30 к.

Ромэнъ-Роланъ. 14-е іюля (Взятіе Бастиліи). Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Спб. 1907. Ц. 40 к.

З. Н. Гиппіусъ. Новые люди. Разсказы. Спб. 1907.

Л. Н. Толстой. О значеніи русской революціи. Изд. „Посредникъ". М. Ц. 15 к.

Н. И. Кулябко-Корецкій. Франція въ XIX вѣкѣ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Ц. 79 к.

Максимъ Ковалевскій. Отъ прямого народоправства къ представительному. Томъ II. Изд. И. Д. Сытина. М. 1906. Ц. 2 р.

В. К. Агафоновъ. Наука и жизнь. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Хозяйственно-статистическій обзоръ Уфимской губ. за 1905. Изд. Уфим. губ. земск. управы. Уфа. 1906.

В. І. Храневичъ. Очерки экономическаго быта крестьянства въ Царствѣ Польскомъ. Спб. 1906. Ц. 80 к.

А. Амфитеатровъ. Современныя сказки. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1907. Ц. 55 к

Гюберъ Лягарделлъ. Революціонный синдикализмъ. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1906. Ц. 40 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Политическія сказочки. Изд. „Шиповникъ". Спб, 1906. Ц. 30 к.

Д. Фефеловъ. Магнито-оптическія явленія. Одесса. 1906.

Д-ръ Эпштейнъ. Здоровье рабочаго и фабричная гигіена. Книгоизд. „Сѣятель". Нижній-Новгородъ. 1906. Ц. 3 к.

А. Б. Петрищевъ. Очерки и разсказы. Спб. 1906. Ц. 40 к.

П. Вихляевъ. Конституціонно-демократическая партія и земельная реформа. Изд. „Молодая Россія". Москва. 1906. Ц. 10 к.

Ж. Ренаръ. Мысли о будущемъ. Изд. „Молодая Россія". М. 1906 Ц. 12 к.

Обзоръ отраслей промышленности въ Закавказскомъ краѣ. Отчетъ Л. Л. Першке. Тифлисъ. 1905.

Отчетъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ за 1904. Спб. 1906.

Статистика по казенной продажѣ питей. Спб. 1906.

Поступленіе акциза съ спирта и вина за 1864—1901 гг. Спб. 1906.

Л. Шишко. Очерки по вопросамъ экономики и исторіи. М. Ц. 60 к.

А. Ламартинъ. Исторія жирондистовъ. Изд. В. А. Тиханова. Т. I, II. III и IV. Спб. 1902, 1903, 1904 и 1906 гг. Ц. за 4 тома 6 р.

А. И. Гальденбергъ. Бесѣды по счисленію г. Саратова. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Собраніе стихотвореній декабристовъ. Т. II. Изд. И. И. Ѳомина. М. Ц. 1 р. 50 к.

К. Ф. фонъ-Дитмаръ. Записка XXXI съѣзду горнопромышленниковъ Юга Россіи. Харьковъ. 1906.

Его же. Записка по поводу законопроектовъ М-ва торговли и промышленности по рабочему вопросу. Харьковъ. 1906.

Ст. Струмилинъ. Слово крестьянской бѣднотѣ, Ростовъ на Дону. 1906. Ц. 10 к.

Отчетъ крестьянскато поземельнаго банка за 1904 г., государственнаго дворянскаго земельнаго банка за 1904 г., особаго отдѣла государственнаго дворянскаго земельаго банка за 1904 г., государственнаго дворянскаго земельнаго банка по ликвидаціи Саратовско-Симбирскаго земельнаго банка за 1904 г. Спб. 1905 и 1906 г.г.

Стихи. Сборникъ для выразительнаго чтенія. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Изг. Барановъ. Легенда объ Іудѣ. Спб. 1906. Ц. 1 к.

В. А. Анзиміровъ. „Крамольники". Хроника изъ радикальскихъ кружковъ 70-хъ годовъ. М. 1907. Ц. 50 к.

Н. І. Женишекъ. Жизнь, какъ она есть. Книга I. М. 1906. Ц. 1 р.

Дебри (The jungle). Романъ ***Упто-на Синклера.*** Изд. И. Д. Сытина). М. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

М. Закревская-Рейхъ. Сонъ жизни. Стихотворенія. Ч. 1 и 2. Спб. 1907.

П. А. Берлинъ Политическая борьба въ парламентѣ и внѣ ен. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1906. Ц. 10 к.

В. Базаровъ. Анархическій коммунизмъ и марксизмъ. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Авлъ Геллій. Мысли о русской революціи. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Ренанъ. Рѣчи о будущемъ. Изд. Л. Крюмбюгель. М. 1907. Ц. 10 к.

Возрожденіе. Сборникъ статей. 1905. Ц. 65 к.

Х. Житловскій. Соціализмъ и національный вопросъ. Изд. „Серпъ". Кіевъ—Спб. Ц. 30 к.

М. Б. Ратнеръ. Эволюція соціалистической мысли въ національномъ вопросѣ. Изд. „Серпъ". Кіевъ—Спб. Ц. 20 к.

М. Б. Ратнеръ. О національной и территоріальной автономіи. Кіевъ—Спб. Ц. 20 к.

С. Мельгуновъ. Церковь и государство въ Россіи. Сборникъ статей М. 1907. Ц. 50 к.

И. Сухоплюевъ. Послѣдствія неурожаевъ въ Россіи. М.

В. В. Кротковъ. Современное вопросы. Спб. 1907. Ц. 30 к.

М. Л. Хейсинъ. Профессіональные рабочіе союзы. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Эдуардъ Бернштейнъ. Основныя условія хозяйственной жизни. Спб. 1907. Ц. 10 к.

Соціализмъ въ Англіи. Сборникъ статей англ. соціалистовъ, состав. ***С. Веббомъ.*** Спб. 1907. Ц. 1 р.

Дж. Кеннанъ. Сибирь и ссылка. Т. I. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Огановскій. Какъ смотрятъ разныя политическія партіи на земельный вопросъ. М. 1907. Ц. 10 к.

Н. Манасеина. Разсказы для дѣтей. Изд. журн. „Тропинка". Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

П. Соловьева (Allegro). Елка. Стихи для дѣтей. Изд. журн. „Тропинка". Спб. 1906. Ц. 50 к.

М. С. Безобразова. Исторія одного воробья. Изд. журн. „Тропинка". Спб. 1906. Ц. 25 к.

В. Поливановъ. Воронъ.—Индѣйцы. Изд. журн. „Тропинка". Спб. 1906. Ц. 25 к.

Анатоль Франсъ. Пчелка. Сказка. Изд. журн. „Тропинка". Спб. 1906. Ц. 25 к.

Николай Бердяевъ. Sub. specie aeternitatis. Спб. 1907. Ц. 2 р.

Хроника внутренней жизни.

I. Думская кампанія.—II. Указъ о грабежѣ.—III. Углубленіе революціи.—IV. Ея усложненіе.

I.

«Граждане, готовьтесь къ выборамъ!»—въ прошломъ году этотъ призывъ, исходившій отъ к.-д. партіи, раздался во время вооруженнаго возстанія. Избирательная кампанія началась, когда крайнія и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе активныя изъ борющихся силъ находились на другомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Подавивъ возстаніе, правительство увлеклось преслѣдованіемъ революціонеровъ и удѣлило сравнительно мало вниманія избирательной борьбѣ. Правда, его выстрѣлы попадали и въ тѣхъ, кто находился на этой аренѣ: но это были случайные перелеты, а не систематическій обстрѣлъ. Съ другой стороны, революціонеры, только что понесшіе тяжелое пораженіе, оказались не въ силахъ сколько-нибудь энергично развить принятую ими по отношенію къ Думѣ тактику бойкота. Изъ представителей революціонныхъ организацій на предвыборныхъ собраніяхъ мелькали кое-гдѣ лишь соціалъ демократы, да и то изъ второстепенныхъ... Эти условія опредѣлили собою своеобразный характеръ прошлогодней думской кампаніи и обезпечили легкую побѣду к.-д. партіи на выборахъ.

Совершенно иначе складываются обстоятельства теперь. Выборы начинаются въ періодъ общественнаго затишья и полнаго отсутствія какихъ-либо массовыхъ выступленій. Идетъ лишь партизанская борьба. Схватки происходятъ многочисленныя и ожесточенныя, но по составу участвующихъ въ нихъ силъ онѣ не могутъ перейти въ правильное сраженіе. Отвлечь всѣ силы непріятеля эта борьба не можетъ: по крайней мѣрѣ, само правительство, выдвинувъ противъ партизановъ революціи военно-полевые суды, считаетъ, повидимому, себя съ этой стороны достаточно обезпеченнымъ. Думской кампаніи оно удѣляетъ теперь несравненно больше вниманія. Имъ уже предпринятъ на этомъ полѣ цѣлый рядъ тактическихъ обходовъ въ видѣ сенатскихъ разъясненій, всякаго рода подачекъ и другихъ, быть можетъ, не вполнѣ еще опредѣлившихся, движеній. Избирательная арена теперь будетъ имъ подвергнута, и подвергается уже систематическому обстрѣлу. Въ сферѣ огня оказывается на этотъ разъ и к.-д. партія. Но она не одна поведетъ кампанію. Революціонныя партіи, сойтыя съ боевыхъ высотъ, которыя онѣ было заняли, рѣшили принять въ думской кампаніи дѣятельное участіе. Многіе другіе участники

общественной борьбы волей-неволей должны были перейти туда, куда перешли ихъ враги и союзники. Въ эту сторону передвинулись, такимъ образомъ, организованныя силы той и другой стороны.

И оба стана средь равнины
Другъ друга хитро облегли...

Очевидно, здѣсь именно произойдетъ или, по крайней мѣрѣ, начнется ближайшее сраженіе. По составу силъ, намѣревающихся принять въ немъ участіе, оно можетъ оказаться однимъ изъ тѣхъ, которыя принято называть генеральными. Но это еще не значитъ, конечно, что оно рѣшитъ судьбу всей революціонной кампаніи...

II.

Не ограничиваясь ожесточенной борьбой съ партизанами революціи и усиленной подготовкой къ думскимъ выборамъ, правительство предприняло глубокій—стратегическій, если употребить военный терминъ,—обходъ всей революціи въ формѣ цѣлаго ряда аграрныхъ декретовъ. Объ этой «революціи наоборотъ» мнѣ пришлось уже говорить въ «Народно-соціалистическомъ Обозрѣніи» *). Теперь въ этомъ направленіи сдѣланы новые рѣшительные шаги. Въ тылъ революціонной арміи правительство выслало лихихъ наѣздниковъ. Оно обратилось къ «людямъ смѣлаго почина» изъ среды самого крестьянства и сказало имъ:

— Грабьте!... Только не помѣщиковъ, а своихъ же общинниковъ...

«Каждый домохозяинъ, владѣющій надѣльною землею на общинномъ правѣ—говорится въ указѣ 9 ноября—можетъ во всякое время требовать укрѣпленія за собою въ личную собственность причитающейся ему части изъ означенной земли». Можетъ требовать,—и общество не вправѣ отказать ему. Если оно не выполнитъ предъявленнаго къ нему требованія, то это сдѣластъ за него земскій начальникъ. Если оно добровольно не отдастъ свою землю, то у него возьмутъ ее силой.

Что въ данномъ случаѣ санкціонируется именно грабежъ, ясно будетъ для всякаго, кто хоть не много вдумается въ смыслъ «указа объ экспропріаціи». Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, говорить, что общинная земля кому-либо причитается «лично» и тѣмъ болѣе «въ собственность»? «Каждый домохозяинъ... можетъ во всякое время требовать»... По существу это значитъ то же, что предоставить каждому право «во всякое время требовать въ личную собственность причитающуюся ему часть»... изъ государственнаго казначейства. Допустимъ даже, что это будутъ не обыватели, а

*) „Народно-соціалистическое Обозрѣніе“, вып. I.

чиновники, между которыми дѣлятся у насъ казенныя деньги. Можно ли предоставить каждому изъ нихъ право укрѣпить «причитающуюся ему часть» казеннаго сундука въ его личную собственность?

«Причитающуюся ему часть»... Можетъ быть, въ этихъ словахъ заключается принципіальная разница между грабежемъ и укрѣпленіемъ общинной земли въ личную собственность? Этими словами указному грабежу какъ будто ставятся опредѣленные предѣлы: экспропріація частнаго имущества—имущества третьихъ лицъ—повидимому, не допускается. Но это только кажется. Въ дѣйствительности же...

Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, указъ опредѣляетъ часть, «причитающуюся» отдѣльному домохозяину? «Въ обществахъ, въ коихъ не было общихъ передѣловъ въ теченіе 24 лѣтъ... укрѣпляются въ личную собственность... всѣ участки общинной земли, состоящіе въ его постоянномъ (не арендномъ) пользованіи». По отношенію къ такимъ обществамъ укрѣпленіе земли въ личную собственность представляется на первый взглядъ достаточно правомѣрнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣленіе доли каждаго домохозяина достаточно правильнымъ. Если въ общинѣ такъ долго не было общаго передѣла, то можно предполагать, что въ ней установился уже частно-правовой взглядъ на надѣльную землю и что послѣдняя считается собственностью тѣхъ домохозяевъ, въ пользованіи которыхъ она находится. Дѣйствительность, однако, далеко не всегда оправдываетъ такія предположенія. Можно было бы указать массу фактовъ, когда общины, не передѣлявшія землю 25—30 и даже 40 лѣтъ, возобновляли общіе передѣлы. Изъ этого слѣдуетъ, что отсутствіе послѣднихъ вовсе еще не означаетъ, что общинныя воззрѣнія уступили свое мѣсто другимъ взглядамъ на землю. Вопросъ объ общемъ передѣлѣ представляется обыкновенно столь сложнымъ и труднымъ, что рѣшить его утвердительно даже тамъ, гдѣ правомѣрность этого акта не вызываетъ въ населеніи никакихъ сомнѣній, удается далеко не сразу. Не рѣдко многіе годы проходятъ послѣ того, какъ потребность въ передѣлѣ всѣми сознана и признана, а крестьяне все не рѣшаются приступить къ нему: такая масса хлопотъ, неудобствъ и непріятностей сопряжена съ нимъ! Только зная, какъ много радости, бодрости и согласія вноситъ удачно совершенный передѣлъ въ общинную жизнь, можно понять, откуда, въ концѣ концовъ, берется у крестьянъ рѣшимость все-таки взяться за это дѣло.

Что касается количества земли, какое можетъ присвоить себѣ каждый домохозяинъ въ непередѣлявшихъ общинахъ, то даже съ частно-правовой точки зрѣнія 24-лѣтній срокъ пользованія надѣльною землею представляется безусловно-недостаточнымъ для обоснованія права собственности на нее. Не 24 года, а въ большинствѣ случаевъ много дольше платили крестьяне выкупъ за надѣль-

вую землю. На какомъ же основаніи присвоитъ себѣ данный участокъ тотъ, кто платилъ за него лишь послѣдніе 24 года, когда платежи были легче, и отниметъ даже надежду на него у того, кто выкупалъ эту землю, когда платежи были особенно тяжелы?

Въ дѣйствительности присвоеніе надѣльной земли, совершаемое по указу 9 ноября, въ непередѣлявшихъ общинахъ часто будетъ отливаться въ еще болѣе грубую форму. Дѣло въ томъ, что указъ говоритъ объ обществахъ, въ коихъ за послѣдніе 24 года не было «общихъ» передѣловъ. Между тѣмъ, если такихъ передѣловъ не было, то это вовсе еще не значитъ, что размѣры землепользованія отдѣльныхъ домохозяевъ все время оставались въ данной общинѣ неизмѣнными.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ общіе передѣлы, соединенные по установившемуся уже обычаю съ ломкою межъ, не возможны. Въ качествѣ примѣра укажу Весьегонскій уѣздъ Тверской губ. Въ Замолжской его части почва крайне камениста; очищая отъ камней пашню, крестьяне стаскивали ихъ на межи, и послѣднія представляютъ изъ себя теперь каменныя ограды. Въ восточной части того же уѣзда встрѣчаются мѣста, гдѣ почва болотиста: чтобы предупредить вымоканіе хлѣба, крестьяне путемъ особой вспашки постепенно превратили здѣсь межи въ канавы. Само собой понятно, что ни въ той, ни въ другой мѣстности какая-либо ломка межъ не возможна. Уравнительное распредѣленіе земли, поскольку таковое практиковалось здѣсь, осуществлялось при помощи частныхъ передѣловъ, путемъ свалки и навалки. Въ другихъ случаяхъ—въ особенности въ мелкихъ общинахъ—общіе передѣлы часто бываютъ не нужны, такъ какъ для уравненія достаточно иногда бываетъ измѣнить число душъ у двухъ-трехъ домохозяевъ и изъ-за этого нечего устраивать общій передѣлъ даже въ «подвижку», такъ какъ свести полосы къ одному мѣсту можно путемъ «пересадки». Такимъ образомъ, и при отсутствіи общихъ передѣловъ размѣры землепользованія отдѣльныхъ домохозяевъ, благодаря частнымъ передѣламъ, которые вовсе игнорируются въ указѣ, могли существенно и при томъ не одинъ разъ за послѣдніе 24 года измѣниться. И тѣ участки, которые домохозяинъ укрѣпитъ въ свою личную собственность, быть можетъ, недавно были переданы ему сосѣдомъ или обществомъ.

Въ сущности, трудно себѣ представить такія общины—и я думаю, что онѣ представляютъ исключеніе,—въ которыхъ въ теченіе двухъ-трехъ десятковъ лѣтъ количество земли у всѣхъ домохозяевъ оставалось неизмѣннымъ. Если не было ни общихъ передѣловъ, ни частныхъ свалокъ, то, навѣрное, были «упалыя» души, оставшіяся послѣ вымершихъ дворовъ или ушедшихъ на сторону. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ общины, во избѣжаніе недоразумѣній, сдаютъ «мірскія» души не иначе, какъ въ срочное пользованіе. Не вездѣ, однако, крестьяне были такъ предусмотрительны, и въ громадномъ

большинствѣ случаевъ упалыя души розданы отдѣльнымъ домохозяевамъ безъ всякихъ условій или «до передѣла». Теперь эта земля можетъ быть ими присвоена въ личную собственность. Умершіе, конечно, не обидятся, но ушедшіе на сторону могутъ вѣдь вернуться. Не найдя своей «души», которая «ходила въ міру», они почувствуютъ себя, конечно, ограбленными.

Я съ нѣкоторою подробностью остановился на общинахъ, въ которыхъ давно не было общихъ передѣловъ, такъ какъ укрѣпленіе земли, находившейся въ постоянномъ пользованіи отдѣльныхъ домохозяевъ, въ личную ихъ собственность можетъ показаться съ перваго взгляда вполнѣ соотвѣтствующимъ установившемуся въ этихъ общинахъ правосознанію. Что касается обществъ, практикующихъ общіе передѣлы, то въ нихъ укрѣпленіе надѣльной земли въ личную собственность будетъ имѣть всѣ признаки самаго беззастѣнчиваго расхищенія общественнаго достоянія. По указу 9 ноября въ такихъ общинахъ укрѣпляются въ личную собственность домохозяина «всѣ тѣ участки общинной земли, которые предоставлены ему обществомъ въ постоянное, впредь до общаго передѣла, пользованіе». Предоставлены впредь до общаго передѣла... Договоръ, казалось бы, ясный: въ немъ нѣтъ никакого намека на собственность. Тѣмъ не менѣе земля можетъ быть присвоена домохозяиномъ, хотя бы ее выкупали до послѣдняго передѣла совсѣмъ другія лица. Само собой понятно, что этимъ правомъ на расхищеніе поспѣшатъ воспользоваться наиболѣе многоземельные домохозяева и въ особенности тѣ, которые при слѣдующемъ передѣлѣ почему-либо должны получить меньше земли, чѣмъ находится теперь въ ихъ пользованіи. Правда, одинъ изъ такихъ случаевъ предусмотрѣнъ въ указѣ: «если въ постоянномъ пользованіи желающаго перейти къ личному владѣнію домохозяина состоитъ земли больше, нежели причиталось бы на его долю на основаніи послѣдней разверстки по числу разверсточныхъ единицъ въ его семьѣ ко времени упомянутаго заявленія, то за нимъ укрѣпляется въ личную собственность то количество общинной земли, какое причитается ему по указанной разверсткѣ». Онъ, однако, можетъ и и излишекъ имѣющейся у него земли оставить за собою, «подъ условіемъ уплаты обществу его стоимости, опредѣляемой по первоначальной средней выкупной цѣнѣ за десятину». Но вѣдь «первоначальная выкупная цѣна» была много ниже того, что стоитъ теперь земля, и даже того, что переплатило за нее въ видѣ процентовъ и погашенія общество. Такъ, первоначальная выкупная цѣна за землю, поступившую въ надѣлъ помѣщичьимъ крестьянамъ, была назначена въ среднемъ около 25 руб. за десятину (тогда эта цѣна была, по крайней мѣрѣ, въ полтора раза выше рыночной); крестьяне уплатили выкупныхъ платежей около 50 руб. на каждую десятину; теперь рыночная цѣна ей около 100 руб. Уплатить 25 руб. за то, что стоитъ вчетверо дороже—это такая выгодная

афера, которую, конечно, не замедлятъ предпринять «удачники». «Причитающаяся имъ часть» .. Легко понять, что имъ «причтется» ровно столько, сколько окажется въ наличности. Разница въ этомъ отношеніи съ обыкновенными грабителями только та, что они могутъ экспропріировать безъ всякаго риска.

Надо сказать, что указъ предусматриваетъ лишь одинъ случай «излишка» земли, а именно, когда уменьшилось число разверсточныхъ единицъ въ семьѣ желающаго присвоить ее домохозяина. Между тѣмъ, при слѣдующемъ передѣлѣ количество земли, причитающейся на его долю, можетъ уменьшиться и по другимъ причинамъ: можетъ увеличиться общее число разверсточныхъ единицъ, могутъ измѣниться основанія разверстки. Легко понять, что всѣ, для кого передѣлъ по тѣмъ или инымъ причинамъ можетъ быть не выгоденъ, поспѣшатъ заранѣе укрѣпить землю въ личную собственность. Съ изданіемъ указа 9 ноября передѣлы сдѣлались въ сущности невозможными, и недаромъ этотъ указъ получилъ названіе указа о разрушеніи общины.

До сихъ поръ я говорилъ о расхищеніи общественнаго и сосѣдскаго достоянія. Въ дѣйствительности указъ 9 ноября даетъ «смѣлымъ людямъ» еще большія права. Онъ говоритъ имъ:

— Грабьте не только однообщинниковъ, но и сродственниковъ... Дѣтей грабьте!.. Не грабьте только помѣщиковъ.

Земля вѣдь будетъ укрѣпляться въ *личную* собственность, и это настойчиво подчеркивается въ указѣ. Больше того: въ немъ имѣется спеціальный раздѣлъ, коимъ подворные участки повсемѣстно превращаются въ личные. Указъ разрушаетъ такимъ образомъ институтъ не только общиннаго, но и подворнаго землевладѣнія. Онъ наноситъ ударъ всему крестьянскому двору и вмѣстѣ съ нимъ крестьянской семьѣ.

Возможны и несомнѣнно будутъ имѣть мѣсто такіе случаи. Крестьяне очень часто уходятъ на сторону, не требуя себѣ отъ семьи земельнаго выдѣла. Нерѣдко даже выдѣленная земля передается брату, дядѣ или племяннику. Такихъ случаевъ, когда земля оставлена у «сродственниковъ», найдется очень много,—можетъ быть даже больше, чѣмъ тѣхъ, когда земля «ходитъ въ міру». Полученной отъ родственниковъ землей домохозяинъ обыкновенно пользуется совершенно такъ же, какъ и своимъ надѣломъ. Вмѣстѣ съ послѣднимъ онъ и укрѣпитъ ее въ свою личную собственность *).

*) Правда, въ указѣ говорится, что „въ тѣхъ случаяхъ... когда участки находятся въ нераздѣльномъ владѣніи нѣсколькихъ лицъ, не состоящихъ между собою въ родствѣ по прямой нисходящей линіи, они составляютъ общую ихъ собственность". Такимъ образомъ, права родственниковъ по боковымъ линіямъ какъ будто гарантированы.

Но это правило, судя по контексту, имѣетъ силу по отношенію къ тѣмъ лишь участкамъ надѣльной земли, которые изъ общиннаго владѣнія уже изъяты. Что касается первоначальнаго укрѣпленія въ личную

До сихъ поръ русскій пролетарій въ массѣ своей могъ имѣть надежду, что въ случаѣ чего онъ вернется на родину и вытребуетъ свою землю у міра или сродственниковъ. Многіе такъ и дѣлали. Теперь ушедшимъ на сторону возвращаться, можетъ быть, будетъ не за чѣмъ,—развѣ за тѣмъ только, чтобы узнать, что ихъ ограбили.

Опасность быть ограбленными грозитъ въ сущности всѣмъ членамъ крестьянской семьи. И тѣ, которые остаются въ деревнѣ, не могутъ считать себя въ безопасности. Не изъ ангеловъ же въ самомъ дѣлѣ состоитъ крестьянская семья. У домохозяина могутъ быть болѣе или менѣе любимые члены,—дѣти отъ живой жены, напримѣръ, могутъ быть ближе его сердцу и во всякомъ случаѣ болѣе энергично отстаиваемы передъ нимъ, чѣмъ дѣти отъ умершей. Кто же помѣшаетъ ему въ настоящей формѣ выразить свои чувства? Право собственности—вѣдь это не только право владѣнія и пользованія, но и право распоряженія. И вотъ все это право цѣликомъ можетъ теперь сдѣлаться—а по отношенію къ подворнымъ участкамъ и сдѣлано уже—личнымъ правомъ домохозяина. Онъ имъ и распорядится: однихъ вознаградитъ, другихъ обездолитъ. Въ случаѣ чего, онъ и всю семью выгонитъ: въ качествѣ личнаго собственника онъ не затруднится, конечно, обзавестись другими «правопреемниками». Кто помѣшаетъ, далѣе, домохозяину пропить свою «личную» собственность? Если онъ потащитъ со двора хомутъ или колеса, то дѣти могутъ это замѣтить... Ну, а землю—въ буржуазномъ обществѣ это ловко устроено—онъ всегда при себѣ имѣетъ.

Возьмите даже дружную семью, но съ незадачливымъ домохозяиномъ. Представьте себѣ, что онъ «обвяжется» векселемъ,—вѣдь эта «равноправность» теперь всѣмъ крестьянамъ дарована. Да и безъ векселя личную собственность не такъ уже трудно—за долгъ или недоимку—подвергнуть принудительному отчужденію. Правда, кое-какія преграды на этомъ пути еще остаются, но убрать ихъ не трудно и сдѣлать это даже необходимо, разъ только процессъ «закрѣпощенія надѣльной земли», какъ его съ самодовольствомъ назвалъ одинъ изъ «землеустроительныхъ генераловъ», начнется *). И не такъ страшны, конечно, сродственники, какъ

собственность, то оно должно производиться, какъ мы видѣли, на основаніи данныхъ о „постоянномъ пользованіи“. Претенденты на ту же землю, имѣющіе въ ней идеальную долю и фактически ею не пользующіеся, легко при этомъ могутъ быть обойдены, — тѣмъ болѣе, если они отсутствуютъ и лишены возможности лично вступиться за свои интересы.

*) „Закрѣпощеніе земли“—таковъ лозунгъ, какой, повидимому, усвоило правительство и съ какимъ оно уже сдѣлало попытку, при посредствѣ землеустроительныхъ коммиссій, выйти въ массы. Чтобы пояснить самодовольство изобрѣвшаго его г. Риттиха (а, можетъ быть, и самого г. Гурко), не лишне будетъ напомнить, какъ долго не давалась самодержавно-дворянскому правительству эта краткая, но полная своеобразнаго

всякаго рода коршуны, которые отнынѣ будутъ кружиться около каждаго крестьянскаго надѣла.

Указъ 9 ноября уже имѣлъ въ этомъ отношеніи свое продолженіе. 15 ноября крестьянамъ даровано новое право: оптомъ и въ розницу закладывать свою надѣльную землю въ Крестьянскомъ Банкѣ. И цѣль, съ какою крестьяне могутъ использовать это право, въ указѣ 15 ноября совершенно ясно указана: это доплаты за помѣщичью землю, пріобрѣтаемую при посредствѣ того же Крестьянскаго Банка. Такимъ образомъ поживиться за счетъ крестьянскаго надѣла предоставлено прежде всего помѣщикамъ, которые желаютъ «добровольно» сбыть свои земли. Вполнѣ возможно, что этотъ мотивъ былъ однимъ изъ главныхъ какимъ руководилось правительство, затѣвая экспропріацію крестьянской земельной собственности. Такъ или иначе, но указъ о грабежѣ можетъ имѣть болѣе широкія послѣдствія, чѣмъ то можетъ показаться съ перваго взгляда: внутренній грабежъ въ крестьянской средѣ логически долженъ завершиться ограбленіемъ всего крестьянства.

Принудительное отчужденіе... «Революціонеры наоборотъ» изъявили готовность произвести и эту операцію, но только они подвергнутъ ей не помѣщичью, а крестьянскую землю. Не сразу, однако, какъ я думаю, удастся имъ разрушить земельную общину и тѣмъ болѣе крестьянскій дворъ. Не такъ легко обезземелить крестьянскую массу. Предстоитъ мучительный и грозный процессъ, который, быть можетъ, затянется надолго...

Но диверсія произведена. Контръ-революція всадила ножъ въ самую глубь народнаго организма. Борьбу за землю она перенесла внутрь деревенской общины и крестьянскаго двора. Разсчетъ ея, конечно, ясенъ: соблазнившись землею сосѣда или брата, крестьянинъ можетъ быть не такъ жадно будетъ смотрѣть на землю помѣщика...

Таковъ главный тактическій смыслъ этой диверсіи. Но указъ о грабежѣ, несомнѣнно, будетъ имѣть и другія послѣдствія...

смысла формула. Еще весною 1905 г., немедленно по возникновеніи аграрныхъ безпорядковъ, было учреждено „особое совѣщаніе по вопросамъ о мѣрахъ къ *укрѣпленію* крестьянскаго землевладѣнія“. Тогда это названіе породило лишь недоумѣніе: крестьяне такъ крѣпко держатся за свою землю, что въ мѣрахъ къ укрѣпленію ихъ землевладѣнія никакой надобности, казалось, не имѣется. Въ дѣйствительности задача совѣщанію была поставлена, конечно, другая: „охранить частное землевладѣніе отъ всякихъ на него посягательствъ“ и „утвердить въ народномъ сознаніи убѣжденіе въ неприкосновенности частной собственности“. Не удалось лишь найти подходящую формулу. Теперь каламбуръ найденъ: объявляя надѣльную землю своею личною собственностью, крестьянинъ будетъ думать, что онъ „закрѣпитъ“ ее такимъ образомъ за собою не меньше, какъ „въ вѣчность“; въ дѣйствительности же все дѣло сведется къ тому, что онъ очень скоро, быть можетъ, передастъ ее другимъ, и вся суть въ томъ, что онъ сдѣлаетъ это посредствомъ купчей „крѣпости“.

III.

Въ революціонныхъ и оппозиціонныхъ кругахъ указъ 9 ноября встрѣтилъ достаточно единодушное и, конечно, рѣзко отрицательное къ себѣ отношеніе *). Многіе, однако, и въ этой средѣ склонны думать,

*) Надо, впрочемъ, сказать, что въ данномъ случаѣ, какъ и всегда это бываетъ, оказались исключенія. Нѣкоторые находятъ содержаніе этого указа достаточно цѣлесообразнымъ и въ то же время достаточно правомѣрнымъ. Въ подтвержденіе послѣдняго указываютъ на то, что даруемое имъ отдѣльнымъ крестьянамъ право укрѣплять надѣльную землю въ собственность было предусмотрѣно еще при выходѣ ихъ на выкупъ. Ссылаются при этомъ, между прочимъ, на ст. 159 „Положенія о выкупѣ", въ которой сказано, что „по уплатѣ выкупной ссуды, распространяются на выкупленныя земли правила, установленныя въ общемъ положеніи о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, въ отношеніи земель, пріобрѣтаемыхъ самими крестьянами въ собственность". По отношенію же къ землямъ послѣдняго рода въ „Общемъ положеніи" сказано (ст. 36): „Каждый членъ сельскаго общества можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, пріобрѣтенной въ общественную собственность, былъ ему выдѣленъ, въ частную собственность, участокъ, соразмѣрный съ долею его участія въ пріобрѣтеніи сей земли". Кромѣ того, въ теченіе довольно долгаго времени, какъ извѣстно, дѣйствовала, хотя и не получила широкаго распространенія 165 ст. Положенія о выкупѣ, согласно которой „если домохозяинъ, желающій выдѣлиться, внесетъ въ мѣстное казначейство всю причитающуюся на его участокъ выкупную ссуду, то общество обязывается выдѣлить крестьянину, сдѣлавшему такой взносъ, соотвѣтственный оному участокъ, по возможности къ одному мѣсту по усмотрѣнію самого общества, а впредь до выдѣла, крестьянинъ продолжаетъ пользоваться пріобрѣтенною имъ частію земли въ составѣ мірского надѣла, безъ взноса выкупныхъ платежей". Съ отмѣною выкупныхъ платежей — согласно этому мнѣнію—наступило время для приведенія указанныхъ статей въ дѣйствіе, что и сдѣлано указомъ 9 ноября. Съ этой точки зрѣнія, послѣдній если и нуждается, то лишь въ частичныхъ поправкахъ. Я не буду входить въ разборъ юридической силы такого рода соображеній. Крайне характерно въ данномъ случаѣ то, что для признанія положительныхъ качествъ въ указѣ о грабежѣ люди дѣлаютъ ссылку не на народное правосознаніе, а на сочиненныя чиновниками, въ томъ числѣ и на недѣйствовавшія еще статьи, какія нашлись въ нынѣшнемъ сводѣ законовъ. Въ сущности можно было бы даже не упоминать о такого рода соображеніяхъ. Если я счелъ необходимымъ всетаки отмѣтить ихъ, то потому только, что на эту точку зрѣнія всталъ, между прочимъ, при обсужденіи указа 9 ноября въ Вольно-экономическомъ обществѣ, одинъ изъ представителей соціалъ-демократическаго направленія въ нашей литературѣ. Возможность такого факта сама по себѣ является знаменательной. „Философскія предубѣжденія противъ общины" въ нѣкоторыхъ частяхъ русской интеллигенціи настолько сильны, что съ увѣренностью полагаться на единодушное отношеніе ея къ указу 9 ноября, можетъ быть, и не слѣдуетъ. Если вопросъ объ этомъ указѣ придется рѣшать въ связи съ вопросомъ объ общинѣ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что мы должны будемъ считаться съ попыткой отстоять существо столыпинскаго акта при помощи самыхъ разнообразныхъ соображеній, хотя бы и въ родѣ только что приведенныхъ.

что онъ не будетъ имѣть серьезныхъ послѣдствій въ народной жизни. Не сразу—разсчитываютъ одни—свѣдѣнія о новомъ законѣ проникнутъ въ крестьянскую среду и не сразу призываемыя имъ къ грабежу лица сумѣютъ использовать выгоды своего положенія. Тѣмъ временемъ соберется Государственная Дума, которая, конечно, откажетъ въ санкціи этому акту и такъ или иначе добьется его отмѣны. Другіе полагаются не столько на Думу, сколько на революціонное настроеніе крестьянской массы, при каковомъ хищническіе элементы деревни просто-на-просто не посмѣютъ воспользоваться указомъ...

Довольно проблематичныя надежды на Думу, какъ мнѣ кажется, лучше всего будетъ оставить въ сторонѣ. Мы можемъ сказать только: «дай, Боже, нашему телятi волка поймати». Конечно, если дѣйствіе указа 9 ноября будетъ вскорѣ же—скажемъ, черезъ два—три мѣсяца—отмѣнено или пріостановлено, то роль его въ народной жизни можетъ оказаться малозамѣтной и даже, быть можетъ, ничтожной. Но можемъ ли мы строить такіе разсчеты? Допустимъ даже, что Дума окажется въ этомъ отношеніи достаточно единодушной и не потерпитъ ни общей, ни спеціальной по данному вопросу аваріи,—однако и за всѣмъ тѣмъ ея борьба съ правительствомъ можетъ затянуться. Тѣмъ временемъ перенесенная внутрь деревенской общины и крестьянскаго двора борьба за землю будетъ разгораться. Когда же Дума получитъ, наконецъ, возможность пріостановить дѣйствіе аграрныхъ декретовъ, то, быть можетъ, не такъ уже просто будетъ это сдѣлать.

Во всякомъ случаѣ положеніе представляется мнѣ очень серьезнымъ. Прежде всего нельзя разсчитывать, какъ я думаю, на то, что новый законъ не скоро проникнетъ въ деревню. При обычныхъ условіяхъ для этого, дѣйствительно, можетъ быть, потребовались бы цѣлые годы. Но мы не должны забывать того напряженнаго состоянія, въ какомъ находится сейчасъ деревня. Она чутко ко всему прислушивается и нервно на все реагируетъ. И едва ли новый законъ,—законъ, касающійся земли,—можетъ пройти съ ея стороны незамѣченнымъ. Съ другой стороны, мы не должны упускать изъ виду отчаяннаго положенія крестьянъ, въ особенности въ голодающихъ мѣстностяхъ. При такихъ условіяхъ люди готовы хвататься за соломинку. И—кто знаетъ?—не ухватится ли въ силу только этого деревня за указъ 9 ноября. Укрѣпивъ надѣльную землю въ личную собственность, легче вѣдь продать, заложить ее,—однимъ словомъ, такъ или иначе утолить за ея счетъ свой голодъ...

Главное же, что необходимо въ данномъ случаѣ помнить, это то, что указъ 9 ноября—не обыкновенный законъ. Это—ударъ, занесенный надъ народомъ контръ-революціей. Само собой понятно, что она употребитъ всѣ усилія, чтобы этотъ ударъ пришелся не по воздуху только. Она постарается, конечно, отточенный ею ножъ вонзить возможно глубже. И мы знаемъ, что эти усилія уже пред-

приняты. Землеустроительнымъ коммиссіямъ не только поручено популяризовать лозунгъ «закрѣпощенія земли», но и предложено оказывать особое покровительство тѣмъ изъ крестьянъ, которые воплотятъ его въ жизни. Домохозяева, укрѣпившіе свои надѣльные участки въ личную собственность, будутъ пользоваться важными преимуществами въ дѣлѣ пріобрѣтенія помѣщичьей, казенной и удѣльной земли: ихъ требованія будутъ удовлетворяться въ первую очередь и земля имъ будетъ предоставлена по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Другими словами: гарантировавъ въ законодательномъ порядкѣ безнаказанность грабежа, правительство въ административномъ порядкѣ установило за удачно совершенные набѣги еще особую премію. Соблазнъ настолько большой, что желаніе заняться столь прибыльнымъ промысломъ можетъ охватить даже зауряднаго, хотя бы и не очень отважнаго, крестьянина.

Само собой понятно, что предпринятая правительствомъ диверсія волей-неволей заставитъ передвинуться на ту же арену и революціонныя силы. Необходимо встрѣтить зашедшаго въ тылъ врага, нужно отразить его ударъ или, по крайней мѣрѣ, ослабить его силу. Революціонныя партіи и организаціи должны какъ можно быстрѣе освѣдомить деревню о нависшей надъ ней опасности и подготовить ее по возможности къ организованному отпору...

При такихъ условіяхъ борьба за надѣльную землю очень скоро можетъ получить широкій размахъ и массовой характеръ.

Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что въ той или иной деревнѣ одинъ изъ домохозяевъ, соблазненный землеустроительной коммиссіей или наученный знакомымъ человѣкомъ, а то и просто своимъ умомъ дошедшій, укрѣпитъ надѣльную землю въ личную собственность. Нѣтъ ничего мудренаго, что этотъ случай сразу же взволнуетъ не только все селеніе, но и цѣлую округу. При этомъ могутъ получиться разныя теченія. Въ одной мѣстности подобный фактъ, можетъ быть, будетъ воспринятъ крестьянами, какъ сигналъ: «спасайся, кто можетъ!» И вотъ сначала многоземельные, а затѣмъ и всѣ другіе бросятся укрѣплять за собою надѣльную землю. Легко понять, что если такое теченіе начнется, то остановиться ему будетъ уже трудно. Сегодня Иванъ, самый многоземельный мужикъ въ деревнѣ, спасая свою землю, укрѣпитъ ее въ личную собственность. Завтра это долженъ будетъ сдѣлать слѣдующій за нимъ по количеству надѣльной земли, Петръ, которому, въ случаѣ передѣла, за уходомъ изъ общины Ивана, грозитъ теперь наибольшая опасность. Послѣзавтра то же самое продѣлаетъ Кузьма. Начнутъ бѣжать изъ общины тѣ, которые имѣютъ надѣлъ выше средняго, но, въ концѣ концовъ останутся въ общинѣ, если только останутся, лишь самые малоземельные.

Въ другой мѣстности создастся, быть можетъ, совсѣмъ другое, но тоже массовое теченіе. Опасаясь, что многоземельные крестьяне укрѣпятъ за собою общественную землю, міръ захочетъ подравнять

ее между домохозяевами: меньше будетъ соблазна, да и меньше—въ случаѣ чего—обиды. Правда, не легко это сдѣлать: слишкомъ долгая и трудная для этого нужна процедура, кромѣ того и законъ о передѣлахъ во многихъ случаяхъ можетъ явиться преградой. Нѣтъ, однако, ничего мудренаго, что міръ преодолѣетъ всѣ трудности. И—кто знаетъ?—Не вызоветъ ли указъ 9 ноября въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ передѣльнаго движенія, т. е. вмѣсто того, чтобы доканать общину, онъ, быть можетъ, оживитъ ее.

Возможны на этой почвѣ и другія явленія. Не лишне будетъ напомнить, что указъ о грабежѣ можетъ не только взволновать деревню, но и привести въ движеніе значительную часть города. Я представляю себѣ ярославца, обзаведшагося въ Петербургѣ или гдѣ-нибудь около него мелочною лавкою или другимъ торговымъ заведеніемъ. Онъ хорошо здѣсь устроился, держитъ при себѣ всю семью и, казалось бы, мало заинтересованъ въ земельныхъ отношеніяхъ. Однако и съ деревней онъ не порываетъ связей. Трудно разобраться въ его чувствахъ: можетъ быть, въ данномъ случаѣ сказывается въ немъ любовь къ родинѣ или инстинктивная тяга къ землѣ; можетъ быть, въ немъ говоритъ чувство тщеславія—въ деревнѣ вѣдь вершина благополучія, какой онъ достигъ, становится виднѣе; можетъ быть, имъ руководитъ смутное сознаніе непрочности городского благополучія и желаніе приготовить себѣ спокойный уголокъ на старость, гдѣ бы онъ могъ жить «ровно на дачѣ»... Такъ или иначе, но онъ чувствуетъ потребность, хотя бы изрѣдка—можетъ быть, разъ въ два-три года—побывать на родинѣ. Онъ ѣдетъ туда одинъ, а то и со всей семьей, оставивъ кого-либо изъ нея «при дѣлѣ», ѣдетъ на мѣсяцъ или на два, ѣдетъ лѣтомъ, когда такъ сильно манитъ къ себѣ природа, или осенью, когда запасшаяся хлѣбомъ и убоиной деревня справляетъ свои храмовые праздники... У него есть тамъ домъ,—и этотъ домъ хорошо знаютъ всѣ, бывавшіе въ Ярославщинѣ. Мѣстами чуть не въ каждой деревнѣ, среди заурядныхъ избъ, а то и жалкихъ лачужекъ, высятся одинъ-два такихъ, построенныхъ на городской манеръ, снабженныхъ городскою мебелью и крытыхъ желѣзомъ, дома. Не рѣдко вы видите, что эти дома, иногда совсѣмъ новенькіе, стоятъ наглухо заколоченные. На вашъ удивленный вопросъ, вы вездѣ получаете одинъ и тотъ же отвѣтъ: «это питеряки себѣ понастроили». На время пріѣзда своего питерскаго хозяина, въ особенности если онъ пріѣзжаетъ съ семьей, такой домъ оживляется, въ немъ толчется масса народа—всякихъ кумовьевъ и сватовъ, а на деревенской улицѣ появляются расфранченные, нацѣпляющіе на себя по двое часовъ или, по крайней мѣрѣ, по двѣ цѣпочки, кавалеры—дѣти разжившагося въ Питерѣ крестьянина... Подъ старость, сколотивъ копѣйку, нѣкоторые изъ питерцевъ дѣйствительно возвращаются жить въ деревню: одинъ открываетъ здѣсь лавку,—«такъ, для баловства больше», потому что какая же торговля въ деревнѣ; другой

занимается болѣе серьезнымъ дѣломъ — скупкой льна, напримѣръ, или лѣсомъ; но почти каждый изъ нихъ берется и за землю, хотя бы потому уже, что иначе трудно заполнить жизнь въ деревнѣ.

Живя въ Питерѣ, ярославецъ знаетъ, что пишутъ въ газетахъ. Не прочь онъ и самъ почитать или послушать, въ особенности тѣ статьи, въ которыхъ говорится о деревенскихъ непорядкахъ. Въ частности, онъ очень отзывчивъ къ разсужденіямъ на тему, что все зло въ общинѣ. Его душа уже сроднилась съ «личной собственностью», на основѣ которой онъ такъ удачно воздвигъ свое благополучіе. Кромѣ того, его тревожитъ судьба собственнаго надѣла, который онъ «препоручилъ» одному изъ сосѣдей. Какъ торговаго человѣка, его волнуетъ уже то, что этотъ капиталъ приноситъ такъ мало процентовъ. «Кабы къ рукамъ эту самую землю»... Не чуждо ему и чувство нѣкотораго безпокойства: «какъ бы тамъ, безъ него, земляки чего не надумали»... Указъ 9 ноября онъ сумѣетъ, конечно, оцѣнить и съ общей, и съ личной точки зрѣнія. Онъ быстро смекнетъ, къ чему это клонится,—и нѣтъ ничего мудренаго, что по этому случаю онъ подаритъ свою деревню неожиданнымъ визитомъ. Его неурочный пріѣздъ удивитъ, конечно, послѣднюю. «Всегда къ Петрову-дню пріѣзжалъ, съ дѣтками, съ супружницей, а тутъ нака-ся на масляной подкатился»... Дѣло, однако, скоро разъяснится,—и едва ли можно сомнѣваться, что ярославецъ вернется въ Питеръ успокоеннымъ. Такъ или иначе, но его деревня про новый законъ узнаетъ.

Такихъ «ярославцевъ» найдется, быть можетъ, не мало: одинъ поспѣшитъ укрѣпить надѣльную землю въ личную собственность, потому что «такъ спокойнѣе», другой съѣздитъ въ деревню, чтобы «окончательно развязаться». Для города такія поѣздки останутся, конечно, малозамѣтными, ибо, развѣ встрѣтившись за чайкомъ въ трактирѣ, земляки перекинутся: «думаю-де и я съѣздить». Но въ жизнь деревни онѣ, несомнѣнно, привнесутъ много новаго.

Я съ нѣкоторою подробностью остановился на этомъ типѣ проживающаго въ городѣ крестьянина, желая показать, какъ разнообразны здѣсь лица, которыя могутъ оказаться заинтересованными указомъ 9 ноября. Едва ли нужно говорить, что не только среди городскихъ удачниковъ имѣются они; несравненно больше ихъ найдется среди неудачниковъ. Представьте себѣ, что въ рабочую среду доносится изъ деревни крикъ: «грабятъ!» Несомнѣнно, многіе встрепенутся. На этой почвѣ—на почвѣ отыскиванія и укрѣпленія за собой своихъ надѣловъ—можетъ возникнуть цѣлое движеніе. Деревенская жизнь наполнится, въ такомъ случаѣ, своеобразнымъ шумомъ. Передъ міромъ неожиданно могутъ появиться лица, которыхъ деревня давно уже потеряла изъ виду. Такъ же неожиданно могутъ быть предъявлены семейные счеты, которые за давностью можно было считать ликвидированными. И въ городѣ это движеніе

будетъ, конечно, болѣе замѣтно, чѣмъ дѣловыя поѣздки на родину мелочныхъ лавочниковъ. Трудно, конечно, предусмотрѣть, какія оно можетъ имѣть послѣдствія: можетъ быть, связи между городомъ и деревней начнутъ рваться, можетъ быть, напротивъ, многія изъ нихъ, совсѣмъ было уже утраченныя, будутъ возстановлены и окрѣпнутъ. Для меня важно въ данномъ случаѣ лишь отмѣтить тотъ очень широкій, какъ видитъ читатель,—кругъ лицъ и интересовъ, которые могутъ оказаться вдвинутыми въ борьбу за надѣльную землю.

Не менѣе вѣроятно, какъ я думаю, предположеніе, что эта борьба очень скоро можетъ сдѣлаться до нельзя острой. Чтобы уяснить себѣ хотя бы нѣкоторыя въ этомъ отношеніи перспективы, постараемся представить себѣ укрѣпленіе надѣльной земли въ личную собственность по возможности въ конкретныхъ формахъ.

Крестьянинъ Иванъ Сидоровъ желаетъ воспользоваться правомъ, какое дарованно ему указомъ 9 ноября. Уже одно это желаніе можетъ возстановить противъ него всю деревню. Прежде, чѣмъ онъ даже высказалъ свое намѣреніе, въ сердцахъ его односельчанъ уже назрѣло, быть можетъ, злобное противъ него чувство. По сообщенію нѣкоторыхъ корреспондентовъ, крестьяне, прослышавшіе про указъ, уже начали опасливо и подозрительно посматривать на своихъ сосѣдей, владѣющихъ большимъ количествомъ надѣльной земли, чѣмъ имъ слѣдовало бы при уравнительной разверсткѣ. Но пусть Иванъ Сидоровъ даже не относится къ этимъ многоземельнымъ—уже одно его желаніе выдѣлиться и какъ бы обособиться отъ міра, когда всѣмъ живется скверно, легко можетъ породить въ его однообщественникахъ чувства недовѣрія и вражды.

Допустимъ, однако, что все сначала идетъ мирно. Это вполнѣ возможно, если данная община принадлежитъ къ числу тѣхъ, гдѣ фактически имѣетъ мѣсто подворно-наслѣдственное владѣніе надѣльной землей, и тѣмъ болѣе если Иванъ Сидоровъ, съ своей стороны, представитъ вполнѣ понятные міру резоны, для чего именно ему нужно «закрѣпостить» свой надѣлъ. Общество тѣмъ охотнѣе, быть можетъ, выполнитъ это желаніе, что въ его средѣ, несомнѣнно, найдутся охотники распить полъ-ведра, которые выставитъ по этому случаю Сидоровъ.

На первыхъ порахъ все дѣло сведется къ нѣкоторой формальности,—къ приговору, который выдастъ общество, а если оно откажетъ, то къ акту, который составитъ земскій начальникъ. Вполнѣ возможно, что самъ Сидоровъ смотритъ на дѣло тоже, какъ на формальность, и вовсе не желаетъ обособляться отъ общества и въ серьезъ дѣлаться личнымъ собственникомъ. Ему просто нужна «бумага», чтобы получить подъ свой надѣлъ ссуду и внести доплату за землю, которую онъ приторговалъ у помѣщика. Дѣло можетъ быть и того проще: онъ желаетъ ублажить земскаго начальника, который только при этомъ условіи соглашается охлопотать

его дѣло въ землеустроительной коммиссіи. Лишь потомъ, когда Сидоровъ окажется неисправнымъ плательщикомъ передъ банкомъ или кѣмъ-либо изъ другихъ своихъ кредиторовъ и они обратятъ взысканіе на его «личную собственность», пустивъ ее съ аукціона, онъ пойметъ, какое неожиданное значеніе можетъ имѣть въ современной жизни «бумага», которую онъ выправилъ для совершенно опредѣленной надобности. Поймутъ тогда и общество, что за полъ-ведра, выставленныхъ въ свое время Сидоровымъ, оно вынуждено теперь пустить въ свою среду совсѣмъ чужого человѣка, который, можетъ быть, испортитъ жизнь всей деревнѣ.

Возможно, однако, что Сидоровъ, укрѣпляя надѣльную землю въ личную собственность, дѣйствовалъ съ полнымъ сознаніемъ. Тогда чужой человѣкъ можетъ водвориться въ деревнѣ немедленно. Неудобства имѣть въ своей средѣ собственника общество можетъ испытать и въ лицѣ самого Сидорова, въ особенности если послѣдній имѣетъ хищническія наклонности. Допустимъ, однако, что онъ дѣйствовалъ всетаки съ самыми добрыми намѣреніями, не питая противъ своихъ односельцевъ никакого злого умысла. Предположимъ, что, укрѣпляя надѣльную землю въ личную собственность, онъ желалъ только одного: пріобрѣсти независимость, необходимую для задуманнаго имъ улучшенія своего хозяйства. Желаніе вполнѣ понятное и законное. Къ слову сказать, это вѣдь одна изъ главныхъ задачъ, которую будто бы имѣетъ въ виду указъ 9 ноября.

Итакъ, Иванъ Сидоровъ начинаетъ улучшать свое хозяйство. Если оно находится въ Московской или Смоленской губерніи, то онъ первымъ дѣломъ дѣлитъ свою пашню на четыре поля и сѣетъ клеверъ. Увеличить количество кормовыхъ средствъ—таковъ первый шагъ, который онъ долженъ сдѣлать: иначе ему нельзя прибавить скота въ хозяйствѣ. Та же задача стоитъ передъ крестьянствомъ значительной части Россіи. Итакъ, Сидоровъ сѣетъ клеверъ. Едва ли нужно говорить, что изъ этого выйдетъ...

На конференціи народно соціалистической партіи былъ разсказанъ, между прочимъ, такой фактъ. Одинъ изъ членовъ этой партіи изложилъ крестьянамъ на сходѣ сущность указа 9 ноября. Его рѣчь встрѣтили гробовымъ молчаніемъ: задумались...

— Нѣтъ!—загалдѣли всѣ разомъ.—Это не подойдетъ...

— Да онъ, собственникъ-то, вику въ пару посѣетъ...

— Скотина этого не позволитъ...

И дѣйствительно «скотина не позволитъ». Пасти скотъ крестьянамъ вѣдь негдѣ, какъ только по жнивью и паровому полю. Если у какой деревни и есть спеціальный выгонъ, то его еле-еле хватаетъ на время междупарья. Собственникъ, можетъ быть, и найдетъ для своего скота мѣсто, хотя бы на томъ участкѣ бывшей помѣщичьей земли, который ему внѣ очереди предоставитъ землеустроительная коммиссія. Но куда же дѣнется со своей скотиной вся остальная деревня? Волей-неволей она вынуждена будетъ тра-

вить вику. Но допустимъ, что Сидоровъ—человѣкъ мирный: онъ желаетъ жить съ обществомъ въ ладу и, чтобы избѣжать непріятностей съ нимъ изъ-за потравъ, онъ обгородитъ свои полосы. Но въ такомъ случаѣ поле сдѣлается непроѣзднымъ, и крестьянамъ останется одно—сломать поставленную имъ изгородь.

При всемъ своемъ миролюбіи Сидоровъ вынужденъ будетъ, въ концѣ концовъ, обратиться за защитой къ стражнику или уряднику. Начнутся протоколы о потравахъ о самоуправствѣ и т. д. Насадивъ собственника, правительство обязано будетъ защищать его, и для охраны Сидоровской вики ему придется, быть можетъ, двинуть цѣлую роту... Борьба будетъ тѣмъ острѣе и упорнѣе, что она будетъ вестись изъ-за вопросовъ, хотя и мелкихъ, но для крестьянской массы особенно важныхъ, на почвѣ интересовъ, хотя и не широкихъ, но за то для всѣхъ вполнѣ очевидныхъ.

Я взялъ крестьянина мирнаго, одушевленнаго самыми благими намѣреніями. Но, какъ я уже сказалъ, на его мѣстѣ можетъ оказаться человѣкъ съ завѣдомо хищническими инстинктами. Потравы и самоуправство онъ введетъ въ свой разсчетъ, какъ доходныя статьи, принадлежащія личному собственнику. На этомъ онъ, быть можетъ, построитъ весь свой планъ—планъ войны съ обществомъ. Допустимъ, что никто изъ своихъ крестьянъ на такую войну не рѣшится.—но вѣдь могутъ со стороны налетѣть чуткіе на всякую поживу «ястребы». Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что появятся особые промышленники, которые начнутъ скупать надѣлы, со спеціальною цѣлью устраивать изъ нихъ «западни»,—подобныя тѣмъ какія нѣкоторые изъ помѣщиковъ сумѣли устроить при надѣленіи крестьянъ. Мы знаемъ вѣдь цѣлыя имѣнія, главный доходъ которыхъ составляютъ штрафы за потравы. Мы знаемъ «отрѣзки», «клинья», «прогоны», за которые крестьянамъ приходится платить или отрабатывать чудовищныя суммы. Охотники поразставить новыя «западни»—на этотъ разъ уже внутри надѣла—и обложить такимъ путемъ крестьянскую массу новою данью, конечно, найдутся. Можетъ быть, она платить и не станетъ,- ея повышенное настроеніе въ данномъ отношеніи свою роль, несомнѣнно, сыграетъ; но отстоять себя она сможетъ не иначе, какъ борьбой, и при томъ самой упорной.

Возьмемъ, далѣе, возможное отнынѣ вселеніе въ деревню, помимо ея желанія и согласія, чуждыхъ и, быть можетъ, явно враждебныхъ ей элементовъ. Припомнимъ, какъ добивались въ свое время этой возможности кабатчики и какъ дорого, подчасъ, цѣнило общество свое дозволеніе. Теперь кабакъ внѣдряется царскимъ именемъ, и деревня противъ него безсильна. Но вѣдь и «паукъ» остался. Онъ только перемѣнилъ профессію: можетъ быть, не кабакъ онъ откроетъ, а лавочку... Такъ или иначе, но, облюбовавъ себѣ жертву, онъ постарается ее высосать. Указъ 9 ноября — это право, дарованное паукамъ, всюду раскидывать свои сѣти. Попав-

шейся въ такую сѣть деревнѣ остается одно, хотя бы и безпомощно, въ ней биться.

Въ настоящее время трудно, конечно, предвидѣть, въ какую форму отольется борьба за землю, перенесенная внутрь крестьянскаго двора. Нужно, однако предвидѣть, что и тамъ возможны будутъ острыя вещи. Переходъ отъ семейной собственности къ личной, если бы таковой начался, неизбѣжно будетъ очень мучительнымъ. Стоитъ только представить себѣ крестьянскую семью, въ которой домохозяинъ можетъ «подписать» землю, кому вздумается, или даже просто въ силу той или иной оплошности лишить ея все свое потомство. Какую напряженность внесетъ это во всѣ семейныя отношенія! Мнѣ припоминаются нѣкоторые «личные» собственники,— таковые и теперь кое-гдѣ встрѣчаются въ крестьянской средѣ. Бываетъ, что какой-нибудь владѣлецъ купчей земли, умирая бездѣтнымъ, «подпишетъ» ее кому-либо одному изъ членовъ родственной ему семьи. Какая сложная и вмѣстѣ съ тѣмъ острая подчасъ борьба интересовъ начинается потомъ около этого клочка! Нужно знать, что такое земля для крестьянина, какъ велико его желаніе ширить эту основу своего существованія и какъ великъ его страхъ лишиться ея...

Лѣтъ 10 уже не бывалъ я въ деревнѣ,— не бывалъ въ томъ смыслѣ, чтобы окунуться въ глубь жизненныхъ ея интересовъ. Можетъ быть, многое въ ней измѣнилось. Но основываясь на прежнихъ своихъ впечатлѣніяхъ, я склоненъ думать, что сознательная часть крестьянства со страхомъ отпрянетъ передъ новымъ строемъ земельныхъ отношеній,— передъ римскимъ строемъ, въ которомъ homo homini lupus est, въ которомъ даже братъ брату приходится волкомъ. Связавъ выходъ изъ общины съ обязательнымъ переходомъ къ личной собственности, правительство, быть можетъ, тѣмъ самымъ положило бревно на дорогѣ направленнаго имъ въ формѣ указа 9 ноября въ крестьянскую среду контръ-революціоннаго мотора. Семейная собственность на землю, несомнѣнно, прочнѣе общинной, и если ничто другое, то, можетъ быть, потребность сохранить дворъ заставитъ крестьянство ухватиться за общину или же искать другую коллективность, которой оно могло бы довѣрить свое право на землю.

Вдумываясь въ характеръ возможной борьбы за надѣльную землю, необходимо помнить и еще одно обстоятельство. Значительная часть деревенской жизни проходитъ внѣ твердо-установленныхъ правовыхъ нормъ. И тѣ нормы, которыя уже выработаны народнымъ правосознаніемъ, почти не пользуются организованной защитой въ лицѣ государства. Прежде, хотя и скверно, эту роль выполняли волостные суды и сельскіе сходы. Но теперь, послѣ бюрократизаціи крестьянскихъ учрежденій, сходы и тѣмъ болѣе суды стоятъ настражѣ не столько крестьянскаго правосознанія, сколько правосознанія земскаго начальника. Мнѣ, по край-

ней мѣрѣ, извѣстны случаи, когда наканунѣ каждаго засѣданія волостного суда его предсѣдатель, какъ департаментскій чиновникъ, отправляется съ докладомъ къ земскому, гдѣ — допустимъ даже, послѣ справокъ въ законѣ, въ томъ числѣ и въ X томѣ, — подъискивается для каждаго дѣла рѣшеніе, наиболѣе пріятное или кажущееся наиболѣе справедливымъ «барину». То же право, которое выработано народомъ, каждому заинтересованному въ немъ приходится охранять самому, при той лишь слабой поддержкѣ, какую можетъ оказать ему общественное мнѣніе. Само собой понятно, что многіе вопросы рѣшаются при этомъ нерѣдко просто-напросто силой.

Указъ 9 ноября ставитъ на очередь и дѣлаетъ неотложными массу новыхъ правовыхъ вопросовъ при отсутствіи какихъ бы то ни было формъ, въ которыхъ могло бы высказаться коллективное правосознаніе, и при полномъ почти отсутствіи организованныхъ силъ, которыя могли бы выступить на его защиту.

Хуже того. Этотъ указъ — повторяю — контръ-революціонный актъ. Онъ имѣетъ совершенно опредѣленную задачу: борьбу, которая охватила уже почти всю поверхность русской жизни и которая сплотила уже массы, онъ задается цѣлью перенести въ самый низъ, вглубь народнаго организма и тамъ привести въ столкновеніе всѣ его частички. Перенесенная внутрь, борьба сохранитъ, конечно, въ общемъ тотъ же характеръ, что и на поверхности. Всѣ организованныя силы государственности, пока контръ-революція владѣетъ ими, — судъ и законъ, полицію и войско, — она направитъ на поддержку хищника противъ трудящагося, немногихъ счастливчиковъ противъ всей почти массы. И предоставленныя собственнымъ силамъ, частички этой массы, быть можетъ, не найдутъ другихъ средствъ для защиты своего права и своихъ интересовъ, кромѣ собственныхъ кулаковъ и дреколья.

Перенесенная внутрь деревенской общины и крестьянской семьи, борьба за землю можетъ получить не только широкій размахъ, но и крайне острый характеръ. Мы стоимъ, быть можетъ, лицомъ къ лицу передъ громаднымъ углубленіемъ революціи.

IV.

Я намѣтилъ нѣкоторыя возможности, болѣе или менѣе вѣроятныя, болѣе или менѣе близкія. Читателямъ понятно, конечно, что, намѣчая ихъ, я вовсе не хотѣлъ и не хочу сказать, что жизнь въ томъ или другомъ изъ указанныхъ мною направленій пойдетъ прямолинейно и что движеніе ея въ каждомъ изъ нихъ будетъ быстротечно.

Нельзя думать, чтобы имѣющіе громадное значеніе въ народной жизни институты общинной и тѣмъ болѣе подворной собственности

могли быстро и безслѣдно исчезнуть. Самое большее, что можетъ сдѣлать въ данномъ отношеніи революціонная, хотя бы и самая ожесточенная, борьба, это—заложить основы новаго права. Въ зависимости отъ исхода этой борьбы право можетъ получиться, конечно, разное. Можетъ быть ножъ, который всадила революція, откроетъ выходъ для застоявшагося въ соціальномъ организмѣ гноя; можетъ быть, этотъ ножъ привнесетъ въ него новое болѣзнетворное начало. Но гной будетъ вытекать или зараза будетъ распространяться лишь постепенно. Долгіе годы будутъ нужны, чтобы новыя правовыя начала вошли въ народную жизнь; въ очень медленномъ и, быть можетъ, крайне болѣзненномъ процессѣ отдѣльныя части соціальнаго организма будутъ приспособляться къ своимъ новымъ функціямъ, и не сразу структура этого организма, какую придастъ ему революція, пріобрѣтетъ необходимую устойчивость.

Вполнѣ возможно и даже вѣроятно, что во многихъ мѣстностяхъ указъ 9 ноября пройдетъ на первыхъ порахъ почти не замѣченнымъ. Жизнь окажется въ нихъ недостаточно къ нему воспріимчивой. Не менѣе возможно, что въ другихъ мѣстахъ, произведя сразу же очень сильное дѣйствіе, онъ вызоветъ затѣмъ столь же почти сильную реакцію. Перейдя, напримѣръ, къ личной собственности, крестьяне, быть можетъ, потомъ опять возстановятъ общинную. Надо сказать, что въ исторіи общины такіе случаи уже бывали. Подѣливъ (на основаніи ст. 115 мѣстнаго великор. полож.) по тѣмъ или инымъ соображеніямъ общинную землю въ подворную собственность, крестьяне затѣмъ нерѣдко даже забывали о состоявшемся на этотъ счетъ приговорѣ,—и изслѣдователямъ, ознакомившимся съ такимъ приговоромъ въ волостномъ архивѣ, приходилось потомъ на мѣстѣ находить практикующую передѣлы общину. Теперь такіе случаи разрушенія общины на время и даже только на бумагѣ могутъ быть особенно часты, въ виду возможности ублаготворить такимъ образомъ предержащія власти. Нѣтъ ничего мудренаго, что найдутся такіе ретивые и еще достаточно авторитетные земскіе начальники, въ участкахъ которыхъ всѣ крестьяне перейдутъ къ личной собственности. Само собой понятно, что институтъ послѣдней въ такихъ мѣстахъ не можетъ быть достаточно устойчивымъ. Вполнѣ возможно, однако, что, отказавшись отъ общины только на бумагѣ, крестьяне вынуждены будутъ дальнѣйшимъ ходомъ событій разрушить ее и на дѣлѣ.

Нельзя такъ же думать, что всѣ вопросы, съ которыми сопряженъ переходъ отъ одного земельнаго строя къ другому, встанутъ передъ всей страной сразу. Если бы это было такъ, то можно было бы съ достаточною увѣренностью разсчитывать на сознательное и, по крайней мѣрѣ, на единодушное отношеніе крестьянства къ ожидающимъ его перспективамъ. Въ дѣйствительности, конечно, дѣло пойдетъ иначе; въ однихъ мѣстахъ всплывутъ раньше одни вопросы, въ другихъ — другіе, и крестьянство выну-

ждено будетъ идти ощупью, по частямъ рѣшать великую проблему.

Вообще картина, вѣроятнѣе всего, будетъ пестрая. И вмѣстѣ съ тѣмъ очень сложная.

Да, сложная... Предстоящую борьбу за надѣльную землю нельзя мыслить въ какой либо одной упрощенной схемѣ. Многіе склонны представлять себѣ дѣло такимъ образомъ: хищники и черносотенцы будутъ нападать, сознательная и трудовая часть крестьянства будетъ защищаться. Въ дѣйствительности, однако, борьба, почти несомнѣнно, будетъ сложнѣе, и въ этомъ заключается, можетъ быть, главная ея опасность. Но благодаря этому же, въ случаѣ успѣха, она можетъ оказаться для трудового народа въ высшей степени благотворной.

Нападать будутъ не только хищники. Выше я взялъ въ примѣръ Ивана Сидорова и его желаніе — обезпечить себѣ въ своемъ хозяйствѣ независимость — я квалифицировалъ, какъ вполнѣ понятное и законное. Такихъ Сидоровыхъ много найдется, особенно въ нечерноземной Россіи. Нынѣшняя община съ ея черезполосностью, принудительнымъ сѣвооборотомъ и т. д. неизбѣжно стѣсняетъ личность, стремящуюся и даже вынужденную всѣмъ хозяйственнымъ строемъ проявлять возможно большую хозяйственную предпріимчивость. Вполнѣ понятно поэтому, что во многихъ мѣстностяхъ наблюдается въ крестьянской средѣ довольно сильное тяготѣніе къ отрубному или участковому землепользованію. Помимо хозяйственной независимости, такое землепользованіе — когда вся земля тутъ же, вокругъ дома, подъ руками — при интенсивномъ хозяйствѣ представляетъ массу другихъ удобствъ.

Надо сказать, что отрубное землепользованіе вполнѣ совмѣстимо съ институтомъ коллективной и той же общинной собственности на землю. Община въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ виду выяснившейся и созданной потребности, уже начала вырабатывать формы такого землепользованія. Напомню хотя бы ярославскую «сотню», при помощи которой крестьяне стараются свести мелкія и разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ полосы въ немногочисленные для каждаго домохозяина и болѣе крупные участки. Съ другой стороны, подворная или личная собственность на землю отнюдь не гарантируетъ отрубнаго землепользованія. Напротивъ, мы знаемъ громадныя мѣстности — можно указать въ этомъ случаѣ на значительную часть Украины, гдѣ подворная или личная собственность существуетъ на ряду съ крайне дробной черезполосицей и неизбѣжнымъ при ней принудительнымъ сѣвооборотомъ. Въ частности, указъ 9 ноября, допускающій укрѣпленіе въ личную собственность черезполосныхъ участковъ и допускающій требованіе о выдѣлѣ ихъ къ одному мѣсту только при общихъ передѣлахъ, неизбѣжно ведетъ къ созданію такой — наихудшей изъ всѣхъ существующихъ, какъ выразился А. А. Кауфманъ — формы землевладѣнія. Если бы укрѣпленіе въ личную собственность происходило

даже съ обязательнымъ выдѣломъ къ одному мѣсту, то и въ такомъ случаѣ, при нынѣшнемъ наслѣдственномъ правѣ, очень скоро должна была бы образоваться невѣроятная и крайне трудно устранимая черезполосица.

Къ сожалѣнію, въ числѣ всякихъ предубѣжденій противъ общинной земельной собственности едва ли не самымъ сильнымъ и едва ли не самымъ распространеннымъ является мысль, что такая собственность неразрывно связана съ черезполосицей, и съ другой стороны, — что личная собственность лучше, чѣмъ всякая иная, гарантируетъ ея владѣльцу обладаніе его землей въ одномъ мѣстѣ. Это предубѣжденіе распространено и въ крестьянствѣ. Нѣтъ поэтому ничего невѣроятнаго, что Иванъ Сидоровъ—одинъ изъ наиболѣе, быть можетъ, трудолюбивыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе энергичныхъ крестьянъ данной деревни, окажется вмѣстѣ съ хищниками въ числѣ нападающихъ на общину. Конечно, на нынѣшнюю общину,—и только потому, быть можетъ, что онъ не знаетъ о возможности перехода ея въ другую форму.

Не менѣе понятно и не менѣе законно другое желаніе того же, скажемъ, Ивана Сидорова. Онъ желаетъ, чтобы трудъ, который онъ вложитъ въ землю; а при интенсивномъ хозяйствѣ онъ можетъ быть очень значительнымъ,—не пропалъ понапрасну: при общинномъ же землевладѣніи онъ боится, что земля можетъ быть у него отобрана прежде, чѣмъ онъ используетъ произведенныя затраты. Отсюда его стремленіе укрѣпить свою землю «въ вѣчность». Мы знаемъ опять-таки, что коллективная собственность на землю, можетъ быть лучше, чѣмъ всякая другая, гарантировать трудящемуся плоды его трудовъ. Напомню и въ данномъ случаѣ, что община –нынѣшняя даже община--давно уже выступила на этотъ путь. Еще покойнымъ Орловымъ, при изслѣдованіи имъ общиннаго землевладѣнія въ Московской губерніи въ концѣ 70-хъ годовъ, было констатировано примѣненіе самыхъ разнообразныхъ формъ вознагражденія за произведенныя улучшенія, какія общины практиковали въ его время при передѣлахъ по отношенію къ домохозяевамъ, получавшимъ почему-либо худшую землю. Тоже наблюдалось изслѣдователями общинной жизни и въ другихъ мѣстахъ. И если такое вознагражденіе не получило до сихъ поръ общаго признанія и повсемѣстнаго распространенія, то, быть можетъ, потому только, что народное правосознаніе было лишено органа, при посредствѣ котораго оно могло бы отливать вырабатываемыя имъ нормы въ достаточно широкія и прочныя, надлежащимъ образомъ охраняемыя, правовыя формы. Напомню, съ другой стороны, что личная собственность отнюдь не гарантируетъ трудящемуся, что вложенный имъ въ землю трудъ будетъ вполнѣ вознагражденъ. Больше того: онъ легко можетъ не только лишиться права на вознагражденіе, но и права на землю. Тѣмъ не менѣе со стороны Ивана Сидорова вполнѣ возможно недоразумѣніе: опа-

саясь, какъ бы его не ограбили однообщинники, онъ пойдетъ вмѣстѣ съ завѣдомыми грабителями. И такихъ сидо[illegible]ыхъ - повторяю—можетъ оказаться не мало.

Но противъ нынѣшней общины можно предъявить и болѣе серьезныя обвиненія. Поскольку послѣднія не основаны на недоразумѣніи, всѣ ихъ можно свести къ одному первоисточнику, къ совершенно ненормальному—двусмысленному—положенію общины въ современномъ строѣ. Въ силу историческихъ условій, она сохранила до сихъ поръ принадлежавшій ей недавно характеръ территоріально-государственнаго союза; съ другой стороны, объединяя не всѣхъ жителей данной территоріи, а только земледѣльцевъ, она является частно-хозяйственнымъ союзомъ, въ качествѣ какового она только и можетъ правильно функціонировать. Благодаря этому, въ общинной жизни создался рядъ всевозможныхъ противорѣчій, которыя невозможно разрѣшить при нынѣшнемъ ея строѣ. Сущность всѣхъ этихъ противорѣчій сводится къ одному основному: въ качествѣ хозяйственнаго союза, община можетъ и должна быть союзомъ исключительно добровольнымъ; въ качествѣ государственнаго она продолжаетъ имѣть принудительный характеръ.

Чтобы пояснить свою мысль, возьму одну изъ сторонъ общинной жизни, очень рѣдко привлекающую къ себѣ вниманіе, но тѣмъ не менѣе крайне важную, какъ потому, что съ ней придется серьезно считаться при предстоящемъ государственномъ переустройствѣ, такъ и потому, что она можетъ сыграть очень серьезную роль въ интересующей насъ борьбѣ за надѣльную землю.

Выше я упомянулъ о вселеніи въ деревню, которое можетъ произойти нынѣ не иначе, какъ съ согласія общины. Правда, жизнь уже много сдѣлала въ этой стѣнѣ брешей, но и за всѣмъ тѣмъ она красуется еще вокругъ деревни. Среди охотниковъ расширить эти бреши и даже снести до самаго основанія всю стѣну, несомнѣнно, окажутся не только «пауки» и всякіе другіе хищники. Право гражданина жить, гдѣ онъ хочетъ, такъ называемая «свобода передвиженія»—значится въ программахъ всѣхъ прогрессивныхъ партій. Но чтобы реализировать это право по отношенію къ деревнѣ, гражданинъ долженъ сдѣлаться обладателемъ надѣльной земли, что при общинномъ землевладѣніи не для всякаго доступно. Даже снять себѣ для этого въ аренду участокъ или нанять квартиру у кого-либо изъ общинниковъ, если этого не захочетъ міръ, не всякій можетъ. По крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ, наиболѣе жизненныхъ, общинахъ до сихъ поръ сохранилась эта власть міра. Казалось бы, эта власть должна быть уничтожена. Но, съ другой стороны, по отношенію къ хозяйственному союзу безусловно недопустимо какое бы то ни было принужденіе и, стало быть, право схода не допускать вселенія въ общину чуждыхъ ей элементовъ, помимо общаго на то согласія, должно быть признано и охраняемо. Понятно, что не легко развязать этотъ узелъ.

Допустимъ, что этотъ крайне трудный и въ то же время крайне важный вопросъ не привлечетъ къ себѣ вниманія при установленіи законодательнымъ путемъ «вольностей». Но вѣдь данная потребность вполнѣ назрѣла въ жизни, и она, несомнѣнно, начнетъ прозагать и уже прокладываетъ себѣ путь при помощи борьбы въ обходъ или наперекоръ наличнымъ правовымъ формамъ. Охотники вселиться въ деревню имѣются, какъ уже сказалъ я, не только среди хищниковъ: въ числѣ такихъ охотниковъ могутъ быть крайне цѣнныя для самой деревни культурныя силы. Нѣтъ ничего поэтому мудренаго, что даже наиболѣе благожелательно настроенныя по отношенію къ трудовому крестьянству лица окажутся въ числѣ разрушителей коллективной земельной собственности. Представьте себѣ, что учитель, сжившійся съ дачной деревней, желаетъ прочно въ ней обосноваться, чтобы всего себя отдать мѣстной общественной жизни. Можетъ быть, міръ не найдетъ возможнымъ — при остромъ малоземельѣ это вполнѣ понятно, да и помимо того могутъ встрѣтиться преграды, — выдѣлить ему кусокъ общинной земли. Что же остается сдѣлать этому учителю? — найти Оадея или Ѳому, который желаетъ или вынужденъ развязаться съ землей и который, укрѣпивъ ее въ личную собственность, переподастъ затѣмъ желающему слиться съ народомъ интеллигенту. Такимъ образомъ, на общину въ виду присущихъ ей аномалій нападетъ, быть можетъ, ея доброжелатель и даже сторонникъ коллективной собственности на землю.

Подобныхъ интеллигентовъ найдется, быть можетъ, не много. Но потребность вселенія въ деревню самыхъ разнообразныхъ элементовъ — повторяю — очень велика. Необходимо такъ или иначе создать такой деревенскій и общинный укладъ, который давалъ бы выходъ для этой потребности — и вмѣстѣ съ тѣмъ, гарантировалъ бы хозяйственный союзъ отъ вторженія въ него чуждыхъ ему элементовъ *).

Не менѣе велика другая потребность — потребность выхода изъ общины, въ связи съ выселеніемъ изъ деревни. Съ легкой руки

*) Легко понять, что этотъ вопросъ касается не только формы землевладѣнія, но и той первичной ячейки, которая должна лежать въ основѣ всей государственной организаціи, — не только земельной общины, которая должна реформироваться по типу кооперації, но и сельскаго общества, которое должно быть устроено по типу муниципіи. И не случайно взялъ для примѣра вселеніе. На немъ, какъ мнѣ казалось, наиболѣе наглядно можно было показать органическую связь въ низахъ народной жизни двухъ великихъ вопросовъ нашего времени: аграрнаго и политическаго. Общественная мысль до сихъ поръ слишкомъ мало еще продвинула вопросъ о мѣстномъ государственномъ устройствѣ. Дальше мелкой земской единицы не идутъ даже наиболѣе разработанные проекты. Между тѣмъ необходимо спуститься еще ниже. И мнѣ хотѣлось обратить вниманіе читателей на эту необходимость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на невозможность дать сколько-нибудь удачные проекты земельнаго и общаго мѣстнаго устройства внѣ связи ихъ другъ съ другомъ.

марксистовъ, до крайности запутавшихъ этотъ вопросъ, въ обществѣнныхъ кругахъ довольно широко распространено убѣжденіе, что такому выходу мѣшали и мѣшаютъ круговая порука (уже отмѣненная) паспортныя стѣсненія (тоже недавно потерявшія для крестьянъ специфическую свою силу) и другія однородныя имъ ограниченія крестьянскихъ правъ, будто бы неразрывно связанныя съ общиной. Въ дѣйствительности, свободному выходу изъ нея мѣшало—по крайней мѣрѣ, по скольку рѣчь идетъ о послѣднихъ двухъ десятилѣтіяхъ,—лишь одно обстоятельство: невозможность реализировать пріобрѣтенныя права на надѣльную землю. Долгіе годы крестьянинъ вносилъ—нерѣдко «спуста», т. е. не пользуясь даже землею—выкупныя подати. Онъ «выкупалъ» свою землю и думалъ въ этой формѣ изъ своего трудового достатка принудительныя сбереженія,—и вотъ теперь, когда земля «окуплена», когда она дѣйствительно стоитъ, когда его надѣлъ даетъ «верхи», т. е. больше, чѣмъ сколько съ него сходитъ податей, онъ долженъ уйти отъ земли, не выручивъ ни копѣйки. Община его, конечно, отпуститъ и уплату податей за него на себя приметъ,—изъ тысячи общинъ можетъ быть найдется одна, которая къ его выходу поставила бы препятствія; но онъ не можетъ уйти самъ, психологически не можетъ, потому что это значило бы бросить нѣсколько радужныхъ, которыхъ стоитъ теперь его надѣлъ, и лишиться такимъ образомъ единственныхъ, быть можетъ, сбереженій, какія онъ имѣетъ. И вотъ онъ держится за этотъ надѣлъ и, даже уходя на жительство въ городъ, оставляетъ его за собою. Вполнѣ понятно, что возможность закрѣпить надѣлъ въ личную собственность и затѣмъ продать его явится для такого крестьянина единственнымъ средствомъ выручить свои сбереженія, и онъ, конечно, не замедлитъ имъ воспользоваться. Но легко вмѣстѣ съ тѣмъ понять и то, что пріобрѣтенныя этимъ крестьяниномъ права на надѣлъ могутъ быть выкуплены государствомъ, и, такимъ образомъ, свобода выхода изъ нынѣшней общины можетъ быть достигнута безъ обращенія земли въ личную собственность.

Противниковъ общины, въ родѣ указанныхъ мною,—противниковъ по недоразумѣнію и по неволѣ,—можетъ оказаться много. Не мало такихъ противниковъ можетъ найтись и у семейной собственности. Не только хищники—повторяю—окажутся въ числѣ нападающихъ, въ числѣ ихъ могутъ сказаться и такія силы, которыя будутъ бороться за права личности и трудовые интересы. Это обстоятельство можетъ спутать отношенія и до нельзя осложнить борьбу. Въ расчетѣ на такую путаницу контръ-революціонеры, быть можетъ, и предпримутъ свою диверсію. Зайдя въ тылъ революціонной арміи, они могутъ не только произвести въ ея рядахъ замѣшательство, но и противопоставить другъ другу боровшіяся доселѣ вмѣстѣ силы.

Для того, чтобы этого не случилось, есть, какъ я думаю, только одно средство. Разъ борьба за надѣльную землю возгорится, трудо-

вому народу нельзя остаться на оборонительныхъ позиціяхъ. Въ такомъ случаѣ отъ него отколятся и даже, быть можетъ, нападутъ на него наиболѣе дѣятельные его элементы. Необходимо вмѣстѣ съ ними перейти въ наступленіе. Нужно смѣло подойти къ противорѣчіямъ, какія имѣются въ земельной общинѣ и крестьянскомъ дворѣ, и постараться разрѣшить ихъ согласно съ правами человѣческой личности и интересами трудового народа. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, между ними, если и есть противоположность, то только кажущаяся. Освободить личность въ крестьянскомъ дворѣ и земельной общинѣ, несомнѣнно, можно, сохранивъ землю въ коллективной собственности. Больше того: для освобожденія личности при данныхъ условіяхъ есть только одно дѣйствительное средство—это собрать всю землю въ распоряженіи болѣе широкой, чѣмъ община или дворъ, коллективности. Въ эту сторону и необходимо направить всѣ силы.

Диверсія, произведенная правительствомъ, на много, быть можетъ, осложнила и затруднила русскую революцію, но за то она открыла для нея новыя и при томъ очень широкія перспективы.

А. Пѣшехоновъ.

Викторъ Александровичъ Гольцевъ.

18 ноября, въ Москвѣ умеръ Викторъ Александровичъ Гольцевъ. Умеръ онъ 56 лѣтъ, въ возрастѣ, когда общественные работники на Западѣ считаются въ расцвѣтѣ силъ, т. е. когда жизнь дала имъ то, что могла дать изъ области познаній и опыта, а старость не успѣла еще подточить дѣятельныя силы и энергію... Гольцевъ уже нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ былъ человѣкъ больной и разбитый. Хотя до конца онъ продолжалъ работать, редактируя «Русскую Мысль» и выступая съ литературными статьями, но всѣмъ, знавшимъ покойнаго, было ясно, что это уже далеко не «расцвѣтъ силъ», а печальный и ранній закатъ...

Отчего это случается въ нашемъ отечествѣ такъ часто? Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можно, разумѣется, указывать самыя разнообразныя обстоятельства, способствующія слишкомъ раннему закату порой такъ ярко начинающихся жизней. «Мы не умѣемъ экономить своихъ силъ», «мы не способны правильно организовать собственную работу», «мы не знаемъ мѣры въ трудѣ и отдыхѣ», «мы часто придаемъ послѣднему формы, не способствующія возстановленію растрачиваемой нервной энергіи»...

Пусть такъ. Пусть рѣдкая біографія русскаго даровитаго человѣка обходится безъ этихъ мотивовъ. Но за то наши болѣе счастливые европейскіе собратья не знаютъ уже давно другихъ мотивовъ, которыми до излишества богата жизнь только что скончавшагося писателя.

Въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ Гольцевъ появился на московскомъ горизонтѣ въ качествѣ приватъ-доцента по полицейскому праву. О молодомъ ученомъ сразу заговорили, какъ о силѣ, подающей блестящія надежды. Всѣ, кто хорошо зналъ покойнаго, знаютъ также, что именно устная рѣчь, лекція, импровизація являлись той формой, въ которой всего легче и всего свободнѣе развертывались его умъ и его интеллектуальная личность. Но профессорская карьера съ первыхъ же шаговъ была для него закрыта. Послѣ кратковременной высылки (тоже неизбѣжная черта русской интеллигентной карьеры) онъ былъ лишенъ права выступать на университетской каѳедрѣ, —правда, не навсегда: въ послѣдніе годы ему вернули это право, но это была только странная и довольно жестокая иронія: послѣ перерыва въ четверть вѣка Гольцеву предоставили возможность вернуться къ началу ученой карьеры, въ которой онъ подавалъ такія «блестящія надежды» въ свои молодые, далеко отошедшіе годы...

Въ эти четверть вѣка Гольцевъ отдалъ свои силы журналистикѣ. Онъ сталъ журналистомъ русскимъ, и это, конечно, уже матеріалъ для трагедіи. Но, кромѣ того, волею судьбы онъ былъ журналистъ московскій, а это уже трагедія двойная. Самодержавіе у насъ было, конечно, одно для всей страны. Для всей страны писались также и цензурные уставы. Но — земля наша, какъ извѣстно, велика и обильна разнообразіемъ всякаго гнета. «Единыя начала» преломляются на ея просторѣ весьма различно, въ зависимости отъ географическаго положенія и «мѣстныхъ историческихъ условій». Сухой «чиновничій» Петербургъ пишетъ «законы», «циркуляры» и «разъясненія», охватывающіе одной системой давленія всю страну, до самыхъ далекихъ окраинъ. Замѣчательно, однако, что никогда въ Петербургѣ, то есть у самаго источника этого репрессивнаго творчества,—цензурное давленіе не сказывалось съ такой угрюмою и мрачною силой, какъ въ добродушной и якобы не чиновничьей Москвѣ. Въ Петербургѣ работало центральное правительство, Петербургъ сочинялъ въ руководство и разъясненіе тысячи циркуляровъ... Но за то матушка Москва выдвинула изъ своихъ нѣдръ такихъ добровольцевъ изувѣрно-патріотическаго сыска, передъ которыми петербургскій князь Мещерскій со своимъ «Гражданиномъ» — только наивный и смѣшной младенецъ. Поэтому судьбы оппозиціонной печати въ Москвѣ въ общемъ были гораздо тяжелѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Разсказываютъ, что въ началѣ 80-хъ годовъ, когда самое существованіе «независимой политической» прессы объявлялось зломъ, подлежащимъ искорененію, одинъ административный

юнитеръ подвергъ опросу редакторовъ ежедневныхъ періодическихъ изданій относительно ихъ «направленія». Редакторы отвѣчали, какъ могли отвѣчать въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, когда обвиненіе не ставится, не наказаніе готово разразиться по простому и довольно темному усмотрѣнію. Только одинъ изъ издателей, призванныхъ къ этому своеобразному допросу, вполнѣ удовлетворилъ грозное начальство. На вопросъ о его «направленіи» онъ отвѣтилъ кратко, довѣрчиво и просто:

— Кормимся, ваше—ство...

Это было вѣрное откровеніе и съ тѣхъ поръ оно стало лучшимъ критеріемъ при разрѣшеніи новыхъ газетъ и журналовъ: дозволять кормленіе посредствомъ литературы и искоренить въ ней идейныя стремленія—такъ окончательно опредѣлилась программа въ отношеніи періодической прессы. Издатель, которому приписывается эта своеобразная формулировка «направленія», былъ истиннымъ порожденіемъ Москвы, съ ея сорока сороками, любимымъ мѣстомъ, Царь-колоколомъ и Страстнымъ бульваромъ. Впослѣдствіи этотъ догадливый человѣкъ былъ не однажды «декорированъ» орденами за особыя заслуги въ области отечественной литературы, и съ его легкой руки газеты и журналы всего легче разрѣшались—купцамъ.

Гольцевъ былъ тоже москвичъ и при томъ москвичъ истинный, до мозга костей. Но онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ европеецъ, человѣкъ новыхъ стремленій, которымъ пришлось преломляться въ московской средѣ. Выступить на литературное поприще ему пришлось именно въ кувшинной газетѣ, разрѣшенной подъ вліяніемъ указаннаго выше «курса». Московскому 1-й гильдіи купцу, г-ну Лапину, было дозволено изданіе ежедневной газеты «Русскій Курьеръ». Издатель обладалъ прекраснымъ цензомъ: онъ былъ владѣлецъ весьма извѣстной фабрики шипучихъ водъ, которыя носили выразительное названіе «лапинскаго» или «русскаго шампанскаго». Предполагалось, что человѣкъ, сумѣвшій замѣнить ударяющій въ голову заграничный напитокъ—скромной, хотя и шипучей водицей отечественнаго производства, сдѣлаетъ то же самое и въ области печатнаго слова. Оказалось, однако, что надежды начальства были обмануты: удаленный съ каѳедры молодой профессоръ, В. А. Гольцевъ, составилъ для новой газеты кружокъ сотрудниковъ, и въ «Курьерѣ» московскаго 1-й гильдіи купца Лапина неожиданно забилъ живой ключъ даровитаго, молодого и довольно крѣпкаго по тому времени либерализма... Московскіе добровольцы ударили тревогу, посыпались доносы, а за доносами, конечно, кары и «мѣропріятія». В. А. Гольцевъ долженъ былъ оставить газету вмѣстѣ съ своимъ кружкомъ. Лапинъ составилъ новый кружокъ сотрудниковъ, руководительство которымъ фактически взялъ въ свои руки. Въ концѣ концовъ газета, тоже «подававшая большія надежды» въ первые мѣсяцы послѣ своего выступленія, рѣзко терпла литературный обликъ и скончa-

лась среди смѣха москвичей-читателей, а Гольцевъ еще разъ почувствовалъ себя выбитымъ изъ занятой позиціи.

Послѣ этого онъ примкнулъ къ ежемѣсячному журналу «Русская Мысль», который издавался тоже московскимъ кружкомъ В. М. Лавровымъ. Съ этихъ поръ біографія В. А. Гольцева тѣсно сливается съ исторіей этого журнала, въ которомъ онъ работаетъ уже безъ перерывовъ до конца своей жизни... Умный москвичъ, умудренный печальнымъ опытомъ, онъ сумѣлъ проводить журналъ, безъ особенно чувствительныхъ административныхъ крушеній, мимо опасныхъ подводныхъ рифовъ, и «Русская Мысль» долгіе годы являлась единственной представительницей независимой ежемѣсячной прессы въ Москвѣ... Одно время, послѣ закрытія «Отечественныхъ Записокъ», значеніе московскаго журнала сильно возросло. Какъ по числу подписчиковъ, такъ и по литературному и моральному вліянію онъ занималъ первое мѣсто въ русской ежемѣсячной журналистикѣ. Впослѣдствіи это значеніе относительно ослабѣло. Но и въ періодъ расцвѣта, и въ болѣе трудные дни В. А. Гольцевъ являлся истиннымъ двигателемъ, душой этого изданія.

Послѣ его смерти явились въ газетахъ слухи, будто и «Русская Мысль» прекратитъ свое существованіе. Эти слухи указываютъ только, какъ тѣсно въ глазахъ москвичей связана судьба журнала съ личностью его вдохновителя. Къ счастью, въ послѣднее время явились опредѣленныя гарантіи, что журналъ будетъ продолжать свое существованіе, и это, конечно, было бы лучшей данью уваженія со стороны интеллигенціи Москвы на могилу В. А. Гольцева.

Въ этой краткой замѣткѣ мы, конечно, не имѣли въ виду возстановлять передъ читателемъ всѣ черты этой сложной, живой, интересной и чрезвычайно своеобразной литературно-общественной физіономіи. Гольцевъ былъ человѣкъ очень живой и даровитый, съ яркимъ общественнымъ темпераментомъ, забитый изъ колеи безсмысленной реакціей и безцѣльными репрессіями. Истинное его призваніе было—устное слово, каѳедра, быть можетъ, парламентская трибуна. Но и то, что онъ сдѣлалъ на поприщѣ русской журналистики,—заслуживаетъ не только теплаго поминальнаго слова, но также честныхъ усилій для продолженія дѣла, которому онъ отдалъ большую часть своей сознательной жизни и въ которое вложилъ наибольшую долю своей даровитой личности...

Желаемъ отъ души всякаго успѣха въ этомъ направленіи нашимъ московскимъ журнальнымъ товарищамъ...

Вл. Кор.

Николай Георгіевичъ Гаринъ-Михайловскій.

За три дня до своей смерти Н. Г. былъ у меня. Онъ пришелъ утомленный отъ той напряженной жизни, которую онъ, какъ всегда, велъ въ Петербургѣ, при которой спать ему приходилось два—три часа. Но съ первыхъ же словъ, съ перваго же вопроса о его дальнѣйшихъ намѣреніяхъ онъ воодушевился и сталъ развивать свой очередной планъ... Какъ всегда, блестяще развертывался грандіозный планъ, и, какъ всегда, въ основѣ вѣрный и остроумный, пока онъ оставался въ области мысли. Наканунѣ его смерти я зашелъ къ нему. У него оказалось огромное общество. Кончался обѣдъ, говорились рѣчи и развивался новый планъ—созданіе новаго театра. Тутъ же зарождались и другіе планы—новаго книгоиздательства, и въ центрѣ всѣхъ этихъ плановъ, какъ всегда, оказывался Николай Георгіевичъ. Въ тотъ вечеръ онъ былъ необыкновенно воодушевленъ и искренно огорчился моимъ скептическимъ отношеніемъ, моимъ отказомъ войти въ дѣло...

На другой день онъ умеръ. Умеръ въ редакціи, обсуждая литературныя дѣла, и, очень можетъ быть, я не знаю—за постройкой опять какого-нибудь плана.

Такъ было всегда. Можно сказать, вся жизнь Н. Г. была сплошнымъ фейерверкомъ смѣлыхъ мыслей, необыкновенной фантазіи, грандіозныхъ построеній. Это не значитъ, что его планы были только фейерверкомъ. Серьезные, солидные люди его инженерной спеціальности говорили мнѣ, что его планы были остроумны, всегда смѣлы по замыслу, всегда оригинальны по построенію, что онъ поразительно быстро схватывалъ существо дѣла и облекалъ его въ форму, нужную для этого существа дѣла. И если изъ грандіозныхъ плановъ не выходило того, что должно было выйти, то причина этому лежала въ другой сторонѣ характера Николая Георгіевича. Онъ былъ недостаточно хорошій исполнитель. Его интересовала идея, а не фактъ, и, какъ только идея начинала воплощаться въ жизнь, онъ уже терялъ значительную долю интереса къ ней, и новыя вереницы новыхъ идей и смѣлыхъ плановъ заполняли вѣчно мятущуюся мысль Н. Г. И безконечная доброта, особенная, безоружная, беззащитная доброта Н. Г., которую хорошо знали люди, близко познакомившіеся съ нимъ, не помогала хорошему исполненію плановъ. Черезъ его руки прошли милліоны денегъ. Онъ никогда не любилъ деньги, какъ деньги, и онѣ такъ же широко лились отъ него, какъ и приливали къ нему.

И въ результатѣ нужно было добывать деньги, чтобы похоронить его.

Такъ прошла вся жизнь Н. Г. Такъ же необыкновенно, смѣло и фантастично было его выступленіе въ печать... Это тоже одинъ изъ порывовъ, внезапная идея, недовершенная Николаемъ Георгіевичемъ въ мѣру роста отпущеннаго ему таланта.

Въ возрастѣ около 40 лѣтъ, инженеръ, помѣщикъ, земецъ консервативныхъ взглядовъ, выступилъ съ «Дѣтствомъ Темы», яркимъ, ароматнымъ, необыкновенно нѣжнымъ произведеніемъ. Я не хочу слѣдить за его дальнѣйшей литературной карьерой. Быстро потухая и ярко вспыхивая, она шла все время, въ перемежку съ той бездной идей и плановъ, которые постоянно вспыхивали и потухали: онъ не успѣлъ сдѣлаться присяжнымъ литераторомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимала это исконная русская литература, неотступно и безраздѣльно овладѣвавшая русскимъ писателемъ. Н. Г. Михайловскій писалъ удивительно, какъ удивительно было все то, что онъ дѣлалъ. Мнѣ приходилось не разъ присутствовать при возникновеніи его литературныхъ замысловъ. Это были блестящія вспышки огня. Тутъ же, на моихъ глазахъ, идея принимала художественную форму, и такъ увлекательно развертывалась предо мной художественная ткань разсказа. Стихійная сила сидѣла въ немъ, онъ писалъ, какъ поетъ птица, какъ пахнетъ цвѣтокъ, и я мало знаю писателей, у которыхъ такъ легко создавались-бы образы и такъ неизбѣжно принимало бы художественныя формы все то, что выливалось въ словахъ. Въ этомъ была особенность литературнаго творчества Н. Г. Въ этомъ заключалась и слабость его. Какъ и во всемъ, исполненіе не всегда соотвѣтствовало замыслу. «Вылеживаніе» темы, долгая кристаллизація замысла, упорная, медлительная работа, кованіе формы, вся та черная работа, которая лежитъ въ писательскомъ трудѣ, были чужды ему, непривычны, до извѣстной степени претили ему. И здѣсь его больше интересовали мысли, планы, чѣмъ исполненіе. И опять это не было однимъ фейерверкомъ. Тема не покидала его. Разъ тема овладѣвала имъ, онъ работалъ лихорадочно, отбрасывая всѣ дѣла, которыя несмѣтною толпою кружились около него, работалъ, не отрываясь, превращая ночь въ день, наконецъ, сдавалъ рукопись въ редакцію и несся на курьерскомъ поѣздѣ на Уралъ, въ Сибирь, къ одному изъ своихъ неотступныхъ дѣлъ... А потомъ со станцій летѣли телеграммы, гдѣ онъ просилъ измѣнить фразу, передѣлывались или вставлялись цѣлыя сцены, иногда чуть не полъ-главы, и, пока онъ доѣзжалъ до мѣста и новое дѣло охватывало его, разсказъ или повѣсть оказывались передѣланными. Насколько мнѣ извѣстно, это былъ единственный русскій писатель, по телеграфу писавшій свои произведенія. И именно въ послѣднее время его потянуло къ литературѣ наиболѣе властно, и работа, на которой онъ умеръ,—«Инженеры»—раздвигалась все шире, все росла въ своихъ размѣрахъ.

Онъ не сдѣлался и политическимъ дѣятелемъ, настоящимъ политическимъ дѣятелемъ, всецѣло захваченнымъ опредѣленнымъ кругомъ идей и тѣхъ, какими сдѣлала русская жизнь за послѣдніе три года самыхъ тугоуздыхъ людей. Онъ считалъ себя соціалъ-демократомъ. Я не знаю, насколько онъ былъ твердъ въ своемъ катехизисѣ, но, несомнѣнно, и здѣсь его не столько интересовали пути и методы, сколько захватили тѣ художественныя перспективы и грандіозные планы, которые развертывалъ соціализмъ въ будущемъ. Въ одномъ онъ былъ твердъ и крѣпокъ,—въ своемъ глубокомъ демократизмѣ. Человѣкъ необыкновенной искренности, онъ порвалъ сразу и навсегда со всѣмъ своимъ прошлымъ, его глаза и сердце были обращены впередъ, къ свѣтлому демократическому будущему Россіи. Когда онъ развивалъ свои широкіе планы, то всегда привходилъ одинъ конецъ: «Тогда мы устроимъ вотъ что... Тогда мы будемъ сильны!»

Я не берусь въ короткой замѣткѣ возстановить образъ этого рѣдко талантливаго, богато одареннаго русскаго человѣка, легко и безудержно разбрасывавшаго во пути, направо и налѣво, данныя ему отъ природы и такъ легко доставшіяся отъ жизни богатства. И, быть можетъ, не будетъ парадоксомъ сказать, что въ этомъ богатствѣ и въ исключительной удачливости Н. Г. лежали плюсъ и минусъ его жизни. Ему не приходилось проходить суровую школу бѣдности и труда, ему не было необходимости заниматься черной работой жизни. Сами собой приходили къ нему деньги, быстро и блестяще создавалась его инженерская карьера, сразу, первымъ произведеніемъ получилъ онъ широкую извѣстность въ литературѣ. И, быть можетъ, это чрезмѣрное богатство натуры, эта легкость, съ которой получались и разбрасывались богатства, помѣшали ему въ должной мѣрѣ использовать дары, отпущенные ему природой.

Это былъ художникъ-мечтатель. Такимъ онъ былъ въ литературѣ, такимъ онъ былъ въ своей инженерской дѣятельности, такимъ былъ въ жизни. При томъ мечтатель съ необыкновенной фантазіей и необыкновенно быстро реализировавшій свои мечты, не знавшій и не признававшій препятствій къ немедленному осуществленію, какъ бы ни фантастичны казались онъ. Подходило Рождество, люди говорили о елкахъ... Въ лѣсу, въ чащѣ запидевѣшихъ деревьевъ устраивается «елка». Огромная ель, не срубленная, тутъ же въ лѣсу растущая, роскошно декорируется, горятъ свѣчи, пылаютъ кругомъ костры, устраивается грандіозный пикникъ, на который приглашаются сотрудники Н. Г., его рабочіе, крестьяне изъ сосѣдней деревни. Можно было бы исписать цѣлыя страницы такими примѣрами этихъ необыкновенныхъ фантазій, вспыхивавшихъ, какъ огни, и немедленно приводившихся въ исполненіе. Такъ жилъ въ вѣчныхъ мечтахъ, горѣвшій вѣчными планами, обладавшій необыкновенными фантазіями, Николай Георгіевичъ Михайловскій.

По натурѣ онъ былъ эллинъ, блестящій и изящный, словно вышедшій оттуда, изъ блестящихъ временъ расцвѣта Аѳинъ, безумно любившій красоту и художественность жизни, эллинскую красоту... И необыкновенно жизнерадостный, ненасытно жадный къ жизни... Всю жизнь, не отрываясь, пилъ онъ жадными глотками чашу жизни, ему мало было той жизни, какою жили другіе люди, ему мало было 24 часовъ въ сутки. И нерѣдко, мѣсяцами онъ спалъ два-три часа въ сутки для того, чтобы увеличить количество жизни. То были не кутежи,—Н. Г. почти не пилъ, то была кипучая жизнь, то были планы безъ конца, то были дѣла—мечты. Нервы натягивались, какъ струны, и не было отдыха натянутымъ, звенящимъ струнамъ.

Оттого онъ и умеръ. Только два года назадъ, передъ его отъѣздомъ въ Манчжурію, я, по просьбѣ его, устроилъ консиліумъ въ Ялтѣ. Мы всѣ, выслушивавшіе его, единогласно признали его сердце здоровымъ и, помню, вынесли діагностику «молодого сердца». Вскрытіе подтвердило отсутствіе измѣненій въ сердцѣ, и, повидимому, смерть произошла отъ чрезмѣрнаго переутомленія сердца и нервной системы, не знавшихъ отдыха въ послѣднее время...

Было что-то обаятельное въ этой чуткой, тонкой, нервной, художественной натурѣ, удивительно нѣжной и поразительно искренней. Такимъ останется Николай Георгіевичъ Михайловскій въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, кто успѣлъ близко вглядѣться въ него.

С. Елпатьевскій.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу ссыльныхъ: черезъ В. Кудашеву, собран. въ г. Сочи—76 р. 50 к.; отъ Диножени, изъ Ростова на Дону — 2 р., изъ Бирска—38 р.: отъ д-ра А. В. Н.—5 р.: отъ И. В. С. — 15 р.; отъ А. С.—7 р. 10 к.; отъ Е. Львовой — 3 р.; собран. С. Конпалъ—20 р. 45 к.; отъ разныхъ лицъ, черезъ В. Бобровскаго—5 р.; отъ зем. фельдш. М. Афанасьева — 20 р.; отъ неизвѣстнаго—3 р.; отъ Н. М. Г.—10 р.; черезъ И. М. Г. — 5 р.; отъ И. И. Боброва—25 р.; отъ проф. Алова, изъ Ново-Александріи—70 р.; отъ П. — 20 р.; отъ сибирячки — 2 р.: отъ В. А. Щ—ва—2 р.

Итого . . . . . 329 р. 05 к.

Въ пользу безработныхъ: отъ неизвѣстнаго—3 р.; отъ сибирячки—2 р.

Итого . . . . . 5 р.

На школу Г. И. Успенскаго: отъ И. И. Боброва—25 р.

Отчетъ пожертвованій, поступившихъ въ пользу голодающихъ крестьянъ въ разныхъ губ. въ 1906 г.

Оставалось на 1 января въ конторѣ 986 р. 83 к. Поступило за 1906 г. отъ А. Михайловой—5 р.; И. Михайлова—5 р.; Милицы—1 р.; Нины—1 р.; Зои—1 р.; Вѣры—1 р.; З. Аргуновой—1 р.: Володи—3 р.; А. Жупанова — 1 р.; А. Шольянъ—1 р.; Б. Хаймовичъ—3 р.; Коникова—50 к.; М. Владина—1 р.; Н. Полякова—3 р.; И. Шнеевейсъ—2 р.; Х. Эй—2 р.; отъ Ровенскаго, изъ Харбина — 7800 р. 60 к.: отъ в-ча Каменскаго—50 р.; черезъ в - ча П. Яценко—26 р. 45 к.; отъ Л. Гржановскаго, со ст. Константиновской—5 р.; отъ кружка народн. учит., изъ Одессы—15 р.; отъ М. Демченко, со ст. Грабаровки—6 р.; отъ разныхъ лицъ изъ Харбина—225 р. 63 к ; отъ Ровенскаго, изъ Харбина—1867 р.; отъ Боджарова, изъ Харбина—818 р. 20 к.: отъ в—ча Каменскаго—20 р.; отъ сестеръ Над—скихъ — 5 р.: отъ Васильевскаго муж. уч-ща въ Полтавѣ—3 р.; отъ N— 3 р.; отъ в-ча П. Чистякова, изъ с. Курашинскаго—2 р.; черезъ П. Ошарова, изъ Канска—150 р.; отъ В. П., А. Н. и Ю. В. Колодчевскихъ—25 р.; отъ редакціи газ. «Харьковскій Листокъ»— 20 р. 93 к.; отъ прихожанъ Бухтормінскаго прихода, Усть-каменогорскаго уѣзда—6 р.; отъ П. Клюшника, со ст. Александрополь—15 р.; отъ в-ча 17-го Вост. Сибир. стрѣлк. полка В. М. Гаккебушъ, передан. въ распоряженіе В. Г. Короленко—284 р.; отъ Е. Львова—3 р.; отъ в-ча Кохановскаго, изъ Урумчи — 88 р. 50 к ; отъ причта Александр.-Невской больничной церкви въ г. Перми—2 р.; отъ П. Іюдиной, изъ Костромы—300 р.; отъ Г. Халецкаго, изъ Вязьмы—3 р.; изъ Харбина—167 р. 20 к.; отъ Е. Калугина, изъ г. Осы—9 р. 75 к.; отъ Боджарова, изъ Харбина—26 р. 45 к.; отъ Страшевскаго кружка любит. драмат. искусства, черезъ М. Соколова—10 р. 60 к.; черезъ А. Яковлеву—112 р. 45 к.; отъ Е. Л.—3 р.; отъ полковника Охлебинскаго, изъ г. Асхабада—4 р. 30 к.; отъ неизвѣстнаго, изъ Орла—1 р. 75 к.; отъ Х.—2 р.; отъ Э. Д.—20 р.; отъ А. И. М.— 10 р.; отъ З. Іосифа, изъ Іюриха—10 р.; черезъ А. Яковлеву— 33 р. 33 к.; со ст. Златоустъ—25 р.; отъ Боджарова, изъ Харбина—121 р.; отъ Е. Б.—5 р.; отъ N. N. и Х.—5 р. 03 к.; отъ М. О.—2 р.; отъ подписчика № 9669—7 р. 50 к.; отъ лѣсныхъ чиновъ Красноярскаго лѣсничества—3 р. 70 к.; черезъ П. Захарянца—25 р.; отъ Н. Наймушина—10 р.; отъ Н. В. З. изъ Холма — 10 р.: отъ А. Аридтъ и М. П. — 17 р.; отъ Воли и Миши—10 р.; отъ семьи Виноградовыхъ, изъ с. Дятькова—6 р.; отъ И. И. Боброва—25 р.; отъ N. N. и Х. за X и XI 1906 г.,— 6 р.; отъ Е. Друри, Алупка—10 р.; отъ сибирячки—2 р.; отъ политехниковъ, вмѣсто вѣнка умершему товар. Ивановскому— 20 р. 55 к.; черезъ Политехническій институтъ—38 р. 19 к.

Итого . . . . . 13522 р. 44 к.

Передано, черезъ Н. Ѳ. Анненскаго, въ комитетъ по оказанію помощи голодающ. при В. Э. О. . . . 4374 р. 84 к.
Послано черезъ О. Яковлеву въ Тульскую губ. 400 р.
Послано въ Рязанскій комитетъ обществ. помощи голодающимъ . . . . . 2166 р. 50 к.
Послано въ Пироговское общество врачей (Д. Н. Жбанкову) . . . . . 3000 р.
Послано г-жѣ Куприяновой въ Казанскую губ. . 3581 р. 10 к. 13522 р. 44 к.

Контора «Русскаго Богатства», при подпискѣ и доплатахъ, проситъ руководствоваться прилагаемыми образцами. Это избавитъ отъ ошибокъ, происходящихъ вслѣдствіе того, что почтовые штемпеля, попадая на адреса, совершенно ихъ закрываютъ.

Подписка.

Прилагая р. к., прошу высылать „Рус. Бог.“ въ теченіе 1907 г.

Имя:

Отчество:

Фамилія:

Городъ или станція:

Губерніи:

Уѣзда (или ул. и домъ)

(или *ж. д.*)

Мѣсто почтоваго штемпеля.

Доплата:

№ бандероли.

Прилагаю:

2-й взносъ р. к.

3-й взносъ р. к.

Имя:

Отчество:

Фамилія:

Городъ

Губернія:

Уѣздъ:

(или *ж. д.*)

Мѣсто почтоваго штемпеля.

Издательство „НАРОДНЫЙ ТРУДЪ“.

(С.-Петербургъ, 6 Рота, 10).

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ. „Народно-Соціалистическое Обозрѣніе“ — выпускъ первый. **Содержаніе:** О народно-соціалистической партіи. В. Мякотина. — Революція наоборотъ. А. Пѣшехонова. — Предъ смертью (стих.). Тана. — Заплечный гуманистъ. А. Петрищева. — Хроника. — Проектъ программы и организаціи народн.-соц. партіи.

СБОРНИКЪ ВТОРОЙ. „Народно-Соціалистическое Обозрѣніе“ — выпускъ второй.—**Содержаніе:** Вопросъ о выкупѣ. А. Пѣшехонова.—Цѣна свободы. Тана. — Орденъ тайныхъ рыцарей. А. Петрищева. — „Хозяева“ университета. В. Мякотина.—Хроника.

СБОРНИКЪ ТРЕТІЙ. „Трудовой Народъ“—выпускъ первый. **Содержаніе:** Рабочая программа н.-с. партіи. А. Пѣшехонова.—Погоня за сильною властью. А. Петрищева. — Въ судѣ. Тана.—Наши законодатели. М. Г-на.—Хроника.

СБОРНИКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. „Трудовой народъ“—выпускъ второй. **Содержаніе:** Организація народныхъ силъ. А. Пѣшехонова.—Нуженъ-ли рабочій съѣздъ. М. Гутмана.—Безработица. П. Тимофѣева.—Хроника.

СБОРНИКЪ ПЯТЫЙ. „Народный Трудъ“—выпускъ первый. **Содержаніе:** Отчего общество не успокаивается. С. Елпатьевскаго.—О судьбахъ партіи. „Мы—Россія“. А. Петрищева.—Какъ заваривается каша. П. Т.—Съѣздъ трудовой группы. Ст. Ан—на.—Хроника.

СБОРНИКЪ ШЕСТОЙ. „Народный Трудъ“ — выпускъ второй. **Содержаніе:** Передъ новой Думой. С. Елпатьевскаго. — Въ чемъ наше расхожденіе. А. Пѣшехонова.—Кое-что о черной сотнѣ. А. Алтійскаго. — Одна изъ демонстрацій рабочаго вопроса. К. П—ва.—Хроника.

СБОРНИКЪ СЕДЬМОЙ. Содержаніе: Передъ вторыми выборами. А. Петрищева.—О нѣкоторыхъ особенностяхъ русской революціи въ прошломъ. С. Елпатьевскаго. — Деревня на скамьѣ подсудимыхъ. В. І. Дмитріевой.—Хроника.

СБОРНИКЪ ВОСЬМОЙ. Содержаніе. О демократической тактикѣ. А. Петрищева.—О нѣкоторыхъ особенностяхъ нашихъ задачъ въ будущемъ. С. Елпатьевскаго.—Правёжъ. А. Пѣшехонова.—Съ перваго партійнаго съѣзда. В. Ивановича.—Хроника.—Докладъ жандармскаго ротмистра Пѣтухова.

Цѣна каждаго сборника

20 коп.

Съ требованіями обращаться: въ контору журнала «Вѣсть» (Спб., 6-я рота, д. 10) и въ складъ изданій «Русскаго Богатства» (Спб., Баскова, 9).